

Национальный заповедник "София Киевская"

Библиотека Софии Киевской

СУГДЕЙСКИЙ СБОРНИК

ВЫП. II

серия основана в 2004 г.

Киев – Судак

2005

Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак: “Академперіодика”, 2005. 713 с.

Председатель редакционного совета:

Н.М. Куковальская – генеральный директор Национального заповедника “София Киевская”, член-корреспондент Украинской академии архитектуры

Ответственный секретарь:

А.М. Фарбей – зав. музеем “Судакская крепость”, к.и.н.

Редакционный совет:

С.Д. Крыжицкий – член-корреспондент НАН Украины, профессор

А.П. Моця – член-корреспондент НАН Украины, профессор

В.М. Зубарь – д.и.н., профессор

Н.Н. Никитенко – д.и.н., профессор

Ю.В. Павленко – д.и.н., профессор

Редакционная коллегия:

И.Е. Марголина – зам. ген. директора НЗ “София Киевская”, к.и.н.

В.В. Майко – ведущий научный сотрудник НЗ “София Киевская”, к.и.н.

Н.И. Жарких – ведущий научный сотрудник НЗ “София Киевская”, к. хим. н.

А.В. Джанов – старший научный сотрудник НЗ “София Киевская”

М.В. Панченко – старший научный сотрудник НЗ “София Киевская”

Рецензенты:

д.и.н., профессор *С.Б. Сорочан*

д.и.н., профессор *В.М. Рычка*.

Рекомендовано к печати решением ученого совета Национального заповедника “София Киевская”; прот. № 8 от 07.12.2005 г.

Второй выпуск Сугдейского сборника продолжает публикацию работ, посвященных истории и археологии древнего и средневекового Крыма, его торговым, этническим и культурным связям с Русью, Европой, Причерноморьем и Византией. Основу сборника составляют материалы международной конференции “Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре”, проводившейся Национальным заповедником “София Киевская” на базе его отдела “Судакская крепость” 13–16 сентября 2004 г. Продолжает развиваться рубрика “Научное наследие”, знакомящая читателей с материалами исследований, не попавшими в свое время в научный оборот и предлагающая обзор современных взглядов на соответствующую тематику.

Издание предназначено для специалистов в области истории, археологии, этнографии и прочих профильных дисциплин, а также для всех, кто интересуется проблемами истории и культуры.

© НЗ “София Киевская”, 2005 г.

© Издательский дом “Академперіодика”, 2005 г.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАПОВЕДНИКА “СОФИЯ КИЕВСКАЯ” Н.М. КУКОВАЛЬСЬКОЙ

13–16 сентября 2004 года на базе отдела Национального заповедника “София Киевская” — музея “Судакская крепость” была проведена вторая Судакская международная научная конференция. Наиболее заметным ее итогом является сборник, который Вы, уважаемый читатель, держите в своих руках. Заповедник, объединяющий выдающиеся памятники истории, археологии и архитектуры в последнее время все интенсивнее развивает научно-исследовательское направление своей деятельности, и значительное место в этом процессе отведено изучению древностей средневековой Сугдеи. Что же представляет собой Судак археологический сегодня.

В 2003 году Кабинетом Министров Украины была утверждена Комплексная программа охраны объектов Национального заповедника “София Киевская” на 2003–2010 годы (постановление № 624 от 26.04.2003 г.). Важной ее частью была программа архитектурно-археологических исследований Судакской крепости, где впервые исследования городской застройки средневековой Сугдеи-Солдаи определялись как приоритетные. Известно, что до недавнего времени, в связи с реставрационными работами, основные археологические исследования в Судакской крепости осуществлялись на объектах по периметру обороны. Другим элементам средневековой городской инфраструктуры, включая посад, внимание уделялось эпизодически, в связи с памятникоохранными мероприятиями или строительными работами. Целью же современных исследований является воссоздание исторической среды средневекового города. Это можно считать вполне перспективной задачей, поскольку именно такой подход обеспечивает комплексное изучение открываемых впервые и ранее известных объектов, пополняя, к тому же, экспозиционную базу музея.

Для выполнения этих заданий и для развития научно-исследовательского потенциала Заповедника еще в 2002 г., в соответствии с резолюцией первой Судакской международной конференции от 22 сентября 2002 г. была создана Судацкая археологическая экспедиция. За три года ее работы достигнуты значительные результаты.

Впервые начались исследования цитадели средневекового города, представлявшей собой комплекс оборонительных сооружений, защищавших узкую полосу скалы вдоль гребня Крепостной горы. В целом цитадель состоит из линии крепостных стен с тремя боевыми башнями и четырьмя куртинами, комплекса т.н. Консульского замка и башни, расположенной отдельно, на вершине Крепостной горы. Исследования архитектурно-археологических объектов цитадели осуществлялись еще в 1928 г. под руководством Ю.В. Готье. Кроме иссле-

дований т.н. Георгиевской башни, которым уделялось главное внимание, были зафиксированы остатки кладок жилищной застройки.

На сегодняшний день силами Судакской экспедиции открыто уже семь пристроенных друг к другу жилищных сооружений оригинальной конструкции, составляющих внутреннюю застройку цитадели. Выяснено, что в несколько перестроенном виде сооружения функционировали и в турецкое время. Во время исследований получен интересный археологический материал.

На месте посада средневекового города, вблизи крепостных стен на территории Медико-реабилитационного центра "Сокол" в 2003–2004 гг. полностью раскопана средневековая баня, по состоянию сохранности не имеющая себе равных не только на Крымском полуострове, но по всему Северному Причерноморью. Строительство комплекса можно отнести к середине XV ст. Судя по всему, здание состояло из шести квадратных помещений, перекрытых купольными сводами. В восточной части комплекса располагалось вытянутое в плане прямоугольное помещение, перекрытое вдоль своей оси коробовым сводом. Уникальность конструкции и степень сохранности памятника уже привлекли внимание архитекторов-реставраторов.

Кроме того, Судакская экспедиция осуществляла охранные археологические исследования в северо-западной части посада средневекового города, у подножия цитадели Сугдеи-Солдайи. Полученный материал позволил сделать выводы относительно характера городской застройки на этом участке.

Нельзя не вспомнить и о подводных разведках в бухте ранне-средневековой Сугдеи, осуществляемых уже второй сезон. Значительно пополнена уникальная коллекция свинцовых печатей-моливдулов и других изделий, которые станут украшением экспозиции музея. Это заметно расширяет наши представления о ранневизантийском этапе истории Сугдеи.

Одним из самых интересных объектов, частично исследованных на территории города является христианский храм, согласно свидетельствам письменных источников посвященный Деве Марии. Он расположен на городской площади, выходя фасадом на одну из главных улиц средневековой Солдайи. Сооружение было выявлено Ю.В. Готье в 1926 г. Некоторое время спустя, в 1929 г. он заложил вдоль него разведочный шурф. В 1981–1984 гг. исследования храма продолжила экспедиция отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР под руководством И.А. Баранова. Однако, не связанные с реставрационными мероприятиями исследования храма носили ограниченный характер и не нашли своего завершения. Не законсервированные участки памятника начали быстро разрушаться под воздействием природных факторов.

Храм Девы Марии представляет собой сооружение базиликального типа размерами 20,5×10,0 м с прямоугольным в плане алтарем. На отдельных исследованных участках стены храма сохранились до 3 м высотой. Высота ленточного фундамента, построенного из боль-

ших каменных блоков, достигает 2 м. Южная и северная стена храма укреплены шестью контрфорсами. Здание сохранилось до уровня окон, следы от которых до сих пор заметны в северной стене и в алтарной части. В южной стене сохранился дверной проем шириной до 1 м. При исследовании слоев, синхронных разрушению храма, были исследованы фрагменты оштукатуренных блоков с остатками фресковой росписи. Во внутренней части храм был разделен на две равные половины подпружными арками, опирающимися на пилястры. Кроме того, в западном и восточном углах нефа зафиксированы пилястры на которые опирался крестовидный нервюрный свод храма. Под полом было исследовано шесть погребений. Четыре из них имеют сводчатые перекрытия. На плите перекрытия одной из могил было прочерчена латинская надпись и родовый герб генуэзского рода Диметрио де Трави.

В соответствии с утвержденной программой, в 2004 г. археологические исследования храма “Девы Марии” были возобновлены. Работы осуществлялись силами объединенной экспедиции Крымского отделения Института Востоковедения НАН Украины и Национального заповедника “София Киевская” (руководитель работ кандидат исторических наук В.Г. Тур).

В 2004–2005 гг. впервые были исследованы помещения, расположенные к югу от “храма Девы Марии”, которые и составляли один из центральных жилых кварталов средневекового города. Как и предполагалось, здания оказались не единовременными. Исследовано четыре жилых и хозяйственных здания турецкого периода XVI — начала XVIII ст. Возникли они на развалинах крупного здания конца XIV — XV вв., окончательное исследование которого запланировано на 2006 г. Вдоль северной и южной стен храма в 2005 г. начато исследование некрополя, имевшего каменное ограждение с северной стороны. Исследовано 63 захоронения в грунтовых могилах, совпадающих по времени заложения с функционированием храма. Получено достаточно интересный, а, самое главное, хорошо датированный погребальный инвентарь.

Исследования на этом участке будут продолжаться. Их окончательная цель — открытие околхрамового квартала города. Археологические раскопки данного объекта существенно пополнили материалами фонды музея. Исследование сложного многослойного участка жилищной застройки средневекового города, включая храмовый комплекс с окружающими сооружениями, позволит от предположений перейти к детальному изучению истории Сугдеи-Солдайи. Уже сегодня этот один из немногих открытых для экспонирования объектов привлекает внимание туристов.

Во всех исследованиях, продолжающихся и сейчас, принимают участие студенты Киевского Национального Университета, а также студенты российских вузов из Петрозаводска, Мичуринска, Вологды и др. Проходя археологическую практику, предусмотренную в учебных планах, они имеют уникальную возможность под руководством

квалифицированных специалистов приобрести необходимые навыки полевых и камеральных работ.

Археологические исследования Сугдеи-Солдаи находятся в тесной связи с археологическим, историческим, архитектурным и искусствоведческим изучением причерноморского региона, его места в истории и культуре Востока и Запада. Собственно это и определяет состав и тематическую направленность Сугдейского сборника. Целый ряд статей посвящен археологии Крыма, Северного Причерноморья, Руси. В других работах они рассматриваются с точки зрения политической, экономической, этнической истории.

Публикации интересных материалов, а также связанных с ними идей и открытий предлагаются в области топонимии, эпиграфики, нумизматики и сфрагистики.

Специальным логическим блоком представлены работы касающиеся правовых, исследовательских и технических аспектов охраны памятников и их исторической среды.

Рубрика “Научное наследие” традиционно посвящена малоизвестным, а также незаслуженно забытым страницам, представляющим значительный интерес для истории науки. В этом выпуске публикуется ряд статей, связанных единой тематической линией – исследованиям “Храма с аркадой” в Судакской крепости, предлагая ретроспективный и современный взгляд на связанную с ним проблематику.

Подводя итог, нужно заметить, что древняя, богатая загадками история нашей земли ставит перед нами широкие задачи по ее изучению. Хочется выразить надежду, что предложенная серия послужит весомым взносом в историческую науку и привлечет внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей.

*Генеральный директор
Национального заповедника
“София Киевская”*

Н.М. Куковальская

**ДОЛЖНОСТЬ ЕК PROSOROU ХЕРСОНА В СТРУКТУРЕ
ВИЗАНТИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ТАВРИКИ**

В списке должностных лиц византийской администрации Херсона, выделяется одна из должностей, роль и значение которой в городском управлении еще не получила достаточного освещения в современной литературе. Речь идет об ек prosorou Херсона. Среди херсонских памятников сфрагистики они представляют достаточно редкую группу, состоящую всего лишь из 5 экземпляров. Причем все они относятся к одной паре матриц и, следовательно, принадлежат одному владельцу.

Впервые печать херсонского ек prosorou издал G. Schlumberger, которая попала в его коллекцию от барона Baue, привезшего из Херсона несколько византийских печатей [Schlumberger 1916, p. 36, nr. 306]. Еще один экземпляр из коллекции С. Orghidan, видимо, происходит из находок на территории Румынии и известен по публикации V. Laurent [1952, p. 109–110, nr. 202]. В свое время оба моливдовула были включены в каталог херсонских печатей И.В. Соколовой [1983, с. 153, nr. 24–24a]. Позже стал известен новый экземпляр, находившийся в коллекции G. Zacos [Zacos II, p. 401–402, nr. 887]. Еще две печати были обнаружены в последние десятилетия XX в. на территории Херсонесского городища, однако до сего времени они не были введены в научный оборот.

На лицевой стороне печатей присутствует широко известный для византийской сфрагистики тип — погрудное изображение Богоматери Никопеи, держащей перед грудью медальон с образом младенца Иисуса Христа, вокруг которого расположена традиционная надпись, обращения к божественной помощи: Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλω.

На реверсе надпись в пять строк, содержащая имя, ранг, должность и место службы владельца (рис. 1: av – rv).

Рис. 1. Печать ек prosorou Херсона (av - rv).

Как уже не раз отмечалось, моливдовулы с аналогичным сфрагистическим типом исследователи склонны датировать второй половиной IX — началом X в. [Laurent 1981, nos. 329, 365bis, 474, 902; Zacos, Veglerу 1972, p. 707–708, 1442; Nesbitt, Oikonomides 1991, p. 189, nr. 82. 21; Зайбт, Зайбт 1995, с. 92].

Таким образом, сфрагистический тип и шрифт с использованием характерных знаков сокращения позволяют отнести данные моливдовулы к памятникам конца IX – начала X в.

В византийских документах X–XII вв. чиновники *ek prosorou*, буквальное название которых означает “действующие от лица такогото”, “помощники-заместители” или “исполняющие обязанности” упоминаются относительно часто. В табелях о рангах они занимают место за стратигами фем и принадлежат, как правило, к классу императорских протоспафариев [Oikonomides 1972, p. 41, 105²⁵, 145²⁸, 249²⁹]. Следует отметить, что *ek prosorou* в “Клиторологии” Филофея указаны только для восточных фем. Ф. Успенский усматривал в них таможенных надсмотрщиков и сборщиков податей [1899, с. 135]. Н. Beck предлагает видеть в нем выполняющего обязанности заместителя чиновника финансового или налогового ведомства [Beck, 1956, s. 77, 159, anm. 64]. Непосредственное отношение должности к сбору налогов отмечает и Р. Lemerle [1960, p. 92–93]. Н. Glykatzi-Ahrweiler приводит данные, которые четко согласуются с известиями Кекавмена, что с XI столетия термин *ek prosorou* используется в значении “фискальный чиновник” [1960, p. 41–42]. Этой же мысли придерживается и Г.Г. Литаврин [2003, с. 126]. В тоже время N. Oikonomides отмечает более широкое значение носителей этой должности и помещают его среди высших провинциальных чиновников [1996, p. 90].

В основе своей этот термин означал лиц, которым вышестоящее должностное лицо вверяло свои полномочия и позволяло действовать от своего имени в течение определенного времени в границах того или иного региона [Oikonomides, 1972, p. 342]. А. Rambaud видел в этих чиновниках представителей императорской власти, временно назначенных руководителями в провинции или районы империи [1870, p. 197–198]. М. Mitard, ссылаясь на один из пассажей в Тактике Льва [с. IV, § 7], где *ek prosorou* представляется не-кем иным как управляющий императорских провинций в первые века империи (как *legatus Augusti*), отмечает, что эти чиновники были как стратиго-помощники (замещающие), уполномоченные в функциях стратига, обладавшие их полномочиями, но не имевшие ни названия, ни звания стратига [1903, p. 594].

Следует отметить наличие в византийской административной практике весьма широкого диапазона *ek prosorou*: от императоров до чиновников и представителей клира самых различных рангов [Mitard, 1903, p. 594–596; Bury, 1911, p. 46–47; Guiland, 1971, p. 75; Литаврин, 1960, с. 305–306; Oikonomides, 1972, p. 342; Mango, Scott, 1997, p. 616]. Известны *ek prosorou* и по памятникам сфрагистики [Mordtmann 1880, p. 85, nr. 3; Schlumberger, 1884, p. 576–578, nos. 1–9;

Панченко, 1908, с. 98–99, № 289(285); Secășanu 1938, p. 5–6; Maslev 1955, p. 455, nr. 10; Laurent 1981, p. 228, 237–239, 295–296, 369, 495, nos. 464–465, 479–482, 590–591, 714, 929], часть из них принадлежит ek prosorou фем [Zacos, Veglery, 1972, p. 1006, 1043, 1083, 1414, 1433–1434, 1752, 1794, nr. 1759, 1831, 1919, 2627, 2668, 3129, 3228; Zacos, 1984, p. 120, nos. 167; Pennas 1990, p. 167, nr. 1; Nesbitt, Oikonomides, 1991, p.157 (note), nos. 12.4, 71.6; Nesbitt, Oikonomides, 1994, nr. 59.4; Nesbitt, Oikonomides, 1996, nos. 68.1, 86.19, 86.21; McGeer, Nesbitt, Oikonomides, 2001, nr. 43.1].

Думается, у нас нет оснований сомневаться, что в нашем случае мы имеем дело именно с ek prosorou фемы. Наличие на печати имени Херсона говорит само за себя.

Следует отметить, что должность ek prosorou лишь дважды встречается в истории города. Напомним, что в известном пассаже, связанном с событиями VIII в. о низложении Юстиниана II фигурирует тудун — ek prosorou хазарского хагана в Херсоне [Чичуров, 1980, с. 40]. Второй случай — это рассматриваемые нами печати спафарокандидата Сергия — рубежа IX/X вв. Примечательно, что известны печати с этим именем, принадлежащие не только екпросопу, но и другим должностным лицам Херсона — коммеркиарию, патеру полиса, стратигу. Характерная близость многочисленных печатей с именем Сергия, несмотря на различие рангов и должностей, несомненно, предполагает для определенной части моливдовулов явную принадлежность к одному и тому же персонажу [Соколова, 1983, с. 78; Nesbitt, Oikonomides, 1991, p. 185], который в своей служебной карьере прошел путь от таможенного чиновника до главы фемы.

Очевидно, для введения должности ek prosorou в Херсоне должна была возникнуть особая ситуация. Если принять точки зрения исследователей об их административно-фискальных функциях, то можно было бы считать, что появление этой должности не совсем согласуется с полномочиями института коммеркиариев, действовавшем в это время в Херсоне. Вместе с тем, если признать принадлежность ряда печатей с именем Сергия одному чиновнику, то вполне реалистична картина замены в силу каких-то экстраординарных причин одной должности другой, не меняя самого исполнителя должности, но придав ему новый статус. Хотя редкость самих печатей скорее свидетельствует о некоей локальной необходимости введения этой должности. Например, при проведении какой-либо инспекции или судебного разбирательства, подобно известным по письменным источникам ek prosorou Фессалоники и Стримона Симеону и Феодору Кладону, осуществлявшим проверку владений лавры св. Афанасия и близлежащих монастырей [Литаврин, 1960, с. 50, 306; Литаврин, 1977, с. 28; Oikonomides, 1996, p. 284]. Не исключено, что наш Сергей, будучи коммеркиарием Херсона, также мог быть на какой-то срок назначен специальным фискальным инспектором в Таврике (феме Херсон).

История, к сожалению, не сохранила никаких свидетельств на этот счет. О том, что это могло быть за поручение, можно лишь гадать.

Но сам факт введения этой должности в местную администрацию свидетельствует о ее высокой значимости и важности нашего персонажа, которому было доверено представлять государственные интересы от лица императора или его ставленника в провинции — стратига фемы. Судя по печатям, отражающим служебную карьеру Сергия, видимо, его миссия оказалась вполне успешной, что позволила ему после исполнения обязанностей екс просороу занять пост главы фемы.

Литература

- Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. № 27. Симферополь, 1995.
- Кекавмен.* Советы и рассказы. Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003.
- Литаврин Г.Г.* Византия и Болгария. М., 1960.
- Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство. М., 1977.
- Панченко Б.А.* Каталог моливдовулов. София, 1908.
- Соколова И.А.* Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
- Успенский Ф.И.* Византийская табель о рангах // Известия Русского Археологического Института в Константинополе. III. 1898.
- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феодана и “Бревиарий” Никифора. М., 1980.
- Beck H.G.* Рец. на : J. Verpeaux. Contribution à l'études d'administration // BZ. № 49. 1956.
- Bury J.B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. London, 1911.
- Glykatzi-Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'Empire Byzantin au IX-XI siècles. Athenes-Paris, 1960.
- Guilland R.* Les Logothètes // REB XXIX, 1971.
- Laurent V.* Documents de sigillographie byzantine. La collection C. Orghidan. Paris, 1952.
- Laurent V.* Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin. II. L'administration centrale. Paris. 1981.
- Lemerle P.* Prolegomènes à une édition critique et commentée des “Conseils et récits” de Kékaumenos. Bruxelles, 1960.
- Mango C., Scott R.* The Chronicle of Theophanes Confessor, Oxford, 1997.
- Maslev C.* Vizantijski olovni pečati ot Pliska i Preslav // Bulletin de l'Institut archéologique (Académie bulgare des sciences) 20, Sofia, 1955.
- McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. The East. Washington, 2000. Vol. 4.
- Mitard M.* Études sur le règne de Leo IV // BZ 12, 1903.
- Mordtmann A.* Μολυβδόβουλλα τῆς Δύσεως ἡγουσ τῆς Εὐρώπης // EphS 13, 1880.

- Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art . Washington, 1991. Vol. 1.
- Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art . Washington, 1994. Vol. 2.
- Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1996. Vol. 3.
- Oikonomidès N.* Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. Paris, 1972.
- Oikonomidès N.* Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe – Xe s.), Atnènes, 1996.
- Pennas V.* Byzantine Lead Seals from Chios and Lesbos // SBS 2, Washington, 1990.
- Rambaud A.* L'empire Grec au X-ème siècle, Paris, 1870.
- Secășanu C.C.* Sigilii, și tessere byzantine găin Dobrogea // Răsăritul 7–8, Bucarest, 1938.
- Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884.
- Schlumberger G.* Sceaux byzantin inédits // RN. 1916. Sér. 4. Vol. 20.
- Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. Vol. 1.
- Zacos G.* Byzantine Lead Seals. Berne, 1984. Vol. 2.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ПЕЩЕРНЫХ КОМПЛЕКСОВ ИНКЕРМАНСКОЙ ДОЛИНЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Пещерным комплексам Инкерманской долины в юго-западном Крыму посвящено немало исследовательских и научно-популярных трудов [Могаричев 1997, с. 6–7]. Обращались к ним и мы в своих предыдущих статьях [Бобровский 2001; Бобровский, Чуева 2004]. Предпринимая общий обзор пещерных памятников в данном районе, мы уже высказывали собственное мнение по поводу характера этих сооружений: поскольку наиболее значимые комплексы Инкерманской долины бесспорно являются монастырскими, следует полагать, что совокупность всех пещерных памятников данной местности представляет собой остатки большого средневекового монастырского ансамбля по образу монастырей Ихлара и Гьореме в Каппадокии, Иваново в Болгарии, Давид-Гареджи в Закавказье [Бобровский, Чуева 2004, с. 30]. Попытаемся дополнительно аргументировать это утверждение.

Как упоминалось прежде, в пределах Инкерманской долины фиксируется более двух десятков локальных комплексов пещерных сооружений, расположенных в скальных выступах по обоим берегам р. Черной [Бобровский, Чуева 2004, с. 26–30]. Безусловно монастырскими среди них, и это не оспаривается никем из наших коллег, являются: комплекс сооружений в районе т.н. Армянской церкви (рис. 1: 1); комплекс в западном обрыве Монастырской скалы — т.н. Георгиевский монастырь (рис. 1: 3); комплекс т.н. храма Атки в нижней части южного склона Монастырской скалы (рис. 1: 7); комплекс в районе т.н. церкви св. Евграфия в юго-восточном склоне Монастырской скалы (рис. 1: 8); комплекс на Северной стороне — в борту Мартыновской балки (рис. 1: 18); комплекс т.н. монастыря св. Софии в северо-западном борту Каменоломенного оврага (рис. 1: 20); комплекс у ж/д станции Инкерман-1 (рис. 1: 21); комплекс в устье Георгиевской балки (рис. 1: 24); комплекс в устье Троицкой балки (рис. 1: 25). Еще два предположительно монастырских комплекса располагаются в юго-западной и юго-восточной частях Загайтанской скалы (рис. 1: 9, 12) [Могаричев 1997, с. 21]. То есть без малого половина комплексов интерпретируется в качестве монастырей или скитов.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что все названные комплексы имеют в своем составе помещения пещерных церквей. Если следовать логике “пещерная церковь > монастырь”, логично было бы этот список дополнить и комплексом в крепостном рву Каламиты, интерпретированном почему-то как “привратный храм” крепости [Могаричев 1997, с. 15] (рис. 1: 4). К сожалению, в цитированной работе пещерная церковь в крепостном рву рассматривается в отрыве от соседних помещений, т.е. — вне контекста комплекса. На самом деле, помимо церкви, в крепостном рву близ башни № 4 расположена целая группа вырубных помещений (не менее полутора десятка),

причем помещения эти размещены достаточно компактно в северном борту рва к западу и востоку от башни. К востоку от башни фиксируется несколько полузасыпанных помещений, уточнение характера которых требует археологических раскопок. Несколько проще дело обстоит с западной частью комплекса (рис. 2 А). Здесь расположено более десятка вырубных помещений, расстояние между которыми составляет от 1 до 4 м.

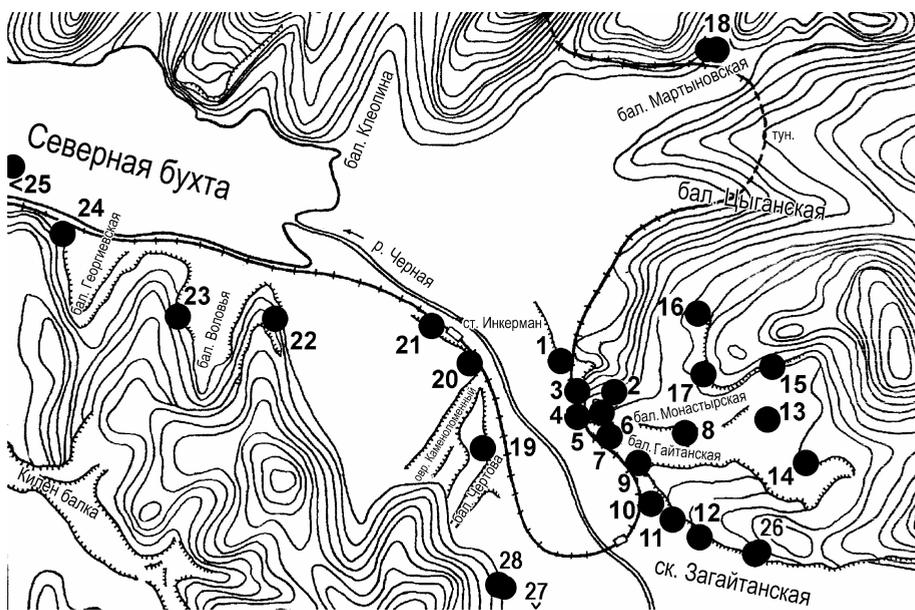

Рис. 1. Схема расположения пещерных комплексов в Инкерманской долине.

Непосредственно у подножия башни размещается помещение упомянутой уже церкви (рис. 2 А: 13). Эта пещера достаточно подробно описана в литературе [Могаричев 1997, с. 15], поэтому остановимся лишь на некоторых деталях ее интерьера. По нашему мнению, под храм в данном случае было переоборудовано погребальное помещение с нишами-костницами в стенах. При перестройке костница юго-восточной стены была преобразована в нишу протезиса, а кости из нее вложены в углубление в полу, интерпретированное Ю. Могаричевым как гробница. Нам кажется, что данное углубление, кроме того, послужило основанием церковного престола, а сам храм, учрежденный на более ранних погребениях, имел мемориальный характер. Ниша в северо-восточной стене помещения, по-видимому, и в этот период продолжала служить костницей.

В 3 м к западу от церкви расположено достаточно большое прямоугольное помещение (4–4,5×3 м) со скальными скамьями вдоль торцевых стен (рис. 2 А: 12). Крупные размеры, наличие скамей и близость к помещению церкви позволяют предполагать здесь остатки монастырской трапезной.

В 2 м к западу от нее в скальном борту рва выполнено небольшое нишевидное помещение с обожженными стенками и сводом (рис. 2 А: 11). Параметры и характер этого объекта позволяют видеть в нем остатки варистой печи, вполне логичной близ помещения трапезной. Непосредственно с запада к ней примыкает широко открытое наружу помещение (2,5×2 м), возможно, служившее монастырской кухней (рис. 2 А: 10).

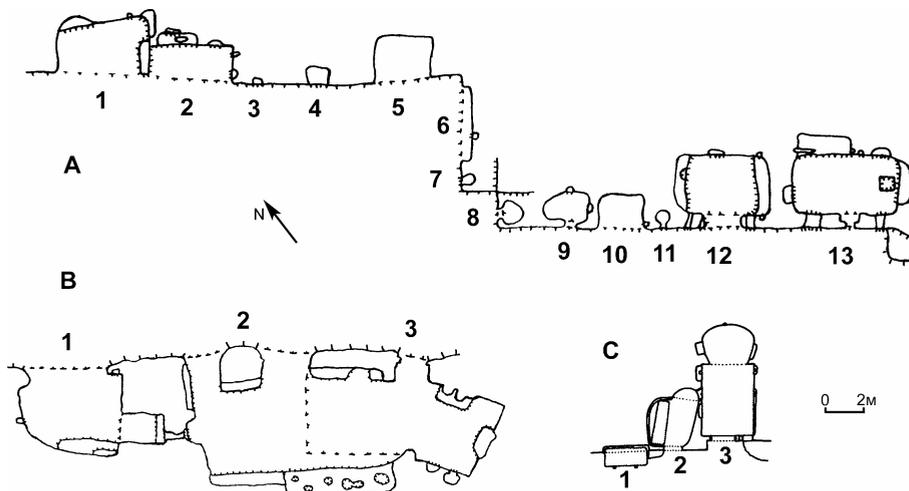

Рис. 2. А - план-схема пещерного комплекса в крепостном рву Каламиты. В - план-схема пещерного комплекса у ж/д станции Инкерман-1. С - план новооткрытого пещерного храма с прилегающими сооружениями на Загайтанской скале.

Далее расположено меньшей площади (2,5×1,5 м) овальное в плане помещение с несколькими небольшими нишами в стенах и узким дверным проемом (рис. 2 А: 9). Не исключено, что здесь была жилая келья. В ней мог обитать монах, отвечавший, в частности, за пропитание братии, — скорее всего, монастырский эконо. В ведении эконома находились, кроме прочего, и средства производства, которые могли сберегаться в следующем к западу помещении — небольшой (1×1 м) камере с нешироким входом, соответственно служившей монастырской кладовой (рис. 2 А: 8).

Западнее, за выступом скального борта рва расположена группа разнохарактерных помещений — небольшой печеобразной ниши, нишевидной врубки и прямоугольной камеры больших размеров (3×2,5 м) (рис. 2 А: 7, 2 А: 6, 2 А: 5). Мы предполагаем, что вся эта группа и пространство перед ней, перекрытые единым навесом, могли служить жилым братским помещением (общей площадью 30–40 кв. м, достаточной для обитания 10 человек), где печеобразная ниша играла роль отопительного очага.

Далее, на расстоянии 7 м в скальном борту рва существуют лишь две ниши невыясненного назначения (рис. 2 А: 3, 2 А: 4), а затем располагаются два крупных (4×2 и 4,5×3 м) смежных помещения с нишами в стенах и следами скальных скамей (рис. 2 А: 2, 2 А: 1).

Здесь мог обитать настоятель монастыря, хранится монастырская казна и библиотека, причем западная пещера могла использоваться и в качестве молитвенного помещения.

Структура описанного комплекса, на наш взгляд, не только указывает на его монастырский характер, но и позволяет интерпретировать саму обитель как общежительную, в которой компактно могло проживать не менее 10–15 человек.

Мы намеренно, до проведения каких-либо археологических исследований этих пещер и прилегающей к ним территории рва, не касаемся вопросов датировки данного комплекса, однако заметим, что его появление едва ли могло быть связано с периодами функционирования Каламиты как крепости, поскольку наличие пещерных укрытий в крепостном рву несомненно ослабляло ее фортификационные достоинства. При этом пещерный храм — предполагаемый меморий — мог быть основан на месте захоронения защитников крепости, получивших статус местночтимых святых-мучеников. Если в ходе дальнейших исследований данное предположение подтвердится, это значительно облегчит решение вопроса о датировке рассматриваемого комплекса.

Помимо указанного, в пределах крепости Каламита расположено еще два пещерных комплекса. Один из них — т.н. Анфилады в верхней части юго-западного склона Монастырской скалы (рис. 1: 6). Здесь мы имеем чрезвычайно сложную структуру, состоящую из множества помещений, компактно расположенных в несколько ярусов и связанных между собой лестничными проходами. Помещения эти снабжены разнообразными нишами, пазами, ямами и углублениями для установки сосудов. Многие из них, безусловно, могут быть интерпретированы как хозяйственные, другие — имеют параметры и элементы жилых сооружений. Некоторые исследователи склонны видеть здесь и остатки пещерной церкви, ныне практически полностью уничтоженной. Считается, что данный комплекс напрямую был связан с функционированием крепости, а его пещеры использовались в качестве складских помещений [Могаричев 1997, с. 13–14]. Не имея археологических свидетельств, это утверждение сложно оспорить. Однако, обращает на себя внимание совершенное отсутствие подобных (по компактности и количеству) пещерных комплексов в пределах прочих аналогичных крепостей Крымского полуострова. С другой стороны, несложно заметить, что в подножии скалы, непосредственно под рассматриваемым комплексом, находится комплекс с т.н. храмом Атки (рис. 1: 7). Отсутствие соединения и промежуточных помещений между этими двумя скальными группами объясняется обвалом средней части скалы, следы которого отчетливо видны. Если в ходе дальнейших исследований данное предположение подтвердится, можно будет рассматривать оба комплекса как единое целое, с уверенностью определяя “Анфилады” частью пещерного монастыря, вероятно, киновиального характера. Более того, в этом случае, как и в случае с комплексом в крепостном рву (как, в конце концов, и в случае с “Геор-

гиевским монастырем”), нелогичное присутствие легких лестничных и других доступов в крепость свидетельствует в пользу невозможности сосуществования (или, по крайней мере, одновременности возникновения) пещер и оборонительных сооружений над ними.

Еще одна группа скальных помещений, имеющих входы со стороны крепости, расположена в верхней части южного склона Монастырской скалы (рис. 1: 4). Пещер здесь несколько, все они имеют вид камерных помещений келейного характера, расположенных изолированно на расстоянии 8–10 м друг от друга под самой кромкой обрыва. Едва ли эти сооружения могли использоваться в качестве дозорных (в противном случае, подобные имелись бы и в других частях крепости). Не исключено, что здесь могли поселиться отшельники одного из соседствующих монастырей, образовав, таким образом, своеобразный скит.

Подобный скит, возможно, существовал и в нижней части южного склона Монастырской скалы, на полпути от “Георгиевского монастыря” к “храму Атки”. Впрочем, здесь помещения расположены более компактно, а, главное, связаны между собой проходами и остатками террас [Могаричев 1997, с. 125–126, рис. 16, 17]. Многоярусность этого комплекса не позволяет видеть в его помещениях только загоны для скота либо другие хозяйственные постройки мирского характера. Кроме того, здешние пещерные интерьеры близки архитектурным особенностям других близлежащих монастырских комплексов, что и определяет, вероятно, их назначение. Кстати, совершенно аналогичное устройство и планировку имеет комплекс № 27 Великой лавры св. Саввы Освященного в Иудейской пустыне [Patrich 1995, p. 99–100].

Как видим, абсолютное большинство комплексов скальных сооружений, расположенных в пределах Монастырской скалы, может быть соотнесено с монашеским пещерничеством. И даже в случаях неопределенности характера отдельных пещерных групп, их логичнее связывать с близлежащими монастырями, нежели с крепостью либо какими-то другими немонастырскими поселениями округи.

Теперь обратимся к Загайтанской скале. Ранее мы локализовали здесь четыре скальных комплекса в южном обрыве, опираясь, преимущественно, на публикации предыдущих исследователей. В ходе визуального обследования местности в сентябре 2004 г. нами было установлено, что комплексов пять. Группа пещерных сооружений и естественных гротов в восточной части южного обрыва скалы, несомненно, представляет собой отдельное образование.

Самый западный из загайтанских комплексов, некогда включавший в себя остатки Вознесенской пещерной церкви, можно без дополнительных оговорок считать монастырским [Могаричев 1997, с. 17–18]. По крайней мере, его составляющие идентичны по своему устройству сооружениям Монастырской скалы и находятся от них на расстоянии всего 50–100 м (рис. 1: 9). Здесь же расположены и остатки еще одного пещерного храма, определяемого Ю. Могаричевым и имеющего, между прочим, планировку, тождественную церкви в каламитском крепостном рву [1997, с. 18].

Следующий (к востоку) комплекс интерпретировать сложнее. Его сильно деформированные эрозией помещения расположены в отвесной скале и недоступны без специального снаряжения (рис. 1: 10). Поэтому что-либо утверждать относительно характера этого комплекса можно будет лишь после дополнительных его исследований.

Еще восточнее расположен чрезвычайно интересный комплекс, может быть, самый большой (по количеству составляющих его помещений) в пределах Загайтанской скалы (рис. 1: 11). Помещения этого комплекса, за исключением самых нижних, также труднодоступны, однако, лучшей сохранности, чем предыдущие. Кроме того, здесь, в подножии склона, фиксируются остатки пещерной церкви [Могаричев 1997, с. 20–21], хотя атрибуция данного конкретного помещения и вызывает сомнения у ряда исследователей.

В ходе осмотра этого участка скалы в 2004 г. нами был обнаружен проход к части верхних помещений комплекса, в результате чего на уровне верхних его ярусов был открыт хорошо сохранившийся пещерный храм с остатками византийской фресковой росписи на своде и стенах. В настоящее время результаты первичного обследования этого объекта готовятся нами к публикации, здесь же мы рассмотрим лишь общий структурный контекст данной находки, необходимый для интерпретации комплекса в целом.

Указанный пещерный храм расположен, как уже отмечалось, в верхней части скалы. От подножия к нему ведет достаточно пологая терраса со следами вырубленных ступеней, служившая коммуникационным сообщением между различными ярусами комплекса (не исключено, что в древности она частично имела вид пещерного коридора). Приблизительно в 7–10 м от верхней кромки скалы данная терраса открывается в большой (20×7 м) скальный навес, в тыльной стене которого и расположен вход в пещерный храм. Сам храм невелик (5×3 м), с четко выделенной подковообразной абсидой и достаточно высоким (около 3 м) циркульным сводом (рис. 2 С: 3). Необычна ориентация храма — алтарем на север (с незначительным отклонением к востоку). Впрочем, это обстоятельство, очевидно, было предопределено ориентацией скального обрыва, что указывает на вторичность и необязательность данного признака в культовой скальной архитектуре византийской Таврики. Непосредственно рядом с церковью расположены два сооружения: помещение с могильной ямой в полу и небольшой абсидообразной нишей в восточном углу, а также большая яма, заполненная костями (рис. 2 С: 2, 2 С: 1). Здесь, вероятно, размещался погребальный комплекс, в котором заметную роль играл обряд перезахоронения останков умерших и обустройства костниц, что указывает на монашеский характер как совершаемых здесь погребений, так и комплекса в целом. Следует отметить, что в пределах скального навеса, под которым расположена церковь, помимо упомянутых, существует еще одно помещение небольших размеров, служившее, по-видимому, кельей одному или двум монахам. Следовательно, данная группа помещений не может сама по себе

быть монастырем. Вероятнее всего, церковь и ее костница обслуживали весь рассматриваемый комплекс, который следует интерпретировать как остатки монастырского поселения. Интересно, что, как и во многих других комплексах Инкерманской долины, здесь нет явного помещения трапезной, что определяет полуотшельнический характер самого монашеского поселения. Впрочем, окончательно ответить на вопрос о типе организации поселения в данном месте можно будет лишь после более детальных исследований.

Четвертый комплекс Загайтанской скалы атрибутирован Ю. Могаричевым как монастырский ввиду расположения здесь нескольких пещерных храмов [1997, с. 21] (рис. 1: 12). В частности, речь идет об остатках несомненной полупещерной церкви, от которой сохранилось вырубленное в скале абсидное полукружие [Могаричев 1997, с. 18]. Интерпретация исследователем других помещений этого комплекса в качестве пещерных церквей вызывает сомнение у некоторых современных литургистов (А.Виноградов, Н.Гайдуков). Действительно, помещения эти не обладают всей полнотой необходимого набора литургических элементов, позволяющих беспрекословно определять их как храмы. С другой стороны, культовое предназначение большинства из них не вызывает сомнения, кажется, ни у кого.

Вероятно, разрешение возникшей дилеммы в этом случае лежит в области используемой терминологии. Литургисты склонны называть храмами лишь помещения, в которых прослеживаются отчетливые следы основных литургических элементов (престол, протезис, желатель, алтарная преграда), тогда как археологи оперируют в своих определениях привычной типологией морфологического характера (форма постройки, ее ориентация, наличие погребальных сооружений, характерные граффити). Поэтому в ряде случаев археологами в качестве церквей интерпретируются храмообразные помещения, каковые могли использоваться не для отправления литургии, а в общей молитвенной практике монахов. Известно, что в традиции ранне-средневекового монашества было достаточно распространено сооружение, в особенности при отшельнических келиях, отдельных молитвенных помещений, нередко повторявших планировку привычного христианского храма [Hirschfeld 1992, p. 143–147]. Подобные помещения вернее было бы называть не церквями, а часовнями (буквально — предназначенными для отпевания “часов”). Вероятно, в отношении большинства “спорных” церквей Загайтанской скалы последний термин более точен, поскольку все они “вписаны” в окружающие их помещения, а их формы лишь имитируют храмовые интерьеры и отличаются, по выражению Ю. Могаричева “архитектурным аскетизмом” [1997, с. 21]. Так или иначе, наличие множества “церквей-часовен” в пределах рассматриваемого комплекса позволяет достаточно уверенно соотносить его с монашеским бытом, а сам комплекс рассматривать как остатки необщежительного монастыря, достаточно крупного поселения келиотов.

Наконец, наиболее восточный, уже упомянутый пятый комплекс Загайтанской скалы представлен достаточно пространной группой естественных гротов и скальных террас со следами подрубок, многочисленных столбовых ям и других элементов, указывающих на его хозяйственный характер (рис. 1: 26). В частности, здесь расположено несколько вырубленных в скале виноградных давлений и водосборников с процарапанными над ними крестами. Данный комплекс весьма перспективен для дальнейших археологических раскопок, позволивших бы уточнить его назначение и датировку, однако нельзя не отметить, что выделение особого хозяйственного подворья, в частности, винодельческого, характерно для крупных монастырских образований (в особенности, для ранневизантийских лавр) [Hirschfeld 1992, p. 106–109]. Поэтому мы предполагаем, что данные сооружения могли быть связаны с пещерным монастырем (или монастырями) Загайтанской скалы в не меньшей степени, нежели с близлежащими средневековыми мирскими поселениями.

Как бы там ни было, из пяти комплексов Загайтанской скалы, по крайней мере, три (причем, наиболее крупных) можно достаточно уверенно соотнести с монашеской деятельностью, а в двух, покамест, предполагать следы оной. Отсутствие крупных пещерных церквей при многочисленности здешних пещерных сооружений наталкивает на мысль, что монастырь этот едва ли имел киновиальный характер, а его насельники, скорее всего, по воскресеньям и праздникам “пользовались” каким-либо сторонним соборным храмом. В будние же дни они довольствовались частными молитвословиями, совершаемыми в пределах собственных келий либо келиотских общин. В таком случае имеющиеся в пределах загайтанских комплексов “полноценные” церкви малых размеров следует трактовать либо как появившиеся в позднейшее время формирования структуры поселения, либо как построенные на ктиторские взносы, а потому решавшие проблемы не всего монастыря, а лишь некоторых частных лиц из числа его братии. Следует также отметить, что архитектурное решение большинства загайтанских пещер имеет непосредственные аналогии среди сооружений Монастырской скалы, что, безусловно, роднит оба ансамбля.

Помимо пещерных комплексов Монастырской и Загайтанской скал, на правом берегу р. Черной расположен целый ряд пещерных групп совершенно иного архитектурно-планировочного характера. Речь идет о группах природных гротов, носящих минимальные следы искусственной доработки и расположенных в глубине Гайтанской балки, а также на южных склонах Мекензиевых гор (рис. 1: 13, 17). Каждый из таких групп состоит из малого числа помещений, в ряде случаев размещенных в отвесных скальных обрывах. Часть помещений и поныне используется местным населением в качестве временных загонов для овец, что, однако, не объясняет наличия пазов от деревянных конструкций в большинстве указанных гротов. Отдельные же помещения, ввиду своей труднодоступности, не могут быть соотнесены со средневековыми кошарами и, скорее, имеют вид неких

убежищ. Сказанное касается и нескольких аналогичных комплексов на левом берегу р. Черной: в западных бортах Чертовой балки, балки между ст. Инкерман-1 и балкой Воловьей, самой Воловьей балки (рис. 1: 19, 22, 23).

Мы не исключаем использования древними обитателями Инкерманской долины упомянутых пещерных сооружений ни в качестве загонов для скота, ни в качестве своеобразных убежищ, однако, знаем немало примеров существования подобных “примитивных” сооружений в окрестностях больших и развитых монастырских центров средневековой эпохи на территории Византии. Эти сооружения знаменовали собой индивидуальные отшельнические жилища и скиты, формируя “пустынническую” округу, например, Великой лавры св. Саввы Освященного в Палестине [Patrich 1995, p. 82–88]. Мы не настаиваем именно на такой трактовке указанных памятников, однако, указываем на возможность ее существования при условии, что подтверждается монастырский характер большинства комплексов Инкерманской долины.

Наконец, еще один скальный комплекс Инкерманской долины — в районе ж/д станции Инкерман-1 — представлен в настоящее время всего двумя пещерными сооружениями, сообщаемыми между собой (рис. 1: 21; 2 В). Одно из них — большее (16×5–6 м) — интерпретировано А. Бертье-Делагардом и Ю. Могаричевым как остатки пещерной церкви [Могаричев 1997, с. 26]. С этим определением трудно не согласиться, хотя помещение претерпело кардинальную перестройку в позднейшее время. Первоначально здесь располагалась сама церковь (зального типа, с прямоугольной алтарной частью, размерами 8–9×4 м) (рис. 2 В: 3), а также — одно-два соседствующих небольших (по 2×3 м) помещения, впоследствии объединенных в единое целое (рис. 2 В: 2). Обновленная пещера, несомненно, играла роль хозяйственного сооружения, о чем свидетельствуют многочисленные зернохранилища и ямы для установки сосудов. С запада к ней примыкает еще одно достаточно крупное помещение (5×4 м) с каменной скамьей, также перерубленное в позднейшее время (рис. 2 В: 1). Параметры и устройство данного сооружения указывают на возможность его использования в качестве трапезной. Рядом в скале, по свидетельству Ю. Могаричева, существует еще около десятка помещений, перекрытых оползшим грунтом [Могаричев 1997, с. 26]. Есть следы и деревянных пристроек, от которых сохранились скальные пазы. Ю. Могаричев полагает, что здесь располагался небольшой скит “Софийского монастыря”, однако наличие достаточно большой церкви и предполагаемой трапезной не позволяют согласиться с такой интерпретацией.

В связи с данным комплексом следует отметить еще один немаловажный аспект, на который не обращали внимания предыдущие исследователи. Речь идет о соотношении размеров наосов пещерных храмов и количества помещений в пределах того или иного комплекса (см. Приложение). В ряде случаев (комплексы “Армянского храма”, “храма Атки” (включая помещения “Анфилад”), “Вознесенского хра-

ма”, “храма в Каламите”, а также комплекс в устье Георгиевской балки) наблюдается абсолютное соответствие по этим параметрам, при котором площади наосов соответствуют количеству помещений из расчета 1 кв. м на помещение. То есть, упрощенно говоря, в указанных комплексах храмы были предназначены для обслуживания исключительно местной братии.

В других случаях (комплексы “храма Евграфия”, новооткрытого храма на Загайтанской скале) — размеры наосов храмов значительно меньше количества помещений. При этом следует отметить, что оба храма связаны с погребальными помещениями и, вероятно, играли роль кладбищенских.

Наконец, некоторые храмы имеют размеры, в 2 — 2,5 раза превышающие количество помещений в соответствующих комплексах, более того, входят в состав компактных храмовых групп (базилика “Георгиевского монастыря”, крестообразный храм в “Софийском монастыре”). Их размеры свидетельствуют в пользу соборного характера указанных церквей, предназначенных для присутствия на богослужениях не только обитателей этих комплексов, но и приходящих извне.

Пещерный храм у ст. Инкерман-1 в этом отношении следует рассматривать особняком. Его размеры в 4 раза превышают потребность этого малого комплекса. Несомненно, что данная церковь была рассчитана в большей степени на приходящих извне — либо насельников комплексов, лишенных собственных пещерных церквей, либо — мирского населения округа, либо — совершающих паломничество. Первое — маловероятно, ввиду близости еще одного соборного храма в “Софийском монастыре”. Второе также сомнительно, поскольку пещерные церкви едва ли использовались в качестве приходских храмов. Вероятнее всего третье — место богослужений для приходящих паломников, — достаточно распространенное явление в монастырской организации византийского времени [Hirschfeld 1992, p. 55–56]. Не исключено, что данный комплекс в таком случае играл роль монастырской гостиницы, приюта для странствующих богомольцев.

Наконец, к пещерным комплексам Инкерманской долины можно отнести еще два памятника, зафиксированных в свое время А. Бертье-Делагардом [Бертье-Делагард 1886, с. 235]. Речь идет о т.н. Зефир-кобе — комплексе сооружений (в т.ч. и пещерного храма), выполненном в 2 яруса в карстовом гроте на юго-восточном склоне Сапун-горы, а также — о большом пещерном помещении с нишами и скамьями — в 500 м к востоку от Зефир-кобы (рис. 1: 27, 28). Впрочем, данные памятники, равно как и другие, находящиеся в верховьях Инкерманской долины, требуют дополнительных разведочных исследований. Однако, ввиду расположения здесь церкви и наличия христианской символики в настенных граффитти, можно и эти комплексы отнести к кругу монастырских памятников.

Подведем итоги. В настоящее время в пределах Инкерманской долины сосредоточено около 30 пещерных комплексов различного характера. Морфологически они подразделяются на комплексы, состо-

ящие исключительно из вырубных помещений, локальные группы природных гротов со следами их использования и комбинированные. Внутри этих типов наблюдается архитектурно-планировочная родственность, как самих помещений, так и их совокупности, что позволяет относить их к одной культурно-исторической традиции. Поскольку среди отличительных признаков археологических культур, представленных в регионе, до сего дня не прослежено устоявшейся традиции пещерничества, можно достаточно уверенно соотносить данные комплексы с деятельностью византийского монашества, а сами комплексы интерпретировать как различные по характеру монашеские поселения.

Наиболее совершенные с точки зрения скальной архитектуры комплексы “Георгиевского и Софийского монастырей”, располагавшие самыми крупными церквями и трапезными, вероятно, были центральными обителями, соответственно, на правом и левом берегах р. Черной. Киновияльное устройство этих монастырей не вызывает сомнения, однако, сами обители обслуживали не только собственную братию, но и необщежительные скиты и отшельнические келии в их окрестностях (соответственно, для Георгиевского монастыря это были соседствующие комплексы Монастырской скалы, а также отшельнические поселения в Гайтанской балке и на склонах Мекензиевых гор; для Софийского монастыря — комплексы Чертовой и Воловьев балок). Кроме того, в их подчинении, надо полагать, находились самостоятельные монастыри предположительно киновияльного характера (комплексы “Армянского храма”, “храма в Каламите”, “храма Атки”, в верховье балки Мартыновской — на правом берегу р. Черной; комплексы Георгиевской и Троицкой балок, “Зефир-кобы” — на левом берегу). Труден покамест в решении вопрос о подчинении комплексов Загайтанской скалы. “Храм Вознесения” в ее западной оконечности, хотя и достаточно крупный, вероятно, обслуживал только окружающий его комплекс киновияльного характера. По крайней мере, его размеры были недостаточны для вмещения обитателей других комплексов скалы, насчитывавших до сотни человек. Едва ли решению этой проблемы могли способствовать и малые загайтанские храмы. По-видимому, обитатели этих комплексов были келиотами, необщежительными монахами, организованными в общину по типу ранневизантийской лавры. Однако и в этом случае должен был существовать храм и трапезная, способные вместить их в дни праздничных богослужений. Возможно, речь идет о не найденном до сих пор комплексе пещерных сооружений либо наземном ансамбле, располагавшемся где-то поблизости.

Так или иначе, на наш взгляд, все скальные комплексы Инкерманской долины связаны с деятельностью византийского монашества, а их совокупность представляет собой некий конгломерат разнохарактерных монастырских поселений, формировавших единый культурно-исторический центр средневекового периода.

Приложение. Таблица основных показателей пещерных комплексов Инкерманской долины.

№ на карте	Наименование комплекса	Характер помещений	Кол-во ярусов	Кол-во помещений	Площадь наоса церкви	Площадь трапезной	Предполагаемый характер комплекса
1	Комплекс т.н. Армянской церкви	ПИ*	3	ок. 15	13	?	Общежительный монастырь (?)
2	Комплекс в крепостном рву Каламиты	И	1	15	16	15	Общежительный монастырь
3	Комплекс т.н. Георгиевского монастыря	И	5	ок. 30	50	25	Общежительный монастырь
4	Комплекс в верхней части юго-западного обрыва Монастырской скалы	И	2	ок. 5	–	–	Отшельнический скит
5	Комплекс в нижней части юго-западного обрыва Монастырской скалы	ИП	4	ок. 20	–	–	Необщезительный монастырь (?)
6–7	Комплекс в южном обрыве Монастырской скалы (т.н. Анфилады и “храм Атки”)	И	8	ок. 55	45	?	Общежительный монастырь (?)
8	Комплекс в юго-восточном обрыве Монастырской скалы (“храм Евграфия”)	И	3	ок. 20	7	–	Необщезительный монастырь (?)
9	Комплекс в западном обрыве Загайтанской скалы (“храм Вознесения”)	И	5	ок. 30	25	?	Общежительный монастырь (?)
10	Комплекс в юго-западном обрыве Загайтанской скалы	ПИ	6	ок. 20	–	–	Необщезительный монастырь (?)
11	Западный комплекс в южном обрыве Загайтанской скалы (“храм с фресками”)	ИП	11	ок. 70	7	–	Необщезительный монастырь (?)
12	Восточный комплекс в южном обрыве Загайтанской скалы (с предполагаемыми храмами)	И	9	Бол. 50	?	?	Необщезительный монастырь (?)
13	Комплекс в Гайтанской балке (на месте бывшего селения)	ИП	1	6	–	–	Отшельнический скит
14	Комплекс в восточном ответвлении Гайтанской балки	П	2	ок. 5	–	–	Отшельнический скит
15	Комплекс в северном борту Гайтанской балки	П	1	ок. 5	–	–	Отшельнический скит
16	Западный комплекс на южном склоне Мекензиевых гор	П	1	ок. 3	–	–	Отшельнический скит
17	Восточный комплекс на южном склоне	П	1	1	–	–	Отшельническая келия

	Мекензиевых гор						
18	Комплекс в Мартыновской балке	ПИ	2	ок. 5	?	–	Отшельнический скит
19	Комплекс в Чертовой балке	ИП	2	ок. 10	–	–	Отшельнический скит
20	Комплекс т.н. Софийского монастыря	И	3	ок. 20	45	20	Общежительный монастырь
21	Комплекс у ж-д станции Инкерман-1	И	1	ок. 10	40	20	Общежительный монастырь, монастырский приют (?)
22	Комплекс между ст. Инкерман-1 и балкой Воловьей	П	1	ок. 5	–	–	Отшельнический скит
23	Комплекс в Воловьей балке	П	2	ок. 10	–	–	Отшельнический скит
24	Комплекс в Георгиевской балке	И	3	ок. 10	20	20	Общежительный монастырь
25	Комплекс в Троицкой балке	И	1	3	?	–	Отшельнический скит
26	Комплекс в юго-восточном обрыве Загайтанской скалы (тарапаны)	ПИ	2	ок. 10	–	–	Монастырский хозяйственный комплекс
27	Комплекс на восточном склоне Сапун-горы	П	1	1	–	–	Отшельническая келия
28	Комплекс на юго-восточном склоне Сапун-горы (“Зефир-коба”)	ПИ	2	ок. 5	?	–	Необщезительный монастырь (?)

* Примечание: И — искусственные; П — природные со следами подрубки.

Литература

- Бертъе-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. Т. XIV. Одесса, 1886.
- Бобровский Т.А.* Заметки о культовой скальной архитектуре Юго-Западного Крыма // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь: “Таврия-Плюс”, 2001. С. 256–278.
- Бобровский Т.А., Чуева Е.Е.* Пещерные комплексы Инкерманской долины (Юго-Западный Крым) // “Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре” Киев-Судак: “Академперіодика”, 2004. Ч. II. С. 26–30.
- Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Hirschfeld Y.* The Judean Desert Monasteries in the Byzantine Period. New Haven and London: Yale University Press, 1992.
- Patrich J.* Sabas, Leader of Palestinian Monasticism. Washington: Dumbarton Oaks, 1995.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЖЕЛОБЧАТОГОРЛЫЕ АМФОРЫ X–XI ВВ.

Задача статьи — более полная характеристика группы амфор, в основной классификации получившей название желобчатогорлых, *тип E* [Булгаков 2000]. Амфоры этого типа отличает удлиненный корпус с округлым дном и относительно высоким желобчатым горлом с подтреугольным валиковидно утолщенным венчиком. Ручки крепятся к верхнему краю горла, собственно к венчику, и практически вертикально к плечикам. Корпус сформован по технологической схеме сферомкостных и ранних желтоглиняных сосудов. Обработка поверхности чаще всего соответствует применявшейся в желтоглиняных производствах: верхняя часть покрыта выемчатым рифлением, нижняя отмечена зональным желобчато-углубленным рифлением. К особенностям конструктивной схемы, отличительной для желобчатогорлых амфор, принадлежат:

- 1) крепление ручек к верхнему краю горла;
- 2) растробовидное горло с узкой шейкой;
- 3) удлиненный корпус с округлым дном.

Желобчатогорлые амфоры встречены в культурных слоях Северного Причерноморья, придунайских и средиземноморских Балкан, на средиземноморском побережье Малой Азии, в древнерусском культурном слое. Известные экземпляры находятся в инвариантном отношении друг к другу (т.е. не составляют полных аналогий) и в большой степени характеризуют описываемую группу как полиморфную.

По группировке морфологических признаков и стратиграфических данных массив желобчатогорлых амфор разделяется на две этапные совокупности:

a — желобчатогорлые амфоры с уплощенными ручками. Находки амфор этого типа позиционируются как наиболее ранние. Амфора этой разновидности (рис. 1: 1; 2: 1, 2) использована в строительных конструкциях храма IX — начала X в. в Херсонесе [Якобсон 1951, с. 333, рис. 6,24; Якобсон 1959, с. 310, рис. 161]. С X в. связана находка верхней части амфоры аналогичного облика в портовом районе Херсонеса¹.

b — желобчатогорлые амфоры с округло-уплощенными ручками.

Пять в различной степени фрагментированных желобчатогорлых экземпляров этой разновидности из Преслава (рис. 1: 2) принадлежат археологическим комплексам второй половины X в. [Чангова 1957, с. 264, табл. VII, 2; Чангова 1959, с. 251, рис. 4: 4; Дончева-Петкова 1977, с. 194, рис. 363]. Анонимными византийскими фоллисами второй пол. X — XI вв. датирована амфора с Афинской агоры (рис. 1: 4) [Günsenin 1990, p. 312, pl. LXXXV,3].

¹ ХГИАЗ, инв. № 14/36857.

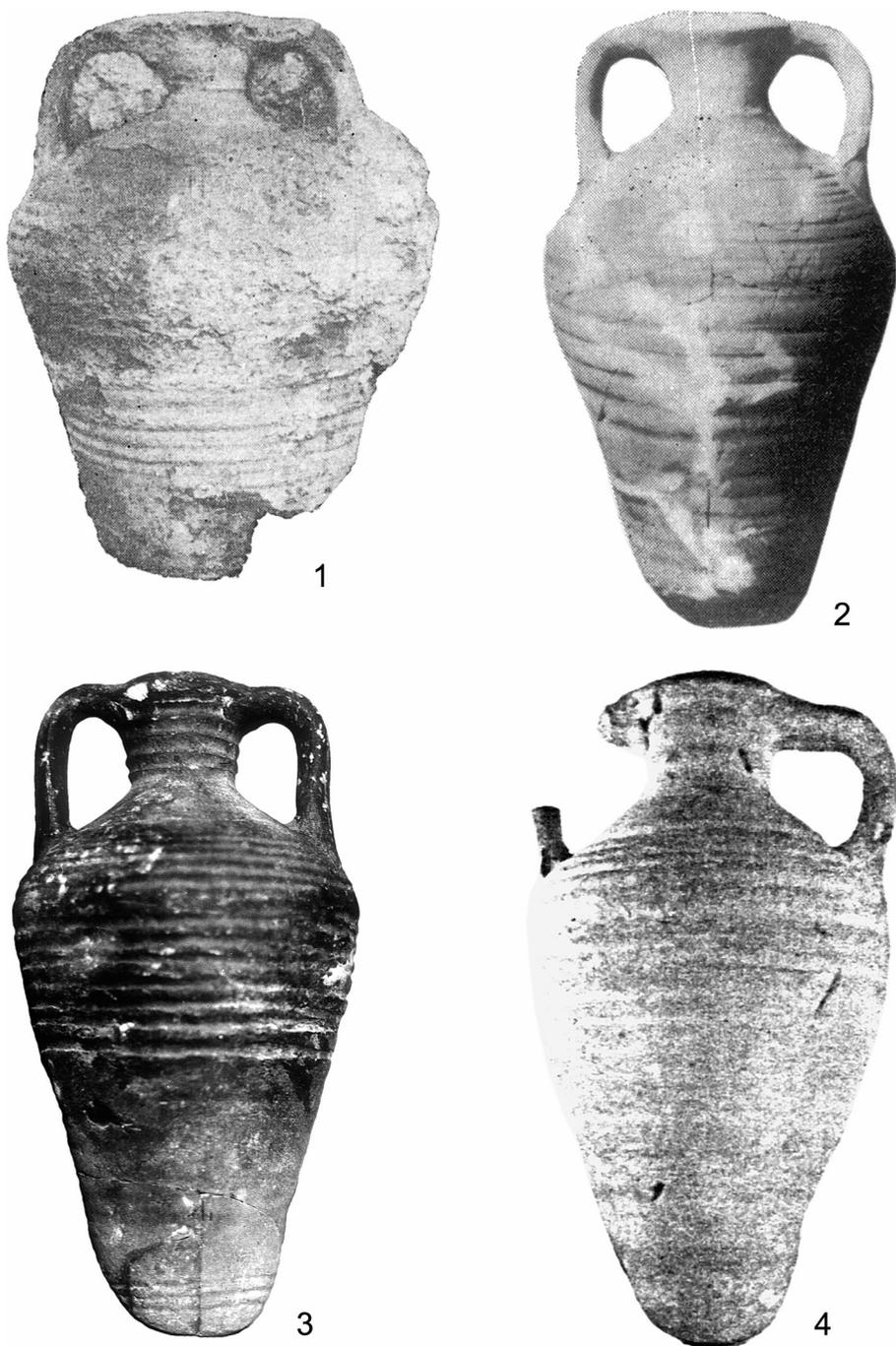

Рис. 1. Желобчатогорлые амфоры X-XI вв.: 1 — Херсонес (по А.Л. Якобсону); 2 — Преслав (по Л. Дончевой-Петковой); 3 — Киев, 4 — Афины (по Н. Гюнсенин).

Рис. 2. Желобчатогорлые амфоры X–XI вв.: 1, 2 — Херсонес (профилировка горла, детали); 3 — Киев (профилировка горла); 4 — кораблекрушения в бухте Серче Лимани (по Ф. Дорнинку).

Первой четверти XI в. принадлежат две целые формы из Серче Лимани (рис. 2: 4) [Doorninck 1997; Doorninck, б.г.]². С материалами первой половины XII в. аналогичная по виду желобчатогорлая амфора обнаружена в Киеве (рис. 1: 3; 2: 3) [Зоценко 2001, с. 171, 185–186].

К перцептивно сходным с желобчатогорлой группой инвариантам (этап *а*) принадлежат амфоры из Антиохии [Waage 1948, fig. 96] и комплекса кораблекрушения конца X в. у о-ва Млет [Brusić 1979, р. 38, 41, pl. I, 8, IV, 3]. Они представляют морфологически близкую, но отличающуюся особенностями конструктивной схемы (широкая шейка) разновидность амфорной керамики (рис. 3). Антиохийские амфоры происходят из закрытых комплексов колодцев, датированных X в. по находкам византийских монет и монет крестоносцев XI в. в жилищах, которые находились над их засыпью [Waage 1948, р. 103].

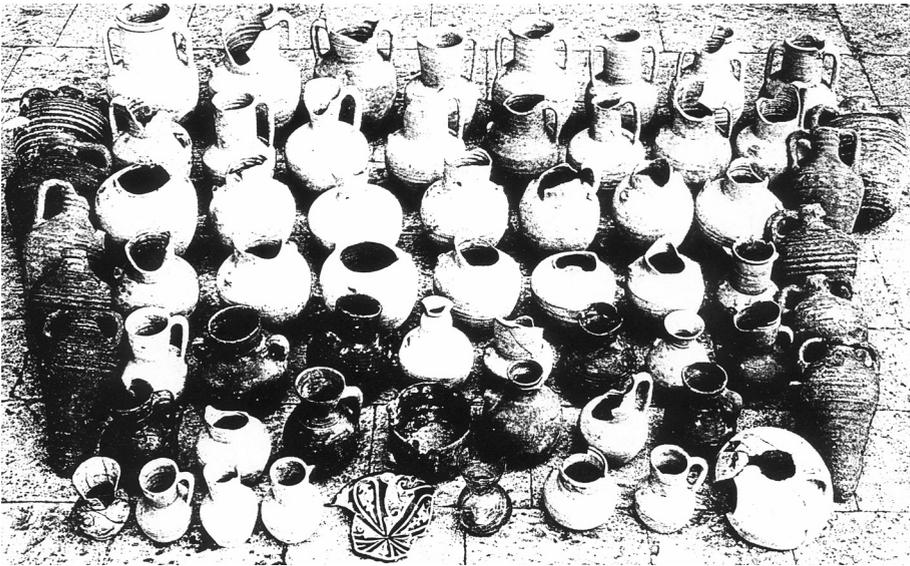

Рис. 3. Желобчатогорлые инварианты X в. среди находок из закрытых комплексов Антиохии (по Ф. Вааже).

Аналогичным образом, в связи с желобчатогорлыми типами могут быть рассмотрены экземпляры сосудов *со слабожелобчатой поверхностью горла и корпуса*. Типичный образец представлен клейменной фрагментированной амфорой (рис. 4; 5) из раскопок в районе приморской оборонительной стены в Херсонесе. Подобно амфорам из Антиохии, в особенности конструктивной схемы здесь также не впи-

² Кораблекрушение в Серче Лимани содержит византийские монеты Василия II (976–1025), динары фатимидского халифа аль-Хакима (996–1020). Продатировано по монетным весовым гирькам халифов аль-Хакима (996–1020) и аль-Захира (1020–1035). Узкая дата по совокупным признакам этих находок устанавливается в пределах 1024–25 или 1021–22 гг. [Bass, Doorninck 1978, р. 126; Doorninck 1998, р. 71]. Ф. Дорнинком кораблекрушение датируется 1027 г. [Doorninck 1998, р. 72].

сывается оформление горла — оно не обнаруживает присущей желобчатогорлым типам раструбовидности. Профилированные фрагменты подобных амфор, обнаруживавшиеся при раскопках на

Херсонесском городище, связаны с материалами X в. Верхняя клейменная часть корпуса известна по находке в портовом районе Херсонеса³. Другие клейменные фрагменты происходят из северного района Херсонеса⁴ и Загайтанского поселения в Инкермане⁵. По типоморфным признакам амфоры этого облика весьма близки сосудам конически-вытянутых типов (тип С) [Булгаков 2000; Булгаков 2004], ориентированы на общие с ними стандарты емкостного содержания. Неполнота информации, связанная в основном со слабой изученностью херсонесских материалов, в настоящее время не позволяет рассматривать *амфоры со слабожелобчатой поверхностью горла и корпуса* иначе, чем в качестве инвариантной совокупности, связанной признаками сходства с амфорами желобчатогорлых (тип Е) и в еще большей степени с амфорами конически-вытянутых (тип С) типов⁶. Связи с последними отмечаются как по морфологическим признакам, так и по признакам вещественного состава (см. ниже).

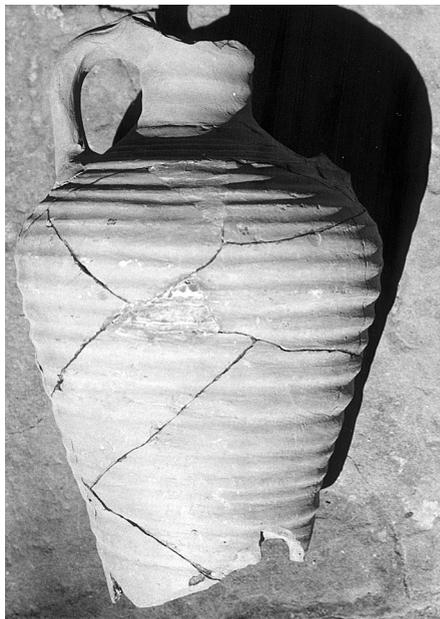

Рис. 4. Амфора со слабожелобчатой поверхностью (X в.) из находок в районе приморской оборонительной стены в Херсонесе.

³ ХГИАЗ, № 33577.

⁴ ХГИАЗ, инв. № 89/37102.

⁵ ХГИАЗ, инв. № 18/37184.

⁶ Рассмотрение амфор этой группы усугублено таксономической путаницей, связанной с их слабой изученностью. В херсонесской классификации амфорного материала инвариантная амфора из раскопок в районе приморской оборонительной стены послужила образцовым экземпляром для выделения типа XVIII, “амфор с шлемовидным дном” [Антонова, Даниленко, Иващута, Кадеев, Романчук 1971, с. 90–91, рис. 18], хотя именно дно у сосуда отсутствует. Другого рода таксономическое несоответствие связано с отнесением к “одному типу” как желобчатогорлых, так и конически-вытянутых амфор вместе со слабожелобчатыми инвариантами [Паршина 2001, с. 107], очевидно различающихся как вещественным составом, так и особенностями конструктивной схемы.

Рис. 5. Клеймо в виде греческой буквы Θ на амфоре со слабожелобчатой поверхностью горла и корпуса (X в.) из находок в районе приморской оборонительной стены в Херсонесе.

Аналитическое изучение амфор желобчатогорлой группы базируется на находке целой формы в Киеве и фрагменте желобчатогорлой амфоры из Вышгорода⁷. Петрографическое изучение образцов киевской амфоры⁸ обнаружило высокое своеобразие ее минеральной составляющей, обособливающее ее в массиве других амфорных типов⁹.

⁷ Петрографическое изучение образцов из Киева и Херсонеса выполнено ведущим научным сотрудником ИГМР НАН Украины д-ром геол.-мин. наук Б.Г. Яковлевым в 1993 и 1996 гг., из Вышгорода — старшим научным сотрудником ИГМР НАН Украины канд. геол.-мин. наук Н.К. Крамаренко в 1998 г.

⁸ Структура псаммо-алевритовая. Основная ткань состоит из оливково-бурых тонкочешуйчатых (частично дегидратированных) слюдисто-глинистых агрегатов. В глинистой массе содержатся чешуйки биотита, плеохроирующего от ярко-красного цвета (по Ng) до бледно-желтого (по Np). Кроме вытянутых чешуек встречаются сложные по конфигурации чешуйчатые скопления окисленного биотита, которые (по мере уменьшения размеров зерен) в ряде случаев сливаются с дегидратированной глинистой массой. В ней содержатся тонкие ксеноморфные выделения гидроокислов железа с резорбированными ограничениями. Отмечаются овальные (0,12–0,18 мм) сажисто-глинистые включения шамота. Псаммитовая фракция (около 11%) представлена серповидными осколками кварца и изометричными, треугольными, трапециевидными обломками плагиоклаза без следов вторичных изменений и двойников скольжения. Обычно такие зерна присутствуют в виде вкрапленников в базальтах. Состав плагиоклаза колеблется от An47-An52 (в сечении перпендикулярном 010:001 Ng' 010 = +27–30 град.). Это заключе-

Основная связующая ткань киевского образца (глинистый цемент) состоит из весьма тонких слюдисто-глинистых агрегатов, в которых развиты выделения триоктаэдрических слюд, биотита. Характерный облик обломочной составляющей придает здесь вулканогенный материал, зерна тяжелых минералов, весьма редкие в осадочных породах и используемые в качестве индикаторов для установления области сноса. К ним принадлежит базальтический амфибол (роговая обманка) и авгит. Состав роговой обманки весьма показателен, скорее всего, он соответствует керсутиту, нетипичному для глинистых отложений. Этот редкий акцессорный минерал встречен в вещественных составах клейменных амфор сферической группы X — XI и XII — XIV вв., что наряду с другими признаками явилось основанием для приуроченности их производства к общим источникам глинистого сырья [Булгаков, Яковлев 2000].

Авгит до известной степени случаен в осадках. Относительно часто он встречается в глубоководных отложениях и береговых песках, заимствованных от разрушения вулканических продуктов [Мильнер 1934, с. 75]. Августовый комплекс, сходный по облику с изученным, имеется в кластическом материале желтоглиняных амфор с массивными ручками X в. (тип 1У). Включения авгита встречены также в обломочной примеси плоскодонной разновидности амфор сферической группы (тип 3К) [Булгаков, Яковлев 2003-b].

Химический состав образцов амфоры¹⁰ (в весовых процентах) обнаруживается в пределах: SiO₂: 34,4–38,01; Al₂O₃: 9,74–11,68; MgO: 1,49–1,88; TiO₂: 0,81–2,18; SO₃: 1,23–1,65; K₂O: 2,55–3,58; CaO: 2,49–

ние подтверждается единичными неправильно овальными обломками авгита (бесцветный, вторичных изменений не содержит). Алевритовая фракция (около 9%) слагается почти исключительно обломками плагиоклаза, которые имеют форму (искусственную) лейста-планки, микролитов, округлых или линзообразных обломков. В небольших количествах встречаются призмобразные обособления авгита (0,07–0,11 мм), который полностью идентичен по оптическим свойствам обособлениям псаммитовой фракции. Устанавливаются единичные зерна базальтической роговой обманки (возможно, керсутита, поскольку красные тона окраски за счет изоморфного вхождения в позицию M2 Ti⁴⁺ и Fe³⁺ остаются неразличимыми). Техногенная примесь в обломочном материале представлена шамотом (до 2%), имеющим вид овальных (0,12–0,18 мм) сажисто-глинистых включений.

⁹ Данные по 248-ми образцам, исследованных методами поляризационной микроскопии (д-р геол.-мин. наук Б.Г. Яковлев, канд. геол.-мин. наук Н.К. Крамаренко) и электронно-зондового анализа (В.Б. Соболев, канд. геол.-мин. наук В.В. Слишченко) в рамках программы по изучению вещественных составов византийских амфор и поливной керамики IX–XIV вв. Лабораторией аналитических исследований НИИПОИ МКИ Украины в 1996–2000 гг. и ранее. Руководство исследованиями — В.В. Булгаков (НИИПОИ МКИ Украины).

¹⁰ Замеры производились в трех разных местах с визуальным контролем выбора площадки без крупных минеральных включений.

2,56; Na₂O: 0,74–1,44; Fe₂O₃: 4,59–4,68; MnO: 0,07; F: 0,04–0,08; P₂O₅: 0,37–1,31; Cr₂O₃: 0,28–0,42; NiO: 0; Cl: 0,36–0,39. Сумма окислов в анализах: 60,66–68,5¹¹.

Полученные данные достоверно связывают проанализированные образцы с пропонтидскими территориальными типами. По химическому составу глинистой составляющей, желобчатогорлая амфора из Киева оказывается на полигонах рассеяния пропонтидской территориальной группы сосудов — желтоглиняных (тип У) и сферических (тип К) амфор. По более точным петрохимическим характеристикам, количественным соотношениям в обломочной составляющей она неотличима от желтоглиняных амфор. Косвенно эта близость подтверждается изучением включений шамота в составе образца¹². Оно показало наличие в нем включений, напоминающих серицитовый фибролит, что в изученных материалах характерно для вещества именно желтоглиняных амфор. Среди других косвенных признаков обращает на себя внимание отсутствие или ускользающе малые, на грани разрешающей способности прибора, количества окиси никеля в связующем цементе желобчатогорлой амфоры. В проанализированных материалах этот признак также характерен только для образцов желтоглиняной группы.

По совокупности аналитических данных следует сделать вывод об использовании в производстве желобчатогорлых амфор источников глинистого сырья близких или аналогичных использовавшимся для производства амфор желтоглиняной группы. Редкие акцессорные минералы, в составе обломочной примеси, сближающие исследованную амфору со сферической группой, могут объясняться общими источниками питания для зоны осадконакопления сферических, желтоглиняных и желобчатогорлых амфор. Закономерным представляется вывод о территориальной близости этих производств. Он подтверждается характером хронологических параллелизмов в морфологическом строении сосудов этих групп, общим порядком клеймения, характером презентации в слоях и комплексах.

Аналитическое изучение фрагментов киевской амфоры ставит вопрос о представительности полученных данных. Химический состав изученных образцов соответствует точности до третьей-четвертой значащей цифры, т.е. до 0,01%, однако эта точность, удовлетворительная для отдельных экземпляров, не имеет такой же значимости для их совокупностей. Различия в сотые доли процента не могут играть

¹¹ Определение химического состава производилось электронно-зондовым методом на микрорентгеновском анализаторе JСХА-733 фирмы JEOL (Япония) по программе, разработанной аналитиком ЦТО НАН Украины В.Б. Соболевым, с использованием коррекции Бенса и Олби [Albee, Kay 1970] в 1993 г. Пробоподготовка выполнена старшим научным сотрудником ИГМР НАН Украины кандидатом геолого-минералогических наук В.В. Слипченко.

¹² Выполнено старшим научным сотрудником ИГМР НАН Украины канд. геол.-мин. наук Н.К. Крамаренко в 1998 г.

какой-нибудь роли для образцов с такой изменчивостью состава как керамический материал. Это связано как с технологией керамического производства, так и с условиями происхождения глин, с неоднородностью их минералогии и структуры, другими факторами. В этой связи необходимо подчеркнуть, что использованный метод исследования (петрографический и электронно-зондовый анализ) в большой степени позволил различать между обломочными компонентами и связующей массой образцов, послужив основанием для корректного сопоставления и интерпретации данных.

Аналитическое изучение¹³ образца херсонесского слабожелобчатого инварианта из раскопок в районе приморской оборонительной стены¹⁴ (рис. 4; 5) не обнаружило в нем характерных черт вещественного состава, которые присущи амфорам желобчатогорлых типов. Изученный образец в большой степени характеризуется чертами, общими для амфор пропонтидской группы. Клейменные инварианты по этим данным весьма близки конически-вытянутым амфорам X в. (тип С) [Булгаков 2000; Булгаков 2004], возможно, составляют с ними одну группу.

Несомненное сходство вещественных составов с киевским образцом демонстрирует фрагмент ручки из Вышгорода¹⁵, обнаруженный с

¹³ Петрографическое изучение образца выполнено ведущим научным сотрудником ИГМР НАН Украины д-ром геол.-мин. наук Б.Г. Яковлевым в 1993 г.

¹⁴ Цемент слюдисто-железисто-глинистый, окисленный. Структура алевропелитовая (встречаются единичные зерна кварца псаммитовой фракции). Микротекстура образца характеризуется как матричная в силу дезориентированного расположения глинистых ультрамикроагрегатов, образующих сплошную массу. Между глинистыми частицами хаотически располагаются тонкие чешуйчато-волоконистые выделения серицита и сильно окисленные чешуйки биотитоподобного минерала. В ней содержатся беспорядочно рассеянные пылеватые и песчаные обломочные частицы, которые не имеют взаимных контактов. Основная связующая масса играет роль базального цемента. Чешуйки глинистого минерала в составе микроагрегата контактируют по типу базис-базис, скол-базис и очень интенсивно импрегнируются гидроксидами железа, что обуславливает ее коричнево-красную окраску. В основной цементирующей массе присутствуют амбовидные выделения гидрогетита. Алевролитовая фракция образована преимущественно кварцем, обломки которого обнаруживают трапецевидную, полигональную, прямоугольную, иглообразную и изометричную формы. Встречаются округлые обломки, состоящие из тонкого агрегата кварца с микрогранобластовой структурой. Не исключено, что кластогенную природу имеют также некоторые (наиболее крупные, до 1,3 мм) чешуйки бесцветной слюды, которые по размерам и облику совпадают с чешуйками серицита из единичного округлого обломка кварц-серицитового сланца. В составе этой фракции встречаются округло-изометричные зерна плагиоклаза, центральная часть которых замещается агрегатами из тончайших зерен карбоната и эпидота. Обломки пелитовой фракции слагаются оскольчатыми, изометричными, серповидными и округлыми зернами кварца. Отмечаются единичные выделения плагиоклаза.

¹⁵ Р.С. Орлов 1991 г.; обнаружен при раскопках у храма Бориса и Глеба: ПДЭ-91В, у. Б.Г., р.1, кв. Б-2, гл. 1,1 м, № 1029.

материалами XI — XII вв. Минеральная составляющая характеризуется здесь близкими соотношениями обломочных фракций (9,5% — для псаммитовой, 7% — для алевритовой), типоморфным сходством массовой примеси. Подобно образцу желобчатогорлой амфоры из Киева в составе ручки плагиоклаз преобладает над кварцем. Аналогичным образом он характеризуется лейстообразными (диабазовыми) простыми двойниками со сдвойникованными индивидами и таблитчатыми сдвойникованными зернами. Образец вышгородской ручки отличается несколько меньшим общим содержанием кварца и относительно большим (хотя и минимальным) развитием пор. Вулканогенный материал представлен здесь амфиболом и магнетитом. Амфибол присутствует в виде единичных зерен, магнетит составляет около 0,5% обломков псаммитовой фракции, в виде следов отмечен в алевритовой.

Подобно амфиболу и авгиту, магнетит также не является в осадках обычным акцессорным минералом, принадлежит к относительно редким. Возможным его источником являются основные и ультраосновные изверженные породы [Мильнер 1934, с. 107]. В качестве редких включений он встречен в веществе желтоглиняных амфор X в. (тип 1Y), начальной разновидности амфор сферической группы (тип 1,1K), в агрегированном виде обнаружен в клейменных сферических амфорах XIV в. [Булгаков, Яковлев 2000, обр. 2K-6]. Это закономерно подтверждает принадлежность изученного фрагмента к пропонтидской территориальной группе.

Вышгородская ручка обнаружена в вещевом комплексе конца XI—XII вв. По стратиграфическим условиям находки не ясно, должна ли она соотноситься с желобчатогорлыми амфорами X—XI вв. или позднейшей продукцией пропонтидского круга, распространявшейся на Руси с последней четверти XI в. Гетероморфные и локальные типы составляют здесь заметный процент в комплексах рубежа XI—XII вв. Распространение этой разнородной продукции связано с модификационными изменениями, своего рода кризисом в производстве амфор сфероемкостных типов, переходом последнего на востребованные морскими перевозками крупные формы. Общая стратиграфическая ситуация на памятнике (практическое отсутствие в слое материалов X в.), нижняя хронологическая граница объекта, определяемая концом XI в. могут свидетельствовать в пользу второго предположения.

Клейма желобчатогорлых амфор в известных находках не отмечены. Это подчеркивает еще одно отличие по отношению к рассматриваемым в связи с ними конструктивными *инвариантами со слабожелобчатой поверхностью горла и корпуса*. Клейма слабожелобчатых инвариантов, известные по нескольким оттискам, принадлежат к малой неправильно-овальной разновидности и образуют одну группу с клеймами близких им по вещественному составу амфор коническы-вытянутых типов (тип С). Подобные оттиски встречены также на сфероемкостной продукции (тип К), сходны по оформлению с ними некоторые анэпиграфические клейма желтоглиняной группы (тип Y). Клейма этого вида датируются второй половиной X — началом XI вв.

В размерном отношении¹⁶ желобчатогорлые амфоры принадлежат к малым, средне-малым и средним стандартам. Высота сосудов обнаруживается здесь в пределах 40–50 см, диаметр — 17–37 см. Расчетные емкостные содержания по трем группам соответствуют показаниям в 1,6–4,5–9 л. Слабожелобчатые клейменные инварианты принадлежат к амфорам средне-малой группы (4–7 л). Их емкостное содержание, по всей видимости, должно обнаруживаться в пределе несколько меньшем, чем у близких им амфор конически-вытянутых типов¹⁷. Его связь с какими-либо стандартами ввиду фрагментированности находок остается неустановленной.

Условиями находок твердо датированных экземпляров (Херсонес, Преслав, Серче Лимани) хронология бытования желобчатогорлых сосудов устанавливается в пределах X — первой четверти XI в. Слой Афинской агоры, содержащий желобчатогорлую амфору поздней морфологии, охарактеризован византийскими монетами второй половины X — второй половины XI вв. [Günsenin 1990, p. 312]. Киевская амфора обнаружена с материалами второй четверти — середины XII в. [Зоценко 2001, с. 171, 185–186]. Ее попадание в археологический комплекс, по всей видимости, связано с вторичным оборотом керамической тары, обычным для древнерусских регионов. Характерная морфология, аналогии вещественного состава предполагают ее связь с материалами первой половины XI в.

Место и функции желобчатогорлых амфор в торговом обороте вскрываются характером их репрезентации в слоях и комплексах. В торговых помещениях Преслава желобчатогорлая амфора комбинируется с конически-вытянутыми (тип С) и сферическими (тип 1К) амфорами X в. Показательно отсутствие грушевидных типов (тип Р). Аналогичные комбинации могут быть отмечены для археологических комплексов портового района Херсонеса. Состав этих комплексов характеризует сферические (тип К), желобчатогорлые (тип Е), конически-вытянутые (тип С) и сопутствующие их находкам желтоглиняные (тип У) типы как взаимозависимые, связанные взаимодополнительным характером функционирования в сфере оборота сельскохозяйственной продукции. Стратиграфические, статистические и размерные данные по их находкам находятся в определенном соответствии друг с другом. Сферические амфоры X в. принадлежат к сосудам средней группы размерности, 7–15 л. Их формы могут достигать объемов в 17 л, однако для X в. такие амфоры редки. Желобчатогорлая продукция (вместе с конически-вытянутой) представляет нижний емкостной диапазон в торговых обменах — амфоры с объемом в пределах 1,6–4 л и 5–7 л. Желобчатогорлые амфоры при этом, как показывают находки в Преславе, могут достигать нижних емкостных пределов амфор сферомкостной группы, обнаруживая значения в 9 л и более. Средне-

¹⁶ Данные по девяти экземплярам (Преслав, Киев, Херсонес, Серче Лимани).

¹⁷ См.: Булгаков 2004.

крупные формы (от 15 л) и крупные формы (от 25 л) в морских перевозках этого времени представлены желтоглиняной продукцией.

Обнаруживаемые таким образом отношения дополнительности связывают распространение сосудов этих типов в Причерноморье с функционированием одного, весьма крупного рынка с развитой структурой обменов, определяющей номенклатурную специфику ориентированных на него амфорных производств. По имеющимся данным очевидно, что речь может идти только о Константинополе — крупнейшем торговом средоточии своего времени. Репрезентация рассмотренных типов в слоях и комплексах характеризует его место и роль в черноморской торговле. Перечисленные типы принадлежат к основным, они доминируют в торговых обменах до времени распространения продукции юго-восточных центров (грушевидные амфоры, тип Р). Не слишком упрощая можно сказать, что торговый оборот рынка византийской столицы определял в X в. характер морских перевозок, ценовую ситуацию и использование тех или иных емкостных стандартов при продажах сельскохозяйственной продукции.

В системе этих обменов желобчатогорлые амфоры занимают свою четко обозначенную нишу. Их постепенное вытеснение из морских перевозок может быть связано с расширением номенклатуры в производстве сферических амфор (тип 1К), появлением в XI в. их средне-малых инвариантов объемом в 5–7 л. Все известные находки этой размерности связаны со второй третью XI в., его серединой. Эта дата может быть принята в качестве финальной для амфор желобчатогорлых типов.

Литература

- Булгаков В.В.* Византийские амфоры IX — XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал, 4(5) июль-август 2000. (<http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>).
- Булгаков В.В.* Византийские конически-вытянутые амфоры X в. // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004. С. 5–12.
- Булгаков В.В., Яковлев Б.Г.* Византийские клейменные амфоры X — XI и XIII — XIV вв.: сравнительная характеристика вещественного состава // Восточноевропейский археологический журнал, 3(4) май-июнь 2000, (http://archaeology.kiev.ua/journal/030500/bulgakov_yakovlev.htm).
- Булгаков В.В., Яковлев Б.Г.* Петрографическая характеристика византийских сфероемкостных амфор XII — XIII вв. / Византийские амфоры: 12.02.2003-a, (<http://archaeology.kiev.ua/byzantine/amphorae/analysis/bulgakov2.htm>).
- Булгаков В.В., Яковлев Б.Г.* Петрографическая характеристика плоскостных сфероемкостных амфор XIII—XIV вв. / Византийские амфоры: 17.02.2003-b, (<http://archaeology.kiev.ua/byzantine/amphorae/analysis/bulgakov3.htm>).

Византийский Херсон: Каталог выставки. М., 1991.

- Дончева-Петкова Л.* Българска битова керамика през ранното средновековие (втората половина на VI — края на X в.). София, 1977.
- Зоценко В.Н.* Амфорна тара Киево-Подолу XII — початку XIII ст. (за прикладом одного розкопу) // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001. С. 165–197.
- Никитенко М.М.* Амфоры-голосники из церкви Иоанна Предтечи в Керчи // АО 1969 г. М., 1970. с. 277.
- Макарова Т.И.* Раскопки около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // АО за 1971 г. М., 1972. С. 264–265.
- Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА, № 4, 1982. С. 91–106.
- Мильнер Г.Б.* Петрография осадочных пород. Москва-Грозный-Ленинград-Новосибирск, 1934.
- Чангова Й.* Търговски помещения край южната крепостна стена в Преслав // ИАИ, кн. XXI, 1957. с. 260–280.
- Чангова Й.* Средновековни амфори в България // ИАИ, кн. XXII. София, 1959. с. 243–260.
- Якобсон А.Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. 1951. Т. XV. С. 325–344.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА № 63. М. Л., 1959.
- Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 164 с.
- Bass G.F., Doorninck van, Jr., F.H.* An 11th Century Shipwreck at Serçe Liman, Turkey // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. 1978, n. 7.2. P. 119–132.
- Brusić Z.* Byzantine Amphorae (9th to 12th century) from Eastern Adriatic Underwater Sites // Archaeologia Iugoslavica. XVII. 1979. p. 37–49.
- Doorninck van, Jr., F.H.* Glasvraget-et byzantinsk skib fra 1000-tallet // Hvad Middelhavet gemmer. Erhus, 1997. p. 121–136.
- Doorninck van, Jr., F.H.* The 11th-Century Byzantine Ship at Serçe Limani: An Interim Overview // Sailing Ships of the Mediterranean Sea and the Arabian Gulf. Vol. I. Athens, 1998. P. 67–77.
- Doorninck van, Jr., F.H.* Serçe Limani 11th Century Byzantine Shipwreck Excavation: Amphoras, (<http://ina.tamu.edu/SL-amphoras.htm>).
- Günsenin N.* Les amphores byzantines (Xe-XIIIe siècles). Typologie, production, circulation d'après les collections turques. Paris, 1990.
- Waagé F.O.* The Glazed Pottery // Antioch on-the-Orontes. Vol. 4, part 1: Ceramics and Islamic Coins / Publications of the Committee for the Excavation of Antioch and its Vicinity. Princeton-London-Hague, 1948. P. 79–108.

ИНСТИТУТ ТУДУНА И ХАЗАРЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ VIII — НАЧАЛА IX В. В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ДАННЫХ ЭПИГРАФИКИ

История Крымской Хазарии опирается на довольно ограниченную базу письменных источников, многократно изученных и прокомментированных [см: Артамонов 2002; Новосельцев 1990; Айбабин 1999]. Не удивительно, что постоянное расширение археологической базы источников постепенно привело к переходу инициативы во 2-й пол. XX в. к исследователям-археологам, следствием чего стало появление ряда обобщающих работ, опиравшихся в основном на археологическую картину развития Таврики VIII – IX вв. [Якобсон 1964; Плетнёва 1967; 1999; Баранов 1990; Айбабин 1999; Крым, северовосточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья... и др.]. Но постулируемая жесткая взаимосвязь распространения древностей крымского варианта салтово-маяцкой культуры с политическими границами Хазарского каганата в последнее время всё чаще поддается сомнению со стороны исследователей-историков.

Концепция кондоминатного владения Византией и Хазарией основными центрами Крыма VIII – IX вв., в т.ч. и традиционно относимыми к разряду хазарских городов Сугдеей и Боспором, была предложена и наиболее активно отстаивается С.Б. Сорочаном, подвергшим резкой критике взгляды И.А. Баранова и А.И. Айбабина [Сорочан 2001, с. 76–81; 2004]. Та же идея хазаро-византийского кондоминиума в организации системы управления Таврики VIII – IX вв. развивается и в диссертационном исследовании В.Е. Науменко [Науменко 2004]. Главные аргументы концепции сводятся к беспрепятственной активной деятельности на территории Крымской Хазарии византийской церкви, сохранению признаков монетного хождения и отдельных фискальных учреждений византийского образца, что, по мнению исследователей, не совместимо с наличием хазарского государственного контроля. На крымскую ситуацию проецируются примеры кондоминатного контроля отдельных византийских территорий (в основном Кипра), которые предлагаются как модель, объясняющую принципы совместного владения “полунейтральным” Крымом двумя государственными образованиями — Византией и Хазарией.

К сожалению, подобный односторонний анализ ситуации только с позиции византийских административных норм не учитывает сути тюркских государственных институтов и принципов управления зависимыми территориями. Создатели раннегосударственных “кочевых империй” никогда не ломали четко отлаженной родоплеменной системы собственного народа и не пытались перенести характерные для нее институты на зависимые от них народы. Тюркские роды традиционно возглавлялись бегами, временами своевольными и почти

независимыми, но мы не знаем ни одного примера прямого управления каганских администраторов-тудунов тюркскими или хазарскими племенами (родами), также, как не знаем и ни одного примера управления хазарских бегов зависимыми народами или областями. Управление последними осуществлялось при помощи простейшего института наместника, представлявшего собой ещё лишь прообраз бюрократического аппарата государства [Крадин 2000, с. 114–115]. В зависимости от ситуации, наместники либо замыкали на себе вертикаль уже существующих местных администраций, либо служили передаточным звеном между главой местной администрации и своим правителем, но области и народы, находящиеся под юрисдикцией тудуна, всегда сохраняли самоуправление и даже местные обычаи налогообложения.

Яркий пример тому мы находим в описании включения в государственную систему тогда еще Западнотюркского каганата захваченной в 630 г. Албании: джабгу хазар *“отправил смотрителей за разного рода ремесленниками, имеющими познание в золото-промывании, добывании серебра, железа и в выделке меди. Он требовал также пошрины с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса, вместе с тем и дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского”* [Мойсей Каганкатвази 1861, с. 131]. Хазары полностью сохранили привилегии албанской церкви, а католикос Виро в это время из дипломата и защитника интересов албанцев превратился фактически в местного правителя, через которого хазары реализовывали управление страной.

Ситуация в Крыму VIII в., разумеется, была несколько сложнее, учитывая серьезный фактор хазарской колонизации, являющейся неоспоримой археологической реальностью. Смешение местных и пришлых общин, особенно в городах, вероятно, обусловило здесь смешение традиций и идеологии уже на начальном уровне, вследствие чего в хазарском Крыму не существовало ни традиционных “хазарских”, ни “византийских” общин, а наследие византийской административной системы, несомненно, подверглось заметным трансформациям. Широкое распространение христианства в среде хазарских колонистов и местного населения — опять-таки, неоспоримый факт, впрочем, так же мало свидетельствующий о влиянии Византийского государства в данном регионе, как и преобладание христиан и мусульман в хазарской столице Атиле X в. [Новосельцев 1990, с. 153] Государственная принадлежность любой территории и любого населения, прежде всего, определяется конечным адресатом налогов, верховным сюзереном, которым для Сугдеи и Боспора VIII в. однозначно являлся хазарский каган, осуществлявший налогообложение через посредничество локальных наместников-тудунов. Ни единого, даже косвенного факта подчинения Боспора и Сугдеи в это время византийскому императору или византийским государственным чиновникам в нашем распоряжении пока нет.

Должность хазарского чиновника тудуна в юго-западном Крыму впервые упоминается Феофаном и Никифором в контексте событий

711 г. [Чичуров 1980, с. 40, 41, 156]. Феофан так объясняет его функции: *Τουδοῦνον δέ, τὸν ἄρχοντα Χερσῶνος ὡς ἐκ προσώπου τοῦ Χαγάνου ὄντα* “тудуна — архонта Херсона, который был как “эк просопу” (т.е. “от лица”) хагана”.

Значение должности “тудун” у тюрков византийские источники определяют как “наместник” [Фотий. *Bibliotheca* 190; *Etymologicum magnum*, s. v.], а китайские — как “управляющий областью” [Зуев 1998, с. 154]. Согласно последним, в обязанности каганских тудунов входили надзор над правителями подчиненных племен — эльтеберами, а также сбор податей [Бичурин 1950, с. 283]. В событиях захвата хазарами Албании в 630 г. описываются также функции не каганских, а “княжеских” тудунов (тудунов шада) как распорядителей-ревизоров [Мойсей Каганкатвацци 1861, с. 128]. Этимология слова тудун из китайского — “начальник гражданской администрации” и восточно-иранских наречий — “близкий помощник” [Новосельцев 1990, с. 144], также близка рассмотренным историческим объяснениям. Функции тудуна, таким образом, уверенно определяются как представитель правителя (кагана, джабгу, шада), наместник автономной административной области или просто распорядитель высшего ранга с контрольно-ревизионными и фискальными полномочиями [Галенко 2000].

В упомянутых событиях 705–712 гг. хазарский тудун Херсона был несомненным представителем кагана в городе, полностью сохранявшем самоуправление. Но ни о “кондоминиуме”, ни каких-то византийско-хазарских пактах в данной ситуации речи не шло – город просто признал власть кагана, что великолепно подтвердила карательная акция Юстиниана II. Обратное в византийское подчинение город вернулся лишь в виде “взноса” хазар в поддержку Вардана Филиппика. В это же время “архонты” хазарского кагана, также трактуемые как тудуны, упоминаются Феофаном и Никифором и для Боспора с Фанагорией, которые так и остались под хазарской властью [Айбабин 1999, с. 187]. Позже, в 40–50-х гг. VIII в. известен “правитель Сугдеи” тархан Георгий [Le synaiaire armenien de Ter Israel, s. 872–873], также, скорее всего, занимавший должность тудуна, поскольку тюрк. “тархан” (*tarqan*) — это лишь сословный титул.

Возражая последней версии, В.Е. Науменко справедливо заметил, что титул “тархан” известен не только у хазар, но утверждение, что его носили “зависимые правители иноэтничных народов”, к которым исследователь причисляет и тархана Георгия [Науменко 2004, с. 13], ошибочно. *Tarqan, tarḫan* [ДТС, с. 538] — титул действительно общетюркский, его, несомненно, носили представители разных тюркских народов, но подчеркнём, *тюркских*. В системе иерархии Тюркских каганатов, практически полностью унаследованной ранними хазарами: каган – йабгу – тегин – шады – беги – тарханы – куркапыны (дословно: “носящие пояс”) – “конные воины” – “весь народ”, тарханы занимали уверенную позицию многочисленной родовой знати или, иначе говоря, “дворянства”. Для примера, Ал-Куфи сообщает, что в 708 г. в Дербенте находились 1 тыс. тарханов, а в 737 г. против 120-

тысячного арабского войска Мервана “Хазар-тархан” выступил с 4 тысячами “детей тарханов” [Новосельцев 1990, с. 118].

Реальные правители зависимых автономных областей или народов у тюрков носили титул “эльтебер” — *eltäbär* [ДТС, с. 171]. Китайские источники связывают введение этого титула с реформой западнотюркского Тон-джабгу-кагана, сообщая, что титул эльтебера получили правители племён, сложивших перед каганом титул хана [Бичурин 1950, с. 283]. В Хазарии титул эльтебер также засвидетельствован у дагестанских савиров и волжских булгар, т.е. сохранявших автономию зависимых народов [Кляшторный 1984, с. 21]. Как видим, тархан Георгий, “правитель Сугдеи”, мог быть только тюрком по происхождению, характеристика же его должности однозначно совпадает с функциями тудуна. Очевидно, что знатное тюркское происхождение не мешало ему быть христианином, о чем свидетельствует его имя. Отметим ещё одну деталь: даже византийцы уловили разницу в полномочиях тудуна Херсона 711 г. как наместника-представителя кагана, и тудунов Сугдеи, Боспора и Фанагории как наместников-администраторов.

Рис. 1. Строительная надпись неизвестных.

Ещё одним важным источником, сообщаящим о существовании института тудуна в юго-западном Крыму, является надпись на обломке плиты из Бахчисарайского музея [Виноградов, Комар 2005]. К сожалению, сама плита ныне утрачена, но в ФА ИИМК РАН (№ О.1529. Л. 81–82) сохранилась фотография 1940 г. с подписью: “Обломок камня с надписью в Бахчис. Муз. пещ. городов”. Судя по описи фотографий Крымской экспедиции ИИМК 1940 г. (ФА ИИМК РАН. Ф. 47. Колл. 1099, с. 10), к этому времени камень уже хранился в Бахчисарайском музее, а исходя из бывшего места хранения надписи, она, несомненно, относится к Горному Крыму (довоенные эпиграфические находки в Бахчисарайском музее происходят из района от Инкермана до Бахчисарая).

Строительная надпись неизвестных¹

Носитель: плита с углубленными вертикальными полосами слева и справа и с углублением в центре. *Мат.:* известняк. *Сост. пам.:* обломан сверху, разбит на 2 части.

Место находки: неизв. Обст. находки: неизв. Место хран.: неизв. Разм.: неизв.

Эпиграф. поле: 1: слева и справа от углубления; 2: вокруг углубления; 3: на правом бортике рамки.

Датировка текста: VIII–IX вв. *Источник датировки:* указание надписи. *Шрифт:* буквы неравной высоты; альфа с петлей, дельта сложной формы, сигма минускульная; лигатура омикрон-ипсилон.

Публ.: ined.

Выс. букв: неизв.

1: {Ι(ησοῦ)ς} Χ(ριστὸ)ς νηκᾶ.

2:

Слева сверху:

[Ἐπὶ β-]
[ασιλή-]
α [ς (?)] ..-
ουθ [ο] [υ] [ς]

Χαγ [α]-
ν, Ἡζ(?)ου
Τουδοῦ-
ν.

Справа сверху:

[...]
[...]
..ου ᾰ[ν-
ακε]ν [οῦ]-
τ]ε [κ
ἐ

Слева внизу:

ᾰν-

Справа внизу: ἦς τ(ᾰ)

ιδ' + ἦ-
δ(?)ε, θ(ε)
έ, ὀσπ-
ίτια τ-
έσαρ-
α +

Снизу:

ἦς τ(ὸν)
Σαυγα [ς]-
του [ς]χ [ς]α [ς]τε [ς] (?).

3: ...]

.]ε [ς],
κ(ύρι)ε [ς],
τα [ς]-
[υτ-]
[α.] +

¹ Для описания надписей использована система PETRAE с любезного разрешения ее создателя проф. А. Брессона (Бордо).

εχηρή-
σθι ὁ
ναὸς
τοῦ θεοῦ
μινῆ
Ἀπρη-
λήο

Orig.: 1: С. 1: ΣΙ; 2: Справа внизу С. 2: ΤΥ.

1: Иисус Христос побеждает.

2: В царствование (?) ..ута хагана, Иза (?) тудуна, ... освящается и устроен (?) храм Божий 14 апреля. Призри, Боже (или: Вот, Боже), четыре дома в Савгатухате (?).

3: ..., Господи, их.

По сторонам от углубления помещена традиционная формула “Иисус Христос побеждает” (1). Она должна находиться на половине высоты камня, из чего можно реконструировать количество пропавших строк в его верхней части. Неясно, был ли текст на поле над углублением: возможно, там было описание его содержимого: скорее всего, реликвии или иконы.

Основная надпись (2) идет по сторонам от углубления: над надписью 1 слева, а затем справа, под ней в том же порядке (только две первые буквы слева помещены над надписью 1) и, наконец, снизу. Надпись 2 нанесена позднее 1, т.к. местами заходит на нее. На правой рамке внизу видны следы букв, возможно, как-то связанных с концом надписи 2 (*ταῦτα* может относиться к *ὁσπίτια*).

В начале надписи 2 логично восстанавливать обозначение датировки по правителю, причем не исключено, что хазарские правители де-факто приравнивают себя к византийскому императору формулой *ἐπὶ βασιλείας*. Термины “хаган” и “тудун” хорошо сохранились на камне, но прочтение их имен вызывает немалые сложности.

От имени кагана, к сожалению, сохранилось лишь окончание, состоящее из букв *ΟΥΘΟΥ*. Следуя реконструкции начала текста как *Ἐπὶ βασιλῆα* ^ϛ, для имени кагана в третьей строке остается место для одной или, скорее, двух литер. Конечные буквы – *ου* могут как относиться к корню, так и представлять собой обычное греческое окончание генитива. В последнем случае имя было построено по модели *CVC-ουθ*.

Исторические аналогии имени не известны из-за крайней скудности сохранившейся хазарской антропонимии VII–VIII вв. Имя хазарского кагана нач. VIII в., породнившегося с опальным византийским императором Юстинианом II, сохранилось в форме генитива *Ἰβουζήρου Γλιαβάνου* [Чичуров 1980, с. 125]. Его наследника — кагана, выдавшего в 732–733 гг. свою дочь за сына императора Льва III — будущего императора Константина V, а в 40–50-х гг. VIII в. сделавшего своей ставкой Керчь, звали “Вирхор” (**Vur Qur?*) [Le synaxaire armenien de Ter Israel, s. 872–873; Иванов 2002, с. 42, 43]. Сын (или младший брат) Вирхора известен в арабских источниках под именем Барджиль (в персидских — Барсбек). Учитывая же тюркскую традицию принятия при интронизации нового почетного ханского имени, не

исключено, что именно Барджиль вновь появляется в источниках в 759–763 гг. под новым именем Багатур [Артамонов 2002, с. 253–255]. На этом наша информация об именах хазарских каганов исчерпывается, а единственное известное тюркское имя хазарских “царей” или бегов — “Булан” [Коковцев 1932, с. 75, 92] — относится к концу VIII — началу IX в.

Очевидная тенденция имен хазарских правителей VIII в. к началу на “б” в тюркском мире прямых аналогий не находит, но повтор одного или нескольких слогов имени отца в именах детей — известная традиция германских народов, подчеркивавшая принадлежность к роду и правонаследственность правителей. Если подобная традиция действительно существовала и у хазар, то, учитывая наибольшую продуктивность слога с гласным *u* в древнетюркских языках в начале и в конце слова, имя хазарского кагана, упомянутого в бахчисарайской надписи, может быть условно реконструировано как **Bouθ(ou)*. Близкие древнетюркские корни к реконструируемому **But^h*, *But^hu* – *but* – “нога”, *botu*, *buta* – “верблюжонок” [СИГТЯЛ, с. 282, 448], напоминают тронное каганское имя откровенно слабо. Речь может идти и о д.тюрк. **Büt*-а – “верующий” [ДТС, с. 133] или же **Bot/d* қаған – “каган племени”, но подчеркнём, эти этимологии условны, поскольку условна сама реконструкция имени.

Важным моментом выступает только несовпадение сохранившейся части имени с именами известных из других источников хазарских каганов, что позволяет позиционировать правление кагана Бахчисарайской надписи где-то в промежутке между каганом Багатуром и бегом Буланом, т.е. между 764–765 гг. (последнее упоминание Багатура) и рубежом VIII–IX вв.

Размытость верхней границы объясняется трудностями в определении времени правления Булана — хазарского бега (“царя”), принявшего иудаизм, что случилось, по сведениям ал-Мас’уди, в правление халифа Харун ар-Рашида (786–809 гг.) [Новосельцев 1990, с. 150]. Впервые “царь” хазар упоминается грузинской летописью в контексте событий 80-х гг. VIII в. [Новосельцев 1990, с. 191], но “Житие Иоанна Готского”, рассказывая о событиях 786/787 гг., упоминает только кагана, не зная еще о возникновении двоевластия в Хазарии. Вполне самостоятельной фигурой выглядит и каган хазар в событиях 798–800 гг. [Новосельцев 1990, с. 191–192], и только в 839–841 гг. посольство к императору Феофилу впервые присылают *χαγάνος καὶ ὁ πῆχ Χαζαρίας* “хаган и пех Хазарии” [Константин Багрянородный 1991, с. 170]. Следуя этой хронологии, начало двоевластия и принятие иудаизма Буланом произошли ок. 801–809 гг., что позволяет ограничить время создания бахчисарайской надписи, отражающей еще период единоличного правления кагана, периодом ок. 765–800 гг.

Имя тудуна в бахчисарайской надписи передано в виде двух лигатур: *Нξ* (менее вероятно *Нξ̄*) и *ou*. Поперечная линия литеры *Н* в первой лигатуре продолжена вправо, образуя ещё одну литеру – *Р*. Учитывая, что резчик надписи испытывал явные трудности с изображе-

нием округлых частей литер, часто создавая треугольный контур (ср. начертание лигатур $\sigma\upsilon$ в имени кагана, слове “тудун” и др.), литерой Р лигатуры можно пренебречь. Но и полностью исключать вариант прочтения $\text{H}\rho\zeta\sigma\upsilon$ также нельзя. Лигатура $\sigma\upsilon$ в конце греческих имен обычно передает окончание генитива (ср. выше), хотя следует заметить, что в нашем случае титулы “хаган” и “тудун” стоят без падежного окончания (ср. форму $\text{Xa}\gamma\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma$). Это дает альтернативные формы имени тудуна в номинативе: $\text{H}\zeta$, $\text{H}\rho\zeta$ или $\text{H}\zeta\sigma\upsilon$, $\text{H}\rho\zeta\sigma\upsilon$. Греческая дзета в произведениях VII–X вв. обычно использовалась для передачи тюркских звуков “з” ($\text{Xa}\zeta\alpha\rho\acute{\iota}\alpha$) и “дж” ($\text{Zi}\acute{\epsilon}\beta\eta\lambda$ – $\text{zab}\ddot{u}$, “джабгу”). Форма $\text{H}\zeta$ в этом звучании ближе всего к тюрк. Ys , $\text{Y}\acute{s}$ – “дым”, зафиксированной среди древнетюркских имён; форма $\text{H}\zeta\sigma\upsilon$ может восходить к тюрк. $\text{jez}\ddot{a}$ – “осматривать” (ср. $\text{jez}\ddot{a}\text{k}$ – “дозор”) со значением “дозорный”, а $\text{H}\rho\zeta\sigma\upsilon$ ближе всего к тюрк. $\text{Yr}\ddot{z}\ddot{u}$, $\text{Jyr}\acute{s}\ddot{u}$ – “певец, сказитель” [СИГТЯЛ, с. 370, 371, 564, 565, 612, 704].

В рассматриваемой надписи “тудун” стоит вторым по важности лицом после кагана. Для её автора тудун венчал вертикаль местной власти, т.е. речь идёт о тудуне — наместнике области, но его упоминание после кагана не означает непонимание реального места тудуна в системе рангов каганата — формула “в правление кагана и тудуна” всего лишь калька с византийского “в правление императора и наместника” [Белецкий, Виноградов 2005, с. 139]. О каком именно регионе, возглавляемом тудуном, идёт речь?

Название населенного пункта, где была выполнена надпись, записано в две строки: верхняя — $\Sigma\alpha\upsilon\upsilon\alpha$, нижняя — $\tau\omicron\upsilon\chi\alpha\tau\epsilon$. Формы $\text{saw}\ddot{u}$ и $\text{saw}\ddot{u}\text{at}$ — “дар” — в тюркских языках распространены в равной степени [СИГТЯЛ, с. 349, 350]. Но полная форма “Савгатухате” также корректна. Из древних тюркских языков западной группы немного сравнительной информации есть лишь о болгарском языке, и здесь в дунайских и кубанских надписях известен аффикс $-\text{tu}\ddot{y}/\text{t}\ddot{u}\text{gi}$, трактуемый как причастный [Хакимзянов 1997, с. 51], который можно выделить и в нашем случае: $\text{Saw}\ddot{u}\text{-tu}\ddot{y}\text{-t-e}$ — “Дарованный [город]”. Этимология самого слова $\text{saw}\ddot{u}\text{at}$ производится от глагола saw- — “угощать, принимать гостей” [СИГТЯЛ, с. 350], с аффиксом $-\text{yat}$. Полная форма $\text{Saw}\ddot{u}\text{at-u-yat-e}$, в таком случае, отображает длительный ряд преобразований: глагол-существительное-глагол-причастие-существительное, с тем же значением “Дарованный [город]”. Совсем иной оттенок приобретает этимология названия $\text{Saw}\ddot{u}\text{-tu}\ddot{y}\text{-}\acute{\alpha}\text{t-e}$ при рассмотрении компонента $\text{tu}\ddot{y}$ как существительного (тюрк. “знамя”) — “[город] с дарованным знаменем”. Поскольку у тюрков знамя отображало военно-административную единицу, второй вариант этимологии дает теоретическую возможность рассматривать Савгатухате как центр определенной административной области.

В любом случае, следует констатировать, что в основе названия селения лежит несомненно тюркский корень $\text{Saw}\ddot{u}\text{(t)}$. Вряд ли речь идет о переименовании в хазарское время уже существовавшего посе-

ления, поскольку греческий автор надписи и особенно местное христианское население, несомненно, использовали бы в быту и неофициальных документах более древнее название. Скорее Савгатухате принадлежал к новообразованным поселкам 2-й пол. VIII в. колонистов крымского варианта салтово-маяцкой историко-культурной общности [см.: Баранов 1990; Айбабин 1999; Плетнева 1999].

Массовая колонизация Крыма, Приазовья и Подонья тюркским и аланским населением северокавказского происхождения началась в правление кагана Вирхора после тяжелого поражения хазар в войне с арабами 737 г. Вопреки предположениям о переносе ставки кагана в это время в Нижнее Поволжье и основании Атиля [Артамонов 2002; Новосельцев 1990], археологические материалы свидетельствуют о смещении политического, экономического и демографического центра Хазарии на запад. “Житие св. Стефана Сурожского” подтверждает это информацией о том, что в 40–50-х гг. VIII в. ставкой Вирхора являлась Керчь [Le synaxaire armenien de Ter Israel, s. 872–873; Иванов 2002, с. 42, 43; Сорочан 2004, с. 337]. Тесные политические контакты Хазарии со Львом III и Константином V отразились в целой серии находок византийских солидов в погребениях хазар [Семенов 1991, с. 126, 127; Круглов 2002, с. 89] и в салтово-маяцких погребениях Подонья [Комар 1999, с. 131], а также подражаний золотым монетам этих же императоров из крымских владений Хазарии [Айбабин 1999, с. 211].

Только с интронизацией кагана Багатура наметился резкий поворот в хазаро-византийских отношениях. Поступления золотой византийской монеты к хазарам полностью прекращаются в конце 50-х гг. VIII в. Младшие солиды из салтовских погребений принадлежат к выпуску Константина V 751–757 гг.; после этого рубежа византийской монеты любых номиналов на салтовских памятниках больше нет. Исключением являются лишь обрезанные, выведенные из византийского монетного обращения солиды из случайных находок в районе Судака поздних выпусков Константина V (751–775 гг.) и Славянский клад, происхождение которого связывается с подавлением хазарами “восстания” Иоанна Готского [Гурулева 2004]. В самой материальной культуре салтовского населения фиксируется постепенное охлаждение византийского влияния, а поясные наборы крымско-византийского стиля до конца VIII в. сменяются классическими среднесалтовскими [Комар 2001, с. 112]. Скорее всего, эти события объясняются разрывом политических отношений между хазарами и Византией в 760–761 гг. после брака дочери Багатура и арабского наместника Закавказья Язида ас-Сулами [Комар 1999, с. 131, 132]. В 763–765 гг., после внезапной смерти дочери кагана, короткий хазаро-арабский союз сменился новой войной в Закавказье [Новосельцев 1990, с. 189, 190], но прежние союзнические отношения между Византией и Хазарией, очевидно, так никогда больше и не были восстановлены. Подвластные же Хазарии территории, в т.ч. и Крым, начиная с 60-х гг. VIII в. и до конца существования каганата заполняют арабские дирхемы, свидетельствующие о постоянных торговых отношениях Хазарии с арабским миром.

Из исторических источников, характеризующих состояние византийско-хазарских отношений в Крыму на нач. IX в., можно отметить “Житие апостола Андрея”, которое было создано Епифанием Монахом между 815 и 843 гг. [Виноградов 2005, с. 42-43]. Иконопочитатель Епифаний, убегая от общения с иконоборческим патриархом по берегам Черного моря в 815-820 гг., обнаружил в Боспоре-Керчи двух епископов-единомышленников, Колимвадия и Георгия. Более того, Епифаний прямо указывает, что жители Боспора не впали в ересь [там же, с. 145-146]. Существование иконопочитательской кафедры при Льве V на византийской территории было абсолютно невозможно, зато вполне логично для греческого города, подчиненного хазарам. Этот факт еще раз ставит под сомнение теорию о кондоминате и возможность византийцев вмешиваться в дела подвластных хазарам территорий. Любопытно, что Колимвадий, по свидетельству Епифания, знал десять языков. Следует полагать, что он употреблял их не только в своей миссионерской деятельности, но и при общении с хазарскими властями.

Вновь политическая ситуация меняется в 839–841 гг., когда хазары прислали к императору Феофилу посольство с просьбой построить им крепость в устье Дона, а прямым следствием договора становится образование в юго-западном Крыму фемы [Цукерман 1998; Науменко 1998, с. 689–698; 2004]. По мнению А.И. Айбабина, эти процессы сопровождалась перестройкой цитадели Баклы и сооружением новой крепости на плато Сюйрень [Айбабин 1999, с. 215–221]. Смена политической ориентации фиксируется и в могильнике Скалистое на материале поясных наборов: непрерывная эволюция салтовских поясов горизонтов I, I/II, II [Комар 1999], представленных не только в Скалистом, но и на других памятниках юго-западного Крыма (Бакла, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Херсон), неожиданно обрывается на этапе горизонта III, который зафиксирован лишь в двух погребениях склепов 246 и 333 Скалистого [Веймарн, Айбабин 1993, рис. 3, 26–31; 51, 14]. Более поздних же салтовских поясов горизонтов IV–V [Комар 1999, табл. 4] не известно не только в юго-западной части Крыма, но и на всем полуострове. Изоляция крымского населения от влияния стилей и моды каганата, произошедшая в 40-х гг. IX в. синхронно активизации строительной активности византийцев в Херсоне, Бакле, Сюйрени, несомненно связана с образованием фемы Херсона и отражает территориальные уступки хазар Византии, обусловленные серьезнейшим внешнеполитическим кризисом [см.: Новосельцев 1990, с. 205–209; Цукерман 1998; Комар 2003].

Хазарский период в истории селения Савгатухате, таким образом, занимал не более столетия (ок. 740–841 гг.), а в период ок. 765–800 гг. на нем была построена христианская церковь. Можно ли отождествить его по таким ориентирам с известным археологическим памятником салтово-маяцкой культуры, или же Савгатухате пополнит список крымских городов с неясной локализацией?

Главным ориентиром в нашем случае несомненно служит христианский храм второй половины VIII в. В это время храмы возводятся

на ряде хазарских поселений юго-восточной Таврики [Айбабин 1999, с. 207, 208], но в юго-западном Крыму выбор гораздо уже — единственное известное салтовское поселение региона, где во 2-й пол. VIII в. возводится христианский храм — это небольшое поселение Поворотное на правом берегу р. Бельбек в 15 км к западу от Бахчисарая [Романчук 1976]. Возникновение поселения в Поворотном А.И. Айбабин датирует концом VIII в., связывая его с появлением подобных салтовских поселений на плато Кыз-Кермен и в балке Горный Ключ, а также салтовских слоев в Бакле, Партенитах, Передовом, Пампук-Кая, Загайтанской Скале, после подавления хазарами “восстания Иоанна Готского” [Айбабин 1999, с. 211, 212]. В конце VIII в. в Поворотном возводится трехнефная базилика размерами 10 x 10,5 м [Романчук 1976, рис. 2], несомненно принадлежавшая к Готской епархии. Ближайшими же городами, где мог базироваться упомянутый в надписи тудун, оказываются города Готии — Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Мангуп (Дорос). Стоит, впрочем отметить, что до 1940 г. раскопки на Поворотном не производились, и надпись могла быть найдена лишь в качестве подъемного материала.

Главным источником об исторической ситуации в юго-западном Крыму 2-й пол. VIII в. несомненно является “Житие Иоанна Готского”. Интересующие нас события 786/787 г., с которыми А.И. Айбабин связывает начало салтовской колонизации Готии, уже более столетия трактуются как “антихазарское восстание Иоанна Готского” [Васильевский 1912, с. 351–427; Якобсон 1959, с. 41, 42; Артамонов 2002, с. 266–268; Баранов 1974; Герцен, Могаричев 1991, с. 119–122; Айбабин 1999, с. 209, 210; Науменко 2004, с. 12; Фарбей 2004, с. 360–365 и др.], но используемый при этом русский перевод “Жития” А. Никитского [Никитский 1883] нуждается в поправках в ряде важных мест.

В анализируемом отрывке автор использует непосредственно интересующее нас выражение “архонты хазар”, которое могло бы быть отождествлено с “тудунами”. Но ниже то же слово использовано для трех “предводителей” (τρίς ἄρχονσι), подчинявшихся правителю Готии (κυρῷ Γοτθίᾳ), т.е. речь все же идет именно о ранге “архонта”, а ἄρχονσι в отношении хазар могло покрывать и кагана, и тудунов.

Важный момент: использованная автором “Жития” форма глагола συσταθῆναι указывает не на свершившийся факт восстания, а лишь на заключение союза между Иоанном и предводителями Готии с целью отложения страны от Хазарии. Это несколько корректирует смысл начала рассказа: *“А этот преподобный епископ Иоанн затем со своими людьми был выдан архонтам хазар по причине того, что заключил союз с господином Готии и тремя его архонтами и всем народом для того, чтобы не подчинялась их страна упомянутым хазарам”*.

В следующей фразе: “Послав же войско, хаган захватил их крепость по имени Дорос, поставив в ней сторожевой гарнизон, который и изгнал упомянутый преподобный епископ со своими людьми, и овладел клисурами”, много неясностей. Из текста прямо не ясно, кто,

хаган или Иоанн, овладел клисурами, не ясна и последовательность указанных событий. Автор начинает описание с действий кагана, уже в начале предложения сообщая, что тот выслал карательный корпус, захвативший столицу Готии Дорос, и разместил там постоянный гарнизон. С точки зрения военной операции, это финал подавления восстания. Но затем автор утверждает, что Иоанн каким-то образом изгнал именно этот гарнизон, что означало бы несомненные боевые действия и новый ответный ход кагана, о котором нет ни слова. Ситуацию позволяет объяснить предположение, что автор излагает не последующие, а предшествующие захвату Дороса поступки епископа.

До карательной акции в Доросе, вероятней всего, не было хазарских войск. Об этом говорит не только источник (“поставив ... гарнизон”, а иначе было бы “восстановив ... гарнизон”), но и вся практика управления подвластными хазарам народами. Сохраняющие полную внутреннюю автономию эльтеберы савиров и волжских болгар полностью контролировали свои земли, подчиняясь лично кагану и выплачивая дань каганским тудунам. Эта система очень напоминает более поздние отношения русских князей с Золотой Ордой. Какую же “вооружённую стражу” мог изгнать Иоанн, не прибегая к радикальным действиям? Упоминание о захвате клисур наталкивает на предположение, что речь шла о небольшом гарнизоне, оставленном хазарами в клисурах (стратегических горных проходах) или на выходе из них. Практика небольших сторожевых постов, состоявших из наемников (*ταξότοι*) и выполнявших дозорные функции, могла быть заимствована хазарами и у византийцев, но в данном случае скорее следует вспомнить хазарский гарнизон Дербента — “Врат” (ср.: *Дор-ос* – готское **Dor* – “Врата”), расположенный в стратегически важном проходе между подвластными хазарам савирами и также периодически захватываемой Албанией. Очевидно, слухи о поднятом Иоанном возмущении готов против хазар заставили гарнизон, в целях безопасности, покинуть клисуры. Хаган же, послав войска, восстановил сторожевой пост и, для полной уверенности, на этот раз поставил военный гарнизон и в самом Доросе, лишив готов свободы самоуправления.

Относительно масштабов восстания и “жестокости” его подавления хазарами уже высказывались сомнения А.И. Айбабиным [1999, с. 210]. Сомнения же в серьезности поддержки Иоанна готами высказали А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев (основываясь, правда, при этом на ошибочной трактовке М.Ф. Озепи, что епископ был выдан не “со своими людьми”, а “своим народом”) [Герцен, Могаричев 2002, с. 623], а также В.Е. Науменко [2004, с. 12].

Автор “Жития” прямо говорит об этом: “Поэтому, увидев, что архиерей предан одним местечком, они [т.е. готы] прибегли к хагану, и правителя Готии тот пощадил, а 17 невинных человек хаган забрил в рабы”. Столкнувшись с карательным корпусом хазар, готы не стали укрывать Иоанна, даже наоборот — охотно выдали его, чем и объясняется помилование правителя Готии (заметим, что об архонтах даже не упомянуто). “Великодушие” хазар может объясняться только тем,

что готы так и не приняли участие в антихазарской акции, к которой их подталкивал епископ. “Житие” прямо называет действующими лицами не готов, а лишь ἐπίσκοπος μετὰ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ — “епископа с его людьми”. Тем более следует полностью отбросить версию о любых жертвах этого противостояния. Живописные кровавые подробности хазарских вторжений в Закавказье наглядно иллюстрируют, что кроме религиозной, никакой другой толерантности хазарам не было свойственно — это мы наблюдаем и в Крыму: в 712 г. хазары, не колеблясь, принесли в жертву умершему тудуну 300 пленных византийцев вместе с турмархом [Чичуров 1980, с. 41]. На этом фоне установление гарнизона в Доросе, всего 17 человек, “остриженных в рабы”, и заключение Иоанна в Фуллах позволяют квалифицировать события 786/787 г. лишь как “волнения в Готии”.

Находка в 1989 г. у г. Славянска в Прикубанье клада византийских солидов императоров-иконоборцев, сокрытого, судя по младшим монетам, в 80–90-х гг. VIII в., ныне прямо связывается с событиями 786/787 г. [Гурулева 2004, с. 438, 439]. Наряду с обычными для хазарских погребений монетами Льва III и Константина V, в кладе присутствуют и солиды Константина VI, на других памятниках Хазарии не известные. Эти поступления маркируют какую-то узкую выплату в период 780–797 гг., не попавшую в руки хазарской знати. Гипотеза А.И. Семёнова о связи происхождения клада с подавлением волнений в Готии подразумевает, что выплата через посредничество Иоанна поступила к правителю Готии и его “архонтам”, а, следовательно, за действиями епископа на самом деле стояли официальные византийские власти. Цели, которые преследовали византийские дипломаты, довольно прозрачны — вызвать антихазарское восстание Готии и её переход под протекторат Византии для обеспечения безопасности стратегического опорного пункта империи в Крыму — Херсона.

Инспирированный Византией через посредничество Иоанна политический кризис в гото-хазарских отношениях все-таки произошёл и оказался достаточно серьёзным по своим последствиям. Автор “Жития” называет среди действующих лиц не только “архонтов” хазар, но и самого кагана. Также лично кагана считал своим гонителем и Иоанн. Вряд ли подобное стало возможным, если бы ставка кагана к этому времени уже была перенесена в Атиль.

Другой интересный момент касается организации системы управления в Готии. Согласно “Житию”, во главе страны стояли “кир” и три его “архонта”. Предположение А.И. Айбабина, что “архонтами” именовались начальники всех районов с крепостями Готии [1999, с. 211] приходится уточнить: речь идет всего о трех “климатах” или “архонтиях” Готии во главе с “киром”.

В тюрко-хазарской иерархии вожди автономных областей носили титул эльтебера, контролировали которых тудуны, периодически являясь с “ревизией”. Прямое правление тудуна использовалось для неблагонадёжных областей или же сложных образований без исторически сложившейся местной системы самоуправления. В анализируемой

истории накануне волнений присутствия тудуна и его военного контингента в Готии или где-то поблизости не прослеживается. Для их подавления пришлось выступить самому кагану, и лишь после захвата Дороса в городе и в клицурах были оставлены хазарские военные гарнизоны. Логика личного участия кагана в походе, несомненно, была, учитывая, что судить правителя Готии мог только его сюзерен. С другой стороны, трудно назвать хазарский центр юго-западного Крыма, в котором до захвата Дороса располагалась бы ставка тудуна. Только с занятием главной крепости готов и размещением там хазарского гарнизона мы можем уверенно говорить о потере Готией полной автономии и переходе на систему прямого правления тудуна. “Кир” и “архонты” Готии, разумеется, остались, но до 841 г., когда хазары передали юго-западный Крым Византии, свобода их действий была ограничена волей тудуна, а на население Готии было возложено содержание хазарского гарнизона.

Отсутствие репрессий по отношению к христианской церкви после “восстания” Иоанна, более того, как мы видим на примере Бахчисарайской надписи, свободное распространение христианства в среде тюркского населения Крыма, вряд ли было следствием непонимания хазарами роли Византии в рассмотренной истории. Скорее наоборот, содействие церкви со стороны хазар было политической компенсацией Византии за усиление постоянного военного присутствия хазар в юго-западном Крыму и его хазарскую колонизацию, несомненно, серьёзно усиливавшие позиции Хазарии в этом регионе.

Насколько действительно взаимосвязаны рассмотренные выше события: “восстание” Иоанна Готского 786/787 г., размещение в Доросе хазарского военного контингента, образование административной области в юго-западном Крыму, подконтрольной тудуну, салтовская колонизация Готии? Следуя концепции А.И. Айбабина, появление Савгатухате и подобных ему тюркских поселений на территории Готии нужно датировать временем после 787 г. Пока, до открытия новых салтовских поселений с церквями этого времени, наиболее реальным претендентом на роль Савгатухате выглядит поселение Поворотное с базиликой конца VIII в. Оно действительно расположено на подаренных каганом землях Готии, что оправдывает название селения. Упомянутый же в надписи тудун Из/Ирдзу оказывается каганским наместником Готии, командиром хазарского гарнизона Дороса в период ок. 787–800 гг.

Сложнее вопрос, имя какого кагана отображено в бахчисарайской надписи в форме ...оуθου? Согласно “Житию Иоанна Готского”, захвативший Дорос каган умер всего через 4 года после описанных событий, т.е. ок. 791 г. Этот срок слишком мал для образования селения и постройки храма при условии, что крещение колонистов стало следствием миссионерской деятельности Готской епархии. Если же жители Савгатухате были выходцами из уже христианизированных хазарских районов Таврики, тогда закладка и освящение храма состоялись одновременно с постройкой самого селения. Но даже в

этом случае быть запечатленным в надписи больше шансов имеет всё же наследник кагана-“гонителя” Иоанна Готского. С его именем связана последняя серьезная война хазар с арабами в Закавказье 798–800 гг., а также, очевидно, и эпизод последнего единоличного правления кагана перед возникновением двоевластия в Хазарии.

Значение Бахчисарайской надписи как исторического источника переоценить трудно: перед нами несомненный факт существования в Горном Крыму конца VIII – нач. IX в. отдельной административной области Хазарии, управляемой тудуном, в границах которой располагались селения тюркских колонистов-христиан типа упомянутого в надписи Савгатухате.

Усиление хазарского влияния в юго-западном Крыму в конце VIII – нач. IX в., очевидно, стало причиной появления ещё одной надписи из фондов НЗ “Херсонес Таврический” [Виноградов, Комар 2005].

Строительная надпись Илиха и Гапра

Носитель: плита с изображением маленького креста в левом верхнем углу. *Мат.:* известняк. *Сост. пам.:* расколот на 5 частей, отбит правый нижний угол, поверхность выветрена.

Место находки: Херсонес, сев. район, IX кв., II продольная ул., забутовка стены. *Обст. находки:* 1983 г., раскопки С.Г. Рыжова. *Место хран.:* НЗХТ. *Инв. номер:* 37068. *Выс.:* 44. *Шир.:* 38. *Толщ.:* 12.

Эпиграф. поле: 1 – в углах между рукавами креста; 2 – вся поверхность лицевой стороны.

Датировка текста: VIII–IX вв. *Источник датировки:* шрифт. *Шрифт:* буквы неравной высоты, строки неравномерные; альфа с петлей, дельта, лямбда и сигма минускульные, эта с прогнутыми внутрь вертикалями, пи с удлинённой горизонталью; лигатуры; нерегулярные и ошибочные ударения.

Публ.: ined.

Выс. букв: 1,5–5.

1: Ἰ(ησοῦ)ς] Χ(ριστὸ)ς
νι]κῶ.

2: Δι[α] δυνάμε-
ω]ς κ(υρίο)υ ἡ-
[μῶν Ἰ(ησοῦ)θ] Χ(ριστο)[θ] ἀνη-
κ[ε]ν[α] ἡ[σθη] ὁ να]ὸς (?)
τοῦτο]ς παρὰ

Рис. 2. Строительная надпись Илиха и Гапра.

.(?)ηλιχ τοῦ Ὁδ(vel β).-
λη καὶ Γὰπρ
τοῦ Κα.(?)ζα-
ρηβ ϩη ϩη.

Силой Господа нашего Иисуса Христа освящен этот храм (?) Илихом Од(или: в)...ли и Гапром Ка.(?)зариви.

Камень использован вторично, поэтому точное местонахождение указанного в нем храма выяснить невозможно. Ясно лишь, что камень происходит либо из самого Херсона, либо же из его ближайшей округи. Судя по ряду моментов (формула “силоу Господа нашего Иисуса Христа”, чисто варварские имена строителей), мы имеем дело с памятником, отличным от основной эпиграфической традиции Херсона. При этом надпись носит явные черты упадка эпиграфического искусства: строки неровные, буквы разной высоты, неверно написанные (напр., И вм. N), так же неправильно расставлены и ударения. Это хорошо согласуется с варварскими именами дедикантов.

Языковая принадлежность составляющих первого имени надписи — .(?)ηλιχ и Ὁδλη — определяется древнетюркскими аффиксами -lyu/-lig, -ly/-li, используемых для образования относительных прилагательных [Тенишев 1997, с.42]. Ещё более прозрачно тюркское происхождение второго дедиканта — Γὰπρ τοῦ Καζ[α]ρηβη — “Гапр [сын] Казар (иби..)”. Греческий автор надписи записал имена в традиционной форме “некто [сын] такого-то”, но вероятно, что так просто отражены двусоставные тюркские имена.

К сожалению, их реконструкция гипотетична, учитывая возможную утрату части литер. Основные варианты прочтения на древнетюркской основе нами предложены в публикации [Виноградов, Комар 2005], здесь же важно выделить часть имени второго дедиканта — Καζαρηβ ϩη, которая имеет хорошо узнаваемую основу Qazar с возможным аффиксом или присоединённым фрагментом тюркского слова. Форма надписи *Qazaribi[...] сложнее — объяснить её можно попытаться через *qazarı bi[s] — “мы хазары”. В этом варианте прочтения автор надписи сам не являлся носителем тюркского языка и записывал приблизительное звучание произнесённого текста, воспринятого как полные имена дедикантов.

В порядке занимательного явления, можно добавить, что в сохранившемся виде, с вычетом греческих артиклей, окончание херсонесской надписи даже напоминает нечто вроде обрывка грамматически связной древнетюркской фразы: ..hlic od..lh Gapr kazarh b ϩh.. — *ilig ödli Qapı qazarı bi[s] — “временный правитель Гапр; мы хазары”. Но обстоятельства заставляют всё же разбить фразу на две части, поскольку этот акцент сделал греческий автор надписи, полагая, что основателей храма всё же два: “временный правитель и Гапр; мы хазары”. Комментировать это прочтение, учитывая отбитый край плиты и рискованность этимологий, разумеется, излишне, тем более, что результат реконструкции в любом случае не может служить историческим источником. Важно подчеркнуть другое: надпись несомненно

свидетельствует об основании христианского храма в Херсоне или его ближайшей округе тюркоязычными выходцами из Хазарского каганата.

Археология действительно подтверждает широкое распространение христианства в среде тюркских колонистов Крыма: во 2-й пол. VIII в. храмы строятся на целом ряде салтовских поселений юга Таврики — Тепсень, Кордон-Оба, Героевка, Пташкино, Поворотное [Айбабин 1999, с. 207, 208, 212]. Проблема лишь в том, что салтовских памятников не известно в округе Херсона, предполагать же, что плита была привезена издалека, нет достаточных оснований.

Очевидно, обратить внимание следует на возможность проживания хазар в самом Херсоне. В 1937 г. на территории городского некрополя Херсона было раскопано погребение 2-й пол. VIII – нач. IX в. с салтовским кувшином [Баранов 1990, с. 115]; также показательным фактом хазарского влияния в Херсоне 2-й пол. VIII–IX вв. являются находки салтовских поясных наборов [Айбабин 1977, рис. 2]. Наборные пояса раннесредневековых кочевников представляли собой своеобразный “паспорт”, отражающий не только социальный, ранговый, возрастной статус, но и принадлежность к определённому государственному объединению [Добжанский 1990]. Распространение салтовских поясов хорошо иллюстрирует последний тезис, поскольку вне основного ареала салтово-маяцкой культуры и вне зоны проживания народов-данников Хазарского каганата находки салтовских поясных деталей единичны. Салтовские поясные детали из Херсона [Айбабин 1977, рис. 2] хронологически компактны и все принадлежат к средне-салтовскому горизонту II конца VIII – 1-й трети IX в. [Комар 1999, с. 129–132; табл. 4]. Похоже, в это время происходит резкое усиление контактов Херсона с хазарами, причём речь идёт о времени до постройки Саркела, так как появившиеся в Северном Причерноморье ок. 836/837 г. мадьяры [Цукерман 1998] были уже носителями поясов среднесалтовского горизонта III [Комар 1999, табл. 4]. Скорее всего, установление более тесных отношений Херсона с хазарами прямо связано с салтовской колонизацией Готии после “восстания” Иоанна Готского 786/787 г. и христианизацией тюрков.

Введение в научный оборот двух рассмотренных выше эпитафических памятников позволяет гораздо лучше понять историческую ситуацию в юго-западном Крыму конца VIII – 1-й трети IX в. Это время можно назвать своеобразным пиком хазарского влияния в данном регионе: хазары не только проводят административную реформу, занимаются колонизацией горной части полуострова и возводят христианские храмы, но и, вполне вероятно, появляются среди прихожан и даже среди храмовых ктиторов византийского Херсона.

Литература

Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма // СА. 1977. № 1. С. 222–238.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 350 с.

- Артамонов М.И.* История хазар. СПб., 2002. 549 с.
- Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. К., 1974.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990. 168 с.
- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Фрески Сентинского храма и проблемы христианства в Алании X в. // РА. 2005. № 1.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 1.
- Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. К., 1993. 204 с.
- Виноградов А.Ю.* Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1. Жития // Библиотека “Христианского Востока”. Т. 3. СПб., Москва, 2005.
- Виноградов А.Ю., Комар А.В.* Две “хазарских” надписи из юго-западного Крыма // РА. 2005. № 3.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. 2.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* О некоторых спорных вопросах истории Таврики // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. 9. С. 615–632.
- Галенко О.* Тудун // Східний світ. 1-2. К., 2000. С. 183-204.
- Гурулева В.В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // Сугдейский сборник. К.–Судак, 2004. С. 430–441.
- Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. 162с.
- Зув Ю.А.* Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Алматы–М., 1998. Вып. 2. С.153–161.
- Иванов С.А.* Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. М., 2002. С. 40–43.
- Кляшторный С.Г.* Праболгарский Тангра и древнетюркский пантеон // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984. С. 18–22.
- Коквцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. 135 с.
- Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 111–136.
- Комар А.В.* Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Самара, 2001. Т. 2. С. 103–117.
- Комар О.В.* Про час і обставини прийняття титулу “хакан” правителем русів // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003. С.102–107.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991. 495 с.

- Крадін М.М.* Кочівництво у сучасних теоріях історичного процесу // Східний світ. К., 2000. № 1. С. 106–124.
- Круглов Е.В.* Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1.
- Крым, северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003. 533 с.
- Мойсей Каганкатвази.* История Агван. СПб., 1861. 371 с.
- Науменко В.Е.* К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 689–700.
- Науменко В.Є.* Таврика у контексті візантійсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект / Автореф. дис. канд. іст. наук. К., 2004. 23 с.
- Никитский А.* Житие преподобного отца нашего Иоанна епископа Готии // ЗООИД. Одесса, 1883. Т.13.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. 263 с.
- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М.-Иерусалим., 1999. 370 с.
- Романчук А.И.* Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // Античная древность и средние века. Свердловск. 1976. № 13.
- Семёнов А.И.* Византийские монеты келегейского комплекса // АСГЭ. 1991. № 31. С. 121–130.
- Сорочан С.Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 2001. 475 с.
- Сорочан С.Б.* Сугдея в “тёмные века” // Сугдейский сборник. К.–Судак, 2004. С. 333–347.
- Тенишев Э.Р.* Тюркоязычных письменных памятников языка // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997. С.35–46.
- Фарбей А.М.* Взаимоотношения Византии и Хазарии в контексте церковной истории // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004. С. 352–369.
- Хакимзянов Ф.С.* Булгарский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997. С. 47–52
- Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок.839–889 г. // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 53–84.
- Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. М., 1980. 214 с.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. М., 1959. № 63. 364 с.
- Le synaxaire armenien de Ter Israel // Patrologiae Orientalis. Paris, 1930. Vol. 21.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ И КРЫМА В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД

Регион Нижнего Поднепровья, расположенный на участке водной магистрали “из варяг в греки”, являлся важным транзитным пунктом в торговле Киевской Руси и Таврики еще в домонгольский период. Выгодное географическое положение на перекрестке важнейших торговых коммуникаций предопределили стремление Киевской Руси в IX — первой половине XIII вв. овладеть ключевыми позициями низовий Днепра экономического и стратегического характера, что отразилось на миграциях славянского населения в эту область. Среди сухопутных путей выделялся “Соляной”, известный по древнерусским летописям с 1170 г. Начинаясь у Перекопа, он шел левобережьем Днепра до Никитинской переправы (совр. г. Никополь), затем по правому берегу до устья р. Ворсклы, сливаясь с общим направлением путей на север [Кудряшов 1948, с. 105–106]. Торговля Киевской Руси с Крымом в XII — XIII вв. осуществлялась главным образом через Солдаю [Фронджуло 1975, с. 483]. Участие населения нижнеднепровского региона в товарообмене носило преимущественно посреднический характер, более тесные экономические связи в этот период были со Средним Поднепровьем. Для этого периода А.А. Козловский выделяет на участке Надпорожье — Днепровский лиман пять центров с развитым ремесленным производством — о. Игрень (два поселения), Днепровское, Алексеевка (Устье), о. Березань, на которых производилась обработка железа и камня, изготовление клепаных бронзовых котлов. На этих центрах и поселениях, расположенных в районах переправ через Днепр, отмечена концентрация амфорной керамики крымского и византийского производства [Козловский 1992, с. 146–151].

Первая четверть XIII в. характеризуется появлением в причерноморских степях монголов, которым суждено было коренным образом изменить исторические судьбы народов Евразии более чем на два столетия. С образованием Улуса Джучи в конце 1242 — начале 1243 г. Крым и Нижнее Поднепровье вошли в его состав. Письменные данные периода Золотой Орды в большинстве отрывочны и не дают представления судьбах кочевого и оседлого населения этой области. В этой связи особое значение приобретают археологические исследования, которые содержат принципиально новые материалы относительно историко-культурных и экономических связей нижнеднепровского региона и Крыма в золотоордынский период.

Несмотря на военные погромы и сокращение населения низовий Днепра, жизнь на этих территориях не прекратилась. Монгольское завоевание носило характер расширения, а не перемещения, поэтому новые завоеватели вынуждены были для построения собственной

улусной системы использовать этнические группы, сложившиеся в предыдущий период. Уже при Батые, который предоставил ряд льгот для половцев, происходит возвращение последних в причерноморские степи [Плано Карпини 1957, с. 72]. Необходимость обслуживания водных перевозов через Днепр и получения продуктов земледелия способствовали сохранению в регионе оседлого населения, основу которого составляли славяне, аланы и болгары. В золотоордынский период продолжал функционировать “Соляной путь”, о значении которого для монгольских ханов указывал Г. Рубрук [Рубрук 1957, с. 90–91]. Экономическим центром правого крыла Улуса Джучи с 1260-х гг. становится Солхат [Крамаровский 2001, с. 16]. А.А. Козловский пришел к выводу, что “хотя часть древнерусских поселений Нижнего Поднепровья в какой-то мере пострадала от татаро-монгольского нашествия, но жизнь на них продолжалась” [Козловский 1980, с. 159]. К памятникам, которые продолжали существовать в регионе в золотоордынских период, автор относит пять поселений и три могильника. Новых поселений во второй половине XIII — XIV вв. не возникает, а те, что продолжают существовать, уменьшаются. В керамическом комплексе этого времени преобладают формы, близкие среднеднепровским образцам XII — XIII вв. Привозная керамика незначительна, среди которой преобладают поздневизантийские амфоры второй половины XIII в. с поднятыми над горловиной ручками (Ильинка), кувшиноподобные сосуды (Скельки, Благовещенка), красноглиняная поливная посуда и керамика из кашина (о. Березань). Изменение торговых связей сказалось на увеличении ввоза товаров из Крыма, что прослеживается на керамическом материале, появлении изделий из кашина, сережек в виде знака вопроса и др. При этом сокращается импорт из Среднего Поднепровья, исчезают стеклянные браслеты, изделия из шифера, серьги с тремя напускными бусинами [Козловский 1992, с. 174].

При анализе культурно-исторических и экономических связей населения Нижнего Поднепровья в золотоордынский период большое значение имеют новые памятники, которые возникли здесь во второй половине XIII — XIV вв. К числу таких относится четыре селища в границах Запорожской и Херсонской областей. На большинстве из них привозная керамика количественно преобладает над местной. В амфорном импорте доминируют трапезундские типы [Ельников 2001, с. 163, рис. 57: 3], которые, судя по клеймам на них [Ельников 2001, с. 63, рис. 20: 3], поступали с Крымского полуострова (Херсонес, Сугдея, Алустан) и Нижнего Подонья (Азак). На некоторых амфорных ручках процарапаны граффити [Ельников 2001, с. 159, рис. 55: 4]. Значительная доля столовой посуды представлена поливными мисками [Ельников 2001, с. 159, рис. 55: 2, 3], часть декора которых составляли переплетенные линии, создающие четыре-пять лукович. Подобные изделия изготавливались в Крыму и Закавказье [Федоров-Давыдов 1994, с. 137].

Открытие новых памятников в низовьях Днепра позволяет с уверенностью говорить о том, что отношения с Таврикой носило характер

не только товарного обмена, но и этнокультурных связей. Показательным в этом отношении является комплекс находок грунтового могильника Мамай-Сурка, расположенного у с. Великая Знаменка Запорожской области. На 2004 г. здесь исследовано 1155 захоронений, инвентарные из которых составляют 67%. К особой категории находок относятся остатки тканей от головных уборов и верхней одежды. Первые представлены женскими очельями в виде полосы тесьмы льняной, шелковой или парчовой нитей. Наиболее интересно очелье из льняной ткани, орнаментированное узорами в виде ромбов, расположенных в шахматном порядке. Внутри ромбов вписаны дигамные кресты, по углам — крупные точки [Ельников 2004, с. 79, рис. 2: 1]. Аппликации выполнены техникой в “прикреп”, прошиты бронзовыми или медными нитями. Аналогичная орнаментация на тканях зафиксирована на могильниках у с. Золотое и около церкви Иоанна Предтечи в Керчи [Орлов 1979, с. 120, рис. 4,18; Корпусова 1995, с. 145, рис. 2,6,8; Макарова 1998, с. 374]. В состав женских очелий довольно часто входили нашивные бляшки, которые крепились на шелковую или парчовую тесьму из нитей красного и пурпурного оттенков. Бляшки квадратной формы с рельефной розеткой в центре [Ельников 2004, с. 79, рис. 2: 2] и в виде шестилепестковой розетки с “забитым” фоном [Ельников 2004, с. 79, рис. 2: 3] встречены также в составе инвентаря Зареченского могильника [Махнева 1968, с. 158, рис. 9: 14,28].

Среди остатков верхней одежды выделяется крупный фрагмент льняной ткани с орнаментом в виде гибких стеблей, стрелочек и кружков [Ельников 2004, с. 79, рис. 2: 4], повторяющий в общих чертах узор на изделии из Золотого [Орлов 1979, с. 120, рис. 4: 17]. Кисточки от одежды в виде сложного узла из растительных ниток конопля или джута [Ельников 2004, с. 80, рис. 3: 1], выполненные в технике макраме, также аналогичны находкам на указанном могильнике. В.Н. Корпусова связывает эти изделия с элементами восточного костюма, который использовался и христианским населением [Корпусова 1995, с. 145]. Ткани, как видно по аналогиям, близки по назначению, материалу и орнаментации изделиям из плитовых могильников Керченского полуострова. Это указывает на тесные торговые связи населения, оставившего могильник Мамай-Сурку, с Таврикой, куда эти ткани поступали из Византии [Корпусова 1995, с. 146].

Представительную группу находок из могильника Мамай-Сурка составляют серебряные и золотые перстни [Ельников 2004, с. 80, рис. 3: 2], миндалевидные выступы и декор которых находят полное сходство с ювелирными изделиями Солхата [Крамаровский 2001, с. 135, рис. 74]. По мнению М.Г. Крамаровского, использование в декоре перстней полупальметты со спиральным завитком в сочетании с мотивами зигзага, стилизованной цепи и насечек, дают основания для выделения восточно-крымской, возможно, солхатской “школы” ювелирного искусства [Крамаровский 2001, с. 134].

На могильнике обнаружено шесть пластинчатых браслетов “булгарского типа” [Сльников 2002, с. 252–258]. Важным хронологическим

показателем в декоре львиных личин на концах браслетов является ромб (сегмент) между надбровными дугами [Ельников 2004, с. 80, рис. 3: 3], который фиксируется в XIII — первых годах XIV в. [Крамаровский 1978, с. 49–50]. Подобные изделия известны из погребения № 38 на территории церкви Иоанна Предтечи в Керчи [Макарова 1982, с. 104, рис. 9; Макарова 1998, с. 373–374, рис. 18: 36] и клада 1320-х гг. из Судака [Фронджуло 1974, с. 147–148, рис. 10]. Бусы в виде птичек также аналогичны находкам на могильнике у церкви Иоанна Предтечи [Макарова 1982, с. 104, рис. 9; Макарова 1998, с. 374, рис. 18: 25].

При отсутствии плитовых захоронений, в погребальном обряде могильника Мамай-Сурка выявляется ряд схожих черт с некрополями Таврики: форма могильной ямы, ориентация, положение рук погребенных. В заполнении могил встречаются древесный уголь, фрагменты лепной керамики, кости животных и рыб, яичная скорлупа, песок и мелкая галька. В.Н. Корпусова связывает с христианской символикой могильника Золотое очелья с дигамными крестами, кисточки в виде сложного узла, яичную скорлупу, чешую и кости рыб. Население некрополя, этническая принадлежность которого еще не установлена, было христианским по греческому обряду и использовало кресты на плитах в середине могилы, а не на поверхности [Корпусова 2000, с. 157–160]. В детских захоронениях встречается яичная скорлупа — около головы (с двух сторон), в районах локтевых сгибов (изнутри и снаружи). У с. Золотое в Крыму отмечен аналогичный обряд [Орлов 1979, с. 121].

На Мамай-Сурке у более чем 30% погребенных в районе подбородка отмечены фрагменты амфорной керамики с процарапанными крестами на внутренней или внешней сторонах. Эти находки имели чаще всего треугольную, прямоугольную или пятиугольную формы. При наличии их в одном захоронении с нателным крестиком, в каждом из таких фрагментов следует видеть элемент погребального обряда. Появление этой детали лишь на одном могильнике, вероятно, является отголоском каких-то воззрений или приверженности определенной религиозной конфессии.

Подобные ткани и украшения из некрополя Мамай-Сурка не известны на других аналогичных памятниках в регионе (Благовещенка, Каменка, Каиры). Такая локальность позволяет предполагать перемещение в район Никитинской переправы какой-то части оседлого населения из юго-восточного Крыма. Парча и шелк в золотоордынский период являлись предметом роскоши и встречаются, как правило, в богатых погребениях [Федоров-Давыдов 1966, с. 213]. Участие населения Нижнего Поднепровья в экономической жизни Золотой Орды во второй половине XIII — начале XIV в. была незначительной, здесь не обнаружено ни одной монеты I периода (1256–1310) денежного обращения [Федоров-Давыдов 1960, с. 94–102]. В этой связи интерес вызывает карательный поход темника Ногая на Крым в конце 1298 — начале 1299 г. Из Солдаи была выведена одна треть “приверженцев” темника [Веселовский 1922, с. 46]. Как отмечал

М.Г. Сафаргалиев, в период конфронтации с ханом Токтой верными сподвижниками Ногай оставались аланы [Сафаргалиев 1996, с. 328]. Вероятно, какая-то часть аланского населения передвинулась в район Нижнего Днепра, чему соответствует и дата возникновения некрополя Мамай-Сурка.

Тесные связи с Таврикой во многом способствовали включению Нижнего Поднепровья в процесс градостроительства. Территориальная близость к Крымскому региону, который, по словам В.Л. Егорова, был “внешнеторговыми воротами на протяжении всего периода существования Золотой Орды” [Егоров 1985, с. 87], сыграла существенную роль в появлении городищ на Нижнем Днестре. На ряде памятников отмечено преобладание поливной гончарной керамики крымского производства, что послужило основанием теории о возникновении здесь крупных генуэзских факторий [Ильинский 1991, с. 27–28]. На появление данной теории сильно повлияла историография конца XVI — XIX вв., где большую часть древних “руин” на нижнем Днестре связывали с “татарами”, франками (генуэзцами), “крымским ханом Мамаем” или запорожцами. Легенда о франкской (генуэзской) царице Сурке-Белозерке, записанная австрийским дипломатом Эрихом Ляссотой от запорожских казаков в 1594 г. [Лясота 1984, с. 108], неоднократно использовалась при описании края исследователями в более позднее время [Скальковский 1846, с. 68; Мышецкий 1847, с. 27–33; Вертильяк 1858, с. 143; Афанасьев-Чужбинский 1863, с. 249]. В. Соколов подвергнул сомнению отождествления Белозерского городища (речь идет о Знаменском городище у с. Великая Знаменка Запорожской области) с татарами или генуэзцами [Соколов 1892, с. 240–242]. Пока у нас нет оснований связывать возникновение золотоордынских городищ с перемещением в регион генуэзских колонистов.

На сегодня в низовьях Днестра выделено шесть золотоордынских городищ, строительная традиция которых более близка поволжским, а не крымским городским центрам [Федоров-Давыдов 1997, с. 89–97]. Как и на Нижней Волге, в домостроительстве мог не использоваться фундамент, а стены ставили на ровную площадку. На ряде памятников отмечена искусственная глиняная досыпка. Кирпич квадратной формы (плинфа), имеет традиционные для золотоордынских городов размеры — 20–26 см при толщине 5–6 см. Плинфа желтого и красного цвета с голубой и зеленоватой поливой. В период правления Узбекхана (1312/3–1342) происходит стабилизация внутренней жизни в регионе, что отразилось на включении его в товарно-денежные отношения и появлении на памятниках монет с Крымского полуострова. Так, по указаниям Б.Н. Гракова, в 1929 г. сотрудником Никопольского музея Ф.М. Кирановым на территории Каменской пристани (совр. г. Каменка-Днепровская) было обнаружено несколько генуэзских монет. Дневники раскопок и материалы после смерти исследователя не сохранились [Граков 1954, с. 42]. На могильнике Мамай-Сурка обнаружен пул крымского чекана (без года, с тамгой) времен хана Узбека.

Среди золотоордынских городищ в Нижнем Поднепровье наиболее исследованным являются “Большие Кучугуры”. Интерпретация изделий из цветных металлов с этого памятника позволила установить, что основная часть ювелирных изделий поступала с Крымского полуострова и Поволжья и принадлежала к “солхатской” и “средне-волжской” школам. К ним относятся золотой перстень, на дужке которого по два побега и углубленный “норманский” щиток. Серебряная пряжка, орнаментированная S-образными завитками, близка по декору футляру расчески из раскопок Белореченского могильника и перстням из Солхата [Крамаровский 2001, с. 135, рис. 74: 1]. Ременные хомутики с растительным орнаментом на щитке изготавливались в поволжских центрах и в Крыму [Крамаровский 2001, с. 267, кат. 141, 564]. Монеты, обнаруженные на городище, остаются до сих пор не обработанными. Наиболее ранними на памятнике являются дирхемы хана Узбека 715 г.х. (7.IV.1315–25.III.1316) [Шовкун 1972, с. 31–34].

Анализ материальной культуры на памятниках Нижнего Поднепровья позволяет сделать некоторые наблюдения об историко-культурных и экономических связях региона в золотоордынский период. С включением низовий Днепра в состав Золотой Орды изменяются направления торговых контактов — ослабление обмена со Средним Поднепровьем наряду с усилением товарообмена с Крымом. Характерной чертой памятников, возникших еще в домонгольский период, являлось продолжение прежней линии историко-культурного развития. Привозные изделия немногочисленны, являлись лишь приметой времени. Наряду с ними, появляются новые памятники, которые имели как смешанный тип материальной культуры, так и ярко выраженные “восточные” черты. Во второй половине XIII в. в Нижнем Поднепровье отмечается появление нового христианского населения — алан, которые были перемещены в регион Ногаем в период военных походов на Кавказ и Крымский полуостров. Социальный состав целого ряда захоронений с богатым инвентарем на могильнике Мамай-Сурка позволяет предполагать переселение в район Каменской переправы представителей аланской знати с юго-восточного Крыма. В силу слаборазвитых товарно-денежных отношений в этот период появление дорогих изделий следует связывать с миграциями в низовья Днепра. Вступая в контакт с местным оседлым населением, основу которого составляли славяне и потомки алано-болгар, переселенцы оседают в местах их компактного проживания, что отразилось на росте числа поселений или их площади. По антропологическим данным, на некрополе Мамай-Сурка преобладали аланы, особенно среди мужской серии [Литвинова 2004, с. 75].

В первой половине XIV в. была заложена “экономическая основа” золотоордынских городищ, расцвет которых произошел во времена “крымского хана” Мамаю. Кроме территориальной близости крымского региона, появление нового не христианского населения в период чумы 1346–1353 гг., для которого было характерно городское домостроительство, также способствовали появлению здесь городищ вос-

точного облика. В материальной культуре прослеживается влияние восточно-крымского (солхатского) и средневожжского ювелирных центров. Однако если наличие изделий крымского производства было следствием торгового обмена, то появление большинства предметов восточного облика, особенно раритетных, можно объяснить грабежом поволжских городских центров и перемещением их в район низовий Днепра вместе с их владельцами. Экспансия Мамаю, которая отмечена нумизматическим материалом второй половины 60-х гг. XIV в., сопровождалась значительными разрушениями городских центров Поволжья. Несмотря на это, Поволжье оставалось в руках враждебных ханов. Центром Мамаевой орды оставалось Нижнее Поднепровье, которое в экономическом отношении было развито очень слабо по сравнению с другими областями Золотой Орды.

В.В. Трепавлов указывает, что в правление темника «Крымский улус включал не только сам полуостров, но и степи от нижнего Днепра до нижнего Дона» [Трепавлов 2002, с. 59]. Следует отметить, что Мамай не находился в Крыму, а его постоянной базой являлся город «Орду», с которым мы связываем городище «Большие Кучугуры» на Великом Лугу. На значение этого города указывают находки раритетных вещей, изделий из драгоценных металлов, несколько тысяч монет и татарских саумов «поволжского типа». Находясь здесь темник Мамай мог быстро реагировать на изменения расстановки сил в Поволжье и «Русском улусе». На Крымском полуострове Мамай был трижды — в 1365, 1374–1375 и 1380 гг. [Типаков 2002, с. 113], причем последний стоил ему жизни.

В конце XIV в. началась неудачная война Тохтамыш-хана со среднеазиатским правителем Тимуром. В результате западного похода 1395–1396 гг. многие городские центры Улуса Джучи были разгромлены. Начался упадок Золотой Орды, агония которой продолжалась до середины XV в., когда возникает ряд самостоятельных государственных образований. Дольше всего длилась история Крымского ханства, северные территории которого включали значительную часть Нижнего Поднепровья.

Литература

- Афанасьев-Чужбинский А.* Поездка в Южную Россию. Ч. 1. Очерки Днепра. СПб., 1863. 463 с.
- Вертильяк Н.* Описание Белозерского городка // ЗООИД. — Одесса, 1858. Т. IV. С. 143–145.
- Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды и его время. — ЗРАН. Т. XIII. № 6. Петроград, 1922. 58 с.
- Граков Б.Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 56. 240 с.
- Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII — XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
- Ельников М.В.* Средневековый могильник Мамай-Сурка. Запорожье, 2001. 276 с.

- Ельников М.В.* Браслети “булгарського типу” з поховань могильника Мамай-Сурка // ССПК. 2002. Т. X. С.252–258.
- Ельников М.В.* Экономические и культурные связи населения Нижнего Поднепровья и Крыма в золотоордынский период // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев-Судак, 2004. С. 77–83.
- Ильинский В.Е.* Дикое Поле в XIII — XVI вв. (в связи с северной политикой Крыма) // Тез. докл. науч. конф. “Проблемы истории Крыма”. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 26–28.
- Козловский А.А.* Древнерусские памятники Нижнего Поднепровья в XIII — XIV вв. // Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Днепропетровск, 1980. С. 159.
- Козловский А.О.* Историко-культурный розвиток Південного Подніпров'я в IX — XIV ст. К.: Наукова думка, 1992. 184 с.
- Корпусова В.М.* Про колекцію середньовічних тканин з некрополя Золоте // Археологія. 1995. № 1. С. 144–148.
- Корпусова В.М.* Символика поховального інвентаря християнського населення (за матеріалами некрополя XIII — XIV ст. Золоте, Крим) // Мат. наук. конф. “Музейні читання”. К.: ТОВ “ІІ, Лтд”, 2000. С. 156–161.
- Крамаровский М.* “Булгарские браслеты”: генезис декора и локализация // СГЭ. 1978. Т. XLIII. С. 46–51.
- Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
- Кудряшов К.В.* Половецкая степь. Очерки исторической географии. М.: Огиз. Географиз, 1948. 162 с.
- Литвинова Л.В.* Антропологічна характеристика населення Нижнього Подніпров'я доби середньовіччя (за матеріалами могильника Мамай-Сурка) // Археологія. 2004. № 2. С. 68–78.
- Лясота Е.* Щоденник // Жовтень. 1984. № 10. С.97–110.
- Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи // СА. 1982. № 4. С. 91–106.
- Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. — 1998. — Вып. VI. С. 344–393.
- Махнева О.А.* О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. К.: Наукова думка, 1968. С. 155–168.
- Мышецкий С.И.* История о казаках запорожских, как оные издревле зачались, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся. М.:Тип. Моск. ун-та, 1847. 42 с.
- Орлов Р.С.* Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII — XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1979. С. 114–129.

- Плано Карпини.* История Монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н.П.Шастиной. М.: Географиз, 1957. С. 23–83.
- Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н.П. Шастиной. М.: Географиз, 1957. С. 87–194.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (Из опыта образований и распада империй X—XVI вв.). М., 1996. С. 277–526.
- Скальковский А.А.* История Новой Сечи. Одесса, 1846. Ч. 3. 302 с.
- Соколов В. Белозерское городище на Днестре // КС. 1892. № 8. С.225–245.
- Тишаков В.А.* Политико-правовые отношения между Ордой и колонией Генуи в Крыму во второй половине XIV в. // АЛЛУ. 2002. Ч.1. С.112–115.
- Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: “Восточная литература” РАН, 2002. 752 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет. Основные периоды денежного обращения в Золотой Орде // НЭ. 1960. Т. 1. С. 94–192.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Из-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. 232 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // ТА. 1997. № 1. С. 88–100.
- Фронджуро М.А.* Раскопки в Судаке // Феодалная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. К., 1974. С.139–150.
- Фронджуро М.А.* Пам’ятки південно-східного Криму // Археологія УРСР. Т. 3. Ранньослов’янський та давньоруський періоди. К.: Наукова думка, 1975. С. 476–484.
- Шовкун В.М.* Монеты открывают название // Археологические поиски (маш. текст). Запорожье, 1972. Бюллетень I. С.31–34.

Жарких Н.И., Панченко М.В., Фарбей А.М.

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ ДЛЯ КОМПЛЕКСНЫХ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ (на примере музея “Судакская крепость”)

Разнообразные объекты, входящие в богатейший культурный фонд Украины, будь то памятники истории, археологии, архитектуры или др., никогда не составляли легкой задачи для их систематизации и формализованного описания. Каждый из видов предполагает собственную специфику в определении типологических признаков, и всякий раз — значительное количество индивидуальных черт, присущих каждому конкретному памятнику. Излишне говорить, что комплексные объекты наследуют видовые и прочие особенности своих составляющих, добавляя, к тому же, общие структурные и исторические характеристики. Попытки формализации подобных данных, основанные на создании жесткой, единой для всех случаев схемы, наталкивались на обширные, часто — непрогнозируемые наперед сочетания различных признаков. В результате громоздкие, пытающиеся “учесть все и вся” формуляры приобретали значительную сложность в заполнении, не удовлетворяя тем не менее многие требования пользователей.

Весомый вклад в решение проблемы внесли мультимедийные технологии. Учебные, образовательные и прочие интерактивные проекты, благодаря своей красочности и простой системе перекрестных ссылок приобрели широкую популярность. Минусом этого направления следует считать статичный характер готовых проектов. Возможность свободного пополнения, правки, структурных изменений и т.д. для широкого пользователя остается закрытой. Ограничены также возможности аналитической обработки информации; т.е., подобный продукт нельзя считать базой данных в строгом смысле этого понятия.

Другое решение предлагают базы с иерархической архитектурой, в частности — программа “Мысленное древо”¹, созданная в Киеве в 2001–2003 гг. Фактически программа представляет собой универсальный построитель, посредством которого сам пользователь создает и корректирует базу в зависимости от реальной структуры данных. Основной ячейкой для их хранения является первичный информационный блок — “вершина”, способная содержать простой и форматированный текст, а также изображение, фильм или звук в большинстве известных цифровых форматов. Каждая вершина занимает определенное положение в дереве данных. Сумма вершин вместе с их иерархическими связями и создает, собственно, архитектуру базы.

¹ Название и терминология программы подробно освещаются в файлах справки. Программа бесплатна для конечного пользователя; ее полнофункциональную версию можно загрузить с сайта “Мысленное древо” (<http://myslenedrevo.com.ua/>).

Свободный ввод информации обеспечивают возможности ручного набора, вставки из буфера обмена, а также импорт файлов, предусмотренные сервисными элементами программы. Управление базой облегчается визуализацией ее структуры, представленной в виде дерева данных, а также командами главной панели и контекстных меню.

Гибкость такой системы позволяет одними и теми же средствами создавать проекты самого разного содержания. Наиболее перспективно применение этого подхода проявило себя именно в гуманитарной сфере, с ее традиционными сложностями в вопросах формализации данных. На основе программы “Мысленное древо” было реализовано значительное число проектов тематико-экспозиционного, музейно-фондового, библиографического, памятничноохранного и административно-географического характера². Заметную роль в этом ряду занимают демонстрационные разработки, посвященные сложноструктурным комплексным памятникам, историко-культурное значение которых отмечено статусом заповедников. Один из этих проектов, построенный на материалах музея “Судакская крепость” — филиала Национального заповедника “София Киевская”, следует рассмотреть подробнее. Подобный выбор сделан не случайно — укрепления древней Сугдеи (Сурожа, Солдайи) имеют долгую, тесно связанную с другими памятниками историю, включающую несколько крупных строительных периодов, и развитую структуру весьма выразительной сохранности. В целом такое сочетание как нельзя лучше характеризует возможности базы данных.

Разумеется, построению любой информационной системы должен предшествовать структурный анализ объекта. Можно считать очевидным, что расположение элементов сложного фортификационного комплекса всегда подчинено определенной иерархической зависимости, присущей самой функциональной специфике памятника. Кроме того, конкретное архитектурное решение во многом обусловлено особенностями рельефа, последовательностью возведения и др. В этом смысле структура проектируемой базы должна выглядеть довольно прозрачно: комплекс — элемент — подэлемент и так далее, вне зависимости от глубины вложения. Применительно к сооружениям генуэзской Солдайи это выглядит следующим образом:

1. Крепость
 - 2.1. Нижний ярус обороны
 - 2.1.1. Комплекс городских ворот
 - 2.1.1.1. Барбакан
 - 2.1.1.2. Башня Джиакомо Торселли
 - 2.1.1.3. Башня Барнабо Франки ди Пагано
 - 2.1.2. Башня Паскуале Джудиче
- (и далее)

² С перечнем и характеристикой этих проектов можно ознакомиться на сайте “Мысленное древо”.

2.2. Верхний ярус обороны

2.2.1. Консульский замок

2.2.1.1. Предвратное укрепление

2.2.1.2. Донжон

2.2.2. Башня св. Георгия

(и далее)

Необходимо иметь в виду, что каждый из отмеченных объектов предполагает дальнейшее развитие структуры (как вглубь так и вширь), а также собственное текстовое описание и изобразительный ряд. Даже на таком, крайне схематичном и неполном примере видна масштабность задачи и невозможность сколько-нибудь приемлемого анализа на основе “бумажных” текстовых данных.

В электронной базе хранение и обработка такого рода информации выглядит гораздо более удобно (рис. 1).

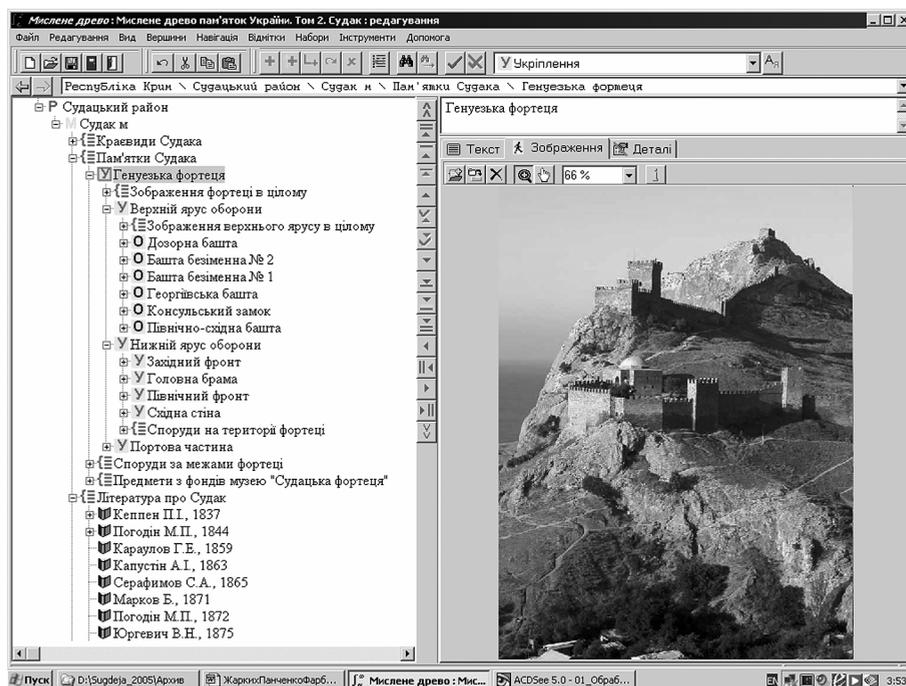

Рис. 1. Окно программы с информацией о структурных элементах Судацкой крепости.

Итак, теоретическое деление объекта на его структурные элементы и их размещение в соответствующем иерархическом порядке и является основной задачей и методом построения базы данных. На первый взгляд проблему можно считать решенной, однако при внимательном рассмотрении становится ясно, что разработка пока что относилась исключительно к памятнику унитарного характера. Считать его таковым можно исходя из того, что все его элементы находились в непосредственной функциональной связи друг с другом уже на этапе своего создания; говоря конкретнее — он изначально задумывался (или развивался) как единая оборонительная система.

Сложность заключается в том, что кроме наиболее заметных и презентабельных сооружений генуэзского времени, на территории заповедника находятся укрепления предшествующих периодов, появившиеся еще во времена византийского и хазарского владычества. Они имеют иные архитектурные особенности, собственную структуру и историю возведения. Также необходимо учитывать наличие остатков внутренней городской застройки и мощного культурного слоя, содержащего большое количество разновременных объектов и вещевых материалов. Следуя избранному принципу, необходимо признать, что им нет места в ранее описанной иерархии; тем не менее, остается очевидным, что информация о них также должна быть размещена в пределах одной базы данных.

В решении этой проблемы на выручку приходит все та же универсальность, положенная в основу программы. Используя прежние методы, но опираясь на новый структурный анализ, строится следующее дерево данных, не имеющее с предыдущим иерархических связей. Следует заметить, что информация, относящаяся к одному комплексному памятнику, сохраняет свое логическое единство, и может обрабатываться как локальными блоками, так и по всей базе целиком, в зависимости от потребностей пользователя. Результаты поиска и отбора могут быть не только отмечены специальными закладками, но и представлены в виде альтернативных наборов данных, скомпилированных согласно заданным признакам из любых блоков основной базы.

Таким образом, мы познакомились с возможностями создания и использования иерархической информационной системы применительно к крупным памятникам, имеющим сложную, тематически неоднородную структуру. Как уже упоминалось, избранная в качестве примера база “Музей Судакская крепость”, представляет собой демонстрационную версию, предназначенную для усовершенствования и дальнейшего развития, идейной основой которого отчасти могут послужить материалы данного сообщения.

О КУЛЬТЕ ГЕРАКЛА В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО ГОСУДАРСТВА

Метрополия Херсонеса, основанная выходцами из Мегар и Беотии в середине VI в. до н.э. получила название Гераклея — от имени популярного греческого героя Геракла [Ps.-Scym. 972–975; Burkert 1985, p. 208–211]. Как считается, его культ был принесен первыми переселенцами сюда из Беотии [Burstein 1976, p. 15], так как в Мегарах он не получил сколько-нибудь широкого распространения. Вследствие этого есть основания предполагать, что в Гераклее Понтийской культ Геракла был одним из основных. Это подтверждается имеющимися сейчас источниками и мифологической связью местности, где был основан город, с двумя из двенадцати подвигов героя [Сапрыкин 1978, с. 38–44]. Из Гераклеи Понтийской культ Геракла вместе с колонистами попал в Херсонес. На протяжении нескольких веков он занимал одно из ведущих мест в полисном пантеоне, о чем свидетельствуют различные категории источников [подр. см.: Бабинов 1967, с. 11–12; Аграфонов 1999; Русяева 2000, с. 76; Бондаренко 2003, с. 113–128].

Нельзя сказать, что изучению различных аспектов культа Геракла в Херсонесе и в Северо-Западной Таврике не уделялось внимания. Но до последней четверти XX в. исследователи касались его только в связи с находками и публикацией тех или иных памятников, связанных с этим культом [Белов 1930, с. 219–245; 1970, с. 70–77; 1976, с. 203–208; Стржелецкий 1939, с. 36–37; 1948, с. 97–106; Наливкина 1940, с. 105–119; 1940 а, с. 307–308; Пятышева 1948, с. 197–204; Кобылина 1966, с. 92–98; АСХ, 1976, с. 29–36, № 57–77; Щеглов 1960, с. 21–24; 1974, с. 44–45; 1978, с. 125; Столба 1989, с. 55–70; Латышева 1997, с. 114–122; Popova, Kovalenko 1996, p. 63–71; 2002, p. 103–108; Попова, Коваленко 1997, с. 78–84; Аграфонов 1997, 21–25 и др.]. Но только в работах С. Ю. Сапрыкина [1978, с. 38–52], Э. И. Соломоник [1984, с. 12–17] и диссертации П. Г. Аграфонова [1999] были предприняты попытки дать характеристику культа Геракла как явления религиозной жизни Херсонеса. Причем, если С. Ю. Сапрыкин вслед за Н. В. Пятышевой [1948, с. 197–204] основное внимание уделил хтонической стороне этого культа [ср.: Латышева 1997, с. 119–121], то Э. И. Соломоник и П. Г. Аграфонов попытались достаточно полно рассмотреть все аспекты верований населения Херсонесского государства, связанные с этим многофункциональным героем-богом. Но, несмотря на проделанную работу, как представляется, пока не удалось в полной мере выделить того главного, что было присуще культу Геракла в разные периоды, а также определить причины его трансформации, которые самым непосредственным образом были связаны с

особенностями исторического развития Херсонеса. Этим обусловлено обращение к теме и попытка определить специфику культа Геракла на территории Херсонесского государства, как в эллинистический, так и в римский периоды.

Наиболее ранним источниками, свидетельствующими о том, что Геракл чтился от имени всей гражданской общины Херсонеса, являются монеты. С начала полисной чеканки и на протяжении всего IV в. до н.э. на херсонесских монетах, наряду с головой богини Партенос, присутствуют атрибуты Геракла, представленные изображением быка и палицы, которые были заимствованы из монетной чеканки Гераклеи Понтийской [Анохин 1977, с. 134–136; №№ 8–25, 33–34; Столба 1989, с. 66–69; Туровский 1997, с. 33–34; Русяева 2000, с. 76] (рис. 1). Но только во второй четверти — середине III в. до н.э. на лицевой стороне херсонесских монет появляются уже не символы, как это было ранее, а изображение головы Геракла [Анохин 1977, с. 51; ср.: Minns 1913, p. 262; Зограф 1951, с. 137; Столб 1989, с. 67; Туровский 1997, с. 35] (рис. 2).

Рис. 1. Херсонесские монеты с изображением атрибутов Геракла.

Рис. 2. Монеты второй четверти III в. до н.э. с изображением Геракла и Партенос.

В.А. Анохин и следующие за ним исследователи полагают, что в это время Партенос была оттеснена на второй план группой, стоявшей в оппозиции к этому культу, и рассматривают это как отражение в нумизматике борьбы сторонников аристократии и демократии в Херсонесе [Анохин 1977, с. 50; подр. см.: Русяева, Русяева 1999, с. 102, 104, 136]. Но с таким заключением согласиться нельзя. Тот факт, что на оборотной стороне монет указанных серий присутствовало изображение Партенос [Анохин 1977, с. 26–27; Столба 1989, с. 63–64, 66–69; Аграфонов 1999, с. 14] (рис. 2), свидетельствует не о противопоставлении Партенос Гераклу, а об их неразрывном единстве [Столба 1989, с. 62; ср.: Туровский 1997, с. 34]. Такая связь изображений Партенос и Геракла, прослеживающаяся в нумизматике свидетельствует, что они мифологически были связаны, и олицетворяли полисную идеологию

[ср.: Русяева, Русяева 1999, с. 125, 128–131; Русяева 2000, с. 76–78]. Следовательно, их следует в первую очередь рассматривать как богов-покровителей гражданской общины, а не антиподов. С другой стороны, замена в монетной типологии атрибутов Геракла его изображением свидетельствует о росте значения этого культа в религиозной жизни населения Херсонесского государства, которая самым непосредственным образом была связана с политической [ср.: Нильссон 1998, с. 167] (рис. 3).

Появление изображения головы Геракла на херсонесских монетах не ранее рубежа IV — III вв. до н.э. нельзя объяснять простой случайностью и на этот факт следует обратить самое пристальное внимание. Для того чтобы понять суть этого феномена, необходимо рассмотреть символику рельефов с изображением “отдыхающего” Геракла, которые обнаружены на территории Херсонесского государства [Стржелецкий 1939, с. 36–37; 1948, с. 97–106; Наливкина 1940, с. 105–119; 1940 а, с. 307–308; Пятышева 1948, с. 197–204; АСХ. 1976, с. 32–33, № 65; Щеглов 1978, с. 125; Столба 1989, с. 59; Сапрыкин 1978, с. 45–50; Латышева 1997, с. 117–119; Попова, Коваленко 1997, с. 78–82; Аграфонов 1999, с. 6–8; Диатроптов 2001, с. 84; Кутайсов 2004, с. 90–91, рис. 88–90] (рис. 4).

Рис. 3. Голова Геракла. Фрагмент крупной терракотовой статуэтки III в. до н.э.

С.Ю. Сапрыкин пришел к заключению, что сцена пира, представленная на таких рельефах, близка к изображениям загробной трапезы на надгробиях и связана с представлениями о бессмертии души. На основании этого исследователь заключил, что культ Геракла на территории Херсонесского государства носил хтонический характер и был связан с почитанием умерших [Сапрыкин 1978, с. 48–59; ср.: Латышева 1997, с. 119–121]. Но Э. И. Соломоник не согласилась с такой интерпретацией, совершенно справедливо указав, что надгробные рельефы с изображением загробной трапезы появляются в Северном Причерноморье, и в Херсонесе в частности, только в первые века н.э. [ср.: Иванова 1970, с. 90; Диатроптов 2001, с. 27, 82–83]. А сама сцена, изображавшаяся на надгробиях героизированных умерших, семантически связана с пиром богов и, следовательно, является отражением развития представлений о бессмертии [Соломоник 1984, с. 15; Столба 1989, с. 60; Латышева 1997, с. 120–121; Попо-

ва, Коваленко 1997, с. 82; ср.: Кругликова 1962, с. 287; Burkert 1985, р. 107], но уже не богов, а простых смертных, что достаточно хорошо прослеживается и в погребальном обряде [ср.: Burkert 1985, р. 206; Зубарь 1990, с. 63–66; Диатроптов 2001, с. 83–86; Свенцицкая 2003, с. 104]. С этим заключением нельзя не согласиться, поэтому сцену загробной трапезы на надгробиях первых веков н. э., связанную с апофеозом умерших, нельзя рассматривать в качестве исходной для интерпретации рельефов с изображением отдыхающего Геракла [ср.: Столба 1989, с. 59–60; Попова Коваленко 1997, с. 82].

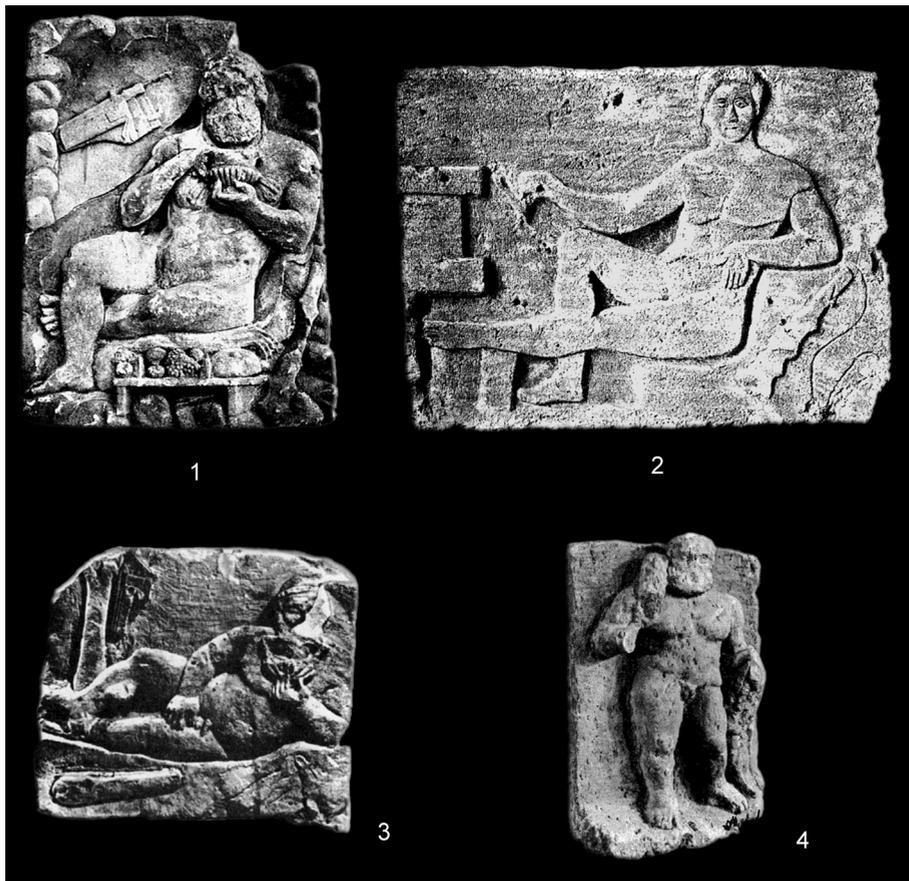

Рис. 4. Рельефы с изображением Геракла III в. до н.э.
1 — Саки; 2 — Мойнаки; 3, 4 — городище “Чайка”.

В качестве весомого аргумента в пользу сделанного вывода Э.И. Соломоник привела плиту III — II вв. до н.э. из Ольвии с изображением благосклонно внимательного героя с посвящением от имени ситонов [см.: Белецкий 1969, с. 155–161; Русяева 1979, с. 142–144], где представлена его сакральная трапеза (рис. 5: 1), а также статую пирующего Геракла работы скульптора Лисиппа, которая трактуется как его апофеоз [Соломоник 1984, с. 15; ср.: Щеглов 1974, с. 44–45].

Рис. 5. Рельефы с изображением пира богов и героев.
1 — стела ситонов из Ольвии; 2 — мраморный рельеф с Исторического бульвара г. Севастополя.

К этому следует добавить, что рельефы с аналогичными сюжетами обнаружены также на Елизаветовском городище, в античной Горгипии и на Историческом бульваре г. Севастополя, вероятно, на месте одной из сельскохозяйственных усадеб [Кругликова 1962, с. 282–289; Лунин 1964, с. 190–192; Борисова 1974, с. 14–17, рис. 1] (рис. 5: 2). Все эти памятники, датирующиеся IV — II вв. до н.э., сближает то, что на них представлены не простые смертные, как на надгробиях со сценой заgrabной трапезы [Борисова 1974, с. 18; Alexandrescu-Vianu 1975, р. 189–190], а пирующие герои или божества [ср.: Глаголев 1909, с. 188; Зелинский 1922, с. 82–84; Cumont 1959, р. 113; Кругликова 1962, с. 287–288; Иванова 1970, с. 74–76; Диатроптов 2001, с. 82; Бондаренко 2002, с. 126], что отражает представления греков о святости трапезы [подр. см.: Семина 1996, с. 126; Нильссон 1998, с. 101–103]. И только позднее, в связи с развитием идеи апофеоза, когда в представлениях простых людей почти каждый умерший становится героем и семейным божеством [Burkert 1985, р. 206], изображение заgrabной трапезы превратилось в атрибут надгробий героизированных умерших [подр. см.: Зубарь 1990, с. 63] (рис. 6).

Рис. 6. Надгробия первых веков н.э. с изображением сцены заgrabной трапезы из Херсонеса. 1 — надгробие Сотериха и Конхи; 2 — надгробие Филократа; 3 — надгробие навклера (?).

Следовательно, в рельефах с изображением отдыхающего Геракла из северо-западной Таврики следует видеть апофеоз героя-победителя, который был близок или тождествен Гераклу Сотеру, а не Гераклу хтоническому [подр. см.: Передольская 1962, с. 78–80]. Эти рельефы, а также изображение головы Геракла на херсонесских монетах вместо его атрибутов, могут рассматриваться в качестве достаточно четкого показателя трансформации представлений о Геракле и постепенного превращения его из героя в бога, завершившего свои подвиги и получившего бессмертие [ср.: Сапрыкин 1978, с. 49; Соломоник 1984, с. 16–17; Burkert 1985, р. 204–205; Аграфонов 1999, с. 19–20]. Исходя из этого, есть все основания заключить, что с начала III в. до н.э. на территории Херсонесского государства, как и в других

местах Греции [Herod. II, 44], Геракл начал превращаться из героя в божество [ср.: Apoll. III, 12, 7; 14, 6; Paus. VI, 20, 20; Plut. Sol. 9; ср.: Rohde 1898, S. 348, 354–356; Nock 1972, p. 576–577, 595–596; Goldstream 1976, p. 8–17; Burkert 1985, p. 203–208]. Хронологическим репером этого явления в какой-то степени является Присяга граждан Херсонеса [IOSPE I2, 401], где среди перечня богов, которыми должны были клясться херсонеситы, Геракл еще не упоминается [ср.: Русяева 2000, с. 79]. Не исключено также и то, что такие рельефы, на которых изображение трапезы, безусловно, имело культовое значение, были связаны с деятельностью каких-то объединений, созданных для почитания Геракла как героя-бога, но они не могут быть безусловно связаны только с заупокойным культом [подр. см.: Устинова 1988, с. 197, 208–209].

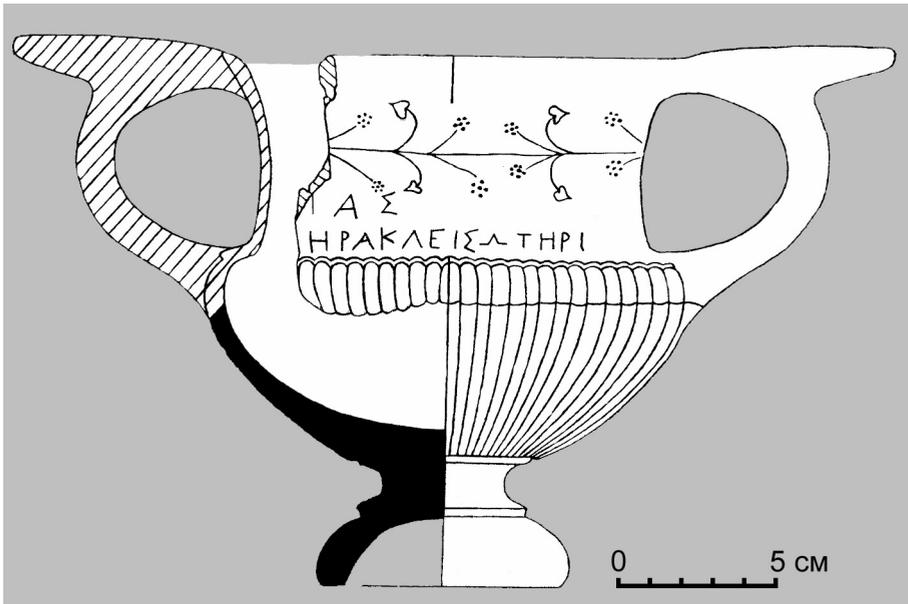

Рис. 7. Канфар с посвящением Гераклу Сотеру из раскопок комплекса У 7 поселения Панское I (по В.Ф. Столбе).

В связи с этим особое значение приобретает граффито с посвящением Гераклу Сотеру, обнаруженное при раскопках поселения Панское I [Столба 1989, с. 55–56; Hannestad, Stolba, Ščeglov 2002, p. 229; ср.: Диатроптов 2001, с. 27] (рис. 7). Причем весьма примечательно, что канфар, на котором было вырезано это граффито, датируется второй половиной — концом IV в. до н.э. и аналогичен сосудам на известняковых рельефах с отдыхающим Гераклом [Столба 1989, с. 55–56; ср.: Hannestad, Stolba, Ščeglov 2002, p. 132–133] (рис. 8). О восприятии Геракла, как Сотера вероятно, свидетельствует и ряд граффити на чернолаковой керамике, обнаруженные при раскопках Херсонеса [Соломоник 1976, с. 126, прим. 19; ср.: Граффити 1976, с. 67–67, № 885; Соломоник 1984, с. 16; Столба 1989, с. 57–58] (рис. 9).

Эпиклезу Сотер (спаситель, хранитель) из героев чаще всего получал именно Геракл [Столба 1989, с. 58], поэтому можно предполагать, что, как и в других районах античного мира [Соломо-ник 1984, с. 15–16], его культ в первую очередь носил сотерический и апотропеический характер [ср.: Аграфонов 1999, с. 18–19; Попова, Коваленко 1997, с. 82–83]. Причем, исходя позы Геракла на рельефах из северо-западной Таврики (рис. 4), он чаще всего изображался, видимо, после завершения славных дел, связанных с защитными функциями, а его поза с сосудом в руках подчеркивала его божественную сущность. Но на рельефах с поселения Панское I и городища “Чайка” он представлен стоящим, видимо, в позе защитника [Щеглов 1974, с. 45–46; 1978, с. 125, рис. 60, 1; Hannestad, Stolba, Sčeglov 2002, p. 221, G 1; Попова, Коваленко 1997, с. 81–82; Попова 2000, с. 139] (рис. 4: 4). Вероятно, такая же поза была характерна для терракотовых статуй героя III в. до н.э., фрагменты которых найдены в Херсонесе [Кобылина 1966, с. 93–96; Шевченко 2000, с. 12, № 4; ср.: с. 13–17, №№ 5–15] и на городище Беляус [Дашевская 1970, с. 65, табл. 2, 2] (рис. 10). В этом отношении весьма показательны находки терракотовой палицы Геракла из раскопок усадьбы у бухты Ветреной в северо-западной Таврике, поблизости Калос Лимена [Щеглов 1970, с. 66, табл. 1, 4; Попова 2000, с. 138–139], и аналогичных мраморных алтарей, из Херсонеса, датирующихся эллинистическим и римским периодами [АСХ 1976, с. 35–36, №№ 75–77] (рис. 11).

Мемнон сообщает, что после захвата римлянами Гераклеи Понтийской в 70 г. до н.э. среди военной добычи была огромная палица из золота, которая первоначально стояла на агоре [Мемн. ЛII, 2]. Но она могла олицетворять не только самого Геракла [ср.: Сапрыкин 1978, с. 51–52], но и его сотерические функции, о чем в частности свидетельствует то, что на нее была одета не только львиная шкура, но и золотой колчан и лук со стрелами. Поэтому изображения терракотовых палиц и алтари в виде них символизировали не хтоническую суть культа, отправлявшегося в его честь, а в первую очередь Геракла как героя — защитника [ср.: Столба 1989, с. 64]. При этом весьма показательны, что изображение палицы на херсонесских монетах хронологически совпадает с военными успехами гражданской общины Херсонеса, связанными с расширением подконтрольной ей сельскохозяйственной территории [Столба 1989, с. 64–65; Туровский 1997, с. 34]. Интересен также фрагмент золотого медальона III в. до н.э., обна-

Рис. 8. Фрагмент рельефа с изображением отдыхающего Геракла с канфаром в руках, обнаруженный на берегу Сакского озера.

руженный в насыпи херсонесского некрополя, на котором изображен не скифский Таргитай, как думала Н.В. Пятъшева, а, скорее, Геракл, сражающийся, видимо, с вепрем [подр. см.: Пятъшева 1956, с. 14–17, № 13, табл. 2]. Негреческая одежда и вооружения героя, вероятно, должны были подчеркивать, что эта битва происходила где-то в северо-причерноморском регионе. Ведь в греческой мифологии герой — это всегда воитель и защитник земли [Нильссон 1998, с. 26–27].

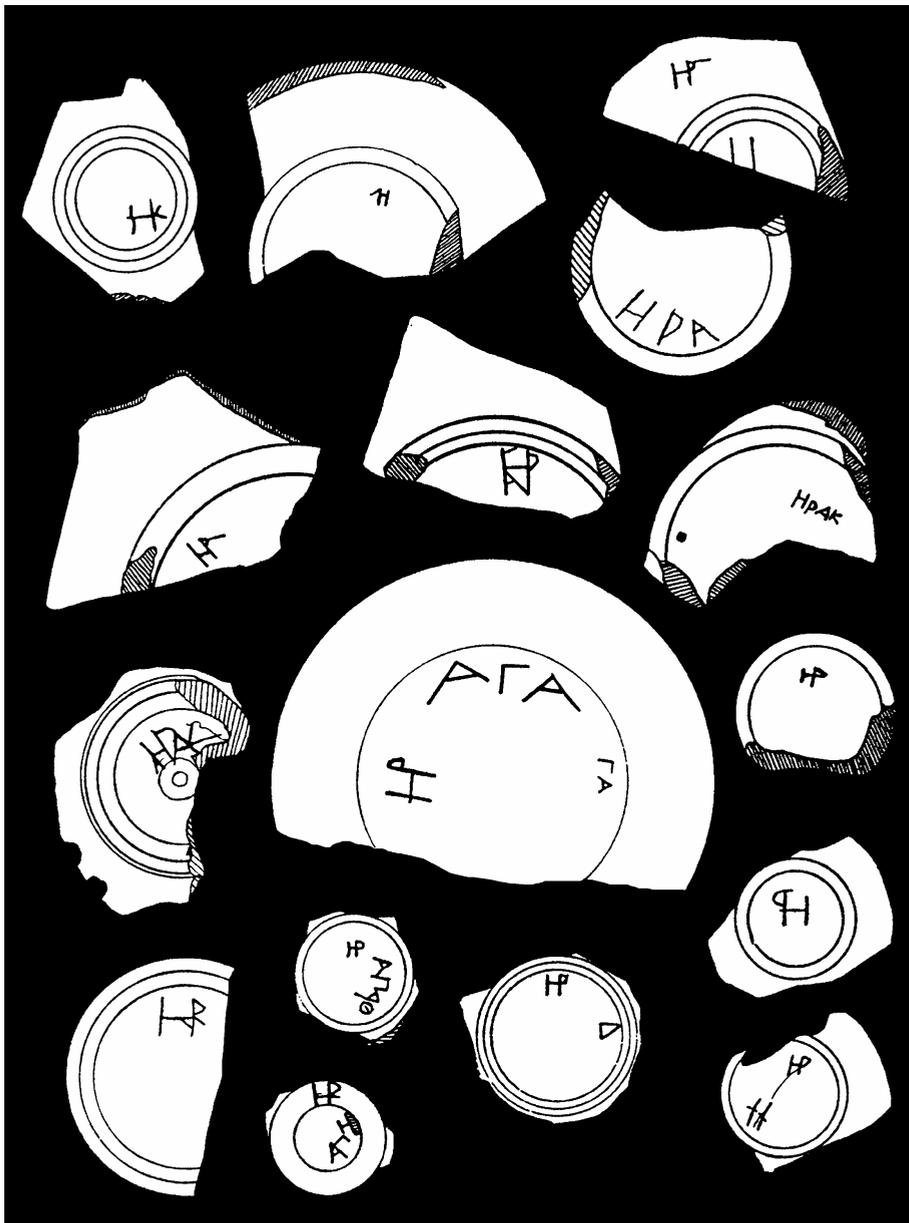

Рис. 9. Фрагменты сосудов с посвящениями Гераклу по Э.И. Соломоник.

Все это позволяет согласиться с В.Ф. Столбой в том, что, если первоначально Геракл выступал в роли покровителя херсонесской экспансии, то после освоения Гераклеяского полуострова и закрепления в северо-западной Таврике он стал почитаться как Сотер [Столба 1989, с. 64–65; ср.: Туровский 1997, с. 34; Попова, Коваленко 1997, с. 82; Русяева 2000, с. 79; Бондаренко 2003, с. 113]. Причем не исключено, что в первую очередь он являлся защитником территории Херсонесского государства [Латышева 1997, с. 117], что хорошо согласуется с образом этого героя-бога в греческой мифологии как покровителя и владыки территорий, освоенных греками в период колонизации [подр. см.: Herod. IV, 8–10; Тохтасев 1983, с. 112–114; Соломоник 1984, с. 13; Русяева 1990, с. 51; 1992, с. 8–14; Бондаренко 2003, с. 113]. В пользу именно такого заключения свидетельствует резкое уменьшение связанных с культом Геракла памятников после II в. до н.э., когда греки были вытеснены из северо-западной Таврики и она была окончательно захвачена скифами [Аграфонов 1999, с. 16–17, 20–21]. Сходными причинами объясняется потеря авторитета Геракла в среде греков, населявших земли Ольвийского государства, [Русяева 1992, с. 124, 127]. А на Боспоре, напротив, со II в. до н.э. фиксируется оживление этого культа, [Шауб 2004, с. 105], что свидетельствует об определенной специфике трансформации религиозного мировоззрения в разных регионах Северного Причерноморья.

Предполагая, что Геракл в IV — II вв. до н.э. выступал преимущественно как Сотер — покровитель и защитник территории Херсонесского государства, следует подчеркнуть, что в нижнем Побужье аналогичные функции выполнял также герой-бог, но Ахилл Понтарх, который являлся главным охранителем территорий и границ Ольвийского государства на протяжении всей античной эпохи [Русяева 1979, с. 122–140; 1990, с. 41–49, 124; 1992, с. 70–83]. В этом, очевидно, следует видеть то общее, что было присуще мифологическим и религиозным представлениям греков в конкретно-исторических условиях развития античной цивилизации в западной Таврике и нижнем Побужье, где почитались самые знаменитые греческие герои — Геракл и Ахилл. О мифологической связи Геракла с Северным Причерноморьем греки-херсонеситы помнили и в первые века н.э. Об этом свидетельствует терракотовая пластинка с изображением змееного су-

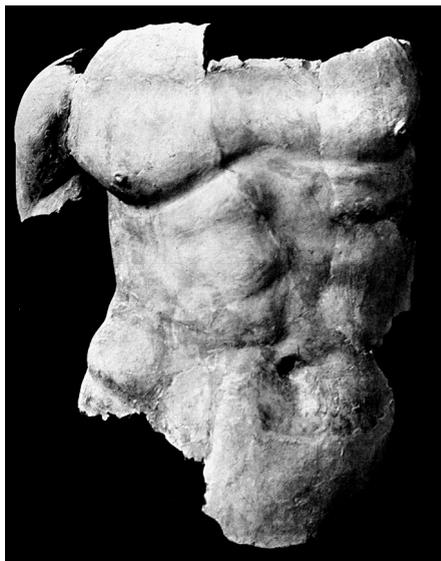

Рис. 10. Фрагмент терракотовой статуи Геракла из Херсонеса. III в. до н.э.

щества с головой быка, которую, вероятно, можно отождествлять с Ехидной, родившей, согласно Геродоту [Herod. IV, 9], от Геракла сыновей — родоначальников скифов [Пятышева 1947, с. 213–215, рис. 1; ср.: 1956, с. 26–27] (рис. 12).

Рис. 11. Мраморный жертвенник в форме палицы Геракла из Херсонеса. Первые вв. н.э.

Со II в. до н.э., видимо, сразу же после херсонесско-скифских войн, памятники, связанные с культом Геракла, исчезают и вновь фиксируются в Херсонесе лишь в первые века н.э. [Аграфонов 1999, с. 6–15] (рис. 13; 14: 2). Однако, в отличие от эллинистического периода, изображение головы Геракла или его атрибутов, помимо бодающегося быка, отсутствует в городской монетной чеканке. Причем вряд ли изображение быка, имеющееся на монетах Херсонеса первых веков н.э. [Анохин 1977, с. 148–155, №№ 200, 201, 258–260, 270–272, 280–282, 285, 292–294], безоговорочно можно связывать именно с Гераклом, в честь которого официально отправлялся культ [Аграфонов 1999, с. 14–15]. Это животное в нумизматике вполне могло быть данью традиции и нести на себе идеологическую нагрузку, не связанную с почитанием этого героя-бога. В противоположность этому в составе погребального инвентаря, который в целом становится более разнообразным и многочисленным [Зубарь 1982, с. 123], растет количество предметов с изображением героя-бога и его атрибутов [Косцюшко-Валюжинич 1895, с. 61, № 328; 1896, с. 61, № 429; 1897, с. 114, № 600; 1905, с. 73, № 1649; Репников 1927, с. 177, № 2791; Лепер 1927, с. 223, рис. 9, 4; с. 247, рис. 6, 5; № 102; Белов 1927, с. 116, рис. 11; Щеглов 1960, с. 21–24 и др.]. Встречаются также граффити, которые интерпретируются как посвящения Гераклу [Бондаренко 2003, с. 114].

С одной стороны, это свидетельствует об определенной популярности Геракла, а, с другой, — позволяет предполагать, что такие вещи рассматривались в качестве действенных

апотропеев, которые, по мнению родственников умершего, должны были защитить его в потустороннем мире от вредоносных и злых сил. Поэтому можно предполагать, что, несмотря на отсутствие памятников, связанных с отправлением культа Геракла Сотера на официальном уровне, с его сотерическими функциями была знакома основная масса населения и рассматривала его изображения в качестве магических, способных защитить, если не все государство, то отдельно

Рис. 12. Терракотовая пластинка с изображением змееного существа по Н.В. Пяташевой.

защитник Херсонесского государства, и хтоническая функция Геракла, связанная с представлениями о нем, как о победителе смерти, выдвинулась на первый план. Об этом можно говорить на основании скульптурных изображений пирующего Геракла и его подвигов на стенках мраморных саркофагов первых веков н.э. [АСХ 1976, с. 32, №№ 63, 64; с. 147–149, №№ 465–467] (рис. 15).

Весьма интересен и известный алтарь II — III вв. н.э., обнаруженный в районе Камышовой бухты, на боковой стороне которого были изображены Геракл и Гермес [Щеглов 1974, с. 51, рис. 5; АСХ 1976, с. 33, № 66] (рис. 14: 1).

Конечно, нельзя отрицать, что этот алтарь мог быть связан почитанием Гермеса и Геракла, как божеств плодородия или покровителей агоний [Щеглов 1974, с. 54; Аграфонов 1999, с. 19]. Но не следует забывать и того, что именно Гермес был проводником Геракла в Аид [Сапрыкин 1978, с. 51], так как он, по мнению греков, являлся одним из проводников душ умерших [Farnell 1909, р. 14–15; Нильссон 1998, с. 13]. Поэтому в данном случае алтарь мог быть связан с почи-

взятого человека и его дом [ср.: Пяташева 1948, с. 204; Нильссон 1998, с. 108; Мещеряков 1980, с. 11]. Этим, скорее всего, и объясняется присутствие вещей с изображением Геракла в составе погребального инвентаря. Это в свою очередь является еще одним косвенным подтверждением того, что в эллинистический период в культе Геракла, безусловно, преобладали функции Сотера, а не хтонического божества, достигшего бессмертия.

Вместе с этим в первые века н.э., когда Геракл перестал считаться как покровитель и за-

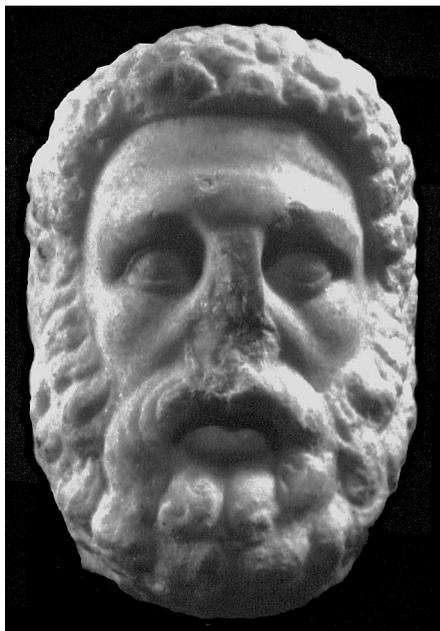

Рис. 13. Голова Геракла. Фрагмент статуи II в. н.э.

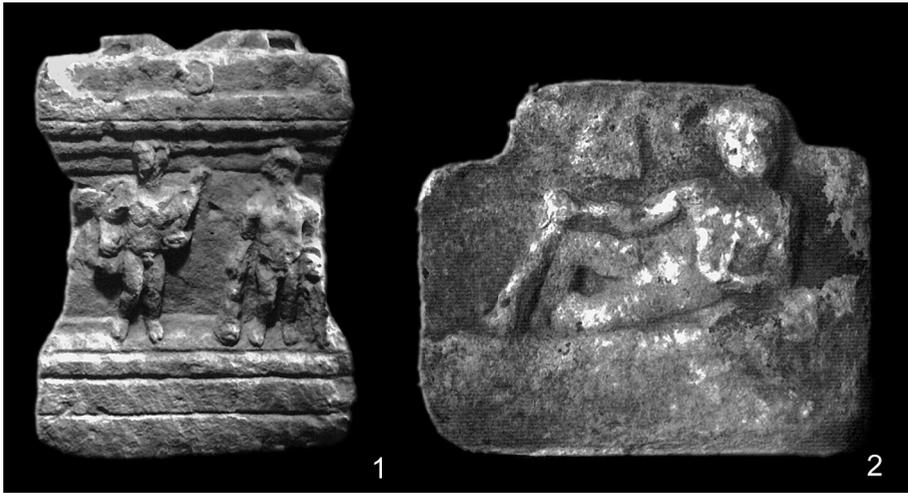

Рис. 14. Памятники первых веков н.э., связанные с почитанием Геракла. 1 — алтарь с изображением Геракла и Гермеса. II — III вв. н.э. 2 — рельеф с изображением отдыхающего Геракла.

танием хтонических функций героя-бога и верой в бессмертие. Не исключено, что увеличение в первые века н.э. количества памятников, связанных с почитанием Геракла — Геркулеса, в какой-то мере объясняется и влиянием Рима, где особенно в правление императора Коммода, он получил значительное развитие [Simon 1990, S. 72–87]. Но в этом отношении весьма показательным, что в Херсонесе первых веков н.э. культ Геракла, видимо, не отправлялся от имени гражданской общины [ср.: Бондаренко 2003, с. 128]. Во всяком случае, памятники, свидетельствующие бы об этом, пока неизвестны, что делает вполне правомерным сделанное заключение.

Суммируя сказанное, следует подчеркнуть, что культ Геракла был принесен в Херсонес из метрополии и, видимо, уже на начальном этапе истории полиса, наряду с Партенос, играл ключевую роль в религиозной жизни греков-херсонеситов. В представлениях жителей Херсонеса он постепенно трансформировался из героя в бога и стал покровителем процесса расширения территории Херсонесского государства, а затем и защитником его границ [Зубарь 2004, с. 131–135]. Источники, имеющиеся в настоящее время, свидетельствуют, что на протяжении IV — II в. до н.э. его сотеричес-

Рис. 15. Фрагмент стенки мраморного саркофага II — III вв. н.э. с изображением подвигов Геракла.

кая функция выступала наиболее выразительно и от чтился главным образом как защитник сельскохозяйственных территорий Херсонесского государства. Со II в. до н.э., в связи с захватом херсонесских земель в северо-западной Таврике скифами, его роль в религиозной жизни падает [ср.: Аграфонов 1999, с. 16].

В первые века н.э. наблюдается оживление культа Геракла, но теперь он выступал в качестве защитника не государства, а отдельных лиц или семей, отдававших себя под его покровительство [ср.: Соломоник 1984, с. 15–16]. Вероятно, этим объясняется полное отсутствие официальных памятников в честь Геракла и значительное количество вещей с изображением божества, которые в качестве апотропеев включались в состав погребального инвентаря. Следовательно, в первые века н.э. сотерические функции Геракла, как защитника Херсонесского государства, стали непопулярными, а основную роль в религиозной жизни херсонеситов стали играть апотропеическая и хтоническая стороны его культа [ср.: Аграфонов 1999, с. 19]. Анализ развития культа Геракла свидетельствует, что религиозные представления, как и другие стороны жизни населения Херсонеса, во многом зависели не только от особенностей внутреннего развития, но и той военно-политической обстановки, которая складывалась вокруг города в тот или иной период его античной истории. “Религия, — писал М. Нильссон, — стремилась найти себе новые формы, которые соответствовали бы новым потребностям и новым представлениям” [Нильссон 1998, с. 189]. И трансформация культа Геракла в конкретно-исторических условиях Херсонеса является ярким подтверждением этого важного теоретического положения.

Литература

- Аграфонов П.Г.* Геракл в коропластике Херсонеса // Ярославский педагогический вестник. 1997. № 4. С. 21–25.
- Аграфонов П.Г.* Культ Геракла в Херсонесском государстве (IV в. до н.э.– III в. н.э.). Автореф. ...канд. ист. наук. М., 1999. 22 с.
- Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.– XII в. н.э.). Киев, 1977. 174 с.
- Античная скульптура Херсонеса. К., 1976. 344 с.
- Бабинов Ю.А.* Религиозные культы и обряды античного Херсонеса (конец V — II вв. до н.э.). Автореф. ... канд ист. наук. М., 1967. 19 с.
- Белецкий А.А.* Благосклонно внемлющий герой в Ольвии // ВДИ. 1969. № 1. С. 155–161.
- Белов Г.Д.* Римские приставные склепы №№ 1013 и 1014 в Херсонесе // Хсб. 1927. Вып. 2. С. 105–146.
- Белов Г.Д.* Терракоты Херсонеса из раскопок 1908–1914 гг. // Хсб. 1930. 3. С. 219–245.
- Белов Г.Д.* Терракоты из Херсонеса // САИ. 1970. Вып. Г1–1. С. 70–77.

- Белов Г.Д.* Терракотовая голова Геракла из Херсонеса // СА. 1976. № 4. С. 203–208.
- Бондаренко М.Е.* Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003. 170 с.
- Борисова В.В.* Мраморный рельеф // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. К., 1974. С. 14–19.
- Глаголев С.* Греческая религия. Сергеев Посад, 1909. Часть 1. 266 с.
- Граффити античного Херсонеса. К., 1978. 139 с., 31 табл.
- Дашевская О.Д.* Терракоты с городища Беляус // САИ. 1970. Вып. Г1–1. С. 65.
- Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. 136 с.
- Зелинский Ф.Ф.* Религия эллинизма. Пгр., 1922. 134 с.
- Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. Вып. 16. 264 с.
- Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I — IV вв. н.э. К., 1982. 144 с.
- Зубарь В.М.* О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 61–84.
- Зубарь В.М.* О характере культа Геракла в Херсонесском государстве в эллинистический период // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. 2. С. 131–135.
- Иванова А.П.* Сцена “загробной трапезы” на херсонесских надгробных рельефах // Археология. 1970. Т. 23. С. 74–90.
- Кобылина М.М.* Глиняный торс Геракла из Херсонеса // Культура античного мира. М., 1966. С. 92–98.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчёт заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 г. // ОАК за 1893 г. СПб., 1895. С. 51–75.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчёт заведующего раскопками в Херсонесе за 1894 г. // ОАК за 1894 г. СПб., 1896. С. 60–75.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчёт заведующего раскопками в Херсонесе за 1895 г. // ОАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 104–116.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК. 1905. Вып. 16. С. 37–113.
- Кругликова И.Т.* Мраморный рельеф из Анапы // СА. 1962. № 1. С. 282–289.
- Латышева В.А.* Новые данные о культе Геракла в Херсонесе и некоторые аспекты его почитания // Античный мир и Византия. Харьков, 1997. С. 114–122.
- Лепер Р.Х.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908–1910 гг. // Хсб. 1927. Вып. 2. С. 189–256.
- Лунин Б.В.* О мраморном рельефе из Анапы // СА. 1964. № 4. С. 189–193.

- Мещеряков В.Ф.* Религия и культы Херсонеса Таврического I—IV вв.: Автореф... канд. ист. наук. М., 1980. 16 с.
- Наливкина М.А.* Терракоты из Прекрасной гавани // САИ. 1970. Вып. Г1 -1. С. 64.
- Наливкина М.А.* Статуэтки из Керкинитиды // САИ. 1970 а. Вып. Г1 -1. С. 66–68.
- Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб., 1998. 218 с. , 39 илл.
- Передольская А.А.* Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // Труды ГЭ. 1962. Т. 7. Вып. 3. С. 46–91.
- Попова Е.А.* Терракоты с городища “Чайка” в Евпатории // РА. 2000. № 1. С. 131–143.
- Попова Е.А., Коваленко С.А.* Особенности культа Геракла в Херсонесском государстве (по материалам городища “Чайка”) // РА. 1997. № 2. С. 78–84.
- Пятьшева Н.В.* Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 3. С. 213–218.
- Пятьшева Н.В.* О культе Геракла в Херсонесе // ВДИ. 1948. № 2. С. 197–204.
- Пятьшева Н.В.* Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV в. до н.э.–IV в. н.э. М., 1956. 84 с. , 15 табл.
- Репников Н.И.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. // Хсб. 1927. Т. 2. С. 149–181.
- Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. К., 1979. 170 с.
- Русяева А.С.* Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. К., 1990. С. 40–61.
- Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. К., 1992. 256 с.
- Русяева А.С.* Культы и святилища в сфере политики демократических полисов Северного Причерноморья в раннеэллинистическое время // ВДИ. 2000. № 3. С. 74–84.
- Русяева А.С., Русяева М.В.* Верховная богиня античной Таврики. К., 1999. 208 с.
- Сапрыкин С.Ю.* О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. 1978. № 1. С. 38–52.
- Свенцицкая И.С.* “Памяти ради”: эволюция отношения греков к смерти и погребальным обрядам в эллинистическо-римское время // ВДИ. 2003. № 4. С. 101–110.
- Семина К.А.* О феномене раннегреческого храма // ВДИ. 1996. № 4. С. 124–132.
- Соломоник Э.И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. 121–141.

- Соломоник Э.И.* Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984. 144 с.
- Столба В.Ф.* Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 55–70.
- Стржелецкий С.Ф.* Рельефное изображение Геракла из Херсонеса // КСИИМК. 1939. Вып. 2. С. 36–37.
- Стржелецкий С.Ф.* Жертвенник Гераклу из так называемого Страбонова Херсонеса // Хсб. 1948. Вып. 4. С. 97–106.
- Тохтасьев С.Р.* Боспорская легенда об Афродите Апатуре // ВДИ. 1983. № 2. С. 111–117.
- Туровский Е.Я.* Монеты независимого Херсонеса IV — II вв. до н.э. Севастополь, 1997. 88 с.
- Устинова Ю.Б.* Частные культовые сообщества у греков (Атика VI — IV вв. до н.э.) // Быт и история античности. М., 1988. С. 192–218.
- Шауб И.Ю.* Культ Геракла на Боспоре (особенности и хронология) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. 1. С. 103–106.
- Шевченко А.В.* Терракоты античного Херсонеса // МАИЭТ. 2000. Т. VII. С. 7–44.
- Щеглов А.Н.* Светильник с изображением Геракла // СХМ. 1960. Вып. 1. С. 21–24.
- Щеглов А.Н.* Терракота из эллинистической сельской усадьбы в округе Прекрасной гавани (у бухты Ветреной) // САИ. 1970. Вып. Г1-1. С. 66.
- Щеглов А.Н.* Геракл отдыхающий // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. К., 1974. С. 44–55.
- Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. 160 с.
- Alexandrescu-Vianu M.* Les stèles funéraires de la Macédoine romaine // Dacia. 1975. Т. 19. Р. 183–200.
- Burkert W.* Greek Religion: Archaic and Classical. Oxford, 1985. 493 p.
- Burstein S.* An outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, Los Angeles, 1976. 143 p.
- Cumont F.* After life in Roman paganism. New York, 1959. 225 p.
- Farnell L.R.* The Cults of the Greek States. Oxford, 1909. Vol. 5. 483 p.
- Goldstream J.N.* Hero-cults in the Age of Homer // JHS. 1976. Vol. 96. P. 8–17.
- Hannestad L., Stolba V.F., Ščeglov A.N.* Panskoye I. Vol. I. The Monumental Building U 6. Text. Aarhus University Press, 2002. 308 p.; Vol. 2. Plates. Aarhus University Press, 2002. 18 p., 191 pl.
- Minns E.H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. 730 p.

Nock A.D. Essays on religion and Ancient World. Cambridge, 1972. Vol. 2. 1029 p.

Popova E.A., Kovalenko S.A. On the Cult of Heracles in the North-Western Crimea // New Studies on the Black Sea Littoral (Colloquia Pontica 1). Oxford, 1996. P. 63–71.

Popova E.A., Kovalenko S.A. A New Relief with Heracles in the North-Western Crimea // TALANTA. 2002. 32/33. P. 103–108.

Rohde E. Psyche. Seelencult und Unsterblichkeit Glaube der Griechen. Zweite verbesserte. Freiburg, Leipzig, Tübingen, 1898. Bd. 2. 436 s.

Simon E. Die Götter der Römer. München, 1990. 319 s.

ПОГРЕБЕНИЯ В ШИФЕРНЫХ САРКОФАГАХ УСПЕНСКОГО СОБОРА КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

На протяжении практически всей истории существования Успенский собор Печерского монастыря служил местом захоронения церковных иерархов, представителей княжеских родов XII—XVII вв., выдающихся политических и военных деятелей позднесредневекового и Нового времени, а кроме того и просто состоятельных киевлян XVI—XIX вв. Первое погребение здесь появляется сразу после освящения собора в 1089 г., а последнее, насколько нам известно, датируется 1855 г. и принадлежит духовнику киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова), схимнику Парфению.

Не удивительно, что значительный объем исторической информации, полученной в результате многолетних археологических исследований, так или иначе связан с описанием и характеристикой многочисленных погребений успенского некрополя. Это касается и архитектурно-археологических работ 50–70-х годов XX в., выполнявшихся по ходу разборки руин собора [Холостенко 1955, с. 341–358; 1967, с. 58–68; 1975, с. 107–170; 1976, с. 131–165], взорванного в ноябре 1941 г., и исследований 80-х годов, нацеленных на подготовку первого проекта воссоздания храма [Харламов 1982/34; Білодід, Харламов 1983, с. 148–157; Харламов 1986; 1993, с. 138–150]. В полной мере это относится и к последнему циклу археологических исследований, осуществлявшихся как составная часть реального процесса восстановления собора [Ивакин, Балакин 1999, с. 11–13; 2001, с. 130–133].

Среди более чем 200 погребений, выявленных в 1997–2000 гг. на разных участках памятника, наиболее интересными, безусловно, являются захоронения в шиферных саркофагах. Всего по разным источникам в составе успенского некрополя сегодня известно 15 погребальных сооружений этого типа (рис. 1). Из них 7 отмечено на плане 1888 г. (рис. 2), составленном во время одного из последних ремонтов церкви XIX в. [Захарченко 1888, с. 66]. Только 2 саркофага (№№ 9–10) из 7 упомянутых не имеют археологического подтверждения, т.к. исследования этих участков собора не проводилось. Во всех остальных случаях погребальные сооружения были зафиксированы либо во время раскопок 60–80 гг. XX в. (№№ 1, 6, 7, 11), либо нами, когда — впервые или повторно — удалось обследовать абсолютное большинство (кроме погребения № 11) рассматриваемых здесь погребальных сооружений.

По соображениям удобства, всю совокупность известных на сегодня шиферных саркофагов Успенского собора целесообразно разделить на три количественно почти равные группы, а именно: 1) группу отдельно расположенных захоронений; 2) погребальный комплекс из 5 саркофагов, исследованный в 1998 г. в южной части древнерусского

нартекса, и 3) группу из 4 саркофагов, выявленную в 2000 г. в районе западного портала собора.

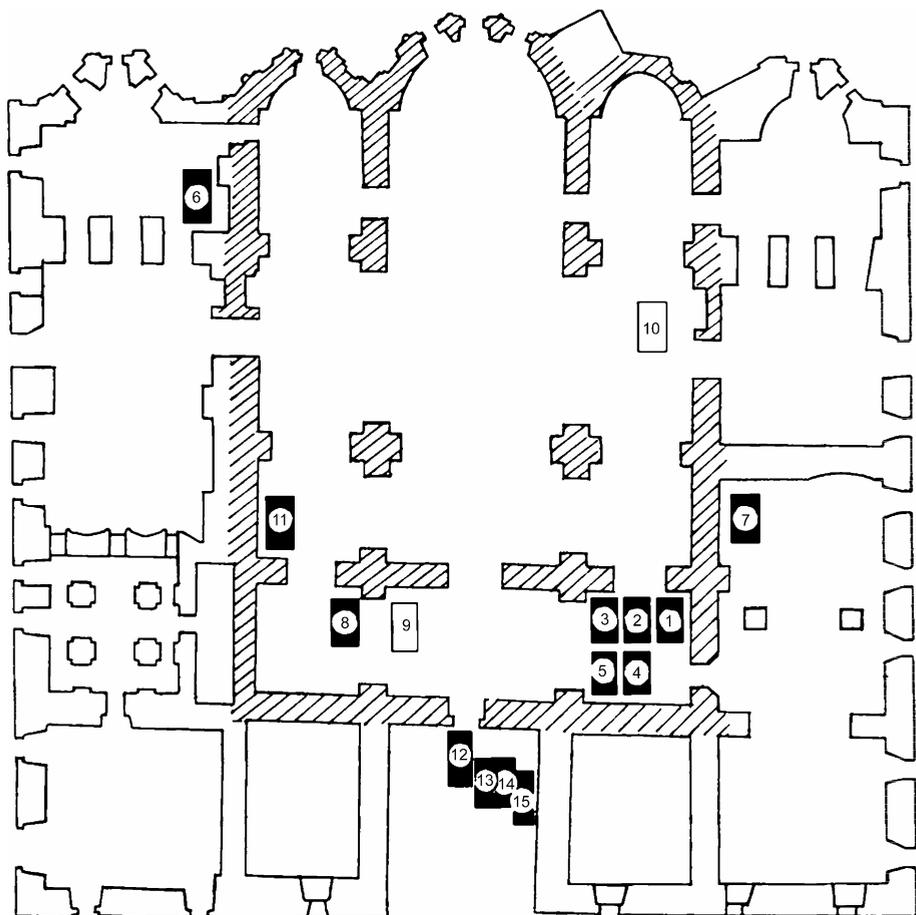

Рис. 1. Схема расположения саркофагов Успенского собора. Черным на схеме выделены археологически исследованные погребальные сооружения.

1. Группа отдельно расположенных саркофагов насчитывает 6 погребальных сооружений, зафиксированных в разные годы на разных участках собора (рис. 1). Два из них (саркофаги № 9–10) археологически никогда не исследовались и единственным свидетельством наличия этих погребений на Успенском соборе является план М. Захарченко 1888 г. Учитывая, однако, что все остальные обозначенные там саркофаги получили археологическое подтверждение, у нас нет оснований сомневаться и относительно двух этих случаев. Еще одно погребение (саркофаг № 8), расположенное на трассе одного из тоннелей подземной отопительной системы, было сильно повреждено строительными работами конца XIX в., а так же вследствие взрыва собора, эпицентр которого находился на участке между древнерусским северным фасадом церкви и Ивановской крещальней, построенной на

рубеже XI — XII вв. у северо-восточного угла собора. В ходе исследований 1998 г. в бровке траншеи, вырытой при восстановлении кирпичной кладки отопительного канала, удалось лишь зафиксировать сильно поврежденную восточную часть саркофага. Полностью это погребение ни в 1998 г., ни ранее не раскапывалось.

Что касается трех остальных саркофагов данной группы, то все они, напротив, были исследованы, и притом неоднократно. К примеру, саркофаг № 6, обнаруженный, самое позднее — еще во время ремонтных работ XIX в., впервые был исследован в 1962 г. [Ситкаррова 2000, с. 146]. При повторном обследовании в 1998 г. выяснилось, что погребальное сооружение верхней плиты не имело и сверху было перекрыто кирпичной кладкой на цементном растворе. Кроме верхней плиты, не сохранились так же нижняя плита и восточная торцевая стенка сооружения. Размеры саркофага по внутреннему контуру составляли 190×64–42 см. Под слоем строительного мусора и консервационного песка на дне саркофага были расчищены два скелета, сохранившиеся в относительно правильном анатомическом положении. Покойники лежали вытянуто на спине, головой на запад. Оба — мужчины 25–30 лет. Под головами погребенных найдено несколько поливных половых плиток древнерусского времени, а в заполнении саркофага над погребениями — серебряный денарий Сигизмунда Августа середины XVI в. и две копейки 1864 и 1890 гг. Под слоем строительного мусора к северу от саркофага была обнаружена фрагментированная шиферная плита без пазов, общими размерами 236×74 см. Под плитой, которая когда-то, по-видимому, перекрывала первоначальную конструкцию сооружения, располагались остатки двух разрушенных погребений, принадлежавшие женщинам 18–20 лет, а ниже них, под отмосткой из плоского кирпича, — захоронение мужчины 40–45 лет, сохранившееся без заметных повреждений. Мужское погребение безинвентарное; при расчистке женских захоронений найден пражский грош XIV в.

Следует отметить, что саркофаг № 6, находившийся под внешним обрезом позднего усиления древнерусского фундамента, располагался на месте каплиц, пристроенных к северному фасаду собора в XII — XIII вв. и разрушенных в ходе последующих его перестроек. Оба выявленные в саркофаге погребения имеют несомненно вторичный характер и датируются временем не ранее строительства Стефаньевского придела (между 1577 и 1625 гг.), когда саркофаг, который первоначально, вполне возможно, принадлежал одной из каплиц, был демонтирован, а позднее вновь собран для повторного использования.

Саркофаг № 7, располагавшийся в северо-восточном углу Трехсвятительского придела, прямо под внешним обрезом южной стены XI в., впервые был обследован в 1952 г. [Холостенко 1955, с. 355–357; Харламов 1982/34, фото 69, 85–86]. Согласно Н.В. Холостенко, захоронение в этом саркофаге, так же как и в предыдущем, носит вторичный характер и появилось в нем, вероятно, во время строительства каплицы и контрфорсов в конце XV в. В результате исследований 1998 г. было ус-

тановлено, что конструкция сооружения сохранилась не полностью — верхняя плита и обе торцевые стенки отсутствовали. Размеры сооружения по внутреннему контуру составляли 186×74 см, высота — 78 см. Полость саркофага была заполнена мешаным, но относительно чистым грунтом. Ни археологических материалов, ни антропологических остатков в саркофаге не обнаружено. При демонтаже погребального сооружения выяснилось, что его нижняя плита, сохранившаяся *in situ*, была положена непосредственно на строительный горизонт XI в.

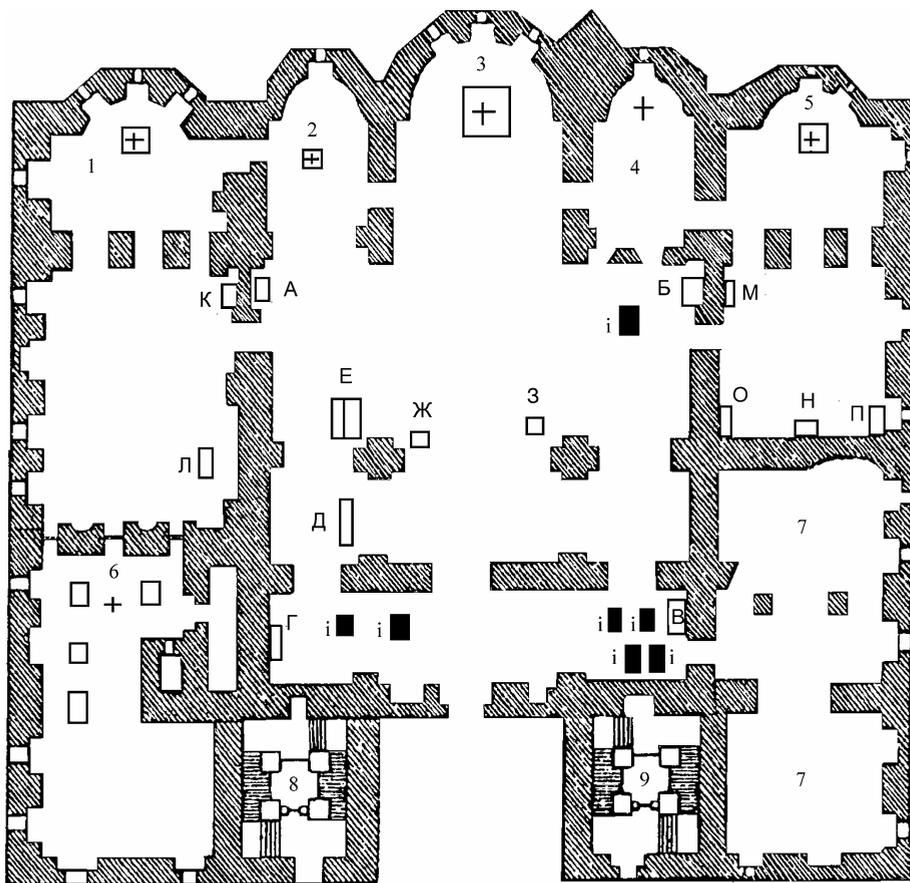

Рис. 2. План Успенского собора конца XIX в. (из книги М.М. Захарченко, 1888, с. 66).

Наконец, еще один отдельно стоящий саркофаг (саркофаг № 11) был исследован в 1982 г. под внутренним обрезом фундаментов северной стены древнего ядра собора. Погребение почти полностью разрушено взрывом 1941 г. В контексте строительного мусора на глубине ок. 2,5 м были зафиксированы остатки шиферного саркофага (нижняя плита и обе боковые продольные плиты), в который был помещен деревянный гроб с погребением митрополита П. Могилы. По внешнему контуру конструкция саркофага была укреплена кирпичной кладкой. Захоронение митрополита сверху перекрывалось орнаментированной

шиферной плитой от ограды хор XI в. Остатки первоначальных погребений, разрушенных при захоронении П. Могилы, были сложены за пределами саркофага, в восточной части могильной ямы 1647 г. Сверху они перекрывались инкрустированной смальтой шиферной плитой древнерусского пола собора [Білодід, Харламов 1983, с. 148–157].

Рассмотренная группа саркофагов репрезентует престижную часть древнерусского некрополя в начальный период существования успенского погоста, отражает тот этап, когда его структура только начала формироваться и в своем развитии еще не лимитировалась фактором свободного места или какими-либо подобными внешними обстоятельствами. В количественном отношении данная группа захоронений на середину XIII в., конечно, была намного более представительной. Об этом говорит хотя бы тот факт, что только в составе отместки, выполненной в 1893 г. по восточному фасаду собора, Н. В. Холостенко насчитал не менее 7 плит от саркофагов [1967, с. 59–60].

2. Погребальный комплекс в нартексе XI в., обнаруженный и полностью раскопанный в 1998 г., состоит из 5 саркофагов, размещенных в две линии — восточную (саркофаги № 1–3) и западную (саркофаги № 4–5). Результаты этих исследований уже опубликованы [Івакін, Балакін 1999, с. 76–86]¹. Поэтому здесь мы лишь кратко напомним общую ситуацию и основные моменты интерпретации.

Прежде всего, нужно отметить, что весь упомянутый погребальный комплекс раскрывался при строительстве подземной отопительной системы собора в последней четверти XIX в. Именно тогда он был перекрыт 15 железными балками, служившими в качестве лаг пола собора, а в заполнении сооружений появился строительный мусор XIX в. и разрозненные кости разрушенных при строительных работах и перезахороненных в саркофагах погребений успенского некрополя. Тогда же все 5 саркофагов были зафиксированы на плане 1888 г. (рис. 1). Следует также отметить, что все входящие в комплекс погребальные сооружения сильно повреждены при взрыве собора и ни одно из них не дошло до нас без более или менее существенных деформаций.

Саркофаги восточной линии комплекса на момент исследований 1998 г. сохранились значительно хуже погребений его западной части, заметно больше пострадал и от строительных работ, и от разного рода других вмешательств. В частности, саркофаг № 1, находившийся в юго-восточном углу нартекса, почти прямо под внутренним обрезаем фундаментом южной древнерусской стены собора, в 1986 г. был частично обследован В. Харламовым [Харламов 1982/34, фото № 74]. Напомним, что на плане М. Захарченко этот саркофаг обозначен как “гроб преп. Феодосія”. На момент исследований 1998 г. в более-менее удовлетворительном состоянии сохранилась только заполненная консервационным песком восточная часть сооружения. В западной части

¹ Антропологические и палеопатологические определения погребений в саркофагах комплекса выполнены И. Потехиной и А. Козак [Потехіна, Козак 1999, с. 87-97].

саркофага на уровне его дна был расчищен крупный фрагмент шиферной плиты с округлым углублением, диаметром ок. 15 см, по периметру которого крестом прорезано 4 прямоугольных в сечении сквозные отверстия. Аналогий этому изделию найти не удалось и его предназначение пока остается не выясненным. Рядом с саркофагом, в отвале шурфа 1986 г., подобран обломок шиферной плиты с рельефным изображением пятиконечной звезды (рис. 3).

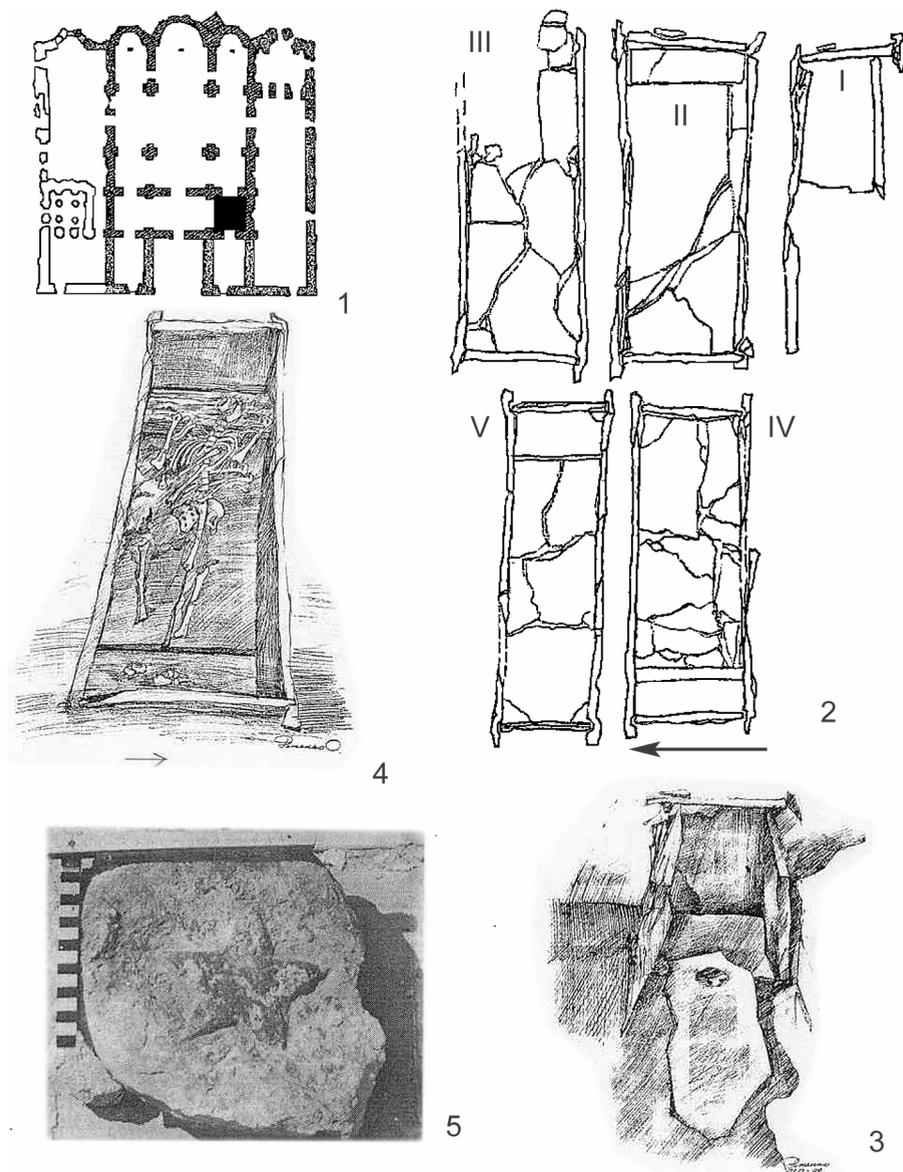

Рис. 3. Погребальный комплекс южной части древнерусского нартекса. 1 — место расположения комплекса; 2 — шиферные саркофаги в плане разкопа; 3 — саркофаг № 1 после расчистки (вид с запада); 4 — погребение саркофага № 5 (вид с востока); 5 — деталь рельефного шиферного декора.

Близкая ситуация наблюдалась и при исследовании саркофага № 3. Это сооружение располагалось на трассе отопительного канала XIX в., при строительстве которого был разрушен северо-восточный угол саркофага и снята выходящая в отопительный канал западная стенка сооружения, благодаря чему он долгое время стоял открытым. В 1998 г. в слое гумусированного грунта на дне саркофага удалось собрать только отдельные фрагменты парчевой ткани и мелкие кости посткраниального скелета женщины 25–30 лет.

Саркофаг № 2, находившийся между двумя упомянутыми выше, сохранился несколько лучше. С самого верха он был заполнен разнородным строительным мусором и разрозненными человеческими костями, принадлежавшими, как минимум, нескольким взрослым индивидам и ребенку 2–3 лет. Лишь на уровне сильно поврежденной взрывом нижней плиты сооружения удалось проследить отдельные части двух скелетов, находившиеся в относительно правильном анатомическом порядке. В обоих случаях — это мужчины 50–60 лет. Основные погребения саркофага сопровождалось большим количеством фрагментов кожи и ткани. Причем кроме тканей обычного полотняного переплетения, здесь зафиксированы и остатки золотого шитья, в частности, относительно большие фрагменты пояса с узором в виде свастики. Размеры, сырье и технические характеристики фрагментов очень близки, хотя это, несомненно, два разных изделия, принадлежавшие, соответственно, двум основным погребениям саркофага.

Саркофаги № 4 и № 5, составлявшие западную линию данной группы захоронений, меньше пострадали от ремонтных работ XIX в. и в археологическом смысле представляли собой относительно чистые комплексы. Оба саркофага сверху были перекрыты выкладкой из обломков шиферных плит на известковом растворе. В саркофаге № 4 сразу под этой вымосткой фиксировался 20 см плотный слой древнерусского строительного мусора (цемянка, обломки плинфы и голосников), больше похожий на забутовку. Нарушений этого слоя, как и присутствия в нем более поздних строительных материалов, не отмечено. Похоже, что в 1880–1883 гг. этот саркофаг полностью не раскрывался: тогда поверх забутовки было сделано лишь перекрытие из обломков шиферных плит, под одной из которых строителями была оставлена копейка 1872 г. Отметим попутно, независимо от причин появления этой забутовки, она в любом случае могла появиться только при наличии где-то рядом еще неразобранных завалов древнерусского строительного материала, т.е. или до восстановления храма в 1470 г., или во время него.

На нижней плите саркофага в ходе исследований были зафиксированы останки 3 человек — мужчины 30–35 лет, женщины ок. 30 лет и ребенка 5–6 лет. Женское погребение располагалось под южной стенкой саркофага, мужское — под его северной стенкой. Детский скелет перекрывался правой рукой женщины, а оба они, в свою очередь, частично перекрывались мужским погребением, позднее прочих появившемся в саркофаге. Все погребенные лежали вытянуто на

спине, головой на запад. Руки женщины сложены на груди, мужчины — скрещены в районе таза. Прижизненный рост мужчины составлял 177,2 см, женщины — 175,4 см.

Под западной стенкой саркофага находился подголовник, выполненный из кирпича и известково-цемяночного раствора. Размеры подголовника — 65×23×13 см. При погребении хорошо заглаженная поверхность подголовника была покрыта тканью золотого шитья (сохранились отдельные нити).

При исследовании саркофага, в районе его юго-восточного угла, в 6–7 см выше нижней плиты, была найдена очень редкая серебрянная монета Владимира Ольгердовича (т. н. I тип). Считается, что это первая монета киевского княжества после 1240 г.,² период обращения которой, учитывая исторические реалии, определяется 60-началом 80-х гг. XIV в. Принимая во внимание характер забутовки саркофага, эту находку вряд ли можно считать случайной. Скорее, это “обол мертвых”, предназначенный одному из погребений. Это позволяет предполагать связь рассматриваемых погребальных сооружений со временем правления княжеского рода Олельковичей, несколько представителей которого, по данным лаврских синодиков, были погребены в Успенском соборе.

Саркофаг № 5 располагался с северной стороны предыдущего. С самого верху он был заполнен мешаным грунтом и разрозненными человеческими костями, в целом, принадлежавшими не менее 5 индивидам разного пола и возраста. “Костница”, появившаяся в саркофаге в конце XIX в., от собственно захоронения отделялась широкой сосновой доской. Основное погребение саркофага принадлежало мужчине очень высокого роста (181,1 см), умершему в возрасте 30–35 лет. Покойник лежал вытянуто на спине, головой на запад. Под западной стенкой саркофага был установлен подголовник из дубового бруса (53×29×10 см) с выемкой в центральной части. (Под северной стенкой саркофага, кроме того, был зафиксирован еще один фрагментированный дубовый брус приблизительно таких же размеров. Не исключено, что это остатки подголовника, возможно, от первоначального погребения саркофага). Возле рук погребенного, скрещенных в районе таза, найдена завязанная узлом узорчатая лента, предназначенная, очевидно, для завязывания рук покойному.

Таким образом, всего в 5 саркофагах находились остатки 17 человек. Не учитывая сомнительную находку саркофага № 1 и, естественно, остатки неизвестных погребений из “костниц” саркофагов № 2 и № 5, с рассматриваемым погребальным комплексом наверняка можно связывать лишь 7 из 17 определенных костяков. Особого внимания среди них заслуживает, разумеется, мужское погребение сар-

² Монеты I (на сегодня их известно всего 18 экз.) небольшие, весом 0,17- 0,22 г и диаметром 8–10 мм. Внешне они достаточно поверхностно копируют дирхем ордынского хана Джанибека I, чеканившийся в Гюлистане в 1351–1352 гг. [Котляр 1972, с. 46–67; Kozubowski 1994, с. 121–140].

кофага № 4, дистальные концы берцовых костей которого касались торцевой стенки саркофага, а пяточные и плюсневые кости скелета были отделены и в почти полном анатомическом порядке сложены между берцовыми костями погребения. Наряду с другими признаками, это позволяет допускать казнь четвертованием. Учитывая это, а также выводы антропологов относительно рода занятий захороненного, именно это захоронение в дальнейшем может оказаться ключевым моментом в поиске путей исторической идентификации всего данного погребального комплекса.

По завершению исследований, все упомянутые погребальные сооружения были демонтированы. При этом было выяснено несколько нюансов, достаточно важных для интерпретации всего комплекса. Прежде всего, при разборке погребальных сооружений оказалось, что их нижние плиты находились приблизительно на одном уровне и были положены прямо на разровненный слабо мешаный лессовый грунт. Промежуток между соседними саркофагами был утрамбован гумусированным грунтом с обломками плитки. Нижняя часть этой забутовки представляла собой почти сплошной слой вальков подсыхшего известкового раствора.

Кроме того, в процессе зачистки дна раскопа под нижними плитами саркофагов № 3 и № 4 удалось проследить две прямоугольные в плане ямы, размерами 1,2×2,4 м и глубиной 10–15 см. Обе ямы заполнены мешаным лессовидным суглинком с небольшой примесью мелкого древнерусского строительного мусора. Одна из ям несколько глубже другой и, главное, одна из них перерезает другую, т.е. является более поздней. По размерам обе ямы совпадают с обычными габаритами нижних плит саркофагов и, несомненно, фиксируют места первоначального расположения погребений в древнерусском нартексе собора³.

Итак, в сравнении с первой группой погребений, специфика данного погребального комплекса определяется следующими моментами:

1) Погребальные сооружения, которые в среднем имели размеры 1,9–2,0×0,5–0,7 м, установлены довольно компактно, практически вплотную одно к другому. Восточные стенки саркофагов №№ 1–3 касаются фундаментов XI ст., а западные торцы саркофагов № 4 и № 5 проходят на расстоянии 10–15 см от внутреннего обреза западных

³ По летописным источникам известно по меньшей мере 4 исторических личности, которые были погребены на этом месте на протяжении XI–XII ст. Сразу после переноса мощей преп. Феодосия (14.08.1091 г.) здесь, “напротив гроба Феодосия, по левой стороне” была захоронена жена киевского воеводы Яна Вышаты Мариа. Позднее, 24 июня 1106 г. здесь же, возле Марии, упокоился и сам киевский воевода. 13 сентября 1119 г. в южной части нартекса похоронили минского князя Глеба Всеславича, а со временем, 4 января 1158 г., и его жену, дочь Ярополка Изяславича, Анастасию [Повість минулих літ 1989, с. 129, 160–161, 178, 271; ПСРЛ. Ипатьевская летопись 1843, т. 2, с. 82; Киевский Синописис 1823, с. 78–79].

фундаментов нартекса. Учитывая вес и габариты шиферных плит, такую степень компактности при размещении саркофагов в довольно ограниченном пространстве нартекса можно было достичь лишь при условии одновременного создания всего комплекса. В пользу этого свидетельствует и однотипность забутовки щелей между продольными стенками саркофагов, которая вообще имела смысл лишь в случае одновременной установки сооружений.

2) Рассматриваемый погребальный комплекс имел ярко выраженный вторичный характер. Это впечатление подтверждается не только стратиграфическими наблюдениями и находкой монеты Владимира Ольгердовича, но и характером использованных при формировании комплекса строительных материалов. По результатам петрографического анализа, в обоих случаях (материал подголовника саркофага № 4 и забутовка щели между саркофагами) зафиксирован тип раствора, в котором в качестве наполнителя использовался измельченный цемяночный раствор из развалов древнерусской кладки. Растворы такого типа на Успенском соборе встречаются в перекладках его южной стены и связываются с ремонтами церкви в период от землетрясения 1230 г. до конца XV в. Позднее в ремонтах и перестройках собора использовались только известково-песчаные растворы. Об этом же говорит и характерный состав забутовки саркофага № 4, и параметры кирпича его подголовника (31×15×4,5–5,0 см), не имеющего аналогов среди плинф древнего объема памятника. Наконец, не противоречит этому и наличие в засышке погребений несомненных следов пожара и остатков разрушенного первичного декора храма.

3) Следует обратить также внимание и на то, что в общем развитии успенского некрополя он занимает промежуточное положение между индивидуализированными древнерусскими погребениями в саркофагах, с одной стороны, и родовыми склепами местных магнатов XVI — XVIII вв. — Ельцов, Корецких, Острожских и др. С одной стороны, погребения комплекса, как и престижная часть древнерусского некрополя, совершены в саркофагах, с другого — погребальные сооружения объединены в единый комплекс, что не характерно для погребальной практики XI — XIII вв. Складывается впечатление, что здесь как, к слову, и в других аспектах культурной и общественно-политической жизни Киева XIV — XV ст., мы имеем своеобразное продолжение древнерусской традиции, существенно трансформированной в новых условиях, но еще окончательно не утраченной.

Иначе говоря, даже по собственно археологическим данным можно утверждать, что создание этого погребального комплекса осуществлялось позднее XI — XIII ст., имело предварительно спланированный характер и, скорее всего, было связано с довольно значительными ремонтно-строительными работами, с одной стороны, и довольно влиятельной исторической личностью, с другой. Такое совпадение в истории Успенского собора имело место, по существу, только однажды — при возобновлении храма Симеоном Олельковичем в 1470 г.

3. Группа саркофагов у западного входа в Успенский собор была обнаружена и частично исследована в 2000 г. в ходе работ по благоустройству фасадов церкви [Ивакин, Балакин 2000, с. 116–121; 2001, с. 130–133]⁴. Она состоит из 4 шиферных саркофагов, компактно расположенных на участке между фундаментами южного ризалита и трассой входа в Успенский собор (севернее, между саркофагами и фундаментами северного ризалита, находился кирпичный склеп XVIII в.). Саркофаг № 12 находился прямо на линии главного входа в храм; его западная стенка отстояла от фундаментов собора всего на 25–30 см. Остальные погребения размещались “лесенкой” к юго-западу от него. Учитывая выступы нижних плит, саркофаги ставились впритык один к другому. Все они установлены в лессовом грунте и продольной осью ориентированы строго по линии восток-запад (рис. 4).

Все рассматриваемые погребальные сооружения составлены из тщательно обработанных и подогнанных друг к другу шиферных плит. Следов ремонтов или более поздних переоформлений саркофагов не отмечено. Боковые стенки саркофагов представляют собой цельные плиты, размерами 2,18–2,22×0,68–0,70 м. Размеры сооружений по внутренним контурам колеблются в пределах 1,8–1,9×0,55–0,6 м. Саркофаги № 12 и № 13 сверху перекрывались цельными шиферными плитами, поврежденными в ходе строительных работ. Первоначальные габариты плит составляли, соответственно, 2,1×0,8 и 2,16×0,82 м. Внутри этих сооружений грунтовой засыпки не было. У саркофагов № 14 и № 15 верхних плит не было. С самого верха они были заполнены относительно чистым слабо гумусированным лессовым грунтом. Конструкции двух ближайших ко входу саркофагов (№№ 12–13) имели незначительные повреждения, причиненные взрывом собора — у саркофага № 12 южная стенка раскололась наполовину и немного отошла от своего первоначального положения, а нижняя плита треснула вдоль продольной оси; у саркофага № 13 северная стенка разломалась на два больших фрагмента и сместилась вовнутрь саркофага на 25–30 см. Два других сооружения сохранились значительно лучше и дошли до нас без заметных повреждений.

На дне саркофагов №№ 12–13 находились остатки скелетов, принадлежавшие, соответственно, мужчинам 40–45 и 35–40 лет. Кости сохранились в очень плохом состоянии. Покойники захоронены вытянуто на спине, головой на запад. В саркофаге № 12 археологических находок не выявлено. В соседнем с ним саркофаге № 13 возле ног покойника находилась деревянная струганная палка 35 см длиной, обмотанная витой веревкой, толщиной до 1,0 см. Других находок здесь не было. Судя по тому, что некоторые кости скелетов были явно смещены и находились в необычном анатомическом положении, оба погребения раскрывались ранее, скорее всего, при очередной пере-

⁴ Антропологическая характеристика погребений саркофагов западного портала Успенского собора принадлежит Козак А.Д.

стройке Успенского собора в конце XVII в. (1690–1695 гг.) или при его восстановлении после пожара 1718 г. в первой половине XVIII в.

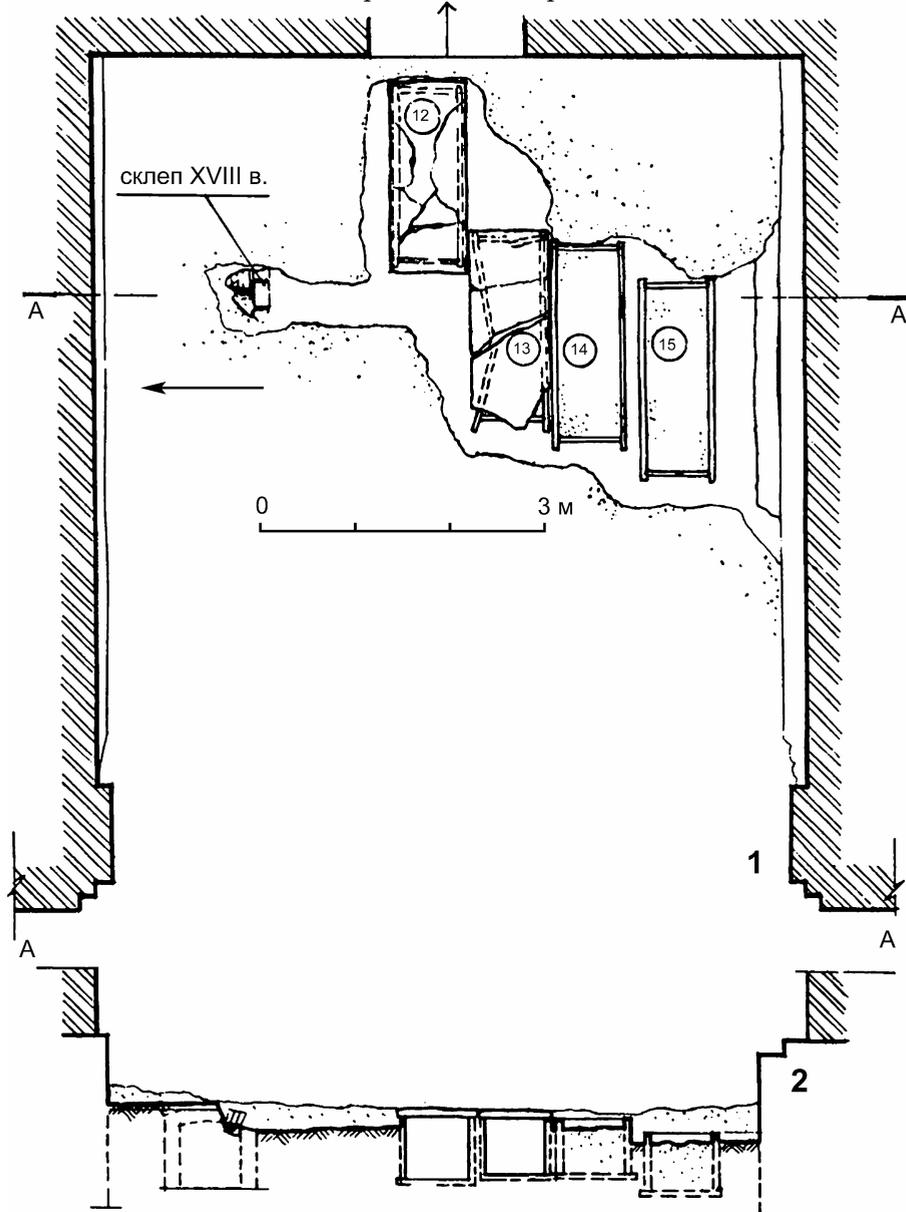

Рис. 4. Группа саркофагов у западного входа в Успенский собор. Погребальные сооружения в плане (1) и профиле (2) раскопа 2000 г.

Основное погребение саркофага № 14 (мужчина 20–25 лет) перекрывалось лессовой забутовкой, в составе которой отмечено значительное количество разрозненных человеческих костей, принадлежавших, как минимум, 4 взрослым индивидам: женщинам 40–45,

50–55, 55–60 лет и мужчине 35–40 лет. Появление этих костей в саркофаге, как и самой содержащей их забутовки, можно датировать тем же временем, что и первое “обследование” двух предыдущих сооружений. В северо-западном углу саркофага, примерно на 25 см выше его дна, в контексте гумусированного грунта (по окраске и характеру включений он четко отличался от грунта забутовки) были зафиксированы остатки основного погребения. Оно принадлежало мужчине 20–25 лет. Кроме нескольких золотных нитей от одежды, никаких других находок здесь не выявлено. По причине достаточно ограниченного времени исследований, основное погребение данного саркофага полностью не раскрывалось и, вместе с “костницей”, было законсервировано.

В саркофаге № 15 от первоначального погребения сохранились лишь остатки золотных нитей одежды. На уровне нижней плиты сооружения здесь было расчищено скопление разрозненных и несомненно переотложенных человеческих костей, принадлежавших не менее чем 3 разным по возрасту и полу индивидам. Остатков одежды, или какого-нибудь другого инвентаря не отмечено.

В целом, в отличие от группы саркофагов нартекса Успенского собора, которая производила впечатление единого, заранее спланированного погребального комплекса, рассматриваемая группа погребальных сооружений, несомненно, формировалась постепенно, на протяжении определенного времени, начиная с саркофага № 15 возле стены южного ризалита собора. Это следует как из разности отметок нижних плит сооружений, так и из отмеченной пространственной конфигурации погребальных сооружений “лесенкой”. Специфическое месторасположение саркофагов, четкое различие в степени сохранности костей основных погребений и костей “костниц”, как и некоторые другие признаки, позволяет предполагать, что первоначальные погребения данной группы саркофагов относились к наиболее раннему этапу формирования успенского некрополя. В то же время, многочисленные нарушения анатомического порядка скелетов основных погребений саркофагов № 12 и № 13, наличие в саркофагах № 14 и № 15 “костниц”, составленных из остатков разрушенных и перезахороненных погребений, свидетельствуют о том, что все саркофаги данной группы в той или иной мере были потревожены во время предыдущих строительных работ. Отсутствие их на плане 1888 г. позволяет относить первое обследование сооружений ко времени перестройки собора в конце XVII в. или его восстановления в первый половине XVIII в.

Таким образом, на сегодняшний день в составе успенского некрополя известно 15 шиферных саркофагов, 13 из которых имеют археологическое подтверждение. По особенностям пространственной конфигурации все они разделяются на три группы: индивидуальные погребения, расположенные отдельно в разных местах собора, погребальный комплекс в древнерусском нартексе церкви и группа саркофагов в районе западного портала собора.

Приведенная классификация, кроме удобства в изложении материала, имеет и определенную содержательную нагрузку. Однако, об этом — немного позже. Прежде нужно отметить, что все саркофаги как погребальные сооружения несомненно относятся к древнерусскому времени. Этого, к сожалению, нельзя сказать в отношении собственно захоронений в саркофагах, абсолютное большинство которых имеет безусловно вторичный характер и появилось в саркофагах намного позднее установки самих погребальных сооружений. Синхронность захоронения и погребального сооружения можно допустить разве что для двух северных (№№ 12–13) саркофагов западного портала. В остальных случаях повторное использование древнерусских погребальных сооружений в XIV — XVII вв. не вызывает даже сомнений. С другой стороны, маловероятно, что при вторичном использовании саркофагов существенно изменялась и их первичная локализация. Относительно саркофага № 7, к примеру, совершенно очевидно, что не смотря на неоднократное использование и утрату некоторых элементов конструкции, само это сооружение осталось на том же месте, на каком было установлено первоначально. Именно в этом плане шиферные саркофаги можно считать оригинальными элементами древнерусского некрополя Успенского собора.

Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с наиболее престижной частью захоронений успенского некрополя. Трудно сказать наверняка, какую именно часть этой престижной составляющей древнейшего успенского некрополя репрезентуют сохранившиеся до нас погребальные сооружения. Бесспорно лишь то, что на середину XIII в. их количество было значительно большим. Однако и количество уцелевших захоронений более чем убедительно свидетельствует об особом статусе успенского погоста, поскольку ни в одном из киевских (или древнерусских вообще) храмов такой концентрации саркофагов не наблюдается. Обычно это одно-два, реже — три-четыре захоронения. Вряд ли это можно объяснить лучшей сохранностью Успенского собора — его историческая судьба была, как известно, ничуть не более удачной, чем у большей части архитектурных памятников XI — XIII вв. Более вероятно, что этот факт отражает уровень престижности погребения в главном храме Печерской лавры, а через это — и высокий имидж самой Печерской обители у правящей древнерусской верхушки и сменявших ее государственных образований. В этом смысле стоит обратить внимание на то, что сам обряд погребения в шиферных саркофагах не является нормой для погребальной практики Среднего Поднепровья IX — XII вв. Причины появления этого обряда здесь, скорее всего, следует искать в активных контактах с христианским Крымом, где киевской знатью, собственно, и могла быть воспринята идея погребения в каменных ящиках, причем именно как престижного захоронения. В бедном на камень регионе Киевского Поднепровья эта идея, в свою очередь, могла реализоваться только в контексте чрезвычайно дорогостоящего во все времена монументального зодчества, главными заказчиками

которого, опять-таки, выступали те же княжеские династии или богатые монастыри с настоятелями княжеского происхождения.

Еще один аспект, связанный с данной темой, касается проблемы формирования и исторического развития топографии христианских некрополей. Этому вопросу, к сожалению, уделяется мало внимания, хотя, казалось бы, интенсивный процесс воссоздания разрушенных храмов предоставляет для этого все необходимые условия. Так или иначе, но в нашем случае заслуживает внимания то обстоятельство, что абсолютное большинство рассматриваемых погребальных сооружений тяготеет к западной части церкви. Только 4 саркофага из 15 расположены восточнее линии нартекса, причем два из них отошли от нее совсем недалеко. Такая схема размещения, на наш взгляд, отражает первоначальное, еще не скорректированное временем представление о надлежащем месте погребения в храме. Имеется в виду структура сакрального членения храмового пространства, согласно которой восточная часть церкви воспринималась как место пребывания Христа и, в целом, как воплощение светлого начала христианского космоса, а противоположная ей западная часть, соответственно, как средоточие сугубо земных смыслов бытия [Троицкий с. 22–47; Настольная книга священнослужителя 1983, т. 4, с. 21–26]. Понятно, что в данной системе координат именно пространство западного участка храма (а здесь, прежде всего, нартекс) воспринималось как место надлежащего и одновременно престижного погребения.

В этой связи следует отметить, что обособленные ранее в разные категории единичные погребения и группа саркофагов участка главного портала собора на самом деле являются не более чем вариациями одного и того же принципа организации погребальной практики. В обоих случаях это те же самые индивидуальные погребения, совершаемые по мере потребности, независимо одно от другого. Специфичность здесь, по существу, состоит только в степени концентрации погребальных сооружений, объяснение которой, возможно, следует искать в стремлении следовать примеру первого византийского императора Константина Великого, завещавшего похоронить себя именно перед входом построенного им храма св. Апостолов. Мотивацией этого решения, согласно легенде, было желание императора-христианина и после смерти указывать подданным верный жизненный путь [Троицкий с. 21]. Очевидно, что в монастырской среде этот пример был переосмыслен в духе сугубо монашеского подвижничества и первоначальная мотивация могла получить какую-то дополнительную окраску, например, стала трактоваться как посмертное продолжение аскезы, подвиг самоничтожения и т.п. Если принять такое объяснение, то концентрацию саркофагов на трассе главного входа в Успенский собор можно расценивать как признак наиболее престижного участка некрополя главного монастырского храма. С этой точки зрения, к отмеченной группе погребений можно причислить и саркофаг № 10, расположенный на линии южного входа в собор.

И, наконец, последний сугубо практический аспект. Большая часть рассмотренных выше погребальных сооружений после завершения археологических исследований была полностью демонтирована с целью последующей реставрации. Этого удалось избежать только в случае с саркофагами западного портала, которые после экспресс-обследования были законсервированы и оставлены на своем месте. Что касается других сооружений, то реставрация их “продолжается” до сих пор, а разговор о возвращении отреставрированных саркофагов в естественный для них контекст Успенского собора вообще не ведется. Это не предусмотрено ни проектом воссоздания собора, ни программой музеефикации аутентичных фрагментов памятника. Участия в музейном компоненте Успенского собора не предусмотрено и для многочисленных каменных надгробий, собранных в разные годы на руинах собора. Несмотря на то, что в обоих случаях мы имеем дело с подлинными историческими элементами почти полностью утраченного памятника, именно эти малые архитектурные формы как бы “выпали” из общего процесса исследования-воссоздания. Они не вошли, как, например, уцелевшие фрагменты первичной кладки, в основной объем новопостроенного собора. С другой стороны, из-за крупных габаритов их нельзя, как обычные археологические находки, запаковать в стандартные ящики и передать на хранение в фонды Института археологии или Печерского заповедника. Данное положение дел, разумеется, нельзя считать нормальным, хотя бы ввиду того, что при таком отношении к указанным малым архитектурным формам воссоздание любого памятника с неизбежностью приобретает все черты процесса окончательного уничтожения последних остатков его аутентичности.

Литература

- Білодід О., Харламов В.* Знахідки під фундаментом Успенського собору // Київ, 1983. № 9. С. 148–157.
- Захарченко М. М.* Киев теперь и прежде. К., 1888.
- Ивакин Г.Ю., Балакин С.А.* Підсумки археологічного дослідження Успенського собору Києво-Печерської лаври у 1998 р. // АБУ 1998–1999 р. К., 1999. С. 11–13.
- Ивакин Г.Ю., Балакин С.А.* Деякі підсумки археологічних досліджень на території Києво-Печерської лаври у 2000 р. // Могилянські читання. К., 2001. Вип. № 3. С. 130–133.
- Ивакин Г.Ю., Балакин С.А.* Поховальний комплекс XV ст. у нартексі Успенського собору Києво-Печерської лаври // Лаврський альманах. К., 1999. Вип. 2. С. 76–86.
- Ивакин Г.Ю., Балакин С.А.* Археологічні дослідження на території Києво-Печерської лаври у 2000 р. // АБУ 1999–2000 р. К., 2000. С. 116–121.
- Киевский Синопис. К., 1823.

- Котляр Н.Ф.* Монеты Владимира Ольгердовича // Нумизматика и сфрагистика, 1972. Вып.4. С.46–67.
- Настольная книга священнослужителя. М., 1983. Т. 4.
- Повість минулих літ // Літопис руський. К.: Дніпро, 1989.
- Потехіна І.Д., Козак О.Д.* Антропологічні дослідження поховань в Успенському соборі Києво-Печерської лаври // Лаврський альманах. К., 1999. Вип.2. С. 87- 97.
- ПСРЛ. Ипатьевская летопись. СПб, 1843. Т.2.
- Сіткарьова О.В.* Успенський собор Києво-Печерської лаври. К., 2000.
- Троицкий Н.И.* Христианский православный храм в его идеи // К свету. № 17. Символика русского храмоздательства. С. 21–47.
- Харламов В.А.* Отчет о раскопках Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1982 г. // НА ІА НАН України, 1982/34.
- Харламов В. А.* Отчет о раскопках Успенского собора на территории Киево-Печерского государственного историко-культурного заповедника в 1986 г. // НА ІА НАН України, ф.е. № 22016.
- Харламов В.О.* Дослідження Успенського собору Києво-Печерської лаври 1986 р. // Стародавній Київ. К., 1993. С.138–150.
- Холостенко Н.В.* Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры // СА. 1955. № XXIII. С. 341–358.
- Холостенко Н.В.* Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1962–1963 гг. // Культура и искусство древней Руси. Л., 1967. С. 58–68.
- Холостенко Н.В.* Успенский собор Печерского монастыря // Стародавній Київ. К., 1975. С. 107–170.
- Холостенко М.В.* Нові дослідження Іоано-Предтеченської церкви та реконструкція Успенського собору Києво-Печерської лаври // Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976. С. 131–165.
- Kozubowski G.* Monety księstwa Kijowskiego w XIV w. // Wiadomości Numizmatyczne. R. XXXVIII, 1994. Z. 3–4 (149–150). S. 121–140.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТМУТАРАКАНСКОЙ ЕПАРХИИ В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ КОНЦА XI ВВ.

В древнерусской литературе сохранилось уникальное свидетельство о поставлении на Тмутараканскую кафедру на Таманском полуострове выходца из Киево-Печерского монастыря монаха Николы (Николая). Имя этого инока дважды упоминается в Печерском патерике среди имен старейших постриженников обители, живших в конце XI в. В Слове 14-м (*Послание смиренного епископа Симона Владимирьскаго и Свудальскаго к Поликарпу, черноризицу Печерьскому*) Никола включен в перечень печерских монахов, получивших архиерейский сан: “от того Печерьскаго манастыря пречистыа Богоматере мнози епископи поставлени быша Никола — Тъмтороканю” [Патерик 1931, с. 102–102]. В Слове 25-м (*О Никите Затворнице, иже по сем бысть епископъ Новуградѹ*) упомянутый черноризец назван среди печерских старцев, принимавших участие в суде над затворником Никитой: “И сего не тръпяше преподовнии тии отци: Никола, иже бысть епископъ Тъмтороканю” [Патерик 1931, с. 126]. К сожалению, крайне сжатый и скудный характер известий о Николе Тмутараканском не позволяет реконструировать биографию этого исторического персонажа. В связи с этим сообщение об избрании русского кандидата на таманскую кафедру, находившуюся в непосредственном подчинении константинопольского патриарха, равно как и сведения о духовной деятельности в указанном регионе русского духовенства, порождают многочисленные вопросы.

Номинально Тмутараканская кафедра была учреждена в рамках нереализованной миссионерской программы Византийской церкви не ранее рубежа VIII — IX ст., а скорее всего в последней трети IX в. Впервые наряду с целым рядом миссийных епархий, расположенных в хазарской степи, она упоминается в так называемой notiции де Боора (Parisinus 1555A), где представлена как эфемерное территориально-географическое образование, подчиненное Готской митрополии [Darrouzes 1981, s. 31–33, 231, 241–242; Мошин 1929, с. 249–256; Байер 2001, с. 56–58; Науменко 2002, с. 129–138]. На самом же деле византийская администрация едва ли могла установить в указанное время свой безоговорочный духовный и политический контроль в северо-восточном Причерноморье. Реально этот план стал воплощаться в жизнь лишь в эпоху правления императора Иоанна Цимисхия (969–976 гг.), когда политическая инфраструктура Хазарского каганата в волжско-донском междуречье была разрушена в результате опустошительных набегов печенегов и успешных походов киевского князя Святослава Игоревича.

В последней трети X ст. Тмутаракань получила статус автокефальной архиепископии, входящей в состав Зихской епархии и в ряде случаев напрямую отождествляемой с нею [Darrouzes 1981, p. 294, 346, 352; Гадло 1991в, с. 101–106]. При этом ей отводилась роль опло-

та византийского влияния в черноморско-кавказском регионе, а на саму кафедру назначался греческий ставленник. Однако после захвата северо-восточного Причерноморья киевским князем Святославом Игоревичем этот церковный диоцез перешел под контроль русских князей и был вовлечен в совершенно иную геополитическую комбинацию. Остается неясным лишь сам характер осуществления славянскими правителями своего владычества в Таврике. Историки конца XIX — 1 пол. XX ст. при незначительном расхождении во взглядах допускали, что Тмутаракань была включена в состав исконных русских епископий в качестве подконтрольной киевскому митрополиту епархиально-административной единицы.

Митрополит Макарий (Булгаков) связывал утверждение христианства и церковной организации в Тмутаракани с крещением Руси в 988 г. [Макарий 1995, с. 22, 31, 135]. Е.Е. Голубинский предполагал, что церковная епархия на Тамани была учреждена еще Владимиром как правопреемница епископской кафедры, существовавшей здесь с IX в. [Голубинский 1901, с. 335]. В.А. Пархоменко доказывал, что Тмутараканская епархия была изначально связана с русской колонией в Приазовье и возникла в результате похода местных дружин на Константинополь в 860 г. Последующее проникновение христианских идей в Среднее Поднепровье и Киев шло якобы через тмутараканских миссионеров [Пархоменко 1913, с. 64, 74]. Г.В. Вернадский считал, что киевский князь поручил руководство русской церковью на начальном этапе ее существования автокефальному архиепископу Матрахи-Зихии и последний вроде бы оставался духовным примасом русских земель вплоть до 1036 г. Позже кафедра в Тмутаракани была низведена до роли обычной провинциальной епископии [Vernadsky 1948, s. 67 next; Вернадский 1996, с. 77–78]. Схожего мнения придерживался и М. Чубатый, утверждавший, что архиепископ Тмутараканский был назначен главой древнерусской церкви по требованию Владимира Святославича, стремившегося получить для своего ставленника полную независимость от константинопольского престола [Чубатый 1965, с. 122–134, 257, 274, 297]. Согласно А.В. Карташеву, тмутараканская кафедра входила в число первых епархий новорожденной русской церкви [Карташев 1959, с. 55].

Несколько особняком стоят взгляды М.Д. Приселкова, который считал, что полностью самостоятельная епископская кафедра в Тмутаракани была учреждена не раньше правления Олега Святославича и при этом она не подчинялась Киевской митрополии, а поддерживала с ней формальные отношения [Приселков 1913, с. 151–154]. Как видим, в большинстве случаев историки просто игнорировали сведения византийских источников IX — X вв. о правовом статусе таманской епархии в составе константинопольской церкви. В большинстве современных работ, посвященных возникновению и становлению церковной организации на Руси, вопрос о положении Тмутараканской епископии в структуре древнерусской церкви даже не ставится, а сама таманская епархия упоминается лишь вскользь

как некий историографический фантом [Щапов 1989, с. 33–56; Подскальски 1996, с. 52–60; Поппэ 1996, с. 442–445], хотя проблема заморских владений Древней Руси всегда занимала важное место в отечественной науке. В последнее время эта тема вновь привлекла внимание многих авторов.

А.В. Гадло выдвигает тезис о полном светском и духовном главенстве русского князя в Тмутаракани, рассматривая его как светского главу Зихской епархии, благотворительная и духовная деятельность которого (в частности, строительство храмов) в первую очередь была направлена на укрепление отношений с греческим клиром местной кафедры. Отказ от традиционных связей с Русской землей (как, например, в случае с рядом младших княжичей-изгоев и в первую очередь с Олегом Святославичем) превращал подобных правителей во “владельцев, независимых и от империи и от Киева”. Даже самое невинное сообщение о том, что один из “русских архонтов” Тмутаракани Ростислав Владимирович был погребен в 1066 г. не в пригородном монастыре, основанном киево-печерским игуменом Никоном, а в кафедральном соборе внутри города, трактуется автором как свидетельство об исключительной ориентации этого князя на зихскую прогреческую партию [Гадло 1988, с. 198, 202–203, 207–208; 1990а, с. 27; 1992, с. 6].

Указанный вывод строится на предположении, что обитель, составленная преподобным Никоном, являлась идеологическим центром русской колонии, где проживали представители княжеской администрации, дружина и, видимо, простая челядь (“черный люд”, принадлежавший к земледельческому и ремесленному сословию [Гадло 1973, с. 88–89]), а патрональная княжеская церковь пресвятой Богородицы, возведенная в Тмутаракани еще Мстиславом Владимировичем в 1022 г. [ПСРЛ 1962, т. 1, стлб. 147; т. 2, стлб. 134], под пером ученого превратилась почему-то в оплот греческого духовенства. Предложенная оценка церковных учреждений имеет абсолютно умозрительный характер и поэтому кажется нам неубедительной. С другой стороны, автор утверждает, что отношения Таманской кафедры с Русской митрополией в Киеве строились исключительно на основе единоверческого партнерства, что предполагает полный отказ от вмешательства во внутренние дела местного диоцеза. В таком случае непонятно, кто дал разрешение на устройство пригородного тмутараканского монастыря, считающегося “прикладом” (подворьем) Киево-Печерской обители и почему выходцы из печерской братии возводились в святительский сан в чужой епархии, оставаясь подданными киевского митрополита. Неужели это делалось в обход канонических норм и общепринятых церковных установлений? Понимая уязвимость подобных построений, исследователи предлагают свою собственную трактовку событий.

Согласно А. Поппэ восхождение русских кандидатов на тмутараканскую кафедру происходило благодаря прямому вмешательству русских князей, использовавших право светской инвеституры. Эти

князя, не оспаривая верховных прав патриархии на управление тмутараканской автокефальной архиепископией, якобы присвоили себе уже применявшееся прежде на Руси право выдвигать и утверждать претендентов на вакантное епископское место (“prawo do wysuwania czy akceptowania kandydatów, czyli prawo do inwestytury świeckiej”). При чем епископ Николай, по мнению автора, являлся далеко не единственным и, скорее всего, отнюдь не первым выходцем из Руси, который удостоился чести занять тмутараканский стол, о чем пространнее будет сказано ниже. Выдвижение этого предстоятеля, по мнению ученого, было всего лишь закономерным продолжением прагматической церковной политики предшествующих поколений таманских князей. “Со времени появления достойных кандидатов среди русского монашеского причта русские князья, занимавшие тмутараканский престол, по вполне понятным причинам желали поддерживать своих соотечественников. Патриарх и Эндемуса считались с княжеской волей, если кандидат отвечал всем требованиям, а в таких кандидатах не было недостатка среди печерских монахов — ревностных защитников церкви, и не имели повода отказать в посвящении епископам, тем более, что национальный вопрос не играл в Византии существенного значения. В противовес Киеву подобное назначение не грозило изъятием диоцеза из-под юрисдикции Константинополя” [Рорре 1968, с. 195–196].

Схожее мнение отстаивает и В. Мошин, который лишь уточняет общую картину духовной карьеры Николая Тмутараканского: до своего епископского назначения он вроде бы являлся настоятелем местного русского монастыря [Мошин 1932, с. 47–62]. По мнению А. Гадло, Николай возведен в сан по воле князя Олега Святославича и при прямом содействии игумена Никона, оказавшего какое-то давление на городскую общину (роль князя при этом не оговаривается) [Гадло 1991в, с. 106]. В другой своей работе автор развивает данный тезис более тщательно: русский епископ был поставлен на кафедру по воле князя Олега Святославича после консультаций последнего с Никоном Великим. Последний же являлся не только покровителем и наставником Николая, но и рассматривал этого инока в качестве своего прямого преемника на игуменское место, т.е. по сути в качестве главы славяно-русской монашеской общины на Тамани [Гадло 1991а, с. 10].

Стоит напомнить и версию Г.В. Вернадского, зачислявшего в число тмутараканских епископов и самого Никона [Vernadsky 1941, р. 294–314; цит. по: Шапов 1989, с. 11]. Следом за ним это предположение поддержали А.П. Власто и Н.Ф. Котляр [Власто 2004, с. 320, прим. 79; Котляр 1989, с. 126 (со ссылкой на Мошина)]. Вполне очевидно, что указанное мнение является обычным вымыслом, поскольку оно не только не опирается на аутентичные письменные источники (Житие Феодосия, Печерский патерик, летопись), но и напрямую противоречит им. Преподобный Никон, имевший сан иеромонаха, занял к исходу своей жизни игуменское место в Печерском монастыре, но никогда не был епископом и уж тем более не мог получить свя-

тительское поставление на кафедру, которая не входила в состав русской церкви.

Учитывая изложенное, можно поставить под сомнение даже формальную причастность русского князя к подбору кандидатуры (избранию) и провозглашению (номинации) своего протеже на епископскую кафедру. По крайней мере А. Гадло вынужден сделать оговорку по данному поводу: “Какой ценой удалось Олегу добиться от Константинополя утверждения русского иерарха во главе одной из древнейших северопрichernоморских кафедр, сказать трудно. Можно только предполагать, что Византия пошла на это, видя внешний полный разрыв Олега с Русью и веря в его абсолютную политическую лояльность” [Гадло 1991а, с. 10]. Вместе с тем большинство исследователей склонны считать, что беспрепятственное утверждение Олега в черноморских владениях в 1083 г. стало возможным лишь после заключения им секретного протокола с Империей, ограничивающего князя и его потомков в наследственных правах на Тмутаракань. Возможно, договоренность между двумя сторонами касалась признания Тамани выморочным наследством после смерти русского архонта, т.е. речь шла о формальных условиях возвращения восточного Приазовья под византийский протекторат [Мошин 1932, с. 55; Монгайт 1963, с. 60; Янин 1965, с. 87; Пашуто 1968, с. 87; Литаврин 2000, с. 287, 289]. Однако как в таком случае можно считать местного князя полновластным властителем на Тамани и духовным сувереном Зихийской епархии, обладавшим правом назначения ее церковных предстоятелей? К сожалению, указанное противоречие не получило убедительного объяснения.

Наиболее существенные разногласия между исследователями возникают лишь по вопросу о времени замещения Николаем таманской кафедры. М.Д. Приселков связывает это назначение с прямым вмешательством великого князя киевского Всеволода Ярославича вскоре после 1083 г., при чем не исключает, что это могло произойти и после 1088 г. [Приселков 1913, с. 153, 282]. В. Мавродин, судя по косвенному замечанию в одной из его статей, относит интронизацию Николая ко времени после 1088 г. [Мавродин 1980, с. 180]. В. Мошин датирует указанное событие правлением Олега Святославича (1083–1094) как наиболее вероятного зачинателя традиции поставления в Тмутаракани русских епископов [Мошин 1932, с. 61]. А. Поппэ приписывает данную инициативу предшествующим поколениям местных князей, правившим до Олега [Рорре 1968, с. 196]. Поскольку же в Печерском патерике содержится упоминание о смерти новгородского князя Глеба Святославича (1078), которое признано в качестве *terminus post quem* рукоположения Николая, то его светским опекуном мог оказаться и Роман Святославич, обосновавшийся на Тамани до 1079 г., либо Давид Игоревич и Володарь Ростиславич, сидевшие здесь в 1081–1083 гг.

На эпоху Романа Святославича указывает и А.В. Гадло, утверждающий, что выдвижение тмутараканского епископа произошло при прямом и непосредственном участии преподобного Никона, который навсегда покинул Таврику в 1077 г. Однако в другом месте ученый

высказал особое мнение, гласящее, что поставление бывшего печерского черноризца состоялось между 1084 и 1088 гг. [Гадло 1991а, с. 10]. При этом ученый высказывает предположение, что Николай уже как глава тмутараканской церкви посещал Киев в конце 80-ых гг. XI в. с целью примирить давнюю вражду своего суверена с великим князем киевским Всеволодом Ярославичем: последний, как полагают, спровоцировал мятеж таманских хазар против Олега Святославича в 1079 г. и его ссылку на далекий остров Родос. Между тем гипотеза об особой миссии Николая на Руси не выдерживает серьезной критики, поскольку упоминание о нем как действующем архиепископе (*“иже высть епископъ Тмутарокань”*) носит явно ретроспективный характер и не дает ни малейших оснований для абсолютной датировки и уж тем более для широких исторических обобщений.

Единственным основанием для данной датировки служит, по всей видимости, прижизненное упоминание печерского игумена Никона (умер в 1088 г.) в патериковом известии о Николае, которое признано в качестве *terminus ante quem* избрания тмутараканского епископа. Однако исследователи не обратили внимания на то, что помещенный в том же рассказе перечень исторических персонажей, считавшихся современниками Николая, на самом деле имеет анахроничный характер — в нем названы имена по крайней мере двух иноков, живших спустя 50–60 лет после описываемых событий: Онисифора Прозорливого и Пимена Постника, отождествляемого с печерским игуменом, занимавшим этот пост в 1132–1141 гг. [Патерик 1931, с. 104–105, 110–111, 171]. В Патерике также упоминается преподобный Пимен Многоболезненный [Патерик 1931, с. 179–184], иноческое послушание которого согласно церковной традиции приходилось на 1080–1110 гг., но большую часть этого времени он был разбит параличом и не мог активно участвовать в монастырской жизни. Судя по всему, данный парадокс объясняется одной из нескольких причин: плохой информированностью, хронологической небрежностью либо тривиальной невнимательностью, допущенной одним из авторов Патерика владимирским епископом Симоном, жившим в начале XIII ст.

В конечном счете из сказанного следует, что Печерский патерик содержит лишь косвенные указания для датировки лишь киевского этапа жизни Николая (не ранее 1078 г. (гибель Глеба) и не позднее 1088 г. (смерть Никона)) и не содержит абсолютно никаких данных о времени возведения его на Тмутараканскую кафедру, кроме совершенно бесполезного для хронологических подсчетов свидетельства, что он действительно замещал ее в отдаленном будущем. Совершенно очевидно, что это могло произойти и гораздо позже, чем было принято считать до сих пор. Для сравнения укажем, что вместе с Николаем в Патерике упомянуты еще два печерских монаха, которые впоследствии заняли епископские кафедры: Никита в Новгороде в 1096, а Феоктист в Чернигове в 1113 г., т.е. через 18 и 35 лет соответственно после рассматриваемых событий. Следовательно, житийную формулу *“иже высть епископъ”* нельзя использовать для абсолютной датировки.

Погрешность всего в несколько десятилетий порой способна исказить внешний колорит эпохи до полной неузнаваемости: общественный и политический уклад жизни в Тмутаракани в две разные исторические эпохи, разделенные жизнью всего одного поколения (1080-ые — 1100-ые гг.), мог разительно различаться.

Существенную роль в оценке событий играет, бесспорно, и каноническая обоснованность подобного назначения. Поставление высшего духовенства светскими правителями, понимаемое зачастую как поиск достойного кандидата и его последующее выдвижение и назначение на должность, на самом деле полностью противоречит каноническим предписаниям: **“аще который епископ, мирских начальников употревив, чрез них получит епископскую в церкви власть: да будет извержен и отлучен, и все сообщающиеся с ним; да не вкрадывается, под видом священнодействия, надменность власти мирския; всякое избрание во епископа, делаемое мирскими начальниками, да будет не действительно”** (30 апостольское правило, 8 правило III Вселенского собора, 3 правило VII Вселенского собора) [Книга правил 1992, с. 16, 48, 121]. Тем не менее это предостережение осталось почему-то без внимания. А. Поппэ приравнивает расширение круга духовных полномочий русских князей в церковной сфере к *“inwestyturę sufraganów metropolii”*, *“inwestyturę świeckiey”* [Рорпе 1968, s. 144–145, 195; Поппэ 1970, с. 119], т.е. публичному праву замещения архиерейских должностей, которое было распространено в Западной Европе и базировалось на системе бенефициальных (условных, неотчуждаемых) пожалований, вассального серважа, а также на выполнении разнообразных натуральных повинностей и признании юрисдикции светской власти. Однако предложенная трактовка едва ли уместна, поскольку правовой статус Русской церкви формировался на абсолютно иных социально-политических и экономических началах. В восточном обряде практика замещения высших церковных должностей всегда относилась к безусловной компетенции духовной власти. Благодаря этому запрет светских назначений стал считаться всеобъемлющей канонической нормой, которая не подлежит обжалованию или исправлению.

С другой стороны, непонятно, в каких материальных формах могла воплощаться на Руси предложенная модель светской инвеституры. Не подлежит сомнению, что земельная собственность церковных сеньорий в Восточной Европе, которая состояла в значительной степени из добровольных пожертвований в пожизненное пользование, и поэтому носила полный, отчуждаемый характер, не могла представлять собой феодальный лен. В любом случае, если исходить из предположения А. Поппэ о существовании светской инвеституры на Руси в сер. XI ст., в особенности в виде контроля за назначением главы Церкви — киевского митрополита и областных архиереев, то следует признать, что автократические претензии русских князей могли опираться лишь на присвоение атрибутов имперской власти. Между тем польский исследователь решительно отвергает этот постулат в своих работах [Рорпе 1980, s. 339] и тем самым вступает в

непреодолимое противоречие с собственным утверждением о вызревании на Руси питательной почвы для заимствования и сохранения царской титулатуры: "...Ярослав имел все основания выступать в роли монарха (если не *de jure*, то *de facto*), равного византийским и германским императорам" [Поппэ 1968, с. 95]. Отсюда можно сделать вывод, что в русских землях, скорее всего, никогда не существовало публичного права светской инвеституры при назначении высших церковных чинов, официально регламентированного духовным законодательством и коррелирующего с ним. Во всяком случае не найдено весомых аргументов в пользу этого предположения и никому из исследователей пока что не удалось доказать обратное.

Судя по всему, светское назначение епископов на Руси, известное по многочисленным откликам в летописях [ПСРЛ 1962, т. 1, стлб. 296, 390–391, 408, 414, 438, 453, 456; т. 2, стлб. 525, 666, 842], являлось не столько общепринятой нормой поведения, сколько политической инспирацией византийской доктрины о супрематии светской власти императора [Успенский 1998, с. 289, прим. 54] и отражало цезаристские амбиции отдельных русских правителей, преимущественно великих князей, употреблявших в своей титулатуре "царское звание" (Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Мстислав Владимирович, Изяслав Мстиславич, Андрей Боголюбский, Рюрик Ростиславич, Роман Мстиславич и др.). Вмешательство русских князей в архиерейские поставления выглядело как присвоение правовой компетенции императора Нового Рима в церковной сфере [Толочко 1992, с. 135–138] и символизировало, по всей видимости, постепенное распространение в правовом сознании патерналистского отношения к церкви. Данное определение нашло свой отклик даже в древнерусской публицистике: "Естествомъ бо цесарь земнымъ подобенъ есть всякому человеку, властью же сана вышши яко Бог" [ПСРЛ 1962, т. 2, стлб. 592], что абсолютно четко и однозначно совпадает с византийской духовной теорией о превосходстве императорской власти над религиозными учреждениями: "божественные законы не простираются на царей" [Успенский 1998, с. 359–360], "так как мы не имеем возможности противиться царям, то пусть определениям их следует и церковный порядок" [Собрание 1996, с. 238]. Неоднозначное отношение к данной проблеме отражено в новейшей литературе [Vodoff 1978, s. 1–41; Горский 2004, с. 115–120].

В то же время известно, что православная церковь всегда отрицательно относилась к подобной практике, считая ее абсолютным произволом. Именно так, в частности, оценивает Печерский патерик ходатайство княгини Верхуславы за печерского инока Поликарпа, которого она хотела любой ценой сделать епископом: "*дѣло не богоугодно*" [Патерик 1931, с. 102]. Иное дело, что подобные злоупотребления не могли широко афишироваться в письменных источниках из-за того, что имели диффамационную направленность и расценивались как *lese majeste* (оскорбление величества), а их огласка подрывала почтение к священной особе правителя.

Таким образом причастность Олега Святославича к выдвижению преосвященного Николая на Тмутараканскую кафедру необходимо рассматривать с учетом следующих обстоятельств:

1) церковно-канонической и идеологической обоснованности подобного шага;

2) внешнеполитического и социального положения в регионе;

3) реального политического потенциала конкретного правителя.

Как уже отмечалось выше, светское поставление епископов на Руси не регламентировалось церковными правилами и относилось к области скорее личной инициативы и ответственности князя, принимающего подобные действия. Можно предположить, что в большинстве случаев оно отражало лишь внеобрядовые моменты, как-то официальное признание (но не инициирование или санкционирование) архиерейских назначений и регламентацию источников материального обеспечения областных кафедр из княжеских доходов (десятина, другие поступления). Нет смысла отрицать, что за пределами исконной русской территории, в ареале распространения римско-византийского, с одной стороны, и “обычного”, “варварского” права, с другой, юридическая компетенция русских князей (т.е. область их реальных прерогатив и прав) могла распространяться лишь на их ближайшее окружение, дружину и челядь. Таким образом сама возможность переустройства церковной жизни в Таврике в рамках персональной унии правителя с местной церковной общиной, представленной иноплемениками, нужно признать сомнительной и маловероятной.

Возникновение в конфессиональной среде разделения на “чужих” и “своих” сразу же вынуждает поставить вопрос о статусе русского духовенства в Тмутаракани. Согласно внутреннему каноническому устройству Церкви клирики, занимавшие нижние церковные степени, должны были подчиняться власти епархиального архиерея: *“пресвитеры и диаконы, без воли епископа, ничего не совершают”* (39 апостольское правило) [Книга правил 1992, с. 18]. В свою очередь областные епископы повиновались старшему (главенствующему) предстоятелю церковной области: *“епископам всякого народа подобает знати первого в них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения: творити же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест к ней принадлежащих, но и первый ничего да не творит без рассуждения всех”* (34 апостольское правило) [Книга правил 1992, с. 17].

Если бы таманская кафедра перешла под юрисдикцию киевского митрополита, то это бы полностью сняло вопрос о каноническом статусе ее духовенства: весь местный клир считался бы паствой русского архиерея, а туземный епископ — его суффраганом (наместником), получающим поставление из Киева. Роль греческого клира при этом должна была существенно ослабиться из-за нарастания славянской экспансии в регионе и в результате социального отчуждения носителей иной этнической культуры. На самом же деле ничего подобного в политической истории северо-восточного Причерноморья не произо-

шло. На основании византийских новостей можно судить о том, что тмутараканская епархия на всем отрезке своей истории в X — XIV вв. оставалась в непосредственном подчинении константинопольского патриарха как автокефальная кафедра. Ввиду этого духовные полномочия киевского митрополита не могли простираться на неподвластную ему канонически территорию, которая к тому же не входила в состав коренных русских земель.

Это ограничение налагалось церковными правилами: “епископ да не дерзает вне пределов своея епархии творити рукоположения во градах и в селех, ему не подчиненных”; “областные епископы да не простирают своея власти на церкви за пределами своея области, и да не смешивают церквей”; “дабы никто из боголюбнейших епископов не простирает власти на иную епархию, которая прежде и сначала не была под рукою его, или его предшественников: но аще кто простер, и насильственно какую епархию себе подчинил, да отдаст оную”; “ни который епископ да не дерзает из единыя епархии преходити в другую, ни поставляти кого либо в церкви ея для совершения священнослужения” (35 апостольское правило, 2 правило II Вселенского, 8 правило III Вселенского, 13 правило Антиохийского соборов) [Книга правил 1992, с. 17, 40–41, 48, 157].

Картина религиозной жизни в Тмутаракани, очевидно, осложнялась уникальной ситуацией сосуществования сразу трех этноконфессиональных общин: козарской, состоящей из потомков хазаро-болгарских родов, носителей салтово-маяцкой культуры, которые были тесно связаны в экономическом и религиозном отношении с иудейскими торговыми корпорациями, греческой, включавшей в себя, по всей видимости, не столько исконных греков, сколько поданных империи и всех христианизированных неофитов, и наконец, русской, представляющей наименее значительный и социально замкнутый анклав, тяготевший к собственному духовному центру — городскому собору пресвятой Богородицы. Ввиду этого в Тмутаракани вполне могло возникнуть своеобразное размежевание местных жителей по национальному и конфессиональному признаку. В состав русской общины, разумеется, входили и лица духовного звания, окормлявшие славянскую паству. Немногочисленные представители русского клира, направленные сюда для духовного просвещения своих соотечественников (мирские священники, пресвитеры, получившие увольнительную грамоту для исполнения пастырских обязанностей на новом месте), скорее всего, подчинялись не местному епископу, а епархиальному руководству того региона, где получили свое поставление. Обитатели русской колонии в восточном Приазовье, входившей в состав домениальных владений черниговской династии, по всей видимости, состояли под духовным кормилом черниговского епископа. Это коренным образом отличало их от туземного населения, которое опекал архиепiscop, присланный из Византии.

С канонической точки зрения, представители русского духовенства не имели законного права священнодействовать на территории,

входящей в состав чужой епархии и пребывающей под юрисдикцией автокефального архиерея. Однако в связи с тем, что эти земли находились под протекторатом Древнерусского государства как ее заморское владение, они могли приобрести особый экстерриториальный статус, позволявший до поры до времени мирно уживаться двум христианским общинам, раздельно исполняющим свои культовые обряды. Невозможно впрочем считать, что Тмутаракань представляла собой своеобразный русско-византийский кондоминиум, подобный тому, что существовал в VII — IX вв. в Сугдее и Боспоре [Сорочан 2004, с. 333–337], поскольку Византия не обладала на Тамани полнотой светской власти, а имела здесь лишь свое духовное представительство в лице епархиальной администрации. Правовое положение Тмутараканской епископии в XI в. можно сравнить, скорее всего, со статусом Готской епархии в конце VIII — IX ст., когда она в церковно-административном отношении подчинялась Константинополю, но входила в состав Крымской Хазарии и пребывала под властью хазарского кагана, с той лишь разницей, что захватчики не были христианами [Байер 2001, с. 55–57].

В реальной жизни подобное соседство двух пастырских юрисдикций и двух соперничающих церковно-политических группировок — греческой, ориентированной на Константинополь, и русской, связанной с княжеским двором, могло провоцировать публичные трения на религиозной почве и в сфере социально-корпоративных интересов, в том числе и касающихся имущественных и поземельных отношений. Например, русской общине вряд ли разрешалось строить храмы на землях, принадлежавших греческому архиерею. Не менее остро должна была стоять и проблема миссионерской активности духовенства среди автохтонного адыгского населения и основания монастырских центров как проводников этой деятельности, что в первую очередь было связано с материальными интересами соперничающих сторон.

Вполне очевидно, что греческая церковная община в результате “нашествия иноплеменников” в свои ряды лишалась части доходов и материальных преимуществ. Чтобы убедиться в остроте и актуальности данной ситуации, достаточно вспомнить похожие случаи из истории византийской церкви. В 1276 г. сарайский епископ Феогност жаловался константинопольскому патриарху Иоанну Векку на то, что “в его епархию приходят люди из различных епархий, понемногу из каждой, из Алании, Зихии и других стран вокруг них, а архиереи тех стран, чьи люди приходят в его епархию, сами прибывают в его диоцез ради этих людей, что из их епархий” [Иванов 2003, с. 325–326], вследствие чего местный предстоятель теряет над ними духовную власть. Противостояние в ряде случаев доходило до того, что с пришлых церковнослужителей даже брали расписки о том, что они не будут причинять неприятностей для местной церковной администрации, т.е. не станут покушаться на ее паству и традиционные источники содержания. Учитывая сказанное, трудно согласиться с предположением, что в руках русского клира находились ключевые позиции в духовной жизни края. В любом случае из-за отсутствия исчерпываю-

щих документальных свидетельств невозможно отчетливо разграничить сферы влияния русской и греческой церковных организаций на Тамани. Очевидно, лишь то, что обе церковные партии должны были искать разумный компромисс, поскольку ни одна из них не обладала одновременно всей полнотой власти и духовных полномочий.

Традиционно главным духовным форпостом славянского присутствия на Тамани считается монастырь пресвятой Богородицы, построенный Никоном Печерским *“вблизи града”*, на чистом (т.е. пустом, незастроенном) месте, возможно, пригородном пустыре, и названный в Патерике *“прикладом”* — подворьем Киево-Печерской обители [Патерик 1931, с. 36]. Житие Феодосия информирует, что печерский монах очутился в Тмутаракани после какой-то ссоры с киевским князем. Однако согласно каноническим предписаниям Никон не имел права покинуть свой монастырь в Киеве без разрешения и благословения киевского митрополита: *“аще который пресвитер, или диакон, презрев своего епископа, отлучит сам себя от церкви, и начнет творити особыя собрания, и поставит жертвенник, а призываемый епископом не покорится, не восхощет ему повиноватися: таковой да будет совершенно извержен из своего чина, и отнюдь не может до служения допущен быти, ниже пакн воспряти прежную свою честь”* (5 правило Антиохийского собора) [Книга правил 1992, с. 154]. Те же самые дисциплинарные санкции в случае публичного осуждения (“прещения”) виновных предусмотрены 31 апостольским правилом, 10 и 38 правилами Карфагенского собора [Книга правил 1992, с. 16, 189, 197].

Следует отметить, что номоканон решительно осуждал и запрещал любые не санкционированные высшей церковной властью перемещения монахов на новые места жительства и оставление ими своих монастырей без уважительной причины: *“монашествующие же, в каждом граде и стране, да будут в подчинении епископа, да соблюдают безмолвие, да прилежат токмо посту и молитве, безотлучно пребывая в тех местах, в которых отрелись от мира; монашествующих, не имеющих никаких поручений от своего епископа, а тем более отлученных от общения церковного, удаляти из оного (града) и неволею, и возвращати к своим местам; избравшие подвижническое житие, и определенные в монастыри, отнюдь да не исходят; не долженствует монах оставлять свой монастырь, и отходити во иной. Аще же случится сие, то страннопримство явити ему необходимо, а примати его без воли игумена его не подобает; аще который монах, отвежав из своей обители, прескочит в другой монастырь, или вселится в мирское жилище: таковой, равно и приявший его, да будет отлучен от общения церковного, доколе бежавший не возвратится в обитель, из которой преступно удалился”* (4 и 23 правило IV, 46 правило VI и 21 правило VII Вселенских, 4 правило Двукратного соборов) [Книга правил 1992, с. 54–55, 61, 96–97, 133, 253].

Уважительным основанием для подобных перемещений считалась увольнительная (или представительная) грамота от своего епархиального архиерея, в конкретном случае киевского митрополита, в

подчинении которого находился Печерский монастырь: “понеже клирики различных церквей, оставив свои церкви, в конх они поставлены, перешли к иным епископам, и без воли своего епископа, определены в чужих церквах, и чрез сие они оказываются непокоривыми: того ради определяем, дабы никто из клириков в какой бы степени кто ни был, не имел права, без увольнительной от своего епископа грамоты, определен быть к иной церкви” (17 правило VI Вселенского собора) [Книга правил 1992, с. 82]. В противном случае послушник подлежал запрету священнодействовать и должен был насильственно выдворен за пределы чужой области (15 и 33 апостольское правило, 3 правило Антиохийского, 16 правило Сардского соборов) [Книга правил 1992, с. 13, 17, 153, 183]. Но даже и получив разрешение жить на новом месте, преподобный Никон не мог основать и возглавить новую монашескую общину на Тамани без позволения и согласия на то местного архиепископа, а следовательно признания его церковной властью: “но поелику некоторые, для вида употребляя одежду монашескую, расстраивают церкви и гражданские дела, по произволу ходя по градам, и даже монастыри сами для себя составляти покушаются: то рассуждено, чтобы никто нигде не созидал, и не основывал монастыря или молитвенного дома без соизволения епископа [тамошнего] града” (4 правило IV Вселенского собора) [Книга правил 1992, с. 54–55]. Впрочем если бы Никон, равно как и любой другой представитель русского клира, все-таки перешел под юрисдикцию Зихийского архиепископа, его начинания все равно не получили бы благословения со стороны Русской церкви из-за утраты единоверческой связи с киевской митрополией. В этой ситуации духовный статус иеромонаха Никона на Тамани не может получить удовлетворительного объяснения в рамках традиционных представлений об унитарном епархиально-административном устройстве внутри самоуправляемого (автокефального) церковного диоцеза.

В научной литературе высказывалось предположение, что Никон оказался в Тмутаракани после конфликта с киевским митрополитом и жил там, находясь под церковным запретом [Приселков 1913, с. 106–108]. Эта догадка кажется вполне правдоподобной, если учесть, что само появление Никона на Тамани шло в разрез с укоренившейся практикой церковных назначений и перемещений. Он покидает Печерский монастырь без видимых причин, после непродолжительной размолвки с киевским князем Изяславом Ярославичем [Патерик 1931, с. 33–36]. Разумеется, если сущность конфликта состояла лишь в нелицеприятном для князя постриге двух его ближайших приближенных — боярского сына Варлаама и придворного мажордома Ефрема, то поведение инока выглядит немотивированным: общий накал страстей отнюдь не вынуждал Никона обречь себя на столь суровые испытания. Достаточно было запросить защиты и убежища у другого князя или удалиться в иной город, например в близлежащий Чернигов.

Иное дело, если конфликт имел завуалированный религиозный характер и скрытую от посторонних глаз дисциплинарную подоплеку — нарушение духовных полномочий киевского митрополита и

ослушание его воли, как полагает М.Д. Приселков. Тогда спастись от наказания можно было лишь скрывшись в отдаленном и недоступном для соглядатаев месте. “Тмутараканский остров”, известный на Руси как своеобразная вольница для изгоев и недовольных, как нельзя лучше подходил на эту роль. Вполне возможно, что появление преподобного Никона в Тмутаракани носило характер церковной ссылки, а следовательно основанная им обитель на Тамани не имела легитимный статус и являлась на самом деле всего лишь временным пристанищем для таких же изгнанников, как и он сам. В таком случае непонятно, почему русский монастырь на Тамани величался “славным” [Патерик 1931, с. 36]. Впрочем данный оборот можно считать обычным апологетическим преувеличением, необходимым для ретуширования печерской истории и реабилитации ее участников. Печерский монах мог составить свою общину, воспользовавшись уникальным религиозно-политическим двоевластием, которое сложилось в северо-восточной Таврике, о чем говорилось выше.

Надежных археологических свидетельств в пользу реального существования указанной обители до сих пор не найдено. Правда, в научной литературе описан греческий эпиграфический памятник мемориального характера, в котором упоминается некий монах-грек Иоанникий, строитель (ойкодом) безымянного таврического монастыря, почивший 23 октября 1078 г. [Латышев 1905, с. 132–133]. Е.Ч. Скржинская видит в этом человеке ближайшего “сотрудника Никона в годы его пребывания на черноморских берегах (1061–1067 и 1073–1074)”, точнее приглашенного по контракту зодчего, возводившего монастырские постройки для русского игумена [1961, с. 74–84]. Это мнение основано исключительно на мысли, что в XI в. на Таманском полуострове не могло существовать “много или хотя бы несколько монастырей”. Разумеется, с этим тезисом нельзя согласиться, иначе пришлось бы признать, что первые монашеские обители возникли в Тмутаракани лишь на исходе ее пятивековой истории, в конце XI в. Кроме того, привлечение грека к строительным работам в русском монастыре в силу описанных выше юрисдикционных и конфессиональных предрасположений кажется маловероятным. Тем более, что согласно информации, любезно предоставленной А.Ю. Виноградовым, термин “ойкодом”, встречающийся в ряде тождественных византийских надписей, обозначает по преимуществу не обычного зодчего-архитектора, а основателя монастыря. Таким образом догадка о связи Иоанникия с игуменом Никоном оказывается совершенно беспочвенной.

Другую возможность для интерпретации сведений Печерского патерика вроде бы предоставляет местное предание, согласно которому до установления турецкого господства в крае (т.е. ранее XV в.) на Рахмановском мысе, вдающемся вглубь Ахтанизовского лимана, существовал русский монастырь святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Некоторые авторы отождествляют этот полуполюгендарный монастырь с обителью преподобного Никона [Воронов, Михайлов 1983, с. 150–151, 160]. Однако подобная локализация напрямую противоречит топонимике.

мическим и топографическим указателям Патерика: “**църковь свята Богородица, близь града на островѣ Тмѹтороканском**”. Географически Таманский полуостров с незапамятных времен был разделен речными протоками и морскими лиманами на несколько крупных островов. Средневековая Таматарха располагалась на самом южном из них, носившем название Синдика. Пресловутая Борисоглебская обитель, о которой говорилось выше, локализована на юго-восточном берегу Фанагорийского острова, занимавшего центральные районы Тамани и отделенного от Синдики одним из полноводных рукавов Кубани-Антикита [Очерки 1956, карта между сс. 344 и 345; Воронов, Михайлова 1983, с. 126; Остапчук, Галенко 1996, с. 387–388].

Описанные гидрологические условия сохранились на Тамани вплоть до эпохи позднего средневековья: в 1482 г. Закаррия де Гизольфи, бывший князь Матреги, сообщает в своем письме, что он живет “на острове нашем Матрике” [Зевакин, Пенчко 1938, с. 128]. Отсюда можно предположить, что легендарный монастырь Никона был расположен в ближайших окрестностях Тмутаракани, во всяком случае в черте ее непосредственной 30-и километровой округи на восток от черноморского устья Керченского пролива и южнее Таманского залива. К сожалению, до сих пор не выявлено никаких материальных остатков этой монашеской обители, а следовательно не удалось собрать надежных данных для реконструкции ее внутренней планировки. Трудно судить о том, какой архитектурный облик имел этот культовый комплекс, кроме того, что все его здания, вероятно, были сложены из самого распространенного и доступного в Таврике строительного материала — известняковых плит, ракушечника, булыжников. Вполне очевидно и то, что простой монах, ставший ктиторм новой церковной общины после бегства из Руси, едва ли мог обладать значительными средствами для масштабного строительства. Скорее всего, упомянутый монастырь представлял собой скромный отшельнический исихиастерий (известно всего три его обитателя) с простейшей планировочной структурой, центральное ядро которой занимал не монументальный каменный храм, а скромная бесстолпная капелла, напоминающая по своей архитектуре квартальные часовни в Херсонесе.

Отсюда следует, что русский монастырь ничем не выделялся в периферийной застройке Тмутараканской округи и не мог оставить после себя заметных следов своего существования. С другой стороны, маловероятно, чтобы обитель преподобного Никона возводилась славянской артелью и в ее постройках прослеживались отчетливые типологические черты, присущие для древнерусской архитектуры. В самом деле, на Тамани было намного легче найти опытных греческих мастеров, которые следовали традициям местной строительной школы. Попытки доказать обратное пока что не увенчались успехом. Во всяком случае гипотеза о тесных архитектурных связях Древней Руси с черноморским регионом и участии русских зодчих в строительстве ряда культовых построек в Таврике (Тепсень, Алушта, Керчь) [Асеев 1951, с. 23–30], не нашла своего подтверждения. Материалы раскопок

“древнерусского храма” (так называемой “церкви Мстислава”), найденного в Тмутаракани в 1955 г., не дают убедительных оснований для однозначной атрибуции и отражают, скорее всего, субъективный подход к данной проблеме Б.А. Рыбакова [Рыбаков 1955; Раппопорт 1982, с. 115–116].

Внутренняя история таманского монастыря почти не освещена в источниках. Нет сведений о его социальной структуре и общественной роли. Отсутствуют данные и о непрерывном функционировании указанной обители во время отлучек Никона на Русь и после его смерти, равно как и о реальных размерах возникшей здесь монашеской общины: в 1073 г. Никон вернулся сюда всего лишь “**съ двѣма черноризцема**” (Патерик, 1931. С. 69). Изложенное заставляет усомниться в том, что русский игумен мог пользоваться особым доверием и заметным влиянием у иноплеменного и иноязычного населения кубанской дельты (греков, ясов, касогов, козар), как это было принято считать в научных кругах до сих пор. На самом деле тезис о выдающейся роли Никона в жизни городской общины основан лишь на том факте, что ему поручили возглавить посольство к Святославу Ярославичу в 1066 г. Однако указанному событию можно найти и более простое объяснение: горожане отдали предпочтение духовному лицу, чтобы обезопасить его от княжеского произвола в экстремальной ситуации. Не исключено, что решающую роль при этом сыграло как раз славянское происхождение Никона. Как видим, источники не дают никаких оснований для утверждения, что русский монастырь выступал координатором церковной политики в восточном Приазовье и поставлял кандидатов на местную кафедру, а русские князья санкционировали эти действия своей властью.

Вопрос о политическом устройстве и социальной структуре Тмутаракани издавна остается одним из наиболее дискуссионных в отечественной историографии. Поскольку он является составной частью проблемы так называемой Приазовской Руси, то закономерно вызывает скепсис у большинства историков. Судя по археологическим материалам, город Тмутаракань после изгнания хазар Святославом Игоревичем попал в орбиту устойчивого влияния адыгской общины, что отразилось на его материальной культуре и этническом облике, во всяком случае славянские черты в керамическом материале указанного города в кон. X–XI вв. практически не прослеживаются [Плетнева 1963, с. 5–72]. В ходе археологических исследований в северо-восточном Причерноморье не удалось обнаружить следов массового земледельческого и ремесленного освоения края выходцами из Восточной Европы. Это снимает или в лучшем случае коррелирует вопрос о политическом статусе данной территории. Восточный Крым и Таманский полуостров, скорее всего, нельзя рассматривать как земли, включенные в состав Древней Руси в качестве периферийного княжеского удела или волости с традиционным для восточных славян укладом хозяйственной, административной и культурной жизни. Следует обратить внимание, что слово “Тмутаракань” никогда не употребля-

лось в древнерусских памятниках в значении политонима — государственно-территориального образования, но почти всегда выступало в качестве историко-географического понятия, указывающего на соименный город и прилегающую к нему земледельческую область.

На эту особенность уже давно обратили внимание многие исследователи, писавшие о славянском присутствии в Таврике. Причем описывая геополитическую ситуацию в этом регионе, они осознанно избегали употребления общепринятой терминологии, используемой при описании политической структуры исконных русских земель. Приведем несколько примеров. В.Л. Янин, отмечая специфическое положение причерноморских владений русских князей в системе государственной территории Древней Руси, подчеркивает, что правители Тмутаракани (в частности Олег Святославич) сознательно исключали себя из сообщества остальных Рюриковичей, порывая с традиционными формами русской княжеской организации [Янин 1965, с. 88]. А.В. Гадло отмечает, что уже в 60-ых гг. XI в. “тмутараканское политическое образование... выпало из политической жизни Руси” [Гадло 1991а, с. 3], а черниговские князья перестали дорожить своей заморской вотчиной [Гадло 1990б, с. 11].

При этом исследователь склонен считать ее не самостоятельным славянским уделом, а “автаркичной территориальной (городской) общиной-государством, подобной Херсону, управлявшейся выборной властью” [Гадло 1990а, с. 22, 27; 1992, с. 6]. Русскому князю согласно данной концепции принадлежали лишь номинальные прерогативы верховной власти, но не ее реальные рычаги, находившиеся в руках самоуправляемой и автономной в принятии решений тмутараканской общины. Последняя, кстати, полностью контролировала даже вопрос о преемнике местного правителя после его смерти, как это произошло в случае с тмутараканским князем Ростиславом, отравленным херсонским катепаном в 1066 г. Создается впечатление, что столь расхожее в научно-популярной литературе выражение “княжество” по отношению к Тмутаракани на самом деле имеет ходульное значение, призванное внести хоть какую-то определенность в поставленный вопрос. Тем не менее мы и впредь будем употреблять в этой работе слово “князь” по отношению тмутараканским наместникам как представителям рода Рюриковичей.

Конкретизируя понятие тмутараканской общины, А.В. Гадло видит в ней прежде всего хазарскую торговую корпорацию, которая контролировала черноморский участок торгового пути из Восточной Европы в Предкавказье, могла выставить для защиты своих интересов городское ополчение (отнюдь не тождественное княжеской дружине) и обеспечивала развитие различных отраслей хозяйства, стремясь при этом манипулировать навязанным ей правителем либо при первой же возможности избавиться от него (или, по словам автора, любой “политической зависимости от далекой и чуждой силы”) [Гадло 1991а, с. 6 и след.]. Номинальный суверенитет русского князя распространялся также на сопредельное политическое объединение

касожских племен (адыгейцев), попавших в вассальную данническую зависимость от него. Однако по мнению Н.Ф. Котляра, эта зависимость носила скорее формальный характер, поскольку тяготевшая к городу территория “не была даже в минимальной степени “окняжена”, на нее в должной мере не распространялись ни княжеская администрация, ни система сбора дани, ни княжеский суд” [Котляр 2003, с. 116].

Судя по всему, авторитет славянских правителей в Таврике опирался не на их военно-политический или экономический потенциал, а на сакральную харизму их безымянных предков, господствовавших в черноморском регионе в IX-X вв. и добывших для себя в то время прославленный титул “хакан-рус” [Новосельцев 1982, с. 157–159]. Похоже, что подобная “божественная санкция” власти отражена и в эпической традиции, если вспомнить летописный поединок Мстислава Черниговского с касожским князем Редедей [ПСРЛ 1962, т.1, стлб. 146–147, т. 2, стлб. 134; Гадло 1990а, с. 28–31, 1991б, с. 10]. Вместе с тем имеются серьезные основания подозревать, что местные адыгские племена не желали мириться со своей даннической и вассальной зависимостью и были весьма враждебно настроены против русского правления. Предания о столкновениях между Тмутараканью и адыгами, жившими за пределами городской округи, сохранились в фольклорном эпосе [Ногмов 1982, с. 76, 81, 82–84]. Определенную напряженность внутри “Русского острова” могли подпитывать и религиозные распри, провоцируемые хазарской купеческой корпорацией [Гадло, 1990а, с. 23]. Отголоском этих событий, возможно, стала мученическая смерть печерского монаха Евстратия [Литаврин 1999, с. 478–495].

Обобщая изложенное выше, можно согласиться с Н.Ф.Котляром, что Тмутаракань являлась номинальным центром русской власти в иноязычной, иноплеменной среде, во главе которого был поставлен наместник-временщик княжеского происхождения, управлявший окрестными землями сугубо насильственными методами. Полномочия этого наместника распространялись лишь на дельту Кубани в пределах одного из ее пойменных островов — Синдики, простиравшегося вглубь всего на несколько десятков миль. Примечательно, что уже после утраты русскими князьями Тамани здесь продолжали править иностранные наместники — в течении XV ст. (между 1419 и 1482 гг.) в актовых документах упоминаются местные правители из феодального клана де Гизольфи, генуэзцы Симон и его сын Заккария, которые владели титулом “князя Матреги” и в то же время находились в двойной зависимости от консула Кафы и окружающих черкесских князей [Зевакин, Пенчко 1938, с. 80–81, 106–110]. Ленная форма правления, вероятно, оказалась наиболее подходящей для указанного региона, всегда отличавшегося огромной подвижностью этнических процессов. В эпоху русского владычества Тмутаракань являлась в значительной мере эфемерным государственным образованием, стабильность и будущность которого во многом зависела от вектора византийской политики.

Стоит напомнить, что никто из тмутараканских князей последней трети XI в. не обладал достаточными материальными и идеоло-

гическими ресурсами для абсолютной легитимации своей власти: двое из них были убиты в результате дипломатических интриг (Ростислав Владимирович в 1066 и Роман Святославич в 1079 гг.) [ПСРЛ 1962, т. 1, стлб. 166, 204; т. 2, стлб. 155, 195–196], остальные периодически изгонялись, если не проявляли должной гибкости при осуществлении своего внешнеполитического курса. К середине XI в. Византия значительно упрочила свои позиции в восточном Крыму, о чем свидетельствует строительная надпись “стратига Херсона и Сугдеи” Льва Аталиата, датированная 1059 г. [Латышев 1896, с. 16, № 18; Гадло 1973, с. 85; 1990б, с. 8]. Византийское присутствие прослеживается в это время и в Боспоре-Корчеве, судя по находке здесь моливдовула протоспафария и стратига Аркадия [Schlumberger 1895, s. 206]. Активизация византийской администрации в Таврике совпала по времени с мятежом тмутараканских хазар против Святославичей в 1079 г., в подстрекательстве которых подозревается великий князь киевский Всеволод Ярославич, после чего славянское влияние в регионе начинает неуклонно сокращаться.

Вполне очевидно, что русские князья сохраняли свое господство в Таврике лишь до тех пор, пока не мешали планам византийских царедворцев либо могли оказать им достойное сопротивление. Сами же греки всегда рассматривали Тмутараканское княжество как свое выморочное наследство, которое лишь на короткое время получило статус варварской архонтии, но рано или поздно должно было вернуться в состав империи. При этом национальность ее наместника не играла для них никакой роли, если последний соблюдал нейтралитет или полную лояльность по отношению к византийской метрополии. Таким образом всех русских князей на Тамани можно считать более или менее удачливыми временщиками. Разумеется, не был исключением из общего правила и Олег Святославич, который считается последним славянским правителем Тмутаракани. (Анализ путанных и тенденциозных сообщений о легендарной династии “Олуабас”, которая якобы правила на Тамани в XII в. [Коновалова 1999, с. 170], мы оставляем за рамками этой работы).

Исследователи зачастую предлагают весьма противоречивую оценку личности и деяний этого правителя. В частности А.В. Гадло, описывая события последней четверти XI в., рисует в своих очерках образ идеального властелина, который обеспечил политическую стабильность подвластного ему княжества, добился его экономического подъема и процветания, возродил и расширил систему ремесленного производства, организовал надежную охрану транспортных коммуникаций и поселений, чеканил собственную монету, укрепил вассальную и фискальную зависимость аборигенного населения [Гадло 1991а, с. 8–10]. Тем не менее представление о политическом могуществе этого князя остается надуманным, поскольку внутренние ресурсы Тмутараканского княжества были, скорее всего, ограниченными, а его экономическое процветание основывалось преимущественно на транзитной торговле и ростовщической деятельности козарс-

ких корпораций [Гадло 1991а, с. 6–7, 11]. Достаточно проанализировать общую социально-политическую расстановку сил в северо-восточном Причерноморье в конце XI в., чтобы убедиться в том, что большинство хвалебных высказываний в адрес Олега Святославича являются сильно преувеличенными.

На самом же деле русский князь не имел существенного влияния на старую социальную и управленческую структуру Тмутаракани и город продолжал жить по своим прежним законам и обычаям, сохраняя свою автономию и самоуправление [Гадло 1990а, с. 27]. Довольно слабой, по всей видимости, оставалась и территориально-административная власть Олега, поскольку тмутараканские козары, подобно раисам Дербенда, являлись основными владельцами прилегавших к городу обрабатываемых земель [Гадло 1992, с. 7], а зависимость адыгских племен ограничивалась выплатой (и то, вероятно, нерегулярной) фиксированной дани. Абсолютно неустойчивым было, очевидно, и материальное положение князя, поскольку в его правление вся внешняя торговля в регионе регулировалась сопредельными государствами или политическими объединениями: Византия установила контроль за каботажными плаваниями в Керченском проливе и вдоль северо-западного побережья Кавказа, Аланское царство зорко следило за перемещением торговых грузов вдоль дорог, ведущих через центральный и западный Кавказ, а половецкие орды перекрыли Волго-Донский путь и пути сообщения, идущие на днепровское Левобережье [Гадло 1990б, с. 11].

В сфере международных отношений Олег Святославич оказался всего лишь марионеткой в руках двух противоборствующих сторон: с одной стороны, козарской общины, которая стремилась к установлению “гегемонии над территорией всего восточно-европейского Юго-Востока, некогда объединенного Хазарским каганатом”, т.е. возрождению этого эфемерного государственного образования [Гадло 1990б, с. 7, 1991а, с. 8], а с другой — Византии, добывающейся аннексии Таманского полуострова и ликвидации местного русско-касожского альянса как серьезной угрозы фундаментальным основам византийской политики в Крыму и на Кавказе [Гадло 1990б, с. 10]. Стоит напомнить, что козарская община благоволила лишь к тем правителям-временщикам, которые были лишены достаточных материальных средств и не имели надежной политической опоры у себя на родине [Гадло 1991а, с. 6–7]. В свою очередь византийские царедворцы дальновидно использовали Олега для обострения междоусобных смут на Руси, чтобы не допустить усиления Древнерусского государства в дунайско-причерноморском регионе [Гадло 1991а, с. 11]. Даже утверждение автора, что князь-архонт оставался главой всех военных формирований Тмутаракани [Гадло 1991а, с. 6], вызывает недоверие: судя по всему, козарская община сохранила за собой право содержать городское ополчение, используя его не только для самообороны, но и для насильственного смещения неудобных ей правителей, как это произошло с Олегом и его братом Романом в 1079 г.

А.В. Гадло подчеркивает, что Олег не осмелился распустить это воинское формирование даже после того, как в результате хазарского мятежа сам подвергся унижительному аресту и высылке в Византию [Гадло 1991а, с. 8]. Ввиду этого кажется вполне оправданной уничижительная оценка положения русского наместника на Тамани: калейдоскоп славянских князей на тмутараканском столе являлся вполне заурядным явлением [Гадло 1992, с. 7]. Политические амбиции тмутараканских наместников не соответствовали их реальным возможностям и опирались лишь на внешние атрибуты власти, копируемые с византийских образцов (чеканка собственных монет и изготовление печатей), тем более, что атрибуция этих “инсигний” все еще оспаривается исследователями [Гадло 1988, с. 194–213, 1990б, с. 7–8; Каждан 1963, с. 93–101]. Исходя из сказанного, можно поставить под сомнение и гипотетические полномочия русских князей в спиритуальной сфере, в частности их причастность к поставлению русского выдвигенца на Зихийскую архиепископию. Обращение касожского племенного объединения и удержание его в сфере политического влияния империи отвечало ключевым интересам Византии в Предкавказье, а следовательно не могло быть и речи о добровольном отказе греческого духовенства от влияния на выбор предстоятеля местной кафедры.

Наиболее естественно предположить, что постриженник Печерского монастыря Николай был выдвинут на тмутараканскую кафедру не русской партией, а патриаршим синодом. В противном случае он не был бы утвержден и рукоположен патриархом и его назначение просто не состоялось бы. Иное дело, если эта инициатива все же исходила от греческой стороны: несомненно, что для вящей политической выгоды Константинополь был напрямую заинтересован внедрить в славянскую среду огречившегося прозелита, еще не утратившего свои корни, но полностью лояльного и послушного воле византийской администрации. В истории восточной церкви известны подобные случаи: печерский монах Ефрем, покинувший Киев в 1061 г. одновременно с Никоном, нашел убежище в одном из константинопольских монастырей. В нем он прошел длительный курс, изучая особенности греческой богослужебной и дисциплинарной практики и попутно переписывая для игумена Феодосия церковные книги, в том числе и знаменитый Студийский устав (Патерик, 1931. С. 36, 39). Позднее греки сочли уместным рукоположить Ефрема в титулярные митрополиты Переяславля и отправить его обратно на Русь [Патерик 1931, с. 36; ПСРЛ 1962, т. 1, стлб. 208; т. 2, стлб. 200]. А. Поппэ видит в этом почине политическую интригу, направленную на усиление греческого влияния в восточнославянских землях [Поппэ 1968, с. 103–104] и заключавшуюся в том, что церковное управление одним из важнейших удельных центров страны фактически изымалось из-под контроля киевского митрополита и переходило в непосредственное ведение патриархии.

Схожая роль могла отводиться в византийских планах и Николаю. Для этого достаточно предположить, что после долгих лет проживания в империи он превратился в решительного противника лю-

бых форм национально-религиозной обособленности. Благодаря этому кандидатура печерского монаха оказалась наиболее пригодной для замещения епископской кафедры в восточном Приазовье, где существовала обширная русская колония и где греческой партии следовало проявить особую изворотливость и гибкость при обращении и ассимиляции пришлого этнического элемента. Иными словами, славянское происхождение Николая едва ли свидетельствует в пользу его исключительно прорусской ориентации. В равной мере тмутараканский епископ мог занять нейтральную позицию или даже пойти на сделку с византийской администрацией в северо-восточной Таврике, согласившись доносить о настроениях и планах обитателей славянской колонии, и в особенности местного князя. Успехи имперской дипломатии в черноморском регионе, упреждающие или нейтрализующие активность русских князей, в значительной степени подтверждают эту версию. С другой стороны, русский предстоятель на таманской кафедре мог выступать и своеобразным гарантом нейтралитета обеих противоборствующих группировок по отношению друг к другу.

Не исключено также, что назначение тмутараканского епископа состоялось уже после ухода Олега Святославича из Причерноморья в 1094 г. и носило случайный характер, вроде поставления на исконные греческие кафедры разных инородцев — болгар, армян, сирийцев и пр. В последнем случае национальность архиерея отражала лишь динамику интеграции иностранцев в византийском обществе [Каждан 1974, с. 200–205, 212–218, 244] либо обычную специфику миссионерской работы в туземном регионе: в течении XII в. в Тмутаракани еще оставалось какое-то славянское население, связанное с Киевом [Гадло 1991б, с. 4; 1992, с. 10–11], управлять которым было намного проще выходцу из Руси. К сожалению, источники не сохранили для нас более подробных сведений о самом Николае, что делает все дальнейшие рассуждения о нем сугубо умозрительными.

В связи с этим заслуживает особого внимания редкостная печать, внесенная в сигиллографический корпус В. Лорана и принадлежавшая безымянному архиепископу Зихии, который жил во второй половине XI ст.: “*Τὸν Ζιχίας προεδρὸν Ἀχραυτῆ σκελ[οῖς]*” [Laurent 1972, p. 167]. Титул проэдр в византийской сфрагистике постоянно используется в качестве синонима при обозначении архиерейского звания. Не исключено, что искомая печать могла принадлежать и самому Николаю, тем более, что современные исследователи склоняются связывать ее с русским присутствием в регионе [Бибииков 2004, с. 571, 630]. По прошествии длительного времени имя и деяния печерского постриженника были преданы забвению. Последние отголоски воспоминаний о нем, возникшие, скорее всего, под влиянием упомянутых выше известий Печерского патерика, отразились в литературном и художественно-изобразительном наследии Киево-Печерского монастыря.

Стилизованное погрудное изображение святителя представлено на гравюре-дереворите школы мастера Ильи (Государственный музей книги и книгопечатания Украины, инв. № СД-355), которая дати-

руется временем между 1663 и 1676 гг. [Гончарук, Кабанец 2000, с. 56–64]. Возможно также, что тмутараканский архиепископ упоминается в числе местно чтимых печерских подвижников в “Каноне преподобным отцам печерским” Мелетия Сирига (песнь 9, стих 1), составленном около 1643 г. [Дива 1997, с. 148] и в родственной “Службе святым Ближних пещер” (Государственный музей книги и книгопечатания Украины, инв. № СД-115), вышедшей из окружения преосвященного Димитрия Ростовского на рубеже XVII — XVIII ст. [Службы 1773; Кабанец 1998, с. 94–98]. Однако все эти припоминания оставались всего лишь отвлеченными абстракциями и не могли сообщить ничего нового о судьбе русского ставленника на таманской кафедре. Остается надеяться лишь на то, что пробелы наших знаний позволят восполнить в будущем археологические материалы, прежде всего данные сфрагистики.

Литература

- Асеев Ю.С.* Архітектурно-археологічні дослідження в Криму // Вісник Академії архітектури. № 3. 1951.
- Байер Х. Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
- Бибиков М.В.* Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. I. М., 2004.
- Вернадский Г.В.* Киевская Русь. Тверь-Москва, 1996.
- Власто А.П.* Запровадження християнства у слов'ян: Вступ до середньовічної історії слов'янства. К., 2004 (Репринт: Vlasto A. The Entry of the Slavs into Christendom: An Introduction to the Medieval History of the Slavs. Cambridge, 1970).
- Воронов А.А., Михайлов М.Б.* Боспор Киммерийский. М., 1983.
- Гадло А.В.* О начале славяно-русской миграции в Приазовье и Таврику // Славяно-русская этнография. Л., 1973.
- Гадло А.В.* К истории Тмутороканского княжества во второй половине XI в. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988.
- Гадло А.В.* Тмутороканские этюды. III. Мстислав // ВЛУ. Сер. 2. Вып. 2. Л., 1990а.
- Гадло А.В.* Тмутараканские этюды. IV. Старшие Ярославичи и Ростислав // ВЛУ. Сер. 2. Вып. 4. Л., 1990б.
- Гадло А.В.* Тмутороканские этюды. V. Олег Святославич // ВЛУ. Сер. 2. Вып. 2. Л., 1991а.
- Гадло А.В.* Тмутороканские этюды. VI. Предания о переселении Кабарды Тамбиева // ВЛУ. Сер. 2. Вып. 4. Л., 1991б.
- Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории северо-восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.

- Гадло А.В.* Тмутороканские этюды. VII. Тмуторокань и Дербенд // ВЛУ. Сер. 2. Вып. 2. Л., 1992.
- Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. Т. 1/ I. М., 1901.
- Гончарук В.М., Кабанець Є.П.* Дереворит середины XVII ст. “Родословне древо Києво-Печерського монастиря” як джерело з історії печерської канонізації // Могилянські читання. Матеріали щорічної наукової конференції. К., 2000.
- Горский А.А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
- Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. Т. 3. 1938.
- Иванов С.А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из “варвара” христианина? — М., 2003.
- Кабанець Є.П.* Невідомий твір святого Дмитра Туптала Ростовського // Могилянські читання. Матеріали щорічної наукової конференції. 1996–1997. К., 1998.
- Каждан А.П.* Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
- Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI-XII вв. М., 1974.
- Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. I. Париж, 1959 (репринт: М., 1991).
- Книга правил святых апостол, св. соборов вселенских и поместных и св. отец. Изд. Св. Тр. Сергиевой Лавры, 1992.
- Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.
- Котляр Н.Ф.* “Остров тмутороканьский” // Восточная Европа в древности и в средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти чл. кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 17–19. IV. 2002. Материалы конференции. М., 2003.
- Котляр М.Ф.* Іларіон, Никон, Нестор. Портрети істориків минулого // Український історичний журнал. № 3. 1989.
- Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
- Латышев В.В.* Эпиграфические новости из южной России. находка 1903–1905 гг. // ИАК. Вып. 14. 1905.
- Литаврин Г.Г.* Киево-Печерский патерик о работорговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // Византия и славяне. СПб., 1999.
- Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — нач. XII в.). СПб., 2000.

- Мавродин В.В.* Тмутаракань // Вопросы истории. № 11. 1980.
- Митрополит Макарий (Булгаков).* История Русской церкви. Кн. 2. Т. 1. М., 1995.
- Монгайт А.Л.* О границах Тмутараканского княжества в XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
- Мошин В.А.* Επαρχία Γοτθίας в Хазарии в VIII в. // Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929.
- Мошин В.А.* Николай, епископ Тмутороканский // Seminarium Kondakovianum. Т. 5. Prague, 1932.
- Науменко В.Е.* Notitia К. де Боора как источник по церковно-политическим контактам Византийской империи и Хазарского каганата в сер. IX в. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002
- Новосельцев А.П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. № 4. 1982.
- Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1982.
- Остапчук В., Галенко О.* Козацькі чорноморські походи у морській історії Кятібі Челебі “Дар великих мужів у воюванні морів” // Marra Mundi. Зб. наук. праць на пошану Я.Дашкевича. Львів-Київ-Нью-Йорк, 1996.
- Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства. М., 1956.
- Пархоменко В.А.* Начало христианства на Руси. Полтава, 1913.
- Патерик Киево-Печерський. К., 1931.
- Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Плетнева С.А.* Средневековая керамика Тмутараканского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Подскальски Герхард.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентиевская летопись. М., 1962; Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Поппэ А.* Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI ст. // ВВ. Т. 28. 1968.
- Поппэ А.* Русско-византийские церковно-политические отношения в середине XI в. // История СССР. № 3. 1970.
- Поппэ А.* Карта и список епархий Киевской митрополии. В книге: Подскальски Герхард. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996.
- Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X — XII вв. СПб., 1913.

- Раппопорт П.А.* Русская архитектура X-XIII вв. // САИ. Вып. Е1-47. Л., 1982.
- Рыбаков Б.А.* Отчет о работах Славянского отряда Таманской экспедиции 1955 г. Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1417.
- Скржинская Е.Ч.* Греческая надпись из Тмуторокани // ВВ. Т. XVIII. М., 1961.
- Службы преподобным отцем Печерским, ихже мощы в ближней и далной пещере нетленно почиваютъ. К., типография Киево-Печерской лавры, 1763.
- Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах, составленное и обработанное смиреннейшим иеромонахом Матфеем, или Алфавитная Синтагма М. Властаря. М., 1996.
- Сорочан С.Б.* Сугдея в “темные века” // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004.
- Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. К., 1992.
- Успенский Б.А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998.
- Чубатий М.* Історія християнства на Русі-Україні. Т. I (до 1353 р.) // Opera Graeco-Catolicae Academiae Theologicae. V. XXIV-XXV. Roma – New-York, 1965.
- Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X — XIII вв. М., 1989.
- Янин В.Л.* Печать Феофано Музалон // НС. Т. 2. К., 1965.
- Darrouzes J.* Notitae episcopatum ecclesia Constantinopolitane. Paris, 1981.
- Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'Empire byzantin. T. V. L'Eglise. P. 3. Paris, 1972.
- Poppe A.* Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968.
- Poppe A.* Das Reich der Rus im 10. Und 11. Jahrhundert: Wandel der Ideewelt // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1980. Bd. 28.
- Schlumberger G.* Melanges d'Archaologie Byzantine. T. I. Paris, 1895.
- Vernadsky G.* The Status of the Russian Church during the First Half-Century following Vladimir Conversion // The Slavonic and East European Review. Vol. 20. 1941.
- Vernadsky G.* Kievan Russia. New Haven, 1948.
- Vodoff W.* Remarques sur le valeur du terme “tsar” applique aux princes Russes avant le milieu du XVe siecle // Oxford Slavonic Papers. New series. Vol. 11. Oxford, 1978.

ОТ ВЕНЕЦИИ ДО ХАНБАЛЫКА: СЛЕДЫ МАРКО ПОЛО НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Семисотлетие со дня рождения Марко Поло, 1254-1954 гг., научная общественность отметила исследованиями и собраниями [Oriente Poliano. Studi e conferenze 1957]. В 2004 г. минуло 720 лет со дня смерти Марко Поло, и за прошедшее полустолетие интерес исследователей постепенно переместился с его книги на личность автора. При этом некоторые исследователи считают допустимым рассматривать Марко Поло как *миф* (например, Марина Мюнклер, книга которой “Марко Поло: жизнь и легенда” [Münkler 1998] переведена на итальянский язык [Münkler 2001, p. 4]) — поскольку о нём самом до сих пор мало что известно с удовлетворительной определенностью [Orlandini 1926, p. 1-68 (p. 23-68: documenti 1-77, anni 1280-1387); Gallo 1958, p. 309-325 (p. 317-325: documenti I-XXII); Errera 1935, p. 719-723¹].

Венеция: дом Марко Поло. В округе-сестьере Каннареджо — одном из шести исторических округов города, идя по веками найденной тропе, от моста Риальто со стороны Сан Марко, по Мощеной дороге св. Иоанна Златоуста (Salizada San Giovanni Crisostomo), неподалеку, в конфинии (приходе/контраде) Сан Джованни Крисостомо (parrocchia San Giovanni Crisostomo — чёрным по белому прямоугольнику написано на стенах домов), увидишь одноименную церковь (в старину она была посвящена св. Чечилии). Неподалёку от церкви, рядом с Театром Малибран², в котором теперь помещается кинотеатр, на стене одного из домов — топографическая надпись: “*Corte prima del Milion*”. Во дворике на стене следующего дома надпись: “*Corte seconda del Milion*” (называвшийся также *Corte Sabbionera*), за этим двориком — канал Сан Лио. В его берег слева упирается стена (задняя стена кинотеатра).

К ней прикреплена неприметная доска с надписью. Надпись уведомляет, что на этом месте **стоял** дом Марко Поло. О тех временах напоминают только две небольшие арки (*arconi*) в венецианско-византийском стиле XI — XII вв. (в котором историки архитектуры усматривают следы влияния арабской архитектуры). Поэтому странно читать в 2004 г. в научно-популярном журнале в статье Ульрики Мозер, что “*в родной Венеции о нём сегодня мало что напоминает — лишь скромный дом*” [Мозер 2004, № 4, с. 80].

¹ Эта статья, опубликованная в Итальянской энциклопедии, также содержит только разбор его книги.

² Мария де ла Фелисидад Гарсия Малибран, 1808–1836 гг., меццо-сопрано, сестра Полины Виардо-Гарсия, подруги Ивана Сергеевича Тургенева.

Фамильный дом той ветви рода, к которой принадлежал Марко, как считается, находился в конфинии (приходе/контраде) Сан Северо между приходами Сан Марко и Сан Лоренцо [Larner 2001, p. 32]. Нет определённости и в вопросе о фамильных гербах рода Поло (Ca'Polo). Три известных герба представляют собой щит, диагонально пересечённый сверху справа вниз налево полосой/перевязью (banda, trascolla), занимающей, как положено, треть поля щита. Описывать части поля принято слева направо. На диагональной полосе первого герба помещены три шара, второго — три небольшие птички со сложенными крыльями. На верхней и нижней частях поля третьего изображены по две такие птички [Yule, Cordier 1975, vol. 1].

Но в любом случае гербы могли появиться не ранее 80-х годов XIV в., так как первым из Поло был инноблирован Николо из прихода Сан Джеремиа, внучатый племянник Марко Поло (сын Альморо, внук Маффио, брата Марко). Он получил членство в Большом совете (правлящем органе, состоявшем из наследственных нобилей) постановлением этого совета от 4 сентября 1381 г. в числе 30 новых членов за заслуги в период Кьоджской венецианско-генуэзской войны [Yule, Cordier 1975, vol. 2, p. 508].

Венеция: последняя воля Марко Поло. Завещание Марко Поло датировано 9 января 1324 г. (1323 по венецианскому первомагратовскому календарному стилю) незадолго до его кончины в возрасте семидесяти лет и долгое время находилось у венецианского нобиля Филиппо Бальби вместе с завещаниями двух других Поло, Марко 1280 г. и Мафио 1300 г. [Cicogna 1827, vol. II, p. 386 (nº. 29 “Sepultura domini Nicolai Paulo de contrata S. Ioannis Grisostomi”). Ныне хранится в отделе рукописей Национальной библиотеки Марчиана (Венеция) [Yule, Cordier 1975, vol. 1, p. 68-69, англ. пер. p. 70-73] (рис. 1).

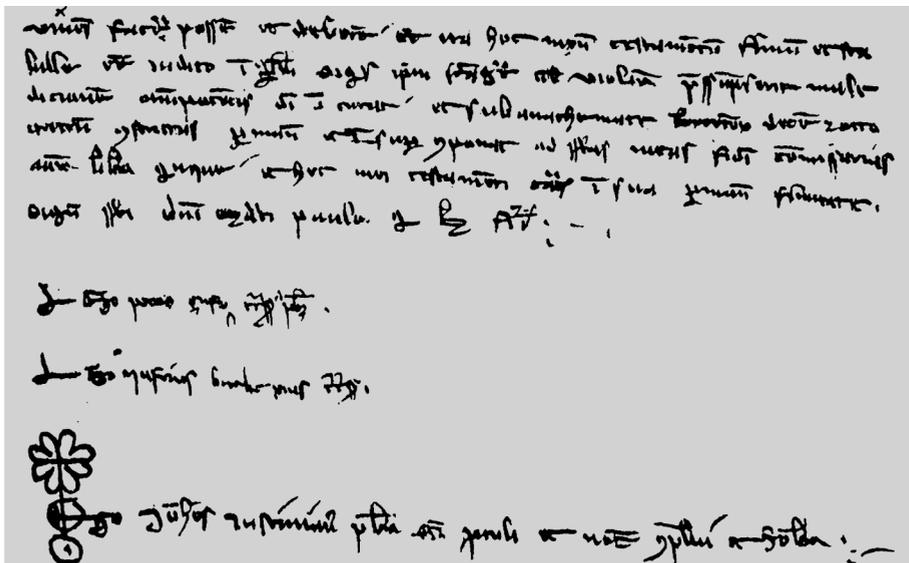

Рис. 2. Завещание Марко Поло (фрагмент).

Завещание написано на листе пергамента размером 67×23 см на латинском языке и составлено венецианским нотариусом Джованни Джустиниани, пресвитером церкви Сан Прокуло, при свидетелях Пьетро Грифо и Нуфрио Барбери. Обращает внимание, что за формулой “*Signum suprascripti domini Marci Paulo qui hec rogavit fieri*” не следует подписи завещателя (рис. 2).

Марко распорядился быть похоронить себя в монастыре Сан Лоренцо (“*ubi meam eligo sepulturam*”) и оставил для этого 20 сольди. В монастырской церкви находилась гробница его отца Николо, и он был похоронен в том же проходе (*angiportus*) [Cicogna 1827, vol. II, p. 381-390 (n°. 29)].

Тем же завещанием Марко Поло отпустил на волю Пьетро — своего слугу из татар, и через 4 года после кончины хозяина, в 1328 г. Большой совет даровал Пьетро право называться венецианцем (*venetus*) [Yule, Cordier 1975, vol. II, p. 517 (app. C, n° 13: *Consilium Maius, Liber Brutus, c. 78 t*): “*MCCCXXVIII, die VII aprilis. Quod fiat gratia Petro Sancte Marie Formose, olim sclavorum Ser Marci Pauli Sancti Johannis Grisostomi, qui longo tempore fuit Venetiis, pro suo bono portamento, di cetero sit Venetus, et pro Venetus haberi et tractari debeat*”³.

Венеция: гробница. Надёжный источник — венецианский историк-эрудит XVIII в. Фламинио Корнер сообщает, что Марко Поло упокоился в своей приходской церкви Сан Джованни Крисостомо: “*In hujus Ecclesiae obiit, (ut traditio fert) Marcus Polo Venetus, qui longinquos populos, ignotasque nationes incredibili labore magnaue animi constantia perlustrans itinerum varietate clarissimus evasit, cujus aedes ex vetustate ruentes in amplissimum Theatrum, qui a propinqua Ecclesia S. Joannis Chrysostomi nuncupatur, commutatae sunt*” [Cornelius 1749, decas 2, p. 237]. Речь идёт о постройке, на месте которой стоит нынешняя — последняя работа архитектора Мауро Кодуччи, выстроенная в 1497–1504 гг. [Cornelius 1749, decas 2, p. 238]⁴.

Далее Ф. Корнер сообщает, что в XVI в. гробница Марко Поло находилась в церкви Сан Лоренцо: “посредине которой стояла гробница венецианского нобиля Марко Поло, прозванного Миллион, известнейшего благодаря странам им виденным” [Cornelius 1749, decadis 13 pars posterior, p. 65]⁵. Таким образом, воля завещателя была исполнена. Эта храмовая постройка, в старину была частью комплекса бенедиктинского монастыря, в здании которого теперь (после недавней реставрации) размещается вспомогательный корпус лечебницы “G.B. Giustinian”.

³ О процедуре пожалования см. [Mor 1962, p. VII-XLVIII].

⁴ Настоятелем этого прихода в 1310 г. был Марко Квирини, один из участников заговора Байамонто Тьеполо.

⁵ “*nel mezzo a quella stava la sepoltura di Marco Polo Nobile Veneto detto Milione, famosissimo per il paesi da lui veduti*”.

Ветвь рода Поло, к которому принадлежал путешественник, пресеклась с кончиной в 1418 г. другого Марко Поло, кастеллана (коменданта Старого замка) Вероны [Cicogna 1827, vol. II, p. 388: "Albero della famiglia de'viaggiatori veneziani Nicolò, Matteo e Marco Polo"]. А позднее, после переделки церкви Сан Лоренцо в 1592 г., затерялись следы саркофага с прахом Марко Поло путешественника (хотя, возможно, он был захоронен в саркофаге своего отца).

Венеция: копия *idolo venerato* из пагоды пятисот будд в Музее Коррер — изображение Марко Поло (?). Самое раннее из известных — изображение отплывающего из Венеции, находится в манускрипте, датируемом 1338 г., то есть четырнадцатью годами позже кончины Марко (рис. 6).

Другие — в рукописных книгах XV в. "Le livre des merveilles du monde" в Национальной библиотеке (Париж), в Бодлеанской библиотеке (Оксфорд) [Benedetto 1932], и др. (рис. 5). Все они, так же как и декорации, в которые Марко Поло помещён художниками, нельзя считать достоверными. Что не мешает авторам популярных статей сопровождать иллюстрации подписями такого рода, как подпись под изображением Марко Поло, одетого в татарское платье, с луком и саблей — на рисунке около 1700 г. в Музее Коррер (Венеция); "Европейская миниатюра XVIII в.: Марко Поло в восточном костюме. Так он **выглядел**, вернувшись из путешествия" [Мозер 2004, № 4, с. 71] (рис. 3).

Существует одно изображение, менее известное. 21 февраля 1902 г. П.Д. Фишер осматривал пагоду пятисот будд в Кантоне и на скорую руку зарисовал одну из статуй, подписав внизу "*Marco Polo im Tempel 500 Buddha in Canton*" и дату — "21.II.2". Будучи в Риме в апреле 1910 г., он направил Итальянскому географическому обществу письмо с благодарностью за избрание его почётным членом и приложил к нему рисунок (рис. 4). Письмо и рисунок были в том же году опубликованы в бюллетене общества. В письме Фишер рассказывает об обстоятельствах появления рисунка:

"...Память о Марко Поло ещё жива в Китае. Когда восемь лет назад я побывал в Кантоне, то обходя храмы и базар, нашёл в храме Пятисот Будд, между длинных рядов сидящих божков, статую, которая по своему типу и выражению лица представляла видимый контраст однообразию остальных. Когда я задержался перед этой статуей, чтобы разглядеть её повнимательнее, мой проводник сказал мне: "O master that's Marco Polo". Тогда мне захотелось наскоро, как смогу, зарисовать этот портрет Марко Поло, и я прошу позволить мне предло-

Рис. 3. Рисунок из музея Коррер (Венеция).

жить экземпляру Обществу как подношение в знак уважения к великому путешественнику и к Итальянскому географическому обществу” [Fischer 1910, p. 551–552].

Рис. 4. Статуя Марко Поло. Рисунок П.Д. Фишера (1902 г.).

Вслед за этим в русском журнале “Землеведение” была напечатана заметка с пересказом письма Фишера и с указанием, что фотография рисунка напечатана также в первом выпуске “The Wonders of the World” [Статуя Марко Поло 1910 г., с. 72–73].

Фотография с подписью: “Копия XVIII в. изображения Марко Поло из “Храма 50 гениев в Кантоне” была опубликована в журнале “Курьер ЮНЕСКО” в 1968 г., без указания местонахождения копии [Курьер ЮНЕСКО, 1968, с. 43].

Копию можно видеть в венецианском Музее Коррер — позолоченную статую меньше метра высотой с надписью на этикетке: “Копия идола, чтимого в храме 500 божков в Кантоне и считающегося изображением Марко Поло”⁶. Она представляет изображение человека с некитайскими чертами лица, выбритыми на китайский лад усами, в чёрной шляпе. Он сидит в кресле с невысокой спинкой, поставив ноги на подушку и положив левую руку на колени, а правую прижав к груди. Известный географ Генри Юль, глубокий знаток предмета и издатель первого фундаментального комментированного издания книги Марко Поло, опубликовал рисунок статуи, но отказал ей в подлинности, и под рисунком поставив подпись “Псевдо Марко Поло в Кантоне” [Yule, Cordier 1975, vol. 1, вклейка между с. 76–77].

“Книга о чудесах мира”. Считается, что Марко Поло прибыл в Ханбальк (Пекин) в 1272 г. в возрасте 18 лет с посольскими грамотами от папы Григория X к великому хану (здесь тоже многое неясно), и около двадцати лет находился при его дворе. Считается также, что свою книгу о чудесах мира он рассказывал в генуэзской тюрьме, где оказался после морского сражения при острове Корчула в качестве военнопленного, своему сокамернику пизанцу Рустикелло, который за ним записывал по-французски и озаглавил “Le livre des merveilles du monde”. Венецианец месяцами изо дня в день рассказывал, а пизанец — записывал, а значит, имел перо, чернила и писчий материал. Но, с другой стороны, остаётся неясным, почему Марко Поло не сам писал свою книгу, и как ему удалось удержать в памяти столь много чудес. Может быть у него были какие-нибудь записи? Что касается значения французского языка в те годы как мирового языка, то можно положиться на авторитет В.Ф. Шишмарева, который считал само собой разумеющимся, что Марко Поло знал французский язык:

“Тем более понятно, когда к французскому языку обращается венецианец; знание французского языка было распространено здесь в силу экономических связей Венеции с Ближним Востоком, где знакомство с французским языком в приморских городах было довольно обычным явлением. В расчёты Мартино да Канале, автора “Chronique de Viniciens” (написана на французском языке, доведена до 1275 г.) конечно не могло входить сужение круга читателей. И для него “la langue françoise cort parmi le monde et est plus delitable a lire et a oyr que nule autre”, то есть французский язык, помимо своих фонетических преимуществ — “мировой” язык. В то время это и было так, и изо всех “вульгарных” языков один только он мог соперничать с латынью. Понятен выбор языка и для повести о путешествиях Марко Поло. Марко Поло, человек бывалый, сам

⁶“Copia dell'idolo venerato nel tempio dei 500 genii a Canton ritenuto l'effigie di Marco Polo”.

несомненно знавший французский язык, понимал, что такая книга, которая имеет международный интерес и должна обращаться не к одному учёному читателю, может быть написана тогда только по-французски” [Шишмарев 1972, с. 63–64].

Рис. 5. Рисунок из рукописной книги XV в. “Le livre des merveilles du monde” в Национальной библиотеке (Париж).

Сохранился один список оригинальной версии Рустикелло (?) (Национальная библиотека, Париж), **судьба протографа неизвестна**. Всего известно более 80 списков. Значение книги, называемой в просторечии “Il Milione” подтверждается тем, что она была напечатана в 1477 г. в Нюрнберге среди первых книг, вышедших из-под печатного станка (инкунабул). Поэтому странно читать в новейшем журнале подпись под иллюстрацией: “иллюстрация из **прижизненного** издания **Книги**” [Мозер 2004, с. 76].

Большинство исследователей согласно с мнением, что *милионе* — упрощённое *Эмилионе* и является прозвищем той ветви рода Поло, к которой принадлежал Марко. В русском переводе, выполненном востоковедом Иваном Павловичем Минаевым (1840–1890), книга названа “Книга Марко Поло” [Книга Марко Поло 1956, с. 44–45⁷].

Новейшее критическое издание предпринято по 18 спискам, включая фрагменты [Марко Поло 2001]⁸.

Знали ли книгу современники – известно мало, равно как и то, как они ее восприняли [Фишман 1985, с. 140–144].

⁷ О переводах: см.: [Магидович 1956, с. 33-41].

⁸ Один список XV в. был в коллекции каноника Уолтера Снейда и был выставлен на продажу фирмой Сотби в 1903 г. [Климанов 2002, с. 241].

Бывал ли Марко Поло в Крыму? Крым упомянут в книге Марко Поло только дважды — в связи с кратким пребыванием проездом его отца и дяди в Солдаёе.

Глава II. Как Николай и Матвей отправились из Константинополя странствовать по свету. В то время, когда Балдуин был императором в Константинополе, то есть в 1250 г., два брата — Николай Поло, отец Марка, и Матвей Поло находились тоже там; пришли они туда с товарами из Венеции; они были сметливы. Посоветовались они между собой, да и решили идти в Великое море, за наживой да за прибылью. Накупили всяких драгоценностей да поплыли из Константинополя в **Солдадию**.

Глава III. Как Николай и Матвей отправились из **Солдадии**. Пришли они в **Солдадию** и решили идти далее <...>. [Книга Марко Поло 1956, с. 44–45].

О пребывании в Солдаёе самого Марко Поло в его книге не говорится. К этому можно добавить, что Солдаёя не упоминается и в известном пособии по торговле “La pratica della mercatura” флорентийца Франческо Бальдуччи Пеголотти, младшего современника Марко Поло (род. 1280/85 гг.) [Balducci Pegolotti 1936].

Марко Поло в Китае? Недавно Френсис Вуд высказала сомнение в том, что Марко Поло действительно побывал в Китае. Она считает, что его книга — не свидетельство очевидца, а компиляция сведений, почерпнутых из арабских и персидских источников. Иначе непонятно, почему в его книге не упомянуты такие вещи, которые должны были броситься в глаза западному наблюдателю: чай, фарфор, уродование ног женщин, Великая стена [Wood 1995].

Мнение Ф. Вуд вызвало возражения Уго Туччи, который считает, что она не принимает во внимание собственный взгляд на вещи Марко Поло как венецианского купца и круг его интересов. Ведь его книга — это “торговое пособие”, которое получило литературный вид только под пером Рустикелло [Tucci 1997, p. 49–59].

На соображения, высказанные Уго Туччи, в свою очередь, можно заметить, что во-первых Марко Поло купцом не был (не успел стать, поскольку уехал в Китай юношей, не освоившим семейное дело) и его книга не торговое пособие; во-вторых долгое пребывание в Китае могло серьёзно повлиять на взгляды Марко Поло; в-третьих непонятно, на каких основаниях можно считать пизанца литературным редактором знаменитой книги. В то же время известно, что разыскания в китайских источниках, предпринятые современными китайскими исследователями, не дали никакого результата [Molinari 1982, fasc. 1, supplemento n° 30].

Литературные отражения мифа о Марко Поло: вымысел и загадка Итало Кальвино, комическая драма Джованни Баттиста Касти. В книге “Невидимые города” итальянский писатель Итало Кальвино (1923–1985) записал вымышленные беседы хана Хубилая и Марко Поло, которые они вели в ханской столице Ханбалыке. На вопрос хана, почему венецианец не рассказывает ему о своём родном городе, тот ответил: *“всякий раз,*

когда я описываю некий город, то при этом как раз и говорю что-нибудь о Венеции” [Calvino 1995, р. 88]. Писатель предоставляет читателю задуматься над тем, в чём состоит загадка, и мы можем присоединиться к этим размышлениям.

Поэт Дж. Батт. Касти (1724–1803), музыку к произведениям которого писали Джованни Грегорио Паизиелло и Антонио Сальери, побывал в Петербурге и комическую драму, написанную им уже по возвращении из России, подтрунивая над царским двором, назвал “Хубилай” (“*Cublai, dramma comico per musica*”).

Итог? На родине знаменитого венецианца мало что сохранилось; достоверных изображений нет; добрался ли до Китая — подвергнуто сомнению, проезжал ли через Крым — неизвестно ...

Рис. 6. Отплытие из Венеции. Из манускрипта 1338 г.

Приложение

Завещание Марко Поло, 9 января 1324 г. (Biblioteca Nazionale Marciana)

In nomine Dei eterni amen.

Anno ab incarnatione Domini nostri Jhesu Xristi millesimo trecentesimo viges//simo tertio, mensis Januarii die nono intrante, Indictione septima, Rivoalti.//

Divine inspiracionis donum est et provide mentis arbitrium ut antequam superve//niat mortis iudicium quilibet sua bona sit ordinare sollicitus ne ipsa // sua bona inordinata remaneant.

Quapropter ego quidem Marcus Paulo // de confinio Sancti Johannis Chrysostomi, dum cotidie debilitater prompter infirmitatem cor//poris, sanus tamen per Dei gratiam mente, integroque consilio et sensu, timens ne ab in//testato decederem, et mea bona inordinata remanerent, vocari ad me // feci Johanem Zustinianum presbiterum Sancti Proculi et notarium, ipsumque rogavi quatenus hoc meum // scriberet testamentum per integrum et completeret.

In quo meas fidecommissarias etiam con//stituo Donatam dilectam uxorem meam, et Fantinam et Bellelam atque Moretam // peramabiles filias meas, ut secundum quod hic ordinavero darique jussero, // ita ipse post obitum meum adimpleant.

Primiter enim omnium volo et ordi//no dari rectam decimam et volo et ordino distribui libras denariorum // venetorum duo millia ultra decimam, de quibus dimitto soldos viginti denariorum // venetorum grossorum monasterio Sancti Laurentii ubi meam eligo sepulturam.

Item di//mitto libras trecentas denariorum venetorum Ysabete Quirino cognate mee quas // mihi dare tenetur.

Item soldos quadraginta cuilibet monasteriorum et hospi//taliorum a Gradu usque ad Capud Aggeris.

Item dimitto conventui sanctorum Johannis // et Pauli predicatorum illud quod mihi dare tenetur, et libras decem Fratri Renerio // et libras quinque Fratri Benvenuto Veneto ordinis predicatorum, ultra illud // quod mihi dare tenetur.

Item dimitto libras quinque cuilibet congregationi Rivoalti // et libras quattuor cuilibet scolarum sive fraternitatum in quibus sum.

Item dimitto // soldos viginti denariorum venetorum grossorum presbitero Johanni Justiniano notario pro labore // istius mei testamenti et ut Dominum pro me teneatur deprecare.

Item absolvo // Petrum famulum meum de genere tartarorum ab omni vinculo servitutis ut // Deus absolvat animam meam ab omni culpa et peccato. Item sibi remitto omnia // que acquisivit in domo sua suo labore, et insuper dimitto libras // denariorum venetorum centum. Residuum vero dictarum duarum millia librarum absque decima // distribuatur pro anima mea secundum bonam discreptionem commissariarum mearum. //

De aliis meis bonis suprascripte Donate uxori et commissarie mee // libras octo denariorum venetorum grossorum, omni anno dum ipsa

vixerit, pro suo usu, ultra // suam repromissam et stracium et omne capud massariciorum cum tribus lectis // corredatis.

Omnia vero alia bona mobilia et immobilia inordinata, et si // de predictis ordinatis aliqua inordinata remanerent, quocumque modo jure et // forma mihi spectantia, seu que expectare vel pertinere potuerunt vel possent, tam ju//re successorio et testamentario ac hereditario aut paterno fraterno materno et // ex quacumque alia propinquitate sive ex linea ascendenti et descendenti vel ex colaterali // vel alia quacumque de causa mihi pertinencia seu expectancia et de quibus secundum for//mam statuti veneciarum mihi expectaret, plenam et specialem facere mentionem seu dis//posicionem et ordinacionem quamquam in hoc et in omni casu ex forma statuti // specificator facio specialiter et expresse dimitto suprascriptis filiabus meis Fantine, // Bellele, et Morete, libere et absolute inter eas equaliter dividenda, ipsasque // mihi heredes instituo in omnibus et singulis meis bonis mobilibus et immobilibus // juribus et actionibus, tacitis et expressis qualitercumque ut pedicatur michi pertinentibus et expec//tantibus.

Salvo quod Moreta predicta filia mea habere debeat ante partem de mo//re tantum quantum habuit quelibet alliarum filiarum mearum pro dote et corredis // suis.

Tamen volo quod si que in hoc meo testamento essent contra statuta et consilia // Communis Veneciarum corrigantur et reducantur ad ipsa statuta et consilia. Preterea do // et confero suprascriptis commissariabus meis post obitum meum plenam virtutem et po//testatem dictam meam commissariam intromittendi administrandi et furniendi, inquirendi inter//pellandi placitandi respondendi ad vocationem interdicta et placita tollendi, legem petendi // et consequendi si opus fuerit, in anima mea jurandi, sententiam audiendi et prosequendi, // vendendi et alienandi, intromittendi et interdicendi petendi et exigendi sive excuciendi // omnia mea bona, et habere a cunctis personis ubicumque et apud quemcumque ea // vel ex eis poterint invenire, cum carta et sine carta, in curia et extra curia, et // omnes securitatis cartas et omnes alias cartas necessarias faciendi, sicut ego met presens // vivens facere possem et deberem.

Et ita hoc meum testamentum firmum et sta//bille esse iudico in perpetuum. Si quis ipsum frangere vel violare presumpserit male//dicionem Omnipotentis Dei incurrat, et sub anathemate trecentorum decem et octo // patrum constrictus permaneat, et insuper componat ad suprascriptas meas fidecommissarias // aureas libras quinque, et hec mei testamenti carta in sua permaneat firmitate. //

Signum suprascripti domini Marci Paulo qui hec rogavit fieri.//

Ego Petrus Grifo testis presbiter.

Ego Nufrius Barberius testis.

Ego Johanes Zustinianus presbiter Sancti Proculi et notarius complevi et roboravi.

[Yule, Cordier 1975, vol. II, p. 513–515 (app. C, № 9)].

Литература

- Климанов Л.Г.* О происхождении некоторых венецианских документов Западноевропейской секции Архива СПбИИ РАН // ВИД. Вып. 28. 2002.
- Книга Марко Поло / перевод И.П. Минаева, ред. и вст. ст. И.П. Магидовича. М., 1956.
- Курьер ЮНЕСКО. № 144. 1968. (Тематический номер “Спасти Венецию”).
- Мозер У.* Марко Поло: четверть века в странствиях // Гео. 2004. № 4.
- Статуя Марко Поло в Китае // Землеведение. 1910. Кн. 3. С. 72-73.
- Фишман О.Л.* К проблеме восприятия современниками “Книги Марко Поло” и “Путешествий Мандевиля” // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годовичная научная сессия ЛОИВАН. Л., 1985. Ч. 1.
- Пишмарев В.Ф.* История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972.
- Balducci Pegolotti F.* La pratica della mercatura / ed. by A.Evans. Cambridge (Mass.), 1936.
- Benedetto L.F.* Il libro di Marco Polo. Milano, 1932.
- Calvino I.* Le città invisibili. Milano: A. Mondadori editore, 1995.
- Cicogna E.A.* Delle iscrizioni veneziane. Venezia, 1827. Vol. II.
- Cornelius F.* Ecclesiae venetae antiquis monumentis. Venetiae, 1749.
- Fischer P.D.* [Без названия] // Bollettino della Società geografica italiana 1910. Anno XLIV. Vol. XLVII. Serie IV. Vol. XI. Parte I. P. 551-552.
- Gallo R.* Nuovi documenti riguardanti Marco Polo e la sua famiglia // Atti Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti. Vol. 116. 1958.
- Errera C.* Marco Polo // Enciclopedia Italiana. Vol. 27. 1935. P. 719-723.
- Larner J.* Marco Polo and the discovery of the World. New Haven; London: Yale University Press, 2001.
- Marco Polo. Le devisement du monde / éd. sous la dir. de Ph. Ménard. Genève: Droz, 2001.
- Molinari I.M.* Un articolo d'autore cinese su Marco Polo e la China // Annali dell'Istituto orientale di Napoli. Vol. 42. 1982.
- Mor C.G.* Il procedimento per "gratiam" nel diritto amministrativo veneziano del secolo XIII // Cassiere della Bolla ducale. Grazie. Novus liber (1299-1305) / a cura di E. Favaro. Venezia, 1962. P. VII-XLVIII.
- Münkler M.* Marco Polo: Leben und Legende. München: Beck, 1998.
- Münkler M.* Marco Polo. Vita e leggenda. Milano: Vita e pensiero, 2001.
- Oriente Poliano. Studi e conferenze in occasione del 7 centenario della nascita di Marco Polo. Roma, 1957.

Orlandini G. Marco Polo e la sua famiglia // Archivio Veneto-Tridentino. Vol. 9. 1926.

Tucci U. Marco Polo: and veramente in Cina? // Studi veneziani. Vol. 33. 1997. P. 49-59.

Wood F. Did Marco Polo go to China? London, 1995.

Yule H., Cordier H. The Book of Ser Marco Polo the Venetian. London, 1975. Vol. 1-2.

ВЕЩЕВЫЕ КЛАДЫ XII — XIII ВЕКОВ КАК ИНДИКАТОР ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ЮЖНОЙ РУСИ

Возникшее в XIX в. и введенное Н.П. Бауером в отечественную нумизматику определение состояния денежного хозяйства Руси с XII до середины XIV вв. как “безмонетного периода” прочно в ней закрепилось. Однако соответствие этого термина реальной степени отказа денежного обращения Руси от монеты уже не раз ставилась под сомнение.

Как ни парадоксально, но замечания делались с диаметрально противоположных позиций. Так, И.Г. Спасский считал, что некоторые территории Руси пребывали в состоянии “безмонетного периода” не только в XII — XIII вв., но и ранее [Спасский 1970, с. 62]. Напротив, Н.Ф. Котляр полагает, что термин “безмонетный период” весьма условен, особенно для Южной Руси, где в обращении, хотя и в небольшом количестве, находилась византийская и итальянская монета [Котляр 1971, с. 47; Котляр 1996, с. 84]. Таким образом, в данном случае вопрос о соответствии термина сущности явления — это вопрос о количестве монеты в обращении Руси XII — XIII вв., степени интенсивности ее обращения и широте охватываемого им ареала.

Безусловно, установить, хотя бы приблизительно, сколько было денег на руках у населения древней Руси вряд ли когда-нибудь удастся, но получить локальные во времени и пространстве срезы вполне реально. Таковыми являются клады из городов, осажденных и взятых Батыем и Даниилом Романовичем Галицким.

Поскольку эти клады были сокрыты при чрезвычайных обстоятельствах осады, то логично, что в них должен был отложиться почти весь драгоценный металл, как в виде монет и слитков, так и вещей, наличный на тот момент в городе. Именно поэтому они и могут служить достаточно надежными индикаторами денежного обращения Руси, по крайней мере, для первой половины XIII в. (Безусловно, некоторое количество разменной монеты, если таковая существует, остается в обращении и в условиях осады).

Еще Б.А. Рыбаков обратил внимание на обстоятельство, что там, где не было войск Батые, например в Новгородской земле, там почти нет кладов XII — середины XIII вв., но они обязательно встречаются на местах уничтоженных им русских городов [Рыбаков 1948, с. 239–240]. Действительно, в сводке кладов Г.Ф. Корзухиной, высказывавшей аналогичную мысль [Корзухина 1954, с. 8: 76], в пределах Новгородской земли XII — XIII вв. значатся всего лишь два клада, тогда как в Киеве ею зафиксировано 47 штук, что составляло 37% от всех древнерусских кладов этого периода, известных на 1954 г.

Составленная Г.Ф. Корзухиной топографическая сводка вещевых кладов позволяет выделить интересующие нас клады, но прежде не-

обходимо остановиться на принципах, использованных ею для их датировки.

Предложенная ею периодизация вещевых кладов почти полностью опиралась на богатый монетный материал, но как только с ним пришлось расстаться, по признанию самой исследовательницы, “и место монет в кладах заняли слитки, возможность устанавливать узкие хронологические рамки для отдельных групп кладов исчезла” [Корзухина 1954, с. 27]. Все же Г.Ф. Корзухина попыталась их установить на основе самого вещевого материала, постулировав идею постепенной замены в XII в. золотых украшений в женском головном уборе на серебряные, и выделила на этой основе IV группу кладов, спрятанных между 1170-ыми годами и 1240 г. Причину этого исследовательница видела в сокращении в XII в. притока золота на Русь и в постепенном общем обеднении князей из-за феодальной раздробленности [Корзухина 1954, с. 18–19, 28–29, 68–69].

Однако эта гипотеза не была достаточно подкреплена вещевым материалом, к тому же исследовательница проигнорировала клады, содержащие как золотые, так и серебряные украшения. Новые находки таких кладов, а также отдельных вещей в хорошо датированных слоях опровергли ее гипотезу.

Б.А. Рыбаков справедливо критиковал ее за умозрительность деления истории ювелирного дела Руси XII — середины XIII вв. на “золотой” и “серебряный” век [Рыбаков 1987, с. 561–562, сноска 8]. В.М. Потин также отмечал условность периодизации кладов XII в. Г.Ф. Корзухиной с искусственным разделением их на две хронологически разорванные группы [Потин 1968, с. 86]. Большинство современных исследователей также не разделяет периодизацию ювелирного дела Г.Ф. Корзухиной, хотя составленная ей топографическая сводка не утратила своей научно-справочной ценности и сегодня.

По сути, между третьей (сокрытые в XI — начале XII вв.) и четвертой группами кладов у Корзухиной образовалось почти 50 лет разрыва, когда клады на Руси почему-то принципиально не прятали. Собственно и сами временные рамки для IV группы были взяты несколько произвольно.

Логика и интуиция подталкивали исследовательницу к выводу, что 47 однотипных киевских кладов следует отнести ко взятию города Батыем. Но тут возникало две проблемы. Во-первых, Киев осаждали и в ходе княжеских междоусобиц, а значит, часть этих кладов могла быть сокрыта до 1240 г. Во-вторых, при таком походе полностью исчезали основания для тезиса об эволюции от золота к серебру в женском головном уборе и становилось очевидным, что вся датировка и периодизация Г.Ф. Корзухиной вещевых кладов базируется не на их типологических рядах, а почти исключительно на монетном материале или его отсутствии.

Эти обстоятельства и вынудили Корзухину выбрать нижней границей для IV группы кладов 1170-ые годы, мягко приурочив ее

к разгрому Киева коалицией князей во главе с Андреем Боголюбским в 1169 г.

Натянутость такой датировки вполне очевидна, но если отказаться от даты 1170-ые годы и рассматривать нижнюю границу кладов IV группы как начало XII в., то все становится на свои места. Прежде всего, исчезает искусственный хронологический разрыв между III и IV группами. Во-вторых, датировка IV группы кладов фактически совпадает с концом массового притока западноевропейского денария на Русь, что и соответствует его отсутствию в их составе. В-третьих, как показали последующие исследования, вещи кладов, отнесенные Г.Ф. Корзухиной к IV группе, бытовали на протяжении всего XII в. В частности, это демонстрируют материалы из хорошо датированных слоев Новгорода [Седова 1981]. Поэтому нет необходимости загонять их исключительно в его последнюю треть. Если учесть внесенную правку, то сводка кладов IV группы Г.Ф. Корзухиной становится вполне приемлемой для решения поставленной задачи. Пользуясь ею, проанализируем статистику и состав кладов из городов, уничтоженных Батыем. Начать логично с основательно раскопанного Киева.

Г.Ф. Корзухиной зафиксировано 47 находок кладов IV группы в Киев, а точнее, на Старокиевской горе. (К III группе она отнесла всего два киевских клада). К ним надо добавить еще три клада, датированные XII — XIII вв. и найденные после 1954 г. [Гончаров 1957; Ивакин, Козубовский 2000; Мовчан, Левлев, Козловский 2003]. В итоге, располагаем информацией о 50 кладах со Старокиевской горы, имеющих точную локализацию. (Клад № 111 сводки Корзухиной не учтен из-за неточности места находки. Клад 1986 г. происходит с Копырева конца Киева и поэтому не рассматривается.)

Для анализа киевских кладов крайне важна их топография. За 180 лет археологических исследований Киева на территории его посада — Подоле не было найдено ни одного клада, хотя раскопки и земляные работы тут проводились на огромных площадях. Все клады IV группы были обнаружены на Старокиевской горе. И это не случайно. Здесь с X в. и до 1240 г. располагались резиденции великого князя и митрополита, окруженные многочисленными боярскими и монастырскими усадьбами. По периметру склонов гора была обнесена мощными укреплениями и при осаде служила убежищем для жителей посадов.

Площадь и структура укреплений Старокиевской горы в основном сформировались при Ярославе Мудром, который увеличил город времен Владимира Святославича с 10 до 70 га, обнеся его новым валом. В конце XI в. Изяслав Ярославич или его сын Святополк выгораживают внутри “града Ярослава” часть вокруг Дмитриевского и Михайловского монастырей. В результате крепость Старокиевской горы оказалась разделенной изнутри на три отдельные части. В исторической литературе они получили соответствующие условные наименования “града Владимира”, “града Ярослава” и “града Изяслава-Святополка”. Остатки их валов и рвов сохранились еще в XVII в.

Статистика кладов по этим участкам Старокиевской горы сведена в таблицу 1.

Таблица 1.

Название участка Старокиевской горы	Число кладов	% от общего числа	Клады с гривнами	% от кладов с участка града
Десятинная церковь	16	32%	4	25%
усадыба Трубецких	3			
другие участки	5			
град Владимира в целом	24	48%	4	17%
град Ярослава	16	32%	6	38%
град Изяслава-Святополка	10	20%	7	70%

При ее анализе необходимо учесть обстоятельства взятия Киева Батыем осенью 1240 г. Город выдержал длительную осаду, хотя ее продолжительность точно не известна. Подол и другие посадские районы, не имевшие серьезных укреплений, были заняты Батыем сразу. Именно поэтому на их территории и нет кладов XII — XIII в. Осаде подверглась лишь хорошо укрепленная Старокиевская гора. На первом этапе осады был взят град Ярослава. Однако киевляне за ночь обновили укрепления вокруг града Владимира, что позволило им продержаться еще некоторое время. Последним их убежищем стала расположенная здесь Десятинная церковь, своды которой рухнули под тяжестью скопившихся на ее “закоморах” людей с имуществом. Это и не удивительно — к 1240 г. возраст здания достиг 250 лет. (Летописец, отнюдь не симпатизировавший татарам, ни словом не упоминает о применении к ней стенобитных орудий. Версия о разрушении Десятинной церкви Батыем — домысел позднейшего времени).

Топография размещения кладов XII — XIII в. на Старокиевской горе полностью соответствует ходу ее осады в 1240 г. Наибольшее количество кладов, 32% от их общего числа, сконцентрировано вокруг Десятинной церкви на пространстве около 400 кв. м. С значительной долей вероятности к ним можно отнести и 3 клада из усадьбы Трубецких, отстоящей от церкви на 18 м. В целом, на град Владимира, взятый в последнюю очередь, приходится 48% кладов Старокиевской горы. В среднем — 2,4 клада на 1 га.

Довольно высокая концентрация кладов (20%, в среднем 1,6 клада на 1 га) и в граде Изяслава-Святополка, укрепления которого примыкали к граду Владимиру. Не исключено, что после прорыва линии обороны вокруг града Ярослава, эта часть города, как и град Владимира, не была сразу занята татарами.

Особенность кладов града Изяслава-Святополка — это почти обязательное наличие в их составе монетных гривен. Из 10 найденных здесь кладов они содержатся в семи, что составляет 70%. Этот

показатель значительно превосходит аналогичный (25%) для усадьбы Десятинной церкви, где гривны были лишь в 4 кладах из 16.

Скорее всего, объяснение следует искать в социальной топографии. Град Владимира до Ярослава Мудрого был местом княжеской резиденции. Раскопками здесь обнаружены фундаменты 3 зданий дворцового типа. При осаде города Батыем именно тут собрались семьи феодальной знати, а града Изяслава-Святополка стал убежищем для подольских купцов, что и объясняет наличие гривен почти во всех кладах с его территории. Такое пространственное группирование в момент опасности представителей разных сословий, связанных родственными, личными и деловыми узами, вполне логично.

Наиболее низкий показатель содержания кладов на единицу площади имеет обширная территория града Ярослава. Здесь он составляет 0,2 клада на 1 га, а их общее количество в 2 раза меньше, чем в усадьбе Десятинной церкви. Даже с учетом возможности новых находок этот показатель вряд ли существенно возрастет. Но именно только в этой наибольшей части города и мог схорониться окрестный люд.

Однако, не с ним следует связывать 16 найденных здесь кладов. Эти клады указывают места расположения наиболее состоятельных боярских дворов. Два богатейших клада из Рыльского переулка, в одном из которых хранилась княжеская диадема, П.П. Толочко отождествляет с двором Брючеслава полоцкого [Толочко 1972, с. 124–125]. Существование здесь боярских усадеб подтверждают и наши раскопки 1999 г. [Мовчан, Боровський, Климовський 1999, с. 126]. В целом, в граде Ярослава клады XII — XIII в. сконцентрированы в его северо-западной части между Софийским собором и градом Владимира, что отражает компактное проживание здесь боярских семей.

Таким образом, топография кладов XII — XIII в. со Старокиевской горы полностью соответствует ходу осады 1240 г. и рассредоточению различных сословий во время ее. Это обстоятельство позволяет отнести их сокрытие именно к осени 1240 г.

Безусловно, в ходе княжеских междоусобиц XII — XIII вв. происходили военные столкновения за Киев, что должно было приводить к сокрытию кладов. Однако, их характер был иным. Обычно слабая сторона заблаговременно покидала город, а вход победителей не сопровождался тотальным истреблением населения. Лишь в 1169 и 1203 гг. Киев подвергся серьезному разграблению, но не резне. Поэтому, трудно представить, что опасющийся за свою жизнь боярин, пряча украшения жены, ни словом не обмолвился ей о месте сокрытия. Очевидно, подавляющее большинство таких кладов извлекалась, как только миновала опасность. Это подтверждается и полным их отсутствием на Подоле, хотя здесь проживало состоятельное купечество, поддерживавшее различных претендентов на киевский стол и подвергавшееся проскрипциям.

Но поскольку элемент случайности никогда нельзя полностью исключить, то следует предположить, что среди кладов Старокиевской горы есть очень незначительная часть, сокрытая до 1240 г. Однако, она должна быть крайне невелика, и основную массу кладов

необходимо датировать нашествием Батыя. Это вполне справедливо, поскольку подобная высокая концентрация кладов в цитаделях, при отсутствии их на посадах, наблюдается и в других городах, также полностью уничтоженных в одночасье противником.

К их числу принадлежит и городище на Княжьей горе в 7 км южнее Канева, обычно отождествляемое с летописным Роднем. (Печатно, пока лишь только П.П. Толочко высказал мнение, что с Роднем следует соотносить городище у с. Пекари ближе к устью Роси). [Толочко 1980, с. 150]. Как и Киев, оно было полностью уничтожено Батыем в 1240 г. Площадь укрепленного детинца городища, раскопанного в основном в XIX в., составляет 1,5 га [Мезенцева 1968, с. 22]. Здесь обнаружено 12 кладов. В среднем 1 клад на 1250 кв. м. Вещи из кладов Княжьей горы аналогичны киевским и датируются XII — XIII вв. Высокая концентрация кладов на детинце, с учетом исторического контекста, не оставляет сомнений, что они были спрятаны в момент осады 1240 г. Показательно, что ни один клад Княжьей горы не содержал монетных слитков, а тем более монет.

К сожалению, другие города не исследованы так хорошо как Киев или Княжья гора и поэтому указанные Корзухиной находки одного клада в Переяславе и четырех в Чернигове не отражают реальное положение дел. Подтверждением тому служит Старая Рязань, занимающая второе место после Киева среди древнерусских городов по количеству известных кладов XII — XIII вв. К 1995 г. в ней были зафиксированы находки 13 кладов, реальное количество их несколько больше, и их датировка 1237 г., временем взятия города Батыем, сомнений не вызывает [Даркевич, Борисевич 1995, с. 54].

Список населенных пунктов, прекративших свое существование в середине XIII в., для Южной Руси можно расширить за счет городов Болоховской земли.

Болоховская земля в XII — XIII вв. охватывала территорию на стыке современных Винницкой, Житомирской и Хмельницкой областей Украины и являлась южным пограничьем Руси. В социально-политическом плане она представляла собою конгломерат автономных сельских и городских общин. Прочные политические позиции в Болоховской земле занимали черниговские Ольгович. Представители этой династии, вероятно, приглашались сюда, подобно Новгороду. Она также служила постоянным убежищем для оппозиционеров из Галицко-Волынского княжества, что было одной из причин постоянного конфликта между болоховцами и Даниилом Романовичем галицким.

В 1240 г. население Болоховской земли без сопротивления признало власть Батыя и вступило с Золотой Ордой в вассальные отношения на условиях уплаты дани и поставки воинских контингентов. О том, что болоховцы не пострадали от Батыя, неоднократно упоминают летописцы, ставящие им в вину, что снабжают просом татар.

Воспользовавшись изменениями в расстановке сил в Южной Руси после нашествия Батыя, Данила Галицкий в 1241 и 1257 г. совершает два похода на болоховцев и уничтожает их города. После

1257 г. Болоховская земля как отдельное политическое образование прекращает существовать. Таким образом, для ее городов, упомянутых Ипатьевской летописью, имеем точную дату гибели — 1241 г. (В.И. Якубовский из идеологических соображений перекладывает уничтожение болоховских городов с Даниила Галицкого на Батыя и Бурундая, что, впрочем, не влияет на датировку кладов из этих городов) [Якубовский 2001, с. 17, 25].

При их раскопках повсеместно зафиксированы следы разгрома, сопровождавшегося сильными пожарами и истреблением жителей, после которого они уже не возродились. М. К. Каргером максимально раскопано городище возле Шепетовки, отождествляемое с летописным Болоховом. На площади 3,6 га здесь обнаружено 16 кладов. (В среднем по 4 клада на 1 га).

Сводка кладов Болохова составлена А.А. Песковой [2001, с. 100–113]. Согласно ей, достоверно 30% кладов были обнаружены в помещениях. По своему составу они делятся на “богатые” и “бедные”. К первым отнесены клады, содержащие различные типы украшений. Вторые состоят исключительно из простых височных колец, число которых варьирует от 6 до 27 штук. На них приходится 45% всех кладов Болохова. Показательно, что ни в одном из них нет гривен или монет, даже в качестве привесок. Губин, Городец, Божск и другие города Болоховской земли исследованы в меньшей степени. Данные об их кладах систематизированы В.И. Якубовским [2001].

Губин находится на территории одноименного села Староконстантиновского района Хмельницкой области. Площадь городища — 2,6 га. Из них исследовано около 3% и найдено два богатых вещевых клада, что составляет один клад на 400 м². Клады обнаружены в жилой клетке оборонительного вала и доме, сгоревшем при взятия города.

Болоховский Городец отождествляется с городищем у с. Телиженцы Старосинявского района Хмельницкой области. Площадь его детинца — 3,5 га. Раскопано 0,6 га и найдено два богатых вещевых клада середины XIII в. Один насчитывал 28 предметов, другой — 32. Оба обнаружены в помещениях, одно из которых было завалено скелетами погибших людей.

Город Божск находится у с. Городище Деражнянского района Хмельницкой области. Площадь детинца — 1,3 га. Из них исследовано 10%. В 1970 г. здесь в хозяйственном помещении найден богатейший клад из 206 золотых и серебряных предметов. В кладе хранилось 3 перстня (золотой и два серебряных, из которых один позолочен) со знаками черниговских Рюриковичей, что позволяет отнести его к кому-то из младших Ольговичей, но, что крайне важно, — это наличие в нем еще и ста (!) фрагментов стеклянных браслетов.

Это был не единственный клад в Божске. В 1930-е годы при возделывании огородов здесь неоднократно находили древнерусские ювелирные изделия из драгоценных металлов.

Следует упомянуть и летописный Возвягль, с которым соотносят Южное городище на северной окраине Новограда-Волинского. Этот

город также был полностью уничтожен Даниилом Галицким в 1257 г., что засвидетельствовано раскопками 1993 г. Б. А. Звиздецкого. При исследованиях на 600 м² детинца Возвягля в подклете одного из жилищ, заваленном расчлененными человеческими скелетами, был обнаружен поспешно спрятанный богатый клад, содержащий три пары колтов, а также изготовленные из серебра и покрытые позолотой трехбусинные височные кольца, рясна и массивный позолоченный перстень. Следует полагать, что это не единственный клад, который еще будет найден при раскопках Возвягля [Звиздецкий 1994, с. 60–62].

Итак, во всех городах, уничтоженных как Батыем, так и Даниилом Галицким, имеем высокую концентрацию кладов XII — XIII вв. на небольших площадях укрепленных детинцев, которые собственно и осаждались. Столь массовое сокрытие кладов именно только в пределах детинцев (на посадах они отсутствуют) имеет лишь одно объяснение. Все они спрятаны при осаде. Следы пожаров и скелеты людей в помещениях, где были найдены клады, надежно зафиксированные археологами в городах Болоховской земли, также недвусмысленно свидетельствуют об этом. Для Киева, где обстоятельства находок кладов в XIX в. фиксировались не столь тщательно, это подтверждается скоплением их возле Десятинной церкви — последнего убежища защитников города и в самом граде Владимира, при полном отсутствии на Подоле.

Следует учесть и то, что состав кладов — это исключительно женские и мужские украшения, удовлетворявшие не только эстетические потребности, но и указывавшие, прежде всего, на высокий социальный статус их владельца, что они должны были демонстрировать ежедневно. Превратиться в клад эти вещи могли только при условии серьезной угрозы существованию самого социума, какой и являлось нашествие иноземных завоевателей. Ни в коем случае они не могут рассматриваться как клады длительного накопления, что иногда предпринимается.

Таким образом, указанные причины позволяют датировать эти клады временем гибели городов. Однако из 83 рассмотренных кладов, спрятанных при осаде шести южнорусских городов в 1240–1241 гг., лишь один киевский клад № 99 с усадьбы Гребеновского содержал два золотых византийских солида XII в. и то в качестве монет-привесок.

Поэтому возможен лишь один вывод: в 1240–1241 гг. жители этих городов не имели сколько-нибудь значительного количества монет на руках, а значит термин “безмонетный период” вполне отражает реальность ситуации.

Общее количество находок монет XII — XIII вв. на территории Южной Руси крайне незначительно. Котляр приводит всего 9 случаев, из которых 30% составляют одиночные монеты-привески вещевых кладов [Котляр 1971, с. 48]. Единственный монетный клад — Хотинский, датируется 1225–1230 гг. и является вообще исключением среди древнерусских кладов [Потин 1963, с. 109–127]. Новые находки крайне редки и в публикациях не известны. Из их числа можно упомянуть лишь находку 2001 г. двух венецианских матапанов Энрико Дендоло и Петро Зиани в мастерской ювелира на Старокиевской горе, в кото-

рой они, скорее всего, пребывали в качестве сырья [Климовский 2002, с. 139]. Очевидно, что и будущие аналогичные находки вряд ли изменят ситуацию радикально. Поэтому приведенная статистика никак не позволяет согласиться с утверждением, что в Южной Руси монета никогда не выходила полностью из обращения.

Скорее даже наоборот. Сопоставление числа находок западноевропейского денария в Северной и Южной Руси позволили еще В.Л. Янину прийти к выводу, что на Юг он поступал в очень ограниченном количестве, что поддержал и В.М. Потин [Янин 1956, с. 153–154; Потин 1968, с. 48]. Спасский более категорично считал, что ареал обращения денария был значительно уже ареала дирхема, а в отдельные княжества он вообще не попадал [Спасский 1970, с. 62].

Очевидно, что и в XII — XIII вв. денарий, итальянские и византийские монеты в результате торговых операций поступали в Южную Русь редкими большими партиями типа Хотинского клада. Здесь они превращалась в гривны и ювелирные изделия или бытовали в качестве монет-привесок, но отнюдь не обслуживали местную розничную торговлю. Крайне эпизодическое использование их в розничной торговле допустимо лишь в отношении крупных городов. Основная же масса жителей регионов пользовалась различными заменителями монеты и часть жителей, скорее всего, никогда не сталкивалась с ней.

Такой вывод возникает при обзоре кладов Родня и городов Болоховской земли. В их составе не только нет монет, даже в качестве привесок, но и монетных гривен, хотя их следовало бы ожидать в упомянутом богатом кладе из Божска, принадлежавшем кому-то из черниговских Рюриковичей. Вместо этого божский клад содержит сто фрагментов стеклянных браслетов, заменявших монету в розничной торговле региона. И это понятно. Небольшие города болоховцев не могли похвастаться состоятельным купечеством, что и обусловило отсутствие в их кладах, в отличие от Киева, монетных гривен.

Наличие фрагментов стеклянных браслетов в божском кладе полностью подтверждает вывод В.Л. Янина, сделанный на основании находки клада стеклянных браслетов в с. Збранка на Вольни, о функционировании их в качестве заменителя монеты на локальных рынках, наряду с пряслицами из овручского сланца и бусинами [1956, с. 187–189]. На северо-западе Руси такую же роль выполняли ракушки-каури [Спасский 1970, с. 70–71]. Следует заметить, что даже низкопробный европейский денарий XII в., не говоря уже об итальянском матапане, превосходившем его качеством и в два раза большим весом, был и для розничной торговли достаточно крупным средством платежа.

Итак, отсутствие монет в кладах из городов, осажденных и уничтоженных в 1240–1241 гг., крайне незначительное количество монетных находок XII — XIII вв. на территории Южной Руси, а также использование наряду с мехами различных других заменителей монеты позволяют заключить, что термин “безмонетный период” вполне адекватно отражает реальное состояние “денежного” обращения этого региона в указанное время.

Литература

- Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.
- Гончаров В.К.* Археологічні розкопки у Києві в 1955 р. // Археологія. К., 1957. Т. 10.
- Звіздецький Б.А.* Стародавній Возвягль за матеріалами досліджень 1992–1993 р. // Населення Прутсько-Дністровського межиріччя та суміжних територій в II половині першого — на початку другого тисячоліть н.е. Чернівці, 1994.
- Ивакин Г.Ю., Козубовский Г.А.* Клад 1997 г. из раскопок Михайловского Златоверхого собора // Восьмая ВНК. М., 2000.
- Климовский С.И.* Новые находки печатей и монет XI — XIII вв. в Киеве // Десятая ВНК. М., 2002.
- Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX — XIII вв. М.-Л., 1954.
- Котляр М.Ф.* Грошовий обіг на Україні доби феодалізму. К., 1971.
- Котляр Н.Ф.* Северорусские (“черниговские”) гривны // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996.
- Мезенцева Г.Г.* Древньоруське місто Родень. Княжа гора. К., 1968.
- Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Климовський С.І.* Розкопки Старокиївської експедиції в 1999 р. // Археологічні відкриття в Україні. 1998–1999 р. К., 1999.
- Мовчан І.І., Ієвлев М.М., Козловський А.О.* Дослідження Дитинця стародавнього Києва // Археологічні відкриття в Україні. 2001–2001 р. К., 2003.
- Піскова Г.О.* Скарби із городища біля міста Шепетівки // Якубовський В.І. Скарби Болоховської землі. Кам'янець-Подільський, 2001. С. 100–113.
- Потин В.М.* Клад брактеатов из Поднепровья // НС. 1963. № 1.
- Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. (X–XV вв). Л., 1981.
- Спасский И.Г.* Русская монетная система. Л., 1970. Изд. 4.
- Толочко П.П.* Исторична топографія стародавнього Києва. К., 1972.
- Толочко П.П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности. XII — XIII века. К., 1980.
- Якубовський В.І.* Скарби Болоховської землі. Кам'янець-Подільський, 2001.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ КАФИНСКИХ НАДЧЕКАНОК НА ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТАХ

(к вопросу о датировке Старокрымского клада 1983 г.)

В современной историографии существуют различные мнения как о начале собственной чеканки генуэзской Кафы, так и о появлении кафинских надчеканок. Реально существующие золотоордынские дирхемы чеканены в “Кафе” или в “Кафе ал-Джедид” от имени ханов Шадибека (1400–1407) и Бек-Пулада (1407–1410). Чеканка генуэзской общины Кафы со времен О.Ф. Ретовского датируется началом 20-х годов XV ст. [Ретовский 1906, с. 11–13; Еманов 1986, с. 158–166; Лебедев 1990, с. 149; Еманов 1996 с. 45–46; Бочаров 1999, с. 135].

Особый интерес представляют джучидские монеты, имеющие крохотную кафинскую контрамарку. Такие монеты известны еще с XIX ст. На современном этапе выделено 3 группы разновидностей надчеканок на медных монетах и 1 на серебряных [Бочаров 1999, с. 132].

В современной историографии такие надчеканки так или иначе связываются с чеканкой кафинской монеты. Они рассматриваются как переходная стадия между золотоордынскими монетами, чеканеными в Кафе в начале XV ст., и кафинскими аспрами 20–70 гг. XV ст. [Еманов 1995, с. 111]. Датируются они первой четвертью XV ст. [Крамаровский 1997, с. 104; Северова 1990, с. 45]. Контрамарки на медных монетах предшествуют выпуску медных кафинских фоллери и датируются с начала 20-х по начало 30-х гг. XV ст. [Бочаров 1998, с. 135].

Существует мнение и о связи трех основных надчеканок на джучидских монетах: портала, треногой тамги, слова “хан” с денежной реформой в Золотой Орде в 1399–1400 гг. [Федоров-Давыдов 2003, с. 58].

Контрамарки на дирхемах зафиксированы в составе нескольких находок: из Подольской губ. в 90-х гг. XIX ст. [Федоров-Давыдов 1963, с. 211, № 578; Еманов 1996, с. 154, № 53], Старокрымского клада 1894 г. (3 монеты) [Федоров-Давыдов 1960, с. 177, № 237; Еманов 1996, с. 151, № 8], Лукашевского клада 1937 г. (5 монет) [Івакін, Козубовський 1996, с. 296], Кугурештского клада 1957 г. (3 монеты) [Маркевич, Полевой, Фин 1961, с. 75], Старокрымского клада 1983 г. (12 монет) [Северова 1990, с. 45], Кырк-Ерского клада 2002 г. (55 монет) [Майко 2002, с. 89].

Все клады продатированы XV ст. по младшей монете, хотя большинство из них содержит монеты XIV ст. А монеты с кафинскими контрамарками составляют в них очень незначительный процент.

В 1983 г. в Старом Крыму при археологических исследованиях в медресе (помещение 18), примыкающей к мечети Узбека, в глиняной копилке был найден клад из 608 серебряных монет [СГЭ 1986, с. 73;

Крамаровский 1997 с. 103–104]. Клад поступил в Эрмитаж, где был изучен М.Б. Северовой [Северова 1990, с. 44–45; 2000, с. 76–77]. Согласно публикации М.Б. Северовой, 608 монет клада представлены дирхемами Токты (1290–1312), Узбека (1313–1339), Джанибека (1339–1357), Бирдибека (1357–1359), Кульны (1359–1360), Науруза (1360), Хызра (1360–1361), Азиз-Шейха (1365–1367), Абдаллаха (1361–1370) и Мухаммада-Булака (1370–1380). Монеты чеканены на монетных дворах Сарай ал-Махруса, Крыма ал-Махруса, Сарая, Сарай ал-Джедиды, Гулистана, Орду, Маджара ал-Джедиды. 1 экз. чеканен двумя сторонами оборотной стороны (место чекана и год стерты), 3 экз. — подражания, 1 экз. — Караманиды, Ала ад-Дин (753–783 г.х. / 1352–1382 гг.).

Самая ранняя монета — чекан Токты, Сарай ал-Махруса, 710 г.х. / 1310 г. Самая поздняя датируемая монета — ордынский дирхем Мухаммада Булака 778 г. / 1378 г. Абсолютное большинство монет клада чеканены при Узбеке (388 монет) и Мухаммаде-Булаке (141 монета). Примечательно, что из 388 монет Узбека, 385 — чеканены в 720 г.х. на монетном дворе Крым ал-Махруса. 265 монет Узбека имеют надчеканки трех видов: словом хан (243), трехногой тамгой с наверхшим птичьей головы (39), генуэзским порталом (12). 28 монет имеют по две надчеканки (“хан“-тамга, “хан”-”портал”, тамга-портал). Один экз. имеет три надчеканки (“хан” на RV., “хан” и тамга AV.). В 12 случаях исследовательнице удалось проследить последовательность нанесения контрамарок: в четырех случаях надчеканка “хан” сделана после тамги, в семи — тамга перекрывает слово “хан”, в одном — тамга наложена на портал. Самой ранней М.Б. Северова считает надчеканку “хан” и относит ее к середине XIV ст, надчеканку в виде треногой тамги — не ранее 70-х гг. XIV ст. И, наконец, “генуэзский портал” датируется первой четвертью XV ст. Именно наличие этой контрамарки служит основанием для датирования всего клада первой четвертью XV ст. [Северова 1990, с. 45].

При анализе монетного состава клада обращает на себя внимание несколько моментов.

В кладе полностью отсутствуют монеты Тохтамышша (1379–1395), массово чеканенные в Крыму с 782 г.х. / 1380–1381 гг. [Марков 1896, с. 480, № 926; Сидоренко 2000, с. 288] и часто встречаемые в крымских находках конца XIV — начала XV ст. [Федоров-Давыдов 1960, с. 176–177; Иванов 2001, с. 454–484]. В кладе также отсутствуют монеты ханов конца XIV ст. — первых десятилетий XV ст., а также крымско-генуэзские аспры. И это при том, что состав клада явно демонстрирует дефицит монетного серебра. Более 50% клада составляет чекан первой четверти XIV ст. Это, как и самая младшая монета клада 1378 г., дает основание датировать клад до 80-х гг. XIV ст. (на что обращает внимание и М.Б. Северова, но экземпляры с кафинской надчеканкой не позволяют ей придерживаться этой датировки).

Треногая тамга с птичьей головой в качестве основного изображения известна на медных монетах Мамаевых ханов Абдуллаха и

Мухаммада-Булака. Такие монеты получили широкое распространение на памятниках “Мамаевой Орды” — в Азаке, на Кучугурском городище, в Крыму [Лебедев 1990, с. 149; Фомичев 1981, с. 225, 239; Фонды ИА НАНУ кп.195, коллекция из раскопок на Кучугурском городище]. Такие монеты значительно скромнее представлены на памятниках, находящихся на территории, контролируемой заволжскими ханами этого времени [Янина 1970, с. 452, № 139].

На монетах, датировемых 782 г.х./1380–1381 г. и 783 г.х./1381–1382 гг., треногая тамга с птичьей головкой исчезает [Фомичев 1981, с. 239]. И хотя происхождение самой тамги окончательно не выяснено, она так или иначе связывается с ханами “Мамаевой Орды”, или самим Мамаем.

После гибели Мамая и “Мамаевой орды” такая тамга исчезает с монетных типов. Очевидно, что и контрамарка в виде треногой тамги с птичьей головкой должна датироваться временем до начала 80-х гг. XIV ст., что подтверждает и датировка Старокрымского клада 1983 г.

Наличие в кладах монеты с двумя последовательными контрамарками: портал — тамга свидетельствует, что контрамарка портал не могла наноситься позднее рубежа 70–80-х гг. XIV ст. Это не исключает возможности обращения джучидских монет с генуэзской контрамаркой и в XV в., а также возможности контрамаркирования джучидских монет кафинской контрамаркой в конце XIV — XV ст. Очень незначительное количество таких монет в кладовых комплексах вероятно связано с нерегулярным контрамаркированием, отвечающим конкретным разовым потребностям. Так, в Кырк-Ерском клада XV ст. из 4259 серебряных, 1 медной, и 30 золотых монет, где абсолютное число монет принадлежит генуэзско-татарскому серебру, только 55 джучидских дирхемов Узбека 720 г.х. имели кафинские контрамарки. Но как отмечается в публикации, кафинская контрамарка в некоторых случаях отличалась от надчеканки монет Старокрымского клада 1983 г. [Майко 2003, с. 89].

Именно крымские дирхемы Узбека 20-х гг. XIV ст., служили основным средством обращения на локальных рынках Крыма в период последующего 60-летнего перерыва чеканки серебряной монеты на полуострове. Особенно значимым был запас этих монет в период феодальных усобиц 60–70 гг. XIV ст. Это прекрасно иллюстрирует материал Старокрымского клада 1983 г. и других кладов. Монеты заволжских ханов явно уступают чеканке Узбека и Мухаммада-Булака.

Очевидно, с 60–70 гг. XIV ст. может связываться появление всех трех контрамарок: кафинского портала, треногой тамги и слова “хан”.

Такие контрамарки отражают экономические и политические интересы всех основных заинтересованных сторон в Крыму. Контрамарки наносятся на одни и те же монеты, обслуживающее локальный рынок. Это хорошо согласуется с политической ситуацией в Крыму в 60–70 гг. XIV ст., Соперничество Мамая и генуэзцев за крымские порты и земли безусловно сказывалось и на монетарной политике. Определен-

ным отголоском каких-то значительных событий в монетарной сфере в период 60–70 гг. XIV ст. может служить договор 1387 г., по которому Солхат обязался чеканить монету “хорошей пробы” в количестве, достаточном для нужд Кафы. [Schlumberger 1954, p.464; Крамаровский 1989, с. 84].

Литература:

- Бочаров С.Г.* Генуэзско-татарские медные монеты Кафы // *Stratum plus*. 1999. № 6. С. 130–136.
- Еманов А.Г.* К проблеме аспра в итальянской торговле в Северном Причерноморье XIII–XV вв. // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков*. Л., 1986. С. 158–166.
- Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995.
- Еманов А.Г.* Начало работы монетного двора в Кафе // *Четвертая ВНК в г. Дмитрове 22–26. IV*. 1996. Тезисы докладов. М., 1996. С. 45–46.
- Иванов Н.Н.* Клад джучидских монет, найденный в Крыму в 1964 году // *МАИЭТ*. 2001. Вып. VIII. С. 454–484.
- Івакін Г.Ю., Козубовський Г.А.* Золотоординські монети з литовськими контрамарками // *ЗНТШ*. ССХХІ. 1996. С. 290–297.
- Крамаровский М.Г.* Солхат–Крым: К вопросу о населении и топографии города в XIII–XV вв. // *Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. Л., 1989. С. 141–157.
- Крамаровский М.Г.* Золотоординский город Солхат–Крым: к проблеме формирования городской культуры (новые материалы) // *Татарская археология*. 1997. № 1. С. 101–106.
- Лебедев В.П.* Символика и язык монет Крыма золотоординского периода // *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы*. Кишинев, 1990. С. 139–156.
- Майко В.В.* Кирк-Ерський скарб XV ст. (попередне повідомлення) // *Археологія*. 2003. № 2. С. 84–100.
- Маркевич В.И., Полевой Л.Л., Фин Ш.Р.* Кугурештский монетно-вещевой клад XV в. // *Труды Государственного краеведческого музея МССР*. Кишинев, 1961. Вып. 1. С. 75–112.
- Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. Спб., 1896.
- Ретовский О.* Генуэзско–татарские монеты. // *ИАК*. 1906. 18. С. 1–72.
- Северова М.* Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам Старокрымской археологической экспедиции) // *СГЭ*. 1990. № 54. С. 43–46.
- Северова М.Б.* Обзор кладов восточных монет из собрания Эрмитажа. // *VIII ВНК*. Тезисы докладов и сообщений. М., 2000. С. 76–78.

Сидоренко В.А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 267–288.

Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1986. № 51. С. 73.

Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. 1960. Т. I. С. 94–192.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. 1963. Т. IV. С. 165–221.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

Фомичев Н.М. Джучидские монеты из Азова // СА. 1981. № 1. С. 219–241.

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. 1954. № 42. С. 424–484.

Schlumberger G.L. Numismatique de l'Orient latin. Graz, 1954.

РАНГОВАЯ СЕМАНТИКА НАБОРНЫХ ПОЯСОВ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ VII — НАЧ. VIII В.

Вопрос знаковой семантики наборных поясов кочевников VII — X вв. достаточно давно и хорошо изучен на теоретическом уровне [Плетнёва 1962; 1967; 1989; Распопова 1965; Ковалевская 1972; 2000; Добжанский 1990]. Многочисленные примеры упоминаний письменных источников не оставляют сомнений в том, что наборные пояса в эпоху раннего средневековья отражали происхождение, должностной или военный ранг, заслуги их собственников. Но какие именно детали пояса были значимыми, и каким именно способом передавался „язык” социальных, военных и должностных рангов?

В Византии VI — VII вв. пояс свидетельствовал о должности его собственника в системе государственного аппарата или же о его нахождении на военной службе [Божилов, Димитров 1995, с. 33; Ковалевская 2000, с. 214]. Согласно параграфу 23 „Книги эпарха”, за нарушения эпарх „будет лишен пояса и звания”, а по словам Прокопия Кесарийского [НА, XIV, 8], при ревизии у непригодных к военной службе и состарившихся солдат гвардейцы отнимали пояса [Прокопий Кесарийский 1993, с. 396]. В то же время, эпизод из книги Феофилакта Симокатты (Кн. VI, 4–18) свидетельствует о том “форма сгибов” золотых поясных деталей “обличала высокое положение владельца” [Феофилакт Симокатта 1996, с. 174–175]. Играл знаковую роль и материал деталей пояса — рассказывая о бесчинствах стасиотов в Константинополе, отнимавших у встречных “и одежду, и пояс, и золотые пряжки, и всё прочее, что у них было”, Прокопий Кесарийский [НА, VII, 15–18] отметил: “По этой причине большинство людей впредь стало пользоваться медными поясами и пряжками и носить одежду много хуже той, что предписывал их сан” [Прокопий Кесарийский 1993, с. 338, 339]. В юридическом кодексе Юстиниана даже был выписан перечень драгоценных камней, запрещённый к использованию в украшениях всем, кроме императора [Codex Justinianus, XI, 11]. Прокопий Кесарийский [ВР, Кн. I, XVII, 28] также отмечает, что и у персов было “запрещено носить золотые перстни, пояса, пряжки или что-либо подобное, если это не пожаловано царём” [Прокопий Кесарийский 1993, с. 53]. Ещё чётче система рангов была выписана у китайцев, где каждой должности соответствовали определённые материал, цвет и тип украшений пояса [Добжанский 1990].

Суммированные В.Н. Добжанским сведения тюркских рунических надписей и этнографии [Добжанский 1990] показывают, что у древних тюркских народов пояс принадлежал к обязательным элементам верхней одежды. Самый простой полотняный пояс носили все члены общества, независимо от пола и возраста; более дорогие расширенные или кожаные пояса также зависели лишь от достатка их собственника. Особое же значение имели бляшки, украшавшие пояс.

Рунические надписи свидетельствуют, что количество бляшек отражало „геройскую доблесть” собственника пояса. Число бляшек, называемое при этом — до 50-ти — могло отражать количество проведенных битв, число убитых врагов и т.д. Вместе с тем, особо выделялись и конкретные типы „должностных” бляшек: “На поясе мы водрузили луновидную пряжку. Так как у него была доблесть, то у хана достиг мой бег пряжки тутука” [Добжанский 1990, с. 49]. Поскольку во многих тюркских погребениях с конём и мечом деталей поясов не обнаружено, В.Н. Добжанский предположил, что в таких случаях речь шла о воинах, выдвинувшихся их рядовой массы благодаря своим личным качествам [Добжанский 1990, с. 74]. Но, следуя этой гипотезе, все погребения с наборными поясами, таким образом, должны принадлежать только воинам знатного происхождения.

Разъяснить эту ситуацию помогает более ранняя Бугутская надпись второй пол. VI в., упоминающая главные ранги I Тюркского каганата. Нижняя, наиболее массовая прослойка воинов здесь названа просто “конными воинами”, затем следовали тудуны и куркапыны, выше — тарханы и шады (шадатыты) [Кляшторный, Лившиц 1971, с. 139–141]. Поскольку в перечне не упомянуты главы родов и племён — беги — и правители зависимых народов — эльтеберы — данная иерархия более напоминает военную. Усиливает это впечатление и то, что из членов каганской семьи не упомянуты ни джабгу, ни тегин, а только шады (шадатыты), чаще всего возглавлявшие войска в походах. В позднем Хазарском каганате, во времена двоeverластия, именно шад командовал войсками [Новосельцев, 1990, с. 141]. Знатные воины в Бугутской надписи именуются “тарханами”. Этот титул общетюркский, известный у многих исторических тюркских народов. У хазар тарханы занимали уверенную позицию многочисленной родовой знати, составлявшей ударную силу хазарской конницы. К примеру, Ал-Куфи сообщает, что в 708 г. в Дербенте находились 1 тыс. тарханов, а в 737 г. против 120-тысячного арабского войска Мервана “Хазар-тархан” выступил с 4 тыс. “детей тарханов” [Новосельцев 1990, с. 118].

Ниже тарханов перечне фигурируют тудуны, хотя по другим источникам тудуны известны в основном как знатные каганские наместники зависимых областей. В данном случае, очевидно, следует вспомнить наличие тудунов не только у каганов, но и у шадов с функциями распорядителей-ревизоров [Мойсей Каганкатвази, 1861, с. 128], т.е. “тудунами” назывались представители разных социальных рангов, занимавшие должность распорядителя кагана или членов его семьи (йабгу, шадов). В одном ряду с тудунами Бугутская надпись упоминает и куркапынов — дословно “держатели пояса”. Древнетюркское *qur* имеет параллельное значение “чин”, а звание “куркапын” однозначно не случайно означало одновременно “держатель пояса/чин” [Кляшторный, Лившиц 1971, с. 142]. Именно куркапынов и следует считать низовыми военачальниками, выдвинувши-

мися из среды рядовых воинов не благодаря своей знатности, а благодаря выдающимся личным качествам.

Проникновение поясных наборов “геральдического” стиля, связанных по своему происхождению со средой пограничных византийских федератов [Амброз 1981, с. 16; 1994, с. 49; Айбабин 1990, с. 57], в среду кочевников Восточной Европы произошло в период I Тюркского каганата. К сожалению, письменные источники не содержат информации о том, насколько сильным было влияние государственной организации каганата на общества зависимых от него кочевнических народов Восточной Европы. Пример болгарского племени унногундуrow, сохранившего самостоятельную систему социальных рангов и собственную организацию, отражённую в праболгарских надписях [Бешевлиев 1992], как мы уже демонстрировали [Комар 2005], указывает на преувеличение рядом исследователей степени влияния тюрков на подчинённые им племена. С другой стороны, имеющиеся в нашем распоряжении суммарные данные о социальной стратификации тюрков, болгар и хазар позволяют довольно оптимистически оценивать возможность идентификации рангов восточноевропейских кочевников VII — нач. VIII в. в случае их доказательного выделения на основании анализа поясных наборов.

Существующие в литературе мнения о стратификации поясов восточноевропейских кочевников VII в. базируются в основном на оценке статуса пояса по его стоимости. А.К. Амброз считал, что пояса с бронзовыми и серебряными деталями принадлежали рядовому населению, а высшая знать носила пояса с золотыми псевдопряжками [Амброз 1981, с. 17]. Р.С. Орлов уточнил это предположение, указав на развитую стратификацию внутри самой группы IV, соотнесённой А.К. Амброзом с рядовым населением [Орлов 1985, с. 101–104]. А.И. Айбабин первым предложил систему ранговых оценок погребений: ранг I — погребения с бронзовыми наборами (Ковалёвка, Дымовка) — бедные воины; II — погребения с серебряными наборами с золотыми вставками — богатые воины (Портовое, к. 14 Белозерки); III — комплексы с золотыми поясами — военные вожди разных рангов (Ясиново, Келегеи, Новые Санжары, Макуховка, Лимарёвка); IV — поминальные комплексы с богатым набором инвентаря — представители правящего рода (Перещепина, Глodosы, Вознесенка) [Айбабин 1985, с. 202]. А.Г. Атавин на материалах восточно-приазовской группы погребений также выделил три социальных группы: I — погребения с серебряными и бронзовыми деталями поясов — „дружинные” (Малаи, п. 10 к. 4 и п. 3 к. 30 Калининской); II — серебряный пояс плюс меч с серебряными обкладками — „дружинная верхушка” (Чапаевский); III — пояса с тонкими золотыми деталями — „вожди” (Крупский, Старонижестеблиевская) [Атавин 1996, с. 230, 231]. Отметим, что оценка Ч. Балинтом подобного последней группе погребения из Уч-Тепе как погребения представителя высшей знати [Balint 1978, p.185] в своё время вызвала критику со стороны А.И. Семёнова, указавшего на явные отличия погребений данного

ранга от комплексов реальной высшей знати круга Перещепины и Вознесенки [Семёнов 1987, с. 60]. О.М. Приходнюк подошёл к проблеме социальной стратификации погребений по тому же имущественному признаку: малоинвентарные погребения — рядовое население; погребения с серебряными поясами и отдельными золотыми деталями — “средняя прослойка”; погребения с серебряными и золотыми деталями из Портового и Васильевки — “знать”; комплексы круга Перещепины — “верховная знать” [Приходнюк 2001, с. 34–41]. Анализ имущественного соотношения комплексов в соединении с оценкой золотых поясных деталей как признака представителя власти, позволил нам поддержать выделение 4 групп, предложенное А.И. Айбабиным, с их последующей идентификацией с древнетюркской социальной системой: группа I — комплексы “сивашовского” типа с бронзовыми и серебряными поясами — рядовое население; II — комплексы “арцибашевского” типа с поясами с золотыми зёрнёными вставками — родовая знать (тарханы); III — комплексы “келегейского” типа с крупными золотыми поясами — главы отдельных родов и племён (беги); IV — Перещепина, Глodosы, Вознесенка — представители правящего рода [Комар 2002; 2005]. Наконец, несколько нестандартную, в свете общих тенденций, “половозрастную” версию о соотношении погребённых с “геральдическими” поясами с “эрами” предложил А.В. Ивченко [Ивченко 1999].

Древнетюркское *er* полисеманлично — “мужчина, муж, воин, герой”, но это слово в общетюркской традиции в основном обозначало женатого мужчину средних лет, члена рода и племени. В киргизском эпосе эр описывается так: “Каждый, кто имеет свой эль (род, племя), видно, считается эром. Что он ни скажет, слово его имеет вес” [Сравнительно-историческая грамматика..., с. 661]. Значения “муж, воин, герой” — уже производные от начального. Причины вторичности значения “воин” объясняют тюркские рунические надписи. Согласно эпитафии из Саргал–Аксы, воинами древние тюрки становились довольно рано: “в девять лет я [уже] служил имеющему знамя хану и следовал [за ним]” [Кызласов 1993, с. 224]. Но эром юноша (джигит) становился лишь получив “мужское имя”, пройдя через определённые испытания и проявив себя подвигом в какой-то сфере. Более банальный путь достигался браком, но существовавший уже в древности обычай обязательного выкупа невесты фактически замыкал круг, поскольку добыть необходимые средства или даже саму жену часто становилось возможным только за счёт военной добычи. Впрочем, положение эра никак не гарантировало достатка — малоимущие эры пасли чужой скот и даже в поход выступали на одолженных у бегов лошадях, за что заслужили у Махмуда Кашгарского эпитет “эры, подобные рабам” [Кляшторный 2003, с. 473–481]. Версию А.В. Ивченко о символизации поясом звания эра, т.е. “зрелого” мужчины, для кочевников Восточной Европы VII в. приходится отбросить сразу. В погребении подростка 10–11 лет из п. 3 Рябовки находился пояс из бронзовой пряжки, серебряного наконечника и

бронзовой “двурогой” бляшки (рис. 2: 21–23), а в погребении юноши из п. 2 к. 5 Родионовки найден пояс начального уровня с бронзовой пряжкой и двумя латунными наконечниками ремней (рис. 1: 21–23). В то же время, в погребении старого человека из п. 5 к. 9 Бородаевки в сопровождении седла и костей коня [Синицын 1947] найдена только одна бронзовая пряжка, а в погребениях зрелых людей в п. 1 к. 1 Авиловского [Синицын 1954] и п. 12 к. 1 Верхне-Погромного I [Шилов 1975], сопровождавшихся луками (в последнем случае даже обломками сабли) и костями лошади, никаких поясных деталей не обнаружено. Поволжские комплексы, оставленные зрелыми воинами, скорее всего, наглядно демонстрируют существование нетитулованной прослойки “конных воинов”, вооружённых луками и саблями, но так до смерти и не получивших права на ношение наборного пояса.

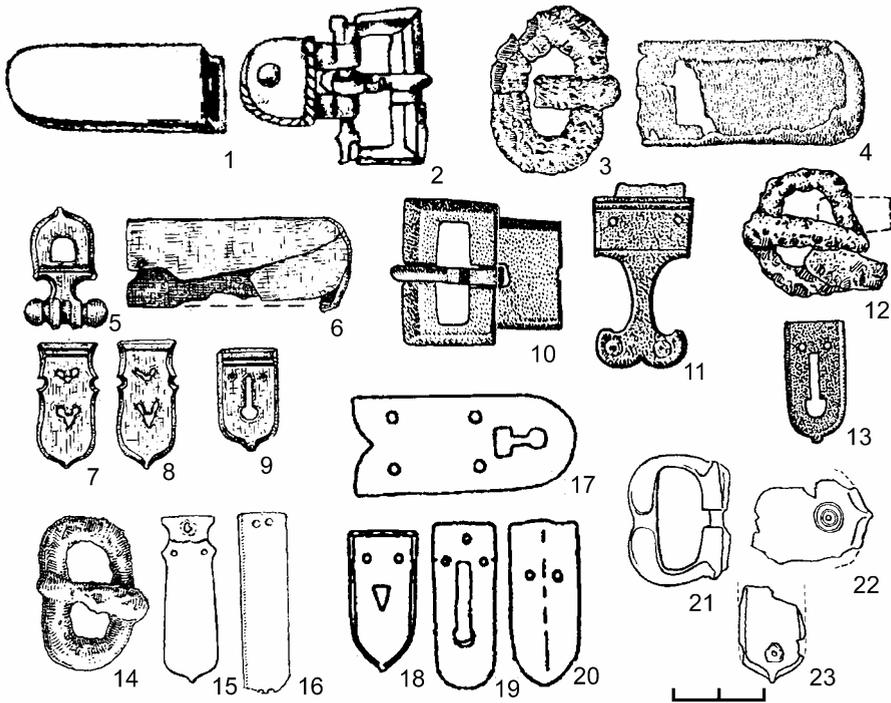

Рис. 1. Пояса I типа: 1, 2 — Новосёлки; 3, 4 — п. 2 к. 2 Сивашского; 5–9 — п. 4 к. 1 Изобильного; 10, 11 — п. 12 к. 7 Христофоровки; 12, 13 — п. 1 к. 8 Христофоровки; 14–16 — п. 2 к. 1F Аджиголя; 17–20 — Зиновьевка; 21–23 — п. 2 к. 5 Родионовки.

В п. 2 к. 2 Сивашского [Комар, Кубышев, Орлов 2005] погребённый зрелого возраста был снаряжён луком и боевым ножом, а также чучелом коня. Его обувь украшена серебряными бляшками, также серебряными бляшками украшался и портупейный ремешок боевого ножа. Но пояс состоял лишь из железной пряжки и серебряного наконечника ремня (рис. 1: 3, 4). Такой же пояс из пряжки и наконечника (рис. 1: 1, 2) находился и в погребении из Новосёлок [Богачёв 1998]. Имущественный статус погребённого из п. 2 к. 2 Сивашского

несомненно позволял украсить пояс хотя бы одной бляшкой, но этого не произошло. Следовательно, он также принадлежал к разряду “конных воинов”, а пояса без бляшек на основном ремне можно выделить в первый тип поясных наборов.

В рамках типа I выделяются два варианта поясов: вариант Ia — без наконечников дополнительных ремешков (рис. 1: 1–4), и вариант Ib — с наконечниками и бляшками дополнительных ремешков.

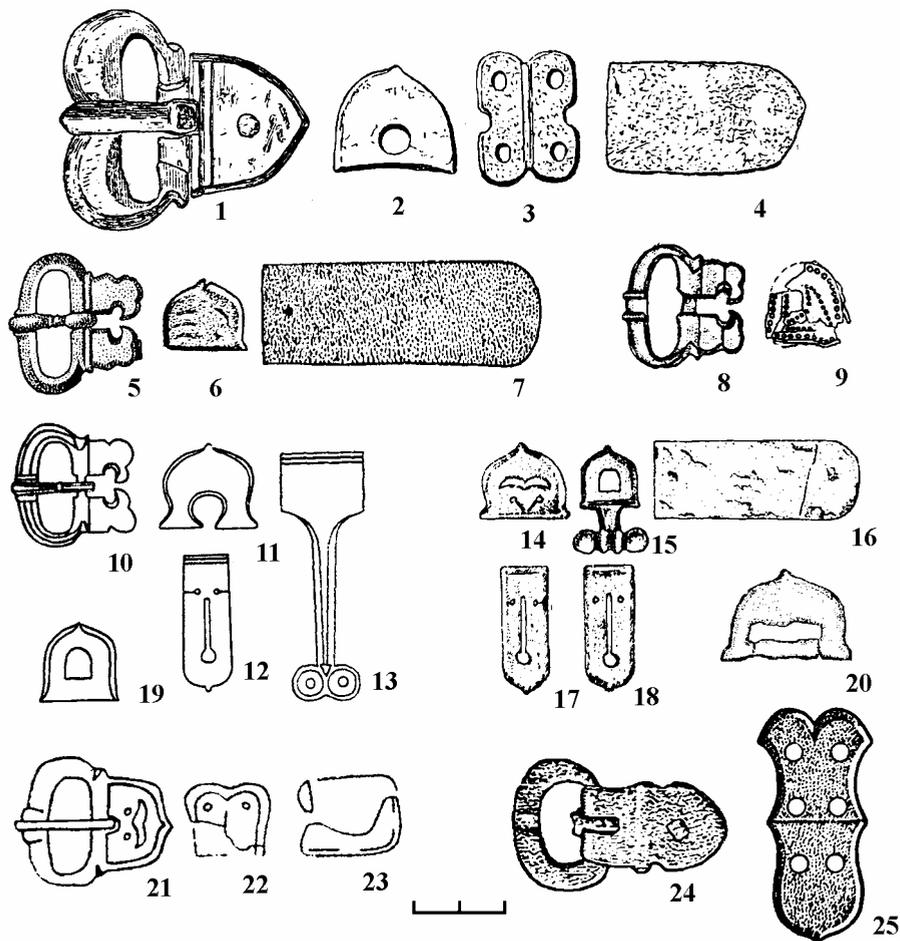

Рис. 2. Пояса II типа: 1–4 — п. 2 к. 3 Иловатки; 5–7 — п. 7 к. 1 Костогрызово; 8, 9 — п. 2 к. 14 Дымовки; 10–13 — Епифанов; 14–18 — п. 12 к. 8 Богачёвки; 19 — к. 35 Виноградного; 20 — п. 12 к. 13 Рисового; 21–23 — п. 3 Рябовки; 24, 25 — п. 7 к. 7 Христофоровки.

Наиболее яркий комплекс с поясом варианта Ib — п. 4 к. 1 Изобильного [Айбабин 1999] — погребение воина с мечом. Его обувь и португеза меча украшены серебряными пряжками, обоймами и наконечниками, но к поясу достоверно принадлежали только два наконечника свисающих ремешков с боковыми вырезами и большой наконечник (рис. 1: 6–8), а также, возможно, один или несколько наконечни-

ков ремешков с прорезью (рис. 1: 9). Т-образные бляшки (рис. 1: 5) в погребениях кочевников, как показывают примеры п. 3 к. 5 Виноградного и п. 2 к. 3 Сивашовки, связаны с портупеей меча, но располагаться они могли как на поясе (на основном ремне и на свисающих ремешках), так и на самой портупее. На наш взгляд, присутствие бляшек этого типа на ремне указывает на ношение его собственником меча, даже если такового непосредственно в погребение и не уложили. Бронзовые Т-образные бляшки другого типа (рис. 1: 11; 2: 13) обычно называют “колчанными крюками”, но физически крепить к ним колчан было проблематично. В п. 12 к. 7 Христофоровки [Prichodnyuk, Fomenko 2003] такая бляшка действительно сочеталась с колчаном, но находясь на свисающем ремешке, эта бляшка максимум помогала фиксировать у ноги подвешенный на портупее колчан, а скорее просто служила для подвешивания сумочки. Кроме пряжки (рис. 1: 10), поясу в этом погребении мог принадлежать и поясной наконечник [Prichodnyuk, Fomenko 2003, fig. 2: 16], но он находился во входной яме вместе с луком и поэтому с такой же долей вероятности мог принадлежать ремню портупеей налучья. На фоне литых серебряных деталей обуви скромный бронзовый пояс выглядит несколько необычно — его трудно объяснить иначе, чем низким рангом погребённого. В п. 1 к. 8 Христофоровки [Prichodnyuk, Fomenko 2003] пояс состоял из железной пряжки с бронзовыми обоймами и серебряной бляшки свисающего ремешка (рис. 1: 12, 13). В п. 2 к. 5 Родионовки [Комар, Кубышев, Орлов 2005] — из бронзовой пряжки и двух латунных наконечников (рис. 1: 21–23), в п. 2 к. 1F Аджиголя [Ebert 1913] — из железной пряжки и двух бронзовых наконечников свисающих ремешков (рис. 1: 14–16), а в Зиновьевке [Рыков 1929] — из основного наконечника и трёх наконечников свисающих ремешков разных вариантов (рис. 1: 17–20). Последний факт подталкивает к предположению, что ремешки на ремне из Зиновьевки добавлялись постепенно, отражая какую-то символику заслуг его собственника.

Пояса типа II (рис. 2) отличаются наличием на основном ремне одной щитовидной или одной „двурогой” бляшки. Пояса варианта Па со щитовидными бляшками — п. 7 к. 1 Костогрызово [Комар, Кубышев, Орлов 2005], п. 2 к. 14 Дымовки [Айбабин 1985], п. 12 к. 8 Богачёвки [Генинг, Корпусова 1989], хут. Епифанова [Безуглов 1985], к. 35 Виноградного [Орлов, Рассамакин 1996] п. 12 к. 13 Рисового [Щепинский, Черепанова 1969] (рис. 2: 5–20). Варианты щитовидных бляшек здесь не повторяются — похоже, особого стандарта не существовало; бляшки из Дымовки и Рисового бронзовые, остальные — серебряные, при том, что в Костогрызово пряжка и наконечник бронзовые. Пояса варианта Пб с “двурогими” бляшками — п. 3 Рябовки [Обломский, Терпиловский 1993] и п. 7 к. 7 Христофоровки [Prichodnyuk, Fomenko 2003] (рис. 2: 21–25). Серебряные здесь только пластинка наконечника из Рябовки и “двурогая” бляшка из Христофоровки (рис. 2: 23, 25). Серебряный поясной набор из п. 2 к. 3 Иловатки

[Смирнов 1959] сочетает в себе и щитовидную и “двурогую” бляшки (рис. 2: 1–4), указывая на общность поясов II типа.

Щитовидная бляшка, появляющаяся на основном ремне, несомненно, отражала первый ранг “куркапына” — “держашего чин/пояс” — условно “ранг Y”. В то же время два пояса с “двурогими” бляшками, особенно пояс с серебряной бляшкой из п. 7 к. 7 Христофоровки, возможно, указывают на существование второго начального чина — “ранг X”, которые объединялись только в п. 2 к. 3 Иловатки — “ранг XY”.

Пояса типа III (рис. 3: 4) объединяются по наличию 4 щитовидных бляшек. Изучение поясного набора из п. 11 к. 1 Черноморского [Комар, Орлов, Симоненко 2005] позволило нам выделить в его составе две хронологические группы. Вначале более узкий пояс был украшен лишь литой щитовидной бляшкой с волнистой прорезью (рис. 3: 2), затем к нему добавили более крупный прессованный набор из 3 щитовидных бляшек с круглым вырезом, 4 “двурогих” бляшек и 4 наконечников свисающих ремешков (рис. 2: 3–8, 10, 12, 14, 16, 17). Похожую ситуацию наблюдаем и в п. 2 к. 3 Сивашовки [Комар, Кубышев, Орлов 2005]: начальный пояс украшали одна щитовидная бляшка с серповидной прорезью, литой наконечник с боковыми вырезами и Т-образная бляшка (рис. 3: 26, 30, 32), затем к нему добавили набор из чуть более крупных 3 щитовидных бляшек с круглым вырезом и 3 прессованных наконечников ремешков с прямыми боками (рис. 3: 27–29, 33–35); “двурогуя” бляшку отнести к какому-либо из наборов трудно, но по диаметру отверстий на бляшке она близка наконечникам второго набора.

Пояса из погребений у ст. Калининской нам знакомы лишь по публикации, но модель развития поясов Черноморского-Сивашовки, похоже, срабатывает и здесь. В п. 10 к. 4 Калининской [Атавин 1996] набор начался с маленькой щитовидной бляшки с волнистой прорезью и небольшого наконечника с боковыми выступами (рис. 3: 37, 44) и дополнился 3 щитовидными бляшками с круглым вырезом с 3 более крупными наконечниками (рис. 3: 38–40, 45–47); “двурогая” бляшка, так же, как и в Сивашовке, могла принадлежать к обоим наборам.

Также в комплексе присутствуют две “некомплектные” щитовидные бляшки с волнистой прорезью [Атавин 1996, табл.10: 4], которые, судя по всему, не принадлежали основному ремню. Пояс из п. 3 к. 30 Калининской [Атавин 1996] также начался с маленькой щитовидной бляшки и наконечника с волнистыми прорезями (рис. 3: 19, 23), но был дополнен лишь 2 щитовидными бляшками с круглым вырезом и наконечником с золотой вставкой (рис. 3: 20, 21). Не исключено, что третья бляшка была просто утеряна при жизни, но её функцию теоретически могла исполнять и бляшка с птичьими головками (рис. 3: 22), как о том свидетельствует пример набора из Портового (рис. 6: 38–40).

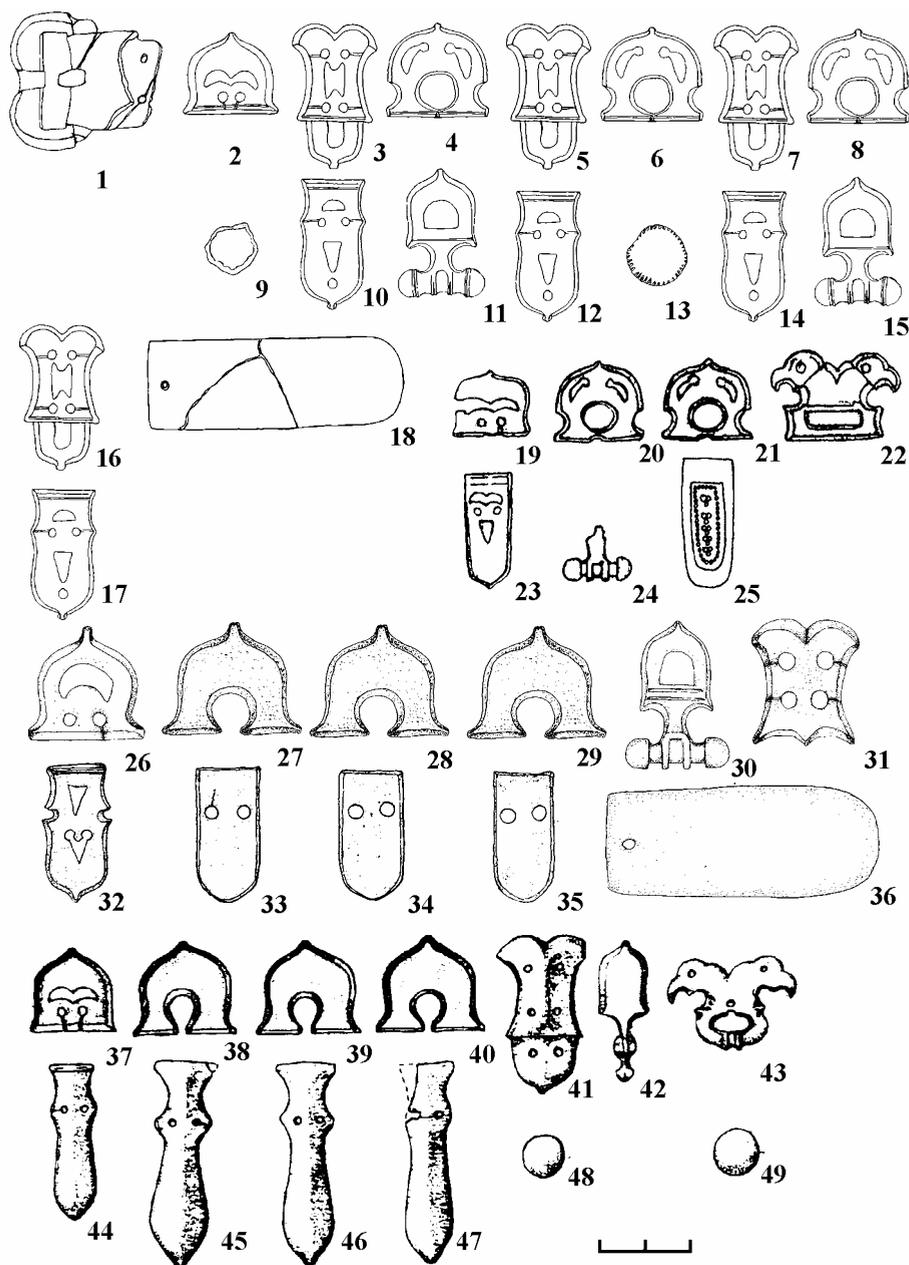

Рис. 3. Пояса типа III: 1–18 — п. 11 к. 1 Черноморского; 19–25 — п. 3 к. 30 Калининской; 26–36 — п. 2 к. 3 Сивашовки; 37–49 — п. 10 к. 4 Калининской.

Ещё один набор из п. 7 к. 1 Бережновки I [Синицын 1959] с 4 щитовидными бляшками с круглыми вырезами и одной “двурогой” (рис. 4: 2–6) выглядит довольно монолитным, но различия вариантов наконечников свисающих ремешков (рис. 4: 8–10), подобно ситуации в Зиновьевке, скорее указывают опять на поэтапность формирования пояса.

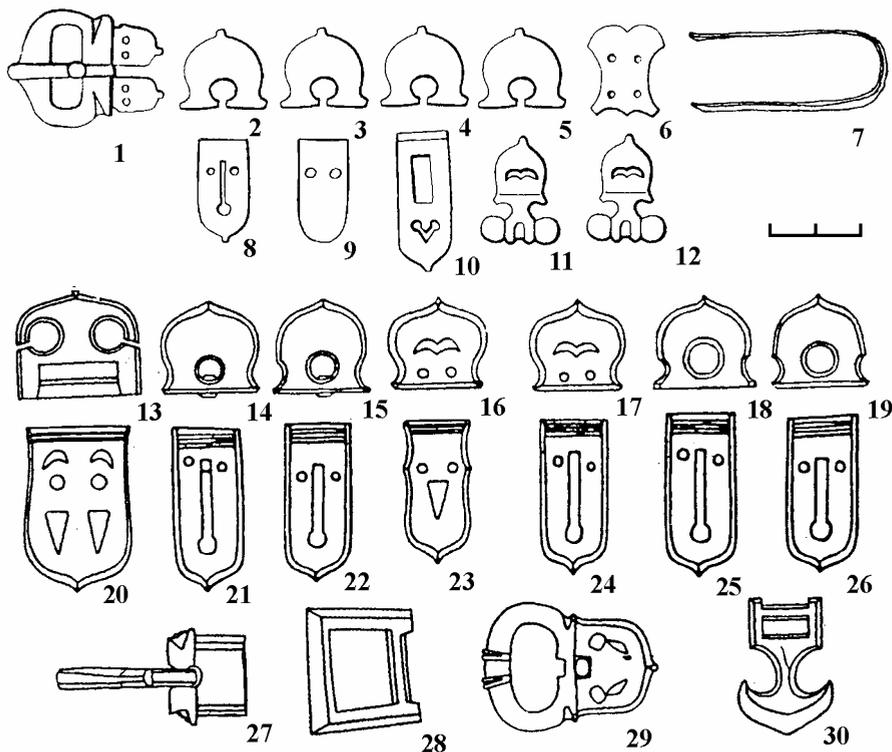

Рис. 4. Пояса типа III: 1–12 — п. 7 к. 1 Бережновки I; 13–30 — “Царский курган”.

Комплекс из “Царского кургана” [Атавин 1996] поминальный или кенотаф, поэтому разграничить комплекты поясов здесь очень сложно. Само количество поясов здесь не ясно, по пряжкам (рис. 4: 27–29) их может быть 3. Уверенно в один комплект сходятся только щитовидная бляшка с двумя круглыми вырезами и широкий наконечник ремешка (рис. 4: 13, 20). По способу крепления (без шайбочек), возможно, выделяется ещё одна группа (рис. 4: 17–19, 24–26), но две щитовидные бляшки с волнистой прорезью (рис. 4: 16, 17), как и в п. 10 к. 4 Калининской, могли непосредственно основному ремню не принадлежать. В таком случае, в комплексе выделяются два пояса: один варианта Па (рис. 4: 13, 20), а второй типа III (рис. 4: 14, 15, 18, 19, 21, 22, 25, 26).

Общая схема развития поясов III типа — это начало с пояса варианта Па (ранг Y) с добавлением на следующем этапе 3 щитовидных бляшек и как минимум одной “двурогой” (ранг Y+YYYYX). Только в Черноморском суммарный ранг оказался выше — Y+YYYYXXX.

Пояса типа IV — это пояса с псевдопряжками (рис. 5). Пояс из кенотафа или разрушенного погребения из к. 16 Наташино [Колотухин 1983; Баранов 1990] состоял из основного наконечника ремня и 4 пряжек, скорее всего, заменяющих нефункциональные и поэтому непонятные логике кочевника псевдопряжки (рис. 5: 1–5).

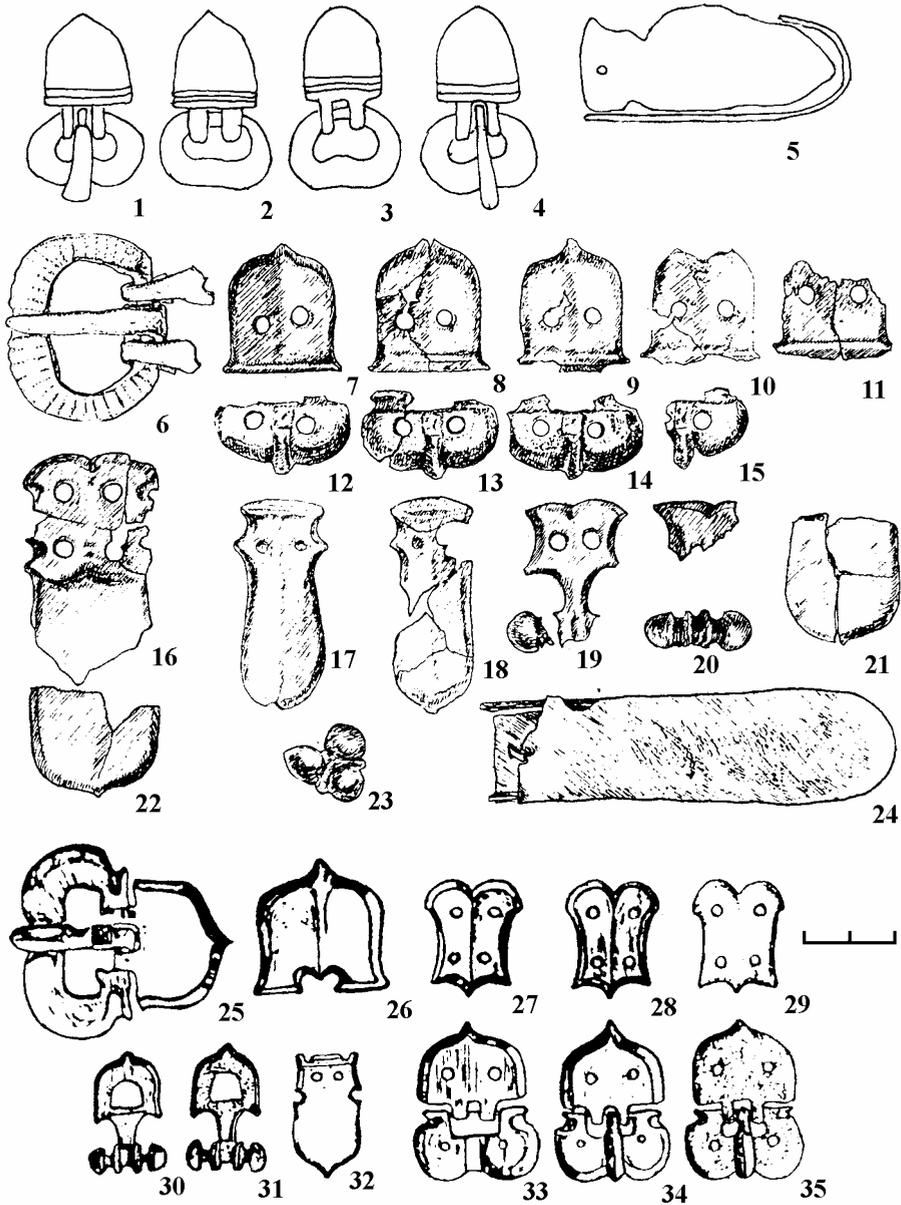

Рис. 5. Пояса типа IV: 1–5 — к. 16 Наташино; 6–24 — п. 6 к. 13 Малаев; 25–35 — п. 2 к. 29 Чапаевского.

Он был выполнен единым комплектом, но возможно, что плохая сохранность ременного наконечника указывает на его принадлежность более раннему комплекту пояса. Также единым комплектом были выполнены и детали из п. 6 к. 13 Малаев [Атавин 1996]. Здесь комплект включал 5 щитков, 4 рамки псевдопряжек и “двурогую” бляшку (рис. 5: 7–16). И только в п. 2 к. 29 Чапаевского [Атавин 1996]

есть шанс двухэтапного формирования пояса: сначала щитовидная бляшка и наконечник с боковыми вырезами (рис. 5: 26, 32), затем 3 псевдопряжки и 3 “двурогие” бляшки (рис. 5: 27–29, 33–35), хотя присутствие одной щитовидной бляшки в комплекте с псевдопряжками в целом довольно распространённое явление [Гавритухин 2001].

Ранг погребённого из к. 16 Наташино можно записать формулой WWWW. В Малаях сохранность тонких деталей плохая, поэтому одна из псевдопряжек вполне могла сохраниться не полностью; ранг пояса — WWWWYX или WWWWWX. В Чапаевском ранг пояса Y+WWWXXX. Отметим, что повернутые щитком вверх, псевдопряжки вполне напоминали щитовидные бляшки, а следовательно, ранг Y+YYY, скорее всего, тождественен рангу WWWW.

По наблюдениям И.О. Гавритухина, для поясов с псевдопряжками наиболее характерна кратность 3 (3, 6, 9, 12), хотя известна и другая система — 1, 2, 5, 8, 10. Гипотетически связывая происхождение поясов с псевдопряжками со средой кочевников I Тюркского каганата, исследователь придаёт системе 3–6–12 определенное ранговое значение именно в тюркской военной системе, к сожалению, не расшифровывая её смысл и не приводя фактов существования подобной кратности ни в поясных наборах из достоверных тюркских погребений, ни в идеологии древних тюрков [Гавритухин 2001, с. 49–51]. В то же время, 6 псевдопряжек и 6 прямоугольных накладок с вырезами находилось в составе двух поясных наборов из Сирии [Balint 1992, taf.2: 6–11; 7: 1–6], где подозревать влияние I Тюркского каганата более чем проблематично. Те же 6 прямоугольных накладок мы наблюдаем на византийском подсвечнике из Кёльнского музея [Balint 2000, taf.19], подражание которому, ранее принимаемое за “классический” облик славянина, найдено и в Среднем Поднепровье в Стрекалово [Корзухина 1996, табл.95]. Здесь же, в “антских” кладах, мы находим и выразительные аналогии сирийскому поясу из Дайламана (Вильховчик, Козиевка), и наборы с псевдопряжками системы 6–12 (Хацки, Трубчевск). При этом пример Хацков и Вильховчика наглядно показывает, что знаковую роль у славян играли не псевдопряжки, а двучастные прямоугольные накладки, которые в Хацках, например, формировали пояс в 3 этапа: 1+2+3, отражая три ранга (1–3–6).

Неоспоримые параллели в поясных наборах Сирии и Среднего Поднепровья VII в. подталкивают к мысли о существовании особого канала экономических связей, причиной существования которых, очевидно, была потребность славян в латунном и цинковом сырье, главные источники которого, по мнению А.Н. Егорькова и О.А. Щегловой, располагались именно на Ближнем Востоке [Егорьков, Щеглова 2001, с. 286–290]. Наблюдаемая же в наборах с псевдопряжками кратность 3–6–12 — классическая основа римско-византийской весовой и денежной системы. Её воплощение можно частично найти и в военно-административной системе фем: в количестве фемных рангов — 12, в численности турмы — 900 человек, в количестве банд в кавалерийской тагме — 30, и в количестве друнгариев и комитов банды (“друнгаро-

комитов”) — 60 (64) [Успенский 2001, с. 150–154]. Учитывая же, что именно учреждение фем при императоре Ираклии и вызвало моду на военные пояса с бляшками и свисающими ремешками, наблюдаемая в целом ряде поясов “геральдического” стиля кратность 3–6–12 с большой долей вероятности может быть отнесена именно к разряду византийского влияния. Впрочем, как будет показано ниже, пояса с подобной кратностью скорее принадлежат к “гражданской” администрации, поскольку реальные военные звания подчинялись другому числовому ряду и обозначались поясами другой схемы.

В восточноевропейских кочевнических комплексах 3 псевдопряжки известны только в Чапаевском, причём общая система 1+3 (Y+WWW) всё равно отвечает обычному стандарту поясов типа III. В Малаях “лишняя” пятая псевдопряжка сохранилась только в виде щитка, а в поясе из Перещепины, на который ссылался И.О. Гавриутхин, “лишний” щиток псевдопряжки на самом деле не 12-й, а 11-й (рис. 9: 8–18), т.е. если допустить, что рамки псевдопряжек в Перещепине и Малаях были оторваны преднамеренно, эти пояса, первоначально выполненные в системе 5, 12 просто приводились в соответствие с кочевнической системой 4, 10.

Рассмотренные серебряные и бронзовые пояса типов I–IV составляют группу А. В группу Б выделены пояса с серебряными и золотыми деталями, явно принадлежащие представителям другого общественного класса.

Пояса типа V (рис. 6) включают серебряные щитовидные бляшки и золотые U-образные с золотыми наконечниками ремешков.

Начальный пояс этого уровня находим в п. 1 к. 2 Васильевки [Кубышев, Дорофеев и др. 1984]. Он состоял из серебряных щитовидной и двух “двурогих” бляшек (рис. 6: 2–4), а также серебряных наконечников с золотыми вставками (рис. 6: 5–8). Ранг пояса YXX, но в отличие от п. 3 к. 30 Калининской, где маленький наконечник с золотой вставкой появился лишь на втором или даже на третьем этапе формирования пояса, погребённый из п. 1 к. 2 Васильевки изначально подчёркивал свой статус, обладая всего лишь рангом носителей поясов типа II.

В комплексе из п. 5 к. 4 Крупского [Атавин 1996] кроме пояса присутствует ещё и ремень портупей, но принадлежность серебряной щитовидной бляшки (рис. 6: 10) поясу всё же очевидна. Данный пояс начался с пояса варианта IIa и на втором этапе дополнился 3 U-образными золотыми бляшками, 3 наконечниками ремешков и наконечником основного ремня, украшенными зернью (рис. 6: 11–13, 17, 19). Полученный ранг Y+UUU, но теоретически роль могла играть ещё и круглая двучастная бляшка (рис. 6: 14), тогда на поясе находилось не 4, а 5 ранговых элементов.

Пояс из Арцибашева начался с серебряных двух щитовидных бляшек и двух наконечников с боковыми вырезами (рис. 6: 23, 24, 29, 30), а затем дополнился комплектом из 3 золотых U-образных бляшек и 3 двучастных наконечников ремешков, украшенных зернью, а также золотыми наконечниками ремня и портупей (рис. 6: 25–28, 31–33, 35).

Рис. 6. Пояса типа V: 1–8 — п. 1 к. 2 Васильевки; 9–21 — п. 5 к. 4 Крупского; 22–35 — Арцибашев; 36–46 — п. 5 к. 12 Портового.

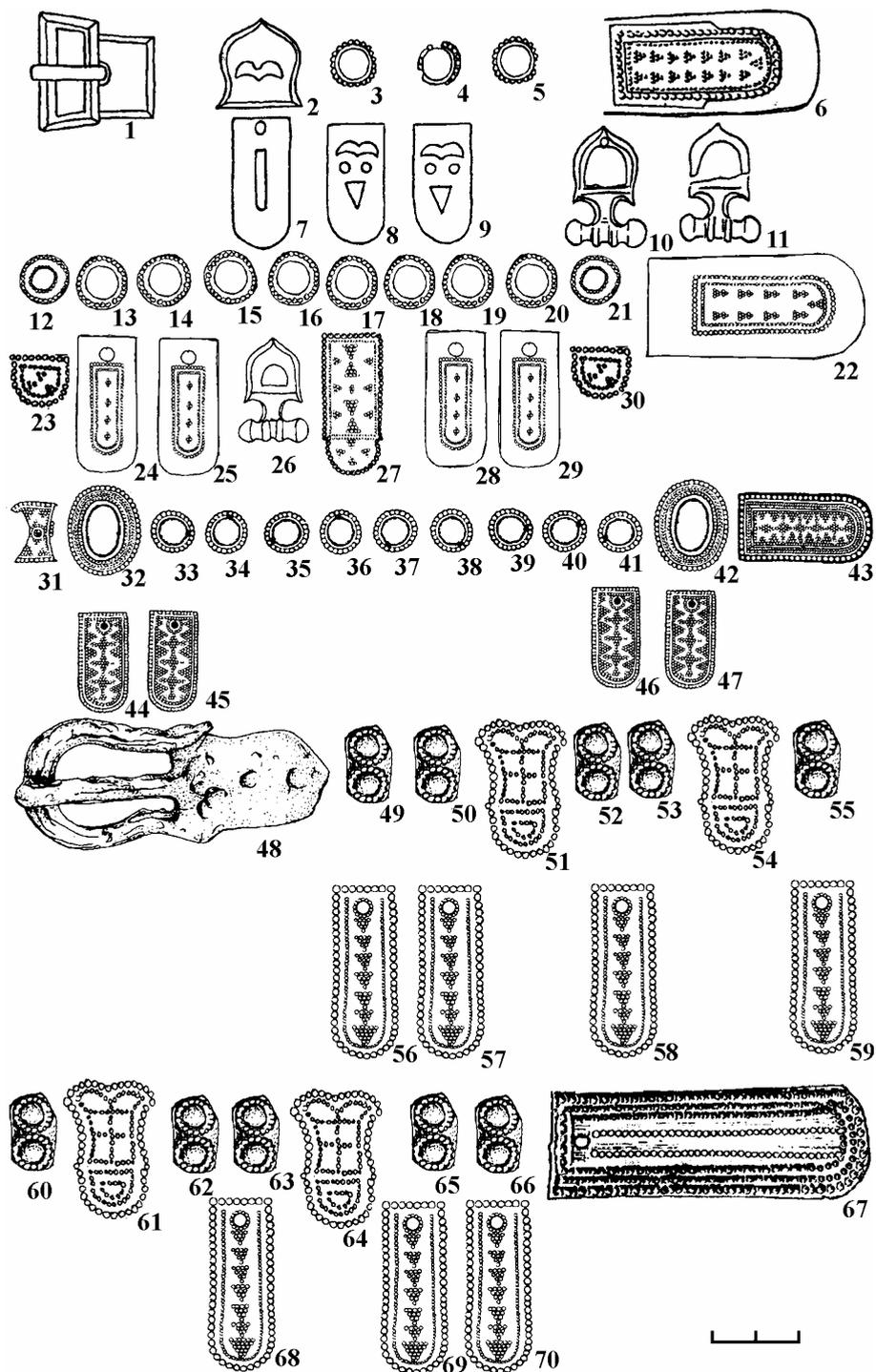

Рис. 7. Пояса типа VI: 1–11 — п. 3 к. 5 Виноградного; 12–30 — п. 2 к. 2 Васильевки; 31–47 — п. 5 к. III Мадары; 48–70 — к. 3 Уч-Теле.

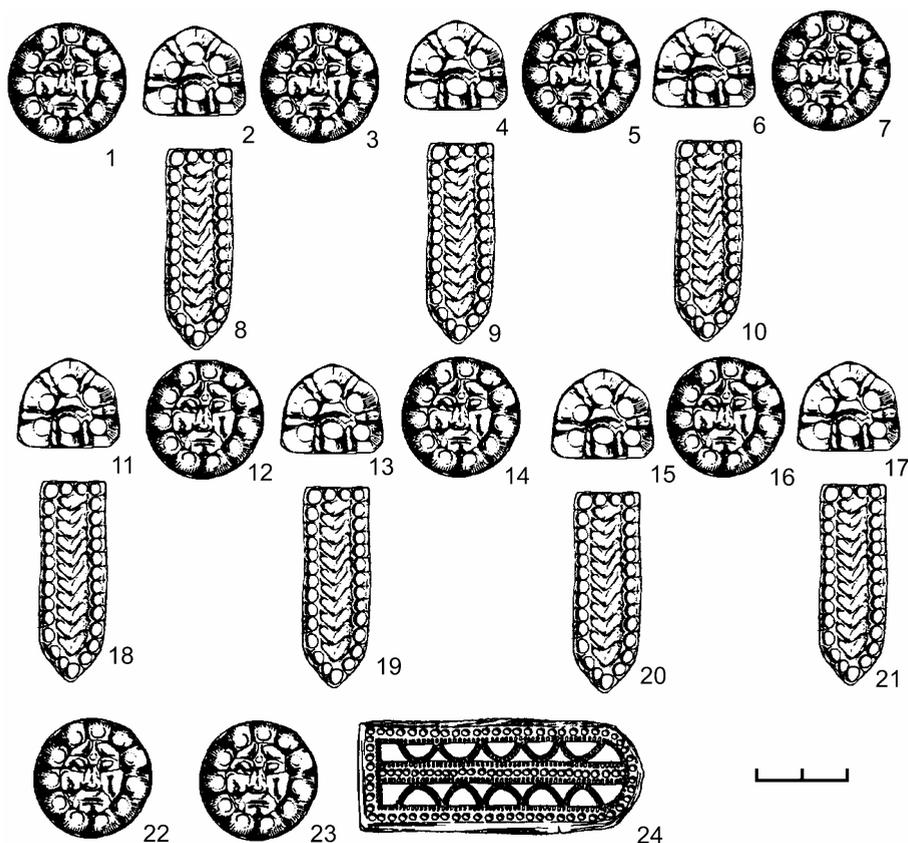

Рис. 8. Пояс из п. 1 к. 8 Старонизестеблиевской.

Интересно, что первоначально мастер изготовил 5 золотых U-образных бляшек, но вместо того, чтобы все их разместить на поясе, на нём были оставлены две серебряные бляшки, а две “лишние” золотые использовали для изготовления застёжки (рис. 6: 34). Этот случай не оставляет сомнений, что серебряные щитовидные бляшки и золотые U-образные на поясе отражали взаимозаменяемые символы, а формула рангов $YU+UUU$ тождественна $UUUUU$.

Также пять элементов находилось и на поясе в п. 5 к. 12 Портового [Айбабин 1985]. В настоящее время не сохранились пряжка с V-образной рамкой и щитком, украшенным камнем, а также одна из “двурогих” бляшек, но набор явно был выполнен одновременно. Он состоял из серебряных деталей с вставками золотых гнезд для стекла, окружённых ободком золотой зерни. Вместо щитовидных бляшек здесь использованы оригинальные элементы, соединившие их с бляшками с двумя птичьими головками (рис. 6: 38–40), таких элементов в комплексе 3, так же, как и U-образных наконечников ремешков (рис. 6: 44–46). Две инкрустированные камнями бляшки имитируют “двурогие” (рис. 6: 36, 37). Формула пояса должна соответствовать рангу $YUYXX$, аналогий которому мы не имеем. Скорее

всего, ранг этого пояса маркировался уже сам по себе использованием золотой зерни в оформлении бляшек основного пояса. Следовательно, ранг пояса из Портового тождественен рангу UUUUU.

Тип VI — пояса с круглыми бляшками со стеклянной вставкой (рис. 7).

Начальный пояс этого типа, возможно, реконструируется в п. 3 к. 5 Виноградного [Орлов, Рассамакин 1996]. Судя по состоянию поясных деталей *in situ* (пряжка в перевернутом состоянии, наконечники свисающих ремешков разрознены, щитовидная бляшка найдена в заполнении), поясной набор здесь так же, как и в Черноморском, был сорван с ремня и разбросан во время ритуала. Щитовидная бляшка с волнистой прорезью (рис. 7: 2) обычно начинала формирование пояса, который затем дополнялся новыми элементами. В нашем случае богатая узда, украшения обуви и серебряный наконечник с золотой вставкой подсказывают, что из наличных в погребении деталей поясу могли принадлежать только 3 круглые бляшки со вставками (рис. 7: 3–5). Две из них были найдены вместе со щитовидной бляшкой возле конского черепа и поэтому отнесены авторами раскопок к деталям оголовья, третья — ниже, в заполнении. Оголовью же достоверно украшалось двумя овальными бляшками и двумя круглыми более крупного размера. На наш взгляд, очень высока вероятность того, что щитовидная и 3 круглые бляшки всё-таки принадлежали поясу. Реконструируемый набор отражает наличие 4 элементов и может быть записан как Y+OOO.

Более прозрачна ситуация с поясом п. 2 к. 2 Васильевки [Valint 1992, taf. 49]. Вследствие ритуала нарушения могилы пояс оказался снятым с покойника и оставленным на заплечике. Компоненты пояса состоят из 2 круглых бляшек с маленькими вставками и двух маленьких U-образных наконечников (рис. 7: 12, 23, 21, 30), вероятно, отражающих начальный набор вместе с серебряной T-образной бляшкой (рис. 7: 26), 8 круглых бляшек с более крупной вставкой, 4 наконечников ремешков, двучастного наконечника и большого поясного (рис. 7: 13–20, 22, 24, 25, 27–29). Ранг пояса — 2+8, т.е. суммарно на основном ремне находилось 10 элементов.

Близкий золотой пояс обнаружен в п. 5 кургана III Мадары в Болгарии [Fiedler U., 1992]. Здесь на поясе выделяются две большие овальные бляшки (рис. 7: 32, 42), а маленьких бляшек в комплексе 9 [Станчев, Иванов 1958, обр.2], но одна, возможно, поясу не принадлежала [Рашев 2004, с. 176], также здесь были 4 наконечника ремешков и поясной наконечник (рис. 7: 43–47). Непосредственно на поясе пряжки не было, а единственная деталь, которая может быть щитком от пряжки (рис. 7: 31), найдена выше скелета в заполнении. Ранг пояса 2+9, т.е. всего 11 элементов. Отметим, что аналогичная овальная золотая бляшка со вставкой найдена в к. 17 Наташино [Баранов 1990, рис. 39:25], а серебряный вариант — в п. 2 к. 1 Карнаухова [Ляпушкин 1958]. К сожалению, связь последних двух деталей с поясом не прослежена, поэтому не исключено, что две овальные

бляшки из Мадары не играли роль ранговых. В таком случае основных на поясе остаётся 9 элементов.

В погребении к. 3 Уч-Тепе [Иессен 1965] прессованный золотой пояс состоял из 10 сдвоенных круглых бляшек, 4 “двурогих” бляшек, 7 наконечников ремешков, поясного наконечника и такого же наконечника портупей (рис. 7: 49–70). Формула пояса 1004X. Основных элементов, как и в п. 2 к. 2 Васильевки, 10, но не понятно, как расценивать сдвоенные круглые бляшки: как один или два ранговых знака?

Близок к рассмотренным выше и прессованный золотой набор из п. 1 к. 8 Старонижестеблиевской [Атавин 1996]. Он состоял из 9 круглых бляшек с монголоидной личиной, 7 ажурных щитовидных бляшек, 7 наконечников ремешков и поясного наконечника (рис. 8). По количеству свисающих ремешков пояс тождественен поясу из Уч-Тепе, а по количеству круглых бляшек — поясу из Мадары. Запись пояса должна выглядеть как 907Y, но число основных ранговых элементов здесь всё же 9, так же, как и в Мадаре.

Золотые пояса наиболее высокого социального уровня в целом можно свести к уже описанным типам, хотя по величине и технике исполнения данные детали всё же слабо сравнимы с деталями предыдущих уровней, что позволяет выделить их в группу В.

Пояса из Келегеев [Prichodnjuk, Chardaev 2001] и Перещепины принадлежат к типу IV, т.е. к поясам с псевдопряжками. В Келегеях, как это ни странно, мы также наблюдаем наличие серебряных геральдических деталей (рис. 9: 22–24), но они вполне могли принадлежать портупейным ремням. Псевдопряжек в комплексе всего две (рис. 9: 25, 26). Обычно это связывают с фрагментарностью сохранности комплекса, но мы не можем исключать и варианта обозначения ранга его собственника именно двумя крупными псевдопряжками.

Пояс с псевдопряжками из Перещепины (рис. 9: 1–21), как это убедительно было продемонстрировано З.А.Львовой, подарочного византийского происхождения [Сокровища хана Кубрата...]. Так же, как и в случае с Келегеями, мы не можем исключать фрагментарности сохранности пояса, но также можем предложить и иную трактовку — наличия в нём не 12, а именно 10 целых псевдопряжек, вследствие намеренной “корректировки” пояса под десятичный стандарт.

Пояса из Ясиново и Вознесенки принадлежат к следующему хронологическому горизонту [Комар 1999; 2005] и поэтому закономерно отличаются от предыдущих. По U-образности основных элементов их можно сравнить с типом V золотых поясов, но наличие в Вознесенском комплексе ещё 2 поясов стиля “Акалан” и одного деривата стиля Мерсины, соответствующих более низкому рангу, позволяет выделить их в отдельный тип VI.

В Ясиново [Айбабин 1985] пояс состоял из 3 одночастных U-образных бляшек, 4 двучастных, 4 наконечников, прямоугольной бляшки и большого поясного наконечника (рис. 9: 27–39). А реконструируемый большой золотой пояс из Вознесенки [Комар 2003] — из 5 U-образных бляшек, 5 наконечников и прямоугольной ременной скобы

(рис. 9: 40). В первом случае общее количество элементов на поясе 7, но значимых U-образных только 3; во втором таких элементов 5, что вполнину меньше, чем в Перещепине, но сохраняется кратность.

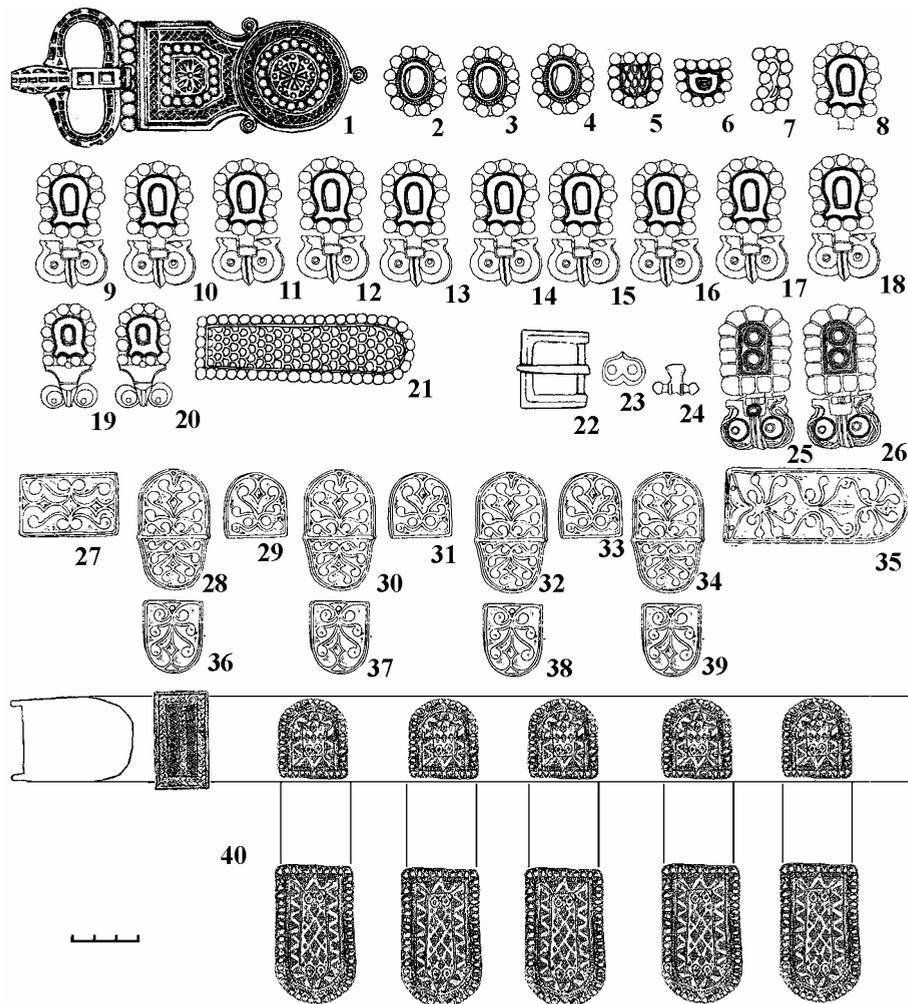

Рис. 9. Пояса группы В: 1–21 — Перещепина; 22–26 — Келегеи; 27–39 — Ясиново; 40 — реконструкция пояса из Вознесенки

Итак, сколько основных служебных рангов всё же вырисовывается в нашем анализе поясных наборов? На наш взгляд, таковых 7.

Ранг I — бронзовые или серебряные пояса типа I со свисающими ремешками с наконечниками, но без значимых элементов на основном ремне.

Ранг II — бронзовые или серебряные пояса типа II с одной щитовидной бляшкой, а также пояс типа V из п. 1 к. 2 Васильевки.

Ранг III — серебряные пояса типа III и типа IV с 4 щитовидными бляшками или 4 псевдопряжками, а также, возможно, п. 3 к. 5 Вино-

градного, хотя в последнем нельзя исключать и принадлежность к рангу IV.

Ранг IV — серебряные пояса с золотыми деталями типа V с 5 бляшками, включая обязательно золотые с зернью.

Ранг V — золотые пояса типа VI с 9 или 10 круглыми бляшками.

Ранг VI — золотые пояса с 2–3 крупными деталями из Келегеев и Ясиново.

Ранг VII — золотые пояса из Вознесенки и Перещепины с 5 или 10 крупными деталями.

Явная тенденция начала службы даже представителей имущих родов с уровня II ранга указывает на то, что перед нами чётко регламентированная система организации, в которой получить более высокий ранг исключительно благодаря положению было трудно. Наиболее явная закономерность перехода с ранга II на уровень ранга III — на поясе добавлялись 3 элемента, или же пояс полностью менялся на новый с 4 элементами. Следующий ранг IV — 5 элементов пояса — сопровождался заменой серебряных деталей на золотые, украшенные зернью. Присутствие таких деталей на поясе ранга II из п. 1 к. 2 Васильевки прозрачно указывает на то, что таким образом маркировалось знатное происхождение, а человек, добивавшийся статуса IV ранга, сам переходил в разряд знати. Ранг V — 9 или 10 золотых деталей — маркировал высший уровень, который мог быть достигнут на службе, поскольку, начиная с ранга VI, пояса такого уровня происходят из комплексов, богатство которых уже никак не сравнимо с погребениями представителей V ранга. Показательно также, что начиная с VI ранга полностью меняется погребальный обряд: представители этого уровня хоронятся уже не в курганах, а по особому тайному обряду погребения [см.: Комар 2005].

Что отражает полученная нами система формирования поясов: 0–1 — 4–5 — 10? Исходя из общего византийского облика большинства деталей “геральдического” стиля кочевнических поясов, вполне рациональным представляется проверка вначале “византийской версии” на предмет, не принадлежали ли рассматриваемые пояса кочевникам-федератам. Усиливает это предположение то обстоятельство, что количество щитовидных бляшек на всех известных нам достоверно целостных поясных наборах “геральдического” стиля конца VI — 1-й пол. VII вв. из Подунавья и Крыма (Плевен-Кайлка, п. 1 с. 74 Лучистого, м.54 Суук-Су, мог.1867 г. из Керчи, склеп 449 Скалистого и др.) подчиняется схеме 1–4; сохраняется эта тенденция и в прилегающих к византийским провинциям районах Восточного Причерноморья и Завкавказья, а также на Северном Кавказе, что несомненно указывает на единый источник влияния.

Система 0–1 — 4–5 — 10 напоминает принцип военных рангов византийцев в представлениях персидского географа ибн-Хордадбега. В первую очередь, речь идёт об отрядах в 10 и 40 человек со своими командирами — декархом и кентархом, затем следует подразделение в 5 кентархий — дружина (200 чел.) во главе с комитом, далее —

банда (1000 чел.) из 5 дружин во главе с друнгарием. Эти сведения, правда, были подвергнуты критике Ф. Успенским, указавшим на ряд несоответствий информации ибн-Хордадбега византийским источникам [Успенский 2001, с. 149–154]. Но если допустить, что из выделенных нами на основании анализа поясов рангов, ранг I — рядовые; ранг II — декархи (одна бляшка); ранг III — кентархи (4 бляшки); ранг IV — “комиты”; ранг V — “друнгарии” то, во-первых, мы сталкиваемся с несомненным несоответствием византийского статуса рангов IV–V с реальным наполнением кочевнических комплексов с такими поясами, наоборот отражающими чисто “варварский” облик поясов, во-вторых, нарушается взаимозаменяемость ранговых знаков рангов II–IV. Ещё один факт “против” — все известные нам пояса с 4 бляшками из достоверной зоны византийского влияния (Нижнее Подунавье, Крым, Восточное Причерноморье, Закавказье) состоят из щитовидных бляшек только одного типа, тогда как у кочевников ярко проявляется принцип пополнения пояса бляшками других типов. Вполне понятно, что параллели с византийской знаковой системой поясов в нашем случае поверхностные, хотя мы не просто допускаем, а практически уверены в том, что в поясных наборах “геральдического” стиля, принадлежащим реальным византийским федератам, наблюдаемая система щитовидновидных бляшек 1–4 действительно отображает ранги декархов и кентархов.

Более точно числовая система 0–1 — 4–5 — 10 кочевнических поясов соответствует общетюркской традиции деления войск на отряды по 10, 40, 50, 100, 1000, 10000 человек. Военные ранги тюрков назывались соответственно численности отряда: он баши, кырк баши, элиг баши, джюс баши, бынга баши, тюмен баши, общий же термин “начальник отряда” звучал как *qor başu* [Сравнительно-историческая грамматика..., с. 567, 568]. С.Г. Кляшторный считает формы титула *qurqarın* и *qorqarın* параллельными [Кляшторный, Лившиц 1971, с. 142], поэтому вполне очевидной оказывается взаимосвязь всех оттенков титула “куркапын” — “держатель отряда/чина/пояса”. Ранг куркапына получал уже начальник самого маленького отряда — он баши (десятник), затем, благодаря военной сноровке, он становился кырк баши (командиром сорока). Термин *elig başu* (командир пятидесяти), вероятно, совершенно не случайно звучит одинаково с древнетюркским *elig* — “правитель” [Сравнительно-историческая грамматика..., с. 320]. Командиру отряда в 50 человек подчинялись 5 “десятников” (он баши) и один “командир сорока” (кырк баши), т.е. речь шла уже о людях очень уважаемых, а на практике — в основном о представителях знатного рода — “тарханах”. Судя по историческим примерам, сотней всегда командовали только представители знатных родов (тарханы и беги), поэтому звание “сотника” — джюс баши — можно уверенно отдать родовой знати.

Реконструкция символики чисел древних культур всегда гипотетична, поэтому настаивать на реальности предложенных ответов, как правило, трудно. Но в нашем случае ситуация неожиданно точно

совпала с хорошо известной по письменным, этнографическим и лингвистическим источникам системой, которая позволяет отождествить ранги “геральдических” поясов кочевников Восточной Европы VII в. именно с тюркскими военными должностями: ранг I — рядовые; ранг II — он баши; ранг III — кырк баши; ранг IV — элиг баши; ранг V — джюс баши. Наиболее важным признаком совпадения систем является “рубикон” рядовых “серебряных” поясов и знатных “золотых”, пролегающий между рангами кырк баши (4 бляшки) и элиг баши (5 бляшек). За исключением не совсем ясного случая с поясом из Малаев, для остальных рядовых кочевников звание “кырк баши” оказывается потолком карьеры, тогда как звучное звание “элиг баши” действительно переводило его собственника в число обладателей золотого пояса, украшенного золотой зернью не только на наконечниках, но и на ранговых бляшках основного ремня. Но, в отличие от византийской системы начальных командирских званий, пятая бляшка была действительно равноценной остальным, обозначая тот же десяток воинов, в то время, как гипотетические 5 бляшек комита должны были означать уже 5 кентархий, т.е. относиться совершенно к другому типу, чем бляшки, обозначающие декархии.

„Нестандартные” военные формирования, противоречащие нашей версии, мы наблюдаем в основном в зоне золотых поясов, т.е. поясов знати. В Арцибашеве и п. 2 к. 2 Васильевки, а также, возможно, Иловатке, Портовом и Мадаре отдельно выделяются два элемента, которые в Арцибашеве достоверно означали начало формирования пояса, т.е. этот командир проходил через стадию командования отрядом в 20 человек. Пряжка из Иловатки, так же, как и из Портового, инкрустирована камнем — этот человек также не относился к рядовым „десятникам”, тем более это явно на примере из погребённых в п. 2 к. 2 Васильевки и Мадары. Напрашивается предположение, что знатные воины имели привилегию собирать дополнительный личный отряд и уже изначально командовать не десятком, а 20 воинами (звание “эрми баши”). Объясняет это предположение уже упомянутое в начале статьи существование бедных эров (“эров, подобных рабам”), зависимых от знати и выступавших на войну на лошадях и в снаряжении, одолженных у знати. Практика личных военных отрядов знати была широко распространена в войсках типа феодальных ополчений и, конечно же, она зафиксирована письменными источниками и у тюрков.

Несколько выпадают из системы и золотые пояса из Мадары и Старонижестеблиевской, где однотипных круглых бляшек в комплекте 9, а не 10. Впрочем, Р. Рашев к поясу из Мадары относит только 8 маленьких бляшек [Рашев 2004, с. 176], т.е. здесь получается всё та же система 2+8. С другой стороны, в других погребениях мы не знаем случаев использования бляшек со вставками, однотипных с поясными “ранговыми”, в других целях. Хороший пример — п. 3 к. 5 Виноградного, где круглые бляшки использованы для украшения оголовья (2 экз.), портупей меча (2 экз.), Р-образных скоб ножен (4 экз.) и пояса

(3 экз.), но все эти 4 группы бляшек разных размеров. Нельзя исключать и другой вариант объяснения. Погребение из Старонижнестеблиевской, несмотря на датировку нач. VIII в., отличается от других известных погребений Восточного Приазовья по обряду [Атавин 1996, с. 231], но именно эти отличия — строгая северная ориентировка, характерная для могильников Болгарии VIII–IX вв., и расположение костей лошади справа от скелета, находящее аналогии в п. 33 могильника Нови Пазар [Станчев, Иванов 1958, обр.: 8], сближают погребение из Старонижнестеблиевской с обрядом болгар-унногунду-ров, т.е. не исключено, что в рассматриваемом случае речь идёт об особой традиции поясов унногунду-ров.

Если значение выделенных ранговых элементов Y, W, U, O на поясе в целом оказывается тождественным и означает количество десятков воинов, находящихся в подчинении у данного куркапына, то что обозначал элемент X — “двурогие” бляшки? Существование поясов варианта Пб, казалось бы, указывает на особый чин, маркировавший этим символом. Но при более строгом рассмотрении этот тезис оказывается уязвимым, поскольку “двурогая” бляшка в п. 3 Рябовки обнаружена в засыпке погребения, а в п. 7 к. 7 Христофоровки местонахождение поясных деталей не задокументировано. В других комплексах “двурогие” бляшки всегда сопровождаются щитовидными. “Десятник” из Иловатки, “сороковники” из Сивашовки, Бережновки, Малаев и п. 10 к. 4 Калининской носили по одной “двурогой” бляшке. Две бляшки носили “десятник” из п. 1 к. 2 Васильевки и “пятидесятник” из Портового, три — “сороковник” (?) из Чапаевского, а четыре — “сороковник” из Черноморского и “сотник” из Уч-Тепе. Последний случай, пожалуй, означает, что 4 “двурогих” бляшки маркировали “высшее” возможное звание этого чина.

При отборе только поясов группы Б обнаруживаем интересную закономерность: “двурогих” бляшек нет на поясах из п. 1 к. 2 Васильевки, Крупского, Арцибашева, Виноградного, где присутствуют серебряные щитовидные бляшки, отражающие командование начальными отрядами в 10 и 20 чел. (рис. 6; 7). А в поясах из п. 2 к. 2 Васильевки и Мадары, как уже отмечалось, вместо щитовидных бляшек на поясе присутствуют по две бляшки другого образца (рис. 7: 12, 21, 32, 42). В выполненных же одноразово поясных наборах из Портового и Уч-Тепе “двурогие” бляшки есть (рис. 6: 36, 37; 7: 51, 54, 61, 64), и их значение, в таком случае, — это символика начального ранга собственника пояса, т.е. подчёркивание, что “пятидесятник” из Портового начал карьеру “двадцатником”, а знатный “сотник” из Уч-Тепе — “сороковником”.

На поясах группы Б такая трактовка также могла бы сработать для поясов с одной “двурогой” бляшкой (“экс-десятники”), если бы не пояса из Черноморского и Чапаевского. В двух последних погребениях “двурогие” бляшки явно были дополнены вторым комплектом, причём в Черноморском в количестве 4 экз., а в Чапаевском — 3 экз., т.е. они просто “сопровождали” ранговые щитовидные бляшки. Подоб-

ная ситуация больше напоминает использование “двурогих” бляшек как своеобразных “разделителей” на поясе, усиливающих его внешнюю эффектность, но не влияющих на реальный военный ранг. Подтверждает данное предположение и возраст мальчика из п. 3 Рябовки — 10–11 лет (определение Т.В.Томашевич), который вряд ли мог получить уже самостоятельный военный чин.

Впрочем, нельзя полностью исключать и вариант, что “двурога” бляшка могла обозначать должность помощника командира — “заместителя”, “правую руку”. В таком случае ранг X — это “правая рука десятника”, ранг YX — “правая рука сороковника”, ранг YYYXXX X — “правая рука пятидесятника” и т.д. Такое обилие “заместителей”, конечно, вызывает скепсис, но, с другой стороны, ведь карьерный рост несомненно подразумевал сначала должность помощника и лишь затем — реального командира более крупного подразделения.

Сложнее оценить значение деталей поясов наивысшей знати. В Келегеях сохранилось 2 псевдопряжки, а в Ясиново и в Вознесенке — 3 и 5 U-образных бляшек. Следующий после “сотни” классический тюркский отряд — это “тысяча” (бынга), затем “десять тысяч” (тюмен). Учитывая разницу в ранге между Ясиново и Вознесенкой, можно предположить, что собственники поясов из Келегеев и Ясиново были вождями “нестандартных” военных подразделений в 2 и 3 тысячи человек, а правитель, в честь которого был воздвигнут Вознесенский поминальный комплекс — армии в 5 тюменов, т.е. 50 тыс. воинов. Но “нестандартность” подразделений из Келегеев и Ясиново наталкивает и на другой вариант объяснения: речь шла о главах больших родов или племён, т.е. бегах, которым подчинялись соответственно 2 и 3 рода. Правитель из Вознесенки, в таком случае, оказывался главой 5 племён, а собственник самого богатого комплекса из Перещепины — 10-ти племён. Напомним, деление на 10 “стрел” известно у древних тюрков, начиная с племени Ашина, а в Западнотюркском каганате эта система приобрела всеобщий административный характер. Также деление на 10 племён известно и у болгар-уногундуrow.

В этой схеме “перещепинский” правитель оказывается главой 10 племён-“стрел”, т.е. верховным правителем; “вознесенский” — главой “крыла” в 5 племён; а беги из Келегеев и Ясиново (ранг VI) — главами 2–3 крупных родов или племён, возможно, даже действительно выставлявших по 2–3 “тысячи” воинов. Ранги IV–V принадлежали родовой знати — тарханам; ранги II–III — военачальникам простого происхождения — “куркапынам” и начинающим тарханам, которых вполне разумно не допускали до самостоятельного командования подразделениями в 40–50 человек без получения необходимого военного опыта, хотя и позволяли набрать дополнительный “личный” отряд из 10 зависимых бедных воинов. Наиболее же массовый ранг I составляли “конные воины”, также выделявшиеся, тем не менее, из среды “чёрного народа” — кара бодун.

Описанная военная и социальная структура, конечно же, могла быть характерной не только для народов Тюркского каганата, но и

других крупных кочевнических образований, основу которых составляли народы тюркского происхождения. Отметим другое: знаковая система поясов, до мельчайших деталей маркирующая место и ранг человека в военно-социальной лестнице, — это несомненный признак чётко стратифицированного государственного образования, проводящего активную агрессивную военную политику. Традиция рангового пояса была чрезвычайно развитой в Тюркских, Аварском, Хазарском, Уйгурском каганатах, у венгров „эпохи завоевания родины”, в Древней Руси начальных фаз истории (X в.) и т.д. Но, как показывают примеры тех же Аварского и Хазарского каганатов, как только государства переставали ориентироваться на захватнические войны, пояса рядовых членов общества полностью унифицировались, становились однообразными, так что роль маркера играл уже лишь материал изготовления — бронза, серебро, золото, а главным критерием стратификации становились не военные ранги, а лишь социальное положение.

Можно вспомнить и другой пример — п. 5 к. III Мадары ярко свидетельствует о том, что поколение знати унногундуров, вырвавшееся из среды раннего Хазарского каганата и отвоевавшее у Византии место для поселения на Дунае, ещё было носителями традиции ранговых военных поясов. Но в VIII–IX вв., несмотря на существование собственной развитой системы сословной стратификации, а также на соседство с Аварским и Хазарским каганатами, где традиции ранговых поясов активно продолжали развиваться, праболгарские могильники содержат лишь единичные поясные детали позднеаварского облика, хотя редкий оригинальный болгарский тип наборного пояса этого времени известен по другой находке из Мадары [Ваклинов 1977, вклейка]. Этот пример иллюстрирует, что идеи глубокой стратификации общества по военно-социальному признаку, развивавшиеся в соседних Аварском и Хазарском каганатах, были чуждыми болгарскому обществу. Возможно, именно этим объясняется также резко контрастирующая редкость находок поясных наборов в зонах компактного проживания болгар в ареале салтовской культуры — донецко-луганский степной вариант (“чёрные болгары”), а также в Волжской Булгарии, где “беспоясные” в основной массе погребений болгарские могильники также ярко контрастируют с соседними венгерскими Больше-Тиганским и Танкеевским могильниками.

Чётко отлаженная многоуровневая военно-социальная стратификация общества, отражённая в поясных наборах кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII в., вне всякого сомнения, не могла стать следствием эпизодического всплеска военной активности какого-либо тюркского народа — она однозначно опиралась на мощные государственные традиции, вынесенные из среды I Тюркского каганата. И наиболее ранняя Бугутская надпись (ок. 581 г.), и более поздние надписи в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина (735 и 732 г.) декларируют идею божественного происхождения государственной власти и социальной структуры Тюркских каганатов, считая их

фундаментом единства народа и государства, основой имперской идеологии [Кляшторный 2003, с. 491–494].

Перед нами “визуализованное” воплощение подобной идеи в поясах, вполне возможно, заимствованное у византийцев во время общих тюрко–византийских войн против Ирана 627–629 гг. Идею заимствования явно подсказала похожая структура начальных военных отрядов в 10 и 40 человек, далее же, начиная с уровня “пятидесятника”, военные системы расходились, что и вынудило кочевников создавать собственные, совершенно отличные от византийских типы поясов “пятидесятников” и “сотников”. Создание подобной системы рангов можно связать с именем союзника Ираклия — тюркского шада — племянника западнотюркского Тон-джабгу кагана, по нашему мнению, и ставшего основателем хазарской ветви каганской династии Ашина [Комар 2000; 2005].

Литература

- Айбабин А.И.* Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3. С. 191–205.
- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднееримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. С. 3–86.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. 350 с.
- Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половине VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. 1981. С. 10–23.
- Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 31–88.
- Атавин А.Г.* Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины 1 тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 208–264.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтовомаяцкая культура). К., 1990. 168 с.
- Безуглов С.И.* Погребение кочевника VII в. н.э. на Нижнем Дону // СА. 1985. № 2. С. 248–252.
- Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1992. 270 с.
- Богачёв А.В.* Кочевники Лесостепного Поволжья V–VIII вв. Самара, 1998. 108 с.
- Божиллов И., Димитров Х.* Protobugarica (заметки по истории протоболгар до середины IX в.) // Byzantinobulgarica. София, 1995. Т. IX. С. 7–61.
- Ваклинов Ст.* Формиране на старобългарската култура VI–XI век. София, 1977. 294 с.
- Гавритухин И.О.* Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Самара, 2001. Т.2. С. 31–86.

- Генинг В.В., Корпусова В.Н.* Археологические памятники Крымского Присивашья. Курганы у с. Богачёвка. К., 1989. 55 с.
- Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. 162 с.
- Егорьков А.Н., Щеглова О.А.* Металл “антских” кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 280–307.
- Ивченко А.В.* Кочевнические погребения второй половины VI — VII веков в Северном Приазовье // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1999.
- Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. 560 с.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. 1971. Вып. X. С. 121–146.
- Ковалевская В.Б.* Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 95–118.
- Ковалевская В.Б.* Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000.
- Колотухин В.А.* Отчёт о раскопках курганов в зоне строительства второй очереди Северо-Крымского канала в 1983 г. Симферополь, 1984. 132 с. НА ИА НАНУ. — № 1983/8.
- Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // *Vita Antiqua*. 1999. № 2. С. 111–136.
- Комар А.В.* Поясной набор “глодосской” традиции из Вознесенки // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2003. С. 49–52.
- Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т. IV. (в печати).
- Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С.* Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т. IV. (в печати).
- Комар А.В., Орлов Р.С., Симоненко А.В.* Погребение кочевника второй половины VII в. у с. Черноморское // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2005. Т. IV. (в печати).
- Комар О.В.* Монограми перещепинського комплексу // *Східний Світ*. 2000. № 1. С. 123–131.
- Комар О.В.* Населення степів Північного Причорномор'я VI — початку VIII ст. Автореф. канд. дис. К., 2002. 20 с.
- Корзухина Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга “древностей антов” в Среднем Поднепровье (каталог памятников) // МАИЭТ. 1996. Вып. 5. С. 352–435, 586–705.

- Кубышев А.И., Дорофеев В.В. и др.* Отчёт о раскопках Херсонской археологической экспедиции Института археологии АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1984 г. К., 1985. 219 с. НА ИА НАНУ. № 1984/11.
- Кызласов И.Л.* Эпитафия из Саргал-Аксы (Тува) // РА. 1993. № 3. С. 221–227.
- Мойсей Каганкатвацц.* История агван. Спб., 1861.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. 263 с.
- Обломский А.Н., Терпиловский Р.В.* Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 167–172.
- Орлов Р.С.* Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в 1 тыс. н.э. К., 1985. С. 98–105.
- Орлов Р.С., Рассмакин Ю.Я.* Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. К., 1996. С. 102–116.
- Плетнева С.А.* Подгоровский могильник // СА. 1962. № 3. С. 241–251.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 146. С. 1–196.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989. 288 с.
- Приходнюк О.М.* Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). К.-Чернівці, 2001. 284 с.
- Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993. 570 с.
- Распопова В.И.* Поясной набор Согда VII–VIII вв. // СА. 1965. № 4. С. 78–91.
- Рашев Р.* Прабългарите през V–VII век. София, 2004. 348 с.
- Рыков П.* Поздне-сарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевки, Саратовской губернии. Саратов, 1929. 5 с.
- Семёнов А.И.* К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Учтепе // КСИА. 1987. № 192. С. 59–66.
- Синицын И.В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки СГУ. 1947. Вып. XVII. С. 3–134.
- Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953) // МИА. 1959. № 60. С. 39–205.
- Сокровища хана Кубрата.* Перещепинский клад. СПб., 1997. 333 с.
- Станчев С., Иванов С.* Некрополът до Нови Пазар. София, 1958. 229 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика.* М., 2001. 820 с.

- Успенский Ф.И.* История Византийской империи. М., 2001. Т.2. 623 с.
- Феофилакт Симокатта.* История. М., 1996. 272 с.
- Шилов В.П.* Очерки по истории древних племён Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Щепинский А.А., Черепанова Е.Н.* Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до н.э. — Симферополь, 1969. 328 с.
- Balint Cs.* Vestiges archeologiques de l'epoque tardive des Sassanides et leurs relations avec les peuples des steppes // ААН. 1978. Т. XXX, F. 1–2. S. 173–212.
- Balint Cs.* Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe // AWARENFORSCHUNGEN. Wien, 1992. B.1. S.309–496.
- Balint Cs.* Byzantinisches zur Herkunftsfrage des vielteiligen Gürtels // Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert. Budapest, 2000. S. 99–162.
- Ebert M.* Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Sud-Russland) // Praehistorische Zeitschrift. Leipzig, 1913. B.V, h.1/2. S.1–80.
- Fiedler U.* Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bonn, 1992. B. II. T. I. 347 s.
- Prichodjuk O., Chardaev V.* Ein Edelmetallfund des 6.–7. Jahrhunderts aus Keledej, Ukraine // Eurasia antiqua. 2001. B. 7. S. 585–613.
- Prichodnyuk O., Fomenko V.* Early medieval nomad's burials from the vicinity of the village of Hristoforovka, the district of Nikolaevo, Ukraine // Archaeologia Bulgarica. Sofia, 2003. P. 107–116.

ПЛИТОВЫЕ НЕКРОПОЛИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ VIII-XV ВВ.

Одним из интересных и многочисленных источников по истории Крымского средневековья являются плитовые христианские некрополи, расположенные возле храмов и содержавшие, подчас, несколько сотен погребений. Они известны на побережье как юго-западной, так и юго-восточной Таврики, на Керченском полуострове и в районе т.н. “пещерных” городов [Харузин 1890, с. 1–101; Махнева 1968, с. 155–168; Баранов 1990, с. 106–109; Айбабин 1990, с. 175, рис. 1; Романчук 1983, с. 117–120; Ачкинази, Петровский 1997, с. 31–35]. Одним из районов наибольшего сосредоточения плитовых могильников в юго-восточном Крыму является Судакская долина. Тут в разные годы раскопано целиком или частично 27 различных по величине некрополей, так или иначе связанных со средневековой Сугдеей (рис. 1). Большая часть из них является прихрамовыми.

Рис. 1. Месторасположение плитовых некрополей в районе современного г. Судака.

К сожалению, за более чем 50-летнее целенаправленное изучение городских некрополей Сугдеи, они оказались практически не опубликованными. Этот пробел и призвана восполнить предлагаемая работа. Осознавая всю масштабность работы, совершенно очевидно, что на первом этапе необходимо составить список городских могильников

средневековой Сугдеи и как можно более точно определить количество изученных погребений. Определение хронологии некрополей на основании анализа погребального инвентаря и сопоставление их с конкретными периодами в истории средневекового города является следующим этапом разработки этой обширной темы. Исходя из этого, главной задачей публикуемой статьи и является решение первых двух задач при беглом рассмотрении состояния исследованности вторых двух.

Рис. 2. Месторасположение городских некрополей на посаде и на территории средневековой Сугдеи.

Изучение городских некрополей Сугдеи-Солдаи (рис. 2) было начато группой А.А. Фомина, работавшей в Судаке по командировке Главнауки РСФСР в 1928 г. Один из участников этой группы Л. Новиков обнаружил и открыл многообрядовый могильник на северном склоне г. Полвани-Оба (Болван). Были зачищены 9 могил трех типов: плитовые, плитовые, перекрытые досками, и грунтовые, перекрытые досками [Новиков 1929, с. 131–137]. В 1936 г. в юго-восточном Крыму проводил разведки Институт антропологии МГУ во главе с О.Н. Бадером. Отмечены были и средневековые памятники. Так в ближайших окрестностях средневековой Сугдеи был выявлен ряд плитовых захоронений с инвентарем [Бадер 1940, с. 150–174]. В 1948 г. Крымской научно-исследовательской базой АН СССР был организован Судакский отряд тавро-скифской экспедиции под руководством Н.В. Пятшыевой. Был отмечен могильник возле с. Уютное и начато исследование мо-

гильника на г. Ай-Георгий близ Сугдеи, где зачищена одна плитовая могила с остатками византийской ткани IX–X вв. [Баранов 1990, с. 107]. В эти же годы разведки городских некрополей проводил А.Я. Гафнер. По его сведениям, в западной части крепости и за ее пределами на бывшем участке Холодовской и за городским рвом к северу от безымянной башни № 4, на участке Германа Гроссе, были вскрыты плитовые могилы, содержащие множество погребенных (от 15 до 150). Среди погребального инвентаря были зафиксированы бусы, стеклянные и бронзовые браслеты, бронзовые пуговицы [Бабенчиков 1953а, с. 23]¹.

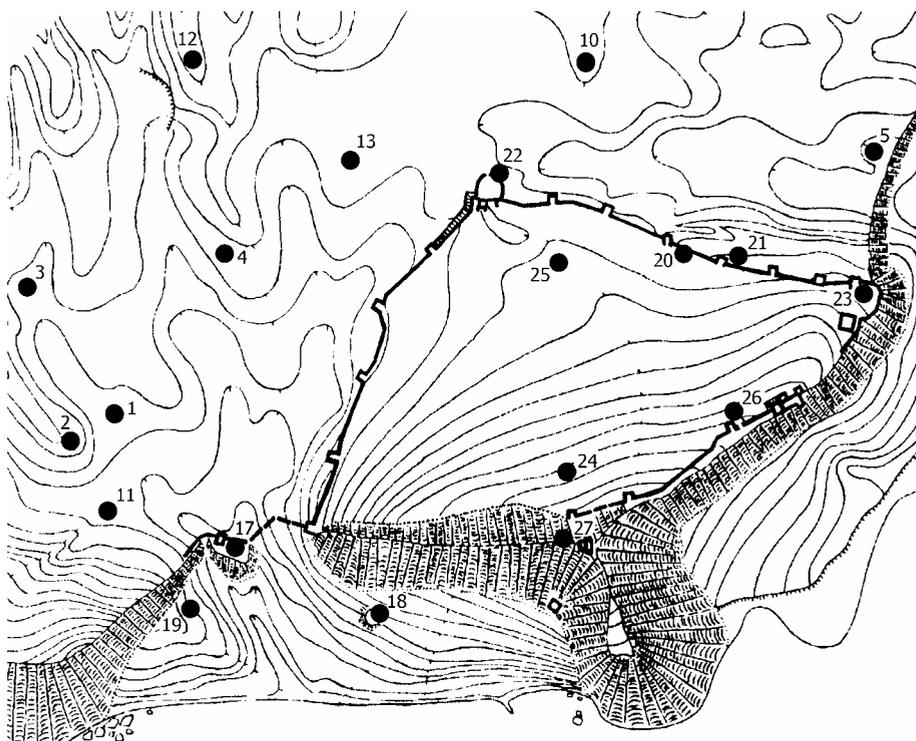

Рис. 2а. Месторасположение городских некрополей на посаде и на территории средневековой Сугдеи.

В 1953 г. обширные разведки в Судакской долине проводила экспедиция под руководством В.П. Бабенчикова. Открыт могильник у начала шоссе в пос. Новый Свет, где исследовано 4 плитовые могилы. Рядом открыт еще один могильник, где зачищено 5 могил, в том числе раннесредневековая, перекрытая плитовой могилой. Кроме того, было продолжено исследование могильника на западном отроге г. Ай-Георгий, где раскопано 5 могил, давших богатую коллекцию византийских тканей [Бабенчиков 1953; Бабенчиков 1953а, с. 28–31]. В 1964–1976 гг. в Судакской долине работала экспедиция под руководством М.А. Фронджуло. Были полностью исследованы некрополи,

¹ К сожалению, полевая документация об этих разведках, место хранения находок и какой-либо отчет мне неизвестны.

открытые В.П. Бабенчиковым, раскопан позднесредневековый некрополь на юго-западном участке посада средневековой Сугдеи, а также частично исследовано 7 некрополей, содержавших от 1 до 12 погребений и отдельные плитовые могилы в окрестностях Судака [Фронджуло 1974, с. 139–150]. С 1977 по 2001 гг. Судакская экспедиция под руководством И.А. Баранова повела исследования некрополя на юго-западном участке посада Сугдеи, частично раскопаны 5 некрополей на территории самой Сугдеи, 3 на территории средневекового городища и 3 на ее посаде [Баранов 1991, с. 101–121; Баранов 1994, с. 37–42; Баранов, Майко 1994, с. 43–47]. В эти же годы прихрамовые плитовые некрополи были исследованы А.И. Айбабиным возле туристической гостиницы “Горизонт” близ Судака [Айбабин, Долгополова 1979, с. 287–288], В.Г. Туром на горе Перчем и А.М. Фарбеем на юго-восточном участке посада Сугдеи [Тур 1997, с. 117–125; Фарбей 2001, с. 60–62]. В 2002 г. исследование прихрамового некрополя возле церкви Параскевы на посаде Сугдеи проводила юго-восточная экспедиция КФ ИА НАНУ под руководством Е.А. Айбабиной.

В вопросе о времени и причинах появления плитовых могил в Таврике существует несколько точек зрения. В русле концепции М.А. Фронджуло, подобный обряд погребения унаследован местным населением от позднеантичного Боспора [Фронджуло 1974, с. 150]. Такого же мнения придерживается и О.А. Махнева [1968, с. 166–168]. И.А. Баранов считал главной причиной появления в Крыму плитовых могил иконопочитательскую эмиграцию малоазийских греков в середине VIII в. [1974, с. 151–161; 1990, с. 108]. Наиболее обоснованная точка зрения была высказана А.В. Гадло и А.И. Айбабиным и поддержана другими исследователями, считающими причиной появления в Крыму плитовых могил с середины VII в. проникновение греческого населения после включения Таврики в состав Византийской империи и естественную христианизацию местного населения [Гадло 1969, с. 10–14; Айбабин 1990, с. 69; Белый, Белый, Лобода 1993, с. 160–174; Герцен, Могаричев 1992, с. 182–183]. А.И. Айбабин разделяет все плитовые захоронения средневекового Крыма на три основные группы [1993, с. 121–134].

Попытки создания морфологической типологии плитовых могил, предпринятые как отечественными, так и зарубежными исследователями [Махнева 1968, с. 165–167; Jelovina 1976, p. 180–181; D’Andria 1978, p. 157–180; Jelovina 1980, p. 177–181; Preda 1980; Wiseman 1967, p. 402–428], не обеспечили выделения устойчивых морфологических и хронологических типов. Проникнув на территорию полуострова в уже сформировавшемся виде, обряд погребения в плитовых могилах оставался практически неизменным на протяжении всей эпохи средневековья. Единственным путем хронологического членения этого типа погребальных сооружений остается корреляция характера погребального сооружения и погребального инвентаря. Усложняется данное обстоятельство и тем, что последний крайне малочислен и в большинстве случаев имеет широкие хронологические рамки бытования.

Очевидно, что разные типы плитовых захоронений сосуществовали одновременно. Необходимо учитывать и косвенные данные: характер взаимного расположения могил (перекрытие, пристройки, вторичное использование и т.п.) и месторасположение на территории могильника.

Сквозная нумерация некрополей была предложена в свое время М.А. Фронджуло. В данной работе она сохранена и дополнена. Некрополи, открытые в последние два десятилетия, названы по месту их обнаружения и связи с раскопанными культовыми объектами, к которым они относятся. Рассмотрим, прежде всего, некрополи, расположенные на посаде средневековой Сугдеи за пределами крепостных стен.

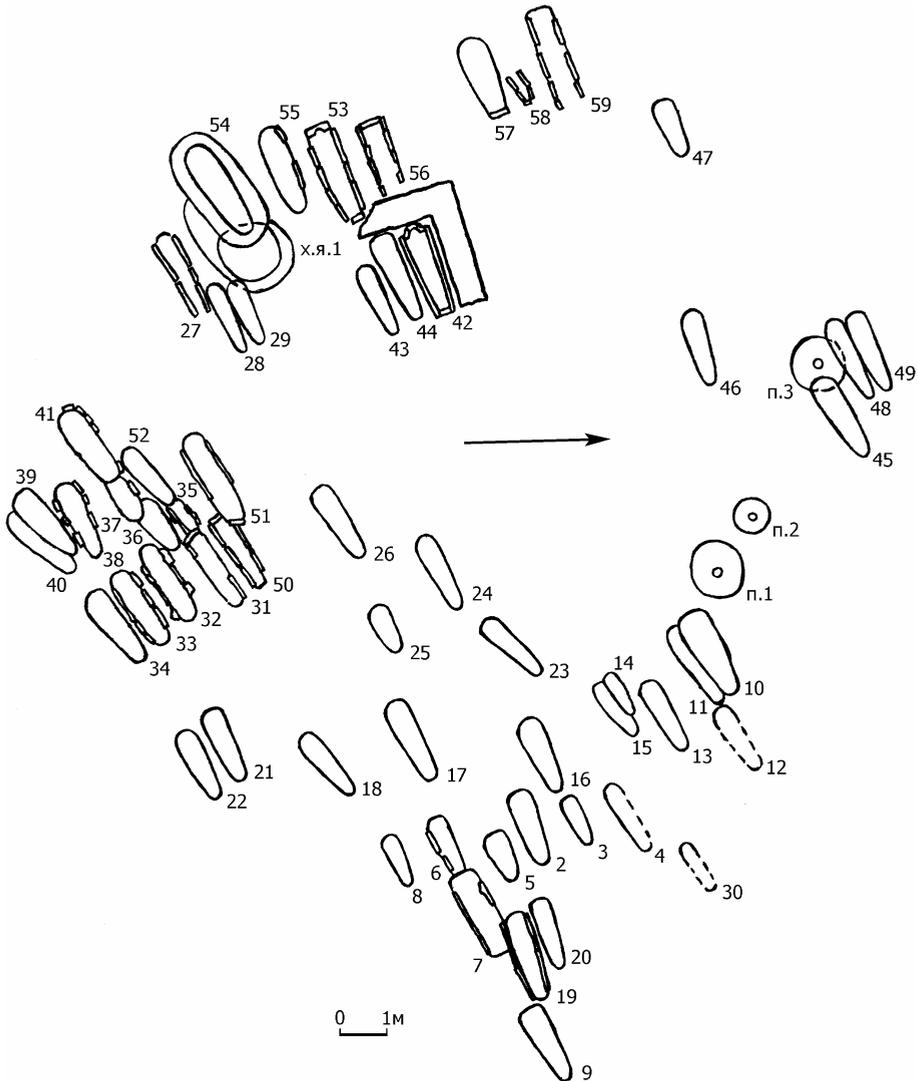

Рис. 3. План некрополя Судақ-І (сквозная арабская нумерация некрополей соответствует номерам на общей карте их месторасположения).

1. Могильник Судак-I. Расположен на небольшой возвышенности к северо-западу от дороги Судак-Новый Свет на месте 1 спального корпуса пансионата ЛЖД (рис. 3). Исследовался М.А. Фронджуло в 1963/64 гг. [Фронджуло 1974, с. 146–147]. Всего раскопано 59 могил, которые можно условно разделить на три группы. Первую (10 шт.) составляют плитовые могилы, в том числе 2 с полукружием в головах, выдолбленном в монолитном блоке. Вторую — могилы, чаще всего хаотически обложенные камнем или плитами по бокам ямы (11 шт.). Третью, самую многочисленную (17 шт.), составляют грунтовые могилы. Перекрытие большей части из них не прослежено (10 шт.), две грунтовые могилы были перекрыты деревом, пять — сланцевыми плитами. К сожалению, 21 могила была разрушена при проведении строительных работ². В западной части могильника обнаружены остатки фундаментов северо-западного угла христианской часовни XIII — XIV вв. Сохранившаяся длина северной и западной стен составляет соответственно 2,90 и 1,50 м. Единственный относительно богатый погребальный инвентарь, поддающийся приблизительной датировке, обнаружен только в одной могиле (№ 57). Датируется он в рамках XII — первой половины XIII вв. Исходя из того, что могила расположена к северо-западу от сохранившегося угла храма, именно в это время и возникает некрополь. Остальной, крайне малочисленный погребальный инвентарь, обнаруженный всего в 6 могилах (стеклянный перстень, бронзовые пуговицы-подвески, фрагменты бронзовых колец и железных изделий), имеет очень широкие рамки бытования и встречается в погребениях XIII — XIV вв.

Уточнить время постепенного прекращения функционирования некрополя позволяет комплекс хозяйственных ям, исследованных в юго-восточной части некрополя. В 0,60 м к востоку от могилы 8 расположена хозяйственная яма № 1, овальная в плане. Наибольший ее диаметр составляет 0,65 м, а наименьший — 0,40 м. В заполнении объекта обнаружены фрагменты керамики, датируемой не ранее середины XIV в. С севера к этой хозяйственной яме примыкает еще одна, также овальной формы, диаметром 0,70–0,80 м. В ее заполнении обнаружено большое количество золы. Вокруг западной стороны ямы зачищены пять углублений-ямок, вероятно от временного навеса. В 0,70 м к западу от ямы 1 обнаружена яма 3, уходящая в борт траншеи. В ее заполнении обнаружены фрагменты железных изделий и мелкие фрагменты керамики, синхронной заполнению ямы 1. Эта яма как раз и перекрыта могилой 8. В 0,20 м к северу от ямы 3 расположена круглая в плане хозяйственная яма 4, диаметром 0,48 м. Таким образом, вероятно, некрополь прекращает существование во второй половине XIV в.

² По мнению М.А. Фронджуло некрополь содержал как минимум 200 погребений, полностью разрушенных при проведении строительных работ (1974, с. 146).

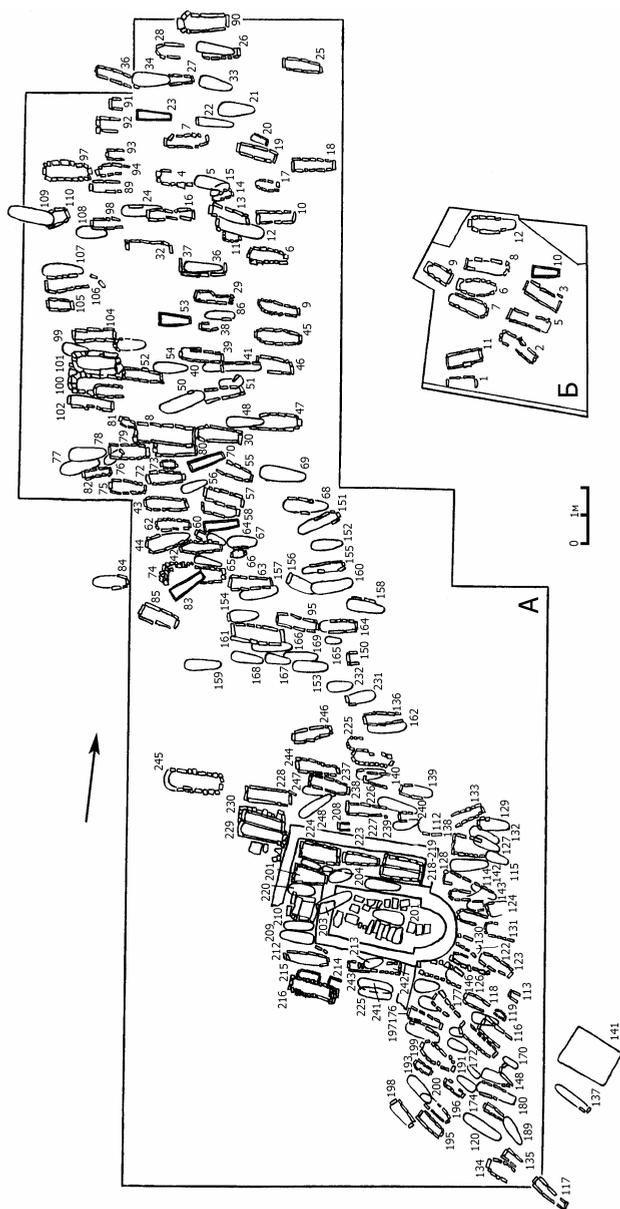

Рис. 4. План некрополя Судаки-II. А — раскоп 1964–66 гг., Б — раскоп 1982 г.

2. Могильник Судаки-II. Расположен на северо-западной окраине посада, за столовой пансионата ЛЖД (рис. 4). Вероятно, впервые некрополь был обнаружен разведками В.П. Бабенчикова в 1953 г. [Бабенчиков 1953, с. 30]. Тогда же на самом холме было исследовано 4 плитовых захоронения. Интересно, что два из них, выложенные из массивных сланцевых плит, имели закругление в головах, сделанное из обточенных блоков песчаника. Почти все могилы содержали несколько ярусов погребенных. Погребального инвентаря обнаружено не было. У подножия холма, на котором располагался некрополь, тогда же

было раскопано еще 5 погребений, три детских и две взрослых³. Наибольший интерес представляла могила № 5, перекрытая плитовым захоронением № 4. Погребение оказалось грунтовым, перекрытым поперечными можжевельновыми плахами. Захоронение совершено было в вытянутом положении, кисть правой руки располагалась под тазом, левой — на поясе. Здесь же на поясе была обнаружена бронзовая пряжка типа Суук-Су, а возле левого бедра железный нож. В 1964/66 гг. могильник практически полностью был исследован М.А. Фронджуло [Фронджуло 1974, с. 147–150]. Последние исследования памятника были проведены И.А. Барановым в 1982 г., открывшим еще 12 захоронений. Всего исследовано 284 плитовых и грунтовых могилы IX — XVIII вв.

К первому периоду в истории формирования некрополя относится возведение небольшого христианского храма. От последнего сохранились фундаменты и частично каменный пол. Пристройка к нему сложена техникой кладки “в елку”. Храм возведен над каменным склепом с коробовым перекрытием. Последнее вошло составной частью в конструкцию вымостки пола церкви. Фундаменты и стены склепа сложены на глине из бута и плит песчаника, а коробовый свод — из обработанного местного известняка на известковом растворе [Фронджуло 1974, с. 147, 149]. Справа и слева от входа в склеп располагались лежанки. Характерной особенностью является сооружение стенок дромоса в характерной для тюрок юго-восточного Крыма технике кладки “в елку”. Совершенно аналогичные дромосы исследованы в погребальных сооружениях тюрок Сугдеи на участке куртины XIV Судакской крепости [Баранов 1991, с. 154–156]. Погребальный обряд ввиду плохой сохранности костяков восстановить сложно. Первоначальный ярус составляло расположенное в центре основное погребение, ориентированное, как и сам склеп, по оси запад-восток. Справа и слева обнаружено большое количество перемешанных костей. Черепа концентрировались в восточной части. Вероятно, склеп функционировал длительное время, во всяком случае, до начала XI в. Погребальный инвентарь немногочислен, но характерен для салтовских памятников Крымского полуострова. Изделия из бронзы представлены двумя перстнями, височным кольцом и пуговицами-подвесками. Изделия из стекла — двумя браслетами и разнообразными бусами. Кроме того, в состав погребального инвентаря входили фрагмент железного ножа и круглой пряжки с обломанным язычком и крупная перламутровая пуговица. В целом, погребальный инвентарь датируется не ранее середины IX в.

Кроме того, выделяется первоначальная группа плитовых захоронений синхронных возведению храма. Они расположены как на площади пристройки к нему, с внешней стороны культового сооружения, так и к северо-востоку от него. В некоторых случаях наблюдается достаточно четкая порядовка захоронений. По конструкции могилы

³ У В.П. Бабенчикова эти группы погребений рассматривались как отдельные некрополи, получившие условные названия Судак-II и Судак-III.

самые разнообразные, но преобладают захоронения прямоугольной формы, сложенные из блоков обработанного песчаника средних размеров на известковом растворе. Почти все погребения одноярусные или двухярусные, встречаются и парные захоронения. Основанием для датировки этой группы погребений, помимо расположения на некрополе, является немногочисленный погребальный инвентарь. По большей части он имеет широкие хронологические рамки бытования, но в целом характерен для второй половины IX — первой половины X вв.

Достаточно четко выделяется следующий хронологический тип погребений некрополя. Основанием для этого служит и конструкция погребального сооружения и многочисленный погребальный инвентарь [Майко, Фарбей 1997, с. 101–103]. Это плитовые могилы (всего их исследовано 21) подпрямоугольной формы, несколько сужающиеся к ногам. Восточная короткая и длинные стенки чаще всего сложены из поставленных на ребро крупных монолитных плит сланца. Западная же короткая стенка, сложенная из пиленых блоков песчаника, поставленных вертикально, представляет собой полукружие различной конструкции, в связи с чем можно выделить пять вариантов [Майко 2004, с. 217–219]. Обряд погребения в плитовых могилах всех вариантов — стабильный. Погребенные лежали на спине, головой на запад. Кисти рук чаще всего сложены на тазе или на груди. Количество погребенных, за исключением нескольких могил, колеблется от 2 до 6. Наблюдаются как случаи сдвигания костяков к одной из стенок каменного ящика при последующем захоронении, так и использование погребального сооружения в качестве костницы. Есть и долговременные коллективные погребения, где покойники располагались в два или даже в три яруса. Основанием для датировки служит разнообразный погребальный инвентарь, обнаруженный практически во всех анализируемых могилах. В целом он также имеет достаточно широкие хронологические рамки бытования, но, на основании аналогий, более всего характерен для второй половины X — XI вв.

На основании немногочисленного погребального инвентаря и месторасположения на могильнике можно выделить группу захоронений XII — первой половины XIII вв. Они морфологически очень разнообразны, присутствуют как одиночные плитовые могилы, составленные из блоков сланца, так и коллективные склепы, и парные погребения. Располагаются они в разных частях некрополя.

Следующий хронологический пласт составляют плитовые или обложенные камнем захоронения второй половины XIII — XVI вв. Расчленив их хронологически из-за минимального количества погребального инвентаря очень сложно. В основном они располагались внутри склепов первого хронологического периода или между рядами более ранних могил, иногда частично перекрывая их. К этому же хронологическому периоду относится и большая часть грунтовых могил, также перекрывающих более ранние захоронения. Вероятнее всего, храм в это время (со второй половины XIV в.) уже не функционировал.

Последнюю категорию могил составляют могилы в деревянных трапециевидных гробах. На основании находок нательных крестов и других датирующих вещей, они датируются не ранее середины XVIII в.

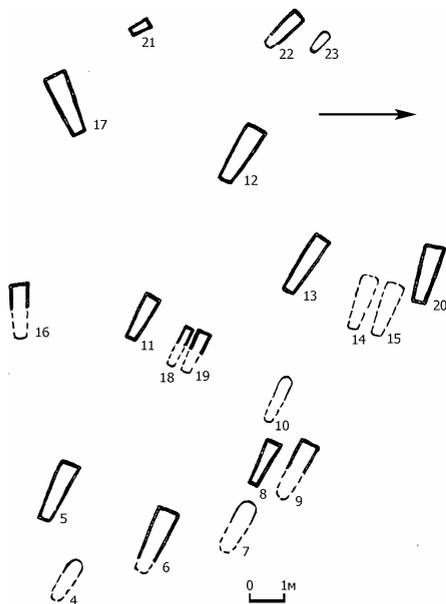

Рис. 5. План некрополя Судак-III.

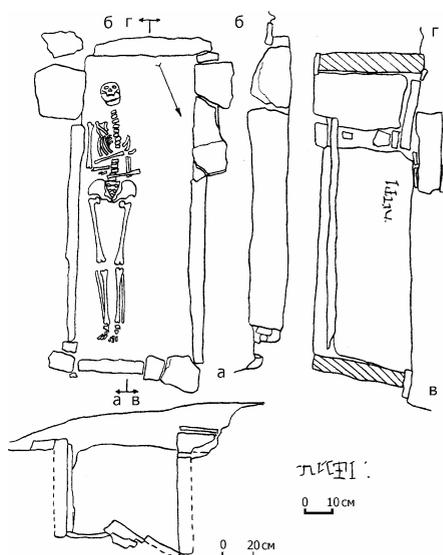

Рис. 6. Плитовое погребение некрополя Судак-IV.

3. Могильник Судак-III. Расположен на северной окраине пансионата ЛЖД, недалеко от дамбы (рис. 5). Охранные археологические наблюдения проводились М.А. Фронджуло в 1964 г. Зафиксировано 23 разрушенных строительными работами безинвентарных погребения в деревянных гробах, из которых зачищено 12. Автор раскопок датировал некрополь не ранее второй половины XVIII в.

4. Могильник Судак-IV. Расположен к северо-востоку от бывшего административного корпуса пансионата ЛЖД. В 1968 г. М.А. Фронджуло исследована 1 плитовая могила, ориентированная по оси северо-запад — юго-восток с небольшим отклонением к меридиану (рис. 6) [Фронджуло 1968, с. 13]. Могила прямоугольной формы сложена из массивных плит сланца. В юго-западной части длинные стенки доложены камнями и плитками сланца для последующих захоронений. Обнаружено 3 яруса костяков. Первый составлял хорошо сохранившийся костяк. Положение его вытянуто, кисть правой руки вытянута вдоль тела, левой — расположена на поясе. От черепа сохранилась только нижняя челюсть. Второй ярус образуют два сильно разрушенных костяка. Погребения не одновременны. Левый погребенный был частично сдвинут к стенке каменного ящика при последующем захоронении. Кроме них, в этом ярусе в изголовье могилы зачищено еще 5 черепов от предшествующих захоронений. Третий, первоначальный ярус составляет единичное, частично разрушенное погребение. Кисти рук захороненного в вытянутом положении располагались на противо-

ложных локтях. С внутренней стороны сланцевой плиты, являющейся западной длинной стенкой захоронения, прочерчено слово на иврите. Атрибутировать его пока не представляется возможным. Погребальный инвентарь отсутствует. Исходя из конструкции погребального сооружения, могила может датироваться не ранее второй половины X в.

5. Могильник Судак-V. Расположен слева от лестницы, спускающейся с ул. Рыбачья на ул. Морская на скальном обрыве, ограничивающим своей лицевой частью (с запада) Судакскую долину к северо-востоку от безымянной башни N 2 Судакской крепости. Обнаружен и исследовался М.А. Фронджуло в 1965 г. Зафиксировано 2 частично разрушенные плитовые могилы и три каменных плиты перекрытия могил, под которыми, не оказалось (рис. 7: 3–5).

В 1999 г. Судакским разведочным отрядом под руководством А.М. Фарбея было продолжено исследование некрополя [Фарбей 1999, с. 60-62]. Помимо 4 грунтовых и плитовых захоронений и склепа были обнаружены остатки христианского храма. Внутри помещения у центральной части западной стены зачищена детская могила № 1, синхронная культовому сооружению. По бокам погребенного зафиксированы остатки деревянного гробовища. С востока к погребению примыкали несколько камней, расположенных вдоль оси сооружения, представлявшие собой обкладку могилы № 2. В северо-западном углу храма зафиксированы несколько фрагментов черепов и длинных трубчатых костей, представлявших нижний горизонт многоярусного захоронения № 3. Возле юго-западного угла сооружения, вдоль южной стены пристроен в перевязь со стеной храма прямоугольный склеп I, сложенный на качественном известковом растворе. Стенки склепа поставлены непосредственно на скальную поверхность. Примерные размеры склепа по внутреннему периметру реконструируются как 2,20×0,70 м. В заполнении расчищены несколько черепов и длинных человеческих костей, располагавшихся без анатомического порядка. Возле черепов были обнаружены остатки обгоревшей ткани и задняя створка бронзового энколпиона. Датировается крест первой половиной XIII в. Внутри пристройки к храму, в северо-

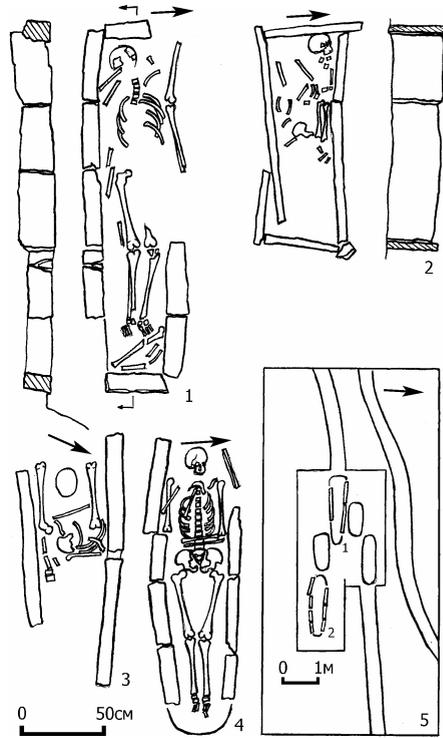

Рис. 7. Плитовые погребения и план некрополя Судак-V, VIII, X:1 — Судак-X, 2 — Судак-VIII, 3–5 — Судак-V.

западном углу обнаружены несколько разрозненных человеческих костей и три черепа (могила № 4). Вблизи них найдены костяной крест и красноглиняная чаша-пиала местного производства. Обнаруженный погребальный инвентарь датируется второй половиной XIV — первой половиной XV вв.

6. Могильник Судак-VI. Расположен на плоской террасе одного из самых южных отрогов горы Перчем на северной окраине пос. Уютное и занимает площадь около 2 га. Открыт М.А. Фронджуло в 1970 г. Тогда же расчищено 9 плитовых, грунтовых и комбинированных могил. В 1994 г. некрополь практически полностью исследован И.А. Барановым, В.В. Майко и А.В. Джановым, раскопано 56 могил и 2 склепа [Баранов, Майко, Джанов 1997, с. 41–45], частичное доисследование проведено в 1998 г. автором, открывшем еще 1 могилу. Всего за все годы зачищено 66 могил и 2 склепа (рис. 8). Грунтовые погребения некрополя делятся на три группы: прямоугольные ямы с заплечиками, перекрытые поперечными, изредка продольными деревянными плахами (27 могил), могилы с коробовым деревянным перекрытием (11), грунтовые погребения без использования деревянных конструкций, но в заполнении которых встречены фрагменты дерева (13). Второй вид погребений — захоронения с элементами плитовой и грунтовой могилы (7), третий — плитовые могилы (8). Склеп 1 — прямоугольный каменный склеп с двускатной черепичной крышей, склеп 2 — земляной наполовину разрушенный строительными работами. По конструкции он практически идентичен склепу, исследованному А.И. Айбабиным на территории некрополя Судак-IX. Расположение костяков в могилах отличается заметным разнообразием. Основная масса захороненных — одноярусные погребения. При этом встречено несколько двухъярусных могил, где погребенные располагались либо один на одном, либо кости предшествовавшего захороненного были отодвинуты к одной из стенок погребального сооружения. Еще меньше было отмечено парных захоронений и погребений

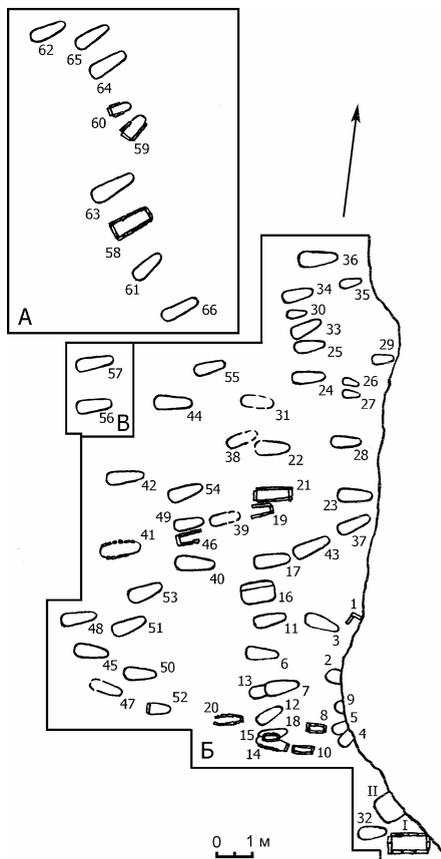

Рис. 8. План некрополя Судак-VI: А — раскоп 1970 г., Б — раскоп 1994 г., В — раскоп 1998 г.

взрослого и ребенка. Единственный раз встречено трехярусное погребение. Положение рук, являющееся достаточно важным индикатором степени христианизации населения, также показательно. В большинстве случаев обе руки сложены на тазе, либо вытянуты вдоль тела. Значительно меньше захороненных, у которых одна из рук располагалась на поясе или тазе, а другая была вытянута вдоль тела. И, наконец, единичны погребения, где руки захороненных были скрещены на плечах или груди, либо обе располагались на поясе. Погребальный инвентарь, по большей части опубликованный [Баранов, Майко, Джанов 1997, с. 41–45], богат и разнообразен. Именно он, как и обряд погребения позволяет надежно датировать некрополь в рамках середины VIII — первой половины IX вв. Вероятно, это один из первых городских некрополей Сугдеи т.н. салтово-маяцкого времени.

7. Могильник Судак-VII. Расположен на северо-восточной окраине пос. Уютное на месте 5-этажного жилого дома (рис. 9: 2). Обнаружен и исследован М.А. Фронджуло в 1974 г. [Фронджуло 1975, с. 367]. Зафиксировано 12 погребений: 10 плитовых, пять из которых сильно разрушены строительными работами и 2 грунтовых, одна из которых была перекрыта деревом. Частичное доисследование некрополя было произведено И.А. Барановым в 1988 г., при строительстве жилого дома. Было исследовано 3 грунтовых, сильно разрушенных захоронения (ул. Истрашкина 11). Немногочисленный погребальный инвентарь, происходящий из нескольких могил, представлен бусами, бубенчиками, детскими стеклянными браслетами и датируется в рамках XIII — XV вв.

Неоднократные перекрытия одной могилы другой, свидетельствуют о долговременном существовании могильника.

8. Могильник Судак-VIII. Расположен на территории западного участка санатория ВВС к востоку от Судакской крепости. В 1972 г. М.А. Фронджуло здесь исследована 1 частично разрушенная плитовая могила, перекрытая плитами (рис. 7: 2). Каменный ящик прямоугольной формы и сложен из массивных плит сланца. Защищен один

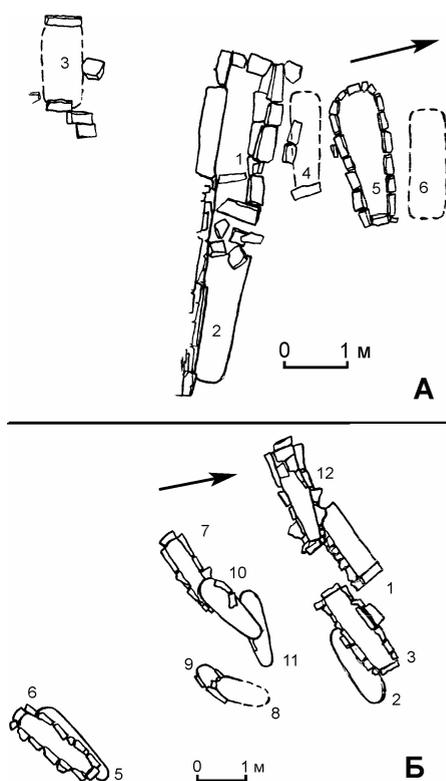

Рис. 9. План некрополей Судак-VII и некрополя на участке куртины XV. А — участок некрополя у куртины XV, Б — некрополь Судак-VII.

детский костяк. Кости сильно фрагментированы, перемешаны и смещены. По центру могилы обнаружены две медные поясные пряжки⁴.

9. Могильник Судак-IX. Расположен к юго-западу от гостиницы “Горизонт” на месте автостоянки. Обнаружен М.А. Фронджуло в 1965 г. В 1976 г. им исследован сильно разрушенный строительными работами каменный склеп с коробовым перекрытием, ориентированный с небольшим отклонением по оси север-юг (рис. 10) [Майко 2002, с. 154].

Характерной особенностью склепа является его ориентация по оси север-юг с небольшим сезонным отклонением. Сложен из блоков копсельского ракушечника на извести. Вход в южной стене. Центральный костяк расположен по центру склепа и ориентирован по оси запад-восток. Под захоронением обнаружена песчаная подсыпка. Кроме основного погребения, непосредственно на полу зачищены обломки

Рис. 10. Общий вид склепа IX — X вв. на территории некрополя Судак-IX.

двух черепов и отдельные перемешанные кости, по всей погребальной камере. Склеп использовался длительное время, о чем свидетельствуют многочисленные разрозненные кости, расположенные к югу от основного погребения. Однако все черепа концентрируются в западной части погребальной камеры. Погребальный инвентарь крайне малочислен. Это бронзовая печатка и несколько пуговиц-подвесок. Датировать погребальное сооружение помогают фрагменты амфор причерноморского типа второй половины IX — первой половины X вв., а также фрагменты высокогорлых кувшинов с ленточными ручками. В этом же году М.А. Фронджуло на этом же участке была исследована одна плитовая могила трапециевидной формы, сложенная из блоков песчаника в пять рядков. Максимальная высота сохранившейся северной стены составляет 0,70 м. Костяк расположен в вытянутом положении, руки вытянуты вдоль тела.

В 1978 г. исследование могильника продолжил А.И. Айбабин [Айбабин, Долгополова 1979, с. 287–288]. Им зафиксировано на двух участках 8 плитовых могил, 3 — выложенные бутом по краю, 3 — подбойных с подбоями вдоль длинных стен, 2 — парные с несовпадением ориентации костяков, 19 — в трапециевидных в сечении ямах, в том числе со ступеньками, перекрытые досками под углом, 47 — в прямоугольных в сечении ямах, в том числе со ступенькой с заплечиками, перекрытых под углом досками, а также перекрытых сланцевыми

⁴ Судя по дневниковым записям М.А. Фронджуло, рабочие, обнаружившие могилу, нашли там железный нательный крест, рассыпавшийся у них в руках. К сожалению, местонахождение двух пряжек из этого погребения мне неизвестно.

плитами. Малочисленный погребальный инвентарь (бронзовые височные кольца с застежками и расплюснутым окончанием, пастовые, стеклянные, сердоликовые и гагатовые бусы, два крупных глиняных прясла) датируется в рамках XIII — XIV вв. На территории могильника обнаружено погребение христианского миссионера, содержащее крупный железный крест. Помимо этого, исследован наполовину разрушенный грунтовый прямоугольный склеп, ориентированный по оси север-юг с отклонением к западу, содержащий не менее пяти сильно разрушенных костяков. Последние ориентированы головами на юг. Погребальный инвентарь (крупные глазчатые бусы, серебряный перстень со стеклянной вставкой, два фрагмента бронзовых колец, костяное кольцо и золотая пуговица-подвеска) характерен для второй половины IX — первой половины X в.

10. Могильник Судак-Х. Расположен недалеко от дороги, ведущей из Уютного в Судак (на выезде из пос. Уютное). Исследовался М.А. Фронджуло в 1968 г. [1968, с.13]. Исследовано 2 перекрывающих одна другую безинвентарных могилы. Первая грунтовая — поздняя. Вторая — плитовая, частично разрушенная, сложена из блоков песчаника и перекрыта сланцевыми плитами (рис. 7: 1). Погребенные располагались в два яруса. Первый составлял частично сохранившийся костяк, под которым располагались разрозненные кости от предшествующего захоронения. Погребальный инвентарь отсутствовал, но по конструкции погребального сооружения могилу можно датировать в общих рамках XII — XV вв.

11. Могильник Судак-ХI. Расположен в нижней части северного склона г. Полвани-Оба на бывшем участке Н.В. Холодовской. Открыт и исследован в 1928 г. московской исследовательской группой под руководством А.А. Фомина, работавшей в Судаке с 1925 г. [Новиков 1929, с. 131–137]. Зафиксировано 9 плитовых могил, сложенных, с небольшими исключениями, из тесаных камней. В углах могил зачищены остатки дерева и железных гвоздей. Погребальный инвентарь достаточно многочислен и представлен стеклянными браслетами, бусами, бубенчиками, подвесками, раковинами каури и т.п. Датируется в рамках XI — XII вв. Частичное доисследование проведено в ходе охранных работ А.В. Джановым в 1998 г. Обнаружено 4 безинвентарные плитовые могилы.

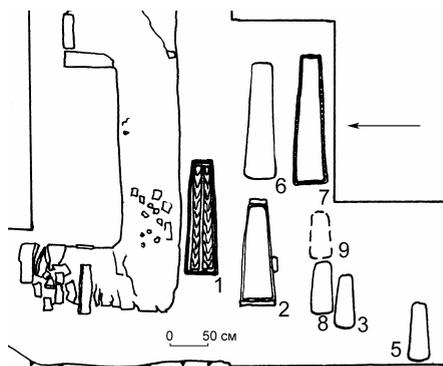

Рис. 11. План некрополя возле храма на северо-западном участке посада.

12. Некрополь у храма XIII–XIV вв. Расположен на соседнем от могильника Судак-VI водоразделе справа от дамбы пансионата ЛЖД. Исследован в 1994 г. А.В. Джановым [Баранов, Майко, Джанов 1997, с. 45].

Сохранились остатки южной стены небольшого крестово-купольного храма, сложенного из камней различного размера на известке. Помимо южной стены, по заполнению траншеи с камнями и известью, зафиксированы остатки стены, разделявшей среднюю и южную апсиды храма, а также остатки алтарной преграды.

С внешней стороны храма раскопано 9 могил (рис. 11). Две из них — двухярусные, остальные содержали по одному костяку. Четыре захоронения взрослых, в том числе и двухярусное, совершены в деревянных трапециевидных гробах. Могила № 2 частично обложена несколькими камнями. Остальные погребения, детские, являются грунтовыми. Погребальный инвентарь крайне малочислен и представлен тремя бронзовыми кольцами и уплощенной пуговицей-подвеской. В заполнении храма обнаружен небольшой перламутровый крестик с насечками. Представляет интерес находка остатков головного убора в погребальном инвентаре захороненного в первом ярусе могилы 1. Не исключено, что их можно атрибутировать, как шапку, составленную из нескольких типов тканей и прошитую серебряной нитью. Безусловно, что погребальный инвентарь имеет широкие хронологические рамки бытования. Учитывая особенности планировки храма, весь комплекс можно предварительно датировать XIII — первой половиной XIV вв.

13. Некрополь у храма св. Параскевы. Расположен в центре поселка за немецкой кирхой. Могильник возле храма обнаружен во второй половине XIX в. [Гавриил 1844, с. 326]. Известны находки двух бронзовых кадил, одно с новозаветным сюжетом палестинской работы XII в. В 1982 г. И.А. Барановым произведено частичное исследование могильника. Зафиксировано 6 могил: 4 грунтовые и 2 частично обложенные камнем. Судя по немногочисленному погребальному инвентарю (пуговицы-подвески), захоронения датируются не ранее XVI — XVIII вв. Очевидно, некрополь занимал большую площадь. Так, в 1993 г. в ходе охранных раскопок в 10 м к югу от юго-западного угла храма была исследована грунтовая могила, частично обложенная камнем. В 2001 г. автором произведены охранные работы на участке некрополя непосредственно примыкающего к храму с запада. Было исследовано 9 грунтовых и плитовых могил и 1 склеп (рис. 12). Можно выделить несколько этапов в формировании некрополя.

Первоначальный этап представлен исключительно грунтовыми двухярусными погребениями №№ 3 и 4. Первое перекрыто западной стеной ныне стоящего храма, второе — более поздней плитовой могилой № 2. На основании погребального инвентаря могилы 4 захоронения этого периода могут датироваться в рамках XIII — XIV вв. Второй период в истории некрополя представлен разными по конструкции плитовыми захоронениями №№ 2, 7–9 и каменным склепом 1. Все захоронения перекрыты каменными плитами и содержали от 1 до 8 ярусов костяков. Погребальный инвентарь, обнаруженный в могилах, чрезвычайно беден и представлен разнообразными пуговицами-подвесками и глазчатыми бусами. Несколько богаче инвентарь скле-

па. Однако все вещи имеют достаточно широкие датировки в рамках XIII — XIV вв. Могилы этого периода, включая и склеп № 1, синхронны церкви и образуют упорядоченный прихрамовый некрополь. К следующему периоду относятся могилы 5 и 6, расположенные одна под одной. Первая — грунтовая, перекрытая каменной плитой. Непосредственно под ней расположено погребение 6 в деревянном гробу. К наиболее поздним погребениям относится грунтовое частично обложенное камнями захоронение 1. В его обкладке использованы архитектурные детали из храма.

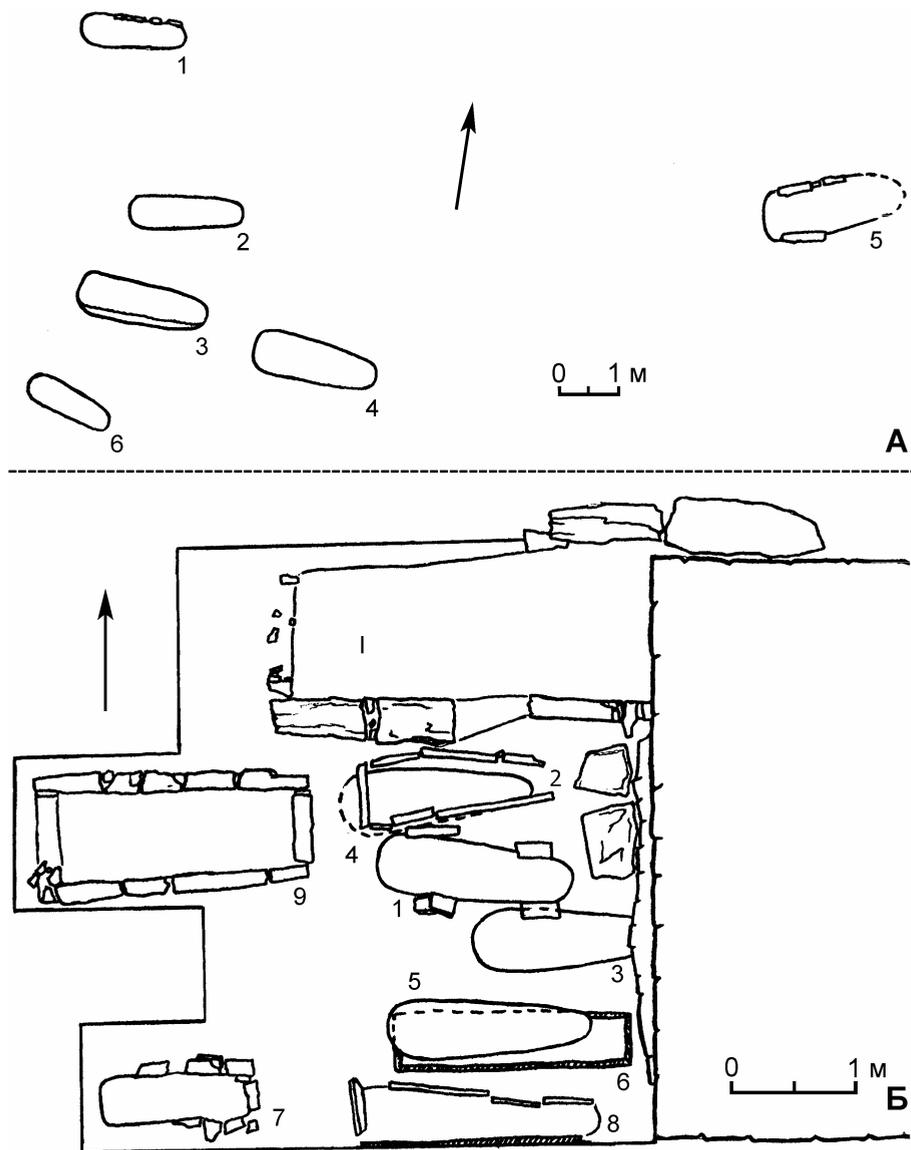

Рис. 12. План некрополя у храма св. Параскевы. А — раскоп 1982 г., Б — раскоп 2001 г.

Таким образом, некрополь возникает до строительства храма, вероятно в XIII в. и активно функционирует в XIV в., когда храм был построен. Кладбище существовало, очевидно, до XVIII в. Это был третий, самый продолжительный этап его истории, расчленивший который на отдельные периоды пока затруднительно.

Следующие три некрополя связаны с христианскими монастырями и, возможно, поселениями, расположенными на ближайшей к посаду средневековой Сугдеи территории.

14. Некрополь у двухабсидного храма на горе Перчем. Расположен на южном склоне горы Перчем на окраине виноградника, на восточной окраине с. Уютное возле двухабсидного храма. Обнаружен в 1993 г. И.А. Барановым и А.В. Джановым. Частично раскопан в 1993/94 гг. И.А. Барановым, В.В. Майко и А.В. Джановым [Баранов 1994, с. 40–42]. Исследован двухнефный храм, сложенный без фундамента, с заливкой известкового раствора под основание стен. Раскопано 3 синхронные церкви плитовые могилы и прямоугольный склеп с тремя ярусами погребенных. В конструкции последнего использованы архитектурные детали и византийские надгробья. В 1999–2000 гг. В.Г. Туром у северной стены объекта под полом южного нефа храма исследовано еще 14 одноярусных и двухярусных могил, сильно потревоженных современными грабителями [Тур 1999; 2000]. Крайне малочисленный погребальный инвентарь, происходящий из склепа и погребений, датируется в рамках XIII — XIV вв. Вероятно, этим же временем следует датировать и время возведения храма.

15. Некрополь монастыря на г. Перчем. Монастырский комплекс расположен в 1,5 км к северо-западу от Судакской крепости на одном из южных отрогов г. Перчем. С 1988 по 1994 гг. с перерывами раскапывался В.Г. Туром [Баранов, Тур 1997, с. 46–50; Тур 1997, с. 117–125]. Памятник состоит из одноабсидного мощеного квадратной плинфой храма, внутреннего хозяйственного дворика и жилого помещения-кельи. Монастырь окружала шестиугольная каменная ограда. Перед входом в храм обнаружено три синхронные ему плитовые могилы. Все могилы одноярусные, погребения мужские. Первое захоронение было совершено в деревянном гробу и обложено плитами. Остальные два погребения обложены по бокам камнями. Кроме нательного креста из черного камня, не поддающегося датировке, другого погребального инвентаря не обнаружено. Совершенно очевидно, что, как и весь монастырский комплекс, некрополь датируется в рамках XIII — XIV вв.

16. Некрополь на горе Ай-Георгий. Расположен на узком вытянутом хребте, постепенно поднимающемся с запада к горе Ай-Георгий. Его западный конец подходит близко к повороту шоссе, ведущему из г. Судака к развилке на г. Симферополь. Месторасположение могильника было открыто Е.Ф. Карповичем, обнаружившим черепные кости в обресе траншеи времен Великой Отечественной войны. В 1948 г. Н.В. Пятышева по его указанию вскрыла здесь одну могилу, где обнаружила два костяка с хорошо сохранившимися обрывками ткани. В 1953 г. могильник исследовался экспедицией В.П. Бабенчикова

[1953а]. Всего было изучено 5 погребений, частично упоминавшихся в литературе [Баранов 1990, с. 107].

Погребение 1 — крайнее с запада. Сверху могила покрыта плитами, по бокам в головах и в ногах — выложена камнями. Могила четырехъярусная, верхний детский и нижний мужской костяки располагались в деревянных гробах. Не исключено, что в деревянных гробах были совершены и женские погребения второго и третьего яруса. Под левой тазовой костью последнего костяка обнаружено проволочное бронзовое кольцо с заходящими друг на друга концами и 2 бронзовые пуговицы-подвески. Кроме того, на втором и последнем ярусах зафиксированы железные гвозди от гробовища. Погребение 2 — плитовое, расположено к северо-востоку от могилы 1, раскапывалось Н.В. Пятышевой. Погребение трехъярусное. Интересно отметить, что южная длинная стенка могилы помимо плит содержала бревно длиной 1,30 м. Погребение 2а — расположено под могилой 2 и обложено по бокам тонкими плитками местного сланца, поставленными на ребро. Отсутствовала плита только в головах. Захоронение трехъярусное. На лоб одного из погребенных была надета хорошо сохранившаяся тесемка из ткани зеленоватого цвета. Исходя из рисунка на ткани, она аналогична ткани, взятой в 1948 г. из этой могилы Н.В. Пятышевой. Судя по анализу, проводившемуся ГИМ, аналогии ей, датирующиеся IX — X вв., можно найти в Херсонесе. В ногах у костяков в низу могилы также была обнаружена сильно истлевшая ткань. Кроме ткани найдены бронзовые пуговицы-подвески, одна из них ажурная и перстень со щитком для камня. Погребение 3 — частично разрушенное, расположено в 0,29 м к западу от западной плиты нижней могилы 2а. Погребение одноъярусное, сверху перекрытое досками, от которых обнаружены только следы. В головах сохранилась каменная плита поставленная вертикально. Погребение 4 — обнаружено в головах у могилы 1. Погребение детское, двухъярусное. Верхняя часть могилы обложена каменными плитами, также обнаружена древесная труха. Нижняя половина могилы, по-видимому, была грунтовой. Погребение 5 — плитовое, двухъярусное, покровные плиты находились на уровне дна могилы 4. В верхней части костяков сохранились остатки ткани. В ткани заметна металлическая нитка, есть пришитые петли и ворворка от декоративной кисти. Вероятно, захоронение позднее.

Следующие три прихрамовых некрополя связаны с культовыми сооружениями, располагавшимися на территории портовой части Сугдеи.

17. Некрополь у храма 12 Апостолов. Расположен у подножия башни Ф. Астагуэрро на скале у ручья к западу от храма. Некрополь исследовался в 1990 г. И.А. Барановым и А.В. Джановым. Зафиксировано 2 безинвентарных могилы в грунтовых ямах, расположенных у северной стены церкви и синхронных храму. Возле изголовья могилы 1 обнаружен кольцевой поддон от красноглиняной тарелки XIV в. Большая часть некрополя уничтожена при сооружении гегуэзских стен. Время возведения храма относится к периоду не ранее второй половины XIII в. Этим же периодом датируется и возникновение некрополя.

18. Некрополь у храма 1993 г. Расположен к югу, востоку и северу от храма. Исследован в 1993 г. В.В. Майко и А.В. Джановым [Баранов, Майко 1994, с. 43–46]. Раскопаны 3 плитовые, 1 грунтовая могилы и каменная гробница, прямоугольной формы, пристроенная к абсиде с северной стороны. В ее заполнении зафиксирован стеклянный стакан с сильно вогнутым дном. В перекрытии плитовой могилы 2, сложенной на известковом растворе и имеющей полукружие в изголовье, обнаружен армянский хачкар, а среди погребального инвентаря грунтовой могилы 1 — многочисленные стеклянные и пастовые бусы, сердоликовые и коралловые подвески, 4 серебряные монеты второй половины XIV в. и нателный серебряный крест, входившие в состав ожерелья.

19. Некрополь у храма 1995 г. Расположен к северу от храма у подножья г. Полвани-Оба. В 1995 г. В.В. Майко, А.В. Джановым и В.В. Кузьминовым исследовано 5 погребений. На расстоянии 0,40 м от лестницы расположена плитовая могила N 1 ладьевидной формы, в кладке стен которой обнаружены архитектурные детали, в том числе один хачкар, входящие в конструкцию храма. Помимо этого вдоль южной стены и внутри храма расположено две грунтовые и две плитовые сильно разрушенные могилы. Храм на основании аналогий датируется в рамках XIV в. Этим же временем надо датировать и возникновение некрополя.

Остальные прихрамовые некрополи связаны с культовыми сооружениями, расположенными на территории средневековой Сугдеи.

20. Некрополь у храма на участке куртины XV. Расположен к северу и востоку от апсиды храма и огражден каменной оградой (кладка А) (рис. 13). Исследован в 1985, 1988–91 гг. И.А. Барановым, В.В. Майко и А.В. Джановым. В 1988–89 гг. было раскопано 7 погребений, а в 1990 г. — 27 могил. Северный участок этого некрополя был раскопан И.А. Барановым в 1985 г. между двумя параллельными кладками (кладки Б, В) (рис. 13), принятыми автором раскопок за остатки башни. Было раскопано 4 плитовых и 2 грунтовых могилы (№№ 1–6). Одно из плитовых захоронений было сложено из поставленных на ребро блоков песчаника, а одно — пристроено к крепостной стене⁵. Всего зачищено более 42 могил, а также каменный склеп I прямоугольной формы, сложенный из камней сланца на известковом растворе и оштукатуренный изнутри. Основная масса захоронений — грунтовые могилы. Плитовых, за исключением расположенных в пристройке к храму, обнаружено всего 8, причем четыре из них на северном наиболее раннем участке, исследованном в 1985 г. Из четырех оставшихся одна — детская, другая — перекрыта абсидой храма, третья, наиболее ранняя (№ 28) с закруглением в головах, перекрыта т.н. домиком настоятеля, пристроенным северным торцом к крепостной куртине гетуэзского времени, четвертая — с полукругливаем в головах, раскопана в 1988 г.

⁵ Во избежание путаницы, этим захоронениям присвоены номера (34-39) следующие за последним раскопанным захоронением 1990 г.

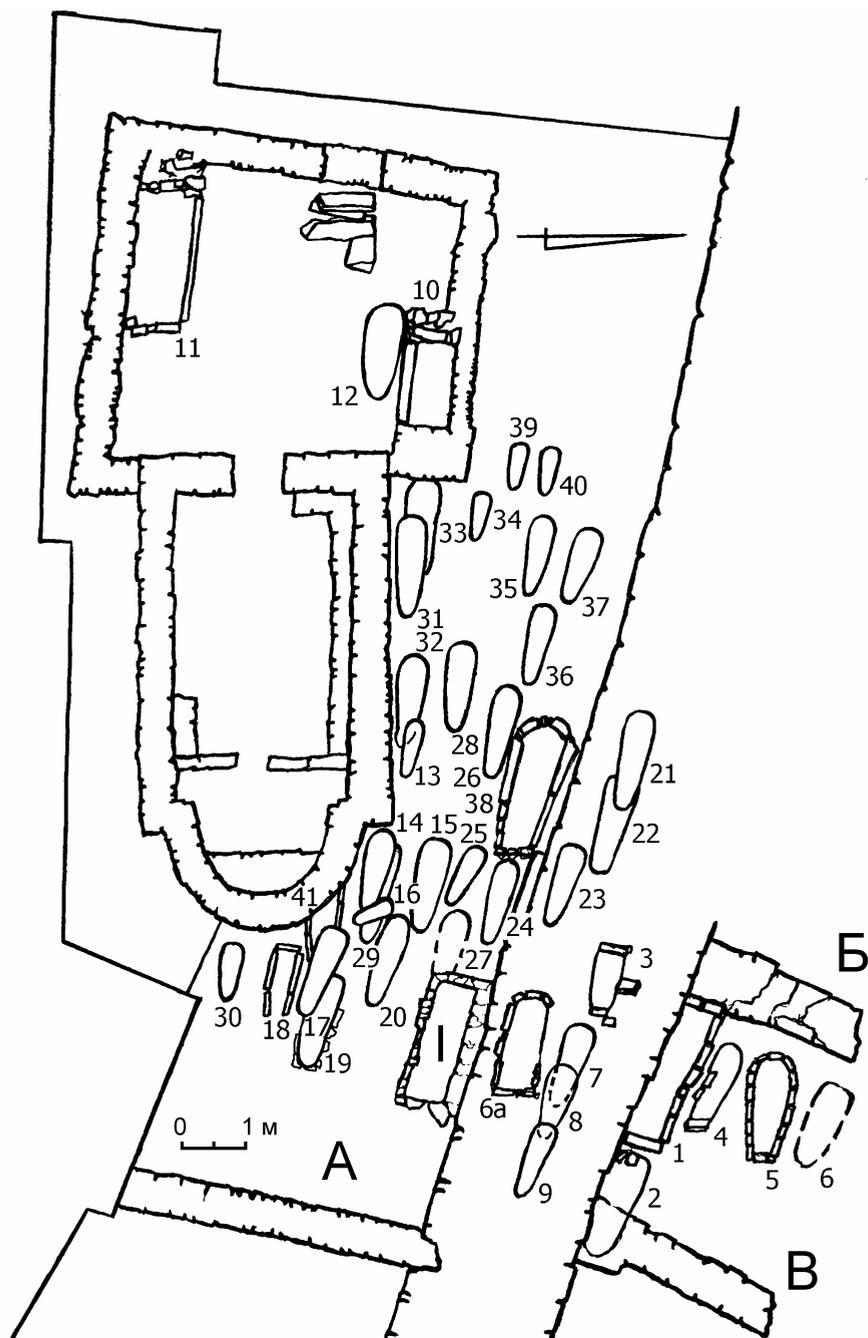

Рис. 13. План некрополя у храма у куртины XV Судацкой крепости.

Совершенно очевидно, что некрополь существовал длительное время. Время его возникновения помогает определить многочисленный погребальный инвентарь, обнаруженный в захоронениях, изученных в 1985 г. Находки бронзовых монет и, конечно, клад ранних сере-

бряных дирхемов конца XIII в., позволяет считать, что некрополь возник во второй половине — конце XIII в. еще до строительства самой церкви. Об этом свидетельствует плитовое погребение 41, обнаруженное под абсидой храма. Основная масса изученных в 1988 и 1990/91 гг. погребений синхронна времени функционирования храма и относится к XIV — первой половине XV вв. В пользу этого свидетельствуют нумизматические находки, сделанные в могиле 21 (5 бронзовых монет татаро-генуэзской чеканки первой трети XV в., завернутые в тряпочку), а также нательные серебряные крестики, обнаруженные в могилах 18 и 24. Типологически близкий экземпляр происходит из захоронения 1 некрополя возле храма, изученного в 1993 г. в портовой части Судгеи. Там он входил в состав ожерелья с серебряными дирхемами первой четверти XV в. Некрополь продолжал функционировать и в более позднее время, очевидно в XVI — XVII вв. после строительства гавита храма. Таким образом, данный некрополь, наряду с могильником Судак-II, один из наиболее долговременных на территории средневековой Судгеи. Об этом свидетельствует и неоднократное взаимное перекрытие погребений могильника.

21. Некрополь на участке куртины XIV. Расположен на участке куртины XIV Судакской крепости. В 1985/88 гг. И.А. Барановым на этом участке было исследовано четыре каменные склепа с коробовыми перекрытиями, ориентированные по оси север-юг [Баранов 1991а, с. 145–159]. Погребальные сооружения однотипны и представляют собой каменные склепы со ступенчатыми дромосами и прямоугольными несколько вытянутыми погребальными камерами с цилиндрическим сводом. Ориентированы они по оси север-юг. Погребальные сооружения сложены из пиленых блоков песчаника в одном случае на известковом растворе, в трех других — на глине. Внутренние стенки камер оштукатурены. Первоначальные захоронения внутри погребальной камеры выполнены в виде плитовых могил, сооруженных из поставленных на ребро песчаниковых блоков. В двух склепах это одна плитовая могила, предназначенная для одного погребенного, в одном — для коллективного захоронения. В склепе № 2 было устроено три плитовые могилы, имеющие общие длинные стенки. Во всех случаях первоначальные погребения ориентированы головами на юг. В двух склепах по бокам от центрального плитового одиночного захоронения были устроены синхронные или близкие по времени погребения, ориентированные на север и юг, а между южными стенками склепов и обкладками могил находились погребенные (от 4 до 19 человек), ориентированные головами на запад. Помимо разной ориентации захороненных, во всех склепах присутствуют языческие (жертвоприношения в склепе № 1 в виде конского и бараньего черепов и отдельных костей животных) и ярко выраженные христианские черты. Последние присутствуют в каждом погребальном сооружении и погребальном инвентаре. Обнаруженный во всех склепах немногочисленный погребальный инвентарь мог сосуществовать в рамках середины VIII — первой половины IX вв. Не исключено, что погребальные соору-

жения использовались и в более позднее время, в течение всего и X столетия. Судя по антропологическим исследованиям [Круц 1991, с. 68], сооружены они были для знатного праболгарского населения Сугдеи салтово-маяцкого периода, активно принимавшего христианство.

К западу от склепов, возле безымянной башни № 3 в 1988 г. И.А. Барановым раскопаны 4 синхронные склепам грунтовые могилы.

Могила 1 — расположена между западной стеной безымянной башни № 3 и восточной стеной бани. Погребенных двое расположенных в два яруса. Кисть правой руки захороненного взрослого мужчины расположена на тазе, левой — вытянута вдоль тела. Кисти рук погребенной во втором ярусе женщины расположены в нижней части груди. Могила 2 — ступни ног погребенного подростка перед захоронением были связаны. Кисть правой руки расположена на груди, левой — на тазе. Могила 3 — располагалась под полом бани. Кости почти полностью истлели. Среди костного тлена найдены три цилиндрические мозаичные пронизки, состоящие из чередующихся поперечных поясков по краям и центру бусины и мозаичных глазков в виде округлых ядрышек, заключенных в разноцветные концентрические окружности. Примечательно, что одна бусина целая, а две другие обрублены на 1/3. В этой же могиле обнаружена одна пастовая многочастная и овальная бусины и бронзовая подвеска. Находки последних позволяют датировать эти грунтовые погребения в рамках второй половины VIII — первой половины IX вв. Могила 4 — контуры могильной ямы становить сложно, располагалась к северу от могилы 3 под полом бани. Кости полностью истлели. В удовлетворительном состоянии сохранился только череп. Таким образом, грунтовый некрополь возникает одновременно со склепами и, очевидно, составлял с ними единое целое.

22. Некрополь на участке барбакана. Расположен в северо-восточной части участка главных ворот и связан с христианским храмом. Исследован И.А. Барановым в 1977/82 гг. [1991, с. 103–106]. Могильник состоит из каменного склепа с коробовым перекрытием и подквадратной погребальной камерой, сложенный на извести. Расположен он внутри церкви. Кроме того, зачищено 5 плитовых могил, образующих прихрамовый некрополь. На основании погребального инвентаря обнаруженного в склепе и могиле № 1 [Баранов 1991, с. 105, рис. 3], автор раскопок датирует возведение храма и возникновение некрополя второй половиной X в. Тем не менее, опубликованный инвентарь, безусловно, имеет более широкие хронологические рамки бытования. Именно это, а не существование хазарского гарнизона, позволяет датировать могильник в рамках XI — XII вв.

23. Некрополь у храма возле мечети. Храм расположен под современным сараем реставраторов к северо-востоку от мечети Судакской крепости. В 1974 г. М.А. Фронджуло обнаружены и исследованы часть северной стены и северо-восточное плечо сооружения [1975, с. 367]. Вблизи храма обнаружено 5 могил, составляющих, кроме одной, прихрамовый некрополь. Могила 1 — погребение XIX в. в деревянном гробу.

Могила 2 — плитовая, двухъярусная, расположена к юго-востоку от храма, частично разрушена при сооружении гегуэзской оборонительной стены. На торцевой стене в головах прочерчен равноконечный крест. Могила 3 — грунтовая, расположена к юго-западу от храма. Могила 4 — плитовая, двухъярусная, расположена к югу от храма. Восточная торцевая стенка в виде полукруга. Могила 5 — грунтовая, расположена к юго-востоку от храма. Храм датируется XIII — 30 гг. XIV вв., соответственно этим же временем можно датировать и захоронения.

24. Некрополь у храма на консолях. Расположен на северных отрогах крепостной горы. Упоминается начиная с XVI в. [Гавриил 1844, с. 326] В 1928 г. разведочные работы проводил Н.Д. Протасов [1928, с. 103–104], а в 1973 г. М.А. Фронджуло [1974, с. 354–355]. Последним исследователем было зачищено 3 могилы. Наиболее ранняя (2 костяка без находок) обложена камнем и перекрыта северной стеной храма. 2 остальные (1 плитовая и 1 грунтовая) синхронны церкви. Некрополь, как и храм, функционировали в течение XIII — XIV вв.

25. Некрополь у храма девы Марии. Изучался в 1981/85 гг. И.А. Барановым и В.Г. Туром одновременно с самим храмом. В истории формирования храма И.А. Баранов выделял 2 строительных периода [Баранов 1985, с. 48–49]. К первоначальному помимо стены однефной церкви были отнесены 4 склепа расположенные вдоль длинных стен. Еще один — пристроена к северной стене апсиды. Ко второму строительному периоду отнесены 4 каменных гегуэзских надгробия, связанные с элитным гегуэзским некрополем. К северу от храма расположен некрополь. Его археологические исследования проводятся В.Г. Туром.

26. Некрополь у Георгиевской башни. Первые археологические исследования башни были проведены в 1927/28 гг. Ю.В. Готье, А.А. Фоминым и В.К. Клейном [Готье 1927, с. 47–48]. В 1971 г. раскопки вел М.А. Фронджуло, а в 1989 г. И.А. Баранов. Последним исследователем под полами и фундаментами Георгиевской башни и превратного укрепления-барбакана, пристроенного к башне, был обнаружен и частично исследован могильник, состоящий из плитовых захоронений (рис. 14). Было раскопано три могилы, сложенные из блоков песчаника. Две из них, в том числе с закруглением в головах, уходят под фундаменты башни, одна — под фундаменты барбакана. Датировать погребения по-

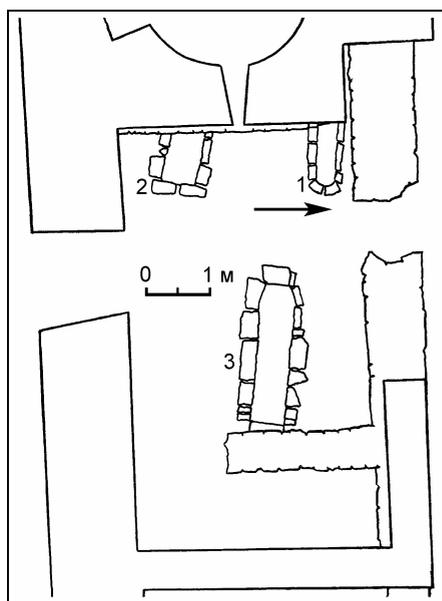

Рис. 14. План некрополя под фундаментами барбакана Георгиевской башни.

могает находка красноглиняной ангобированной амфоры причерноморского типа второй половины IX — первой половины X вв. Сделана она в канале водостока, шедшего из города. Этот канал проходит под алтарем часовни, что свидетельствует о том, что возникает она не позднее этого времени. Не исключено, что возникновение могильника как раз и связано со строительством храма, вошедшего в последствии, в конструкцию Георгиевской башни.

27. Некрополь возле т.н. Дозорной башни. Первые разведки некрополя были произведены М.А. Фронджуло в первой половине 1970-х гг. Автором к западу от Дозорной башни на отроге крепостной горы были исследованы остатки разрушенной плитовой могилы. В 1985 г. частичное исследование некрополя произвел И.А. Баранов. Им у подножия башни было исследовано две плитовых и две грунтовых могилы. Датировать указанный некрополь серединой VII в. и связывать с первоначальным византийским могильником Сугдеи [Баранов 1989, с. 47] пока нет достаточных оснований.

Как уже указывалось, систематизированные таким образом некрополи Сугдеи середины VIII — XVII вв. позволяют уже сейчас сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, наиболее ранние городские некрополи Сугдеи возникают примерно в середине VIII в. К середине X в. их количество увеличивается и основная масса погребений совершена уже полностью по христианскому православному обряду. Во-вторых, только среди захоронений некрополя Судак-II можно предварительно говорить о выделении группы погребений второй половины X — XI вв. Проблематично выделить и плитовые захоронения XII в., во всяком случае, среди погребений некрополя Судак-II они есть. В XIII в. происходит резкое увеличение количества христианских храмов и соответственно плитовых прихрамовых некрополей. Практически все они существуют длительное время до второй половины XIV в. и, очевидно, до XV — XVI вв. Однако, для подкрепления этих выводов необходима, во-первых, дальнейшая скрупулезная обработка материалов всех исследованных некрополей, и, во-вторых, дальнейшие полевые раскопки.

Литература

- Айбабин А.И., Долгополова В.М.* Раскопки средневекового могильника в Судаке // АО 1978 г. М., 1979. С. 287–288.
- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и ранне-средневекового времени // МАИЭТ. Т. I. Симферополь, 1990. С. 3–86.
- Айбабин А.И.* Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Т. III. Симферополь, 1993. С. 121–134.
- Ачкинази И.В., Петровский В.А.* Работы Баклинской экспедиции // АИК 1994 г. Симферополь, 1997. С. 31–35.
- Бабенчиков В.П.* Отчет о разведочных и раскопочных работах Коктебельского отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР в 1953 г. // Архив КФ ИА НАНУ инв. А-№ 21/6.

- Бабенчиков В.П.* Средневековые поселения и ремесленные центры V–XIII вв. юго-восточного Крыма (рукопись) // Архив КФ ИА НАН Украины. В.21.-1953а. 51 с.
- Бадер О.Н.* Материалы к археологической карте восточной части Горного Крыма // Труды НИИ краеведческой и музейной работы. М.,1940. Т. 1. С. 150–174.
- Баранов И.А.* О восстании Иоанна Готского // Феодалная Таврика. К., 1974. С. 151–161.
- Баранов И.А.* Вновь открытый храм генуэзской колонии в Солдае // Четвертый международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1985. С. 48–49.
- Баранов И.А.* Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII — XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989. С. 46–62.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. К., 1990. 168 с.
- Баранов И.А.* Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. К., 1991. С. 101–107.
- Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1991а. С.145–159.
- Баранов И.А.* Археологическое изучение Сугдеи-Солдаи // АИК 1993 г. Симферополь, 1994. С. 37–42.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Раскопки в портовом районе Судакской крепости // АИК 1993 г. Симферополь, 1994. С. 43–46.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости и на посаде средневековой Сугдеи в 1994 г. // Архив КФ ИА НАНУ. Папка № 651, инв. Кн. 3 № 322.
- Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В.* Раскопки в средневековой Сугдее // АИК 1994 г. Симферополь, 1997. С. 38–45.
- Баранов И.А., Тур В.Г.* Средневековый монастырь на г. Перчем // АИК 1994 г. Симферополь, 1997. С. 46–50.
- Белый А.В., Белый О.Б., Лобода И.И.* Позднесредневековые плитовые могильники Юго-Западного Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 160–174.
- Гавриил архиепископ Херсонский и Таврический* Остатки христианских древностей в Крыму // ЗООИД. Т. I.,1844. С.326.
- Гадло А.В.* Южное Приазовье в период Хазарского каганата: проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII — X вв. Автореф. дис. к.и.н.. Л.,1969. 14 с.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым. Барнаул, 1992. С. 180–190.

- Готье Ю.В.* Расчистка базилики в “Георгиевской” башне Судакской крепости // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, 10–13 сент. 1927 г. Севастополь, 1927. С. 47–48.
- Круц С.И.* Результаты антропологического исследования Судакских склепов VIII — XII вв. // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. Вып. 1. Симферополь, 1991. С. 68.
- Майко В.В.* Археологические раскопки некрополя храма Параскевы на посаде средневековой Сугдеи в 2001 г. // АБУ 2000–2001 р. К., 2002. С. 182–183.
- Майко В.В.* Некоторые аспекты христианизации тюрок Таврики в эпоху средневековья // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 148–154.
- Майко В.В., Фарбей А.М.* Об одном типе плитовых могил средневековой Сугдеи // Проблемы греческой культуры. Симферополь, 1997. С. 101–103.
- Махнева О.А.* О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968. С. 155–168.
- Мирчев М.* Новооткрыт средневековен некропол при Каварна // Известия на Варненски археологически музей. Варна, 1961. № 12.
- Новиков Л.* Могильник на горе “Болван” в Судаке // ИТОИАЭ. Т. III (60). Симферополь, 1929. С. 131–137.
- Протасов Н.Д.* Раскопки в Судаке летом 1928 г. // Крым. 1928. № 1. С. 103–104.
- Пятышева И.В.* Отчет об археологических разведках Судакского отряда Тавро-скифской экспедиции в 1948 г. // Архив КФ ИА НАН Украины.
- Романчук А.И.* Салтово-маяцкие памятники в Крыму // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983. С. 117–120.
- Тур В.Г.* Археологические исследования средневекового монастыря на г. Перчем-Кая // Археология Крыма. Т.1. Симферополь, 1997. С. 117–125.
- Тур В.Г.* Отчет об археологических исследованиях средневекового христианского монастыря на южном склоне горы Перчем около г. Судака в 1999 г. // Архив КФ ИА НАН Украины.
- Тур В.Г.* Отчет об археологических исследованиях средневекового христианского монастыря на южном склоне горы Перчем около г. Судака и проведенных разведках в 2000 г. // Архив КФ ИА НАН Украины.
- Фарбей О.М.* Дослідження посаду середньовічної Сугдеї у 1999 р. // АБУ 1999–2000 р. К., 2001. С. 60–62.
- Фронджуло М.А.* Раскопки Судакского отряда // АО 1973 г. М., 1974. С. 354–355.

- Фронджуро М.А.* Раскопки в Судаке // АО 1974 г. М., 1975. С. 367.
- Фронджуро М.А.* Отчет о работе Судакского отряда КЭ ИА АН УССР в 1968 г. // Архив КФ ИА НАНУ.
- Харузин А.* Древние могилы Гурзуфа и Гугуша (на южном берегу Крыма). М., 1890. С. 1–101.
- D'Andria F.* La documentazione archeologica negli insediamenti del materano tra tardoantico e alto medioevo // Habitat-Strutture Territorio. Atti del terzo Convegno Internazionale di studio sulla civiltà rupestre medioevale nel mezzogiorno d'Italia.-Lecce, 1978. P. 157–180.
- Jelovina D.* Starohrvatske nekropole. Split, 1976.
- Jelovina D.* Spas, Klin — starohrvatsko naselje // Arheološki pregled. Vol. 21. Beograd, 1980. P. 177–181.
- Preda C.* Callatis. Necropola romano-bizantina. Bucuresti, 1980.
- Wiseman J.* Excavation at Corinth the Gymnasium area 1966 // Hesperia. Baltimore, 1967. 26/4. P. 402–428.

ПЕЧАТЬ ФЕОФАНО МУЗАЛОН У КОНТЕКСТІ КТИТОРСЬКОЇ КОМПОЗИЦІЇ КИЄВО-КИРИЛІВСЬКОЇ ЦЕРКВИ

В історії дослідження київської Кирилівської церкви, заснованої у XII ст., однією із остаточно невіршених проблем є проблема з'ясування імені її засновника. Нами зібрано вже достатньо фактичного матеріалу, що підтверджує фундаторство цієї споруди київським князем Всеволодом Ольговичем [Марголіна 2001, с. 33–145]. Проте продовження вивчення цієї таємничої пам'ятки надає нові цікаві фактологічні джерела, які стають вагомим доважком у суперечці [Асеев 1950, с. 122; Высоцкий 1985, с. 84; Максимович 1877, с. 171; Советов 1914, с. 253, Ревна 1995, р. 53 та інші] щодо з'ясування імені засновника Кирилівського храму.

Не викликає сумніву, що назва будь-якого храму пов'язана з уподобаннями, бажаннями, вимогами його замовника. Практично доведено, що Кирило Александрійський, на честь якого названо Кирилівський собор, був духовним патроном князя Всеволода Ольговича. Враховуючи той факт, що ні до ні після Всеволода Ольговича цього тезоіменита не мав жодний із відомих у Київській Русі князів, виникає істотне бажання й необхідність простежити, якими шляхами культ Кирила Александрійського проникає на Русь, а також з'ясувати, що сприяло розповсюдженню цього культу. Тут необхідно згадати князя Всеволода Ольговича, а радше його батька Олега Святославича (“Гориславича”). Деякі факти біографії останнього дають можливість зробити припущення щодо шляхів проникнення культу Кирила та його парного святого Афанасія Александрійських на Русь.

Отже, чому Всеволод при хрещенні був наречений Кирилом? Хто спричинив до того, щоб первісток князя Олега отримав надто рідкісне і взагалі єдине серед руських князів ім'я святого? Як завжди у складних, заплутаних ситуаціях на обрії вимальовується образ загадкової жінки. Зрозуміло, що імення для княжичів обирали їх батьки. Як правило, імена носили родовий характер і тому часто повторювалися в роді. Відтак, якщо хрещальне ім'я Всеволода було унікальним, значить його батько Олег (у хрещенні Михайло) не був його “автором”. “Слідство” приводить нас до матері князя. Ми не випадково назвали її загадковою жінкою, оскільки вона прибула здалеку. Нагадаємо, що від 1078 р. чотири роки Олег провів як засланиць у Візантії, зокрема, на острові Родос. Перебування там князя Олега довго пам'ятали. Чернігівський ігумен Даниїл, котрий подорожував по святих місцях на початку XII ст., в своєму описі також відзначив інформацію, що на Родосі — великому і багатому острові два літа і два зими жив руський князь Олег. Цю інформацію Даниїл міг отримати, ймовірно, власне на Родосі [Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII в. 1864, с. 7]. На Родосі Олег одружився із представницею знатного роду Феофано Музалон (Музалонісса), що засвідчувало довіру до князя імператора Никифора III Вотаніата (1078–1081).

Феофано належала до багатой й інтелектуальної сім'ї. Вочевидь, вона була названа на честь св. Феофано (пом. 892/894) — дружини візантійського імператора Льва VI Філософа, канонізованої як ідеал дружини й християнської цариці-подвижниці (Св. Феофано була обрана в дружини спадкоємцю Василія Македонянина Льву під час оглядин усіх можливих наречених; однак незабаром через інтриги придворних імператор Василій ув'язнив Льва і тоді за власною волею Феофано з маленькою донькою пішла за чоловіком до в'язниці як вірна дружина. По смерті Василія Лев став імператором, але на той час померла його донька і дружина була тяжко хвора. Феофано усамітнилася, не брала участі у придворному житті, займалася благочинністю. Під царським одягом вона носила на собі власяницю, спала на жорсткій підлозі, всі свої кошти постійно роздавала нужденним. Після її смерті Лев побудував у пам'ять про неї храм біля собору Апостолів — [Филарет (Гумилевский), архиеп. 1871]. Днем шанування Феофано було 16 грудня, і цей день мав бути днем ангела (іменинами) Феофано Музалон. Життя св. Феофано був відомий візантійський інтелектуал Никифор Григора і саме його твір дружина кн. Олега мала б привезти з собою на Русь.

Феофано Музалон мала безпосередній зв'язок із Константинопольською патріархією. Один з її близьких родичів за патріарха Миколая III очолював світську школу у Константинополі (був ритором). Родина Музалон перебувала й у прямому родинному зв'язку з патріархом: Миколай IV (1147–1151) походив з роду Музалонів, це він листувався з новгородським єпископом Ніфонтом. Безперечно, Музалони мали в домі багато книг, ікон, таблиць із зображенням святих. Цілком вірогідно, що серед останніх були і зображення Кирила Александрійського. А якщо взяти до уваги, що культ цього святого був досить поширений у Візантії, і особливо на Родосі, де не раз перебував святий Кирило ("По благодати и человеколюбию Христа, Спасителя всех нас, мы переплыли великое и широкое море, при ветрах легких и тихих достигли Родоса..." — з послання святого Кирила [Лященко 1913, с. 211]), то цілком можливо, що ці ікони, книги, таблетки із сюжетами життєпису св. Кирила дружина Олега привезла з собою в Тмутаракань у 1083 році [ПСРЛ 1998, с. 143].

Враховуючи той факт, що Феофано була родичкою патріарха Миколая III, у далеку подорож вона, можливо, одержала окрім благословення також часточки мощей св. Кирила. Найменування сина-первістка іменем саме цього святого вказує на особливе шанування Феофаною Св. Кирила, а відтак його покровительство над усім родом Музалонів. На жаль, це можна лише допускати, але конкретних доказів ми не маємо. Поширення культу Св. Кирила Александрійського є проблемною темою не лише для руських земель, але й для всієї християнської ойкумени.

Традиційним було й те, що візантійські архіпастирі та штат їх перекладачів і служителів привозили з собою не тільки книги та ікони, але й запроваджували звичні для свого середовища церковні

ритуали та елементи світського етикету, протегували грецьким художникам-іконописцям та ремісникам, які оздоблювали руські храми, тобто були живими носіями грецької культури та церковного обряду (в тому числі щодо культу святих). Феофано Музалон “привезла” на Русь увесь свій “світ”, зокрема, ту його частину, яка постійно забезпечувала духовний зв’язок з батьківщиною та родиною — символи духовних покровителів своєї сім’ї. А той факт, що князь Олег не противився хрещенню свого первістка ім’ям маловідомого на Русі святого, засвідчує, що вплив “візантійського світу” та дружини був на нього досить сильним. Зазначимо, що подружжя у 1082 р. повернулося до Тмутаракані, де Олег за візантійською традицією почав вживати пишний титул “архонта Матрахи, Зіхії і всієї Хазарії” та карбувати власну монету [Янин 1965, с.76–90; 1987, с.171; Удальцова 1989, с.393; Молчанов 1976, с.26–29]. Цей “візантійський стиль” життя й правління Олег витримав лише в Тмутаракані і лише за життя Феофано. Після нового союзу з половцями та повернення на Русь, він знову “одягнув” свій звичний для руського оточення “одяг”/”образ” — “візантизм” затушкувався.

Однак повернемося все ж у Тмутаракань — в 1084 р., коли в сім’ї Олега Святославича та Феофано Музалон міг з’явитися первісток, якого охрестили скоріше за все грецькі священники й на бажання матері дали йому імення святого Кирила.

Тут доречно згадати печатку Феофано (на сьогодні існує дві булли в Ермітажі у Санкт-Петербурзі та у Берлінському музеї, примірники доволі тождіні за матрицями). Лицьові сторони булл містять грецький напис з семи рядків “Господи, помози рабе своей Феофано, архонтиссе России, Музалониссе”. На зворотному боці зображені дві фігури з німбами у позі адорації до образу, що видніє вгорі (по вертикальній осі кола). Цей сюжет може бути розшифрований як моління перед Богородицею або Христом (рис. 1). Відмітимо, що розшифрувати сюжет та атрибутувати постаті на печатці намагалися чисельні дослідники. Проте неможливість прочитати супроводжувальні написи відповідно унеможливило надання безперечної відповіді щодо ідентифікації святих. На разі, надамо припущення фахівців з сфрагістики щодо атрибуції святих. На думку В.Л. Яніна у медальйоні зображено “Господа Эммануила” [Янин 1965, с. 77]. Щодо святих, то Г. Шлюмберже витлумачує їх як Кирила та Мефодія зі знаком питання [Schlumberger 1884, с. 432], Х. Лопарьов бачив в них Бориса та Гліба [Лопарёв 1894, с. 159–166], І.І. Толстой говорив про зображення угодників [Толстой 1887, с. 42] М. Ліхачов впевнено вважає, що тут зображено двох жінок — святу Феофано та Богородицю [Лихачёв 1928, с. 138], Янін схиляється до позиції Ліхачова [Янин 1965, с. 78].

Рис. 1. Печатка Теофанії (Феофано) Музалон.

Зображення на печатці неймовірно скидається на фрескове зображення у південній (княжій) наві Кирилівської церкви, що розташоване над ктиторською композицією. Тут ми бачимо: двоє святих (написи біля зображень не збереглися) моляться перед зображенням у медальйоні, яке на жаль не збереглося! Постаті на фресці можна ідентифікувати як святих угодників. У даній ситуації нашому дослідженню, поза сумнівом, імпонує точка зору І. Толстого, який на печатці також убачає постаті

Рис. 2. Фрескове зображення з південної нави Кирилівської церкви.

святих угодників. Зображення з печатки Феофано ніби скопійоване у побільшеному і більш рельєфному вигляді на фресці (рис. 2). А це, своєю чергою, засвідчує прямий родинний зв'язок між господаркою печатки й замовником розписів Кирилівської церкви. Той факт, що вищезгадане зображення розташоване *безпосередньо* над ктиторською композицією, логічно пов'язує ці сюжети та вказує, що церква будувалася князем у пам'ять про свій візантійський рід. Найвність над ктиторською композицією сюжету моління можна розшифрувати як моління за ктитора або ктиторів, зображених на ктиторській композиції.

Нам достеменно відомо, що господаркою печатки була архонтиса Феофано Музалон — мати Всеволода Ольговича. Якщо засновником Кирилівського храму, а й відповідно й замовником розписів був її син князь Всеволод, цілком доречним сприймається його бажання увічнити сюжет, зображений на печатці Феофано, або аналогічний, дуже схожий на нього, в розписах фамільного храму, підкресливши тим самим свою причетність до знатного візантійського роду. Дивна подібність, на яку уперше звернуто увагу у статті І. Марголіної [2004, с. 92–96] може свідчити про безперечний логічний зв'язок між печаткою й фресковою ктиторською композицією.

Все це дозволяє стверджувати, що Всеволод зберіг дуже трепетну пам'ять про матір, яку втратив дуже рано. Більше того, символ, яким користувалася його мати, Всеволод зберіг і “освятив”, вмістивши *над* ктиторською композицією.

З'ясовуючи причини назви собору на честь Кирила Александрійського, а також виявляючи ім'я засновника собору, спираючись на фактологічні, археологічні, мистецькі джерела можна стверджувати, що Кирило Александрійський був християнським патроном князя Всеволода. Культ Кирила та його парного святого Афанасія був пов'язаний з родиною батька Всеволода — Олега Святославича та його дружиною, візантійською патриціанкою Феофано Музалоніссою. Вшанування цих культів пов'язано з діяльністю нащадків Олега та

Феофано, а саме з їх сином Всеволодом Ольговичем, який через побудову Кирилівської церкви став активним поширювачем культу Кирила та Афанасія, а відтак і їх вчення у Київській Русі.

Література

- Асеев Ю.* Архитектура Кирилівського заповідника // Архитектурні пам'ятки. К., 1950.
- Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI–XVIII вв. К., 1985.
- Лихачёв Н.П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Труды музея палеографии. Т.1. Л., 1928.
- Лопарёв Х.* Византийская печать с именем русской княгини. ВВ. Т. 1. 1894.
- Лященко Т.* Св. Кирилл Александрийский: его жизнь и деятельность. К., 1913.
- Максимович М.А.* О создании киевской церкви св. Кирилла // Собр. соч. Т. 2. К., 1877.
- Марголіна І.Є.* Кирилівська церква в історії середньовічного Києва К., 2001.
- Марголина И.Е.* Археологические и искусствоведческие источники в проблематике исследования киевской Кирилловской церкви // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Ч. III–IV, К.-Судак, 2004.
- Молчанов А.А.* Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси. М., 1976. ПСРЛ. Т. 2. М., 1998.
- Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII в. (1113–1115) / Изд. А.С. Норова. СПб., 1864.
- Советов А.* Киево-Кирилловская церковь // Учебно-богословские церковно-проповеднические опыты студентов КДА. К., 1914. Вып. 12.
- Толстой И.И.* О византийских печатях Херсонесской фемы // ЗРАО. новая серия. Т. 2. Спб., 1887.
- Удальцова З.В.* Культура Византии (VII–XII вв.). М., 1989.
- Филарет (Гумилевский).* Святые подвижники восточной церкви. СПб., 1871.
- Янин В.Л.* Печать Феофано Музалон // НС. Т. 2. М., 1965.
- Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1987.
- Янин В.Л.* Нумизматика и сфрагистика. К., 1965. Вып. 2.
- Ревна О.З.* The Kyrylivska tserkva. The aprophition of Byzantine art and architecture in Kiev. N.Y. University, 1995.
- Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire Byzantin, Paris, 1884.

ЭВОЛЮЦИЯ МОНЕТНОЙ СИСТЕМЫ БОСПОРА ГРЕКО-РИМСКОЙ СТАДИИ (16 Г. ДО Н.Э. — 14 Г. Н.Э.).

Как видим, развитие системы номиналов боспорской меди является достаточно простым.

В.А. Анохин. Монетное дело Боспора, с. 87.

Сложности возникли у нумизматов при изучении номиналов и монетно-весовой системы боспорской бронзовой монеты, представленной с 16/15 г. до н.э. выпусками с монограммой “BAE” и наследующими им монетными типами до появления в 15 г. н.э. ассариев Аспурга. Направление в решении этой проблемы наметили А.Л. Бертье-Делагард и А.Н. Зограф, указавшие на поэтапный переход от греческой монетно-счетной системы к римской. Однако саму структуру этого перехода ученые раскрыть не смогли; и изучивший эту тему В.А. Анохин предложил иной принцип становления на Боспоре элементов римской монетно-весовой системы. По мнению ученого “с конца I в. до н.э... нужно отметить полный отказ... от греческой системы счета на халки без каких-либо промежуточных или переходных стадий, что не позволяет уловить в римских номиналах их греческие эквиваленты” [Анохин 1986, с. 87]. В.А. Анохин предположил выпуск первых трех серий с “BAE” (СК¹ — А.256²-А.258–16–14 гг. до н.э.; ДС1 — А.270-А.275–11 — ок. 5 гг. до н.э.³; ДС2 — А.276-А.283 — ок. 5 г. до н.э. — ок.

¹ Условные сокращения монетных групп, серий и выпусков расшифрованы в пояснении к прилагаемой таблице I.

² Здесь и далее в аналогичных обозначениях (А. слитно с числом) зашифрованы номера типов монет по каталогу из монографии В.А. Анохина: [1986, табл. 10-12].

³ В серии бронзовых монет ДС1, появившейся с 11 г. до н.э. одновременно с первым статером (286 г. б.э. [Покрасс 1997, с. 6-7; Анохин 1999, с. 128, рис. 32: 1]) 2-го правления Динамии, – впервые на монетах Боспора появляется обозначение номинала “E” (5) на типе А.271. Остальные монеты в 1-4 и 10 единиц остались в серии ДС1 без знака номинала. Опубликованный Ю.Л. Покрассом [1997, с. 6: 1] статер 286 г. б.э. ранее был мною ошибочно причислен к частично опубликованному тем же автором [Покрасс 1997а, с. 5: 1] составу клада статеров, где самой ранней монетой является статер 306 г. б.э. Эта ошибка вызвана отсутствием у С.И. Болдырева в его исследовании о дате смерти Полемона I указанного статера 286 г. б.э. (см. прим. 10), что сочеталось с сомнениями по поводу подлинности упомянутого клада [2002, с. 55-56]. Приношу извинения С.И. Болдыреву за ошибочно приписанное ему сомнение в подлинности статера 286 г. б.э. [Мельников 2004 с. 271, прим. 14] и в исправление этой своей оплошности укажу, что на самом деле, в подлинности именно данной монеты – ни С.И. Болдырев (который вообще о ней не говорит), ни кто-либо другой сомнений не высказывали.

0 г. н.э.⁴) на основе асса унциального веса в 27,2875 г ($1/12$ либра), применявшегося в Риме только до 90/89 г. до н.э., признав, однако, что “никаких резонных объяснений причин выпуска на Боспоре монет более тяжелого, чем в Риме, стандарта не находится”. Исследователь считает, что обозначения номиналов на трех первых сериях с “BAE” выражены в дробной к указанному ассу “архаичной для Рима этого времени” весовой единице — унции ($\approx 2,27$ г); а, при “понижении весовой нормы” в 4-й серии с “BAE” (ДСЗ — А.286-А.287 — ок. 3–8 гг н.э.), в серии Б2 (А.290-А.292–8–10 гг. н.э.) и группе КА (А.322-А.323 г — ок. 0–10 гг. н.э.) — в дробной к $1/4$ весовой унции (6,821875 г) величине, а именно — в номинальной (для Боспора) унции $\approx 0,85$ г [Анохин 1986, с. 86–87]. Такой переход специалист полагает возможным только в рамках единой монетно-весовой системы, так как, по его мнению, “изменение единицы, лежащей в основе счета... кажется наименее вероятным, поскольку при сохранении одних и тех же знаков на монетах неизбежно должно было бы возникнуть смешение номиналов, чего не могли не учитывать монетарии” [1986, с. 84].

Опасения В.А. Анохина о “смешении номиналов” — беспочвенны, поскольку наряду с изменением весовых норм менялся и тип монет, а последний критерий исправно выполнял свою функцию различения номиналов⁵ на протяжении предшествующего более чем полу-

⁴ Эта серия бронзы ДС2 наиболее развернута по номиналам (вместе со статерами – 9 наименований) – что беспрецедентно для всей истории Боспора: ближайшая аналогия – 7 номиналов при Евмеле в конце IV в. до н.э. [Мельников 2002, с. 172-173]. Эта особенность при значительных колебаниях веса отдельных монет – вызвала необходимость сплошного проставления буквенно-цифровых обозначений, которого кратковременно избежал только первый выпуск самого крупного номинала этой серии в 10 единиц [Фролова 1997, табл. VII: 15].

⁵ В отношении практики монетного дела античности – неправомерно выглядит сомнение С.И. Болдырева [2002, с. 57] о достоверности положения о “взаимосвязи достоинства и веса монеты, отчеканенной из бронзы”. Отмечу, что “кредитность” бронзовой монеты, хотя и приглушала взаимосвязь “достоинства и веса монет”, однако отнюдь эту зависимость не отменяла. При этом, конечно, каждый раз характеристики и величины указанной взаимосвязи для бронзовой монеты не были постоянными в пространстве и времени. Кстати, в нумизматике необходимо отказаться от таких определений, как “кредитная” монета (монета “условной стоимости”) и “полноценная” монета, заменив их понятиями, более адекватно отражающими степень разрыва между стоимостью металла, заключенного в монете, и ее номинальной стоимостью (точнее – покупательной способностью). При таком подходе, золотая и серебряная монета могла бы называться, например, монетой “процентной” (разница между металлом и номиналом – 20-25%), а бронзовая – “кратной” монетой (разрыв между стоимостью металла и покупательной способностью – от 2-х до 12-ти и более крат). Между “процентной” и “кратной” монетой может располагаться “процентно-кратная” или “переходная” монета, (например, из биллона) с расхождением между металлом и номиналом от 25% до 2-х крат.

тысячелетнего опыта монетного дела Боспора. Но главное, что в предложенном В.А. Анохиным [1986, с. 83–86] варианте методически неприемлемо вычисление условных нормативов выводимой монетно-весовой системы по среднему реальному весу монет. Ведь еще А.Н. Зограф, основываясь на примерах провинциальной римской чеканки Хиоса, указал на необходимость уделять внимание в метрологических расчётах по рассматриваемому периоду времени, в первую очередь — наиболее тяжелым экземплярам бронзовых монет. Советский классик античной нумизматики отметил: “...резкое расхождение между максимумом, в первое время частично приближающимся к римским нормам, и минимумом, нередко не превышающим их половины, чрезвычайно характерно: оно делает суждение на основе средних весов малоубедительным ... Единственное, чего по аналогии с хиосскими монетами мы могли бы ожидать от боспорской медной чеканки, это, чтобы она в своих первоначальных, исходных образцах приближалась к римской норме асса и в первое время после того не слишком удалялась от неё, хотя бы лишь в максимальных цифрах” (выделено — *О.М.*) [Зограф 1938, с. 299–300; 1951, с. 196–197, 199].

Судя по равномерному повышению веса в сериях СК, ДС1 и ДС2 “от номинала к номиналу на 2–4 г” [Анохин 1986, с. 83] — за эту номинальную дискретность монетарии приняли римскую весовую единицу в 1 драхму — $\frac{1}{96}$ либра — в 3,4109375 г. Эта величина наблюдается в весовой градации наиболее тяжелых монет уже первой серии “BAE” (СК): 1) младший номинал весом в 1 драхму $\approx 3,41$ г (А.258: 2,93–5,29 г.⁶); 2) первый средний номинал в 2 драхмы $\approx 6,82$ г (А.257: 3,63–6,90 г.⁷); 3) второй средний (предполагаемый) номинал в 3 драхмы $\approx 10,23$ г (вес неизвестен: [Гиль, 1891, с. 11, табл. VI. 59; Казаманова, 1969, LIV. 8; Фролова, 1997, V. 17]); 4) старший номинал в 4 драхмы $\approx 13,64$ г (А.256: 5,02–13,15 г). Выведенная уже из серии СК единица измерения номиналов подтверждается чеканенными в единой весовой системе с этой серией двумя последующими сериями с “BAE” (ДС1 и ДС2), заключительная из которых полностью снабжена буквенными определениями номиналов: А(1) $\approx 3,41$ г (А.275, А.283: 2,55–4,99 г), В(2) $\approx 6,82$ г (А.274, А.282: 2,46–6,59 г), Г(3) $\approx 10,23$ г (А.273, А.281: 4,33–11,35 г), Д(4) $\approx 13,64$ г (А.273, А.280: 5,82–11,64 г), Е(5) $\approx 17,05$ г (А.271, А.279: 5,90–15,05 г), З(6) $\approx 20,46$ г (А.278: 7,00–16,72 г), З(7) $\approx 23,87$ г (А.277: 21,35–23,49 г), И(10) $\approx 34,10$ г (А.270, А.276: 27,07–

⁶ Здесь и по аналогии далее указан разбег реального веса монет по: [Фролова 1997, с. 182–191].

⁷ Указание Н.А. Фроловой на вес монеты типа А.257 (лев, звезда / “BAE”) в 11,32 г и диаметром в 23 мм является, вероятно, технической ошибкой, о чем можно судить по фоторепродукции этой монеты, не выделяющейся среди соседних монет, переданных как более легковесные и меньшие по размеру, но с визуально большим диаметром их фоторепродукций [Фролова 1997, с. 182, табл. V: 10] – ср. [Фролова 1997, с. 182, табл. V: 6, 11, 12; Голенко 1971, табл. II: а].

33,90 г) [Фролова 1997, с. 182–191]. Средний показатель максимальных фактических весов монет всех трёх первых серий с “BAE” (СК, ДС1, ДС2) — дает вес одной кратной единицы в $\approx 3,31$ г; что весьма близко к указанному весовому значению римской драхмы веса в $\approx 3,41$ г. Используя это название римского веса (берущее своё наименование из греческой монетно-весовой системы), — мы и будем далее условно обозначать полученную для указанных серий единицу номинала бронзовой монеты — как “драхма”⁸.

Таким образом, теоретические и практические наблюдения над монетным материалом показывают, что систему трех первых серий с “BAE” необходимо связать, в первую очередь, с делением по греческому принципу на 96 частей либра (римского фунта) в 327,45 г. А это значит, что в реконструкции монетно-весовых систем греко-римской стадии нет нужды использовать предложенную В.А. Анохиным архаичную монетную норму римского асса в одну весовую унцию (27,2875 г) [1986, с. 87].

Появление в серии СК особой, с элементом десятичности [Зограф 1951, с. 196] (выразителем чего стал самый крупный среди монет с “BAE” номинал в I (10)⁹ “драхм” — “декадрахма”) монетно-весовой системы — связан с недавно установленным эмитентом первой серии с “BAE” — Скрибонием [Мельников 2004 с. 253, сл.].

Найдем в системе Скрибония стоимостный обмен бронзовой монеты на боспорский золотой статер, благо, в начале этапа ранней империи, порядка 80% золота в статерах [Смекалова, Дюков 2001, с. 92, рис. 2: 10 б] и их вес позволяют условно отождествить эти монеты с римским ауреусом [Бертье-Делагард 1911 а, с. 309; Зограф, 1951, с. 192] теоретического веса 8,18625 г¹⁰. Если бы в системе Скрибония

⁸ Ранее я назвал этот номинал “халком” [Мельников 2004, с. 263]. В данном случае, принципиально лишь то, что искомое название не было “унция”, поскольку прямого соответствия этой римской монетно-весовой единице здесь не наблюдается. Справедливо возражая А. Сегре на предложенную им для Боспора систему номиналов, в которой знак “IV” означал бы “драхму”, А.Н. Зограф написал: “Расшифровывая таким же образом знаки боспорских монет, пришлось бы уже в первой половине I в. н.э. без предшествующих ступеней обесценения допустить наличие на Боспоре медной кредитной драхмы” [1938, с. 297]. Курьёзно, — но “медную кредитную драхму” (хотя и не в первой половине I в. н.э., а в последнем десятилетии I в. до н.э.) — пришлось все-таки допустить, но по другому поводу и не в укор авторитету А.Н. Зографа.

⁹ Нет оснований считать знак “I” на самых крупных монетах с “BAE” обозначением асса или ассария в 12 единиц-унций, как полагает В.А. Анохин [1986, с. 86], основываясь на “традиционности” такого обозначения в “римской монетной системе”. На этапе Ранней империи в боспорском монетном деле (имевшего заметные отличия от монетного дела Рима) для обозначения ассария изначально с 15 г. н.э. был принят знак “IV” — 12 единиц.

¹⁰ В действительности законодательная норма — 40 монет из либра золота — не соблюдалась как в Риме, так и на Боспоре, поскольку на практике из

соблюдалась римская весовая норма в 4366 г бронзы для чеканки монеты номинальной стоимостью в один статер (400 ассариев условного веса по 10,915 г), то из этой бронзы можно было бы изготовить 128 “декадрахм”, составлявших номинальный эквивалент статеру. Такая цифра явно не удобна для денежного счёта в практическом рыночном обращении. Равновесный же выпуск римских сестерциев из аурихалка (латуни) [Зограф 1951, с. 52–53] (при необходимой массе этого сплава в 1 либр на 100 сестерциев, — каждый из которых весом по одной унции или по 8 драхм — 27,2875 г) — предполагал бы чеканку 80 “декадрахм” совокупной стоимостью в 1 статер. Но и такое едва ли было возможным в силу превышения ценности монетной латуни над бронзой. Остаётся “золотая середина”: наиболее рациональным решением для Скрибония (и для исследующих его монетно-весовую систему нумизматов) было бы уравнивать денежную стоимость 8-ми весовых драхм аурихалка римского сестерция — с 10-ю весовыми драхмами бронзы “декадрахмы”¹¹. Что и позволяет уверенно утверждать о системе обмена статера на 100 “декадрахм” (играющих очевидную роль сестерция при разменных операциях с номинальным аналогом ауреуса — боспорским статером), дающих в сумме 1000 “драхм” общим условным весом 3410,9375 г. При этом, соотношение стоимости монетных золота (800-й пробы) и бронзы составит 1:416,67.

Монетная система Скрибония была основана на греческом принципе деления римского либра и сочетала отдельные элементы греческого, десятичного, произвольного (фантазийного [?]: например — 7 “драхм”) и римского принципов монетно-номинального счёта и весовых единиц. Оригинальность этой монетно-весовой системы, которую условно можно назвать боспоро-греко-римской — еще раз подчеркивает неординарность ее создателя как общественно-политического лидера и царя, напомнившего своим решительным и нестандартным нововведением монетные реформы Евмела (ссылку на литературу см. прим. 4). Начало чеканки монет группы КА — с демотиконами боспорских городских общин Кесарии (А.322а, А.322б) и Агриппии (А.323-А.323 г)¹² — знаменует появление нового номинала, помечен-

либра чеканили, очевидно, 41 ауреус. Но поскольку подобные нарушения происходили не только с золотом, но и с другими металлами, то, при поставленной здесь цели выявить, главным образом, законодательные метрологические принципы и соотношения — в итоговых выводах используются условно-нормативные величины.

¹¹ Из указанного очевидного ценового равенства “декадрахмы” и римского сестерция вычисляется и принятое на Боспоре во время эмиссии трех первых серий с “BAE” соотношение стоимости монетных аурихалка и бронзы как 1:1,25.

¹² Выпуск монет Кесарии А.Н. Зограф [1941а, с. 157] изначально помещал “около начала нашей эры”, однако позже, для этих же монет и эмиссий Агриппии учёный представил развёрнутое обоснование датировки 14-8 гг.

ного на монете буквой-цифрой “Н” — 8 единиц. Монеты группы КА показывают разброс своего реального веса в 2,88–11,78 гт [Фролова 1997, с. 178–181]. Однозначной кандидатурой на условный весовой образец для данной группы — является уже упомянутый выше условный норматив римского асса или ассария времён Августа в $\frac{1}{30}$ либра или в $\frac{2}{5}$ весовой унции — 10,915 г. [Зограф 1951, с. 53, 196, прим. 2 (правый столбец)].

Поскольку в римской монетно-весовой системе монеты с таким весом и именно в бронзе предполагают деление их на 12 номинальных унций, — то обозначение знака 8 единиц на таких же (по условному весу) бронзовых монетах Боспора — отвергает предложение В.А. Анохина считать эти 8 единиц унциями и выводить из них название самих монет Кесарии и Агриппии как “беса” либо “додранса” [1986, с. 86; 1999, с. 132]. Судя по указанному обозначению Н (8) в группе КА — здесь мы имеем дело с греческим понятием обола и соответствующей его составляющей: халком [Бертье-Делагард 1910, с. 129, 135, 206; 1911а, с. 324–328; Зограф 1951, с. 196].

Применительно же к римской весовой системе — новый боспорский халк составил $\frac{1}{240}$ часть либра или $\frac{1}{20}$ часть весовой унции, что даёт его условный вес в 1,364375 г¹³. Таким образом, монеты Кесарии и Агриппии законодательно предполагались к выпуску по особой монетно-весовой системе, сочетавшей в себе греческие номиналы и римские весовые нормы. Эту систему можно назвать условно греко-римской. Тем самым, монеты группы КА находят себе объяснение и соответствующее место исключительно на греко-римском этапе перехода от специфически-уникальной боспоро-греко-римской монетной системы Скрибония — к рассматриваемой ниже введенной выпуском Аг2 Аспурга системе римско-боспорской.

до н.э [Зограф 1951, с. 193]. Судя же по Керченскому кладу 1961 г. [Голенко 1971, с. 38-39] и анализу монетно-весовой системы — эмиссия монет группы КА началась непосредственно по окончании выпуска 3-й серии с “BAE” (ДС2), то есть — около рубежа новой эры. Тем самым, подтверждается мнение А.В. Орешникова [1914, с. 40; 1922, с. 133], который первым отнес ко 2-му правлению Динамии монеты переименованных городов — предположительно Пантикапея и Фанагории.

¹³ Отмечу, что средний вес монет группы КА (как и подавляющего большинства других монет Боспора на медной основе) существенно занижен в сравнении с весом условным; что диктовалось желанием эмитентов извлечь максимальную прибыль от монетной регалии. Средний вес дошедших до нас и хорошо сохранившихся монет упомянутой группы составляет порядка 7-8 гт (при поштучном колебании таких монет из Керченского клада 1961 г. от 5,15 до 10,44 гт — их средний вес составил 7,53 г [Голенко 1971, с. 50. 34-46]). Как уже указано в начале статьи, средний вес боспорских на медной основе монет рассматриваемого времени — неприемлем для вычисления интересующих нас законодательных метрологических величин.

Таблица I. Хронология, система номиналов и эмитентная принадлежность монет Греко-Римской стадии монетного дела Боспора.

Период		IV. Римский									
Этап		А. Ранней империи									
Стадия		а. Греко-Римская									
Правитель	Скр.	Пол.	Динамия			КNE		Аспург		Дин.	
Группа	КА										
Серия	СК	Б1	ДС1	ДС2	ДС3		Б2			ДМ	
Выпуск											
Часть статера ^{1/}	Дата										
	Номинал	16	14	11	5	0	3	8	10	11/12	13 14
1	Статер (Ауреус)	311			ПА, 259–269а			284, 285	288–289		293
100	“Декадрахма”			270	276						
142 ^{9/7}	7 “драхм”				277						
166 ^{2/3}	“Гектодрахма”				278						
200	14 халков						ГП,г,д				
	“Пентадрахма”			271	279						
250	“Тетрадрахма”	256	ГП,б,в	272	280						
333 ^{1/3}	“Тридрахма”	ГКФ		273	281						
350	8 халков (обол)	Кесария				322–322б		321			
		Агриппия				323–323 г					
400	7 халков						286	290			
420	Декстанс						ГП,е				294
500	“Дидрахма”	257	ГП,а	274	282						
700	Семис								318	295	
1000	“Драхма”	258		275	283						
1050	Триенс										296
1400	Дихалк						287	291			
2800	Халк							292			

Пояснения к таблице I: Эмитенты: Скр. — Скрибоний; Пол. — Полемон I; КNE — правитель, зашифрованный на монетах монограммой КNE; Дин. — Динамия. Группа бронзовых монет:

КА — Кесарии и Агриппии. Серии бронзовых монет: СК — Скрибония; ДС1, ДС2, ДС3–1–3-я серии Динами-Скрибония; ДМ — Динами-Митридата; Б1 — анонимная боспорская серия Полемона I; Б2 — анонимная боспорская серия правителя КNE. Выпуски бронзовых монет: Аг1, Аг2–1-й и 2-й выпуски Аспурга.

Типы монет: ГП,а,б,в,г,д,е — [Голенко, 1971, табл. II. а,б,в,г,д,е]; ГКФ — [Гиль, 1891, табл. VI. 59; Казаманова, 1969, LIV. 8; Фролова, 1997, табл. V. 17]. ПА — [Покрасс, 1997, с. 6–7; Анохин, 1999, с. 128, рис. 32: 1,2]. Простые номера соответствуют номерам типов монет из каталога В.А. Анохина [1986, табл. 10–12].

Хронологические границы между сериями бронзовых монет ДС1 — ДС3 и начало чеканки группы КА — приблизительно и допускают колебания до 2-х лет.

Соотношение весов “драхмы” трёх первых серий с “BAE” к халку оболв группы КА составляет 1:2^{1/2}, что является весьма нерациональным. Ввод столь инородной для системы Скрибония новой греко-римской монетной системы выглядит, с точки зрения денежного обращения, совершенно неожиданным и даже насильственным, как и возрождение стоящих за новой системой городов в роли монетных эмитентов. Более того, как свидетельствует Керченский клад 1961 г. [Голенко 1971, с. 47] — начальные городские эмиссии в течение нескольких лет (по приблизительной оценке — около 3-х лет) являлись моно-

польной продукцией монетных дворов Боспора при отсутствующей “царской” чеканке¹⁴. Всё это говорит о серьёзных политических потрясениях, происшедших на рубеже новой эры и приведших к весьма существенному ослаблению власти боспорского “царского” дома, вынужденного идти на уступки местному самоуправлению с предоставлением значительных льгот и вольностей городам. При выпуске же своих монет города Боспора продемонстрировали вполне выраженную лояльность не столько по отношению к “царской” власти сколько напрямую по отношению к патронату Рима. Отсюда следует, что Динамия в середине своего 2-го правления под давлением неких внутренних обстоятельств была вынуждена дать городским общинам Кесарии и Агриппии согласие на выпуск ими автономной бронзовой монеты.

К сожалению, более конкретных сведений о политических коллизиях на Боспоре около рубежа новой эры нумизматика предоставить пока не может. Однако такая обобщенная и неблагоприятная по отношению к “царской” власти Боспора рассматриваемого времени реконструкция событий косвенно подтверждается рескриптом (упомянутым в прим. 14) Аспурга от 20 числа месяца Дайсия 312 г. б.э. (июнь 16 г.). В этом своем указе царь выразил особую благодарность жителям Горгииппии за то, что те “соблюли себя в полной безмятежности во время” его поездки в Рим [Блаватская 1965, с. 200, 208]. Получается: царь торжественно ставит городу в большую заслугу то, что должным было ожидать от своих подданных самим собой разумеющимся! По-видимому, в отношении к городам Боспора — “царской” власти приходилось в рассматриваемое время эпизодически прилагать значительные усилия для удержания тех в подобающей лояльности.

При соблюдении монетами группы КА разменно-весовых пропорций серий СК, ДС1, ДС2 один боспорский статер должен был бы насчитывать 2500 халков в составе 312½ оболов группы КА. Это соотношение явно неудобно для практики денежного обращения. Поэтому представляется реальным только один вариант, принятый монетариями Кесарии и Агриппии: ими было установлено деление боспорского статера на 2800 халков, входящих в состав 350 оболов группы КА. Столь однозначная исследовательская установка основана на последующем согласовании ввода в возобновившейся “царской” чеканке серии ДС3 в качестве старшего номинала в 7 единиц типа А.286 “Персей, гарпа / герма, ветвь”. Тот же номинал и так же в качестве старшего присутствует и в следующей анонимной, но, несомненно, “царской” серии Б2 (А.290 — А.292)¹⁵. Совместный весовой расклад

¹⁴ Поскольку монеты серии ДС3 (А.286 и А.287) не засвидетельствованы в Керченском кладе 1961 г., — то их эмиссия началась несколько позднее возникновения чеканки группы КА, чьи выпуски в клад попасть успели [Голенко 1971, с. 46, 47]. Отсюда тезаврацию Керченского клада 1961 г. можно датировать первыми годами (ок. 3 г.) новой эры.

¹⁵ Прекращение чеканки бронзы с “BAE” и выпуск анонимной серии Б2 необходимо согласовать с появлением статеров с монограммой “KNE”. В правите-

серий ДСЗ и Б2 по номиналам следующий: А(1) (А.292: 1,52, 2,21) В(2) (А.287, А.291: 2,61 [Анохин 1986, с. 149. 287] — 2,75 г), Z(7) (А.286, А.290: 3,13–9,85 г) [Фролова 1997, с. 191–192]. Средняя сумма максимальных весов при соответствующем номинальном дроблении дает счетную единицу $\approx 1,48$ г; то есть, приближая этот вес к ближайшему нормативу, мы получим ту же, как и в группе КА, — $1/240$ часть либра или $1/20$ часть весовой унции — боспорский халк с условным весом $\approx 1,36$ г. Таким образом, “царские” серии ДСЗ и Б2 чеканились в греко-римской монетно-весовой системе, но с уменьшенным (в сравнении с оболем группы КА) на один халк достоинством старшего номинала. Появление этого нового номинала К.В. Голенко охарактеризовал так: “Парадоксальность положения усугубляется самыми многочисленными монетами (А.286 — *О.М.*)... в 7 единиц — номиналом, не являющимся кратным ни одной счётной системе того времени” [Голенко 1971, с. 42]. Объяснение столь “парадоксального” положения существует только одно: необходимо признать, что “царские” монетарии были вынуждены подстроиться под навязанную денежному рынку Боспора греко-римскую монетно-весовую систему Кесарии и Агриппии — то есть, согласовать монеты своих серий ДСЗ и Б2 с оболем и халком группы КА и с делением статера на эти же номинальные единицы. Это согласование было совмещено с дальнейшим внедрением на Боспор римской монетной системы: на старшие номиналы серий ДСЗ (А.286) и Б2 (А.290) была возложена новая для Боспора роль римского ассария (как $1/400$ части статера), что и позволило разменивать боспорский статер на 400 таких “семихалков”-ассариев, составлявших в сумме те же 2800 халков, заключённых в 350 оболех группы КА. Изложенное обстоятельство жестко связывает данные монетные типы, поскольку одновременно с расшифровкой “парадоксальности” “семихалков” серии ДСЗ определяет и хронологию монет Кесарии и Агриппии.

В итоге фиксируется подъем условного весового эквивалента бронзовой монеты в статере до 3820,25 г. что, при новом соотношении монетных золота к бронзе как 1:466,67, дает вынужденное законодательное удешевление бронзовой монеты предшествующих серий СК, ДС1, ДС2 на 12% (3820,25:3410,9375). С целью частичной нейтрализации этого, “царские” монетарии контрамаркируют ставшие наи-

ле, скрытом за этой монограммой, можно предполагать очередного супруга Динамии [Анохин 1986, с. 90; 1999, с. 130]. Тем показательнее то, что освободившееся на монетах место монограммы “BAE” не было тот час занято каком-либо новым обозначением: Динамия, согласившись на смену своей монограммы на золоте (вероятно, этот последний предполагаемый брак боспорской “царицы” носил чисто политический характер), на бронзе же только допустила снятие монограммы Скрибония, но не позволила тут же демонстративно заменить ее монограммой своего нового, очевидно — чисто конъюнктурного избранника.

более ценными для денежного обращения 2-х и 5-ти “драхмовые” монеты с “BAE”. На таких монетах известны надчеканки типа “BAE” [Голенко 1971, табл. II: д, е], изменяющие, очевидно, номинал надчеканиваемых монет. Как уже указано выше, простое весовое сравнение рассматриваемых “драхм” с халками — предполагает соотношение между этими номиналами как 1:2½; то есть: 2 к 5 и 5 к 12,5. Надчеканкой же монета в 2 “драхмы” приравнивалась к 7 халкам, что принесло эмитенту даже некоторую экономическую выгоду (надчеканенная монета перешла из разряда 1/500 статера в разряд 1/400), направленную, очевидно, на финансирование самой операции по надчеканке. Точно так же, для продолжения исполнения роли римского дупондия (1/200 ауреуса) — в обращении за счет приравнивания к 14 халкам надчеканкой типа “BAE” — был узаконен бывший номинал в 5 “драхм”¹⁶. 7-ми кратность вновь полученных номиналов позволила идеально вписать их в операции размена боспорского статера, наряду с “семихалками”-ассариями новых “царских” серий. Не надчеканенная во время эмиссии серии ДСЗ монета — серий СК, ДС1, ДС2 — была очевидно, отозвана из обращения.

С первым правлением Аспурга необходимо связать бронзу с монограммой “BAP”, но выпущенную в номинальной системе, отличающейся от системы монет с достоинством “IB” (ассариев) 2-го правления Аспурга. Монограмма “BAP” закрепляется на массовых выпусках бронзы и, главное, на золоте с 14/15 г. — после возвращения Аспурга из Рима, где он получил официальное подтверждение своих внешнеполитических царских прав на Боспорское царство. Однако типологическо-нумизматические расклады предполагают заполнение первых трех лет правления Аспурга (до выпуска им золота с монограммой “BAP”) не анонимной бронзой (какую ранее полагал здесь В.А. Анохин [1986 с. 93], и которая принадлежит в действительности правителю “KNE” [Мельников 2004, с. 257]), а двумя редкими типами бронзы в 8 и 6 номинальных единиц (A.321, A.318) и с монограммой “BAP”, более соответствующей монограммам “PAP” и “PA” на золоте¹⁷ [Гиль 1891, с. 11–12] и отражающей фактически

¹⁶ Назначение надчеканки “козерог” на этих же монетах в 5 “драхм” [Голенко, 1971, табл. II: г] — остается пока неясным.

¹⁷ Хотя по монограммам на золоте “PAP” и “PA” высказано осторожное мнение о том, что эти сокращения “сейчас трудно с уверенностью атрибутировать” [Фролова 1979, с. 142; 1992, с. 231; Зубарь 1998, с. 27], — однако в них можно предполагать обозначение Аспурга [Голубцова 1949, с. 95; Блаватская 1965, с. 205; 1965а, с. 36; Блаватский 1976, с. 58; Анохин 1986, с. 92; 1999, с. 130-131] как политарха [Виноградов 1994, с. 153, 154]; каковой ранг, в таком случае, надо понимать как внешне-официальный титул Аспурга — в отличие от полуофициального внутрибоспорского “царского” обозначения “BAP” на бронзе. Это является одним из веских оснований датировать первое “полуцарское” правление Аспурга на боспорском престоле 10/11-13/14 гг. Столь длительное отсутствие у Аспурга признанных Римом внешних царских

царское положение Аспурга на Боспоре ещё до 14/15 г. [Бертье-Делагард 1910, с. 157–158, 188].

Сложившаяся до Аспурга система номиналов настолько успела закрепиться в обращении, что он, прервав городскую чеканку в 10/11 г., — свой первый бронзовый выпуск Ag1 (ок. 10–11/12 гг.) оформил в подражательный Кесарии тип А.321 “женская голова в калафе / скипетр, ВАР” номиналом в 8 (Н) халков — обол. Вес двух известных экземпляров этого типа — 6,05, 7,15 г [Анохин 1986, с. 151. 321; Frolova, Ireland 2002, p. 50, pl. LXII: 6] — не выходит за рамки колебания веса оболков Кесарии и Агриппии, чеканку которых, очевидно, именно этот тип монет Аспурга и закрыл: выпуск Ag1 был, по преимуществу, политико-декларативным актом — своего рода реваншем “царской” власти на выплеснувшиеся десятилетие назад городские вольности. Копирование Аспургом типа монет Кесарии можно расценивать как демонстрацию принятия правителем под своё попечительство прерванной им городской монетной чеканки столицы Боспора. Более чем, вероятно, что лишение в 10/11 г. н.э. права монетной чеканки Кесарии не оставило своим исключением и Агриппию. Таким образом, эмиссия монет Кесари и Агриппии осуществлялась от рубежа новой эры до 10/11 г. н.э. [Мельников 2004, с. 269, прим. 8].

Вскоре после выпуска Ag1 Аспург приступил к собственно новой денежной реформе. Второй в бытность его первого правления бронзовый выпуск Ag2 (ок. 11/12–13/14 гг.) — А.318 “Арес, тамга / доспехи, ВАР”¹⁸ — не согласуется с предшествующим нормативом халка, однако соответствует номинальному весу унции — ≈0,91 г — дробной единицы римского ассария. О таком же выборе свидетельствует и номинал этой монеты — ζ (6) семис. При бронзово-монетном эквиваленте статера в 3820,25 г, норматив выпущенного семиса типа А.318 пред-

полномочий могло быть вызвано нерасположенностью Октавиана к предоставлению царского внешнеполитического права боспорским правителям. Очевидно, Тиберий не был предубежден против расширенного титула боспорских “царей”; что и обусловило поездку Аспурга в Рим сразу по известию о смерти Октавиана.

¹⁸ О том, что тип А.318, являясь вторым типом монет Аспурга, предшествует аналогичному типу (но без тамги) в серии ДМ,— свидетельствует правильное расположение щита и копья на семисе Аспурга: соответственно слева и справа от панциря. Тогда как в следующем, уже подражающим этой монете Аспурга – типе А.295 серии ДМ 3-го правления Динамии – щит и копье резчик штемпеля ошибочно (зеркально) поменял местами. Тамгообразный знак на л.с. монеты А.318 [Десятчиков 1974, с. 18] является, в первую очередь, не “царской монограммой Аспурга” когда он был после 14 г. объявлен царем Боспора [Блаватская 1965, с. 205; Сапрыкин 2002, с. 207], – а одним из родовых сарматских знаков [Голенко, Шелов 1963, с. 12-14; Виноградов 1994, с. 153, прим. 11] – никакого отношения к указам Рима не имеющим, даже несмотря на свою нагрузку. Но в любом случае, “царское” внутреннее обозначение на бронзовой монете не было воспрещено и до 14/15 г.

полагал размен статера на 700 таких монет (в отличие от 800 семисов за ауреус в римской системе), каждая условного веса $\approx 5,457$ г. Очевидно, такая пропорция и была сохранена, поскольку позволяла без дополнительных затрат вписать (как 2:1) новый тип в систему номиналов “царских” (Ag1) и городских (KA) монет. Ограниченный тираж выпусков Ag1 и Ag2 объясняется многочисленностью эмиссий KA, составлявших на тот момент основную массу “народного” денежного обращения. С выпуска Ag2 начался переход к чисто римским монетным номиналам, хотя и в рамках специфической римско-боспорской монетной системы. Эти проримские перемены позволяли Аспургу набирать дополнительные политические очки, могущие способствовать решению Рима о выносе внутреннего царского титула Аспурга на внешне-государственный уровень.

Приведенные выше монетно-весовые расклады жестко во времени запирают монетную чеканку Кесарии и Агриппии между последними эмиссиями боспоро-греко-римской системы Скрибония, и реформой Аспуга в первом его правлении, когда произошел переход от халка к унции римско-боспорской системы — то есть между серией ДС2 (3-й серии с “BAE”) и выпуском Ag2 (A.318). Ещё понижает, хотя и незначительно, верхнюю планку границы чеканки группы KA выпуск Ag1 (A.321) что вытекает из указанных выше соображений политического характера.

Судя по первым двум выпускам Аспурга (Ag1 и Ag2) этот правитель собирался до предела упростить монетную систему, введя к золоту лишь один разменный номинал в бронзе (чего Аспург и добился третьим вариантом своей системы, вернувшись из Рима в 14/15 г., о чем подробнее в следующих публикациях). Однако отъезд Аспурга в Рим и третий приход Динамии к власти в сентябре 14 г.¹⁹ вылились в

¹⁹ Появление под 310 г. б.э. (13/14 г.) статера A.293 с монограммой “ΔΥΜ” – В.А. Анохин справедливо расценил как нумизматическое свидетельство 3-го правления Динамии, замечающей Аспурга во время его посещения Рима [1986, с. 93-94; 1999, с. 131-132] осенью 14 г. [Блаватская 1965, с. 207-208]. Статер A.293 (зная об этой монете, Сапрыкин утверждает, что “в источниках ничего не говорится об этом третьем правлении Динамии” [Сапрыкин 2002, с. 98, 157]) был отчеканен, очевидно, в сентябре 14 г. – между отъездом Аспурга к Тиберию (после получения вести о смерти Октавиана, скончавшегося 19 августа 14 г.) и началом 311 г. б.э. в октябре 14 г. Так же В.А. Анохин справедливо предположил синхронность указанного статера с бронзой серии ДМ, несущей на себе монограмму “BAM”. Поддержанное С.Ю. Сапрыкиным [2002а, с. 207-208] предположение В.А. Анохина [1999, с. 131, прим. 1] о сложном знаке “M” (из двух букв – “MY”), присутствующем в монограмме на статерах Динамии и в аббревиации бронзы с “BAM”, – как об одной и той же варварской тамге Динамии – несостоятельно. При известной нам степени варваризации Боспора невозможно допустить, чтобы в монограмме “ΔΥΜ” греческие буквы вступили в симбиоз (посредством единого графического слияния) с варварской тамгой.

сфере денежной политики в несколько неожиданную (для планов Аспурга) монетную реформу. Хотя за единицу номинально-весовой дробности новых бронзовых монет Динамии в серии с “ВАМ” и была взята та же римская унция ($\approx 0,91$ г), как и для типа А.318, однако на основе этой унции вводится, помимо семиса ς (6), не только триенс Δ (4), но и небывалый для римской монетной системы номинал декстанс I (10), который сразу ассоциируется с развернутой в сериях ДС1 и ДС2 монетной системой Скрибония. Тем самым “царская” денежная политика в серии ДМ предоставляет нам еще одно подтверждение связи монограмм “BAE” и “BAM”. Монограмму “BAM” надо рассматривать, очевидно, не только как указание на Митридата Евпатора, но, равно как и последний намек Динамии на ее память о Скрибонии [Мельников 2004, с. 264]. Практический же выход на норматив унции ($\approx 0,91$ г) в выпуске Ag2 и серии ДМ выглядит следующим образом: $\Delta(4) \approx 3,64$ г (А.296: 2,93–4,44), $\varsigma(6) \approx 5,46$ г (А.318, А.295: 3,36–6,36), I(10) $\approx 9,1$ г (А.294: 7,20–7,91) [Фролова 1997, с. 193–194, 203–204]. Отсюда средний вес дробной единицы по самым тяжелым приведенным экземплярам $\approx 0,94$ г, что весьма близко к указанному нормативу унции.

Старший номинал бронзы (декстанс) серии ДМ — А.294 “Гелиос / полумесяц, ВАМ” в предшествующем весовом эквиваленте (3820,25 г) размена бронзовой монеты к статеру составляет 420 штук. Надо полагать, что это соотношение в серии с “ВАМ” таким и сохранилось, поскольку позволяло легко согласовать эту серию с предыдущими городскими и “царскими” эмиссиями.

Таким образом, монеты выпуска Ag2 и серии ДМ чеканились по римско-боспорской монетно-весовой системе, основанной на весе римской унции, но с особым боспорским набором и соотношением номиналов.

В конце греко-римской стадии во время 3-го правления Динамии осенью 14 г. общая система монетного обращения Боспора приобрела следующий вид: 1 статер = 200 “дисемихалкам”-дупондиям = 350 оболам = 400 “семихалкам”-ассариям = 420 декстансам = 700 семисам = 1050 триенсам = 1400 дихалкам = 2800 халкам = 4200 условным унциям. Общий теоретический вес каждой бронзовой монетной группы (кроме надчеканенных “пентадрахм” [“дисемихалков”-дупондиев] и “дидрахм” [“семихалков”-ассариев]) — составил 3820,25 г.

Итак, наблюдение за зависимостью веса монет Боспора греко-римской стадии от их номинального обозначения — выявило сменяющиеся и перетекающие одна в другую три монетные системы, которые условно можно назвать: боспоро-греко-римская, греко-римская и римско-боспорская. В хронологической последовательности этих монетных систем произошел переход от оригинального боспорского (сочетающегося с десятичным) принципа счёта и обозначения номинала (в “драхмах”) к комбинированной системе специфического сочетания греческих номиналов (обола, халка) с элементами деления статера по римскому стандарту, дополненному в конце стадии римской унцией.

Литература

- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Бертье-Делагард А.Л.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. Т. XXIX. 1910.
- Бертье-Делагард А.Л.* Дифференцы на боспорских царских монетах римского времени // НС МНО. I. 1911.
- Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. № 2. 1965.
- Блаватская Т.В.* Аспург и Боспор в 15 г.н.э. // СА. № 3.1965а.
- Блаватский В.Д.* О Рескупориде Первом // СА. № 4.1976.
- Болдырев С.И.* Монетные комплексы Боспора рубежа нашей эры как исторический источник // ДБ. Вып. 5. 2002.
- Виноградов Ю.Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. № 2. 1994.
- Гиль Х.Х.* Новые приобретения моего собрания. СПб., 1891.
- Голенко К.В.* Керченский клад медных боспорских монет конца I в. до н.э. // НЭ. Т. IX. 1971.
- Голенко К.В., Шелов Д.Б.* Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1961 гг. // НС. № 1. 1963.
- Голубцова Е.С.* Внешнеполитическое положение Боспорского царства на рубеже н.э. // ВДИ. № 4. 1949.
- Десятчиков Ю.М.* Процесс сарматизации Боспора: автореферат диссертации канд. ист. наук. М., 1974.
- Зограф А.Н.* Реформа денежного обращения в Боспрском царстве при Савромате II // ВДИ. № 2. 1938.
- Зограф А.Н.* Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // МИА. № 4. 1941а.
- Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. № 16. 1951.
- Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в.). Киев, 1998.
- Казаманова Л.Н.* Введение в античную нумизматику. М., 1969.
- Мельников О.Н.* К вопросу о проблемах нумизматики Боспора IV–III вв. до н.э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.
- Мельников О.Н.* Первые проявления личностной коммеморативности в монетном деле Боспора Римского периода — монеты с монограммой “BAE” // Сугдейский сборник. Кев-Судак, 2004.
- Орешников А.В.* Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. Объяснение к нумизматической карте Черноморского побережья // НС. Вып. III. 1914.

- Орешников А.В.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья. Ч. 8. Пантикапей, Мирмекий и Фанагория под разными наименованиями // ИРАИМК. Т. II. 1922.
- Парфенов В.Н.* Динамия царица Боспора. Несколько штрихов политического портрета // Боспор и античный мир. Н. Новгород, 1997.
- Покрасс Ю.* О неописанных монетах Боспора (I в. до н.э. - I в. н.э.) // НФ. Вып. 2. 1997.
- Покрасс Ю.* Клад золотых боспорских монет начала I-го века // НФ. Вып. 3. 1997 а.
- Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Вып. XXV. 1916.
- Ростовцев М.И.* Медь Динамии и Аспурга // ИТУАК. № 54. 1918.
- Сапрыкин С.Ю.* "Евпаторов закон о наследовании" и его значение в истории Понтийского царства // ВДИ. № 2. 1991.
- Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М. 2002.
- Сапрыкин С.Ю.* Аспург, царь Боспора // ДБ. Вып. 5. 2002а.
- Сапрыкин С.Ю.* Заметки по истории Боспорского царства (о книге В.А. Анохина "История Боспора Киммерийского" // ДБ. Вып. 7. 2004.
- Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л.* Монетные сплавы государств Причерноморья: Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001.
- Фролова Н.А.* К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ. № 1. 1979.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора VI в. до н.э. — середины IV в. до н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.). Ч. I. М., 1997.
- Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М. 1990.
- Rose Ch. B.* "Princes" and Barbarians on the Ara Pacis // American Journal of Archaeology. 1990.
- Frolova Nina and Stanley Ireland.* The Coinage of the Bosporan Kingdom. From the First Century BC to the Middle of the First Century AD // BAR International Series 1102. Oxford. 2002.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО КРЫМА VIII – IX ВВ.

В последнее время среди исследователей усилился интерес к истории Восточного Крыма VIII — IX вв. Дискуссии, в большей части, ведутся по проблемам времени проникновения сюда хазар, степени их влияния, образования и функционирования христианских епархий.

В ряде предыдущих статей автор настоящей работы совместно с А.В. Сазановым попытался показать, что в конце VII — начале VIII в. Боспор, равно как Херсон и крымские архонтии (впоследствии климаты) оставались частью империи, как в представлении самих жителей, так и по мнению византийских летописцев. Хазары здесь не претендовали на политическое господство. Вся политика каганата по отношению к Крыму сводилась, в основном, к возможности получения дани. Если же хазары, не по своей воле, оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории полуострова, то и здесь претензии хазар были, в большей степени, материальными, а не территориальными или политическими [Сазанов, Могаричев 2002; Сазанов 2002].

Детальное изучение известных в настоящее время захоронений кочевников, обычно датируемых концом VII — первой половиной VIII в., показывает, что на долю тюрко-протоболгарского или салтовского населения приходится не более 9–10 могил.

Анализ керамического материала поселений: Пташкино, Героевка, Эльтиген Западное, Тау-Кипчак, Кордон-Оба, Меловое, Фронтное, Ак-Кая, на м. Ойрат, в Лазурном и других, как правило, связываемых с так называемой “первой волной” хазарского проникновения в Крым, приводит к выводу, что надежные материалы, позволяющие датировать их основание периодом до середины VIII в. отсутствуют (исключение, возможно, составляют три комплекса Тау-Кипчака) [Сазанов, Могаричев 2004; 2004а].

Таким образом, данные археологии не подтверждают точку зрения о заселении в конце VII — начале VIII вв. территории Крыма пришлыми протоболгарами или хазарами. Погребения же, которые в какой-то мере могут быть связаны с собственно хазарами, вообще единичны и при этом спорны. Картографирование памятников и элементарный статистический подсчет показывают абсолютное преобладание в Крыму рассматриваемого времени традиционного местного населения, состав которого, по сравнению с VI — первой половиной VII вв. существенно не изменился.

Таким образом, можно сделать вывод, что политическое влияние и непосредственное присутствие Хазарского каганата в Крыму до середины VIII в. было минимальным и, скорее всего, не выходило за пределы получения дани.

В середине — второй половине VIII в. в Крыму появляется порядка 250 новых поселений, причем приблизительно 85% из них основываются на Керченском полуострове. Остальные 15–20% относительно равномерно “разбросаны” по северо-западному, центральному и юго-восточному регионам. Все они возникают на свободных землях, по крайней мере, не зафиксировано не одного случая, когда пришельцы селились на уже существующих поселениях, и кого-либо изгоняли с обжитых мест. Новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений [Могаричев 2004]. На ряде памятников, а большая часть их археологически не изучалась, были выявлены христианские культовые сооружения. Крупные храмы исследованы на Тепсене, что дало возможность ряду авторов локализовать здесь центр Фульской епархии [Майко 2002; 2004]¹, небольшая церковь открыта на Кордон-Обе [Баранов 1990, с. 133–137], известны христианские памятники на поселениях Героевка и Пташкино [Гадло 1969; 1980, с. 136–139; Айбабин 1999, с. 207–208].

Появление этих поселений связано с перемещением части населения с территории Хазарии в Крым. Оно происходило параллельно с другими миграционными процессами на территории каганата, в частности, с переселением алан и болгар из центрального и западного Предкавказья в области Северского Донца и Дона [Плетнева 1989, с. 268]².

В.Б. Ковалевская, уточнив хронологию памятников и сведения письменных источников, пришла к выводу, что миграцию населения каганата следует относить к 50 — началу 60 гг. VIII в., когда хазары переносят центр тяжести своих владений на северо-запад и укрепляют позиции на Кубани [2002, с. 66–67].

Вероятнее всего, близко к этому времени, учитывая известные на сегодняшний момент материалы, следует датировать и появление рассматриваемых крымских салтовских памятников.

Очевидно, что данный процесс проходил с согласия и под контролем византийских властей, которые позволили вновь прибывшим заселить свободные земли Керченского полуострова, и в меньшей степени, юго-восточного, центрального и северо-западного Крыма.

Новые черты в политике хазар по отношению к византийским территориям, в том числе и в Крыму, появляются только в 80-х гг. VIII в. Согласно Житию Иоанна Готского, хазары, подавив сопротивление местного населения, занимают главный центр Готии — Дорос [Васильевский 1912, с. 397–398; Герцен, Могаричев 1999, с. 115]. Захват ими большей части юго-западного Крыма предполагает и полное подчинение восточного.

Однако, в свете современных представлений, это представляется не совсем очевидным.

¹ Отметим, что локализация Фулл на Тепсене является во многом спорной и поддерживается далеко не всеми исследователями [Сорочан 2002].

² Несколько другая интерпретация см. [Гадло 1984, с. 25-26; Петрухин, Раевский 1998, с. 201; . Афанасьев 2001]

Например, Сугдея, с одной стороны, оказалась в окружении пришлого населения (И.А. Баранов и А.И. Айбабин на своих археологических картах помещают в районе юго-восточного побережья порядка 10 памятников хазарского времени [Баранов 1990, с. 8. Рис. 1; Айбабин 1999, с. 184. рис. 78], из которых по сообщению В.В. Майко, исследованиям подвергались только 5). С другой, согласно данным сфрагистики, здесь усиливается византийская активность. К периоду VIII — первой половины IX в. относится 25,2% всех найденных и атрибутированных печатей т.н. Судакского архива. Сравним 11,5% предшествующего периода и 11,5% второй половины IX–X вв. [Степанова 2001]. Анализируя эти данные, Е.В. Степанова пришла к выводу, что архив Сугдеи однотипен херсонскому и представлял собой не просто архив при таможне, а и городской [2001, с. 106; 2001а, с. 23]³. Основываясь на опубликованных материалах [Шандровская 1995; 2000, с. 251–254; Баранов, Степанова 1997], трудно определить, был ли какой-то пробел в его функционировании. Имеются моливдовулы, датированные периодом с конца VII — начала VIII вв. до 745–746 гг. и есть печати рубежа VIII–IX в. Если верны наши наблюдения, то отсутствие печатей второй половины VIII в. или их сокращение и может как раз указывать на подчиненность Сугдеи хазарам (мы понимаем гипотетичность данного предположения: атрибуции поддаются далеко не все моливдовулы, а современный уровень знаний не позволяет датировать многие из них с точностью до десятилетия). Однако, если такая зависимость и была, то не настолько сильная, чтобы был заброшен архив и уничтожены материалы предшествующей эпохи. Вероятнее всего и во второй половине VIII в. Сугдея оставалась византийским городом с развитой экономикой [Сорочан 2002, с. 228–230; 2004]⁴, а зависимость от хазар выражалась в выплате податей.

Сторонники гипотезы принадлежности Сугдеи хазарам в качестве доказательства привлекают сведения Жития Стефана Сурожского [Науменко 2004, с. 12–13], славянская и армянская версии которого отмечают в городе подчиненного правителю Хазарии Георгия (Юрия) Тархана [Васильевский 1915, с. 100; Иванов 2002, с. 43]. Этот сюжет отсутствует в греческой редакции Жития, что дало основание А.И. Айбабину полагать, что его сочинил автор славянской редакции [1999, с. 206]. Казалось бы, присутствие данного эпизода, кроме славянского, и в армянском варианте (восходящем к прототипу источника, см. ниже) свидетельствует о подлинности: “в это время царь Вирхор (хазарский правитель — авт.) жил в Керчи. По каким-то причинам он вызвал к

³ Поэтому нет оснований видеть в нем хазарскую таможню, как считает А.И. Айбабин [1999, с. 205]. Недавно В.И. Булгакова выдвинула гипотезу (впрочем нуждающуюся в более детальном обосновании), что находки печатей в судакской бухте связаны не с существованием архива, а с функционированием порта [Булгакова 2004]. Но, даже если это предположение и окажется верным, оно не противоречит сказанному выше.

⁴ Данный вывод подтверждают и данные нумизматики [Гурулева 2004].

себе правителя Сугдеи, по имени Георгий, по фамилии Тархан. Опасаясь идти, тот обратился к Стефану ...” [Иванов 2002, с.43]. Однако этот отрывок свидетельствует, что если какой-то похожий эпизод и был в древнейшем тексте Жития, то в армянскую редакцию он не попал прямо из греческого прототипа. На это указывает употребление топонима — Керчи. Все византийские источники называют данный город Боспором. Впервые название похожее на Керчь — Крх появляется в начале X в. у Ибн-Рустэ [Айбабин 1999, с. 222], и впоследствии известно в арабских, золотоордынских, еврейских (Еврейско-хазарская переписка — К-р-ц [Коковцов 1932, с. 102]), турецких и русских источниках (Тмутараканский камень [Захаров 2002] — Корчев) источниках. Таким образом, эпизод с Георгием Тарханом в нынешнем виде, скорее всего, перешел в армянскую версию Жития или из славянской редакции или появился в ней не ранее середины XIII — XIV вв. (следуя золотоордынской традиции названия города). Неясен и сам статус Георгия. Несомненно, что он христианин. А был ли он хазарским наместником или чиновником византийского города, платившего подати хазарам, текст прямого ответа не дает. То есть, вероятно, в основе данного сюжета лежит какой-то подлинный эпизод, как и предполагал В.Г. Васильевский [1915, с. CCLXIX], однако, насколько он соответствует первоначальной редакции и исторической действительности, пока ответить не представляется возможным.

Много неясного остается и в истории возникновения и начального этапа функционирования Сугдейской епархии. Традиционно это событие в той или иной степени связывается с деятельностью Стефана Сурожского.

До недавнего времени для изучения личности Стефана Сурожского привлекались две редакции Жития святого, введенные в научный оборот В.Г. Васильевским, а также церковные службы святому Стефану Сурожскому, приписки на полях Сугдейского Синаксаря и упоминание в минологии Василия II некоего Стефана, сосланного в Сугдею.

В кратком греческом Житии из Халкинской библиотеки, содержащимся в упомянутом синаксаре, наряду с заметками XII–XV вв. по истории Сугдеи, сообщается следующая версия: Стефан родился в Каппадокии, после смерти родителей отправился в Афины, где беседовал с местными учеными, затем прибыл в Константинополь и стал монахом. После смерти “предстоятеля славного города Сугдеи” и по рекомендации патриарха Германа он “возводится на архиепископский престол”. В период правления Льва Армянина Стефан приезжает в Константинополь для борьбы с иконоборческой ересью, за что был подвергнут наказаниям и посажен в тюрьму. Впоследствии, “через посредство некоторой жены (по имени) Ирины” был отпущен, вернулся на свою кафедру в Сугдею, где и скончался [Васильевский 1915, с. 72–76]. В данном случае мы не будем останавливаться на тех хронологических и исторических несоответствиях, имеющих в тексте (например, патриарх Герман, отстраненный в 730 г. Львом III наз-

ван современником Льва Армянина (813–820 гг.), Афины VIII в. выступают как центр науки и др.) анализ которых был блестяще проведен В.Г. Васильевским [Васильевский 1915, с. СССXVIII-ССXXIII]⁵.

В славянской, более полной, версии Жития, датированной XV в. [Васильевский 1915, с. ССLXIII], события интерпретируются несколько иначе. Также как и в греческом варианте, Стефан, благодаря патриарху Герману, после смерти сугдейского архиепископа, тоже Стефана (!), был поставлен во главе местной кафедры, и на корабле императора, “который со своей стороны полюбил” его, отправился в Сураж. В период правления Льва Исавра он приезжает в Константинополь, где выступает в идеологический конфликт с императором, в результате чего был избит, привязан к лошадиному хвосту и доставлен в тюрьму. При Константине Копрониме по ходатайству императрицы “Феодоры, дочери керченского царя” святого выпустили из темницы. После этого он крестит императорского сына, и одаренный Константином “с великой честью” отправляется в Сураж (!), где и умирает, совершив ряд чудес [Васильевский 1915, с. ССXXIII-ССXL; 77–98].

Не повторяя сравнительного анализа текстов, приведенных В.Г. Васильевским, отметим, что обе версии изображают следующую картину: в период патриаршества Германа Стефан становится сугдейским епископом (после смерти предшественника), затем вступает в конфликт с иконоборческим императором (Львом Исавром по славянской версии или Львом Армянином по греческой), попадает в тюрьму. В результате заступничества “некой Ирины” греческого варианта или Феодоры, жены Константина Копронима славянского, был оттуда выпущен, вернулся на свою кафедру, где и умер.

Стефан Суражский в этих источниках выступает как последовательный иконопочитатель, за что был подвергнут репрессиям, а надо думать, и канонизирован. На основании этих данных ряд исследователей пришел к выводу, что епископская кафедра в Сугдее была основана при патриархе Германе (715–730 гг.), а при Константине V ее занял Стефан [Бертъе-Делагард 1920, с. 43, 50; Гадло 1991, с. 100; Айбабин 1999, с. 206; Сорочан 2002, с. 227;⁶ и др.].

Однако, ряд сюжетов славянской версии Жития позволяют усомниться в Стефане как “истинном” иконопочитателе. Крещение им сына самого последовательного иконоборца, Константина Копронима, при этом последний “отпусти святого, одарив, с великой честью” никак не указывает на сугдейского епископа как непримиримого оппозиционера. Можно, конечно, предполагать, что эти эпизоды попали в Житие в результате позднейших вставок, однако напомним, что начиная с середины IX в. образ Константина V в византийской, а вслед за ней и в русской церковной литературе всегда носил исключительно

⁵ Критику, правда не всегда аргументированную см. [Вестберг 1907].

⁶ Правда, в другой работе [Сорочан 2002а, с. 124] тот же автор основателем епархии называет Стефана Суражского.

отрицательный оттенок и вызывал откровенную ненависть [Сюзюмов 1967, с. 56]. Поэтому объяснять данные эпизоды безграмотностью позднейших компиляторов вряд ли допустимо⁷.

Введение С.А. Ивановым в научный оборот армянской версии Жития Стефана Сурожского [Иванов 2002] позволяет пересмотреть устоявшиеся взгляды. Как убедительно показал автор, армянский вариант сохранил часть текста греческого прототипа, несомненно, восходящего к иконоборческой эпохе. Константин V (Константин Коприн в оригинале) здесь упоминается как “правивший с верой во Христа и благочестием” [Иванов 2002, с. 41]. При этом сюжет армянского источника во многом перекликается со славянским. Это касается в том числе и рассказа о конфликте Стефана со Львом III, заступничестве за священнослужителя императрицы Ирины (действительно Ирины, в отличие от Феодоры славянского варианта), крещении им императорского сына, отъезде в Сугдею на корабле императорского флота.

Таким образом, учитывая, что древнейший вариант Жития был составлен в иконоборческую эпоху автором, симпатизирующим Константину Копрону, можно сделать вывод, что реальное историческое лицо, известное сейчас как святой Стефан Сурожский никогда не был иконопочитателем и тем более идейным борцом с иконоборчеством. Наоборот, сохранившиеся фрагменты первоначального варианта всячески подчеркивают его близость к царствующим особам (очевидно, что упомянутые эпизоды о связях Стефана с Константином V и его семьей не могли быть вставлены в текст после середины IX в, хотя возможно, впоследствии их сюжет был несколько изменен. Мы также не настаиваем на достоверности факта крещения Стефаном будущего императора Льва Хазарина, однако, это является показательным). Правда, Житие фиксирует конфликт святого со Львом III, однако причина его не ясна, но уже очевидно, что это был не идеологический спор. При этом напомним, что В.Г. Васильевский вполне обоснованно показал, что данный эпизод — вставка более поздних компиляторов [1915, с. ССXL].

Возникает вопрос, почему Стефан Сурожский был канонизирован и почему в позднейших редакциях Жития он выступает как непримиримый иконопочитатель. Как представляется, ответ на этот вопрос нашел В.Г. Васильевский (хотя он и считал Стефана иконопочитателем), который кроме Жития проанализировал два других источника, “имеющих наибольшую ценность — один по своей относительной древности, другой по характеру своему и по принадлежности местному, очевидно, высокообразованному писателю” [1915, с. ССXVI]. Первый это сюжет из минология Василия II (конец X — нач. XI вв.), где после рассказа о мученичестве Стефана Нового между

⁷ Еще Ф. Вестберг подметил: “что ни о каких бы то ни было враждебных отношениях византийского правительства к Стефану Сурожскому в царствование Константина Коприна нет ни малейших следов ни в греческом, ни в русском Житии. Поэтому мы вправе предполагать их отсутствие и в подлиннике” [1907, с. 232].

прочим сообщается, что при Константине V среди других репрессиям подвергся и некто Стефан, сосланный в Сугдею и там бывший епископом [Васильевский 1915, с. ССIX]. И второй — службы Стефану Сурожскому, текст которых, наряду с повторением сюжета о борьбе святого с Константином Копронимом, предполагает, что тот был первым епископом в городе [Васильевский 1915, с. ССXIII]. На это же намекают и приписки на полях Сугдейского синаксаря⁸. В итоге В.Г. Васильевский пришел к выводу: “Он (Стефан — авт.) принадлежал к исповедникам иконопочитания при царе Константине Копрониме ... подвергся ... тюремному заключению и разным истязаниям, но затем отправлен был ... в Сугдею, много потрудился над распространением и утверждением христианства между местными жителями и сделан был епископом названного города, по-видимому, первым в ряду будущего ряда его архипастырей” [1915, с. ССXVI].

Таким образом, факт канонизации Стефана Сурожского объясняется, как было показано выше, на самом деле не его приверженностью иконопочитанию, а успехами в христианизации местного населения и тем, что он являлся первым главою Сугдейской епископии. Впоследствии, после окончательной победы иконопочитания, с целью сохранения имени Стефана Сурожского в византийской агиографии (напомним, источники намекают на его близость со ставшим тогда уже официально проклинаяемым Константином V), местными сугдейскими агиографами в первоначальный текст были внесены изменения, в результате чего образ Стефана приобрел черты пострадавшего за веру иконопочитателя. При этом святой фигурировал уже не первым местным епископом, назначенным при Константине, а сосланным оппозиционером, впоследствии ставшим епископом, или вступившим на сугдейскую кафедру до начала иконоборчества. Однако, в новом варианте или вариантах Жития (по крайней мере, серьезные различия между армянской, греческой и славянской редакциях позволяют предполагать, что их было несколько), возможно из-за невнимательности или малообразованности авторов сохранились и фрагменты прототипа, несоответствующие новой идеологии произведения. Это объясняет, почему Стефан выступает первым епископом города в текстах служб и в приписках на полях Сугдейского синаксаря [Васильевский 1915, с. ССXI]. Они передавались местными священниками из поколения к поколению и не получили широкого распространения за пределами Суροжа. В вариантах Жития, рассчитанного на более широкий круг читателей, начало его епископства и эпоха иконо-

⁸ В синаксаре Стефан упоминается в нескольких приписках. Из них следует, что он был погребен в алтаре церкви святой Софии [Архимандрит Антонин 1863, с. 595], что в XIII в. в городе функционировал храм, ему посвященный [1863, с. 601], 30 января “празднуем и преподобного Стефана Сугдейского” [1863, с. 601], а 15 декабря “празднуется в городе ... смерть отца нашего Стефана Исповедника, архиепископа Сугдейского, потому что просветил сугдейцев и сделал христианами” [1863, с. 625].

борчества всячески “разводятся” во времени. Отсюда и его рукоположение при “правильном” патриархе Германе и конфликт со Львом III.

В связи с изложенным, остановимся на вопросе о времени возникновения Сугдейской епархии и рукоположения Стефана. К сожалению, путаница и расхождения в последовательности событий среди источников не позволяют однозначно определить хронологию события. В.Г. Васильевский определял дату конфликта Константина V и Стефана и, соответственно, ссылки последнего в Крым — 767 г. [Васильевский 1915, с. ССXL, ССXLIV], М.Ф. Озепи — 766 г. [Auzepу 2000, с. 326; Айбабин 1999, с. 206]. А.И. Айбабин, основываясь на том, что в минологии Василия II Стефан не назван епископом, а подпись под протоколами VII Вселенского собора 787 г. принадлежит именно Стефану Сурожскому, датировал его рукоположение периодом между 766 и 787 гг. [Айбабин 1999, с. 206]. С.А. Иванов относил смерть святого то ли к 752–754 гг., то ли к 767 гг. [Иванов 2002, с. 43].

Вероятно особая церковная единица в Сугдее существовала уже в 787 г., о чем свидетельствует присутствие среди участников Седьмого Вселенского собора “Стефана, недостойного епископа города Сугдайско-го” [Mansi 1960, р. 138, 366, 384; Darrouzez 1975, р. 62–63]. Очевидно, тогда это была епископия, а не автокефальная епархия во главе с архиепископом. В списках византийских епархий (Notitiae episcopatum) Сугдейская епархия появляется только в начале X в. [Darrouzez 1981, р. 53–78, 273–274; Кулаковский 1898; Науменко 1999, с. 19], но тогда в официальные списки епархий были занесены те изменения в церковном устройстве Византии, которые произошли ранее [Науменко 1999, с. 18–19]. Правда сугдейская епархия есть в известной Нотии № 3 или Нотии Де Боора [Кулаковский 1898, с. 175–193; Бертье-Делагард 1920, с. 40–48; Vasiliev 1936, р. 97–104; Артамонов 1962, с. 258–260; Darrouzez 1975, р. 32–33, 45; Науменко 1999, с. 12–18; 2002]. Однако, по мнению большинства современных исследователей, она была составлена во второй половине — конце IX в. и являлась не официальным документом, а представляла собой проект охвата Хазарии системой христианских епархий [Науменко 1999, с. 12–18; Иванов 2001, с. 30–31].

Позволим выдвинуть предположение о возможной связи между основанием Сугдейской епархией и конкретными историческими событиями.

Как уже отмечалось, в середине VIII в. в юго-восточном Крыму появляются переселенцы с территории Хазарии, которых необходимо было христианизировать, с другой стороны в Сугдее активизируется деятельность византийской администрации, способствовавшей повышению роли города. Вероятно, указанные факторы и привели византийские власти к идее создания здесь отдельной епископии. Если верно наше предположение о появлении указанных поселений в 50-е гг. VIII в. и если имеют историческую основу сведения источников о покровительстве Стефану Ирины Хазарской (а это отмечают все редакции Жития), то возникновение Сугдейской епископии следует датировать между 750 г. (рождение Ириной старшего сына, будущего Льва Хазарина, которого якобы крестил Стефан находясь еще в Константинополе) и 752 г. (смерть императрицы) [Артамонов 1962, с. 323].

Вряд ли в качестве хронологического ориентира можно использовать сообщение минология Василия II. В тексте данного источника ссылка Стефана в Сугдею напрямую не связана со смертью Стефана Нового. Там после сообщения о кончине святого, между прочим перечисляются и другие пострадавшие от Константина Копронима. При этом, в самом тексте Жития Стефана Нового упоминаний о ссылке Стефана в Сурож нет [Васильевский 1912, с. 249]. Появление в минологии данного сюжета может быть вставкой авторов X в., знакомых уже с “переработанной” редакцией Жития Стефана Сурожского. Напомним о присутствии в этом синаксаре и других статей “крымского цикла” — о херсонских епископах [Васильевский 1915, с. ССXVII] и Иоанне Готском [Васильевский 1912, с. 420]. С другой стороны нет реальных подтверждений, что Стефан из минология и Стефан Сурожский одно и то же лицо (хотя данное сопоставление выглядит заманчивым). Напомним, что С.А. Иванов, на основании анализа армянской редакции Жития, склонен относить деятельность Стефана в Суроже к более раннему времени, чем кончина Стефана Нового. Что же касается подписи епископа Стефана под протоколами собора 787 г., то, учитывая широкое распространение этого имени, можно предполагать нескольких сугдейских епископов Стефанов (напомним, предшественник нашего святого на сугдейской кафедре в славянском Житии также назван Стефаном). Возможно епископ присутствовавший на Никейском соборе и есть тот Стефан, сосланный в Сурож при Константине IV, а затем при либеральном Льве IV или Ирине ставший там главой церкви. Однако, это не более чем предположение.

Литература

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Архимандрит Антонин.* Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдея (Судак) // ЗООИД. 1963. № 5.
- Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? // РА. 2001. № 2.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 133–137.
- Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Вып. 1.
- Бертъе-Делагард А.Л.* Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57.
- Булгакова В.И.* Подводные сфрагистические находки в Судак: к характеристике типа объекта // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Ч. II. Киев-Судак, 2004.
- Васильевский В.Г.* Житие Иоанна Готского // Труды. Спб., 1912. Т. 2. Вып. 2.
- Васильевский В.Г.* Житие Стефана Нового // Труды. Спб., 1912. Т. 2.
- Васильевский В.Г.* Житие Стефана Сурожского // Труды. П-д, 1915. Т. 3.

- Вестберг Ф.* О жизни св. Стефана Сурожского // ВВ. Спб., 1907. Т. XIV. Вып. 2–3.
- Гадло А.В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка в 1964 г. // СА. 1969. № 1.
- Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII–IX вв. // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 136–139.
- Гадло А.В.* Кавказ в IV–X вв. (проблемы этнической истории) Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984.
- Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и Византиноведения. Л., 1991.
- Герцен А.Г. Могаричев Ю.М.* К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30.
- Гурулева В.В.* Золотые монеты Константина V (747–775), найденные в Судаке // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004.
- Захаров В.А.* Заметки о Тмутараканском камне // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 4 (152).
- Иванов С.А.* Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001.
- Иванов С.А.* Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Второй Международный коллоквиум. М., 2002.
- Ковалевская В.Б.* Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского каганата (на основании анализа массового археологического материала) // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1.
- Кокцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка. Л., 1932.
- Кулаковский Ю.А.* К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке // ЖМНП. Спб., 1898. Февраль. Ч. СССХV.
- Майко В.В.* О локализации Фул и Фулльской епархии в раннесредневековой Таврике // Православные древности Таврики. Киев, 2002.
- Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. К., 2004.
- Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины — второй половины VIII в. // Хсб. Севастополь, 2004. Вып. XIII.
- Науменко В.Е.* Церковная география Таврики VII–IX вв. по данным Notitiae episcopatum // Крымский архив. Симферополь, 1999. № 5.
- Науменко В.Е.* Notitia К. де Бора как источник по церковно-политическим контактам Византии и Хазарского каганата в середине IX в. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Науменко В.Е.* Таврика у контексті візантійсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект. Автореф. ... канд. іст. наук. К., 2004.

- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и средневековье. М., 1998.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. М., 1989. С. 268.
- Сазанов А.В.* Боспор и Хазария в конце VII — начале VIII вв. // Судаг, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев-Судаг, 2002.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Боспор и Хазарский каганат в конце VII — начале VIII вв. I. Проблема “хазарских слоев” Керчи // ПИФК. 2002. Вып. XII.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* Крым и Хазарский каганат в первой половине — середине VIII в. // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М.* М. К вопросу о хазарах в Крыму в начале VIII в. // ПИФК. 2004. Вып. XIV.
- Сорочан С.Б.* “Зачарованный клад”. Еще раз о локализации Фул // АДСВ. 2002. Вып. 33.
- Сорочан С.Б.* Сугдея в “темные века” // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. К., 2002. С. 228–230.
- Сорочан С.Б.* Сугдея в “темные века” // Сугдейский сборник. К., 2004.
- Сорочан С.Б.* О положении церкви в Крыму в VIII–IX в. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Степанова Е.В.* Судагский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
- Степанова Е.В.* Связи Херсонеса и Сугдеи по данным сфрагистических архивов // Херсонес Таврический у истоков мировых религий. Севастополь, 2001. С. 23.
- Сюзюмов М.И.* Первый период иконоборчества // История Византии. М., 1967. Т. 2.
- Шандровская В.С.* Таможенная служба в Сугдее // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Вып. 27. Симферополь, 1995.
- Шандровская В.С.* О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ. Вып. 7. Симферополь, 2000. С. 251–254.
- Auzepy M.-F.* Gothie et Crimée de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. 7.
- Darrouzez J.* Listes episcopales du concile de Niceé [787] // REB. 1975. Т. 33.
- Darrouzez J.* Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitaneae. Paris, 1981.
- Mansi J.D.* Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio. Graz., 1960. V. 13.
- Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936.

ПІВДЕННИЙ ВЕКТОР ЗВ'ЯЗКІВ — ОДИН ІЗ ПОКАЗНИКІВ НЕОРДИНАРНОСТІ СЕЛИЩА АВТУНИЧІ

На панівну донедавна тезу про значне відставання у соціально-економічному розвитку сільських поселень від міських центрів зверталася увага неодноразово. Показовими у даному випадку можуть бути кілька тверджень. Зокрема, в 1920-ті роки В. Данилевич відзначав: “не знати навіть нічого про ті селища, бо майже нема згадок про них у науковій літературі. Можна лише казати те, що сільська людність так само мешкала за часів нашого середовіччя по погребіцях, як і за раніших часів” [Данилевич 1925, с. 109]. Не кращою була ситуація і в 1950-ті роки. На думку І.І. Ляпушкіна, слов'янське селище, забудоване житловими та господарськими спорудами напівземлянкового типу, “ймовірніше всього... більше нагадувало курганний могильник, ніж поселення. Тільки пічний дим та снуючі між житлами люди оживляли цей пейзаж” [Ляпушкин 1958, с. 210]. Така точка зору панувала і пізніше. Зокрема, Ю.С. Асеев підкреслював: “...не в сільських поселеннях, де ще довгий час жили традиції патріархально-общинного ладу, розквітло величне мистецтво Київської Русі. Мистецтво нового, феодального, суспільства зародилось і розвинулось у давньоруських містах з їх жвавим ритмом життя і широкими культурними зв'язками” [Історія українського мистецтва 1966, т.1, с. 137], а Б.О. Рыбаков вважав, що “світогляд городян був незрівнянно ширшим, ніж сільських орачів, які звикли до свого вузького світу в кілька сіл. Городяни спілкувалися з іноземними купцями, їздили в інші землі, вміли рахувати. Саме вони, городяни, — майстри і купці, воїни і мореплавці — видозмінили давнє поняття крихітного сільського світу (в один день шляху!), розсунувши його рамки до поняття “весь світ!”” [Рыбаков 1984, с. 317].

Не беручи під сумнів наявність певної різниці між містом та селом, відзначимо, що основна причина невирішеності цілої низки питань із сільської тематики полягала в обсязі джерельної бази. Так, у згаданій праці В. Данилевича вказувалось: “ще гірш щодо селищ. Їх майже ніхто не вивчав” [Данилевич 1925, с. 109]. Мало що змінилось і станом на 1950-ті роки. Відомим фахівцем із давньоруської сільської проблематики Т.М. Нікольською констатувалось: “Проблема історії давньоруського села належить до числа найменш розроблених. Більшість письмових джерел села не торкаються, а наявні в нашому розпорядженні матеріали розкопок сільських поселень надзвичайно фрагментарні. Особливо це можна відзначити стосовно неукріплених поселень або селищ, планомірне дослідження котрих тільки починається” [Никольская 1957, с. 176]. На таке становище з джерелами зверталася увага ще Д.Я. Самоквасовим: “найдавніший наш літопис мовчить про руські села до кінця XI ст. З XI ст. літописи починають згадувати про села, але тільки для того, щоб сказати, що в околицях такого-то міста князівські, боярські і монастирські села спалені полов-

цями чи руськими князями в міжусобній війні, а населення сіл винищене, або взяте в полон, або втекло до міст” [Самоквасов 1906, с. 13]. Ця ж обставина підкреслювалась і М.М. Вороніним, який писав, що “на сторінки літопису “село” потрапляє в особливих випадках, коли його спалюють або грабують феодала в своїй міжусобній боротьбі, коли місцевість спіткає “мор велик” або “глад”, коли ті чи інші поселення є об’єктом поділу володінь, заповіту чи, нарешті, коли в селі спалахує грізне повстання проти феодалів, яке неможливо замовчати. Іноземці ... до крайності скупі на характеристики сільських поселень і селянського житла” [Воронин 1935, с. 10].

Лише розгорнуті останніми десятиліттями минулого століття широкомасштабні дослідження південноруських селищ дозволили довести неординарність соціально-економічного феномену давньоруського села і стверджувати про паритетні відносини між селищами та містами, а також зробити висновок про перебування сільських поселень на достатньо високому щаблі суспільно-економічного і культурного розвитку, що неодноразово підкреслювалася у фаховій літературі [Моця 1994, с. 52; 1995, с. 141; 1996, с. 45]. Така точка зору базується на аналізі різних сторін господарства, побуту, духовного життя сільських мешканців; основні розробки даного напрямку викладені у фундаментальному науковому дослідженні українських археологів [Село Київської Русі... 2003].

Одним із показників високого рівня розвитку давньоруських селищних структур слугують речі, які в традиційній історіографії трактувалися як притаманні міському населенню. Так, ще до недавнього часу низка знахідок вважалася нетиповою для сільських мешканців. Зокрема, значна кількість скляних браслетів, амфор, шиферних прялиць, намистин, наявність писал, енколпіонів, браслетів-наручів, називалися особливістю специфічного культурного шару, характерного лише для міст [Штыхов 1983, с. 55]. Городища виключалися із списків городищ сільського типу при наявності певних ознак, однією з яких були амфори для вина [Тарасенко 1957, с. 182]. Разом з тим, деякі із перерахованих категорій знахідок не лише характерні для селищ і тому не можуть вважатися ознакою міста, а й отримали широке розповсюдження, особливо це — як підкреслювала С.О. Беляєва — стосується згаданих вже скляних браслетів [Археология УССР 1986, т.3, с. 403]. Схожа картина спостерігається і щодо зброї, предметів спорядження вершника і коня, скляного і металевого посуду, амфорної тари; подібних речей на селищах нараховуються десятки, що підкреслювалося в публікаціях [Веремейчик 1996, с. 69, 70]. На думку фахівців, означене відображає закономірний процес, пов’язаний із перетворенням певних речей із елітарних у предмети масового вжитку та з однорідністю матеріальної культури міста і села [Сергеева 1993, с. 150]. І хоч про відсутність на селищах амфор повідомляється навіть в одній із недавніх фундаментальних робіт з давньоруської археології [Древняя Русь. Быт и культура 1997, с. 35], проведене картографування цієї категорії знахідок вказує на розповсюдженість на селищах посуду

візантійського кола старожитностей [Коваль 2003, с. 344, 345]. Варто нагадати, у зв'язку з викладеним, точку зору М.В. Фехнер, що залишається актуальною і на сьогоднішній день: “вирішення питання про економічні зв'язки давньоруського села в цілому і про ступінь включення селянського населення у внутрішню торгівлю країни зокрема вимагає проведення ряду попередніх досліджень і всебічного аналізу всього речового матеріалу, що зустрічається в селянських курганах і на сільських поселеннях” [Фехнер 1959, с. 149].

Отриманий в ході аналізу результатів розкопок висновок про високий рівень розвитку південноруських селищ добре простежується на прикладі поселення Автуничі, у тому числі і через призму економічних зв'язків. Уже приверталася увага до публікацій, присвячених торгівлі мешканців означеного поселення, акцентувалося і на невирішених аспектах цієї проблематики [Моця, Готун 2003, с. 36–39; Петраускас, Моця, Готун 2004, с. 113]. Тому доцільно звернутись до питання про роль і місце південного вектора зв'язків мешканців даного селища як показника соціально-економічного рівня їх життя.

Коли розроблялася програма широкомасштабних досліджень південноруських сільських поселень, при виборі селища Автуничі керувались кількома критеріями. Пам'ятка мала бути неодмінно рядовою, типовою, одношаровою. Вона мала складатися з поселення та могильника, вільних від забудови на час розкопок і в минулому. У найближчій окрузі селища не повинні були бути присутніми синхронні городища, значні сухопутні й водні торговельні магістралі. Пам'ятка мала розташовуватися в глибині давньоруської території задля уникнення домінування в складі її населення іноетнічних елементів. А місцезнаходження поселення на території літописної Сновської тисячі, котра не раз переходила із рук в руки чернігівських та новгород-сіверських князів, дозволяло припустити уповільнення процесу феодалізації через нестабільність політичної ситуації [Південноруське село... 1997, с. 34]. Ще один чинник, що не сприяв бурхливому розвитку селища — розташування його у глибині полісся, серед лісів і боліт, де сільське господарство не гарантувало мешканцям прожиткового мінімуму. Дотримання указаних умов дозволяло сподіватися на відкриття більш архаїчного і примітивного суспільно-економічного організму навіть у порівнянні з існуючими поглядами на давньоруські селища.

Але вже перші сезони досліджень промовисто продемонстрували, що слід вести мову не про уточнення, а про кардинальні зміни наших поглядів на соціально-економічний феномен давньоруського села [Моця, Готун, Коваленко 1993, с. 83–86; Готун, Петраускас 1995, с. 24–27]. Пам'ятка постала перед дослідниками як розвинута структура зі складним багатогалузевим господарством, різновекторними зв'язками, наявністю ієрархізації в побуті та системі забудови. В числі особливостей селища — несподівано високий рівень розвитку елементів матеріальної та духовної культури населення. Серед речей, що ілюструють дане положення — доставлені із причорноморського регіону.

Картографування індивідуальних знахідок дозволило простежити, що на території менше третини сумарної дослідженої площі концентрується більше 60% речового матеріалу, причому значна його частина має чітко виражений елітарний характер і може бути віднесена до елементів феодального побуту. В їх числі — предмети озброєння і спорядження вершника та бойового коня, коштовні та привізні прикраси і елементи костюма, престижний посуд, речі, які свідчать про майнове розшарування та про високий культурний рівень мешканців. На вказаній ділянці вивчено садибу, для якої характерний тривалий час існування, досконало організоване багатогалузеве господарство, відмінності в характері будівель. Вже висловлювалась думка про ідентифікацію названого осередку з місцем проживання представника місцевого самоврядування в системі давньоруської феодальної ієрархії [Готун, Моця 1993, с. 68–71]. На території означеної садиби та неподалік від неї виявлений і основний масив предметів південного імпорту. Зрозуміло, що вони, скоріше за все, потрапляли на територію поселення опосередковано, однак їх наявність — показник рівня культурного розвитку мешканців селища.

Колекція фрагментів візантійських амфор із даного пункту опрацьована В.В. Булгаковим¹ [Булгаков 2000]. За спостереженнями дослідника, вони належать сферомкисним та грушоподібним зразкам амфорної кераміки, що репрезентує продукцію константинопольських та південнопонтійських майстерень. В X–XI ст. це — найширше розповсюджений вид транспортної кераміки; на поселення вони потрапили не раніше середини XI ст. (докладніше — у авторських додатках В.В. Булгакова до звітів про роботу Північної експедиції в 1992–1996 р.). Висновок дослідника про побутування цих знахідок в результаті існування досить розвинутої структури субрегіонального обміну [Булгаков 2000] не суперечить твердженню про високий рівень життя мешканців даного селища.

Візантійський посуд репрезентований не лише амфорою тарою, а й уламками столового. Вже публікувались дані про фрагмент білоглиняного блюда на низькому кільцевому піддоні з монохромним зелено-глазуровим розписом під прозорою поливою; орнаментальна композиція складається з розеток, розташованих трьома рядами по колу. Висловлювалася думка про виробництво такої кераміки в районі Нікомідії та Нікеї. Інші уламки належать неорнаментованим білоглиняним блюдам з однорідною поливою темно-жовтого та салатого кольору і датуються другою половиною IX — початком XI ст. Центром виробництва називались передмістя Константинополя [Булгакова, 1995, с. 17, 18].

Надзвичайно цікава знахідка культового призначення, найвірогідніше — із причорноморського регіону вже згадувалася. Перламутровий натільний хрестик із зображенням хреста на Голгофі (?) виявлений також при вивченні охарактеризованої вище садиби. Виріб ви-

¹ Щиро вдячні колезі за обробку матеріалів та надані результати досліджень.

готовлений із стулки морської мушлі. За даними А.В. Корнюшина, особливості використаного матеріалу дозволяють дійти висновку про належність раковини устриці *ostrea* sp. Її найближче середовище існування — Чорне море, молюск також розповсюджений в Середземномор'ї та Антарктиці [Корнюшин, 1994/12, с. 296].

Серед інших знахідок, що вказують на зв'язки з причорноморським регіоном — уламки плоско-випуклих, трикутних та квадратних у перетині скляних браслетів, іноді — орнаментованих. Зокрема, був виявлений фрагмент візантійського скляного браслета світло-коричневого кольору, прозорого, з патинованою поверхнею, шириною 5 мм, діаметром зовнішнім 6,5 см, в перетині виріб квадратний, на бокових поверхнях помітні сліди орнаментациї у вигляді заглиблених смужок, що заповнювались кольоровою пастою, яка нині втрачена. З тієї ж споруди, що і попередній, походили ще два уламки візантійського браслета шириною 1,0 см, товщиною 3 мм, зеленого кольору, гладенького, плоско-випуклого, з потовщеннями з боків [Моця, Коваленко, Готун та ін. 1994/12, с. 37, 39, с. 146, 147, рис. 145, 146]. Інші приклади — фрагмент плоско-вигнутого браслета яскраво-синього кольору шириною 14 мм, орнаментованого “павиним оком”; фрагмент плоского, шириною близько 9 мм з випуклими валиками по краях, жовто-коричневого кольору; фрагмент трикутного в розрізі, з рубчастим 2-міліметровим виступом зверху, темно-зеленого кольору, висотою 7–8 мм, шириною в основі 8 мм тощо [Моця, Коваленко, Готун та ін. 1992/3, т. 1, с. 106, 116, 128; т. 2, с. 329, рис. 321: 6–8, 322, с. 343, рис. 356, с. 359, рис. 403].

Сірійські намистини — ще одна категорія знахідок описуваного кола старожитностей. Показова в даному відношенні пастова “вічкаста” непрозора, округло-трикутної форми, висотою 11–12 мм, діаметром основ 7 мм, отвору 2–4 мм, з несущільною зеленою смугою шириною до 6 мм та вічками у вигляді червоно-білих кругів діаметром 4–6 мм [Моця, Коваленко, Готун та ін. 1992/3, т. 1, с. 117; т. 2, с. 329, рис. 321: 1, 322, с. 344, рис. 358].

Факти культурних та торговельних зв'язків з причорноморським регіоном, отримані в ході досліджень Автуницького комплексу, дають додаткові підтвердження неординарності південноруського села та додаткові аргументи на користь відмови від традиційних поглядів на нього, як на значно відстале в порівнянні із міськими центрами Русі.

Привертає увагу розповсюдження причорноморських імпортив також і на інших сільських поселеннях регіону. Зокрема, за спостереженнями О.М. Веремейчик, для селищ межиріччя Дніпра і нижньої течії Десни найчисельніші серед згаданих — уламки амфор, виявлені як при розкопках, так і в підйомному матеріалі. Загалом із 48 пунктів походить 450 фрагментів, у тому числі із дослідженого широкою площею поселення Ліскове — 295; означені знахідки виявлені також на селищах Овраменків Круг, Шумлай, Козарки. Вироби мають численні аналогії на пам'ятках Середземномор'я та Причорномор'я. В числі інших матеріалів, що могли походити з означеного регіону — близькосхідний енкалпціон з поселення Ланок, мармурові хрести-тіль-

ники з поселень Ліскове, Очеретяна Гора, Шумлай. На думку дослідниці, причорноморське походження мали деякі предмети церковного начиння (фрагменти хороса, лампадка, кацея) з поселень Ліскове, Овраменків Круг, Шумлай, а також трикутні і плоско-випуклі скляні браслети, деякі типи намистин і скляного посуду, зафіксовані на селищах регіону [Веремейчик 2004, с. 393–401]. Наведені приклади дозволяють робити висновок про рівень розвитку південноруських селищ загалом, а не лише на прикладі автуницької пам'ятки.

Література

Археология Украинской ССР. К., 1986. Т. 3.

Булгаков В.В. Амфорные находки из Автуничей (по материалам раскопок 1988–1999 гг.) // Восточноевропейский археологический журнал. 2(3). 2000. (http://archaeology.kiev.ua/journal/02_03_00/bulgakov.htm).

Булгакова В.И. Византийская поливная керамика Автуничей // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернігів, 1995.

Веремейчик О.М. Матеріальна культура сільського населення IX — першої половини XIII ст. межиріччя нижньої течії Десни та Дніпра // Тези доп. української делегації на VI міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.). К., 1996.

Веремейчик Е.М. Предметы южного импорта на сельских поселениях междуречья низовий Десны и Днепра // Сугдейский сборник. К.-Судак, 2004.

Воронин Н.Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, свобода, село, деревня // ИГАИМК. 1935. Вып.138.

Готун І.А., Моця О.П. Соціальний аспект в забудові та хронологічні етапи функціонування давньоруського селища Автуничі // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Смоквасова. Чернігів, 1993.

Готун І., Петраускас А. Соціально-економічний феномен давньоруського села (до підоснов формування життєвого укладу українського народу) // Ноосфера. 1995. № 1.

Данилевич В. Археологічна минувшина Київщини // Українська АН. Збірник історико-філологічного відділу. К., 1925. № 31.

Древняя Русь. Быт и культура / Д.А. Беленькая, Г.К. Вагнер, Е.В. Воробьева и др. / Археология с древнейших времен до средневековья в 20 томах. М., 1997.

Історія українського мистецтва в шести томах. Т.І. Мистецтво найдавніших часів та епохи Київської Русі. К., 1966.

Коваль В.Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

Корнюшин А.В. Заключение о результатах исследования перламутрового крестика из раскопок древнерусского поселения Автуничы // Моця О.П., Коваленко В.П., Готун І.А. та ін. Звіт про роботи Дні-

- провської давньоруської експедиції в 1994 р. Приложение № 15 / НА ІА НАНУ. Ф. експ. № 1994/12.
- Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. 1958. № 74.
- Моця О.П., Коваленко В.П., Готун І.А. та ін.* Звіт про роботи Поліського загону Дніпровської давньоруської експедиції в 1992 р. / НА ІА НАНУ. Ф. експ. № 1992/3.
- Моця А., Готун И., Коваленко В.* Полесское село древнерусского времени (по материалам поселения Автунич) // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрасаваных археологаў. Тэзісы дакладаў міжнароднай канферэнцыі. Мн., 1993.
- Моця А.П.* Автунич — сельское поселение эпохи Киевской Руси // Природа. 1994. № 5.
- Моця О.П., Коваленко В.П., Готун І.А. та ін.* Звіт про роботи Дніпровської давньоруської експедиції в 1994 р. / НА ІА НАНУ. Ф. експ. № 1994/12.
- Моця А.П.* Южнорусское село: результаты и перспективы исследований // Славянская археология 1990. Раннесредневековый город и его округа. Материалы по археологии России. Вып. 2. М., 1995.
- Моця О.П.* Київська Русь: результати та перспективи досліджень // УІЖ. 1996. № 4.
- Моця А.П., Готун И.А.* Полесское село в системе внутригосударственных и межгосударственных связей (на примере исследования Автуничского комплекса) // Межславянские связи и взаимодействия в Восточной Европе: история, проблемы, перспективы. Брянск, 2003.
- Никольская Т.Н.* Древнерусское селище Лебедка // СА. 1957. № 3.
- Петраускас А.В., Моця О.П., Готун І.А.* Давньоруське селище Автунич в системі економічних зв'язків з Кримом та Причорномор'ям // Причорномор'є, Крим, Русь в історії і культурі. Матеріали II Судацької міжнародної конференції. К.-Судак, 2004. Ч. III–IV.
- Південноруське село IX–XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури) / О.П. Моця, В.П. Коваленко, В.О. Петрашенко та ін. К. 1997.
- Рыбаков Б.А.* Мир истории. Начальные века русской истории. М., 1984.
- Самоквасов Д.Я.* План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Чернигова для XIV археологического съезда // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда / Под ред. В.К. Трутовского. М., 1906. Вып. 1.
- Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель) / С.О. Біляєва, О.М. Веремейчик, Г.О. Вознесенська та ін. К., 2003.
- Сергеева М.С.* Формування специфіки побуту міського населення на Русі у IX–XIII ст. // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.
- Тарасенко В.Р.* Древний Минск (по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945–1951 гг.) // Материалы по археологии БССР. Т. I. Мн., 1957.

Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории древнерусской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 33. М., 1959.

Штыхов Г.В. Киев и древние города Белоруссии // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Мн., 1983.

БОСПОР И АНТИГОНИДЫ В ЭПОХУ РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА

Когда в научной литературе затрагивается вопрос об отношении Спартокидов к преемникам Александра Македонского, диадохам, то упоминают обычно только о Лисимахе, господствовавшем в Западном Понте. Между тем, в первые два десятилетия после смерти Александра тон в международной политике задавал отнюдь не Лисимах, а его главные соперники — Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет. Политика Антигонидов носила в те годы глобальный характер и в той или иной степени затрагивала всю территорию греко-македонского мира. Регион Понта не составлял в этом отношении исключения. Попытаемся определить, каким образом реагировало на эту политику Боспорское царство. Это позволит нам выявить малоизвестные страницы истории Северного Причерноморья и по-новому взглянуть на систему международных отношений в районе Понта в раннеэллинистическую эпоху.

Главной зоной соприкосновения интересов Боспора и первых Антигонидов, несомненно, было южное побережье Понта. В научной литературе не раз отмечалось, что Спартокиды в последние десятилетия IV в. до н.э. поддерживали тесные экономические и политические контакты с полисами этого региона [Сапрыкин 1992, с. 41; Vinogradov 1997 с. 47–48]. Особенно преуспел в этом отношении Эвмел, желавший, как известно, распространить свое влияние на все припонтийские области [Нейхардт 1962, с. 545–602; Шелов 1986, с. 37–39]. Но, как показала недавно обнаруженная боспорская проксения в честь жителя города Кромны, активность в направлении Южного Понта проявлял ещё отец Эвмела Перисад I [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002, с. 58–60]. Издатели проксении полагают, что в таких действиях Спартокидов “нельзя не усматривать целенаправленную политику противостояния экспансии Лисимаха и Антиоха I в Южном Понте” [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев 2002, с. 60]. Однако в действительности в годы правления Перисада I и Эвмела Лисимах и Селевкиды не имели никакого отношения к указанному региону. Господствующее положение здесь занимал Антигон Одноглазый. Ещё с 319 г. до н.э. он владел территорией Каппадокии, включая её прибрежную полосу [Billows 1990, p. 238–239]. В 314 г. до н.э. племянник Антигона Полемей укрепил здесь власть Антигонидов, изгнав войска Кассандра, осаждавшие Амис, и заключив союз с этим городом [Diod. XIX, 57, 4, 60, 2]. После этого он присоединил к владениям Антигона западную часть южнопонтийского побережья вплоть до Геллеспонта, включил в число союзников Антигонидов Гераклею Понтийскую, Астак и Халкедон и, очевидно, подчинил Вифинию [Billows 1990, p. 113, 239]. С этого времени и вплоть до агрессии Лисимаха в 302 г. до н.э. Южный Понт находился под контролем Антигонидов.

Таким образом, поддерживая южнопонтийские полисы, Перисад I и Эвмел могли противостоять только Антигонидам, а не Лисимаху или Селевкидам. Доказательством того, что это было целенаправленное противостояние антигонидовской экспансии, а не просто эпизодические контакты с торговыми партнерами, на наш взгляд, может служить факт учреждения на Боспоре культа Перисада I. Этот факт известен из следующего сообщения Страбона: “Пантикапей долгое время управлялся властителями из среды Левкона, Сатира и Перисада...Они назывались тиранами, хотя в большинстве были достойными, начиная от Перисада и Левкона. Перисад был даже признан богом (θεὸς τενόριονται)” [Strab. VII, 4,4]. Последняя фраза, несомненно, указывает на учреждение культа Перисада (то есть, воздаяние ему богоравных почестей), ибо только таким образом могло произойти в раннеэллинистическую эпоху “признание божеством”¹. Помимо этого, из сообщения Страбона ясно также, что Перисад получил почести за свое “высокое достоинство”, позволявшее не ставить его в один ряд с тиранами в классическом понимании этого слова. Это наводит на мысль, что боспорский культ Перисада по своей типологии был аналогичен культу эллинистических правителей, так как они также получали божеские почести в подтверждение своего “царского достоинства”, проявлявшегося в благодеяниях, человеколюбии, мужестве и т.д. [Bringmann 1993, p. 7–24; Billows 1995, p. 56–80].

Каким же образом подобный культ мог возникнуть на Боспоре уже в IV в. до н.э.? Некоторые исследователи считают, что возникновение этого культа — прямое следствие протоэллинистического характера боспорской государственности: здесь, якобы, еще в доэллинистическую эпоху сложились условия, подобные тем, что существовали в монархиях диадохов и их последователей, и поэтому такой характерный для эллинизма институт как царский культ появился здесь в очень раннее время. Особенно убежденно отстаивает эту позицию В.П. Яйленко, по мнению которого культ Спартокидов возник на Боспоре еще в середине IV в. до н.э. под влиянием местных (“иранских”) традиций сакрализации власти [Яйленко 1995, p. 242–253; ср.: Яйленко 1990, p. 308–310]. Приводимая им аргументация является,

¹ Это вовсе не означает, что Перисад действительно был назван “богом”, так как подобное наименование правителей в эллинистическом царском культе вошло в употребление только в начале III в. до н.э. Впервые оно встречается в афинском гимне в честь Деметрия Полиоркета в 291–290 гг. до н.э. [Athen/ VI, 253d–254a; Taeger 1957, p. 270–273]. Судя по всему, Перисаду просто воздали “богоравные почести”, что вовсе не означало “обожествления” в прямом смысле слова [Taeger 1957, p. 257–265; Nilsson 1961, p. 180–182; Price 1986, p. 227–233]. Подобные акты богоравного чествования многие античные авторы римского времени интерпретировали в духе своей эпохи как апофеоз. Однако впервые такая интерпретация божеским почестям была дана, видимо, еще спартанским царем Агесилаем в начале III в. до н.э. [Flower 1987, p. 123–134].

однако, крайне неубедительной, ибо основана на экстраполяции в прошлое и без того крайне гипотетических данных о культовом почитании Спартокидов в середине III в. до н.э. [Завойкин 2000, р. 55–56]². В научной литературе, к тому же, неоднократно было показано, что иранские традиции сакрализации власти (почитание фарна, проскинезис и т.д.) не имеют ничего общего с культом эллинистических правителей [Tarn 1928, р. 206–212; Bickerman 1963, 240–245; Frye 1972, р. 52–70; Нефедов 2002, р. 60–63]³. Поэтому даже если бы Спартокиды и придерживались иранских традиций почитания власти, что само по себе весьма сомнительно, то это вряд ли привело бы их к созданию царского культа эллинистического типа. Во всяком случае, аналогов подобной эволюции в эпоху эллинизма нет. Каких-либо реальных предпосылок для возникновения культа правителей в том виде, в каком они обнаруживаются в Малой Азии, Македонии, Фракии, Великой Греции и некоторых других местах [Taeger 1957, р. 15–233; Fredricksmeyer 1981, р. 145–156; Badian 1981, р. 27–71; Hammond 1994, р. 174–185; Flower 1988, р. 123–134; Sanders 1991, р. 275–287; Bosworth 1993, р. 278–280], на доэллинистическом Боспоре обнаружить невозможно. Поэтому приходится предполагать, что культ Перисада возник на Боспоре не “эволюционным путем”, а под влиянием внешних заимствований. Не случайно, в изложении Страбона культ Перисада — уникален: ни Левкон, ни Сатир подобных почестей не получают, хотя и являются не менее достойными правителями. В целом, как мне кажется, стоит согласиться с А.А. Завойкиным, который считает, что при изучении формирования культа Спартокидов следует “менее всего исходить из идеи его исключительности” и ориентироваться прежде всего на ход аналогичных процессов в других регионах эллинистического мира [Завойкин 2000, с. 56].

Сам А.А. Завойкин, руководствуясь указанными соображениями, приходит к выводу, что культ Перисада на Боспоре мог быть только посмертным, поскольку в годы правления этого царя прижизненного государственного культа в эллинистических державах еще не существовало [Завойкин 2000, с. 55–57]. Ссылаясь на данные моей статьи о почитании Александра в Александрии [Нефедов 1999а, с. 20–26], он заключает, что Перисад не мог опередить в области институализации царского культа “Великого Македонянина”, а последний был почтен как бог в официальном порядке только посмертно в птолемеевском

² От себя по этому поводу лишь замечу, что титул жрицы Спартокидов, реконструируемый В.П. Яйленко в нимфейском граффити [Яйленко 1995, р. 231–233] является беспрецедентным для эпохи эллинизма. Сам факт отправления культа правителей мужского пола жрицей-женщиной противоречит всем нормам эллинистического царского культа.

³ В Парфии, например, даже наблюдалась обратная тенденция — элементы греко-македонского царского культа Селевкидов оказали влияние на местную традицию почитания царей [Пилишко 2000, с. 110–112; Кошеленко 1971, с. 212–237; Фрай 1971, р. 260, 270–275; Нефедов 2002, с. 61–62].

Египте [Завойкин 2000, с. 56]. А.А. Завойкин, однако, не учитывает того обстоятельства, что наряду с общегосударственным, или, как его часто называют, династическим культом, существовали и другие формы культового почитания правителей, прежде всего — так называемый полисный, городской культ. В эпоху Александра и диадоров именно эта форма почитания монархов была господствующей, в то время как государственный династический культ только начинал зарождаться в Александрии. В рамках полисного культа почитание правителей еще со времен Александра было преимущественно прижизненным, и, следовательно, боспоряне вполне могли заимствовать именно эту традицию, почтив Перисада как бога еще при его жизни. Скорее всего, так оно и было, ибо посмертный культ в то время вряд ли мог быть “божественным” в прямом смысле этого слова и ассоциировался в большей степени с героическим почитанием. Даже Александра почтили в месте его погребения как героя [Нефедов 1999а, с. 25–26; ср.: Hölbl 1994, p. 85–86; Fraser 1972, p. 214–228; Leschhorn 1994, p. 204–212], а именовать правителей богами в посмертном культе начали только в 80-е гг. III в. до н.э.⁴ Поэтому если бы Перисада почтили после смерти именно как бога, то это было бы еще большей новацией, чем учреждение его прижизненного культа. Что же касается героического посмертного почитания, то оно, очевидно, не являлось для Боспора абсолютным новшеством. Об этом свидетельствует прежде всего сообщение самого Страбона о существовании на азиатском побережье Боспора посмертного памятника Сатира I [Strab. XI, 2,7], в котором исследователи вполне обосновано усматривают монумент героического культа этого правителя [Завойкин 2000, с. 47–57; Масленников 2001, с. 188]. Поэтому посмертный культ Перисада не мог восприниматься как нечто уникальное для Боспора, и вряд ли бы Страбон стал акцентировать на нем особое внимание.

Таким образом, есть все основания полагать, что культ Перисада возник на Боспоре еще при его жизни, но не на основе боспорских традиций, а под влиянием “из вне”. Что же могло повлиять на боспорян подобным образом? Совершенно ясно, что не единичные прецеденты воздаяния божеских почестей политическим лидерам, имевшие место в доэллинистическую эпоху [Currie 2002, p. 22–44; Fredrick-smeyer 1981, p. 145–156; Taeger 1957, p. 150–172], и даже не культ Александра, получивший более чем скромное распространение при его жизни [Badian 1981, p. 56–63; Bosworth 1993, p. 287–290]. Для заимствования столь новой для греческого мира формы чествования необходимо было существование массового культового почитания правителей, начинавшего приобретать характер традиции. Единственным же правителем, который удостоился подобного почета в достаточно широких масштабах еще при жизни Перисада был не кто иной как

⁴ Это впервые произошло, видимо, в посмертном культе Птолемея Сотера, который был учрежден около 283 г. до н.э. [Hölbl 1994, p. 87]. Александр даже в государственном птолемеевском культе никогда не именовался “богом”.

Антигон Одноглазый. В 314–311 гг. до н. э. его культ возник в целом ряде малоазийских и островных полисов, в большинстве своем входивших в пределы сферы политических и экономических контактов Боспорского царства [OGIS, No. 6; IG, XII, 2, 4, No. 1036; Habicht 1970, p. 42–79; Willows 1990, p. 233–238; Нефедов 1999, с. 90–95]. Особенно же важно, что культ Антигона в 313 г. до н.э. был учрежден полисами-членами Островной лиги на о. Делос [IG, XII, 2, 4, No. 1036; Habicht 1970, p. 59–62; Brunneau 1970, p. 564–566], который, как один из важнейших центров почитания Аполлона, был “священным местом” для боспорян. Весьма примечательно также, что расцвет культа Антигона совпадает по времени с пиком могущества Перисада. В последнее десятилетие жизни он достиг власти, до некоторой степени сопоставимой по своему объему с властью диадохов, и во всеуслышанье именовался в боспорских надписях “царем всех синдов и меотов” и правителем земли “от отрогов Тавров до Кавказских гор” [КБН № 10, 11, 971, 1039, 1040, 113]. Именно в таком положении он мог обоснованно претендовать на почести, которые получали в те годы только Александр (посмертно) и Антигон.

Все вышесказанное позволяет полагать, что культ Перисада возник на Боспоре под влиянием культа Антигона Одноглазого, который широко распространился в греческих полисах в последние годы жизни боспорского правителя. Это, однако, не означает, что культ Перисада был не более чем подражанием культу Антигона, призванным неумеренно прославить Спартокида. У этого культа, несомненно, имелся серьезный внешнеполитический аспект, имевший самое непосредственное отношение к противостоянию с Антигонидами. Широкое культовое почитание в греческих полисах имело для самого Антигона огромное политическое значение. Прежде всего, оно позволяло ему представлять в образе главного “спасителя и благодетеля” эллинов, поскольку почести он получал в ответ на благодеяния, оказанные городам [Willows 1990, p. 233–236; Habicht 1970, p. 42–75]. Помимо этого, как было показано мною ранее, культ приравнивал Антигона к Александру, которого чествовали посмертно другие диадохи, и помогал ему таким образом обосновать притязания на господство во всей македонской империи [Нефедов 1999, p. 90–95]. Учреждение культа Перисада в таких условиях, с одной стороны, выражало претензию Боспора на независимость от Антигонидов и македонских правителей вообще, с другой, закрепляло за Спартокидами статус “благодетелей эллинов”, по крайней мере, в пределах Понта, и противопоставляло их тем самым Антигону Одноглазому. В этой связи знаменитые благодеяния Эвмела понтийским грекам можно расценить как попытку соперничества с Антигонидами, ибо главным благодетелем эллинов в ту эпоху был именно Антигон. Не исключено, в частности, что помощь, оказанная Эвмелом каллатийцам во время осады Лисимаха [Diod. XX, 25, 2–3], была в какой-то степени обусловлена стремлением превзойти Антигона, который в 313 г. до н.э. потерпел неудачу при попытке поддержать восстание западнопонтийских греков против влас-

тителя Фракии [Diod. XIX, 73, 6–10]. Вообще же, сама идея использовать благодеяния эллинам для поднятия собственного авторитета и обоснования державных амбиций, несомненно, была заимствована Эвмелом именно у Антигонидов, создававших свою империю под лозунгом борьбы за свободу эллинов [Billows 1990, p. 231–240].

Что же могло побудить Спартокидов к противостоянию с Антигонидами? Прежде всего, это, конечно, стремление ограничить антигонидовскую экспансию в регионе Понта. Захват Полемеем южнопонтского побережья показал, что Антигониды не собираются ограничивать свои владения пределами державы Александра и готовы продвигаться далее на север. Весь понтийский регион оказывался, таким образом перед угрозой их вторжения, и Боспор не был в этом отношении исключением. Помимо этого, Эвмел и Перисад, конечно, были заинтересованы в ослаблении влияния Антигонидов в уже захваченных ими южнопонтских землях, поскольку Боспор, как уже упоминалось, имел определенные политические и экономические интересы в этом регионе и, вообще, рассматривал его как потенциальную сферу влияния Спартокидов.

Не исключено, что между Спартокидами и Антигонидами существовали и более глубокие противоречия, выведившие их противостояние за пределы Понта. Первые Антигониды, как известно, придерживались весьма жесткой протекционистской политики в сфере торговли зерном. Антигон, всячески поощряя экспорт хлеба с территории своей державы, настаивал вместе с тем, чтобы города, находящиеся под его властью, не импортировали зерно из других государств, а закупали его внутри страны, преимущественно, из урожая, полученного с царских доменов и доходных земель Антигонидов [Billows 1990, p. 286–289; Preaux 1954, p. 312–327]. Сам Антигон прямо заявляет об этом в одном из своих посланий к Теосу [Syll. No. 344]. Эта государственная монополия на торговлю хлебом призвана была обеспечить экономическую автаркию державе и нанести удар по главному сопернику Антигонидов — Птолемеевскому Египту, который являлся крупнейшим экспортером зерна в Средиземноморье. Однако такая политика наносила ощутимый вред и экономике Спартокидов, ибо они лишались важнейших рынков сбыта своей продукции: в державу Антигона с 314 г. до н.э. входила почти вся Малая Азия и Кикладские острова, а с 307 г. — и большая часть Балканской Греции, в том числе важнейший торговый партнер Боспора — Афины. Благополучие Спартокидов теперь напрямую зависело от того, насколько жестко Антигон и Деметрий контролируют морской импорт в полисы своей державы. Определенный ущерб боспорской торговле, несомненно, наносили и многочисленные военные кампании Антигонидов, во время которых поставки зерна в отдельные регионы оказывались невозможными. Так, в 305–304 г. до н.э. Деметрием почти полностью был блокирован с моря важнейший посреднический центр торговли зерном — Родос [Berthold 1984, p. 68–74], что, несомненно, нанесло немалый ущерб торговым операциям боспорян. В 295 г. такая же судьба

постигла важнейшего торгового партнера Спартокидов — Афины, причем Деметрий не просто не давал подойти к городу ни одному кораблю с зерном, но и казнил всех торговцев и даже капитанов судов, которые пытались это сделать [Plut. Demetr. 33: Polyæn 4, 7, 5]. Все это, конечно, не могло не побудить Спартокидов к противостоянию с Антигонидами. В таких условиях едва ли не каждая поставка зерна за пределы Понта или даже в южнопонтийские города, не говоря уже о предоставлении иноземным торговцам проксений с правом беспошлинного вывоза хлеба с территории Боспора, превращалась в своего рода вызов Антигонидам. А таких проксений от времени правления Перисада I, Эвмела и Спатока III сохранилось немало, и практически все они даровали иноземным зерноторговцам не только право вывоза хлеба, но и политику, то есть — право гражданства на всей территории Боспорского царства [Виноградов, Толстикова, Шелов-Коведяев 2002, с. 56–75]. Торговцы, нарушившие монополию Антигонидов, таким образом, имели возможность получить своеобразное “убежище” на Боспоре, что подчеркивало остроту противостояния Спартокидов и державы Антигона. Не исключено, что именно эти, осевшие на Боспоре иноземные торговцы и выступили официальными инициаторами воздаяния божеских почестей Перисаду, ориентируясь в этом отношении на практику полисов “метрополии”, почитавших Антигонидов как богов [Нефедов 2004, р. 187–193]. В свете подобного противостояния вполне закономерным выглядит тот факт, что когда в 287 г. до н.э. власть Деметрия в Греции окончательно рухнула, Спарток III одним из первых торжественно предоставил в дар освобожденным Афинам 15000 медимнов хлеба, оказавшись в одном ряду с откровенными врагами Антигонидов — Лисимахом, панонским царем Авдолеонотом и двумя первыми Птолемеями [Syll. No. 370; IG², No. 613, 637, 682; Хабиخت 1999, с. 136]. Этот жест символизировал восстановление старых экономических связей и подчеркивал, что эра противостояния с Антигонидами для Спартокидов закончена.

Таким образом, можно заключить, что Спартокиды в эпоху диадохов целенаправленно противостояли экспансии Антигонидов в регионе Понта и за его пределами, руководствуясь при этом, как политическими, так и чисто экономическими соображениями, которые, как известно, всегда оказывали большое влияние на внешнюю политику Боспорского царства.

Литература

- Виноградов Ю.Г., Толстикова В.П. Шелов-Коведяев Ф.В.* Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // Вестник древней истории. 2002. № 4.
- Завойкин А.А.* Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo, XI, 2, 7) // Древности Боспора. Вып. 3. М., 2000.
- Кочеленко Г.А.* Царская власть и ее обособление в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971.

- Масленников А.А.* “Царская хора” Боспора на рубеже V-IV вв. до н.э. // Вестник древней истории. 2001. № 1.
- Нейхардт А.А.* К вопросу о политике Евмела на Понте Эвксинском (по материалам керамической эпиграфики) // Древний мир. М., 1962.
- Нефедов К.Ю.* О возникновении культа Антигона Одноглазого // Древности. 1997–1998. Харьков, 1999.
- Нефедов К.Ю.* Птолемей I Сотер и учреждение культа Александра Македонского в Александрии // Античный мир. Белгород, 1999а.
- Нефедов К.Ю.* Культ елліністичних правителів і давньоіранські традиції шанування царської влади // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції “Актуальні питання сходознавства” 16 травня 2001 року. Харків, 2002.
- Нефедов К.Ю.* О культе Перисада I на Боспоре // Юг России в прошлом, настоящем, будущем: проблемы истории, экономики, культуры. Белгород, 2004.
- Пилипко В.Н.* Старая Ниса. Проблемы интерпретации // Вестник древней истории. 2000. № 1.
- Сапрыкин С.Ю.* Борьба за экономические зоны влияния на Понте в VI — II вв. до н.э.: государственная политика или личная инициатива? // Межполюсные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Тезисы докладов. Севастополь, 1992.
- Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1971.
- Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.
- Шелов Д.Б.* Идея всепонтийского единства в древности // ВДИ. 1986. № 1.
- Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
- Яйленко В.П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995.
- Badian E.* The Deification of Alexander the Great // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch.F. Edson. Thessaloniki, 1981.
- Berthold R.M.* Rhodes in the Hellenistic Age. New-York, 1984.
- Bickerman E.J.* Propos d'un passage de Chares de Mytilene // Parole di Passato. 1963. V. 31.
- Billows R.A.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley; Los-Angeles; London, 1990.
- Billows R.A.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New-York, 1995.
- Bosworth A.B.* Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1993.
- Bringmann K.* The King as Benefactor: Some Remarks on Ideal Kingship in the Age of Hellenism // Images and Ideologies: Self-Definitions in the Hellenistic World. Berkeley, 1993.

- Brunneau P.* Recherches sur les cultes de Delos a l'epoque hellenistique et a l'epoque imperiale. Paris, 1970.
- Currie B.* Euthymos of Locri: A Case Study in Heroization in Classical Period // Journal of Hellenic Studies. 2002. V. 122.
- Flower M.A.* Agesilaus of Sparta and the Origins of the Ruler Cult // Classical Quarterly. 1988. V. 38.
- Fraser M.P.* Ptolemaic Alexandria. V.1. Oxford, 1972.
- Fredricksmeier E.A.* On the Background of the Ruler Cult // Ancient Macedonian Studies in Honor of Ch.F. Edson. Thessaloniki, 1981.
- Frye R.* Gestures of Deference to Royalty in Ancient Iran // Iranica Antiqua. 1972. V.9.
- Habicht C.* Gottmenschentum und die griechische Städte. München, 1970.
- Hammond N.G.L.* Philip of Macedon. Baltimore, 1994.
- Hölbl G.* Geschichte des Ptolemäerreiches. Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander der Grossen bis zum römische Eroberung. Darmstadt, 1994.
- Leschhorn W.* "Grüder Stadt": Studien zu einem politisch-religiosen Phänomenon der griechische Geschichte. Wiesbaden; Stuttgart, 1994.
- Nilsson M.P.* Geschichte der griechische Religion. Bd. 2. München, 1961.
- Preaux C.* Sur l'origine des monopoles lagides // Chronique d'Egypte. 1954. V. 29.
- Price S.R.F.* Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor. Cambridge, 1986.
- Sanders L.J.* Dionysius of Syracuse and the Origins of the Ruler Cult // Historia. 1991. V. 40.
- Tarn W.W.* The Hellenistic Ruler Cult and the Daemon // Journal of Hellenic Studies. 1928. V. 48.
- Taeger F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd. 1. Stuttgart, 1957.
- Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Mainz, 1997.

СИМВОЛИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ НАДВРАТНЫХ ХРАМОВ ДРЕВНЕГО КИЕВА

Надвратные храмы древнего Киева — уникальное явление в средневековой архитектуре, поскольку они почти не встречаются в системе оборонительных сооружений. Существует мнение, что Древняя Русь не заимствовала конструкцию надвратных храмов из Византии и что подобные архитектурные комплексы, скорее всего, являются воплощением идей русских зодчих [Высоцкий 1982, с. 72].

Однако нельзя отрицать, что в Византии храмы, хотя и не часто, но все же увенчивали врата, которым придавалось особое значение. Например, храм возвышался над главным порталом Халки — входом в Священный дворец византийских царей в Константинополе. Сам дворец представлял собой город — храм с многочисленными светскими и церковными сооружениями. Во второй половине X века император Иоанн Цимисхий построил над воротами Халки церковь во имя Спасителя, о чем узнаем из сообщения византийского историка XI в. Иоанна Скилицы (Кедрина) [Лебедев 1998, с. 5].

Известны случаи, когда храмы находились в стене непосредственно возле городских врат. Так, возле Золотых ворот Константинополя, по-видимому, внутри городской стены находился храм Богородицы, который в источниках называется Иерусалимом [Лопарев 1895, с. 620]. Несомненно, этот храм играл особую охранительную роль, так как Сама Богородица всегда мыслилась “Стеной Нерушимой”, “Защитительницей градов”, как Она прославляется в Акафисте. Х. Лопарев приводит свидетельство очевидца событий нападения русских на Константинополь в 860 г. Георгия хартофилакса, который говорит о том, что византийский император Михаил III во время осады русскими города явился в Иерусалимский храм Богородицы, находящийся внутри стены около Золотых ворот. Георгий писал, что император Михаил и патриарх Фотий, повергшись ниц на церковный пол Иерусалимского храма Богородицы *внутри* города, молили Бога об избавлении столицы от русского нашествия. Х. Лопарев считал, что Иерусалимом или храмом святого Диомида назывался один из приделов храма Богородицы в городской стене Константинополя [Лопарев 1895, с. 622].

По примеру византийской столицы храмом увенчивались Золотые ворота Киева, ворота епископского двора Переяславля, главные врата Владимира — на — Клязьме. Над главными, Святыми вратами Киево-Печерского монастыря также возвышается церковь Святой Троицы. Весь комплекс лаврского главного портала был построен, как считают, в начале XII века, причем в отличие от Золотых ворот Киева, церковь над лаврскими вратами возводилась одновременно с ними, а не через некоторое время после постройки ворот.

Архитектурный образ киевских Золотых ворот очевидно решался в литургическом контексте единства Христа и Богородицы. Главный

портал Киева объединял в себе башню с проездом и надвратный храм Благовещения Богородицы. Главный проезд Киева воплощал символические мотивы врат, храма и башни, что являлось прозрачной аллюзией на одно из важнейших святилищ христианского мира — комплекс Гроба Господня в Иерусалиме. Уже в ранневизантийское время этот комплекс называли “новым и юным Иерусалимом” [Лидов 1994, с. 15–25].

Видимый образ Нового Иерусалима создавало и замкнутое кольцо стен средневекового Киева, застроенного храмами и дворцами, ведь Небесный Иерусалим мыслился как храм, который, в свою очередь, отождествлялся с дворцом — градом, сердцевиной храмов, в котором совершается беспрестанное богослужение праведников.

Точно так же, как константинопольский императорский дворец — сердцевина Священной Ромейской державы, воспринимался единым сакральным комплексом с триумфальным входом — церковью, архитектура Киева создавала образ единого священного пространства, в центре которого в храме Святой Софии предстояла Христу Богоматерь Оранта — как персонификация идеальной Церкви и как первая жительница Небесного Иерусалима, Которая вводит в него русичей — неофитов.

Проводя параллель с Золотыми воротами Иерусалима, К. Шероцкий делает интересное наблюдение, которому, к сожалению, не дали должной оценки в науке: “Согласно со сказаниями апокрифических Евангелий, Золотые ворота Иерусалима сыграли важную роль в истории Пресвятой Девы и Воплощения Христа, в чем сокрыто начало исторического значения Золотых ворот Царьградских, Киевских и др. Через Иерусалимские ворота шла Богородица к Елизавете; и Сама Она была вратами спасения. Рассказывали, что после входа в Иерусалим ворота закрылись и даже Веспасиан не смог их открыть”. Историк подчеркивает, что в этом смысле церковь Благовещения на Золотых воротах имела то историческое и символическое значение, которое следует из слов митрополита Илариона: “чтоб то приветствие, с которым ангел обратился к Деве, обратилось к городу: “Радуйся, благоверный граде, Господь с тобою” [Шероцкий 1917, с. 20–21].

Таким образом, Золотые ворота Киева, так же, как и главный портал Иерусалима, Константинополя, Трира, Спалатто, а позже — Владимира-на-Клязьме воспринимались вратами Спасения, ведь через них входили в Град Божий — столицу христианского Киевского государства. В связи с этим важно вспомнить, что в Акафисте Богородица именуется “вратами Рая”, “честного таинства дверями” и “дверями Спасения”.

В христианской традиции Благовещение Богородицы, которому посвящена церковь на Золотых воротах, воспринимается *началом* спасения человечества во Христе. Интересно, что суточный круг богослужения также *начинается* с раскрытия догмата Боговоплощения. Так, во время входа вечерни в праздничной стихире поется Богородичная песнь или Догматик. Сам вход вечерни символизирует Боговоплощение, на чем акцентирует и семантика алтарной преграды,

над царским дверями которой традиционно размещалась икона Благовещения. Таким образом, выделяется литургическая и миссионерская функция главного портала Киева. Золотые ворота уподоблялись царским вратам алтарной преграды, на которых, так же, как на триумфальных арках древних киевских храмов, изображалась сцена Благовещения. Эта классическая схема, которая отражала космическую природу христианства, манифестовала литургический характер застройки средневекового Киева, в храмах которого одновременно с Евхаристией вновь и вновь совершалась драма искупления человечества жертвой Христа.

Богослужбное значение Золотых ворот акцентировалось и размещением на них образа Богоматери, о котором вспоминает Ипатьевская летопись под 1151 г., в рассказе о борьбе за Киев Изяслава Мстиславича с Юрием Долгоруким.

Рать Изяслава и его сподвижников, ожидая Юрия, остановилась перед укреплениями города возле Золотых ворот. Описывая переговоры Изяслава и его сторонников — Вячеслава и Ростислава, летописец вспоминает икону Богоматери на Золотых воротах: “... и рече Вячьслав, озряся на святцю Богородицю яже есть над Золотыми враты, а тон ны Пречистей Госпожи судити с Сыномъ своимъ и Богомъ нашим, в сии векъ и в будущимъ, то рекъ отпусти Гюргиева мѹжа” (то есть посла Юрия. — Авт.) [ПСРЛ 1998, стлб. 712].

Таким образом, судя по летописному тексту, над Золотыми воротами Киева со стороны поля находился образ Богоматери с Младенцем Христом. Интересно, что до 1695 г. на руинах ворот стоял образ Казанской Богородицы, позже перенесенный в Троицкую церковь верхнего, или старого Киева. Известный духовный писатель XIX века А. Муравьев даже считал, что эта икона происходила из древней Благовещенской церкви, сооруженной Ярославом Мудрым [Муравьев 1846, ч. 2, с. 82].

Образ Казанской Божьей Матери относится к иконографическому типу Одигитрии (Путеводительницы). Это суровое и величественное изображение обращенных к зрителю образов Богоматери и благословляющего Христа — Младенца на Ее руках, то есть данный иконографический тип акцентирует Божество отрока Христа и акафистную тему единства Христа и Богородицы. С иконой Богоматери Одигитрии византийские императоры ходили в воинские походы и возвращались из них, устанавливая икону в триумфальной колеснице. Поэтому понятие Одигитрии соотносилось как с самим иконным образом Матери и Сына, так и с его ролью в жизни империи.

Не исключено, что и древний образ Богоматери над киевскими Золотыми воротами относился к типу Одигитрии, вдохновляя защитников города во время его обороны от врагов и провожая русичей в военные походы, куда княжеская рать выступала, проходя через ворота в поле.

В любом случае, тип Одигитрии связывался с военно-защитной функцией Богоматери и не случайно один из его списков получил название Портаитиссы, то есть Вратарницы (Богоматерь Иверская).

Свою сакрально-литургическую функцию Золотые ворота сохраняли и в позднесредневековом Киеве, хотя в это время они находились в весьма разрушенном состоянии. Симптоматично, что во время Освободительной войны 1648–1654 гг. через Золотые ворота торжественно въехал в Киев Богдан Хмельницкий после побед над польско-литовским войском.

В 1654 г. Киев посетил архидиакон Павел Алеппский, который сопровождал антиохийского патриарха Макария в Москву. Павел Алеппский писал, что вместе с патриархом Макарием они осмотрели руины высоких ворот с каменной башней, которые называются Святыми воротами [Путешествие антиохийского патриарха... 1897, вып. 2, с. 63].

Святые врата — древнее, еще византийское название царских врат алтаря, что опять-таки содержит в себе аллюзию на литургическую природу киевских Золотых ворот. Интересно, что наблюдательный Павел Алеппский обратил внимание на композиционную связь в городской застройке Золотых ворот и Софии Киевской. Описывая Софию, он отметил, что “высота царских врат — шесть локтей; возвышается над ними арка, подобная той, которая в городских воротах” [Путешествие антиохийского патриарха..., с. 68].

Павел Алеппский сравнивал одну из высоких арок ворот, которая сохранилась до его времен с триумфальной (алтарной) аркой Софии Киевской. Современные обмеры обоих памятников подтвердили справедливость такого сравнения [Высоцкий 1982, с. 25].

Если о символике надвратных храмов исследователи высказывали свои гипотезы [Ричка 2003, с. 191–198; Нікітенко 2003], то проблема взаимосвязи символического и функционального назначения надвратных храмов своего решения в науке не нашла. Замешательство вызывали маленькие размеры подобных церквей, то есть их, казалось бы, “нефункциональность”.

Так, Н.Н. Розов писал о Благовещенской церкви на Золотых воротах Киева: “Церковь была небольшой и могла вместить лишь семью и приближенных князя, то есть одно только “высшее общество” [Розов 1963, с. 147–148]. Рассуждая о том, где могло быть провозглашено знаменитое “Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона, исследователь склонялся к мысли, что это могло произойти в Благовещенской надвратной церкви, но поскольку храм был слишком мал, то “Слово” произносилось исключительно для семьи и приближенных князя.

Однако полагаем, что надвратные храмы обязаны были выполнять и какую-то каждодневную, а не только праздничную функцию. Как думаем, они предназначались не только для нужд князя и его двора, но и для тех, кто приходил к вратам средневекового города с целью его посещения.

Для выяснения этого вопроса обратимся, прежде всего, к “Повести временных лет”, где под 907 годом описан порядок входа русских в Константинополь: “...приходящии Русь да витають у святого Мамы, и послет царьство наше, и да испишут имена их, и тогда возмуть месячное свое, — первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис

Переаславля, и прочии гради. И да входят в град одними вороты со царевымъ мѹжемъ, без оружьа, мѹж 50, и да творят куплю, яко же имъ надобе, не платяче мыга ни в чем же” [ПВЛ 1999, с. 17]. Как видим, русских купцов встречали возле монастыря святого Мамы, затем выясняли их имена. После этого русских небольшими группами по 50 человек обязательно в сопровождении “царева мужа” вели в Константинополь через одни ворота. Таким образом, церковь здесь выступала как своеобразное место сбора, организации и даже “проверки” людей перед входом в город.

По словам византийского историка Зонары храм и мужской монастырь в честь известного кесарийского мученика св. Мамы или Маманта построил евнух из Колхиды Фарасман, один из приближенных вельмож императора Юстиниана. Этот монастырь находился неподалеку от городских стен Константинополя в устье Золотого Рога или возле Сладких вод на морском побережье. О монастыре известно, что в нем сестра императора Маврикия похоронила брата и его детей, убитых Фокой [Кондаков 1886, с. 44].

Н. Кондаков предполагал, что на месте монастыря еще ранее Юстиниана существовал храм в честь святого Маманта [Кондаков 1886, с. 44]. Со своей стороны заметим, что это предположение Н. Кондакова подтверждают слова св. Василия Великого, который, описывая празднование памяти святого Мамы, говорит: “Памятию мученика Маманта вся страна подвигнута: весь город принимает участие в празднике; не сродники стекаются на гробы отцев, но все притекают на место благочестия...” [Макарий 1857, с. 420].

Как нам кажется, ритуал встречи и организации пришедших возле обители святого Мамы подчеркивал роль и значение как монастырей, так и храмов, находящихся у стен средневекового города. Это акцентирование храма, как определенной “границы” между организованным, освященным пространством города и внешним “хаосом”, по видимому, должно было усиливаться, если храм располагался внутри городской стены, или же был надвратным.

Вхождение на территорию средневекового города группами имело прецедент в византийском дворцовом церемониале, который предусматривал вход во дворец византийских придворных и приглашенных также группами. Вот как, например, Константин VII Багрянородный описывает прием киевской княгини Ольги, имевший место осенью 957 г.: “*Девятого сентября, в четвертый день недели, состоялся прием... по прибытии Эльги, архонтиссы Росии... Приглашенная из Августия архонтисса прошла через Апсиду, ипподром и внутренние переходы самого Августия и, придя присела в Скинах. Деспина (т.е. императрица Елена. — Авт.) между тем села на упомянутый выше трон... И тогда вступил весь кувуклий, и были введены препозитом и остиарием вилы: вила первая — зосты, вила вторая — магистратиссы, вила третья — патрикиисы (и так далее, всего семь групп, от высших чинов до высших. — Авт.)... Итак, лишь после этого вошла архонтисса, введенная препозитом и двумя остиариями. Она шла впереди, а*

родственные ей архонтиссы и наиболее видные из ее прислужниц следовали за ней...” [Литаврин 2000, с. 360].

Интересно, что св. Иоанн Златоуст в одной из своих проповедей, описывая Небесный Иерусалим, представляет его окруженным золотыми стенами с воротами, через которые проходят, чтобы поклониться Богу. Читая эту проповедь, мы видим, что жизнь в Божьем Царстве распланирована, как церемония в императорском дворце: Господь, как и Его небесная свита (архангелы и ангелы), а также все граждане Небесного града, занимают там определенное место. Как при дворе, прибывающих принимают и вводят группами. Небесная рать делится на определенное число легионов, отрядов, образуя совет [Грабар 2000, с. 255].

Как думаем, вход на территорию монастыря должен был восприниматься таким же (и даже большим) сакральным действием, что и вход в город. Средневековое мировосприятие имело удивительную способность к “сжатию” и “расширению” пространства: жилище, храм, монастырь, город, страна постоянно уподоблялись друг другу, они освящали пространство и сами были объектами покровительства Божьего, Божьей Матери и святых и местом их пребывания. Нам представляется конструктивным подход к проблеме изучения функционального назначения надвратных храмов с учетом монастырской традиции, в частности — норм Студийско-Алексиевского устава. Как известно, этот устав нашел широкое распространение в Византии и на Руси. Он был принят преп. Феодосием в Киево-Печерском монастыре, а впоследствии — вплоть до XIV в. определял богослужебную жизнь Русской Церкви [Пентковский 2001].

В ктиторской или дисциплинарной части устава присутствует глава под названием “О странноприимниках”, где речь идет о монастырских воротах, о служащих при них “странноприимниках” или привратниках и о правилах входа на территорию обители. В уставе говорится, что монастырские ворота должны охраняться четырьмя “старыми” и “целомудренными” мужами, отличающимися послушанием, то есть — людьми наиболее духовными и опытными. Они не должны позволять даже “благочестивым мнихам” без повеления игумена выходить из монастыря. Эти четверо “странноприимников” или вратарей подчиняются таким правилам: один из них должен сидеть у внешних врат, не имея права никуда от них отлучаться, а трое других — пребывают у внутренних врат. Внутренние врата монастырского входа называются в уставе утренними, то есть, как думаем, восточными, в отличие от внешних — западных, у которых должен безвыходно сидеть первый вратарь. Возможно, внешние ворота отделялись от внутренних коридором в толще монастырского портала. В Святых вратах Киево-Печерской обители арочных пролетов было именно три, как думаем, по числу “странноприимников”, находившихся у внутренних врат.

Согласно Студийско-Алексиевскому уставу, когда первый “странноприимник”, сидевший у внешних врат, начинал принимать входящих, он громко сообщал трем другим привратникам о желающих пройти в монастырь. В свою очередь, трое “странноприимников”,

находившихся у внутренних врат, узнавали у игумена и у монахов, к кому из них эти люди пришли. Затем, взяв небольшую часть собравшихся (вспомним византийский дворцовый церемониал и вход русских в Константинополь по 50 человек), двое из трех “странноприимников” вели их в церковь для молитвы, а третий монах продолжал пребывать у внутренних врат. Очевидно, церковь находилась вблизи монастырских ворот или же над ними, так как вход в нее предшествовал входу в монастырь. Так, согласно уставу, только после того, как прошедшие монастырскими воротами помолятся в церкви, двое ранее сопровождавших их привратников берут часть из них и ведут в монастырь, а оставшиеся в церкви “о себе свою молитву исполняют” [Пентковский 2001, с. 387–388].

Как видим, пришедших к монастырским вратам не сразу и не всех пускали в обитель. Четверо привратников ожидали их у главного монастырского портала. Как нам кажется, число привратников вовсе не случайно. В смысле понимания монашеского чина как ангельского, эти четыре монаха — “странноприимника” символизировали “ангелов четырех ветров” Евангелия от Матфея, где речь идет о Страшном Суде (Мтф. 34; 31) и ангелов Апокалипсиса, которым дано будет наказывать грешников, то есть людей, не отмеченных печатью Бога (Откр. 7; 1–8). Подобный символизм четырех монастырских привратников связан с символикой самих врат обители, которые ассоциировались как с алтарной преградой храма, так и с вратами Царства Небесного, закрытыми для грешников [Никитенко 2003].

Ожидание у врат монастыря напоминало приходящим стояние в храме перед алтарной преградой, что особенно усиливало покаянные моменты, заставляя думать о собственной греховности и о том, что вследствие грехопадения человек оказался изгнанным из Рая, символом которого есть алтарь (монастырь).

Наличие ангелов у врат, ведущих в алтарь — Рай, восходит к книге Бытия, к истории изгнания Адама и Евы, где архангел, наказавший их, был поставлен с мечом у врат Эдема, чтобы оградить его от неверных. В литургической традиции параллелью этого текста является вход в храм на утрени, когда иерей, прообразующий Христа, становится перед Царскими вратами, как перед Небом, и в молитве призывает ангелов себе в “сослужители и сопутники” [Симеон Фессалоникийский 1887, с. 439].

Образы ангелов издавна были связаны с входной тематикой. Еще ветхозаветные тексты говорят о страже, охранявшей входы Святая Святых: “И поставил он привратников у ворот дома Господня (Храма), чтобы не мог входить нечистый почему-нибудь” (2 Пар. 23: 18). Изображения ангелов часто размещались у порога храма, отвечая функции его охранителей, преграждавших доступ туда неверным. Ангелов часто изображали со свитками в руках, т.к. считалось, что они записывают входящих и выходящих из церкви, запоминая грехи и добродетели каждого, список которых, как обвинительный акт, будет предъявлен ими на Страшном суде [Шалина 2000, с. 560].

В литургическом действе Великого входа священнику сопутствуют два дьякона, символизирующие ангелов [Иоанн, иеромонах 1895, с. 100; Дмитриевский 1884, с. 17, 69]. В этом смысле символичным являлось и то, что пришедших в монастырь сопровождало именно два монаха — “странноприимника”. Кроме всего прочего, эти двое привратников, как думаем, символизировали двух ангелов, которые, согласно православной традиции, встречают душу в посмертии. Один из них — ангел — хранитель, другой — сопровождающий. В известном во всем православном мире житии св. Василия Нового (X в.) два этих ангела водили по воздушным мытарствам душу блаженной Феодоры, доколе она не достигла Царства Небесного. Слово “мытарство” происходит от слова “мыто”, или пошлина, и связано с пошлиной, которую платили при входе в средневековый город (опять вспомним летописную статью 907 г.). В случае с блаженной Феодорой на каждом мытарстве она должна была дать отчет, как бы заплатить за все свои земные грехи.

Учение о мытарствах во время частного суда, который происходит сразу же после смерти человека, существовало в Церкви издревле. Это учение имеет силу догмата и, безусловно, сыграло важную роль в монашестве, для которого “память смертная” является одним из необходимых условий духовного роста. Воспринимая вход в монастырь, как переход души в вечность, а подъем крутыми ступенями в надвратный храм — как прохождение воздушных мытарств, человек должен был ощущать глубокое покаянное чувство, ведь на мытарствах, согласно учению Церкви, каждая душа в присутствии ангелов, перед лицом Вседержителя постепенно и скрупулезно испытывается во всем, что она совершила на земле.

Как нам кажется, надвратный храм монастыря мог иметь особую покаянно-аскетическую символику, связанную с символикой башни или столпа. Сама обращенная в небо форма башни, которую древнерусские источники называют “столпом”, являлась знаком восхождения к Богу путем покаянной молитвы и аскезы [Сарабьянов 2002, с. 387]. Ступени, ведущие в надвратный храм, имели прямые параллели с Небесной Лествицей, которую видел патриарх Иаков (Быт. 28:12), и акцентировали внимание на тяжести пути монашеского совершенствования и восхождения, описанного в известном сочинении Иоанна Синаита.

Подобные прообразования имеют место в знаменитом покаянном каноне св. Андрея Критского, читаемого во время Великого поста: “Лествица, юже виде древле великий в патриарсех (Иаков. — Авт.), указание есть, душе моя, деятелного восхождения, разумного возшествия: аще хочещи убо деянием и разумом и зрением жити, обновляйся” [Канон Великий... 1915, с. 25].

Таким образом, вход в Царство Небесное достигается путем восхождения “лествицей” духовного совершенствования, которое ассоциируется с восхождением в надвратный храм его крутыми ступенями. То есть, сами эти ступени прообразуют “Лествицу Небесную”, а церковь и ее алтарь — Небесный Иерусалим.

Учитывая вышесказанное, видим, что процесс прохождения монастырских врат был умышленно затруднен и к тому же глубоко символичен. Особое место в нем отводилось роли привратников, встречавших, а затем сопровождавших людей сначала в церковь, а затем и в монастырь. Храм, находившийся либо вблизи монастырских ворот, либо над ними, имел величайшее нравственное воздействие на приходящих в монастырь. Молитва в храме должна была настроить их на добро, помочь освободиться от греховных помыслов, а может быть и намерений, очиститься, так как вход на территорию обители воспринимался входом в алтарь или в Царство Небесное.

Таковым, очевидно, мыслился вход на территорию Печерского монастыря. Сама конструкция Святых врат Печерской обители с их тремя арочными проходами напоминала алтарную преграду, за которой находился сам алтарь — Печерский монастырь с Успенским собором в центре. Одновременно Святые врата Печерского монастыря с Троицкой надвратной церковью ассоциировались с трехчастным порталом Святой Святых Иерусалимского храма и с апокалиптической стеной Царства Небесного, каждая из которых также имеет три двери.

Не случайным, как нам кажется, есть то, что со Святыми вратами Печерского монастыря традиция связала имя преп. Николы Святоши. В житии преп. Николы не говорится о строительстве им этого комплекса. Сказано только, что святой Никола служил при монастырских воротах, никуда не отлучаясь от них кроме церкви [Абрамович 1931, с. 113–119]. Впервые свидетельство о строительстве ворот преп. Николой встречаем у лаврского монаха Афанасия Кальнофойского (XVII век) [Тератургима 1638, с. 23]. Но, возможно, традиция, связавшая строительство Святых врат Печерского монастыря с именем преп. Николы, более древняя и восходит к церковному преданию, согласно с которым св. Николай Мирликийский считался “привратником Рая”. Эти представления восходят к византийской агиографической литературе X века, где описано не только хождение святого на поклонение Гробу Господню, а и чудесный эпизод со священными вратами возле крестного древа, которые открылись перед Николой.

В Киево-Печерском патерике речь всегда идет об одном “вратаре”, а не о нескольких, но конструкция Святых врат обители с тремя проходами может, как думаем, свидетельствовать о неукоснительном соблюдении здесь предписаний Студийского устава, следовательно, и о наличии не только одного привратника у внешних врат, но и трех “странноприимников” — у внутренних. Такое предположение учитывает не только смысл символики входа в монастырь, но и функциональное назначение Святых врат Печерской обители — как системы, обеспечивающей порядок и безопасность монастыря.

Аналогичной, очевидно, была функция как самих врат, так и надвратных храмов города. Интересно отметить, что вход в Благовещенскую церковь на Золотых воротах Киева находился не со стороны города, а в стенах арочного пролета ворот. Думаем, что приходивших к главным вратам Киева после тщательного исследования кто они, и с какой целью

пришли в город, небольшими группами привратники или дружинники вначале сопровождали в Благовещенскую церковь, и только после молитвы в надвратном храме пришедшие отдельными небольшими группами опять-таки в сопровождении дружинников могли попасть в город.

Таким образом, функциональное назначение надвратных храмов было тесно связано с символикой самих врат средневекового города или монастыря, представлявших для “верных” двери Рая и, одновременно, двери покаяния, благодаря которому совершается восхождение в Небесный Иерусалим (христианский город или монастырь).

Литература

Абрамович Д. Киево-Печерський патерик. К., 1931.

Блаженного Симеона архиепископа Фессалоникийского Толкование о Божественном храме и божественных тайнодействиях // Писания святых отцов и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. СПб., 1887. Т. 3.

Высоцкий С.А. Золотые ворота в Киеве. К., 1982.

Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000.

Дмитриевский А. Богослужение в русской церкви в XVI в. Ч.1. Казань, 1884.

Иоанн, иеромонах. Обрядник византийского двора как церковно-археологический источник. М., 1895.

Кондаков Н. Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886.

Лебедев А.П. Очерки внутренней истории византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках. СПб., 1998.

Лидов А.М. Образ Небесного Иерусалима в восточно-христианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. М., 1994.

Литаврин Г.Г. Приемы киевской княгини Ольги в Константинополе императором Константином VII Багрянородным (приложение 1) // Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000.

Лопарев Хр. Старое свидетельство о Положении ризы Богородицы во Влахернах в новом толковании применительно к нашествию русских на Византию в 860 году // ВВ. М., 1895. Т. 2. Вып. 3.

Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам русским. СПб., 1846.

Нікітенко М. На зорі християнського Києва. Наукова монографія. (Лаврський альманах. Спецвипуск 4-й. К., 2003).

Нікітенко М. Літургійна символіка входу в сакральному просторі Києво-Печерської лаври // Матеріали Міжнародної наукової конференції “Могилянські читання”. К., 2003 (в печати).

Макарий, архиепископ Харьковский. Православное догматическое богословие. Т. 2. СПб., 1857.

Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. СПб., 1999.

Ипатьевская летопись // ПРСЛ. Т. 2: М., 1998.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабского Г. Муркоса. М., 1897.

Ричка В.М. Київські пропілеї (про семіотичний статус Золотих воріт) // Нові дослідження давніх пам'яток Києва. К., 2003.

Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI века // Slavia, 1963. R. 32, ses. 2.

Сарабьянов В.Д. Росписи северо-западной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира: XII век. СПб., 2002.

Тератургима. К., 1638.

Шалина И.А. Боковые врата иконостаса: символический замысел и иконография // Иконостас. Происхождение — развитие — символика. М., 2000.

Шероцкий К.В. Киев: путеводитель. К., 1917.

ОБРАЗ СВ. АНАХОРЕТА ОНУФРИЯ ВЕЛИКОГО В ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ СОФИИ КИЕВСКОЙ

Роспись Софии Киевской включает более 500 единоличных изображений святых, составляющих уникальный по количеству и подбору персонажей христианский пантеон. Определение иконографической программы этого пантеона — одна из ключевых и в то же время сложных проблем исследования собора. Поскольку древние надписи сохранились лишь при 10 фресковых изображениях святых, крайне сложно определить принципы их подбора и размещения. Нельзя руководствоваться при этом известным альбомом проф. Ф.Г. Солнцева второй половины XIX в., где отражены результаты руководимой им реставрации, получившей его имя, когда при поновлении стенописи маслом имена святым давались в большинстве случаев произвольно [Киевский Софийский собор].

Еще в конце XIX в. известные исследователи живописи Софии Киевской Д.В. Айналов и Е.К. Редин высказали мнение, что подбор святых в соборе "...обуславливается, с одной стороны, местным почитанием известных святых, с другой — почитанием их всею церковью" [Айналов, Редин 1889, с. 100]. В.Н. Лазарев предпринял попытку сопоставить размещение персонажей с церковным календарем, но никакой связи здесь не оказалось. Это привело его к мысли, что в подборе единоличных сюжетов было немало случайного и произвольного [Лазарев 1978, с. 107–108]. По мнению В.Г. Пуцко, неоднократное повторение изображений некоторых святых в соборе свидетельствует об отсутствии единства в программе росписи [Пуцко 1977, с. 200]. Г.К. Вагнер предположил, что пантеон святых Софии Киевской зависел "от идеи храмовой росписи и посвящения самого храма" и содержал в себе "конкретно-исторические и догматические идеи" [Вагнер 1974, с. 82]. Похожий вывод сделала И.А. Головань: "Философско-догматическая идея, лежащая в основе росписи Киевской Софии — это прославление Софии, то есть премудрости христианского учения, политическая идея — прославление в ассоциативных образах власти князя, распространителя этого учения" [Головань 1987, с. 151, 154].

Если приведенные здесь выводы Д.В. Айналова, Е.К. Редина, Г.К. Вагнера и И.А. Головань не вызывают сомнений, хотя и нуждаются в конкретизации, ибо применимы практически к росписи любого храма, то мнение В.Н. Лазарева и В.Г. Пуцко об отсутствии единства в программе росписи собора и случайном, произвольном характере подбора единоличных персонажей представляется весьма спорным и необидительным ввиду отсутствия надлежащей аргументации. Такая, по нашему убеждению, предполагает атрибуцию многих единоличных сюжетов и рассмотрение их в контексте общей концепции архитектурно-стенописного ансамбля, с учетом всех аспектов его функционирования, прежде всего, конечно, обрядово-литургического.

Исследование стенописи собора в этом направлении на основе предложенной нами комплексной методологии было начато автором более двух десятилетий назад [Никитенко 1987; 1988], и сегодня уже можно подвести некоторые итоги. Как показали результаты комплексного исследования архитектуры и стенописи собора, во всех звеньях его декоративной программы — мозаиках, нарративных фресковых циклах христологического и житийного характера, светских фресках четко прослеживается тема крещения Руси и прославления княжеской четы ее крестителей — Владимира и Анны. В целом, архитектурно-стенописный ансамбль Св. Софии раскрывает идею Церкви Христовой как Нового Иерусалима, литургически воплощающегося в русской действительности [Никитенко 1999, 2003, 2004].

В этом ключе решена также иконографическая программа единых фресок. На сегодняшний день мы предложили персонификацию 54 фресковых изображений святых, что вместе с ранее атрибутированными другими исследователями персонажами составило 80 уже определенных образов. В основном это наиболее репрезентативные ростовые фигуры, размещенные на столбах и стенах, составляющие собой основу софийского пантеона. Образы некоторых из них (св. Николая, Пантелеймона, Григория Богослова, Иоанна Богослова, Василия Великого, Анны и др.) повторяются несколько раз, что свидетельствует об особой роли этих святых в идейно-декоративной программе храма. К таким значимым образам софийской росписи относятся, по нашему убеждению, также св. анакорет и целитель Онуфрий Великий — один из наиболее почитаемых персонажей христианского пантеона, “непоколебимый столп Церкви Христовой”. Его память отмечена во многих месяцесловах, в том числе и в таких известных, как Менологий императора Василия II (976 г.), а также месяцеслов Мстиславова Евангелия (1117 г.). Почитание этого святого в Константинополе фиксируется созданным здесь в его имя храмом в монастыре св. Алипия [Сергий 1901, с. 178], в Киеве — наличием в Ближних пещерах Лавры мощей преп. Онуфрия Молчаливого, названного, по всей вероятности, в честь его святого патрона. Выдвинута и аргументирована гипотеза о заимствовании лаврскими подвижниками пещерножительствва и погребального обряда из Палестины, в том числе из знаменитого паломнического центра — монастыря св. Онуфрия; согласно преданию, св. Онуфрий три года подвизался в этом монастыре [Никитенко М. 2003, с. 78–79].

Ареал распространения культа св. Онуфрия в эпоху европейского средневековья был весьма широким: его образ, например, встречается в болгарской церкви XIV в. Рождества Христова в Арбанаси [Прашков 1979, с. 125, рис. 106] и люблинской каплице Святой Троицы того же периода [Różycka-Bryzek 2000, с. 129]. В древнерусской монументальной живописи образ св. Онуфрия присутствует в небольшой новгородской церкви Успения на Волотовом поле (XIV в.). Несмотря на широкое почитание св. Онуфрия, его образ не распространен в восточно-христианском монументальном искусстве средневизантийского перио-

да. Во всяком случае, изображение этого святого не встречается ни в одном из наиболее репрезентативных византийских памятников XI в. — католіконах монастырей Осиос Лукас в Фокиде, Неа Мони на Хиосе и Дафни под Афинами.

В то же время в Софии Киевской — памятнике первой трети XI в. — изображение св. Онуфрия встречается дважды — в западной части южной внешней галереи (ныне придел свв. Апостолов) и на столбе главного транспта. Хотя надписи-имена (дипинти) в обоих случаях не сохранились, однако оба образа могут быть убедительно атрибутированы.

Изображение св. Онуфрия на пилоне северного столба галереи надежно персонифицируется благодаря многочисленным обращениям к святому в надписях-граффити, в частности (в переводе С.А. Высоцкого): “Святой Онуфрий” — № 157; “Старче Божий, Онуфрий, рабов своих Ивана и Петра, грешников, помилуй” — № 159; “Святой Онуфрий, моли Бога за раба своего Сумиона, грешного” — № 160 и др. [Высоцкий 1976].

Онуфрий представлен в полный рост, в позе оранта. Это обнаженный старец, разделенные на пробор седые волосы которого спадают локонами на грудь и спину. Его также отличают небольшая клинообразная борода и усы. Перед Онуфрием растет крупнолистное дерево; это заставляет вспомнить житийное сказание о том, что после 30 лет подвигов в пустыне перед вертепом старца чудесно выросла финиковая пальма и заструился источник живой воды [Димитрий Ростовский 1999, с. 241]. Пальма — классическая эмблема победы, символ Древа Жизни, райского сада и бессмертия. Но здесь она имеет и литургический смысл, ибо в Акафисте преподобному Отцу нашему Онуфрию Великому поется: “Радуйся, кедре пустыни благовонный; радуйся, финик благосеннолиственный и многоплодный”.

Этот образ выделяется среди других персонажей колоссального пантеона святых Софии тем, что на нем обнаружено наибольшее количество граффити, написанных в древности на стенах собора — 41 (из более чем 300). Среди них — знаменитая 14-строчная запись о купле-продаже Бояновой земли, свидетелями чего были 12 клириков Софии, за что митрополия получила десятину от суммы сделки — 70 гривен собольих (№ 25). Следовательно, за землю была уплачена колоссальная сумма в 700 гривен собольих. Среди граффити на этой фреске — и запись о преставлении 22 августа (1076 г.) “раба Божьего Луки, епископа блаженного Белгородского”, викария киевского митрополита (№ 10).

По мнению С.А. Высоцкого, огромное количество надписей на этой фреске объясняется либо тем, что к Онуфрию обращались как к целителю многочисленные просители, либо, скорее всего, тем, что в открытой галерее было легче всего сделать надпись, ибо подобное действие строго запрещалось церковным уставом. Но первое предположение не подтверждается содержанием надписей, в которых нет просьб о даровании здоровья, второе — тем, что на других фресках в открытых галереях встречаются лишь одинокие надписи.

Между тем, обращает на себя внимание факт вытертости верхнего красочного слоя на левом колене св. Онуфрия, в результате чего обнажилась охряная санкирь. Учитывая то, что пятно санкири расположено как раз на уровне лица человека среднего роста, полагаем, что это свидетельствует о многочисленных прикладываниях верующих к этой части изображения святого, под которой могла быть заложена в стене частичка его колена.

Существуют свидетельства византийских и древнерусских источников о бытовании обряда закладывания в фундаменты и стены храмов святых мощей, причем они вкладывались и под изображения определенных святых. Новгородский архиепископ Антоний, посетивший Константинополь в конце XII в., сообщает: **“А егда делаша святѹю Софию, в алтарныя стѣны клали святыхъ мощи”** [Путешествие 1872, с. 115]. Аналогичное свидетельство находим в Киево-Печерском патерике в “Слове еже когда основанна бысть церкви Печерская”: **“Такоже и от грек иконе пришедши с мастеры, и мощи святыхъ мученик подо всеми стѣнами положены быша, идеже и сами написаны сѹть над мощами по стѣнам”** [Киево-Печерский патерик, с. 8]. Как видно, еще до создания храмов разрабатывалась их стенописная программа, отражавшая местные церковно-политические запросы.

Фрагменты тел святых (мощи) — это бесценные реликвии, которые являются необходимым условием возникновения сакральной среды храма; из особого расположения реликвий складывается его сакральная география, образуется невидимое силовое поле. В этом контексте можно полагать, что св. Онуфрий-пустынник, всегда незримо присутствующий на периферии храма, в опоясывающей его галерее, есть неотъемлемая часть неборимой духовной стены св. Софии. Прикладываясь к мощам св. Онуфрия, верующие получали “санкцию” на доступ в священные недра храма, святой очищал, освящал и защищал своими мощами какие-то действия, либо людей, ходатайствуя за них перед Богом. Уже сами воздетые к небу его руки заставляют вспомнить слова святого из его жития: *“Если с кем-либо из пустынников случается какая-либо напасть вражия, то он *воздевает руки свои к Богу* и тотчас ниспосылается помощь ему свыше и отгоняются все напасти ради чистоты его сердечной”* [Димитрий Ростовский 1999, с. 39]. Главное в этом образе — идея “молитвы пламени неугасимого”, как поется в Акафисте св. Онуфрию, — непрестанной молитвы за всех, во время которой происходит общение святого с реальностью Царства Божия. Поэтому авторы многих граффити, обращаясь к св. Онуфрию, просят его о заступничестве перед Богом.

Локализация изображения св. Онуфрия и специфический жест его рук могут объясняться и функцией помещения, в котором оно находится, — это западная часть южной наружной открытой галереи, то есть древней паперти, внешнего притвора. Как известно, притвор и паперть в древней Церкви предназначались для кающихся и оглашенных, то есть готовящихся к крещению, где они молились и

слушали поучения [Никольский 1907, с. 28–29]. Здесь же, по крайней мере до XIV в., совершался чин оглашения, при котором неопит во время обряда отречения от сатаны воздевал руки “горе”: “Обратитесь к западомъ, горе роуки своя имоуше, еже азъ глаголю: се и вы глаголете, о(т)ричюся сатану...”. В Акафисте св. Онуфрию, который как в Киевской Софии, так и в других памятниках изображался с воздетыми “горе” руками, говорится: “Ныне же с вышнихъ Богоподражательною любовию нисходиши к нам, Отче, посещая ны во всехъ немощехъ и нуждахъ нашихъ, возводя и наша умы и сердца горе”.

Чин оглашения включал также наставление священника о Страшном суде Христовом и воздаянии каждому по делам его [Красносельцев 1889, с. 122–123]. Отсюда понятны выцарапанные на фреске многочисленные просьбы к Господу и св. Онуфрию о помиловании грешных. Вообще орант — символическая фигура, означавшая еще со времен катакомбного искусства Церковь. Такая открытость Господу (поза распятого Христа) была характерна для первохристиан во время молитвы [Апостолос-Каппадона 2000, с. 160].

В этом отношении интересен ряд граффити на изображении св. Онуфрия. Прежде всего обращает на себя внимание схематичный рисунок прямоугольного храма с апсидой и вписанным в него шестиконечным крестом. По обе стороны креста сделана такая надпись: “Святини Онуфрие моли Бога милостиваго за рабоу свою Елену и помощи рабоу своемуу Фсыпорови ам(инь)” [Высоцкий 1966, с. 90–91, № 46]. Здесь очевидно сопоставление св. Онуфрия с храмом, что характерно и для гимнографии, в которой он величается как “Отца и Сына и Духа Святаго обитель живая и преславная”. Причем храм с округлостью алтаря представляет здесь образ ковчега или корабля, в котором верующие спасаются от суеты житейской и вечной гибели; вписанный в храм крест — орудие и символ спасения [Михайловский 1866, с. 118]. Примечательно, что снаружи к апсиде изображенного на фреске храма пририсован четырехконечный крест, как бы венчающий этот храм, то есть последний воспринимается не только в горизонтальном (земном), но и в вертикальном (небесном) планах. В таком случае апсида — одновременно и купол (глава), знаменующий Христа, а крест на куполе — знамя победы христианства над язычеством.

Примечательны и многочисленные покаянные надписи: “Святини (О)нуфрии направи мя на путь истинъ и спаси душу грешену” (№ 68); “Охъ мне на осуденене (№ 69) [Высоцкий 1966]; “Азъ недостоннъ” (№ 158), “О горе тебе Андрониче, ох тебе небоже! Чемъ се сътвори же никто же...” (№ 204) [Высоцкий 1976]. По всей видимости, авторами этих граффити были люди, которым за грехи надлежало находиться в притворе храма.

Среди авторов граффити на изображении св. Онуфрия можно видеть оглашенных, а также пришельцев из других краев, которых обучали здесь основам веры и, вероятно, грамоте: “Пищан писал, въ дьякъ ходивъ выученикомъ” (№ 120). Имя Пищан, скорее всего, ука-

зывает на этническую принадлежность автора граффито, поскольку в летописи под 984 г. пищанцами называются радимичи, жившие на реке Пищане: **“В лето 6492. Иде Володимеръ на Радимичи. Бе оу него воевода Волъчии Хвостъ, и посла и Володимеръ Волъчья Хвоста. Сърете є на реце Пищане, и победи Радимиче Волъчии Хвостъ. Темь и Русь корятся Радимичемъ глаголюще: Пищаньци волъчья хвоста бегаютъ. Быша же Радимичи от рода Ляховъ, прешедъше тѹ ся вселиша. И платятъ дань Руси, повозъ везутъ и до сего дне”** [Лаврентьевская летопись, стлб. 83–84]. Последняя фраза, по мнению Б.А. Рыбакова, свидетельствует о том, что и во времена Владимира Мономаха Русь противопоставлялась радимичам [Рыбаков 1982, с. 62].

Кроме радимича Пищана, к чужеземцам, оставившим свои надписи на изображении св. Онуфрия, можно отнести Утрина (венгра) и Дедильиеса-касожича: **“Господи, помози равоу своему Оу҃гриннови”** (№ 129); **“Дедильиес касожичъ тѹмѹ нда отъ святыхѹ азъ во Господи чаю прити къ тебе на въскрешение. Оу дѹша моя!”** (№ 149). Полагаем, что надпись можно понимать не так, как предлагал С.А. Высоцкий: “Дедильиес –касожич. Уходя от святых, я бо, Господи, надеюсь прийти к тебе на воскрешение” [Высоцкий 1976, с. 59], а “Дедильиес-касожич. Тѹму изжив (от “иждिति”-изжить. — Авт.) от святых, я бо, Господи, чаю прийти к тебе на воскрешение”.

Весьма примечательна здесь и надпись: **“Господи помози равоу своему Дѹмитру и святая Софіе гостя странника”** (№ 148). Как полагал С.А. Высоцкий, автор, вероятно, хотел после слова “София” написать “помилуй”. Очевидно, автором надписи был купец-пришелец, хотя слово “странник” подразумевает и чужеземца [Высоцкий 1976, с. 59]. Это позволяет вспомнить тот факт, что еще с ветхозаветных времен чужеземцам, странникам, пришельцам при посещении Иерусалимского храма надлежало находиться в его внешнем дворе, ассоциирующемся с папертью.

Представляется, что беспрецедентное количество надписей на изображении св. Онуфрия в южной галерее обусловили все вышеизложенные факторы. Этот образ играл важную миссионерскую роль в становлении молодой Русской церкви и размещение его на периферии храма вовсе не умаляло, а усиливало значение данного святого как “верного путевождя по путям спасения” и “крепкого хранителя от путей погибельных” (акафист св. Онуфрию).

Второе, доселе не атрибутированное изображение св. Онуфрия, находится в самом центре храма, напротив входа в жертвенник, на восточной плоскости западного столба северной тройной аркады главного трансепта. Здесь он также представлен в рост, в той же иконографии, что и в южной галерее. Граффити на этой фреске отсутствуют, поскольку она расположена в проходе в центр храма, к тому же на значительной высоте. Судя по особенностям художественного почерка, это изображение св. Онуфрия выполнено другим фрескистом артели, работавшей в св. Софии и насчитывавшей, как полагают, около

30 мастеров. Тем не менее, поза оранта, иконография святого, а также присутствующее в сюжете дерево, говорят в пользу предлагаемой нами атрибуции. Кроме того, следует обратить внимание на то, что здесь святой отшельник представлен визави св. Иоанну Предтече, изображенному в рост на западной плоскости восточного столба тройной аркады, слева от входа в жертвенник.

Объяснение такой композиционной параллели, своеобразной смысловой рифме, находим в житии св. Онуфрия: “Во дни своего детства я как новоначальный был наставляем там (в монастыре. — Н.Н.) святыми отцами усердной вере и любви к Господу, а также подчинялся и уставам иноческого жития. Я слышал, как они беседовали о святом пророке Божиим Илии, именно, что он, укрепляемый Богом, жил, постясь, в пустыне; слышал также и о святом Предтече Господни Иоанне, которому не был подобен никогда ни один человек, относительно его жизни в пустыне, до дня явления своего Израилю”. Далее св. Онуфрий рассказывает о явлении ему ангела, который повел его в пустыню [Димитрий Ростовский 1999, с. 237].

Интересно, что на следующем к западу столбе нефа жертвенника фигурирует изображение пророка Ильи — ветхозаветного прообраза Иоанна Предтечи, причем эта библейская параллель акцентируется в древнерусской монументальной живописи. Например, парные изображения свв. Ильи и Иоанна Предтечи встречаем в новгородских храмах XIV в. — церкви Успения на Волотовом поле и Спаса Преображения на Ильине. То есть, в стенописи придела жертвенника Софии Киевской проводится смысловая взаимосвязь между образами великих пустынников Ветхого и Нового Заветов, Закона и Благодати: пророка Ильи, Иоанна Предтечи, св. Онуфрия.

Здесь нелишне вспомнить, что в каноне св. Иоанну Предтече он прославляется как “постников и пустынников наставниче”. Следовательно, св. Онуфрий выступает в стенописи Софии учеником и последователем св. Иоанна Крестителя. В пользу такого вывода может свидетельствовать также житийный эпизод с ангелом, ведущим св. Онуфрия в пустыню; этот эпизод перекликается с известным в монументальном искусстве сюжетом “Ангел ведет Иоанна Предтечу в пустыню” (встречается в стенописи хор Киево-Кирилловской церкви, XII в., а также жертвенника Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря, XII в., Успенского собора во Владимире, XII в. и др.)

Можно вспомнить и то, что Онуфрий заслужил святость у Господа после 30 лет подвигов в пустыне, чем уподобился Иоанну Предтече, призванного Господом к проповеди народу иудейскому в 30 лет, чтобы приготовить его к пришествию Мессии. В акафисте Онуфрию Великому говорится: “Бурю страстей в тишину Христову преложил еси, Отче, многмятежного мира устранився красот и вселився в пустыни, идеже Крестителю и Илии житием последовал еси, с ними же ныне вечнующия на небесех славы наслаждаяся”. Фресковое изображение св. Онуфрия, сопредстоящего божественному жертвеннику вместе с “апостолом покаяния” Иоанном Предтечей, имело и литургическое

значение, ибо покаянный 50-й псалом читался перед каждым входом в жертвенник как перед незримым Судией и Исповедником [Симеон Фессалоникийский 1887, с. 407]. Образ св. Онуфрия, которого славили как “благоуханную жертву Богу всех верных”, как “горняго Иерусалима гражданина высокочестнейшего”, ярко иллюстрировал слова этого псалма: “Жертва Богу дух сокрушенный; сердце сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже. Облагодетельствуй по благоволению Твоему Сион; воздвигни стены Иерусалима” (Пс. 50: 19–20).

Можно сделать такие **выводы**. 1. Образ св. Онуфрия Великого играет важную роль в идейно-декоративной программе Софии Киевской, что свидетельствует о раннем и весьма активном утверждении его культа на киевской почве. 2. Мощи этого святого, вполне вероятно, входили в состав древнего реликвария Софийского собора, что было инициировано Киевской митрополией. 3. Повторение в стенописи образа св. Онуфрия, а также особенности его расположения, обусловлено как требованиями литургического порядка, так и наличием местного заказа в формировании пантеона святых, что аргументировано в наших монографиях и статьях на других многочисленных сюжетах росписи Софии Киевской [Никитенко 1999, с. 161–184; Нікітенко 2003, с. 201–211; Нікітенко 2003а; Нікітенко 2004].

Литература

- Айналов Д., Редин Е.* Киево-Софийский собор: исследование древней мозаической и фресковой живописи. СПб., 1889.
- Апостолос-Каппадона Д.* Словарь христианского искусства. Челябинск, 2000.
- Блаженного Симеона архиепископа Фессалоникийского Толкование о божественном храме и божественных тайнодействиях // Писания святых отцев и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. СПб., 1887. Т. 3.
- Вагнер Г.К.* Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974.
- Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. К., 1966.
- Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI – XVII вв.). К., 1976.
- Головань И.А.* Об атрибуции единоличных образов в Софии Киевской // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. К., 1987. С. 147–154.
- Димитрий Ростовский, св.* Жития святых. Кн. 10: июнь. К., 1999.
- Киевский Софийский собор // Древности Российского государства: Альбом. СПб., 1871. Вып. 1, 2, 3; 1887. Вып. 4.
- Красносельцев Н.* К истории православного богослужения. По поводу некоторых церковных служб и обрядов ныне неупотребляющихся. Материалы и исследования по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань, 1889.

- Лаврентьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. 1.
- Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство: Статьи и материалы. М., 1978.
- Михайловский В.* Словарь православного церковно-богослужебного языка и священных обрядов. СПб., 1866.
- Нікітенко М.* На зорі християнського Києва // Лаврський альманах. Вип.10 (Спецвипуск 4). К., 2003.
- Никитенко Н.Н.* К иконографической программе однофигурных фресок Софийского собора в Киеве // ВВ. 1987. Т. 48. С. 101–107.
- Никитенко Н.Н.* Программа однофигурных фресок Софийского собора в Киеве и ее идейные истоки // ВВ. 1988. Т. 49. С. 173–180.
- Никитенко Н.Н.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской: историческая проблематика. К., 1999; 2004.
- Нікітенко Н.* Свята Софія Київська: історія в мистецтві. К., 2003.
- Нікітенко Н.* „Паперть святителів” у Софії Київській // Проблеми та досвід вивчення захисту, збереження і використання архітектурної спадщини. К., 2003. С. 158–161.
- Нікітенко Н.* Фрескові іконні образи на вівтарних стовпах Софії Київської // Сакральні споруди у житті суспільства: історія і сьогодення. К., 2003. С. 211–216.
- Никольский К.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб., 1907.
- Прашков Л.* Църквата “Рождество Христово” в Арбанаси. София, 1979.
- Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / Предисл. и примеч. Савваитова. СПб., 1872.
- Пуцко В.* Литературные тексты и проблема реконструкции киевских стенописей X–XI веков // Slavia Orientalis. 1977. Vol. 26. № 2.
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Сергий, архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. 2; Святой Восток. Владимир, 1901.
- Różycka-Bryzek A.* Freski bizantyńsko-ruskie fundacji Jagiełły w kaplicy zamku Lubelskiego. Lublin, 2000.

ФРЕСКИ ЦЕРКВИ “УСПІННЯ” НА ЕСКІ-КЕРМЕНІ — ПАМ’ЯТКА МОНУМЕНТАЛЬНОГО ЖИВОПИСУ КРИМСЬКОЇ ГОТІЇ ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ XIV СТОЛІТТЯ

Бурхлива історія середньовічної Таврики виявилася безжальною для багатьох пам’яток православного церковного мистецтва і архітектури. Більшість храмів дійшли до нашого часу в руїнах, безліч ікон і рукописів загинули без вороття. Так само в вогняному водовороті подій зникла значна кількість стінописів, а ті, що збереглися, звичайно знаходяться в досить поганому стані. В такій ситуації дослідникові не доводиться вибирати — кожен залишок середньовічної фрески становить неабияку документальну цінність. В цьому плані важливу роль грає регіон Кримської Готії. Чимало тамтешніх церков вирубані в скелях, через що вони уникнули сумної долі наземних храмів, і більше того — зберегли на своїх стінах залишки фрескових розписів.

Готія — історичний район, до складу якого входила ділянка внутрішнього пасма Кримських гір між сучасними містами Бахчисараєм і Севастополем, Інкерман, ділянка чорноморського узбережжя від Судака до Алушти. В ранньому середньовіччі, у VI — IX столітті, Кримська Готія грала роль прикордонного регіону, що захищав візантійський Херсонес з боку степу. Особливості ландшафту — наявність скель і великих столових гір — були дуже зручними для побудови фортець і інших оборонних споруд. В X — XI ст. розпад Хозарського каганату і поява нових хвиль завойовників спричинили тривалий занепад краю. Але повернення Готії під візантійську владу в XII ст., і встановлення мирних стосунків з половцями призвели до нового соціально-економічного підйому. Розвиток регіону тривав і надалі, незважаючи на драматичні перипетії кримської історії — татаро-монгольські походи, залежність від Золотої Орди, колоніальні загарбання генуезських купців. В 1292 р. Готська єпархія здобуває статус митрополії. В другій половині XIV ст. на терені Кримської Готії виникає напівнезалежне державне утворення Феодоро з столицею на горі Мангуп, що існувало до загарбання Криму османами в 1475 році і грало поважну роль в політичному житті своєї доби. Назва “печерні міста”, що утвердилася за багатьма городищами Кримської Готії (насамперед — за Ескі-Керменом і Мангупом) не зовсім точна. Створені на схилах або верхівках скель і столових гір міста, фортеці і селища склалися як з наземних, так і з печерних споруд, та, на жаль, перші здебільшого не збереглися.

Перший опис фресок печерної церкви був здійснений ще в 1634 році російським ченцем Іаковом [Могаричев 1997, с. 7–8], що відвідав Інкерман в складі місії. З часів приєднання Тавриди до Російської імперії і до наших днів стінописи печерних храмів неодноразово привертати увагу дослідників, вони згадуються в багатьох наукових, нау-

ково-популярних і туристичних виданнях. Разом з тим ґрунтовний опис цих пам'яток, докладний аналіз іконографії і стилістики розписів, пошук аналогій і реконструкція фрагментованих зображень, нарешті, реставрація фресок, досі лишаються актуальними питаннями. Слід сказати, що і світова, і радянська наука накопичили багатий досвід вивчення, реставрації, експонування і публікації сильно пошкоджених пам'яток фрескового живопису. Гарним прикладом таких робіт можна назвати вивчення знайдених під час археологічних досліджень стінописів Середньої Азії доісламської доби, середньовічних фресок Смоленська і Пскова [Воронин 1977; Белецкий 1986].

Єдиною спеціальною монографією, що присвячена кримським середньовічним фрескам, досі лишається видана в 1966 році у Києві книга О.І. Домбровського [1966]. Хоча автор книги висловив чимало слушних думок, датування і атрибуція багатьох пам'яток суперечливі і недостатньо обґрунтовані, а опубліковані в книзі описи і копії — не завжди точні. На наш погляд, важливим недоліком роботи О.І. Домбровського є апіорне бажання автора пов'язати стінописи Кримської Готії з столичним візантійським живописом.

Нині, незважаючи на зрозумілі складності, археологічне дослідження Кримської Готії розвивається бурхливими темпами, значний інтерес викликає і тема печерних церков. Зокрема, видана в 1997 році книга Ю.М. Могаричева синтезує значний обсяг матеріалу з середньовічної кримської історії, історії вивчення печерних церков і їх розписів. Про інтерес до середньовічних кримських стінописів свідчать публікації Н.Є. Гайдукова, Е.Н. Карнаушенко, О.В. Джанова, О.А. Айбабіної, С.Г. Бочарова, А.Ю. Виноградова [Гайдуков, Джанов, Карнаушенко 2002, с. 114–132; Айбабина, Бочаров 2002, с. 159–168; Виноградов 2002; Гайдуков 2002]. Разом з тим можна відзначити не лише позитивні, але й негативні тенденції. Часто автори покладаються не на власне дослідження фресок, а на старі описи і копії, прагнуть апіорно пов'язати кримські пам'ятки з художніми традиціями Трапезунду і Грузії. Так само можна вказати, що автори публікацій — археологи, палеографи, богослови — але не історики мистецтва і не художники-реставратори.

Аби хоч якось надолужити цей пробіл, нами в 1993–2004 роках було проведене власне дослідження стінописів Кримської Готії, яке супроводжувалося створенням акварельних зарисів-реконструкцій¹. Оглядова розповідь про результати проведеної роботи в цілому наводиться в статті “Збираючи мозаїку знов: середньовічні стінописи Кримської Готії”, яка має бути опублікована в четвертому номері ча-

¹ Фрески Кримської Готії дійшли до нашого часу переважно в поганому стані – вони пошкоджені лакунами, збереглися у вигляді низки дрібних фрагментів, розкиданих на поверхні стіни, вони вкриті плямами кіптяви, напівпрозорим вапняним нальотом, подряпані “автографами” туристів-невігласів. Аби роздивитися деталі фресок, ми зволожували їх водою з пульверизатора, що давало гарний результат.

сопису “Софія”, заснованому Інститутом гуманітарних досліджень. В стислому вигляді ці висновки виглядають наступним чином. Печерні храми з стінописами з’явилися на терені Кримської Готії не раніше другої половини XIII століття. До цього архітектура печерних церков була суто функціональною, і не передбачала декору в цілому. В другій половині XIII — першій половині XIV століття в Кримській Готії панує місцева провінційна школа, представлена розписами храмів Ескі-Кермену (“Трьох вершників” і “Успіння”) і головної церкви печерного монастиря Шулдан. Центром розвитку цієї школи, скоріш за все, був великий монастирський комплекс в Інкермані. Як художнє явище, ця школа стояла осторонь магістрального шляху розвитку візантійського мистецтва. З появою державного утворення Феодоро провінційна школа не зникає, але для оформлення церков починають запрошувати не лише місцевих майстрів, але й закордонних іконописців високого гатунку. З їхньою роботою можна пов’язати розписи “Храму донаторів” в ущелині Черкес-Кермен і церкви “Південного монастиря” на Мангупі.

Дана публікація пропонує увазі читача розгорнутий аналіз одної з головних пам’яток провінційної школи Кримської Готії — стінописів церкви “Успіння” на Ескі-Кермені². Згадане городище розташоване на столовій горі сильно видовженої форми, що знаходиться в шести кілометрах від села Красний Мак Бахчисарайського району. В VI — X ст. Ескі-Кермен був однією з фортець, що контролювали шляхи до Херсонесу, в XI — XIII ст. він перетворюється на невеличке місто, позбавлене оборонних мурів. Дискусійним питанням є час остаточної загибелі городища — окремі автори називають другу половину XIII ст., 1299 рік або кінець XIV ст. Забігаючи вперед, можемо сказати, що розгляд фресок церкви “Успіння” схиляє нас до останньої з трьох версій.

Церква “Успіння”, як і “Храм трьох вершників”, розташована трохи осторонь великого комплексу середньовічного християнського цвинтаря Ескі-Кермену, що знаходився на південно-західному схилі плато і включав у себе район колишньої брами ранньосередньовічної фортеці. Вказана печерна церква знаходиться в районі південно-східного краю плато. За думкою М.І. Репнікова, під час будівництва ранньовізантійської фортеці на Ескі-Кермені в цьому місці плато була вирубана цистерна для запасів зерна або води. Її вузький отвір замикався згори кам’яним люком, що зберігся до нашого часу. Для будівництва фортечного муру ділянка скелі поруч з цистерною була зрізана до рівня підлоги нинішньої церкви “Успіння”.

В більш пізній час фортечний мур був розібраний, і місцевість стала придатною для створення печерного храму. Підрубки для муру утворили своєрідний “балкон” перед фасадом церкви, а наявність давньої цистерни значно полегшила роботу по збільшенню приміщення. Храм в плані являє собою прямокутник неправильної форми, розділе-

² Матеріали про городище Ескі-Кермен і архітектуру церкви “Успіння” наводяться за виданнями [Айбабин 1991; Могаричев 1997, с. 46-49].

ний на дві частини. Північну займала власне печерна церква, прикрашена фресковим розписом. Слід зазначити, що церква не зайняла всього простору колишньої цистерни. Частина цистерни у вигляді великого прямокутного заглиблення так і лишилася в підлозі храму, і, певно, грала роль льоху. В середні віки він був вкритий дерев'яним настилом, а нині являє серйозну небезпеку для відвідувачів пам'ятки. З півдня в храм веде прорубаний в скелі дверний прозір. Поруч з дверима, в кутку, розташована апсида церкви у вигляді неглибокої ніші, що орієнтована точно на схід. В центрі нижньої частини апсиди знаходиться так само вирубаний з каменю мініатюрний олтар храму. Збоку в ньому — отвір для вкладання мощей. Поруч з апсидою в північній стіні церкви — маленька ніша, яка, ймовірно, грала роль жертovníка. Первісна олтарна преграда скоріш за все була переносною. Пізніше її двічі заміняли більшими, з'єднаними з стінами церкви. Пази для кріплення прегради пошкодили частину розписів.

На південній стіні і на підлозі церкви зберігся рівчак. Певно, він був призначений для встановлення дерев'яної стіни чи перетинки, яка відокремлювала північну частину приміщення від південної. Це припущення доводять ще кілька спостережень. По-перше, на стелі церкви, над верхнім краєм фрески “Хрещення” зберігся залишок чистого тиньку без розпису розміром близько 86×46 см. Незначний фрагмент такого ж чистого тиньку є і на західній стіні поруч з верхнім лівим кутом композиції “Успіння”. Ці залишки свідчать про те, що фрески прикрашали лише північну частину приміщення, а від дерев'яної стіни їх відокремлювала широка смуга чистого тиньку без розпису. По-друге, повноцінно оглянути приміщення церкви і її стінописи можна було тільки сидячи на лаві, встановленої вздовж дерев'яної стіни.

Південна частина приміщення відіграла якусь службову, господарчу функцію, і через це вирубана більш грубо. Вхід до південної частини був можливий тільки зсередини церкви, самостійної двері тут не було. Південна половина інтерпретується вченими по-різному: і як костниця, і як трапезна. На мою думку, тут вірогідніше за все була ризниця, склад церковного начиння.

Однією з загадок храму “Успіння” є винодавильня-тарапан, вирубана в західній стіні церкви. Серед числених гіпотез, що пояснюють цю деталь, найбільш переконливою здається версія Ю.М. Могаричева. Згідно ній тарапан в церкві було влаштовано вже за часів Кримського ханства, коли місцеві селяни використовували печерні приміщення давно полишеного мешканцями Ескі-Кермену для господарчих потреб. Вона розташована без врахування дерев'яної перетинки, яка за часів функціонування храму ділила печерне приміщення на дві частини.

Ззовні поруч з входом в церкву знаходиться вибита в скелі могила. Н.І. Рєпніков свого часу знайшов в ній розграбоване поховання з двома людськими кістяками. Цей факт заслуговує особливої уваги: серед стінописів церкви є великі зображення двох святих в повний

зріст. Як ми побачимо далі, ці святі були патронами церкви, і, скоріше за все — святими-покровителями двох небіжчиків, похованих поруч з нею.

З півдня поруч входом до церкви "Успіння", знаходиться ще одне печерне приміщення — можливо, гробниця, можливо — келія. В цьому плані храм "Успіння" нагадує церву "Трьох вершників", коло якої також є менша печерна кімната. Як вірно вказують в своїй статті Н.Є. Гайдуков, О.В.Джанов, Е.Н. Карнаушенко, церква "Успіння", скоріше за все, входила до невеликого культового комплексу [Гайдуков, Джанов, Карнаушенко 2002, с. 114–115].

Стінописи церкви "Успіння" позбавлені витонченої майстерності, але разом з тим мають величезне значення для вивчення культури і мистецтва Кримської Готії. Рештки фрескового ансамблю збереглися достатньо повно, аби скласти уявлення про його іконографічну програму і художні особливості, властиві для "провінційної" групи пам'яток Кримської Готії в цілому. Проблема датування і атрибуції церкви "Успіння" і її розписів розділила вчених на два табори. Зокрема, М.Л. Ернст, О.І. Домбровський, Ю.М. Могаричев датують пам'ятку другою половиною XIII — початком XIV ст. За твердженням О.І. Домбровського, фрески церкви "Успіння" — твір провінційний, але в ньому відчувається "свіжий струмінь ранньопалеологічного стилю". Натомість І.Е. Грабарь, М.І. Рєпніков, авторський колектив Н.Є. Гайдуков, Е.Н. Карнаушенко і О.В. Джанов схиляються до раннього датування пам'ятки другою половиною XII — першою половиною XIII ст. Згаданий авторський колектив пов'язує стінописи Ескі-Кермена з традиціями столичного мистецтва Грузії. Щоправда, в іншій публікації Н.Є. Гайдуков докорінно змінив точку зору, висловившись "за" другу половину XIII ст. [Гайдуков, Джанов, Карнаушенко 2002, с. 114, 124; Могаричев 1997, с. 48–49; Домбровський 1966, с. 49; Виноградов 2002, с. 57; Гайдуков 2002? с.75].

Верхню половину апсиди займає композиція Деїсуса. Композиція зображує Діву Марію і Іоанна Хрестителя, які моляться за людство перед Христом-Вседержителем на троні. Цей виразний і лаконічний образ передає ідею заступництва церкви за віруючих перед Богом, а також нагадує про моральну відповідальність людини, що приймає таїнство причастя. Часто зображення Деїсуса пов'язано з поховальним ритуалом і практикою поминальної служби — універсальне значення сюжету заступництва конкретизується як молитва за окремих небіжчиків. В поховальних каплицях і костницях ця композиція розміщувалася в апсиді замість зображення Богородиці. Фрески на сюжет Деїсуса часто зустрічаються поруч з похованнями в приміщеннях церков. Нарешті, в середньовічних християнських стінописах Кавказу і Малої Азії зображення Деїсуса в верхній частині апсиди стало місцевою традицією. В кримських церквах зображення Деїсуса в апсиді може розглядатися і як місцева традиція, і як вказівка на поховальне значення багатьох відомих пам'яток [Успенский 1997, с. 320; Воронин 1977, с. 38].

Фреска в апсиді церкви “Успіння” на Ескі-Кермені пошкоджена крупними і дрібними лакунами, які знищили правий край і верхній лівий кут композиції, сильно зіпсували її нижню частину. Як і в решті композицій, герої Деїсуса постають на сіро-блакитному тлі з бірюзово-зеленим “поземом”. Центральну частину стінопису займає велика фігура Спасителя на престолі. Правою рукою він благословляє двуперстним знаменням, лівою — підтримує на коліні закриту книгу, оклад якої прикрашено перлами. Христос — в багряному хітоні і пурпурному гіматії. Складки одягу позначені чорними лініями, висвітлення чи то не збереглися, чи то були відсутні. На правому плечі хітон прикрашено охристим клавом, з-під рукава хітона виглядає край рукава жовтої сорочки. Голова Ісуса оточена жовтим хрещатим німбом з зеленими перекладами. Ця деталь відрізняє зображення Христа в апсиді від решти його зображень в фресках церкви “Успіння”, де Спаситель постає з кремово-рожевим хрещатим німбом, з білими перекладами. Так само зображення Христа в апсиді відрізняється від решти стінописів церкви гармонійними пропорціями, більш точним і впевненим малюнком, що нагадує якісні взірці візантійського живопису XI — XII ст. У Ісуса видовжений овал обличчя, густе довге волосся з правого боку уходить за ший, з лівого — падає на плече. Як і в решті фресок церкви, темне волосся намальоване темно-оливковою фарбою. Риси обличчя, на жаль, не збереглися. У Христа в апсиді, як і в решті персонажів стінописів церкви “Успіння”, “личне” письмо, тобто лик і руки, було виконане в мішаній техніці, де поверх виконаного в техніці фрески світло-зеленого санкирю писали світлою охристою темперою. У Ісуса в апсиді верхній шар темперного живопису зберігся на скулах і шиї. Автори фресок церкви “Успіння” (як і майстри “провінційної” групи в цілому) хоч і використовували для зображення “личних” елементів прийняту в візантійській традиції багатопланову систему живопису, разом з тим надавали перевагу графічній, лінійній манері виконання. Їх живопис нагадує сучасний малюнок пером, тонований аквареллю чи гуаш’ю. Вони не намагалися робити перехід від затінених до освітлених частин “личного” плавним і поступовим. Одним з цікавих питань є те, чи застосовували “провінційні” іконописці Кримської Готії “рум’яна” — тонування рожевою чи темно-червоною фарбою на щоках, лобі, шиї, руках зображених персонажів? Цей прийом широко використовувався в візантійському живописі і допомагав досягти порівняно правдивого враження живого людського тіла. І.Є. Грабарь згадує “рум’яна” в своїх нотатках про розпис храму “Трьох вершників”, але нам при обстеженні фресок печерних церков “Трьох вершників” і “Успіння” виявити подібні тонування не вдалося.

Христос сидить на жовто-оранжевому престолі, поверх якого лежить темно-червона подушка. Зображення престолу сильно пошкоджене лакунами, збереглася його верхня частина і завершення правої ніжки. Завершення ніжки у вигляді перегорнутої квітки лотосу нагадує ніжки одра Богородиці в сцені Успіння. По обидва боки престолу зображені двоє багатокрилих ангелів, як уособлення Слави Господ-

ньої. Хоча в літературі їх чин визначається як чин серафимів, дослідження фрески в натурі дозволяє спростувати це твердження. Праворуч збереглася нижня частина постаті такого ангела, що має темно-червоні крила з зеленими краями. Фігура ангела ліворуч збереглася краще. У нього четверо зелених крил з темно-червоними краями. Між кінчиками верхньої пари крил видно пошкоджене зображення білої пташки, оточеної німбом. Поруч з центральним, людським ликом, збереглися залишки німбів додаткових ликів. Всі вищезгадані особливості дозволяють визначити ангела як тетраморфа, одну з небесних чотириглавих істот, описаних в книзі пророка Іезекіїля. Крім того, іконографія тетраморфа з Ескі-Кермену дуже подібна до фресок в Убісі (Грузія, кін. XIV ст.) [Фрески Убіси 1987, ілл. 1]. Єдиною відмінною кримського стінопису є те, що на крилах ангела не зображено числених очей, які згадує святе писання. На фресці частково проглядається малюнок рис лику тетраморфа. У нього широке обличчя, крупні очі, масивний короткий ніс і тяжка нижня губа.

Від постаті Діви Марії праворуч Христа зберігся незначний фрагмент — частина темно-вишневої хустини-мафорія, що покриває голову Богородиці. Поруч — звичайна для ікон Богоматері в православному мистецтві аббревіатура: "МНР ΘΥ". Фігура Іоанна Хрестителя ліворуч Спасителя збереглася краще, хоча крупна лакуна знищила частину німбу і верхню частину голови, і з рис обличчя видно тільки довгий тонкий ніс. Верхній шар живопису на лику втрачений, але лишився на руках фігури. Іоанн змальований в жовто-оранжевій сорочці до п'ят і темно-оливковому плащі. Голова Предтечі похилена, руки простягнуті до Христа, права трохи припіднята порівняно з лівою. При зображенні одягу і складок тканини на ньому автори фресок взагалі не використовували якогось кольорового чи тонального моделювання, що дозволило би виявити прийнятий в візантійській традиції прийом умовної передачі об'єму фігури. Натомість одну частину складок малювали темною, а іншу — світлою лінією. Зокрема, на плащі Хрестителя складки чорні і світло-оливкові, на сорочці — темно-червоні.

Деїсус, як і решта живописних композицій в церкві, відокремлений від сусідніх фресок темно-червоною смугою з білими лініями вздовж зовнішнього і внутрішнього краю. Нижню частину апсиди займає композиція, відома під назвами "Мелізмос", "Служба святих отців", "Шанування жертви", "Св. Агнець". Іконографія цієї символічної сцени остаточно формується в другій половині XII ст. і ілюструє положення константинопольських соборів 1156–1158 та 1167 рр. про те, кому і ким здійснюється евхаристична жертва, а також відносно двоєдності божественної і людської природи Христа. "Служба" звичайно зображує отців церкви, які підходять з сувоями в руках до храмового престолу. На олтарі зображується евхаристична жертва у вигляді Христа-дитини, що лежить в потирі або на дискосі (в деяких варіантах зустрічається Ісус-отрок Еммануїл або навіть тіло Спасителя, зняте з хреста). Символіка "Мелізмоса" багато в чому пов'язана з лі-

тургічним ритуалом Великого Входу. Служіння святих отців престолу з Ісусом-дитиною наочно ілюструє догму боговтілення, а готування і принесення жертви під час літургії — віру в очищення гріхів і спасіння душі. Композицію “Служби” в розписах апсиди стали вміщувати під сценою Євхаристії, або ж “Методозису”, де Христос причащає апостолів вином і хлібом. В більшості відомих кримських середньовічних стінописів сцена “Мелізмса” в нижній частині апсиди заміняє собою композицію Євхаристії [Щаревская 1999, с. 24–26].

За свідченнями М.І. Репнікова та І.Е. Грабаря зображення “Служби” в церкві “Успіння” виглядало наступним чином — довкола престолу з Ісусом-дитиною було зображено двоє ангелів з ріпідами і двоє отців церкви [Гайдуков, Джанов, Карнаушенко 2002, с. 119; Грабарь 1966, с. 258]. Нині зображення Ісуса втрачене, від прямокутного кремово-рожевого престолу лишився тільки лівий куток. Обабіч престолу видно верхні частини вертикально встановлених ріпідів. Завершення ріпідів нагадують німби, що ввело в оману О.І. Домбровського. Вчений вважав, що в сцені приймають участь не четверо, а шестеро персонажів [1966, с. 46]. Постаті в правій частині збереглися значно краще, ніж в лівій. Можна бачити залишки фігури ангела в кремово-рожевому вбранні з червоними крилами. До нього наближається святий в білій єпископській ризі без нашитих на неї хрестів. На одязі з білої тканини всі складки жовто-оранжевого кольору. Від лівої половини композиції збереглися тільки незначні рештки. Можна розрізнити тільки німб і темно-фіялкові крила другого ангела, а також верхню частину німбу другого святого.

Рис. 1. Фреска із зображенням святого воїна на північній стіні храму.

Нижче композиції “Служби” збереглися залишки орнаментального бордюру, який колись тягнувся вздовж нижньої частини стін церкви. Візерунок із зигзагів і трикутників дуже близький до орнаменту з капліці “Трьох вершників”. Він намальований темно-черво-

ними і чорними лініями, смуга орнаменту сягає заввишки близько 38 см. Інший фрагмент такого орнаментального бордюру зберігся в північно-західному кутку церкви. За О.І. Домбровським, використання подібних візерунків споріднює кримські стінописи із західно-болгарськими фресками XIV ст. [Могаричев 1997, с. 49].

Вузьку ділянку стін по обидва боки апсиди займала сцена Благовіщення. Догматичне значення Благовіщення полягає в тому, що ця подія являє приклад ідеального узгодження Божої і людської волі, а також було початком земного втілення Ісуса, хресна жертва якого відкрила перед людством можливість досягнення раю. Сцена Благовіщення сприймається як брама до раю, що його в церковному інтер'єрі символізує апсида. Недаремно цей сюжет став традиційною окрасою передолтарних колонн, а з появою іконостасу — його центральних, "царських", або ж "райських" дверей [Успенский 1997, с. 321–322].

Як і в інших євангельських композиціях церкви "Успіння", вздовж верхнього краю Благовіщення білою фарбою було виконано напис, що вказував назву і зміст сюжету. Напис у Благовіщенні був досить великий, але від більшої його частини збереглися тільки половини літер. Лише в одному місці ясно читається "...ХА МЕМІО...". Від постаті Гавриїла лишився порівняно крупний фрагмент, що включає нижню частину лику, крило і частину одягу архангела. Хоч фрагмент вкритий щільною кіптявою, можна бачити, що у ангела був грубуватий лик з прямим носом і масивною нижньою губою, схожий на лик тетраморфа з композиції Деїсус. Крила були червоними, а одяг — охристий. Протилежна частина композиції з фігурою Марії збереглася краще, хоча лакунами знищено лик Богородиці і частина постаті в районі стегон. Богоматір була зображена сидячою на жовто-оранжевій лаві. Вона одягнена в темно-вишневий мафорій і зелену сукню. Голова її схилена в бік Гавриїла. Марія пряла — видно опущену праву руку. Довкола постаті темно-червоною фарбою було написано звичну в цьому випадку аббревіатуру (див.вище). Трохи вище Богородиці змаловано білу півсферу, від якої в напрямку її грудей йде білий промінь. В такий спосіб було зображене нисходження Бога-Сина для земного втілення. Під фігурами Гавриїла і Марії знаходилися зображення двох святих, але ці фрески були знищені при створенні нової олтарної прегради. Нижче зображення Богородиці можна розрізнити залишки німбу. Лик знищений підрубкою для прегради.

За свідченням М.І. Рєпнікова [Могаричев 1997, с. 48], на стелі віми поруч з апсидою був розташований медальйон з зображенням Христа. Разом з тим вчений не вказав, який саме тип зображення Спасителя було відтворено у фресках церкви "Успіння" — звична для оформлення куполів наземних храмів півфігура Пантократора або якась інша композиція. Нині від фрески збереглися вкриті кіптявою незначні фрагменти загальним розміром 37×48 см. Медальйон оточений білою "рамою", яка ззовні була окреслена оранжевою, а зсередини — фіялковою лінією. Від зображення Христа лишилася тільки

нижня частина шиї з ключицями. Праворуч від медальйону збереглося біле поле, розкреслене горизонтальними червоними лініями і частина німбу меншої постаті — вірогідніше за все, ангела. Всі вказані деталі свідчать про те, що на стелі церкви “Успіння” було намальовано не Христа-Пантократора, а композицію “Спас Нерукотворний на убрусі (на рушнику)”. Розгорнутий рушник підтримували ангели. “Спас на убрусі ” з Ескі-Кермену відтворював дуже давню іконографію. Тут голова Ісуса була зображена разом з шиєю. Пізніше ця деталь була виключена з іконописного канону [Лидов 1999, с. 48–49].

Віма в церкві “Успіння” існувала, хоч і не була виокремлена засобами архітектури. На місці, де первісна переносна преграда притулена до північної стіни, стінописи розділяла широка вертикальна смуга з орнаментом. Орнамент являв собою ряд трикутників, написаних чорною і фіялковою фарбами на жовто-ораневому тлі. Подібний прийом відокремлення олтарного простору від решти інтер’єру церкви можна бачити і в розписах “Храму донаторів”. Коли в церкві “Успіння” робили нову олтарну преграду, більша частина смуги з орнаментом була знищена підрубками для кріплень. На стіні віми між апсидою і олтарною преградою було зроблено маленьку нішу, яка, ймовірно, грала роль жертовника — схожі ніші існують і в “Храмі Донаторів”, і в стінах каплиці печерного монастиря на південному схилі Мангуцу. За свідченням Н.І. Рєпнікова, в ніші знаходилося поясне зображення Богородиці Одигітрії. На жаль, зараз від цієї фрески зберігся незначний фрагмент: залишки німбу і шиї Ісуса-дитини, а ближче до краю — пляма червоного кольору — певно, залишок вбрання Богородиці. Значно краще збереглися фрагменти візерунку, яким було розписано амбразуру ніші. Візерунок складається з зигзагоподібної темно-червоної лінії, в проміжках якої розташовано орнаментальні фігури, написані чорною і жовто-оранжевою фарбою. На стіні над нішею жертовника від розпису збереглися лише мізерні рештки. На їх підставі можна припустити, що тут, можливо, було зображено півфігуру святого в білому вбранні.

Факт розташування композиції “Одигітрія” в ніші жертовника потребує коментарів. Зображення Богородиці Одигітрії гарно відповідає літургічній функції жертовника. Сучасний глядач, вихований на європейському світському мистецтві Нового часу, сприймає зображення Діви Марії з маленьким Ісусом насамперед як узагальнений образ материнства як вічного людського чуття. Але знайомство з візантійською середньовічною релігійною літературою переконує в тому, що образи Богородиці і Ісуса-дитини сприймалися зовсім по іншому. Велич цих осіб вбачали в тому, що вони переборюють, переростають звичні людські чуття. Маленький Ісус в своїй поведінці керується не звичним для дитини прагненням тепла, затишку і батьківської любові, а бажанням виконати свою жертовну місію. Зокрема, так тлумачилися ікони, на яких Христос-дитина виривається з рук Марії. Сама ж Богородиця знає про майбутнє сина, але переборює природній для жінки сум і тривогу за своє дитя, усвідомлює роль Ісуса для спасіння

людства. Відомі ікони (щоправда, католицькі), де Марія тримає маленького сина на білій хустці — в цьому Богородиця уподоблювалася церковному олтарю, де на білій серветці розкладали святі дари. Цей приклад, хоч він і взятий з католицької практики, добре пояснює, що в зображеннях Діви Марії з маленьким Ісусом важливою була тема жертвності, пов'язана з змістом таїнства евхаристії. Тому розташування подібної фрески в ніші, де готувалися святі дари, виглядає цілком природним.

Н.С. Гайдуков, О.В. Джанов і Е.Н. Карнаушенко на підставі факту розташування в ніші жертovníка церкви "Успіння" композиції Одігтрії стверджують, що каплиця була присвячений саме іконі Богородиці з Одигону. З цим твердженням важко погодитись [Белтинг 2002, с. 321–326, 434–435; Лидов 1999, с. 118; Гайдуков, Джанов, Карнаушенко, 2002, с. 122]. Як свідчать аналогії з розписами інших печерних церков Кримської Готії, зображення святих, яким присвячено храм, розташовували на північній стіні поруч з олтарною преградою, але не поруч з апсидою. В каплиці "Трьох вершників" на Ескі-Кермені і в "Храмі донаторів" разом з храмовими образами лишилися фрагменти фундаторських написів. Як згадувалося вище, в "Храмі Успіння" поруч з олтарною преградою було намальовано дві постаті святих в повний зріст, зображення яких будуть розглянуті нижче. Як згадувалося, під час археологічних досліджень М.І. Репнікова в безпосередній близькості від церкви "Успіння" було виявлено поховання з двома кістяками. Найвірогідніше, що святі були покровителями похованих. Це дозволить нам хоча би гіпотетично встановити присвячення храму і навіть — дізнатися імена похованих.

Кожне з двох зображень святих на північній стіні займало поле близько 141×55 см. Перший з представлених святих — це св.воїн. Хоча фреска сильно фрагментована, залишки стінопису в районі голови, плечей, грудей і голенів фігури дозволяють скласти уявлення як про іконографію, так і про стиль розпису. Порівняння і проведення аналогій з такими пам'ятками, як вирізьблений з слонової кістки візантійський триптих-складень X — XI ст., (Ермітаж, Спб.), мозаїка з зображенням Св. Дмитра Солунського з Михайлівського собору в Києві (1108–1113), поновлена у XIV ст., новгородська ікона 30–40 р. XII ст. з зображенням св. Георгія (обидві пам'ятки — в Державній Третьяковській галереї у Москві), зображення св. воїнів у мозаїках правої стіни хору собору в Чефалу (1150 — початок 1160 р.), фреска з постаттю невідомого св.воїна в церкві Свв. Федорів в Містрі (1312) і мініатюра з зображенням св. Федора Стратилата з т. зв. "Федорівської Євангелії" (1321–1327 роки, зберігається в Ярославльському історико-архітектурному музеї-заповіднику) — допоможуть нашому аналізу фрески і дозволять реконструювати втрачені деталі [Банк 1965, іл. 126, 130, 131; Лазарев іл. 288, 560; Лазарев 1971, с. 219; Корина 1995, с. 45–47; Вздорнов 1980].

Іконографія зображень св. воїнів в повний зріст зі списом, щитом та іншими атрибутами ратної справи типова для мистецтва XI —

XII ст. і спирається на античну традицію зображень воїнів-переможців. Святі постають в кірасах, пластинчатих обладунках або кольчугах. Поверх одягнуто плащ. Воїни спираються на спис і вертикально встановлений щит чи тримають спис в руках і прикриваються щитом. Вони можуть виймати з ножен меч або здіймати його перед собою, тощо. Палеологівське мистецтво в цілому зберігало цю іконографію, але в душі своїх художніх пошуків прагнуло більшої експресивності. Святі частіше зображуються в момент, коли вони виймають зброю перед боєм, художники прагнуть зробити їх пози більш динамічними, малюють постаті, наполовину задрапйовані в плащ. Згідно з загальним інтересом палеологівського мистецтва до античності св. воїни частіше зображуються в кірасах, схожих на давньоримські.

Від голови, шиї і німбу постаті св. воїна на фресці церкви “Успіння” на Ескі-Кермені лишилося кілька крупних фрагментів. Частково збереглися риси обличчя — край правої брови і ока, лівий край носа і верхньої губи. На підставі всіх цих фрагментів можна стверджувати, що малюнок голови і лику був сильно стилізований. Овал обличчя сильно витягнуто в довжину, його форма наближалася до ромба. У святого був невеликий лоб, довга верхня губа. Зачіска з краплеподібних пуклів — наголошено пишна. Ши́я — надто масивна і видовжена, близька за формою до конусу. В цілому подібна стилізація малюнку схожа на образ невідомого св.воїна з розписів початку XIV ст. церкви св. Федіра в Містрі. Також можна вказати, що іконографія лику воїна з розписів Ескі-Кермена нагадує св. Георгія. За свідченням А.Ю. Виноградова, фрагменти напису поруч з фігурою є частинами грецького слова “τροπαίοφορον” — “той, що несе перемогу” (рос. “Победоносець”) — постійного епітету св. Георгія в православній традиції [Виноградов 2002, с. 56].

В зображенні св. Георгія (рис. 1), як і в решті фресок храму “Успіння”, висвітлення виконані нечисленими густими мазками. На лику св. воїна подібне висвітлення йде вздовж нижнього краю очної западини. Хоч лик воїна зберігся дуже фрагментарно, схоже, що обличчям святий нагадував дужого сільського парубка.

Святий був зображений в обладунку, забарвленому жовто-гарячою фарбою оранжевого відтінку, типовою для стінописів церкви “Успіння”. Через малу кількість фрагментів важко точно сказати, який саме це був обладунок — пластинчатий панцир або кіраса. Незначні залишки живопису вказують на те, що обладунок був розписаний орнаментом у вигляді маленьких чотирилистників. Можливо, чотирилистники були з’єднані білими перлинами. В районі діафрагми постаті панцир перетинає широка зелена смуга, дві вужчих смуги йшли до неї від плечей.

Поскі́льки більша частина постаті знищена крупними лакунами, можна лише додати, що святий був одягнений в кремово-червоні штани і жовто-оранжеві чоботи з зав’язками вздовж верхнього краю. Одною ногою воїн стоїть прямо. Інша, певно, була трохи зігнута в коліні. Поверх обладунку святого було одягнуто кремово-червоний

плащ. Вдодж коміру він обшитий перлами. Плащ намальований трохи асиметрично, немов його трохи здуває праворуч (ця деталь має аналогії як з мозаїками Чефалу, так і з мініатюрою "Федорівської Євангелії"). Фрагменти розпису свідчать про те, що плащем була частково задрapaiована ліва рука святого.

Правою рукою святий тримає трохи нахилений спис, що не торкався землі. Спис намальовано жовтою фарбою, з одного боку він окреслений темно-червоною лінією, з іншого — білою. Поруч з верхньою частиною спису, ближче до верхнього лівого кутка композиції у вигляді незначних фрагментів зберігся напис, що супроводжував зображення (див. вище). За спиною на поясі воїна було укріплено меч — ця деталь характерна як для згаданих зображень XI — XII ст., так і для мініатюри "Федорівської Євангелії". Меч сховано в чорних ножнах, окреслених темно-червоним контуром. Ліворуч за спиною святого був укріплений круглий щит, прикрашений по краю перлами. Щит прикрашав орнамент з зигзагів, який змушує пригадати фреску "Трьох вершників". Нині збереглася одна секція такого орнаменту. Клин зигзага розділений на дві половини, одна з яких забарвлена в сіро-оливковий, а інша — в дуже блідий зелений колір. Верхня частина зигзагу окреслена жовтим контуром.

На відміну від решти фрескових композицій церкви "Успіння", зображення св. воїна мало потрійну "раму" з темно-червоної, світло-зеленої і білої вертикальних смуг. За зарисом, опублікованим в книзі О.І. Добровського, св. воїн був зображений під намальованою аркою. Від закруглення арки лишилися незначні рештки фіялкового кольору.

Другий з представлених святих належав до розряду святителів, тобто канонізованих церковних ієрархів. Лик в цілому не зберігся, зрозуміло лише те, що святий мав темну коротку клиновидну бороду. Святитель був зображений в білому підризнику і урочистій білій ризи з фіялково-червоними хрестами, так званому "поліставрі". Хрести на єпископському нараменнику-омофорі — чорні. Фрагменти фрески свідчать про те, що іконографія зображеного була звичайна для зображень святителів. Правою рукою він благословляв, лівою тримав книгу Євангелії з кремово-червоним окладом, декорованим перлами. Цікаво зазначити, що долоня правої руки святого виконана в манері, відмінній від звичайного багаточарового візантійського "личного" живопису. Вона вкрита чистою жовтою фарбою, поверх якої накладені білильні блики. Дуже важливе свідчення М.Л. Ернста, який в 20-х роках ХХ ст. бачив праворуч коло німбу святого залишки грецького напису: "Ο Πα<a(ι)οτa(ι)οΝ aρχιεπισκοπ(ου)Ν (κα)ι πατριaρχοΝ Εε(ρ(ι)οΝ)". Напис виконаний темно-червоною фарбою. Зараз від нього лишилися фрагменти, серед яких, зокрема, читається: "Ο Πα<a(ι)ο..." і "Εε...". Н.Є. Гайдуків, О.В. Джанов і Е.Н. Карнаушенко ототожнюють цього св. Сергія з константинопольським архієпископом і вселенським патіархом Сергієм I (610–638). Щоправда, невдовзі Н.Є. Гайдуків і А.Ю. Виноградов реконструювали напис інакше, і замість Сергія у них з'явився Арсеній. Цей патріарх другої половини ХІІІ ст., званий також Анторіа-

нусом, займав посаду у 1255–1265 р. і відомий своїм мужнім вчинком. Він відлучив від церкви засновника династії Палеологів — Михайла Палеолога за те, що останній захопив престол силою, осліпивши законного спадкоємця — сина Федора Ласкаріса II. Після смерті Арсенія в заслання у 1267 р. виник рух за канонізацію патріарха. Якщо перше припущення можна прийняти в якості робочої гіпотези, то друге викликає серйозні сумніви. Навряд чи один з похованих поруч з церквою “Успіння” небіжчиків, який помер наприкінці XIII чи на початку XIV ст. вже зрілою людиною, міг бути названий при народженні на честь константинопольського патріарха, що займав посаду в 1255–1265 роках. Таким чином, є підстави для припущення, що “Храм Успіння” на Ескі-Кермені був присвячений святам Георгію і Сергію, імена яких при житті носили поховані коло церкви воїни [Виноградов 2002, с. 57; Гайдуков, Джанов, Карнаушенко 2002, с. 121–122].

За храмовими образами на північній стіні печерної церкви було розташовано фреску (73×85 см) з зображенням Стрітєння, тобто принесення маленького Ісуса в храм, в той час коли Сімеон Богоприємець і Ганна пророчиця виголошували пророцтва про майбутню долю Спасителя. Цей сюжет в православній традиції теж підкреслював жертвну місію Ісуса, про що йшлося при описі зображення Одигітрії в ніші поруч з апсидою.

В багатьох випадках на іконах і фресках малювали, як маленький Ісус рветься з рук Марії до Сімеона, або виривається з рук Богоприємця — таким чином акцентувалося прагнення Ісуса швидше здійснити хресну жертву. Фреска з печерної каплиці на Ескі-Кермені дуже сильно пошкоджена внаслідок природного руйнування вапнякової стіни церкви — до нашого часу композиція збереглася у вигляді великої кількості дрібних фрагментів. Можна розрізнити, що постаті були “кадровані” по коліна. Іконографія сцени була звичайною. З лівого краю композиції була розташована постать Йосипа з жертвними білими голубками в руках. Йосип був зображений в оранжевому вбранні, його фігура була частково зрізана краєм поля. Від постаті Діви Марії залишилися надто незначні рештки — зрозуміло тільки, що вона була змальована в фіялковому мафорії. Поруч з її зображенням частково збереглася аббревіатура “МНР [ΘV]”. Праворуч було зображено Сімеона Богоприємця в фіялковому вбранні і пророчицю Ганну — в оранжевому — з сувоем в руці. Серед цих фрагментів порівняно краще збереглася частина голови, лику і плеча Сімеона — він зображений як сивобородий біблійний пророк з довгим волоссям, пасма якого закінчуються гострими завитками. Маленький Ісус, певно, був зображений на руках св. Сімеона, бо поруч з плечем старого видно залишок аббревіатури “[IC] XC”. Над німбом Сімеона видно частину прямокутного даху ківорія, який вказує на те, що подія відбувається в храмі. Дах забарвлений в жовтий колір і прикрашений білими перлами.

Під композицією Стрітєння було зображено трьох святих з сувоями в руках (67×85 см). Це — постаті біблійних пророків. Пророків часто малювали на полях ікон з зображенням Богородиці і маленько-

го Ісуса — різдво і раннє дитинство Спасителя сприймалося як здійснення їх давніх пророцтв. Фігури пророків збереглися так само фрагментарно. Пророка праворуч було зображено в фіялковому плащі поверх сіро-синьої сорочки-хітона до п'ят. Права рука простягнута долонею до глядача, ліва, що трохи відведена вбік, тримає сувій з написом. Центральна постать була змальована в фіялково-коричнево-му плащі з оранжєвим підбоем поверх зеленкуватого хітона. На поясі підвішено сіро-синю хустку. Права рука фігури підведена вгору (зберігся лікоть), лівою рукою пророк тримав перед собою сувій з написом. Частково зберігся німб пророка і поруч — залишок напису білою фарбою. Нарешті, від постаті ліворуч лишилися зовсім незначні фрагменти — частина німбу і нижній край фіялкового хітона.

Західна стіна церкви була зайнята монументальною композицією Успіння (105×111 см), яка буде розглядатися нижче. Під сценою йшов декоративний фриз з зображенням рушників, прикрашених орнаментами. Зображення тканини і складок на ній графічно стилізоване.

Стеля наосу також була прикрашена зображенням євангельських сцен. На східній частині стелі було намальовано "Різдво" (залишки фрески мають розмір близько 104×110 см). Частково збереглися центральна і ліва частини сцени. Центральну займало велике зображення Богородиці на ложі, від якого збереглася лише нижня частина. Зображення маленького Ісуса втрачене. Перед Марією були намальовані волхви з дарами. Перший з них, в фіялковому вбранні, схиляється перед Сином Божим. Голова постаті не збереглася. Згідно візантійській іконографії це мав бути волхв-средовік. За ним стоїть волхв-старий в зеленому плащі з оранжєвою каймою і застібкою, що одягнений поверх оранжєвого вбрання. Збереглася нижня частина лику волхва з сивою бородою. З-за плеча волхва-старого видно нижню половину лика волхва-юнака. Перед волхвами сидить служниця в оранжєвій сукні і готує купіль для маленького Ісуса. Вірогідніше за все в правій частині композиції були намальовані сповіщені ангелом пастухи і спочиваючий Йосип. М.І. Рєпніков пише про те, що серед фрагментів композиції Різдва були і залишки пейзажного фону [Могаричев 1997, с. 48].

Північно-західну ділянку стелі займає велика композиція Хрещення (158×90 см). Оскільки композиції Хрещення і Успіння в фресках церкви "Успіння" на Ескі-Кермені — єдині зображення євангельських сюжетів в середньовічних кримських стінописах, які збереглися достатньо повно — вони заслуговують особливо ретельного розгляду.

Євангельський епізод хрещення тлумачився візантійськими богословами як акт рукоположення Ісуса в першосвященники нової церкви. Іоанн Хреститель — останній з пророків, здійснював цей обряд як останній носій живої традиції старозаповітного священництва [Лидов 1999, с. 58]. Хрещення — один з сюжетів, який має дуже стійку іконографічну і композиційну схему, що мало змінювалася протягом історії середньовічного православного мистецтва. Для

порівняння існує чималий матеріал з мистецтва країн візантійського кола. Серед них згадаємо мозаїки куполів православного і аріанського баптистеріїв в Равенні (середина V ст., і межа V — VI ст.), розпис релікварія з Санта Санкторум (близько 600 року, Рим, Ватиканські музей), мініатюри Хлудівської Псалтирі (близько 830 року, Москва, Історичний музей), мініатюри вірменської Євангелії 1038 року (Єреван, Матенадаран, М 6201), фреску середини XII ст. з Спасо-Преображенського собору Мірожського монастиря у Пскові і зображення Хрещення на тетраптиху з монастиря св. Катерини на Синаї того ж століття, мініатюру Євангелії 1287 року (Матенадаран, № 197), ікону Хрещення з церкви Богородиці Превілепти в Охриді (межа XIII — початок XIV ст.), клеймо мозаїчної ікони “Праздники” першої половини XIV ст. (Флоренція, музей собору) [Лазарев 1971, іл. 21, 47; Белтинг 2002, с. 145; Измайлова 1979, с. 24, 76; Древний Псков 1988, іл. 18, с. 72; Лидов 1999, с. 77–80; Иконе 1983, с. 74, 170; Искусство Армении 1973, т. 2, іл. 156, с. 158].

Вже в мозаїках з Равенни іконографію сюжету майже сформованою. Оголений Ісус стоїть по пояс в воді, Іоанн, стоячи на скелястому березі, ллє воду на голову Спасителя. З неба в образі голуба спускається Святий Дух. Поруч — божество ріки Іордан у вигляді дужого чоловіка, що тримає вазу-джерело. Божество Іордана ледве стримує води ріки, які стали бурхливими від близькості Бога-Сина. Хрещення Спасителя — таїнство, яке відбувається на лоні природи. Тому в іконографії сюжету дедалі більшу роль починає грати пейзажне тло. Зображення природи, оголеної людської постаті, античного божества давало широкий простір для введення античних ремінісценцій.

Розписи релікварію з Санта Санкторум (близько 600 року) свідчать про появу важливої складової іконографії Хрещення — фігур ангелів на протилежному березі річки, що тримають одяг Ісуса. В мініатюрах Хлудівської псалтирі (близько 830 року) Іордан зображено у вигляді глека або резервуара — вчені умовно назвали цю поширену згодом іконографічну деталь “дзвоном”.

Пейзажне тло грає важливу роль в іконографії Хрещення і дозволяє впевнено віднести твір до тої чи іншої епохи. В ранніх пам’ятках, до яких можна віднести мозаїки з Равенни, зображується ріка із скелястим берегом і зарості очерету. В пам’ятках класичної доби візантійського мистецтва — у IX — XII ст. — сцена Хрещення звичайно розвивається на тлі ідилічного пейзажу. На одному з берегів Іордану пагорби вкриті зеленою травою і деревами, на іншому вони сухі і мертвні. Прикладами цього можна назвати фреску з собору псковського Мірожського монастиря і сцену тетраптиху з монастиря св. Катерини на Синаї. Зображення риб в водах Іордана слід віднести до порівняно рідкісного мотиву, властивого саме для східно-візантійського мистецтва. Серед відомих авторів зображень Хрещення з цією подобицею можна назвати мініатюри вірменських Євангелій 1038 і 1287 р., грузинську фреску кінця XIII ст., з церкви в Ачі, і, власне — стінопис з церкви “Успіння” на Ескі-Кермені.

Класичне мистецтво палеологівської доби, при всьому його інтересі до античної спадщини, відмовляється від ідилічної трактовки пейзажного тла в сцені Хрещення, вносить в нього бурхливий драматизм. По обидва берега Йордану здіймаються стрімкі скелі, в річці плавають дивні створіння. Зокрема, постать божества Йордану доповнюється алегоричним уособленням моря у вигляді жінки верхи на драконі. Ця деталь присутня в іконі межі XIII — XIV ст. з церкви Богородиці Перівлепти в Охріді, а також у мозаїчній іконі початку XIV ст. "Празники" з збірки Флорентійського міського собору. Аби зрозуміти цей драматизм і цю фантастичність, варто згадати відомий апокриф, згідно якому сатана хитрістю змусив Адама укласти з ним угоду, згідно з якою нечистому належатимуть всі нащадки першої людини. Скрижаль з текстом угоди диявол сховав під каменем на дні Йордану, а камінь звелів стерегти зміям. Та коли Іоанн хрестив Спасителя, Ісус став на цей камінь. Святість Христа знищила зміїв, і після Хрещення він забрав з-під каменя скрижаль з диявольським рукописанням [Грушевський 1994, с. 102]. Ми не даремно згадали цей апокриф, оскільки в палеологівському мистецтві пейзажне тло в сцені Хрещення вже нагадує не ідилічну природу, а те зловісне місце, в якому сатана зберігав текст угоди з Адамом. Чимало творів палеологівської доби можуть нагадати цю легенду. Зокрема, в вірменській Євангелії 1287 р. в водах Йордану зображена потворна риба з звіриною головою, схожа на демона.

На ґрунті приведеного вище матеріалу можна краще аналізувати фреску Хрещення з Ескі-Кермену. Постать Ісуса трохи зміщено ліворуч від центру композиції. Голова Спасителя оточена кремово-червоним хрещатим німбом з білими перекладинами. Він звернений обличчям до глядача. Голова розташована вертикально, тулуб трохи відхилений ліворуч. Ісуса зображено оголеним. Верхня частина тіла намальована в тричвертному звороті. Руки напівопущені, правою Господь творить двуперстне знамення. Ісус немов би робить крок в напрямку глядача — його права нога спирається на дно ріки, ліва припіднята. При цьому права зображена в профіль, ліва — фронтально. У Ісуса сильно видовжені тулуб і руки, короткі ноги. Цікаво відзначити, що тіло Спасителя, забарвлене жовтою фарбою з теплим відтінком, виконане в техніці чистої фрески, тоді як для виконання лику застосовано техніку фрески, доповненої темперним живописом. Лик Христа зберігся фрагментарно — можна роздивитись розділене на пробір волосся, високе чоло, частини очей і бров, короткий ніс, нижній край бороди.

Ріка Йордан зображена у вигляді так званого "дзвона" з півсферичним тулубом і конусовидним горлом. Берег позначено оранжевою смугою. Праворуч біля ніг Христа розташовано фігуру божества Йордана у вигляді кремезного товстуна з зеленою шкірою і фіялково-червоним волоссям, що стоїть сторч. На стегнах — зелена пов'язка. Він сидить на дні ріки, схрестивши ноги по-східному, і підіймає голову в бік Ісуса. Правою рукою божество тримає перегорнутий глечик з довгою вигнутою ручкою. Глечик має круглий тулуб, тонке горло і ніжку.

Ліворуч ніг Ісуса зображено трьох крупних риб — двох зелених і одну червону. Риби розташовані одна над одною і звернені головами праворуч. Зображення риб дуже умовні — це веретеноподібні силуети з роздвоєним хвостом, позбавлені плавців.

На березі праворуч Христа — Іоанн Хреститель. Він стоїть на похилому краю берега, права рука простягнута над головою Спасителя, ліва зігнута в лікті і долонею спрямована в бік Христа. Іоанн босий, одягнений в фіялковий плащ поверх жовтої сорочки, края якої тріпочуть за спиною. У нього клиновидна борода, довге пряме волосся ниспадає на плечі. На лику, понівеченому лакунами, можна бачити короткий масивний ніс, тонкі вуса, крупні широкі уста з м'яистою нижньою губою. Цей типаж нагадує апостола Марка з сцени Успіння (див.нижче). На фрагментах лику Хрестителя зберігся верхній шар живопису — зокрема, ділянки вохристої карнації і висвітлення, нанесене поруч з крилом носу.

За Іоанном проглядається постать біблійного пророка в жовто-оранжевому плащі, одягнутому поверх темно-червоного хітону. Ноги пророка взуті в сандалії. Правою рукою він благословляє Іоанна, лівою високо здимає вгору сувій з написом. Сувій звивається в повітрі, на ньому збереглися залишки напису — фрагменти літер і склад "...СЄ". Зображення голови пророка втратило чіткість, але можна роздивитись коротке темне волосся, чуб, видовжену бороду, лик з вузькими мигдалевидними очами і коротким носом. Верхній шар живопису лика втрачений. Постаті Іоанна і пророка мають крупні голови, короткі тіла і тонкі кінцівки. Автори розпису спершу хотіли розташувати постать пророка на окремому полі за композицією Хрещення. Вони навіть намалювали червону смугу, яка мала розділяти постать пророка і євангельську композицію. Але виявилось, що виокремлене поле замале для передбаченої фігури, і постать пророка частково виходить за межі смуги.

Під ногами пророка, в нижньому правому кутку, зображено маленьке деревце з двома тонкими стовбурами, переплетеними між собою. Один з стовбурів обламаний, інший завершується гостроверхою кроною. Земля на берегах Йордану забарвлена у фіялково-рожевий колір.

Ліворуч Христа на березі річки було зображено двох ангелів з ризами. З-за кіптяви і численних лакун їх фігури проглядаються тм'яно. Можна зрозуміти, що фігура першого ангела затуляла другого таким чином, що видно тільки голову з німбом і крила. У першого з ангелів німб був жовтим, у другого — зеленим. В верхньому лівому куті композиції живопис цілком знищено.

В цілому Хрещення з Ескі-Кермену наслідує класичні іконографічні і композиційні схеми цього сюжету в середньовічному православному живописі XI — XII ст. Порівняно з іншими фресками, іконами, мініатюрами на тему Хрещення фреска з Ескі-Кермену має більш жорстку, симетричну композицію. Сцена чітко розділена на дві половини: праву займають зображення Іоанна Предтечі, пророка, божества Йордана і деревця, ліву — фігури Христа, ангелів і риб. Композиція

щільно заповнена постатями — вільним залишено тільки верхній лівий кут. Зображення пейзажних елементів майже відсутнє.

Малюнок фігур досить приблизний. В зображенні Христа бачимо спробу авторів передати позу, близьку до античного контрапоста, відому в інших пам'ятках. На жаль, спроба невдала — постать Христа маловиразна і статична.

Різки, напружені кольорові сполучення фіялкового (плащ Іоанна), жовто-оранжевого (тіло Ісуса, вбрання пророка, сорочка Предтечі), крмово-рожевого, червоного (німб Христа) і зеленого (божество Йордана, риби, крона деревця) близькі до решти стінописів церкви "Успіння".

На відміну від Хрещення, події, пов'язані з Успінням Богородиці, відомі не за текстом Нового заповіту, а за творами апокрифічної літератури. Іконографія Успіння базується на корпусі текстів, до складу якого входять апокрифи, приписувані Іоанну Богослову, Мелітону Сардійському і Іосифу Арімафейському, твори Іоанна Солунського, Андрія Критського, Максима Сповідника, Іоанна Дамаскіна та Іоанна Геометра. Розташування мозаїк і фресок з зображенням Успіння в інтер'єрах церков підпорядковане особливому прийому візантійської проповідницької літератури, коли євангельські сюжети порівнювалися між собою. Якщо Успіння зображувалося супроти Різдва, цим демонструвалося, що Ісус тримає в руках душу матері так само, як вона тримала його на руках в дитинстві. В іншому випадку Успіння співставлялося з Преображенням, оскільки в обох сценах Христос з'являється, оточений сяйвом божественної слави. Паралельно з іконографією Успіння формувався цикл супроводжуючих сюжетів, присвячених останнім дням життя Діви Марії, чудесам, що відбулися під час її смерті і похорону, віднайденню реліквій пояса і ризи Богородиці, що зберігалися у Влахернському монастирі Царгорода. Ці супроводжуючі сюжети відомі в пам'ятках православного мистецтва ще з другої половини XII — початку XIII ст., але широкого розповсюдження вони набули вже в другій половині XIII — XIV ст. Деякі додаткові сюжети стали включати в композицію Успіння [Сарабьянов 2003, с. 102–103; Мавродинова 1995, с. 74].

Слід зазначити, що існують як стислі, так і розширені іконографічні редакції цього сюжету. В першому випадку основна сцена доповнюється зображенням апостолів, яких ангели несуть на хмарах в Єрусалим. Фреска з Ескі-Кермену належить до взірців стислої редакції. Для порівняння і реконструкції втрачених деталей використані аналогії з наступними пам'ятками: мініатюрою Євагелії cod. 587 з монастиря Діонісіат на Афоні (XI ст.), мозаїкою 1146–51 р. з Марторани в Палермо, новгородською іконою початку XIII ст., з Десятинного монастиря (зібрання Державної Третьяковської галереї в Москві), фрескою 1259 р. з церкви св. Миколи і св. Пантелеймона в селі Бояна (Болгарія), виконаною близько середини XIII ст. іконою з зібрання монастиря св. Катерини на Синаї, псковською іконою першої чверті XIV ст. (зібрання Третьяковської галереї) [Лазарев 1971, ілл. 232, 379, 451; Корина 1995, с. 57–59, 90–93; Иконе 1983, с. 215; Митяев 1961, іл. 26].

Рис. 2. Успіння Богородиці. Фреска на західній стіні храму (реконструкція).

Для сцени Успіння в православному мистецтві є обов'язковими наступні складові. Марія зображується в своєму традиційному вбранні, вона лежить, схрестивши руки на рівні грудей або живота. Тіло померлої Богородиці розташоване на одрі, застеленому дорогою тканиною, під головою — подушка. Тканина однотонна або прикрашена багатою орнаменталією. За одром — Ісус Христос, що тримає в руках душу матері у вигляді загорнутої в пелюшки дитини. Часто постать Спасителя оточена ореолом сяйва. Разом з Господом можуть зображуватися один або кілька ангелів. Ангели супроводжують Христа, тримають запалені свічки, приймають душу Марії, несуть її в рай. Поруч з Ісусом — апостол Іоанн Богослов, що нахилився до одра і вдивляється в лик небіжчиці. В різних варіантах іконографії Іоанн розташований перед Христом чи виглядає з-за нього. В Успінні Іоанн зображується не як юнак, а як зрілий чоловік або старець.

В головах і в ногах одра Богородиці розташовували дві симетричні групи апостолів. Згідно традиції, для прощання з Марією ангели чудовим чином перенесли учнів Христа з країн, де ті проповідували, до Єрусалиму. Аби надати групам апостолів належну емоційну виразність і динамізм, використовувалися різні прийоми. Засмучені святі з похиленими головами утирають сльози, закривають обличчя, звертаються одне до одного, дивляться на померлу, припадають до одра.

Ближчі до одру фігури можуть ілюструвати різні фази єдиного руху — один апостол похнюпив голову, другий — нахилиється, третій — припадає до смертного ложа Марії. Одним з стійких елементів іконографії є постать св. Петра з кадилом, що стоїть в головах одра.

Крім апостолів зображуються перші єпископи християнської Церкви — Іаков, брат Господень, Діонісій Ареопагіт, Ієрофей Афінський. Згідно апокрифічним текстам, свідками події був сам Діонісій і згадані єпископи.

Сцена Успіння не завжди, але часто зображується на тлі архітектурного пейзажу, що вказує на місце події — дім Богородиці на Сіонській горі в Єрусалимі. Дім змальовується у вигляді двох "палат", що фланкують композицію праворуч і ліворуч. В вікнах і на балконах споруд можуть зображуватися сумуючі жінки.

Відзначена всіма авторами особливість зображення Успіння з Ескі-Керменської каплиці полягає в тому, що в композицію введено сцену чуда — покарання зухвалого єврея Ієфонія, що під час несіння одра з тілом Богородиці спробував його перекинути. Але сталося чудо — ангел мечем відрубав Ієфонію руки. В мистецтві підкреслюється блискавичність дій ангела: Ієфоній простягає до одра руки, але вони вже перерубані і через мить впадуть на землю. Коли юнак покаївся і увірував, руки приросли на свої місця.

В пам'ятках другої половини XII — XIII ст. — зображенні на пластині західної "златої" брами собору Різдва Богородиці в Суздалі, стінописах церкви Сорока мучеників в Великі Тирново (Болгарія, близько 1230 р.) і церкви Богородиці Превілепти в Охриді (Сербія, 1294–5 р.) — сюжет з Ієфонієм пов'язувався саме зі сценою Несіння одра, а не з Успінням [Сарабьянов 2003, с. 102–103, 108–109]. В обох наших прикладах постаті зухвальця і ангела вміщені до правого краю композиції. Важливим виключенням з цього правила є ікона середини XIII ст. з монастиря св. Катерини на Синаї. Тут Ієфоній і ангел розташовані перед одром, вони звернені обличчям одне до одного, їх фігури зображені в меншому масштабі, ніж постаті головних учасників сцени. Ієфоній постає як зрілий чоловік з чорною бородою, одягнений в червону сорочку. Ангела, як і в більшості ранніх взірців, змальовано у вигляді маленької летячої півфігурки, схожої на ляльку-рукавичку.

Вже в мистецтві XIV ст. чудо з Ієфонієм починають включати в композицію Успіння дедалі частіше. Зокрема, сербські стінописи Кральєвой церкви в Студеніці (1315 р.), церкви св.Георгія в Старо-Нагорічіно (1316–18 рр.), Успенського собору монастиря Грачаніца (близько 1320 р.) демонструють своєрідне сполучення сцен Успіння і Несіння одра [Сарабьянов 2003, с. 102–103]. Зокрема, в стінописах Грачаніци Христос з душою Марії і ангели зображені за одром Богородиці, який несуть на плечах апостоли. Ієфоній розташований перед самим одром, ангел з мечем — в правому верхньому кутку композиції [Лихачева 1981, с. 253]³.

³ до речі, американські дослідники Ентоні Брайер і Девід Вінфельд, розглядаючи стінописи печерної церкви комплексу Манглавіта в Трапезунді,

Якщо в усіх згаданих вище пам'ятках Ієфоній зображувався юнаком або зрілим чоловіком, то в стінописах собору св. Миколи Чудотворця в Куртя-де-Арджеші (60-і роки XIV ст. Румунія) зухвалець вже постає літнім сивим іудеєм в типовому темному вбранні з головною хусткою, що характерно для творів другої половини XIV століття і більш пізнього часу. Постаць ангела має вигляд повноцінної людської фігури, що підбігає з мечем до нечестивця [Дрэгунц, Флоря, Григореску 1971, с. 14]. Таким чином, поява сцени з Ієфонієм в композиції Успіння з Ескі-Кермену є підставою для датування розпису XIV ст.

Для зручності розгляду такої складної і насиченої фігурами композиції, як Успіння, опис і аналіз фрески доцільно розділити за наступними пунктами: 1 — зображення Богородиці і смертного одра; 2 — сцена з Ієфонієм; 3 — зображення Христа, ангела і апостола Іоанна; 4 — групи апостолів довкола одра; 5 — зображення палат.

1. З того часу, як у 1956 році фреску оглядав О.І. Домбровський, частина стінопису з зображенням Діви Марії зазнала втрат — нині верхня частина постаті Богоматері сильно пошкоджена, погано проглядається голова і німб, сильніше пошкоджені плечі, груди, схрещені руки. Нижня частина фігури збереглася порівняно краще. Богородиця зображена лежачою на одрі з схрещеними на рівні грудей руками. Лик було зображено в тричвертному звороті, більша його частина була знищена ще в давні часи. Діва Марія, Христос і ангели — єдині на цій фресці персонажі, чиї голови оточені німбами. Богоматір одягнена в сукню сіро-синього кольору з чорними рукавами і фіялковий мафорій. На мафорії в районі шиї і грудей збереглися рештки складок, позначених темно-червоними і білими лініями, на сукні — чорними.

Ніжки одра жовтого кольору, прямокутної форми, прикрашено орнаментом з перехрещених ліній і білих перлів. На наш час більш повно збереглася одна з дальших ніжок одра, що завершується опорою у вигляді перегорнутої квітки лотоса. Ложе одра — кремове-рожевого кольору. Края подушки з жовто-оранжевими кутками прикрашені орнаментом. По краю ложа, на жовтій стрічці, — орнамент у вигляді завитків. Бокова частина одра вкрита фіялково-коричнева тканиною, що звисає до самої землі. Тканину прикрашає жовто-оранжевий орнамент, схожий на ґратку. Нижній край тканини оторочено жовтою каймою, розшитю дорогоцінним камінням. Нижня лінія одра нерівна внаслідок вм'ятин у тиньку. Табурет для ніг перед одром немов би висить в повітрі, аби його зображення не перекривали постаті ангела і Ієфонія. Табурет має похилу поверхню кремове-рожевого кольору, бокові частини — жовті.

2. Перед одром Богородиці змальовано чудо з Ієфонієм. Від фігури ангела лишилося кілька фрагментів. Можна зрозуміти, що ангел крокував вперед, тримаючи в одній руці меч, в іншій — піхви. В часи експедиції О.І. Домбровського було видно контур голови Михаїла,

вважають внесення сцени з Ієфонієм до композиції Успіння рисою більш пізньої іконографії. [Bryer, Winfield 1985, vol. 1, p. 212].

нині збереглися лише рештки німбу і частина шиї. Ангел був одягнений в кремово-червоне вбрання, що тріпотіло за його спиною, і жовті штані. Складки на одязі відтворено темно-червоними і білими лініями. Крила Михаїла були оливково-зелені з бірюзово-зеленою каймою. Контури окремих пер наведені жовтим.

Від постаті Ієфонія лишилася тільки нижня частина. Це не дозволяє визначити — чи був нечестивець змальований юнаком або зрілим чоловіком. Ієфоній — в білій сорочці і фіялкових штанях. Складки на сорочці позначено темно-червоними і жовто-оранжевими лініями. Нечестивця змальовано в швидкому русі — права нога відведена назад, ліва — піднята вперед. О.І. Домбровський вважав, що іудей тікає від ангела. Але вивчення інших зображень на фресці схиляє до думки, що нечестивець швидко підбіг до одра і хапається за його бокову частину. Зберігся неясний фрагмент, який можна тлумачити як зображення долоні Ієфонія.

3. Фігуру Ісуса Христа розташовано праворуч від центру композиції. Судячи по нечисленим залишкам, постать Спасителя — більшого розміру, ніж решта учасників сцени. Разом з тим його постать була позбавлена сяючого ореолу — частоті деталі в сцені Успіння. Поруч з німбом Ісуса є залишок напису білою фарбою: "...НКА...". Від зображення Христа збереглися великий фрагмент кремово-рожевого хрещатого німбу з білими перекладами, верхня частина голови з волоссям, розділеним на крупні діагональні пасма, вухо, частина шиї і довге пасмо волосся, яке звисає вздовж шиї, незначні рештки кремово-червоного вбрання. На пасмах волосся — висвітлення у вигляді паралельних охристих штрихів. Фрагменти лику і шиї зберегли рештки верхнього шару живопису — зокрема, білі висвітлення на шиї. Голова Христа нахилена праворуч — в бік одра з тілом Богородиці. Ця рішення нагадує мініатюру Євангелії з Діонісіату і мозаїку з Марторани. В обох випадках Ісус дивиться на мертву Марію, підіймаючи вгору душу Богоматері у вигляді дитини, щоб передати її ангелу (або ангелам). Напевно, схожим чином Ісус був зображений і на фресці з Ескі-Кермену. Ближче до верхнього лівого кута композиції збереглися фрагменти німбу і постаті ангела, що прилетів за душею Марії. У ангела кремово-рожевий плащ поверх блакитно-сірої сорочки-хітона і оливково-зелені крила з рожевою каймою.

Поруч з Ісусом — рештки зображення апостола Іоанна Богослова, що припадає до одра Богородиці. Від цього зображення лишилися плече, рука і долоня святого. Іоанн був змальований в фіялковому плащі, складки якого позначені фіялковими і білими лініями. На долоні частково збереглася охриста карнація.

4. З трьох боків одра — в головах, в ногах і позаду — були зображені апостоли і свідки події. Ця деталь не має аналогій серед розглянутих пам'яток середньовічного православного живопису. Звичайно апостоли об'єднані в дві, а не в три групи. Це дозволяло отримати своєрідну просторову паузу в центрі композиції, яка наголошувала домінуюче значення фігури Христа. В розширених варіантах іконо-

графії Успіння весь простір з трьох боків одра Марії щільно заповнений фігурами учасників події, але і тут існує дистанція між Спасителем і його учнями — Ісус з обох боків оточений почтом ангелів.

На фресці з Ескі-Кермену апостоли зображені без німбів. До нашого часу збереглися залишки близько п'ятнадцяти фігур апостолів і інших свідків події. Вісім з них можна ідентифікувати, у шести з яких порівняно повно збереглися голови і лики.

Група фігур в головах одра збереглася дуже погано. Втім, можна бачити, що автори стінопису порушили характерну для традиції симетрію груп в головах і в ногах одра Богородиці. Для першої з них відведено значно менше місця, ніж для другої. Ця особливість знаходить паралель у розписах церкви св. Миколи в селі Бояна. Проте у болгарському стінописі, на відміну від кримського, така побудова композиції не викликає відчуття диссонансу. На ній постаті сумуючих розташовано двома рядами. Від постатей першого ряду краще збереглися три фрагменти фігури апостола в фіялковому плащі і сіро-синьому хітоні. Складки на плащі позначені лініями фіялкового і білого кольору. Він, сумно похнюпивши голову, прикладає долоню до обличчя, а іншою рукою гойдає кадило у вигляді крупної жовтої чаші, переступаючи з ноги на ногу. За всіма наведеними аналогіями ці фрагменти можна ідентифікувати як залишки фігури св. Петра, поза фігури була близька до мініатюри Євангелії з Діонісіату. В більшості відомих зображень Успіння показано, як кадило розгойдується в руці апостола. Натомість у майстрів з Ескі-Кермену кадило нерухоме — інакше воно знаходило би на фігуру ангела з сюжету про Ієфонія. За плечем св. Петра збереглися дуже непевні залишки постаті у вбранні оливкового кольору і фрагмент кремово-рожевого костюму іншої фігури. Від трьох постатей другого плану лишилися невеликі фрагменти верхніх частин голів.

Важливою деталлю, яку не зафіксували ні експедиція О.І. Домбровського, ні колектив Н.Є. Гайдуков, О.В. Джанов і Е.Н. Карнаушенко, є залишки фігур двох святителів, що стоять за одром над головою померлої Діви Марії. Ці фрагменти частково закриті плямами непрозорого нальоту. Зображення першого з святителів збереглося краще. Можна бачити фрагменти білої єпископської ризи і омофора з крупним чорним хрестом. Частково збереглася і голова святого. У нього було темне коротке волосся і борода. Судячи по малюнку носа святителя, його лик був переданий у тричвертному звороті. Верхній шар живопису на лику втрачено. Від постаті іншого святителя зберігся дуже розпливчастий фрагмент лику. Розташування фігур святителів за одром над головою Марії знаходить аналогі у новгородській іконі з Десятинного монастиря початку XIII ст. і псковській — першої чверті XIV ст. з зібрання Державної Третьяковської галереї в Москві, фрескою 1259 р. з церкви св. Миколи і Пантелеймона в селі Бояна (Болгарія).

Фігури апостолів в ногах одра і за його дальшим краєм збереглися порівняно краще. Вони також розташовані в двох рядах. У ближ-

чому зображено дві фігури. Перший з апостолів нахилився до одра, простягаючи вперед руки. Нині від постаті лишилися незначні фрагменти голови з темним коротким волоссям і лику з вусами, простягнута долоня, фрагменти нахиленої спини, колін, нижній край хітона і п'яти в сандаліях. Апостол був вдягнений в сіро-синій хітон і фіялковий гіматій. На рукаві хітона був жовто-оранжевий клав, складки на плащі позначено фіялковими і блакитно-зеленими лініями. Малюнок сандалії зберігся тільки на одній нозі. Поза і жест дозволяють впізнати в зображеному апостола Павла. За спиною Павла видно залишки постаті юнака з густим темним волоссям, який відвернувся від одра і в розпачі закриває уста долонею. Хоча головні риси обличчя втрачені, від зображення лику зберігся досить крупний фрагмент, на якому лишився верхній шар живопису. Видно щоку, вухо і край носа святого. На скроні і коло носа накладено білі висвітлення. Від одягу зберігся лише фрагмент зеленкувато-сірого хітону і кремове-червоного плаща-гіматія на рівні плеч. Також лишилися п'яти ніг. Особливості іконографії святого (молодий вік, темне волосся) і його розташування в композиції вказують на те, що перед нами рештки фігури святого Філіпа.

В другому ряді, за групою з цих двох святих змальовані наступні трое апостолів, зображення яких збереглися більш повно. Між фігурами Павла і Філіпа можна побачити погруддя святого в сіро-синьому хітоні і жовто-оранжевому гіматії. Це — зрілий чоловік з вусами і короткою бородою. Густе чорне волосся закінчується на рівні потилиці крупним завитком. Апостол сумно схилив голову і дивиться в бік одра, прикладаючи долоню до щоки. Іконографія і місце в композиції дозволяють ідентифікувати апостола як євангеліста Марка. Хоч зображення голови і обличчя постраждало від дрібних осипів фарби, гарно проглядаються грубуваті риси лику євангеліста, схожі на Іоанна Предтечу в сцені Хрещення. Від верхнього шару живопису лишилися рештки на лобі, скроні і коло носа, на прикладеній до обличчя долоні. На скроні і поруч з носом видно висвітлення.

Поруч з Марком стоїть, трохи згорбившись, похилого віку чоловік з сивим волоссям і бородою. Його типаж нагадує св.Сімеона з сцени Стрітєння. Апостол нахилився над одром, прикладаючи спрямовану на глядача долоню до підборіддя. Борода загинається назад, наче на неї дме вітер. Апостол вдягнений у жовто-оранжевий хітон і фіялковий гіматій. Складки на хітоні позначені темно-червоними, на гіматії — білими лініями. Охристі карнації збереглися на лобі, щоді і на лікті святого. На лобі накладене висвітлення у вигляді білої горизонтальної смуги, на скроні — у вигляді короткого мазка. Іконографія, поза, жест і розташування в композиції вказують, що це — Андрій Первозванний. Нарешті, за фігурою Андрія видно верхню половину голови апостола-юнака в сіро-синьому вбранні з гладким темним волоссям. Святий нахилився вперед і прикладає руку до скроні. У нього прямиий ніс, малюнок очей і бровей зберігся погано. На лику є крупні фрагменти охристої карнації. Мазок світлої охри йде

вздовж носа, широкий мазок йде вниз від переносиці, ще один накладено на скроню. Пляма охри лишилася на лобі. Висвітлення на лобі і скроні зроблене у паралельними штрихами, залишок висвітлення є на носі. Апостол може бути святим Фомою, хоча поява цього учня Христа в правій частині композиції Успіння — ще одна своєрідна особливість фрески з Ескі-Кермену. Постаць Фоми знаходиться біля зображення Іоанна Богослова.

В композиції Успіння, як і в сцені Хрещення, ескі-керменські іконописці прагнуть максимально заповнити простір стіни зображеннями. Напевно, це і викликало потребу розподілу фігур апостолів не на дві, а на три групи. Таке рішення руйнує композиційну чіткість, призводить до одноманітності. Нахил фігур і жести третьої групи, розташованої за одром, майже однакові, голови святих розташовані на одній висоті, всі в знак суму прикладають руку до обличчя. Деякого розмаїття автори стінопису досягли, перекриваючи зображення постатей — у одних апостолів видно всю верхню частину тіла, у інших — тільки погруддя або голову. Це чергування виглядає наступним чином: півфігура Павла — погруддя Філіпа, погруддя Марка — півфігура Андрія — голова Фоми — півфігура Іоанна.

Сильна пошкодженість фрески змушує обережно висловлюватись відносно малюнку фігур, ликів, і особливо — відносно образного вирішення зображених святих. Разом з тим можна відзначити, що голова Марка виглядає непропорційно великою відносно його власної руки, і особливо — відносно постатей Андрія і Фоми, чиї голови значно меншого розміру. Малюнок рук, прикладених до обличчя — надзвичайно примітивний. Лики відтворюють традиційну іконографію святих, але, як здається, позначені рисами грубуватості і маскоподібної застиглості. В костюмах фігур в основному варіюються сіро-синій, фіялковий і жовто-оранжевий кольори, в костюм Філіпа введено темно-червоний.

5. З боків композицію фланкують симетричні зображення двох “палат” — споруд садиби Богородиці на Сіонській горі в Єрусалимі. “Палата” праворуч постає як високий і великий будинок з двоскатним дахом, зображений в три чверті — було змальовано бокову стіну з дахом і фасад. Дах будинку торкається верхнього краю композиції. До нашого часу від “палати” в правій частині композиції збереглося тільки зображення забарвленого в кремово-червоний колір даху і блідо-сірого фронтону. Черепиця на даху намальована завдяки перехрещенню діагональних прямих і хвилястих ліній. У “палати” — жовте вікно з синьо-зеленою рамою. У вікні були зображені три жінки-плакальниці в кремово-червоних мафоріях. Ще в часи експедиції О.І. Домбровського можна було роздивитися обличчя однієї з сумуючих жінок. Гримаса смутку робила лик жінки подібним до гротескної маски.

“Палата” коло лівого краю композиції зображена фронтально. Вона виглядає як маленька башточка з трикутним кремово-рожевим дахом, сіро-синім фронтоном і жовто-оранжевою стіною. Нижче башточки — верхній край жовто-оранжевої стіни, верхній край якої прикрашає фіялкова смуга. На фронтоні башточки видно частину вузь-

кого віконця. Стіна оздоблена орнаментом у вигляді горизонтальної смуги з розташованих на складному порядку фіялково-коричневими, білими і жовтими квадратами.

Отож, в сценах Хрещення і Успіння з церкви "Успіння" на Ескі-Кермені бачимо використання композиційних схем XI — XII століть. В душі провінційного східновізантійського мистецтва автори розписів щільно заповнюють простір зображення фігурами, мало приділяють уваги елементам пейзажу і архітектури. В цілому іконографія і стилістика розписів церкви "Успіння" на Ескі-Кермені багато в чому залежать від традицій комнінівської доби. Добір сюжетів фресок ще цілком залежить від "догматичної" системи оформлення храмів XI — XII ст. Розповідні, алегоричні і гімнографічні сюжети стінописів, настільки характерні для палеологівської доби, тут не зустрічаються. Цікавою особливістю розписів церкви "Успіння" є те, що тут не зображуються сцени, пов'язані з страстями і розп'яттям Господа. Ця особливість присутня і в розписах "Храму донаторів" кінця XIV ст., розташованого поруч з Ескі-Керменом. Отож, ми маємо перед собою якусь місцеву традицію, аналогів якій поки що знайти не вдалося.

Незважаючи на все сказане, стилізація лику св. Георгія і особливості іконографії сцени Успіння вказують на пізній час створення фресок церкви "Успіння" — першу половину XIV ст. В композицію введений сюжет про чудесне покарання нечестивого єврея Ієфонія. До XIV ст. зображення покарання Ієфонія було складовою сцени Несіння одра Діви Марії, і лише з початку XIV ст. воно переноситься в композицію Успіння Богородиці. На фресці з Ескі-Кермену ангел з мечем підходить до нечестивця, що, певно, був зображений зрілим чоловіком або юнаком в білій сорочці. Оскільки в іконах і фресках другої половини XIV ст., Ієфоній перетворюється на літнього іудея в чорному плащі, стінописи церкви "Успіння" не могли виникнути в такий пізній час, як 1350–1360 роки. За думкою А.І. Айбабіна, після епідемії "чорної смерті" 1347–1348 р. Ескі-Кермен приходить в остаточний занепад. Отож, середина сорокових років XIV ст. — нижня хронологічна межа того проміжку часу, в який могли бути створені фрески печерної церкви з Ескі-Кермена.

Впливи палеологівського стилю відчутні і в типажах героїв стінопису. В візантійському мистецтві XI — XII ст. для Спасителя, Богородиці, ангелів, святих, простих смертних були властиві укрупнені очі, довгий тонкий ніс з горбинкою, невеликі уста. Хоча подібні східні лики іноді зустрічаються і в мистецтві палеологівського стилю, все ж таки тут митці віддають перевагу європейським або античним типажам. Це ми і бачимо в розписах церкви "Успіння". У Іоанна Предтечі з Хрещення і в чорнобородого апостола з Успіння (якого я ототожнюю з євангелістом Марком) — широкі обличчя, короткий прямий ніс, крупні уста з надзвичайно масивною нижньою губою. Схожі риси можна простежити і у інших персонажів, лики яких збереглися гірше. Певний відтінок грубуватості, властивий для типажів ескі-керменського стінопису, можна пояснити як відгомін естетики раннього палео-

логівського стилю з його потягом до епічної величі, титанічної сили [Попова 1978, с. 253–255].

Втім, окремі запозичення прийомів палеологівського стилю не міняють загального враження. Манера живопису достатньо примітивна. Малюючи лики і руки, автори фресок не задавалися метою пластичного моделювання форми, створення плавних переходів між освітленими і затіненими місцями. Палітра “личного” письма дуже обмежена — освітлені ділянки ликів і рук вони писали чистою жовтою вохрою, затінені — блакитно-зеленою фарбою. Художники не користувалися “рум’янами” — тонуванням рожевою фарбою, яке в класичному візантійському живописі наносили на лоб, щоки, шию, долоні зображуваних персонажів. Ще примітивнішим було виконання драперій — автори наводили одну половину контурів складок тканини темною, а іншу — світлою фарбою. Колорит фресок побудований на контрастах червоної вохри і жовто-гарячого та різних відтінків зеленого і блакитно-сірого.

Розгляд фресок церкви “Успіння” на Ескі-Кермені дозволяє стверджувати, що провінційна школа Кримської Готії XIII — XIV ст. тяжіла до провінційного мистецтва східних регіонів Візантії “комнінівської” доби (XI — XII ст.). Тільки незначною мірою тут присутні відлуння сучасного авторам розписів палеологівського стилю, який з другої половини XIII ст. вже панував в Візантії, на Балканах і в Трапезунді. Поскілки це — лише окремі елементи, провінційну школу Кримської Готії не можна назвати провінційним відгалудженням палеологівського стилю, яке в той час, зокрема, вже існувало на Балканах. Для встановлення витоків цього явища бракує порівняльного матеріалу — за виключенням середньовічної спадщини Вірменії і Грузії в радянському мистецтвознавстві майже не розроблялася тема східновізантійського і провінційного візантійського монументального живопису. Поки що пошук аналогій серед пам’яток монументального живопису Грузії і Трапезунду дав тільки негативні результати [Talbot-Rice 1967, s. 83–90; Иосебидзе 1989]⁴.

Провінційна школа Кримської Готії значно відставала і від інших регіонів середньовічної Таврики. Зокрема, навіть за доби занепаду Херсонесу на межі XIII — початку XIV ст., там виникають

⁴ Таким чином нам вдалося скласти певне уявлення як про трапезундський живопис, так і про грузинські стінописи, зроблені під певним трапезундським впливом, адже фрески церкви св. Георгія в Ачі – пам’ятка мистецтва князівства Гуріелі, що тяжіло до імперії Великих Комнінів. Ніяких аналогів з кримськими стінописами знайти не вдалося. В Криму цілком відсутні специфічні для Трапезунду риси іконографії (напр. композиція “Хор ангельський”, що займає середній регістр апсиди) і стилістики (активний розвиток палеологівських традицій в столичних творах і підкреслена любов до орнаментів – в провінційних). У фресках Ачі трапезундський вплив простежується тільки в іконографії, стилістика розпису більш пов’язана з грузинськими традиціями. Стінописи Ачі – динамічні і експресивні – можуть викликати віддалену асоціацію з відомою новгородською пам’яткою – фресками Спаса на Нередиці.

стінописи загородного хрестоподібного храму монастиря Богородиці Влахернської. Про їх високий художній рівень свідчить знайдений в 1902 році К.К. Косцюшко-Валюжиничем фрагмент фрески з зображенням лику святого-юнака (нині — в експозиції НЗ "Херсонес Таврійський"). Так само більш жвавим було художнє життя генуезської Кафи. В першій половині XIV ст. тамтешня церква св. Дмитра Солунського прикрашається стінописами, в яких виразно відчувуються здобутки палеологівського стилю.

Література

- Айбабин А.И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. Симферополь, 1991. № 2.
- Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Греческие православные церкви средневековой Кафы // Православные древности Таврики. Киев, 2002.
- Банк А.В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М., 1965.
- Белецкий В.Д.* Довмонттов город. Архитектура и монументальная живопись XIV века. Л., 1986.
- Белтинг Ханс.* Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002.
- Виноградов А.Ю.* К вопросу о средневековой эпиграфике Юго-Западного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуры Руси-Украины. Киев-Судак, 2002.
- Вздорнов Г.И.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980.
- Воронин Н.Н.* Смоленская живопись 12–13 веков. М., 1977.
- Гайдуков Н.Е.* Литургическое устройство пещерных храмов Юго-Западной Таврики // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуры Руси-Украины. Киев-Судак, 2002.
- Гайдуков Н.Е., Джанов А.В., Карнаушенко Э.Н.* Новые данные по храмовым росписям Эски-Кермена и его округи // Православные древности Таврики. Киев, 2002.
- Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Древнерусское искусство X — начала XV века. Т.1. М., 1995.
- Грабарь И.Э.* О древнерусском искусстве. Исследование, реставрация и охрана памятников. М., 1966.
- Грушевський М.С.* Усна творчість пізніх княжих і переходових віків XIII — XIV століть // Грушевський М.С. Історія української літератури. Т.4. Книга 1. Київ, 1994.
- Дрэгуц В., Флоря В., Григореску Д., Михалаке М.* Румынская живопись в образах. Бухарест, 1971.
- Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966.
- Древний Псков. История, искусство, археология. Новые исследования. М., 1988.

- Измайлова Т.А.* Армянская миниатюра XI века. М., 1979.
- Иконе. Београд, 1983.
- Иосебидзе Д.Г.* Роспись Ачи — памятник грузинской монументальной живописи конца XIII века. Тбилиси, 1989.
- Искусство Армении // История искусства народов СССР. Искусство IV – XIII веков. Т. 2. М., 1973.
- Лазарев В.Н.* Византийская живопись. М., 1971.
- Лидов А.М.* Византийские иконы Синая. Москва-Афины, 1999.
- Лихачева В.Д.* Искусство Византии IV — XV веков. М., 1981.
- Мавродинова Лиляна Н.* Стенная живопись в България до края на XIV век. София, 1995.
- Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Митяев Крystю.* Роспись Боянской церкви. Монография. Дрезден-София, 1961.
- Попова О.С.* Икона “Иоанн Предтеча” середины XIV века из Эрмитажа // Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978.
- Сарабьянов В.Д.* Росписи Успенского собора Киево-Печерской лавры и их место в истории древнерусской живописи. Часть I. // Лаврський альманах. Киево-Печерська лавра в контексті української історії та культури. Випуск 11. Київ, 2003.
- Успенский Л.А.* Богословие иконы православной церкви. М., 1997.
- Фрески Убиси. Альбом. Автор текста и составитель Ш. Амиранашвили. Тбилиси, 1987.
- Щаревская Т.Ю.* Фрески церкви Благовещения на Мячине (в Аркажах). Новгород, 1999.
- Bryer A., Winfield D.* The Byzantine monuments and topography of the Pontos // *Dumbarton Oaks Library and Collection. Vol.1.* Washington, 1985.
- Talbot-Rice D.* The paintings of Hagia Sophia, Trebizond // *L'art Byzantin du XIII sciecle. Symposium de Sopocani.* 1965. Beograd, 1967.

**КИЛИФАРЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ ФЕОДОСИЯ
ТЫРНОВСКОГО — ИСИХАСТСКИЙ И КНИЖНЫЙ ЦЕНТР
СЕРЕДИНЫ XIV ВЕКА
(проблема его локализации и устройства)**

Феодосий Тырновский закончил свой земной путь 27 ноября 1363 г. в монастыре святого Маманта в северо-западной части Константинополя, в резиденции Каллиста I, патриарха Константинопольского. Как знамение, в тот же день того же месяца 17 годами ранее перешел в небесные селения и его учитель в монастыре пресв. Богородицы в Парории — Григорий Синаит. Феодосия провожал сам Каллист I в окружении всего своего синода [Пространно житие... 1986, с. 466–467].

Четверо из его ближайших сподвижников, сопровождавших его в византийскую столицу, приняв его духовное завещание, проводили его. Среди них был и будущий патриарх Тырновский Евфимий [Русев и др. 1971, с. 143–145], а также Киприян Цамблак. Явного свидетельства этому практически нет, но исследователи жизненного пути и книжного дела Киприяна считают, что он, будущий митрополит Киевский, а позднее — Москвы и всея Руси, был среди этих сподвижников Феодосия в Константинополе в 1363 г. [Петканова 1997, с. 470; Дончева-Панайотова 1980, с. 63; Сырку 1898, с. 403–404]. Киприян был признан митрополитом всея Руси в феврале 1389 г., а в Москву прибыл в марте следующего 1390 года [Петканова 1997, с. 472].

Будучи в ближайших отношениях с Феодосием еще со времени их пребывания в Синаитовом монастыре [Пространно житие на Теодосий Тырновски 1986, с. 463] и не намного пережив его, патриарх Каллист I пишет житие Феодосия Тырновского в целях его канонизации константинопольским синодом. Именно этот замечательный агиографический памятник, помимо своих литературных достоинств, является и подробным и достаточно надежным свидетельством о сложных и динамических религиозно-политических отношениях в болгарской столице Тырново в середине XIV столетия, об энергических усилиях дворца и поддерживающих его религиозных кругов, направленных на искоренение некоторых довольно активных в этот период еретических движений. В тексте также сказываются усилия Константинопольской патриархии, направленные на реализацию масштабного замысла — единства православия под ее верховенством путем материализации влияния болгарских исихастов на дворцовую элиту Тырново.

Оригинал жития Феодосия, написанного патриархом Каллистом I, утрачен, до нас дошел только болгарский перевод текста, список в составе т. наз. Рильского панегирика Владислава Грамматика 1479 г. (Славянский перевод жития по Рильскому панегирику Владислава Грамматика см. [Данчев 1969, с. 48–52]; сделан иеросхимонахом Спиридоном в XVIII в. [Киселков 1926а, с. 1–31; Златарски 1904].

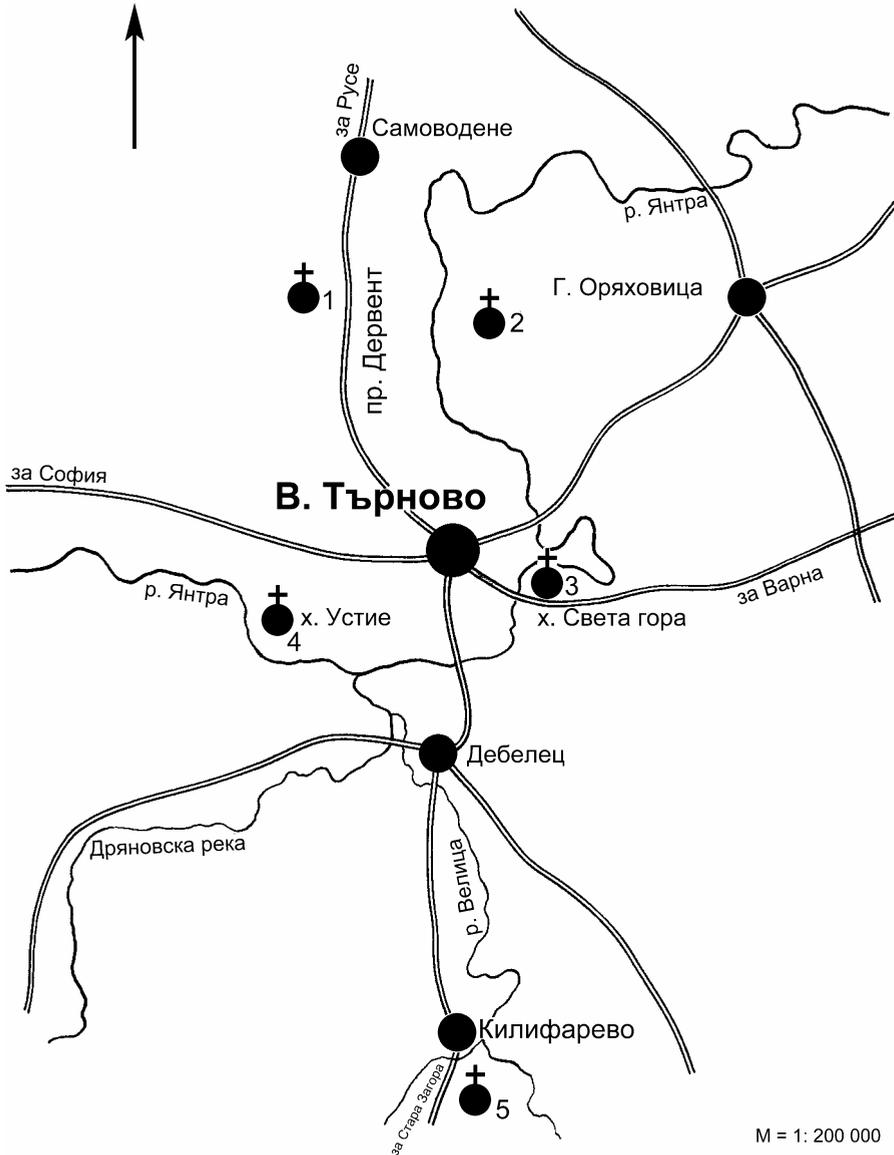

Рис. 1. Търново и ближайшие окрестности в XIII – XIV в. (карта).

Феодосий родился в начале XIV века в городе Бдине, в северо-западной Болгарии — агиограф не указывает на конкретную дату. Происхождением он из среды знати; некоторые исследователи считают, что был в родстве с царской фамилией. Принял монашеское пострижение в Арчарском монастыре святого Николы, где пребывает долгое время перед тем как отправиться в Търново — как пишет Каллист: “ престолния град на българите, който е втори и на думи и в действителност след Константиновия град” [Пространно житие...

1986, с. 446]. Феодосий пришел в монастырь пресвятой Богородицы Одигитрии на тырновском холме Святая гора¹.

Путь молодого монаха в Парорию, в обитель Григория Синаита (на юго-востоке в болгарских пределах, в горах Странджа) проходит сначала через Червен (где он провел недолгое время), а потом и через епикерниев монастырь пресвятой Богородицы в горах Сливена.

В Парории Феодосий остался до самой кончины Григория, вместе с пришедшими до него сюда болгарскими монахами Ромилом Бдинским и Иларионом [Пространно житие на Ромил Видински 1986, с. 472–473].

Давнее знакомство и видимо благорасположение владетеля на тырновском престоле к Феодосию стали причиной и залогом успеха двух миссий в столицу по специальному поручению Григория Синаита [Пространно житие... 1986, с. 448–449]. Кроме обеспечения безопасности для монашеской братии, царь Иван-Александр щедро одарил монастырь, и в частности спомоществовал построение башни, называемой “Башней Синаита” [Пространно житие... 1986, с. 448; Сырку 1898, с. 154, бел. 2].

По кончине Григория Синаита (27 ноября 1346 г.) обитель постепенно приходит в упадок и теряет свое значение книжного и исихастского центра, а Синаитовы сподвижники разошлись по всем концам Балканского полуострова. Хотя монастырь в Парории просуществовал сравнительно недолгое время, он сыграл исключительно важную роль в культурной истории Болгарии и Византии, особенно для сокращения дистанции между византийской и славянской литературами [Гюзелев 1985, с. 91–92]. Созданный на основе синайского ктиторского устава [Киселков 1926, с. 26; Русев и др. 1971, с. 139–141], монастырь Григория Синаита становится образцом устройства для ряда других, возникших позднее исихастских и книжных центров.

Отказавшись от поста игумена на месте Григория, Феодосий отправляется в горы Сливена. Потом — через Афон, Фессалоники, Бер, Константинополь опять в Парорию, Сливен и на Емонскую гору недалеко от Месембрии на берегу Черного моря. Вместе со своим сподвижником Романом Феодосий отправляет просьбу царю дать им новое, по словам

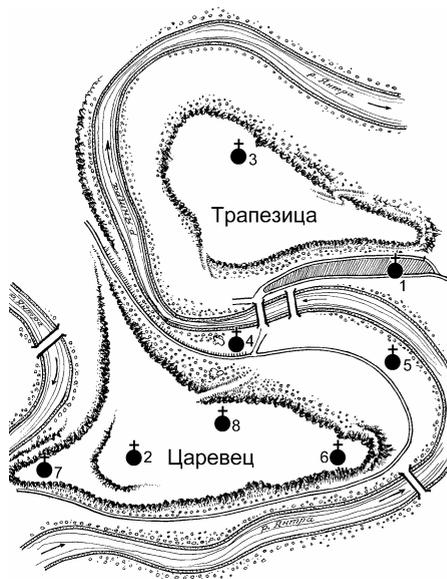

Рис. 2. Строительство монастырей в границах столичного города Тырново (карта).

¹ О локализации этого монастыря см.: [Гюзелев 1985, с. 140; Русев и др. 1971, с. 189].

Каллиста, “безопасно и неприступно за никакъв развойник място, което при това да бъде под царска охрана, да вдъхва страхопочитание и да е недосягаемо за зли мъже” [Пространно житие... 1986, с. 451]. Иван Александр откликается на их просьбу — как сказал агиограф — “заради старата и голяма царева любов към Теодосий и друго — понеже желаше да се наслаждава на постоянно напътствие” [Пространно житие... 1986, с. 451]. Это новое место для монастыря Каллист называет топонимом **Кефаларево**, указывая на местонахождение самой обители в районе столицы Тырново (рис. 1).

В “Слове похвальном Евфимию” Григорий Цамблак уделяет специальное внимание Феодосиеву монастырю [Русев и др. 1971, с. 137–143] как месту, связанному с важным периодом жизни и деятельности будущего патриарха Евфимия, но не указывает на его местонахождение. Практически это Слово является вторым письменным источником сведений о характере, организации и устройстве Килифаревской обители.

Известная топонимия района Тырново не сохранила названия холма, поселения или горного участка Кефаларево, чья этимология, впрочем, не является проблемной для исследователей. В этом регионе известно несколько монастырских колоний (не считая монастырей в границах столичного укрепленного пространства) (рис. 2). Среди них две расположены на соседних горю с юга холмах — *Святая гора* и *Устето* [Алексиев 2002–2003, с. 251–256], упомянутые в нескольких письменных памятниках с описанием их природной среды. Сюда следует естественно причислять и пролом *Дервент*, со спецификой ландшафта которого связана идентификация скитов.

Почти все исследователи, однако, единодушно приняли транскрипцию *Кефаларево* как *Килифарево*, связывая данные письменных памятников с одноименным поселением, расположенным в 14-ти км к югу от Тырнова².

Рис. 3. Килифарево. Холм с остатками крепостного и монастырского строительства. Аэрофотоснимок.

² Й. Андреев считает, что место, где создан Килифаревский монастырь, связывается с топонимом *Мокра, Могры, Мокри* – по указанию Григория Доброписца [1993 с. 241-242, бел. 197]. Источник, однако, никаких уточнений и подробностей не дает, неизвестно и место, где находилась скиты отшельников [Пространно житие на Ромил Видински 1986 с. 479]. Этот топоним не связан и с монастырем Феодосия Тырновского, в котором Ромил Бдински никогда не пребывал. Здесь надо тоже подчеркнуть,

О том, что это место (Кефаларево) следует искать именно южнее тогдашней столицы, свидетельствует горный характер местности в конкретном описании Каллиста.

Топонимия района Килифарево указывает на два участка, где сохранились руины со времен Тырновского царства. Южнее современного города, в непосредственной близости от него находится местность *Градът*, где располагалась средневековая крепость.

Второй участок находится на высоком холме площадью около 20 га, вдоль которого течет река Белица (рис. 3). Он связан с топонимами *Калето*, *Стражницата*, *Царски пирг*, *Старото манастирище* [Михайлов 1970, с. 11]. У подножия этого холма расположен современный Килифаревский монастырь Рождества пресв. Богородицы.

Археологические работы здесь велись в период 1974–1988 г., когда были раскрыты две крепости разных эпох, как и монастырь со времен Тырновского царства. Сооруженные в разное время, укрепления, тем не менее, используют практически одну и ту же стратегию обороны — охрана горного прохода в качестве основного подхода соответственно к ранневизантийскому укрепленному поселению и позднее к болгарской столице — Тырново [Робов 1998, с. 305–309].

Первая крепость построена во времена Анастасия I (491–518) и синхронна сооружению оборонительной системы на территории позднейшего города Тырнова [Ангелов 1973, с. 271; Робов 1998а, с. 72–73; Динчев 2001, с. 243]. (Прокопий упоминает это поселение под именем Зукидава непосредственно после крепости Никополис-ад-Иструм) [Велков 1988, с. 76–82].

Рис. 4. Северо-западные ворота крепости.

Крепостные стены окаймляют холм, следуя конфигурации его ландшафта. Ворота соответственно на восточной и северо-западной стороне связывают крепость с важнейшими путями района (рис. 4). В северо-западной части крепости построена базилика с тремя кораблями и пристройкой к южному фасаду (рис. 5; 6).

Крепость существовала в период правления Юстина I (518–527), а при Юстиниане I (527–265) включена в большую систему укреплений в связи с частыми набегами варварских племен с севера. К этому времени на южной террасе построена вторая большая базилика с двухступенчатым синтроном в апсиде [Николова, Робов 1994, с. 572].

что такой топоним отсутствует в житии Феодосия, как и в Слове похвальном Евфимию. Впервые такую гипотезу выдвинул В.Сл. Киселков [1926, с. 24].

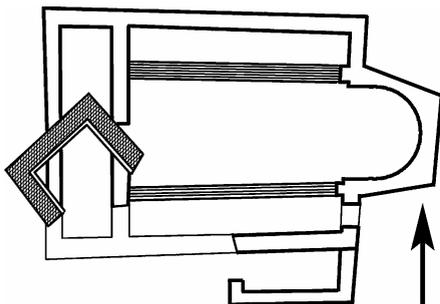

Рис. 5. Северная базилика (план).

Рис. 6. Северная базилика.

Этим временем датируется и латинская надпись на камне, (рис. 7), которая свидетельствует о существовании недалеко от крепости монастыря:

Austatis
v(iv)at in Cr(isto) sa-
c(elle) secait
cal(em).

“Да здравствует
Аустатис во
имя Христа.
Для кельи он
высек тропу в
скале” /
[Бешевлиев
1978, с. 35–36].

Рис. 7. Надпись V-VI вв. на камне вторичного употребления в конструкции восточных ворот.

Восстановление болгарского государства в конце XII в. и выбор новой столицы приводит к оживлению той же крепости в районе сегодняшнего городка Килифарево для обеспечения охраны Тырнова с юга, но к середине XIII в. фортификация уже не использовалась [Робов 1998, с. 308].

Выбор места для нового монастыря Феодосия в пределах существующей или ранее существовавшей крепости в целях безопасности указан самим агиографом Каллистом и не вызывает сомнений [Пространно житие... 1986, с. 451].

Комплекс центрического расположения [Тулешков 1988, с. 161] по своему устройению следует модели т. наз. центрической “греческой” схемы. Как и большинство монастырей времени Второго болгарского государства, Килифаревский не был укреплен. Ограждение в большей своей части с востока, юга и запада следует крепостной стене, надстраиваясь на ее руинах (рис. 8).

Структурообразующим элементом является просторный внутренний двор между западным, северным и восточным крылом. Внутри построена однокорабельная церковь с притвором (рис. 9), фасад которой пластически расчленен и декорирован керамопластическими элементами, интерьер расписан. Другое солидное здание, вероятно пирг, возведено на месте притвора уже не существовавшей северной ранневизантийской базилики. К западу от церкви широкий плиточный помост ведет к просторному зданию — вероятнее всего трапезной монастыря.

В действительности, совместное собрание на трапезе является церемониальным продолжением литургических последований, что ставит трапезную в ранг второго по значимости здания [Тулешков 1988, с. 93]. Как правило, трапезная располагалась поблизости католитикона, обычно западнее [Orlando 1958, p. 145 и сл.], по крайней мере по продолжению той же линии (как устроен и Килифаревский монастырь) или в стороне [Mylonas 1987, p. 143], часто в строительном плане монастырского крыла.

Отдельным архитектурным ансамблем оформлено южное крыло — ряд зданий выстроен с одной стороны широкой аллеи (рис. 10; 11). Напротив расположена перестроенная путем частичного изменения планировки ранневизантийская базилика, функционально включенная в план средневекового монастыря.

Рис. 9. Однокорабельная церковь в восточной части комплекса (XIV в.).

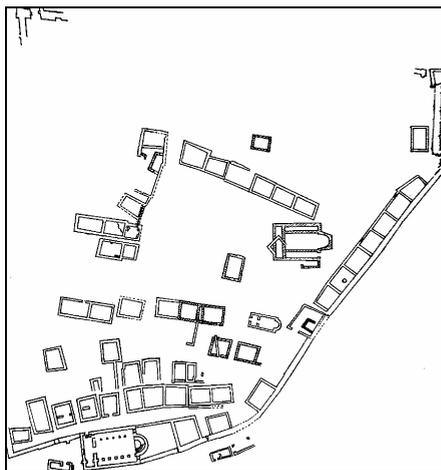

Рис. 8. Килифаревский монастырь (план).

Западное крыло состоит из зданий хозяйственного назначения.

Несомненно, и Килифаревский монастырь устроен на основе ктиторского устава синайского типа, следуя первообразу обители Григория Синаита в Парории. Об этом свидетельствуют оба упомянутых нами письменных источника. Центром лавры являлся киновиальный комплекс, а за стенами

монастыря располагались кельи анахоретов. Три из них находились к югу от комплекса — две на склоне холма, а третья — на вершине, западнее южной базилики. Кельи двудельные — с придверием и небольшим помещением. Перед тремя одинаково устроенными

кельями находится вымостка из каменных плит [Робов 2004, с. 522–528] (рис. 12).

Десятки железных писал (рис. 13), а также набор приспособлений для изготовления пергамента, свидетельствуют о функционировании монастырского комплекса в качестве книжного центра и школы [Робов 1994, с. 593–596].

Несколько одиночных зданий расположено на протяжении восточной стены, в пространстве между восточным и южным крылом монастыря. Особенности оформления первого с севера в этом ряду здания позволяют интерпретировать его как палату игумена.

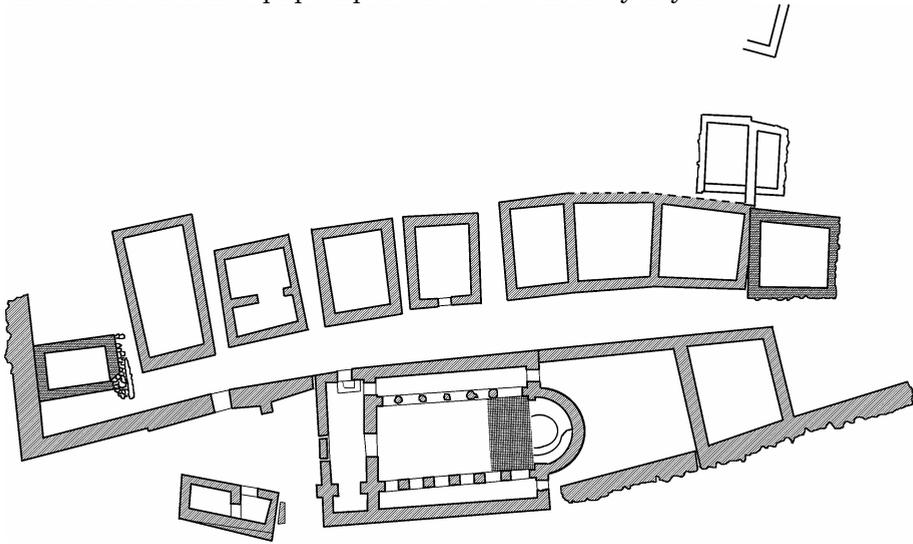

Рис. 10. Южное крыло монастыря (план).

Рис. 11. Южное крыло монастыря.

Рис. 12. Келья анахорета.

Монастырь Феодосия недалеко от Килифарева существовал относительно недолго, так же как и монастырь Григория Снаита в Парории, но сохранившиеся сведения свидетельствуют об исключительной роли этого центра в распространении исихазма, об его сильном, в ряде случаев определяющем влиянии на общественно-религиозные процессы в столице Тырново. Соответственно этнической пестроте братии и влияния монастыря распространялось далеко за пределы

болгарского государства [Гюзелев 1985, с. 94]. Килифаревские монахи во главе с Феодосием сыграли решающую роль для успеха двух соборов 1355 и 1360 г. [Пространно житие... 1986, с. 452–453, 456–459] в Тырнове, разоблачающих и осуждающих еретические движения своего времени.

Круг Феодосия оставил глубокий след и в качестве проводника политики Константинопольской патриархии, направленной на объединение православного христианства под ее верховенством. Самым ярким свидетельством тому является известная так называемая Грамота Каллиста, писанная в декабре 1355 г. [Палаузов 1974, с. 348–359].

Монастырь быстро превращается в книжный центр общеполитического и общеславянского значения. В кругу Феодосия работали талантливые книжники, среди которых выдающийся в свое время переводчик с греческого языка иеромонах Дионисий. В числе дошедших до нас его переводов и славянский текст “Маргарита” Иоанна Златоуста. В Килифаревской лавре начали свою раннюю книжную деятельность Евфимий и Киприан Цамблак [Гюзелев 1985, с. 94].

Исследователи одного из лучших образцов болгарской средневековой миниатюристики — Псалтыри Томича [Шчепкина 1963] — связывают его именно со скрипторием той же школы Феодосия [Джурова 1982, с. 9–11].

Вероятнее всего псалтырь списана по заказу местного боярина для монахов лавры или в качестве частной книги для некоторого из выдающихся духовных лиц. Заказчик идентифицируется с изображением последнего слева молящегося на миниатюре “Моление перед иконой Христа Вседержителя”. Иконография этой сцены скорее всего передает ту среду, в которой возникает памятник или из которой вышел ктиторий [Джурова 1982, с. 10].

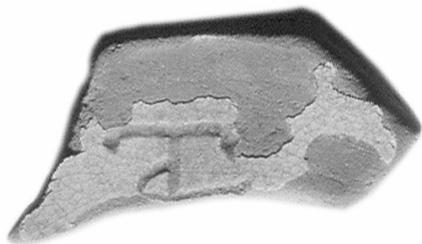

Рис. 14. Подглазурная монограмма Феодосия Тырновского.

читается как Феодосий (рис. 14) [Робов 1999, с. 517–522]. Глазурь желтоватого цвета. На фрагменте нет следов дополнительного декорирования, обычного в практике оформления этой группы сосудов. Сама монограмма не являлась элементом общей орнаментальной ком-

Рис. 13. Писало.

Антиеретический акцент в некоторых из миниатюр предполагает создание псалтыри Томича незадолго до второго столичного антиеретического собора против жидовствующих в Тырнове в 1360 г. [Джурова 1982, с. 8–9].

В заполнении палаты игумена найден фрагмент стенки керамического поливного сосуда с подглазурной монограммой, которая

позиции, а ее роль заключается в непосредственной связи со значением самой монограммы.

Изображена буква “Т” (хорошо оформлены серифы), с левой стороны ближе к нижней части вертикального столбца прочерчена буква “Д”. В нижнем конце того же столбца изведена горизонталь, которая вместе с правой половиной горизонтального плеча буквы “Т” образует букву “С”.

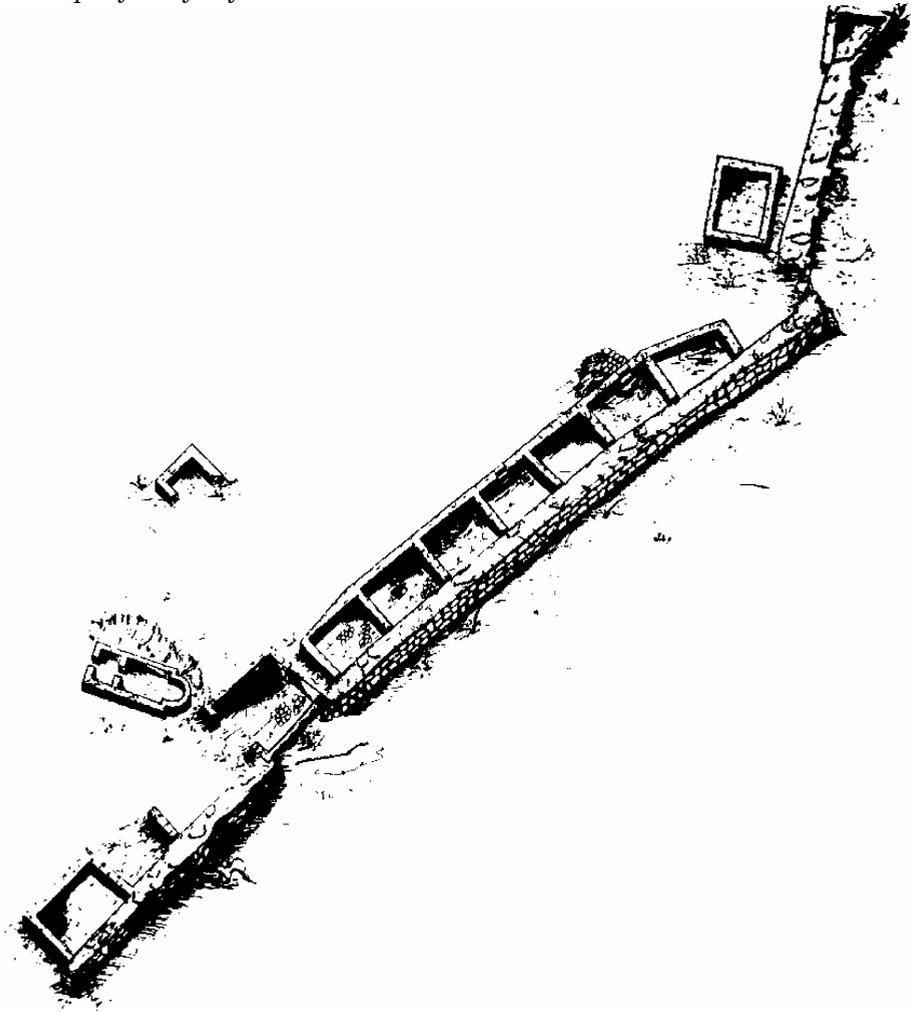

Рис. 15. Восточное крыло монастыря — частичная реконструкция.

Являясь единичной в группе находок подглазурных монограмм, монограмма Феодосия (известны подглазурные монограммы Феодосия II — на патриаршей кафедре в Тырнове с середины 1348 г. на протяжении почти двух десятилетий — на которых имя пишется по-другому: через “θ”, а перед именем — титул “патриарх”) [Ангелов 1980, с. 153–156, обр. 152] ставит имя выдающегося исихаста в контекст самого явления, возникшего в середине XIV в. и отмирающего с

прекращением существования болгарского государства к концу XIV в. [Робов 1999, с. 521–522]. Оно связано с владетельским институтом (известны монограммы царей Ивана-Александра и Ивана-Шишмана), с търновскими патриархами (монограммы Феодосия II, Евфимия Търновского), с патронами некоторых из самых важных столичных храмов (св. 40 мучеников) и их почитанием [Робов 1985, с. 401–402].

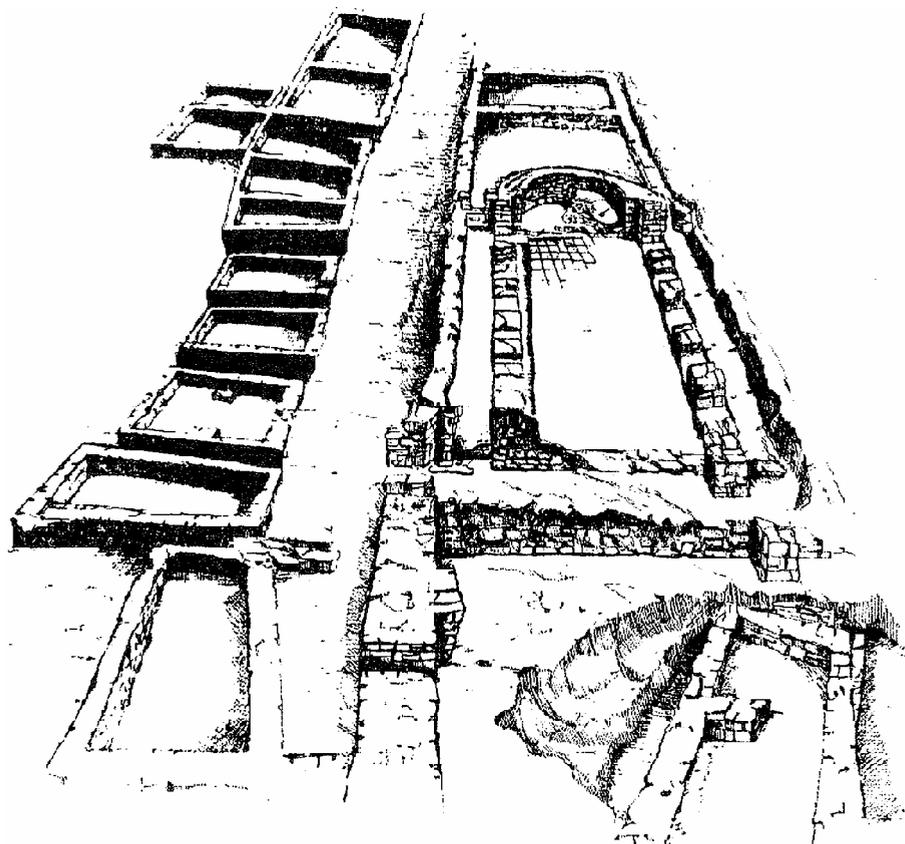

Рис. 16. Южное крыло монастыря — частичная реконструкция.

В этом смысле оправдано и предположение, что канонизация выдающегося исихаста Феодосия Търновского осуществилась в скором времени после его кончины.

Литература

Андреев Й. България през втората четвърт на XIV век. Велико Търново, 1993.

Алексиев Й. За манастирите в “Света гора”, “Търновски планини” и “Търновска света гора” // Известия на Регионалния исторически музей Велико Търново. Т. XVII – XVIII. 2002–2003.

Ангелов Н. Културните пластове преди изграждането на двореца. Царевград Търнов. Т. I. София, 1973.

- Ангелов Н.* Патириаршеският комплекс на Царевец през XII — XIV век. Царевград Търнов. Т. 3. София, 1980.
- Бешевлиев В.* Латински надпис от ранновизантийската крепост при Килифаревския манастир // Археология. 1978. № 1.
- Велков В.* ΖΙΚΙΔΕΒΑ<ΣΥΚΙΔΑΒΑ= дн. Велико Търново? // Палеославистика и епиграфика. В памет на проф. Иван Гълъбов. В.Търново, 1988.
- Гюзелев В.* Училища, скриптории, библиотеки и знания в България (XIII - XIV век). София, 1985.
- Данчев Г.* Владислав Граматик — книжовник и писател. София, 1969.
- Джурова А.* 24 миниатюри от Томичовия псалтир. София, 1982.
- Динчев В.* Ранновизантийският град върху хълма Царевец, Велико Търново // Палеобългаристика и старобългаристика. Втори есенни международни четения “Професор Иван Гълъбов”. В.Търново, 2001.
- Дончева-Петкова Н.* Киприян. Старобългарски и староруски книжовник. София, 1980.
- Златарски В.Н.* Житие и жизнь преподобнаго отца нашего Теодосия, иже в Трънове постничествовавшаго // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. XX. Ч. 2. 1904.
- Киселков В.Сл.* Св. Теодосий Търновски. София, 1926.
- Киселков В.Сл.* Житието на св. Теодосий Търновски като исторически паметник. София, 1926.
- Михайлов Г.* Килифарево. София, 1970.
- Николова Я., Робов М.* Теодосиевият манастир при Килифарево в светлината на археологическите проучвания // Търновска книжовна школа. Т. 5. В.Търново, 1994.
- Палаузов С.* Посланието на патриарх Калист като нов извор за историята на българската църква // Избрани трудове. Т. I. София, 1974.
- Петканова Д.* Старобългарска литература IX — XVIII век. София, 1997.
- Пространно житие на Теодосий Търновски от патриарх Калист // Стара българска литература. Т. 4. София, 1986.
- Пространно житие на Ромил Видински от Григорий Доброписец // Стара българска литература. Т. 4. София, 1986.
- Робов М.* За употребата на съдове с царски и патриаршески монограми през XIII — XIV век // Търновска книжовна школа. Т. 4. София, 1985.
- Робов М.* Подглазурен монограм на Теодосий Търновски от Килифаревския манастир // Търновска книжовна школа. Т. 6. Велико Търново, 1999.
- Робов М.* Анахоретски килии в устройството на средновековния Килифаревски манастир // Сборник в чест на проф. Георги Данчев. Велико Търново, 2004.

- Робов М.* Материали, свързани с просветния и книжовен живот в Килифаревската школа на Теодосий Търновски // Търновска книжовна школа. Т. 5. Велико Търново, 1994.
- Робов М.* Крепостта при средновековния Килифаревски манастир в отбраната на столичния Търнов // Висше военно общовойсково училище "Васил Левски". Научни трудове. Кн. 60. История. Политология. Връзки с обществеността и право. В.Търново, 1998.
- Робов М.* Късноантично строителство в западното подножие на хълма Момина крепост във Велико Търново // Епохи. 3–4, 1998.
- Русев П., Гълъбов И., Давидов А., Данчев Г.* Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971.
- Сърку П.А.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Търновского. СПб, 1898.
- Тулешков Н.* Архитектура на българските манастири. София, 1988.
- Щепкина М.* Болгарская миниатюра XIV в. // Исследование псалтыри Томича. М., 1963.
- Mylonas P.* La trapeza de la Grande Lavra au Mont Athos // Cahiers archaeologiques. 35. Picard, 1987.
- Ορλανδοу Α.* Μοναστηριακή αρχιτεκτονική. Αθήναι, 1958.

О ХРАМЕ СВ. АПОСТОЛОВ И ЕПИСКОПАЛЬНОМ АРХИТЕКТУРНОМ КОМПЛЕКСЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

В раннесредневековом Херсоне с его примерно 6 тыс. населения к середине X в. было в общей сложности не меньше трех десятков значительных культовых сооружений — макродоминант города, зафиксированных археологически к настоящему времени: 15 базилик (№ 7, 13, 14, 15, 17, 22, 23, 26, 28, 32, 36, 1932 г., 1935 г., храм “А” около восточной оконечности Уваровской базилики и храм, входивший в комплекс византийского претория в “цитадели”), семь крестовых и крестовокупольных храмов (крестовидные пристройки у Восточной и Западной базилик, храмы № 27 и № 29 на агоре, “храм с ковчегом” — № 19, Южный и Западный загородные храмы), мемориальная церковь — мартирий с подземной криптой рядом с главной улицей, купольный тетраконх (№ 47), одноапсидный гробничный мартирий (№ 12) над усыпальницей около Западной базилики № 13, загородный однонефный храм, открытый в 1902 г. на Девичьей горке, одноапсидный храмик на месте более поздней часовни (№ 17, по обозначению Р.Х. Лепера) в квартале I около Восточной базилики и однонефный храм, открытый в 1958 г. на месте сцены античного театра, а также баптистерии при Уваровской, Западной базиликах, базилике 1935 г., “базилике в базилике”, а возможно, и при базиликах № 28 и 36 [Романчук 2000, с. 64–76, 222–243; Завадская 2000, с. 77–90; 2002, с. 251–271; Сорочан, Зубарь, Марченко 2003, с. 13–228; Ранневизантийские сакральные постройки... 2004].

Главный, не топографический, но, как признано, кафедральный, следовательно, соборный центр города, включал самую крупную базилику — кафоликон (52,25×20,45 м) с мозаичным полом, обширным атриумом (аулой), крытым шестигранным фиалом для омовений и видной крещальной [Домбровский 2004, с. 11–31; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 585–600; Романчук 2000, с. 225–226 (там же библиография)]. Епископ был предстоятелем собраний своей папойки только в этом главном кафедральном храме. Судя по найденному на загородном некрополе крестовидному надгробию VI — VII вв. с небрежно вырезанной надписью “О памяти и упокоении пресвитеров Стефана, Стефана и Христофора”, при епископе Херсона или Херсона Доранта (Chersonos tes Dorantos) служило несколько пресвитеров (священников) — рукоположенных им глав приходов епархии, и, значит, они образовывали при нем совет — пресвитерион [Латышев 1896, с. 31; Византийский Херсон 1991, с. 28, № 13; ср.: Ohme 1990, s. 151]¹.

¹ Об институте пресвитеров и его эволюции см.: [Лебедев 1997, с. 148–152; Поснов 1964, с. 304; История Византии, т. 1, с. 152].

Упоминание пресвитеров (oi presbyteroi), наряду с “первыми из монахов” (oi protoi ton monachon) из состава клира Херсона, Боспора и “местностей вокруг” (tous perix topous), встречается и в более позднем агиографическом источнике второй половины IX — первой половины X вв. (Vita A), что указывает на сохранение сепаратной, развитой, полноценной системы местных церковных приходов, подчиненных своим архиереям [Michailus Monachus, 1869, col. 137; Латышев 1915 (1914), с. 269, sec. 20]. Надо полагать, они служили и в отдаленных хорионах, иначе трудно объяснить находку в завале скального храма на горном хребте Басман известнякового надгробия, вероятно, начала X в., с крестом в круге и эпитафией “Почил раб Божий Иоанн, пресвитер (?) Херсакеи” ([tel]s Chersakeias) [Соломоник 1987, с. 214–215]. Будучи знатоками богословия, церковных правил, пресвитеры должны были быть из добропорядочных, знатных семей, обязательно старше 30 лет, но не обязательно не женатыми. С благословения епископа они имели право проповедовать, преподавать благословения верующим, совершать таинства и священнодействия [Полный... словарь, 1992, стлб. 1901–1903; Барсов 1992, с. 387–389]. По следующей, низшей степени священства за ними следовали диаконы, которые тоже были посредниками между епископом и паствой, вместе с пресвитерами руководили филиальными церквями, диакониями, опекали молельни, маририи, птохионы, проявляли заботу о содержании бань, надзирали за филиаками-тюрьмами [Болотов 1913, с. 201; Testini 1958–1959, p. 615–618; Dagron 1991, p. 176–178; Kazdan A., Karpozilos, Johnson, Browning 1991, p. 271–272; Сидоркин 2003, с. 138–139]. Но нити управления этими священнослужителями и прочими “церковными людьми”, иподиаконами, алтарниками, чтецами, певцами, канонархами, заботившимися о херсонских храмах, исходили из Уваровской базилики (№ 23). Перед началом службы, знаменовавшейся ударами в деревянное или железное било, прихожане собирались здесь, чтобы затем идти с епископом в храм, избранный для богослужения [Нравы... 1829, с. 177; Иеромонах Иоанн 1895, с. 86]. Нужно отметить, что в раннесредневековом Херсоне каждая литургия включала элементы процессий и стациональных шествий.

Факт кафедрального характера базилики № 23 достаточно надежно установлен исследователями, начиная с А.Л. Бертье-Делагарда, в отличие от хронологии строительства, назначения разных его частей и увязки крупнейшего культового центра с известными по нарративным источникам раннесредневековыми церковными памятниками Херсона. В частности, спор идет о том, носила ли базилика имя св. Петра, то есть относилась к числу первых христианских культовых сооружений, построенных в IV в. по приказу императорского посланца, епископа Капитона, крестившего херсонеситов, или была воздвигнута позже и посвящена св. апостолам Петру и Павлу. Как и вопрос последовательности возведения, датировки, интерпретации, определения литургического и иного назначения сооружений, образовавших единый комплекс, он нуждается в уточнении, ко-

торое невозможно без очередного комплексного анализа всего известного к настоящему времени об этом уникальном византийском историко-архитектурном памятнике.

Ныне нет сомнений, что в соответствии с действовавшей епископской моделью оформления сакрального пространства города, урбаническим на северо-восточном берегу представлял собой единую духовную доминанту — собор, входивший в состав удачно спланированного епископального комплекса — центра городской жизни [ср.: Bortoli, Kazanski 2002, p. 652; Пелин 2001, с. 20–22; Ранневизантийские сакральные постройки... 2004]. Его главное средоточие несло все типичные черты базилики “эллинистического” типа (большой трехчленный нартекс, повышенный, широкий центральный неф, стропильное перекрытие, четырехскатная крыша). И.А. Завадская полагает, что Уваровская базилика единственная в Херсоне имела атриум (аулу) — просторный парадный предхрамовый двор прямоугольной формы (25×15 м), который поначалу, возможно, был окружен с трех сторон не стенами, а портиками, аркадами [Завадская 2001, с. 268–269; ср.: Critmean Chersonesos 2003, p. 101]². С последним можно согласиться, однако едва ли Уваровская базилика была столь уникальна в смысле устройства прихрамового двора. Подобные “отгороженные площадки” перед храмами К.К. Косцюшко-Валюжинич прослеживал перед базиликой Крузе (№ 7), Восточной базиликой (№ 36), Западной базиликой (№ 13), Северной базиликой (№ 22), “храмом с ковчегом” (№ 19) [Отчет за 1904 год, л. 20–21]. К этому перечню можно добавить ограду около храма № 27 на агоре, обозначенную на планах второй половины XIX в. (архитекторов Медведева, Авдеева и Вяткина) и перенесенную на Генеральный план северо-восточной части Херсонесского городища, вычерченный в 1928 г. Н.М. Янышевым. Они объяснимы прежде всего тем, что эти храмы были задействованы в стациональной литургии — богослужбном последовании, которое обычно останавливалось в предхрамовом дворе — ограде “...в ожидании завершения предписанных этикетом церемоний входа иерархов и сановников в нартекс и чтения входной молитвы перед царскими воротами, ведущими в неф, прежде чем влиться в него вместе с сановниками” [Тафт 2000, с. 39–40]. Иначе говоря, люди не входили в церковь заранее: в духе константинопольской церемонии входа духовенство и народ входили в церковь вместе. Кроме того, аула ранневизантийских базилик играла роль универсального помещения для мирян. К услугам верующих здесь можно было символически омыться перед входом в храм, здесь собирались прихожане перед началом и после окончания божественной литургии, здесь совершались некоторые церковные службы. Вместе с кафедральным храмом его двор являлся своеобразным центром в городе, центром общественной и интеллектуальной деятельности. Сюда шли больные вымолить у Бога

² О.И. Домбровский видел здесь лишь две аркады, ограждавшие аулу с севера и юга [Домбровский 2004, с. 19].

исцеление. Врачи практиковали и консультировали подчас прямо у входа в церковь. “Плачущие”, то есть отлученные от полного церковного общения, грешники, кающиеся просили верных, входящих в храм, дабы они за них помолились. Там готовились к проведению праздничных, радостных и скорбных, погребальных обрядов. Там обсуждали цены на зерно и рыбу. Туда приходили за утешением, за советом, за тем, чтобы вымолить прощение. Это было преддверие убежища для любых преследуемых, которое давал храм в радиусе 50 шагов, и в то же время усыпальница наиболее именитых людей, ктиторов. Позже храмы стали ограничиваться внешним нартексом, то есть притвором, какой демонстрирует большинство херсонских церквей.

Судя по архитектурно-археологическим исследованиям О.И. Домбровского, возле западных концов обеих галерей базилики, примыкавших к ограде аулы, находились небольшие квадратные башни, подчеркивавшие главный западный фасад, а еще две возвышались над нартексом храма, разделенным на три части арками и колоннами³. Как известно, происхождение таких храмовых башен связано с Сирией и Малой Азией [ср.: Чанева-Дечевска 1999]. Рядом с одной из них, при атриуме, исследованиями 1953 г. были прослежены признаки северных ворот, выходивших на I продольную улицу, к соседней раннесредневековой бани и Северной базилике (№ 22). Еще одни, южные ворота, перекрытые аркой на мощных столбах, соединяли аулу с перекрестком II продольной и 5 поперечной улиц, а с 6 поперечной улицы сюда вели две каменные лестницы, устроенные после того как повысился уровень упомянутой улицы [Домбровский 2004, с. 13–14, 17, 18, рис. 13: 15]. Вероятно, первоначально здесь находились главные ворота, расположенные напротив фиала и экзонартекса, но позже их пришлось ликвидировать. Показательно, что пол предхрамового двора был на 1,25 м ниже уровня 6-ой поперечной улицы, поэтому широкий вход из аулы в базилику вел через пандус, устроенный рядом с дверью в экзонартекс [Домбровский 2004, с. 18].

Нартекс кафоликона, как и его центральный неф, был вымощен мраморными плитами, а вдоль стен экзонартекса стояли каменные скамьи [Домбровский 1986, с. 539]. Эта достаточно вместительная “прихожая” храма “пред дверьми церковными” была необходима не столько для проходящих чин 40-го дня (воцерковление) или 1-е, 2-е оглашение [Арранц 1988, с. 74–86], сколько для епископа со свитой, так как в ней он ожидал прибытия светских властей города в те дни, когда они публично принимали участие в богослужении. Здесь же ожидали прибытия богослужебных шествий, преклоняли колени, произносили входную молитву перед главным западным входом в неф и совершали другие обряды, которые предшествовали торжественному входу епископа в церковь [см.: Тафт 2000, с. 41].

³ Последние реконструкции, предпринятые отечественными и польскими археологами, не учитывают эти наблюдения [ср.: Ранневизантийские сагральные постройки... 2004].

Перед солеей храма по центру главного нефа, по оси запад — восток находился амвон, который, по мнению И.А. Завадской, имел вид “прохода или коридора”, огороженного шестью столбиками и мраморными плитами между ними, чему имеются примеры в церквах Малой Азии, Грузии и Константинополя [Завадская 2001, с. 264, табл. II, 1]. В текстах литургических комментариев патриарха Германа (ум. 733 г.) указывалось, что “амвон означает камень со святого гроба, на котором сидел ангел после того, как откатил его и громко оповестил жен-мироносиц о воскресении” [Св. Герман Константинопольский 1995, с. 20, 78; Шульц 2002, с. 147, прим. 444]. С этого места диакон, одетый в белый стихар, громким голосом оповещал о трехдневном воскрешении, при этом покров или воздух, символизирующий камень, которым был задвинут гроб, снимали перед анафорой и диакон показывал его общине верных [Шульц 2002, с. 147]. Отсюда в Великую пятницу после завершения чина “отрицания сатаны и сочетания ко Христу”, священник, согласно Евхологию, трижды знаменовал свечой прошедших этот обряд, предшествующий крещению, объявлял конец их оглашения и разрешал одеться и обуться [Арранц 1988, с. 84–85]. Наконец, на литургии диакон, а на утрени — священник читали с амвона Евангелие [Шульц 2002, с. 196]. Видимо, такой огороженный проход в Уваровской базилике был необходим для того, чтобы обеспечить свободное пространство вблизи святилища (bema) для литургических целей и дать свободный проход для священников и прочих служителей к церковной кафедре [Тафт 2000, с. 41, прим. 29]. В постиконоборскую эпоху, в ходе очередных перестроек храма сооружение было разобрано, поэтому, к сожалению, невозможно с уверенностью сказать, относилось ли оно к наиболее распространенной группе мраморных амвонов VI в. константинопольского типа с центральным возвышением и лестницами с двух сторон или же здесь была иная конструкция, действительно имевшая вид огороженного прохода к солее.

Следует обратить внимание, что с запада к коридору с мозаичной вымосткой перед экзонартексом базилики выходила обнаруженная во время раскопок 1876 г. “загадочная постройка, ...имевшая заложенные в стенах гончарные трубы” (“интересное здание с проложенными через стены гончарными трубами и разрушенной лестницей”) [Отчет за 1901 год, л. 21; Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 32]. Пройти к ней можно было бы со стороны двора большой базилики или южных ворот. К.К. Косцюшко-Валюжинич сообщает, что она оказалась разобрана по инициативе монастыря для постройки временного жилого дома для Ф.И. Чагина, академика архитектуры, работавшего над внутренней отделкой Владимирского собора [Отчет за 1901 год, л. 21; Отчет за 1904 год, л. 20–21]. По словам заведующего раскопками, уже в 1885 г. иеромонах Агафодор впервые высказал убедительное предположение, что эта постройка была баней. Если учесть, что епископский комплекс в Нове включал наряду с базиликой и баптистерием резиденцию епископа с собственной баней с четырьмя ваннами, двумя префурниями, аподитерием и латриной, выстроенных в первой

половине VI в., наличие аналогичного сооружения в подобном херсонесском комплексе было бы не менее уместным [ср.: Бернацки 2002, с. 69, 78, рис. 1: D; Бернацки, Кленаина 2002, с. 102, рис. 3]. Точно также была расположена баня по отношению к базиликальному комплексу с крещальней в Самосе [Schneider 1929, s. 125, fig.14]. Небольшая баня входила в базиликальный комплекс Петры (с. Цихидзири в Аджарии) [Хрушкова 2002, с. 350–352, рис. 138–139]. В отличие от предыдущих, она относилась к типу “анфиладных” терм, состояла из пяти помещений, расположенных в одну линию. В сторону базилики был обращен портик с колоннадой перед баней.

Для кафедрального храма с баптистерием (№ 24) соседство бани было весьма удобно, поскольку по обычаю перед обрядом крещения, который проводил поначалу только епископ, готовящиеся к крещению — фотизомены (“просвещенные”) и все при этом присутствующие их восприемники, “верные” должны были омыть тела. Поэтому вместе с другими сооружениями, религиозными и светскими, баню нередко включали в состав епископального комплекса.

Юго-западный угол V квартала занимал жилой комплекс из ряда помещений, покоем располагавшихся вокруг небольшого двора с колодцем [Домбровский 2004, с. 18]. Связанная с кафедральным храмом, усадьба вполне могла играть роль резиденции епископа или настоятеля храма и после перестроек дожила до поздневизантийского времени [Романчук 1986, с. 162]. Ряды каких-то подсобных, хозяйственных помещений или кладовых, крытые общей крышей, тянулись за апсидами большой (№ 23) и малой базилик (храмом “А”), указывая на признаки некогда развитого церковно-хозяйственного уклада [Домбровский 2004, с. 19].

В Херсоне все это было отстроено в относительно уединенном и вместе с тем импозантном, по выражению О.И. Домбровского, месте, недалеко от Главной и II продольной улиц, на территории двух более ранних жилых кварталов (IV и V), соединенных в один площадью около 5000 м². На севере его ограничивал морской обрыв, на юге — III продольная улица, а на западе — 6-я поперечная. Находившиеся здесь до этого не храмы, а обыкновенные жилые дома с колодцами, многочисленными вырубными ямами и иными хозяйственными сооружениями были разрушены, засыпаны и освободившееся пространство сnivelировано вплоть до близкой здесь поверхности подрубленной, выровненной террасами скалы под новую, на сей раз общественную застройку [см.: Косцюшко-Валюжинич 1903, л. 39; Гриневич 1930, с. 113–119; Лосицкий 1991, с. 83–84, 86; Золотарев, Ушаков 1997, с. 36; Завадская 2000а, с. 305]. Стремление достичь скального грунта было присуще всем ромейским строителям — икодомам, поэтому в Херсоне они старались выбирать для фундаментов общественных зданий прежде всего те места, где эту задачу было проще решить [Ousterhout 1999, p. 157–160]⁴. Восточная, северо-восточная и

⁴ В этом видится одна из причин, по которым приморские базилики 1935, 1932 гг., лишенные таких оснований, были возведены позже остальных, ко

северо-западная часть города идеально подходила для этого, поскольку слой земли здесь был минимальным, а ниже его лежало прочное скальное основание. Видимо, эти широкомасштабные работы были осуществлены не ранее последней трети — конца VI в., что совпадает с пиком “архитектурного бума”, прослеживаемого по всем районам города. В засыпи вырубного колодца грушевидной формы, над которым частично прошла западная капитальная стена нартекса базилики, среди 112 монет оказалась медная херсонесская монета того типа, который, как уточнила И.А. Завадская, выпускался в правление Юстина II (565–578) и вплоть до начала правления Маврикия (582–602). Это и дает надежный *terminus post quem* главному сооружению всего монументального архитектурного комплекса на северо-восточном берегу города. Доисследования С.Г. Рыжова под участком западной стены аулы в 1983 г. тоже позволили получить материал, в котором наиболее поздними были амфоры конца IV — конца VI вв. [Ранневизантийские сакральные постройки... 2004, с. 74].

Примечательно, что К.К. Косцюшко-Валюжинич счел необходимым подчеркнуть находки монет в колодце и капитальный характер стены, прошедшей над ним, после чего выделил шрифтом категоричное заключение: “базилика эта не могла быть построена ранее VII в.” [см.: Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 80–81; Завадская 1997, с. 305; ср.: Романчук 1986, с. 160–161; Лосицький 1991, с. 83–84, 86]. Несмотря на сказанное, до настоящего времени не прекращаются упорные попытки сдвинуть датировку базилики ко второй половине V в. (А.Л. Якобсон, Е.Ю. Кленина) и даже к IV в. (С.А. Беляев). При этом порой используются весьма странные аргументы, входящие в явное противоречие с общепризнанными критериями источниковедческой критики. К примеру, заявляется, что самая поздняя монета могла попасть “в уже засыпанный колодец”, поскольку он был “перекрыт стеной лишь на 1/3” и поэтому во внимание надо принимать исключительно монету Льва I из той же засыпи, которая указывает на “первый строительный период” [Ранневизантийские сакральные постройки...2004, с. 74]. Протоиерей Александр Пелин, ректор Саранского духовного училища, защитивший в Московской духовной академии диссертацию на соискание степени кандидата богословия, пишет, что поскольку в IV в. с епископом Капитоном в Херсонес прибыл отряд из 500 воинов — христиан, новую базилику надо было строить достаточно вместительной, а Уваровская базилика — наибольший храм города. Он сравнивает его с Латеранской базиликой в Риме, отмечая их “удивительное аналогичное сходство”, хотя подобное сходство обнаруживается и с множеством более поздних базилик. Следует также заметить, что поиск аналогий в данном случае вообще занятие не столь перспективное, каким может показаться. Еще более *априорен* другой

второй четверти — середине VII в., когда программа большого строительства шла к завершению и лучшие с инженерно-архитектурной точки зрения места уже оказались исчерпаны [см.: Сорочан 2004, с. 266–272].

аргумент: коль император Константин I “высочайше санкционировал построение больших базилик в важнейших провинциальных городах империи, в это число попал и Херсонес”. Забывается главное: жития св. епископов Херсонских сообщают о построении храма во имя апостола Петра, но доказательств, даже косвенных, того, что этот храм стоял на месте, где позже возникла Уваровская базилика, нет, как нет и оснований связывать ее с местом, которое херсониты по традиции называли Парфеноном и относили к восточной части города — *ta Theona* [ср.: Якобсон 1973, с. 25; Пелин 2001, с. 98–101]. Поэтому поспешно заявлять, что “...с таким отождествлением согласны все исследователи и разномыслия в этом вопросе нет” [Беляев 2002, с. 34; ср.: Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 576–579, 598–599]. К научным курьезам следует отнести и попытки датировки храма, построенные исключительно на “методе литургического анализа”. Никто не спорит, что в различные периоды литургические и общественные потребности были различны и по-разному пространственно организованы, но почему эти особенности могут служить для определения абсолютного, точного времени строительства именно Уваровской базилики, понять невозможно [ср.: Гайдуков 2001, с. 7–11]. Едва ли такую узкую датировку в отношении рождения этого памятника можно подтвердить с помощью литургических доводов.

Сказанное не означает, что теоретически постройке большой базилики № 23 не мог предшествовать несколько более ранний христианский храм. Именно ему могла принадлежать пятигранная апсида, остатки которой, если верить Д.В. Айналову, прослеживались под более поздней, полукруглой апсидой⁵. Во всяком случае, простираение ее оси равно около 77°, что на 37° отличается от ориентировки базилики и плана городской застройки⁶. Этому или другому разобранному раннему храму могла принадлежать небрежно вырезанная на плите известняка (0,37×0,35×0,22 м) однострочная ктиторская надпись V—VI вв., оказавшаяся заложенной в стену базилики, справа от входа. Ясно читаемая фраза *euches charin* указывает на то, что надпись содержала традиционную формулу “В моление за такого-то” [Косцюшко-Валюжинич 1901, с. 54; Соломоник 1964, с. 177–178, № 106]. Аналогичная по смыслу мозаичная греческая надпись из черных кубиков (*yper euches Malchou kai panton t(o)n diapheronton autou* — “В моление за Малха и всех родственников его”) была оформлена в продолго-

⁵ Против этого категорически возражал О.И. Домбровский, ссылаясь как на отсутствие полевой документации, так и на результаты “самой тщательной зачистки этой части здания” в 1953 г. [Домбровский 2004, с. 26].

⁶ Впрочем, надо отметить, что от этого азимута улиц (около 40°) отличается и азимут баптистерия рядом с базиликой (61°), и азимут соседнего базиликального храма “А” [см.: Фирсов 1973, л.26, 27–28]. Следовательно, причина таких расхождений могла крыться в изначальном стремлении икодомов ориентировать постройку всего сакрального комплекса как можно более строго на восток.

ватой рамке (17,5×69 см) в мозаичном полу базилики, но она, как и сам пол, едва ли может быть раньше начала VII в.⁷ Традиция делать мозаичные надписи, судя по находке в 1889 г. у входа в базилику № 15, бытовала у херсонитов в близкое время [Раскопки... 1892, с. 14]. К слову, упомянутый Малх, судя по имени, выходец из сирийских кругов, мог быть не только ктитором, но и основателем самого кафоликона, после смерти удостоенный упокоения в нем. В большинстве случаев такие надписи являются посвященными и связаны именно с ктиторами и основателями церквей, но иногда их использовали и в качестве эпитафий [Якобсон 1959, с. 236–237; Хрушкова 2002, с. 81, 83].

О.И. Домбровский представлял строительство церковного архитектурного комплекса на северном берегу в следующей последовательности: сначала в V — VI вв. была возведена малая базилика с триконхальной апсидой (храм “А”), потом, в VII в. рядом с ней, западнее, была построена большая базилика (№ 23), а затем и аула с галереями. Южная галерееобразная пристройка прямоугольной формы (примерно 30×5 м) появилась якобы не ранее конца IX — X в., если исходить из находок монет Василия I, когда был одновременно перестроен южный неф [Домбровский 1986, с. 541; Домбровский 2004, с. 25]. Однако в этой схеме не принято во внимание наличие явно ранней, постюстиниановского облика кладки *opus mixtum* в стене южной галереи, которая могла подвергнуться позднейшей перестройке вместе с базиликой. На это указывает находка во время раскопок графа А.С. Уварова заклада из 19 предполагаемых монет Романа I (920–944), если не монет с “ро”, в обширной яме (1,52×0,94×1,42 м) недалеко от престола храма [Уваров 1855, с. 163, 165; Уваров 1910, с. 114 (“19 принадлежат к царствованию Романа I, 2 не ясны и 1 восточная”)]⁸. Тогда же в центральной апсиде появился синтрон с епископской кафедрой, сложенный на глине и, вероятно, были произведены перестройки во дворе аулы, тоже датируемые находками монет Василия I и Романа I [Уваров 1855, с. 162, 166; Отчет за 1901 год, л. 16–17; Ранневизантийские сакральные постройки... 2004, с. 74].

Кладка *opus mixtum* галерееобразного сооружения, по данным О.И. Домбровского, некогда крытого сводами на массивных столбах,

⁷ Похожая по характеру мозаичная надпись (“В моление за Орела и весь его дом”) имеется на полу Питиунтской базилики, где она расположена прямо перед входом в алтарную апсиду [Хрушкова 2002, с. 79–81]. Дополнительные исследования мозаичных полов, открытых в южном нефе Уваровской базилики, показали, что мозаика, обнаруженная здесь К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1901 г., может быть отнесена не к VI в., а несколько позже и, видимо, была перекрыта еще более поздней мозаикой [Домбровский 1988. — С. 41–42; Домбровский 2004, с. 22–23, рис. 2–4, прим. 23].

⁸ Обширные размеры, неправильная форма ямы, сдвигнутость к югу от хорды алтарной апсиды не позволяют с уверенностью отнести ее к числу “отверстий для вложения мощей”, к тому же крестовидной формы [ср.: Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 75; Гайдуков 2004, с. 54].

состояла из четырех рядов плинфы размерами 0,24×0,17×0,03 м с мощным слоем раствора с цемянкой между кирпичами, толщина которого достигала 0,07 м и более чем в два раза превосходила толщину кирпича, что тоже может служить указанием на ее постройку в постюстиниановское время, но не позже [см.: Якобсон 1959, с. 155–156, прим. 1; ср.: Домбровский 2004, с. 17]. На одновременность возведения этой “галерей” и большой базилики указывает устройство водосборных колодцев, вырубленных в скале рядом с ее дверями, ведущими на внешнюю площадь и в южный неф. К внутреннему колодцу шел вырубленный в скале вдоль всей стены узкий и мелкий канал, не нужный в том случае, если бы колодец находился не в помещении [см.: Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 83–84, рис. 33]. Кроме того, расположение баптистерия (№ 24) и малого базиликального храма “А”, несомненно, уже существовавших в VII в., показывает, что их строители учли при общей планировке участка соседство стен южной “галерей”, в помещениях которой могли быть размещены резиденция и жилые комнаты епископа или место для обучения основам веры, а может быть школа грамматиков и риторов или педэфтерий с магистром и его помощником-проксимом, какие существовали в некоторых византийских городах при церквях [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 597–598; Каплан 2002, с. 96–97]. Впрочем, с еще большим основанием в сооружении, протянувшемся вдоль южной стороны Уваровской базилики, можно подозревать изредка встречающееся при епископских комплексах странноприимное заведение — ксенодохион или птохион, птохотрофион — “нищепитательницу”, то есть приют для убогих, странников [см.: Kazdan 1991, p. 1756; Kazdan, Talbot 1991, p. 2208 (там же литература вопроса)]. К примеру, в Нове такой комплекс построек тоже размещался южнее кафедральной базилики, выстроенной в VI в. [ср.: Бернацки 2002, с. 69, 78, рис. 1; Бернацки, Кленина 2002, с. 101, рис. 3]. Он имел мощные плинфой полы, кухонную печь, мусорную яму, а среди находок преобладали фрагменты гончарной посуды и закопченные каменные мортарии. К сожалению, раскопки лейтенанта Шемякина, даже после того как они велись под надзором графа Уварова в 1853 г., не зафиксировали подобных остатков херсонского памятника, да и не стремились к этому, а уникальные результаты проведенных работ, особенно обнаруженные массовые материалы, оказались описаны более чем лапидарно, вне археологического контекста, стратиграфии и поэтому погибли для науки [см.: Уваров 1855, с. 159]. Последующие исследования Одесского общества истории и древностей в 1877–1878 гг. отличались той же небрежностью и только еще больше навредили памятнику. К 1901 г., когда были возобновлены исследования, К.К. Косцюшко-Валюжинич уже мог иметь дело только с остатками того, что не успели испортить его предшественники. Но и то, что удалось обнаружить на этом участке — находки вполне бытового характера (обилие хранилищ для воды, в том числе бассейн для сбора дождевой и снеговой воды, пристроенный к крещальне, два колодца, причем один из них внутри “галерей”, вырубы для установки больших круглодонных

сосудов, высеченные в камне ложа для стоков, костяные пластинки от ларца с изображением кабана и орла, свинцовые разновесы, грузила в виде колец, упомянутое суммарно множество византийских монет, обломки стеклянной посуды, мраморных мортариев, поливной посуды, небольшая рыбозасолочная цистерна неподалеку) подтверждают сделанное предположение и, вместе с тем, входят в противоречие с мнением заведующего раскопками, видевшего в “коридоре” переключений, придел, предназначенный для погребения умерших [Раскопки... 1903, с. 37–40, рис. 77, 78].

Впрочем, херсонесское галерееобразное камарное сооружение, разделенное на несколько комнат, заканчивалось обособленным восточным двухкамерным помещением с апсидой, которое было не “часовней”, как обычно указывают исследователи, а действительно могло играть роль кимитирия — многоярусной усыпальницы (koimeterion) или мартирия (martyrion). Недаром его полы были вымощены мозаикой, к сожалению, не сохранившейся к настоящему времени, а с западной стороны находился подземный, вырубленный в скале склеп с лестницей из семи ступеней [Увров 1855, с. 159 (план), 167–168; Раскопки... 1893, с. 37–38, рис. 71].

Общая длина мартирия достигала 11 м, ширина — 6 м. При этом длина помещения с апсидой равнялась 5 м, а смежного с ним помещения — 3,95 м. Оба они сообщались через проход шириной 1,4 м. В склеп из первого помещения вел открытый сверху ступенчатый дромос длиной 1,3 м, шириной 0,9 м, глубиной до 1,1 м, который заканчивался сводчатым входом (1,55×0,6 м), вероятно, с дверью, открывавшейся внутрь погребальной камеры. Последняя имела почти квадратную форму (3,4×3,2 м), высоту 1,8 м, с плоским, хорошо обработанным потолком и с закругленными углами⁹. В целом, склеп был достаточно типичным для раннесредневековых “катакомбных” памятников Херсона, если не считать отсутствия ниш-лежанок в боковых стенах, которые, будучи выполненными в более мягких пластах скалы, нежели потолок, подверглись значительной эрозии и, если были, то обвалились¹⁰. Стену над входом в усыпальницу срубили ровно и устроили в ней две небольшие, глубокие ниши для светильников или свечников. В помещении над склепом имелось круглое отверстие диаметром 0,45 м, прикрывавшееся, по словам К.К. Косцюшко-Валюжинича, квадратной плитой 0,7×0,7 м [Отчет за 1901 год, л. 22]. Такие отверстия служили для от-

⁹ К.К. Косцюшко-Валюжинич указал несколько отличные размеры камеры: 3,55 м ширины, 2,85 м глубины и 1,78 м высоты, что, вероятно, объяснимо существенными неровностями известняковых стен, подвергшихся эрозии [Отчет за 1901 год, л. 22]. Приведенные выше размеры мартирия и склепа получены во время натуральных работ автора в феврале 2003 г.

¹⁰ Склеп совершенно аналогичного размера и устройства, но более грубой работы и без ступеней в дромосе, обнаружен в ходе раскопок некрополя около берега Карантинной бухты. Судя по материалам, он тоже относился к ранневизантийскому периоду [см.: Извлечение... 1904, с. 8, № 1283].

правления поминальных трапез — агап (“трапез любви”), когда через них совершали возлияния прямо в склеп.

Не исключено, что мемориальная мозаичная надпись — эпитафия конца VI — VII вв., поминавшая сирийца Малха и его родню, очевидно, одного из видных ктиторов храма св. Апостолов, имела отношение к этой усыпальнице и тем, кто был в ней похоронен [Якобсон 1959, с. 237; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 597, 599]¹¹. Среди них могли быть и епископы Херсона, более других достойные редкой чести упокоиться при соборной церкви их кафедры.

Дверной проем шириной 0,9 м со стороны южного нефа базилики облегчал доступ верующим к гробнице, расположенной, таким образом, недалеко от алтаря, внутри особо выделенной постройки, которая, учитывая ее отчетливо выраженный гробничный характер, не могла служить скевофилакием, как и соседняя, связанная с ней проходом в смежной стене, небольшая, поздняя церквушка (“капелла”) с престолом, устроенная между алтарной апсидой базилики и восточной оконечностью южной галереи [ср.: Кленина 2003, с. 23]¹². Вместе со склепом-кимитирием и небольшим помещением для агап, где на крупные церковные праздники, к примеру, на Троицу, устраивали “трапезы любви”, гробничная постройка в торце этой галереи была, очевидно, памятным местом и совмещала мемориальные функции с церковными, поминальными и, возможно, с каждодневно отправляемой литургией евхаристии, для чего служила восточная апсида¹³. В свою очередь это двухкамерное помещение было включено в более обширное культовое сооружение — базиликальный комплекс.

Другое, пристроенное к противоположной, северной стороне большой базилики квадратное в плане, обособленное сооружение, разделенное на два небольших неравных помещения, принято вслед за А.Л. Якобсоном считать остатками “мавзолея” или переключесия. На плане, прилагаемом к отчету о раскопках за 1904 г., на месте одного из помещений обозначены две могилы, находившиеся под мозаичным полом из крупных кубиков, от которого уцелели лишь мелкие фрагменты со следами характерного для херсонесских храмов второй

¹¹ Это тем более вероятно, учитывая, что напольная мозаика Уваровской базилики после ее доставки в Эрмитаж оказалась частично перекомпонованной и точное место нахождения мозаичной надписи-эпитафии неизвестно: она вполне могла находиться где-то поблизости от мартырии со склепом.

¹² [Домбровский 2004, с. 24–25]. Под кирпичным полом “капеллы” была вырубная могила, находились остатки костяка, в том числе куски женского черепа; судя по находкам в верхнем слое белоглиняной керамики с пятнистой зеленой поливкой и монеты Романа I, переделка церкви с южной стороны алтарной апсиды базилики последовала не ранее середины X в., когда ее вымостили новым полом из плинфы, устроили престол на четырех ножках и заложили прежний вход, связывавший с мартырием в южной галерее.

¹³ В таких постройках можно видеть проявление общего процесса “монументализации” мест погребального или поминального культа [Хрушкова 2002, с. 74].

половины VI — первой половины VII вв. бордюра в виде волнообразно вьющегося стебля с ответвляющимися листочками плюща [см.: Косцюшко-Валюжинич 1906, табл. III; Якобсон 1959, с. 237]. Пристройка сообщалась напрямую с нартексом, а позднее, очевидно, после перестройки базилики и сокращения ее до размеров главного нефа, дверной проем оказался заложен бутовым камнем на извести [Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 82]. По мнению И.А. Завадской, основанному на некоторых аналогиях, здесь мог быть мавзолей [Завадская 2000 а, с. 71 (полюбуя с А.Л. Якобсоном, автор путает данную пристройку с поздней капеллой в южном нефе базилики № 23)]. Однако параллели с епископским комплексом в Нове наводят на мысль о возможности видеть в этом сооружении еще и *skeuophylakion* — обязательно существовавшее при значительных храмах хранилище церковных сосудов, облачений, утвари, продуктов, приносимых верными для литургических действий и в дар епископу и его ближайшему окружению [ср.: Бернацки 2002, с. 69, 78, рис. 1; Бернацки, Кленина 2002, с. 100–101, рис. 3]. Дело в том, что до VIII в. в таинстве евхаристии употреблялся хлеб и вино только из приношений верующих, так как, согласно традиции, каждый верный, по крайней мере, из тех, кто желал причаститься, приходя в храм на обедню, должен был принести что-нибудь в церковь (вино, продукты, серебро, свечи) [Нравы... 1829, с. 278]. Приношение от себя делал и епископ. С такой организацией подготовки к св. евхаристии связано и то, что первоначально жертвенный стол, предназначенный для приношений прихожан, устанавливали не в алтаре, а перед ним с левой стороны, а иногда в нартексе [О христианских храмах 1847, с. 161–162]. Пресвитер и протодиакон сидели здесь и записывали имена тех, кто приносил дары, а также имена тех, за кого эти дары были принесены. Здесь же совершали проскомидию и отправляли заупокойные службы [Schneider 1949, s. 52; Taft 1975, p. 9]. Поскольку, согласно ранневизантийской церемонии входа, люди не входили в церковь заранее, а ожидали, когда церковь “откроется литургически”, такая надворная постройка, где народ мог предложить свои дары, была необходима и вполне уместна рядом с аулой и нартексом [Тафт 2000, с. 40]. Из скевофилакки во время отправления литургии большого входа, введенного с середины — третьей четверти VI в., диаконы переносили в алтарную часть святилища (*bema*) предосвященные дары, необходимые для евхаристии [Шульц 2002, с. 95]. Нередко здесь же держали церковные документы, реликвии, архив епископа. Только в Херсоне сосудохранилище было устроено не с южной стороны базилики, как обычно было принято делать в ранневизантийских комплексах Восточного Средиземноморья, а с севера, и не около апсиды, а недалеко от входа в храм, что, впрочем, тоже не было исключением. Показательно, что в Великой церкви место, куда верные приносили дары и где совершалась проскомидия, было отделено от основного помещения и даже имело отдельный вход [Taft 1975, p. 178–191]. После иконоборства скевофилакки исчезли как особые здания снаружи храма, поскольку

дары стали готовить в проскомидийнике, возле которого священнодействовали пресвитер и диакон, находившиеся в приделе или боковой апсиде, чаще всего в северо-восточной части здания [Шульц 2002, с. 135; Тафт 2000, с. 79]. Наличие в херсонском сооружении скрытых под полом двух вырубных могил не мешает выводу о возможности существования здесь же сосудохранилища, поскольку захоронения устраивали не только в мавзолеях чистого вида, но и совмещали их иногда с баптистериями, диаконниками. Значит, квадратная пристройка к Уваровской базилике тоже могла иметь смешанный характер.

Сравнительно небольшой трехнефный базиликальный храм “А” с северной стороны продольной улицы и к востоку от баптистерия (№ 24), судя по его триконхальной апсиде, возможно, имел характер поминальной церкви или молитвенного дома — мавзолея, не исключено, связанного с именем св. муч. Прокопия, священник которого, Соломон, как известно из Слова на перенесение мощей преславного Климента, участвовал в 861 г. в благочестивой экспедиции, отправившейся к пристани от соседних терм (“от теплых идоша”) [Лавров 1911, с. 128, гл.3]. Эту базиликальную постройку в 7,2 м от юго-восточной оконечности Уваровской базилики и в 9,26 м от октогонального баптистерия (№ 24) большинство исследователей считает одной из самых ранних, едва ли не IV — V вв.: выделяются ее укороченные, близящиеся в целом к квадрату пропорции (14,8×13,2 м), разделенные колоннами на три нефа, и крупная “трехлепестковая” алтарная апсида, такая же как у базилики Крузе (№ 7) [Отчет за 1904 год, л. 19–21; Косцюшко-Валюжинич 1906, с. 48–50, табл. III; Якобсон 1959, с. 194–195, рис. 98; Сазанов 1999, с. 32 (автор относит время этой “самой ранней постройки” к концу IV — V вв. и неверно представляет ее “на месте нынешней Уваровской базилики”)]¹⁴. Уже первые раскопщики

¹⁴ Храм “А” был спешно исследован в 1904 г., поскольку оказался случайно обнаружен при постройке Военным ведомством четырехорудийной батареи с восточной стороны Уваровской базилики. В дальнейшем он будет засыпан во время строительства батареи. С южной стороны к храму подходила I продольная улица. От сооружения уцелели только остатки фундамента от разобранных стен, мраморный пол в среднем нефе (1094 обломка полированных половых плит) и мозаичный пол в алтаре “из кругов и узких плиток белого и желтоватого с пятнами мрамора”, по-видимому, подобный по рисунку алтарному полу Западной базилики. Поверх мраморного пола и в боковых нефях были устроены гробницы, наполненные костями. Именно К.К. Косцюшко-Валюжинич первым заметил, что новооткрытый храм был “совершенно одинаковой архитектуры с юго-восточным”, то есть базиликой Крузе [Отчет за 1904 год, л. 18–21], хотя последняя имела гораздо более вытянутые пропорции (24×17,5 м). Следовательно, можно говорить о некотором, да и то не полном совпадении плана этих сооружений (храм “А” квадратный, явно сплюснутый, а базилика Крузе прямоугольная, с нартексом; триконхи несколько различаются конфигурацией и пропорциями), но никак не о копировании метрики [ср.: Юрочкин, Джанов 2002, с. 53–54].

обратили внимание на то, что “значительное отклонение осей храма “А” и баптистерия..., быть может, доказывают их разновременное сооружение” [Отчет за 1904 год, л. 20]. По мнению А.И. Романчук, это произошло перед строительством базилики № 23 [Романчук 2000, с. 226]. Однако триконхиальные церкви возводились не только в IV — V вв., но и в VI — VII вв., и в еще более позднее время, в том числе как монастырский тип [Архитектурное наследство... 1972, с. 86–87; Theodorescu 1976, р. 3–14; Завадская 2001, с. 266–267], поэтому не исключено, что храм “А” и базилика Крузе появились не раньше возведения комплекса Уваровской базилики [Завадская 2000а, с. 75–76; Завадская 2001, с. 266–267]. Это предположение подтверждается тем очевидным обстоятельством, что триконхиальная апсида храма была сооружена над вырубленной в скале огромной рыбозасолочной цистерной № 52 (7,11×5,3×6,4 м), засыпанной, судя по находкам К.К. Косцюшко-Валюжинича, не ранее второй половины — конца VI в.¹⁵ Прочные стены этой цистерны были использованы как основание постройки — прием, к которому охотно прибегали ромейские строители — икодомы [ср.: Ousterhout 1999, р. 160]. Кроме того, вынужденно сжатые, почти квадратные пропорции храма, какие вообще появились в византийском зодчестве не ранее VI в. [см.: Чанева-Дечевска 1999], объяснимы еще и тем, что он занял свободное место, остававшееся рядом с уже возведенными Уваровской базиликой и крещальней. Продвинуть его еще восточнее мешала линия, ограниченная алтарной апсидой храма — кафоликона, а сместить западнее — близость главной апсиды баптистерия. Следовательно, храм “А” строился не в IV — V вв., а почти на два века позже, скорее всего, в самом конце VI — начале VII вв., но уже после Уваровской базилики и крещальни, когда сакральный архитектурный комплекс, возникший на месте кварталов IV — V, принял почти законченный вид.

Но усыпальницы в церкви-мемории появились не сразу. Они были сложены позднее сверху его мраморного пола, а также заняли боковые нефы шириной по 4 м, которые раскопщики нашли наполненными костяками, причем в одной из усыпальниц оказался череп, разрубленный мечом (удар отсек часть черепной коробки) [Отчет за 1904 год, л. 21]. Еще одна усыпальница-кимитирий с массой костяков находилась с внешней стороны, за южной храмовой стенкой [Отчет за 1904 год, л. 20]. Храм “А” был разрушен до основания не ранее конца раннесредневековой эпохи, а скорее, позже, в XI — XII вв. По неясным причинам он не был потом восстановлен, как многие другие церкви города, и при раскопках над его фундаментами обнаружены построенные позднее стены средневековых усадеб и водосточные каналы, проходившие поверху и соединявшиеся с каналом, открытым в 1901 г. над рыбозасолочной цистерной “а” (№ 52), в свою очередь

¹⁵ Рядом слева находилась еще одна огромная цистерна (6,00×4,60×6,40 м), открытая в 1901 г. [Отчет за 1904 год, л. 19; Косцюшко-Валюжинич 1906, с. 49–50; Романчук 2000, с. 99, 226].

засыпанной в середине — конце VI в. при нивелировке участка для строительства архитектурного церковного комплекса на северо-восточном берегу [см.: Отчет за 1904 год, л. 19–20; Романчук 2000, с. 99 (цистерна № 52), 226].

Подробности плана входившей в епископальный комплекс крещальни (№ 24) — роскошного октагона с купольным перекрытием и пятигранной восточной апсидой, такой же, как, возможно, изначальная главная апсида соседней базилики № 23, подтверждают, что она не могла быть древнее последней. Некоторое расхождение в ориентировке обоих сооружений, не бросающееся в глаза ввиду разности масштабов обоих сооружений, не говорит в пользу их одновременности, ибо баптистерии входившие в епископальные комплексы, строили не обязательно в строгом соответствии с направлением алтарной апсиды кафедрального кафоликона. Заслуживает внимания, что серия монет, заложенных в предусмотренный проектом водосливной канал под купелью, тоже завершалась монетой императора Маврикия [Бертье-Делагард 1907, с. 74–80].

О том, что даже в этой, самой большой в Херсоне купели диаметром 2,85 м и глубиной около метра (сохранившаяся глубина — 0,74 м) крестили маленьких детей, свидетельствует наличие трех ступеней в водоем с востока, то есть для схода священника с ребенком на руках, а не с запада, как это было бы для взрослых оглашенных [Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 94; Бертье-Делагард 1907, с. 23 (называет диаметр около 2,35 м); ср.: Завадская 2001а, с. 35; 2002, с. 267 (по мнению исследовательницы, купель предназначалась для крещения только “взрослых неофитов”)]. Купель была облицована мрамором, как и стены постройки, а своды украшала мозаика, 18210 кусочков которой обнаружил К.К. Косцюшко-Валюжинич после исследования отвала, оставшегося от расчистки баптистерия в 1877 г. [Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 93].

Значительное преобладание смальты синего и голубого цвета (71% всего количества найденной) привело к утверждению, подхваченному исследователями, о том, что купол представлял собой изображение “неба с разбросанными по нему золотыми и серебряными звездами” [ср.: Беляев 1990, с. 91]. Однако присутствие, и заметное, других цветов, заставляет в этом усомниться¹⁶. Не исключено, что на

¹⁶ На 12996 кусочков синей и голубой смальты приходится 1820 светло- и темнозеленой, 1286 — красной и темнокоричневой, 1108 — желтой, 144 — с позолотой, 102 — со следами серебрения [Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 93]. По мнению О.И. Домбровского, они могли принадлежать изображению креста в центре купола и звезд вокруг него [Домбровский 2004, с. 27]. Такая картина более вероятна, чем просто “звездная твердь”. К примеру, на мозаике купола св. Софии, по описанию Павла Силенциария, был изображен на синем небесном круге крест в отблеске серебряного сияния [Richter 1897, S.75, № 81]. В IX — X вв. его заменили изображением Христа Пантократора как воспоминание о вознесении и втором пришествии [Schneider 1949 a, S.350]. Разумеется, большой, нарядный многоцветный крест как символ победы и крещения, приобщения к вечной жизни,

железных пиронах, вделанных в стены крещальни от пола до основания купола, крепились не только полированные мраморные облицовочные плиты. Среди них могли быть резные, как, например, обломок плиты, найденный во время раскопок 1904 г., с изображением “неизвестного юного святого”, выполненный в технике выемчатого фона, в какой работали херсонские мастера VI — VII вв. [Отчет за 1904 год, л. 56]. Поэтому нет оснований утверждать об отсутствии в крещальне изображений Христа и святых и только на этом шатком, противоречивом основании относить ее строительство к иконоборскому времени или к периоду “между VII в. и хазарским нашествием в VIII в.” [Домбровский 2004, с. 27]. Впрочем, таким элементам декора, испытавшим благоговейное почитание в VII в., действительно едва ли удалось пережить последующие погромы, сопровождавшие каждый всплеск икономахии, на который чутко отзывались херсонские власти, верные “...кружению всеми волнениями ветра” [см.: Каплан 2002, с. 122–123; Каждан 2002, с. 196–197; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 234].

Крещальня явно строилась не сама по себе, а с самого начала уже находилась в связи с одновременными постройками вокруг нее, с которыми она соединялась дверями: одни из них (западные), через притвор, перекрытый крестовым сводом, вели к большой базилике, другие (южные) — в богатое помещение или портик с мозаичными полами (вторая дверь в апсиде была перекрыта здесь позже построенным наружным водоемом), третьи (северные) — в огороженный двор и к храму “А” [Бертъе-Делагард 1907, с. 85–86; Беляев 1988, с. 28–33; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 591]. В целом, планировка сооружения была увязана с совершением двух основных церковных мистерий — таинств: крещения и конфирмации, которые, согласно древним византийским Евхологиям, совершались последовательно и совместно. С запада, перед главной дверью, находился небольшой, видимо, позднее сооруженный притвор, который можно считать катехумениумом — местом, где “просвещенные” (*photisomenoi*) готовились к крещению, накануне в церкви пройдя процедуру “отрицания от сатаны и сочетания ко Христу” [Завадская 2001а, с. 33; Завадская 2002, с. 256]. В соответствии с ней пресвитер или диакон, а иногда и произведенный епископом “заклинатель”, читал над неофитами заклинательные молитвы, составленные из слов Писания, осенял их крестным знаменем и дул в лицо и уши, изображая дуновение Св. Духа, изгоняя демона и очищая от грехов [Чин оглашения... 1849, с. 464; Арранц 1988, с. 79–80]. Фотисомены обязаны были перед этим снять одежду и обувь и раздетыми слушать заклинания. Читаемые за день до крещения, они завершали период 2-го оглашения, которое

изображенный на синем фоне — цвете воды крещальной купели, был особенно уместен на куполе над этой купелью [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, с. 592].

обычно длилось четыре недели поста¹⁷. Затем на другой день в навечерие Богоявления, в Великую субботу или на Пятидесятницу следовало само крещение в купели, после которой наступала процедура конфирмации, происходившая либо в главной восточной апсиде крещальни, либо, что более вероятно, в консигнатории — южном помещении или портике с полом из крупных кубиков мозаики (*opus tessellatum*), куда вела дверь из крещальной комнаты [Завадская 2001a, с. 34; 2002, с. 255–256; ср.: *Orlandos* 1957, p. 201]¹⁸. Она заключалась в помазании крещеного “святым миром”, которое освящал епископ, после чего следовало пострижение (крестообразно) и одевание в “чехол белый”. У византийцев сразу же по принятии крещения и миропомазания новокрещенный, даже если это был маленький ребенок с восприемником, допускался к евхаристическому причастию. Следовательно, ромейское христианское посвящение представлялось как единый неделимый акт, в отличие от латинского, западного, где конфирмация допускалась только по достижении сознательного возраста [см.: *Арранц* 1988, с. 86–91; *Мейендорф* 2001, с. 335–339].

Перед входом в северную апсиду, с наружной стороны пристройки, возведенной несколько позже баптистерия, во дворе находилась кубическая тумба из бута на цемянке с небольшой пятигранной раковиной, еще одним фиалом для омовения, который был выложен внутри мраморными плитками [*Косцюшко-Валюжинич* 1902, с. 92; *Айналов* 1905, с. 21]. Называть этот двор со следами двух вырубных могил, обнесенный оградой неправильных очертаний, “пристройкой”, где готовились к крещению и раздевались, нет оснований [Завадская 2001a, с. 33; 2002, с. 256]. Для этих целей более подходил притвор перед крещальней и именно данное насущное обстоятельство вынудило пойти на пристройку такой своеобразной прихожей уже после сооружения здания крещальни. Иногда дворы при баптистериях имели поминальное назначение, не исключенное и в нашем случае [*Хрушкова* 2002, с. 310–311]. Наличие в ауле кафоликона шестигранного бассейна с полукруглыми ступенями — фиала диаметром около 3 м и глубиной 0,5 м, накрытого монументальным каменным киворием с арками на четырех массивных столбах, указывает также на возможность проводить здесь малое или большое водоосвятие. Двор при баптистерии тоже мог играть такую роль, но в дни крещений он был особенно удобен в качестве своеобразного “накопителя” для прошедших обряд и готовящихся под предводительством священника идти в церковь на литургию и причаствие. Поэтому небольшой фиал здесь был особенно уместен.

¹⁷ Во всяком случае, так было для константинопольских детей [*Арранц* 1988, с. 80–81].

¹⁸ Уходить для этого в южную галерею базилики № 23 в раздетом виде было бы крайне неудобно, да и организация такого шествия разрывала единый по своей сути обряд [ср.: *Ранневизантийские сакральные постройки...* 2004].

По периметру крещальни на высоте 1,7 м шел пояс кладки *opus mixtum* постюстиниановского облика (4–5 рядов плитки размерами 0,28–0,29×0,28–0,29×0,03 м с толщиной раствора между ними в 0,06–0,07 м), а в правой части пятигранной главной апсиды был уложен блок из известняка (0,48×0,23 см) с вырезанным в нем греческим крестом того вида, который было принято изображать в VI — VII вв. [Айналов 1905, с. 18, прим.1; Скубетов 1910, с. 46, рис. 2]. Такие закладные камни, периодически встречающиеся в строительных остатках раннесредневекового времени, имели символическое значение и служили для обозначения особого покровительства Господа, распространяемого на постройку.

Расположение обособленно стоящего купольного сооружения, но вблизи от аулы и входа в самую просторную, с богатым мозаичным и мраморным декором базилику города, еще раз подтверждает функции большого храма как кафедральной церкви — кафоликона: баптистерии нередко планировали в комплексе с кафедральным храмом и резиденцией епископа [см.: Khachatrian 1962; Khachatrian 1982; De Palol 1989, p. 559–606]. Это объясняет уникальное для византийского Херсона возведение данного баптистерия в виде отдельной постройки, в отличие от прочих крещален, включенных в состав храмовых зданий. Вполне резонно предположить, что именно здесь, перед входом в главный храм города, по аналогии с константинопольской Великой церковью, была выставлена та самая квадрига “коней медяных”, которые позднее увез из Херсона князь Владимир, в свою очередь повелевший установить их в Киеве за первым храмом — “Святою Богородицею”, то есть Десятинной церковью [Мансветов 1872, с. 35]¹⁹.

Следует подчеркнуть, что обширный комплекс на северо-восточном берегу, включавший большую базилику с двором — атриумом и

¹⁹ Автор летописной Корсунской легенды сообщал в конце XI в., что покидая Херсон, князь Владимир взял с собой “мъдянь двъ капищи и 4 кони мъдяны”. По Никоновской летописи, он привез в Киев “4 кони и два болвана”, а летописец Переяславля Суздальского выразился еще яснее: “...взя же и 2 капища мъдяны, яко жены образом” [см.: Голубовский 1916, с. 64]. Вполне очевидно, речь шла о бронзовых женских статуях, вероятно, еще античной работы, которые украшали с незапамятных времен херсонесскую агору или стояли около храмов. Изображения четверки коней недвусмысленно указывает на античную квадригу, тогда как парные женские изображения заставляют вспомнить сообщения херсонесских патриграфов о Гикии, о двух медных статуях легендарной спасительницы города, которые с I в. до н.э. многие столетия стояли на агоре (*te plateia tes poleos*) [Константин Багрянородный 1989, гл. 53. 452–469, с. 270–271] и могли со временем стать украшением базилики № 28, крестовидного храма № 27 или крестовокупольного храма № 29. Подобное сочетание христианской архитектуры с языческим по сути декором, полумагическими — полуфилософскими “символами”, доставшимися в наследство ромеям, было скорее правилом, чем исключением для площадей и рыночных мест византийских городов [подр. см.: Сорочан 2001, с. 83–86].

большим фиалом, вероятно, скевофилакий и “странноприимницу” — длинную закрытую галерею, шедшую вдоль всей стены южного нефа базилики, мартирий со склепом-кимитирием, крещальню, двор при ней с еще одним фиалом и малую базилику с триконхальной апсидой (храм “А”), возводился не на месте античных святилищ, а на месте более поздних снесенных усадеб и промысловых комплексов двух жилых кварталов. Этот участок уже в силу своего выгодного местоположения, действительно, не мог оставаться долгое время незастроенным, но в отличие от теменоса на Восточной площади и верхней, большой агоры, не имел культового значения в античную эпоху [ср.: Завадская 2003, с. 413]. Следовательно, он не мог иметь ничего общего с унаследованным от времен язычества Парфеноном (του Parthenonos onomasmēnou topou), упоминаемым в житиях св. епископов херсонских как место, на котором стараниями епископа Капитона в IV в. были воздвигнута крещальная купель, а после нее, рядом, смежно храм апостола Петра [Латышев 1906, с. 16, 51–55, 62, § 17; Страдание... 1907, с. 112; Житие... 1913, с. 78–79, 88; Synaxarium... 1902, col. 336–338; Halkin 1984, p. 253–261].

Это обстоятельство, — отсутствие следов существования языческого храма-предшественника, то есть Парфенона, — неоднократно подчеркивал в своем отчете о доисследовании базилики К.К. Косцюшко-Валюжинич: “при расследовании ее до скалы не обнаружено ни малейших признаков большого здания древнейшей эпохи, а колодцы и иные хозяйственные приспособления прямо указывают на бывшие здесь обыкновенные жилые постройки” [Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 68, 81]. Уже по этой причине место, на котором была возведена Уваровская базилика (basilika maior, “кафолика церковь”), никоим образом не могло увязываться в представлении херсонян с древним названием Парфенон и, значит, служить строительной площадкой для первого, самого раннего баптистерия и построенного к нему вприпрыжку легендарного храма св. Петра (te kai naon...eponomati tou protou kai koryphaiou ton apostolon Petrou). Отдельные единичные ордерные детали разных размеров и эпиграфические памятники по крайней мере от трех различных и разновременных языческих храмов (от III в. до н.э. до второй половины II — начала III вв. н.э.), сохранившие указание на наличие в античном городе храмов Партенос, Артемиды и Афродиты, попали на стройку новой большой базилики в виде обыкновенного материала вторичного использования и могли быть принесены со стороны, как с ближней главной агоры, так и с бывшего теменоса на Восточной площади²⁰. Ведь известно, что в нартексе

²⁰ У северной двери базилики в кладку стены был вделан ионийский архитрав с трехстрочной надписью второй половины II — начала III вв. н.э. о тратах 3000 денариев из казны агоронимии на ремонт храма Афродиты; на четырех фрагментах мраморных колонн того же времени стояли имена херсонеситов — частных жертвователей и суммы пожертвований от 300 до 500 денариев; в засыпи, покрывавшей пространство главного нефа, оказался

храма близь двери, ведшей из притвора в храм, было вмонтировано в южную стену, вероятно, приношение какого-нибудь семейства херсонитов — мраморное надгробие с рельефной сценой загробной трапезы, которое украсили изображением крестов и снабдили греческой надписью *Kyree boethi ton oikon touton amen* (“Господи, помоги всему этому Дому. Аминь”) [Мансветов 1872, с. 89–91, № 83; Айналлов 1905, с. 5–6, рис. 10]²¹. Но, разумеется, это не значит, что до базилики на этом месте существовало кладбище первых веков н.э. Нет также оснований видеть более ранний храм в строительных остатках на месте баптистерия около Уваровской базилики, с чем согласны даже те исследователи, которые отождествляют последнюю с церковью, построенной по повелению епископа Капитона [Беляев 2001, с. 5–28; Беляев 2002, с. 35].

Показательны также свидетельства Итальянской легенды (*Vita cum Translatione S. Clementis*) и Слова на перенесение мощей преславного Климента, где описывались события 30–31 января (по византийскому стилю) 861 г., в частности, стациональное шествие в главный епископальный храм города — кафоликон, в латинском варианте названный “большой базиликой” (*ad majorem basilicam*) [Лавров 1911, с. 130, гл. 12; р. 144, § 5.; Слово... 1990, с. 315; Пелин 2001, с. 154–157 (тест источников и пер. на русский А. Пеньковича)]. Именно сюда процессия и сопровождавшая ее толпа (“все и вся”, *universa civitatis multitudo*), “богатые и бедные, благородные и простонародные”, все вместе, забывши напасти, пришли в пятницу, рано утром (“заутрьствомъ радованнымъ образомъ шествiа”, *inde cum mane factum esset*), с восхвалениями обойдя кругом весь город (“весь градъ обшедше”, *in circuite lustraverunt urbem*), — то есть пройдя от “дома святого Леонтия” (*demum vero ad ecclesiam S. Leontii*), скорее всего, Западной базилики № 13, вдоль оборонительных куртин 5–8 к тетраконхиальному мартирию (№ 47) около Святых ворот, а оттуда к сакральному комплексу храмов малой агоры (№ 19 и храм 1958 г.) и далее по Главной продольной улице мимо храмов на агоре (№ 27–29) и Парфеноне, который наиболее удачно соотносится с Восточной площадью, бывшим языческим теменосом города, вышли от базилики № 36 к епископальному комплексу на северо-восточном берегу [см.: Крестный путь... 2001, с. 12–14; Сорочан, Зубарь, Марченко 2003, с. 116–131, 172–181, 197–198].

угол мраморного фриза от алтаря III в. до н.э. с надписью, упоминавшей Пасиада, сына Артемидора, царя — жреца Девы, а другой такой же фрагмент, но без надписи, был найден во время самых ранних раскопок лейтенантом Шемякиным — первооткрывателем базилики [см.: IosPE, I², № 440–446; Мансветов 1872, с. 91–93, № 84; Бертъе-Делагард 1893, с. 18–19, 52–53; Косцюшко-Валожинич 1902, с. 81; Айналлов 1905, с. 6–7; Античная скульптура... 1976, с. 167, № 533, ил. 211; Пичикян 1984, с. 198–206, 227, 249, 250].

²¹ В.В. Латышев неверно датировал надпись не ранее X в., исходя из находок монет Романа I в закладе под алтарем храма [Латышев 1896, с. 23–26, № 12].

“Дом св. Леонтия” (№ 13)

Мартирий св. Капитона (№ 47)

Храм св. муч. Сергия и Вакха (№ 19)

Храм св. Василия (№ 27)

Храм апостола Петра (№ 36)

Храм св. Апостолов (№ 23)

Диаграмма стаций во время перенесения св. мощей Климента Римского.

В данном случае мы имеем классический пример описания стациональной литургии — богослужебных последований (аколуфий), которые совершались с остановками в определенных местах города, а сами переходы от стации до следующей стации — в виде богослужебной процессии с пением антифонов. Раку (*sanctarum reliquiarum loculo*) под пение причта и хора (*cum magnis laudibus*) внесли в центральные, обширные “первые двери” базилики, открывавшиеся лишь в дни церковных праздников, после чего была отслужена утренняя, совершено освящение воды св. мощами (малое водоосвятие) перед божественной литургией, завершившейся “соединением всех” — евхаристией, которая всегда совершалась в дни поминания святых (“туже святому преношенію бывшу и святыми мощми воду свящще и тою просвъщеніе пріймъ равно”). В связи с этим стоит обратить внимание, что в литийной стихире, певшейся причтом с архиепископом Георгием во время вноса раки в двери “кафоликий церкви” (“славный причеть с Архіереомъ, яко единъми усты благодушно, се абіе пѣти начать”), имя св. Климента, вероятно, не случайно прозвучало вместе с именами Петра и Павла. Очевидно, это было сделано не только потому, что св. Климент сподобился с ними “слово пріати”, то есть принять учение, но и потому, что его “заставляющие забыть о всяческих напастях”, “спасительные” для Херсона св. мощи помещали именно в храм этих двух первоверховных апостолов, кафедральную церковь архиепископии, где они будут оставаться свыше столетия, до тех пор, пока их большую часть заберет в Киев князь Владимир, возвращаясь из Корсунского похода. В Проложной старославянской редакции рассказа об обретеннии мощей св. Климента прямо говорится о том, что мощи “...поклали в корабль и привезли до города и поклали в домовину и положили в церкви святых апостолов” [Франко 1904, с. 184, 192]. В житии Константина-Кирилла она тоже названа “Апостольской церковью”, как это обычно делали в отношении храмов, посвященных св. апостолам Петру и Павлу [Жизнь... 1991, с. 149; ср.: Латышев 1886, с. 64, прим.1 (...ton agion endoxon raneuphe mon kai protokoryphaion Apostolon [Petrou k]ai Pa[ulo]u)].

Вполне очевидно, что Уваровская базилика № 23 не могла бы называться храмом Апостолов (во множественном числе), то есть храмом апостолов Петра и Павла, как следует из вышеназванных источников, если бы была посвящена только одному из них — Петру. Как известно, Петр и Павел были основателями и патронами Антиохийской церкви, а Херсон в ранневизантийское время сохранял особенно устойчивые связи с Сирией, поэтому присутствие сирийцев среди ктиторов и выбор соответствующего названия для главного храма города едва ли было случайным сов-

падением. Не исключено, что именно к его культовой утвари, хранившейся в скевофилакии, относилось обнаруженное в 1904 г. серебряное кадило VI — VII в. с чеканными оплечными изображениями юного Христа и апостолов Петра и Павла в обрамлении лилий (?), листьев и ов, которое несет в своем стиле влияние малоазийской торевтики, но, будучи изделием, вероятно, местного аргирокопа, не имеет пробирных клейм [Искусство... 1977, с. 111, № 152; Залеская 1997, с. 18, рис. 21]. Здесь же во время раскопок около баптистерия и Уваровской базилики была найдена часть большого, массивного, с толщиной стенок 3,5–5 см церковного сосуда из редкого пятнистого (крапчатого) мрамора в виде высокой чаши или вазы с ручками и с крышкой, судя по выемке сверху. Снаружи его украшал тщательно вырезанный рельефный крест с расширяющимися концами (0,16×0,10 м), какие было принято изображать в VI — VII вв. [Отчет за 1904 год, л. 23–24]. Вероятно, такой портативный фиал служил для водоосвящения, которое со второй половины IX в. обычно проводили в нартексе, где стоял сосуд [Photeinakes 1988, s. 8–9]. На Богоявление (Епифанию), 6 января (по византийскому стилю), здесь же и в прочих двух фиалах совершали великое освящение воды. Как и положено кафедральному кафоликону, это был самый богатый и нарядный храм города.

Таким образом, едва ли можно сомневаться в том, что строительство сакрального епископального комплекса велось на месте двух предварительно расчищенных бывших жилых кварталов города в конце VI — начале VII вв. началось с купольного баптистерия и большой базилики, освященной во имя первоверховных Апостолов, и завершилось строительством малой мемориальной базилики с триконхальной апсидой (храмом “А”, возможно, церковью св. муч. Прокопия). Последняя архитектурно уравновесила юго-восточный угол комплекса. Примечательно, что в большой базилике-кафоликоне служили ежедневную обедню и здесь же, в молельне с мартирием поклонялись св. мощам. Этому культу служил склеп с отверстием для агап в его своде. Следовательно, уже в момент возведения архитектурного комплекса строители предусмотрели специальные помещения для отправления крещального и мемориального культов, а, возможно, и для осуществления харитарной деятельности под кураторством самого епископа, который жил здесь. Такой характер главной церковной резиденции с кафедральным кафоликоном на северо-восточном берегу в целом сохранялся до поздневизантийского периода, и поэтому нет оснований говорить о его перемещении в портовый район, на территорию “цитадели” в X столетии.

Литература

- Айналов Д.В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1.
- Античная скульптура Херсонеса. Каталог. К., 1976.
- Арранц М.* Чин оглашения и крещения в Древней Руси // Символ. Париж, 1988. Т. 19.

- Архитектурное наследие Болгарии / С. Стамов, Р. Ангелова, В. Коларова, Н. Чанева-Дечевска. Отв. ред. С. Стамов. София, 1972.
- Барсов Н.И.* Пресвитер // Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 2.
- Беляев С.А.* Крещальня в Корсуне // Наше наследие. 1988. Вып.4.
- Беляев С.А.* “Теперь узнал я истинного Бога” // Наука в СССР. 1990. № 1.
- Беляев С.А.* О храме апостола Петра в Херсонесе // Церковные древности. VIII Рождественские образовательные чтения. М., 2001.
- Беляев С.А.* Исторические предпосылки постройки кафедрального храма Херсонеса во время Константина Великого (Уваровской базилики — храма апостола Петра) // Сутдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев-Судак, 2002.
- Бернацки А.Б.* Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю.* Епископская базилика и резиденция V — VI вв. в Нове (Moesia Secunda) // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Бертье-Делагард А.Л.* Древности юга России. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб., 1893. № 12.
- Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе. // ИАК. 1907. Вып.21.
- Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. М., 1913. Т.3.
- Византийский Херсон. Каталог выставки / Отв. ред. И.С. Чичуров. М., 1991.
- Гайдуков Н.Е.* Уваровская базилика: еще раз к вопросу датировки // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. Севастополь, 2001.
- Гайдуков Н.Е.* Отверстия для вложения мощей в престолах византийских храмов Херсонеса // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Киев-Судак, 2004.
- Голубовский Н.П.* Владимир святой, как личность // ИТУАК. 1916. № 53.
- Гриневич К.Э.* Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера // Х. сб. 1930. Вып.3.
- Домбровский О.И.* Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. К., 1986. Т.3.
- Домбровский О.И.* О некоторых итогах изучения мозаик средневекового Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Тезисы докл. Севастополь, 1988.
- Домбровский О.И.* О хронологии “Базилики Уварова” // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3–4.
- Жизнь и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина, в монашестве Кирилла, учителей словенских // Москва. 1991. № 5.

- Житие св. епископов Херсонских в грузинской минее: Вступ. ст. В.В. Латышева, пер. К. Кекелидзе // ИАК. 1913. Вып.49.
- Завадская И.А.* Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // БИАС. Симферополь, 1997. Вып.1.
- Завадская И.А.* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Вып.7.
- Завадская И.А.* Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам). Дисс. ... канд. ист. наук. Симферополь, 2000а.
- Завадская И.А.* О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. 8.
- Завадская И.А.* Баптистерии ранневизантийского Херсонеса // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001а.
- Завадская И.А.* Баптистерии Херсонеса // МАИЭТ. 2002. Вып.9.
- Завадская И.А.* Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV — VI вв.) // МАИЭТ. 2003. Вып.10.
- Залесская В.Н.* Прикладное искусство Византии IV — XII веков. СПб., 1997.
- Золотарев М.И., Ушаков С.В.* Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989–1990 гг.) // Хсб. 1997. Вып. 8.
- Иеромонах Иоанн.* Обрядник византийского двора. М., 1895.
- Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в в 1902 году // ИАК. 1904. Вып.9.
- Искусство Византии в собраниях СССР. М., 1977.
- История Византии. М., 1967. Т.1.
- Каждан А.П. в сотрудничестве с Шерри Ли Ф., Ангелиди Х.* История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002.
- Каплан М.* Золото Византии. М., 2002
- Кленина Е.Ю.* Хронология христианских памятников на участке Западной базилики // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Севастополь, 2003.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. 1901. Вып.1.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. 1902. Вып.4.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1903 год // Архив НЗХТ. Д. № 12.

- Косцюшко-Валожинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. 1906. Вып.20.
- Крестный путь* святого Климента: Рим — Херсонес. Севастополь, 2001.
- Лавров П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып.2.
- Латышев В.В.* Новая надпись из Партенита // ЗООИД. 1886. Т.14.
- Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб, 1896.
- Латышев В.В.* Жития святых епископов Херсонских. Исследования и тексты // Записки имп. АН. СПб., 1906. Серия VIII по историко-филол. отд. Т. 8. № 3.
- Латышев В.* Житие преп. Феодора Студита в мюнхенской рукописи № 467 // ВВ. 1915 (1914). Т.21. Вып.3–4.
- Лебедев А.П.* Духовенство древней Вселенской Церкви. СПб., 1997.
- Лосицкий Ю.Г.* Про візантійські базиліки Херсонеса // Археологія. 1991. № 2.
- Мансветов И.* Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872.
- Мейендорф И.* Византийское богословие. Исторические направления и вероучение. М., 2001.
- Нравы христиан со времен Константина Великого // ХЧ. 1829. Ч.23.
- Отчет за 1901 год // Архив НЗХТ. Д. № 10.
- Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. Д. № 13.
- О христианских храмах // ХЧ. 1847. Ч.3.
- Пелин А.* Топография христианского Херсонеса IV — XIV века: Дисс. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2001.
- Пичикян И.Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984.
- Полный* православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т.2.
- Поснов М.Э.* История христианской Церкви (до разделения Церквей 1054 г.). Брюссель, 1964.
- Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клениной, С.Г. Рыжова. Розпай, 2004.
- Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1889 год. СПб., 1892.
- Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1891 год. СПб., 1893.
- Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1901 год. СПб., 1903.
- Романчук А.И.* Херсонес XII — XIV вв.: историческая топография. Красноярск, 1986.
- Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.

- Сазанов А.В.* Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дисс. ... докт ист. наук. М., 1999.
- Св. Герман Константинопольский.* Сказание о Церкви и рассмотрение таинств. М., 1995.
- Сидоркин А.И.* Лишение и ограничение свободы как наказания в ранневизантийском праве // *Forum Romanum*. Доклады III международ. конф. "Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права". Ярославль-Москва, 25–30 июня 2003 г. М., 2003. С. 138–139.
- Скубетов М.И.* Закладные камни с крестами, встречающиеся в херсонско-византийском строительстве, общественных и частных зданиях // ИТУАК. 1910. № 44.
- Слово на перенесение мощей Климента Римского: Пер. И. Калиганова // Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX — XVIII веков. М., 1990.
- Соломоник Э.И.* Новые эпитафические памятники Херсонеса. К., 1964.
- Соломоник Э.И.* Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1987. Т. 47.
- Сорочан С.Б.* Византия IV — IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков, 2001.
- Сорочан С.Б.* Об источниках финансирования и причинах "архитектурного бума" в византийском Херсоне конца VI — начала VII вв. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы международ. науч. практ. конф. / Под ред. проф. В.А. Шаповалова. Белгород, 2004. Ч.1.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес — Херсон — Корсунь. К., 2003.
- Страдание святых священномучеников и епископов Херсонских Василия, Капитона и иных с ними: Пер. с греч. В.Латышев // ИАК. 1907. Вып. 23.
- Тафт Р.Ф.* Византийский церковный обряд. СПб., 2000.
- Уваров А.С.* Извлечение из всеподданейшего отчета об археологических находках в 1853 году. СПб., 1855.
- Уваров А.С.* Всеподданейший доклад его величеству за 1853 год // Сборник мелких трудов А.С. Уварова. Т.3. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. М., 1910.
- Фирсов Л.В.* Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического. 1973 г. // Архив НЗХТ. Д. № 868.
- Франко І.* Святий Климент у Корсуні // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1904. Т. 59. Кн. 3.

- Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV — VII века). М., 2002.
- Чанева-Дечевска Н.* Ранно-християнската архитектура в България IV — VI вв. София, 1999
- Чин оглашения в древней христианской церкви // ХЧ. 1849. Ч.1.
- Шульц Г.Й.* Візантійська літургія: Свідчення віри та значення символів. Львів, 2002.
- Юрочкин В.Ю., Джанов А.В.* Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
- Якобсон А.Л.* Крым в средние века. М., 1973.
- Bortoli A., Kazanski M.* Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A.E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies. 39). Washington, D.C., 2002. Vol. 2.
- Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs* / Ed. by G.R. Mack, J.C. Carter. Austin, Texas USA, 2003.
- Dagron G.* “Ainsi rein n’échappera a la reglementation”. Etait, Eglise, corporations, confreries: a propos des inhumations a Constantinople (IVe — Xe siecle) // Hommes et richesses dans l’Empire byzantin. Paris, 1991. T.2: VIIIe — XVe siecle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrison.
- De Palol P.* El baptisterio en el ambito arquitectonico de los conjuntos episcopales urbanos // Actes du XIe congres international d’archeologie chretienne (21–28 septembre). Rome: Ec. franc., 1989. Vol.1.
- Halkin F.* La passion des sept eveques de Cherson (Crimee) // AB. 1984 — T.102.
- Kazdan A.A.* Ptochotropheon // ODB. New York; Oxford, 1991. Vol.2.
- Kazdan A., Karpozilos Ap., Johnson M., Browning R.* Baths // ODB. New York; Oxford, 1991. Vol.1.
- Kazdan A.A., Talbot A. M.* Xenodocheion // ODB. New York; Oxford, 1991. Vol. 3.
- Khachatrian A.* Les baptisteres paleochretiens (Plans, notices et bibliographie). Paris, 1962
- Khachatrian A.* Origine et tipologie des baptisteres paleochretiens. Mulhouse, 1982
- Michailus Monachus.* Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori praepositi Studitarum // PG. 1869. T.99.
- Ohme H.* Das Concillium Quinisextum und seine Bischofsliste (Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692) / Arbeiten zum Kirchengeschichte. Berlin; New York, 1990.
- Orlandos A.S.* Les baptisteres du Dodecanese // Actes du Ve Congres international d’archeologie chretienne (13–19 septembre 1954). Paris, 1957.
- Ousterhout R.* Master Builders of Byzantium. Princeton, N.J., 1999.

- Photeinakes S.* O narthekas ton ekklesion tes mesabyzantines kai palaio-
logeias periodou. Leitourgike chrese kai eikonographiko program-
ma. Athena, 1988.
- Richter J.P.* Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte. Wien, 1897.
- Schneider A.M.* Samos in frühchristlicher und byzantinischer Zeit // Mit-
teilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische
Abteilung. 1929. Bd. 54.
- Schneider A.M.* Liturgie und Kirchenbau in Syrien // Nachrichten der
Akad. D. Wissenschaften in Göttingen. Phil. Hist. Kl. 1949.
- Schneider A.M.* Die Kuppelmosaiken der Hagia Sophia zu Konstantinopel.
Nachrichten der Akademie der Wissenschaft in Göttingen. Phil.
Hist. Kl. 1949 a.
- Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano* / Ed.
H. Delehaye. Acta Sanctorum. Propylaeum ad Acto Sanctorum Ni-
vembris. Bruxelles, 1902.
- Taft R.F.* Great Entrance. A History of the Transfer of Gifts and Other
Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom. Roma, 1975.
- Theodorescu R.* A propos du plan triconque dans l'architecture du Sud-
Est Europeen au Haut Mozen Age // Revue des etudes Sud-Est
Europeennes. Bucarest, 1976. T.14. № 1.
- Testini P.* Archeologia cristiana (Notizie generali dalla origini alla fine
del sec. VI). Roma; Parigi; Tournai; New York, 1958–1959.

КИЇВСЬКИЙ ВОЄВОДА В КРИМУ: “ЗМОВА КНЯЗІВ” І ТРАГЕДІЯ КИЄВА 1482 Р.

Київська трагедія 1482 р. в сучасній історіографії оцінюється як така, що нанесла місту більшу руйнацію, ніж за часів Батия [Івакін 1996]. Загальні описи татарської навали наводяться в літературі за руськими літописами. Історики відзначають і “провокативну” роль великого московського князя Івана III, котрий спонукав Менглі-Гірея до нападу на Київ. Однак “таємні пружини”, що спричинили до цього, залишаються не з’ясованими. Власне, ми й поставили за мету спробувати їх з’ясувати. І ключовою фігурою, доля якої (та її сім’ї) дозволяє методом ретроспекції “побачити” приховані спонуки з боку Москви й опосередковано Криму, є київський воєвода Іван Ходкевич.

Нагадаємо, що 1471 р. після смерті київського князя Семена Олельковича († 4 грудня 1470), король Казимір IV зліквідував автономію Київського князівства, призначивши до Києва своїм воєводою Мартіна Гаштовта (Гаштольда). Брат покійного Семена Михайло Олелькович, котрий на той час перебував на князюванні в Новгороді, не зміг добитися повернення “отчини”, й змушений був сидіти на уділі в Кошилі та Слуцьку. А удова кн. Семена Марія із малолітнім сином Василем отримали Пінськ. Отже, з усього роду саме Михайлу Олельковичу випадало стати знаковою фігурою наступних подій, котрі приведуть до прямо протилежного його намірам фіналу: замість відновлення Київського князівства — повне знищення Києва, його святинь, княжої резиденції та загибелі населення.

Родовий клан Олельковичів не полишав своїх планів після 1471 р. і чекав зручного моменту для нової акції впродовж наступних майже десяти років. Головним інспіратором і носієм ідеї повернення київської отчини був Михайло Олелькович. Невдачі кількох заходів (зокрема, висвята в Константинополі нового київського митрополита Спиридона [Ульяновський 1998, с. 64–179; 1999, с. 80–155; 2000, с. 19–66¹]), показала, що будь-які рухи до відновлення елементів політичного відокремлення Києва будуть жорстко придушені (з наказу короля Спиридон був заарештований, а на митрополію поставлений Мисаїл). Отже, клану Олельковичів залишалося лише змінювати сюзерена чи захоплювати владу. “Справа Спиридона” була ніби пробним каменем: якщо буде визнаний “явочний” митрополит, то можна спробувати й самопроголошення відновлення Київського князівства з церемонією митрополичого помазання в св. Софії нового князя (згадаймо салінську “коронацію” Вітовта 1398 р.). Рішуча поведінка Казимира показала, що подібні проекти “мирного” повернення київського

¹ Вже після проведення конференції вийшла друком наша монографія [Ульяновський 2004].

уділу нереальні й небезпечні для їх авторів. Доля Спиридона, котрого як духовну особу без церковного суду не могли стратити, як і взагалі застосувати дану кару (можливе було лише ув'язнення в монастирі), явно показала, що коли б ішлося про претензії на захоплення світської влади в Києві, то претендентів на князювання мало чекати більш тяжке покарання. Однак Михайло Олелькович не бажав змиритися з втратою князівського столу й тому вирішив застосувати останній засіб — політичний переворот.

Отже, ми впритул підійшли до так званої “змови князів” 1481 р., котра безпосередньо передувала трагедії 1482 р. і, на наш погляд, стала чи не головною причиною спонуки Іваном III Менглі-Гірея до походу не просто “на Литву”, але власне на Київ. Своєрідним астрологічним прогнозом цих подій були „зоряні вирахунки” знаменитого українського вченого, ректора Болонського університету Юрія Дрогобича (Котермака): “*Про стан царя і царства Польського. Славний принцєпс Казимир, цар польський ... Влітку нехай остерігається нападу недругів і таємних підступів ... Отож, нехай його світлість живе цей і наступний рік обережно, тому що доля його народження прозвіщує небезпеку ... Небезпеки, підступи, труднощі, війни, міжусобиці ... у багатьох частинах царства ... Але Юпітер ... небезпеки не допустить*” [Юрій Дрогобич 2002, с. 82; 2001].

Інформація про події 1481 року вкрай обмежена². *Короткий Волинський літопис* лише фіксує акт страти змовників у серпні, зауваживши: **вина нх Богѹ єдиномѹ свѣдѹщѹ**. Окрім того, літопис зазначає, що страта відбувалася “**при воеводѣ виленском панѹ Олехнѹ Бѹдимонтовичѹ а троцкомѹ панѹ Мартинѹ Кгастовътовичѹ**” [Супрасльская летопись... 1836, с. 138; ПСРЛ 1980, с. 122.]. Більш широка інформація наведена у *Львовському та Софійському II літописах*: “**Месяца августа 30 король польскии и литовскии Казимир повелѣ стяти князя Михаила Олельковича а князя Ивана Юрьевича**”. Московське походження головного джерела (зводу 1489–1490 р., складеного, вірогідно, кліриком Успенського собору Московського Кремля з оточення митрополита [Шахматов 1904, с. 13–83; Насонов 1969, с. 305–307, 369–376, 460; Лурье 1972, с. 417–419; Лурье 1976, с. 210–213, 223–240]) цих літописів, вочевидь, само по собі свідчить про причетність до змови московського двору. Та й сам план змовників літописи подають у промосковському дусі — як намагання відірвати від ВКЛ і приєднати до ВКМ великий уділ з Києвом: **Того же лѣта бысть мятежь въ Литовской землѣ: въсхотѣша вотчичи Олшанской, да Оленковичь, да князь Федор Бѣлской по Березыню реку отсести на великого князя Литовской земли, єдин же нхъ обговорѣ, король же Олшанского стялъ да и Оленковича; князь же**

² В описі архіву князів Слуцьких значиться датована 1482 р. „Relacja o chiężetach Słuckich”, в якій, імовірно, могла міститися інформація про змову князів, тим більше, що ця реляція знаходилася поруч з іншими виписками про Слуцьких з королівського архіву [Національний історичний архів Республіки Беларусь Ф. 694, оп. 7, спр. 934, арк. 43].

Федор Бельський привеза къ великому князю, — толико бѣ женился и єдину ночь спалъ съ нею, да оставя еѣ, да привезалъ на Москву, а княиню его король поималъ; много же посылал х королю князь великий, чтобы отдалъ еѣ, король же никакоже не отда [ПСРЛ 1853, с. 233; 1910, с. 348; Бердяевский летописец Ф.201, кол. Оболенского, спр.46, арк.340 зв.-341].

Нарешті, сторонне і “незалежне” джерело — німецький хроніст Альберт Кранц (Вандалій), який був сучасником описуваних подій, передавав поширювану в західних політичних колах думку, що змовники мали намір вбити Казимира і всю його родину. Цей план підтримував московський князь, але коли акція не вдалася, він від неї офіційно відмежувався [Грушевський 1993, с. 230; ПСРЛ 1913, с. 269; РИО № 35, с. 21; № 8, с. 35–36]. Можливо, дана версія “гуляла” й при дворі Казимира. Таким чином, державно-політичну суть змови підкреслюють і московські літописи, і німецька хроніка. Ймовірно, версія про замах на короля побутувала й при дворі великого литовського князя й польського короля. Все це вказує, що зв’язки змовників з Москвою є досить вірогідними. Реально засвідчує їх і втеча одного із головних змовників кн. Федора Бельського до Москви й неодноразові звернення Івана III до Казимира IV з вимогою відпустити дружину Бельського кн. Анну Семенівну Кобринську [Грушевський 1993, с. 271]. Окрім того, втікачу були надані чималі вотчини: **О Бѣлскомъ. Того же лѣта привѣжалъ изъ Литвы къ великому князю Ивану Василіевичу отъ короля Казимира князь Федоръ Ивановичъ Бѣльской, а жены съ собою не поспѣлъ взяти; и князь велики его пожаловалъ далъ ему городъ Дѣмонъ въ вотчину да Мореву и съ многими волостми** [ПСРЛ 1859, с. 214; т. 12, с. 213–214].

У зв’язку із “московським слідом” акції 1481 року та через пряму інформацію літопису про план князів приєднати свої обширні володіння до ВКМ, в радянській і російській історіографії акцентується саме на цих “промосковських” планах змовників. Зокрема, І.Б. Греков інтерпретує “змову князів” як політичну акцію, орієнтовану на Москву й підтримувану Іваном III, припускаючи, що для цього були використані “шлюбні переговори” про одруження доньки молдавського господаря Стефана IV Великого Олени Стефанівни й сина Івана III Івана Молодого. Йшлося про приєднання Подніпров’я до Московської Русі [Греков 1963, с. 187–194]. На думку О.О. Зіміна та Ю.Г. Алексеєва, прилучення руських земель по р. Березину до ВКМ означало поступове втілення ідеї відродження Київської Русі (територіальне) [Зимин 1982, с. 69, 298–299; Алексеєв 1989, с. 146–147; 1991, с. 144].

Згідно ж іншої версії, князі-змовники мали намір здійснити державний переворот у ВКЛ: убити Казимира IV (або лише примусити відмовитися від великокнязівського столу), скориставшись його перебуванням на весіллі кн. Федора Бельського, і поставити на княжіння Михайла Олельковича [Рарее 1903, s. 66–82; 1907 (1964); Vogucka 1981, s. 105–114; Krupska 1983, s. 121–146]. Вірогідність саме такого плану змовників відстоювали свого часу й українські вчені В.Б. Анто-

нович, П.К. Клепацький, М.С. Грушевський [Антонович 1889, с. 240; Клепатский 1912, с. 60–62], а нині московський історик Б.М. Флоря [Флоря 1999, с. 52]. Ми поділяємо даний погляд, виходячи із загальної політики Івана III на ліквідацію уділів. Михайло Олелькович на власному досвіді переконався в неухильності лінії московського князя — він виїхав з Новгорода майже в переддень його “взяття” московським князем. Фронтальний наступ на удільні володіння (навіть представників свого роду) Іван III повів із 1479 року [Дьяконов 1889, с. 206–211], що призвело до “мятежа” удільних князів 1480 р. [Баранов 1993, с. 119–128]. Все це було добре відомим у Литві. Змовники не могли розраховувати не лише на уділи, але й на збереження родових вотчин: Іван III намагався переміщати князів у “чужі” їм землі. Окрім того, до них “промовляла” доля інших (попередніх) перекинчиків у Московському князівстві. Психологія **раба государя своего**, котра культивувалася московськими князями щодо всієї еліти, не могла бути сприйнятою нащадком Ольгерда.

Михайло Олелькович, вочевидь, мав набагато амбіційніші плани, засвідченням яких міг бути й намір поставити “свого”, висвяченого в старому центрі вселенського православ'я, митрополита київського (Спиридона). Іван III в такому випадку міг бути лише союзником, що тримає нейтралітет. Його явно мав більше влаштувати на великокнязівському стільці ВКЛ Михайло Олелькович на противагу Казиміру IV, і взагалі будь-які політичні чвари в Литві. Саме це, мабуть, і зумовило невтручання Івана III в хід подій: якби йшлося про набуття “старої Русі”, московська влада мала бути дівішою й надати активну допомогу змовникам. Але московський князь проявив активність лише пост фактум, наполягаючи на відпуску з Литви дружини змовника-втікача кн. Федора Бельского. Щоправда, посольська документація засвідчує велику настирність Івана III в цьому питанні. Інтервенції в справі дружини Ф. Бельського робили численні московські посольства 1488–1496 р.: Михайло Єропкін 1488 р., кн. Федір Палецький 1489 р. (в наказі послу говорилося: **ино просити 8 корола листа къ еѣ брате чтовы еѣ отпустили, да и пристава просити** — з княгинею мали б їхати Третьяк Кузьмін чи Івашко Скорятин [РГАДА Ф.79, оп.1, спр.1, арк. 17 зв.-18]) Василь та Семен Ряполовські і Михайло Єропкін у 1492–1495 р., Василь Наумов. Великий князь наполягав: **Не уднинова посылали есмо к тебе ... просачи това чтовы еси нас для велѣа к немѣ его княгиню отпустити** [РГАДА Ф.79, оп.1, спр.1, арк. 17 зв]. Ця вимога була поставлена перед польськими послами під час переговорів про шлюб вел. кн. Олександра з Оленою Іванівною. У відповідь вел. кн. Олександр сказав московським послам Б. Кутузову та А. Майкову: **Нам еє силою неазе слати; а коли всхочет к мѣжѣ своему ехати, и мы ей не бороним. И брат наш** (вел. кн. Іван III — В.У.) **всказал к нам, штож в нѣ законѣ, хотя и не захочет жона к мѣжѣ, ино еє по неволи выдати мѣжѣ; ино в нашем законѣ того нет, силою волных людей в неволю давати неазе; и теперь коли всхочет к мѣжѣ своему ехати, и мы ей не бороним**

[АЗР 1846, № 16, с. 142, № 132, с. 153; РГБ ОР Ф. 304/І, спр. 8, арк. 4, 19 зв., 20 зв., 24 зв., 28; РГАДА Ф.79, оп.1, спр.2, арк.3, спр.1, арк.17–18, 23–123]. Княгиня Анна Кобринська остаточно відмовилася їхати до Москви (9 липня 1507 р.) [Российская историческая библиотека... 1906, № 19, стб. 549], бо кн. Федір на той час був одружений на племінниці Івана III, доньці рязанського вел. кн. [Назаров 2000, с. 193; Alef 1986³]. Водночас, маєтки кн. Федора Бельського король передав його брату Семену Івановичу Бельському, і коли в 1495 р. Олександр Іванович Ходкевич намагався відсудити у нього материн уділ, то отримав відмову вел. кн. Олександра: **Который коли зрадца үтчет от господаря чолом не үдаривши, ни на кого его именья по близости не спадут, только на господаря**, а Казимір IV розпорядився ними на користь кн. Семена Бельського [АЗР 1846, № 126, с. 149–150]. Цей факт вельми показовий: змова була дуже втаємничена навіть від близьких родичів, які в ній не були замішані, а тому не тільки не позбавлялися власних володінь, але й успадковували родові маєтки змовників (див. далі щодо Михайла Олельковича та його спадщини).

Літопис називає трьох головних учасників “змови князів”: кн. Михайло Олелькович, котрий сидів у Слуцьку; кн. Федір Бельський — онук Володимира Ольгердовича, син Івана Володимировича (молодшого брата Олелька), двоюрідний брат Михайла; кн. Іван Юрєвич Гольшанський — син Юліанії Олельківни та Юрія Семеновича Гольшанського (у 1450-х рр. був дуже близьким до молодого Казиміра IV, отримав від нього по смерті Свидригайла маєтки в Луцькому повіті; підтримував родові зв’язки з Києво-Печерським монастирем: у 1480 р. підтвердив дідове надання земель в Глушській та Поріцькій волостях [АЗР 1846, № 72, с. 92–93; Halecki 1915, s. 179, 255–256]), брат Анни Юрїївни (дружини Мартіна Гаштовта⁴), племінник Михайла. Такий міцний родинний союз та ареал розташування маєтків змовників, вочевидь свідчить про те, що плани їх не могли обмежуватися Київським князівством або навіть своїми отчинами. Обмежене коло учасників⁵ свідчило про потребу повного збереження

³ Це видання залишилось нам недоступним. Між іншим, вел. кн. Іван III проявляв значну непоступливість у подібному проханні київського митрополита Іони II (1503-1507) щодо відпуску з полону його сина Сенка Кривого в обмін на сина боярського. Іона звертався про допомогу й до московського митрополита Симона через свого слугу Левона (в складі королівського посольства Олександра – Богдана Довгірдова). **И митрополитъ Симонъ емү отказал**: вел. кн. хоче в обмін двох московських дворян [РГАДА Ф. 79, оп. 1, спр. 2, арк. 41].

⁴ У 1481 р. король Казимір IV видав декрет щодо судового процесу між Іваном з братами Юрєвичами та Анною – „жоною” Мартіна Гаштовта, їх сестрою [Описание документов и бумаг... 1916, с. 468, 442].

⁵ Поки що можемо назвати лише один гіпотетичний натяк на слугу-помічника. У 1487 р. Казимир IV наказав київському воеводі пану Юрію Пацу надати якомусь Тишку за службу землю, що її з подання кн. Семена Олельковича

таємниці глобальної акції — державного перевороту в ВКЛ. Підґрунтям для цього були „генеалогічні права”, обстоювані й в XVI ст.: **Ино наша была отчизна Великое княжество Литовское, зань же прапрадед наш князь Володимер великого князя сын Олгердов, и как князь великий Ольгерд понял другю жену тверянку, и тое для другой своей жены прадеда нашего отставил, а дал тот столец, Великое княжество Литовское, другой своей жены детем, сыну Ягайлу...**[ДРВ т. 15, с. 25–26; Клепатский 1912, с. 61, прим. 2]. Припускають, що остаточне рішення про початок втілення планів у життя визріло ще навесні 1480 р., коли Михайло Олелькович і його сестра Феодора (дружина наближеного до Івана III боярина кн. Івана Патрикеева) виступали посередниками у сватанні доньки молдавського воеводи Стефана та сина Івана III [Грушевський 1993, с. 271].

Проте, зберегти таємницю не вдалося: змова була розкрита в квітні 1481 року. Можна висунути лише одне припущення про інформатора Казимира IV. Ним міг бути новий київський воевода пан Іван Ходкевич. Приводом для цього слугує лист одного з нащадків Федора Бельського — Івана до нащадка Івана Ходкевича — Григорія від 1567 р., в якому перший докоряв: **Якъ же предкове твои зраднымъ обычаемъ сродника нашего князя Мнхайла Олелковича на Киевѣ зрадили, и от нашего подданства есте отлучилися** [Сб. РИО т. 71, стб. 501; Послания Ивана Грозного 1951, с. 422]. Пан Іван Ходкевич, ймовірно, був у київському оточенні київської княгині-вдови Марії (про це свідчать слова про відступ від підданства). У такому разі, київське воеводство він отримав уже як нагороду за донос (близько 11 травня 1481 р., хоча перебував у Києві не пізніше як з 1480 р.) [РНБ ОР 1569, арк. 85 зв.-86; Грушевський 1993, с. 270; Halecki 1915, s. 407–413; Polski słownik biograficzny 1937, s. 361; Urzędnicy centralny i dignitarze...1994, s. 83–84, 203]. Інформацію про змову Ходкевич міг передати через Мартіна Гаштовта. Відомо, що троцький воевода Мартін Гаштовт купив у Києві будинок міщанина Рога й осадив у ньому своїх слуг. Ця купівля була затверджена саме 11 травня 1481 р. королем Казиміром у спеціальному листі на ім'я нового київського воеводи Івана Ходкевича [Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie 1887, s. 78]. А якщо пригадати, що Гаштовт був присутнім при страті й Ходкевич відразу отримав воеводство та лист про належність дому Рога Гаштовту, то їх зв'язок і причетність до розкриття змови стають досить вірогідними.

Волинський короткий літопис називає точну дату страти Михайла Олельковича й Івана Гольшанського — 30 серпня 1481 р. [Супрасльская рукопись с. 138; ПСРЛ т. 35, с. 122], при воеводах віленському пані Судимонтовичу і трокському Мартину Гаштольдвичу⁶.

тримав Карп Лупандич — и потом тот Карп Лупандич повѣтъ до волохъ, а тая земля пуста została [Акты Литовской метрики 1896, № 511, с. 25).

⁶ Можливо саме з розкриттям змови пов'язаний і той факт, що два віленські адміністратори у травні 1481 р. отримали „за вірні послуги” нові королівські надання: Олехно Судимонтович — воевода віленський і канцлер

Існувала оповідь, що страта змовників або відбулася в Києві, або тіла обох князів привезли в Київ і виставили на позор відрубані голови. В.Б. Антонович довіряв цій інформації, а П.Г. Клепатський уважав легендою [Антонович 1885, с. 241; Клепатський 1912, с. 62]. Несподіваним доказом реальності місцевого переказу стали результати новітніх досліджень поховань Успенського собору Києво-Печерської лаври. Родова усипальниця Олельковичів була локалізована в давньоруському нартексі, де зберігалися поховання в саркофагах (Володимира Ольгердовича, Олелька Володимировича, Семена Олельковича, Василя Семеновича, Григорія Юрєвича). Один із чоловічих скелетів (вік бл. 35 років, зріст 177,2 см, чоловік мав патологічні особливості лівої ноги з дитинства, часто користувався мечем і луком та їздив на коні, в бою поранений у ліву скроню) мав чіткі ознаки *“насильственной смерти, не исключая декапитацию (відрубання голови — В.У.), а возможно и четвертование”* (тіло другого шийного хребця перерубане навпіл в горизонтальній площині, стопи відокремлені) [Івакін, Балакін 1999, с. 84; Потехіна, Козак 1999, с. 93–94; Козак 2002, с. 98–99]. Співставлення біографій похованих тут князів однозначно вказує на кн. Михайла Олельковича і підтверджує інформацію про перебування його тіла (публічна демонстрація, або лише поховання) в Києві.

Втікач кн. Ф.І. Бельський записав кн. Семена і Михайла Олельковичів у пергаменний синодик (найстаріший із збережених) Троїце-Сергієвого монастиря; при цьому щодо Михайла зазначив: **оубитъ отъ короля** (на цьому ж аркуші був згодом записаний і сам кн. Федір Бельський) [РГБ ОР Ф. 304/III, спр. 25, арк. 11].

На момент розкриття змови й покарання двох її учасників Казимір IV перебував у Вільно [Бережков 1962, с. 182; Сулковска-Курасева 1989, с. 317]. Отже, і весілля кн. Федора Бельського мало відбуватися в столиці, саме тут повинні були знаходитися змовники (інакше, за умови перебування в своїх володіннях, вони могли б чинити опір і, вочевидь, після арешту одного, мало втекти двоє), і тут їх легше було заарештувати. Тому зрозумілим стає поспіх втечі Бельського: в своїх володіннях він ще міг застосувати силу, з Вільно ж треба було тікати чимдуж, полишивши молоду дружину, з котрою милувався лише одну ніч. “Віленське перебування” змовників під час їх арешту підкреслюється визнаною Казиміром IV непричетністю їх родин до “змови”. Про маєтки кн. Бельського та його дружину вже мовилося. Дружина князя Михайла Олельковича Анна і його син Семен також не були покарані, у їх володінні на удільному праві залишалося Копильсько-Слуцьке князівство⁷. Останнє, до речі, підтверджує й плани змовни-

ВКЛ та Ян Кезигаєлович – каштелян віленський і староста жмудський [ОДБ МАМЮ 1916, с. 362, 424].

⁷ Див. копію (від 22 жовтня 1557 р.) екстракту поділу маєтків Юрія і Семена Юрєвичів княжат Слуцьких [Національний архів республіки Беларусь. Ф. 694, оп. 7, спр. 934, арк. 53] та генеалогію Олельковичів А. Кіркора (БАН Беларусі. Відділ стародруків та рукописів. Ф. 23, спр. 287, арк. 1).

ків: у разі ідеї територіального “приєднання” до ВКМ Казимір IV мав би зліквідувати уділ, щоб назавжди позбавити можливості відродити цю ідею (Семеном Михайловичем); але державний переворот з фізичною заміною великого князя мав іншу мету — уділ не був для нього небезпечним, нащадки Михайла Олельковича також — лише він сам як претендент на престол. Поки у Вільно допитували “змовників” і намагалися розплутати увесь клубок, до Москви зі своєї отчини втік Іван (Дашкович, Семенович чи Борисович) Глінський. Хронологічним репером цієї втечі є надання 15 серпня 1482 р. Казимиром IV кн. Миколі Радзівілу володінь кн. Івана Глинського *што повбѣгъ къ Москвѣ ..., ино вили намъ чоломъ братья его* [РИБ 1910, стб. 386; АЗР 1852, с. 99]. Іван Глинський у 1480–1481 р. був послом у Криму саме напередодні походу Менглі-Гірея на Литву [РГАДА Ф.389, оп.1, книга записей 4, арк. 88–90 зв.]. Його втеча також опосередковано підтверджує “віленське перебування” головних учасників змови.

Гіпотетично можна допустити знання про суть “змови князів” у Слуцьку — в родині кн. Михайла Олельковича та церковних колах. Архів Слуцького князівства, судячи з його реєстру, містив дані про Слуцьк, його церкви, духовенство та описи майна (в тому числі рукописів) з початку XV ст. Тут зберігався, наприклад, опис заснування (з доказами давності) Слуцька 1409 р. [НАРБ Ф. 694, оп. 7, спр. 934, арк. 61 зв.]. Однак, на жаль, документи вказаної доби в описі архіву зреферовані дуже сумарно, що не дає можливості скористатися ними [НАРБ Ф. 694, оп. 7, спр. 934, арк. 77–81 зв.]. Пізній же синодик Троїцького Слуцького монастиря 1637 р. відомий нам лише із загального опису [Кобяк, Морозова, Турилов 1997, с. 62–64; БАН Литвы Ф. 21, ед. 12, л. 3–5 об.]. Цікаве вже саме означення роду ктиторів у ньому: рід кн. Юрія Семеновича *отчичи Киевского, господаря Слуцкого* (арк. 4 зв., 4-а), що засвідчує життєвість в роді підкреслення київської спадщини. Поменник цікавий також списками архімандритів не лише Слуцького, але й Києво-Печерського монастиря (арк. 3 зв.). В ньому записані також покійні монахи київського Микола-Пустинного монастиря і, що дуже важливо — наведений договір 1517 р. між монастирями про взаємне поминання братії (арк. 23–26). Отже, зв’язки Слуцька з Києвом і на родинному рівні власників і на церковному були дуже тісні. Проте цей аспект проблеми потребує спеціального розроблення за вільнюськими архівними колекціями⁸. Судячи з усього, слуцький Троїцький монастир за часів владарювання кн. Анни — дружини кн. Михайла Олельковича та їх сина Семена став своєрідним центром православної церкви Литовської Русі [АЗР 1846, № 94, 98, 99, 115, с. 11–113, 136–137].

⁸ Два інші поменники (древній з XIII ст. Свято-Михайлівської церкви на Острові – передмісті Слуцька та поменник „князів Слуцьких” 1684 р.), про які згадували публікації кін. XIX – поч. XX ст., нами не віднайдені [Снитко 1911, с. 231]. Синодик був переданий в Мінський церковний історико-архівний комітет [Миловидов 1896, с. 15-17].

Б.М. Флоря вказує, що Анна Слуцька з 80-х років XV ст. відіграє значну роль у житті православної митрополії. При ній архімандритом Троїцького монастиря був Йосиф Болгаринович, якому по смерті в 1488 р. митрополита Сімеона було доручено везти константинопольському патріарху чолобитну православних князів про поставлення Іони Глезни **ради тєснящих нас в верє** (передаючи після номінації на Смоленську кафедру Слуцький монастир **государини моеї кнегини ... со всим с тем, с чим ми твоя милость подала**, Йосиф додав воздух, **што из Царягорода привез єсми**). Йосиф мав духовний зв'язок із Києво-Печерським монастирем: в слуцькій Троїцькій обителі він особливо відзначив серед книг *Патерик печерський* [АЗР 1846, № 115, с. 136–137]. У 1492 р. Йосиф був номінований єпископом Смоленським, а в 1498 р. митрополитом київським. Роль кн. Анни і у виборах Іони, і в просуванні Йосифа була значною [Флоря 1999, с. 58–59; Перетц 1904, с. 1–6; Бугославский 1900; Симеонова 1998, с. 13–19]. Чи була вона посвячена в попередню справу про митрополію зі Спиридоном та “змову князів”, все ж залишається неясним. Відома лише її судова справа з архімандритом печерським Філаретом щодо повинностей людей осовців та добродеревців [АЮиЗР 1863, № 76; ОДБ МАМЮ 1916, с. 29. № 428], що вказує на прохолодне відношення княгині до потреб і підтримки значного сакрального центру Києва.

Певний додатковий штрих до теми “змови князів” дають все ж маєткові документи та судові процеси Олельковичів-Слуцьких 1483–1522 років. Спочатку щодо спадкоємців Семена Олельковича. По ньому залишилася дружина Марія (з Гаштовтів), син Василь та донька Олександра (за кн. Федором Ярославичем). Першим документом, в якому йшлося про уділ сім'ї кн. Семена, є привілей Казимира IV від 27 квітня 1471 р., в котрому кн. Марії та її дітям надається Пінськ з умовою, що в разі перебрання Пінська королем, їм будуть надані рівноцінні маєтки [ОДБ МАМЮ 1916, с. 438–439, № Т]. Це надання було підтвержене вел. кн. Олександром 16 січня 1499 р. [ОДБ МАМЮ 1916, с. 435, № Д]. “Трансформацію” їх дідичини змальовує судовий процес 1499 р. На ньому Семен Михайлович указував тітці Марії: **Того пакъ не ведаю, которым обычаем Киевъ, вдѣлъ князя твоего, после живота его отъ тебе и отъ твоихъ детей отышолъ, и, ачъ кольвекъ господарь король его милость граничнюю землю Киев на себе взял, а ведь же хлѣбокормление противъ того тебе и дѣтемъ твоимъ далъ его милость городъ Пинескъ** [АЗР 1846, № 163, с. 185–186; РИБ № 188, стлб. 719]. Дійсно, в документах 1490-х років удова кн. Семена Олельковича титулується княгинею пінською: **кнехия Семенова Александровича, княгиня Маря Пинская, и сын ее, князь Василей Семенович** [РИБ, № 158, с. 683; Акты Литовской Метрики 1896, № 355, с. 138–139]. Постійно згадується і Василій Семенович, але його титулатура не містить “отчинних ознак”. Так, у 1488 р. **князю Василью Семеновичу Алєковича 10 коп з мыта Берестейського і 20 коп с корчом Берестейских** було надано з наказу Казимира IV [РИБ № 19, с. 286, 290]. Здавалося б, сам

факт призначення воеводи в Київ означав перехід у володіння великого князя всієї території Київського князівства й надання сім'ї Семена в якості сатисфакції Пінська. Однак, як свідчать матеріали судового процесу 1499 р., згідно заповіту Семена Олельковича, його дружині й дітям відійшли **києвские пригородки и волости (отходены сего света, веновал тебе ... тыми ж киевскими пригородки и волостьми, которое ж вено и листы своими тебе подтвердил)** [РИБ т. 27, стлб. 719]. А так як першим воеводою київським став дядько Марії Мартін Гаштовт, то княгиня з дітьми мала можливість не виїздити із Києва та мешкати в замку кн. Семена на Городку. Вочевидь, лише після “змови князів” і заміни Гаштовта Ходкевичем Марія з дітьми змушена була переїхати до Пінська. В 1499 р. Марія з донькою Олександрою вже вкотре намагалися судитися з Семеном Михайловичем за свою частку в його уділі (**онъ не хочет пустити княгини Александры, сестры своее, къ дѣлу, къ Глуцку и къ Копылю**). Однак королівський суд potwierдив право на цей уділ лише нащадків Михайла Олельковича.

Семен Михайлович твердив, що на відміну від київських володінь тітки, відібраних королем, **отца моего и мене его милость въ Глуцку и въ Копыли ни въ чомъ не рұшыл, ачъ кольве ты (себото, Марія — В.У.) и з детьми своими многокרותъ его милости о том чолом вила** [РИБ, № 188, стлб. 718–721; АЗР 1846, № 163, с. 185–186]. З листа Казимира IV від 22 липня 1483 р. видно, що після страти Михайла Олельковича, король **некоторымъ еє княземъ и бояромъ велели были есмо намъ слұжити и з ыменьи и они про то ей слұжити не хотели и послұшни ей быти**. Отже, відбулася “часткова конфіскація” — перепідкорення васалів. Однак удова князя Анна просила повернути їй підлеглих і Казимір вище згаданим листом постановив: **И мы на еє жаданье тым князем и бояром и слұгам, и з нх ыменьи велели ей слұжити, еє послұшными быти, как князю Михайлу слұжили и его послұшны были** [РИБ, № 28, стлб. 124; АЗР 1846, № 83, с. 104; РГАДА Ф. 389, оп. 1. Книга записей литовских 3, арк. 74]. Усі наступні маєткові документи й надання кн. случкої Анни, Семена Михайловича, його дружини Анастасії та дітей за 1489—1522 роки засвідчують їх повне володіння уділом Михайла Олельковича [Рункевич 1897, № 2–5; АЮЗР 1863, с. 296–297; АЗР 1846, № 94, 98, 99; РИБ т. 20, 27 (іменні покажчики)]. Більше того, дружина й діти Семена Михайловича в 1509 році отримали від Жигимонта маєтки **зрадцы** Михайла Глінського (двір Лишков з дворцем Вейсеями) та **зрадцы** Якуба Івашенцовича (двір Вороб'євичі) [АЮЗР т. 1, с. 37–38]. Все це підтверджує думку про збереження случко-копильського уділу Михайла Олельковича й є побіжним свідченням, що мета “змови князів” полягала не у відокремленні своїх уділів, а в політичному перевороті (зміні влади) у ВКЛ.

Саме після провалу “змови князів” й відбувся набіг орд Менглі-Гірея на Київ, спонуканий Іваном III (союз між великим князем і ханом був заключний ще 1474 р. і поновлений 1480 р.) [Хорошкевич 2001, с. 124–146].

У травні 1482 р. посланець Івана III Михайло Кутузов наполягав перед Менглі-Гіреєм на негайному поході проти Литви: **чтовы пожаловал царь послал рать свою на Подольськую землю или на Киевские места** [Сб. РИО, т. 41. № 8, с. 34]. Хан обрав об'єктом нападу Київ.

Напад Менглі-Гірея на Київ був раптовим. У числі його війська був і турецький загін на чолі з сином султана і зятем хана Мегмедом-молодим. Лише за чотири дні до появи татар кияни дізналися про небезпеку. 1 вересня татари підпалили з двох боків замок, **и людие исторпилися, а инни выбегоша и тех татарове поимаша, а инни вси сгореша во граде**. Під час розкопок 70-х рр. XIX ст. біля Йорданської церкви була відкрита колективна могила з близько 4000 скелетів. На думку В.Б. Антоновича і М.І. Петрова — це були жертви трагедії 1482 р. [Антонович 1888, с. 130-131; Петров 1897, с. 35-36]. Воєвода Іван Ходкевич з дружиною і дітьми були взяті в полон. Як доказ успішного походу та символічного поділу “київської спадщини”, хан надіслав Івану III золоті потир та дискос св. Софії [ПСРЛ т. 6, с. 234]: татарам дісталися всі цінності й речі киян, а московський великий князь отримав частку сакральних символів старого Києва й головного митрополичого (а отже, загальноруського) святилища-храму. Обрані “дари” від хана мали глибоку символіку. Нагадаємо, що потир є чашею, з якої православні причащаються тіла і крові Христових за прикладом самого Ісуса Христа та апостолів (1 Кор. 10:16). Дискос (блюдо на підставці) використовувався під час літургії для приготування, освячення і подрібнення св. Агнця — частини головної просфори, яка пресуществляється в тіло Христове у таїнстві євхаристії. В духовному сенсі дискос символізує і ясла, у які був покладений народжений Ісус Христос, і гроб, у якому було покладене тіло його після зняття з хреста. Головні літургійні сосуди св. Софії “причащали” Івана III водночас до “сакруму” загальноруської святині, і до київського великокнязівського столу, і до ... погрому Києва союзником московського князя. Лише після цієї трагедії король Казимір вирішив укріпити Київ (посилка 40 тис. чол.).

Воскресенський літопис “виправдовував” провокаційну роль Івана III “першою провокацією” з боку Казимира IV: **По слову великого князя Ивана Василевича всея Русии, приде царь Менгиръй Крымской Перекопские орды съ всею силою своею, и градъ Киевъ взя и огнемъ пожже, а въведоу Киевского пана Ивашка Хотковича изымалъ, а иного полону бесчислено взялъ, и землю учини пусту Киевскую, за неисправление королевское, что приводилъ царя Ахмата Блъшие орды съ всѣми силами на великого князя Иван Васильевича, хотя разорити христїанскую вѣру** [ПСРЛ 1859, с. 21; Бердяевский летописец Ф.201, кол. Оболенского, стр. 46, арк. 342 зв.-343]. У пізнішій компіляції все було „переадресоване” провіденції як карі за гріхи: **Грех ради наших не пощади образа своего и святых тани и попусти Бог безвозжнаго царя Минан Гирея а Чигиреева сына со многими силами совокупився и поиде на литовскую землю к славному граду Киеву. Во граде ж тогда наместник и воєвода Иван Хоткович. Прииде к нему вестъ за 4 дни, что царь идет ис**

Перекопи на Киев. Он же осадү осадн и збегошася до град многие люди, и з монастыря ис Печерского изыде иґүмен со всеми старцы во град и казнү Пречстыя и сосүды священныя во град же снесе. И прииде царь под град на Бемеи день летопроводца первын час дни, изряди полки и пристүпи град крүг. И Божиим гневом нимало не побився град зажже и погореша людие вси и казны, и мало тех, кои из града выбегоша. И тех понмаша, а посад пожгоша и ближные села, по далним же вою не разпүщание и проч поиде во свою Ордү [СПб.ИИР Архив, к. 11, спр. 251, арк. 454-454 зв.]. Цікаво, що й татари (князь Абулард) так само говорили про Божий гнів над Києвом: **Что са тое дело межи нами стало надъ Киевомъ ино то сталоса Божиим гневъ за грех хота бы и ты царъ к томү помочникомъ не былъ уднакъ было томъ городъ гореть и тым людем погинѣть коли на нухъ Божии гневъ пришлоъ** [РГАДА Ф. 389, оп. 1. Книга записей литовских 4, арк. 101-101 зв.].

Про трагедію Києва 1482 року пишуть майже усі білорусько-литовські, українські та російські літописи, які торкаються подій останньої чверті XV ст. [ПСРЛ 1853, с. 234-235; 1859, с. 215; 1901, с. 215; 1980, с. 122, 125; Супрасльская рукопись с. 138, 147; Псковские летописи 1955, с. 62-63]. Наведемо свідчення *Львовського і Софійського II літописів*: **Того же лѣта король присла Богдана, прося Новгорода Великого и Лүкъ Великихъ; еще же сватался князь великий съ Волошскимъ воеводою Степаномъ взяти дщерь его Оленү за своего сына, а ѣздилъ Андрей Плящѣевъ да Иванъ Зиновьевичъ, король же пүтя не хотѣ дати. Князь же великий посла къ Менъ Гирѣю Крымскому, повеле воевати королевү землю; Менъ Гирѣй же съ силою своею взя Кіевъ, вся люди въ полонъ поведе и держателя Кіевского сведе съ собою и з женою и з детьми, и много пакости учинилъ, Печерскүю церковь и монастырь разгравилъ, а инии бежали въ печеру и задхошася; а сүды служебныя съфѣи великой золотын потирь да дискось, прислааъ к великому князю** [ПСРЛ 1910, с. 349; т. 6, с. 234].

Нагадаємо, Київ як об'єкт нападу був запропонований Іваном III. Цитовані вище московські літописці в якості причини висувають не пропуск королем Казиміром послів Івана III у Молдавію. Однак згадаймо про полон Івана Ходкевича з родиною (син Олександр, донька та дружина). Чи не була це помста за зраду князів-змовників? Дослідники вже висловлювали думку, що це була „каральна експедиція” за викриття „змови князів” [Греков 1963, с. 193; Казаков, Мордвінцев 1997, с. 13-16].

Доля Івана Ходкевича та його родини в Криму підсилює це припущення. Перед київською трагедією Ходкевич активно спілкувався з Менглі-Гіреєм, який часто писав **приятелю нашомъ панъ Иванъ с поклономъ**. Зокрема, Ходкевичу першому хан повідомив про смерть (1481) султана Мегмеда. Інші справи стосувалися постійних зносин Менглі-Гірея з Києвом: його слуги Алея (хан про нього лихні речн слышалъ есми і просив негайно відіслати **а естъли тымъ моимъ человекомъ коли котораа лихота станетьса, потомъ еще к вамъ мои человеки какъ могѣть поехати...**), про очікуваний напад на порубіжні землі ворожих

хану орд (тогда вамъ velmi докѣчно бѣдетъ, лепше насъ вы сами ведаете — голодны а хѣды син люди) [РГАДА Ф. 389, оп. 1, Книги записей литовских 4, арк. 101 зв.-102 зв.]. Щодо своїх більш ранніх київських зв'язків Менглі-Гірей писав також Казиміру, зокрема стосовно повернення даних його батьком кн. Семену Олельковичу людей (што ж отец мой Ачъкгірей царь князю Семену которни подавал люди, тые люди мне вы отдал — 1480, 15 жовтня), однак навіть у 1486 р. Казимір лише обіцяв повернути цих людей, якщо хан буде „у приязні” [РИБ 1910, стлб. 333, 454]. Скаржився хан і на Ходкевича: так ведайте, што сее зими люд воевананы, от Ивашка причина была [РИБ 1910, стлб. 359]. Обіцяв хан і допомогу в боротьбі з московським князем і скаржився на грабунок своїх людей⁹.

Після полону Івана Ходкевича з дітьми почалася справа їх визволення, яку вела дружина воєводи (вочевидь, її відпустили у ВКЛ саме для збирання грошей). Сам кн. Іван та його син Олександр померли в неволі й викупу підлягала лише донька. Ходкевичева знайшла купця-посередника Якуміта й виплатила половину викупу, а іншу мала віддати в Києві. Київські урядники Петрашко і Зенько взяли Ходкевичову доньку під розписку што ж девка здорова, у наших рѣкахъ есть і якщо вона у них помре, то друга частина суми з Києва має бути віддана хану. Вся ця інформація повідомлялася самим Менглі-Гіреем Казиміру IV [РИБ 1910, стлб. 360]. Король відповів 22 серпня 1486 р.: ино пани Иванова Ходкевича перед нами так поведала, што ж з Якумітом вмовила, как был в нас от тебе посольством, и половицу пенязей емѹ заплатила, а дрѹгѹю половицу пенязей положила в Києве под тою вмовою, што ж Якуміт залюбил ен дочкѹ еє отослать к Черкасом в трехнадесяти неделях от тѹх часов, как выеѹал з Литовское земли; а и провод было емѹ дочце еє дать до Черкас, а, проводивши было емѹ еє до Черкас, тож было тые пенязи взяты; и она на тѹю вмовѹ послала слѹг своих до Киркера, и Якуміт дей в тѹх роцех слѹгам еє девки не дал, а потом девка вмерла. Король пропонував ханові прислати купця з послом, щоб Якуміту в том справедливостъ вчинити с панею Ивановою Ходкевича [РИБ 1910, стлб. 455; РГАДА Ф. 389, оп. 1, Книга записей литовских 4, арк. 159 зв.]. Так трагічно закінчилося життя викривача „змови князів” Івана Ходкевича та його дітей.

Отже, „змова князів” не вдалася, а її “зрадник” отримав отчину Олельковичів в управління. Втім, і він був покараний волею Івана III й “руками” татар Менглі-Гірея. Але якщо кн. Михайло Олелькович хоча б тілом повернувся у Київ та знайшов своє місце у родовій усипальниці Успенського собору Печерського монастиря, то Ходкевич з дітьми навечно залишився в кримській землі. Іван III отримав “сакральні символи” головної святині Київської митрополії, але саме

⁹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) (ИРЛИ). Древлехранилище. Кол. Онацевича, оп.50, пап.12 д, спр.14 (оригінальний ярлик з ханською тисненою печаткою; давньоруський та кипчацький тексти).

місто через “велику політику” зазнало нищівної руйнації та загибелі киян. Так ідея повернення отчини — Київського князівства і захоплення кланом Олельковичів влади в усьому Великому князівстві Литовському перетворилася в свою антитезу як для самого глави цього клану, так і для міста Києва та його святинь. Доля ж священних реліквій Св. Софії залишається невідомою, але не тому, що вони не були віднайдені — їх просто ніхто не шукав...

Література

- Архив Западной России. Т. 1. СПб., 1846.
- Архив Западной России. Т. 1. СПб., 1852.
- Акты Литовской метрики. Т. 1. Вып. 1. Варшава, 1896.
- Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Ленинград, 1989.
- Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
- Антонович В.Б.* Обозрение предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве и ближайших его окрестностях // КС. 1888. Июль.
- Антонович В.Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. К., 1889.
- Архив Южной и Западной России. Т. 1. СПб., 1863.
- БАН Беларусі. Відділ стародруків та рукописів. Ф. 23. Спр. 287.
- БАН Литвы. Ф. 21. Ед. 12.
- Баранов К.В.* Новое свидетельство о мятеже удельных князей и роль Ростова в событиях 1480 г. // История и культура Ростовской земли 1992. Ростов, 1993.
- Бердяевский летописец // РГАДА. Ф. 201. Кол. Оболенского. Спр. 46.
- Бержков Н.Г.* Итинерарий великих князей литовских по материалам Литовской Метрики (1481–1530 гг.) // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962.
- Бугославский Г.* О смолянине Авраамке и его летописи конца XV века, а также несколько слов о смоленском епископе Йосифе Болгариновиче. Смоленск, 1900.
- Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы в XIV — XVI вв. М., 1963.
- Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 4. К., 1993.
- Древняя российская вивлиофика. Т. 15.
- Дрогобич Ю.* Роки і пророцтва / Упор. В.М. Вандишев. Харків, 2002.
- Дрогобич Ю.* Verba magistri: пророцтва і роздуми. Дрогобич, 2001.
- Дьяконов М.* Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. СПб., 1889.
- Зимин А.А.* Россия на рубеже XV — XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1982.

- Івакін Г.Ю.* Историчний розвиток Києва XIII — середини XVI ст. К., 1996.
- Івакін Г.Ю., Балакін С.А.* Поховальний комплекс XV ст. у нартексі Успенського собору Києво-Печерської лаври // Лаврський альманах. К., 1999. Вип. 2.
- ИРЛИ. Древлехранилище. Кол. Онацевича. Оп. 50. Пап. 12 д. Спр. 14.
- Казаков О.О., Мордвінцев В.М.* Маловідомі сторінки московсько-литовської боротьби за давньоруські землі на межі 70–80-х років XV ст. К., 1997.
- Кобяк Н.А., Морозова Н.А., Турилов А.А.* Кириллические рукописные книги XV — XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // Krakowsko-Wileńskie studia sławistyczne. Т. 2. Kraków, 1997.
- Козак О.Д.* Палеонтологические исследования погребений некрополя Успенского собора Киево-Печерской лавры // Велика Успенська церква Києво-Печерської лаври. Слід у віках. К., 2002.
- Клепатский П.Г.* Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912.
- Лурье Я.С.* Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской II и Львовской летописей // ТОДРЛ. Т. XXVII. М., Л., 1972.
- Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV — XV вв. Л., 1976.
- Миловидов А.И.* Синодик благочестивих князей города Слуцка // ЧОИДР. Кн. 1. 1896.
- Назаров В.Д.* О титулованной знати России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку двора 1495 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.
- Насонов А.Н.* Истоория русского летоописания XI — начала XVIII в. М., 1969.
- НАРБ. Ф. 694. Оп. 7. Спр. 934.
- Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 21. М., 1916.
- Петров Н.И.* Очерки исторической топографии древнего Киева. К., 1897.
- Перетц В.* Челобитная о благословении на Киевскую и всея Руси митрополю архиепископа Полоцкого Ионы Глезны // Университетские известия. К., 1904.
- Послания Ивана Грозного. М.Л., 1951.
- Потехіна І.Д., Козак О.Д.* Антропологічні дослідження поховань в Успенському соборі Києво-Печерської лаври // Лаврський альманах. К., 1999. Вип. 2.
- Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.
- ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853.
- ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859.
- ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901.
- ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913.

ПСРЛ. Т. 20. Ч.1. СПб., 1910.

ПСРЛ. Т. 35. М., 1980.

РГАДА. Ф. 79. Оп. 1.

РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Книга записей литовских 4.

РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Книга записей литовских 3.

РГБ ОР. Ф. 304/І. Спр. 8.

РГБ ОР. Ф. 304/ІІІ. Спр. 25.

РГБ ОР. Погодинск. 1569. Арк.85 зв.-86.

РИБ. Т. 20. Кн. 2. СПб., 1906.

РИБ. Т. 27. СПб., 1910.

Рункевич С.Г. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. СПб., 1897. Т.1.

Сб. РИО. Т.35.

Сб. РИО. Т.41.

Симеонова Л. Киевский митрополит Йосиф Болгариневич и русско-литовские отношения от края на XV век // Исторически преглед. София, 1998. Година LIV. Кн. 5–6.

Снитко А. Описание рукописей и старопечатных книг в Слуцком (Минской губернии) Тройчанском монастыре // ИОРЯС. 1911. Т. 16. Кн. 1.

СПб.ИИР. Архив. К. 11. Спр. 251.

Сулковска-Курасева И. Итинерарий Казимира Ягеллона (состояние подготовки) // Исследования по истории Литовской Метрики. М., 1989.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836.

Ульяновський В.І. Київський митрополит Спиридон і його догматичний твір “Изоложение ѡ Православнен истиннѣ нашей вѣрѣ” // Просемінарій: Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. Вип. 2. К., 1998. С. 64–179. Вип. 3. К., 1999. С. 80–155. Вип. 4. К., 2000. С. 19–66.

Ульяновський В.І. Митрополит київський Спиридон: образ крізь епоху, епоха крізь образ. К., 2004. 376 с.

Флоря Б.Н. Попытка осуществления церковной унии в Великом княжестве Литовском в последней четверти XV — начале XVI века // Славяне и их соседи. Вып.7: Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV — XVII веках. М., 1999.

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С.124–146.

Шахматов А.А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904. С.13–83.

- Alef G.* Origins of Muscovite Autocracy. The Age of Ivan III. D., 1986.
- Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. 1. Lwów, 1887.
- Bogucka A.* Kazimierz Jagiełłończyk i jego czasy. Warszawa, 1981.
- Krupska A.* W sprawie tak zwanego spisku książąt litewskich w 1480–1481 roku // Roczniki Historyczne. Warszawa, Poznań, 1983. T.48.
- Halecki O.* Ostatnie lata Swidrygiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiełłończyka. Kraków, 1915.
- Papee F.* Polska i Litwa na przełomie wieków srednich. Kraków, 1903.
- Papee F.* Studia i szkice z czasów Kazimiera Jagiełłończyka. Warszawa, 1907 (Kraków, 1964).
- Polski słownik biograficzny. Kraków, 1937. T. III.
- Urzednicy centralny i dignitarze Wielkiego księstwa Litewskiego XIV — XVIII ww. Kórnik, 1994.

ІУДАЇЗМ НА ТЛІ РЕЛІГІЙНОЇ СИТУАЦІЇ У ПІВДЕННО-СХІДНІЙ ТАВРИЦІ VIII — X ст.

Проблема релігійної ситуації у ранньосередньовічній Тавриці неодноразово привертала увагу спеціалістів. Безсумнівно, що у різних частинах півострову, виходячи з політичної та етнічної ситуації, вона була різною. Зрозуміти ці процеси краще можна лише за умови аналізу всіх складових, що впливали на релігійне становище та політичні реалії.

Південно-східний Крим, на думку деяких дослідників, в цей період входить в зону широкого поширення іудаїзму, через активну присутність Хозарського каганату, адміністративна верхівка якого за свідченнями декількох письмових джерел в цей час приймає іудаїзм. Питання впливу іудаїзму на населення Таврики у період раннього середньовіччя останнім часом вже привертала увагу дослідників [Могаричев 2001, с. 268–281; Майко 1999, с. 40–49; 2004, с. 201–244]. Проте, окремого дослідження, яке б ґрунтувалося на комплексному залученні письмових і археологічних джерел для південно-східної частини півострову, не проводилось. Виходячи з цього, основною метою статті є аналіз впливу іудаїзму серед населення південно-східного Криму. Це, в свою чергу, дозволить аргументованіше розглядати і політичні взаємовідносини імперії і каганату і політичне „переважання” тієї чи іншої держави.

Письмові джерела, що дозволяють порушувати проблему проникнення іудаїзму у місцеве середовище, добре відомі, але обмежені. Це декілька унікальних документів на івриті. Найзмістовніше серед них є так зване єврейсько-хазарське листування, що включає у себе чотири основні документи. Всі вони мають величезну історіографію та бібліографію, яка не раз ставала предметом спеціальних досліджень. Для проблеми, що розглядається, першочергове значення мають два з них: простора редакція листа хозарського царя Йосипа і т.з. Кембриджський Анонім. Необхідно зауважити, що до цього часу саме ці два документа викликають недовіру деяких спеціалістів, які вважають їх фальсифікованими, або, у кращому випадку, літературними творами, що непридатні у якості історичного джерела. [Докладніше див.: Гаркави 1874, с. 85; Schechter 1912, р. 181–182; Коковцов 1913, с. 152–153; Коковцов 1932; Рыбаков 1953, с. 128–150; Артамонов 1962, с. 9, 11, 172; Новосельцев 1990, с. 217; Баранов 1990, с. 152–153; 1994а, с. 13–16; Гадло 1994, с. 17 та ін.].

У той же час робляться спроби реабілітувати документ [Zuckerman 1995, р. 237–270; Майко 1999, с. 40–49; Голб, Прицак 1997]. На наш погляд, не залучаючи археологічні джерела, вирішити проблему історичного значення документу неможливо.

Дуже цікавим, але й дуже спірним документом є т.з. Приписки на берегах хозаро-іудейських рукописів. Найбільш повна їх публікація була здійснена Д.А. Хвольсоном [1866, с. 49–144]. На сьогодні відомо біля 3000 рукописів з приписками на берегах релігійного, побутового та політичного характеру. Відносно історії південно-східної

Таврики найбільший інтерес становлять приписки 57, 58, 59 та т.з. Манджеліський свиток. Більшість спеціалістів, ще з моменту їх першого оприлюднення, вважали приписки фальсифікацією [Гаркави 1876, с. 7]. Однак були зроблені і окремі спроби їх реабілітації [Баранов 1990, с. 152; Майко 1999а, с. 176–181]. У той же час, встановлено, що деякі з дат документів виправлені задовго до А.С. Фірковіча, що їх збирав [Вихнович, Лебедев 1992, с. 138]. Ці документи збирач міг купити у власника, що за допомогою підробки намагався отримати за них більше грошей [Лебедев 1974, с. 11].

Більшість дослідників погоджується, що документи відносяться до середини X ст. Вони не протирічать один одному, а лише повідомляють про одні й ті самі факти по різному. Тому час сприйняття хозарами іудаїзму має три дати 740, 800 і 863 р. [Горянов 1945, с. 262–265]. Документи не можуть бути повноцінним історичним джерелом — нажал, вони не дозволяють об'єктивно не тільки вирішувати питання політичних відносин Хозарії і Візантії, але й рівень та глибину проникнення іудаїзму у місцеве населення.

Для повноти розуміння проблеми необхідно залучити якомога ширше коло археологічних джерел. Показово, що кількість артефактів, які без заперечень можна віднести до іудейських, мізерна. І це стосується не лише південно-східного Криму, але й інших регіонів півострову та взагалі всієї території каганату. До того ж й ті, що є — спірні.

Так, на Керченському півострові у Михайлівському археологічному комплексі досліджено кілька плитових поховань середини IX — першої половини X ст. із салтівським поховальним інвентарем [Ольховский, Петерс 1991, с. 151–158]. Вони датуються серединою IX — початком X ст. і зв'язані із праболгарами, що прийняли християнство. Нагадаю, що це плитові поховання 1, 2, 5, орієнтовані по осі північ-південь, на внутрішній поверхні південних стінок ящиків яких вибита аркоподібна ніша глибиною приблизно 5 см. Автори розкопок пояснюють південну орієнтацію похованих особливостями рельєфу ділянки некрополя [Ольховский, Петерс 1991, с. 155]. Думається, це не зовсім вірно, оскільки поховання № 3 цього некрополю орієнтовано по осі ПС-ПЗ. Природними умовами пояснюється і наявність кам'яних ящиків, не враховуючи при цьому і можливу християнізацію населення, що їх залишило. За спостереженнями Л.Ю. Пономарьова, аркоподібні ніші зустрінуті на багатьох плитових могильниках Керченського півострова (Тиритакському, Михайлівському, Ельтигенівському) [Пономарев 2001, с. 116]. Таким чином, мова йде лише про християнські поховання із салтівським інвентарем, що датуються у рамках другої половини VIII — першої половини X ст. у плитових могилах, але орієнтованих на відміну від переважної більшості, по осі південь-північ і з надгробним каменем у вигляді пиляного пісковика в головах із видовбаною напівкруглою нішею. Етнічна атрибуція на користь праболгарського, хозарського чи єврейського (на підставі орієнтації по осі південь — північ) етносу — не достатньо доведена. При цьому необхідно враховувати відзначений факт хрис-

тиянізації більшості кримських праболгар, особливо в міських центрах, до середини X в. [Майко, Фарбей 1995, с. 75–81].

Зафіксовані окремі факти проникнення іудаїзму в середовище салтівців Подоння. Нагадаємо, що серед них напис на івриті на фортечному мурі Маяцького городища, салтівський бронзовий перстень із катакомби 38 Дмитровського могильника зі стилізованим семисвічником на щитку [Плетнева 1989, с. 116, рис. 61: 38], іудейський напис на одній із Саркельських скляних посудин [Афанасьев 2001, с. 43–55].

Що стосується південно-східного Криму та його найбільш визначного центру Сугдеї, то тут іудейські елементи до середини X ст. практично невідомі. Свого часу деякі дослідники віднесли чотири склепи, виявлені на ділянці куртини XIV Судацької фортеці, до іудейських. Основним аргументом на користь такої атрибуції вони вважали їх орієнтацію (південь — північ), до речі їх розташування зумовлено особливостями рельєфу та безпосередню близькістю фортечних мурів. Проте в багатоярусних похованнях цих кам'яних склепів з прямокутною камерою і коробовим склепінням погребали, судячи по натільним хрестам, зображенню проквітлого хреста з христомогою і поминальним написом на штукатурці “амінь, упокой Господи...”, знатних християн — сугдейців [Баранов 1990, с. 80, 107, 154–156; Майко 2004, с. 229, рис. 9: 10, 12, 13; Баранов 1994, с. 38; Виноградов, Джанов 2004, с. 414–416, № 8]. І в цьому випадку орієнтація по осі південь-північ не має вирішального значення.

Деякі елементи, характерні для іудейського культу, на думку тих самих дослідників з'являються у Сугдеї тільки у середині X ст. і пов'язані вже з іншою політичною та етнічною ситуацією. Проте наскільки всі вони іудейські [Майко 2004, с. 201–244], треба проаналізувати детальніше.

По-перше, з іудейським культом дослідники пов'язували зольник другої половини X ст. розташований на ділянці куртини XV Судацької фортеці [Баранов, Майко 2001, с. 98–110]. Враховуючи дані стратегії та політичну ситуацію, автори дослідження вважають зольник земляним іудейським святилищем із ритуальними майданчиками, розташованими сходами по радіусу самого пагорба зольника. Підтвердженням подібної атрибуції, на думку авторів, може бути одне з місць у тексті П'ятикнижжя (Тори) де сказано: “... 24. Зроби Мені жертвник із землі, і принось на ньому усі всеспалення твої і мирні жертви твої... . 25. Якщо ж будеш робити Мені жертвник із каменів, то не споруджуй його з тесаних. Тому що, як незабаром накладеш на них тесло твоє, то опоганиш їх. ...” [Вихід, 20,24,25]. При цьому дослідниками уже відзначалася прихильність етнічних хозар саме до старозавітного іудаїзму [Баранов 1990, с. 150].

Загальновідомо, що атрибуція таких пам'яток як зольники складна. Більшість дослідників ставлять у пряму залежність процес нагромадження зольника з функціонуванням того чи іншого культового спорудження. Проте, ряд фахівців притримується думки, що час-

тина зольників зв'язана не з ритуальними діями, а з виробничою діяльністю [Бобринский, Волкова, Гей 1993, с. 3–44]. Не виключено, що поява зазначеного зольника, безумовно, пов'язаного з культом вогню, є наслідком впливу не іудейського, а зороастрійського ритуалу. Ця думка вже згадувалась у літературі [Джанов 1996, с. 187–189].

По-друге, на ділянці куртини XV Судацької фортеці в шарі X–XI ст. виявлений фрагмент прямокутного сланцевого виробу із закошеною гранню. На верхньому боці виробу тонкою смугою продряпана зірка Давида і тюркська тамга, на нижньому боці є нерівний паз [Майко 2004, с. 214, рис. 6: 3]. Пояснити призначення подібного виробу в даний час важко. Проте тут ми маємо фрагмент синкретичного прояву іудаїзму.

Найбільш яскраві риси іудаїзму, на думку дослідників, фіксуються на прикладі поховальних споруд. Проте у Сугдеї це лише дві (серед більш ніж 350 досліджених християнських¹) плитові могили, які зовні також нічим не відрізняються від звичайних християнських.

Перша, безінвентарна, виявлена на посаді Сугдеї (могильник Судак-IVa, розкопки М.А. Фронджуло). Нагадаємо її опис. Кам'яний ящик розмірами 2,16×0,90 м при глибині 0,84 м, складений з великих сланцевих плит, поставлених на ребро і орієнтований по осі північний захід — південний схід. У заповненні поховання виявлено три яруси кістяків. Перший — складав добре збережений кістяк. Кістяк випростано, кістки рук складені на поясі, зап'ястя — на ліктях. Другий ярус утворюють два сильно зруйновані кістяки, розташовані один біля іншого. Крім них, у цьому ярусі в головах могили зачищено ще 5 черепів. Третій, первісний ярус складає одиночне, частково зруйноване поховання. Кістяк випростано, руки, вірогідно, були складені на поясі, кисті — на ліктях. З внутрішнього боку сланцевої плити, що є західною довгою стінкою поховання, прокреслене слово на івриті. Проте, як свідчать першопочаткові спроби досліджень, це слово практично не піддається прочитанню і перекладу, тому що написано людиною, що не знала граматику івриту. Крім того, деякі букви перевернуто догори².

Друга могила розташована на території могильника Судак-II у південно-західній частині посаду Сугдеї (розкопки М.А. Фронджуло). Нагадаємо й її опис. Кам'яний ящик розмірами 2,30×0,67 м і глибиною 0,30 м, трапецієподібної форми, складений із блоків пісковика і невеликих плит сланцю й орієнтований по осі захід-схід. Перший ярус складали частково зруйновані кістяки, розташовані один на одному. Кістки рук першого — безсумнівно, а другого — приблизно, складені на поясі, кисті — на ліктях. Поховальний інвентар складають чотири скляних браслети: 3 — у верхнього кістяка, 1 — у нижнього. Крім того, в останнього виявлено й бронзову підвіску. Другий ярус

¹ Дивись статтю В.В. Майко у цьому виданні.

² Згідно усної інформації О.А. Джанова, знайомого з польовою документацією М.А. Фронджуло, це взагалі може бути вірменський напис.

складав добре збережений кістяк. Кістки рук схрещені на грудях, кисті — на плечах. На лівій руці виявлено 3 скляних браслети. В узголів'ї були зачищені п'ять зруйнованих черепів і довгих кісток, які відносяться до першого похованого. Камінь обкладки північного боку поховання в головах мав прокреслене зображення мінори (семисвічника) і тюркської тамги.

І в цьому випадку ми, по-перше, маємо ще один фрагмент синкретичного впливу іудаїзму, по-друге, не виключено, що іудейський надгробок вторинного, чи навіть третинного використання. До того ж датувати два вищеописаних поховання досить складно. Відомо, що скляні браслети найчастіше зустрічаються в комплексах X—XI ст. Задля об'єктивності, необхідно згадати, що типологічно близькі могили були розкопані А.Е. Люценко в 1867 р. у Керчі [Корпус Боспорских надписей 1965, № 745, 746, 777] і на Фанагорійському городищі [Люценко 1880, с. 573–580]. Проте, лише на останньому некрополі виявлено більш 50 надгробків із семисвічниками, де тільки чотири мали напис на древньому івриті, а 26 — тамгоподібні знаки на зворотному боці плит. В.В. Григор'єв і В.Г. Тизенгаузен, а слідом за ними М.І. Артамонов та І.А. Баранов, атрибутували знаки на таманських надгробках як тюркські родові тамги, і на цій підставі зв'язували надгробки із зображенням мінори і тамги з хазарами, що прийняли іудаїзм. Крім Керчі і Фанагорії, поодинокі надгробки відомі на Мангупі, Алустоні, Партенітах, у Херсонесі. Проте, у відсотковому відношенні це лише „крапля у морі”.

Не можна не відзначити і той факт, що за конструкцією і перша, і друга з вищеописаних могил, як поховальне споруди — звичайна християнська плитова могила. При цьому врахуємо, що й у вже згаданих кам'яних склепах середини VIII в. на ділянці куртини XIV Судацької фортеці у наявності безсумнівні християнські риси. Так само й у вже згаданих салтово-маяцьких похованнях другої половини IX — першої половини X ст. з Михайлівського археологічного комплексу на території Керченського півострова, що пов'язуються із праболгарами, у якості поховальної споруди так само використана християнська плитова могила.

Таким чином, археологічні реалії безсумнівно свідчать про те, що іудейські риси у матеріальній культурі населення південно-східного Криму практично, маловідомі. Виходячи з цього, розглянемо релігійно-політичну ситуацію у цій частині півострову у вказаний хронологічний період.

Після Боспору у візантійській системі церковних кафедр Кримського півострова значилася Сугдея. Лише наявністю режиму кондомініуму можна пояснити, чому, згідно старослов'янської і вірменської версій Життя Стефана Сурожського, тут розмістилася резиденція хозарського тархана, у функції якого входив нагляд за збиранням податків за військову службу. Одночасно зберігалася візантійська світська і церковна влада, причому сталося це не раніше кінця 40-х рр. VIII ст., враховуючи міжнародну політичну ситуацію, запеклі

зіткнення 730-х рр. з арабами, що відволікали всі сили хозар, а також послідовність оповідання агіографа [Иванов 2002, с. 42–43; Баранов 1994а, с. 14; Баранов, Степанова 1997, с. 83–87]. Саме цим хозарам дослідники приписують облаштування “кам’яного капища”, язичеського святилища “баштового типу” [Баранов 1991, с. 147–150; Баранов, Майко 1994, с. 96–103; Баранов, Майко 1995, с. 71–72, 85, рис.1: 1; Майко 1998, с. 130–131; Майко 2000, с. 289–290; Майко 2001, с. 41–42; Баранов, Майко 2001, с. 98–110]. Воно було улаштовано на ділянці куртини XV, але, примітно, за межами оборонних стін міста. Та й чи було це “тюркське капище”? Сліди його недостатньо виразні, а вапнякову фігуру з відбитим обличчям або бронзову підвіску у вигляді коня, що походять з комплексу, навряд чи можна беззастережно вважати ідолом або амулетом [Баранов, Майко 1995, с. 86, рис.2; 9]. Ще більш несподівана присутність в язичеському святилищі зображення хреста, прокресленого на одному з фрагментів ліпної посудини [Баранов, Майко 1995, с. 86, рис.2; 7]. Привертають також увагу знахідки серед розвалу декількох фрагментів кам’яних профільованих масивних карнизів, численних великих плит, блоків, в тому числі з зображенням прокресленого циркулем хреста в колі, великої кам’яної плити з шістьма заглибленнями в ряд, яка, ймовірно, була кришкою масивного саркофага і використовувалася для установки свічників, канделябрів або лампадорів на штирях. Тут же у кладці, що побудована пізніше житлової садиби, було знайдено пісковиковий блок з недбало вирізаним грецьким ктиторським чи надгробним написом у чотири рядки “О спасении (или “о молитве”, “о памяти”) и / отпущении грехов / Христофора (или Христудула) /. Аминь” і слідами вапняного розчину на тильній стороні, які вказують, що напис було вмонтовано в стіну. Палеографічні особливості дозволяють відносити напис до часу раніше середини IX ст. Все це вказує, скоріше, на залишки досить великого візантійського храму або мартирія постюстиніанівського часу, розвал якого сповз по яру вниз, ніж на язичеське святилище шанувальників бога-героя Тенгрі, до того ж зруйнованого, судячи по фрагментах амфор з рифленням у вигляді хвилі, що набігає, до другої половини VII ст., коли тут могли з’явитися хозари [Джанов 2004, с. 55–59, рис.1–3; Виноградов, Джанов 2004, с. 408–410, № 4].

З огляду на присутність військових контингентів і влади хозар, можна було б очікувати, що в архіві міста, виразні сліди якого простежуються біля берега бухти Лімена-Кале, будуть відсутні молівдовули VIII — IX ст. [Баранов, Майко 1995, с. 101]. Але цього немає. Більш того, кількість молівдовулів в цей час збільшується (до 25,2% проти 15% від VII — VIII ст.), що змушує досить скромно оцінювати роль і ступінь впливу хозар в місті — центрі візантійської єпископії.

Відповідно до другого, синаксарного грецького житія, написаного уродженцем міста, знавцем місцевих переказів, в “славному місті Сугдеї” в правління патріарха Германа (715–730) вже був власний предстоятель. Після його кончини сугдейська влада звернулася до Константинополя за новим ієреєм, через це сюди з столиці прибув в

“царському кораблі” Стефан, що одержав від патріарха константинопольського тутешній “єпископський трон” [Васильевский 1915, с. 73–74, гл.2; с. 84, гл.13; Гадло 19916 с. 100]. Вірменський синаксарний варіант життя підтверджує ці відомості і уточнює, що призначення Стефана “єпископом митрополії Сугдеї” відбулося при патріарху Германі і імператорі Феодосії (715–717) [Le synaxaire armenien 1930, р. 867]. Крім того, в VIII ст. автокефальна Сугдея могла на час стати замість кавказького Нікопсиса (кастроу на однойменній річці, ймовірно, Нечепсухо на північ від Туапсе) центром Зіхської єпархії, яка складалася з Херсонської, Боспорської і Нікопсійської кафедр. У всякому випадку нотіція де Боора (Дарруже № 3), створена в своїй основі скоріш за все на кінець VIII — початок IX ст., називає центром єпархії саме Сугдею, тоді як попередні і наступні нотіції поміщали його в Нікопсисі [Darrouzès 1981, р. 31, 206, 218, 232, 266].

Ні в грецькій, ні у вірменській, ні в старослов'янській редакції, просторій чи короткій, синаксарній версії “Життя св. Стефана Сурожського” не сказано про те, що проповідь новопризначеного єпископа велась серед “язичників — хозар”. Разом з тим, в Сугдеї і її пригороді жили не тільки греки і не тільки християни. Тому зрозуміло, чому прибулому в місто грекомовному Стефану довелося спілкуватися з деякими, які зверталися до нього через перекладачів, що знали дві мови [Васильевский 1915, с. 85, гл.15]. Очевидно, саме так він міг “зміцнювати у вірі вірних і хрестити невірних по всій цій язичеській країні”. Крім того, послухати єпископа і поговорити з ним приходив якийсь улюблений преподобним “князь Юрій (Георгій) тархан”, який “по закону Божому правяще владу свою” [Васильевский 1915, с. 95, гл. 30]. Якщо це і був тюрк, то хрещений, причому не обов'язково Стефаном, бо в такому випадку укладач Життя не проминув би згадати цю утішну для його героя обставину [Баранов 1994а, с. 28].

Константинопольська влада бажала бути упевненою в лояльності підданих своїх заморських кримських володінь і пильно стежила за усім, що відбувалися там. За словами грецького, можливо, сугдейського агіографа, в розпал іконоборства, єпископ Сугдеї, що не мав спочатку довіри, був відкликаний в столицю, куди його доставили на кораблі спеціально послані для цього імператорські синасписти і симпактори — “воїни-щитоносці і виконавці судових вироків” [Васильевский 1915, с. 75, гл.3]. Вірменська синаксарна редакція уточнює, що це трапилося незадовго до смерті Льва III Ісавра в 740 р., коли Стефан, прибулий в столицю, нібито вступив в конфлікт з василевсом і потрапив у в'язницю, звідки був випущений при сині Льва, Константині V, завдяки заступництву дружини останнього, Ірини, за словами Феофана, “що відрізнялася благочестям” [Le synaxaire armenien 1930, р. 871; Иванов 2002, с. 42; Theophanis Chronographia 1883, р. 410. 1–3; Rochow 1994, s. 10]. В 749 р. він навіть хрестив сина Константина, очевидно, Льва Хозарина, майбутнього імператора, що свідчить про повне припинення опали, якщо така була, і відплив назад в Сугдею на кораблі царського флоту, де застав Георгія Тархана, що з'явився

на той час у місті. Таким чином, “много испытал и вынесши”, Стефан з часом був знову повернутий на колишнє місце в колишньому сані, очевидно, зумівши зарекомендувати себе в очах влади [Васильевский 1915, с. 76, гл. 4]. Уже сам цей факт змушує запідозрити в Стефані не настільки стійкого і ревного шанувальника ікон, яким його, услід за тенденційно налаштованими агіографами, іноді хочуть представити дослідники, що мусують свідчення про уявне “заслання” [Sevcenko 1977, р. 114; Беляев 1994, с. 61; Аузеру 2000, с. 326, 330; Сухоребров 2002, с. 76–77; Сорочан 2002, с. 518–519; Могаричев 2003, с. 30]. Очевидно, єпископ мав стійкі зв'язки з офіційним Константинополем, користався прихильністю царської сім'ї, його діяльність цілком уписувалася в імператорський курс, а Сугдея була не більшим “оплотом православ'я”, чим Херсон, влади котрого, духовні і світські, теж не хотіли йти усупереч волі столиці Імперії і множити ряди мучеників–іконодулів. Наступна канонізація єпископа могла пояснюватися не його подвигами на славу іконошанування, а успіхами в якості дипломатичного посередника між ромеями і хозарами, успіхами на ниві християнізації місцевого гетерогенного населення та в справі зміцнення позицій кафедри, яка зміцніла саме при служінні Стефана її наставником.

Очевидно, вплив морської торгівлі виявився досить сприятливим для процвітання міста і формування його в VII — IX ст. як укріпленого провінційно-візантійського торгового порту і промислово-ремісничого центру. Непорозумінням є твердження про відсутність міської забудови в деякій “хазарській” частині міста, в чому вбачається “номадський слід” [Моця 2004, с. 277]. Привертають увагу знахідки уздовж усього берега бухти Лімена-Кале свинцевих хрестів і моделей корабельних якорів, які виготовлялися ремісниками як амулети, що оберігали вантажі і судна [Кузьминов 2004, с. 442–446; Шаповалов 2002, с. 276–279, рис.1: 1–8]. Освячені в церкві, вони охоче купувалися моряками, які, ймовірно, кидали їх в море на вдачу. В місцях, де скупчувалися товари, вони могли слугувати за пломби для опечатування вантажів, але, враховуючи відсутність таких свинцевих хрестів і якорів в Херсоні і Боспорі, очевидно, це була сугдейська християнська традиція.

В будь-якому випадку, схоже, що пік нещасливих “темних віків” був для сугдейців та жителів округи, що складалися почасти з хрещених, осілих булгар, салтовців, як і для херсонитів, все ж не найгіршим часом. Якщо вони і контактували з хозарами, то це було епізодично, непослідовно, як і хазарська військова, адміністративна присутність, про яку, до речі, мовчать літописні джерела, хронографи, що оповідають про похід русів–ругів князя Бравліна, що повоював в кінці VIII або першій половині IX ст. землі “від Корсуня до Корчева” [Васильевский 1915, с. СXLII — СXLIII, 95, гл. 53; Горский 1844б с. 191–196].

Отже, говорити про Сугдею цього часу як про хазарське або булгарське місто не доводиться. Вона мала яскраво виражений ромейський вигляд і була центром єпископії, а також місіонерської діяльності по відношенню до оточуючих, ще почасти нехрещених народів. В умовах системи візантійсько-хазарського кондоміната спостерігалася по-

ступове, методичне зміцнення позицій ромейської церкви в Тавриці, які не зустрічали протидії з боку хозар. Останні, очевидно, довгий час не думали про перетворення тутешніх земель в “Кримську Хозарію”.

Сугдея, Готська єпархія і її митрополія Дорос (Doros metropolis), що згадуються в списку предстоятельств константинопольських патріархів, митрополитів і автокефальних єпископів *Notitiae Isaurorum* (Дарруже № 3) і схолії до нього, Фули, Хотзірон, Астіль, Хуаліс, Оногурон, Петег, Унон, Таматарха, по невідомій причині не названі в іншій, правда, теж неофіційній нотіції, складеній за часів патріарха Никифора (806–815 р.). Очевидно, власне до території Криму кінця VIII — IX ст. відносилися “єпархія Готфія”, а також, можливо, Фули і Хотзірон. Про дві останні згадується в схолії до списку митрополій Нотіції де Боора: “— 37 єпархія Готфія, а) Хотзірон біля (поблизу, близько) Фул і Харасія (tou Charasiou), що вважають (називають) Чорна Вода (eno legetai to Mavron Neron)”. Достатні чи це підстави, щоб услід за О.О. Васильєвим та іншими вважати Хотзірон саме і тільки єпископією, а під хотзірами — мешканцями Хотзірона бачити хозар? [Vasiliev 1936, р. 98; Ahrweiler 1971, р. 44–71; Баранов 1990, с. 153; Сидоренко 1995, с. 585–586; Майко, Фарбей 1995, с. 75]. В усякому випадку, ніщо не заважає розуміти під цією назвою цілком конкретне місце, може бути, центр округу, області, якесь крупне поселення, полісму чи кастрон в Тавриці, причому не обов’язково у східній її частині, як думали А.В. Гадло і О.І. Айбабин, тому що ближніми орієнтирами названі точно не локалізовані Фули і якась Маврон Нерон, очевидно, Чорна річка [Гадло 1991, с. 101; Сорочан 2002, с. 71–79].

Астіль, наступний в схолії після Хотзірона, начебто зв’язують в цій приписці з однойменною рікою Хазарії — Волгою (Ітілем), але, щоб не виникло непорозуміння, підкреслюють їх відмінність: “б) Астіль, що вважають (називають) Астіль ріка Хазарії, а це кастрон”. Ю.А. Кулаковський так само бачив в цій назві не гідронім, а останню столицю хозар — Астіль-Ітіль. Більш того, на думку О.О. Прицака, мова йшла “о двух половинах хазарской столицы: западной Астиль / Атиль и восточной Хуалис / Хвались / Казаран” [Голб, Прицак 1997, с. 185]. Тому є підстави поміщати названі після цього інші топоніми і одночасно церковні центри (Оногурон, Ретег, Унон) упритул до Таматархи на Таманському півострові, що нібито входили в IX ст. в єпархію Готія, поза межами власне “країни готів”. Утім, підстави для цього хиткі, оскільки подібні “етнічні” назви місць, що виявляють зв’язок з булгарами-оногурами, гунами, тюрками, могли зустрічатися і в Криму, прикладом чому править згадуваний в церковних документах останньої чверті XIV ст. південнобережний хорос, що іменувався “Аланією”. Етніміми фігурують і в назвах єпархій, на що, наприклад, вказують перша редакція синаксарного Менологія Василя (кінець X — початок XI ст.) та Кларомонтанський синаксар, де під 10 листопада значиться пам’ять “св. Єфрема, сповідника і єпископа Гуннії” [Сергий 1997, с. 350]. Питання лише, чи збігається вона з тим “Уноном”, що названий в Нотіції де Боора і чи можна розглядати її в

якості слідів “35-ої (37-ої) епархії — Готфії”? До того ж слід враховувати особливість “розпливчастої” візантійської етнотермінології, де “...этнические термины не являются этниконами в узком и строгом смысле слова, но включают в себя обширную область географо-культурно-бытовых характеристик” [Бибииков 1986, с. 101].

Але зовсім неймовірно, щоб назви епархій були зв’язані не з конкретними центрами, містами чи фортецями, а з гідронімами. В усякому випадку, в візантійських джерелах немає надійних прецедентів такого роду. Тому немає підстав бачити в Хуалісі — Хвалісі Каспійське море, а в Ретеге — р. Терек, як би дотепно не виглядали ці догадки [Vasiliev 1936, р. 97–104; Иванов 2000, с. 67]. Не могли вони бути і “типовими мисійними епархіями без постійної резиденції” [Кабанец 2004, с. 91, 94–95], оскільки візантійська церква не знала такої практики.

Не менш складно вирішити питання відносно епископії Фул — останньої в списку кримських епархій, яка, видимо, з’явилася пізніше інших і доля якої виявилася дуже плутаною і звивистою. Стосовно до подій кінця VIII ст., Фули фігурують в Житті Іоанна Готського як кастрон, у філаку — в’язниці якого опинився виданий кагану Іоанн. Локалізація цього місця як поселення, або хоча б як округа (а це було і те, і інше) до сих пір лишається відкритою. Майже двохсотлітні пошуки породили цілу літературу з цього приводу і біля двох десятків ймовірних варіантів локалізації.

В офіційних нотіціях Фули як епархія, а точніше, як автокефальна архієпископія, з’явилася уперше на самому початку X ст., на 48 місці, зразу услід за Готфією і Сугдеею. Херсон і Боспор при цьому стояли відповідно на 21 і 39 місці. Пізніше, з’єднання Фульської епархії з Сугдейською, що відбулось не раніше середини XII ст., і наступне зведення їх у ранг митрополії, не суперечить версії про локалізацію Фул в районі Інкерману, що виглядає найбільш переконливо, тим більше, що інший основний “підозрюваний” — городище на пагорбі Тепсень біля с. Планерське надовго, до XIV — XV ст., припинило своє існування і сталося це не пізніше 40-х рр. X ст. Посилання на консервативність церковних структур в даному випадку безпідставне. Як уже сказано, їй суперечать данні археології.

Привертає увагу, що у 80-х рр. XIV ст. херсонський архієпископ зазіхав на південнобережні приходи — хораї, що знаходилися у той час у віданні готського і сугдейського митрополитів. Предстоятель Херсона “...говорив і запевняв, що з незапам’ятних часів йому належить право на прихід той (Еліс)”, а клірики іншого хораї — Кинсануса — теж клялись, що вони завжди відносилися до Херсону. Навряд чи це були голослівні твердження. За ними відчувається опора на давню традицію, незважаючи на те, що на той час не було вже “нікого хто б знав”. В усякому випадку, в результаті розгляду позову константинопольський патріарх Макарій, що виражав спочатку недовіру, був змушений наказати вважати “...места те и прежде и теперь подлежащими Херсонской церкви, по бывшему здесь от многих свидетельству” [Архимандрит Антонин 1867, с. 458–469, № CCCLV, 1382 г.; CCCLXVII, 1384 г.;

CCCLXVIII, 1385 г.; CCCLXX, 1386 г.; CCCXIX, 1390 г.]. Значить, деякі підстави для такого рішення були, і вузька смуга узбережжя від Інкермана до Сугдеї періодично перекроювалася церковними ієрархами після того, як з'явилася Фульська єпархія. Останній раз Фули згадуються в сполученні з Сугдеєю в 1400 р. В XVI ст. вони відродилися під назвою Кафо-Фульська єпархія. В 1666 р. вже як митрополія колишня єпархія була приєднана до древньої Амасії, на протилежному березі Чорного моря, а в 1678 р. — до Готії, під назвою Готсько-Кафська.

Таким чином, древня назва Фули (Фулли) зникла з церковного вжитку не раніше кінця XVII ст. і, значить, до цього часу його по давній традиції пов'язували з якоюсь конкретною, що продовжувала існувати після X ст. місцевістю, пам'ять про яку поступово зникла багато пізніше, як і уявлення про її розташування. В цьому забутті немає нічого дивного. Наприклад, за даними Мартіна Броневського, до останньої третини XVI ст. було забуто назву великого міста і фортеці, що знаходилися на Ескі-Кермені, до того ж настільки міцно, що не тільки місцеві турки і татари, а й “самі греки не знали його імені” [Броневский 1867, с. 344]. Ймовірно, вже на кінець XV ст. древні Фули виявилися істотно потіснені новими топонімами — Каламіта та Інкерман.

Достатньо розвиненій єпископальній структурі Криму відповідало багатство культових пам'яток, число яких продовжувало неухильно збільшуватися. Продовжують існувати зведені раніше храми, вони часто ремонтуються, розширюються. З другої половини VI по IX ст., особливо у другій пол. VIII — першій пол. IX ст., будівництво християнських храмів — склепінчастих базилік та однефних церков у різних частинах півострова не припинялося, що складає широку джерельну базу для вивчення особливостей та етапів існування християнства в Криму. Так, на плато Тепсень розкопана одна з найбільших на півострові тринефних базилік (37,6×12,4 м), ймовірно, зведена в середині — третій чверті VIII ст. В той же час невеликий храм був збудований на поселенні на пагорбі Кордон-Оба. До 750–780 р. А.В. Гадло відносив влаштування християнських храмів на поселеннях, де жили і булгари, салтовці, в Героївці [Гадло 1969, с. 203] та Пташкіне. Так, розкопками в с. Пташкіне зафіксовано, що під час підготовки ділянки для невеликої тринефної базиліки були засипані напівземлянка та господарська яма першого будівельного періоду з амфорами, виготовленими у другій половині VIII ст. Після зруйнування базиліки її північний неф пристосували під господарське приміщення, на підлозі якого знайдені фрагменти кераміки, виробленої не раніше середини IX ст. Отже, зведення базиліки дослідники віднесли до другої половини VIII — першої половини IX ст. [Баранов 1990, с. 133]. На одному з нових поселень в низов'ях р. Бельбек, в Поворотному, в кінці VIII ст. також зводиться нова тринефна базиліка (11×10,5 м) [Романчук 1976, с. 10–18, рис. 2]. Серед найвідоміших храмів, що були збудовані або перебудовані в цей час: церква Іоанна Предтечі на Боспорі (виходячи з напису 757 р. на колоні), ряд храмів Херсонесу та багато інших, причому в різних районах півострова, і в горах, і в передгір'ях, і на узбе-

режжі [Баранов 1990, с. 133–139]. Це дозволяє говорити про новий будівельний бум на такі споруди, але не в містах, а в сільській місцевості, що могло бути наслідком успіхів християнізації і необхідності обновити і розширити колишній, постарілий фонд культових будівель.

З середини VIII ст. в південно-західному, східному і центральному Криму виникають десятки нових поселень, некрополів і гончарних центрів [Айбабин 1999, с. 200–201, 184, рис. 78]. На матеріалах названих поселень А.В. Гадло і І.А. Баранов розробили типологію жител болгар, що осіли під впливом візантійської культури і християнізації на півострові. В IX ст. майже на всіх перерахованих поселеннях стали будувати садиби з житловими приміщеннями з глиняними підлогами та кам'яними печами, з окремими господарськими прибудовами й загородженим двором цілком “ромейського” вигляду [Гадло 1971, с. 74; Баранов 1990, с. 50–51]. Візантія залучає болгарське населення до своєї культури і торгівлі, звісно і християнізує, зокрема, шляхом засвідченої джерелами місіонерської діяльності [Баранов 1990, с. 108].

Проникнення християнських ідей у глибину світосприйняття кримського населення засвідчують і могильники. Велику кількість могильників ранньосередньовічного часу досліджено в південному та південно-західному Криму — Скалисте, Лучисте, Суук-Су, Артек, Ко-реїз, Симеїз, Узень-Баш, Ароматне, Баштанівка, Чуфут-Кале, Ескі-Кермен, Терновка та багато інших. На основі загального сармато-аланського обряду та типів поховальних конструкцій (грунтові, підбійні могили і склепи-катакомби), що продовжують існувати, під впливом християнства з'являються зміни і в поховальних звичаях. З цього ж часу на південному березі ховають не тільки в склепах, але й у звичайних і давно відомих для візантійських християн плитових могилах, а на Ескі-Кермені і в могилах, що вирубані в скелі. З другої половини VII ст. на гірських могильниках Криму ставлять християнські надгробки [Айбабин 1999, с. 69].

Боспорських християн продовжують ховати у плитових могилах на некрополі на горі Мітридат. Тут знаходять візантійські пряжки VII–IX ст. [Айбабин 1993, с. 128; Айбабин 1999, с. 189]. У новозбудованих склепах, на відміну від Херсона, тут уже не ховають. Найбільш пізні поховання у склепах в Боспорі і на могильниках Керченського півострова датуються другою пол. VII ст., тоді як в Херсоні продовжували влаштовувати багатоярусні поховання у старих склепах.

А.Л. Якобсон наводить 35 випадків такого використання типових римських склепів (з розкопок 1896–1912 р.), які він невірно називає двошаровими, оскільки це, скоріше, багатоярусні пам'ятки: почавши функціонувати у II — III ст. чи пізніше, в ранньовізантійський період, вони продовжували служити для похоронних потреб херсонитів по декілька сторіч підряд. Характеризуючи некрополь IX — X ст., дослідник вказав ще 33 аналогічних склепи з багатоярусними похованнями, які були відкриті за час з 1893 по 1910 р. Однак в 13 з них речей і монет знайдено не було і уже через це віднесення таких, за виразом А.Л. Якобсона, “братських могил” винятково до кінця раннього серед-

ньовіччя нічим не обґрунтовано. Те ж саме можна сказати ще про 6 склепів, в яких виявилися монети римського і ранньовізантійського часу або біжутерія VI — VII ст. В 14 склепах що залишилися, були монети кінця IX и X ст. або “вещи явно поздние”, причому в склепі № 797 виявилася монета Льва I и циркулярно деформований череп, не характерний для пізнього часу, в склепі № 2814 — солід Маврикія (582–602) і поясна пряжка VII — VIII ст. Це означає, більша частина цих колективних усипальниць загальною кількістю не менше 70 цілком могла періодично перебувати в використанні протягом усього раннього середньовіччя і, що важливо відзначити, раніше IX ст.

З поч. VIII ст. в Південно-Західному Криму, під впливом християнства вже не ховали в традиційних для алан підбійних могилах. З поширенням і повною перемогою християнства в Тавриці можна пов'язати розповсюдження в кінці VI — X ст. некрополів з плитовими могилами, яких досліджено вже більше двох десятків. Найперші з них з'являються поблизу синхронних поселень землеробських громад і монастирів східновізантійського типу (Шулдан, Чилтера, Качі-Кальон, Партеніт, Ай-Георгій та ін.) [Баранов 1990, с. 108]. Як правило, ці могильники однобрядові і представлені поховальними конструкціями одного типу: неглибокими могилами підпрямокутної форми, що обкладені з боків і перекриті плитами. Поховання в плитових могилах справлені за християнським обрядом. Небіжчики лежали у випростаному стані на спині з західною орієнтацією, кістки рук — на грудях або кістках тазу [Баранов 1990, с. 106]. На цей час, в гірській Тавриці катакомбні ґрунтові могильники поступово занепадають і зникають, а плитові розповсюджуються по всьому Криму, замінюючи собою всі інші попередні некрополі. Не виключено, що повна заміна поховального обряду, як найбільш консервативного явища, є одними з показників остаточної перемоги християнства на півострові. Поширення плитових могил в південній та гірській Тавриці пов'язане з масовим переселенням християнського населення з Візантії, Малої Азії, яке, напевно, й було основною рушійною силою розповсюдження християнської релігії серед місцевого населення. Нажаль, за поховальними матеріалами важко встановити конфесійну належність християн.

Християнська символіка стає загальновідомою і дуже поширеною, вона використовується в одязі і прикрасах різноетнічних жителів Криму [Хайредінова 2000, с. 334–348]. Дуже розповсюджене і зображення хреста грецького типу з розширеними кінцями, що відоме на пізньому червонолаковому посуді, черепиці та інших речах [Молев, Сазанов 1991, с. 63–73; Паршина 1974, с. 56–94; Сазанов 1995, с. 406–440]. Серед знахідок на поселеннях південно-західного Криму VI — IX ст. також відомі знаки у вигляді хрестів на гончарних виробах.

Деякі дослідники вважають, що нові могильники були принесені з Приазов'я та Східного Криму ранніми болгарами, але при цьому домінування в плитових некрополях основних рис саме християнського обряду поховання не знаходить пояснення. Більше того, не проведено ґрунтовне типологічне порівняння з болгарськими пам'ятками

салтово-маяцької культури. Тим більше, що в салтово-маяцькій культурі таких могил не існувало, в тому числі і у ранніх болгар [Плетнева 1967, с. 91–100]. Ймовірно, саме з переселенням тюрко-болгар в зону розповсюдження християнства вони починають ховати померлих за новим обрядом, в тому числі і в плитових могилах. Через це, з прийняттям християнства зафіксовано факти його неповного сприймання та своєрідного переосмислення, що було пов'язане з кочівницькою ідеологією [Майко, Фарбей 1995, с. 80; Майко, Фарбей 1997, с. 101–103]. Отже, основна частина середньовічних плитових могильників Криму, на наш погляд, повинна розглядатись, в першу чергу, як джерело по вивченню християнізації Таврики.

Відношення з Хазарією візантійці будували у Криму, скоріш за все, на кондомінатній основі. До певного часу вони залишались дружніми, союзницькими, доки не змінилась політична, ідеологічна ситуація, що виразилося у розпаді хозаро-візантійського антиарабського союзу. У зв'язку з цим можна переглянути тлумачення повстання в Готії єпископа Іоанна Сповідника як прояв протистояння між місцевою християнською владою та каганом хозар, які начебто захопили весь Крим на кінець VIII ст. Це дозволяють зробити нові критерії оцінки агіографічного джерела на фоні аналізу соціально-ідеологічної ситуації у Візантії та Константинополі, а також врахування поправок на теорію й структуру агіографії. Можна припустити, що під час розгрому іконошанувального собору в Константинополі у серпні 786 р. Іоанн, гарячий прибічник августи Ірини, зазнав репресії — “був виданий керівникам хозар”, причому це, як і його невдалий попереджувальний антихозарський виступ, був спровокований силами тієї частини константинопольської знаті, духовної та світської, яка протистояла Ірині та намагалась в такий спосіб звузити її опору. [Докладніше див.: Фарбей 2004, с. 352–369].

Аналіз нотіцій, інших письмових та сфрагістичних джерел дозволяє простежити ієрархію кримських єпископій, підпорядкованих константинопольському патріархату. Провідну роль в них займали Херсон та Боспор, з IX ст. підвищені до статусу архієпископій, що свідчить про їх авторитетне, процвітаюче положення. Характерно, що Боспор, як і Херсон, залишався за іконоборчої доби ромейським містом, наприкінці VIII — на початку IX ст. відродив православно-ортодоксальні традиції. Це не суперечило ромейській урядовій політиці того часу.

Підпорядкування місцевих органів влади, у тому числі боспорського єпископа, хозарам тут якщо і мало місце, то не виходило за рамки кондомінатної угоди.

Те саме спостерігалось в Сугдеї, наступній в ієрархії кримських єпископів після Боспору. Матеріальних залишків хозарської присутності тут немає. Те, що вважалося “капищем”, скоріш за все, залишки християнського храму постюстиніанівських часів. Слідів етнічних хозарів не виявляють й християнські поховання у типових провінційно-візантійських склепах з коробовим перекриттям, з християнським інвентарем та настінною фрескою. Кількість візантійських молівдовулів

збільшується саме у VIII — IX ст., коли Сугдея начебто була “столицею Кримської Хазарії”, тобто в найбільш невідповідний для цього час.

Цей висновок підтверджує й наведений на початку роботи аналіз іудейських рис матеріальної культури мешканців Сугдеї, які практично не простежуються. Виходячи з того, що саме вони могли б бути одним з критеріїв присутності хозарської влади у місті, яка б безумовно відбилася на релігійній ситуації висновок про візантійський характер міста отримує додаткові аргументи.

Література

- Айбабин А.И.* Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 121–134.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
- Архимандрит Антонин.* Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 458–469.
- Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования хазарского государства // РА. 2001. № 2. С. 43–55.
- Баранов И.А.* Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи // Археологические исследования в Крыму 1993 г. Симферополь, 1994а. С. 29–31.
- Баранов И.А.* Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1991. С. 145–159.
- Баранов И.А.* Таврика в составе Хазарского каганата. Автореф. дис. д.и.н. К., 1994.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтовомаяцкая культура). К., 1990.
- Баранов И.А.* Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг. Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 9–11.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Пастырско-пенковската культура и проблемът за разселването на прабългарските племена от Средното Поднепровье и Таврика // Българите в Северното Причерноморие В.Търново, 1995. Т. 4. — С. 70–87.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі-України. К., 1994. С. 96–103.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Тюркское святилище Сугдеи // РА. 2001. № 3. С. 98–110.
- Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 1. № 1. С. 83–87.

- Беляев С.А.* История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1994. Кн.1. С. 33–82.
- Бибииков М.В.* Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. 1986. Вып. 30. С. 97–108.
- Бобринский А.А., Волкова Е.В., Гей И.А.* Кострица для обжига керамики // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993. С. 3–44.
- Броневский М.* Описание Татарии // ЗООИД. 1867. Т. 6.
- Виноградов А.Ю., Джанов А.В.* Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. К.; Судак, 2004. С. 408–410.
- Вихнович В.Л., Лебедев В.В.* Загадка 15000 древних рукописей // МАИЭТ. Т. II. Симферополь, 1992. С. 130–140.
- Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991. С. 91–106.
- Гадло А.В.* Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. 1969. № 1. С. 189–204.
- Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X — XIII вв. Л., 1994.
- Гадло А.В.* Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости // Этнография народов СССР. Л., 1971. С. 62–79.
- Гаркави А.Я.* По поводу известия Авраама Керченского о посольстве св. Владимира к хазарам // Известия русского археологического общества. Т. VIII. СПб., 1876.
- Гаркави А.Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874.
- Голб Н., Прицак О.* Хазаро-еврейские документы X в. Москва-Иерусалим, 1997.
- Горский В.* О походе русских на Сурож // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 191–196.
- Горянов Б.Т.* Византия и хазары // Исторические записки. 1945. № 15. С. 262–277.
- Джанов А.В.* Сугдея в III — VII вв. // Сугдейский сборник. К.; Судак, 2004. С. 55–59.
- Джанов О.В.* Вотивна модель храму із Східного Криму // Міжнародна археологічна конференція студентів і молодих вчених. К., 1996. С. 187–189.
- Иванов С.А.* Византийская религиозная миссия X — XI вв. с точки зрения византийцев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2000. № 3. С. 57–69.
- Иванов С.А.* Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Второй Международной коллоквиум. Тезисы. М., 2002. С. 40–43.

- Кабанец Е.П.* Восточные славяне и византийские христианские миссии в Таврике и Северном Причерноморье на рубеже IX — X вв. // Сугдейский сборник. К.; Судак, 2004. С. 83–100.
- Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Коковцов П.К.* Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X в. // Журнал Министерства народного просвещения. Ноябрь. 1913.
- Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.
- Кузьминов А.В.* Средневековые кресты-пломбы из находок в бухте Лимена-Кале // Сугдейский сборник. К. Судак, 2004. С. 442–446.
- Лебедев В.В.* К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А.С. Фирковича // Доклад прочитанный в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина 11 марта 1974 г.
- Люценко А.Е.* Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге в 1876 г. СПб., 1880. С. 573–580.
- Майко В.В.* Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии VIII — первой половины X в. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001. С. 41–42.
- Майко В.В.* К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2000. С. 289–290.
- Майко В.В.* Приписки на полях крымских Библий как источник по истории юго-восточной Таврики второй половины X в. (Археологический аспект проблемы) // Пилигримы Крыма. Осень 98. Симферополь, 1999а. С. 176–181.
- Майко В.В.* Проблемы этнокультурных связей Крыма с Поднепровьем во второй половине VII в. // “Проблемы археологии Юго-Восточной Европы”. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докл. Ростов-на-Дону, 1998. С. 130–131.
- Майко В.В.* Хозари у Криму в другій половині X ст. // Археологія. 1999. № 2. С. 40–49.
- Майко В.В., Фарбей А.М.* Об одном типе плитовых могил средневековой Сугдеи // Проблемы греческой культуры. Материалы международной конференции. Симферополь, 1997. С. 101–103.
- Майко В.В., Фарбей О.М.* Християнізація тюрко-болгар Криму в світлі археологічних джерел // Археологія. 1995. № 4. С. 75–81.
- Могаричев Ю.М.* К вопросу о “Хазарском наследстве” (Хазарские иудеи и проблема происхождения караимов и крымчаков) // ПИФК. Вып. X. Москва-Магнитогорск, 2001. С. 268–281.
- Могаричев Ю.М.* К вопросу о начальной истории Сугдейской епархии // Культурные памятники в мировой культуре: археологический,

- исторический и философский аспекты. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2003. С. 30.
- Молев Е.А., Сазанов А.В.* Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 63–73.
- Моця А.П.* Население Хазарского каганата в Юго-Восточном Крыму // Сугдейский сборник. К.; Судак, 2004. С. 273–279.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Ольховский В.С., Петерс Б.Г.* Раннесредневековые материалы Михайловского археологического комплекса в Крыму // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 151–158.
- Паршина Е.А.* Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. К., 1974. С. 56–94.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М., 1967. С. 91–100.
- Пономарев Л.Ю.* О некоторых погребальных обрядах населения Керченского полуострова в VIII–IX вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь, 2001.
- Романчук А.И.* Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. 1976. № 13. С. 10–18.
- Рыбаков Б.А.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. 1953. Т. XVIII. С. 128–150.
- Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1995. Вып. 4. С. 406–440.
- Сергий.* Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 2. Ч.1. С. 350.
- Сидоренко В.А.* К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. (1994) 1995. Вып. 4. С. 585–586.
- Сорочан С.Б.* “Зачарованный клад”. Еще раз о локализации Фул (Фулл) // АДСВ. Екатеринбург, 2002. Вып. 33. С. 71–79.
- Сорочан С.Б.* Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. 12. С. 518–519.
- Сухоробров В.В.* Крымский полуостров в иконоборческую эпоху // Православные древности Таврики. К., 2002. С. 76–77.
- Труды В.Г. Васильевского. Т. 3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Пг., 1915.
- Хайрединова Э.А.* Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // Хсб. 2000. Вып. 10. С. 334–348.
- Хвольсон Д.А.* Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма. СПб., 1866.

- Шаповалов Г.И.* О находках культовых моделей якорей в Крыму // Судея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. К.; Судак, 2002. С. 276–279.
- Ahrweiler H.* Les relations entre les byzantins et les russes au IX siècle // Byzance: les pays et les terriociers. Bulletin d'information et de coordination de l'Association internationale des études Byzantines. Athenes; Paris, 1971. Т. 5. P.44–71.
- Auzepy M.-F.* Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. P. 324–331.
- Darrouzes J.A.A.* Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Le synaxaire armenien de Ter Israel // Patrologiae Orientalis. Paris, 1930. Vol. 21.
- Rochow I.* Kaiser Konstantin V (741–775). Frankfurt am Main, 1994.
- Schechter S.* An Unknown Khazar Document // The Jewish Quarterly Review. New Series. Т. III. 2. 1912. P. 182–219.
- Sevcenko I.* Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham, 1977. P. 113–131.
- Theophanis* Chronographia. Lipsiae, 1883.
- Vasiliev A.A.* The Goth in the Crimea. Cambridge (Massachusetts), 1936.
- Zuckerman C.* On the date of the khazars conversion to judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor // Revue des Etudes Byzantines. Т. 53. 1995. P. 237–270.

О НАЧАЛЕ ХРИСТИАНСКОГО ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО: КРЕСТОВИДНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ГЛАВНОМ КЛАДБИЩЕ

Церковь, расположенная на восточном кладбище, у Карантинной бухты — один из самых известных памятников города. Она возникла над усыпальницей мученика или несколькими чтимыми могилами [Бертье-Делагард 1907, с. 59; Айналов 1915, с. 3]. Речь идет о комплексе трех последовательно сменявших одна другую построек. Он окружен кладбищем, среди погребений которого есть и христианские склепы с живописью.

Рис. 1. Херсонес. Крестовидная загородная церковь. Вид на северо-восток.

Самый спорный вопрос — хронология. Это касается и архитектурного комплекса, и склепов, как, впрочем, и всего раннехристианского строительства Херсонеса. Разнообразные мнения исследователей о датах церквей Херсонеса, включая и крестовидный кладбищенский храм, представлены в нескольких работах последних лет [Романчук 2000, с. 222–243; Завадская 2000, с. 77–90; Завадская 2004, с. 402–426; Jastrzebowska 2001, р. 399–418; Хрушкова 2004, с. 175–185; Chrushkova 2005]. Дискуссии о датах обычны всюду, но в случае загородного храма особая интрига заключается в необычно широком разбросе дат: от VI в. (А.Л. Бертье-Делагард, Д.В. Айналов, А.Л. Якобсон), с одной стороны, до XII в. — с другой. Эта поздняя дата появилась в результате ревизионных раскопок О.И. Домбровского, проведенных в 1953 г. Находка под мозаичной вымосткой нескольких фрагментов средневековой поливной керамики, дата которых определялась приблизительно между XI и XIII вв., дала повод отнести к этому времени и саму церковь с мозаикой. Позднюю дату приняли А.И. Романчук,

Ю.Г. Лосицкий, Э. Ястжебовска. А. Пильц воспринял ее с недоверием [Pülz 1998, s. 73, anm. 157]. Якобсон считал, что поливная керамика попала под мозаичный пол во время позднего ремонта; позже А.И. Романчук присоединилась к этому мнению [Якобсон 1959, с. 204–206; Романчук 2000, с. 229]. На мой взгляд, группа крестовидных церквей Херсонеса относится к раннему времени, все они не позже VI в. [Хрушкова 2004, с. 180–185].

Публикация отчета О.И. Домбровского, появившаяся много лет спустя после раскопок, — событие в долгой истории изучения этого действительно сложного памятника. Великолепная полнота, замечательная детальность и точность описаний, увлеченность и искреннее желание автора установить истину, — все это позволяет читателю составить собственное мнение о памятнике [Домбровский 1993]¹.

Самый важный результат раскопок Домбровского — открытие древнейшей культовой постройки, располагавшейся под центральной частью более позднего крестовидного здания. Она была возведена, по правдоподобной догадке М.И. Ростовцева, над гробницами трех спутников св. Василия (Василевса), которые пострадали при Диоклетиане. Сам же св. Василий, возможно, был похоронен на другом городском кладбище, за западными воротами [Ростовцев 1914, с. 505]. Небольшой, в силу необходимости, шурф размерами 2×1 м, обнаружил остатки миниатюрного мавзолея-мартирия². С северной стороны в шурфе выявлена “каменная кладка, примыкавшая к вымостке и уходившая в срез шурфа” [Домбровский 1993, с. 299]. Если эту кладку считать остатками северной стены первой постройки, то последняя была смещена к югу от центра последующего здания. Это можно объяснить наличием древней могилы, которая была выявлена Домбровским в южной части пространства, перекрытого крестовидным мартирием. Первый мавзолей-мартирий имел, скорее всего, простой прямоугольный план. Он послужил исходной точкой развития комплекса.

¹ Публикацию подготовил В.А. Кутайсов. Остается сожалеть о том, что читатель не избалован подобными отчетами, которые, сверх их научной ценности, являются еще и увлекательным чтением, — случай в археологии не частый.

² В дальнейшем изложении я принимаю следующие термины для обозначения трех разновременных сооружений комплекса: “мавзолей-мартирий”, “мартирий” и “церковь обычного культа”. Мавзолей-мартирием была первая постройка, представлявшая собой христианскую интерпретацию языческого мавзолея. Ее цель — почтить захоронения, малые размеры сооружения не предполагают проведение коллективных обрядов внутри его. Значительно более обширный крестовидный мартирий также предназначен для культа мученика (или мучеников, святых), но его собственно-христианский характер выражается в возможности общинных собраний (“миром помолимся”). И, наконец, распространенный и удобный термин “церковь обычного культа” обозначает здание для проведения ежедневной литургии евхаристии (обедни).

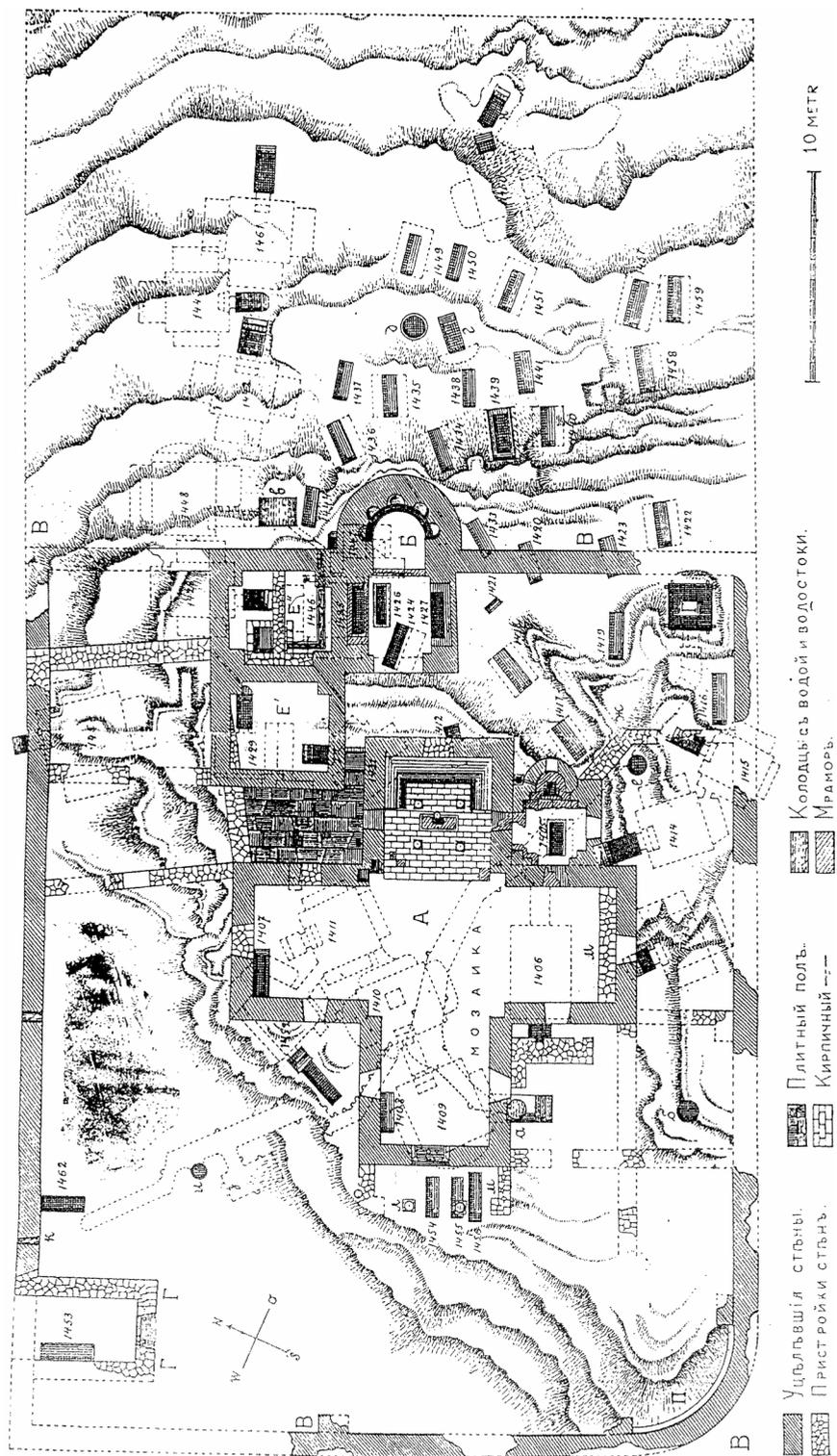

Рис. 2. Херсонес. Крестовидная загородная церковь и участок прилегающего кладбища (по К. Косцюшко-Валюжиничу).

Крестовидный мавзолей. План первого крестовидного мавзолея отличается архаизмом. Это так называемый “свободный крест” с прямыми рукавами креста. Его продольная ось почти не выражена, поскольку нижний рукав креста удлиннен незначительно, всего на какие-нибудь полметра (на некоторых планах все рукава равной длины). Такой план сохраняет сходство с античными мавзолеями, симметричными по обеим основным осям. В Херсонесе к этому типу относятся два мавзолея-мартирия в комплексах Западной и Восточной базилик. Самая характерная и архаичная черта загородного мавзолея — дверные проемы во всех четырех рукавах креста, в том числе и в восточной. Очевидно, что фокусом культа был центр сооружения, где находились чтимые останки, что и определяет сооружение в качестве мавзолея. Наличие двери в восточной торцевой стене креста вызвало понятное изумление первых исследователей памятника. К. Косцюшко-Валюжинич энергично подчеркивает: “Факт двери — беспримерный, но бесспорный” [1906, с. 96]. Об этом “беспримерном обстоятельстве” пишет и Айналов [1915, с. 20]. Сейчас, по прошествии столетия, эта особенность, перестав быть “беспримерной”, остается редчайшей.

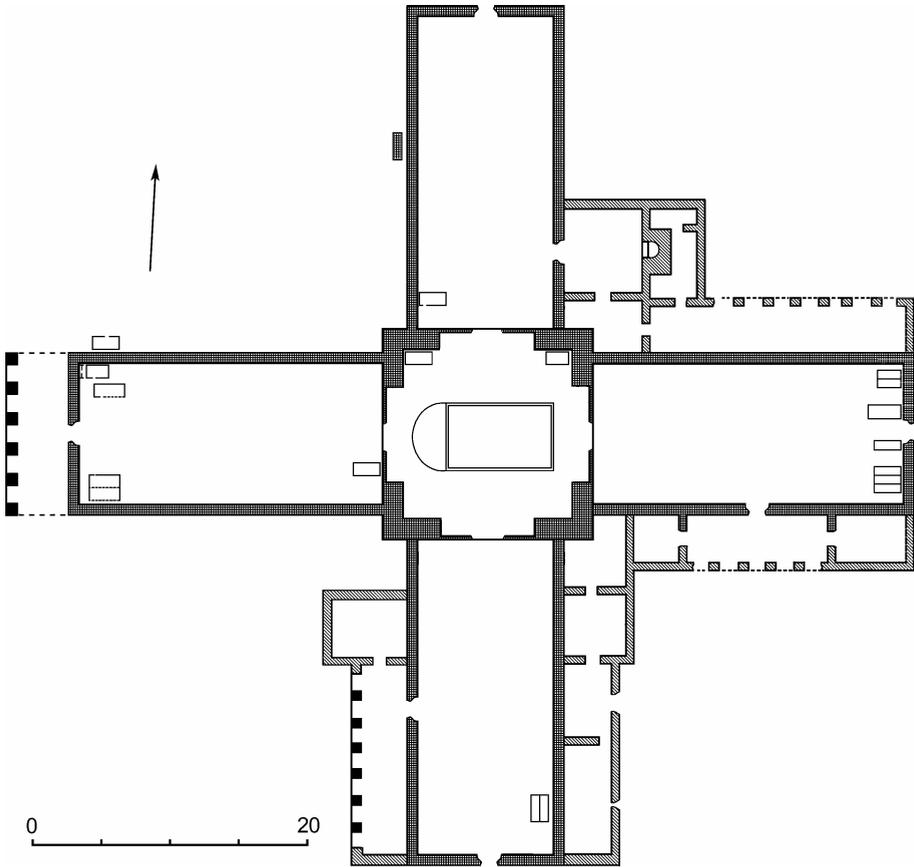

Рис. 3. Антиохия-Каусье. Мартирий Св. Вавилы. План с пристройками V в. Реконструкция (по J. Lassus).

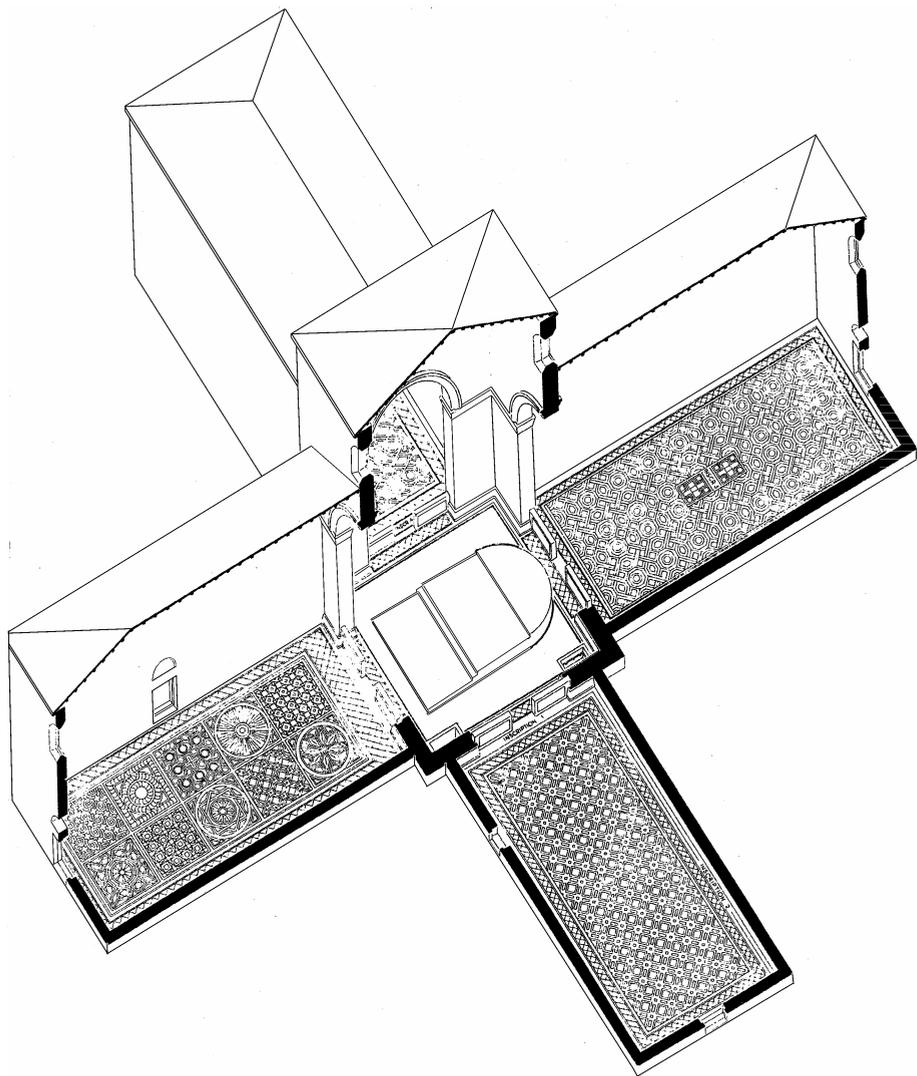

Рис. 4. Антиохия-Каусье. Мартирий св. Вавилы. Перспектива. Реконструкция (G. Tchalenko 1979-1980).

Самый известный пример — мартирий в Каусье, пригороде Антиохии, сооруженный в 381 г. епископом Мелетием для помещения мощей св. Вавилы, пострадавшего в 250 г., при Декии. План мартирия св. Вавилы представляет “свободный крест”, с прямыми рукавами равной длины и с проходами во всех торцовых стенах креста. Ж. Лассюс, тщательно исследовавший мартирий, особое внимание обратил на функции различных частей здания. Повышенная платформа (“экседра”), расположенная в средокрестии, была центром культа. Две главных чтимых могилы располагались в двух углах центрального квадрата. Восточный рукав креста не содержал никаких литургических устройств, ничем не отличаясь от трех остальных. Все это привело Лассюса к выводу о первоначальном наличии входов в че-

тырех узких рукавах креста [Lassus 1938, p. 35]. Эти проемы показаны на часто публикуемой реконструкции здания [Lassus 1947, fig. 51, p. 123–128,], однако их нет на обмерном чертеже плана [Lassus 1938, plan IV]. Таким образом, херсонесский мавритий с его бесспорными четырьмя дверями, по сравнению со своим знаменитым антиохийским аналогом, обладает преимуществом достоверности археологического факта.

Еще один крестовидный мавритий находился близ города Флавия Неаполис в Палестине, который был древним христианским центром. Его епископ Герман участвовал в соборах в Анкире (314), Неокесарии (ок. 315) и Никее (325). Мавритий был возведен на месте встречи Христа и самарянки у колодца Иакова. Он относится к числу “теофанических” мавритиев [Grabar 1946, p. 322–335], которые не содержали мощей, а строились на местах памятных событий, прежде всего, в Святой Земле. Самарийские христиане хранили память об этом историческом месте. Аноним из Бордо в 333 г. видел здесь бассейн, питаемый колодцем, который, возможно, служил баптистерием. Епископ Прокопий построил мавритий почти одновременно с антиохийским — около 380 г.

Палестинский мавритий колодца Иакова особенно известен благодаря рисунку епископа Аркульфа из Галлии, который совершил свое паломничество в 680 г. На рисунке видим симметричное крестовидное здание с прямыми и равными рукавами креста и с четырьмя проходами в каждом из них. В центре находится колодец, обозначенный надписью [Bagatti 1968, fig. 11]. Лассюс отмечает, что несмотря на обозначение *ecclesia*, это сооружение чисто мемориальное [Lassus 1947, p. 126, fig. 52]. Планы всех трех мавритиев — палестинского, антиохийского и херсонесского, поразительно близки друг к другу. Среди них херсонесский самый маленький: ширина его рукавов в интерьере почти в два раза меньше, чем у антиохийского.

В средние века на месте маврития колодца Иакова была построена церковь. Ее раскопки выявили два фрагмента сооружения 4 в.: южную стену южной ветви креста и часть западной стены северной ветви. Они позволили приблизительно реконструировать план здания с рукавами креста шириной около 7 м. Поздняя церковь была спланирована таким образом, что колодец Иакова находился точно в центре апсиды [Bagatti 1968, p. 43]. Очевидно, что данные раскопок значительно повышают достоверность свидетельства Аркульфа. Коло-

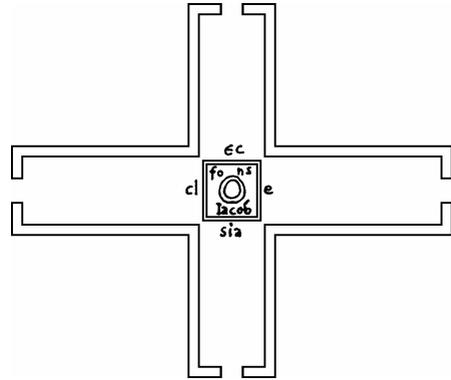

Рис. 5. Неаполис. Мавритий колодца Иакова.
План (по J. Lassus).

дец Иакова особенно почитался в Константинополе, где одной из главных святынь Великой церкви был край этого колодца³.

Нередко высказывается мнение о том, что различные новинки, будь то идеи, вещи или формы архитектуры и декорации, доходили до Херсонеса в течение долгих десятилетий и чуть ли не веков. Я не думаю, чтобы этот приморский город был так изолирован от окружающего мира. По крайней мере, о строительстве крестовидных мавзолеев его жители узнали очень скоро. Эферий, единственный достоверный епископ Херсонеса IV в., был участником Второго вселенского (первого константинопольского) соборе 381 г. [Honigmann 1936, p. 446, № 143; Ruggieri 1993, p. 350, № 140]. Участвовали в нем и епископы Мелетий и Прокопий, только что основавшие крестовидные мавзолеи в своих диоцезах. Можно не сомневаться в том, что они охотно рассказывали о своей строительной деятельности, и их внимательно слушали. Речь шла не о заурядных постройках, затерянных в безвестном захолустье, а об авторитетнейшей антиохийской кафедре и об одном из *lous sancta*, месте, связанном с земной жизнью Христа. Эферий, как и другие епископы, должен был посещать крестовидную церковь-мавзолей св. Апостолов, чтобы поклониться мощам апостолов Луки, Андрея и Тимофея, перенесенным туда в 356–357 г. [Dagron 1974, p. 401–409; Высоцкий, Осминская, Шелов-Коведяев 2000, с. 198–221]⁴. Скорее всего, херсонесский епископ присутствовал и на заупокойной службе по Мелетию, который скончался во время собора и был удостоен исключительных почестей. Его тело на время положили в церкви св. Апостолов, где надгробную речь произнес Григорий Нисский. После этого останки Мелетия перевезли в Антиохию, в мавзолей св. Вавилы, мощи которого уже были там. Об этом сообщают Сократ и Созомен, а позже, в конце VI в., — Евагрий [Downey 1938, p. 45–48].

Вполне возможно, что Эферий, возвратившись из Константинополя, решил ознаменовать свое пребывание на херсонесской кафедре строительством крестовидного мавзолея, по примеру епископов Флавия Неаполиса и Антиохии. Он вполне мог быть епископом еще в течение 15–20 лет и осуществить строительство к концу жизни. Это время — конец IV или рубеж IV — V вв., — хорошо соответствует дате обнаруженных раскопками монет.

При зачистке остатков первой постройки в шве мраморной вымостки была найдена монета Феодосия I (379–395). Эта вымостка частично перекрывала могилу (“Д”), при исследовании которой нашли еще одну монету, Аркадия (396–408). В земляной насыпи между полом северного крыла

³ Свидетельство об этом содержится в *Patria*, источнике X в., который повествует о строительстве св. Софии [Dagron 1984, p. 219, n. 28].

⁴ Эту церковь Ж. Дагрон называет “мавзолеем-мавзолеем Константина”, поскольку останки императора Константина делали его мавзолеем, а присутствие мощей апостолов придавало зданию функции мавзолея. Когда при Констанции II был сооружен династический мавзолей, к востоку от церкви, последняя стала настоящим мавзолеем апостолов [Dagron 1974, p. 404–408].

крестовидного мавзолея и скалой была обнаружена монета Валентина II (383–398), как сказано в отчете [Домбровский, 1993, с. 300, 304]. Скорее всего, речь идет об императоре Запада Валентиниане II (375–392). Даты всех трех монет компактно помещаются в рамках последней четверти IV и начала V в.⁵ Все они могут быть связаны со строительством крестовидного мавзолея, для которого и была создана нивелировочная земляная насыпь. При этом остатки первого мавзолея были засыпаны слоем земли до 1 м толщиной [Домбровский 1993, с. 312]. Важно отметить, что эта насыпь, созданная строителями, не является естественно накопившимся культурным слоем, который, перекрыв монеты, дал бы археологам желанную надежную стратиграфию. Момент закладки мавзолея должен был быть приурочен ко дню памяти мученика. Чтобы поклониться его мощам, нужно было иметь доступ к могиле, находящейся под мраморной вымосткой. Во время этих действий монеты Феодосия I и Аркадия и могли попасть между плитками вымостки и под нее.

Время строительства первого мавзолея-мавзолея можно отнести к середине или второй пол. IV в. К этому времени христианская община, сплоченная почитанием местных мучеников, вполне была в состоянии возвести небольшие мемориальные сооружения на городских кладбищах — как на восточном, так и на западном. По мнению Завадской, первый “малый храм” могли построить на рубеже IV-V вв., он был одним из первых христианских сооружений города [Завадская 2000, с. 79; Завадская 2002, с. 14–15]. Это последнее предположение кажется справедливым.

Строя мавзолей, епископ, по обычаю, присмотрел место и для собственного погребения. Не ему ли принадлежит могила в северо-западном углу северного рукава? Эта гробница, облицованная “изнутри хорошо заглаженной цемянковой штукатуркой” несомненно, одновременна мавзолею, поскольку две ее стенки образованы кладкой фундамента [Домбровский 1993, с. 300–301]. Гидрофобная обмазка, защищающая останки от сырости, обычно применялась в гробницах, построенных с особой тщательностью, часто служивших предметом почитания⁶. Расположенная в уровне пола, гробница была готова принять своего хозяина в любой удобный момент, затем она была легко доступна для поклонения. Это единственная гробница, созданная в момент строительства, поэтому ее принадлежность основателю мавзолея очень вероятна.

Захоронения в церквях были распространены и на Востоке [Sodini 1986, p. 233–242], и на Западе, особенно в Северной Африке. “И хоть бесчувственному телу равно повсюду истлевать”, как заметил

⁵ В Херсонесе монеты этого времени могли быть в обращении до VII в. [Зубарь, Хворостяный 2000, с. 81]. Однако именно в интересующих нас комплексах — под крестовидной церковью и в расписных христианских склепах, более поздних монет нет, поэтому нет оснований ставить под сомнение датирующее значение обнаруженных монет.

⁶ Аналогичные примеры в Восточном Причерноморье: в Цандрипшской базилике и в церкви Себастополуса [Хрушкова 2002, с. 155, 213].

один христианский поэт, многие хотели покоиться вблизи мощей мучеников и святых. Мирянам для этого нужно было разрешение епископа, и лица высших сословий, особенно донаторы, добивались его без труда. Настойчивое стремление быть погребенными рядом с мощами приняло необычайные размеры, так что Феодосий I увидел необходимость издать закон от 30 июля 381 г., запрещающий хоронить в мучениках и апостолеянах [Saxer 1980, p. 239–240]. Речь шла о мирянах, епископы же были в своем праве. Мелетий антиохийский заблаговременно подготовил себе место поближе к мощам св. Вавилы⁷. Св. Амвросий медиоланский пожелал покоиться под престолом построенного им кафедрала. А Эферий херсонесский выбрал для себя скромный уголок в северном рукаве мученика, отдаленный от главных могил.

Как выглядел херсонесский мученик? Его рукава были перекрыты сводами. Части упавших кирпичных сводов были обнаружены старыми раскопками. Сводчатая конструкция вполне возможна при ширине пролетов примерно 5 м и толщине стен 1 м⁸. Центральный квадрат был увенчан куполом — об этом говорят мелкие тесселы цветной смальты от украшавшей его мозаики, найденные под более поздним мозаичным полом. Стены, вероятно, были расписаны фресками. При таком великолепии декорации купола удивляет очень простой бетонный пол, выполненный из трех тонких слоев известково-цемянкового раствора. В центральном квадрате этот пол “прекрасно сохранился”, но в боковых крыльях “явно было много хожено”, поэтому “кое-где прямо-таки просвечивал сквозь цемянковый раствор хорошо утрамбованный суглинок” [Домбровский 1993, с. 295, 299, 303]. Таким образом, все рукава креста заполнялись верующими, а центр здания предназначался для обряда и клира. Так же было в мучениках Антиохии-Каусье и Флавия Неаполиса.

Еще одно позднеантичное сооружение, с которым можно сопоставить херсонесский мученик — это мавзолей Галлы Плакидии второй четверти V в. в Равенне. У него тоже прямые рукава креста, но вход только один — с запада, что подчеркивает частный характер сооружения. В мучениках с четырьмя входами ясно выражен публичный характер культа, нередко связанный с паломничествами.

⁷ Письменные источники не дают полной ясности, в одной ли гробнице со св. Вавилой был похоронен Мелетий [Downey 1938, p. 46]. Археология, пожалуй, позволяет это предполагать. Гробница св. Вавилы имела редкую двухъярусную конструкцию: специальные выступы в ее стенках, с углублениями для крепления деревянного перекрытия, были тщательно выполнены в момент строительства [Lassus 1938, fig. 7, p. 11]. Мелетий, которому тогда было уже за 80, мог предусмотреть это дополнительное место в гробнице для себя самого. Гробница св. Вавилы была включена в кладку фундаментов, а ее крышка находилась в уровне вымостки — такие же особенности наблюдаем у могилы в северном рукаве херсонесского мученика.

⁸ Относительно антиохийского мученика Лассюс не сомневается, что при толщине стен 0,75 м перекрытие могло быть только стропильным [1938, p. 34].

В комплексе восточного кладбища Херсонеса видим типичное развитие, которое именуют “монументализацией” мест мемориального культа. На протяжении IV — начала V в. этот процесс шел на Востоке и на Западе. Исходным моментом служит почитаемая могила, включенная в мавзолей-мартирий, обычно небольших размеров. Над ним часто строят более обширный мартирий, — это случай Херсонеса. Другой вариант — сооружение рядом с мартирием дополнительной часовни, как, например, было в культовом комплексе за стенами Питиуса (Питунды). В обоих случаях цель одна — дать возможность верующим собираться для поминальных обрядов, посвященных мученику, святому, или основателю местной общины, епископу, аскету, — там, где было мало мучеников. На следующем этапе мартирий превращают в церковь евхаристического культа, который к этому времени развивается, формируется и становится главным. Для этого сооружение или перестраивают, расширяя, — так было в Херсонесе, или включают в качестве составной части в здание новой церкви “обычного культа”, как было в Питиусе. В церкви продолжается почитание мощей, но уже ограниченное или специальной часовней, или особо выделенным местом, нередко вблизи алтаря [Хрушкова 2002, с. 98–110]. Около этих церквей и внутри них, в пространстве, освященном могилой мученика (или, в качестве замены, реликварием с мощами), умножаются захоронения верующих. Процесс этот особенно ясен в кладбищенских комплексах, несколько позже он развивается и в городах.

Говоря об истоках этого явления, придавшего столько своеобразия религиозной жизни раннехристианской эпохи, исследователи проводят вещественные и теологические параллели между языческим почитанием могил и сооружениями в память героев (герооны), с одной стороны, и христианским почитанием мучеников и возведением мартириев и церквей, — с другой [Testa 1989, p. 77–104]. Мы не удивляемся этому в Херсонесе, городе с развитыми традициями греко-римской культуры.

Крестовидная церковь с мозаикой. Мартирий был превращен в церковь обычного культа, которую Айналлов идентифицировал с храмом Богоматери Влахернской; позже сюда поместили усыпальницу папы Мартина. Долгая дискуссия о дате церкви была плодотворной. Она позволила обсуждать критерии датировки памятника во всем разно-

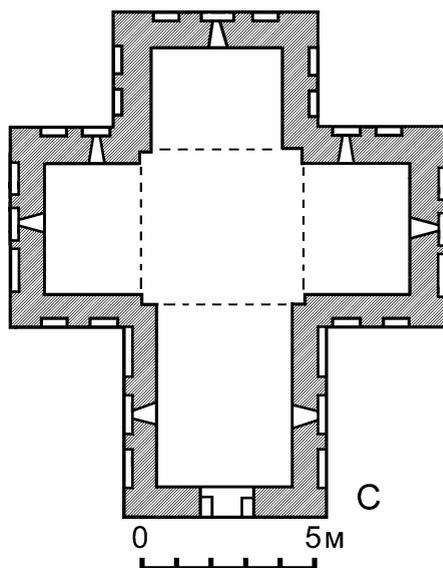

Рис. 6. Равенна. Мавзолей Галлы Плакидии.
План (по S. Guyer).

образии его функций, архитектуры и декорации, говорить о датирующей ценности археологических и нумизматических находок, об интерпретации их контекста. Что касается частного вопроса — о фрагментах поливной керамики, я присоединяюсь к мнению о том, что эта керамика попала под мозаичную вымостку во время позднего ремонта. Действительно, мозаичный настил укладывался на “грубый темно-розовый раствор, не содержащий песка” [Домбровский 1993, с. 299]. Такой известковый бетон крупной структуры, с добавлением большого количества дробленой керамики, которая обеспечивала прочность и гидрофобность, широко применялся в римском, а затем византийском строительстве для устройства полов. Его состав не менялся веками, поэтому позднейшие ремонты, произведенные с помощью такого же бетона, не легко различить. Добавлю, что появление фрагментов поливной керамики в самой нижней земляной насыпи можно объяснить неоднократным посещением пространств под церковь не только грабителями, но и паломниками, которые стремились прикоснуться к гробницам.

Характерно, что вокруг церкви не найдено ни поздней керамики, ни средневековых монет. Церковь хорошо датируется юстиниановской эпохой, благодаря кладу из 26 монет, который был найден при зачистке резервуара в апсидке крещальни; среди них самые поздние — монеты Юстиниана I (566 г.) [Бертье-Делагард 1893, с. 66; 1907, с. 64–66]. В своей более поздней работе А.Л. Якобсон склонялся к датировке церкви и мозаики концом VI — началом VII вв. [1995, р. 393–394]. По мнению И.А. Завадской, она была самой ранней среди крестообразных церквей Херсонеса [2002а, с. 14–15]. С этим можно согласиться, если иметь в виду типологически сходные крестовидные церкви в городе — № 19 и № 27. Крестовидные мавзолеи в комплексах Западной и Восточной базилик нуждаются в отдельном рассмотрении.

Строители загородной церкви позаботились о том, чтобы приспособить мавзолей к иным литургическим функциям, избегая значительных перестроек. Прямоугольный план алтарной части менять не намеревались и апсиду не пристроили. Дверь в восточном рукаве креста была заложена, ступенчатая скамья-синтрон получила необычную прямоугольную форму. Синтрон и престол с киворием, который опирался на четыре столбика, занимали почти весь восточный рукав креста. Под престолом было углубление для реликвария с мощами [Гайдуков

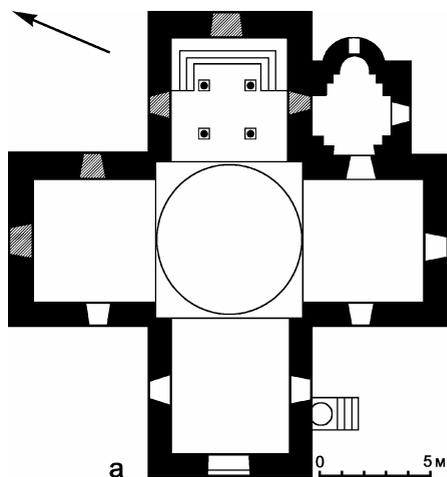

Рис. 7. Херсонес. Крестовидная загородная церковь. План. Реконструкция (по А. Jakobson).

2004, с. 51–63)⁹. Две могилы, расположенные под алтарным возвышением, остались нетронутыми [Домбровский 1993, с. 307].

Алтарная преграда из мраморных плит ограждала только восточный рукав церкви, часть службы проходила в центральном квадрате здания. Плиты преграды были украшены крестами “с расширяющимися концами” [Бертъе-Делагард 1907, с. 26]. Эта деталь позволяет узнать форму так называемого “*croix pattée*”, широко распространенную в юстиниановскую эпоху, в том числе и в мраморах Херсонеса. Церковь пережила какую-то перестройку, когда мраморные плиты пола алтарной части сменились кирпичной вымосткой [Домбровский 1993, с. 298].

Расширив функции церкви, необходимо было увеличить и ее площадь. Строители добавили два дополнительных помещения, расположенные по сторонам восточной ветви креста. Оба они сообщаются и с алтарной частью, и с боковыми ветвями креста. Эти помещения не являлись жертвенником (протесисом) и диакоником¹⁰, потому что в V–VI вв. ни положение этих богослужебных помещений, ни их функции еще не были четко установлены. Исследователи постоянно призывают не применять литургические понятия “жертвенник” и “диаконик”, “к архитектурным пространствам чисто физическим” [Donceel-Voûte 1995, p. 181–182], тем более, когда археологические факты ясно определяют

⁹ Н.Е. Гайдуков посвятил углублениям под престолом для помещения реликвариев в херсонесских церквях интересную статью, которая, можно надеяться, будет продолжена изучением других литургических устройств крымских церквей. Однако не со всеми выводами автора можно согласиться. В частности, не кажется правомерным их сопоставление с криптами константинопольских базилик монастыря Иоанна Студита и Халкопратийской (добавлю, что крипта под алтарем была также и в церкви св. Полиевкта предюстиниановской эпохи). В этом пункте скорее видно различие херсонесских и константинопольских церквей [Хрушкова 2004, с. 191]. Решающее значение имеют размеры. Существенное различие в размерах углублений под престолами в Херсонесе и крипт в Константинополе видно из таблицы, которую приводит сам автор. Крипта — это помещение под полом, где могут собираться верующие для проведения мемориальных служб [Claussen 1961, Sp. 651–653; Хрушкова 2005]. Что же касается небольших углублений, как в Херсонесе, их обозначают термином “*confessio*”. Для VI в., эпохи “византийской реконкисты”, примеры таких устройств известны в Далмации [Fisković 1982, с. 159–214, план на с. 193]. Некоторые из них: церковь в с. Ловречина на о. Брач, в с. Постира близ Сплита (Салоны) и другие, — я имела случай видеть в сент. 1994 г. Эти небольшие “*конфессии*” прямоугольной или крестовидной формы далеко не похожи на крипту. Паскаль Шевалье приводит сведения о более чем десятке подобных устройств в церквях византийского периода на территории Истрии и Далмации. Она различает “простые углубления”, с одной стороны, и более глубокие “*рвы*”, с небольшой лестницей, по которой мог спуститься один священник, — с другой. Оба типа устройств противопоставляются криптам, которых в этом регионе нет [Chevalier 1998, p. 997–999].

¹⁰ Я принимаю орфографию слова “диаконик/диаконикон” с одним “н”, которой пользовались русские авторы XIX в., учитывавшие происхождение этого слова от греч. “*διακοικον*”.

назначение боковых помещений у алтаря как мемориальных часовен или крещален [Lassus 1947, p. 126, 162–163, 179; Mathews 1971, p. 179; Sodini, Kolokotsas 1984, p. 146–150]. Как раз это видим в Херсонесе, где в южной комнате размещалась крещальная купель. Для дополнительных пространств, симметрично расположенных по сторонам алтаря, мне кажется самым подходящим выражение “боковые помещения”¹¹. Оно дает ясное представление о их положении, будучи нейтрально в литургическом отношении. Что касается термина “пастофорий”, происхождение которого остается не ясным, я не знаю, удобно ли его применять к крестовидным церквям Херсонеса. Обычно его используют для базилик Сирии [Descœudres 1983, p. 2–75].

Рис. 8. Херсонес. Крестовидная загородная церковь. Синтрон.

Асимметрия боковых помещений херсонесской церкви ясно указывает на различие их функций. Этот вопрос хорошо изучен в Сирии, где один пастофорий нередко служил мемориальной часовней [Lassus 1947, p. 162–183; Donceel-Voûte 1995, p. 179–184]. Более близкие к Крыму примеры асимметричных боковых помещений можно указать в Ликии. Это базилика Кёк Буруну с апсидой за прямой стеной, где южная комната имеет форму трифолия с куполом, а северная — простая прямоугольная [Grossmann, Severin 2003, p. 22–23, abb. 10]. В другой ликийской церкви, в загородной базилике С в Арнеи, в районе Эрнез Даг, — тоже два асимметричных пространства по сторонам алтаря; при этом южное, с угловыми пилястрами, перекрыто куполом, а северное реконструировано как прямоугольное [Grossmann, Severin 2003, p. 114–115, abb. 36]. Это распределение боковых помещений с различным планом и типом перекрытия напоминает Херсонес.

¹¹ Этот термин “Nebenräume” предпочитают немецкие авторы. Распространенное понятие “annexe/annex” (“дополнительное помещение”) для обозначения симметричных помещений кажется расплывчатым, поскольку оно имеет в виду любую дополнительную комнату в любой части сооружения.

Южное помещение церкви Херсонеса, снабженное купелью в форме буквы “Т”, служило баптистерием¹². Купольное перекрытие тоже определяет его как крещальню, поскольку раннехристианские баптистерии часто были купольными. Куполу приписывалось символическое значение, его наличие говорит о большей важности этого помещения по сравнению с северным. Добавим, что баптистерию необходимо было сообщаться с соседним рукавом креста, и этот проем реально существовал. Наконец, известно, что баптистерии стремились приблизить к почитаемым могилам, которые в данном случае размещались в южной части церкви.

Северное помещение должно было объединять различные функции: здесь хранились дары, богослужебные книги, литургические сосуды и одеяния. Оно не изображено на часто воспроизводимом плане М.И. Скубетова, с его прекрасным чертежом мозаичных композиций. Надо думать, что оно было перекрыто легкими деревянными стропилами, которые быстро разрушились. Южное же помещение сохранилось лучше благодаря более долговечному своду.

Размещение купели в апсидке — характерная черта, которую привычно связывают с Сирией, но она встречается также в разных местах Причерноморья, в Палестине, в Северной Африке. Возможно, родиной ее действительно является Сирия [Хрушкова 2002, с. 142]. Крещение в купели Херсонеса производилось не погружением, а окроплением. Кстати, так было и в мартирии св. Вавилы, где крещальня с купелью, вписанной в апсидку, появилась после 412 г. [Lassus 1938, р. 6–7, 26, 29–32]. Как видим, сходство мартириев Херсонеса и Антиохии отмечается не только в первой фазе их существования, но и в их дальнейшем развитии, и в конкретных чертах.

Херсонесская церковь сохранила свои мемориальные функции, но после VI в., судя по монетам, новых захоронений под ней уже не совершалось [Бертье-Делагард 1907, с. 55, 63]. Исключение составляет два “привилегированных захоронения”, которые нарушили мозаичный пол в том же северном рукаве [Домбровский 1993, с. 299], где в мартирии упокоился, предположительно, его основатель епископ Эферий. Скорее всего, новая церковь, как и предыдущая, была купольной и сводчатой, но изменилась система опор. Эти “выемы” углов центрального квадрата, покрытые мозаикой, по-моему, говорят не о замене свода деревом, что было бы очень необычно [Домбровский 1993, с. 299], а о том, что арки рукавов креста опирались на пилястры, слитые со стенами. Судя по планам многих крестовидных церквей, такая система была предпочтительной. Если же в первом мартирии купол и арки рукавов действительно опирались на мрамор,

¹² И.А. Завадская принимает мнение Бертье-Делагарда о том, что южное помещение церкви служило диакоником и одновременно приделом [2002, с. 264–266]. На мой взгляд, маловероятно, чтобы резервуар в апсидке служил для мытья церковной посуды. Еще менее это помещение могло служить приделом, т.е. особой придельной церковью, снабженной престолом [Хрушкова 1994, с. 186, 188].

морные колонны, стоящие в углах центрального квадрата, как считал Домбровский, явная хрупкость такой конструкции и обусловила обрушение купола.

Можно выделить хронологическую последовательность захоронений под церковью, в ней и рядом с ней:

1. Самые ранние могилы, на которых построен первый малый мартирий;
2. Рядом с ним появляются погребения священников, аскетов и других почитаемых лиц;
3. На них возведен крестовидный мартирий, содержащий в северном рукаве креста могилу его основателя;
4. Во время строительства новой церкви с мозаикой, под южным рукавом появляется гробница ее основателя или ктитора;
5. Позже в северном рукаве хоронят духовных лиц, из-за их гробниц мозаичный пол был вскрыт. На всех этапах развития комплекса вокруг него продолжали умножаться захоронения христиан.

Мозаика. Алтарный рукав церкви был вымощен мрамором, материалом более дорогим, в сравнении с мозаикой. Мозаичный декор, занимавший три рукава креста, ограничен бордюром со всех сторон, он отличается асимметрией. В центре мартирия расположена композиция канфара с виноградной лозой и парой павлинов. Северный и западный рукава покрыты однородным “ковром”, который состоит из переплетенных кругов, включающих различные зооморфные и растительные мотивы. Единственный медальон с фигурным изображением помещен в южном рукаве креста. Медальон находится в центре панно, ограниченного бордюром. Изображения в медальоне варьируют основную тему сосуда, лозы и птиц.

Еще одна особенность расположения мозаики: в южном рукаве между бордюром и дверным проемом остается незаполненная полоса. Эта особенность нуждается в объяснении. В раннехристианских мозаиках, в частности, в Иордании и Северной Африки, подобные медальоны отмечают места захоронений, часто они сопровождаются надписями, чего, к сожалению, нет в Херсонесе. Самое вероятное, что медальоном была отмечена именно та могила под южным рукавом, которая расположена в строгом соответствии со стенами церкви [Домбровский 1993, с. 295, 307]. Устроенная в момент строительства, она могла принадлежать епископу или ктитору, который осуществил перестройку и украшение церкви мозаикой. Заказчик пожелал поместить медальон прямо над захоронением, а художник, со своей стороны, сделал его центром панно, стремясь добиться равновесия композиции. Поэтому мозаичный декор не доведен до стены церкви. В позднее время между мозаичным настилом и южной стеной церкви появилась тонкая стенка-закладка, которая датируется попавшей в кладку монетой Романа I¹³.

¹³ Эту монету определяют по-разному: как Романа I, Романа III или Романа IV и датируют в пределах X — XIII вв. [Домбровский 1993, с. 302, прим.*].

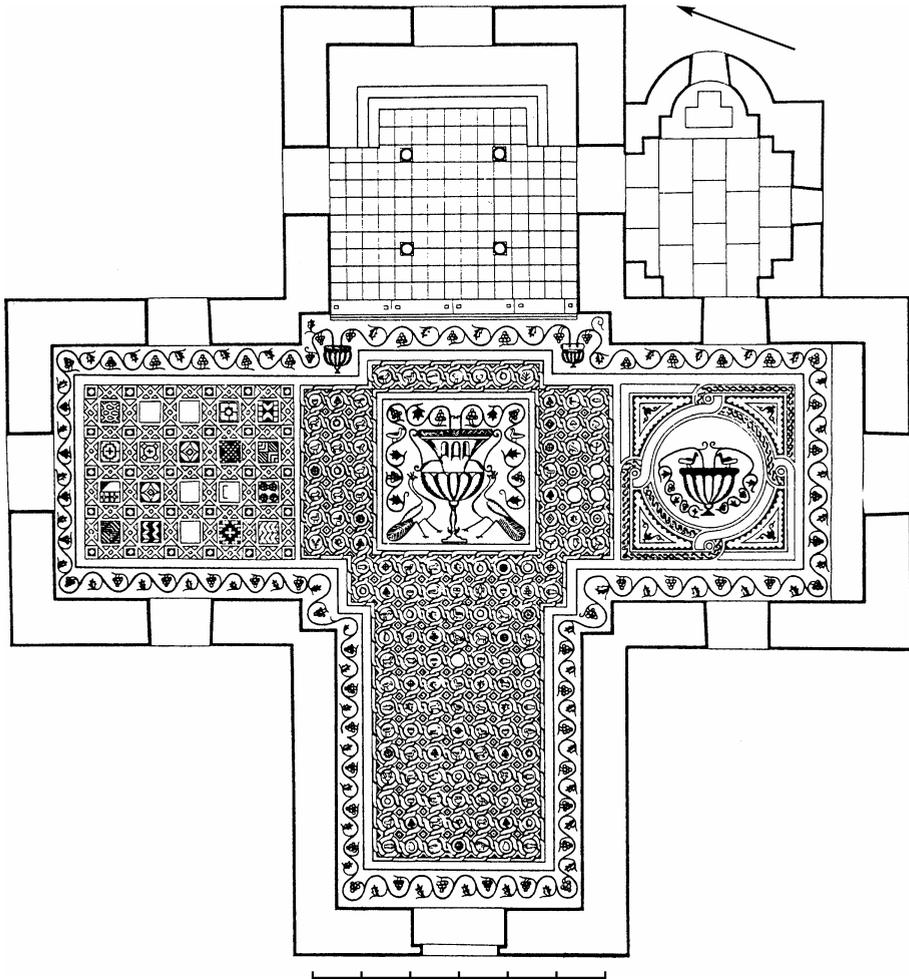

Рис. 9. Херсонес. Крестовидная загородная церковь. План с мозаикой (по М.И. Скубетову).

После устройства мозаичного пола все три двери, кроме восточной, оставались действующими. Раскопки открыли любопытную и трудно объяснимую подробность. Под поздней закладкой южной двери церкви сохранился “и в срезе виден мозаичный настил” [Домбровский 1993. с. 294, прим.**], то же отмечено и для северного проема. Однако бордюр, окружающий весь мозаичный “ковер” в интерьере церкви, указывает на полную завершенность композиций. Остатки мозаичного настила в южном и северном проемах означают отсутствие порогов и конструкций для дверного полотна, а, значит, не было и самих дверей. Не существовало ли здесь небольших портиков-преддверий, тоже украшенных мозаикой? Они оказались ненужными, когда церковь изменила свои функции, и дверные проемы были заложены. С другой же стороны, у северного и западного концов креста были устроены лестницы, вызванные неровностью рельефа [Домбровский 1993, с. 303]. Остатки мозаики в дверных проемах, если только это не случайно попавшие фрагменты, остаются неясным моментом.

Рис. 10. Херсонес. Крестовидная загородная церковь. Мозаика западного рукава.

Мозаика отличается ясностью идейного замысла и уверенностью исполнения. Композиционное решение связано с планом сооружения и значимостью его разных частей. В центральном квадрате доминирует крупное изображение канфара, из которого произрастает вино-

градная лоза, по сторонам ее стоят два обращенных друг к другу симметричных павлина. В южном рукаве мотив, заключенный в медальон, является упрощенной репликой центральной темы. Здесь на краю сосуда, из которого тоже исходит лоза, сидят две птицы, на этот раз голуби. Эти символические изображения относятся к числу самых распространенных в раннехристианском искусстве. Они выражают идеи рая, бессмертия, вечной жизни, что естественно связывает их с литургической темой. Поэтому их часто помещают в алтарной зоне или вблизи ее, как в Херсонесе. Эти мотивы, обладающие широким спектром нюансов в пределах одного “семантического поля” (А. Грабар), соединяют символизм евхаристический, крещальный и погребально-поминальный.

Разнообразные геометрические, зооморфные и растительные мотивы, заполняющие мелкие переплетенные медальоны “ковров” северного и западного рукавов, обладают и символическим, и декоративным значением. Стиль мозаик выдает руку опытного мастера, владеющего ясным и изящным рисунком, предпочитающего симметричные построения, умело заполняющего обширные поверхности мотивами, в которых целостность сочетается с разнообразием и ритмической живостью. Главная композиция отличается настоящим монументализмом. Среди множества мозаик с традиционным изображением канфара, херсонесская выделяется оригинальной трактовкой виноградной лозы, которой художник смело придает необычную геометрическую конфигурацию, повторяющую границы прямоугольного кадра. Столь же прихотлив побег лозы в южном медальоне, где он подчеркивает нижний контур сосуда, оставляя голубям свободное пространство наверху.

Рис. 11. Херсонес. Крестовидная загородная церковь. Мозаика южного рукава.

Среди всех областей позднеантичного мира, где сохранилось много мозаик, — Северная Африка, Малая Азия, Палестина, Балканы, — херсонесская мозаика лучше всего вписывается в балканский ареал. Г. Цветкович-Томашевич собрала обширные сведения о 67 мозаиках, в которых изображены сходные по смыслу парные павлины или олени по сторонам сосуда с побегами виноградной лозы или фонтаном жизни. Большинство из них находится на территории бывшей Югославии, особенно в Македонии, меньше — в Греции, единичные примеры дают Болгария и Албания. Все эти вымостки датируются V — VI вв. [Cvetkovich-Tomashevich 1980, p. 481–511]¹⁴. Херсонесская мозаика, как и церковь, которую она украшала, относится к юстиниановской эпохе. Ближайший к Херсонесу пример — мозаики базилики № 2 в Питиусе, где в апсиде и в баптистерии представлены сходные темы: лани по сторонам канфара и птицы по сторонам сосуда с фонтаном “вечной жизни”. Мозаика датируется второй половиной IV — первой половиной V в. [Хрушкова 2002, с. 75–79; Khroushkova 2002, p. 1310–1317; Болгов 2002, с. 38–48].

Склепы. Кладбище Херсонеса предоставляет археологу хорошую возможность изучать религиозный комплекс вместе с окружающими его погребениями. Трудность заключается в том, что на этом участке, где раскопки идут уже с 1845 г., из 161 склепа нетронутых было всего четыре [Зубарь 1982, с. 4]. Кого хоронили на этом кладбище, преимущественно христиан, или в основном язычников? Первые исследователи были уверены в том, что некрополь в основном христианский. Еще при Бертье-Делагарде вокруг церкви было раскрыто “269 мест однородно-бедных” погребений, датированных монетами II — VII вв. [1907, с. 50–52, 63]. Айналов тоже считал большинство гробниц около храма христианскими [1915, с. 3]. Домбровский, напротив, говорил о “немногочисленности христианских погребений, буквально тонущих среди языческих”, захоронения христиан только “лепятся к храму” [1993, с. 308, 316].

Исследования В.М. Зубаря, одного из лучших знатоков кладбища у Карантинной бухты, привели к выводам более осторожным. В главном некрополе Херсонеса во второй половине IV — начале V в. нет “ярко выраженных христианских захоронений”; могилы христиан не отличаются от языческих “ни спецификой погребального обряда, ни инвентарем” [1991, с. 11,15; Зубарь, Хворостяный 2000, с. 56]. Это важное наблюдение ставит под сомнение возможность подсчитать количество христиан в некрополе. Соответственно, его материалы не дают основания считать, что “лишь со второй пол. VI — нач. VII можно говорить о христианском Херсонесе” [Зубарь 1991, с. 24; Зубарь, Хворостяный 2000, с. 95].

В некрополе Херсонеса наблюдаются характерные явления, много раз отмеченные археологами в разных частях позднеантичного мира.

¹⁴ На балканском материале основаны две работы, в которых рассматривается символика этих симметричных композиций: [Sodini 1970, p. 699–753; Bitrakova-Grozdanova 1986, p. 121–134].

Христианские захоронения, в том числе и расположенные около церквей, содержат инвентарь, чаще небогатый, исключая погребения членов варварских элит; погребения содержат крайне малое число предметов с христианскими символами даже там, где христианство уже было распространено. Я ограничусь отдельными примерами из разных регионов. В Восточном Причерноморье на кладбищах около Питиуса, епископского центра константиновской эпохи, и в районе Цебельдинской долины, население которой, согласно Прокопию Кесарийскому, было христианами “с давних пор”, явных признаков христианства очень мало [Хрушкова 2004, с. 170]. Некрополь Тира, знаменитую базилику которого описал Евсевий Кесарийский, дает характерный пример сосуществования язычников и христиан с середины II до начала VII в. [Reu-Coquais 1998, p. 684–691]. В IV в. в Греции, Румынии, Болгарии, Сербии еще продолжают класть в могилы монеты, в том числе и на кладбищах вблизи церквей. Иногда усопший держит обол Харона в правой руке [Sodini, Kolokotsas 1984, p. 229]. В Колонии на Рейне, раскопки под Кельнским собором раскрыли базиликальное сооружение с апсидой, построенное в V в. Здесь же во второй трети VI в. появилось два богатых франкских захоронения, без единого христианского предмета, хотя меровингская знать в это время уже была христианской. Тем не менее, идентификацию здания в качестве христианского считают возможной [Ristow 2002, p. 51–60, 83–88].

Как это часто бывает, множество археологических фактов, допускающих разноречивые толкования, освещаются ясным светом письменных источников. Недавно Э. Ребийяр систематизировал документы об обряде захоронения в позднеантичную эпоху, что по-новому рисует роль церкви в частной жизни граждан. Погребальный обряд не был важным элементом в формировании религиозной идентичности разных групп населения Римской империи. В частности, нет ни одного церковного документа, запрещавшего хоронить христиан и язычников на одном кладбище. В IV и V вв. не было особого “христианского обряда”, выработанного церковью. Похоронами занималась семья, и это оставляло место для пережитков язычества [Rebillard 2003, p. 40–49, 160, 200]. И только достойные погребения мучеников были особой заботой христиан, выражением их благочестия [Rebillard 2003, p. 141].

Конечно, дело было не только в том, что верующие, без надзора священников, рады были склоняться к языческим обычаям предков. Христианская доктрина не выражала себя в погребальном обряде. Христиане верили, что смерти нет, что душа переходит в бессмертие, где ей нательный крест не нужен.

На восточном кладбище Херсонеса предметов IV — V вв. с христианскими символами очень мало [Зубарь 1982, с. 83, 93; Зубарь, Хворостяный 2000, с. 57]. Тем важнее склепы с росписями, общее число которых сейчас достигает десяти. В этой живописи видим обычный раннехристианский репертуар, частью заимствованный из античности: гирлянды, виноградная лоза, павлины, голуби, свечи, хризма, очень редко — человеческие фигуры. Первый исследователь склепов

М.И. Ростовцев датировал их второй половиной IV — V вв. [1914, с. 449–507]. Ему же принадлежит интересное наблюдение о том, что два склепа были не рядовыми захоронениями, они чтились как погребения мучеников [Ростовцев 1914, с. 452, 506]. Оба городских кладбища имели свой центр мартириального культа. Склеп, открытый А.С. Уваровым и доследованный в 1904 г., расположен на главном, восточном, кладбище. Известный склеп на земле Тура, с самой богатой росписью, находится в некрополе за западными городскими воротами. Он был приспособлен под часовенку, в которой почитаемое погребение расположено в задней стене, противоположной от входа. В обоих склепах есть изображения человеческих фигур, а в склепе Тура, сверх того, — единственное в Херсонесе изображение города.

В.М. Зубарь предложил для некоторых склепов новые, необычно-поздние даты: VI — VII вв., а для склепа Тура — даже VII — VIII вв. [1991, с. 18; 1999, с. 298–301; Зубарь, Хворостяный 2000, с. 58–89]. Уже отмечалось, что эти поздние даты не согласуются с серией хорошо установленных фактов [Хрушкова 2004, с. 171–172]. Напротив, старые даты Ростовцева IV — V вв. вполне подтверждаются материалами, умноженными открытиями последующих десятилетий, и мы можем отдать должное интуиции ученого, которая исходила из широкого видения своеобразной переходной культуры поздней античности.

Поздняя дата росписей Херсонеса с антропоморфными и сюжетными мотивами основана на убежденности В.М. Зубаря в том, что на Востоке изображения человеческих фигур появляются не ранее VI в. Однако это не согласуется с реальностью. Прежде всего, на память придут широко известные росписи христианского дома в Дура-Европос со сценами на библейские и евангельские сюжеты, созданные не позже 40-х годов III в., в изучении которых активное участие принял и сам Ростовцев [Rostovzeff 1938]. Исследование росписей раннехристианских склепов привело к выводу, что развитие шло от сюжетных сцен к чистому символизму [Valeva 1998, p. 765, 772]. Та же особенность прослеживается и в рельефах саркофагов IV–VI вв., происходящих из восточных районов империи, включая Константинополь [Koch 1998, p. 439–478]. Само сопоставление Востока и Запада нуждалось бы в комментарии. Где проходила в VI в. культурная граница между Востоком и Западом? Генералы Юстиниана продвинули “Восток” далеко на “Запад”, что немедленно отразилось в искусстве. Памятники эпохи “византийской реконкисты” многочисленны в Средиземноморье, будь то Северная Африка или адриатическое побережье [Cambi 1998, p. 933–958]. Алтарные мозаики Ефрасианской базилики в Порече (Паренцо), исполненные около 550 г., В.Н. Лазарев связывает с мастерскими Равенны, а эти последние — с сирийской традицией [Лазарев 1947, с. 60; Ponje 1982–1983, p. 65–183].

Для подтверждения поздней даты склепа на участке Тура В.М. Зубарь приводит даже изображения городов в мозаике мечети в Дамаске 705–707 гг. Но стоит ли сопоставлять весьма скромные по художественному уровню росписи в миниатюрных склепах Херсонеса с мозаиками Да-

маска, великолепным шедевром монументального искусства Омейядов? Кроме того, изображения городов часты и в раннехристианских напольных и настенных мозаиках, от Рима до Иордании [Duval 1994, p. 165–207].

Я ограничусь сопоставлением только погребальных памятников, не забывая о чрезвычайно различной сохранности и доступности для изучения позднеантичных кладбищ на Востоке и на Западе. Упомяну одни лишь столицы, Рим и Новый Рим. Исторический Рим, вплоть до веков новейшей истории, никогда не вышел за пределы стены Аврелиана (270–275), и все его огромные кладбищенские зоны хорошо доступны и активно изучаются на протяжении столетий. Напротив, некрополи Константинополя почти неизвестны. Окруженный с трех сторон водой, растущий город быстро перешагнул черту константиновской стены, и кладбища IV и начала V в. уже при Феодосии II оказались под городскими мостовыми, — там, где они находятся и до сих пор. Кладбища более поздней эпохи лежат за феодосиевой стеной, под домами окраин и предместий Стамбула, практически недоступные исследованию. И только редчайший случай позволяет увидеть, как выглядела в IV или V в. вечная обитель богатого горожанина. К числу таких открытий относится ипогей на улице Силиври Капы, нетронутое погребальное сооружение с полным ансамблем скульптурного и живописного декора. На главной стороне монументального саркофага изображена монограмма Христа того же типа, как в херсонесских склепах; несколько рельефов исполнено на сюжеты из Священной истории; среди мотивов росписей стен — пара противостоящих павлинов. Скрупулезный анализ, в котором ничего не упущено, от иконографии сцен до завитков причесок персонажей, и сопоставление с бесспорно датированными памятниками, определили дату создания ипогея временем около 400 г. или самым началом V в. [Dec-kers, Serdaroglu 1993, s. 143–163].

Добавим к этому изолированные находки саркофагов или плит конца IV — V вв., хранящиеся как в Стамбуле, так и в некоторых европейских собраниях. Здесь тоже видим сцены на евангельские сюжеты [Firatli 1990, p. 48, pl. 32, № 85a; p. 56, pl. 34, № 88, 89; pl. 38, № 98, 100; Koch 1998, s. 442–447]. Таким образом, даже и по этим разрозненным находкам ясно, что в Константинополе иконографический погребальный рельеф в IV — V вв. существовал, при этом состав сюжетов близок к росписям и саркофагам римских катакомб.

К теме херсонесских росписей ближе всего недавняя сводка расписных позднеантичных склепов, которую составила Валева. Она включает свыше 80 памятников IV — V вв. с мотивом хризмы или креста. Эти довольно единообразные росписи рассеяны по пространствам Востока и Запада. Среди символических изображений, похожих на склепы Херсонеса, немало и антропоморфных: ангелы и архангелы, апостолы, оранты, Добрый пастырь, ветхозаветные и новозаветные сцены. Это обычный раннехристианский репертуар, хорошо известный по живописи римских катакомб [Valeva 1998, p. 761–786].

Удачей совместной украинско-австрийской экспедицией было открытие в Херсонесе двух новых склепов с росписями [Зубарь, Хворостя-

ный 2000, с. 144–154; Zubar, Pillinger 2002, p. 123–130]. Один из них (склеп № 2) украшен изображениями чаши, павлина, птицы, гирлянд и цветов и лежащей стеклянной вазы с рассыпавшимися плодами. Эта упавшая ваза — обычная аллегория скорби в кладбищенском искусстве римского языческого мира. В погребальной декорации христиан нет скорби и грусти, в ней господствуют идеи спасения, победы над смертью. Изображение плодов, видимых через стекло, — прием античного иллюзионизма, любимый художниками римской эпохи. Скорее всего, роспись этого склепа была выполнена не позже IV в. Предположение о том, что ее можно отнести к ранней группе херсонесских склепов, высказал и П.Д. Диатроптов [2002, с. 34–37]. По мнению В.М. Зубаря, изображение стеклянного сосуда в росписи склепа № 1 похоже на рюмки, которые были широко распространены в VI — VII вв. [Зубарь 2004, с. 75–82]. Однако, по-моему, в форме ножки особого сходства нет. Кроме того, вряд ли в этих схематических и символических образах нужно искать воспроизведение реальных форм, также, как в изображении виноградной лозы в мозаике трудно было бы распознать сорт и вкус винограда.

Хризма. Из всех мотивов росписей склепов Херсонеса, пожалуй, одна хризма обладает датирующими признаками. Здесь представлен тот тип монограммы Христа, который комбинирует первые буквы имени Христа, Хи и Ро, и именуется константиновской монограммой или христорограммой (хрисмон). Именно ее, согласно традиции, записанной Евсевием Кесарийским, увидел Константин перед битвой на Мильвийском мосту 28 октября 312 г. Христорограмма воспринималась как личный знак императора и стала символом триумфа, получив широчайшее распространение после издания Миланского эдикта. В погребальном контексте хризма приобрела значение символа бессмертия.

Иногда христорограмма дополнена апокалиптическими буквами, альфой и омегой, которые восходят к Откровению Иоанна: “Я есмь Альфа и Омега, начало и конец” (Апк 1:8; 21:6). Буквы указывают на божественную природу Христа, который есть начало и конец всех вещей; они связывают новозаветную идею с ветхозаветной: “Я есмь первый и последний” (Ис. 44, 6; 48, 12). Их появление связывается с борьбой против ариан. Что касается хронологии монограмм, уже один из первых исследователей этого мотива, Ж. Лоран, сделал наблюдение: “Константиновская монограмма уже не употреблялась в середине V в., она уступила место сначала монограмматическому кресту” [Laurent 1899, p. 243–244], т.е. тому типу монограммы, которая комбинирует крест и букву Ро. Апокалиптические буквы в христорограмме распространились к концу IV в. Христорограмма в венке (*monogramma laureato*), как в склепах Херсонеса, часто на саркофагах второй половины IV — начале V в. в Риме, Испании, Галлии, Равенне [Sauer 1958, Sp. 1177; Bonacasa Carra 1995, p. 109–118]. Единичные случаи христорограммы с буквами альфа и омега известны уже в доконстантиновскую эпоху, например, в надписи III в. из Эдессы, в Сирии [Feissel 1983, p. 31, pl. III, № 12]. Ясная закономерность выявлена в надгробных мозаиках Северной Африки, где некоторые памятники достоверно датиро-

ваны по надписям. Там константиновская хризма с апокалиптическими буквами часто встречается с конца IV и в первой половине V в., затем она постепенно заменяется монограмматическим крестом [Fevrier 1962, p. 446–447; Дюваль 1976, p. 55, 112; Alexander 1987, p. 10].

В списке склепов, составленном Валеовой, есть и несколько росписей с хризмой, соединенной с альфой и омегой. Все они датируются IV или IV — V вв. Это две росписи в Софии (Сердика), в Фессалониках (могила 21 на восточном кладбище, датирована монетами временем около 350 г.), в Сиракузах, в Нише (Сербия), в Сардах (330–350 гг.); приводятся и склепы Херсонеса, в том числе склеп Тура, где, возможно, на своде была хризма, с датировками Ростовцева второй половины IV в. [Valeva 1998, p. 774, 777, 779, 781, 782]. В Восточном Причерноморье хризму с апокалиптическими буквами видим на упомянутой выше мозаике Питиуса.

Таким образом, росписи херсонесских склепов хорошо вписываются в контекст раннехристианской погребальной живописи IV–V вв. Важно, что даты росписей согласуются с монетами, обнаруженными в склепах, которые относятся ко второй половине IV — началу V в., не позже Аркадия (395–408). Наконец, к тому же времени относятся и монеты, найденные при раскопках маририального архитектурного комплекса. Показательно, что ни в склепах, ни под церковью нет никакой примеси более поздних монет, которые ставили бы под сомнение датирующее значение более ранних. Монеты, найденные в склепах, относятся не к моменту их строительства, но ко времени их интенсивного посещения как мест культа. Склепы могли быть построены во второй половине IV в. Отсутствие более поздних монет понятно. На протяжении V в. и, тем более, в VI в., с распространением христианства в Херсонесе, основными местами собраний верующих стали не кладбищенские склепы, а просторные городские базилики. Что же касается маририального и мемориального культа, без которого нет христианской религиозной жизни, он продолжал существовать и на кладбище, в крестовидной церкви, и в городе.

Литература

- Айналов Д.В.* Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе. М., 1915 (отд. отгиск из: ТМАО, Древности. 1916. XXV).
- Бертъе-Делагард А.Л.* Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. 12.
- Бертъе-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. 1907. XXI.
- Болгов Н.Н.* К проблеме интерпретации изображений ранневизантийских мозаик Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 38–48.
- Высоцкий А.М., Осминская Н.А., Шелов-Коведяев Ф.В.* К вопросу об истории и реконструкции первой церкви Апостолов в Константинополе по описаниям современников // ВВ. 2000. 59 (84). С. 198–221.
- Гайдуков Н.Е.* Отверстия для вложения мощей в престолах византийских храмов Херсонеса // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Ч. II. Киев-Судак, 2004. С. 51–63.

- Диатроптов П.Д.* Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 34–37.
- Домбровский О.И.* Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. III. С. 289–318.
- Завадская И.А.* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Т. VII. С. 77–90.
- Завадская И.А.* Баптистерии Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период) // МАИЭТ. 2002. Т. IX. С. 252–271.
- Завадская И.А.* Еще раз о датировке загородного крестообразного храма // Восток-Запад: межконфессиональный диалог. Севастополь, 2002 (2002а).
- Завадская И.А.* Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV — VI вв.) // МАИЭТ. 2004. Т. X. С. 402–426.
- Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического. II — V вв. н.э. К., 1982.
- Зубарь В.М.* Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. К., 1991.
- Зубарь В.М.* К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса // Хсб. 1999. Т. X.
- Зубарь В.М.* Еще раз о датировке раннехристианской росписи склепа № 1, исследованного в 1998–1999 гг. на территории некрополя Херсонеса // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004. С. 75–82.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III — первая половина VI в.). К., 2000.
- Косцюшко-Валюжинич К.* Второе дополнение к отчету о раскопках в 1902 году // ИАК. 1906. XX. С. 96–100.
- Лазарев В.Н.* История византийской живописи. Т. 1. М., 1947.
- Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Текст, Т. 1. Описание и исследование памятников. Атлас. Спб., 1913-1914.
- Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. IV — VII вв. М., 2002.
- Хрушкова Л.Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. 2004. Вып. 63 (88). С. 167–194.
- Хрушкова Л.Г.* Крест // РКЭ. 2005. Т. 2.
- Хрушкова Л.Г.* Крипта // РКЭ. 2005. Т. 2.
- Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. М., 1959.
- Alexander M.A.* Mosaic ateliers at tabarka // DOP. 1987. Vol. 41.

- Bagatti B.* L'église de la gentilité en Palestine (Ie–XIe siècle). (Publication du Studium Biblicum Franciscanum, Collection minor, 4). Jerusalem, 1968.
- Bitrakova-Grozdanova V.* Sur un thème se trouvant dans les mosaïques paléochrétiennes de la République socialiste de Macédoine // XXXIII Corsi. 15–22 marzo 1986. Ravenna, 1986. P. 121–134.
- Bonacasa Carra R.M.* Rilievi con monogramma laureato nel Museo di Leptis Magna // Quaderni di archeologia della Libya. 1995. 17.
- Chruškova (Khrushkova) L.* Krim // RAC. 2005 (в печати).
- Cambi N.* L'âge de Justinien en Dalmatie et en Istrie // Acta XIII CIAC (Studi di Antichità Cristiana LIV. Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, supl. vol. 87–89). II. Città del Vaticano-Split, 1998. P. 933–958.
- Chevalier P.* Le dispositif liturgique des églises de Dalmatie et d'Istrie aux VIe et VIIe s. // Acta XIII CIAC (Studi di Antichità Cristiana LIV. Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, supl. vol. 87–89). II. Città del Vaticano-Split, 1998. P. 975–996.
- Claussen H.* Krypta // LThK. 1961. 6. Sp. 651–653.
- Cvetković Tomašević G.* Mosaïques paléobyzantines de pavement dans l'Illyricum Oriental. Iconographie, symbolique, origine // Actes du Xe CIAC. Thessalonique, 1980. P. 481–511.
- Dagron G.* Naissance d'une capitale. Constantinople et ses installations de 330 à 451. Paris, 1974 (1984).
- Dagron G.* Constantinople imaginaire. Etudes sur le recueil des Patria (Bibliothèque Byzantine, Etudes, 8). Paris, 1984.
- Deckers J.G., Serdaroglu Ü.* Das Hypogäum beim Silivri-Kapi in Istanbul // JbAC. 1993. 36. S. 143–163.
- Descœudres J.* Die Pastophorien im syro-byzantinischen Osten: eine Untersuchung zu architektur- und literaturgeschichtlichen Problemen. Wiesbaden, 1983.
- Donceel-VouÛte P.* L'inévitable chapelle des martyres: identification // Lambergts M., van Deun P. (ed.). Martyrium in multidisciplinary perspective. Memoria Louis Reekamns (Bibliotheca Ephemeridum Theologicarum Lovaniensium, 117). Leuven. 1995.
- Downey G.* The Shrines of St. Babylas at Antioch and Daphne // Stillwell R. (ed.). Antioch on-the-Orontes. II. The Excavations 1933–1936. Princeton, 1938.
- Duval N.* La mosaïque funéraire dans l'art paléochrétien. Ravenna, 1976.
- Duval N.* Le rappresentazioni architettoniche // Piccirillo M., Alliata E. Umm al-Rasas Mayfa'ah. I. Gli scavi del complesso di Santo Stefano (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior, 28). Jerusalem, 1994. P. 165–207.
- Duval Y.* Au près des saints corps et âmes. L'inhumation "ad sanctos" dans la chrétienté d'Orient et d'Occident du IIIe au VIIe siècle. Paris, 1988.

- Feissel D.* Recueil des inscriptions chrétiennes de Macédoine du IIIe au VIe siècle (BCH, suppl. VIII). Paris, 1983.
- Février P.-A.* Mosaïque funéraires chrétiennes datées d'Afrique du Nord // Atti del VI CIAC. Ravenna, 23–30 sept. 1962 (Studi di Antichità Cristiana, 26). Città del Vaticano, 1965.
- Firatli N.* La sculpture byzantine figurée au Musée Archéologique d'Istanbul. Catalogue revu et présenté par Metzger C., Pralong A. et Sodini J.-P. (Bibliothèque de l'Institut Français d'Etudes Anatoliennes d'Istanbul, XXX). Paris, 1990.
- Fisković I.* O ranokršćanskoj arhitekturi na Otocima Braču i Šolti // Arheološki Radovi i Rasprave. Zagreb. 1982. VIII – IX.
- Grabar A.* Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art premier chrétien. Paris, 1946 (1972).
- Grossmann P., Severin H.-G.* Frühchristliche und byzantinische Bauten im Südöstlichen Lykien (Istanbulischer Forschungen, Bd. 46). Tübingen, 2003.
- Honigmann E.* Recherches sur les listes des pères de Nicées et de Constantinople // Byz. 1936. XI, 2.
- Jakobson A.* Krim // RBK. 1995. V. Sp. 375–439.
- Jastrzebowska E.* Chersonèse dans l'Antiquité tardive : état de recherches et bibliographie // AntTard. 2001. 9. P. 399–418.
- Khroushkova L.G.* Les influences romaines dans l'architecture paléochrétienne sur le littoral oriental du Pont Euxin // Guidobaldi F. e Guiglia Guidobaldi A. (a cura di). Ecclesiae Urbis. Atti del Congresso internazionale di studi sulle chiese di Roma (IV-X secolo). Roma 4–10 settembre 2000. Città del Vaticano, 2002. P. 1307–1339.
- Koch G.* Sarkofage des 5. und 6. Jahrhunderts im Osten des Römischen Reiches // Acta XIII CIAC (Studi di Antichità Cristiana LIV. Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, suppl. vol. 87–89). II. Città del Vaticano-Split, 1998. S. 439–478.
- Lassus J.* L'église cruciforme // Stillwell R. (ed.). Antioch on-the-Orontes. II. The Excavations 1933–1936. Princeton, 1938.
- Lassus J.* Sanctuaires chrétiens de Syrie (Bibliothèque archéologique et historique, 42). Paris, 1947.
- Laurent J.* Delphes chrétiens // BCH. 1899. XXIII.
- Mathews T.F.* The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. University Park, London, 1971.
- Pülz A.* Die frühchristlichen Kirchen des Taurischen Chersonesos/Krim // MiChA. 1998. 4. S. 45–78.
- Rey-Coquais J.-P.* Tyr, la nécropole et ses inscriptions // Acta XIII CIAC (Studi di Antichità Cristiana LIV. Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, suppl. vol. 87–89). III. Città del Vaticano-Split, 1998. P. 684–691.

- Rebillard É.* Religion et sépulture. L'Église, les vivants et les morts dans l'Antiquité tardive (Civilisations et Sociétés, 115). Paris, 2003.
- Ristow S.* Die frühen Kirchen unter dem Kölner Dom. Befunde und Funde vom 4. Jahrhundert bis zur Bauzeit des Alten Domes (Studien zum Kölner Dom. Band 9). Köln, 2002.
- Rostovzeff M.* Dura Europos and its Art. Oxford, 1938.
- Ruggieri V.* The IV Century Greek Episcopal Lists in the Mardin Syriac. 7 (olim Mardin Orth. 309/9) // OCP. 1993. 59, II.
- Sauer J.* Christusmonogramm // LThK. 1958. II.
- Saxer V.* Morts, martyrs, relique en Afrique chrétienne aux premiers siècles. Paris, 1980.
- Sodini J.-P., Kolokotsas K.* Aliko, II: la basilique double (Études Thasiennes, X). Paris, 1984.
- Sodini J.-P.* Les "tombes privilégiées" dans l'Orient Chrétien (à l'exception du diocèse d'Égypte) // *Duval Y., Picard J.-Ch.* (éd.). L'inhumation privilégiée du IVe au VIIIe siècle en Occident. Actes du colloque tenu à Creteil les 16–18 mars 1984. Paris, 1986. P. 233–242.
- Sodini J.-P.* Mosanques paléochrétiennes de Grèce // BCH. 1970. 94, II.
- Šonje A.* Mosaici parietali della basilica Eufrasiana a Parenzo // Atti: Centro di ricerca storiche Rovigno. 1982–1983. 12. P. 65–183.
- Tchalenko G.* Églises de village de la Syrie du Nord (BAH, CV). Paris, 1979–1980.
- Testa E.* Legislazione funeraria greco-romana e le memorie degli eroi e dei martiri // LA. 1989. 39.
- Valeva J.* Les tombeaux ornés de croix et chrismes peints // Acta XIII CIAC (Studi di Antichità Cristiana LIV. Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, supl. vol. 87–89). III. Città del Vaticano-Split, 1998. P. 761–786.
- Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936.
- Zubar V.M., Pillinger R.* New Tombs with Early Christian Murals from the Necropolis of Tauric Chersonesus (Preliminary Note) // Tsetskhladze G.R. and de Boer J.G. (ed.). Talanta. Proceeding of the Dutch Archaeological and Historical Society. The Black Sea Region in the Greek, Roman and Byzantine Periods. Vol. 32–33, 2000–2001. Amsterdam, 2002. P. 123–130.
- Zuckerman K.* The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus // TM. 1991. 11. P. 527–553.

ЭТИМОЛОГИЯ ОЙКОНИМА “СУДАК” (к постановке проблемы)

Различные названия поселений в районе современного г. Судак, встречающиеся в исторических источниках: *Сугдайя*, *Сугдак*, *Солдайя*, *Судак*, фонетически буквально соответствуют тюркским лексемам, многие из которых, как будет видно, весьма продуктивны в топонимии, тем не менее, тюркских этимологий этих ойконимов (насколько нам известно) практически в науке предложено не было [Фасмер 1987, с. 795].

Лишь в кратком словаре географических названий Крыма авторы, этимологизируя гидроним *Судак* (река, образованная слиянием реки Суук-Су и ее левого притока Аджибей; впадает в море в населенном пункте Судак, у горы Алчак-Кая), приводят тюрко-монгольские параллели, не ссылаясь на источники: тюрк. *судак* “ручей, приток”; монг. *судак* “лог, ложбина, балка”¹ и предлагают сравнить с названием средневекового племени *сугдак*, а также с тюрк. *су* “вода” и *даг* “гора, лес” [Белинский, Лезина, Суперанская 1998, с. 112].

Остается неясным, связана ли, по мнению авторов, данная этимология гидронима с названием города. Отметим, что вызывает сомнение “тюрк. *судак* “ручей, приток””, ввиду отсутствия такого или подобного названия водного объекта в общетюркском фонде гидронимической терминологии [Сравнительно-историческая грамматика... 2001, с. 87–94].

Отсутствие попыток этимологизации ойконима на тюркской языковой почве, вероятно, объясняется безоговорочным признанием аланского (осетинского) происхождения упомянутых названий, предложенного еще в XIX в. [Брун 1880; Миллер 1887, с. 77; Васильевский 1915, с. CLVI–CLVIII]

Однако аланская этимология строится лишь на факте пребывания в Крыму в III в. н. э. — предполагаемом времени основания поселения *Сугдайя* — алан и постулируемом созвучии этого ойконима с осет. *suǰdǎg* “священный” [Фасмер 1987, с. 795]. Вс. Миллер возводит ойконим к иран. **suɣda* “чистый, святой” и предлагает сравнить с осет. *суǰдǎг* “святой” [Миллер 1887, с. 77].

Бездоказательно утверждается, что столь фонетически разные названия: греч. *Сугдайя*, *Сугдея*, *Сугдия*, итал. *Солдайя*, *Солладия*, *Солдахия*, араб. *Сугдак*, *Судак*, *Сурдак*, *Шолладия*, др.-рус. *Сурожь* восходят к одному прототипу.

Представленное нами исследование не претендует на всеобъемлющее решение проблемы происхождения рассматриваемых названий, ее цель — определить некоторые основные подходы к рассмотре-

¹ Действительно, данное географическое название встречается в монгольском языке [Монгольско-русский словарь 1957, с. 362], но монгольская этимология ойконима вряд ли возможна, помимо прочего, из-за довольно позднего появления носителей монгольского языка на полуострове.

нию вопроса, учет которых, на наш взгляд, необходим при дальнейших исследованиях, и предложить оригинальную авторскую гипотезу этимологии ойконимов.

Впервые название поселения (в форме *Сугдайя*) фиксируется в источниках в конце VII — VIII вв. (Равеннская анонимная космография). Принимая достоверность времени образования поселения (212 г. н. э., по позднему упоминанию в греческом синаксаре), вместе с тем, нет никаких оснований полагать, что первоначально оно носило то же название, что и в VII — VIII вв. — это время приходится на период доминирования в Крыму тюркских народов (хазар, тюрко-болгар), первая волна которых (гунны) появляется на полуострове еще во второй половине IV в. Поэтому, в плане исторического контекста, основания предполагать тюркское происхождение ойконима не меньше, чем аланская гипотеза.

Действительно, бросается в глаза, что и *сугдак*, и *сугдайя* практически без фонетических изменений переводятся с тюркских языков. Их можно возвести к тюркским словам *суг* // *сук* < *суук* “холод; холодный” и *дак* // *даг* < *дау* (*дау*), с основным значением — “гора”. В этом случае, лексема *сугдак*, образованная путем словосложения, представляет собой основной падеж и переводится как “холодная гора”.

Форма *сугдайя* (точнее — *сугдāйя*) представляет собой дательный (направительный) падеж от предыдущего слова, при допущении, что лексема *дау* звучит, как во многих современных тюркских языках (турецком, гагаузском и др.), — *даа* (неустойчивая конечная *у* не произносится, а гласная — удлиняется). Таким образом, лексема *сугдайя* будет переводиться: “на (к) холодную гору”, что вполне могло закрепиться в качестве ойконима в основном падеже в иной (нетюркской) языковой среде при устном восприятии с неродного языка.

Другая возможная грамматическая форма, фонетически близкая к *сугдайя* // *сугдāйя* — *сугдāйы* — винительный (объектный) падеж (отвечает на вопросы кого? что?) — “холодную гору” (отметим при этом, что тюркское *ы* менее глубокое, заднеязычное, чем в русском).

Фонетически точно так же (*сугдāйы*) будет выглядеть и изафет 2-го типа — определительное словосочетание имен существительных, кстати, едва ли не наиболее продуктивная грамматическая форма при образовании топонимов в юго-западной (огузской) группе тюркских языков [Белинский, Лезина, Суперанская 1998, с. 4–5]. Например, в тех же фонетических условиях: гаг. *Куртма Вани даайы* “лес Куртмы Ивана” — микротопоним в с. Александровка Болградского р-на Одесской области, *Сүүтлүк баайы* “виноградники заросли ивняка” — Татар-Копчак, Молдавия [Гагаузско-русско-молдавский словарь 1973, с. 601]; в Крыму: *Баба-Даги* “отец-гора”, *Мшатка-Каясы* “скала Мшатка”, *Хаджи-Дереси* “долина паломника” [Белинский, Лезина, Суперанская 1998, с. 28, 48, 93]. В данном случае, *сугдāйы* переводится идентично *сугдаа* // *сугдак* — “холодная гора”.

Отметим, что практически любая часто употребляемая грамматическая форма может быть заимствована другим языком в качестве основного падежа, тем более при устном восприятии. Этого не избега-

ют даже некоторые “ученые”, воспринимая и транслируя различные грамматические формы в качестве основного падежа².

Не так же ли образовалось и название *Крым* (крым.-тат. *Кырым*) не имеющее до настоящего времени общепринятой этимологии³ и первоначально, в форме *Эски-Кырым* (Старый Крым), упоминающееся в качестве названия города (совр. Старый Крым)? Данную форму можно перевести с тюркского как “(моя [притяжательный падеж первого лица единственного числа]) старая степь, равнина, плоскогорье (в значении — кочевье, территория?)”, производную от *эски* “старый” и *кыр(ым)* “(моя) степь, равнина, плоскогорье” [Сравнительно-историческая грамматика... 2001, с. 87]. Соответственно, *кырым* без определения просто “моя степь, равнина, плоскогорье”, что могло очерчивать территорию, принадлежащую некоему владельцу, быть синонимом понятий “страна”, “владение” (учитывая кочевой образ жизни), перейти в другие языки, изменив семантику, а затем вернуться обратно в крымскотатарский уже в значении названия полуострова.

Предложенная этимология ойконима *Судак* объясняет мотив номинации — “(поселение у /на) холодной горе”. Поскольку микроклимат района Судака один из наиболее засушливых и жарких даже в Крыму, то безлесная скала, на которой ныне расположены развалины генуэзской крепости, выдающаяся в море и обдуваемая прохладными ветрами, вызывает по контрасту ощущение холода. Ср., например, с рус. ойконимом *Прохладный* в Кабардино-Балкарии, оронимами: *Холодная* (гора) около Новосибирска, *Холодный* (хребет) в российском Приморском крае и т.д. Конечно, и в микрорайоне Судака имеются более “холодные” горы, чем рассматриваемая (например, находящиеся вблизи гора Сокол (Куш-кая) или гора Караул-оба), но на них, по всей видимости, как и сейчас, во время формирования ойконима постоянных поселений не было, и данный мотив номинации здесь не был актуален.

Лексема *суг //сук //суук* (также как и *даг*) весьма продуктивна в топонимии, в том числе и Крыма. Например, в XIX в. неподалеку от Судака существовало крымскотатарское поселение *Суук-су* букв. “холодная вода, река”, вероятно, по названию источника или ручья близ него. Этот же топоним (известный в археологии по средневековому

² На примере гагаузского языка [Шабашов, Челака, Дыханов 1999, с. 25–26], “ученые-болгаристы” часто употребляющуюся в этом языке членную форму (артиклъ, присоединяемый к концу слова и пишущийся с ним слитно) воспринимают как составную часть основного падежа, например: *горната, долната къща* [Очерки этнографии... 2003, с. 21] букв. “эта (конкретная) верхняя (или нижняя) комната”, вместо правильного *горна, долна къща*.

³ В этой связи не потеряло своей актуальности замечание А.Н. Самойловича о том, что “слова “кырым” в значении “ров” (что и до сих пор остается наиболее общепринятой этимологией названия полуострова. — *III. А., III. М.*)... не существует... Нам остается только присоединиться к мнению академика В.В. Бартольда, который... признал, что происхождение названия Крыма неясно” [Самойлович 2000, с. 203].

могильнику) встречается у Гурзуфа и т. д. [Белинский, Лезина, Суперанская 1998, с. 113].

Наконец, существует прямое средневековое сообщение о том, что *Судак* (о данной форме ойконима — ниже) это — название горы. В описании посольства египетского султана Бейбарса в Золотую Орду, фигурирующем в восточных источниках, говорится, что после высадки в Крыму они взобрались на гору, называемую *Судак*, и что здесь встретил их татарский уполномоченный, правитель края, имевший резиденцию в местечке Крым [Васильевский 1915, с. CLXXXI].

Судя по публикации А. В. Джанова, имеется и другое средневековое сообщение, в котором упоминаются “высоты Судгей” [Джанов 2004, с. 68]. Эти сведения, по крайней мере, с большой долей вероятности указывают на то, что *Сутдак // Сутдайа // Сутдея // Судак* было названием не только поселения, но и горы. Учитывая наличие в данных словах восходящей к тюркским языкам составной — *даг // дак // дайа* со значением “гора”, трудно сомневаться в необходимости рассмотрения этимологии ойконимов на основе этих языков.

Слишком различное звучание и отсутствие выявленных фонетических переходов заставляет усомниться в тождественности различных наименований поселения, встречающихся в источниках. Поэтому авторами предлагается новый подход, по которому необходимо сконцентрировать внимание не на разных языках передачи ойконима, а на хронологической стратиграфии названий города. В таком случае, последовательность основных форм приблизительно такова: *Сутдайа — Суддак — Судак — Сурож — Солдайя*.

На формах *Сутдайа* и *Сутдак* мы остановились выше. Смена тюркских народов на полуострове (тюрко-болгар и хазар на кыпчаков) примерно совпадает со временем перехода к другому наименованию поселения — *Судак*. Изменяется и историческая обстановка. В этот период Судак превращается в крупный центр транзитной торговли. Возможно, это привело к переосмыслению ойконима на основе народной этимологии.

Новый тюркский народ, занявший Крым (кыпчаки [половцы, куманы]) и, вероятно, перенявший у своих предшественников название поселения, мог переосмыслить его по-своему. Здесь необходимо сделать отступление и обратиться к этимологии русской лексики *судак*.

Предложенные в науке этимологии данной лексики на индоевропейской почве выглядят недостаточно убедительно [Фасмер 1987, с. 794–795]. Вероятно, это, а также ее фонетическая форма, подтолкнули академика Н.К. Дмитриева предложить гипотезу ее тюркского происхождения. Однако собственной этимологии лексики автору предложить не удалось [Дмитриев 1958, с. 30]. Мнения о тюркском происхождении русского *судак* придерживался и Вамбери.

Русское слово *судак* можно возвести к тюрк. *судак*, образованного путем словосложения из *суд // сут < сүт* “молоко; молочный” + *ак* “белый” > *суд-ак // судак* “молочно-белый” или “матово-белый”. В данном случае — “(рыба) матово-белого (цвета)”. Подобные грамматичес-

кие формы весьма типичны для тюркских языков, например, тат. *ап-ак* “белый-пребелый”, гаг. *ак-бияз*, с тем же значением.

При этом, важно заметить, что общетюркское *süt* принимает форму с задней гласной *u* — *sut* в армяно-кыпчакском языке, в кумыкской диалектной лексеме, в узбекском языке и в тракайском диалекте караимского языка (*s'ut'*) [Сравнительно-историческая грамматика... 2001, с. 448–449] (*t* закономерно переходит в *d* в интервокальной позиции), то есть в языках, генетически связанных с языком средневековых южнорусских (соответственно, и крымских) кыпчаков.

Тюркская лексема *судак* с подобными значениями зафиксирована в среднеазиатском ареале: чаг. “какая-то рыба”, “судак” [Радлов 1963, с. 778]; по Будагову, — “род рыбы в Яксарте” [Будагов 1871, с. 642].

Другие аргументы в пользу тюркского происхождения лексемы:

- рыба судак действительно имеет матово-белую окраску;
- исконно тюркские названия рыб (впрочем, как и во многих других языках) часто основываются на характеристике их наиболее выразительных внешних признаков, например: **sebrük* “осетр” (отсюда — рус. *севрюга*) — букв. “острая” [Сравнительно-историческая грамматика... 2001, с. 178–179], в том числе — окраски: **alabuga* “окунь” < букв. “пестрый бык” [Сравнительно-историческая грамматика... 2001, с. 178];
- в территориально близком к Крыму по историческому ареалу распространения вулканештском (южном) диалекте гагаузского языка, носители которого некогда расселялись по западному берегу Черного моря, имеется близкое по смыслу номинации название судака — ак-балык, где балык — “рыба”, то есть — “белая рыба” (в другом, комратско-чадырском (центральной) диалекте гагаузского языка эта же лексема имеет иное значение — “окунь”), при этом, предполагается определенная этногенетическая связь гагаузов с половцами; часть последних переселилась из Северного Причерноморья на Балканы, где позднее формируется гагаузский этнос;
- город Судак в половецкую эпоху был известен, в частности, как крупный порт, торговавший рыбой и икрой, поэтому название рыбы могло наложиться на имя поселения, ведшего активную торговлю ею⁴ и имевшего старое название, созвучное названию одной из разновидностей рыбы.

Считаем нелишним, в этой связи, процитировать рассуждения по данному поводу В.Г. Васильевского: “Ибн-ел-Асир не упоминает об одном очень важном предмете, который тоже вывозился с берегов Черного и Азовского морей, между прочим из Сугдеи; мы разумеем соленую рыбу и даже икру, о которых есть упоминания у несколько

⁴ Ср. с названием другого города в Крыму — *Балаклава* (интересно, что у Афанасия Никитина его название приводится в форме *Балыккия*), корень которого также явно восходит к тюркскому слову со значением “рыба”.

более ранних византийских писателей... Столь же неудачно Тцетцес объясняет выражение кармбалук, которое у скифов (= половцев) означало будто бы Азовское море; но во всяком случае интересно, что он знал слово балык, помещенное и в куманском словаре с объяснением его смысла (“рыба”). *Если невероятно, чтобы море называлось рыбьим городом... то весьма правдоподобно, что какой-нибудь город, ведущий рыбную торговлю, носил такое прозвание* (курсив наш. — Ш. А., Ш. М). От Рубрика... мы узнаем, что впоследствии центром рыбного промысла была Тмутаракань... константинопольские купцы посылали туда свои барки к устьям Дона и покупали там громадные количества всех сортов рыбы. О разных видах икры — красной и черной — говорит Евстафий Солунский, замечая, что это был продукт северного понтийского поморья и преимущественно реки Дона. *Если мы припомним условия тогдашнего мореходства, то совершенно необходимо предполагать в этой торговле посредничество ближайшего к греческим берегам пункта, то есть, Сурожа, тем более, что у Тцетцеса он прямо назван* (курсив наш. — Ш. А., Ш. М) [Васильевский 1915, с. CLXX–CLXXII].

При этом, весьма любопытно, что в ряде древнетюркских языков город обозначается тем же словом, что и рыба — *балык* [Сравнительно-историческая грамматика... 2001, с. 485]. Следовательно, выражение *Судак-балык* можно перевести и как “город Судак”, и как “судак (матово-белая рыба)” или “рыба-судак”.

Таким образом, есть все основания предполагать, что совпадение названия города в “половецкую эпоху” и названия разновидности рыбы не случайно. На тюркской почве половцы могли переосмыслить и изменить название *Сутдак // Сутдайа* “поселение (на /у) холодной горы” на *Судак* — по аналогии с названием рыбы, которой здесь активно торговали.

Подобные примеры переосмысления названий населенных пунктов, после этнической смены населения, с соответствующими фонетическими изменениями — чрезвычайно типичны. Скажем, в Буджаке, после ухода в конце XVIII — начале XIX вв. тюркского ногайского населения и поселения на месте их разоренных аулов тюркских же гагаузских колонистов, происходит ряд изменений в названиях сел, воспринятых гагаузами у ногайцев.

Так, ногайский ойконим *Кьпччак* (по названию рода ногайцев — ср. с названием средневекового народа) переосмысливается гагаузами по аналогии с лексемой *копча* “пуговица” и трансформируется в *Копчак*, как называется это село в Молдавии и сейчас. Название ногайского аула *Казаяклы* < ног. *къаз* “гусь” + *айакъ* “нога, лапа” + аф. *-лы*, образующий прилагательное, то есть “гуселаповые”, “имеющие тамгу в форме лапы гуся” — по имени рода, представители которого проживали в поселении — превратилось у гагаузов в *Казаклы*, по аналогии с гаг. *казак* “казак”, — “казацкое” (при том, что в гагаузском языке имеется и лексема *каз*, и лексема *айак*, но при отсутствии родовой организации значение этого слова оказалось для них непонятным) и т.д.

Еще более невероятной может быть трансформация топонимики при смене этносов, далеких друг от друга в лингвистическом отношении,

и переосмыслении новыми жителями края старых названий, доставшихся им от предшественников. Так, при советском переименовании населенных пунктов в Буджаке село *Анадол* (= Анатолия, Малая Азия) получило название *Долинское*, *Вайсал* (турецкое название с неясным значением) превратилось по созвучию в *Васильевку*, *Банувка* (от болгарского личного имени *Бану*, ср. пол., укр. *пан*) — в *Банновку* (с двумя буквами *н*, от рус. *баня*) [Шабашов 1999, с. 66–67, 72–73] и т.д.

Впрочем, нельзя исключить и возможности непосредственного происхождения названия горы и поселения от тюрк. *сүт-ак* // *сут-ак* // *суд-ак* “матово-белый”. Так могла быть названа нынешняя Крепостная гора (типа: *Суд-ак кайа* “матово-белая скала”, или *Суд-ак оба* “матово-белая гора”), в связи с тем, что ее вершина представляет собой скалу из мраморизованного известняка характерной матово-белой окраски. Или непосредственно от *сүт* // *сут* “молоко” и *даг* “гора” — *Сүт-даг* // *Сут-даг* > *Судак* “молочная гора, гора молочного цвета”.

Солдайя. В этом случае, первая составная ойконима — *сол* буквально соответствует тюркской лексеме с основным значением “левый”, также продуктивной в топонимии. Как и в случае с названием *Сутдайя*, *солдайя* // *солдāйя* может быть формой дательного (направительного) падежа от основы *солдаг* // *солдā* “левая гора” — “на (к) левую гору”, *солдāйы* — винительным падежом (кого? что?) — “левую гору”, или изафетом *солдāйы* “левая гора, гора, находящаяся слева (от какого-либо объекта)”.

Учитывая тюрко-монгольскую ориентацию по сторонам света (где передней, “верхней” стороной является юг или восток) [Мурзаев 1995, с. 85–93], эту лексему можно перевести как “восточная (или северная) гора” (впрочем, южная сторона рассматривалась как передняя и в средневековой итальянской, и в арабской картографии) [Мурзаев 1995, с. 86]. В первом случае, первичным мог стать топоним, обозначающий гору, расположенную слева (если передней стороной является юг) или, другими словами, к востоку от пристани, который был перенесен и на название города. Во втором — мотивом номинации могло быть расположение горы и образованного от ее названия ойконима к северу от значимых для называвших объектов, скажем, “северной” (учитывая постулируемое тюркское происхождение топонима) была гора и поселение подле нее для южных (малоазийских) огузов. Впрочем, “северными” по отношению к прародине эти объекты были и для греков, и для итальянцев.

Следовательно, *Солдайя*, по всей вероятности, — независимое от предыдущих название, на что указывает, по крайней мере, его фонетическая удаленность от предшествующих ойконимов. Его мотивация могла быть связана с изменением этнического состава населения города, с появлением в нем или в его окрестностях переселенцев с юга (огузов, итальянцев) — “северная гора”, либо с доминированием у новых колонистов торгово-мореплавательских интересов — “восточная (от пристани) гора”.

В этой связи отметим очень важное наблюдение А.Л. Бертье-Делагарда в отношении ойконимии края: “Искажая имена поселений в Крыму, часто почти до неузнаваемости, генуэзцы при этом всегда брали в основу греческие названия, или вообще древние, никогда не пе-

реводя их значение на свой язык... Татарские названия они заимствовали только в случае наименования более старого. Монголо-татары поступали иначе, давая всем городским поселениям (кроме Кафы) свои осмысленные названия. Такое отношение тюркских племен вообще к географической номенклатуре указано для всей Азии. Это замечание может служить некоторым указанием времени основания городов в смысле с татарского или после него” [Бертъе-Делагард 1915, с. 245].

Отметим также наличие составной *сол* “левый; северный (или восточный)” в другом средневековом крымском городе, основанном, по всей видимости, примерно в то же время — Солхате (о связи этого ойконима с понятием “левая сторона” писал А. Я. Гаркави, однако его предположение не встретило поддержки у большинства исследователей [Мурзаев 1995, с. 115]); вторая составная этого ойконима — *хат* с достаточной очевидностью восходит к др.-тюрк. *кат* // *катай* “крепость, укрепление” (в огузированных крымскотатарских диалектах тюркское *кь* закономерно трансформируется в *х*) — ср. с названием печенежских крепостей у Константина Багрянородного: Тун-катай, Карак-катай, Салма-катай, Сака-катай, Йайу-катай [Шабашов 1999, с. 105–106; Мурзаев 1984, с. 263].

Возможно, данное название, переводящееся, в этом случае, как “северное укрепление”, также как и Солдайя — “северная гора”, принадлежит малоазийским огузам — туркам-сельджукам, родственным печенегам и активизировавшимся в рассматриваемый период в северном направлении, из языка которых ойконимы были заимствованы и другими народами. В этой связи заслуживают внимания сведения о переселении около 1265 г. Берке-ханом турок-сельджуков во главе с Иззедином Кейкавусом и Сары Салтыком в Крым, где они, как сообщается, получили в качестве тимара Сюдждад, Судак и еще “некоторые местности” в Крыму [Мутафчиев 1993].

Возражения, встречающиеся по поводу подобной этимологии Солхата (которые могут быть перенесены и на предполагаемую гипотезу в отношении Солдайи) основываются на крайне упрощенном понимании законов топонимии: если Солхат объяснять как “левая сторона”, то “в таком случае нужно где-то искать Онгхат — “правую сторону”, а такого имени в Крыму нет” [Мурзаев 1995, с. 115]. Принимая такую логику, необходимо заняться также поисками, скажем, городов Южноморска (причем на Кольском полуострове?), Владизапада или Прямого Рога.

Несмотря на высказанную этимологическую гипотезу в отношении ойконимов *Сугдак* // *Сугдайя* // *Судак*, нельзя сбрасывать со счетов и предположение, возводящее их к лексемам *су* “вода” и *даг* // *дак* “гора”. Известно, что в древнетюркском языке была распространена фонетическая форма *суг* для обозначения воды [Древнетюркский словарь 1969, с. 513], впоследствии в большинстве тюркских языков конечная согласная в этом слове исчезла (по сведениям В. В. Радлова, находим ее только в южносибирских тюркских диалектах: шорском, сагайском и койбальском [1963, с. 755]), следовательно, на определенном этапе развития какого-либо из тюркских языков лексема *сугдаг* // *сугдак* могла закономерно трансформироваться в *судаг* // *судак*.

Интересно при этом, что в огузских языках (турецком и гагаузском) переход *суу* > *суу* > *су* осуществился раньше, чем такая же трансформация в других словах, например, *даг* или *баг* “виноградник”. Это нашло отражение в турецкой орфографии, в которой в последних случаях сохраняется при написании немая *у*: *dağ*, *bağ*, а в первом — отсутствует — *su*, и фонетике — произносится: *даа*, *баа*, но *су*. Таким образом, вполне закономерно, что на определенном этапе развития фонетической системы огузских языков *сут-даг*//*сут-дак* трансформировалось в *судаг*//*судаг*.

В этом случае, логичнее предположить, что значение данной составной лексемы (“вода-гора”) соответствует понятию “мыс” или “горный мыс”, а не “ручей”. Проблема заключается в том, что в реальных тюркских языках подобный по смыслу номинации географический термин пока не обнаружен, мыс же обозначается словом *бурун*, с первичным значением — “нос”.

Если термин *судаг* действительно обозначал мыс, проясняется русское средневековое название города — *Сурож*. Поскольку последнее чаще употреблялось как прилагательное, в котором *г* закономерно чередуется с *ж*: *Сурожское море*, *московские гости сурожане* [Фасмер 1987, с. 807], логично видеть первичным *Сурог*, а не *Сурож*, которое можно интерпретировать как гибридное русско-тюркское название из тюрк. *су* “вода” и рус. *рог* “мыс”.

В противном случае, *Сурож* остается, пожалуй, наиболее темным из рассмотренных названий, поскольку предполагаемая связь этого названия с ойконимом *Сугдайя*, через посредство особенностей тюркоболгарской фонетики [Фасмер 1987, с. 807], хотя, вероятно, и возможна, но остается сугубо гипотетической, строго не обоснованной закономерными фонетическими переходами.

В плане материала для размышлений, можно также отметить, что на черноморском побережье в русских диалектах имеется лексема *сурман* “разновидность морского бычка”, без сомнения, тюркского происхождения, морфологически состоящая из корня *сур* с неясным значением, и аффикса *-ман*, образующего от именных основ имена со значением уподобления или (по другим данным) усиления признака.

Подводя итоги проведенному анализу, прежде всего, следует подчеркнуть необходимость критического пересмотра существующих взглядов на этимологию рассмотренных названий. Дальнейшее уточнение происхождения (или ойконимов) должно базироваться на комплексном подходе, с учетом данных археологии, истории, этнологии, различных отраслей лингвистики. Необходим уход от идеологической доминанты, в рамках которой еще с конца XVIII в. пытались избавиться от тюркской составляющей (в том числе и в топонимии) истории и культурного наследия Крыма.

Литература

Белинский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В. Крым. Географические названия. Краткий словарь. Симферополь, 1998.

Бертье-Делагард А.Л. Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ЗООИД. 1915. Т. 31.

- Брун Ф.* Черноморье. Ч. 2. Одесса, 1880.
- Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 2. СПб., 1871.
- Васильевский В.Г.* Труды. Т. 3. Пг., 1915.
- Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973.
- Джанов А.В.* Фортификационные сооружения генуэзской Солдайи // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судацкой международной научной конференции (12–16 сентября 2004 г.). Ч. 2. Киев-Судак, 2004.
- Дмитриев Н.К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. 1958. Вып. 3.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Миллер Вс.* Осетинские этюды. Ч. 3. М., 1887.
- Монгольско-русский словарь / Под общей ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957.
- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Мурзаев Э. М.* Топонимика и география. М., 1995.
- Мутафчиев П.* Мнимото преселение на сулджушки турци в Добруджа през XIII в. // *Мутафчиев П.* Изток и запад в европейското средновековие. Избрано. София, 1993.
- Очерки этнографии болгарского населения Евгеновки Тарутинского района Одесской области // Одесская болгаристика. Вып. 1. Одесса, 2003.
- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. Ч. 1. М., 1963.
- Самойлович А.Н.* Избранные труды о Крыме: Сборник. Симферополь, 2000.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987.
- Шабашов А.В.* Ойконимия болгарских населенных пунктов юга Украины (Одесская, Кировоградская, Николаевская области) // Българска Бесарабия. Вип 1. Болград, 1999.
- Шабашов А.В., Челак Е.И., Дыханов В.Я.* Кубей и кубейцы. Одесса, 1999.

Принятые сокращения

араб.	арабский язык	осет.	осетинский язык
греч.	греческий язык	пол.	польский язык
др.-тюрк.	древнетюркский язык	рус.	русский язык
др.-рус.	древнерусский язык	тат.	татарский язык
иран.	иранский язык	тюрк.	тюркские языки
итал.	итальянский язык	укр.	украинский язык
крым.-тат.	крымско-татарский язык	чаг.	чагатайский язык
монг.	монгольский язык		

“РАЗРЯД” И “ЧАСТЬ”. КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ ФЕОДОРО?

Феодоритская эпоха, – несомненно, самая хорошо освещенная источниками в истории Горного Крыма. Однако, если приглядеться внимательно, то мы увидим, что источники эти всего лишь двух типов: они касаются либо материальной культуры феодоритов, либо их военно-политической истории. Между тем нам остаются неизвестными ни государственное устройство Феодоро, ни его географическое районирование. На эти два вопроса ответить могут, впрочем, три надписи, оставшиеся без достаточного внимания исследователей.

1. Надгробие Ла..ули-бея

Носитель: плита. *Мат.:* известняк. *Сост. пам.:* сколы по краям.
Место находки: Эски-Кермен, восток, малые ворота, бровка. *Обст. находки:* 1937 г., раскопки Н.И. Репникова. *Место хран.:* неизв. *Разм.:* неизв.

Датировка текста: XIV - XV вв. *Источник датировки:* шрифт.
Шрифт: буквы угловатые; альфа с петлей, мю расширенное.

Публ.: [Виноградов 2004, с. 123-130].

Выс. букв.: неизв.

Ἐκ ημίθ[Ⓜ]ι (ἐν)
 μακαρία κὲ
 ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ Λα.-
 ουλι-βει, ὦ κὲ πρό[Ⓜ]-
 τῆς θέσεος τοῦ γ'
 μ[Ⓜ]έ[Ⓜ]ρ[Ⓜ]ους, μηνὴ μ[αί]ο[Ⓜ] ιζ[Ⓜ] (?),
 ἡμέρα παρασκ[ευ]ῆ[Ⓜ].

Крит. аш.: С. 5: γ' Kourts.

Почил во блаженной [памяти] и раб Божий Ла..ули-бей, первого

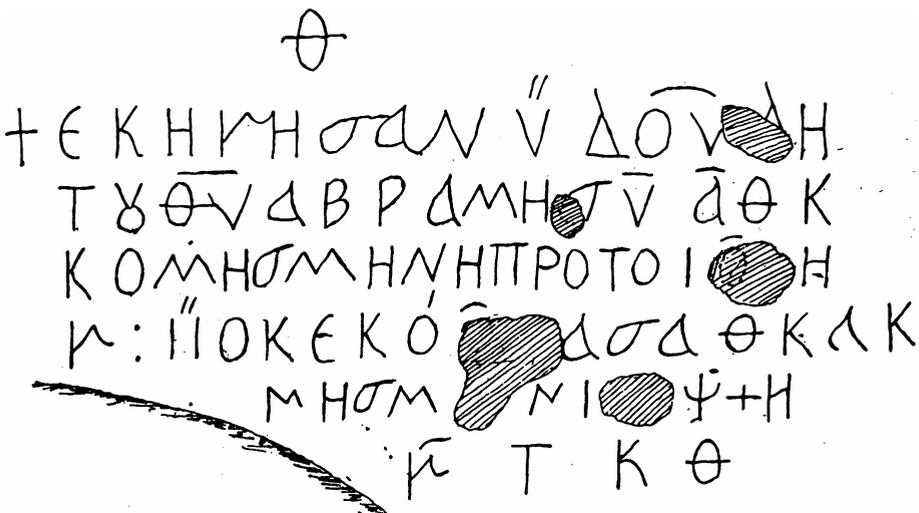
разряда третьей части, 17 (?) мая, в пятницу.

Комм.: Сведения об этой надписи отсутствуют в “Дневнике работ по зачистке и фиксации системы обороны Эски-Кермена в 1937 г.” (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 179). Она упоминается в “Описи материалов Эски-Керменской экспедиции 1937 г. Из раскопа № V (Линия обороны)” (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 182. Л. 84 об. № 202), согласно которой камень был передан в ГАИМК, а также в ряде других рукописей Репникова. Негативы и фотографии надписи хранятся в ФА ИИМК РАН (Нег. II 39479, 40870; Альбом О.1344. Л. 2; О.1373. Л. 49).

Формула надписи “иже во блаженной памяти и раб Божий”, традиционна как для X - XII вв. (ср., напр.: Сборник 27; [Латышев с. 37–38, № 32; 1908. с. 29–30. № 23], так и для поздневизантийского времени [Латышев 1918, с. 20, № 4). Несколько необычно выглядит сокращение слова *ἐν*, которое похоже скорее на типичную аббревиатуру *κοί*. Пропуск слова “память” встречается в надгробии Чупана из Лак 1362 г. [Латышев 1898, с. 235–238, 252, № 64 г].

В имени усопшего пропали две буквы, однако хорошо читаются как начало и конец имени, так и татарский титул “бей”, встречающийся также в надписи Чула-бея 1503 г. с Мангупа [Латышев 1902, с. 31–33]. Введение выражения, описывающего статус погребенного, словами *ὁ κοί* характерно для поздневизантийской эпитафики [Скржинская 1960, с. 75–84].

2. Надгробие Авраама и Косьмы

Прорисовка надписи по В.В. Латышеву.

Носитель: ниша с рамкой в стене склепа. *Мат.:* известняк. *Сост. пам.:* сколы по поверхности (в наст. время обломана правая и нижняя часть).

Место находки: Инкерман, храм “с крещальной”, углубление в

северной стене, над могилой, на восточной стене. *Обст. находки:* 1890-ые гг., обследование А.Л. Бертье-Делагарда. *Место хран.:* in situ. *Выс.:* 33. *Шир.:* max. 47.

Эпиграф. поле: внутри рамки.

Датировка текста: 1421 г. *Источник датировки:* указание надписи. *Шрифт:* альфа с петлей и прогнутой правой диагональю, мяу широкое, сигма минускульная; ударения.

Публ.: Сборник 33; [Millet 1900].

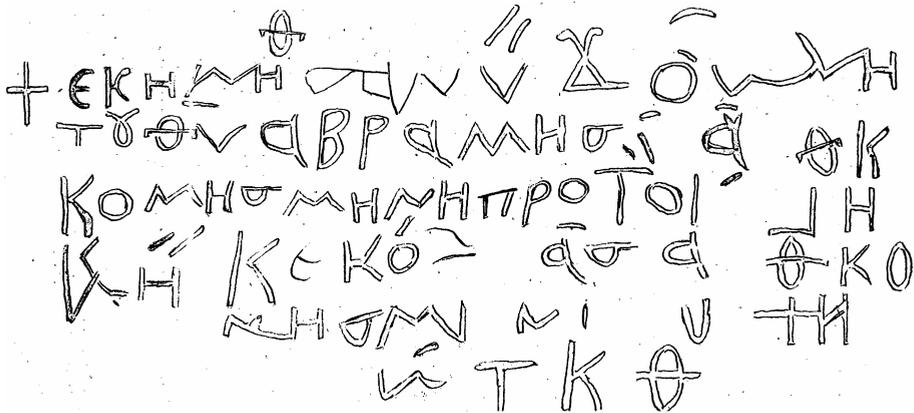
Лит.: [Струков 1876, с. 26; Бертье-Делагард 1886, с. 220–221, рис. 67; Могаричев 1997, с. 12–13].

Выс. букв: 2,2–3,5.

+ Ἐκμηθή(η)σαν ὁ δοῦλη
τοῦ θεοῦ Ἰβραήμης, υ(… ?), ἀ' θέσεως κ[αὶ (vel καὶ) ὁ]
κόμης, μηνὶ πρότο ι[θ'], ἡ(μέρᾳ)
ς'. Η καὶ Κο[σμ]ῶς, ἀ' θέσεως κα[ὶ] (vel καὶ) ὁ κ[ό-
μης, μηνὶ [· ..'] ἡ(μέρᾳ) .',
ςθ κθ' (?)

Крит. амп.: С. 3: υ(ἰὸς ?) Ἰθκ[α Lat.; С. 3–4: ἡ(μέρᾳ) [...] Lat.; С. 6: сτκθ' (?) Lat.; С. 4: Ἰθκ[α Lat.; С. 5–6: [Μαρίω ?] сτκθ' ? Lat., ἡ(μέρᾳ) ТКΘ Mill.

Почили рабы Божьи Аврам, ..., первого разряда и комит, 19 марта, в пятницу. ... и Косьма, первого разряда и комит, ... 6929 года.

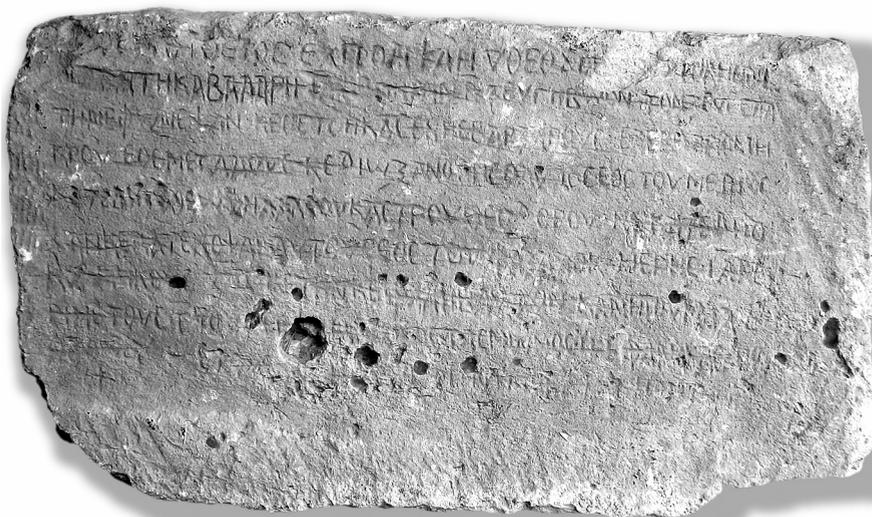
Прорисовка надписи по Д.М. Струкову.

Комм.: Основным источником для анализа данного памятника остается рисунок А.Л. Бертье-Делагарда, помещенный в Сборнике, поскольку в настоящее время больше половины (нижняя часть) текста погибло. Альтернативные чтения в С. 2 и 4 происходят из копии Струкова (РА ИИМК РАН. Ф. Р-1. № 619. Л. 4). Надпись помещается над двойной гробницей в северо-западной части храма, датируемого по архитектуре XIV - XV вв. Очевидно, речь идет о надгробии двух ктиторов церкви и, возможно, монастыря (ср. ктиторскую надпись

Сотика в соседнем храме св. Евграфия (Сборник 32)). Наш вариант чтения надписи предполагает их значительное положение в Феодоритском государстве.

Суть несколько поправок, которые необходимо внести в чтение В.В. Латышева. Последние буквы в С. 5 слишком рискованно восстанавливать как остаток слова $\text{Μα}[\rho\tau\eta]\omega$, тем более что в предыдущем случае обозначение месяца дано цифрой (ср. надпись на капители изпод Мангупа 1188 г.). Последняя из этих букв (эта, скорее всего, из сокращения слова $\eta\mu(\acute{\epsilon}\rho\alpha)$, как двумя строками выше. Наконец, загадочная цифра, стоящая в начале С. 4 и С. 6 (на наш взгляд, не мю, переданное так же на рисунке А.Л. Бертье-Делагарда в С. 1, но совершенно иное во всех остальных, а необычный вариант стигмы, которая единственная может стоять в начале даты от сотворения мира (датировка от Р.Х. встречается, вероятно, лишь однажды, в надписи из гемузского Судака, &)). Последнее обстоятельство заставляет нас считать в отношении второго знака в обозначении года, что А.Л. Бертье-Делагард, скорее всего, спутал близкие по написанию ω (вероятнее, чем ψ) и Γ .

3. Строительная надпись феодоритов

Носитель: плита. *Мат.:* известняк. *Сост. пам.:* строки перечеркнуты, поверхность выветрена.

Место находки: Мангуп, Табана-Дере, стена, центральная башня, на большой высоте. *Обст. находки:* до 1890 г., обследования А.И. Маркевича и А.Х. Стевена. *Место хран.:* Бахчисарайский музей-заповедник. *Инв. номер:* АВ I-1353. *Выс.:* 36,5. *Шир.:* 66,5. *Толщ.:* 12.

Датировка текста: 1302–3 (?) гг. *Источник датировки:* указание надписи. *Шрифт:* буквы не очень ровные; альфа с наклоненной влево горизонталью и дополнительной горизонталью сверху, дзета минус-

кульная, пси удлиненное; лигатуры.

Публ.: Сборник 47; [Латышев 1901, с. 76; Малицкий 1933, с. 15–19, рис. 3–4].

Выс. букв: 1,2–2.

...]ΘΙΘΕΙ[Ⓜ], ὃς ἐκ Πόηκα, ἢ υ' (?) Θεοδορίτη ὑς ἀϊώνιον μ[Ⓜ]-
νήμα. Ἐπὶ καθλαρήω[ν] ἔπειραν β' ζεύγη βωῶν, τὸν ζευγελά-
την ἐφώνεψαν· κὲ ὃς τὸ ἤκουσεν, ἤς βαρζάρους ἔξερε ἀπὸ μη-
κρου ἕως μεγάλους· κ(αὶ) ἐδίωξαν ὀπήσο αὐτοὺς ἕως τοῦ μέρους
κ(αὶ) τέο[ς] τοῦ θεοφιλάκ[Ⓜ] του κάστρου Θεοδόρου· κὲ κατεδή-
ξαν κὲ κατέκοψαν αὐτοὺς ἕως τοῦ Ζαζαλε κ(αὶ) μέρους ἰά· κ(αὶ)
... ἤκουσεν [...] κὲ τὸν κε[...]ΟΝ.ΚΕΝΗ.ΟΥ[.....
ἐπὶ (?) ἔτους ζω[ι?]α[Ⓜ]. Ε[...].ΣΙ...ΟΣ. ἴκουσαν κὲμος
...Υ...

Крит. апл.: С. 1: ...ΘΕ...Α.ΝΘ..ΑΝ ὕ LatMal; С. 1: ...κων? vel ...ψαν ?
vel ἐν Πόηκαν ? Mal; С. 1: ἰσ- Lat; С. 2:ΚΑΒΑ..... Lat, ... η καθλαρηα
... Mal; С. 2: ἔπειραν Vin; С. 2: ι' Mal; С. 2: τη Lat; С. 2–3: αην Lat; С. 3: ὃς
τὸ Vin; С. 3–4: σε ..ΚΑ ΕΝ.. βαρ[β]άρους ἔξε...ΟΜΗΤΟΥΣ ὡς Lat; С. 4:
μεγάλους ? Lat; С. 4: ΟΡΗ.ΟΛΥ... Lat1, corr. Lat2; С. 4: Νεώρου Lat, Μηδρους
Mal; С. 5: κ(αὶ) τέο[ς] Vin; С. 5–6: ΚΑΚ...ΙΣΟΑΝ Lat; С. 6: [κ]ατέ[κ]οψαν ?
Lat; С. 6: ΕΟ. Lat; С. 6: ...ΑΛΕΙ ΜΕΡΗΣΙΑ... Lat; С. 6: μερης Mal; С. 6: κὲ ?
Mal; С. 7: αὐτὸν Lat, ... Mal; С. 8: ἐπὶ (?) Vin; С. 8: ζω.. ?
LatMal; С. 8:μος κὲ φανερός .. Lat; С. 9: ... θε(ο)ῦΤΟΡΕΟ.. Lat, ...
Mal.

Такому-то, что из Пойки, феодориты в вечную память. С кавалерией захватили 2 упряжки волов, а погонщика волов убили. И когда он это услышал, поднял всех от мала до велика. И гнались за ними до Части и до богохранимой крепости Феодоро, и догнали их и рубили вплоть до Зазале и 11-ой части. И ... услышал ... и ... в 6811 (?) году... слышали и ...

Комм.: Надпись, торжественно помещенная в стену башни, была кем-то намеренно уничтожена: все ее строки перечеркнуты. Этот факт сильно осложняет ее чтение и объясняет то большое количество ошибок, которое допустили В.В. Латышев и Н.В. Малицкий.

Надпись имеет памятный характер и посвящена феодоритами какому-то уроженцу Пойки, чье имя, к сожалению, не читается (судя по последним буквам, оно было негреческим). Таким образом, мы имеем еще одно свидетельство значения Пойки на раннем этапе существования Феодоро. Неясно лишь, идет ли речь о строительстве башни в память о пойкийце или просто об установлении надписи в его честь. Мы склоняемся ко второму предположению.

Сохранившиеся цифры года (68.1) позволяют датировать нашу надпись в пределах 1291–1383 гг. Третья цифра не сохранилась, однако место для нее на камне остается так мало, что с большой долей вероятности здесь можно поместить только йоту. Таким образом, надпись относится к 1302–3 гг., т.е. к самому раннему этапу феодорит-

ской истории. В связи с этим снова встает вопрос о датировке надписи Хуитана [Виноградов 2000, с. 444].

Что же мы можем почерпнуть из трех этих надписей?

Кажущееся гапаксом выражение “первого разряда” (С. 4–5 эски-керменской надписи) обозначает, по всей видимости, высший класс феодоритского чиновничества. На самом деле, оно может содержаться и в хорошо известном надгробии Авраама и Косьмы из пещерного храма в Инкермане (Сборник 33). Общепризнанной стала гипотеза Латышева, который предложил интерпретировать буквы YAΘK в С. 2 и AΘKA в С. 4 как υ(ιδς) ᾿Aθκ[α] и ᾿Aθκα соответственно, сопоставив этот патронимик с именами (или фамилиями) ᾿Aλκα и ᾿Ανάτκουз в Халкинском синаксаре. Такое прочтение наталкивается на ряд возражений. Во-первых, сокращение υ(ιδς) не находит себе аналогий среди христианских надписей Крыма. Во-вторых, если даже это так, то непонятно, почему это слово не повторено во втором случае. Наконец, в надписи четко различаются сохранившиеся ударения, стоящие над некоторыми словами, и знаки сокращений или цифр, как над вышеупомянутым ипсилоном (одно из этих титл стоит над следующей за ипсилоном альфой).

Как было сказано, в надгробии с Эски-Кермена после имени погребенного четко читается его ранг: ὁ καὶ τῆς πρώτης θέσεως “первого разряда”. Так же мы склонны и понимать сокращение AΘ в инкерманской надписи (α᾿ θέσεως), а следующие за ним кашпу и альфу как остаток καί. Такое понимание хорошо согласуется и со следующим далее в обоих случаях титулом комит. Если мы действительно имеем дело с обозначением ранга или должности, то становится понятным, почему в одном случае после имени стоит ипсилон, а в другом нет, однако от расшифровки титула, начинающегося на ипсилон, ввиду отсутствия параллелей следует воздержаться.

Слова эски-керменского надгробия γ᾿ μέρος “3-ей части” находят себе явную параллель в С. 4 и 6 мангупской надписи, где читаются выражения τοῦ μέρος “Части” и μέρος α᾿ “11 части”. 11-ая часть (Заза-ле), до которой гнали “варзаров”, указана как крайний предел феодоритского государства, а Часть (τὸ μέρος), т.е., по-видимому, 1-ая часть, наоборот, совпадает с его центром — городом Феодоро. Следовательно, феодоритское государство, состоявшее из разделенных горами долин, территориально подразделялось на “части”, которых было, как минимум, 11. Причем 3-ий номер эски-керменской части хорошо становится понятен, если отсчет велся от центра государства, т.е. от соседнего Мангупа — Феодоро.

Наконец, выражение эски-керменского надгробия “первого разряда третьей части” показывает взаимосвязь между чиновной и территориальной градацией в Феодоро. Усопший, чиновник “первого ранга” относился, а может, и был начальником “третьей части” феодоритского государства.

Сложно сказать, какое время функционировала такая структура. По-видимому, довольно долго: если мангупская надпись относится к 1302–3 гг., то инкерманская датируется предположительно 1421 г. Такая преемственность неудивительна, учитывая, например, связь мангупского камня с предыдущей эпохой (слово "варзары", общее с неизданной мангупской надписью 1188 г.). При этом на ранней стадии феодоритской государственности (начало XIV в.), несомненно, большую роль играла Пойка (см. выше, комм. к № 3). Следует, впрочем, заметить, что обе эти надписи, мангупская и инкерманская, относятся ко времени до первого эпиграфического упоминания феодоритского князя (1425 г.), и мы не знаем, как функционировала реконструированная нами чиновно-территориальная структура Феодоро в дальнейшем.

Литература

- Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. Т. 14. 1886.
- Виноградов А.Ю.* Свод греческих надписей Эски-Кермена и его ближайшей округи // Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб., 2004. С. 123–130.
- Виноградов А.Ю.* Надписи княжества Феодоро в фондах Херсонесского музея // Причерноморье в средние века, IV / Под ред. С.П. Карпова. СПб., 2000.
- Латышев В.В.* Надписи, найденные в Херсонисе Таврическом в 1889–91 годах // МАР Вып. 9.
- Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. Т. 27. 1908.
- Латышев В.В.* Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. Т. 65. 1918.
- Латышев В.В.* Заметки к христианским надписям из Крыма, II // ЗООИД. Т. 21. 1898.
- Латышев В.В.* Заметки к христианским надписям из Крыма, IV // ЗООИД. Т. 23. 1901.
- Латышев В.В.* Надписи, найденные в 1901 г. // ИАК. Т. 3. 1902.
- Малицкий Н.В.* Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК, 71, 1933.
- Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
- Струков Д.И.* Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876.
- Скржинская Е.Ч.* Греческая надпись из Тьмутаракани // ВВ. Т. 18. 1960. С. 75–84.
- Millet G.* Рец. на: Сборник // Bulletin critique. 28. 1900.

Демьянчук С.Г., Николаенко Г.М., Олтаржевский Г.А., Петроковский А.И.

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ КАЗАЧЬЕЙ БУХТЫ

О существовании античного поселения на Маячном полуострове было известно давно, но планомерных раскопок на его площади не проводилось с дореволюционных времен. К сожалению, все публикации, посвященные этому памятнику, выпущенные в советское время, были основаны на подъемном материале и на архивных материалах дореволюционных коллег (Лепера, Печенкина, Косцюшко-Валюжинича), которые дошли до нас в весьма путаном виде. Естественно, что представления о памятнике оказались достаточно поверхностными и не всегда точными.

Более масштабные исследования удалось организовать лишь в последние десятилетия, когда работы на этом городище возглавила Г.М. Николаенко — начальник Гераклеийской экспедиции Национального заповедника “Херсонес Таврический”. Непосредственными полевыми работами руководят московские археологи Г.А. Олтаржевский и А.И. Петроковский.

На сегодняшний день можно точно утверждать, что городище было основано на рубеже первой-второй четверти четвертого века до н.э. и просуществовало до последней четверти второго века до н.э., когда было покинуто жителями. Очевидно, сначала поселение представляло собой крепость, где стоял небольшой гарнизон. Пространство между стенами в средней части полуострова использовалось как крепость-убежище жителями окрестных усадеб и не было застроено.

О полном исследовании и публикации материалов раскопок пока говорить рано, но некоторые из них мы готовы представить. В данном случае речь идет о монетном корпусе.

Нумизматический материал, полученный при раскопках поселения в сезонах 1997–2003 гг., составил 30 монет. Различная степень сохранности монет позволила с достаточной степенью вероятности атрибутировать лишь 22 экземпляра. Между тем данная выборка, на наш взгляд, позволяет более полно осветить проблемы, связанные с работой херсонесского монетного двора IV — III вв. до н.э., а также вопросов возникновения поселений на территории херсонесской округи.

Наиболее ранней монетой, встреченной на данном поселении, является херсонесский дилептон: ав. Букраний в фас, украшенный гирляндой, реверс ХЕР Рыба и палица влево. Датируется второй четвертью IV в. до н.э. Следующей по времени является лепта, выпущенная херсонесскими монетариями в третьей четверти IV в. до н.э.: ав. Голова льва вправо, реверс. Пятилучевая звезда, между лучами пять черточек. Относительно датировки этих мелких медных монет у исследователей до сих пор нет единого мнения. На данный момент существуют две наиболее аргументированные точки зрения: С.А. Коваленко считает, что данный тип монет появляется уже в первой половине IV в.

до н.э., беря за основу схожесть типов херсонесского и феодосийского выпусков, датируемого 80-ми годами IV в. до н.э. [Коваленко 1998] Е.Я. Туровский предлагает иную дату, основываясь преимущественно на условиях находок данных монет в комплексах херсонесских усадеб третьей четверти IV в. до н.э. [Туровский 2003] На наш взгляд, более предпочтительно выглядит датировка предложенная Е.Я. Туровским, поскольку находки данных монет на памятниках Гераклеяского полуострова однозначно датируются сопутствующим материалом не ранее третьей четверти IV в. до н.э. Мысль Н.Н. Грандмезона о том, что данная монетка являлась младшим номиналом для монет квадрига — воин, дева-грифон, дева поражающая лань-бодаящий бык вполне подтверждается нумизматическим материалом с усадеб Гераклеяского полуострова [Грандмезон 1982].

Самыми массовыми находками с поселения являются монеты типа: ав. Квадрига вправо, в колеснице стоит дева с факелом. Рев. ХЕР. Обнаженный коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на голове шлем. 10 экземпляров. Выпуск серии датируется 345–325 гг. до н.э. Данные монеты существуют с различными добавочными элементами, буквами и слогами. На основании анализа этих данных время чеканки монет всей серии около 20 лет. Данной серии монет посвящена обширная литература, к сожалению, до сих пор не определена последовательность выпусков монет внутри самой серии. Достаточно убедительно выглядит точка зрения А.Л. Бертье-Делагарда считавшего, что: “сначала не вырезали никакого дифферента, затем указывали выпуски, а потом перешли к обозначению имен чиновников” [Бертье-Делагард 1912, с. 48]. Нет единства мнений и относительно изображения на оборотной стороне монеты. А.М. Гилевич в свое время высказала предположение о триумфальном характере монет, связывая его с военными победами Херсонеса в северо-западном Крыму, однако современные исследования полностью опровергли эти выводы. На сегодняшний день доминирует мнение, высказанное А.Н. Зографом [Зограф 1927, с. 390] и блестяще аргументированное Е.Я. Туровским [Туровский 1997, с. 37] и С.Ю. Сапрыкиным [Сапрыкин 1980, с. 47], что данная монета является репликой с афинской статуи полководцу Хабрии, причем образцом для херсонесского резчика могла служить не сама статуя, а, к примеру, гемма.

Много общего имеют монеты квадрига-воин с монетами следующей серии: ав. Грифон влево, рев. ХЕР. Коленопреклоненная Дева вправо, с луком и стрелой. слева возможны слоги ПА, АРІ, КРА. Серия датируется 320–315 гг. до н.э. Данный тип прослеживается на двух сериях херсонесской меди, периодически меняя местами изображения на аверсе и реверсе, написание имен магистратов становится более полным. Возможно, херсонесские монетарии в период с 320 по 305 гг. до н.э. пытались выработать единую систему обозначения аверса и реверса монет, скорее всего, в это время контроль за чеканкой монеты становится более строгим, а также окончательно офор-

мляется специальная магистратура, ответственная за выпуск монеты. В нашей выборке также представлена монета грифон — коленопреклоненная Дева, вероятней всего выпущенная от имени магистрата Евдрома. Выпуск датируется 315–305 гг. до н.э. А также монета из новой серии, но того же магистрата тип: ав. ХЕР. Дева поражающая копьём лань влево, в левой руке лук. Рев. Бодающий бык на палице влево, внизу имя — ΕΥΔΡΟΜΟΥ, лук и колчан. Серия датируется 305–300 гг. до н.э. Однако монета снабжена надчеканкой “дельфин”. Наложение такой контрамарки осуществлялось вероятней всего в конце первой четверти III в. до н.э.

На поселении найдена довольно редкая монета тип: ав. Голова Девы в венке влево. рев. Коленопреклоненная Дева, стреляющая из лука вправо. До недавнего времени датировались эти монеты довольно широко от конца IV в. до н.э. [Гилевич, Щеглов 1996, с. 100–124] до конца III в. до н.э. [Анохин 1977] Однако, исследования последних лет позволили уточнить эту дату. Удалось проследить возможное заимствование типологии данных монет с ольвийских эмиссий последней четверти IV в. до н.э. и датировать херсонесский выпуск 90-ми гг. III в. до н.э. [Снытко, Туровский 1999, с. 400].

Ко времени денежного кризиса III в. до н.э. относится монета тип: голова Девы в венке вправо, сзади лук и колчан. Рев. ХЕР. Лежащая лань влево, внизу имя — ΧΟΡΕΙΟΥ. Эмиссия датируется 60–40 гг. III в. до н.э.

Отдельно хотелось бы отметить присутствие иногородних монет на поселении. 5 экземпляров. Три принадлежат чеканке Пантикапея, одна Византия и одна Ольвии.

Весь собранный нумизматический материал не противоречит общепринятым сведениям о ходе колонизационного процесса Херсонесского государства и позволяет сделать следующие предварительные выводы: возникновение жизни античного поселения на западном берегу Казачьей бухты происходит несколько ранее, чем на большинстве усадеб Гераклеийского полуострова. Возможно проследить существование поселения по нумизматическим данным без особых перерывов от второй четверти IV в. до н.э. до 40-х гг. III в. до н.э. Анализ иногородних монет позволяет предположить приоритетность в торговых отношениях исключительно с ионийскими колониями.

Каталог монет с античного поселения на западном берегу Казачьей бухты

1.

Ав. Букраний в фас, украшенный гирляндой.

Рв. ХЕР. Рыба и палица влево. Медь. Дилептон. 10 мм. 1, 34 г. Вт. четв. IV в. до н.э. (А, Т, К), 350–300 гг. до н.э. (З)

Зограф. 1951. Табл. XXXV, 15; Анохин. 1977. Табл. I, № 9–12; Туровский. 1997. № 10; Коваленко. 2003. Рис. 1. № 7–11.

2.

Ав. Голова льва вправо.

Рев. Пятилучевая звезда, между лучами пять черточек. Медь. Лепта. 10 мм. 1, 04 г. 350 г. до н.э. (З); сер. IV в. до н.э. (А); 350–325 гг. до н.э. (Т); 70-е гг. IV в. до н.э. (К)

18262

Зограф. 1951. Табл. XXXV, 12; Анохин. 1977. Табл. II, № 27–32; Туровский. 1997. № 28–30; Коваленко. 2003. Рис. 1, № 12–18.

3.

Ав. Голова льва вправо.

Рев. Пятилучевая звезда, между лучами пять черточек. Медь. Лепта. 10 мм. 1, 031 г. 350 г. до н.э. (З); сер. IV в. до н.э. (А); 350–325 гг. до н.э. (Т); 70-е гг. IV в. до н.э. (К).

Зограф. 1951. Табл. XXXV, 12; Анохин. 1977. Табл. II, № 27–32; Туровский. 1997. № 28–30; Коваленко. 2003. Рис. 1, № 12–18.

4.

Ав. Квадрига вправо, в колеснице стоит Дева с факелом.

Рев. Обнаженный коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на голове шлем. Медь. Дихалк. 20 мм. 6, 48 г. 350–330 гг. до н.э. (З; А); 345–325 гг. до н.э. (Т).

17662

Зограф. 1951. Табл. XXXV, 10; Анохин. 1977. Табл. II, III, № 36–56; Туровский. 1997. № 32, 50.

5.

Ав. Квадрига вправо, в колеснице стоит Дева с факелом.

Рев. Обнаженный коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на голове шлем. Медь. Дихалк. 20 мм. 6, 38 г. 350–330 гг. до н.э. (З; А); 345–325 гг. до н.э. (Т).

17659

Зограф. 1951. Табл. XXXV, 10; Анохин. 1977. Табл. II, III, № 36–56; Туровский. 1997. № 32, 50.

6.

Ав. Квадрига вправо, в колеснице стоит Дева с факелом.

Рев. Обнаженный коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на голове шлем. Медь. Дихалк. 20 мм. 6, 5 г. 350–330 гг. до н.э. (З; А); 345–325 гг. до н.э. (Т).

17661

Зограф. 1951. Табл. XXXV, 10; Анохин. 1977. Табл. II, III, № 36–56;
Туровский. 1997. № 32, 50.

7.

Ав. Квадрига вправо, в колеснице стоит Дева с факелом.

Рев. Обнаженный коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на голове шлем. Медь. Дихалк. 20 мм. (фрагментирована) 3, 15 г. 350–330 гг. до н.э. (З; А); 345–325 гг. до н.э. (Т).

18077

Зограф. 1951. Табл. XXXV, 10; Анохин. 1977. Табл. II, III, № 36–56;
Туровский. 1997. № 32, 50.

8.

Ав. Квадрига вправо, в колеснице стоит Дева с факелом.

Рев. Обнаженный коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на голове шлем. Медь. Дихалк. 20 мм. 6, 2 г. 350–330 гг. до н.э. (З; А); 345–325 гг. до н.э. (Т).

18079

Зограф. 1951. Табл. XXXV, 10; Анохин. 1977. Табл. II, III, № 36–56;
Туровский. 1997. № 32, 50.

9.

Ав. Квадрига вправо, в колеснице стоит Дева с факелом.

Рев. Обнаженный коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на голове шлем. Медь. Дихалк. 20 мм. 6, 53 г. 350–330 гг. до н.э. (З; А); 345–325 гг. до н.э. (Т).

18080

Зограф. 1951. Табл. XXXV, 10; Анохин. 1977. Табл. II, III, № 36–56;
Туровский. 1997. № 32, 50.

10.

Ав. Квадрига вправо, в колеснице стоит Дева с факелом.

Рев. Обнаженный коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на голове шлем. Медь. Дихалк. 20 мм. 5, 81 г. 350–330 гг. до н.э. (З; А); 345–325 гг. до н.э. (Т).

Зограф. 1951. Табл. XXXV, 10; Анохин. 1977. Табл. II, III, № 36–56;
Туровский. 1997. № 32, 50.

11.

Ав. Квадрига вправо, в колеснице стоит Дева с факелом.

Рев. Обнаженный коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на
голове шлем. Медь. Дихалк. 20 мм. 5, 38 г. 350–330 гг. до н.э. (З; А); 345–
325 гг. до н.э. (Г).

Зограф. 1951. Табл. XXXV, 10; Анохин. 1977. Табл. II, III, № 36–56;
Туровский. 1997. № 32, 50.

12.

Ав. Квадрига вправо, в колеснице стоит Дева с факелом.

Рев. Обнаженный коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на
голове шлем. Медь. Дихалк. 20 мм. 4, 51 г. 350–330 гг. до н.э. (З;А); 345–
325 гг. до н.э. (Г).

Зограф. 1951. Табл. XXXV, 10; Анохин. 1977. Табл. II, III, № 36–56;
Туровский. 1997. № 32, 50.

13.

Ав. Грифон влево.

Рев. ХЕР. Коленопреклоненная Дева вправо с луком и стрелой. Медь. Дихалк.
25 мм. 9, 77 г. 320–315 гг. до н.э. (Г); 330–320 гг. до н.э. (А)

Анохин. 1977. Табл. IV, № 60; Туровский, 1997. № 60.

14.

Ав. Грифон влево.

Рев. ХЕР. Коленопреклоненная Дева вправо с луком и стрелой. Медь. Дихалк.
21 мм. 5, 93 г. 315–305 гг. до н.э. (Г); 310–300 гг. до н.э. (А)

Анохин. 1977. Табл. V, № 75; Туровский, 1997. № 69.

15.

Ав. ХЕР. Дева, поражающая копьём лань влево, в левой руке лук.

Рев. Бодающий бык на палице влево, внизу имя ΕΥΔΡΟΜΟΥ, лук и колчан. Медь. Дихалк. 21 мм. 5, 13 г. Надчеканка “дельфин”. 300–290 гг. до н.э. (А); 305–300 гг. до н.э. (Т); время наложения надчеканки — конец перв.четв. III в. до н.э.

18264

Анохин. 1977. Табл. V, № 77; Туровский, 1997. № 77

16.

Ав. Голова Девы в венке влево.

Рев. Коленопреклоненная Дева, стреляющая из лука вправо. Медь. Халк. 14 мм. 2, 49 г. Кон. III в. до н.э. (А); кон. IV. До н.э. (Г-Щ); 90-е гг. III в. до н.э. (С-Т)

18166

Анохин. 1977. Табл. X, № 154; Гилевич-Щеглов. 1996. С. 100–124; Снытко-Туровский. 1999. Рис. 1

17.

Ав. Голова Девы в венке вправо, сзади лук и колчан.

Рев. ХЕР. Лежащая лань влево, внизу имя ΧΟΡΕΙΟΥ. Медь. Дихакл. 18 мм. 4, 94 г. II в. до н.э. (З); 210–200 гг. до н.э. (А); 260–240 гг. до н.э. (Т).

18387

Зограф. 1951. Табл. XXXVI, № 6; Анохин. 1977. Табл. X, № 143; Туровский. 1997. № 138.

18.

Ав. Голова бородатого сатира вправо.

Рев. Протома грифона влево, под ней осетр. ПАН. Медь. Тетробол. 20 мм. 6, 59 г. 375–340 гг. до н.э. (З). Пантикапей.

18164

Зограф. 1951. Табл. XL, № 18

19.

Ав. Голова бородатого сатира в венке влево.

Рев. Лук и стрела. ПАНТИ. Медь. Обол. 25 мм. 11, 83 г. 325–300 гг. до н.э. (З).
Пантикапей

18261

Зограф. 1951. Табл. XL, № 30.

20.

Ав. Голова бородатого сатира в венке влево.

Рев. Лук и стрела. ПАН. Медь. Обол. 16 мм. 2, 08 г. 300–250 гг. до н.э. (З);
275–245 гг. до н.э. (А). Пантикапей

18365

Зограф. 1951. Табл. XLI, № 4; Анохин. 1986. Табл. 4, № 133.

21.

Ав. Корова влево, стоящая на дельфине влево, над коровой буквы ПΥ.

Рев. Трезубец между двумя дельфинами. Медь. 16 мм. 3, 72 г. До 340 г. до н.э.
(S). Византий.

18163

Sear D.R. 1978. № 1591

22.

Ав. Голова Аполлона вправо.

Рев. Коленопреклоненный лучник влево. Медь. 17 мм. 4, 4 г. Послед. четв. III
в. до н.э. (Кар.); 270–260 гг. до н.э. (А). Ольвия.

18078

Карышковский. 1988. Рис. 7, № 10; Анохин. 1989. Табл. XVI, № 232–234.

Условные сокращения:

А	—	Анохин	К	—	Коваленко
Г-Щ	—	Гилевич, Щеглов	С-Т	—	Снытко, Туровский
З	—	Зограф	Т	—	Туровский
Кар.	—	Карышковский	С	—	Sear

Литература

- Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.). К., 1977.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. К., 1986.
- Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. К., 1989.
- Бертье-Делагард А.Л.* Монетные новости древних городов Тавриды // ЗООИД. Т. XXX. 1912.
- Гилевич А.М., Щеглов А.Н.* Херсонесец Батилл, сын Никагора // *Nurpboreus*. 1996. Vol 2. Fasc. 2.
- Грандмезон Н.Н.* Заметки о монетах Херсонеса Таврического // *Нумизматика античного Причерноморья*. К., 1982.
- Зограф А.Н.* Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // ИГАИМК. 1927. Т. V.
- Зограф А.Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
- Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. К., 1988.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет // ОАК за 1890. Спб., 1893.
- Коваленко С.А.* О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. 1998.
- Коваленко С.А.* Об организации работы монетного двора Херсонеса Таврического в первой половине IV в. до н. э // ХСб. 2003. Вып. XII.
- Лепер Р.Х.* Отчет // ОАК за 1913–1915 гг. Спб.
- Печенкин Н.* Археологические разведки в местности Страбоновского Херсонеса. // ИАК. Спб., 1911. № 42.
- Сапрыкин С.Ю.* К типологии двух групп монет Херсонеса // СА. 1980. № 3.
- Sear D.R.* Greek coins and their values. London, 1978. V. I.

НОВЫЕ НАХОДКИ РИМСКОГО ВОЕННОГО СНАРЯЖЕНИЯ С ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО КРЫМА

Находки римского военного снаряжения — чрезвычайно редкая категория находок в Северном Причерноморье. Они являются важным дополнением к уже известным свидетельствам римского военного присутствия в регионе. Исследование этой темы в отечественной историографии началось сравнительно недавно. Опубликованы костяные бутероли ножен длинных римских мечей второй половины II — первой половины III в. н.э. из Тиры [Черненко, Зубарь, Сон 1989, с. 250–252; Сон, Назаров 1993, с. 121, 122, рис. 1, 2] и Ольвии [Сон, Назаров 1993, с. 121, 122, рис. 3, 4], а также из Херсонеса [Зубарь, Антонова 2001, с. 122–124]. В научной литературе известны также металлические детали римского военного снаряжения из Крыма и Прикубанья [Трейстер 1993, с. 54, рис. 2: 3, 4; с. 56–58; с. 59, 73, рис. 3: 7; Новиченкова 1998, с. 51–56; 2002; Трейстер 2000, с. 156–162; Журавлев 2002, с. 90–95]. В кургане у станицы Воздвиженской был найден римский пилум I в. до н.э. — I в. н.э. [Гущина, Засецкая 1989, с. 100, 132, № 42, табл. V, 42], из кург. 15 у станицы Тифлисской на правом берегу Кубани происходит навершие римского знамени [Кропоткин 1970, 124; Гущина, Засецкая 1994, с. 58, № 269, табл. 29]. Шлем имперско-галльского типа, найденный в районе г. Сочи, датируется серединой — второй половиной I в. н.э. [Сударев 1991, с. 143–145, рис. 1]. Фрагменты шлемов галльского типа I в. до н.э. — I в. н.э. были обнаружены при раскопках святилища у перевала Гурзуфское Седло [Зубарь 1993, с. 66–70, рис. 1]. К этому перечню можно добавить перекрестье гарды римского меча из могильника у станицы Тенгинской [Беглова, Эрлих 1998, с. 173–176, рис. 2]. В Херсонесе найдена фалера конской сбруи из Херсонеса, датируемая концом I века н.э. [Калашник 1988, с. 55–56].

В настоящее время появилась возможность пополнить этот список еще одной группой предметов, которые находятся в частной коллекции. Начнем с деталей ножен мечей.

Детали ножен мечей

Первая находка происходит из Харакса. Была найдена на склоне обрыва в районе терм. Представлена в виде пальметты длиной 5,2 см и шириной в сохранившейся части 4,8 см (рис. 1: 1). Украшение литое с надчеканкой, в верхней части имеется выступ с отверстием для крепления гвоздем к ножнам. Поверхность покрыта темно-зеленой патиной. Три лепестка украшения обломаны по бокам, еще один загнут вовнутрь и обломан правый усик пальметты.

Указанная деталь является украшением римского пехотного меча “помпейского” типа. Аналогичные находки происходят с территории западной Европы в местах базирования римских войск на территории современных Германии, Швейцарии, Англии.

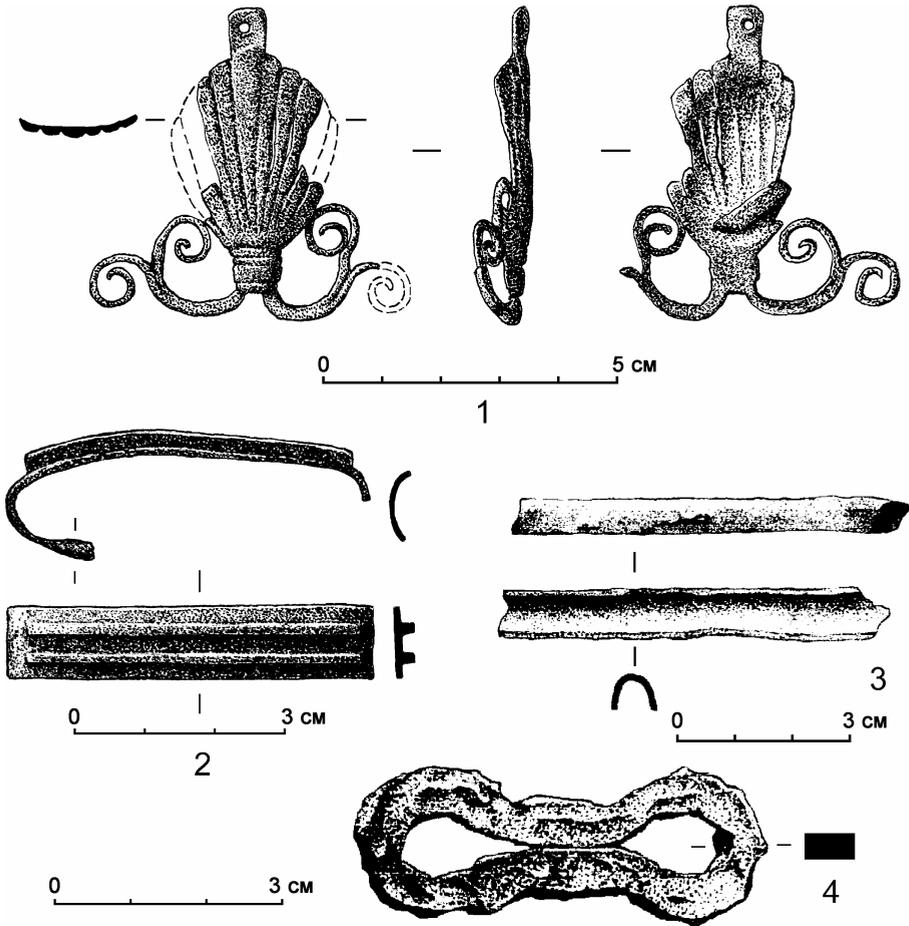

Рис. 1. Детали римской воинской амуниции: 1 – Харакс; 2-4 – святилище у перевала Гурзуфское Седло. 1-2 – бронза; 3-4 – железо.

Такие же украшения сохранились на найденных в Помпеях 3 мечах с ножнами [Ulbert 1969, p. 125–126]; еще один меч с ножнами и пальметтой был обнаружен на Рейне [Bishop, Coulston 1993, fig 38: 4]. Подобное украшение был найдено также в селении Бори на Кавказе [Придик 1914, с. 104, табл. VI: 3].

Мечи такого типа появляются в середине I века н.э. и продолжают бытовать до второй половины II века. Однако пальметты на ножнах использовались на протяжении второй половины I века [Ulbert 1969, p. 119].

Ножны для такого украшения должны были быть шириной около 6,5 см, т. к. ширина самой пальметты, судя по находке, была около 5,5 см. Суммарная датировка ножен такой ширины — 60–70 гг. I века н. э.: пальметта для ножен такой же ширины была найдена в Ваддон-Хиле и относится Г. Ульбертом ко времени ранее 64 г. н.э. [Ulbert 1969, Abb. 2: 7]. К этому можно добавить, что на обкладке но-

жен такой же ширины, найденной в Линце, скопировано изображение Ники с монеты времени правления Вителлия [Ulbert 1969, taf. 24: 1; Taf. 25: 2a, 2b]. Бутероль ножен, находящаяся в музее земли в Бонне, датируется 60–70 гг. I века н.э. [Ulbert 1969, p. 120, taf. 26].

Находка пальметты, таким образом, является еще одним доказательством присутствия римлян на Хараксе в 60-х гг. н.э. Очевидно, эта деталь может быть связана с походом Плавтия Сильвана в Крым. О присутствии римлян на Хараксе в 60-х гг. I века могут свидетельствовать также находки клейм вексилляции Равеннской эскадры, датируемые временем ранее правления Веспасиана [Ростовцев 1900, с. 154; Блаватский 1938, с. 334; Сарновски 2000, с. 229]. По всей видимости, в первый гарнизон Харакса могли войти солдаты VIII Августова легиона и моряки Равеннской эскадры [Зубар 1988, с. 20]. Осенью 69 г. VIII Августов легион был переведен в Сирию, а его место занял I Италийский легион [Авдеев 1993, с. 115]. Очевидно, с началом великой дакийской смуты на Дунае, которая была подавлена только Траяном с привлечением огромных затрат сил и энергии, римский гарнизон полностью или частично покинул Харакс.

Еще одна деталь ножен римского меча была найдена в святилище у перевала Гурзуфское Седло (рис. 1: 2). Это — перехват ножен меча, украшенный двумя резко выступающими валиками. Общая длина его 5,1 см, ширина 1 см. Один из концов перехвата обломан. Поверхность покрыта темно-зеленой патиной.

Данная деталь аналогична найденному в святилище перехвату ножен с кольцами для подвешивания [Новиченкова 1998, с. 52, рис. 1: 4; 2002, с. 78, рис. 35: 4]. Можно предположить, что обе находки являются деталями ножен одного и того же меча, т.к. схожи по стилю. Судя по ширине ножен, указанные детали относятся также к “помпейскому” типу римских мечей [Ulbert p. 196, taf. 21, taf. 17]. Можно с уверенностью говорить, что они не являются деталями типа “Майнц”, поскольку из всех известных находок ножен таких мечей их ширина была как минимум 6 см [Bishop, Coulston 1993 fig. 38: 1, p. 71], а максимальная ширина 9 см [Ulbert 1969, taf. 33]. Эта находка может относиться ко второй половине I века н. э. Мечи “помпейского” типа появляются в римской армии чуть ранее 64 года н.э. [Bishop, Coulston 1993, p. 71].

При каких обстоятельствах появляются детали ножен “помпейского” типа в варварском святилище у перевала Гурзуфское Седло? Н.Г. Новиченкова считает, что все детали римского военного снаряжения попали сюда в результате неудачной военной акции римлян в этом регионе на рубеже эр и в ходе римско-боспорской войны 45–49 гг. [Новиченкова 1998, с. 66]. Однако, время римско-боспорской войны не совпадает со временем появления и использования мечей “помпейского типа”. Можно предположить, что детали ножен “помпейского” типа могли попасть в святилище в результате военного столкновения варварского населения с римским гарнизоном Харакса.

Доспехи

Из находящихся в коллекции 10 фрагментов кольчуг (*lorica hamata*), найденных в святилища у перевала Гурзуфское Седло, можно выделены 4 типа кольчуг.

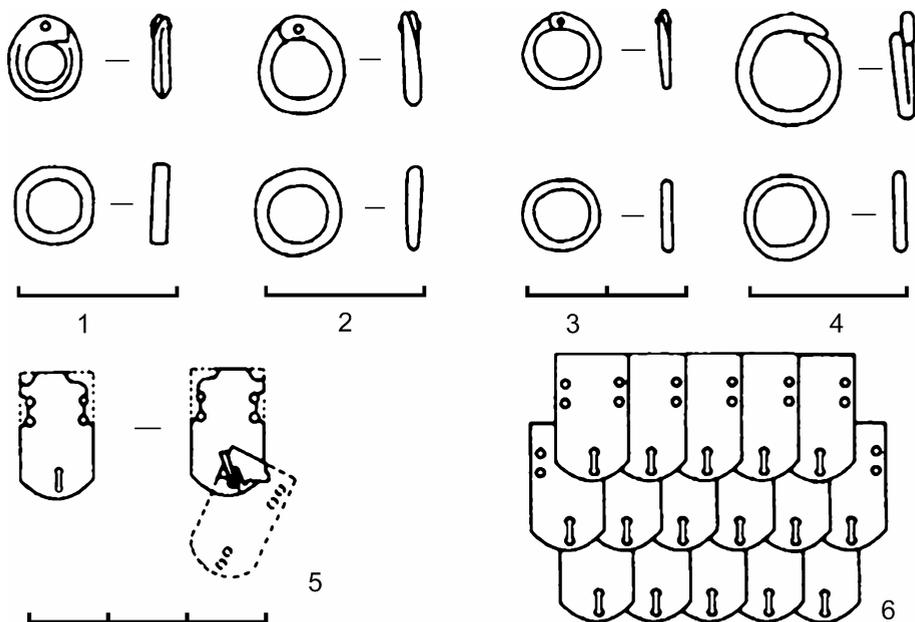

Рис. 2. 1-4 кольца железных кольчуг; 5 – бронзовые чешуйки из крепости Харакс; 6 – вариант реконструкции соединения чешуек.

Первый тип отличается сложностью изготовления (рис. 2: 1). К этому типу относятся 5 фрагментов кольчуг. Кольчуга состоит из чередующихся рядов заклепанных и цельных колец. Внутренний диаметр заклепанных колец 2,2 мм, а наружный — 4,2 мм. Цельные кольца имеют внутренний диаметр 3 мм, а наружный — 5 мм.

Второй тип также состоит из рядов цельных и заклепанных колец (рис. 2: 2). Размеры заклепанных колец: наружный диаметр 5,5 мм, а внутренний — 3,5 мм. Цельные кольца имеют такие же размеры. Данный тип представлен 2 фрагментами, один из которых свернут в рулон, и имеет достаточно крупные размеры: 12 на 6,5 см.

Третий тип представлен всего одним фрагментом, который состоит из более крупных колец; также как и два предыдущих типа он состоит из рядов заклепанных и цельных колец (рис. 2: 3). Размеры заклепанных и цельных колец одинаковы: внутренний диаметр — 7 мм, а наружный — 9,5 мм.

Четвертый тип отличается от всех остальных тем, что имеет упрощенный способ изготовления, а также тем, что имеет незаклепанные кольца (рис. 2: 4). Концы перекрывают друг друга на 1 или 1,5 мм. Размеры колец: внутренний диаметр незаклепанных колец 4,5 мм, а наружный — 6,5 мм; цельные кольца имеют внутренний размер 3,5 мм, а наружный 5,5. Тип представлен 2 фрагментами.

Все четыре типа кольчуг изготовлены из железа и отличаются хорошей сохранностью. Если учесть, что из святилища у перевала Гурзуфское Седло происходят всего 848 фрагментов железных кольчуг, а также крупный фрагмент бронзовой кольчуги мелкого плетения [Новиченкова 1998, стр. 55–56], то типологию кольчуг из этого святилища в дальнейшем можно будет расширить. Для этого можно привлечь и другие находки. Среди них: обломки кольчуг мелкого плетения из раскопок могильников в Северном Причерноморье [Богданова, Гущина, Лобода 1976, с. 146; Каминская, Каминский, Пьянков 1985, с. 226, 223; Хазанов 1971, с. 61, с. 183; рис. 9: 3–6].

В коллекции находятся 2 соединенные проволочкой чешуйки (*Logica squamata*), происходящие из Харакса (рис. 2: 5). Одна чешуйка сохранилась целиком, а от второй сохранился уголок, прикрепленный в нижней части первой чешуйки. Чешуйка размером 16 на 9 мм имеет прямоугольную форму со скругленным нижним краем. По бокам и внизу чешуйки имеются по два отверстия. Чешуйка очень тонкая (около 0,3 мм.) имеет вертикальный и горизонтальный способ соединения (рис. 2: 6). Данный тип доспеха бытовал во времена династии Антонинов [Bishop, Coulston 1993, p. 116, 117; fig 77: 4].

Стоит отметить, что железные и бронзовые чешуйки доспехов в Крыму были обнаружены также при раскопках римского военного поста на высоте Казацкой.

Деталь щита

В коллекции находится железный обломок оковки прямоугольного римского щита (*scutum*), происходящего из святилища у перевала Гурзуфское Седло (рис. 1: 3). Длина фрагмента 7 см, в сечении обломок в форме буквы U. Такие щиты относятся к эпохе раннего принципата — аналогичные обломки оковки щитов были найдены в Айслингене и Спеттисбери [Bishop, Coulston 1993, fig. 46: 1, 2].

В коллекции имеется **железное звено цепи** в форме цифры 8 (рис. 1: 4), происходящее из святилища на перевале Гурзуфское Седло. Аналогичная цепь в свое время была найдена Н.Г. Новиченковой [Новиченкова 2002, с. 97; рис. 44: 4]. Такая же цепь известна в Нуманции [Connolly 1981, p. 242; fig. 11]. Есть все основания полагать, что звено цепи также является частью амуниции легионера.

Таким образом, все вышеуказанные предметы относятся к I веку, за исключением обломков чешуйчатого доспеха, которые датируются II веком н.э. Находки деталей римского оружия из Харакса I века в научной литературе неизвестны. Бронзовое украшение в виде пальметты с ножен меча “помпейского” типа впервые зафиксировано на территории Восточной Европы. Обломки римских кольчуг, о которых шла речь, дают ценную информацию о способе их изготовления. В Крыму они были известны только по раскопкам Н.Г. Новиченковой. Все они происходят из святилища на перевале Гурзуфское Седло. На территории Западной Европы их фрагменты зафиксированы только в нескольких местах. В большинстве случаев находят груды окислив-

шегося железа, что, естественно, не позволяет судить ни о форме, ни о размерах колец. Кроме того, вышеуказанные обломки кольчуг отличаются трудоемкостью изготовления, что говорит о том, что кольчуги такого типа явно не могли использоваться солдатами вспомогательных когорт, которые применяли более упрощенные и дешевые виды снаряжения. Деталь чешуйчатого доспеха, датируемая временем Антонинов, позволяет судить о военном костюме II века. Как видно, он был достаточно сложен для изготовления, мог принадлежать младшему офицеру, штандартносницу, трубачу или кавалеристу.

Литература

- Авдеев А.Г.* О времени пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе // ВДИ. 1993. № 2. С. 122–121.
- Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В.* Богатое погребение II в. н.э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М., 2001. Вып. 118. С. 175–186.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р.* Деталь римского меча из могильника у станции Тенгинской // РА. 1998. № 2. С. 173–176.
- Блаватский В.Д.* Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 321–335.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И.* Могильник Скалистое-III в Юго-Западном Крыму (I — III вв. н.э.) // СА. 1976. № 4. С. 121–152.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* “Золотое кладбище” Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
- Журавлев Д.В.* Еще раз о деталях римского воинского костюма и конской сбруи из Херсонеса и юго-западного Крыма // Археология. 2002. № 1. С. 90–98.
- Зубарь В.М., Антонова И.А.* Бутероль ножен длинного римского меча из Херсонеса. // РА. 2001. № 2.
- Зубар В.М.* Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. Вип. 63.
- Зубар В.М.* Нові знахідки фрагментів римських шоломів у Тавриці // Археологія. 1993. № 1. С. 66–70.
- Калашник Ю.П.* Херсонесская фалера // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг. Тезисы докладов. Севастополь. 1988. С. 55–56.
- Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В.* Сарматское погребение у станции Михайловской // СА. 1985. № 4. С. 228–234.
- Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе II в. до н.э. — V в. н.э. // САИ. 1970. Вып. Д1–27.

- Новиченкова Н.Г.* Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло // ВДИ. 1998. № 2. С. 51–56.
- Новиченкова Н.Г.* Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло // РИО КГГИ. Ялта. 2002. 215 с.
- Придик Е.М.* Новые кавказские клады // Материалы по археологии России. 1914. С. 94–110.
- Ростовцев М.И.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // Журнал Министерства народного просвещения 308, март 1900.
- Сарновски Т.* К вопросу о чтении и хронологии латинских клейм на строительной керамике из Крыма. Прил. 8 // Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава. 2000. С. 225–230.
- Сон Н.А., Назаров В.В.* Знахідки римської зброї в Тірі та Ольвії // Археологія. № 1. С. 120–123., 1993.
- Сударев Н.И.* Две находки римского времени из г. Сочи // Древности Северного Кавказа. М., 1991. С. 143–146.
- Трейстер М.Ю.* Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2. С. 51–73.
- Трейстер М.Ю.* К находкам металлических деталей римского военного костюма и конской сбруи в северном Причерноморье // РА. 2000. № 2. С. 156–163.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Черненко Е.В., Зубарь В.М., Сон Н.А., Бутероль* из Тире // СА. № 1989. 2.
- Bishop M.C., Coulston J.C.N.* Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. L., 1993.
- Connoly P.* Greece and Rome at War. L., 1981.
- Ulbert G.* Gladii aus Pompeji // Germania. 1969. V. 47. P. 97–128.

КРЫМСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕНУЭЗСКОЙ ЛАПИДАРНОЙ ЭПИГРАФИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОЧНИКА

Памятники как источник: проблемы и вопросы. Более чем двухвековая деятельность генуэзцев (лигурийцев) в Крыму оставила по себе многочисленные следы: от протяженных крепостных стен и десятков башен в Феодосии, Судаке, Балаклаве, Чобан-куле и др. местах и десятков строительных закладных и надгробных каменных плит с надписями и геральдическими изображениями — до фрагментов белокаменных рам для плит из нуммулитового известняка (Чобан-куле, раскопки В.Л. Мыца 1993 г.).¹

Плиты сохранились на башнях, стенах, при воротах в Феодосии, Судаке и в музеях: краеведческом музее в Феодосии, музее заповедника “Судакская крепость”, лапидарии Национального заповедника “Херсонес Таврический” в Севастополе, Археологическом музее в Одессе, дворце-музее в Павловске под Санкт-Петербургом, Музее истории флота в Пельи под Генуей.

Лапидарные памятники латинской эпиграфики средневековых генуэзских поселений Крыма — источник по истории освоения Таврики генуэзцами (лигурийцами) в XIV — XV вв., а также по истории общественной и политической жизни в самой Генуе, потенциальные возможности которого далеко не исчерпаны. По мере углубления в его особенности возникают различные вопросы.

Прежде всего: достаточно ли для вразумительных ответов того инструментария и методики, которыми располагают археология, эпиграфика и собственно история?

Всегда ли и в каких случаях можно рассчитывать на доказуемость принадлежности той или иной надписи определенному сооружению?

Какими соображениями руководствовались генуэзцы, отмечая (или не отмечая) то или иное сооружение плитой с надписью?

¹ См.: *Skrzinska E.* Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava) // ASLSP 56 (1928); *Скржинская Е. Ч.* Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958; *Maggiorotti L.A.* Architetti e architetture militari. Vol. 1: Medio Evo. Roma, 1933 (использована публикация Е.Ч. Скржинской); *Stringa P.* Genova e la Liguria nel Mediterraneo: insediamenti e culture urbane / presentazioni di M. Balard e E. Poleggi, collaborazioni di M.G. Novaro e P. Quatrini. Genova, 1982; *Marcenaro M.* 1) Colonie genovesi nel Mar Nero // La Casana. Periodico trimestrale della Banca Carige, Genova, anno 33, 1991, n. 4, p. 43-47; 2) Alcuni insediamenti genovesi nel "Mare Maggiore" // I problemi del Mar Nero nel passato e nel presente. Seminario internazionale di studi. Atti, Genova, 16 giugno 1992 / a cura di G. Pistarino. Genova, 1993, p. 65-100 (Accademia Ligure di scienze e lettere. Collana di monografie, VIII).

Чем схожи и чем различаются надписи по содержанию и по исполнению, и от чего это могло зависеть?

Как лишились своих первоначальных мест (и были ли таковые) плиты, где только не найденные археологами: в завалах стен, в усадьбах, где они служили давальными для винограда, переотложенных слоях, и т.п.?

И кто их стронул с места: турки за триста лет владения Крымом (было ли им дело до генуэзских плит) или те, кто пришел им на смену, а может быть и сами генуэзцы — последние защитники крепостей?

Это, разумеется, не все вопросы. Некоторые еще не созрели, другие могут возникнуть по ходу работы.

Виды памятников. Лапидарные эпиграфические памятники распадаются на два содержательных вида. Один — строительные (закладные) памятные надписи, предназначенные для общественного восприятия, которых к настоящему времени известно около пятидесяти. Другой — надгробные эпитафии.² Убедительные образцы их использования в качестве ключа к историческому контексту и его истолкованию дали Е.Ч. Скржинская (о надгробии с эпитафией Якопо Корнаро 1362 г. в Танае), и Джем Пистарино (о найденных в 1941 г. в Китае двух плитах с погребальными надписями, относящимися к детям генуэзца Доменико Иллиони, нотариуса и судьи — Катерине 1342 г. и Антонио 1344 г.).³

Ниже следующее есть попытка рассмотрения особенностей и выяснения возможностей надписей первого вида.

Средневековая латинская эпиграфика как историческая дисциплина и лапидарные надписи генуэзских поселений в Крыму. Первый свод выявленных лапидарных средневековых латинских надписей Крыма был подготовлен Е.Ч. Скржинской — одним из первых профессиональных исследователей этих памятников, и издан в Генуе в 1928 г.⁴ Позднее, в 1946 г., в докладе и подготовленной на его основе статье “Обработка

² О европейской средневековой эпитафии: *Хоментовская А.И.* Итальянская гуманистическая эпитафия. СПб.: Изд. СПбУ, 1995, с. 46-87, особенно 46-53 (гл. 2: Истоки: эпитафия средневековая и античная). Современный взгляд на феномен средневекового надгробия: *Memory and the Medieval Tomb / ed. by E. Valdez del Adamo, C. Stamatidis Pendergast.* Aldershot: Ashgate, 2000.

³ *Скржинская Е.Ч.* Венецианский посол в Золотой Орде (по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.) // ВВ 35 (1973), с. 103-118. (Перепеч.: *Скржинская Е.Ч.* Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб.: Издательство “Алетейя”, 2000, с. 114-157). *Skrzinska E.* Un ambasciatore veneziano all’Orda d’Oro (analisi dell’epitafio di Jacopo Cornaro – Tana, 1362) // SV 16 (1974), p. 67-96; *Pistarino G.* Genovesi d’Oltremare. Genova, 1990, p. 222-241 (Глава III: Da Genova alla Cina nel tempo del Gran Khan); *Климанов Л.Г.* Возвращаясь к эпитафии Якопо Корнаро, Тана, 1362 г.: comes arbensis и опыт островной феодализации венецианцев // Сугдейский сборник. Киев-Судак: Академперіодика, 2004, с. 101-163.

⁴ *Skrzinska E.* Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava) // ASLSP 56 (1928).

средневековых эпитафических памятников (на опыте исследования крымских генуэзских надписей Феодосии, Судака, Балаклавы)”, оставшейся в рукописи, она изложила свое представление о средневековой эпитафике как исторической дисциплине: “Средневековая эпитафика — скромная дисциплина по сравнению с ее блестящей сестрой — эпитафикой античности. Назначение средневековых надписей, их смысл и их цель остались теми же, что и в надписях античных, хотя форма первых более проста, а текст менее развит, чем в древности. Но они так же, как и античные надписи, будучи высечены на твердом материале, рассчитаны на длительное существование и на массовое прочтение. Важность средневековых надписей естественно снижена тем, что они рождались в мире, наполненном такими письменными источниками, которые в большом количестве дошли до нас, а с другой стороны — в мире, где широкое обнародование государственных постановлений, законодательных и административных актов, а тем более документов общественного содержания не могло иметь широкого распространения по причинам структуры феодального общества. Поэтому, в средние века почти нет надписей-актов; средневековые надписи (кроме индивидуальных, к которым относятся надгробия) по преимуществу — надписи на памятниках архитектуры”⁵ (здесь и далее выделено мной — Л.К.).⁶

Прислушаемся к ее завету: “чтобы ни одна вновь открытая надпись не оставалась неизученной, но сразу же обрабатывалась как ценный исторический источник и получила свое место в ряду памятников прошлого”.⁷ Это тем более важно, считала она, что, “кроме сравнительной бедности эпитафического материала, средневековая эпитафика отличается и скромным числом своих исследователей <...> ни ренессанс, ни серьезный век широкой эрудиции, ни блестящий век просвещения не создали специальной медиевистической эпитафики, подобной другим, глубоко разработанным вспомогательным дисциплинам истории средневековья (как палеография, дипломатика и т.п.)”.⁸

Е.Ч. Скржинская задавалась и вопросами подлинности применительно к средневековой эпитафике: “для средневековой эпитафики не нашлось и фальсификаторов, которыми богата эпитафика антич-

⁵ Скржинская Е.Ч. Обработка средневековых эпитафических памятников (на опыте исследования крымских генуэзских надписей Феодосии, Судака, Балаклавы), 1946 г., [машинопись] – Архив СПб ИИ РАН, ЗЕС, ф. 14 Е.Ч. Скржинская. Ср.: *Reveillac G. L'estampage en archéologie et sa traduction photographique // Archeologia 112 (1977), p. 39-43.*

⁶ В качестве примера немногочисленных надписей-актов можно указать на плиту с выдержками из городского устава 1173 г. Феррары, установленную на наружной стене собора – *Augenti A. Tanti muri da sfogliare come libri // Medioevo. Un passato da riscoprire. Milano, 1997, anno 1, № 5, p. 12.*

⁷ Скржинская Е.Ч. Новые эпитафические памятники..., с. 166.

⁸ Скржинская Е.Ч. Обработка средневековых эпитафических памятников, л. 4.

ная⁹. Известно немало поддельных и подложных античных эпиграфических памятников.⁹ Но до сего времени не выявлено подделок средневековых памятников — надо полагать именно в силу их особенностей, указанных Е.Ч. Скржинской.

За годы, прошедшие с того времени, средневековая эпиграфика как носитель “памяти прошлого”¹⁰ оформилась в отдельную историческую дисциплину. Исследователи выработали основные определения этой отрасли источниковедения, правила критики, источниковедческие подходы и принципы издания, создали обширную историографию.¹¹

Много сделал для изучения зарождения, развития и состояния этой дисциплины Р. Фавро. Его монография “Средневековые надписи” предварена двумя положениями. Первое — говоря его словами, “средневековая эпиграфика еще слишком молода, чтобы можно было претендовать на создание общеметодической картины”. И второе — научное изучение этой дисциплины занимает пограничное положение между областями историка и археолога или историка искусства. Р. Фавро подробно разбирает определение и эволюцию жанра, правила критики (вопросы авторства текста и рамки его свободы; отождествления, аутентичности и восстановления текста; письма; языка), надписи как исторического источника (в том числе: история письма; соотношение эпиграфики с языком, литургией, культурой и социальной историей), дает обзор изданий надписей в Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Польше, Франции, Швейцарии.¹²

⁹ Например, в Городском музее Витербо находится поддельная “историческая” надпись, приписанная Аннию из Витербо, которая была изготовлена во второй половине XV в. из чувства местного патриотизма — *Ligota C. Annius of Viterbo's fake texts and inscriptions // Fake? The Art of Deception / ed. by M. Jones. London, 1990, p. 64-65, № 42. См. также: Billanovich M.P. Falsi epigrafici // Italia medioevale e umanistica 10 (1967), p. 25-110, tav. I-XII.*

¹⁰ По выражению Робера Фавро, одного из ведущих специалистов в этой области — *Favreau R. La mémoire du passé dans les inscriptions du haut Moyen Age — доклад на: XLVI Settimana di studio "Ideologie e pratiche del reimpiego nell'alto Medioevo", Spoleto, 16-21 aprile 1998 (см.: Bottiglieri C. [Обзор] // Quaderni medievali 46 (1998), p. 230).*

¹¹ *Kent R. The textual criticism of inscriptions. Philadelphia, 1926; Rehm A. Die Inschriften // Handbuch der Archäologie, München 1 (1939); Gordon J., Gordon A. Contributions to the palaeography of latin inscriptions. Berkeley; Los Angeles, 1957; Robert L. Epigraphie // L'Histoire et ses méthodes. Paris, 1966; Genicot L.F. Introduction aux sciences auxiliaires traditionnelles de l'histoire de l'art: diplomatique, heraldique, épigraphie, sigillographie, chronologie, paleographie. Louvain-la-Neuve, 1984; Banti O. Epigrafia medioevale e paleografia. Specificità dell'analisi epigrafici // Scrittura e civiltà 19 (1995), p. 31-51; Giové Marchioli N. L'epigrafia comunale cittadina // Le forme della propaganda politica nel Due e nel Trecento. Roma, 1994, p. 263-286.*

¹² *Favreau R. Les inscriptions médiévales. Turnhout, 1979 (Université catholique de Louvain. Institut d'études médiévales. Typologie des sources du Moyen âge occidental, fasc. 35).*

Через десять лет в работе “Средневековая эпиграфика: рождение и развитие дисциплины”, Р. Фавро представил содержательный историографический очерк латинской, христианской и средневековой эпиграфики, снабженный подробными картами-схемами. Однако работа ограничена рамками собственно европейского средневековья, в силу чего в очерке не нашлось места ни надписям из заморских поселений, ни работам о них.¹³

О развитом состоянии средневековой эпиграфики свидетельствуют библиографии работ по этой исторической дисциплине, составленные В. Кохом и Фр. Бераром.¹⁴

Начиная с 1980 г., каждые два года собираются научные съезды, посвященные эпиграфике средних веков и нового времени.¹⁵ На съездах были представлены и доклады, непосредственно касающиеся средневековой генуэзской эпиграфики. Доклад С. Дюлль на съезде 1982 г. посвящен памятникам латинской эпиграфики, сохранившимся в Стамбуле в районе Пера — месте поселения генуэзцев в византийский период и затем при турках, и проекту по сфрагистике в Турции.¹⁶ Доклад К. Варальдо на съезде 1988 г. об эпиграфике XII — XIII вв. в Лигурии выявляет лигурийские корни крымской генуэзской эпиграфики.¹⁷ В сентябре 1991 г. на тематическом научном семинаре в Эриче (Сицилия) обсуждались вопросы идеологии и значения средневековой греческой и латинской эпиграфики.¹⁸

¹³ Favreau R. L'épigraphie médiévale: naissance et développement d'une discipline // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1989, p. 328-363.

¹⁴ Koch W. 1) Literaturbericht zur mittelalterlichen und neuzeitlichen Epigraphik (1976-1984). München: Monumenta Germaniae Historica, 1987; 2) Literaturbericht zur mittelalterlichen und neuzeitlichen Epigraphik (1985-1991), unter Mitarbeit von F.A. Bornschlegel, A. Dietl und M. Glaser. München: Monumenta Germaniae Historica, 1994; Berard F. Guide de l'épigraphiste: bibliographie choisie des épigraphies antique et médiévale. 2 ed. augm. Paris, 1989.

¹⁵ Epigraphik 1982. Fachtagung für mittelalterliche und neuzeitliche Epigraphik, Klagenfurt, 30.09-3.10.1982. Referate / redigiert von W. Koch. Wien, 1983 (ÖAW PHK. Denkschriften, 169 Band); Epigraphik 1988. Fachtagung für mittelalterliche und neuzeitliche Graz, 10-14.05.1988. Referate und Round-table-Gespräche / herausgegeben von W. Koch. Wien, 1990 (ÖAW PHK. Denkschriften, 213 Band).

¹⁶ Düll S. Die lateinischen Inschriften aus Istanbul vor und nach der Osmanischen Eroberung vorarbeiten für ein neues Inschriftenprojekt in der Türkei // Epigraphik 1982, S. 101-124, Abbildungen 1-30.

¹⁷ Varaldo C. L'epigrafia medievale in Liguria tra XII e XIII secolo // Epigraphik 1988, S. 237-244, figure 1-20.

¹⁸ Epigrafia medievale greca e latina: Ideologia e funzione. Atti del seminario di Erice (12-18 settembre 1991) / a cura di G. Cavallo e C. Mango. Spoleto, 1995 (Biblioteca del Centro per il collegamento degli studi medievali e umanistici in Umbria. Collana diretta da E. Menestò, 11).

В то же время, несмотря на осознание широких источниковедческих возможностей “каменного архива” с множеством лапидарных надписей, которыми “итальянские города коммунального периода буквально усеяны — по выражению А. Аудженти — <...> в Италии до сих пор отсутствует полный свод памятников средневековой эпиграфики, как это уже сделано во Франции и Германии, и только делает первые шаги проект, затеянный Итальянским центром по изучению раннего средневековья в Сполето”. А. Аудженти перечисляет основные цели, которыми задавались создатели монументальных надписей общественного назначения: отметить постройку, увековечить военные дела, обнародовать особо важные законодательные акты коммуны, сделать граждан соучастниками нормативных актов.¹⁹

Практическое руководство “Ремесло эпиграфиста”, тщательно составленное Иваном Ди Стефано Манцелла содержит подробные сведения о современных принципах обработки эпиграфического материала, о письме надписей, эпиграфике, палеографии, лакунах и эпиграфических фрагментах.²⁰

История создания свода средневековых латинских надписей Крыма.²¹

Личный фонд Е.Ч. Скржинской в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН дает возможность оценить ее многолетние труды, положенные на подготовку и издание первого свода генуэзских надписей Крыма (1928 г.) и публикацию надписей, найденных после его издания (1958 г.).

К изучению латинских надписей генуэзских колоний в Крыму она приступила в 1919 г. в качестве научного сотрудника ГАИМК — плановая работа была рассчитана на три года и предусматривала две командировки в Крым (“*Curriculum vitae*” 29 декабря 1926 г.). В следующем, 1920 году она представила предварительный доклад “По поводу археологической карты средневекового Крыма”. Через пять лет в докладе “Генуэзские надписи” (и “Резюме для протокола”) ею были изложены основные положения подготавливаемого свода (30 января 1925 г.). Была проделана практическая полевая работа по подготовке свода: сделаны обмеры памятников, сняты эстампажи и прочитаны надписи, находившиеся в Феодосийском музее, Судакской крепости, Одесском археологическом музее (составлен перечень генуэзских плит, хранящихся в Археологическом музее в Одессе (15 марта

¹⁹ *Augenti A.* Tanti muri da sfogliare come libri // *Medioevo. Un passato da riscoprire.* Milano, 1997, anno 1, № 5, p. 12.

²⁰ *Di Stefano Manzella I.* Mestiere di epigrafista. Guida alla schedatura del materiale epigrafico lapideo. S. l. : Edizioni Quasar, s. a. [не ранее 1987] (*Vetera*, 1), особо с. 135-186.

²¹ Подробно: *Васильев А.Н., Климанов Л.Г.* Е.Ч. Скржинская. Жизнь и труды (по материалам личного фонда) // *Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга.* СПб.: Изд. Дм. Буланин, 2004, с. 458-521.

1925 г.), Павловском дворце. Она переписывается с Николаем Федоровичем Лапиным, художником и автором книги о Судаке “Σουδαία Soldaia Судак. Записки на досуге Николая Лапина” (Москва, 1928).

Результаты работы были сведены в папку под заглавием “Подготовка работы о генуэзских надписях в Крыму (1926–27 гг.), в 1925 г. работа в Феодосийском музее, в Судаке на крепости; начало изучения генуэзских надписей”. Досье содержит: копию плана Судака, снятого А.Л. Бертье-Делагардом, описание 22 датированных и 4 недатированных феодосийских строительных надписей, 13 феодосийских надгробных надписей, 2 балаклавские надписи, находящиеся в Генуе, 13 судакских надписей. К этому примыкает набросок из доклада “Генуэзский Банк св. Георгия и восточные колонии (“из истории раннего банковского капитала)”, озаглавленный “к надписям” (1927 г.). Подготовлены материалы для указателя имен, упоминаемых в генуэзских надписях Крыма.

На I съезд археологов СССР в Керчи (6 сентября 1926 г.) был представлен доклад “Латинские надписи из генуэзских колоний в Крыму. 15 VII 1926”. Из доклада и плана-конспекта (“Надписи” для съезда) явствует, что подготовка к изданию свода была к этому времени в основном закончена: “Крымские генуэзские надписи — самостоятельная и достаточно цельная группа памятников. Материал, шрифт и формулы. Сохранность имен, историческая ценность надписей и особенно их значение для объяснения как сохранившихся, так и исчезнувших построек. Точное пополнение списков каффских консулов и отражение административной системы крымских колоний. Разбор главнейших надписей, новое чтение и новые догадки. Полный материал для первого исчерпывающего критического издания крымских генуэзских надписей”.

По мере готовности свода надписей к публикации Е.Ч. Скржинская ищет возможности для его издания. Она вступает переписку с разными лицами в Италии (29 и 30 сент. 1925 г.), с редакцией журнала “Archivio storico italiano” и, в частности, с секретарем редакции Б. Барбадоро. Издавать свод взялось Лигурийское общество отечественной истории (Società Ligure di storia patria), о чем свидетельствует переписка с председателем Общества А. Латтесом и секретарем Общества Ф. Поджи (1925–1928 гг.).²²

Текст написан Е.Ч. Скржинской на французском языке и был издан в Генуе в 1928 г. по авторской рукописи. В него вошли 55 эпиграфических памятников: 39 из Феодосии (Каффы), 13 из Судака (Солдайи), 3 — из Балаклавы (Чембало). Книга снабжена репродукциями надписей и фотографиями памятников, в основном башен, на которых они находятся или некогда находились.²³

²² 6 писем, адресованных А. Латтесу (18 октября и 3 ноября 1927 г., 9 и 12 января и 2 июня 1928 г., 16 февраля 1929 г.), а также поправки к своду опубликованы: ASLSP 57 (1930), р. 217-225 (письма), 225-227 (поправки), 178 (сообщение о публикации); (готовится к печати в сб. работ Е.Ч. Скржинской “Судакская крепость: история, археология, эпиграфика”).

²³ *Skrzinska E. Inscriptions....*

За создание и издание свода она была избрана членом Таврического общества истории, археологии и этнографии (1929 г.) и членом-корреспондентом Лигурийского общества отечественной истории (31 января 1931 г.).²⁴

Она искала возможность издать свод на русском языке и в письме к А.М. Панкратовой (16 сентября 1954 г.) спрашивает о “возможности издания на русском языке *“Латинских генуэзских надписей Крыма” (около 70) XIV-XV вв.*”. Исследовательница продолжала собирать материалы (крымские надписи — Феодосия, Судак, Мангуп, Херсонес, 1948–1958 гг.), до конца жизни работала над сводом, вносила в него исправления, публиковала новооткрытые эпиграфические памятники — пополнила свод тремя надписями.²⁵ Свидетельством этой работы остался авторский экземпляр генуэзского издания 1928 г. с дополнениями вплоть до 1978 г., сопровождающийся авторской запиской: *“Генуэзские надписи в Крыму. Изд. 1928 + нарощие в последствии добавления и исправления. Все свести в русское издание!! Может быть в 1967 г.?”*.

Историческая глубина лапидарного источника.

В последнее десятилетие XX в. при проведении раскопок в Судакской крепости были открыты три неизвестные фрагмента каменных плит с надписями, которые предоставляют новые сведения для генуэзской геральдики, крымско-генуэзской эпиграфики, выявления источниковых возможностей памятников эпиграфики, истории освоения генуэзцами крымских берегов в целом.

На одном из фрагментов сохранились обрывки трех строк надписи: “...CI(T)S(P)...ST...O...US...SUL.SOL(D)A(I)...” (рис. 3).

Надпись другого содержит имя Бартоломео Грилло, известного по другим источникам как консул Солдайи 1381–1382 гг.: “...S:DEI:P(A)...E:ET:...S:C...(ME)I:GRILL:NO...IUS:CH(A)...”.

Особый интерес представляет третий фрагмент 1,23×0,93×0,14 м найден в 1990 г. неподалеку от консульского замка при изучении куртины VI лежащим лицевой стороной вниз на глубине 0,5 м в переотложенном культурном слое XVI — XVII вв. (рис. 1).²⁶

²⁴ Список членов Общества: ASLSP 57 (1930), p. 327.

²⁵ *Скржинская Е.Ч.* Новые эпиграфические памятники... Переведено и опубликовано в Италии: *Skrzinskaja E.* Inscrizioni genovesi di Sudak // *Miscellanea storica ligure*, III (1963), p. 59–67. (Подготовительные материалы к этой публикации, относящиеся к 1954–1958 гг.; переписка с П.Н. Шульцем, заведующим отделом археологии Крыма Института археологии Академии наук, и работниками издательства “Наука” О.Д. Дашевской и А.И. Смирновым см.: Архив СПб ИИ РАН, ЗЕС, ф. 14 Е.Ч. Скржинская).

²⁶ *Баранов И.А., Климанов Л.Г.* Новые латинские надписи генуэзской Солдайи // *Археология Крыма*. Симферополь, 1997, том I, № 1, с. 99–100. См. также: *Климанов Л.Г.* Казус Франческо де Камилла: новооткрытый памятник крымско-генуэзской эпиграфики в свете общественной и политической жизни Генуи

Правая грань фрагмента имеет два крупных скола по углам с утратой части надписи в верхнем углу, в левой части — полностью утрачено около трети плиты. Верхняя часть поля занята пятистрочной надписью, нижняя — тремя геральдическими щитами, центральный и правый из которых сохранились полностью, а большая часть левого, как и часть надписи, осталась на утраченном фрагменте.

Рис. 1. Плита консула Франческо де Камилла 1426 г. Сохранившийся фрагмент.

Исходя из расположения и размеров эпиграфических и геральдических элементов на лицевой поверхности сохранившейся части плиты, можно подсчитать первоначальную длину блока. При определении размеров утраченной части плиты были приняты во внимание следующие соображения. Первое — пропорции и размеры левого щита, выведенные из пропорций и размеров двух наличных щитов. Второе — протяженность пятой строки надписи, содержание которой не предполагает разночтений — она подсчитана на основе выведенного модуля всех имеющихся в сохранившейся части надписи 18 буквенных знаков и пробелов между ними. Третье — правило, что все строки надписи начинаются с одинаковым отступом от левого торца блока плиты, что предполагается бесспорным для столь тщательно исполненной надписи.²⁷ Длина плиты должна была равняться 1,6 м.

первой трети XV в. (лапидарная надпись 1426 года с родовым именем Камилла, неизвестного консула Солдайи) // ВИД 27 (2000), с. 303-330.

²⁷ *Di Stefano Manzella I. Mestiere di epigrafista.*

И.А. Баранов считал, что поскольку по своим размерам плита не подходит ни под одну из пустующих рам нижнего пояса обороны, то, судя по отсутствию рам в верхнем поясе и месту ее находки, она могла находиться на лицевом фасаде консульского замка на обычном для подобных плит месте — ниже амбразуры или окна первого этажа.²⁸

Минералогическая характеристика и вопрос о предполагаемом месте изготовления плиты. Плита изготовлена из блока слоистого известнякового сланца. Представляется целесообразным для выяснения некоторых обстоятельств истории генуэзского присутствия в Крыму установить минералогический состав материала, из которого изготовлены сохранившиеся генуэзские плиты с надписями (в основном это *ardesia calcarea*; немногие мраморные плиты, возможно происходят из проконесского месторождения на острове в Мраморном море), для того, чтобы определить каменоломни, в которых могли быть добыты заготовки для плит.

Одна из таких каменоломен, в которой можно отыскать заготовки архитектурных деталей, находится неподалеку от Судака близ мыса Меганом. Но и в Лигурии, недалеко от Генуи существует месторождение, где издавна ведется добыча и обработка подобного камня. Оно находится на восточном побережье Генуэзского залива близ городка Лаванья, центра феода рода Фиески, графов Лаванья.²⁹ Поэтому не следует совсем исключать вероятность того, что некоторые плиты с искусно высеченными надписями, гербами и орнаментами могли быть привезены в Крым оттуда. Предположение допустимое: Фиески были заметными участниками генуэзской политической жизни и известными деятелями генуэзской администрации в Крыму.³⁰ В Судаке сохраняется плита искусной работы с датой “1409 год” и с именем “Лукино де Флиско графа Лаванья, досточтимого консула и кастеллана Солдайи”,³¹ которая установлена на одной из башен крепости (рис. 2).³²

Получение из Генуи полностью готовой к установке плиты, доставленной, возможно, тем же кораблем, на борту которого прибыл новый консул, чье имя загодя высечено в надписи, могло бы послужить объяснением тонкого мастерства исполнения некоторых памятников. Таких, как указанная выше плита с именем консула и кастеллана Лукино де Флиско 1409 г. и плита с именем консула Солдайи 1394 г. Бальдо Гварко.³³

²⁸ Баранов И.А., Климанов Л.Г. Новые латинские надписи..., с. 100.

²⁹ Lopez R. Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938, p. 204.

³⁰ Federici F. Della famiglia Fiesca. S.l., s.a. (XVIII в.); большая часть книги (с. 93–203) отведена документам, относящимся к взаимоотношениям Фиески с коммуной Генуи.

³¹ Skrzinska E. Inscriptions..., p.118, № 49.

³² Памятник архитектуры X-XIV вв. генуэзская крепость в г. Судак. Проект ремонтно-реставрационных работ. Комплексные научные изыскания. Т. 5: Историческая справка. Автор справки: Л.К. Пономарева. Киев: Укрпроект-реставрация, 1988 (машинопись), с. 34.

³³ Skrzinska E. Inscriptions..., p. 115-116, № 47.

Рис. 2. Плита консула Лукино де Флиско ди Лаванья 1409 г. в белокаменной раме.

Тогда как грубость исполнения таких надписей, как на плите 1468 года с именем Джентиле де Камилла, консула Каффы, выдает работу не профессионального резчика, а простого (местного) каменотеса.³⁴ Иногда коммуна Генуи посылала в колонии мастеров-камнерезов, но с переходом основных морских путей в руки турок после падения Византии в 1453 г. число стипендиариев коммуны, направляемых за море, было предельно ограничено.

Геральдика и историческая действительность. Как можно судить по дошедшим до нас генуэзским строительным (закладным или памятным) плитам с надписями из генуэзских заморских поселений XIV — XV вв., на плитах помещались, как правило, гербы коммуны Генуи, дожа и консула или подеста колонии, а иногда и других должностных лиц.

На нашем памятнике поле центрального гербового щита пересечено прямоугольным крестом — геральдическим знаком коммуны Генуи.³⁵ Поле правого щита разделено посередине широким поясом — это герб альберго Камилла (об альберго будет сказано далее).³⁶ Такой герб выбит и на двух плитах из Каффы: на правом щите нижнего

³⁴ *Skrzinska E.* *Inscriptions...*, p. 64, № 18; см. также первый из новонайденных в Судакской крепости фрагментов (рис. 3).

³⁵ О гербе коммуны Генуи (в цвете — красный крест на серебряном поле): *Boscassi A.* *Illustrazione storica dello stemma di Genova.* 2 ed. Genova, 1903; *Bascapé G.C., Del Piazzo M.* *Insegne e simboli. Araldica pubblica e privata medievale e moderna.* Roma, 1983, p. 460.

³⁶ Герб Камилла: "Alberi genealogici della nobilta genovese" / ASG MB 439, c. 152v-153r; "Notizie di famiglie nobili liguri" / ASG MB 169, c. 124r.

ряда на плите с датой 1396 г. и именем Пьетро де Камилла, массария Каффы (Феодосия, краеведческий музей),³⁷ и на центральном щите плиты с датой 1468 г. и именем консула Каффы Джентиле де Камилла (Одесса, Археологический музей).³⁸ Сохранившаяся часть левого щита (правый верхний угол) достаточно велика и позволяет увидеть, что поле щита было оставлено незаполненным.³⁹ Расположение гербов в сочетании с отсутствием геральдических знаков и изображений на щите, предназначенном для герба генуэзского дожа, означало, что во время изготовления надписи и установки плиты эта выборная должность оставалась незамещенной. Такое случалось только при утрате коммуной Генуи политической независимости. Определение такому положению дал Ф. Бродель — «слабость Генуи была врожденной», и ей, отделенной от Апеннинского полуострова «завесой бесплодных гор», выпала историческая судьба «беспрерывно уступать чужеземцу — под воздействием ли силы, добровольно или же из осторожности.»⁴⁰

Рис. 3. Фрагмент плиты с надписью из новых находок в Судацкой крепости.

³⁷ Skrzinska E. Inscriptions..., p. 58, № 12; Maggiorotti L.A. Architetti..., p. 235, fig. 182.

³⁸ Skrzinska E. Inscriptions..., p. 64, № 18; Maggiorotti L.A. Architetti..., p. 244, fig. 193.

³⁹ Порядок расположения гербов на стене (в нашем случае плиту можно рассматривать как стену) по отношению к гербу правителя строго определил в середине XIV в. крупнейший правовой авторитет эпохи Бартоло ди Сассоферрато в сочинении "Трактат о знаках и гербах" (Tractatus de insigniis et armis): "Si in medio unius parietis depingatur <...> arma regia, tunc alia arma, quae ab utraque parte depinguntur, debent <...> ipsius arma in spicere, non inspecto an a dextris, vel sinistris voluatur" (Bartoli a Saxoferrato Omnium iuris interpretum antesignani, consilia, quaestiones et tractatus <...> Iacobi Anelli de Bottis illustravit. Venetiis, 1602, t. 10, p. 126). Перевод: Трактат Бартоло о знаках и гербах / пер. и публ. А.П. Черных // СВ 52 (1989), с. 321 (в переводе приводимая выдержка передана неточно).

⁴⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм XV - XVIII вв. Т. 3: Время мира. М., 1992, с. 157, 160.

Генуя в лучшие свои годы звалась “Горделивой” (*Superba*), может быть, именно в возмещение своей слабости,⁴¹ потому что сильного государства генуэзцам создать не удалось. Этому препятствовала как ее врожденная слабость, отмеченная Ф. Броделем, так и неизменное преобладание частных интересов отдельных семей, родов и кланов над государственными, бывшее характерной особенностью генуэзского общественного уклада. Понятие государственного интереса в Генуе не привилось.

За 110 лет существования генуэзского поселения в Солдайе (1365–1475 гг.), Генуя уступала суверенитет пять раз. Впервые – дож Антониотто Адорно 4 ноября 1396 г. передал власть французскому королю Карлу VI, и королевские губернаторы управляли до 3 сентября 1409 г. Через несколько дней, 6 сентября синьором Генуи стал, со званием капитана, Теодоро II, маркиз Монферрато, который 22 марта 1413 г. был изгнан вместе с сотрудничавшими с ним двенадцатью старшинами (анцианами). В третий раз — со 2 ноября 1421 г. по 27 декабря 1435 г. власть находилась в руках Филиппо Мариа Висконти, герцога Милана, на которого ориентировались генуэзские гибеллины (представлявшие собой по происхождению проимператорскую и, соответственно, антипапскую политическую “партию”); от имени герцога управлял его наместник.⁴² В четвертый раз — дож Пьетро Кампофрегозо 11 мая 1458 г. уступил власть французскому королю Карлу VII, чей наместник просидел в городе до 12 марта 1461 г. Через три года — 19 апреля 1464 г. власть над Генуей вновь попадает в руки французского короля Людовика XI, а тот передал ее Франческо Сфорца, герцогу Милана, который правил Генуей до 8 августа 1478 г.

В геральдике строительных (закладных, памятных) плит заморских генуэзских поселений периоды вакансии дожеского поста как следствия временного отказа коммуны Генуи от политического суверенитета отражались, судя по сохранившимся памятникам, двояко. Либо не заполнялось поле щита, предназначенного для герба дожа —

⁴¹ Коммуна покушалась и на церковную собственность и снесла несколько домов в центре города, принадлежавших архиепископу для того, чтобы расширить главную площадь коммуны до размеров, более отвечающих представлениям генуэзцев о величии своего города; для разрешения конфликта понадобилось вмешательство папы Урбана VI (см. его буллу настоятелю монастыря св. Стефана в Генуе, данную 2 августа 1385 г. / Архив СПб ИИ РАН, ЗЭС, колл. 41 Документы папской канцелярии, картон 505, ед. хр. 17).

⁴² О гвельфах и гибеллинах: *Tabacco G. La storia politica e sociale dal tramonto dell'Impero alle prime formazioni di stati regionali. VI 2: La coordinazione guelfa e ghibellina d'Italia // Storia d'Italia. Torino: G. Einaudi, 1974. T. 2, parte 1, p. 212-223.* Правовая характеристика дана в середине XIV в. Бартоло ди Сассоферрато – *Bartolo a Saxoferrato. Tractatus de Guelphis et Gebellinis // Bartoli a Saxoferrato Omnium iuris...* T. 10, p. 151-152. О трактате Бартоло см.: *Marongiu A. Il regime bipartitico nel trattato sui guelfi e ghibellini // Bartolo di Sassoferrato. Studi e documenti per il VI centenario. Milano, 1962, t. II, p. 335-343.*

как в случае с исследуемым памятником. Либо на этом месте помещался герб консула или подеста, наряду с тем, который непременно изображался рядом с гербом коммуны⁴³.

Палеография надписи. Надпись составлена из 18 буквенных знаков высотой около 7 см каждый. Вырезана надпись готическим маюскулом — типом письма, распространенным в средневековой латинской эпиграфике и характерным для эпиграфики строительных плит генуэзских крепостных сооружений XIV-XV вв. в Крыму.⁴⁴ Особенностью рассматриваемой надписи является: начертание округлых букв **O, C, E, D, G** с дополнительными вертикальными элементами, оканчивающимися завитками; букв **F, T, L** с вертикальными волосяными линиями, доходящими до противоположной горизонтальной линии строки; буквы **M**; буквы **I** с пояском посередине вертикального элемента; употребление для обозначения букв **U** и **V** знака **U**. Значащие слова в первой и второй строках отделены друг от друга вертикально расположенными троеточиями.

Надпись сохранилась в следующем виде:

XXUI DIC : PRIMA : MADII : HOC : OP(US)
... AD : HONOREM DEI ET : BEATI : PAULI
... (E)NPORE REGIMINIS NOBILIS VIRI DNI
... (C)I DE CAMILA CONSULIS ET CAST
... (DA)IC

Первая строка и датировка надписи. Исходя из четырех сохранившихся знаков даты года — XXUI, выбор ограничен шестью годами: 1376, 1386, 1396, 1426, 1436, 1446. Первые три можно отклонить сразу. В эти годы поле левого щита было бы заполнено гербом дожа: в 1376 г. гербом Кампофрегозо — щитом, волнисто фестончато пересеченным черным и серебром, в 1386 и 1396 гг. гербом Адорно — в золотом щите перевязь слева, разделенная в три ряда на серебряные и черные клетки в шахматном порядке.

Также и дата 1436 год не соответствует ни историческим обстоятельствам, ни метрическим требованиям. Избрание дожа, ставшее возможным после многолетнего перерыва, пришлось на март и первые дни апреля этого года, за месяц известие об этом дошло бы до заморских поселений (даже если учесть тогдашнюю скорость доставки самых срочных известий), и левый щит мог быть заполнен родовым гербом избранного.⁴⁵ Примерами могут служить два эпиграфических

⁴³ О памятниках, как подтверждающих правило, так и составляющих исключение: *Баранов И.А., Климанов Л.Г.* Новые латинские надписи, с. 103.

⁴⁴ О переходе от готического письма к унциальному: *Carpegna Falconieri T. di.* Dalla gotica all'onziale: Considerazioni paleografico-sociologiche sulla tipizzazione attuale della scrittura medievale // QM 54 (2002), p. 186-195.

⁴⁵ Двумя годами ранее донесение с поля военных действий, отправленное 9 июля 1434 г. из Каффы Карло Ломеллино, командующим генуэзским экспедиционным отрядом, дошло до Генуи через два месяца, 7 сентября —

памятника из генуэзской Солдайи. На правом щите плиты с именем консула Паскуале Джудиче и датой 1 августа 1392 г. помещен герб Адорно, хотя дож Антониотто Адорно был смещен 15 июня, и на следующий день дожем избран Антонио де Монтальдо. В то же время на правом щите плиты с именем Бальдо Варки (Гварко) и с датой 1 июля 1394 г. помещен герб Дзоалио — Николо Дзоалио избран дожем 24 мая⁴⁶. Совокупность римских цифр, составляющих дату 1436 год — MCCCXXXVI, предваренная хризмой в виде креста, обязательной в надписях с формулой “ad honorem Dei”, не вмещается в пространство строки. По тем же причинам не подходит и дата 1446 г. — MCCCXXXVI. Из всех возможных дат наиболее увязывается с историческими обстоятельствами и укладывается в размер строки одна: 1426 год — MCCCXXVI.

Вторая строка. Восстанавливая недостающее начало строки, можно исходить из того, что в известных надписях после слов “*hoc opus*” следует, как правило, либо формула, содержащая распоряжение о постройке или перестройке сооружения в бытность указанного в тексте консула или подеста (наиболее распространенная — *feri fecit*), либо формула утверждающая завершение работы (наиболее распространенная — *factum fuit*). Содержание надписи 1426 г., языковой строй фразы, эпиграфические детали (глубоко вырезанный завиток нисходящего элемента, могущий принадлежать букве T) допускают употребление обеих формул, но более естественно ложатся в определенный размер строки слова “*feri fecit*”.⁴⁷

Третья строка. Хотя начальное слово (а это, вероятнее всего, одно слово) строки остается неясным, следующее за ним слово определенно читается как “*tenpore*” (*tempore*).

Четвертая строка. Для установления личного имени консула и кастеллана де Камилла указанием служат две конечные буквы “CI”, составляющие окончание родительного падежа слова, в именительном

Agosto A. Due lettere inedite sugli eventi di Cembalo e di Sorgati in Crimea nel 1434 // ASLSP, nuova serie 17 [91] (1977), p. 515. См. также: *Gabotto F.* Come viaggiavano gli ambasciatori genovesi nel secolo XIV // *Giornale storico e letterario della Liguria* 9 (1908); *Imperiale di Sant'Angelo.* Da Genova a Caffa: Un raid nel secolo XV, dal giornale di bordo del console Tommaso Domoculta. Pistoia, 1913; *Medina A.* Tempi di navigazione delle galee genovesi nel Mediterraneo // *Guerra e commercio.* Genova, 1973; *Balard M.* Le film des navigations orientales de Gènes au XIIIe siècle // *Horizons marins.* Paris, 1987, t. 2, p. 99-122; *Kommunikation und Alltag in Spätmittelalter und früher Neuzeit.* Internationaler Kongress, Krems an der Donau, 9 dis 12. Oktober 1990. Wien, 1992 (ÖAW PHK. Sitzungsberichte, 596. Bd.).

⁴⁶ *Skrzinska E.* Inscriptions..., p. 114, № 46; p. 115-116, № 47.

⁴⁷ Разумеется, сам по себе линейный размер совокупности буквенных знаков, составляющих слова, не может служить решающим доводом в пользу той или иной конъектуры текста.

падеже оканчивающегося на “*cus*”. Такими именами для Генуи могли быть: Franciscus, Fredericus (Federicus), Dominicus, Amicus. По ряду соображений, которые будут приведены далее, можно с той или иной степенью уверенности остановиться на имени *Франческо* (Franciscus).⁴⁸

Пятая строка. Содержание строки восстанавливается по сохранившимся четырем буквам “DAIE” как “*elani Soldaie*”.

В восстановленном виде надпись читается как:

+ MCCCCXXUI DIE : PRIMA : MADII : HOC : OPUS
FIERI:FECIT] AD : HONOREM DEI ET : BEATI : PAULI
<.....>TE]NPORE REGIMINIS NOBILIS UIRI DNI
FRANCISC]I DE CAMILA CONSULIS ET CAST
ELANI : SOL]DAIE

“[1426 (года) в первый день мая это сооружение [заложено / возведено] в честь Бога и святого Павла [...во вр]емена правления благородного мужа господина [Франчес]ко де Камила консула и каст[еллана Сол]даи”.

От надписи — к исторической действительности. В 1135 г. народ Генуи был распределен по восьми *компаниям*, каждая из которых охватывала одну из исторических частей города.⁴⁹ Вскоре *компании* (в силу политических и экономических причин) преобразовались в серию *консортерий* — широко распространенного в Италии того времени типа объединения, который восходит к древнеримскому *consortium* — группе братьев и родственников (*consortes*), которые и жили на одном участке земли (*sors*).

В Генуе консортерии представляли собой объединения соседей, которые совместно управляли неделимыми фондами своей соседской общины и платили коммунальные налоги.⁵⁰ Они образовывались из нобильских и примыкавших к ним пополанских семей, которые, как правило (по договору или следуя обычаю) принимали родовое имя той

⁴⁸ Генуэзские коллеги, с которыми я обсуждал это в 1997 г. — проф. Леопольдо Пунчух, председатель Лигурийского общества отечественной истории, д-р Альфонсо Ассини (Государственный архив Генуи), д-р Энрико Бассо (Институт историко-политических исследований, Генуэзский университет) поддержали это предположение.

⁴⁹ Compagna Castri, Compagna Plateae Longae, Compagna Maccagnanae, Compagna Sancti Laurentii, Compagna Portae (в которую вошла семья Камилла), Compagna Suxiliae (Soziglia), Compagna Porte nove, Compagna Burgi — *Niccolai F.* I consorzi nobiliari ed il comune nell'alta e media Italia. Bologna, 1940 (Biblioteca della "Rivista di storia del diritto italiano", № 18), p. 71-72.

⁵⁰ *Niccolai F.* I consorzi nobiliari.; *Rezasco G.* Dizionario del linguaggio italiano storico ed amministrativo. Firenze, 1881, p. 290-291; *Barbadoro B.* Consorteria // Enciclopedia Italiana. XI (1949), p. 213; *Battisti C., Alessio G.* Dizionario etimologico italiano, II (1951), p. 107; Consorteria // Lessico universale italiano. Roma, 1970, vol. V, p. 353; *Genta E.* Consorteria // Grande dizionario enciclopedico. Torino: UTET, 1986, vol. V, p. 602; *Henderson J.* Piety and charity in late medieval Florence. Oxford, 1994, p. 14.

главной семьи, вокруг которой спланировалась консортерия.⁵¹ При отсутствии в Генуе сильного государства семьи были вынуждены объединяться для охраны имущества и прав своих членов, основываясь на нормах и правилах, которые сами вырабатывали.⁵²

Генуэзская разновидность общегенуэзского феномена консортерий называлась *альберго*.⁵³ Альберго был своеобразным социально-политическим и демографическим экзогамным организмом, социально-пространственной общностью, внутри которой ее члены могли чувствовать себя защищенными.⁵⁴ Альберго был объединением семей, по правовой природе частным, но признанным коммуной/государством, и это положение было закреплено в статутах коммуны Генуи.⁵⁵ Члены

⁵¹ Например, Доменико, отец Кристофоро Колумбо, принадлежал к консортерии (альберго) семьи Фрегосо – *Phillips W.D., Jr., Phillips C.R. The Worlds of Christopher Columbus. Cambridge, 1992, pp. 90-91.*

⁵² *Diritti e doveri dei "soci di torre" // Medioevo. Un passato da riscoprire. Milano, anno 1, 1997, № 5, p. 22 (без подписи).*

⁵³ От старонемецкого *heriberga, herberga* – воинский постоя – *Zingarelli N. Vocabolario della lingua italiana. Milano, 1934, p. 39.* В словарях указывается происхождение слова *albergo* от имевших такое же значение готского *hari-buirg* и старофранцузского *herberge* (в свою очередь происходящего от франкского *heriberga*) – *Battisti C., Alessio G. Dizionario etimologico italiano I (1950), p. 109; Grande dizionario enciclopedico. Torino: UTET, 1984, vol. I, p. 450; Enciclopedia italiana II (1929), p. 140.*

⁵⁴ *Ascheri G.A. Notizie storiche intorno alla riunione delle famiglie in Alberghi in Genova. Genova, 1846; Rezasco G. Dizionario..., p. 20; Calenda di Tavani A. Patrizi e popolani nel Medioevo nella Liguria occidentale. Trani, 1891; Pandiani E. Albergo dei nobili // Enciclopedia Italiana II (1929), p. 161; Albergo // Lessico universale italiano. Roma, 1968, vol. I, p. 725; Tabacco G. La storia politica e sociale, p. 212-223; Lerner J. Italy in the age of Dante and Petrarch, 1216-1380. London; New York, 1980, p. 86-89; Albergo // Grande dizionario enciclopedico. Torino: UTET, 1984, vol. 1, p. 450; Heers J. 1) Le clan familial au Moyen Age. Paris, 1974, 2) Genova nel Quattrocento. Milano, 1984, p. 328-329, 3) Consorterie et alberghi a Gènes: la ville et la campagne // La Storia dei Genovesi. Genova, 1989, t. IX, pp. 45-63; Owen Hughes D. 1) Urban growth and family structure in medieval Genoa // Past and Present 66 (1975), 2) Kinsmen and neighbours in medieval Genoa // The Medieval City / ed. by H.A. Miskimin et al. New Haven; London, 1977, p. 95-111; Nada Patrone A.M., Airaldi G. Comuni e signorie nell'Italia settentrionale: il Piemonte e la Liguria. Torino, 1986, p. 465-468 (Storia d'Italia / diretta da G. Galasso. Vol. 5); Grendi E. La repubblica aristocratica dei genovesi. Politica, carità e commercio fra Cinque e Seicento. Bologna, 1987, p. 49-102 (Saggi, 312) – этот раздел ранее опубликован: Профиле историко degli alberghi genovesi // *Mélanges d'Archéologie et d'Histoire publiée par l'Ecole Française de Rome* 87 (1975), p. 241-302. О византийском влиянии в этой области в Амальфи, Венеции, Генуе и Пизе: *Ciggaar K.N. Families and Factions: Byzantine influence in some Italian cities. A preliminary study // Byzantino-Slavica* 54 (1993), p. 13-20.*

⁵⁵ См.: *Piergiorganni V. Gli statuti civili e criminali di Genova nel Medioevo. Genova, 1980.*

альберго принимали общий герб,⁵⁶ избирали главу из числа наиболее влиятельных членов главного семейства, принимали новых членов,⁵⁷ организовывались военным образом для защиты (от посягательств извне), или для нападения (в случае необходимости), строили для этих целей укрепленные башни–донжоны. Некоторые из этих башен органически вросли в урбанистическую ткань нынешнего города, как, к примеру, башня-донжон семьи Эмбриачи в историческом округе Каstellо.⁵⁸ В разные периоды насчитывалось от 32 до 72 этих клановых объединений, в 1528 г. их число было сведено к 28. Они мало помалу утрачивали значение, и в правление Джан Андреа Дориа были отменены. Согласно введенной им в 1576 г. новой конституции все привилегии старого и нового нобилитета были сведены воедино и заведена общая дворянская книга.

Генуэзский род Камилла. Историческая память сохраняется в городской топонимике Генуи. В историческом центре города стоит дожеский дворец (в котором располагаются музей и Лигурийское общество отечественной истории) и церковь Сан Лоренцо (в которой держит кафедру архиепископ).⁵⁹ Боковой северо-западный фасад дожеского дворца выходит к Архиепископскому спуску, в который упирается идущая в сторону моря улочка Позолотчиков. На примыкающей к этой улочке небольшой площади находится выстроенное в XIII в. здание с готическим фасадом и портиком и с мраморной доской с надписью, которая содержит имена Камилла и Леркари и дату 1411 г.⁶⁰ (по наблюдению Паоло Стринги модуль фасада здания имеет формы и размеры, присущие гражданскому строительству того времени в заморских поселениях Генуи).⁶¹ Каждый альберго владел *лоджией* — общественным местом, в котором протекала жизнь клана.

⁵⁶ *Oderico G.L.* Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche sullo stato geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa ed altri luoghi della Crimea posseduti un tempo da'Genovesi, e spiegazione de'monumenti liguri quivi esistenti. Bassano, 1792, p. 133-134.

⁵⁷ Акты принятия в альберго середины XV в.: *Niccolai F.* I consorzi nobiliari, p. 135-139, doc. №№ XI, XII.

⁵⁸ О Генуе как типе урбанистической общности: *Poleggi E.* Genova // Storia d'Italia. Torino: Einaudi, 1976, vol. 6 "Atlante", p. 263-272 (Parte III: Le città da immagine simbolica a proiezione urbanistico).

⁵⁹ О церкви Сан Лоренцо: *Salvi G.* La cattedrale di Genova // Italia sacra II (1932), p. 848-849.

⁶⁰ Лоджию как место, в котором сосредоточивалась жизнь альберго, и надпись упоминает Л. Бельграно: *Belgrano L. T.* Della vita privata dei genovesi. Genova, 1866, p. 19-20. Большинство лапидарных надписей собраны М. Ремондини и опубликованы после его кончины Л. Бельграно – *Remondini M.* Inscrizioni medioevali della Liguria. Genova, 1874 - 1887 // ASLSP, vol. XII.

⁶¹ *Stringa P.* Genova e la Liguria nel Mediterraneo, p. 101, fig. 72.

Территорию альберго составляли площадь и выходящие на нее лоджия, носящая историческое название *dei Camilla*, и возведенная в начале XIII в. частная церковь Сан Паоло иль Веккьо, принадлежавшая альберго Камилла, а также и прилегающие к площади дома — все это образовывало *контраду*, первичную социально-пространственную и церковно-приходскую единицу города, которая называлась *contrata illorum de Camilla*.⁶²

В самом по себе наличии частной церкви нет ничего необычного. Однако частные церкви при домах ведущих семей генуэзских альберго (возведенные, по большей части в конце XII — начале XIII вв. над подворьем — *fondaco* и над *domusculta della casata*)⁶³ для Италии были своего рода исключением. Они представляли собой церкви *частных приходов*, которые учреждались по инициативе мирян,⁶⁴ а не архиепископа (что более соответствовало бы нормам канонического права).⁶⁵

Происхождение этой привилегии в Генуе непосредственно связано с родом Камилла. В 1216 г. глава консортерии Симоне ди Анджелерио Камилла подал папе прошение с просьбой помочь преодолеть

⁶² *Poleggi E.* Le contrade delle consorterie nobiliari a Genova tra il XII e il XIII secolo // *Urbanistica. Rivista trimestrale, organo ufficiale dell'Istituto Nazionale di Urbanistica* 42-43 (1965), p. 16 ("Mappa indicativa dei fattori urbanistici tra i secoli XII e XIII"), p. 20.

⁶³ "Domusculta: Praedium domo ad commanendum colonis apta instructum: nos *Ferme* vocamus" — *Ducange C.* Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1884, t. 3, p. 177.

⁶⁴ *Moresco M.* Le parrocchie gentilizie genovesi // *Scritti di Mattio Moresco.* Milano, 1959, p. 5-7 (1-е изд., Torino, 1901).

⁶⁵ См.: *Muratori L.A.* De paroeciis et plebibus // *Muratori L.A.* Antiquitates italicae mediae aevi. Mediolani, 1742, t. VI, coll. 359-446, diss. 74; *Nardi L.* Dei parrochi, opera di antichità sacra e di disciplina ecclesiastica. Pesaro, 1829-1830, t. 1-2; *Friedberg (Ruffini).* Trattato di diritto ecclesiastico cattolico ed evangelico. Torino, 1893; *Corazzini G.* La parrocchia nel diritto italiano. Storia, legislazione, dottrina, giurisprudenza. Torino, 1900; *Zorell S.* Die Entwicklung der Parochialsysteme bis zum Ende der Karolingerzeit. Mainz, 1901, особо S. 27-28, 53-62; *Карсавин Л.П.* Очерки религиозной жизни в Италии XII - XIII вв. СПб., 1912, с. 492-520 (гл. XIII "Религиозные организации мирян"); *Jemolo A.C.* Parrocchia e parroco // *Enciclopedia Italiana* 26 (1935), p. 404-405; *Forchielli G.* Pieve // *Enciclopedia Italiana* 27 (1935), p. 357; *Boyd C.E.* Tithes and parishes in medieval Italy. The historical roots of a modern problem. Ithaca; New York, 1952, p. 47-74, 154-164; Le istituzioni ecclesiastiche della "societas christiana" dei secoli XI - XII. Diocesi, pievi e parrocchie. Atti della VI settimana internazionale di studi, Milano, 1-7 settembre 1974. Milano, 1977 (Miscellanea del Centro di studi medievali. VIII); *Pistarino G.* Diocesi, pievi e parrocchie nella Liguria medievale (secoli XII-XV) // *Pievi e parrocchie in Italia nel basso medioevo (secoli XII-XV).* Atti del Convegno di storia della Chiesa in Italia, Firenze, 21-25 settembre 1981. Roma, 1984, vol. 2, p.625-676; *Coccolmerio F.* Il concetto di parrocchia // *La parrocchia e le sue strutture.* Bologna, 1987, p. 35-53; *Bo V.* Storia della parrocchia. Roma, 1990, vol. 3, passim.

препятствия, на которые наталкиваются каноники ближайшей церкви Санта Мария делле Винье в их попытках создать в пределах их юрисдикции частный приход с церковью.⁶⁶ “Дело в том, — писал генуэзец римскому понтифику, — что гражданские распри в Генуе затянулись так надолго, что стало невозможно без опасности для жизни добраться до упомянутой ближайшей церкви, причем не только мирянину, простому прихожанину, но и каноникам этой церкви, поэтому пришлось возвести частный храм рядом с его [Симоне] домом (*iuxta palatium nostrum loco ubi dicitur hortus*).⁶⁷ Церковь Сан Паоло или Веккьо указанный Симоне основал раньше, в 1208 г., а актом учреждения частного прихода с дозволения главы римско-католической церкви в 1216 г. начинает свое самостоятельное существование упомянутая *contrata illorum de Camilla*, и известно, что в 1248 г. альберго Камилла имел в контраде дома, портик и церковь,⁶⁸ в 1295 г. Теодозιο Камилла основал монастырь Санта Кьяра.⁶⁹

О происхождении рода Камилла рукописные “Известия о нобильских лигурийских фамилиях” сообщают: “Камилла, генуэзские нобили и старинные граждане, ведут свое происхождение из Рима, сперва они переехали жить в Альбенгу,⁷⁰ а затем в 990 году пришли жить в город Геную — так читаем в одной эпитафии во Дворце Республики в Савоне.⁷¹ Под 650 г. в “Истории Милана”, написанной Кориа,⁷² в житиях архиепископов Милана читаем, что в этом году архиепископом Милана был Джованни ди Камилла, прозванный Добрым, который затем, сотворив при жизни своей многие чудеса, был канонизирован, как читаем в вышесказанной истории, и который —

⁶⁶ Отсутствие в источнике точной даты не позволяет установить, к какому именно папе было направлено прошение, поскольку Иннокентий III скончался 16 июля этого года, а 18 июля был избран Гонорий III.

⁶⁷ "Notizie di chiese ed opere pie di Genova", raccolte da N. Perasso – ASG, ms. 839, c. 339-340.

⁶⁸ Poggi E. Le contrade delle consorterie nobiliari, p. 20.

⁶⁹ Borlandi A. Camilla, Gentile // DBI XVII (1974), p. 210; в 1299 г. папа Бонифаций VIII приобрел право на этот монастырь у Джероламо и Теодозιο Камилла (Grillo F. Origine storica delle località e antichi cognomi della Repubblica di Genova. Comuni, frazioni, parrocchie e loro eventuali controversie dal 958 al 1797. 2ª ed. Cornigliano [Genova], 1960, p. 105).

⁷⁰ Альбенга - городок на лигурийском побережье юго-западнее Генуи (некогда центр исторической области Ингаунья), в котором сохранился самый значительный раннехристианский памятник Лигурии – баптистерий VI в. с драгоценными мозаиками. См.: Marcenaro M. Il battistero paleocristiano di Albenga. Le origini del cristianesimo nella Liguria marittima. Genova, 1993, особенно с. 61-86 раздел II, посвященный истории города; а также мою аннотацию – СВ 59 (1997), с. 329-331.

⁷¹ Савона – город на лигурийском побережье западнее Генуи, с 1191 г. – свободная коммуна, затем по договору 1251 г. перешла под власть Генуи.

⁷² Coria, Bernardino. Storia di Milano / a cura di E. De Magri. Milano, 1855.

по утверждению Джованни Франческо Беллоццо — был генуэзским нобилем”⁷³

В рукописи, из которой извлечена приведенная выдержка, перечислены имена многочисленных представителей рода Камилла, служивших Генуе с конца XII в. до конца XV в. нобиллями при подеста, советниками коммуны, анцианами, послами, капитанами эскадр, исполняли многие другие ответственные выборные должности.

Открывают перечень имена Анджело и его сына Новеллоне, от имени коммуны присягнувших соблюдать мирный договор, заключенный в 1188 г. с пизанцами. Симоне, упомянутый выше как основатель частной церкви и ходатай перед святым престолом о создании частного прихода, в 1199 г. был одним из восьми нобилей (*rector Januae*) при подеста Генуи⁷⁴ и командовал эскадрой, совершившей удачный рейд к берегам Сицилии, благодаря которому были освобождены из замка многие генуэзские узники; в 1210 г. он был консулом республики. Оттобоне был консулом в 1211 г. Тот же или другой Оттобоне (отождествление одноименных лиц зачастую представляет трудности, особенно при отсутствии в источнике указания “*sud*” — “*вышеназванный*”) был в 1231 г. капитаном эскадры галер, в 1238 г. — одним из восьми нобилей при подеста Генуи, в 1259 г. — одним из послов к папе. Гульельмо был в 1262 и 1263 гг. членом совета старшин (анцианов). Пьетро состоял советником при командующем генуэзским флотом Симоне Грилло в

⁷³ “*Camilla, nobili et antichi cittadini genovesi tranno origine da Roma, et andarono ad habitare in Albenga, et poi vennero ad habitare alla città di Genova l'anno del 990 cosi si legge in uno epitafio etc.*” (“*Notizie de famiglie nobili liguri*” [secoli XII-XVII] — ASG mb 169, с. 124r.). Об Иоанне Камилла, архиепископе Милана 649-2.01.660 гг.: *Gams P.B. Series episcoporum ecclesiae catholicae. Ratisbonae, 1873, p. 795.* Роду Камилла посвящен также раздел в рукописном сборнике генеалогических древ генуэзского нобилитета “*Alberi genealogici della nobiltà genovese*” — ASG mb 439, с. 152v-153r. Много сведений содержится в биографических статьях: *Petti Balbi G. Camilla, Franceschino da* (DBI 17, p. 206-209), *Borlandi A. Camilla, Gentile* (DBI 17, p. 209-210). См. также: *Battilana N. Genealogie delle famiglie nobili di Genova.* Bologna, 1971 (перепеч. издания 1825-1833 гг.); *Scorza M.G. Le famiglie nobili genovesi.* Genova, 1924; *Federici F. Abecedario delle famiglie nobili genovesi* [рукопись XVIII в.] — Genova, Biblioteca Franzoniana; *Ganduccio E. Origine delle famiglie nobili genovesi* [рукопись XVIII в.] — Genova, Biblioteca universitaria, ms. В VIII. Родовое имя Камилла встречается в херсонесской эпиграфике: на мраморной плите с посвяительной надписью 185 г., хранящейся в Херсонесском музее в Севастополе, упомянут “*T(itus) Aur(elius) T(iti) f(ilius) Cam(ilia) (tribu) Secundus...*” (*Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического.* М.: Наука, 1983, с. 37-38, № 9); но возможно ли установить, существовала ли какая-нибудь связь — через века — между генуэзскими и херсонесскими Камилла?

⁷⁴ *I Libri Jurium della Repubblica di Genova / a cura di A. Rovere.* Roma, 1992, vol. I, t. 1, p. 374, № 258.

1264 г. и был одним из восьми нобилей при подеста Генуи в 1266 г. Пьерино был одним из послов к королю Франции для организации похода в святую землю в 1267 г.⁷⁵

Эдоардо Гренди распределил генуэзские альберго по четырем группам, основываясь на числе и значении входивших в них семей: “1) четыре большие фамилии — Дория, Спинола, Фиески, Гримальди; 2) большие альберго — Каттанео, Джентиле, Ломеллини, Сальваго, Пинелли; 3) средние альберго — Чентурионе, Грилло, Имперiale, Италиано, Леркари, Марини, Негро, Чибо, Вивальди, Негрони; 4) малые альберго — Мари, Кальви, Чигала, Камилла, Паллавичино, Скварчафико, Узодимаре, Серра, Колонне...”.⁷⁶ В первой половине XV в. — в период, интересующий нас в связи с солдайской надписью, содержащей имя Франческо де Камилла, в альберго Камилла входили пять семейных ячеек (это число сохраняется и в налоговых списках 1465 г.).⁷⁷

Альберго был из числа *малых*, но его члены были полноправной частью генуэзской политической элиты и на протяжении веков деятельно участвовали в политической и общественной жизни коммуны.⁷⁸ Заметное участие Камилла принимали и в экономической деятельности: в таблице “Число нобилей некоторых альберго, обложенных налогом в разные годы”, составленной Э. Гренди, под 1356–1364 гг. указано от 16 до 37 членов этого альберго, под 1414 г. — 14, под 1446 г. — 11.⁷⁹

С самого начала освоения черноморских берегов лигурийцами, которые составляли большую часть латинян в крымских колониях, генуэзцы были там представлены именами нобилей и из наиболее крупных альберго: Негро, Маллоне, Дория, Спинола, Грилло, Сальваго, Чигала,⁸⁰ и из малых. Среди деятельных искателей и тружеников фортуны и среди администраторов в заморских и в том числе крымских колониях (отдаленность которых от метрополии требовала особого искусства ведения дел и управления)⁸¹ достойно представле-

⁷⁵ См.: *Grillo F.* Origine storica..., p. 55, 62, 99, 105, 630, 632; *Giustiniani M.* Gli scrittori liguri. Roma, 1667, p. 155, 161.

⁷⁶ *Grenzi E.* La repubblica aristocratica dei genovesi, p. 70.

⁷⁷ *Borlandi A.* Camilla, Gentile, p. 209.

⁷⁸ *Grenzi E.* La repubblica aristocratica dei genovesi, p. 54-55, 72-73.

⁷⁹ *Grenzi E.* La repubblica aristocratica dei genovesi, p. 77.

⁸⁰ *Balard M.* Les génois en Crimée aux XIIIe et XIVe siècles // Αρχαιον Ποντου 35 (1979), pp. 201-217, особ. p. 209 (Труды конгресса "Black Sea", Birmingham, 18-20.03.1978); *Gourdin Ph.* Prosopographie génoise en Méditerranée occidentale, d'après les registres de douane // Colloque international "Méthodes d'expansion et techniques de domination dans le monde méditerranéen (XIe - XVIe siècles), Toulouse, 21-23 mai 1991.

⁸¹ См.: *Lopez R.* Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938; *Revelli P.* Colonie genovesi al tempo del massimo splendore della Dominante.

ны члены альберго Камилла. Их имена часто встречаются в актах генуэзского нотариуса Ламберто ди Самбучето, составленных в Каффе в 1289–1290 гг. (Accelinus, Luchinus, Precivalis, Petrus),⁸² в актах, составленных на о. Хиос (Dominicus)⁸³ и в других местах латинской Романьи⁸⁴ — вплоть до архивных материалов второй половины XV в., относящихся к Крымской Газарии периода между падением Константинополя в 1453 г. и взятием турками генуэзских поселений в Крыму в 1475 г.

Наглядно представить себе характер деятельности Камилла позволяют две биографии членов этого рода: Франческино (20-е гг. XIII в. — рубеж XIII/XIV вв.) — активного деятеля коммуны, участника крестового похода Людовика IX Святого в Тунис в 1270 г., и Джентиле (1-я половина XV в. — август 1503 / февраль 1504 г.) — консула Каффы в 1466–1469 гг.

В жизнеописании Джентиле для нас важны перипетии его консулата. В феврале 1466 г. он был избран на должность, 28 июня получил наказ, из Генуи выехал в середине июля, после чего четыре месяца добирался до Крыма сушей (из-за опасности морского пути), оберегаемый в пути по Европе охранной проезжей грамотой, данной

Genova, 1938; *Saraceno P.* L'amministrazione delle colonie genovesi nell'area del Mar Nero dal 1261 al 1453 // *Rivista di storia del diritto italiano* 42-43 (1969-1970), p. 182-186; *Buongiorno M.* L'amministrazione genovese nella "Romania". Legislazione, magistratura, fisco. Genova, 1977; *Astuti G.* Le colonie genovesi del Mar Nero e i loro ordinamenti giuridici // *Studi in memoria di Federigo Melis.* Napoli, 1978, vol. 1, p. 301-336; *Forchieri G.* Le colonie nella legislazione del comune et populus Januae // *Miscellanea di storia italiana e Mediterraneo per N. Lamboglia.* Genova, 1978; *Balard M.* Les formes militaires de la colonisation génoise (XIIIe-XVe siècles) // *Castrum* 3. Guerre, fortification et habitat dans le monde méditerranéen au Moyen Age. 1988, p. 67-78, 88; *Forchieri G.* L'ordinamento genovese delle colonie // *Dibattito su famiglie nobili del mondo coloniale genovese nel Levante.* Atti del Convegno di Montoggio, 23 ottobre 1993. Genova, 1994, p. 26-35 (Accademia Ligure di scienze e lettere. Monografie, IX).

⁸² *Balard M.* Gènes et l'Outre Mer. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289-1290. Paris, 1973, passim.

⁸³ *Argenti F.* The occupation of Chios by the Genoese and their administration of the island, 1346-1566. Cambridge, 1958, vol. III, p. 599, № 128.

⁸⁴ *Canale M.G.* Della Crimea. Genova, 1855, vol. 1, p. 352 (Leo, Caffa 1398); *Balard M.* 1) La Romanie génoise (XIIIe - début du XVe s.). Rome, 1978, t. 1 - 2, passim (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome. Fasc. 235; ASLSP. Nuova serie, vol. 18 (92), fasc. 1), 2) Gènes et l'Outre-mer. T. II: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponza 1360. Paris; La Haye; New York, 1980, pp. 70-71, № 31 (École des hautes études en sciences sociales. Documents et recherches sur l'économie des pays byzantins, islamiques et slaves et leurs relations commerciales au moyen age. T. XIII) — (Camilotus), 3) Péra au XIVe siècle: Documents notariés des archives de Gènes // *Les Italiens a Byzance.* Pairs, 1987, p. 18-19, №№ 8, 9 — (Andriollus, Callinus, 1318).

от имени папы Павла II. В Каффе Джентиле пробыл 26 месяцев, из которых в течении тринадцати одновременно исполнял должности провизора и массария, заложил в этой колонии некое сооружение, от которого осталась плита с датой “MCCCCLXVIII”, упоминавшаяся выше; в феврале 1469 г. он еще оставался в Каффе, но уже в апреле 1470 г. находился в Генуе.⁸⁵

Отождествление исторического лица: исторический контекст. Жизнеописания Франческино и Джентиле Камилла опубликованы в фундаментальном просопографическом своде “Словарь биографий итальянцев”. Сведения о Франческо де Камилла в нем отсутствуют, что нуждается в объяснении в силу значения альберго Камилла в жизни Генуи и ее заморских поселений и послужного списка этого лица, важное место в котором занимает консулат в Солдайе.

Послужной список Франческо де Камилла с учетом данных новонайденной надписи: в 1426 г. был консулом и кастелланом Солдайи, затем, согласно упоминавшимся рукописным “Известиям”, в 1448 г. был одним из уполномоченных по делам аварий (*fu de Partitori Nobile di avarie*) — магистратуры очень важной для Генуи, зависевшей от морской торговли, в 1450 г. и 1459 гг. был членом совета старшин (*fu Antiano*).⁸⁶ На состоявшемся 5 мая 1457 г. в Генуе собрании пайщиков Банка св. Георгия, управлявшего тогда генуэзскими колониями, его кандидатура была предложена для избрания на должность консула Каффы и одобрена собранием — учитывая опыт, приобретенный им при исполнении должности в Солдайе. Но Франческо де Камилла от баллотировки отказался, возможно, ссылаясь на возраст, и протекторам Банка пришлось подбирать другие кандидатуры.⁸⁷

Все исторические лица, упомянутые в очерченный период времени под именем Франческо, могут быть с достаточной уверенностью отождествлены как один персонаж. Это подтверждается тем, что в “Известиях” при этом имени во всех указанных случаях стоит приписка *вышеназванный* (*sud^o = suddetto*).

При сплошном просмотре соответствующих архивных материалов за 1420-е гг. в фондах Archivio Segreto, Massariae Caffae, Litterarum, Diversorum и др. в Государственном архиве Генуи не удалось отыскать имени Франческо де Камилла или записей о назначении его консулом.⁸⁸ Какое объяснение может быть сочтено удовлетвори-

⁸⁵ А. Борланди уточняет сведения, приводимые А. Винья, на которые опиралась Е.Ч. Скржинская (*Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri, 1453-1475 // ASLSP, vol. VII/1 (1871), p. 429; Skrzinska E. Inscriptions, p. 69*).

⁸⁶ “Notizie di famiglie nobili liguri”, с. 125r-v.

⁸⁷ *Vigna A. Codice diplomatico // ASLSP, vol. VI (1868), p. 731 doc. CCCXLIV, p. 733, doc. CCCLXVI; vol. VII/2 (1879), p. 771.*

⁸⁸ В занятиях в Государственном архиве Генуи мне оказали содействие советами и дружеским участием д-р Карло Битосси, директор Архива, д-р А. Ассини и д-р Э. Бассо, а также проф. Роберто Синигалья из Департамента

тельным в ответ на вопрос, почему единственным источником, содержащим сведения об этом факте, оказывается лапидарный эпиграфический памятник — каменная плита с гербами и надписями?

Поиски объяснения приводят к необходимости углубиться в политическую обстановку в Генуе того времени. Эта задача существенно облегчается работой, проделанной Э. Бассо в исследовании “Генуя: империя на море” в разделе, который автор назвал “Трудное управление колониями”.⁸⁹ Филиппо Мариа Висконти, герцог Милана, сделавшись со 2 ноября 1421 г. синьором Генуи, оказался перед лицом незнакомой ему административной ситуации в Лигурии и на колониальном Леванте. До того времени миланская политика сосредоточивалась на итальянских делах, и своим предшествующим политическим опытом Висконти не был подготовлен к решению труднейших задач колониального управления. Волей неволей, в первые годы владения Генуей герцог оказался вынужден полагаться на местную политическую элиту.

На третий год своего правления в Генуе, начиная с 1424 г., герцог стал вмешиваться в назначения на должности колониальных администраторов, через посредство постановлений губернатора, поставленного им для управления коммуной. Э. Бассо, проанализировав состав должностных лиц, назначенных на административные должности в заморские колонии в 1424 г., пришел к важным для нас заключениям. Во-первых, многие должности, в том числе ключевые, такие, как капитанат Фамагусты и консулат Каффы, в этом году остались вакантными, и, во-вторых, миланский герцог начал использовать в собственных целях сложившееся к тому времени в Генуе обыкновение предоставлять (жаловать) должности в уплату долгов коммуны частным лицам для возмещения издержек, которые эти лица понесли при выполнении государственных поручений.

Э. Бассо приводит извлеченный им из архива казус, который представляется чрезвычайно важным для решения вопроса о консуле Солдайти 1426 г. Генуэзский канцелярий Тома ди Креденца (Thoma de Credentia) получил в 1426 г. сроком на два года должность консула Солдайти, которая была предоставлена ему в возмещение издержек, понесенных им ранее при исполнении посольства в Венецию.⁹⁰ Консулат в колониях был доходным кормлением. Упомянувшийся Джентиле де Камилла на время исполнения им должности консула Каффы получил от протекторов Банка

истории Генуэзского университета, без чьего гостеприимства мне едва ли удалось бы с такой пользой позаниматься в генуэзских архивах, библиотеках и музеях.

⁸⁹ *Basso E.* Genova: un impero sul mare. Cagliari, 1994, p. 151-166: "La difficile amministrazione delle colonie" (Consiglio nazionale delle ricerche. Istituto sui rapporti italo-iberici, Cagliari. Collana di studi italo-iberici, 20).

⁹⁰ О дипломатической деятельности генуэзцев: *Olgiati G.* Diplomatici ed ambasciatori della Repubblica nel Quattrocento // *La Storia dei Genovesi.* Genova, 1991, vol. XI, p. 353-374.

св. Георгия, управлявших в те годы колониями, доходы от пастбищ, лесов и обжига древесного угля в округе Каффы, которыми он мог пользоваться как непосредственно, так и через своего сына Николо.⁹¹

Т. ди Креденца должен был сменить на должности консула Солдайи Джованни де Монтальдо, о назначении которого имеется архивная запись от 27 апреля 1424 г.⁹² Что касается истории с возмещением понесенных Т. ди Креденца при посольстве в Венецию издержек, то она разворачивалась неспешно. Начавшись в ноябре 1424 г., когда Дж. де Монтальдо прослужил в должности в Солдаие всего несколько месяцев, это дело продолжалось в течение всего периода его консулата, вплоть до того времени, когда пришло время назначать ему преемника, о чем свидетельствуют записи в регистрах за 1424–1426 гг.⁹³

Э. Бассо привлек внимание к этому случаю, увидев в нем характерный пример того, как государство расплачивалось с исполнителем за службу путем предоставления ему прибыльной должности в заморской колонии, поэтому в своих работах он отправляет к той предпоследней записи с упоминанием Т. ди Креденца в конце регистра за 1426 г., которая, собственно, и отвечает его задаче.⁹⁴

Между тем, в начале этого регистра имеется запись от 6 января, из которой явствует, что той ночью в своих палатах Якопо, кардинал св. Евстахия, исполняющий должность миланского губернатора Генуи,⁹⁵ твердо памятуя, что в феврале прошлого [1425] года он избрал и утвердил досточтимого мужа Тома де Кредентиа консулом, капитаном, кастелланом и *ministerium officialem*⁹⁶ Солдайи со всеми служебными обязанностями, которые обычно вменяются исполнителю должности на этом месте и каковые в предыдущее избрание были возложены на Джованни де Монтальдо, желает и стремится к тому,

⁹¹ Borlandi A. Camilla, Gentile, p. 209.

⁹² "MCCCCXXIII die XXVII aprilis. Illustris et magnificus dominus dominus gubernator Januensis etc. et egregii domini collatores officiorum quorum hoc sunt nomina. Electio officialium: <...> ad consulatum et cetera off(it)ia Soldaie – Joh(ann)em d(e) Montaldo dudu(m) p(re)se)ns electu(m)<...>" / ASG AS DCJ, reg. 508, anno 1424, c. 70v.

⁹³ ASG AS DCJ, reg. 508, anno 1424, c. 144v; reg. 509, anno 1425, cc. 30v, 32r, 40v, 62r, 71v, 79r, 143r; reg. 510, anno 1426, cc. 3v-4v, 49v, 97v-98v, 116r.

⁹⁴ Basso E. 1) Pirati e pirateria a Genova nel Quattrocento // La Storia dei Genovesi. Genova, 1991, vol. XI, p. 330, 2) Genova: un impero sul mare, p. 153.

⁹⁵ Якопо Изолано (Jacobus Insulanus, или de Insulanis, cardinalis diaconus Sancti Eustachii с 1426 г.; сконч. 9 февраля 1431 г.) – Eubel C. Hierarchia catholica medii aevi. Monasterii, 1898, t. 1, p. 48.

⁹⁶ Мне не удалось подобрать удовлетворительный русский эквивалент латинскому названию этой должности, даже опираясь на фундаментальные работы Ш. Дюканжа и Д. Ниермайра, в которых столь тщательно прослежено употребление и значение слов *minister* и *officialis* (Du Cange C. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1885, t. 5, p. 395, t. 6, p. 35; Niermeyer J.F. Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976, p. 683, 736-737).

чтобы его обещание, данное упомянутому Тома, было прочным и нерушимо соблюдено. Документ, названный в тексте *наказом* (*commissio*), составил и удостоверил нотариий Якопо Брачелли, канцелярий коммуны (*Jacobus de Bracellis publicus imperialis auctoritate notarius et communis Janue cancellarius*)⁹⁷ в присутствии Катанео де Изоланис (вероятно, родственника кардинала-губернатора) и самого Тома.

Текст документа вызывает некоторые недоумения, не все из которых можно надеяться рассеять на основе имеющихся источников, и ставит некоторые вопросы, не на все из которых предоставляется возможность ответить. Прежде всего неясно, почему составители документа ограничились столь коротким и составленным в общей форме текстом и почему при этом назвали его наказом, ведь обычно наказ представлял собой в той или иной мере подробный статейный список. Трудно объяснить, даже чрезвычайной занятостью участников, и ночное время, которое было выбрано сторонами для составления наказа официальному представителю коммуны в заморской колонии. Остается непонятной и ссылка составителей на порядок назначения и полномочия Джованни де Монтальдо, а не на многолетнюю практику и сложившийся на ее основе законосообразный порядок ведения подобного рода дел. Поэтому в поисках объяснения двойного казуса Т. ди Креденца — Ф. де Камилла приходится обратиться к предположениям из другой области, опираясь на известные факты и знания о генуэзской действительности того времени.

Ясно, что миланский губернатор Генуи в феврале 1425 г. обещал канцелярию коммуны Томмазо ди Креденца возместить расходы по исполнению посольства в Венецию, отношения с которой веками отводилось важнейшее место и в генуэзской, и в миланской политике, но дело, по не установленной причине, затянулось до января следующего года. Можно предположить, что к тому времени, когда пришла пора подбирать и назначать очередных преемников колониальным администраторам, канцелярий начал проявлять признаки нетерпения, при этом едва ли основной причиной этого можно считать неотложную потребность в деньгах, поскольку канцелярий коммуны получал достаточное содержание. Вытекает следующее предположение: не потому ли он настаивал на исполнении обещания губернатора, что сам был связан определенной договоренностью с неким лицом, по отношению к которому должен был соблюсти условия этой договоренности?

Не следует ли допустить, что Т. ди Креденца, согласившись на подобный способ возмещения издержек — консулат, напомним, был выгодным кормлением — не собирался действительно отправляться

⁹⁷ Все регистры, указанные выше в сносках 96-97, вел Якопо Брачелли. См.: опубликованный акт принятия в альберго Гримани от 25 октября 1448 г., составленный этим канцелярием (*Niccolai F. I consorzi nobiliari*, pp. 136-139, doc. XII), и его письма — *Balbi G. L'epistolario di Iacopo Bracelli*. Genova, 1969 (*Collana storica di fonti e studi / diretta da G. Pistarino*, 2).

за море исполнять должность, и, вполне вероятно, от него этого не требовалось, и принял он ее с намерением продать? Подобное допущение имеет под собой значительные основания.

На должность консула в заморские колонии (крымские, во всяком случае) коммуна обычно назначала представителя нобильской семьи из определенных альберго (порядок распределения колониальных должностей между альберго — не входит в нашу задачу), а Т. ди Креденца был пополаном.

У Т. ди Креденца, потомственного нотариуса, канцелярия коммуны,⁹⁸ вполне хватало служебных дел в Генуе, не говоря о том, что должность канцелярия занимала важное место в административной иерархии коммуны и была не менее престижна, чем должности в колониальной администрации⁹⁹ (в 1383 г. Леонардо Монтальдо, а в 1394 г. Антонио Монтальдо были избраны дожами).¹⁰⁰ Ему, канцелярию, было поручено важное посольство в Венецию в связи с тем, что последняя в ходе своей экспансии на Терраферму вплотную приблизилась к миланским владениям. В Генуе его удерживали и собственные дела: в записи от 20 июня 1425 г. он назван патроном галей (*patrono delle galee*)¹⁰¹.

Итак, в первые десятилетия XV в. не было редкостью предоставление должностей в заморских колониях как форма *альтернативного* (по выражению Э. Бассо) возмещения расходов и вознаграждения за заслуги перед коммуной. Полученную таким образом должность не требовалось обязательно отправлять лично, а вполне можно было уступить ее заинтересованному лицу. Подобный образ действий выглядел в глазах генуэзского общества если не законным, то вполне укладывающимся в представления обычного права — при условии, что приобретающий должность, также как и продающий, имеет статус генуэзского гражданина.

⁹⁸ Об *Anthonius de Credentia, notarius et cancellarius comunis Janue: Buongiorno M.* L'amministrazione genovese nella "Romania", p. 333; об участии Антонио и его отца Конрада в подготовке и оформлении генуэзско-византийского договора 1352 г.: *Медведев И.П.* Договор Византии и Генуи от 6 мая 1352 г. // ВВ 38 (1977), с. 161-172 (формула "*Ego Anthonius de Credentia quondam Conradi publicus imperiali auctoritate notarius*").

⁹⁹ *Costamagna G.* Il notaio a Genova. Tra prestigio e potere. Roma, 1970 (Studi storici sul notariato italiano, 1); *Kedar B. Z.* The Genoese notaries of 1382: the anatomy of an urban occupational group // *The Medieval City*. New Haven; London, 1978, p. 73-94; *Balard M.* La Romanie génoise, p. 518, табл. 26; *Savelli R.* 1) La cancelleria genovese nel Quattrocento // *Ricerche storiche* 19 (1989), p. 585-610, 2) Le mani della Repubblica: la cancelleria genovese dalla fine del Trecento agli inizi del Seicento // *Studi in memoria di Giovanni Tarello*. Napoli, 1990, p. 541-609.

¹⁰⁰ См.: *Forcheri G.* Doge, governatori, procuratori, consigli e magistrati della Repubblica di Genova. Genova, 1968, *passim*.

¹⁰¹ ASG AS DCJ, reg. 509, anno 1425, c. 71v.

[Ясности ради необходимо отметить, что в отношении подобного статуса применительно к исполнителям колониальных должностей существовала правовая неопределенность: так, в “Положении о кафинском консуле” от 30 августа 1319 г. указывается, что “*генуэзцем считается тот, кто или является генуэзцем (sit Januensis) или рассматривается в качестве такового (tractetur pro Januense), или если два-три достойных доверия лица клятвенно подтвердят, что данное лицо родом из Генуи, с [генуэзского] побережья или округа (oriundus de Janua, riperia vel districtu), или что генуэзцем был его отец, и он сам себя таковым считает (se tractaverit et habuerit pro Januense)*”¹⁰²].

Вплоть до рассматриваемого времени указанный обычай действовал в виде частных соглашений между продавцом должности и ее покупателем, которые коммуна молчаливо одобряла. Через год, в 1427 г., коммуна пошла на административный эксперимент — не исключено, что поводом для него послужило дело Т. ди Креденца. Была учреждена особая магистратура из восьми членов, ведавшая продажей должностей от имени государства (*Octo regulatores seu venditores officiorum*). Однако, она просуществовала недолго и в марте 1428 г. была упразднена как не оправдавшая себя — генуэзское общество не одобрило вмешательства государства в область обычного права.¹⁰³

Соглашение между заинтересованными сторонами о купле-продаже государственной должности носило частный характер и могло быть заключено в виде устного любовного сговора. В данном случае речь шла о должности, очень важной для интересов коммуны, и можно предполагать, что соглашение было оформлено документально. В пользу подобного предположения говорит также высокая нотариальная культура и то, что губернатор Якопо Изолано был доктором *обоих прав* и профессором Болонского университета (“*utriusque juris doctor et professor Bononiensis*”).¹⁰⁴ Поэтому вполне вероятно, что в нотариальных книгах одного из генуэзских нотариев, работавших в канцелярии коммуны (возможно, упомянутого Якопо Брачелли), может отыскаться запись нотариального акта, содержащего условия продажи полученной Т. ди Креденца должности в Солдайе некоему покупателю. Покупателем, вероятнее всего, стал Франческо де Камилла. Он и должен был сменить в должности консула Джованни де Монтальдо, приняв у него дела по прибытии в Солдайо (из Генуи или из Каффы?).¹⁰⁵

В обоснование этой мысли приведем ряд соображений *за* и *против*.

¹⁰² *Imposicio officii Gazarie // Monumenta historiae patriae. Т. 2: Leges municipales, pars 1, 1838, col. 383.*

¹⁰³ *Basso E. Genova: un impero sul mare, p. 155-156.*

¹⁰⁴ *Eubel C. Hierarchia catholica, p. 32*

¹⁰⁵ Вероятность того, что плита была заказана и изготовлена в отсутствие консула, который мог и не добраться до поселения, едва ли имеет под собой основания.

За: налицо определенная логика развития исторического действия. *Против:* доказательных документальных подтверждений факта соглашения не отыскано.

За: датированная 1 мая 1426 г. лапидарная надпись с именем (Франчес)ко де Камилла содержит две должности — *consul* и *castellanus*. *Против:* в наказе Т. ди Креденца, составленном ночью 6 января 1426 г., указаны четыре: *consul, castellanus, capitaneos, minister officialis*.

За: допустимо, что стороны непосредственно пришли к соглашению за год до этого дня, в феврале 1425 г. заручившись словом кардинала-губернатора.

Против: не следует полностью исключать и вероятность того, что должность была приобретена через посредника. Находился ли Ф. де Камилла в это время в Генуе и принимал личное участие в достижении договоренности, после чего отправился в Крым, или в это время он занимался своими делами в Каффе или другой колонии — неизвестно. Других членов альберго Камилла, которые в этот период жили и работали в Каффе или в Солдае, в литературе и картотеке Лигурийского общества отечественной истории не отмечено.¹⁰⁶

Против: доступными тогда средствами и путями — преимущественно морем, было трудно послать в Крым известие о том, что соглашение достигнуто, с таким расчетом, чтобы оно достигло места назначения к обозначенному на плите времени. *За:* при благоприятной погоде это было возможно, поскольку генуэзские статуты запрещали плавание судов в Черное море только с 1 декабря по 15 марта (М. Балар считает, что навигация генуэзских судов в Черном море прерывалась только на несколько недель в январе — феврале).¹⁰⁷

Несмотря на сомнения и возможные возражения, представляется достаточно обоснованным предположение, что Тома ди Креденца уступил должность именно Франческо де Камилла — единственному члену альберго Камилла, чье имя можно в этот период связать с Крымом. На основании свидетельства лапидарного эпиграфического и геральдического памятника считать его консулом и кастелланом Солдаи 1426 г., пополнив таким образом перечень консулов генуэзской Солдаи.¹⁰⁸

Заключение. Ответы — и то лишь предположительные, нашлись лишь на немногие вопросы.

Задавшись вопросом, всегда ли и в каких случаях можно рассчитывать на доказуемость привязки определенной лапидарной

¹⁰⁶ Картотеку любезно предоставил председатель общества проф. Л. Пунчух.

¹⁰⁷ *Promis V. Statuti della colonia genovese di Pera // Miscellanea di storia italiana. Torino, 1870, t. IX, p. 762; Balard M. La Romanie génoise, t. 2, p. 576-585.*

¹⁰⁸ См.: *Vigna A. Codice diplomatico // ASLSP, vol. VII/2 (1879), p. 906-912 (перечень открывается с 1454 г.); Balard M. La Romanie génoise, t. 2, p. 904 (перечень доведен до 1410 г.).*

надписи к определенному сооружению, можно предположительно считать, что, разумеется, не всегда, но вот в каких случаях?

Остается невыясненным, какими соображениями руководствовались генуэзцы, отмечая или не отмечая то или иное сооружение плитой с памятной надписью.

Нет свидетельств того, как лишились своих мест плиты, впоследствии найденные археологами вне своих гнезд, так же как и того, кто их стронул с места.

На вопрос о сходстве и различии надписей по содержанию и по исполнению, и от чего это могло зависеть, четкого объяснения пока не предложено (хотя в некоторых работах содержится ряд стимулирующих соображений).

Очевидно, что наши знания и представления о средневековых лапидарных источниках вообще и крымско-генуэзских в частности, находятся в аналитической (предмонографической) стадии. Остается надеяться, что по достижении фондом источников (лапидарных, письменных и др.) должной репрезентативности и статистической достаточности, придет время синтеза.

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ УЧ-БАШ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ¹

Синхронизация материальных комплексов отдельных этапов, выделенных в археологических культурах, существующих в широком хронологическом диапазоне, всегда вызывала серьезные трудности. Это касается и соотнесения в рамках культуры, к которой они принадлежат, на уровне синхронизации разных поселенческих комплексов, и, особенно, корреляции поселенческих и погребальных памятников. Таким же нелегким заданием является и синхронизация отдельных комплексов с определенными памятниками или их слоями других культур региона. При этом вопросы синхронизации представляются нам ключевыми в построении схемы сложения того или иного типа материальной культуры с последующим выходом на этап исторических реконструкций.

Данная статья представляет публикацию и хронологическое определение материала одного из комплексов поселения Уч-Баш в юго-западном Крыму времени поздней бронзы — раннего железа. Материалы раскопок этого памятника кроме находок из довольно насыщенного культурного слоя содержат ряд комплексов материальных остатков из многочисленных хозяйственных ям и нескольких построек, относящихся к разным хронологическим периодам, большая часть которых перекрыта более поздними отложениями как антропогенного, так и природного характера. Исключительное стратегическое положение поселения — на господствующей высоте, на скальном выступе с неприступными отвесными обрывами до 15 м высотой, позволяет говорить об уникальности памятника той эпохи в регионе. Следует также заметить, что при рассмотрении условий формирования кизил-кобинской культуры юго-западного Крыма нельзя не учитывать материалы Уч-Баша, публиковавшиеся и анализировавшиеся достаточно скудно [Лесков 1965, с. 20; Крис 1981; Колотухин 1996, с. 56, рис. 43, 44]. В монографии А.М. Лескова этому памятнику посвящено полстраницы текста, причем часть приводимой автором инфор-

¹ Поселение Уч-Баш исследовалось в 1952-1953 гг. экспедицией Херсонесского музея под руководством С.Ф. Стржелецкого. Материалы исследования так и не были введены в научный оборот. Это очередная работа, представляющая материал поселения Уч-Баш. Первая была посвящена публикации и анализу керамики постройки 1 этого поселения [Кравченко 2004, с. 52-66]. Э.А. Кравченко выражает глубокую благодарность профессору Института классической археологии Техасского университета Дж. Картеру (г. Остин, США) за всестороннюю поддержку исследования материала этого памятника, своим коллегам из Херсонесского заповедника за помощь в ознакомлении и обработке коллекций, а так же лично ст. н. с. О.Я. Савеле за ценные советы и пояснения при работе с материалом.

мации не соответствует источникам, на которые он ссылается. Так, в тексте указывается, что жилища Уч-Баша были “совершенно одинаковой конструкции” [Лесков 1965, с. 20], в то время, как материалы отчета свидетельствуют о двух наземных (каркасно-столбовая и каркасно-глинобитная) постройках и одной полуземлянке. Описание постройки 1 неточное, ямы разного назначения располагались не только возле жилищ, как указывается в тексте, но и были врезаны в их заполнение, не говоря о том, что на раскопе II 1953 г. было прослежено более 20 ям, но ни одного жилища. Стратиграфические наблюдения учтены не были. Материалы поселения, особенно прорисовки сосудов, представленные на рис. 2 [Лесков 1965, с. 21] монографии не идентифицируются ни с материалами коллекции, ни с фотографиями отчета. Наибольшее количество находок с поселения представлено в работе Х.И. Крис [Крис 1981, табл.]. Но материал на рисунках, помещенных в монографии, также с большим трудом идентифицируется с реальными вещами. Причем наиболее характерное искажение — это несоответствие диаметра и высоты сосуда, то есть основных параметров классификации Х.И. Крис. На рисунках некоторые сосуды несколько вытянуты и сужены, другие гипертрофированно расширены. Орнаментация прорисована схематично и выглядит примитивно. В работе В.А. Колотухина поселению Уч-Баш отведен один абзац [Колотухин 1996, с. 56]. Материал этого памятника в монографии не рассматривается, автор принимает точку зрения других исследователей, в том числе А.М. Лескова и Х.И. Крис, и делает вывод о возможном существовании поселения в VI — V вв. до н.э. на основе находок керамики с врезным геометрическим орнаментом. При этом остается неясным, на какие именно материалы он ссылается. На рисунках, иллюстрирующих материал Уч-Баша, представлены несколько очень искаженных прорисовок целых сосудов, на самом деле являющихся реконструкциями, несколько целых сосудов, поиски которых в коллекции были сопряжены со значительными трудностями, а также один сосуд с поселения Ашлама-Дере [Колотухин 1996, рис. 44: 5; Крис 1981, табл. 16: 4], непонятным образом отождествленный с уч-башским материалом, и чаша с погребения 1 кургана 12 Симферопольского водохранилища, нарисованная с искажениями и приписанная сразу двум памятникам — Уч-Башу и погребениям Симферопольского водохранилища [Колотухин 1996, рис. 44: 10; Колтухов 1999, с. 82, рис. 2: 7]. Таков скудный итог изучения коллекции этого уникального памятника.

Основные принципы и методика изучения, применимые на рассматриваемом материале Уч-Баша, нацелены на типологическое и хронологическое определение отдельных комплексов поселения и их синхронизацию, как в рамках поселения, так и с другими комплексами Крыма и Северного Причерноморья. Такой подход предполагает перемещение основного акцента в изучении памятника с его этнической и культурной принадлежности на более детальное изучение отдельных этапов его существования, что представляется нам чрезвычайно важным

в сложившейся ситуации, связанной с изучением как древностей предскифского периода [Дараган 2004, с. 211–216, Кашуба 2000, Махортых 2003], так и корреляции хронологических схем скифского времени по отношению к древней истории античных памятников.

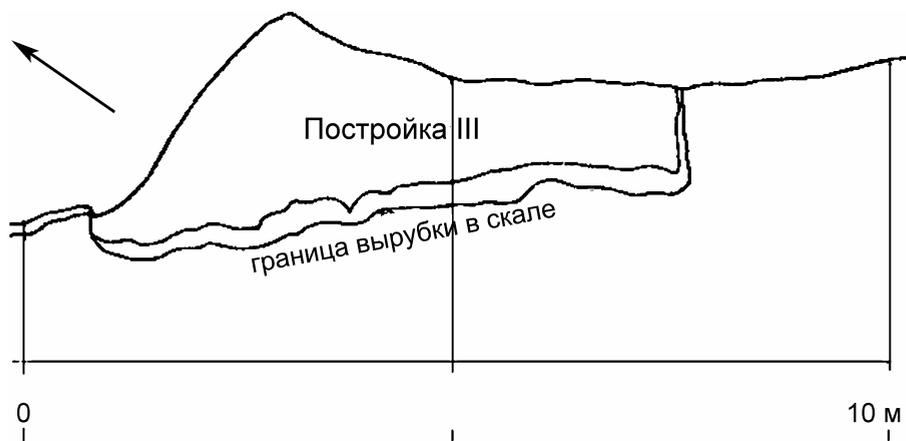

Рис. 1. План постройки 3 поселения Уч-Баш (по материалам отчета С.Ф. Стржелецкого).

Среди других комплексов поселения существенно выделяется постройка 3, сохранившаяся лишь частично (рис. 1) [Стржелецкий д. 690/1, л. 47–54; д. 690/1а, 690/1б, 1321]. Доподлинно установлена длина только одной ее стороны — 6,50 м, другая же открыта на длину 1–1,60 м и заканчивается обрывом, образовавшимся в результате разрушения скалы взрывом. Постройка была углублена в материковую скалу на 0,30–0,50 м, в отличие от двух других построек, являющихся наземными конструкциями. Зольный слой с археологическим материалом, лежавший непосредственно на полу постройки, перекрывался мусорным заполнением окопов времен Крымской войны, поэтому о характере перекрывавших его древних слоев ничего не известно. Тем не менее, отсутствие видимых повреждений в виде трещин и уцелевшая стратиграфия позволяют считать данный комплекс не нарушенным. При зачистке зольного слоя было сделано большое количество находок в основном керамических сосудов и их фрагментов, а также каменного оселка, глиняного пряслица, каменного шарика, подвесок из раковин “cardium”, костей животных, раковин мидий и большого количества фрагментов стеной обмазки со следами выгоревших прутьев. Под зольным слоем был открыт глиняный пол, залегавший непосредственно на материковой скале. В отчете указывается, что пол был обожжен и на сохранившихся участках имел ярко-красный цвет, а в местах, где его гладкая поверхность была сорвана — черный. Автор раскопок указывает на то, что постройка погибла в пожаре, о чем свидетельствует и мощный зольный слой непосредственно на полу, и следы вторичного воздействия высокой температуры на керамике из этого слоя [Стржелецкий д. 690/1, л. 47, 48].

Фондовая коллекция, хранящаяся в Национальном заповеднике “Херсонес Таврический” содержит в основном реставрированные формы столовой керамики [Стржелецкий д. 686, колл. № 36346]. К сожалению, из кухонной керамики, найденной в помещении 3, в коллекции сохранилось только две стенки кухонных горшков, в то время как в отчете упоминается четыре или пять развалов таких сосудов. Но даже при таком положении вещей коллекция керамики рассматриваемого комплекса представляет огромный интерес.

В соответствии с разработанной нами для материала поселения Уч-Баш методикой типологического анализа, основывающейся на производственно-технологических критериях, вся керамика из постройки 3 относится к группам типов А1 и В1 [Кравченко 2004, с. 59]. Сосуды, принадлежащие к этим группам, лепились из теста бурого цвета, хорошо промешанного и обожженного, с примесью песка, толченой ракушки, для нелощенных сосудов — крупнозернистого песка и дресвы и ложились или заглаживались по светлому ангобу (подкладке) или без него.

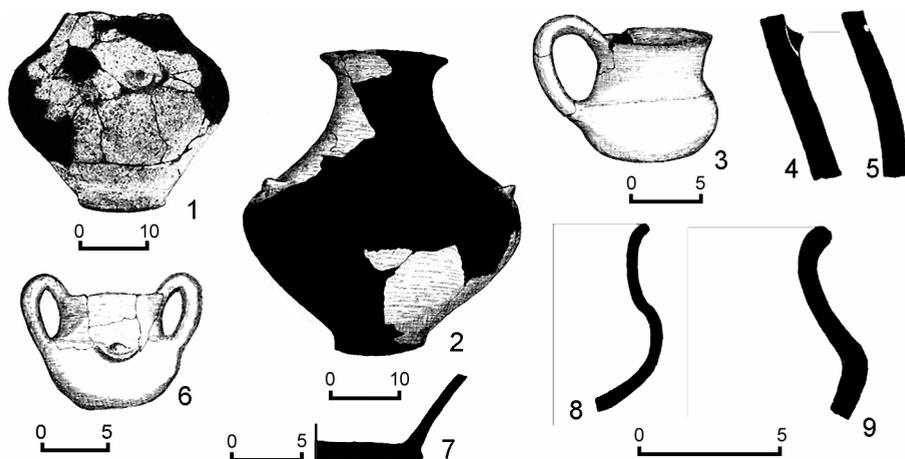

Рис. 2. Керамика из постройки 3.

Нелощенная (кухонная) керамика (группа типов В1) представлена двумя фрагментами стенок от разных сосудов (рис. 2: 4, 5; 3: 1, 2). Сосуды были ангобированы по внешней поверхности светлым хорошо отмученным и промешанным тестом. В силу фрагментарности источника формы сосудов установить не представляется возможным. Орнаментация одного фрагмента выполнена налепным валиком под шейкой сосуда с перекрещивающимися и диагонально нисходящими концами (рис. 2: 4; 3: 1). В материале Уч-Башского поселения, а также других памятников раннего этапа кизил-кобинской культуры такая орнаментация встречается довольно часто [Колотухин 1996, рис. 24: 1, 5; 26: 15]. Орнамент на втором фрагменте, представленный палочными вдавлениями под шейкой сосуда (рис. 2: 5; 3: 2), широко известен на керамике эпохи поздней бронзы — раннего железа и в силу фрагментарности источника более точной датировке не поддается.

ся. Налепные орнаментальные валики под горлом с одним или двумя опущенными концами появляются в крымских культурах еще в эпоху поздней бронзы [Колотухин 2003, рис. 52: 3, 12; 58: 4]. Довольно долгое их бытование в разных культурах объясняется, вероятно, общим архаизмом, присущим кухонной керамике в целом, эта же черта во многом является культуроспецифической с точки зрения этногенеза.

Лощеная (столовая) керамика (группа типов А1) представлена классическим набором: корчаги, черпаки, кубки, миски, чашки (рис. 2: 1–3, 6–9; 3: 3–13). Все виды и типы сосудов относятся к группе типов А1: изготовлены из бурого хорошо промешанного теста с добавлением песка, крупнозернистого песка (для крупных форм), толченой ракушки. На поверхностях сосудов, не пострадавших от вторичного воздействия высокой температуры, сохранилось хорошее лощение. Они имеют розово-желтый или оранжевый цвет внешней или обеих поверхностей, иногда с серыми пятнами, являющимися следствием неравномерного обжига. Стенки сосудов, особенно малых форм, достаточно толстые. Приемы орнаментации всех сосудов демонстрируют полное отсутствие каннелированного и врезного орнамента, при использовании рельефного: налепов и пальцевых вдавлений. Форма сосудов, приемы орнаментации и обработки поверхностей, толщина черепка и менее тщательное моделирование при формовке резко отличаются керамический комплекс из постройки 3 от комплексов построек 1 и 2 этого же поселения, что свидетельствует об асинхронности этих комплексов.

Корчаги представлены двумя реконструированными экземплярами и одним донцем (рис. 2: 1, 2, 7). Форма обоих сосудов приближается к биконической, внешние поверхности покрыты хорошим лощением по слабому ангобу бежево-розового цвета без следов лощила. Внутренние поверхности заглажены. Полностью восстановленная корчага (рис. 2: 2) имеет отогнутый венчик, суженное высокое горло, расширяющееся и плавно переходящее в широкое тулово, имеющее наибольший диаметр несколько ниже середины высоты сосуда, резко сужающееся к узкому донцу, имеющему наименьший диаметр сосуда. На переходе плеча в тулово корчага орнаментирована коническими налепами (тремя), под которыми нанесено по одному миндалевидному вдавлению. Корчаги таких типов известны на памятниках гальштатского круга, известны их находки и на территории Украины. В культуре Бабадаг они датируются фазой Бабадаг III [Topoleanu, Jugănaru 1995, fig. VI: 3, 4], в культурах полей погребений дунайского региона они появляются несколько раньше и доживают до НаС и скифского времени [Patek 1968, s. 90]. Известна находка сосуда подобного типа в погребении кургана возле с. Глеваха, но этот сосуд имеет ярко выраженное ребро на переходе от плеча к тулову, что является более поздней чертой [Тереножкин 1954, с. 80–97] и вполне согласуется с датировкой погребения VII в. до н.э. К позднему скифскому периоду относят подобные сосуды из погребений Северного Причерноморья Петрово-Свистуново и Спасской оросительной систе-

мы [Мелюкова 1979, с. 66, рис. 20: 1, 2], подобная биконическая корчага с налечами на плече известна среди инвентаря могильника Мезёчат [Махортых 2003, рис. 64: 2].

Вторая корчага реконструирована не полностью (рис. 2: 1). Горло и венчик у этого сосуда отсутствуют. Орнаментация сохранилась на переходе плеча в тулово в виде трех одинарных шишковидных налепов и полуциркульного налепного валика под налепом-шишкой. Более сложный вариант такого орнамента известен на фрагментах стенок корчаг постройки 1 этого же поселения, датированной НаВ2 [Кравченко 2004, рис. 8: 3, 5], подобный орнамент встречается на фрагментах из ям 3 и 65 Уч-Баша и ямы 2 соседнего поселения Сахарная Головка [Стржелецкий д. 681, 684], полную аналогию дают несколько фрагментов стенок с орнаментом поселения Кизил-Коба [Колотухин 1996, рис. 26: 27, 28].

Генезис сосудов данного типа, несомненно, восходит к гальштатским культурам. Круг приведенных аналогий указывает на датировку временем НаС, вероятно, раннюю его фазу около 800–750 гг. до н.э. [Тереножкин 1976, с. 206, Дараган 2005, с. 283–290].

Черпаки/кубки помещения 3 представлены 8-ю целыми и археологически целыми экземплярами и двумя фрагментами (рис. 2: 3, 6, 8, 9; 3: 3–8). Все сосуды сделаны из бурого теста, хорошо промешанного и обожженного, с примесями песка, крупнозернистого песка и толченой ракушки. Формы без следов пребывания в пожаре сохранили хорошо залощенную внешнюю поверхность желтого или оранжевого цвета. Стенки сосудов, особенно черпаков, достаточно толстые. Обращает на себя внимание полное подобие формы одноручных черпаков и их одинаковая орнаментация (рис. 2: 3; 3: 5–8). Все они имеют высокую шейку при слегка отогнутом венчике, выраженное ребро на переходе плеча в расширенное сферическое, приземистое тулово и округлое дно, или имеющее омфал, или слегка вогнутое по центру. Орнаментация представлена пальцевыми вдавлениями (от трех до пяти) под ребром на стенке, противоположной ручке (рис. 2: 3; 3: 5–8), в одном случае дополнена парными вдавлениями под ребром на двух других диаметрально противоположных сторонах сосуда (рис. 3: 8). Два археологически целых кубка (рис. 3: 3, 4) также приближаются по форме к черпакам, с той разницей, что они имеют более короткую шейку и не орнаментированы. Характеристикам этого типа отвечают и оба фрагмента черпаков или кубков этого комплекса (рис. 2: 8, 9). Фрагменты с подобным орнаментом происходят из ям 5 и 7, постройки 2 и слоев над постройкой 1 Уч-Башского поселения [Стржелецкий д. 680]. Близкие аналогии, а именно профилировку и орнаментацию, черпакам из постройки 3 предоставляет материал одного из поселений у с. Непоротове на среднем Днестре [Крушельницкая 1985, с. 109–111, рис. 33: 1, 6–10] с тем лишь исключением, что непоротовские черпаки на ручке имеют роговидный выступ. Л.И. Крушельницкая [1985 с. 111] связывает их появление на памятнике с восточнобалканскими культурами или группой Сахарна-Со-

лончены, однако, указывая, что черпаки без выступов на ручке встречаются в слоях среднего периода поселения.

Близкий по форме к уч-башскому сосуд найден в погребении кургана 98 Б у с. Парканы [Махортых 2003, рис. 36: 18]. Подобная форма черпаков и кубков начинает превалировать в культурах восточнобалканского круга с появлением памятников типа басараби. На поселении Бабадаг аналогичные уч-башским формы появляются в комплексах, относимых к фазе III одноименной культуры, также ощутившей сильное влияние культуры басараби [Morintz 1987, p. 52; Topoleanu, Jugănaru 1995, fig. VIII: 2–4]. В материале Бабадаг III также встречаются ближайшие аналогии двуручному черпаку (рис. 2: 6) постройки 3 [Morintz 1987, fig. 9: 10, 12, 14]. Однако по форме он ближе к уч-башским, следует также отметить, что его орнаментация аналогична орнаменту корчаги (рис. 2: 1) из этого же комплекса. Такой круг аналогий подтверждает датировку временем HaC, самым его началом.

Миски и чашки представлены пятью экземплярами (рис. 3: 9–13). По тесту и манере изготовления они не отличаются от черпаков и кубков. Лощение выполнено по тесту без ангобирования. Форма сосудов округлая, с ровно срезанной закраиной и округлым дном с омфалом или вдавлением по центру. Две представленные в комплексе миски орнаментированы налепами. Одна имеет парный налеп с диаметральной отверстием на венчике (рис. 3: 10). Вторая орнаментирована налепом с внешней стороны закраины, не выступающим над ней, парным налепом в виде опущенных от закраины вниз валиков на противоположной стороне сосуда и одиночными опущенными вниз от закраины валиками по двум диаметрально противоположным сторонам (рис. 3: 9). Подобная орнаментация на мисках и чашках присутствует в материале комплексов ям 4, 5, 44, 65, слоях над постройкой 1 Уч-Башского поселения и ямы 2 поселения Сахарная Головка [Стржелецкий д. 680, 681, 684, 690/]. Чашки не имеют орнаментации (рис. 3: 11, 12). Миски и чашки подобной формы распространены очень широко как в гальштатских культурах, так и в культурах Северного Причерноморья и Предкавказья. Небольшие вертикально опущенные от закраины отрезки валика встречаются на керамике культур каннелированного гальштата, а также предскифских и раннескифских памятниках украинской лесостепи [Patek 1968, taff. XCVII: 16, Крушельницька 1976, рис. 37: 16; 1985, рис. 34: 31, Смирнова 1984, рис. 6: 7]. В Крыму такая орнаментация на мисках кроме нескольких комплексов Уч-Баша встречается на материале поселений Кизил-Коба и Дружное I [Колотухин 1996, рис. 26: 18, 23; 31: 10], причем среди материала Кизил-Кобы имеются полные аналогии. Вероятно, это поселение содержит хронологический горизонт, синхронный постройке 3 Уч-Баша.

Отдельно выделяется миниатюрная чашечка конической формы, нелощенная, непропорционально вылепленная, с омфалом на дне (рис. 3: 13). Автор раскопок предполагал, что это детская игрушка [Стржелецкий д. 690/л, л. 50, 51]. Однако в культурах каннелированного гальштата та-

кие чашечки встречаются главным образом в составе инвентаря погребений на довольно широком хронологическом промежутке [см. напр.: Patek 1968, taff. XVI: 1–10, XXI: 1–25; Стоянов 1997, табл. V: 41–46], что позволяет предположить их некую обрядную функцию.

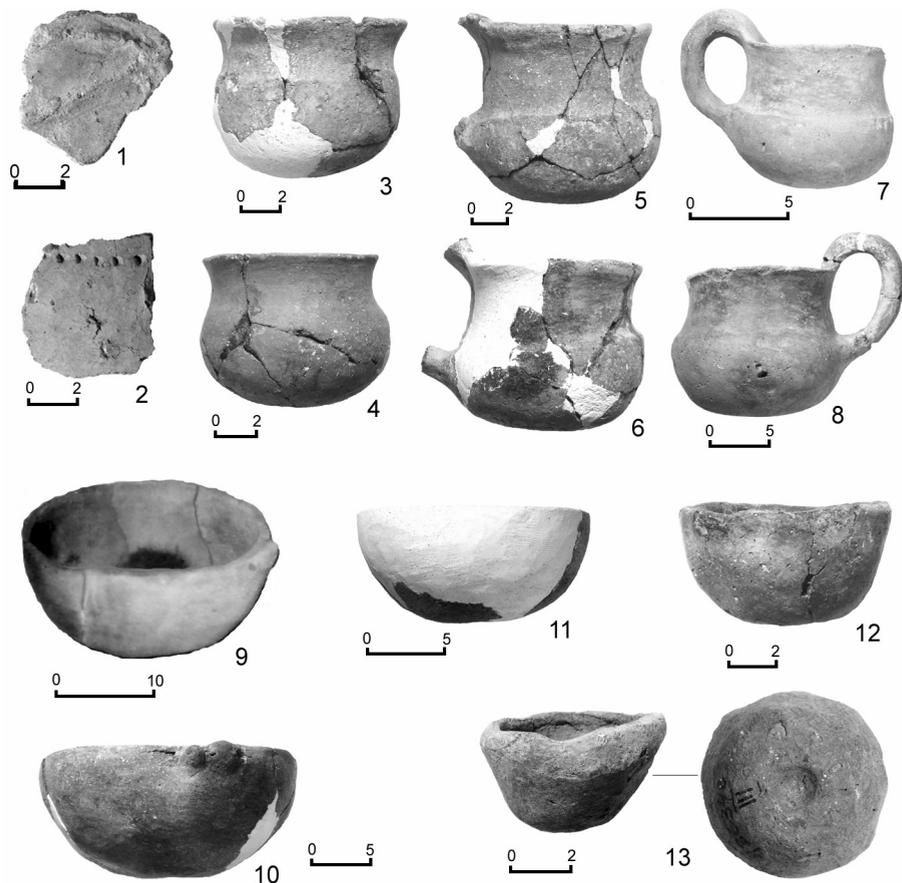

Рис. 3. Керамика из постройки 3.

К датирующим вещам материала постройки 3 относится также сильно пострадавший в пожаре каменный оселок подпрямоугольной формы с отверстием на конце, сверление которого не было закончено (инв. № 17/36346). Такие оселки характерны для ранних черногоровских погребений, но продолжают встречаться и среди инвентаря среднего (переходного) этапа черногоровской культуры по О.Р. Дубовской [1996, с. 115–118, см. рисунок; Махортых 2003, рис. 2: 2; 11: 11; 21: 9].

Вся совокупность аналогий к материалу постройки 3 позволяет предложить датировку этого комплекса в пределах начального этапа НаС. В пределах Уч-Башского поселения данный комплекс синхронизируется по особенностям орнаментации на керамике с керамическими комплексами шести ям (ямы 5 и 7 — на основе полных аналогий; ямы 3, 4, 44 и 65, возможно, прекратили существование несколько ра-

нее, а так же яма 2 поселения Сахарная Головка с идентичным материалом), фрагменты сосудов представленных типов встречаются также в материале верхних слоев, перекрывавших остатки постройки 1, и среди материала постройки 2, не являющейся закрытым комплексом.

Как показывает материал, существенные различия в материальной культуре и, прежде всего, в керамическом комплексе разных этапов кизил-кобинской культуры не позволяют распространить на нее этноним “тавры”, впервые употребляемый в античных источниках Геродотом в V в. до н.э., которым следует именовать население только реально синхронного колонизации этапа. При этом следует все же допускать временное сосуществование предыдущего и вновь инфильтрованного населения по обособленным ландшафтными зонам, что вполне уместно для горной местности.

Хронологические построения, сделанные во второй половине XX в., констатировали серьезные изменения в керамическом комплексе этой культуры в середине VII в. до н.э. при сохранении связующего звена, представленного отдельными типами сосудов, имеющими широкую хронологию. Но при этом кардинально изменяется характер орнамента и техника нанесения орнамента: исчезает рельефный и налепной орнамент, а на его смену приходит врезной геометрический. Такое изменение орнаментики стало камнем преткновения для нескольких поколений исследователей. Х.И. Крис, которой принадлежит наиболее важный вклад в типологизацию и хронологическое определение кизил-кобинской керамики, сделав вывод о пришлое извне импульсе при таком качественном изменении окраса материальной культуры, объяснила его привнесением в Крым скифскими кочевыми племенами, которые заимствовали керамику у населения лесостепи [Крис 1981, с. 52–56]. Безусловно, скифы, как и другие кочевники, сыграли важную роль в изменении материальной культуры региона, но нельзя согласиться с выводом о привнесении исключительно керамики без изменения в этническом составе населения, поскольку именно посуда и, прежде всего, технологические приемы и орнаментика являются наиболее выразительными этническими показателями.

Материал поселения Уч-Баш представляет собой как минимум три хронологических горизонта предскифского времени. Первый, ранний, рассмотрен нами при публикации постройки 1 этого поселения [Кравченко 2004, с. 52–66]. Материал постройки 3, вероятно, маркирует финальную фазу предскифского периода в Крыму, будучи частично синхронным фазе РСК-1 украинской лесостепи [Дараган 2004, с. 111–113]. Он также определяет финал раннего этапа так называемой кизил-кобинской культуры и маркирует то самое изменение в культурных типах, в том числе и керамике, вполне резонно связываемое исследователями с изменением исторической ситуации в причерноморской степи. Следует предположить, что последующее появление подкурганых захоронений вытянуто на спине с широтной ориентировкой в долине р. Салгир связано именно с этими изменениями.

Литература

- Дараган М.Н.* Хронология Жаботинского поселения // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб., 2004. С. 211–216.
- Дараган М.Н.* О финале культуры позднего чернолесья в Среднем Поднепровье // На пошану Софії Станіславівни Березанської (збірка наукових праць). К., 2005. С. 283–296.
- Дубовская О.Р.* Этапы черноговорской культуры (в плане относительной хронологии) // Между Европой и Азией. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. СПб., 1996. С. 115–118.
- Кашуба М.Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // STRATUM plus. 2000. № 3. С. 241–488.
- Колотухин В.А.* Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. К., 1996. 160 с.
- Колотухин В.А.* Поздний бронзовый век Крыма. К., 2003. 136 с.
- Колтухов С.Г.* Курганные погребения раннескифского времени в долине Салгира // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 1999, VII. С. 76–92.
- Кравченко Е.А.* Матеріали доби пізньої бронзи з поселення Уч-Баш // Археологія. 2004. № 4. С. 52–66.
- Крис Х.И.* Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Вып. Д I-7. М., 1981. 147 с.
- Крушельницька Л.І.* Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. К., 1976. 148 с.
- Крушельницька Л.І.* Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. К., 1985. 164 с.
- Лесков А.М.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. К., 1965. 200 с.
- Махортых С.В.* Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. К., 2003. 140 с.
- Мелюкова А.И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979. 256 с.
- Смирнова Г.И.* О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре. На материалах поселения Днестровка-Лука // АСГЭ. № 25. Л., 1984. С. 43–60.
- Стоянов Т.* Могилен некропол от ранножелезната епоха “Сборяново” I. София, 1997. 240 с.
- Стржелецкий С.Ф.* Отчет о раскопках раннетаврского поселения Уч-Баш X — VIII вв. до н.э. Севастополь, 1952 г. // НА НЗХТ. Д. 680.
- Стржелецкий С.Ф.* Коллекционная опись // НА НЗХТ. Д. 674/1.
- Стржелецкий С.Ф.* Отчет о раскопках раннетаврского поселения Уч-Баш. Севастополь, 1953 г. // НА НЗХТ. Д. 690/1.

- Стржелецкий С.Ф.* Дневник и фотографии к отчету // НА НЗХТ. Д. 690/1а.
- Стржелецкий С.Ф.* Дневник // НА НЗХТ. Д. 690/1б.
- Стржелецкий С.Ф.* Черновой материал // НА НЗХТ. Д. 1321.
- Стржелецкий С.Ф.* Коллекционная опись // НА НЗХТ. Д. 686.
- Стржелецкий С.Ф., Веймарн Е.В.* Отчет о работе Инкерманской археологической экспедиции (Сахарная головка). Севастополь, 1952 г. // НА НЗХТ. Д. 681.
- Стржелецкий С.Ф., Веймарн Е.В.* Коллекционная опись // НА НЗХТ. Д. 684.
- Тереножкин О.И.* Курган біля с. Глеваха // Археологія. Т. IX. 1954. С. 80–97.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. К., 1976. 200 с.
- Morintz S.* Hallstattul timpuriu și mijlociu în zona istro-pontică // Thraco-Dacica. 1987. 8. P. 39–68.
- Topoleanu F., Jugănaru G.* Așezarea de tip Babadag de la Niculițel-“Cornet” (Județul Tulcea). Săpăturile de salvare efectuate în 1988 // Peuce. XI. 1995. P. 203–229.
- Patek E.* Die Urnenfelderkultur in Transdanubien. Budapest, 1968. 174 s., 139 taff.

МОНЕТА РЯЗАНСКОГО КНЯЖЕСТВА В КРЫМУ

Среди монет Кырк-Ерского клада осталась не атрибутированной достаточно редкая, а для Крымского полуострова уникальная серебряная монета [Майко 2003, с. 88, рис. 1: 4]. Это денга рязанского князя Ивана Федоровича (1427–1456 гг.)¹. Лицевая сторона монеты, к сожалению, сильно потерта. Тем не менее, можно различить частично сохранившуюся надпись с именем князя, расположенную по краю в виде квадрата². Обратная сторона монеты гладкая и снабжена так называемой “куньей мордочкой”, удостоверяющей правильность монеты (рис. 1). Как известно, эта монета относится к последнему этапу чеканки денги Рязанским княжеством, прошедшей, как и в других русских княжествах, эволюцию от буквенной надчеканки и надчеканки рязанской тамги на золотоордынские дирхемы XV в. [Янин, Янина 1955, с. 109–123], через изготовление подражаний дирхемам с надчеканкой тамги и надчеканки надписи “Печать князя Великого”, к изготовлению собственной денги с тамгой и именем князя³, написанным славянскими буквами [Орешников 1996, с. 74; Федоров-Давыдов 1960, с. 94–192; Янин 1985, с. 370]. Однако, по справедливому замечанию патриарха русской нумизматики А.В. Орешникова, и эти монеты перечекаивались из золотоордынских, но арабские надписи умышленно полностью заглаживались, что влияло на уменьшение веса монет [1996, с. 77]. Полные аналогии рассматриваемой монеты неоднократно опубликованы [Орешников 1996, табл. VII, 307, 308; Янин 1985, с. 375, табл. 154: 7].

Трудно сказать, были ли зафиксированы подобные монеты в культурных горизонтах и комплексах поселений и городов полуострова XV в. Эти материалы пока опубликованы чрезвычайно слабо. Однако среди монет наиболее крупных кладов Крыма как второй половины XIV, так и XV в., синхронных Кырк-Ерскому, подобных находок, как и монет Московского и остальных самостоятельных княжеств, обнаружено не было. Вообще находки монет даже

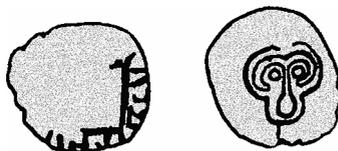

Рис. 1. Монета Рязанского князя Ивана Федоровича (1427–1456 гг.).

¹ Клад хранится в фондах Крымского республиканского краеведческого музея. Учетные номера анализируемой монеты: КП 51418/442; Н 4418. Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность сотрудникам фондов и библиотеки “Таврика” указанного музея за оказанную помощь в работе.

² Из надписи “Князь Великий Иван Федорович” частично различимы только буквы **КН...Ъ...ВЄД...ФЄД**.

³ Как известно, на монетах Рязанского княжества имена деда и отца Ивана Федоровича Олега Иоанновича и Федора Ольговича практически не встречаются [Орешников 1996, с. 73–74].

централизованного русского государства более позднего времени второй половины XV–XVII вв. на полуострове единичны⁴.

Столь уникальная находка заставляет хотя бы бегло обратиться к вопросу о распространении и взаимовстречаемости в кладах серебряной денги чеканки Рязанского княжества и джучидских дирхемов. Основываясь на данных, приведенных Г.А. Федоровым-Давыдовым [1960, с. 94–192; 1963, с. 165–221; 1974; 2003, с. 56] и другими исследователями [Волков 2000, с. 80–82], он имеет закономерные особенности. Так, на территории Среднего Поволжья и Прикамья было обнаружено не менее 7 кладов джучидских дирхемов с русскими монетами XIV–XV вв. По статистическим данным, приведенным Г.А. Федоровым-Давыдовым, количество русских монет в них составляет от 0,1 до 1,0% [1981, с. 21–22]. Исключение составляет клад (г. Тетюши 1907 г.), где из 1515 серебряных дирхемов была одна ранняя монета чеканки Рязанского княжества. Один клад из с. Караульная Гора содержал помимо дирхемов 16 монет Василия II [Мухамадиев 1983, с. 131], а другой, у с. Татарские Измери — одну русскую монету [Мухамадиев 1983, с. 120]. В верхнем течении р. Оки был обнаружен один клад джучидских дирхемов с одной русской монетой и так же один клад у деревни Буханово (1890 г.), где из 129 монет более половины дирхемов составляли ранние экземпляры с надчеканкой рязанской тамги⁵. В этом же кладе встречена и одна собственно рязанская монета. Представляет интерес тот факт, что в этом же регионе недавно было обнаружено поселение, на территории которого было собрано 20 монет XIV–XVI вв. В этой коллекции среди русских монет (только одна из них достоверно принадлежит чеканке Василия II) и дирхемов было зафиксировано две монеты чеканки Федора Ольговича Рязанского (1402–1427 гг.) с надчеканками княжеской тамги [Селезнев, Осипов 2003, с. 181]. На территории самого Рязанского княжества, помимо 8 кладов только русских монет, известно 7 кладов джучидских монет с русскими. Четыре из них состояли в подавляющем большинстве из рязанских подражаний дирхемам с надчеканкой княжеской тамги. Единичными экземплярами были представлены сами дирхемы и дирхемы с надчеканкой “гуньей мордочки”. На двух других кладах необходимо остановиться подробнее. Один из них у с. Молотинцы состоял из подавляющего большинства монет Василия II Темного (616 шт.), 9 монет Василия Ивановича Рязанского и 3 дирхемов [Спасский 1954, с. 193]. Второй, у с. Заполье, очевидно, хронологичес-

⁴ Так, за все годы раскопок средневековой Сугдеи, только в 1970–1972 гг. при исследованиях на территории барбакана были обнаружены 14 монет XVI — XVIII вв., в том числе 6 монет Ивана IV (1533–1584) [Опимах 2004, с. 149].

⁵ Интересно отметить, что в кладах ордынских дирхемов региона т.н. Верховских княжеств и Марийских земель в середине XV в. повышается процент монет, чеканенных в Крыму и Азаке, что по мнению специалистов свидетельствует об усилении торговых связей с Крымом и Азовом [Федоров-Давыдов 2003, с. 57].

ки более ранний — из 46 монет Ивана Федоровича Рязанского, 4 дирхемов с надчеканкой “куньей мордочки” и 4 обычных дирхемов XV в. Еще один клад, хронологически самый поздний, содержал русские монеты Василия II и Ивана III и джучидские дирхемы.

Таким образом, во-первых, совершенно очевидно, что за пределами Рязанского княжества монеты поздней рязанской чеканки, учитывая и современные находки, уникальны и встречаются в единичных экземплярах. Это неоднократно отмечалось и специалистами, указывавшими на то, что в начале XV в. Рязанские земли представляли собой полностью обособленную область распространения монет с надчеканкой в виде “куньей мордочки” [Федоров-Давыдов 1981, с. 25; 2003, с. 56]. К тому же, в Рязанском княжестве, по сравнению с Владимиро-Московским, серебряная монета обращалась по более высокому курсу заключенного в ней серебра [Федоров-Давыдов 1981, с. 149; Цепков 1996]. Во-вторых, исходя из состава кладов с рязанскими монетами, и учитывая нахождение в них монет Василия II и Ивана III, можно высказать предположение, что клады с поздними рязанскими монетами и единичными монетами Василия II Темного могут датироваться периодом до 1453 г., т.е. до смерти Дмитрия Шемяки и окончания феодальной войны внуков Дмитрия Донского. В последние годы правления Василия II его деятельность по унификации московской денежной системы возобновилась. Значительно большее распространение получает московская денга за пределами Московского княжества.

Вопрос о том, как могла попасть в состав клада эта монета, чрезвычайно сложен и, конечно, окончательно никогда решен не будет. Во всяком случае, до момента обнаружения подобных монет на территории Крымского полуострова. В этой связи можно наметить только лишь несколько возможных вариантов исторической разработки этого вопроса и высказать только более или менее обоснованные предположения.

На мой взгляд, исходя из отсутствия какого-либо археологического материала, и общей даты монеты (30-е — начало 50-х гг. XV в.), необходимо обратиться к известным по письменным источникам событиям этого времени, повествующим о связях Крымского полуострова с самостоятельным Рязанским княжеством⁶.

Во-первых, исходя из преобладания в Кырк-Ерском кладе монет, чеканенных при золотоордынском хане Улу-Мухаммеде (не только татаро-генуэзских), можно предположить, что основной период его накопления совпадает с периодами возвышения и упадка последнего и наличие рязанской монеты каким-то образом связано с деятельностью этого хана. Но история этой незаурядной личности, которую можно сравнить с такими известными политиками и дипломатами Восточной Европы как литовско-русский князь

⁶ Предположить, что рассматриваемая монета попала в состав клада в момент его тезаврации, т.е. в 70-е гг. XV в. после того как она вышла из обращения, сложно.

Витовт или московский царь Иван III, противоречива и до сих пор полностью не изучена. Сказывается как минимальное количество письменных источников, так и сложность этого периода “расцвета” феодальной раздробленности в Золотой Орде, да и в Русском государстве.

Большинство исследователей согласно с тем, что время его прихода к власти в Золотой Орде, после годичной смуты, необходимо относить к концу 1421 г. [Бочаров 1999, с. 135⁷]. Однако, уже в 1422 г. он смещен Гияс ад-Дином, уступившем, в свою очередь, золотоордынский трон в этом же 1422 г. Мухаммеду-Бараку⁸. В 1423 г. Улу-Мухаммед, не без помощи великого князя литовского [Греков, Якубовский 1950, с. 411–412], возвращает себе престол⁹, но казанским ханом, уже только номинально подчиненным верховному хану, остается Гияс ад-Дин. В этом же 1423 г. последний на несколько месяцев опять становится общеордынским ханом. В 1424/25 гг. престол опять захватывает Мухаммед-Барак. Только к 1427 г. Улу-Мухаммеду удалось более основательно закрепиться на обще ордынском престоле и хотя бы номинально опять подчинить себе набравшие все большую самостоятельность золотоордынские улусы. Однако ситуация стабилизировалась ненадолго. В 1427/28 гг. престол, и, прежде всего, Крымский улус, захватывает родной брат Гияс ад-Дина Даулет Берды, но в этом же году Улу-Мухаммеду, поддерживаемому крымской татарской знатью и генуэзскими властями [Греков, Якубовский 1950, с. 414], удается вернуть себе общеордынский престол¹⁰. Видимо, и Крымский полуостров в это время подчинялся ему. В этой связи необходимо вспомнить справедливое высказывание А.Ю. Якубовского, согласно которому, начиная с 20-х гг. XV в. каждый крупный из соперничающих ханов Золотой Орды,

⁷ Там же и основные ссылки на соответствующую литературу. Существуют и другие даты начала правления Улу-Мухаммеда. Это либо 822 г.х. = 1419 г. [Mitchiner 1977, p. 153], либо 1418 г. [Еманов 1996, с. 45].

⁸ Интересно отметить, что согласно восточным источникам, в 1423 г. сын Тохтамышша Кепек-хан, бывший в союзе с Гияс ад-Дином, после этого разгрома бежал в сторону Рязани [Греков, Якубовский 1950, с. 411-412].

⁹ Не забывая этого, даже в период разгара междуусобицы в Орде, Улу-Мухаммед, по свидетельству Никоновской летописи, в 1426 г. во время похода Витовта на Псковские земли, послал часть орды для помощи литовскому князю. Для темы нашего исследования представляет интерес тот факт, что согласно Никоновской летописи, в этом же 1426 г. упоминается о походе золотоордынских войск, в том числе и под предводительством старшего сына Улу-Мухаммеда Момотьяка, на Рязанские земли.

¹⁰ Не исключено, что согласно сведений польских источников [Карамзин 1842, прим. № 262], именно Улу-Мухаммед присутствовал в 1430 г. на съезде правителей восточноевропейских и азиатских государств, собранном Витовтом в поддержку его притязаний на корону Великого княжества Литовского и Польши. Вероятно, что там же присутствовал и Иван Федорович Рязанский [Иловайский 1858, с. 207].

особенно Улу-Мухаммед и Саид-Ахмед, пытался не выпускать из своих рук Крыма [Греков, Якубовский 1950, с. 419–420].

В 1431 г. мы вновь сталкиваемся с Улу-Мухаммедом. Именно в этом году состоялся хорошо известный по разным письменным источникам визит в Орду борющихся за московский великокняжеский престол боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского, представителя Василия II, и Юрия Дмитриевича Звенигородского, дяди и противника малолетнего великого князя [Греков, Шахмагонов 1986, с. 255–256]. Как следует из “Владимирского летописца”¹¹ **“В лето 6939. Того же лета князь великий Василий Васильевич да князь Юрьи Дмитриевич спершишя о великом княжении да пошли в Орду ко царю Махмету (Улу-Мухаммеду В.М.). Царь пожаловал, дал великое княжение великому князю Василию Васильевичу”** [Тихомиров 1945, с. 283]. Где находилась в это время ставка великого хана – неизвестно, но в его окружении вполне могли быть как крымские вельможи¹², как и рязанские, поддерживавшие, возможно, как и Иван Федорович Рязанский¹³, Юрия Дмитриевича Звенигородского. На мой взгляд, решать такой важный вопрос как престолонаследие в Владимиро-Московской Руси, хотя и номинально, но зависимой от Золотой Орды, мог только верховный золотоордынский хан, которым и являлся Улу-Мухаммед.

¹¹ По мнению М.Н. Тихомирова это произведение составлено в период 1511–1521 гг. автором близким к митрополичьему московскому двору [1945, с. 278-279].

¹² По данным разных летописных источников известно, что главный советник Улу-Мухаммеда мурза Тегин(я), обещавший поддержать стремление Юрия Дмитриевича Звенигородского на великокняжеский престол, пригласил последнего провести зиму в Крыму.

¹³ Прямых свидетельств такой поддержки нет, но нужно учитывать, что Иван Федорович Рязанский был родным племянником по материнской линии Юрия Дмитриевича Звенигородского. Сохранились два интересных документа, свидетельствующие о такой возможности. Во-первых, речь идет о списке присяжной грамоты, составленной около 1430 г. между великим князем литовским Витовтом и Иваном Федоровичем Рязанским. Документ этот подразумевал поддержку Рязанским князем литовского государя в случае возникновения противостояния с Московским Княжеством **“...А вудеть ли в.к. Витовту съ в.к. съ Василиемъ Вас., какое нелюбие, или съ дядями его, или братьею его, и мне посовляти в.к. Витовту”** [Карамзин 1842, прим. № 261; Иловайский 1858, с. 206-207]. Второй документ – сохранившаяся договорная грамота, прямо свидетельствующая о существовании конкретных договоренностей между Юрием Дмитриевичем и Иваном Федоровичем Рязанским против Василия Васильевича, составленная, очевидно, в период 1433-1434 гг. между первым и вторым захватами дядей Василия Темного великокняжеского престола. Договор, процитированный Д.И. Иловайским гласит: **“...А где ты князь Великий всядешь на конь противъ своего недруга, и мне князю Великому Ивану самому пойтись съ тобою безъ ослушания”** [1858, с. 208]. Правда, договоренности эти быстро нарушались, известны и два договора Ивана Федоровича с самим Василием Темным, составленные как до цитированного выше (1433 г.), так и после (1447 г.) [Иловайский 1858, с. 209].

Однако, уже в следующей летописной записи за 1432 г. читаем, что **“В лето 6940. Выиде князь великий Василий Васильевич из Орды, а с ним посол Улан царев Мансур (Кичи-Мухаммеда)”** [Тихомиров 1945, с. 283–284]. И арабские письменные источники сообщают об избрании верховным ханом Орды в 834 г.х. (1430/31 гг.) Кичи-Мухаммеда [Тизенгаузен 1941, с. 212; Мухамадиев 1983, с. 134]. Не исключено, что его ставка находилась в Крыму [Тизенгаузен 1941, с. 212]. Продолжительное время (1431/32–1437/38 гг.) он с переменным успехом ведет борьбу с Улу-Мухаммедом. До 1433 г., вероятно, именно в зависимости от Кичи-Мухаммеда находился и Крымский полуостров. Так что и здесь, исходя из тех же самых посылок, гипотетически возможны крымско-рязанские контакты. Сложившейся междуусобицей выгодно воспользовался давний, до поры до времени, скрытый противник Гияс эд-Дин. Совместно с литовским князем Сигизмундом, исходя из политики окончательного ослабления Золотой Орды и создания самостоятельного Крымского ханства, они в 1433 г. ставят на Крымский престол Хаджи-Гирея сына Гияс эд-Дина. Но это было пока преждевременное решение, не был учтен еще один важный фактор, да и субъективные и объективные причины не благоприятствовали первому Гирею [Герцен, Могаричев 1993, с. 66]. Несмотря на военные успехи будущего первого крымского хана, в 1434 г. с полуострова он был изгнан новым мощным противником Сеид-Ахметом. Вторая попытка воцарения Хаджи-Гирея в 1437 г., также в разгар войны между Улу-Мухаммедом и Кичи-Мухаммедом, так же закончилась неудачей [Герцен, Могаричев 1993, с. 64]. Саид-Ахмед, соперничая с Кичи-Мухаммедом, продержался в Крыму до 1437/38 гг. или, как считает большинство исследователей даже до 1441/42 г. [Греков, Якубовский 1950, с. 419; Бочаров, 1999, с. 135], т.е. до окончательного воцарения Хаджи-Гирея. Об этом свидетельствует уже упоминавшийся **“Владимирский летописец”**.

Противостояние Улу-Мухаммеда и Кичи-Мухаммеда по свидетельству письменных источников закончилось в 1437 г. изгнанием первого из Дешта. Вынужденный покинуть свою территорию хан, судя по подробному и красочному рассказу т.н. **“Казанского летописца”**, оказывается у пределов Московского государства и по соглашению с Василием Васильевичем какое-то время находится там¹⁴, держа в постоянном напряжении пограничные области Руси. Воспользовавшись предложением и по совету своих бояр, великий князь, в нарушение взятых обязательств, открывает военные действия против Улу-Мухаммеда. Бой состоялся недалеко от города Белева. Вот как его описывает **“Казанский летописец”**¹⁵ **“... Василий Васильевич посла на царя Дмитрея Галецкаго, по реклому Шемяку, и съ нимъ 20000 вооруж-**

¹⁴ Не исключено, что и в районе города Белева в Верховских княжествах.

¹⁵ Цитируется по т.н. списку Московской духовной академии и Соловцовскому списку.

женныхъ вои; послата оба великіе князи Тферскіе и Рязаньстін¹⁶ и по 10 тысячъ своихъ вои” [ПСРЛ Т. XIX, 1903, столб. 216]. В источнике указана четкая дата **лета 6946 декабря въ 5 и день**. Улу-Мухаммед, воспользовавшись несогласованностью действий русских войск, и, возможно, предательством Дмитрия Шемяки, разбил рать Василия Васильевича. То же сообщает и упоминавшийся “Владимирский летописец” **“В лето 6946. Бой был на Белеве с великим князем Василью царю Ахметю¹⁷, грех ради наших повили Русь”** [Тихомиров 1945, с. 285].

А.Ю. Якубовский, основываясь на данных Воскресенской и Софийской второй летописей, считал, что бой под Белевым произошел в 1437 г. в результате которого хану удалось захватить город. Однако в 1438 г. русские войска, собранные Василием II, возле стен города разбили ордынцев [Греков, Якубовский 1950, с. 415]. А.Г. Мухаммадиев, основываясь на данных Воскресенской летописи, так же считает, что этот поход совершил Улу-Мухаммед в 1437 г. [1983, с. 134–135], сумевший после поражения от Кичи-Мухаммеда в этом же году опять собраться с силами и совершить поход на Русь.

Дискуссия об одной или двух битвах под Белевым и их точной дате не является прямой темой этой небольшой работы. Гораздо важнее, что тут происходит столкновение рязанских и ордынских войск, а среди последних могли быть и крымские вельможи. Тем не менее, отметим, что по авторитетному мнению М.Н. Тихомирова, сообщения “Владимирского летописца”, отличаясь от Воскресенской летописи краткостью описания событий первой половины XV в., превосходят ее по точности [1945, с. 279]. Да и предположить, что в год разгрома Улу войсками Кичи-Мухаммеда первый был способен успешно противостоять объединенному русскому войску, маловероятно. Другое дело, что именно с этого времени опять начинается постепенное возвышение это удивительного человека, как птица феникс возрождавшегося после многочисленных поражений. В этом он был очень близок своему современнику, и противнику и союзнику Василию II.

Все письменные источники свидетельствуют о том, что в 1439 г. он совершает поход на Москву¹⁸, не исключено, что в этом участвовала и Крымская орда. Косвенное подтверждение этому находим в “Казанском летописце”, одном из наиболее полных источников, рассказывающих об этих событиях. Так, при подготовке московского похода Улу-Мухаммедом во время основания Казани, начали **ко царю собиратися мнози отъ Златые Орды, и отъ Астрахани, и отъ Азова, и отъ Крыма**” [ПСРЛ Т. XIX, солб. 221]. Основываясь на данных русских письменных источников, специалисты склонны считать, что подготов-

¹⁶ В Румянцевском списке упоминания рязанских князей нет.

¹⁷ Отметим, что в двух других записях “Владимирского летописца” о событиях 1431 и 1439 гг. Улу-Мухаммед назван Махметом.

¹⁸ В “Казанском летописце” сказано “... на другое лето Белевского поконца, 1 июня въ 3 день...” [ПСРЛ Т. XIX, столб. 221].

ка и осада Москвы, как и ход Белевского побоища, не обошлись без помощи Дмитрия Шемяки, боровшегося с Василием II за великокняжеский престол [Греков, Шахмагонов 1986, с. 264].

Последний эпизод, связанный с деятельностью Улу-Мухаммеда, относится к 1445 г. когда он, опять в качестве обще ордынского хана совершает последний поход на Русь [Греков, Шахмагонов 1986, с. 264–265]. В битве на реке Каменке недалеко от Суздаля старший сын Улу-Мухаммеда Момотьяк разбил войска Василия II и взял его в плен, назначив за освобождение большой выкуп. В этом же 1445 г. Улу-Мухаммед, по свидетельству летописи, был убит собственным сыном Момотьяком. В 1446 г. и “Владимирский летописец” и Воскресенская летопись называет золотоордынским ханом уже Момотьяка [Тихомиров 1945, с. 285; Мухамадиев 1983, с. 135].

Для понимания возможного механизма попадания в состав клада рязанской княжеской монеты, важными являются сообщения Никоновской летописи о частых походах на рязанские земли ордынских войск именно во второй половине 30-х гг. XV в. “...Приходиша (в 1437 г.) татарове на Рязань, и украинные села помаша, и возвратишася восвояси. Татарове (в 1439 г.) воеваша Рязань, и много зла учиниша и отгыдоша”. Особо следует отметить эпизод, связанный с походом в 1444 г. на Переяславль Рязанский (столицу княжества в отличие от Рязани Старой) хана Мустафы, названного в Никоновской летописи царевичем. Как известно, он являлся родным братом Хаджи-Гирея, бывшего в это время полноправным крымским ханом [Мухамадиев 1983, с. 135]. Исходя из этого, участие в этом походе части Крымской орды вполне вероятно. Этот поход интересен, прежде всего, тем, что после получения откупа с плененных людей, хан ушел и позже, после вторичного возвращения с мирными целями, был убит. Общеизвестно, что именно с событиями битвы Мустафы с рязанскими войсками впервые упоминаются рязанские казаки, нанимавшиеся на службу не только к рязанскому князю, но и другим князьям. В сентябре этого же 1444 г. состоялся еще один набег татар на рязанские земли. Отголоски этих событий находим на страницах “Казанского летописца”. Так, описывая нестабильное состояние Русского государства, в период вступления на престол сына Василия II Ивана III находим, что молодой царь “... соглядаша всю землю свою очима своими, всюде яздыше. Виде многие грады Руския, старыя, запустеша отъ поганыхъ Рязанская земля и Сиверская Крымским мечемъ погублена” [ПСРЛ Т. XIX, столб. 44].

Таким образом, подводя итог этому историческому экскурсу, можно гипотетически предположить, что рязанская княжеская монета могла быть приобретена собирателем клада, крымским вельможей, в период его походов на Русь в составе Крымской орды либо с Улу-Мухаммедом и Момотьяком (1426, 1437–1438, 1439, 1445 гг.), либо Мустафой, братом Хаджи-Гирея (1444 г.). Перейдя на службу к Хаджи-Гирею, он остался жить в первой столице Крымского ханства и сохранил эту памятную для него монету до зарытия клада.

Литература

- Бочаров С.Г.* Генуэзско-татарские медные монеты Каффы // *Stratum plus*. Время денег. № 6. 1999. С. 130–136.
- Волков И.В.* Русские монеты в кладках Поволжья последней четверти XIV — первой четверти XV в. // *Восьмая ВНК*. Тез. докл. и сообщ. М., 2000. С. 80–82.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Крепость драгоценностей Кырк-Ор Чуфут-Кале. Симферополь, 1993.
- Гомзин А.А.* Сводка монетных кладов, найденных на территории Рязанской области в 1990–1998 гг. // *Труды Рязанского исторического общества*. Вып. III. Рязань, 1999. С. 44–50.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950.
- Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975.
- Греков И.Б., Шахмагонов Ф.Ф.* Мир истории. Русские земли в XIII — XV веках. М., 1986.
- Еманов А.Г.* Начало работы монетного двора в Каффе // *Четвертая ВНК*. Тез. докл. и сообщ. М., 1996. С. 45–46.
- Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1858.
- Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Кн. II. Изд. 5-е. СПб., 1842.
- Каргалов В.П.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1968.
- Майко В.В.* Кырк-ерський скарб XV ст. (попередне повідомлення) // *Археологія*. 2003. № 2. С. 84–100.
- Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII — XV вв. М., 1983.
- Опимах О.Г.* Монети із розкопок Судака в фондах Національного заповідника "Софія Київська" // *Причорноморье, Крым, Русь в истории и культуре*. Киев-Судак, 2004. С. 148–151.
- Орешников А.В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1996 (репринтное воспроизведение издания 1896 г.).
- Полное собрание русских летописей. Т. XIX. СПб., 1903.
- Селезнев А.Б., Осипов И.Н.* Комплекс монет XIV — XVI вв. с поселения у с. Лужки // *Одиннадцатая ВНК*. СПб., 2003. С. 180–181.
- Спасский И.Г.* Русская монетная система. Л., 1970.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М-Л., 1941.
- Тихомиров М.Н.* Из "Владимирского летописца" // *Исторические записки*. Т. 15. М., 1945. С. 278–300.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Клады джучидских монет // *НЭ*. Т. I. 1960. С. 94–192.

- Федоров-Давыдов Г.А.* Находки джучидских монет // НЭ. Т. IV. 1963. С. 165–221.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Московской Руси. Москва в борьбе за независимость и централизованное государство. М., 1981.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
- Цепков А.И.* Писцовые книги Рязанского края XVI в. Т. I. Вып. 1. Экономика Рязанского края в конце XIV — середине XVI вв. по письменным источникам. Рязань, 1996.
- Янин В.Л.* Русские денежные системы IX — XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 354–375.
- Янин В.Л., Янина С.А.* Начальный период рязанской монетной чеканки // Труды ГИМ. Вып. XXV. Нмизматический сборник. Т. II. М., 1955. С. 109–123.
- Mitchiner M.* Oriental Coins and their Values // The World of Islam. Vol. 5. Part I. London, 1977.

СВЕТИЛЬНИКИ ИЗ РАСКОПОК ХРАМА ЮПИТЕРА ДОЛИХЕНА И ВОЕННОГО ПОСТА НА ВЫСОТЕ КАЗАЦКОЙ

Исследования последних лет, проводимые на участке храма Юпитера Долихена (территория современной Балаклавы) и военного поста на выс. Казацкой в окрестностях Севастополя (работы совместной экспедиции Национального заповедника “Херсонес Таврический” и Варшавского университета под руководством О.Я. Савели и Т. Сарновского), позволили собрать интересную коллекцию светильников римского времени, состоящую из 16 предметов. Характерно, что практически все керамические лампы были найдены в хорошем состоянии (целые и археологически целые формы), с сохранившимися элементами декора, что значительно облегчило поиск аналогий. По способу изготовления обнаруженные светильники принадлежат двум основным группам: штампованные (подавляющее большинство находок) и сформованные на гончарном круге.

Первая группа состоит из керамических ламп закрытого вида, для изготовления которых были применены формы. В нашей коллекции имеются штампованные светильники трех типов:

1. Светильник с волютами.

Керамическим лампам, украшенным рельефными волютами, посвящена обширная научная литература; из появившихся в последнее время работ укажем на каталог “Светильники из Херсонеса в Государственном историческом музее” Л. Хршановского и Д.В. Журавлева (на английском языке) и статьи этих авторов в русскоязычных научных сборниках, где приводится полный обзор литературы по светильникам с волютами и дается подробное описание разновидностей этих керамических ламп [Chrzanovski, Zhuravlev 1998, p. 57–69; Журавлев, Хршановски 2000, с. 160–163; 2003, с. 69–79]. В публикуемой нами коллекции этот тип светильников представлен единичной находкой.

Светильник круглой формы, щиток глубоко утоплен и отделен от плечиков глубокой бороздкой. На щитке — изображение идущего вправо Эрота, с алабастром в левой руке и раковиной — в правой. Божество изображено в повороте $\frac{3}{4}$, при этом правая нога Эрота сильно согнута в колене. Оттиск нечеткий; изображение раковины только угадывается. Отверстие для наливания масла немного смещено влево, под левой рукой Эрота. Длинный носик светильника, украшенный волютами, имеет слегка заостренный край, со следами копти. Большая петлевидная ручка, изготовленная в одной форме со светильником, украшена двумя продольными желобками. Дно плоское, с одной кольцевой бороздкой. Светильник покрыт белым ангобом, сверху которого нанесен густой лак неоднородного оттенка: от ярко-оранжевого оттенка до светло-коричневого. Глина светло-коричневая. Размеры: длина — 11,4 см; ширина — 7,3 см; высота — 2,8 см, диаметр щитка — 5,0 см.

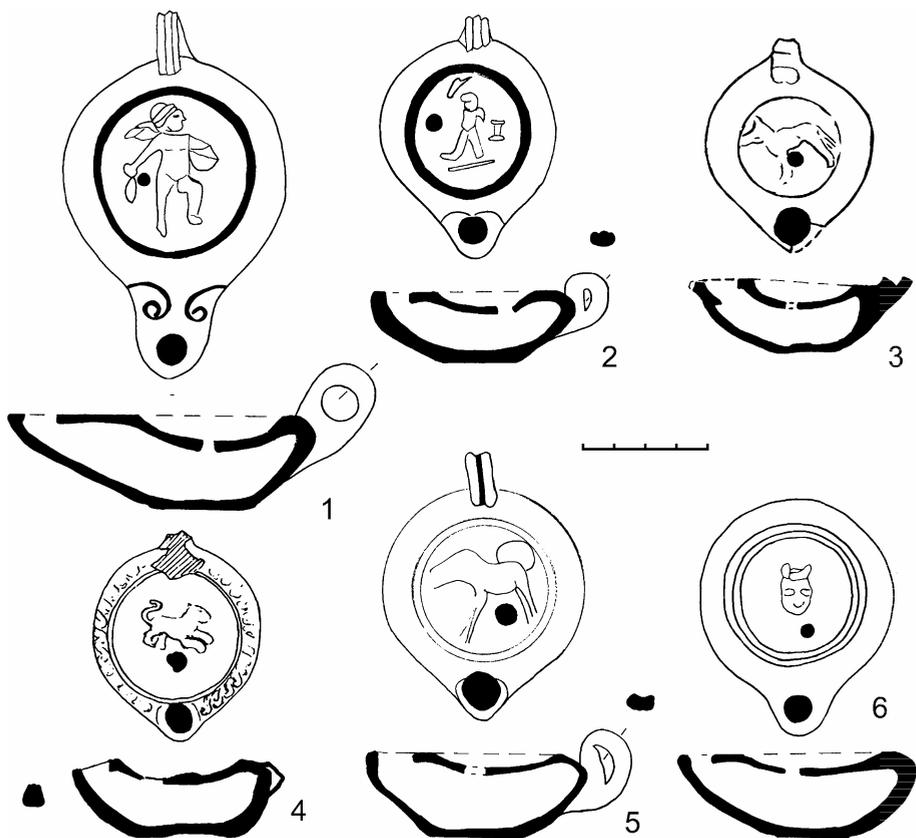

Рис. 1.

Инв. № 14/37373. Раскопки на выс. Казацкой в 2002 г. (рис. 1: 1).

Аналогии и дата: данный сюжет хорошо известен по светильникам, хранящимся в коллекциях Государственного Эрмитажа и Британского музея; правда, по поводу предмета в левой руке Эроса имеются разночтения [Вальдгауэр 1914, с. 33, табл. XIV, № 152; с. 42, табл. XXVI, № 244; с. 49, табл. XXXV, № 330; Bailey 1988, p. 11–12. Fig. 15]. Керамические лампы с изображением Эроса с алабастром и раковиной были широко распространены на территории всей Римской империи. В качестве полной аналогии нашей находке укажем на светильник из Эфеса, относящийся ко времени Флавия-Траяна [Bailey 1998, p. 376. Pl. 101. № Q 3047], а также на итальянский светильник из Эрмитажа [Вальдгауэр 1914, с. 42, табл. XXVI № 244]. По форме и деталям украшения обнаруженный светильник относится к группе керамических ламп с упрощенными волютами (тип Bailey C; Brooner XXIV; Loeschke V и т.д.) [Журавлев, Хршановски 2000, с. 162; 2003, с. 69] и находится в весьма близкой связи с ранее найденным в Херсонесе светильником, являющимся, по мнению исследователей, импортом из Малой Азии, и датирующимся сер. I — II вв. н.э. [Chrzanovski, Zhuravlev 1998, p. 66–67, cat. 26; Журавлев, Хршановски 2003, с. 78, № 26].

2. Круглые светильники с маленькой петлевидной ручкой.

Светильники типа VIII по Loeschke [Chrzanovski, Zhuravlev 1998, р. 79–130], которые, вслед за О. Вальдгауэром, чаще всего называют лампами “местного варианта римского типа” [Вальдгауэр 1914, с. 49–53]. Круглые светильники с орнаментированным или гладким щитком, коротким носиком и маленькой петлевидной ручкой составляют значительную часть находок при раскопках Херсонеса и его некрополя первых веков н.э. [Зубарь, Сорочан 1986, с. 111–113, рис. 6: 3; Кадеев 1970, с. 90, рис. 9: 4, 5; Сорочан, Шевченко 1983, с. 94–97, рис. 1–4], памятников этого периода в округе Херсонеса [Кленина 2004, с. 71; Ковалевская 1998, с. 97, рис. 3: 8; Нессель 2000, с. 121–123, рис. 22: 1–5] и Северном Причерноморье [Арьсеньева, Науменко 1992, с. 67, рис. 73: 3, 4; Журавлев, Ломтадзе 1999, с. 102–103; Крапивина 1993, с. 121–122, тип 4; Zaitsev 2002, р. 41–59 и др]. В настоящее время большинство исследователей склонны видеть в этих изделиях продукцию керамических мастерских, находившихся в Понтийском регионе. [Chrzanovski, Zhuravlev 1998, р. 80; Журавлев, Ломтадзе 1999, с. 102; Кленина 2004, с. 71]. В нашей коллекции светильники этого типа занимают доминирующее положение — 12 экземпляров; большинство из них имеют рельефные украшения на щитке.

2.1. Светильник круглой формы; слегка утопленный щиток отделяется от плечиков широким низким валиком. На щитке — изображение мужской фигуры с поднятой вверх левой рукой. Оттиск слабый, изображение нечеткое, но по имеющимся аналогиям здесь следует видеть Прометея с факелом [Вальдгауэр 1914, с. 51, табл. XXXVII, № 355; Bailey 1988, р. 39, fig. 48]. Отверстие для наливания масла расположено слева от фигуры. Край короткого сердцевидного рожка притуплен; на нем имеются следы копоты. Маленькая петлевидная ручка, украшенная двумя глубокими продольными желобками, прилеплена отдельно. Плоское дно светильника слегка вогнуто. Глина светло-коричневая. Светло-оранжевый лак покрывает только верхнюю часть светильника. Размеры: длина — 7,5 см; ширина — 5,7 см; высота — 2,2 см; диаметр щитка — 3,5 см.

Инв. № 8/37373. Раскопки на выс. Казацкой в 2002 г. (рис. 1: 2).

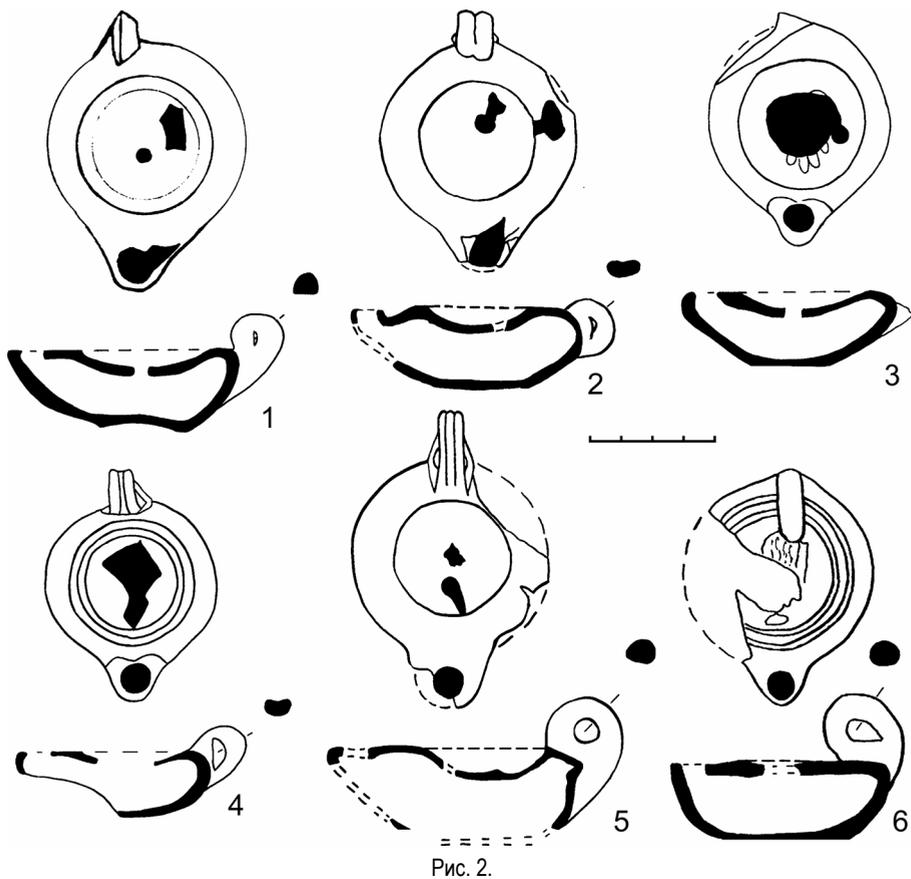
Аналогии: аналогичное изображение Прометея имеется на светильнике времени Траяна-Антонина из Эфеса, который хранится в коллекции Британского музея [Bailey 1988, р. 380. Pl. 48, № Q 3088], а также на керамической лампе III в. н.э., найденной в Керчи [Вальдгауэр 1914, с. 51, табл. XXXVII, № 355], однако от нашего светильника эти находки отличаются богатым декором плечиков.

2.2. Круглый светильник с коротким рожком. Щиток сильно утоплен и отделен от плечиков двумя невыразительными бороздками. На щитке имеется рельефное изображение — стоящее влево животное. Отверстие для наливания масла слегка смещено от центра вправо и расположено под брюхом животного. Маленькая петлевидная ручка, украшенная глубоким продольным желобком, изготовлена отдельно и прикреплена с небольшим сдвигом влево. Дно плоское.

Светильник изготовлен из глины светло-коричневого цвета, содержащей незначительную примесь извести. Лак очень плохо сохранился, только на плечиках светильника имеются отдельные пятна лака темно-красного оттенка. Размеры: длина — 8,6 см; ширина — 6,5 см; высота — 2,4 см; диаметр щитка — 3,5 см.

Инв. № 17/37227. Раскопки на выс. Казацкой в 1991 г. (рис. 1: 5).

Аналогии: изображения животных являются довольно распространенным сюжетом для украшения светильников в первых веках н.э. Поскольку на публикуемом нами светильнике штамп весьма слабый, точно интерпретировать имеющееся у него на щитке животное не представляется возможным: это может быть или кабан, или лось [Bailey 1988, p. 74–76, fig. 95, № Q 2831, fig. 96, № Q 2892, 2893].

2.3. Светильник круглой формы, щиток слегка утоплен и отделяется от плечиков двумя невыразительными бороздками. На щитке — рельефное изображение стоящего влево животного; поскольку оттиск довольно слабый, точно определить изображение не представляется возможным, можно только предположить, что это собака. Отверстие для наливания масла расположено по центру, прямо под животом животного. Маленький короткий рожек частично поврежден;

на нем, а также на части плеча и щитка светильника имеются следы копоты. Изготовленная отдельно ручка практически утрачена. Дно плоское, слегка вогнуто. Глина светло-коричневая. Лак оранжевый, нанесен неровно и покрывает лишь верхнюю часть лампы. Данный светильник заметно меньше предыдущих находок: его длина — 6, 9 см; ширина — 5, 5 см; высота — 2, 1 см; диаметр щитка — 3, 1 см.

Инв. № 11/37316. Храм Юпитера Долихена. 1998 г. (рис. 1: 3).

2.4. Светильник круглой формы, с сильно утопленным щитком, отделенным от плечиков валиком. На щитке — рельефное изображение бегущего вправо льва. Отверстие для наливания масла находится под изображением. Плечи светильника украшены овами, однако их отпечаток слишком слабый. На очень коротком сердцевидном рожке имеются следы копоты. Ручка утрачена. Дно светильника плоское, слегка вогнуто. Светильник небрежно выполнен: плечики неодинаковой ширины; швы соединения плохо заглажены; красно-оранжевого оттенка лак покрывает лишь верхнюю часть лампы, на плечах и дне — пятна и подтеки разной величины. Плотная светло-оранжевая глина содержит мелкие включения слюды. Размеры: длина (без ручки) — 6, 6 см; ширина — 5, 7 см; высота — 2, 6 см; диаметр щитка — 3, 7 см.

Инв. № 6/37394. Раскопки участка возле храма Юпитера Долихена в 2003 г. (рис. 1: 4).

Аналогии: изображение бегущего льва является самым распространенным сюжетом украшения светильников римского времени [Bailey 1988, p. 66–67, fig. 81–82]. Среди херсонесских находок наиболее близкой аналогией может служить светильник с изображением льва, происходящий из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича, датированный II–III вв. н.э. [Chrzanovski, Zhuravlev 1998, p. 96–97, cat. 47].

2.5. Светильник круглой формы; слегка утопленный щиток окружен тремя концентрическими бороздками. На щитке имеется рельефное изображение, которое из-за слабого оттиска плохо читается; скорее всего, здесь представлена маска сатира или силена. Маленькое отверстие для наливания масла расположено ниже и чуть правее изображения. Ручка полностью утрачена. Край широкого треугольного носика покрыт копотью. Плоское дно окружено невыразительной бороздкой. Глина плотная, светло-коричневого цвета. Лак кирпично-красного цвета, покрывает верхнюю часть светильника (на плечиках — неровные подтеки). Размеры: длина — 7, 8 см; ширина — 6, 5 см; высота — 2, 5 см; диаметр щитка — 4 см.

Инв. № 12/37373. Раскопки на выс. Казацкой в 2002 г. (рис. 1: 6).

Аналогии: среди светильников I–III вв. выделяются целые серии изделий с изображениями божеств греко-римского пантеона и их спутников. Изображения театральных масок сатиров и силенов присутствуют на светильниках из Египта, Восточной Греции, Эфеса, Галлии [Bailey 1988, p. 8–9, fig. 13 № Q 1492; P. 63, fig. 78 № Q 1556]. В Херсонесе ранее уже встречались светильники II–III вв. с изображением маски сатира [Chrzanovski, Zhuravlev 1998, p. 84–85, cat. 36].

2.6. Светильник круглой формы со слегка утопленным щитком, окруженным двумя неглубокими бороздками и валиком. На щитке, вероятно, было рельефное изображение, однако, сохранившихся фрагментов недостаточно для его интерпретации. Носик короткий, со следами копоти по краям. Высокая петлевидная ручка прилеплена отдельно. Дно плоское. Сохранность светильника средняя: утрачена 1/3 часть изделия. Глина плотная, в связи с неровным обжигом цвет глины варьируется от красно-коричневого до серого. Лаковое покрытие отсутствует. Размеры: длина — 7,5 см; ширина — 5,8 см; высота — 2,4 см; диаметр щитка — 3,4 см.

Инв. № 8/37305. Храм Юпитера Долихена. 1997 г. (рис. 2: 6).

2.7. Круглый светильник со слегка утопленным щитком, который отделяется от плечиков низким валиком. Утрачена ручка и центральная часть щитка, на котором было рельефное изображение. Отверстие для наливания масла немного смещено от центра вправо. Короткий сердцевидный рожок покрыт копотью. Дно плоское, немного вогнуто. Глина плотная, светло-коричневого оттенка, содержит редкие известковые включения. Светло-оранжевый лак покрывает только верхнюю часть светильника. Размеры: длина — 7,3 см; ширина — 5,4 см; высота — 2 см; диаметр щитка — 3,4 см.

Инв. № 11/37373. Раскопки на выс. Казацкой в 2002 г. (рис. 2: 3).

2.8. Круглый светильник со слегка утопленным щитком, окруженным валиком и тремя концентрическими бороздками. Центральная часть щитка сильно повреждена. На коротком сердцевидном рожке имеются следы копоти. Маленькая петлевидная ручка, профилированная по центру глубоким желобком, прилеплена отдельно. Дно плоское, слегка вогнуто. Глина светло-оранжевая, с редкими блестками слюды. Лак красно-коричневого цвета, очень плохо сохранился, покрывает лишь верхнюю часть светильника (на плечиках — пятна и подтеки). Размеры: длина — 7,5 см; ширина — 5,4 см; высота — 2,3 см; диаметр щитка — 3,2 см.

Инв. № 9/37373. Раскопки на выс. Казацкой в 2002 г. (рис. 2: 4).

2.9. Светильник круглой формы со слегка вогнутым щитком, отделенным от плечиков скругленным валиком. Щиток гладкий, без украшений; отверстие для наливания масла находится чуть выше центра щитка. Короткий рожок сильно поврежден; на его крае имеются следы копоти. Маленькая петлевидная ручка, профилированная по центру глубоким продольным желобком, прилеплена отдельно. Дно плоское. Глина светло-коричневая, слоистой структуры. Лак светло-оранжевый, покрывает только верхнюю часть светильника. Размеры: длина — 8,1 см; ширина — 5,9 см; высота — 2,4 см; диаметр щитка — 3,5 см.

Инв. № 1/37299. Храм Юпитера Долихена. 1996 г. (рис. 2: 2).

2.10. Круглый светильник с сильно вогнутым неорнаментированным щитком, окруженным одной неглубокой бороздкой. Отверстие для наливания масла расположено чуть ниже центра щитка. Светильник сильно поврежден: утрачены фрагменты нижней части и дна

изделия. На коротком носике видны следы копоти. Большая ручка, украшенная двумя продольными бороздками, изготовлена в одной форме со светильником. Глина светло-оранжевая, слоистой структуры. Лак очень плохо сохранился (пятна темно-красного цвета на щитке и плечиках светильника). Размеры: длина — 8,9 см; ширина — 6 см; высота — 2,9 см; диаметр щитка — 3,5 см.

К кол. 37299. Храм Юпитера Долихена. 1996 г. (рис. 2: 5).

2.11. Светильник круглой формы, щиток отделен от плечиков двумя валиками. Щиток неорнаментирован, отверстие для наливания масла слегка смещено от центра щитка влево. Носик короткий, часть его утрачена. Дно слегка вогнуто. Светильник отличает небрежность изготовления: маленькая петлевидная ручка, украшенная несимметричным валиком, криво прилеплена, в месте ее крепления имеются защипы глины. Лак неоднородный, от светло-оранжевого до темно-коричневого цвета, покрывает только верхнюю часть лампы, на плечиках — неровные потеки и пятна. Размеры: длина — 8,6 см; ширина — 6,3 см; высота — 2,8 см; диаметр щитка — 3,5 см.

Инв. № 15/37373. Раскопки на выс. Казацкой в 2002 г. (рис. 2: 1).

2.12. Светильник грушевидной формы; треугольный щиток утоплен относительно плечиков. Щиток, вероятно, был украшен рельефным изображением, которое, к сожалению, не сохранилось. Короткий круглый носик обломан, на нем видны следы копоти. Горизонтальная ручка, изготовленная в той же форме, что и светильник, практически утрачена. Дно плоское. Глина светло-коричневого цвета, слоистой структуры. Лак темно-красного цвета, покрывает верхнюю часть светильника, и, частично его плечики. Размеры: длина — 6,9 см; ширина — 7,2 см; высота — 3,1 см.

Инв. № 15/37227. Раскопки на выс. Казацкой в 1991 г. (рис. 3: 3).

Аналогии: найденный светильник представляет собой крайне редкую форму, точных аналогий ему нам найти не удалось. По месту находки, способу изготовления, качеству глины и лакового покрытия эту керамическую лампу следует датировать II-III вв. н.э.; вероятно, она является одним из локальных вариантов традиционной формы круглых светильников с коротким носиком.

3. Рубчатые светильники.

Данные светильники получили свое название по характерному украшению на плечиках. Обычно эти керамические лампы покрыты жидким лаком красно-коричневого — красно-оранжевого оттенка, однако встречаются экземпляры и без лака. В публикуемой нами коллекции имеется только один рубчатый светильник.

Светильник грушевидной формы, с вытянутым рожком, украшенным круглыми налепами при переходе к щитку. Щиток полностью утрачен. Дно плоское, окружено глубокой бороздкой. Плотная оранжевая глина содержит мелкие известковые включения. Внешняя поверхность хорошо заглажена, лаковое покрытие отсутствует. Размеры: длина — 6,9 см; ширина — 5 см; высота (сохр.) — 3,1 см.

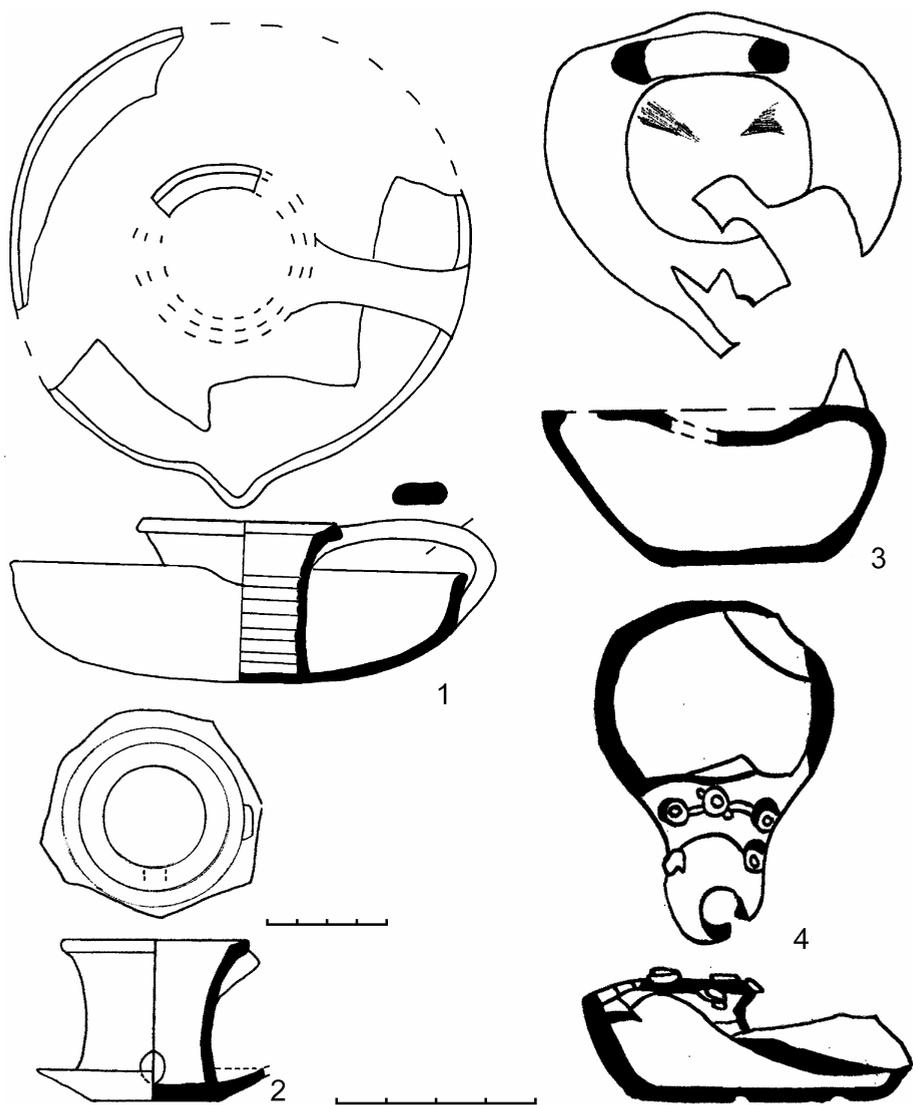

Рис. 3.

Инв. № 7/37305. Храм Юпитера Долихена. 1997 г. (рис. 3: 4).

Аналогии: по классификации рубчатых светильников из Херсонеса, разработанной С.Б. Сорочаном, данную лампу следует отнести к первому типу — светильникам с грушевидным туловом. [Сорочан 1982, с. 44–45, рис. 1: 1]. Принято считать, что рубчатые светильники изготовлялись в Северном Причерноморье, в том числе и в Херсонесе, возможно, в основе производства некоторых из них лежали привозные образцы [Зубарь, Сорочан 1986, с. 114; Крапивина 1993, с. 122, тип 5; Сорочан 1982, с. 43–44, 48–49]. Чаще всего керамические лампы данного типа датируются III — нач. V вв. н.э., однако, известны случаи обнаружения их и среди керамического материала II в. н.э.

[Зубарь, Сорочан 1986, с. 114; Кленина 2004, с. 70–71, тип 1; Крапивина 1993, с. 122; Сорочан 1982, с. 49; Тахтай 1948, с. 26–27, рис. 2; Chrzanovski, Zhuravlev 1998, p. 133–140].

Вторая группа светильников данной коллекции представляет редкую для Херсонеса первых веков н.э. форму открытых гончарных керамических ламп без лакового покрытия, состоящих из двух основных элементов: открытой чаши, в центре которой установлен цилиндрический резервуар для масла. В основном эти светильники встречаются при раскопках городища и его округи в слоях III–IV вв. н.э. и крайне редко — в более раннее время. [Кленина 2004, с. 70, тип 2; Рыжов 1986, с. 136, рис. 7; Рыжова 2003, с. 158, рис. 4: 7]. Подобные светильники в виде миски-плошки со вставленной втулкой, найденные на территории римских провинций Галлии и Британии, датируются втор. пол. I — пер. пол. II вв. н.э. [Bailey 1988, p. 172, № Q 1650–Q 1653. Pl. 10]. Фрагмент аналогичной керамической лампы был обнаружен в Коринфе при раскопках святилища Деметры и Коры; по условиям находки этот светильник датируется III в. н.э. и относится к группе вотивных ламп [Slane 1990, p. 11, 26, cat. 10, fig. 1]. В нашей коллекции имеются два открытых светильника этой формы, которые, судя по составу глиняного теста и качеству изготовления, скорее всего, следует считать местной продукцией.

4.1. Керамическая лампа археологически целая. В центре открытой чаши-плошки с маленьким коротким носиком установлен высокий резервуар со слегка отогнутым наружу краем. Овальная в сечении петлевидная ручка расположена с левой стороны от носика чаши; верхним концом она закреплена на закраине резервуара, нижним — в средней части чаши. Глина очень рыхлая, отслаивается, содержит мелкие известковые включения; цвет глины красно-коричневый. Размеры: верхний диаметр резервуара — 6 см; нижний диаметр резервуара — 4,5 см; высота — 5 см; верхний диаметр чаши — 15 см; нижний диаметр чаши — 7 см; высота изделия — 5,5 см.

Инв. № 7/37373. Раскопки на выс. Казацкой в 2002 г. (рис. 3: 1).

4.2. Светильник сильно поврежден: утрачена чаша-поддон и ручка. В нижней части резервуара для масла имеется небольшое миндалевидное отверстие. Внутри резервуара видны следы от горевшего масла и копоть. Светильник изготовлен из плотной оранжевой глины, в незначительном количестве содержащей известковые включения. Внешняя поверхность хорошо заглажена, со следами светлого ангоба. Размеры: верхний диаметр резервуара — 6,5 см; нижний диаметр резервуара — 5 см; высота резервуара — 4,8 см; нижний диаметр чаши — 4,8 см; высота изделия — 6 см.

Инв. № 16/37227. Раскопки на выс. Казацкой в 1991 г. (рис. 3: 2).

Светильники представленных выше типов уже сами по себе являются надежно датирующимся материалом. Присутствие этих светильников в керамических комплексах из храма Юпитера Долихена и военного поста на высоте Казацкой, памятников римской военной истории, для которых точно установлено время существования — вто-

рая четверть — сер. II — III вв. [Сарновски, Савеля 2000, с. 57–58; Sarnowski, Savelja, Karasiewicz-Szczypiorski 2002, s. 167–172; Савеля 2003, с. 37–38] — позволяет уточнить период их бытования. Сходство большинства светильников нашей коллекции (штампованные светильники 2 типа): размеры, качество глины и лака, а также присутствие среди них абсолютно похожих изделий без лакового покрытия, позволяет считать керамические лампы этого типа продукцией местных понтийских мастеров.

Литература

- Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Усадьбы Танаиса. М., 1992.
- Вальдгауэр О.* Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. СПб., 1914.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Керамический комплекс II в. н.э. с акрополя Пантикапея // Древности Боспора. Вып. 2. М., 1999. С. 98–113.
- Журавлев Д.В., Хршановски Л.* Римские светильники из Херсонеса в собрании Государственного исторического музея // Херсонесский сборник. Вып. XII. 2003. С. 69–88.
- Журавлев Д.В., Хршановски Л.* Коллекция античных светильников Государственного исторического музея // ВДИ. № 3. 2000. С. 159–166.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Новый погребальный комплекс II–IV вв. н.э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Херсонеса в первые века н.э. Киев, 1986. С. 101–129.
- Кадеев В.И.* Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I–IV вв. н.э. Харьков, 1970.
- Кленина Е.Ю.* Керамические сосуды II–III вв. н.э. из усадьбы “Близнецы” (хора Херсонеса Таврического). Познань, 2004.
- Ковалевская Л.А.* Керамический комплекс кон. II — первой половины III вв. н.э. из раскопок виллы 341 // Хсб. Вып. XI. 1998. С. 89–99.
- Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993.
- Нессель В.А.* Светильники и курильницы // Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Под ред. Т. Сарновски, О.Я. Савеля. Варшава, 2000. С. 121–123.
- Рыжов С.Г.* Керамический комплекс III–IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев, 1986. С. 130–139.
- Рыжова Л.А.* Стекланные канфары из собрания Херсонесского заповедника // Хсб. Вып. XII. 2003. С. 151–164.
- Савеля О.Я.* Раскопки римского поста в округе Херсонеса в 2001 г. // АБУ 2001–2002 р. Киев. 2003. С. 37–38.

- Сарновски Т., Савеля О.Я.* Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000.
- Сорочан С.Б.* Про так звані рубчасті світильники из Херсонеса // Археологія. Вып. 8. 1982. С. 43–49.
- Сорочан С.Б., Шевченко А.В.* Западнопонтійские світильники II–IV вв. из Херсонеса // Вестник Харьковского университета. № 238. История и культура социалистических формаций. Харьков, 1983. С. 94–100.
- Тахтай А.К.* Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 г. // Хсб. Вып. IV. 1948. С. 19–43.
- Bailey D.M.* A catalogue of the lamps in the British Museum. Part III. Roman Provincial Lamps. London, 1988.
- Chrzanowski L., Zhuravlev D.* Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow. Roma, 1998.
- Zaitsev Yu.* Imported Lamps and Candelabra from Ust'-Alma Necropolis (Crimea, Ukraine). In: Fire, Lights and Light Equipment in the Graeco-Roman World. BAR. 2002. P. 41–59.
- Sarnowski T., Savelja O., Karasiewicz-Szczypiorski R.* Rzymiski posterunek wojskowy w okolicach Sewastopola na Krymie // Światowit. Tom IV (XLV). Fasc. A. Warszawa, 2002. S. 167–172.
- Slane K.W.* The Sanctuary of the Demeter and Kore: the Roman Pottery and Lamps // Corinth. XVIII. Part II. Princeton — New Jersey, 1990.

ДИПОЛЬНОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ЗОНДИРОВАНИЕ ДРЕВНЕГО СТРОИТЕЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ НА ХОРЕ ХЕРСОНЕСА

Геофизические методы исследований, в частности — электроразведка, практически во всех ее модификациях, давно применяются для поиска и картирования археологических объектов. Исследование геоэлектрических свойств подземного полупространства позволяет достаточно уверенно находить каменные остатки строительных сооружений разных эпох, перекрытые почвенным покровом. В практике археологических исследований довольно редко, но, тем не менее, возникают ситуации, при которых случайно обнаруженный и частично вскрытый археологический памятник оказывается вновь погребенным, вследствие чего ставится задача его повторного поиска для изучения. В настоящем докладе мы рассмотрим один из таких примеров.

В весной 2004 г. были проведены геофизические разведки в районе коммуникаций в одном из микрорайонов г. Севастополя. Целью разведок был повторный поиск обнаруженного при прокладке траншеи древнего строительного сооружения, поскольку по окончании прокладки коммуникаций траншея была засыпана, и местоположение объекта осталось неопределенным. Таким образом, задача разведок сводилась

к повторному поиску собственно погребенного сооружения и, по возможности, выявлению его планировки.

Территория участка работ представляет собой полого падающую к северу глинистую террасу под стояночным кооперативом, имеющую в основании распространенные на Гераклейском полуострове известняки N₂-N₃, перекрытые почвенным слоем мощностью 1–2 м, в основном — глинозема и суглинка. Участок работ находится в верховье Стрелецкой бухты (рис. 1) и попадает в зону древнего земельного участка № 101а хоры Херсонеса [Николаенко 2001, с. 58].

Имелось приблизительное представление о местоположении объекта. Практически никаких данных о его форме не было, поскольку в тот момент, когда объект был частично открыт, удалось сделать только снимки фаса стены, очевидно принадлежавшей этому сооружению. Это позволило предполагать примерные размеры объекта в плане, а также достаточные данные о его электрических свойствах, поскольку в качестве материала объекта использовался известняк. Благодаря этому был сделан однозначный выбор в

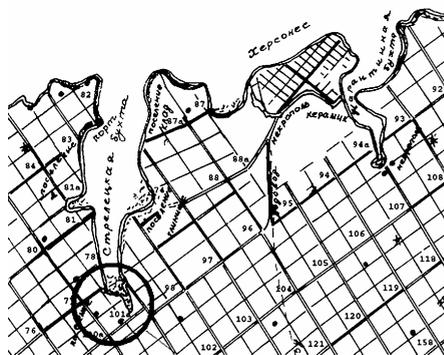

Рис. 1. Фрагмент карты размежевки хоры Херсонеса (по Г. М. Николаенко) с участком работ.

пользу вертикального электрического зондирования как наиболее эффективного при исследовании разрезов с резко анизотропными по вертикали свойствами. В ходе подготовительных работ бульдозер практически полностью снял насыпной грунт на планируемом участке работ, приводя условия измерений к относительно приемлемым.

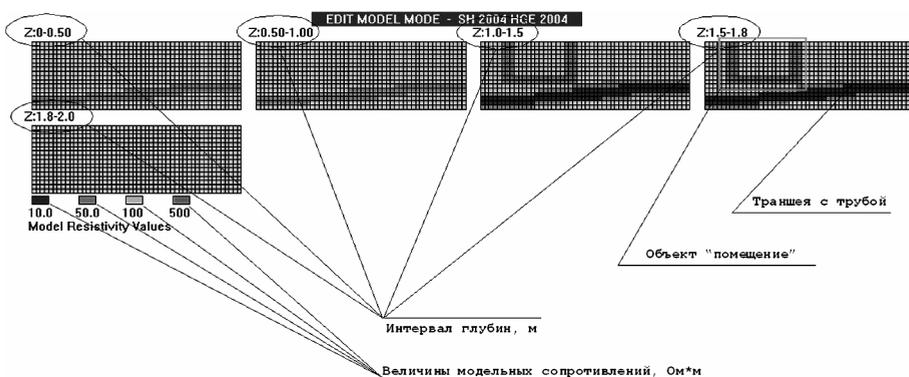

Рис. 2. Модель участка работ (по М.Н. Локе).

Геоэлектрический разрез на участке работ был чрезвычайно осложнен нарушенным поверхностным слоем (движение и, тем более, работа тяжелой техники, разрушая дневную поверхность, меняют ее электропроводные свойства) и остатками насыпного грунта (остатки отвала земли, выбранной при прокладке траншеи), а по мере заглубления разрез также осложняется привнесенной мергелевой крошкой. Такие параметры обусловили к производству вертикальное электрическое зондирование дипольно-осевой установкой (ДЭЗ — дипольное электрическое зондирование) с достаточно высоким значением силы выходного тока генератора питающей линии — 31,6 мА, определенным высокоомностью разреза и максимально возможно качественным заземлением питающих и измерительных электродов — на глубину до 20 см.

Геометрия установки была продиктована также контуром самого участка работ, а именно — ограниченностью площадки с трех сторон отвалами земли, а с четвертой — стеной стояночного кооператива, поэтому на таком “пяточке” ДЭЗ выполнялись с минимально необходимым для интерпретации количеством разносов питающей линии, таким образом, что OO' равнялось 2; 3; 4 и 5 м, $AB = MN = 1$ м. Размеры участка работ составили 8×25 м, общая площадь 200 кв. м, сеть измерений (исходя из линейных размеров искомых объектов — ширина траншеи около 1,5 м; толщина стен — не менее 0,8 м) — регулярная, по направлению восток–запад — с ячейкой 1×1 м, всего 936 измерений, ортогональная сеть по направлению юг–север — с ячейкой $1 \times 2,5$ м, всего 396 измерений (всего 1332 измерения). Несмотря на тщательно проработанные параметры установки и пред-

варительное моделирование (см. ниже), надежды получить приемлемый результат не было.

Как уже сказано, непосредственно перед зондированием было выполнено предварительное моделирование поля $\rho_{\text{каж}}$. Имевшаяся предварительная информация об участке работ — приблизительная ориентация объекта-стены, условно считаемой стеной помещения и приблизительно известная глубина залегания позволили провести предварительное или “опережающее” (forward modelling) моделирование геоэлектрического поля на участке работ. Эта операция позволила бы в случае совпадения результатов моделирования и зондирования утверждать о наличии объекта определенной конфигурации с определенной глубиной залегания в определенном месте.

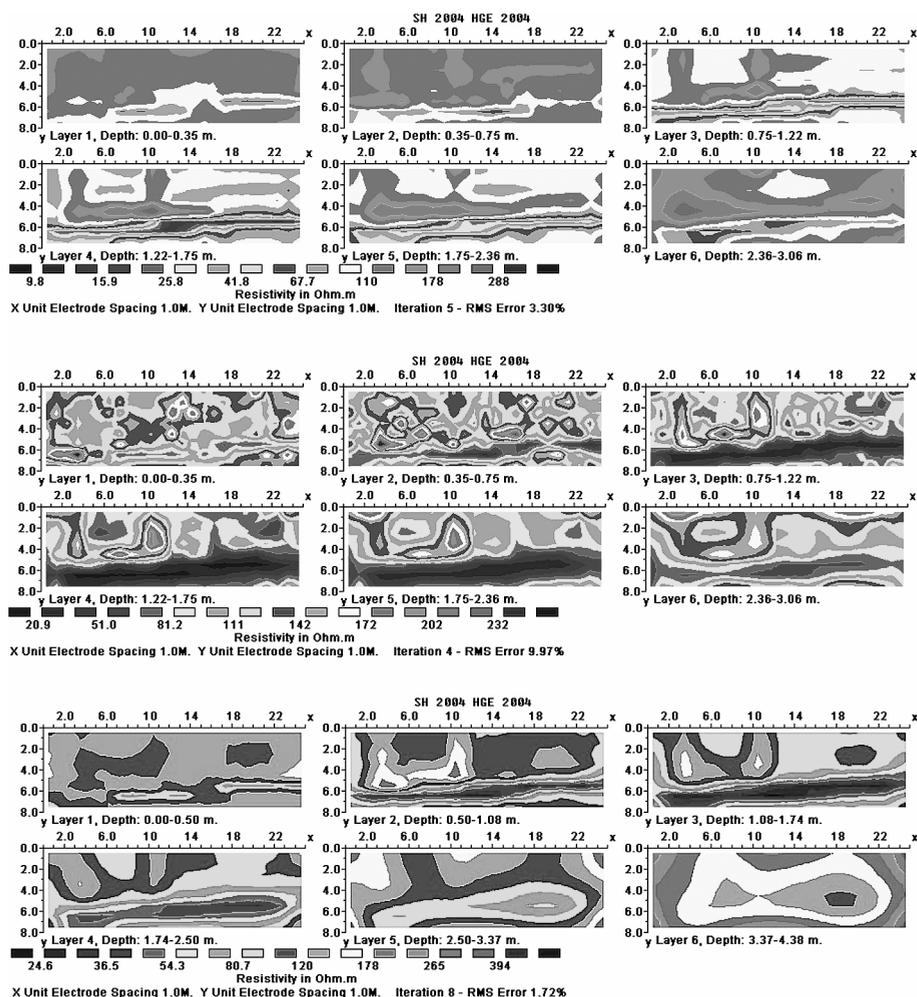

Рис. 3. Расчетные поля: а — дипольно-экваториальная установка; б — дипольно-осевая установка; в — установка Веннера.

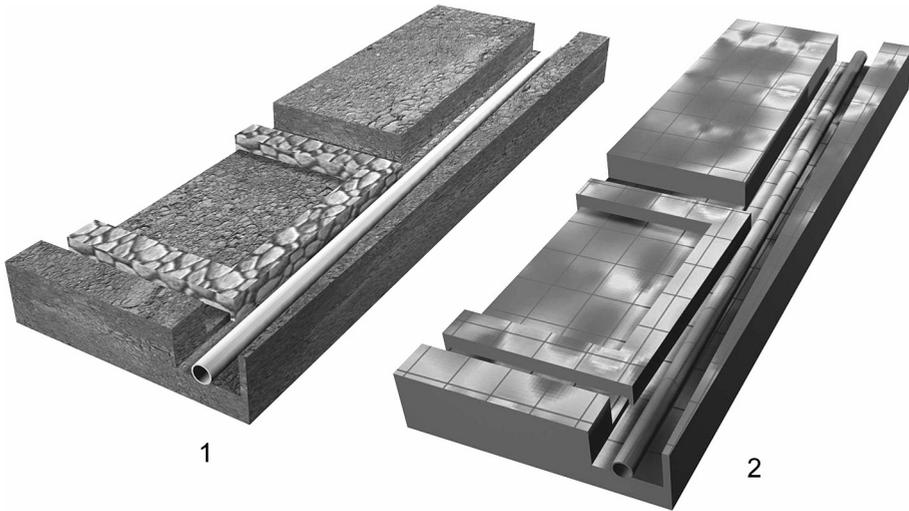

Рис. 4. 1 — трехмерная модель траншеи и трубы, использованная при расчетах поля $R_{\text{каж}}$; 2 — та же модель в сравнении с измеренным полем (градиентом поля $R_{\text{каж}}$).

Для предварительного моделирования использовалась программа Res3Dmod (автор М.Н. Loke, Geotomo Software). Эта программа использует для построения объектов — источников аномалий геоэлектрического поля серию горизонтальных плоскостей, имитирующих горизонтальные “срезы” моделируемой среды, разбиваемых регулярной сетью с ячейкой $0,25 \times 0,25$ м, а интервал по вертикали между такими “срезами” задается пользователем. В качестве приблизительной аналогии можно привести процесс построения некоего объекта из кубиков (параллелепипедов) в какой-либо среде.

Используя эту программу, был построен блок по размерам планшета $8,25$ м с высотой $2,5$ м (высота или, точнее, мощность блока выбиралась исходя из максимальной эффективной глубины установки зондирования), удельное электрическое сопротивление (УЭС) которого равнялось условно 100 Ом м. Учитывая приблизительно известное направление пересечения траншеей участка работ, часть этого блока, имитирующая траншею, получила условное значение УЭС в 50 Ом м, а труба, в данном случае проявляющаяся как проводник большого сечения — условные 10 Ом м¹. Искомый объект — стена, считаемый стеной помещения с известным направлением, получил условное УЭС 500 Ом м². Взаимное расположение объектов, использованное при моделировании, показано на рис. 4.

¹ Разумеется, на самом деле сталь трубы имеет низкое удельное сопротивление ($\sim 0,10 - 0,14$ мкОм м), но для моделирования достаточно показать контраст порядков величин или процентное отношение: 10 Ом м / 500 Ом м = 2%.

² Вообще, среднее значение УЭС известняка, из которого строились усадьбы на Гераклейском полуострове.

При моделировании были исследованы проявления поля при работе различных установок: Веннера, дипольно-экваториальной и дипольно-осевой. Как видно из иллюстраций, наиболее контрастной и показательной в данной ситуации проявила себя дипольно-осевая установка, которая и была выбрана в качестве рабочей. Необходимо отметить также, что при моделировании во всех вариантах установок добавлялся 10%-й уровень помех.

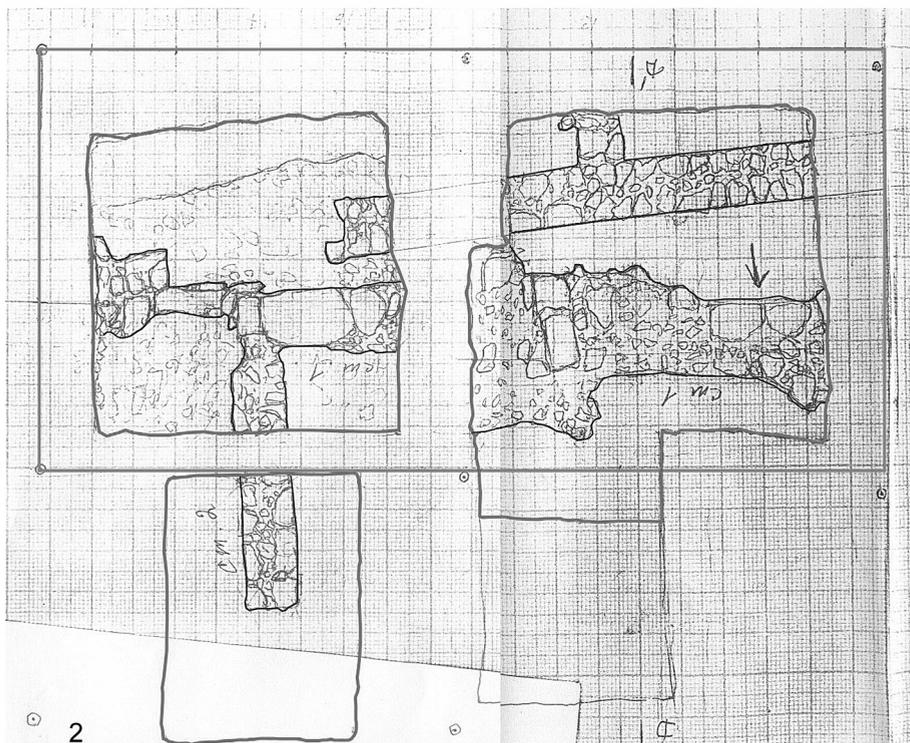
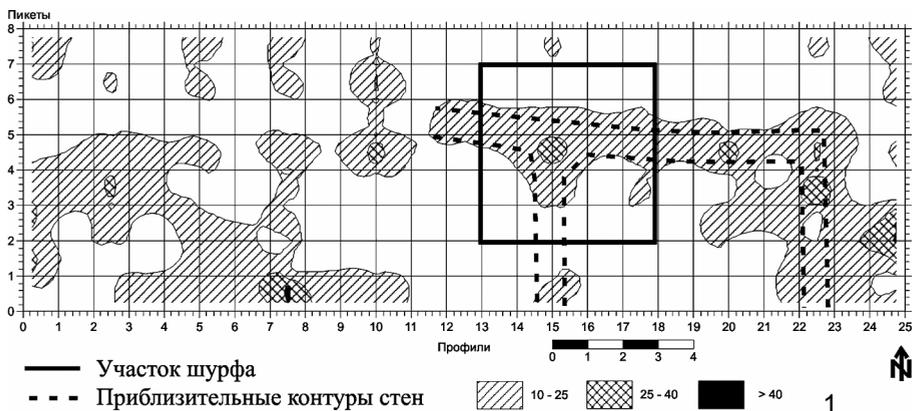

Рис. 5. 1 – распределение градиентов удельного электрического сопротивления на участке работ; 2 – план раскопа (левый верхний квадрат соответствует границам шурфа на карте градиентов поля).

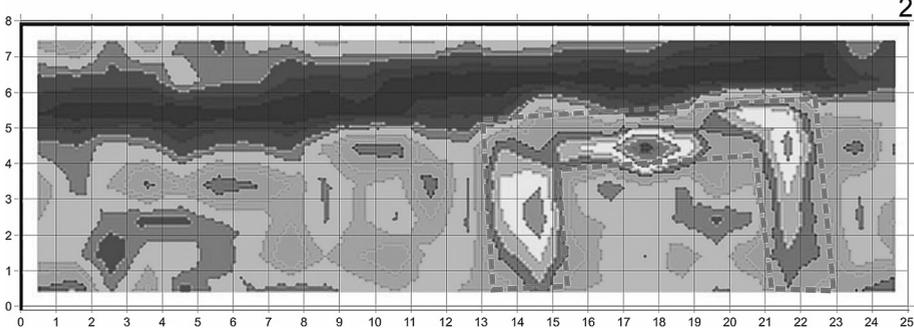
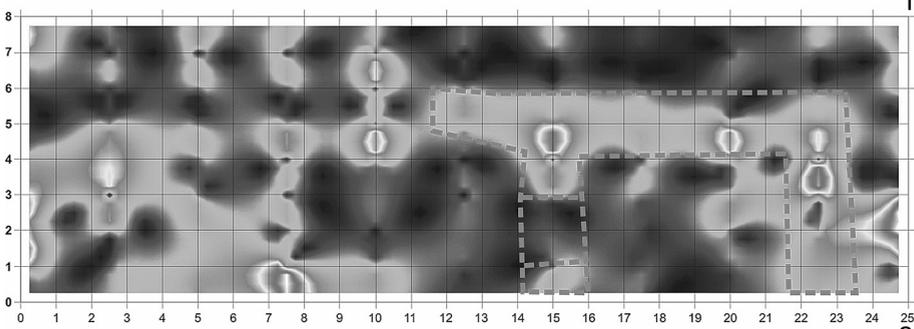

Рис. 6. 1 – раскопанный фрагмент; 2 - реальное поле $R_{каж}$. (вверху) в сравнении с модельным (внизу). Пунктиром показан искомый объект.

На рис. 6 показаны результаты интерпретации полученных данных. Несмотря на довольно среднее качество измеренных ΔU , применение предварительного моделирования позволило получить вполне достоверную картину поля $r_{каж}$. В правой части планшета (восточной)

четко трассируется объект, похожий на “помещение” размером около 9 м по фронту (северная стена), южная часть “помещения” погребена террасой, на которой находится автостоянка.

Реальная картина, полученная при шурфовке оконтуренной аномалии, естественно отличается от расчетной. Конечно, такое расхождение объясняется, в первую очередь, осложненными условиями разреза и высоким уровнем помех техногенного характера (нарушенная дневная поверхность, переменная влажность и температура и т.п.): например, западная стена оказалась действительно стеной, а восточная — каменным завалом, “низкая” стена вообще не проявилась в поле ввиду преобладающих помех со стороны траншеи, и лишь наличие предварительно построенной модели позволило получить пусть приближенный, но положительный результат. Таким образом, при использовании данных о форме и глубине залегания искомого объекта предварительное моделирование оказывает существенное влияние на итоговую интерпретацию и его весьма целесообразно использовать его при зондировании типичных по планировке объектов, например, усадеб, в осложненных геоэлектрических условиях.

Литература

- Матвеев Б.К.* Электроразведка при поисках месторождений полезных ископаемых. М., 1982.
- Николаенко Г.М.* Хора Херсонеса Таврического. Ч. 1. Севастополь, 1999.
- Николаенко Г.М.* Хора Херсонеса Таврического. Ч. 2. Севастополь, 2001.
- Электроразведка. Справочник геофизика (под ред. А.Г. Тархова), М., 1980.
- Loke M.H & R.D. Barker.* Rapid least-squares inversion of apparent resistivity pseudosections by a Quasi-Newton method. Geophysical prospecting. V. 44. 1996.

КОЛЛЕКЦИЯ ГЕНУЭЗСКО-ТАТАРСКИХ АСПРОВ В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАПОВЕДНИКА “СОФИЯ КИЕВСКАЯ”¹

В собрании Национального заповедника “София Киевская” хранится небольшая коллекция нумизматики, которая в 2004 году была выделена в отдельную группу хранения. Большую часть коллекции составляют монеты, происходящие из археологических раскопок, проведенных в Крыму на территории г. Судак и в его округе. В коллекции нумизматики заповедника “София Киевская” хранится 36 генуэзско-татарских аспров из раскопок Судака. Среди них существенно преобладают экземпляры с трехзубой гирейской тамгой.

Тридцать два аспра происходят из коллекции, собранной на территории Судака частным образом. Известно, что Мария Спендиарова, жена художника, имевшего дачу в Судаке, передала в дар музею “Генуэзская крепость” коллекцию из 127 монет. Собирательница не сообщила, где были найдены монеты. В учетную документацию коллекция была записана под названием “клад М. А. Спендиаровой, из раскопок 1970–1972 гг.”. Большинство монет этой коллекции были отнесены к гирейской чеканке конца XV–XVI вв. Также клад включает 18 российских копеек XV–XVII вв. Нельзя с уверенностью утверждать, что все эти монеты являются составляющими одного клада. Возможно, некоторые из них принадлежат к единичным находкам.

Кроме того, четыре аспра были найдены во время археологических раскопок на территории Судацкой крепости под руководством И.А. Баранова в 1979 г. Три из них происходят из подвала в так называемом “доме с камином”. Это пятистенное здание, которое было пристроено к оборонительной стене и башне Якобо Торселло. Последняя построена, согласно датировке на геральдической плите, в 1385 г. В результате археологических исследований было выделено четыре строительных периода здания и соответствующие напластования [Баранов, 1980, с. 4–5]. На основании монетных находок удалось датировать как первый, так и второй строительные периоды дома. Аспры обнаружены во втором строительном периоде на полу подвала и в засыпи, образовавшейся в результате обрушения его перекрытия. Пол был покрыт слоем углей и гари — следами пожара и остатками рухнувшего деревянного перекрытия подвала. Аспры были найдены среди 14 монет, большинство из которых — медные джучидские конца XIV в. Наиболее поздняя монета датируется 60-ми годами XV в. Это дало возможность И.А. Баранову датировать разрушение постройки в этом строительном периоде третьей четвертью XV в., что, вероятно, связано с турецким захватом Солдаи в 1475 г. [Баранов 1980, с. 8].

¹ Тезисы статьи были напечатаны в сборнике XIII Всероссийской нумизматической конференции, Москва, 2005 г.

Материалы, полученные в результате раскопок, говорят о том, что первоначальная догенуэзская постройка была перестроена итальянцами. Синхронизация монет, обнаруженных на полу первого строительного периода и в подвале второго, позволила предположить, что реконструкция постройки относится к концу XIV в., т.е. ко времени, когда в Солдае утвердились генуэзцы.

Еще один аспр был обнаружен при доисследовании в 1979 г. прирезки в барбакане крепости. Еще в 1978 г. там была открыта металлургическая мастерская, предшествовавшая сооружению привратных башен и ворот, т. е. она была построена и разрушена до 1385 г. [Баранов 1980, с. 9], когда генуэзцы перепланировали этот участок. Аспр был найден в числе 8-ми медных монет и атрибутирован как “медная генуэзско-татарская монета XV в.”. [Баранов 1980, с. 20]. Очевидно, плохая сохранность аспра не позволила исследователям выделить ее среди медных.

В целом, исследование “дома с камином” и мастерской в барбакане и их датировка на основе монетных находок позволили утверждать, что все оборонительные сооружения на участке главных городских ворот возникли после 1385 г. Никаких догенуэзских ворот и оборонительных стен, как считалось ранее, здесь не могло быть, так как площадка перед ныне стоящими оборонительными сооружениями была застроена жилыми, хозяйственными и общественными постройками, погибшими во второй половине XIV в. [Баранов 1980, с. 21].

В конце XIV в. – XV в. генуэзцы перепланировали этот участок Солдаи. Все догенуэзские постройки здесь были уничтожены, и на их месте построены стены крепости. Некоторые здания (в частности “дом с камином”) были использованы, но практически полностью перестроены.

Аспры были атрибутированы согласно классификации, предложенной О.Ф. Ретовским. Аспров первой группы в коллекции не выделено. Самые ранние аспры с тамгой Золотой Орды (пять экземпляров) отнесены к 1-му отделению второй группы [Ретовский 1906, с. 19–39, табл. I–II].

Это именно те монеты, которые были обнаружены при исследовании “дома с камином” и мастерской в барбакане, а также одна монета из коллекции М. А. Спендиаровой. Вес монет составляет 0,8–0,9 г.

На аверсе одного из этих аспров изображен герб Генуи в круге, состоящем из точек (рис. 1: 1), на двоих — в полукруге (рис. 1: 2, 3). Еще на одном — портал в овале, образованном из четырех точечных дуг (рис. 1: 4). Пятая монета — со следами двойного удара (рис. 1: 5)]. Не исключено, что это брак во время чеканки. На ней портал смещен к краю монетного поля и полностью затёрт, в начале легенды, вероятно, должны быть буквы “DV. M. D.”, но надпись смазана, и последние две буквы не читаются. На легенде двух аспров имеются буквы “D. M.” перед именем города (рис. 1: 2, 3).

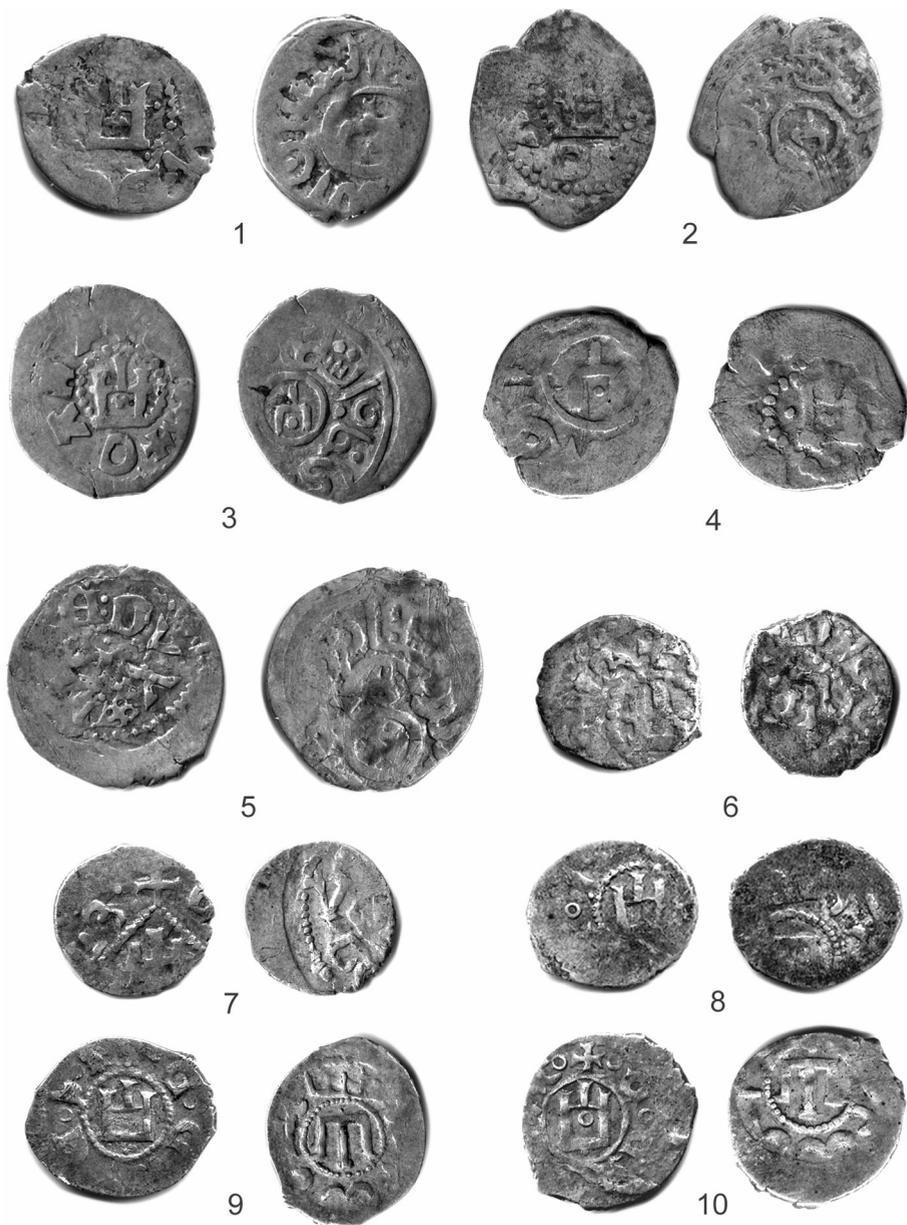

Рис. 1. Татаро-генуэзские аспры из Судака.

Изображение тамги Золотой Орды на реверсе этих пяти монет чеканено в круге с одной точкой в центре и на одном аспре — без точки. Легенда на обратной стороне монеты со следами двойного удара содержит имя хана Давлет-Берди (рис. 1: 5), который, если следовать последним научным данным, основанным на нумизматических источниках, владел Крымским улусом с 824 по 830 год хиджры (1421–1427 гг.) [Хромов, Псков 2002]. На двух аспрах читается имя ордынс-

кого хана Улу-Мухаммеда (?) (1419–1426, 1428–1433) (рис. 1: 1, 3). О.Ф. Ретовский относил чеканку этих монет ко времени Филиппа Висконти, герцога Миланского, который правил Генуей с 1421 по 1435 гг. [Ретовский 1906, с. 42].

Основная часть монет — аспры из коллекции М. А. Спендиаровой (за исключением одного) отнесена к третьей группе 3-го отделения [Ретовский 1906, с. 55–62, табл. IV, V].

Вес монет варьируется от 0,6 до 0,8 г. На реверсе этой группы присутствует изображение гирейской тамги. Имя правителя не читается, но вероятно, это Хаджи-Гирей (1442–1466).

На лицевой стороне виден герб Генуи в круге или в ромбе из точек, иногда в обыкновенном круге. Кругом — латинская легенда с буквой “α” перед названием города.

Среди аспров этого типа выделяется большая группа (14 единиц) с буквами “Y. Z.” или “I. Z.” (рис. 1: 6, 7) в легенде после названия города. Возможно, это инициалы имени I(Y)acobo Zoalio, который был арендатором каффинского монетного двора после 1471 г. [Ретовский 1906, с. 59]. На обратной стороне — изображение тамги в ромбе из мелких точек. По мнению О.Ф. Ретовского, сравнительно низкая проба серебра, небольшой вес (около 0,7 г) и плохая чеканка этих аспров не противоречит предположению, что они чеканены незадолго до захвата Каффы турками в 1475 г., хотя эта атрибуция выглядит спорно.

Легенда еще семи монет содержит букву “I” после названия города (рис. 1: 8), и на четырех монетах — буква “α”.

Выделена одна монета с буквами “b.I.” в конце легенды (рис. 1: 9). О. Ф. Ретовский приписывал эти инициалы консулу Battista Iustiniiani Oliverio, который правил Каффой в 1473–1474 гг. [Ретовский 1906, с. 60].

Еще один аспр отличается буквами “A C.” после названия города (рис. 1: 10).

Монеты с порталом Генуи на аверсе и гирейской тамгой на реверсе получили распространение после 1433 г., когда свершился окончательный распад Золотой Орды, и в результате междоусобной борьбы в Солхате у власти утвердился Хаджи-Гирей (1442–1466), основатель гирейской династии правителей Крымского ханства. “Гирейские аспры” чеканились монетным двором Каффы вплоть до 1453 г., когда права владения “Генуэзской Газзарией” переходят к банку святого Георгия [Крамаровский 1992, с. 39].

После этого на лицевой стороне монет изображение святого Георгия заменяет генуэзский замок.

Таким образом, аспры из Судака представляют две группы из выделенных О. Ф. Ретовским, и хронологически охватывают значительный период с начала 20-х годов XV в., когда, видимо, начинает работу генуэзский монетный двор в Каффе, и до захвата “Генуэзской Газзарии” турками в 1475 г. [Бочаров 1999, с. 135]

Несколько аспров не удалось определить по типологии О.Ф. Ретовского. Состояние сохранности большинства монет неудовлетвори-

тельно. Поверхность судакских монет очень стерта, легенды не читаются, что говорит о длительном периоде обращения аспров. Кроме того, в коллекцию входит еще одна очень затертая монета. Она также отнесена к генуэзско-татарской чеканке.

Как показывает анализ географического расположения уже известных кладов с генуэзско-татарскими аспрами, а также случаев единичных находок этих монет, аспр использовался как разменная монета, в основном, для нужд внутренней торговли Каффы и других генуэзских факторий, зависевших от нее в административном отношении [Еманов 1995, с. 143].

Рассмотренные монеты отражают устойчивую экономическую взаимосвязь аграрно-промышленной территории Солдайского консульства с торговлей Каффы в генуэзский период.

Литература

- Баранов И.А.* Отчет о раскопках в Судакской крепости в 1979 г. Судакской экспедицией ИА АН УССР. Симф., 1980 / Научный архив ИА НАН Украины.
- Бочаров С.Г.* Генуэзско-татарские медные монеты Каффы // STRATUM plus. СПб., 1999, № 6.
- Еманов А.Г.* Север и Юг в истории и коммерции: на материалах Кафы XIII — XV вв. Тюмень, 1995.
- Крамаровский М.Г.* Северное Причерноморье, Лигурия и Латинская Романия в XIII вв. // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Тезисы докладов. Донецк, 1992.
- Ретовский О.Ф.* Генуэзско-татарские монеты // Известия ИАК.- СПб, 1906. С. 19–39.
- Хромов К.К.* О правлении ханов в Крыму в 1419–1422 г.г. по нумизматическим данным // Доклад на X Всероссийской нумизматической конференции, г. Псков, апрель 2002 г. http://www.hordecoins.folgat.net/Rpubl_Xconf.htm.

СКІФСЬКА ВУЗДЕЧНА БЛЯХА З ЛЕЛИХОВОЇ БАЛКИ НА НИЖНЬОМУ ДНІПРІ

1995 р. мені став відомий виконаний в звіриному стилі бронзовий кінський нащічник (рис. 1: 1), випадково знайдений на околиці села Грозове (Василівський район Запорізької області). Місце знахідки — правий розлогий схил Лелихової балки, яка входить до басейну річки Карачокрак — лівобережної притоки Дніпра.

Нащічник являє собою композицію у вигляді зооморфних перетворень морди оленя, ноги копитної тварини, голови та хвоста хижого птаха. Копито, в свою чергу, натякає на оленяче вухо. Збереженість добра, але патина пошкоджена селянами в результаті спроб обробки розчином кислоти і присутня лише в заглибинах металу. Розміри 4,5×3,5 см, на зворотньому боці петля для кріплення, розташована вздовж голови оленя.

На кінській вузді такі вироби використовувались у вигляді нащічника, втім, не виключено їх пристосування на потиличному реміні [Ильинская 1968, с. 127], або підборідному [Мозолевський 1979, с. 184], а взагалі і на будь-якому ремінному перехрещенні.

Зображення досить високохудожнє, композиція тяжіє до концентричності, де центром виступає око оленя, через яке проходить вісь, прокреслена нижнім краєм копита — рисою ока — пащею. Повністю відсутні елементи декоративного оформлення з репертуару античного мистецтва. Голова птаха передана чітко і ясно, на відміну від важковпізнаваних стилізацій, що губляться серед пальметок на аналогічних речах. Хвіст відтворений у вигляді трьох умовних пір'їн.

Відома на сьогодні чисельна серія подібних виробів дозволяє говорити про канонічність використаних образів і композиційного рішення, коли при бажанні поєднати тіла копитного та птаха зображались голова оленя чи лося з додатковим розміщенням ноги вздовж контуру шиї, а роги при цьому трактувались у вигляді характерної для пернатого хижака голови з вираженим дзьобом і оком (рис. 1: 8–15; 2: 2–9), або пари симетрично розташованих волотоподібних пазурів, переданих, як і на деяких руків'ях акінаків (рис. 2: 1). Іноді вони імітували хвостове пір'я.

За підрахунком маркуючих ознак, що зустрічаються в скіфському мистецтві при зображенні птаха, доходять висновку, що використовувались головним чином такі деталі, як крила, пазури та дзьоб [Кокорина 1994, с. 88]. Те, що в сюжеті з описуваної бляхи акцент зроблений на хвості, може здатися дещо нетиповим. Але якщо звернутися до масиву подібних виробів, то стає помітною непоодинокість зображень хвостового оперення, які не впадають в око з причини схематичності передачі (рис. 1: 4–6), тим самим відкриваючи шлях до різного їх тлумачення (“пальметовидна гілка”) чи формального опису

“пальметки трикутної форми з віялоподібно відходячими рельєфними полосами”). Лише при порівнянні між собою різних зображень не залишається сумніву, що саме виробники мали на увазі. І часте використання в подальшому пальметок серед орлиних голів наводить на думку, що це кінцево декоративне, майже знакове (у звуженому розумінні) відтворення пташиного хвоста, бо пальметка зображується саме там, де він повинен розташовуватись в іконографічних схемах, а сам цей елемент виявився в грецькому та східному декорі найбільш адекватною формою для цільового використання. І здається, що саме скіфське мистецтво органічно інтегрувало пальметку для зображення хвоста, а не грецькі ремісники запропонували її місцевому споживачу.

Посилаючись на письмову індоевропейську традицію, Ю.Г. Кокоріна [1994, с. 89] відзначає, що в характеристиках птаха жодного разу не зустрічається опис хвоста, що знаходить відповідність в мистецтві звіриного стилю. Наведені вище приклади заперечують висновок, що при створенні зображень хвіст не відносився до суттєвих, бо треба зазначити поширеність пташиного хвоста не лише в цій серії метаморфоз оленьчої голови, коли скіфським митцям впала до вподоби віялоподібність хвоста і він був використаний для розвитку теми перетворення “олень-птах”. Зустрічаються окремі зображення хвоста птаха, чи в поєднанні з іншими елементами (напр., псалії, де одна сторона виконана у вигляді хвоста птаха).

Розвиток же писемної та образотворчої традиції не обов'язково повинен проходити суворо паралельно, знаходячись в залежності від впливу різних чинників та специфіки засобів вираження. Окрім того, про власне скіфську оповідальну традицію відомості досить обмежені.

Для розкриття семантики хвоста птаха в мистецтві звіриного стилю цікаві савроматські бляхи з солярними знаками, на яких прями́ пир'їни, певно, повинні були також демонструвати сонячну променистість. Пов'язування орлиного птаха з сонцем — загальний пласт вірувань, що сягає ще протоарійської традиції, бо широко відображений в Рігведі [Елизаренкова 1989, с. 447].

Розміщення птаха в верхній частині композиції відповідає її місцю в міфологічній картині світосприйняття, при тлумаченні самих зооморфних метаморфоз як відбиваючих уявлення про динамічну, циклічно мінливу єдність скіфського “космосу” [Раевский 1985]. Наведені зображення знаходяться в семантичному полі “олень (ширше — копитна тварина)-сонце-птах”, де олень (кінь) виступає еквівалентом “космосу” і при жертвоприношенні на зразок ашвамедхи відбувається його відтворення. Але це досить узагальнені моменти змісту звіриного стилю, конкретику якого важко відтворити за браком збереженої інформації.

В цілому серія існуючих аналогій виглядає досить однорідно і відноситься до мистецтва 5 ст. до н.е., яке характеризується поступовою втратою своєрідного експресіонізму ранніх зображень, що ґрунтувався на органічному поєднанні реалізму та стилізації; коли почали зростати суперечні тенденції до натуралізму з однієї сторони і

орнаменталізації з іншої та, як вважається, широким розповсюдженням прийому зооморфних перетворень. Втім, зооморфні перетворення — одна з найяскравіших ознак власне всього стилю і зустрічається у вигляді додаткових зображень вже на найбільш архаїчних взірцях.

В цій серії публікуемий нащочник є одним з ранніх, бо виражає в найбільш чистому вигляді художню ідею зображення голови і ноги копитної тварини з заміщенням рогів пташиними елементами. Взагалі, в даному випадку ми маємо скорочене, згорнуте відтворення (голова+нога), яке походить від еталонного оленя-птаха з підібганими ногами. Як на першоджерельні в художньому відношенні можна послатися на перші-ліпші зображення скіфських оленів.

“Скорочене” зображення в звіриному стилі — один з проявів характерної риси світосприймання індоіранських народів взагалі, коли під часткою розуміли ціле (парціальна магія), що простежується, наприклад при жертвоприношеннях [Кузьміна 1976, с. 56]. Причому, частка власне і була тим цілим, сприймаючись цілком широ. В письмових текстах [Рігведа] поширені “згорнуті” поетичні формули, окремі провідні слова, що наяком передають зміст цілого міфу, пропуски (брахіологія) [Елизаренкова 1989, с. 494–495, 501, 527].

Простежується вплив блях з головою оленя (лося) на іншу серію — блях з мордою лева. На деяких зображеннях шия лева трактувалася як моделююча площина (рис. 1: 16), а на деяких наслідувала пружковому зображенню ноги на вищеописуваних бляхах (рис. 1: 17). І оскільки це навряд чи може бути деріват лапи хижака, бо іконографія її інша та відсутні зображення такого роду блях, побудованих за впевненою схемою “голова лева+лапа” (деяке виключення, але іншої композиційної будови, становлять наносники з мордою хижака та пальметою, яка перегукується з відтворенням лапи), скоріше за все маємо справу з чисто формальним використанням геометричного елемента, запозиченого від оленячих блях з ногою вздовж шиї. Відповідно, останні “логічно” більш ранні, а прототипні з них, зокрема, бляха з села Грозове, повинні і хронологічно дещо випереджати виробництво блях з лев’ячою головою та шиєю-пружком. Втім, мав місце і протилежний вплив, коли у лев’ячоголових блях з трактованою гривою (рис. 1: 18), безпосередні прототипи яких відомі в Передній Азії, запозичена оленячими бляхами іконографія гриви (рис. 1: 9, 12, 15; 2: 8).

Таким же чином, як на нащочниках із стилізованим зображенням оленя та — в неявному вираженні — лева, на блясі з с. Малокатеринівка (к. 17, п. 1–2) [Плешивенко 1996, табл. XIV: 7–8] виготовленній у вигляді голови грифона, вухо фантастичного птаха з пружком на шиї одночасно є ногою з копитом. Цей елемент передано так само, як і на блясі з с. Грозове. Також ідентична їй і трактовка орлиноголового наносника з цього вуздечного набору (рис. 1: 7). Схожість цих двох комплексів підкреслюється і територіальною наближеністю — між великим скіфським могильником на правому березі Конки, куди входив курган 17, та місцем знахідки в Лелиховій балці близько 25 км.

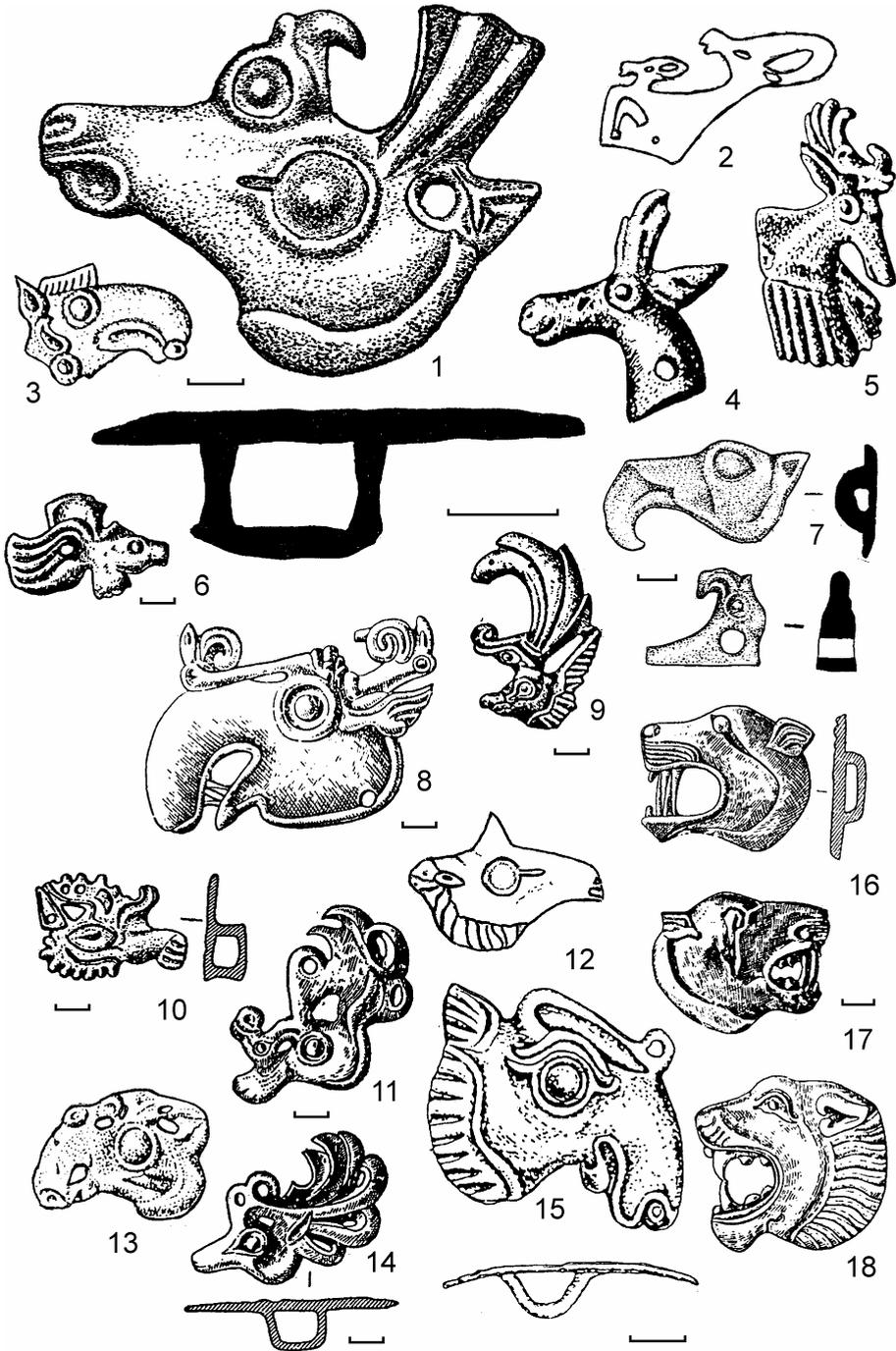

Рис. 1. Вуздечні бляхи: 1 — Лелихова балка; 2 — Луристан (за М.М. Погребовою, Д.С. Раєвським); 3 — Майкоп; 5,17 — Журовка, к.401; 7 — с. Малокатеринівка, гр.1, к.17, п.1–2; 6,9 — Звенигородський повіт; 8 — с. Грищенці, к.10; 10 — с. Кошевате; 11,14 — с. Берестняги; 12 — Часті кургани, к.4; 13 — Німфей, к.1; 15 — Добруджа; 16 — Журовка, к.400; 18 — ур. Дар'івка.

Рис. 2. Вуздечні бляхи: 1 — с. Велика Яблунівка, могильник Д, к.198; 2 — Журовка, к.401; 3 — Ак-Мечеть; 4 — Малі Семибратні кургани; 5 — Борзна, к.2; 6 — Жданов, к.7; 7 — с. Нова Розанівка; 8 — с. Тур'я, к.459; 9 — Стила; 10 — Крайова; 11 — Курган Кулаковського; 12 — Перший Мордвинівський курган.

Треба зазначити, що відтворення голови копитного з додатковим розміщенням пташиної голови, що передують власне зображенням

оленя-птаха, з'являються ще в епоху архаїки. Так на блясі з-під Майкопу [Ильинская, Тереножкин 1983] горбоносу морду (умовно, лося) біля шиї доповнює стилізована пташина голова (рис. 1: 3). Кружало на губі разом з оком птаха та лося утворюють трикутник — прийом, характерний для архаїчної традиції (напр., кільчасті кінцівки лап у хижака, чи трактовка морди кружальцями). Витоки ж його сягають ще кімерійського орнаменту [Раевский 1984]. Дериват такого трикутника можна вглядіти і на блясі з с. Грозове (гіпертрофоване око оленя, орла та ажурний отвір біля копита), що надає їй схожості з ранніми виробами.

З-під Чигирина походять дві кістяні бляхи (знаходяться в експозиції московського ГИМ, інв. № 18913) у вигляді масивної, майже прямокутної морди тварини з головою орла, розташованої таким же чином, як і на майкопському екземплярі [див.: Vorovka 1928].

Простота, відсутність античних пальметок та волют, певний геометризм композиції, чіткість та повнота канонічної ідеї згорнутого відтворення орлиного оленя з підібганими ногами дозволяє вважати бляху з Лелихової балки найбільш раннім та еталонним виробом в ланцюгу наступного наслідування та тиражування. Вірогідна дата виготовлення — не пізніше початку V ст. до н.е., верхня ж хронологічна межа, можливо, могла сягати і шостого сторіччя.

Принципи побудови таких композицій знаходять відповідність в бронзах Луристану, звідки були запозичені скіфами під час передньо-азійських походів [див. Погребова, Раевский 1992, с. 151]. Загальними рисами Лелихової бляхи та наведеного зображення є додаткове “прирощення” іншої фігури до основної та окреме подання ноги копитної тварини (рис. 1: 2). М.М. Погребова та Д.С. Раевський згадують також наслідувальну бляшку з Ульських курганів, що утворює певний континуум в цій лінії розвитку.

Але стилістична відмінність прототипу ще раз демонструє, що хоча скіфський звіриний стиль і складався на теренах Передньої Азії та був значною мірою новоутворенням, характерні особливості, завдяки яким він впізнається, були принесені хвилями номадів десь з глибин континенту.

На окремому прикладі публікуємої бляхи та пізніших виробів подібного типу можна простежити шлях скіфського мистецтва від тих змін, що зазнав звіриний стиль в Передній Азії під час скіфських походів, в тому числі і завдяки залученню в той чи інший засіб місцевих майстрів, на чому акцентував увагу Р. Гіршман. Далі, в шостому сторіччі, головним чином, мабуть, в виробничих центрах Лісостепового Подніпров'я, в Передкавказзі та завдяки праці мандрівних скіфських майстрів в Степовому Причорномор'ї [Ольговський 1999; 2000] іде подальший інтенсивний розвиток скіфського мистецтва. До цього етапу відноситься і бляха з с. Грозове, в побудові якої ще відсутні античні запозичення. Розробляючи тему хвилястості пташиного хвоста в синкретичному образі птахооленя, скіфські майстри створили багате розмаїття варіацій як в повному зображенні фігури оленя, так і в редукціях, подібних до бляхи з Лелихової балки, які використовувались головним чином в оздобленні кінської вузди, а також як прикраса озброєння (щит, сагайдак, панцир).

Елементи античної орнаментики з поширенням торговельних зв'язків з грецькими полісами були творчо пристосовані скіфськими майстрами до зооморфного характеру звіриного стилю (трактовка пальметки як пташиного хвоста, волоти — як дзьоба, розетки — як ока) і набувають широкого розповсюдження в V ст. до н.е.

Присутність грецької орнаментики на виробках звіриного стилю давала підставу дослідникам вважати їх продукцією північно-причорноморських колоній. Але детальний аналіз кольорової металообробки в Скіфії спростовує цю тезу і доводить до висновку, що центрами бронзового ливарництва були лісостепові поселення Середнього Подніпров'я. Залишки ж виробництва бронзових предметів в Ольвії є слідами виїздної ремісничої діяльності скіфських майстрів, які працювали як на потреби колоністів, так і для скіфів, що відвідували місто [Ольговський 1997; 1999; 2000]. На цій підставі потрібно дещо змінити акценти у взаємовідносинах двох мистецьких напрямків, бо запозичення мотивів античної орнаментики було творчим доробком скіфських ремісників, які досить своєрідно за своїми уподобаннями використовували її в розвитку звіриного стилю, а ніяк не еклектикою греко-скіфського синтезу.

Свого часу М.І. Ростовцев [2001 с. 276], пишучи про предмети оздоблення скіфської кінської вузди (зокрема, прикрашені пальметками), звертав увагу на те, що “вони, звичайно, могли бути створені тільки тими, хто відчував оригінальність і своєрідну чарівність цього стилю, тобто ні в якому разі не грецькими майстрами”.

Повертаючись до подальшої долі блях птахо-оленів, треба зазначити, що останніми виробами, в яких простежується відгомон цих зображень, були бляхи-“півники” (рис. 2: 12), розповсюджені в Північному Причорномор'ї та Середньому Подніпров'ї [Канторович 1992].

Ці абстраговані витвори, поширені в другій половині IV ст. до н.е., виникли на основі більш ранніх фракійських нащочників типу екземплярів кладу з Крайова (рис. 2: 10), які, в свою чергу, є переробками двох прототипних виробів скіфського звіриного стилю. З одного боку — кінських нащочників у вигляді задніх лап хижача, а з другого — композицій з зображенням зооморфних перетворень згорнутого у кільце вовка, типу бляхи з кургану Кулаковського (рис. 2: 11) або с. Долинного.

Фракійські нащочники були доповнені знов, вже в Скіфії, мотивом хвилястості з “скорочених” зображень птахо-оленя, образ якого, як зазначалося, з п'ятого сторіччя набув широкого розповсюдження по поясу євразійських степів від Уралу до Дунаю.

Дивлячись на це, складається враження, що скіфський звіриний стиль пройшов у своєму розвитку логічний шлях від стилізацій до

Рис. 3.

цілковитої абстракції і поступово рухаючись в пошуках довершеності в напрямку нищення зображення, припинив своє існування. Звичайно, що такі явища не обмежувались суто мистецькими чинниками і відбувались у відповідності з складним комплексом ідеологічних, економічних та політичних процесів.

Але можливо, що приблизно тому ж алгоритмові наслідувало мистецтво кінця ХІХ — ХХ ст., що гойдуло маятник відходу від реалізму та розпочавши з імпресіонізму, невблаганно наближалось до “чорного квадрату” абстракціонізму.

Література

- Елизаренкова Т.Я.* Ригведа — великое начало // Ригведа. Мандалы I-IV. М., 1989.
- Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. К., 1968.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII-IV в.в. до н.э. К., 1983.
- Канторович А.Р.* “Петушки” – один из образов звериного стиля степной Скифии // Граковские чтения на кафедре МГУ. 1989–1990 гг. М., 1992.
- Кокорина Ю.Г.* Аналогии в построении образа хищной птицы в скифском изобразительном искусстве и древних письменных памятниках // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994.
- Кузьмина Е.Е.* Скифское искусство, как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Мозолевський Б.М.* Товста Могила. К., 1979.
- Ольговский С.Я.* Бронзолитейное ремесло в Северном Причерноморье и Поднепровье в архаический период // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. конф. памяти А.И. Тереножкина. Ч. II. Кировоград, 1987.
- Ольговський С.Я.* Сурм’яні сплави в Нижньому Побужжі // Археологія. № 3. 1999.
- Ольговський С.Я.* Робота варварських ливарників у Ольвії архаїчної доби // Музейні читання (Музей історичних коштовностей). К., 2000.
- Плешивенко А.Г.* Курганы села Малокатериновка. Запорожье, 1996.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.
- Раевский Д.С.* От киммерийского орнамента к скифскому звериному стилю // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Ростовцев М.И.* Юг России и Китай — два центра развития звериного стиля // МИФ 7. София, 2001.
- Vorovka G.* Scythian Art. L., 1928.

ПЕЧАТИ ИЗ СУДАКА (к вопросу об интерпретации)¹

Печати из судакского архива, о которых пойдет речь, не так давно были изданы мною в восьмом томе “Studies in Byzantine sigillography” [Stepanova 2003, p. 123–130]. Обращение к уже изданному материалу вызвано тем, что в статье дано, как правило, лишь краткое описание и чтение печатей и в ряде случаев требуется их дополнительное исследование и интерпретация.

Наряду с уже ставшими обычными для этого архива печатями архонтов Херсона и главных логофетов [Šandrovskaja 1993, p. 90–93, 96–97; Stepanova 1999, p. 55–56, 52–54; Stepanova 2003, p. 123–124], удалось прочесть еще ряд моливдовулов, которые также представляют большой интерес для истории Сугдеи².

Две печати относятся к первоначальному периоду существования архива печатей. Одна из них (рис. 1: 1) датируется концом VII — первой половиной VIII в. Датировка устанавливается благодаря наличию крестообразной инвокативной монограммы на лицевой стороне, которая появляется лишь во второй половине VII в. Печать принадлежала ипату Сисиннию. “Ипат” этого времени — достаточно низкий титул в системе византийской титулатуры. Печати Сисиния, других пар матриц, известны по корпусу печатей Г. Закоса-А. Веглери [Zacos, Veglery 1972, nos. 2366, 2367, 3047, 3048].

Другой моливдовул (рис. 1: 2) может быть датирован второй половиной VII — первой половиной VIII в. Среди прочих печатей судакского архива он привлекает внимание, прежде всего, хорошей сохранностью, что встречается в этой группе сфрагистических памятников очень редко. Лицевую сторону печати занимает необычного вида инвокативная монограмма, расшифровывающаяся как “Богородица, помоги”. Такую монограмму нам удалось отыскать только на печати Павла диакона из коллекции Г. Закоса, датируемой 650–750 гг. [Zacos, Veglery 1972, no. 1576]. Эта монограмма сочетается со сложной крестообразной монограммой на обороте, включающей, по-видимому, имя заказчика — Феофан, Феофил или Феофилакт, и его титул или должность, данные в дательном падеже.

Необычна печать Карпа (?), императорского спафария и стратига Херсона (рис. 1: 3)³. Лицевую сторону печати занимает инвокативная

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 05-01-91112 а/ук.

² Общая оценка состава архива дана в статье Е.В. Степановой [Степанова 2001].

³ Другие печати стратигов Херсона опубликованы [Šandrovskaja 1993, p. 95–98]. Издание Н.А. Алексеенко [Алексеенко 1998] моливдовулов из херсонесского архива печатей уточнило чтение одной из печатей из судакского архива: Епифаний, протоспафарий и стратиг Херсона [Stepanova 1999, p. 54; Булгакова 2004].

монограмма V типа (по В. Лорану). На обороте надпись из четырех строк, эпиграфической особенностью которой является “А” с ломаной горизонтальной переключкой. Такая форма “А” характерна для VI — VII вв. и едва “доживает” до середины IX в. Учитывая время создания фемы в Херсоне, моливдовул можно датировать серединой IX в. Этот сфрагистический памятник входит в малочисленную группу печатей стратигов Херсона (вместе с печатями Фоки, Константина и Зоила), относящихся к 40–50 гг. IX в., т.е. к начальному периоду существования этой фемы [Зайбт, Зайбт 1995]. Их объединяет наличие invocative крестообразной монограммы на лицевой стороне. Интересно отметить, что, судя по печатям, стратигам Херсона этого времени присваивались достаточно низкие титулы, не характерные для чиновников такого ранга, — императорский спафарий или даже ипат. Низкий статус владельцев печатей может быть связан с политической ситуацией в Крыму, когда новая фема Херсон потеряла свое значение вскоре после своего основания.

Еще одна — фрагментированная — печать является шестой по счету таможенной печатью в судакском архиве (рис. 1: 4) [Šandrovskaja 1993, p. 85–89; Šandrovskaja 1995, p. 153–155; Шандровская 1995; Stepanova 1999, p. 56]. На лицевой стороне поясное изображение Льва III, держащего длинный крест на сфере, вторая фигура — Константина V — отсутствует. Моливдовул относится к числу печатей императорских коммерций, датированных 730–833 гг., поэтому, несмотря на то, что верхние строчки не видны, они восстанавливаются как τῶν βασιλικῶν κομμερκίῶν. Далее идут несохранившиеся географические названия, которые заканчиваются фразой μέχρι τοῦ Πολερονίου = “вплоть до Полемония”, т.е. речь идет о территории, примыкающей к южному побережью Черного моря. Это первая таможенная печать, где обозначено данное географическое название. До сих пор оно было известно, в основном, по печатям VIII–XI вв., принадлежавшим епископам Полемония, подчинявшимся митрополитам Неокесарии [Laurent 1963, no. 499; Catalogue 4.30.1]. В конце легенды судакской печати указан индикт 4. Учитывая время правления Льва III и Константина V, моливдовул можно отнести к 735/736 гг.

Следующая печать (рис. 1: 5) датируется XII в. На лицевой стороне погрудное изображение св. Георгия. На обороте надпись в пять строк: Σφραγίς μονάχου τυυχάνῳ Θεοδούλου = “Я — печать монаха Феодула”. Нижние строчки легенды восстанавливаются благодаря параллельному экземпляру, изданному В. Лораном [Laurent 1972, nos. 2004]. Следует отметить, что это лишь вторая церковная печать, после печати Петра, архиепископа Сугдеи [Баранов, Степанова 1997; Stepanova 1999, p. 47–48], в составе сфрагистического архива Судака.

Следующая печать (рис. 1: 6) имеет метрическую надпись на обеих сторонах. Она читается следующим образом:

Δου-κὸς σφρα-γίζω | | τὰς γρά-φὰς τοῦ Κ[ουρ]κουῦ-α =
“Я опечатаваю письма дуки Куркуаса”.

По ряду сфрагистических признаков этот экземпляр относится к концу XI — началу XII вв. Родовое имя заказчика печати — Куркуас.

Семья Куркуасов, армянская по происхождению, хорошо известна в истории Византии IX — XII вв. В IX — XI вв. из Куркуасов вышел ряд византийских полководцев, в родстве с ними состоял византийский император Иоанн Цимисхий, к XI — XII вв. относятся сведения о Куркуасах — гражданских чиновниках и духовных лицах, в т.ч. о патриархе константинопольском в 1143–1146 гг. — Михаиле II. Родовое имя — Куркуас — на судакском моливдовуле восстанавливается благодаря параллельным экземплярам, опубликованным в последнее время И. Йордановым. Все печати связаны своим происхождением с Болгарией. Четыре моливдовула разных матриц хранятся в Археологическом музее города Пловдива (средневекового Филиппополя) [Jordanov 1995, р. 119–121]. Еще одна печать была найдена за последнее десятилетие на территории византийской крепости Добри Дол, которая находится в 47 километрах от Пловдива [Jordanov 2001]. Собственное имя Куркуаса в легенде этих печатей не обозначено, но И. Йорданов, на мой взгляд, совершенно справедливо отождествил заказчика опубликованных им печатей с проэдром Григорием Куркуасом, печать которого была найдена в составе архива печатей византийских стратигов 971–1081 гг. в Преславе [Йорданов 1993, № 82] (параллельный экземпляр хранится в собрании Государственного Эрмитажа). На лицевой стороне этой печати представлено погрудное изображение св. Меркурия. И. Йорданов предположил также [Йорданов 1985, с. 167–168], что тот же Григорий Куркуас упоминается в греческой надписи на плите вторичного использования, обнаруженной в церкви села Баткун недалеко от Пловдива. Надпись сохранилась не полностью и включает в себя следующую фразу: “Григория протопроедра (или протокуропалата — к сожалению, сохранилась лишь первая буква титула) и дуки Филиппополя Куркуаса”, далее стоит номер индикта и год, из которых следует, что надпись относится к 1090–1091 г.

Судя по всему, печать дуки Куркуаса, найденная в Судаке, принадлежала именно Григорию Куркуасу, дуке Филиппополя, который занимал там этот пост в 90-х гг. XI в.

Какие события могли заставить Григория Куркуаса отправить послание в Сугдею? Возможно, это было связано с очень непростой внешнеполитической обстановкой, сложившейся на северных границах империи, на Балканском полуострове, после начала византийско-печенежской войны в 1086 г. Многочисленные набеги кочевников и сражения с ними Алексея I, исход которых для византийской армии в основном был неудачным, создавали необходимость концентрации всех военных сил империи. Об этом часто упоминается в “Алексиаде” Анны Комниной [Анна Комнина 1996, с. 203, 214, 232, 234], главным и едва ли не единственным источником, так подробно освещающем этот период византийской истории. Как пишет автор, для борьбы с печене-

гами (Анна Комнина называет их скифами) Алексей I не раз собирал войско отовсюду. Так было и накануне решающего сражения 29 апреля 1091 г. “Император приложил все усилия, чтобы письмами вызвать отовсюду наемное войско...Алексей еще раньше в письме поручил Мелиссину собрать как можно большее число воинов, причем призвать на службу не ветеранов (их он прежде распределил по западным городам для охраны наиболее важных крепостей), а новобранцев из числа болгар и кочевников (их в просторечии называют влахами) и тех, кто пешие и конные явятся к нему из всех других областей” [Анна Комнина 1996, с. 232]. Возможно, занимавший высокое положение на иерархической лестнице Григорий Куркуас, как и Никифор Мелиссин, отвечал за сбор войска, и письмо, посланное в Сугдею, было связано именно с этим.

Еще одна печать (рис. 1: 6) также датируется концом XI — началом XII вв. Двусторонняя метрическая надпись гласит: Σφρα — ὑἱς βε-στάρ — χου || Κ[ε] — βρηνοῦ — Γεωργί — ου = “Печать вестарха Георгия Кедрина”.

К настоящему моменту печатей этого чиновника насчитывается достаточно много, и что очень важно, известно их происхождение. Одна из них была найдена в Румынии, в районе древнего города Новиодунум (Noviodunum), располагавшемся на правом берегу Дуная, к северу от современной Добруджи. В последний раз она была переиздана несколько лет назад И. Барней и Н. Зайбт. Они датируют этот экземпляр последней третью XI в. В статье тех же авторов имеется упоминание о том, что в Болгарии, возможно, хранится еще один аналогичный экземпляр. Следующая печать Георгия Кедрина, вестарха, из коллекции К.Д. Смычкова, происходит из Херсонеса [Смычков 2005, с. 48]. Моливдовул того же Георгия был опубликован Л. Максимовичем и М. Поповичем [Maksimović, Popović 1993, p. 139]. Он хранится в Национальном музее Белграда и был найден на территории северной Сербии, в придунайском районе, в Велико Градиште, на месте одного из важных укрепленных пунктов оборонной системы северной границы империи в XI — XII вв.

По всей видимости, все опубликованные печати оттиснуты одним буллотирием и появились примерно в одно и то же время.

О заказчике этих печатей, в т.ч. и судакской, можно сказать определенно только то, что, судя по титулу, это был высокопоставленный чиновник. Титул вестарха, известный со второй половины X по начало XII в., в основном сочетался с исполнением должности, его давали военным и гражданским столичным чиновникам высокого ранга, таким как эпарх Константинополя, хартуларий сакеллы, друнгарий флота, а также чиновникам, исполняющим обязанности в провинции, например, катепану Болгарии, судье Фракии и Македонии и т.д. Так как в легенде Георгий именуется только вестархом, то речь, по-видимому, идет о человеке, причастном к придворной службе. По мнению Н. Иконоmidиса, вестархи имели отношение к обслуживанию личного гардероба императора [Oikonomides 1972, p. 299–300].

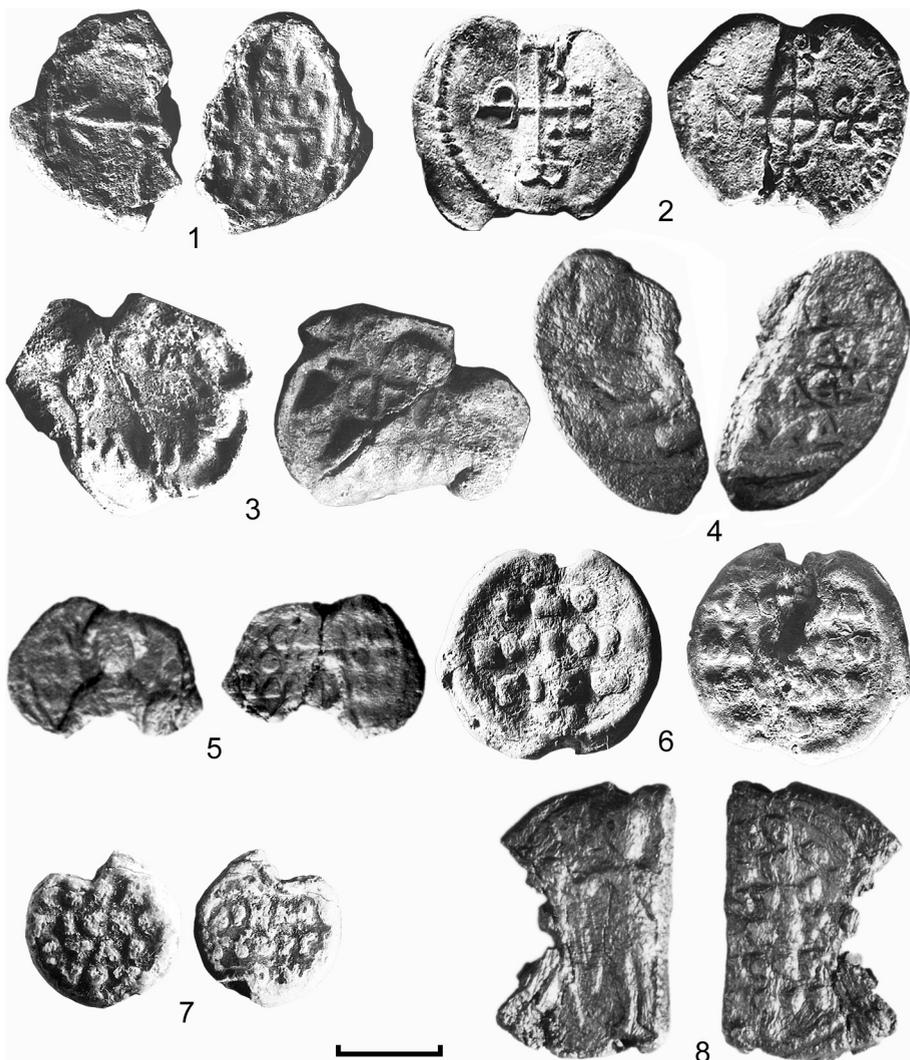

Рис. 1.

В связи с этим, особого внимания заслуживает гипотеза, высказанная И. Барней и Н. Зайбт, которые предполагают, что заказчиком печати мог быть автор очень известной всемирно-исторической хроники *Σύνοψις ἱστοριῶν* (“Обозрение историй”) рубежа XI — XII вв., которая включает историю от сотворения мира до 1057 г. Подтвердить это предположение сложно, поскольку биография Георгия Кедрина не известна [Hunger 1978, s. 243–278]. Однако служба заказчика печати при дворе усиливает позиции этой гипотезы, поскольку многие византийские авторы исторических сочинений занимали там высокое положение, как например, Михаил Пселл, который также имел титул вестарха. Нередко они выполняли важные поручения императора. Исходя из этого, можно предположить, что обнаружение печатей Георгия

Кедрина на обширной территории, включающей Балканы и Крым, связано с исполнением некоего поручения императора, которое, скорее всего, носило дипломатический характер.

Печати Георгия Кедрина и Куркуаса показывают, насколько увеличивается историческая ценность сфрагистических памятников, даже не имеющих в легендах указания места службы владельцев, в том случае, если известно их происхождение.

Наконец, особый интерес представляет еще одна фрагментированная печать (рис. 1: 7), датированная концом XI в. На лицевой стороне представлен архангел Михаил в рост со скипетром в правой руке.

На обороте надпись из семи строк: [Κύριε] βοήθει [Μιχ]αήλ [ἄρχο]υτ(ι) Μα[τράχου], Ζιχ[ίας καὶ] πάση[ς Χα]ζαρίας. =

“Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии”.

Параллельный экземпляр из берлинской коллекции был издан Н. Банеску в 1941 г. [Bănescu 1941]. А совсем недавно, в 1990-е годы, было найдено еще две печати того же Михаила других пар матриц в Керчи [Древнерусские вислые печати 1997]. Публикация Банеску вызвала бурную и длительную дискуссию, связанную с тем, что история региона, обозначенного в легенде печати, в конце XI — первой половине XII в. неясна. Основная проблема, которая разделила исследователей на две группы, заключалась в следующем: кто был заказчиком печати — византийский чиновник или древнерусский князь. То есть по сути дела был поставлен вопрос о времени восстановления византийской власти на этой территории. Сторонники первой точки зрения, сам Н. Банеску, Ф. Дэльгер, А. Грегуар, В. Лоран, А.П. Каждан считали, что владелец печати Михаил был византийским чиновником. Это бы свидетельствовало о том, что после того, как князь Олег Святославич покинул Тмутаракань в 1094 г. и переехал в Чернигов, эти земли вошли в состав империи. Другие исследователи — А.В. Соловьев, В.Л. Янин, Г.Г. Литаврин [Soloviev 1961, p. 239; Янин 1970, с. 28–36; Litavrin 1965] — считали, что эта печать принадлежала самому Олегу Святославичу, получившему при крещении имя Михаила. В 1079 г. князь Олег был схвачен хазарами и выдан Византии, где провел четыре года в плену. В 1083 г. он вернулся в Тмутаракань, как считают многие исследователи, с помощью греков, и правил там до 1094 г.

Сложность интерпретации проистекала не только из запутанности истории этого региона, но была связана также с характером самого термина “архонт”, т.е. “начальник”, “правитель”, который очень широко применялся в Византии при обозначении различных должностей. Г. Шлюмберже, например, называл семь разных вариантов использования этого термина [Schlumberger 1884, p. 442]. Среди них гражданские, военные и церковные руководители центральной администрации Византии, главы городов и регионов, а также суверенные князья, соседи и союзники империи [Guiland 1967, t. I, p. 393].

Сфрагистический материал показывает, что к моменту появления печати Михаила архонты как провинциальные чиновники Ви-

зантии исчезают, в употреблении этот титул остается в основном за союзниками и федератами империи.

Хорошо известны печати древнерусских князей, переяславских, черниговских, смоленских, волынских, середины XI — начала XII вв., в легендах которых имеется титул “архонт” [Янин 1970, с. 16–26]. Однако есть и другие моливдовулы не византийских правителей, где этот титул присутствует. Примером может служить недавно найденная в Болгарии, в цитадели средневекового Drastara (Durostorum), печать Иоанна, магистра и архонта Патцинакии (родовое имя заказчика не читается). Издатель сфрагистического памятника, И. Йорданов [Jordanov 1992, р. 80–81], предполагает, что Иоанн был главой одного из племен печенегов, которые поселились на территории империи после середины XI в. в статусе федератов.

От более раннего времени сохранились печати болгарских правителей Бориса-Михаила (865–889) и Симеона I (893–927), где они названы архонтами Болгарии [Йорданов 2001, с. 31–43]. Интересно отметить, что в отношении печати Бориса-Михаила (Михаил — христианское имя этого правителя) в научном мире в 20–80 гг. XX в. также развернулась дискуссия, аналогичная той, которая связана с печатью Михаила, архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии. Если болгарские ученые изначально придерживались мнения, что моливдовул принадлежал болгарскому князю Борису и датировали его IX в., то В. Лоран относил памятник к XI в. и предполагал, что его заказчиком был византийский правитель фемы Болгария. Е. Арвейлер датировала печать IX в. и считала, что в это время в устье Дуная находилась византийская эскадра, управлявшаяся данным архонтом.

Вероятно, традиция официального⁴ именованья иноземных правителей титулом “архонт” начала формироваться ранее IX в. На это, как будто, указывает печать Мавра, патрикия и архонта Сермисианов и Болгар, относящаяся ко времени около 700 г., в котором исследователи усматривают приближенного праболгарского вождя Кубера [Йорданов 2001, с. 13–15].

Однако вернемся к печати Михаила. Итоги научной дискуссии были подведены в статье В.П. Степаненко [Степаненко 1996]. Согласно его мнению, влияние Византии на этой территории усилилось после того, как в 1083 г. Олег Святославич вернулся в Тмутаракань после четырехлетнего плена. В этом случае печать Михаила, архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии, можно расценивать как печать князя, связанного с империей определенными вассальными обязательствами. Ее появление в архиве Судака, на мой взгляд, является дополнительным тому свидетельством.

Вышеприведенные печати, как и опубликованные прежде, вновь возвращают нас к вопросу о том, какого рода был архив Сутдеи, от которого сохранились только некогда привешенные к документам пе-

⁴ Следует различать употребление этого термина, как и ряда других, в официальных документах, в т.ч. и на печатях, и в нарративных источниках.

чати. Если прежде считалось, что архив был таможенным, из-за большого количества печатей коммерциариев и главных логофетов, то теперь, на мой взгляд, можно говорить о том, что он имел общегородской характер, поскольку владельцы большинства найденных печатей не были непосредственно связаны с финансовой деятельностью.

Литература

- Анна Комнина.* Алексиада / Перевод с греческого Я.Н. Любарского. Санкт-Петербург, 1996.
- Алексеевко Н.А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. Вып. 6. Симферополь, 1998.
- Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма, 1. Симферополь, 1997. С. 83–87.
- Булгакова В.И.* Печати стратигов Херсона из находок в Сугдее // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004. С. 384–388.
- Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 году // Новгород и новгородские земли. Новгород, 1997.
- Зайбт Н., Зайбт В.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Вып. 27. Симферополь, 1995.
- Йорданов И.* Корпус на печатите на средневековна България. София, 2001.
- Йорданов И.* Управители на Филипопол през X — XI в. // Юбилеен сборник. Пловдив, 1985. С. 164–172.
- Йорданов И.* Печатите от стратегията в Преслав (971–1088). София, 1993.
- Смычков К.Д.* Моливдовулы с фамильными именами из случайных находок в Херсонесе // XIII ВНК. Тезисы. М., 2005. С. 48–49.
- Степаненко В.П.* К статусу Тмутаракани в 80–90 годы XI века // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996. С. 254–263.
- Степанова Е.В.* Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. Т. 32. Екатеринбург, 2001. С. 97–108.
- Шандровская В.С.* Таможенная служба в Сугдее VII — X вв. // АДСВ. Вып. 27. Симферополь, 1995. С. 119–123.
- Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X — XV веков. Т. I. М., 1970.
- Bănescu N.* La domination byzantine à Matracha (Tmutarakan), en Zichie, en Khazarie et en Russie à l'époque des Comnènes // Bulletin de la Section Historique de l'Académie Roumaine. Vol. 2. Bucarest, 1941.
- Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. Vol. 4. Washington, 2001.

- Guilland R.* Recherches sur les Institutions Byzantins. Berlin-Amsterdam, 1967. I–II.
- Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner, I. Munchen, 1978.
- Jordanov I.* Byzantine Lead Seals from the Stronghold near Dobri Dol, Plovdiv Region // *Revue Numismatique*. Vol. 157. 2001.
- Jordanov I.* Medieval Plovdiv according to the sphragistic data // *SBS*. Vol. 4. Washington 1995. P. 111–138.
- Jordanov I.* Sceau d'archonte de Patzinakia du XIe siècle // *Études balkaniques*. No. 2. 1992.
- Laurent V.* Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin: L'Eglise. Paris, 1963, 1965, 1972. Vol. V, 1–3.
- Litavrin G.G.* À propos de Tmutorocan // *Byzantion*. Vol. 35. 1965.
- Maksimovič L, Popovič M.* Les sceaux byzantins de la region danubienne en Serbie // *SBS*. Vol. 3. Washington, 1993. P. 113–142.
- Oikonomides N.* Les listes de preseance byzantines des IX et X siecles. P., 1972.
- Šandrovskaja V.* Die funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // *SBS*. Vol. 3. Washington, 1993. P. 85–98.
- Šandrovskaja V.* Die neuen Funde an byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // *SBS*. Vol. 4. Washington, 1995. P. 153–161.
- Šandrovskaja V.* Das siegel eines ΧΑΛΚΟΠΡΑΤΗΣ aus Sudak // *SBS*. Vol. 6. Washington, 1999. P. 43–46.
- Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantin. P., 1884.
- Soloviev A.V.* ΑΡΧΩΝ ΡΩΣΙΑΣ // *Byzantion*. T. XXXI, pt. 1. 1961.
- Stepanova E.* New seals from Sudak // *SBS*. Vol. 6. Washington, 1999. P. 47–58.
- Stepanova E.* New finds from Sudak // *SBS*. Vol. 8. München-Leipzig, 2003. P. 123–130.
- Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead seals. Basel, 1972. Vol. I, 1–3.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ

В 2004 г. Судакской археологической экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины по заказу Национального заповедника “София Киевская” были проведены археологические исследования в центральной части Судакской крепости (АР Крым, г. Судак)¹. Общая площадь раскопа составляет 200 кв. метров, при глубине до 1,8 м. Работы сосредоточены на участке жилых кварталов средневекового города, примыкающем с юга к храму “Девы Марии” и являются продолжением исследований, начатых И.А. Барановым при нашем участии в 1979–1985 гг.²

При проведении исследований был использован апробированный ранее метод изучения памятника ступенчатыми площадями с участками размером 10×5 м. Такой метод позволяет получить данные о планировке города, а главное, продолжая систематизировано раскопки квартала с севера на юг (между двумя центральными улицами), получить в перспективе поперечный стратиграфический разрез городища. В комплексе с найденными материалами и письменными источниками это позволит реконструировать хронологию исторических этапов развития средневековой Сугдеи (Солдайи). Наряду с исследованиями средневековых строений и культурных напластований, предполагалось изучение закрытых комплексов и типов отдельных групп материала, включая импортную керамику, послевизантийского периода. С целью сохранения памятника для последующей музеефикации, в процессе работы учитывались особенности естественного водостока и проведена консервация архитектурных остатков известковым раствором.

Открытые архитектурные остатки привязывались к общей топооснове, а вертикальные обмеры к прежней “нулевой” отметке, вынесенной в 1985 г. на стены храма. Для унификации описания открытых при раскопках объектов, участкам присвоены номера с арабскими цифрами (1, 2, 3, 4), помещениям — буквенные обозначения “А”, “Б”, “В” и “Г”, отдельным кладкам — римские цифры.

Работы по исследованию жилого квартала в центральной части Сугдеи (Солдайи) были начаты с зачистки раскопа 80-х годов. Примыкающий к старому раскопу участок был разбит на четыре части, каждая 10×5 м (соответственно, под № 1, 2, 3, 4). Между ними и ста-

¹ Автор благодарит сотрудников Национального заповедника заведующего отделом “Судакская крепость” к.и.н. А.М. Фарбея и вед.н.сотрудника к.и.н. В.В. Майко за оказанную помощь в организации и проведении исследований.

² Баранов И.А. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости 1985 г. Архив Национального заповедника “София Киевская”.

рым раскопом оставлены контрольные бровки (соответственно, 1–1', 2–2', 3–3', 4–4', 6–6'). Исключение составляет контрольная бровка 5–5', сохраненная для уточнения стратиграфии жилых помещений Б и А (рис. 1). Раскопки велись по всем четырем участкам одновременно до уровня XVI — XVII вв. На уровне XIV — XV вв. — только на участках 1,2,3, что являлось вынужденной мерой, связанной со сложностью работ на многослойном памятнике и необходимостью концентрации рабочих для зачистки кладок. При исследовании памятника до глубины 1,0–1,8 м (в зависимости от рельефа холма), выявлены три временных строительных периода.

Первый (верхний) период наиболее поздний. Прослеживается на уровне от 0,2 до 1,2 м (в высшей точке холма) в зависимости от рельефа. Отдельные фрагменты кладок данного времени сохранились в юго-восточной части участка № 4. Они ограничивают часть небольшого помещения. Фрагмент северной стены (XXIV), длиной 3,2 м прослеживается по отдельным камням, стоящим торцом без фундамента на грунте. Кладка сложена насухо. Участок стены (XXXVI) длиной 3,0 и толщиной 0,7 м ограничивает помещение с запада, и сохранился несколько лучше. Кладка сложена на глине. Не исключено, что данный фрагмент стены более раннего периода, к которому было пристроено временное сооружение. В юго-западном углу помещения находился очаг с поддувом из обломка керамической трубы, перекрытой сверху плоскими камнями. На участке раскопа № 1 на том же уровне также находился открытый очаг, ограниченный отдельными камнями. На примыкающей территории частично сохранилась вымостка из плоских плит сланца. В восточной части участка 2, где вымостка сохранилась лучше всего, под ней поверх более ранней кладки уложены насухо камни, бревно, которые подкладывались под плоские плиты, чтобы поднять их на тот же горизонтальный уровень.

При раскопках были обнаружены отдельные обломки кувшинов и тарелок красной глины, некоторые с поливой зеленого цвета, характерные для позднего времени. Среди иных находок — фрагменты медной миски, бронзовая шпора, шрапнель, и др., свидетельствующие о том, что настоящее помещение и вымостка относятся к времени размещения в крепости Кирилловского полка российской армии, т.е. не ранее 1771–1774 гг. Редко встречающиеся фрагменты амфор и иных сосудов более раннего происхождения, вплоть до VIII — X вв., вероятно, связаны с примыкающими с востока глубокими ямами — следами поздних перекопов. Слой второй половины XVIII в. достаточно четко прослеживается в стратиграфических срезам: грунт серо-коричневого цвета с примесью фрагментов керамики, костей животных, древесного угля, камня и щебня. Раскоп заложен на доминирующем в округе холме, откуда просматриваются развалины всех солдатских казарм. Описанное помещение находится на высшей точке холма в центре вымощенной площадки. Сложенное из вторично использованных камней, оно могло быть связано с армейскими сооружениями временного характера, например, караульное помещение.

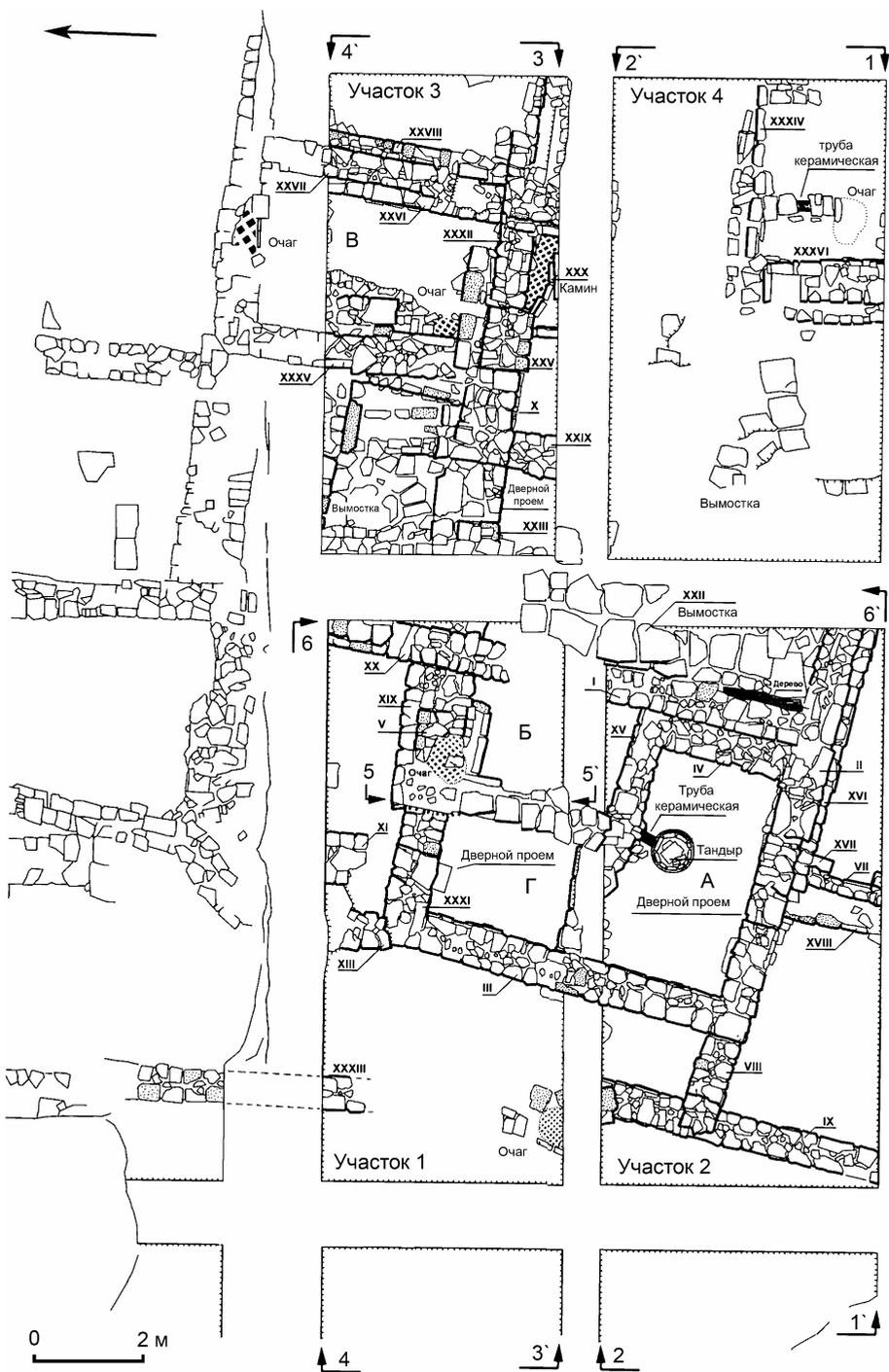

Рис. 1. План раскопок жилого квартала к югу от храма Девы Марии в центральной части средневековой Солдаи.

Второй период, прослеживаемый в культурном слое ниже вымостки. На этом уровне выявлено три помещения: А, Б, В, соответственно, на участках раскопов № 2, 1, 3.

Помещение “А” (участок раскопа № 2) пристроено к развалинам более ранней стены III (с запада) и XVI (с юга). С целью поднять высоту последней, поверх была уложена кладка II. С востока помещение ограничено кладкой IV и с севера — XV. Все стены сложены из дикого камня местных сланцевых пород на глине. Толщина стен от 0,6 до 0,7 м. Общая площадь постройки 5,5×4,0 м. В стене IV имеется ниша, ограниченная плоскими камнями стоящими торцом. Не исключено, что на первичном этапе строительства данной стены здесь находилось окно, но позже, после перестройки, оно использовалось в хозяйственных целях как ниша. На дне проема толстый слой извести.

Культурный слой, заполняющий помещение, сохранился толщиной от 0,7 до 1,2 м в зависимости от рельефа холма. Пол четко прослеживается тонким слоем плотной глины зеленоватого цвета, толщиной от 3 до 5 см. В северной части помещения имелся тандыр диаметром около 1,0 м. Конструкция следующая: в полу было сделано углубление, которое обмазано толстым слоем глины от 3 до 5 см. По кругу уложены камни. С севера был устроен поддув из керамической трубы, выходявшей сквозь стену XV. Внутри тандыра, который вероятно в конце использовался как обычный очаг, пепел серо-оранжевого цвета, по краям прокаленная глина оранжевого цвета. Сверху, когда данный очаг перестали использовать, был уложен плоский камень. Какого-либо материал в очаге отсутствует. Предположительное функциональное назначение помещения — кухня.

При зачистке заполнения помещения обнаружены фрагменты черепицы-керамиды, амфор константинопольского типа, тарных толстостенных красноглиняных кувшинов с плоским днищем, кухонных сероглиняных сосудов. В числе поливной керамики фрагменты оранжевоглиняных кувшинов с зеленой поливой, тарелок и мисок красноглиняных с поливой желтых оттенков и растительным орнаментом выполненным методом сграффито, коричневого цвета, с коричневыми и зелеными мазками. На уровне пола, кроме аналогичной керамики, найдены фрагмент сосуда с росписью кобальтом, фрагменты красноглиняных тарелок под голубой глазурью с росписью растительным орнаментом и без таковой. Многочисленные мелкие фрагменты стенок стеклянных сосудов, глиняная курительная трубка, железный нож с костяной ручкой.

На уровне 0,4–0,7 м в культурном слое найден ряд монет, в том числе серебряные времени ханства Сахиб-Герая I (1532–1550 гг.), чеканки 941–947 гг.х. (1533–1540 гг.)³.

Помещение “Б” расположено на участке раскопа № 2. Общая площадь — 4,5×3,5 м. Данная пристройка с севера примыкает к поме-

³ Определение нумизматического материала проводилось заместителем руководителя КО ИВ НАНУ, к.и.н. В.А.Сидоренко.

щению “А”. С севера ограничено ранней стеной XIX, поверх которой надстроена кладка V. С юга — уже упомянутая кладка XV. С востока старая стена XX была разобрана. На данном уровне помещение ограничивалось стеной I, которая сохранилась частично. С запада стена отсутствовала. Все кладки, аналогично помещению “А”, имеют толщину от 0,6 до 1,0 м, сложены из дикого камня местных пород на глине. Кроме того, прослеживается вторичное использование ракушечника, вероятно взятого из развалин храма.

В северо-западном углу помещения, на уровне пола находился камень-ракушечник, с характерным отверстием для деревянной опоры. Здесь же пристроено к стене ограждение из камней сланца и ракушечника, поставленных торцом, на расстоянии 0,5 м. Вероятно, это кормушка для животных. Пол помещения, как и в помещении “А” прослеживается по слою плотной зеленоватой глины. Чуть выше, на уровне “кормушек” для животных, обнаружен толстый слой древесного угля и фрагменты обуглившихся жердей. Таким образом, можно предположить, что данное помещение являлось хозяйственной пристройкой или навесом перекрытым жердями, сгоревшими и рухнувшими в результате пожара.

Керамика и иные находки встречаются намного чаще, чем в помещении “А”, но по характеристикам аналогичны. Исключение составляет гонуэзско-татарская монета, найденная на уровне пола, чуть ниже слоя пожара, датируемая 1467–1475 гг. На лицевой стороне изображение св. Георгия на коне, поражающего змея, на обратной — в центре тамга Гераев в линейном круглом ободке, вокруг звездочки.

Помещение “В” исследовано на участке раскопа № 3 и состоит из 2 частей.

С запада небольшая комната, внутренняя площадь 4,0×3,5 м (внешние размеры — 5,5×5,6 м). Исследована основная часть помещения, т.к. частично оно оказалось в пределах раннего раскопа И.А. Баранова. Глубина культурного слоя 0,7–1,0 м. Исследованная часть комнаты ограничена кладками XX, XXIII, XXXV. С южной стороны кладка XXIII уложена поверх более ранней — X. В данной стене имеется дверной проем шириной 1,1 м, обозначенный как углами стены, так и ступенями. Ширина стен от 0,7 до 1,2 м. Сложены они из камня местных пород и ракушечника, на глине. Пол вымощен сланцевыми плитами. В стене XXXV имеется выступ шириной от 0,2 до 0,5 м и параллельно ему стоящие ребром камни на расстоянии от 0,3 до 0,5 м от стены. Не исключено, что это опоры для скамейки, лежанки или широкой полки. Следов камина или очага не обнаружено. Керамический материал на данном участке встречался редко и по характеристикам аналогичен ранее описанному.

С востока — вторая комната, которая имеет все признаки жилого помещения. Также как и соседнее помещение, с северной стороны оно ограничено стеной, исследованной раньше, а в пределах участка № 3 кладками XXXV, XXXII, XXVIII. Причем кладка XXXII также достроена поверх более ранней стены X. Общая внутренняя площадь комна-

ты 4,0×3,0 м, внешняя 4,7×5,6 м. Аналогично первому помещению пол был вымощен сланцевыми плитами. В восточной стороны кладка XXVII уложена поверх более ранней стены XXVI, в результате чего образовался выступ шириной до 0,3 м. В северо-западном углу сделан помост с опорой на подмощенные камни из плит сланца шириной до 1,0 м, и стоящий выше основной вымостки на 0,3 м. Вероятно, это опора для лежанки. В северной части по центру стены — камин в виде ниши, шириной 1,5 м и глубиной до 0,6 м.

Указанное помещение, состоящее из двух комнат, претерпело, как минимум, три перестройки. Ранние стены, включая X, сложенные на глиняном и в западной части на известковом растворе, были перестроены. Изначальный проем в стене X заложен кладкой на глиняном растворе (XXV). Общим входом служил проем, упомянутый в первой комнате. Около полустенка с южной стороны находился очаг, в котором в толстом слое золы найдены три фрагмента керамических курительных трубок, включая одну с красным ангобом и одну с клеймом. Именно к этому строительному периоду относится каменная вымостка помещения. Найденные в нижнем слое монеты датируются от второй половины XIII в. и до 1362 г. Таким образом, можно констатировать, что перестройка помещения осуществлялась во второй половине XIV в. Этому же времени соответствует керамический материал, увы, имеющий более широкие временные рамки.

В этот же временной период с юга к стене X вероятно примыкало еще одно жилое помещение, обозначенное камином (XXX). Однако, продолжение исследования данного участка № 4 нами перенесены на следующий полевой сезон.

В последующем, после временного промежутка запустения и разрушения, помещение было разделено на две почти равные части и вход в восточную комнату оказался с востока. Он обозначен дверным проемом шириной 0,8 м и ступенью. Сверху развалин стены XXVI, толщиной около 1,0 м, сложена более тонкая кладка XXVII на глине толщиной 0,6 м. Внутренняя часть снивелирована грунтом и щебнем на высоте 0,5 м выше вымостки. Тогда же устроен камин в северной части помещения шириной 0,8 м. Керамический материал данного слоя соответствует описанному в помещениях “А” и “Б”. Здесь же были найдены плохо сохранившиеся медные монеты, и среди них серебряная монета Девлет-Герая I, датируемая 957–985 гг.х. (1550–1577 гг.). Таким образом, последняя перестройка помещения была осуществлена во второй половине XVI в.

В итоге хозяйственные помещения “А” и “Б”, а также последний период перестройки жилого помещения “Б” можно отнести к так называемому “турецкому времени”, т.е. концу XV — первой половине XVIII вв. Пожар деревянной кровли, а также древесные угли, проследживаемые на том же уровне по всей площади раскопа, связаны, скорее всего, с локальным возгоранием. Тем не менее, следует упомянуть, что слои пожара в пределах тех же широких временных рамок фиксируются как в поздних постройках над храмом “Девы Марии”,

так и в башне Флиско Лавани. И.А. Баранов в упомянутом отчете 1985 г. предположил, что городской пожар мог быть связан с набегом гетмана Сагайдачного на Кафу и Судак в начале XVII в. Окончательные выводы о причинах пожара можно будет сделать только исследовав более широкие площади.

Третий (нижний) период функционирования жилых помещений к югу от храма нами исследован частично, в основном на участках раскопа № 1 и 2. Толщина культурного слоя до 0,5 м, на глубине от 1,0 до 1,8 м в зависимости от рельефа. С третьим периодом связано крупное здание, на развалинах которого в последующем возникли поздние постройки турецкого времени. Здание не совсем правильной прямоугольной формы было ориентировано З-В. Исследованная часть совпадает со стенами, открытыми ранее при раскопках И.А. Баранова. Изученная часть постройки имеет размеры не менее 10×7 м. Предположительно жилой дом был расположен параллельно храму и вероятно составлял с ним единый комплекс. Первоначально здание являлось отдельно стоящей постройкой, но в последующем было соединено перпендикулярными стенами с южной стеной храма. В результате образовались дополнительные комнаты, частично исследованные при раскопках в 1980-х годах.

В изученной нами части здание было ограничено внешними стенами: с севера — X, с запада — XX, с юга — XVI. Восточная и юго-восточная часть здания не исследована. Стены сложены из местного камня сланцевых пород на глине. Примесь известкового раствора прослеживается только на одном из перестроенных участков стены X. Традиционно, с внешней стороны уложены более крупные камни, составляющие панцирь, внутри при забутовке — использованы более мелкие. Толщина стен от 0,7 до 1,0 м. В западной части стена XVI завершается выступом, укрепляющем стену от “сползания” с холма. С запада к зданию было пристроено еще одно помещение площадью 5,5×7,0 м. Оно ограничено кладками II, III, XXXI, толщиной 0,7 м, аналогично сложенными из дикого камня на глине. Пристроенный в юго-западном углу контрфорс лег основанием на более раннюю постройку (кладка IX), идущую параллельно стене III на расстоянии 1,3 м и уходящую ниже исследованного слоя.

Здание было разделено на несколько помещений. В северной части это нижний слой помещения “В” имевшего вход с южной стороны. Выше мы упоминали, что дверной проем был заложен в турецкий период, помещение разделено на две комнаты и перестроено. Культурный слой под плитами нами пока не был исследован. Вероятно, с ним соединялось и следовательно примыкало еще одно жилое помещение, которое обозначено кладками X, XXIX и камином (XXX). Западная пристройка образовала помещение “Г”. Пол данного помещения, которое нами наиболее полно изучено в процессе работ, четко прослеживается по всей площади — слой плотной глины зеленоватого цвета толщиной не более 2–3 см. Первоначально в южной стене имелся дверной проем, который был заложен и едва прослеживается

по шву в кладке П. В северной части помещение функционально соединялось с еще одной комнатой, которая оказалась раскопанной раньше в 1980-х годах. Вход в нее обозначен дверным проемом и ступенью в северо-западной части помещения “Г”, пол которого вероятно был несколько ниже по уровню.

В заполнении помещения обнаружены многочисленные фрагменты амфор константинопольского производства с дуговидными ручками, амфор с высокоподнятыми ручками, кувшинов тарных оранжевоглиняных толстостенных, кувшинов поливных оранжевоглиняных с зелеными оттенками поливы, тарелок и мисок поливных на кольцевидных поддонах с поливой желтых и желто-зеленых оттенков, украшенных растительным орнаментом сграффито — линии темнокоричневых и зеленых тонов, иногда разводы и мазки пятен коричневого и зеленого цвета. Здесь же фрагменты люстровых сосудов, обломки керамических светильников. Найдены железные гвозди, нож железный с костяными накладками на рукояти, фрагменты пластинок и вещей из бронзы, наперсток, костяная пуговица и иные вещи хозяйственного назначения.

В верхнем слое заполнения в числе обнаруженных медных и серебряных монет самые поздние датируются 1467–1475 гг. (генуэзско-татарские). На уровне пола, в нижнем слое найдены монеты 1380 / 81 гг. (Джучиды, анонимная, Крым, 782 г.х.) и 1223–1255 гг. (Османское государство, Махмуд II). Керамический материал, имеющий более широкие рамки, соответствует данному времени.

Таким образом, ранняя постройка третьего (нижнего) периода функционировала в промежуток второй половины XIV в. до последней четверти XV в. Запустение, следствием которого стало последующее разрушение здания, вероятно связано с захватом полуострова Османской империей в 1475 г. и по времени совпадает с прекращением функционирования храма “Девы Марии”. Окружающая постройку территория, в соответствии со слоями, характеризуется аналогичными находками.

Таким образом, в итоге полевых исследований получены следующие результаты:

Установлена западная граница центрального квартала средневекового города XIV — XVII вв. к югу от храма “Девы Марии”. Граница улицы с востока прослеживается по рельефу почвы, старому раскопу 1983–1985 гг. и участкам, исследованным в 2004 г. Таким образом, квартал начинался от средневековых хранилищ в северной части города и простирался к югу, включая храм, стоящий на возвышенности.

К югу от храма “Девы Марии” исследован участок культурного слоя площадью 20×10 м и максимальной глубиной 1,8 м (в зависимости от рельефа возвышенности). При этом выявлено три исторических периода функционирования жилых и хозяйственных построек имеющих от 2 до 3 перестроек в каждом:

- первый период (верхний), относящийся ко второй половине XVIII — началу XIX вв., предположительно связан с размещением в крепости Кирилловского полка российской армии, т.е. не ранее 1774 г. Прослеживается по каменной вымостке и временным сооружениям;
- второй период (средний) относится к концу XV — началу XVIII вв., т.е. к времени владычества в Крыму Османской империи. Прослеживается по хозяйственным и жилым постройкам, возникшим на развалинах более ранних стен;
- третий период (нижний) соответствует второй половине XIV в. и до 1475 г., т.е. относится к так называемому генуэзскому или генуэзско-татарскому времени истории Сугдеи (Солдайи). С данным периодом связана крупная жилая постройка, разделенная на несколько помещений и входившая в единый комплекс с католическим храмом “Девы Марии”.

Все периоды четко разграничены временными промежутками запустения и разрушения стен построек, что фиксируется в стратиграфических разрезах. Указанные даты подтверждаются археологическими находками фрагментов характерной керамической кухонной и столовой посуды, тары, многочисленными монетами и иными вещами.

В 2005 г. предполагается продолжить исследования жилых кварталов крепости, объединив изученные объекты с храмом “Девы Марии” в единый комплекс.

МОГИЛЬНИК КАРШИ-БАИР В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ (ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА)

В период полевого сезона 1998 года отряд Севастопольской археологической экспедиции Национального заповедника “Херсонес Таврический” (начальник отряда — А.А. Филиппенко) проводил охранные исследования могильника Карши-Баир, расположенного к юго-востоку от станции Верхнесадовая Нахимовского района г. Севастополя.

Наши исследования охватили два участка захоронений, которые в период с 1995 по 1998 гг. подверглись сильному разграблению. Участки вытянуты вдоль склонов близлежащих возвышенностей — отрогов хребта Карши-Баир и имеют каждый свои особенности. Поэтому они были условно обозначены нами Карши-Баир I и Карши-Баир II.

К моменту начала наших работ (9 апреля 1998 года) на обоих участках было разграблено более 30 погребальных сооружений. Точнее установить число грабежей не удалось, так как значительная часть грабительских ям была засыпана. Наиболее доступные из ограбленных погребальных сооружений были доследованы и нанесены на сводный план могильников в ходе исследований. Так как грабежи продолжаются, такие работы мы были вынуждены проводить и позднее, в 1999–2002 гг.

Могильник представляет собой линии погребальных сооружений (склепы, подбойные и простые грунтовые могилы), вытянутые вдоль склонов отрогов хребта Карши-Баир по направлению, близкому восток-запад. Древняя дневная поверхность горизонта захоронений находится на глубине около 0,5–0,6 м от современной поверхности. Среди грабительских ям по этому горизонту в двух случаях отмечены скопления обломков стенок амфор, не поддающихся определению. Возможно, это остатки погребальной тризны. Кроме того, в грунтовых могилах зафиксированы захоронения свиней, вскрытые и потревоженные грабителями.

Всего было исследовано десяток склепов, около двух десятков подбойных могил, две простые грунтовые могилы, кроме того, дополнительно обмерялись и зачищались и другие погребальные сооружения, подвергнутые ограблению. Склепы и могилы были вырыты в плотном глинистом грунте. Склепы — обычной конструкции, с длинным дромосом, коротким входным коридорчиком и подпрямоугольной в плане камерой. Свод камеры, там, где это можно было установить, чаще двускатный, имитирующий кровлю крыши, с прорезными углублениями в грунте. В стенах устраивались ниши-полки, в которых стояла стеклянная и гончарная посуда. Для захоронений использовались деревянные гробы, сделанные из досок или в виде колод, сохранявшиеся, как правило, в виде тлена; иногда они сохранялись почти полностью.

Захоронения в склепах — единичные или по 2–3 и более человек в каждом. Умершие были положены или вдоль стен склепов,

или — реже — поперек, как правило, вытянуто на спине, кисти рук могли располагаться в районе таза. В склепе № 7 найдено среди других погребений захоронение одних только ног. Многие черепа имели прижизненную искусственную деформацию. Подбойные могилы чаще были одинарные, иногда — двойные. В одной грунтовой могиле (КБ-II, м. 1) были найдены останки одного погребенного, а в другой (КБ-I) — трех человек. Погребальный инвентарь достаточно разнообразен.

Статья посвящена рассмотрению изделий из металла, важных для определения хронологии погребальных комплексов и, в некоторой степени, их этнокультурной атрибуции. Изделия представлены фибулами, пряжками, наконечниками ремней, декоративными накладками, перстнями, кольцами, серьгами, браслетами, колокольчиками, туалетным набором, зеркальцем, ножами, кинжалами, мечом. В одном из погребений (КБ-II, скл. № 4) были найдены пронизи из белого и желтого металла.

В погребальных комплексах могильника найдено 5 фибул. Все они изготовлены из бронзы или низкопробного серебра (белый металл). Одна из них — двухпластинчатая с дуговидной спинкой (рис. 1: 1).

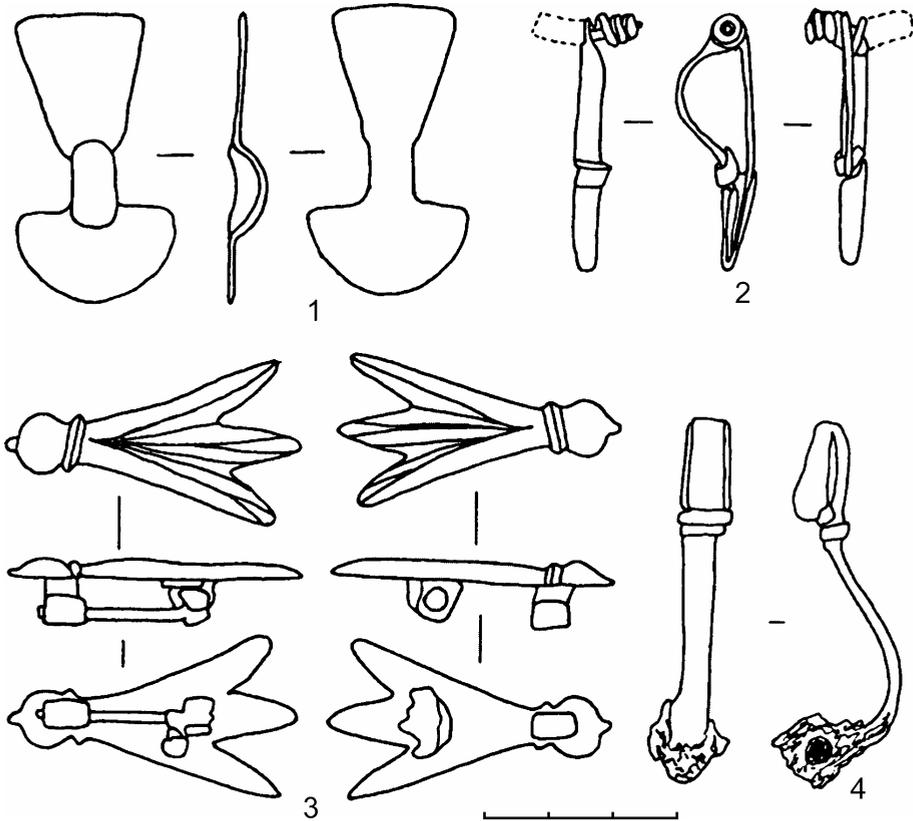

Рис. 1. Могильник Карши-Баир. Фибулы.

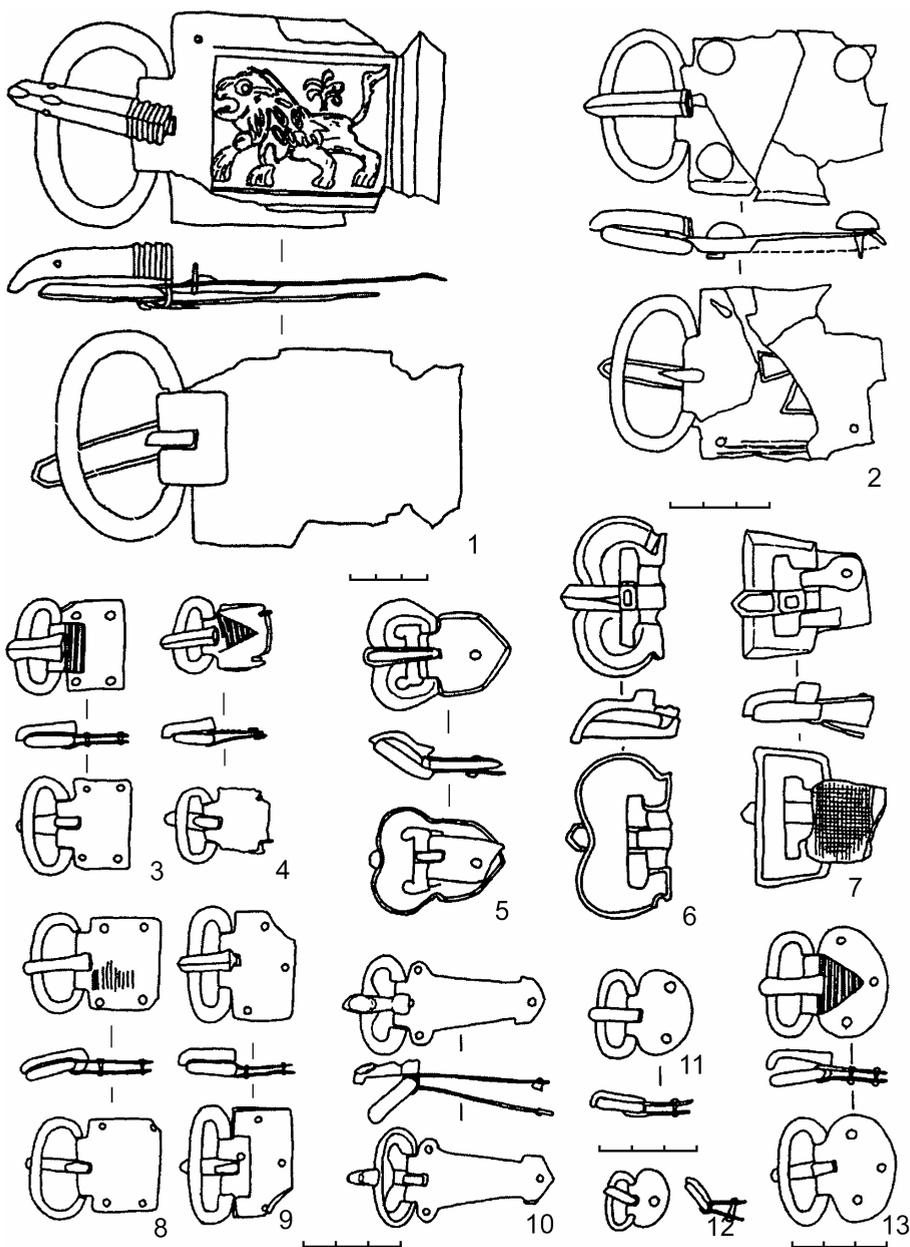

Рис. 2. Могильник Карши-Баир. Пряжки.

Щиток над несохранившейся пружиной — полукруглой, почти трапецевидной формы. Точной аналогии такой фибулы нами не найдено. У фибул этого типа щиток (“ножка”) чаще бывает ромбовидной в плане. Обычно такие фибулы относят к IV веку [Амброс 1966, с. 77; 1994, с. 77, рис. 2: 17]. У скалистинской фибулы, которая несколько напоминает нашу, ножка ромбовидной формы. Две фи-

булы — прогнутые подвязные с узкой ножкой. Первая из них (из склепа № 5) — несколько меньшего размера, напоминает фибулу из могилы 29 некрополя Харакс [Амброз 1966, табл. 1: 16; Айбабин 1990, с. 187, рис. 8: 6]. Ось пружины другой фибулы была сделана из железа, теперь сильно корродированного. А.К. Амброз относил подобные фибулы к 1 серии (крымский вариант), датируя их первой половиной IV в. н.э. [Амброз 1966, с. 66, табл. 11: 16]. А.И. Айбабин считал, что они более поздние — первой половины V в. н.э. [Айбабин 1990, с. 187, рис. 8: 4]. Еще две фибулы — в виде брошь — “цикад”, отлитых, по всей видимости, в одной форме, найдены в склепе 3 (КБ-II, погр. 3) (рис. 1: 3, 4). А.К. Амброз относил такие изделия к V в. н.э. [1966, с. 35, табл. 18: 24; 1994, рис. 5: 3]. А.И. Айбабин датировал подобные броши V — началом VI вв. н.э. [1990, с. 189, рис. 10: 13; 1999, с. 313, табл. XXVII, 154].

Пряжки, поясные и обувные, представлены 17 типами, которые, в свою очередь, по размерам, технологии изготовления, отсутствию или наличию изображений делятся на несколько групп. Привлекают внимание большие пряжки с изображением на щитках. На одном из них изображен крест (рис. 2: 2). Похожие экземпляры найдены в погребениях Херсона, Скалистого [Айбабин 1990, с. 207, рис. 28: 3; 1999, с. 131, рис. 53: 1, 2] и в лучистинских склепах [Айбабин, Хайрединова 1996, с. 506, рис. 11: 13]. Находки из Чуфут-Кале А.К. Амброз датировал первой половиной VII в. [Амброз 1994, с. 83, рис. 7: 11]. Обычно такие пряжки считаются принадлежностью германского женского костюма [Айбабин 1999]. На щитке другой пряжки виден царь зверей под пальмой (рис. 2: 1). Иконография изображения этой пряжки уникальна, хотя пряжки со львами не так уж редки в Крыму. Что касается датировок, то одну из находок с изображением кошачьего хищника из Суук-Су А.К. Амброз отнес к первой половине VII в. [1966, с. 83, рис. 7: 10]. Есть они и в лучистинских склепах [Айбабин 1990, с. 207, рис. 7: 4; 1999, рис. 53: 4; 1995, рис. 28].

Рамки и держатели крупных пряжек обычно литые, меньшего размера — из проволоки (рис. 2: 3–13), многочисленны и датируются в пределах IV — середины VI вв. В качестве примера можно назвать пряжку с трапециевидной массивной бронзовой рамкой (КБ-I, скл. № 5, подъемный материал). На нижнем щитке сохранился фрагмент ремня (?). У таких пряжек ремень мог крепиться к рамке и без щитка, с помощью заклепок [Айбабин 1990, с. 225, рис. 46: 3; табл. XXX, 16]. Такие пряжки — частая принадлежность поясного набора [Воронов, Шенкао 1982, с. 159, рис. 22: 5; Unbekannte Krim 1999, s. 91]. В степи их носили достаточно долго, на протяжении VI — VII вв. [Степи Евразии ... с. 176, рис. 60: 51].

Пряжка с литой рамкой, вытянутым щитком и массивным язычком (рис. 2: 10) представлена единичным экземпляром (КБ-I, скл. № 7). Точные аналогии не известны. Типологически близка находка из Керчи [Айбабин 1990, с. 217, рис. 38: 16]. Такие пряжки могли изготавливаться в Херсонесе — там найден бракованный экземпляр, несколько напоминающий нашу пряжку [Айбабин 1999, с. 169, рис. 73: 7].

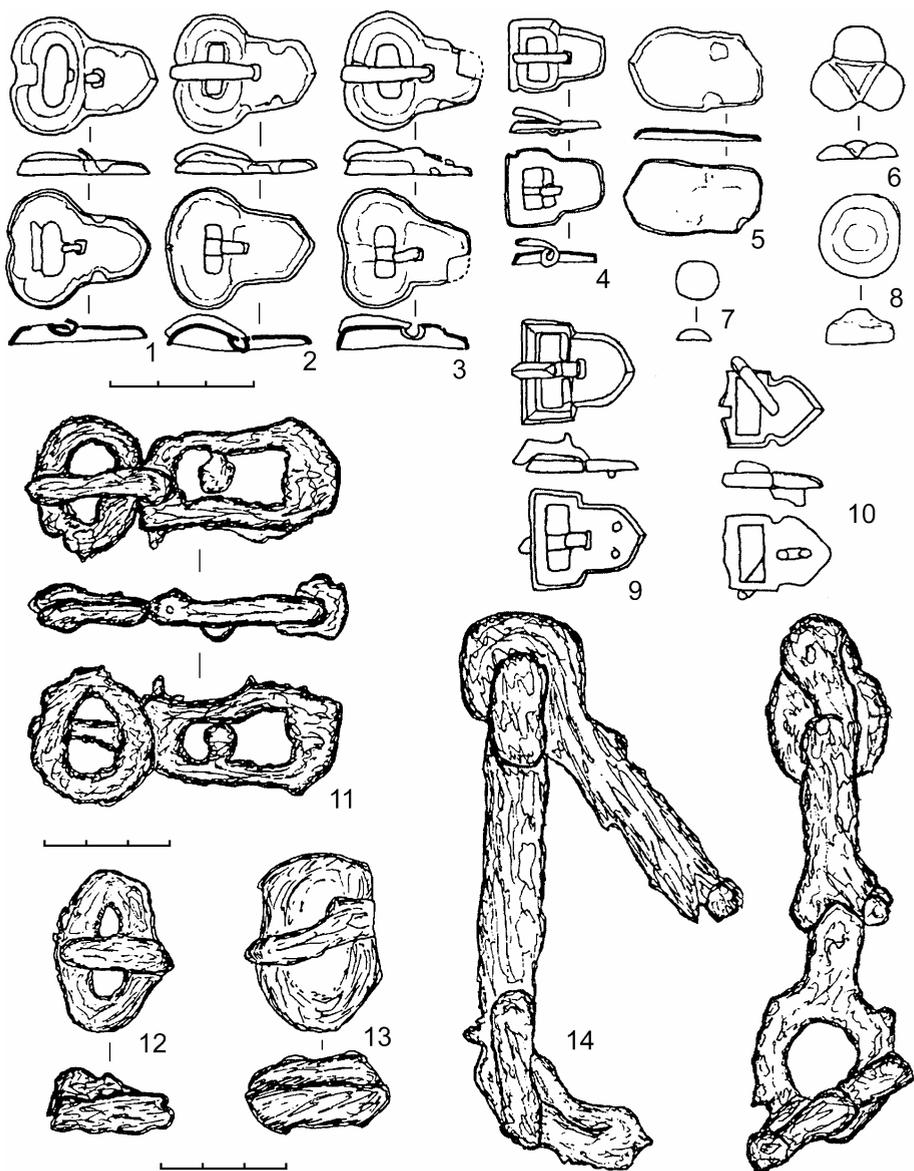

Рис. 3. Могильник Карши-Баир. Пряжки, накладки, детали конской узды.

Среди других пряжек можно отметить и псевдо-пряжки из очень тонкого бронзового листа, обтянутые золотой фольгой (рис. 3: 1–5). Найдены две небольшие пряжки с трапециевидной и прямоугольными рамками и геральдическим щитком (рис. 3: 9, 10) (КБ-II, ПБ № 2). Первая из них изготовлена из тонкого металлического листа с треугольным в сечении язычком, вторая — литая (?) [Ср.: Айбабин 1999, с. 316, т. XXX, 7]. Подобные пряжки широко бытовали в степных и лесостепных районах Евразии VI — VII вв. [Степи Евразии ... с. 176, рис. 60: 25, 27; Амброс 1979, с. 124, рис. 38: 1, рис. 29: 1–3, с. 123, рис. 29: 23, с. 115; Генинг 1979].

Железные пряжки. Одна из них (КБ-I, скл № 7 — рис. 3: 11) удлинённых пропорций, с круглой рамкой относится к деталям конской узды (рис. 3: 14), другие — с овальной рамкой (КБ-II, ПБ № 3, ПБ № 6, скл. № 8 — рис. 3: 12–13). Такие пряжки достаточно часто находят в крымских погребениях [Айбабин 1990, с. 103, рис. 38: 7].

Обкладке шкатулки принадлежат небольшие круглые выпуклые накладки из тонких листов желтого металла (рис. 3: 7–8).

В качестве поясной гарнитуры присутствуют **наконечники ремней** (рис. 4: 12). Изготовлены из тонких пластинок белого металла или бронзы, в погребениях обычно находились попарно, а в погр. 1 скл. № 7 (на участке КБ-I) обнаружено 3 таких экземпляра. В крымских могильниках они встречаются достаточно часто [Айбабин 1990, с. 226, рис. 47: 14; Айбабин 1999, с. 63, рис. 21: 7, 13, 5]. Упомянем еще и такие не частые находки в могильнике как накладки в виде “пропеллера” (КБ-I, скл. № 5, погр. 1 — рис. 3: 5, 6; скл. № 7, погр. 1). Материал — бронза. Аналогии им также известны, как в Крыму, так и на Северном Кавказе — с “крыльями” прямоугольной формы [Амброз 1979, с. 115, рис. 29: 35, с. 84, рис. 10: 65; Айбабин 1999, с. 63, рис. 21: 27], или, как в Приуралье — овальной [Генинг 1979, табл. Д].

Из женских погребений происходят **серьги** с многогранниками. Изготавливались они из низкопробного серебра или бронзы. Являются обычной принадлежностью женского убора. Чаще это не обычные серьги, а подвески-колты. А.И. Айбабин датировал их второй половиной V — первой половиной VI вв. [1990, с. 24, рис. 1: 3; 1999, с. 102, рис. 37: 5; Айбабин, Хайрединова 1998, с. 292, рис. 10: 7,8]. В могильнике Дюрсо А.К. Амброз отнес их ко второй трети VI в. [1979, с. 106, рис. 19: 20, 25]. В качестве украшений использовались перстни, браслеты. Все найденные браслеты однотипны, были сделаны из бронзы или белого металла (предположительно, низкопробного серебра), отличаются только размерами. Концы их слегка утолщены. В погребениях встречаются обычно парами. По мнению А.И. Айбабина, они также составляют обычную принадлежность германского женского костюма [1999, с. 102, рис. 37: 3], однако их находят и в погребениях кочевников [Засецкая 1994, табл. 40: 12]. В качестве подвесок использовались **колокольчики**. Все они бронзовые. Подвешивались при помощи бронзовой петли (см.: КБ-I, скл. № 5) (рис. 4: 8–17).

В одном из комплексов найдено зеркальце с центральным ушком, орнаментированное выпуклой волнистой линией (КБ-I, скл. № 1, погр. 4 — рис. 4: 6). Это типичная принадлежность сармато-аланских погребений [Степи Евразии в эпоху средневековья... с. 179, рис. 62: 19–21; Флеров 1998, с. 533, рис. 5: 227]. Абсолютно точную аналогию изображения на зеркальце нам найти не удалось. Оно несколько напоминает рисунок на детали украшения из склепа 41 некрополя Лучистое [Айбабин, Хайрединова 1996, с. 280, рис. 4: 1]. Подобные зеркальца известны в Приазовье [Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, с. 9, табл. 6: 63, каталог № 12], на Северном Кавказе и в Центральной Европе времени Великого переселения народов [Амброз 1979, с. 96, рис. 10: 5,13; рис. 6: 11].

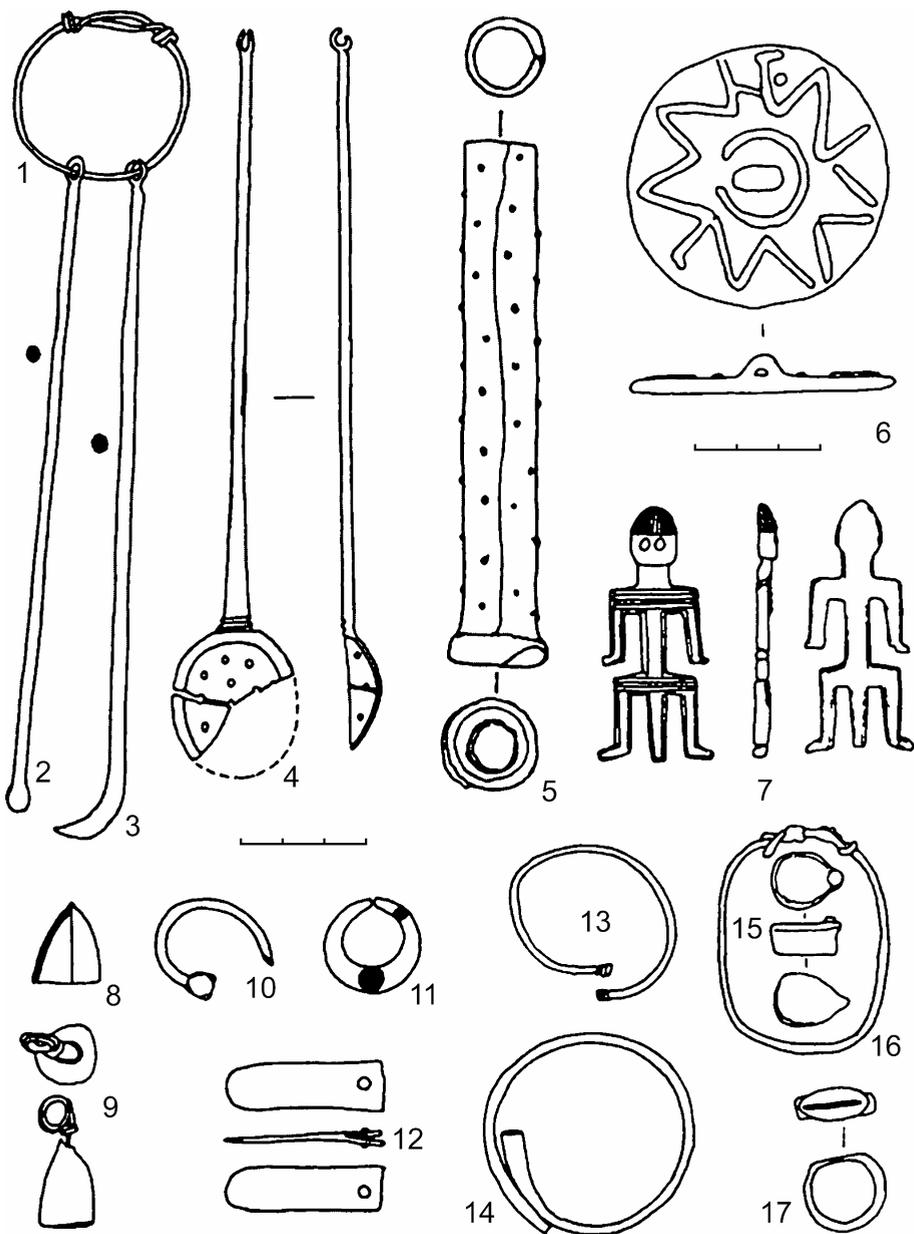

Рис. 4. Могильник Карши-Баир. Инвентарь.

Из женского погребения (КБ-I, скл. № 4, погр. 1 — рис. 4) происходит амулетница и туалетный набор. Туалетный набор состоит из трех предметов, подвешенных на проволочном бронзовом кольце: ложечки, скребка и ситечка. Амулетница представляет собой металлический пустотелый стержень длиной около 9 см, толщиной 1,3 см. Был изготовлен из белого металла. На внешней поверхности — орнамент из рельефных точек. Что касается туалетного набора, то

это — не такая уже редкость в погребениях гуннской эпохи [Засецкая 1994, табл. 13: 13; Степи Евразии в эпоху средневековья... с. 179, рис. 62, № 27, 28; Веймарн 1982, с. 36, рис. 2: 6]. Однако чаще туалетные наборы состоят из двух предметов — только ложечки и скребка, как, например, в могильнике Дюрсо [Дмитриев 1982, с. 95, рис. 10: 2; рис. 9: 12], где А.К. Амброз датировал их V в. [Амброз 1979, с. 103, рис. 17: 22; с. 96, рис. 10: 19] или в могильнике Танаиса (так называемые ногтечистка и копоушка) [Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, табл. 6: 57, каталог № 10].

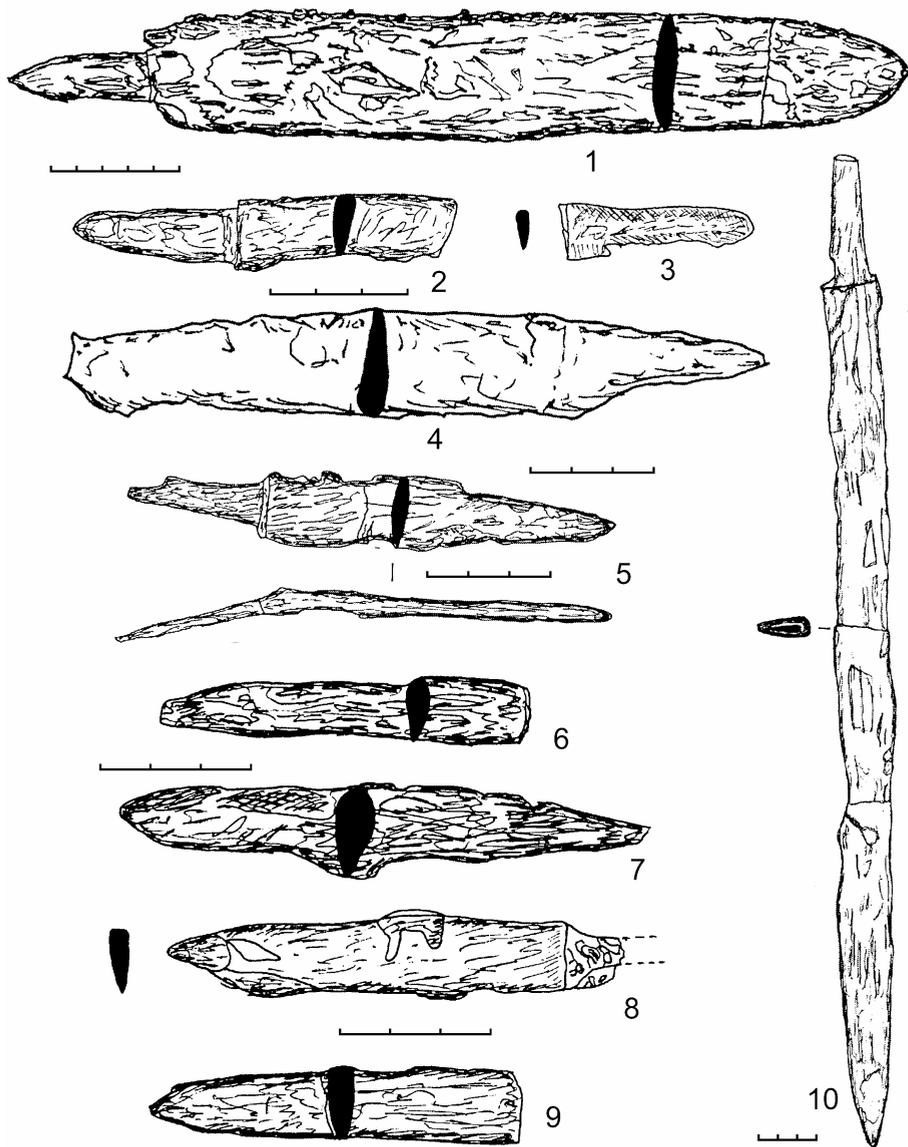

Рис. 5. Могильник Карши-Баир. Железные кинжал, меч, ножи.

В погребении девочки-подростка (КБ-I, скл. № 5) найдена антропоморфная фигурка с выраженным фаллическим символом (рис. 4: 7). Подобные изделия достаточно часто встречаются среди кочевнических древностей VI-VII вв., особенно в Крыму [Амброз 1979, с. 131, рис. 45: 8; 1994, с. 78, рис. 3; Засецкая 1998, с. 471, табл. XV, 6] и на Северном Кавказе [Степи Евразии..., с. 181, рис. 64: 11]. Они обычны для памятников как тюркского круга так и для алан.

Предметы вооружения — редкие находки в некрополе. Небольшой железный **меч**, найденный в склепе № 5 (КБ-I, погр. 1) интересен тем, что он однолезвийный (длина лезвия — 48,5 см, ширина около 4 см, сохранившаяся длина рукоятки — 7 см), был изготовлен из одной широкой стальной полосы, согнутой вдоль и затем прокованной (рис. 5: 10). Такого типа мечи достаточно редки. Аналогичные находки известны в могильнике Лучистое [Айбабин, Хайрединова 1996, с. 304, рис. 17: 1], в Абхазии [Воронов, Шенкао 1982, с. 131, рис. 4: 14–17]. Там же, в древней Апсилии использовали и **кинжалы**, подобные найденному в склепе № 1 [Воронов, Шенкао 1982, с. 131, рис. 4: 22] (КБ-I, погр. 1 — рис. 5: 1).

Железные ножи — обычные находки как в мужских, так и в женских погребениях (рис. 5: 2–9).

Дополняет этот перечень разнообразная краснолаковая (миски, тарелки и блюда) и лепная (кувшины и кубки) посуда, изделия из стекла (колбы, миски, рюмки и стаканы), кости (пиксида), 5 монет. На стенках и доньях краснолаковых блюд имеются штампы в виде “зайчиков”, рыбы и птицы, а также разнообразных крестов. Почти все находки имеют многочисленные аналогии в погребениях Крыма и Северного Кавказа, связанных в основном с сармато-аланским этносом. Хронологические рамки большинства упомянутых выше предметов — V — первая половина VII вв. Очевидно, к этому времени и относится большинство погребений могильника Карши-Баир.

Некрополь Карши-Баира характерен для рубежа античности — средневековья. Подобные памятники исследованы преимущественно в глубине Юго-Западного Крыма — могильники Красный Мак, Скалистое, Лучистое, Суук-Су, Манто-Фонтан и др. Погребальные сооружения представлены в основном типичными для этого региона склепами и подбойными могилами. Характеристика погребального обряда, а также некоторые категории погребального инвентаря (лепная керамика) позволяют заключить, что этот некрополь был оставлен аланами, попавшими в орбиту влияния ранневизантийского Херсона.

Представленные материалы позволяют несколько конкретизировать этнополитическую ситуацию в юго-западной части полуострова этого времени. Одна из группировок алан не ушла в глубь полуострова, а осталась жить в предгорьях. Можно предположить, что здесь проживали и потомки других этносов, внесших свой вклад в формирование местной синкретической культуры (поздние скифы, сарматы, германцы). В итоге, некрополь Карши-Баир мы можем отнести к варианту культуры, одним из ярких проявлений которой является, как уже указывалось, например, могильник Суук-Су.

Литература

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 4–86.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийской Таврики.– Симферополь, 1999. 352 с.
- Айбабин А.И.* Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. 1995. Вып. IV. С. 89–131.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 274–311.
- Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д 1–30. 111 с.
- Амброз А.К.* Юго-западный Крым. Могильники IV — VII вв. // МАИЭТ. 1994. С. 31–88.
- Амброз А.К.* Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1979.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.
- Веймарн Е.В.* Скалистинский склеп 420 // Древности эпохи великого переселения народов V — VII веков. М., 1982.
- Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К.* Вооружение воинов Абхазии // Древности эпохи великого переселения народов V — VII веков. М., 1982.
- Генинг В.Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам Прикамья) // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего Средневековья. КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–105.
- Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V — VII веков. М., 1982.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.). СПб., 1994. 224 с.
- Засецкая И.П.* Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 394–378.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. 304 с.
- Флеров В.С.* Разрушенные склепы на могильнике Клин-Яр III на Северном Кавказе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОРГАНИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ ЗАПОЛНЕНИЯ КУРИЛЬНИЦ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У С. ГЛИНОЕ НА НИЖНЕМ ДНЕСТРЕ

Как известно, многие исторические эпохи, особенно изучаемые археологией, имеют свои малоизвестные “темные” периоды. Показательно в этом плане Северное Причерноморье, где до наступления античности такой период, собственно, и не прекращался. На фоне “молчания” предыдущих столетий античность выглядит на порядок представительнее, однако, и здесь имеются свои “белые пятна”. Одним из таких “пятен” на сегодняшний день считается III в. до н.э., ознаменовавшийся для северо-понтийского региона каким-то очень крупным политическим катаклизмом. Сотрясший до основания экономику греческих полисов и уничтоживший скифскую гегемонию в степной и лесостепной зонах, этот кризис в последнее десятилетие стал объектом пристального внимания ученых. Открытая в 1997 г. научная дискуссия о характере и причинах кризиса III в. до н.э. в Северном Причерноморье [Виноградов, Марченко, Рогов 1997; Виноградов 1997], судя по сложившемуся сегодня спектру мнений, еще очень далека от завершения. В качестве исходной причины кризиса рассматриваются 4 основных концепции: сарматская, кельто-галатская, экономическая и климатическая [Вружак 1997], каждая из которых имеет и своих последовательных сторонников и столь же последовательных противников.

С 1999 г. многие исследователи, работающие над данной тематикой, все чаще затрагивают проблему так называемой Тираспольской группы катакомб на нижнем Днестре [Вружак 1999, с. 329; Редина 2000, с. 28–30; Четвериков 2002, с. 234–245; Дзиговский 2003, с. 25–49; Андрух 2004, с. 108–109; Глебов 2004, с. 74–77]. Первые исследования этих памятников были проведены супругами И.Я. и Л.С. Стемковскими в Тираспольском уезде Херсонской губернии (1896–1911 гг.). С момента публикации этих материалов А.И. Мелюковой [Мелюкова 1962] и, вплоть до 1997 года [Яровой, Четвериков, Субботин 1997б, с. 18] особенно остро стоял вопрос датировки этих курганов, обусловленный отсутствием в материалах Стемковских клейменных античных амфор. Повторное открытие в 1995 г. курганного могильника у с. Глиное Слобдзейского района [Мелюкова 1962, с. 131, табл. 8: 5–7; Яровой, Четвериков, Субботин 1997а, с. 251–255] сделало достоянием науки крупнейший погребальный памятник Тираспольской группы. Предварительная датировка курганов Глиного второй половиной III — началом II вв. до н.э. основана на амфорных материалах из закрытых комплексов и тризн [Четвериков 2004б, с. 281–282]. Первоначально постулируемая принадлежность населения Тираспольской группы кномадам была сильно поколеблена в 2003 г., с открытием в

непосредственной близости от могильника очень крупного поселения этого же периода [Четвериков 2004а, с. 116]. Два этих комплекса вызвали к жизни ряд вопросов, на наш взгляд, еще более усложняющих этно-политическую картину кризиса III в. до н.э. Формирование прямо противоположных точек зрения на генезис Тираспольской группы [Четвериков 2002, с. 240; Глебов 2004, с. 75–76] и ее место в истории Северного Причерноморья, думается, стало прямым следствием открытий на нижнем Днестре.

Погребальный обряд могильника у с. Глиное неоднократно рассматривался в различных публикациях и, в целом, известен специалистам [Яровой, Четвериков, Субботин 1997б, с. 14–19; Яровой, Четвериков 2000, с. 3–28; Сеника, Алемша 2000, с. 43–46; Четвериков, Сеника 2002, с. 299–305; Сеника 2003, с. 23; Сеника 2004, с. 237–239]. Полное его описание не входит в задачу настоящего исследования, объектом которого стали органические компоненты заполнения лепных курильниц с гальками — важнейшего слагаемого инвентаря раскопанных погребений. Проводимое в рамках комплексного изучения памятника, это исследование призвано существенно дополнить постепенно складывающуюся картину погребального обряда варварского населения нижнего Днестра во второй половине III — начале II вв. до н.э.

Нельзя не упомянуть особое значение курильниц для реконструкции исторических судеб Тираспольской группы. Впервые такое изделие было обнаружено в ходе раскопок Дюбрюкса на некрополе Пантикапея в 1816 г. [Бич 1959, с. 301, рис. 3]. В ходе раскопок супругов Стемпковских 1896–1911 гг. было найдено 8 курильниц [Мелюкова 1964, с. 157, рис. 4: 1, 5]. В советский период подобные керамические формы находили неоднократно, в том числе и на нижнем Днестре [Мелюкова 1962, с. 159; Троицкая 1957, с. 181–184; Редина 2000, с. 30; Яровой, Четвериков 2000, с. 13]. В 1971 году Е.В. Яковенко констатирует преимущественное распространение таких курильниц среди оседлого населения Северного Причерноморья, выделив днестровский, днепро-бугский и крымский варианты [Яковенко 1971, с. 87–93], а в 1989 г. Е.Ф.Редина предлагает первую классификацию курильниц Дунай-Днестровского междуречья [Редина 1989б, с. 133–134].

Таким образом, к моменту повторного открытия могильника у с. Глиное археологи располагали данными уже о десятках подобных сосудов. В настоящий момент только из погребений у с. Глиное происходит 51 курильница (исследована лишь малая часть всех комплексов памятника), т.е. больше, чем на остальной территории Северного Причерноморья. Такое значительное количество, безусловно, говорит об устоявшейся традиции использования курильниц в погребальном обряде Тираспольской группы. Появление этого ритуального обычая на территории Днестро-Дунайского междуречья где-то в конце первой половины III в. до н.э. подтверждается находками аналогичных тираспольским сосудов в катакомбах нижнедунайских могильников Градешка и Кугурлуй, в слоях Надлиманского городища на нижнем Днестре [Редина 1989, с. 133; 2000, с. 28–30].

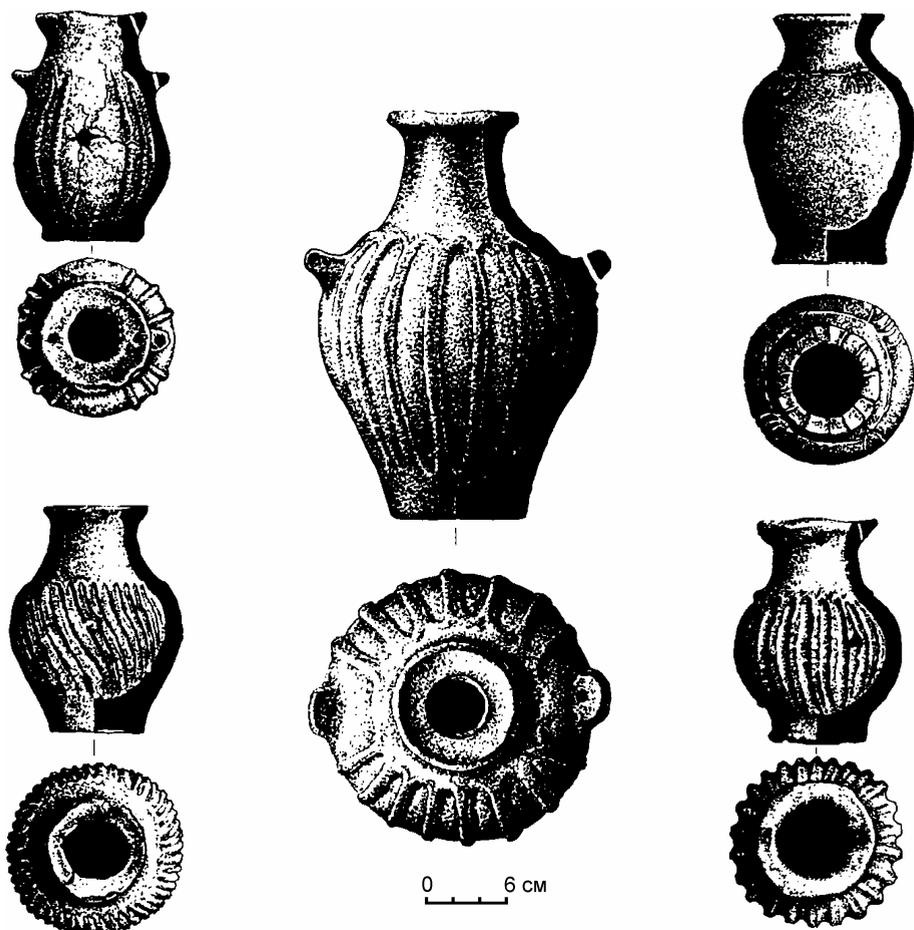

Рис. 1. Курильницы из погребений могильника у с. Глиное.

Кратко охарактеризуем курильницы днестровского варианта, ставшие для Тираспольской группы и для могильника у с. Глиное в частности, своеобразной визитной карточкой. Подавляющая часть из них имеет одинаковые с днепро-бугским и крымским вариантами морфологические особенности — шаровидное тулово, коническую ножку и воронкообразное горло. Отличие днестровских курильниц состоит в частом применении каннелированной орнаментации, использовании для поддержания высокой температуры внутри тулова галек и наличии на тулове сосудов ушек-упоров со сквозными отверстиями (рис. 1). Последний признак уверенно указывает на гетское происхождение гончаров, явно придававших чуждой им форме сосуда привычный “фракийский” вид [Лапушнян 1979, с. 77–79]. Сходство этих изделий с современными церковными кадилами усиливается, во многих случаях, сквозными соосными отверстиями для продевания ремней, сделанными в венчике и ушках-упорах. Обычно расположение курильниц за черепом погребенного, ближе к торцевой

стене катакомбы: другие вариации встречаются гораздо реже и связаны с подзахоронениями.

Внутренняя поверхность всех курильниц носит следы интенсивного термического воздействия, зачастую приводившего к сквозному прогару тулова. Число раскаленных галек, помещаемых в курильницы, варьирует с 3 до 9: все камни происходят из отложений русла и террас р. Днестр [Романов, Кравченко, Кишлярук 2002, с. 306–309]. Изредка внутрь сосудов бросали фрагменты лепной керамики, которые совместно с гальками составляют неорганический компонент заполнения. Органическая же составляющая, которой посвящено настоящее исследование, представляет огромный интерес для реконструкции условий обитания и отдельных черт погребального обряда населения, входящего в Тираспольскую группу.

Для анализа органики было привлечено содержимое 18 курильниц, происходящих из одиночных и непо потревоженных захоронений могильника. Подобная мера диктовалась стремлением исключить возможные поздние воздействия на инвентарь в момент подзахоронения или ограбления. При использовании бинокулярной лупы сразу стало ясно, что результаты затронут не только палеоботанику, но и палеофауну: в органическом заполнении курильниц наряду с обугленным растительным материалом выявлены остатки членистоногих.

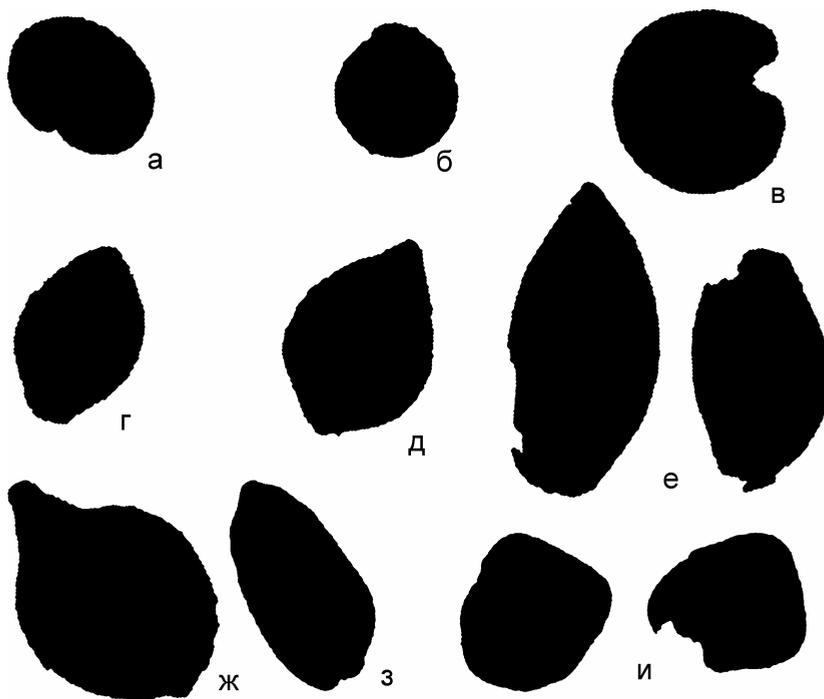

Рис. 2. Семена растений и остатки членистоногих из заполнения курильниц могильника у с. Глиное: а – *Saponaria officinalis* L.; б – *Chenopodium album* L.; в – *Phytolacca decandra* L.; г – *Setaria glauca* (L.) Beauv.; д – *Rumex acetosa* L.; е – *Bromus secalinus* L.; ж – *Polygonum aviculare* L.; з – зерновка двузернянки; и – остатки Formicidae.

Палеоботаника. Удалось идентифицировать остатки семян двузернянки, конопли и 17 видов сорных растений. Конопля представлена наиболее широко — ее остатки выявлены практически во всех курильницах. Чаще всего семена конопли представляли собой спекшуюся обугленную массу, образовавшуюся вследствие термического воздействия. Наряду с этим в некоторых курильницах были выявлены обугленные остатки семян культурных злаков, значительно уступающие количественно сорным растениям. Особенно представительно выглядит видовой состав последних¹ (таб. 1, рис. 2). Ниже мы приводим описание найденных семян, снабженное, по возможности, краткими комментариями:

Семейство *Ariaceae*: *Vifora radians* Vieb. Обнаружено 1 семя. Плод почти шаровидный, с одной стороны округло-треугольный, темно-коричневого цвета. Засоряет посеы на юге степной зоны, реже встречается на территории лесостепи. Это растение обитает исключительно в сухих местах. Замечателен тот факт, что на территории нижнего Днестра и остальной Молдавии этот сорняк до сих пор не обнаруживался [Гейдеман 1986].

Семейство *Brassicaceae*: *Brassica compestris* L. Обнаружено 1 семя. Семянка коричнево-черного цвета, неправильно-шаровидной формы, с неясным корешком и овальным рубчиком. Диаметр — 1,6 мм. В настоящее время встречается в окрестностях с. Глиное как сорное растение, растущее на полях и огородах. В ископаемом состоянии остатки этого вида были выявлены на поселении Флорешты урочище Гуцу IV тыс. до н.э. [Растения степей.... 1989, с. 212–213] *Sinapsis arvensis* L. Обнаружено 1 семя. Семянка шаровидная, черного цвета, слабо сплюснутая. Диаметр — 0,9 мм. В настоящее время в окрестностях с. Глиное это растение не выявлено. На территории Молдавии произрастает в различных условиях, преимущественно среди посевов, на засоренных местах и т.п. Семена данного вида в ископаемом состоянии обнаружены при раскопках трипольского поселения у с. Старые Куконешты в Попрутье и в слоях XVI в. на городище Старый Орхей [Растения степей... 1989, с. 279–280; Гейдеман 1986, с. 231].

Семейство *Boraginaceae*: *Lithospermum arvense* L. Выявлено 2 семени. Орешки темно-коричневого цвета, яйцевидной формы, с длинно оттянутой верхушкой, почти бутылковидные, слабо трехгранные. Основание орешка как бы срезано в виде площадки с двумя бугорками, поверхность покрыта округлыми бугорками. Размеры — 3,0×1,4×1,8 мм. Встречается в степной и, гораздо реже, лесостепной зонах на каменистых склонах и пашнях. В настоящее время произрастает у с. Глиное, в основном, вдоль полевых дорог, но встречается и в других местах.

Семейство *Caryophyllaceae*: *Saponaria officinalis* L. Обнаружено 3 семени. Семена черного цвета, блестящие, овально-округлой формы,

¹ Определения видового состава сорной растительности произведено научным сотрудником ботанического сада АН РМ Н.Н. Кузьминовой

сплюснутые, с глубокой выемкой. Размеры — 1,7×2,0×1,4 мм. Места произрастания — кустарники, леса, долины рек. У с. Глиное встречается вдоль дорог, на засоренных местах и т.п.

Семейство Chenopodiaceae: *Chenopodium album* L. Выявлено 2 семени. Семена черного цвета, блестящие, с сохранившейся тонкой радиальной клеточной штриховкой, округлые, чичевицеобразные, с выдающимся округлым семенным рубчиком и тупым краем. Размеры — 1,4×1,0×0,7 мм. Растет преимущественно в местах свала мусора, но хорошо уживается и как сорняк в посевах. В настоящее время встречается у с. Глиное и по всему Слободзейскому району на пустырях, вдоль дорог и других местах.

Семейство Papaveraceae: *Glaucium corniculatum* L. Обнаружено 1 семя. Семянка односторонне-овальной формы. Размеры — 1,1×0,7×0,4 мм. Произрастает в степной и лесостепной зонах, предпочитает склоны. Встречается также у дорог, по сорным местам, в посевах зерновых. В настоящее время на нижнем Днестре растет повсеместно, предпочитает пойменные луга [Растения степей...1989, с. 247–248; Гейдеман 1986, с. 223].

Семейство Phytolaccaceae: Обнаружено 1 семя. *Phytolacca decandra* L. Семянка черная, блестящая, почти круглой формы. Щель разверзания имеет на одной стороне маленький выступ, а на другой — соответствующее углубление. Размеры — 3,0×3,0 мм. Сорняк, чаще встречается у дорог и жилья. В настоящее время в Слободзейском районе не выявлен.

Семейство Plantaginaceae: *Plantago major* L. Выявлено 3 семени. Семена коричнево-черного цвета, округло-яйцевидной формы, слабо двояко-выпуклые, несколько изогнутые. Размеры — 1,2×0,5×0,4 мм. Растет на пустырях, сорных местах, около жилья. В настоящее время встречается у с. Глиное на лугах, вдоль дорог, на свалках и др.

Семейство Poaceae: *Setaria glauca* (L.) Beauv. Обнаружено 2 семени. Зерновка овальной формы, черно-бурого цвета. Размер — 2,3×1,5×0,8 мм. Выступает чаще в роли сорняка, предпочитает берега рек. У с. Глиное встречается часто как на окультуренных, так и на засоренных местах, вдоль дорог и др.; *Bromus secalinus* L. Выявлено 2 семени. Плод освобожден от цветочных чешуй, коричнево-черного цвета, удлинненно-ланцетной формы. Размер — 6,8×1,5×1,1 мм. Внизу узко усечен, кверху постепенно расширяется и заканчивается закруглением с глубокой ложбинкой на брюшной стороне. Сорняк, предпочитает посевы ржи и овса. В Слободзейском районе в настоящее время не обнаруживается. На территории Молдавии встречается редко, преимущественно в посевах зерновых культур.

Семейство Polygonaceae: *Polygonum tomentosum* Schrank. Выявлено 4 семени. Орешки сплюснутые, с обеих сторон, слабоогнутые, широкояйцевидные с коротким толстым носиком, темно-бурого цвета, мелкобугорчатые. Размер — 2,6×2,3×0,7 мм. Растет в засоренных местах, на пашнях, среди песка, в водомоинах, на лугах. В настоящее

время в Молдавии встречается редко, преимущественно по краям полей. В Слободзейском районе в настоящее время не обнаружен; *Polygonum persicaria* L. Выявлено 2 семени. Орешки плоско-выпуклой формы, темно-коричневого цвета, широкояйцевидные, сильно сплюснутые, носик короткий. Размер — 2,0×1,4×0,6 мм. Произрастает по берегам рек и канав, во влажных местах. В Слободзейском районе часто встречается в долине Днестра и вдоль ручьев, в сообществах пойменных разнотравно-злаковых лугов; *Polygonum aviculare* L. Обнаружено 1 семя. Орешек темно-коричневого цвета, яйцевидной формы, наибольшая ширина — у основания, ножка не выражена, носика нет. Одна грань уже двух других, ребра несколько изогнутые. Размеры — 1,6×1,0×0,8 мм. Сорняк, предпочитает обочины дорог, пашни; *Rumex acetosa* L. Выявлено 2 семени. Орешки блестящие темно-коричневого цвета, с тремя равными гранями и тупыми ребрами. Орешки широко-эллиптические к обоим концам, одинаково и очень коротко заострены. Размеры — 1,3×0,8 мм. Предпочитает расти на паровых полях, дорогах, опушках. В окрестностях с. Глиное на сегодняшний день обильно произрастает вдоль полевых дорог, на пастбищах и других местах.

Семейство Rubiaceae: *Galium* sp. Обнаружено 3 семени. Семянка овально-удлиненной формы, слегка сплюснутая, темно-коричневого цвета. Растет на лугах, лесных полянах, берегах рек и озер, степных склонах и вдоль дорог. В настоящее время виды этого рода повсеместно встречаются в Слободзейском районе.

Семейство Scrophulariaceae. В курильнице обнаружено 2 семени представителя этого семейства. Плохая сохранность семян не позволила установить их родовую и видовую принадлежность.

В заполнении курильниц помимо конопли, сорняков и обугленных зерновок двузернянки выявлены остатки ещё одного, пока неопределённого компонента растительного происхождения.

Палеофауна. В заполнении курильниц наряду с обугленным растительным материалом были выявлены остатки представителей членистоногих (Coleoptera)². Так из класса насекомых (Insecta) обнаружены остатки особей из отряда перепончатокрылых (Hymenoptera) семейства муравьи (Formicidae). Класс ракообразных (Crustacea) отряд равноногих ракообразных (Isopoda) представлен экземплярами из подотряда мокриц (Oniscoidea).

Экологические особенности существования данных представителей членистоногих могут быть использованы в реконструкции некоторых аспектов погребального обряда.

Так, например, муравьи обитают в различных ландшафтных условиях, организуют колонии и одиночного образа жизни не ведут. Некоторые их виды могут селиться в жилище человека. Наивысшая жизненная активность у большинства видов муравьев наблюдается в светлое время суток. Питаются муравьи растительной пищей, но мо-

² Определения членистоногих произведены кандидатом биологических наук, зав. кафедрой зоологии ПГУ им Т.Г. Шевченко С.И. Филипенко.

гут также охотиться на других насекомых. Проникновение их в грунт степной зоны, как правило, не превышает 70–80 см [Жизнь животных 1968б, 474–484]. Мокрицы обитают в различных ландшафтных зонах, но особенно многочисленны они в степных районах. Мокрицы, как и все ракообразные, дышат жабрами, поэтому, являясь наземными видами, избегают сухого воздуха и предпочитают влажные места: вследствие этого их активность усиливается ночью. Избегая воздействия солнечных лучей, светлое время суток они проводят, зарывшись в поверхностный слой почвы, спрятавшись под камнями и в других укрытиях, проникая даже в пустынях на глубину не более 60–100 см [Жизнь животных 1968а, с. 470–484].

Наблюдения и выводы. По итогам проведенных палеоботанических исследований можно констатировать незначительное засорение курительниц, поскольку большинство видов сорняков представлено 2–3 семенами. Однако их состав весьма разнообразен (таблица 2). Прежде всего, отметим наличие рудеральной флоры, которая обычно сопутствует местам человеческого обитания [Мальцев 1932, с. 47–61]. Это — мыльнянка лекарственная, горчица полевая и др. В большом количестве эти растения произрастают и в наше время вблизи жилищ, на приусадебных участках, по обочинам канав и дорог.

Часть находок составляют типичные виды сеgetальной флоры, представленные как однолетними, так и многолетними видами. К группе многолетников, обладающих большой воспроизводительной способностью подземных органов относятся: щавель кислый, подмаренник и др. Обычно они поселяются на хорошо обработанной почве, при перепахке не уничтожаются и легко воспроизводятся за счет оставшихся в пахотном слое почвы подземных органов. Группу однолетников, размножающихся исключительно семенами, составляют: марь белая, горец птичий и др. Большая часть перечисленных сорняков-однолетников приспособлена к рассеиванию семян вместе с зерном основной культуры. Попадание семян сорняков этой группы в урожай зависит от высоты растений, т.е. ярусности и способа жатвы (высоты среза стеблей основной культуры). У видов сорняков с невысоким ростом стебля (горец птичий), при высоком срезе культурных злаков, т.е. при уборке лишь колосьев, меньше возможностей попасть в зерно основной культуры, чем у видов более высокого яруса. Высокорослые растения (марь белая, подмаренник) могут попасть в урожай основной культуры и успешно сопутствовать ей при обмолоте и хранении.

Неоднократно отмеченные в заполнении курительниц семена конопли свидетельствуют о важной роли, которую играла эта культура в погребальном обряде населения Тираспольской группы. Это подтверждается также анализом остатков циновок, подстилаемых под усопшего, показавшего в ряде случаев изготовление их из стеблей конопли³. Однако нам сложно судить о том, являлась ли конопля

³ Определение структуры подстилок произведены доктором биологических наук, академиком АН РМ А.Г. Негру.

культивированной, либо использовались дикорастущие растения. Конечно, нельзя исключить выращивание конопли, однако столь широкое представительство сорняков скорее свидетельствует в пользу недостаточной ухоженности посевов этой культуры. Вероятно, население Тираспольской группы не обладало необходимыми навыками обработки плантаций конопли и агротехнические мероприятия, в лучшем случае, находились в зачаточном состоянии. Более вероятным представляется использование населением дикорастущих растений, с которыми и попадали в курильницы семена сорняков.

Наличие в составе заполнения курильниц зерен двузернянки, а также такого типичного сорняка посевов овса и ржи, как костер ржаной, выглядит чрезвычайно интересным. Во всяком случае, перед нами свидетельство использования в погребальном ритуале некоторых захоронений культурных злаков. Большинство же из обнаруженных в заполнении курильниц растительных остатков представлены видами, до сих пор произрастающими как сорные в окрестностях с. Глиное. Наиболее любопытен тот факт, что некоторые из растительных остатков принадлежат к видам, не обнаруженным в составе современной флоры Слободзейского района. В этом аспекте стоит обратить особое внимание на такой вид как кинза (*Bifora radians* Vieb.), в настоящее время отсутствующий не только в Слободзейском районе, но и на всей территории Молдавии [Гейдеман 1986]. Существует два возможных варианта объяснения этого феномена. Можно предположить, что кинза входила в состав древней флоры региона, а затем исчезла в силу каких-то изменений природного характера. Не исключено также, что нижнеднестровское население имело весьма ограниченный запас кинзы, привезенный из других регионов. В первом из указанных вариантов семена кинзы попадали в курильницу непреднамеренно, в качестве сорного растения. Во втором — их могли специально добавлять в курильницы, поскольку кинза обладает высокими ароматическими свойствами.

Обнаружение в заполнении курильниц остатков членистоногих (около 20 особей муравьев и 10 особей мокриц) и достаточно небольшое для представленной выборки их число приводят нас к следующим априорным выводам. Первый из них подразумевает попадание членистоногих в погребальные камеры из входной колодец и дромос катакомбы, а не через поздние кротовины, трещины в своде и т.п. Это подтверждается, с одной стороны, тем, что глубина рядовых катакомб Глиного достигает не менее 2,5 м от древней погребенной почвы, а мокрицы и муравьи, как указано выше, не углубляются настолько глубоко. С другой, отсутствие на выявленных остатках членистоногих следов термического воздействия показывает, что членистоногие проникали в курильницы после остывания их заполнения, скорее всего, в поисках пищи. То, что такая пища существовала, доказывает частое наличие в заполнении курильниц обугленного (но не прогоревшего) растительного материала с привлекающими членистоногих ингредиентами маслянистого характера [Романов, Кравченко, Кишлярук

2002, 307]. Поэтому позднее проникновение членистоногих в курильницу просто было лишено смысла, поскольку через определенное время растительные останки переставали служить пищей, и, следовательно, не заинтересовали бы муравьев и мокриц. Косвенным свидетельством нашей правоты в этом вопросе служат и данные погребального обряда: камеры после совершения захоронения наглухо закупоривались пробкой из смоченной материковой глины. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняет малочисленность обнаруженных особей. Если бы процесс проникновения в курильницу шел через свод и стены камеры описанным способом, да еще и в течении многих столетий — членистоногих было бы гораздо больше.

Малочисленность обнаруживаемых в курильницах особей одновременно ограничивает время их проникновения в камеру — не более суток. Такой краткость процесса могла быть обусловленной динамикой погребального ритуала у племен скифского круга: катакомба вырубалась в достаточно сжатые сроки, вполне вероятно, за 2–3 суток. Особенно трудоемким был процесс устройства в материке погребальной камеры с последующим ее оформлением: скорее всего, эти работы производились на вторые сутки и заканчивались ближе к вечеру или ночи. Готовая погребальная камера на ночь оставалась открытой, что и способствовало попаданию в нее мокриц; проникновение муравьев могло происходить раньше или позже, утром следующего дня.

Все сказанное выше, в принципе, не исключает “путешествия” членистоногих вниз, к погребальной камере в заполнении уже остывшей курильницы. Сосуд, имевший ритуальное назначение, безусловно, мог неоднократно использоваться в обрядовых действиях и за пределами погребального сооружения. Но этому противоречат наблюдения, сделанные в ходе раскопок. Корпуса многих курильниц прогорали насквозь от воздействия раскаленных галек, чему в немалой степени способствовало плохо отмученное рыхлое тесто этих сосудов (некоторые даже не обжигались, а сохли на солнце)⁴. Повторное использование уже прогоревшей подобной курильницы для очистки камеры от злых сил привело бы к полному расслаиванию ее корпуса, а этого как раз и не наблюдается. Следовательно, курильница горела всего один раз — и это происходило при прощании с телом покойного перед помещением его в погребальную камеру. Вряд ли курильница помещалась в катакомбу сразу после завершения работ над ее оформлением — прогар тулова исключал участие сосуда в дальнейших ритуальных действиях и делал невозможным использование в качестве кадила (ушки-упоры, проколы венчика).

Последний вывод связан с сезонностью захоронений на могильнике, которую можно легко установить по присутствию (или отсутствию) остатков членистоногих в заполнении курильниц. Как известно,

⁴ Анализ структуры теста и качества обжига курильниц производился специалистом-реставратором I категории НИЛ “Археология” ПГУ им. Т.Г. Шевченко Г.М. Зыковым.

время наибольшей жизненной активности вышеописанных членистоногих приходится на период с середины весны до середины осени. Соответственно, именно к этому периоду времени и относятся захоронения с курильницами, в которых выявлены остатки муравьев и мокриц. Еще более точные результаты в установлении сезонности погребений могут быть получены при исследовании сосудов, где найдены обгоревшие фрагменты стеблей, по многим признакам, конопли. Известно, что вегетация этого растения с активным формированием наркотических свойств приходится на конец лета — начало осени. Сложность определений в данном случае вызвана сильной деформацией структуры волокон при воздействии высокой температуры. При совмещении этих данных с интереснейшими результатами анализа каменного материала из курильниц [Романов, Кравченко, Кишлярук 2002, с. 307] станет реальным установление периода наибольшей смертности на исследуемом погребальном памятнике.

Таким образом, достаточно ясно вырисовываются следующие моменты:

- в погребальном ритуале широко использовалась дикорастущая конопля, срываемая вместе с сорными растениями. Тот факт, что некоторые сорняки растут вблизи человеческих жилищ, или на пашнях, служит пока очень слабым свидетельством в пользу существования каких-то форм земледелия у жителей поселения на р. Красной. Наличие зерновок двузернянки также не играет здесь определяющей роли, поскольку ее могли получать у оседлых обитателей днестровского Правобережья — гетов;
- для усиления ароматических свойств помещаемого в курильницу дурмана помимо маслянистых веществ могла использоваться кинза и другой, пока неопределенный компонент;
- обнаруженные в курильницах остатки членистоногих показывают, что последние попадали внутрь сосудов в поисках растительной пищи непосредственно после остывания заполнения. Мокрицы и муравьи проникали в погребальную камеру через входной колодец и дромос катакомбы. Доступность такого проникновения ограничивалась коротким временем между окончанием строительства катакомбы и завершением обряда погребения (около суток);
- захоронения, где в заполнении курильниц найдены членистоногие, относятся к периоду с середины весны до середины осени: дальнейшее уточнение возможно лишь при анализе всех доступных для исследования слагаемых погребального обряда (степень тщательности работ в катакомбе, одежда погребенного, подстилка, стебли растений и т.д.).
- комплексы, в курильницах которых не обнаружено членистоногих, с большой долей вероятности могут быть отнесены к периоду от середины осени до середины весны.

Таблица 1. Семена сорных растений из заполнения курильниц могильника у с. Глиное.

№	Вид	Число семян (шт.)
1	Chenopodium album L. — Марь белая	2
2	Setaria glauca (L.) Beauv. — Щетинник (Мышей сизый)	2
3	Saponaria officinalis L. — Мыльнянка лекарственная	3
4	Phytolacca decandra L. — Кермес	1
5	Rumex acetosa L. — Щавель кислый	2
6	Poligonum persicaria L. — Почечуйная трава	2
7	Poligonum tomentosum Schrank. — Гречиха развесистая	4
8	Glaucium corniculatum L. — Мачок рогатый	1
9	Sinapsis arvensis L. — Горчица полевая	1
10	Bifora radians Bieb. — Кинза лучистая	1
11	Plantago major L. — Подорожник большой	3
12	Brassica compestris L. — Капуста полевая	1
13	Galium sp. — Подмаренник	3
14	Poligonum aviculare L. — Горец птичий	1
15	Scrophularia sp. — Норичниковые	2
16	Bromus secalinus L. — Костер ржаной	2
17	Lithospermum arvense L. — Воробейник полевой	2

Литература

- Андрух С.И.* К вопросу о локализации царства Ремакса // Tracii și lumea Circumpontică (rezumate Congresul al IX-lea International de Tracologie). Chișinău, 2004.
- Бич О.И.* Первые раскопки некрополя Пантикапея // МИА № 69. 1959.
- Бруяко И.В.* О диорамы к панораме (О перспективах на пути решения проблемы северопонтийского кризиса III в. до н.э.) // STRATUM plus № 3. Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса, 1999.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я.* Сарматы и гибель Великой Скифии // ВДИ. № 3. 1997.
- Виноградов Ю.А.* Херсонесский декрет о “несении Диониса” IOSPE I 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. № 3. 1997.
- Гейдеман Т.Н.*, Определитель высших растений Молдавской ССР. Кишинев, 1986.
- Глебов В.П.* Тираспольская группа — сарматы, сираки, скифы... // Старожитности степового Причорномор'я і Криму. XI. Запоріжжя, 2004.
- Дзиговский А.Н.* Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003.
- Жизнь животных: в 7 тт. Т. 2. М., 1968а.
- Жизнь животных: в 7 тт. Т. 3. М., 1968б.
- Кишлярук В.М., Кузьминова Н.Н., Тищенко В.С.* Растительные остатки из курильниц курганного могильника у с. Глиное // Biodiversitatea vvegetala a Republicii Moldova. Chișinău. 2001.

- Лапушнян В.Л.* Ранние фракцийцы X — начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1999.
- Мальцев А.И.* Сорная растительность СССР. М.-Л., 1932.
- Мелюкова А.И.* Скифские курганы Тираспольщины // МИА № 115. 1962. Растения степей, известняковых склонов и сорные (серия “Растительный мир Молдави”). Кишинев, 1989.
- Редина Е.Ф.* Лепные курильницы из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Проблемы скифо-сарматской археологии (к 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова). Запорожье, 1989.
- Редина Е.Ф.* К вопросу о формировании Тираспольской группы скифских памятников // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднепровья. Тирасполь, 2000.
- Романов Л.Ф., Краваченко Е.Н., Кишлярук В.М.* Каменный материал из курильниц могильника позднескифского времени у с. Глиное // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в.н.э.). Тирасполь, 2002.
- Синика В.С., Алемша А.Н.* Женские погребения с оружием позднескифского могильника у с. Глиное // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднепровья. Тирасполь, 2000.
- Синика В.С.* О культе собаки у скифского населения Северного Причерноморья в VI-II вв. до н.э. Новые данные о культе собаки в Северном Причерноморье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2003.
- Синика В.С.* Конь в погребальном обряде на могильнике позднескифского времени у с. Глиное // Старожитности степового Причорномор'я і Криму. XI. Запоріжжя, 2004.
- Троицкая Т.Н.* Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма. Киев. 1957.
- Четвериков И.А.* Варварское население левобережья нижнего Днестра во второй половине III в. до н.э. (попытка этно-политической реконструкции Тираспольской группы) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002.
- Четвериков И.А., Синика В.С.* Катакомбы II типа в Тираспольской группе // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в.н.э.). Тирасполь, 2002.
- Четвериков И.А.* Результаты полевых исследований у с. Глиное в 2003 году // Cercetări arheologice în republica Moldova (2000–2003). Vol. I. Chişinău, 2004a.
- Четвериков И.А.* О хронологическом разделении Тираспольской группы // Старожитности степового Причорномор'я і Криму. XI. Запоріжжя, 2004б.

Яковенко Е.В. Про кулясті курильниці IV-I ст. до н.е. // Археологія. № 2. 1971.

Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин А.В. Новый курганный могильник скифской культуры в нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997а.

Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин А.В. Погребальный обряд скифского курганного могильника у с. Глиное (по данным раскопок 1995–1997 гг.) // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимосвязи античной и варварских культур (IV в. до н.э. — IV в. н.э.). Тирасполь, 1997б.

Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Тирасполь, 2000.

Brujako I. V. Despre evenimentele din sec.III a Chr. în Nord-Vestul Marii Negre (patre concepții despre criza) // Istros VIII. Brăila, 1997.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ОХРАНЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Расширение европейских границ и стремление Украины к интеграции в европейское содружество обязывает государство к приведению законодательства к общепринятым международным требованиям. Это касается не только вопросов политического и экономического урегулирования. Проблемы охраны культурного наследия в Европе, а также соответствия внутреннего законодательства международным требованиям — одни из самых приоритетных на сегодняшний день и обращают на себя внимание многих исследователей.

Правовая структура охраны культурного наследия в мировом масштабе представляет собой трехступенчатую систему (включая внутреннее законодательство государства, как субъекта международного права):

- международное законодательство (ООН, ЮНЕСКО и его нормативные документы разного уровня обязательности);
- региональное (Совет Европы и его нормативные документы);
- локальное (внутреннее законодательство государства).

Ст. 11 Конвенции “Об охране всемирного культурного и природного наследия” 1972 г. ЮНЕСКО инициировала создание Списка всемирного наследия [Україна в міжнародно-правових відносинах 1997, с. 134]. В Европе частично или полностью расположены 47 государств мирового сообщества. Процентное соотношение памятников, внесенных в Список и расположенных в Европе, к другим континентам — приблизительно 47%. Так, на 2002 г. внесено в Список ЮНЕСКО 730 недвижимых объектов (суммировались как объекты культурного, природного так и смешанного типа). 344 объекта находятся на территории Европейских государств [The map of World Heritage 2002]. Деятельность ЮНЕСКО и охрана культурного и природного наследия не является специальной темой для данного исследования. В связи с выше указанными фактами объясняется такая плотность памятников в одном регионе не сознательным принятием решений в силу политических, экономических процессов или предпочтений. Вся историю Европы находилась в центре политических (войны — как локальные, так и мировые) и культурных событий, что не могло не отразиться на концентрации памятников культуры. По этим причинам необходимым и логичным стало создание в 1949 г. Совета Европы (СЕ). Согласно статистическим исследованиям, проводившимся ЕС, в Западной Европе расположено около 40% всех музеев мира. В культурном секторе государств ЕС в настоящее время занято около 7,2 млн. человек [Hemsley 2005]. Европейский континент характерен многообразием. Тенденции развития области охраны наследия Европы на совре-

менном этапе направлены на объединение социальных и экономических требований с экологическими и культурными функциями. В условиях интеграции востока и запада необходимо наиболее полно использовать все возможности для развития сотрудничества и расширения культурных связей. Европейские памятники привлекают большое число туристов. Усовершенствование туристической инфраструктуры является одним из важнейших направлений деятельности. Население Европы разнообразно (более 60-ти языков доказывает многообразие европейской культуры), это отобразилось в неповторимом материальном и духовном наследии. Началом широкомасштабного культурного сотрудничества европейских государств под эгидой Совета Европы следует считать подписание 19 декабря 1954 года в Париже Европейской культурной конвенции (ЕКК), которая установила правовые основы межгосударственного сотрудничества в области культуры. В настоящее время в рамках СЕ принято около 150 правовых актов, регулирующих юридический статус культурных ценностей и регламентирующих культурные права коренных народов, национальных меньшинств, а также культурные права человека [Молчанов 2002]. Цели и задачи СЕ в области охраны культурного наследия, формируются в соответствии с необходимостью, текущим политическим моментом, новыми тенденциями в науке, способствуя его общедоступности и повышая ответственность государств за его охрану. Основными направлениями являются:

- культурные права и культурное наследие;
- архитектурное наследие;
- археологическое наследие;
- движимое наследие;
- недвижимое наследие;
- культурная среда;
- стратегические направления.

Каждый из этих ключевых вопросов рассматривается в аспекте различных направлений деятельности СЕ, и других инициатив разных международных организаций. В этом отношении каждое направление показывает взаимосвязь, существующую между ними.

В Статье 1 Устава СЕ декларируется необходимость реализации принципов для воплощения понимания идеалов общеевропейского наследия в экономическом, социальном, культурном, научном, юридическом направлениях [European cultural heritage 2002, p. 5-6].

Принцип общего европейского наследия и необходимость его охраны был определен в ЕКК, статья 5 которой гласит, что “каждая ответственная сторона должна рассмотреть наследие, составляющее ценность для Европы...как неотъемлемую часть общеевропейского культурного наследия. Государство разрабатывает соответствующие меры для их охраны и гарантирует доступ к ним” [Україна в міжнародно-правових відносинах 1997, с. 296].

Необходимость сохранения самобытности культур требует расширения культурных связей для его популяризации и создания общих принципов для взаимного познания, понимания и уважения культуры других членов Европейского сообщества. Такая культурная стратегия направлена на развитие связей между культурой и правами человека. В свою очередь, это связано с охраной прав национальных меньшинств, предотвращение конфликтов между культурами и необходимостью объединения для популяризации культур других народов.

Начиная с принятия ЕКК, идея относительно определения и защиты культурных прав была разработана на основе принципа культурного сотрудничества.

Среди других вопросов государства — члены, общественные организации сформулировали общие тенденции:

- “гарантия охраны и расширение знаний про европейское наследие, и его непрерывного обогащения на основе сотрудничества”;
- “содействие открытому доступу к наследию для повышения понимания культурной европейской самобытности и усиления этой тенденции с точки зрения новых достижений”;
- “изучение культур этнических групп и национальных меньшинств, участие их в культурных процессах, для создания новых форм социального и культурного сотрудничества в обществе”;
- “активное участие в разработке стратегии, для утверждения идеалов и принципов, лежащих в основе охраны общеевропейского наследия”.

Дополнения к этому документу в 1994 и 1995 гг. создали новые условия для усовершенствования этих принципов. Были разработаны гарантии прав, включая уважение к самобытности культур, доступа к культурному наследию, право доступа к информации о нем.

”Полное понимание значения наследия,... внедрение понятия “общеввропейского культурного наследия”, должны курировать специалисты и организации, для подтверждения общедоступности, ответственности за его защиту, независимо от их территориального размещения или политических амбиций ... [European cultural heritage 2002, p. 7-8].

Суммируя европейские тенденции в вопросах культуры, стоит отметить общие направления:

- все граждане должны иметь равные права доступа к документальным источникам и информации относительно культурного наследия, и все типы наследия должны одинаково уважаться;
- наследием должны заниматься лица с соответствующей квалификацией, а также представители национальных меньшинств;
- следует проводить консультации или обсуждения принятия решений, связанных с охраной наследия.

Совет Европы подчеркивает необходимость увеличения финансирования, привлечения альтернативных дополнительных средств для

поддержки и стимулирования культурного развития в условиях глобализации. В работе ЮНЕСКО — подобный подход, но он имеет более широкий, глобальный характер. Это декларируется рядом принципов культурного развития относительно прав человека, развития творческого потенциала и его роли в международном сотрудничестве.

Участие в европейских процессах культурной политики и охране культурного наследия необходимо Украине не только из-за ее географического положения. Как разнообразна и неповторима культура в Европейском контексте, так и Украина как равноправный член, ценна для Европы характерными только для нее культурными традициями. А охрана общечеловеческих ценностей начинается с понимания необходимости сохранения культуры национальной.

Для мировой культуры не имеет значения величина или политическая и экономическая значимость государства. Культура мира расценивает равнозначно как культуру малого народа, так и культуру великой державы.

Для понимания роли и места Украины в европейской системе охраны культурного наследия необходимо было бы сопоставить категории значимости разных видов памятников и их значение для развития европейской и мировой культуры. Результаты подобных исследований не дают возможность оценить картину в целом. Единственным источником объективных знаний остается только Список всемирного наследия ЮНЕСКО и отдельные исследования. Он единственный источник еще и по тому, что европейским законодательством не предусмотрено создание единого списка памятников, о чем и говорили ученые, исследовавшие этот процесс [Молчанов 2002]. Необходимость на современном этапе создания такого перечня памятников европейского значения, создание и разработка критериев отбора памятников помогло бы решить проблемы, продиктованные современностью.

Такой список необходим также в связи с ситуацией, сложившейся в 2004 г. Комитетом Всемирного наследия были проведены работы по согласованию и ограничению памятников для внесения в Список всемирного наследия. К этой инициативе можно относиться по-разному, хотя она имела резонанс в общественности, и были высказаны сомнения в целесообразности таких изменений. ЮНЕСКО выступило с инициативой о регламентации номинаций, подаваемых на внесение в Список всемирного наследия. 24 сессия Комитета ЮНЕСКО по вопросам всемирного наследия ограничила рассмотрение номинаций для включения в Список до 40 памятников в год, причем только один памятник от государства, где уже есть объекты всемирного значения и три — от государства, где их нет.

Инициатором отмены такого решения Комитета (где представлено 21 государство) стала Италия, которая аргументировано доказывает, что такое ограничение принесет вред государствам с богатым культурным и природным наследием, которые слабо представлены в Списке. Такой лимит на новые номинации не согласуется с духом и

буквой Конвенции 1972 г. Нигде в тексте Конвенции не указывается на количественные ограничения, именно такой текст Конвенции подписан и ратифицирован государствами (ст. 31, п. 1) и не может быть изменен Комитетом. В соответствии с Рекомендациями по имплементации Конвенции (1996) критерии по внесению в Список характеризуют сам объект (целостность, аутентичность и др.) не включая никаких количественных ограничений. Решение Комитета вступает в противоречие с последующими статьями конвенции: ст. 1 и 2 (типология памятников, включаемых в Список), ст. 4 (“государство... осознает обязательства обеспечивать выявление, охрану, сохранение, популяризацию... культурного и природного наследия), ст. 6, п. 1 (“...государство...осознает, что оно (наследие) есть общим, для охраны которого обязано сотрудничать все международное сообщество”), ст. 7 (“...под международной охраной ... следует понимать создание системы международного сотрудничества и помощи государствам ... в усилиях, направленных на сохранение и выявление такого наследия”), ст. 11, п. 2, 4 (“Комитет составляет, обновляет и публикует список наследия..., а также список наследия, находящихся под угрозой...”) [Україна в міжнародно-правових відносинах 1997, с. 130-134].

Действительно, принятие таких ограничений создает дисбаланс среди государств — членов, что не соотносится с реальностью, поскольку количество памятников в мире (как это определено выше) географически не сбалансировано. Тут не может быть квот. Этот процесс может привести к ослаблению и утрате доверия к основам Конвенции и не может содействовать миру и развитию диалога между культурами. Нет никакой логической связи между искусственными ограничениями номинаций государств, которые имеют богатое наследие, и государствами, не представленными или недостаточно представленными в Списке. Решение Комитета не предлагает эффективных путей выхода из этой ситуации. Действительно, государства должны согласовывать вопрос сбалансированности количества своих номинаций, но “наказывать” государство, которое имеет всемирные ценности — не решение этого вопроса. Реально проблема базируется на том, как помочь государствам, не представленным или недостаточно представленным в Списке. Среди предложений о такой помощи могут быть проекты по обучению экспертов из не представленных государств, законодательным и административным действиям, касательно управления и сохранения всемирного наследия. И хотя количественные ограничения и противоречат духу Конвенции, Украина не готова к подаче на номинирование более чем одного объекта в год. Отбор памятников, подготовка документации и все последующие обязательства государства (сохранение аутентичности памятника и его окружения, реставрация, управление объектом, введение его в международные туристические маршруты и др.) требуют серьезных финансовых затрат.

Стоит отметить то, что данная проблема не актуальна на сегодняшний день для Украины, но для многих западноевропейских госу-

дарств — да. Создание европейского списка было бы одним из альтернативных решений.

Комитет Всемирного наследия ЮНЕСКО вносит в списки объекты уникальные и имеющие неоценимое значение для всего человечества. Многие памятники, которые интересны в европейском контексте, или же являются местами паломничества туристов, визитными карточками европейских городов, представляют собой явление или ценность для этого региона и оказали неоценимый вклад в его развитие, тем не менее, не подходят под критерии, определенные ЮНЕСКО. Но они ценны для осознания европейской принадлежности той или иной страны, или неоценимы для определения общеевропейских процессов. К списку общеевропейского культурного наследия могут быть отнесены памятники культуры национального значения. Такой список не должен быть дополнением к Списку ЮНЕСКО и не должен восприниматься как список памятников менее интересных мировому сообществу. Его необходимо рассматривать как самостоятельный список памятников европейского региона представляющий собой ценность для Европы. Также это даст возможность получения точных статистических данных о памятниках природы и культуры, которые находятся на территории Европы, привлекло бы поток туристов к новым еще не известным объектам. Такой список был бы общедоступным и надежным источником, который дал бы нам объективное представление о европейском культурном и природном наследии. Внесение памятников такого уровня должно быть продиктовано исключительно географическим принципом и ценностью объекта, а не политическими, экономическими или религиозными амбициями.

Создание такого списка необходимо для воплощения целей, которые легли в основу охраны культурного наследия определенных Советом Европы.

Стратегия совета Европы определяет, что Европа руководствуется принципами уважения, поддержкой разнообразия культур. Создание такого списка содействовало бы их реализации. В статье 151 (раздел XII Договора полностью посвящен вопросам культуры), в частности, говорится:

1. Сообщество содействует расцвету культур государств-членов, уважая их национальное и региональное разнообразие и в то же время выдвигая на первый план общее культурное наследие.

2. Действия Сообщества направлены на поощрение сотрудничества между государствами-членами и, при необходимости, на поддержку и помощь им в следующих областях:

- расширение и распространение знаний о культуре и истории европейских народов;
- сохранение и защита культурного наследия европейской значимости;
- некоммерческий культурный обмен;

- художественное и литературное творчество, включая аудиовизуальный сектор.

3. Сообщество и государства-члены содействуют сотрудничеству с третьими странами и международными организациями в сфере культуры, прежде всего с Советом Европы [Молчанов 2002].

4. Предпринимая действия, основанные на других положениях настоящего Договора, Сообщество принимает во внимание их культурные аспекты, прежде всего руководствуясь уважением и стремясь сохранить разнообразие культур.

Охрана памятников на государственном уровне представлена созданием национальных реестров наиболее ценных объектов.

Структура такова, что в качестве основного вопроса (в соответствии с приоритетами охраны культурного наследия в международном праве) выносят охрану памятников на национальном уровне.

В то время как национальные власти фокусируют свое внимание, главным образом, на вопросах создания национальных реестров, то европейский региональный уровень должен был бы взять функции обеспечения устойчивости контроля и идентификации объектов культурного и природного наследия Европы [Guiding Principles 2000].

Создание единого европейского Списка культурного и природного наследия позволило бы континенту удерживать и укреплять свои культурные позиции в условиях растущей глобализации. Система образования играет также важную роль для внедрения достижений культурной демократии. Потенциал Европы используется далеко не полностью – она и по сей день много теряет из-за того, что ее институты воспринимаются гражданами как нечто от них удаленное и бюрократическое. Многие вопросы, связанные с охраной культурного и природного наследия, государства не могут решить без международного опыта и поддержки.

Европейская стратегия по вопросам национальной политики в области культуры направлена на обобщение опыта разных стран, выделение схожих проблем в государствах для помощи им в принятии решений. Подготовка такого Списка и сам процесс подготовки, связанный с номинацией объектов для внесения, даст возможность Совету Европы оценить проблемы в области охраны наследия, с которыми сталкиваются страны-члены, а также предложить возможные варианты их решения. Создание Списка будет также содействовать сбору и систематизации информации о культурной политике в государстве, проводимой различными странами, позволит сделать сравнительный анализ для определения уровня охраны, использования, управления и популяризации объектов.

Учитывая общеевропейскую стратегию, основными вопросами, касающимися культуры есть:

- доктрина культурного единства и разнообразия Европы;
- концепция общего культурного наследия народов Европы;
- комплексный подход к сохранению культурного наследия [Guiding Principles 2000].

Государства должны уважать все разнообразие культурного наследия, как свидетельства истории данного региона. Одной из актуальных проблем есть отказ от дискриминации наследия. Государство должно применять все возможные направления стратегии охраны наследия; идентификация и сохранение, доступ к информации, финансирование, помощь владельцам, использование, участие в научных консультациях и принятии решений в сфере охраны памятников [European cultural heritage 2002, p. 5]. Культурное сотрудничество в этом вопросе является приоритетным направлением для совместных действий в сфере образования, разработки новых методов охраны, популяризации культурного наследия и привлечения молодого поколения к этим процессам.

Изменения в области внешней политики и безопасности, расширение европейских границ на востоке поставит в ближайшем будущем перед Европейским Союзом новые задачи. Значение охраны культурного и природного наследия в условиях жизнеспособной и демократической системы должно быть первоочередным в этом направлении, наследие во всех его формах должно сохраниться, и быть передано будущим поколениям.

Литература

- Україна в міжнародно-правових відносинах. Кн. 2. правова охорона культурних цінностей / відп. ред.: Шемшученко Ю.С., Акуленко В.І. К.: Юрінком Інтер, 1997.
- Молчанов С.Н.* Европейское право и сохранение культурного наследия народов Европы // Европа в международном праве. К., 2002.
- European cultural heritage (volume II). A review of policies and practice. Council of Europe Publishing. 2002.
- Guiding Principles for Sustainable Development of the European Continent. Strasbourg. 2000, 2002. Перевод: К.К. Ананичев, 2002.
- Hemsley J.* The European Union's emerging cultural technology industry and the opportunities for Russia // Международная конференция "EVA 2005 Москва" 28 ноября — 2 декабря 2005 г. http://www.evarussia.ru/upload/doklad/dokladEn_401.doc.
- The map of World Heritage Properties is produced each year by UNESCO World Heritage Centre. 2002. 1972–2002 30-th anniversary.

Кожан Е.А., Рыбин В.Ф., Назарчук А.А., Галисева М.П.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА НА СОХРАННОСТЬ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

В историческом центре Киева возвышается Софийский собор, который был возведен в первой половине XI столетия в честь Святой Софии — Премудрости Божьей. В 1990 г. собор Святой Софии вместе с монастырскими сооружениями на его территории был внесен в “Список всемирного культурного наследия” ЮНЕСКО. Универсальная значимость этого памятника состоит в том, что архитектура собора в значительной мере сохранилась со дня его создания.

Техническое состояние этих древних сооружений на сегодняшний день вызывает серьезное беспокойство. Памятники страдают от разрушительного воздействия времени и от повреждений, вызываемых негативным влиянием окружающей среды, а также техногенными факторами. Прежде всего это касается непосредственно собора Святой Софии и его Колокольни (высота 75 м), которая является главной архитектурной доминантой Киева. Многочисленные трещины, ослабленные места и пустоты в древних стенах и сводах являются свидетельствами деформаций, которые развиваются в этих сооружениях от комплекса природных и техногенных факторов.

Рассмотрим особенности защиты исторических памятников от природных и техногенных разрушительных грунтовых процессов. В основании практически всех исторических зданий Киева, как и памятников заповедника “София Киевская”, залегают лессовые просадочные грунты. От замачивания и просадки многие здания в той или иной степени были повреждены 200–300 лет тому назад и более, поэтому их неоднократно ремонтировали, реконструировали и перестраивали. Резко активизировало эти процессы строительство инженерных водонесущих коммуникаций, начавшееся в Киеве около 120 лет назад. По некоторым опубликованным наблюдениям в течение XX века в Киеве произошел резкий подъем уровней грунтовых вод (УГВ), составивший на территории заповедника “София Киевская” 4–6 м. В настоящее время они залегают на глубине 2–5 м ниже подошвы просадочных лессовидных супесей. В случае подъема УГВ и замачивания лессовидных супесей будет происходить просадка этих грунтов и опасная неравномерная осадка зданий, в связи с чем одной из основных мер защиты исторических памятников является поддержание уровня грунтовых вод на тех же отметках (171–175 м), на которых они фиксируются в настоящее время.

Ниже слоя просадочных лессовидных супесей мощностью около 10 м залегают 2–3-метровый слой лессовидных суглинков, обычно подстилаемых погребенным почвенно-растительным слоем. Эти грунты имеют более низкие фильтрационные свойства, чем лессовидные су-

песи, поэтому в них в определенных условиях формируется верховодка. Так, в 1983 г. она была зафиксирована УкрГИИинтизом в 13 скважинах вокруг Софийского собора, а в 2001 г. Киевпроектом в 2 скважинах на смежной с заповедником площадке к северо-востоку от него (территория вновь построенного подземного паркинга и фитнес-центра). Формирование верховодки и неконтролируемый рост ее уровней может более быстро, чем подъем УГВ, привести к тому же указанному выше опасному процессу просадки лессовидных супесей и деформациям зданий. Отсюда следует еще одна защитная мера — поддержание благоприятного влажностного режима грунтов зоны аэрации.

Грозную опасность для исторических зданий представляют утечки из водонесущих коммуникаций, прежде всего из напорных водопроводов и теплотрасс. Эта опасность многократно увеличивается, если порывы труб происходят под фундаментами зданий или возле них. Так вследствие длительной крупной утечки из водопровода в 2001 г. имели место разрушительные деформации здания бывшей каретной в его южном торце. Отметим, что на территории заповедника ежегодно фиксируется 10–20 утечек из водонесущих коммуникаций, что обусловлено длительным сроком их эксплуатации (50 лет) и изношенностью. Поэтому одной из основных защитных мер является полная перекладка всех водонесущих коммуникаций на территории заповедника.

Очень неблагоприятно сказывается на состоянии зданий неорганизованный отвод и аккумуляция поверхностного стока. С этим процессом мы связываем замачивание строительных конструкций и дополнительные деформации зданий колокольни Софийского собора, Трапезной, Бурсы, южной башни, Андреевской и Кирилловской церквей и ряда других памятников. Поэтому одна из важных защитных мер — организация оптимальной системы поверхностного водоотвода возле зданий и по территории заповедника, а также надежная ее эксплуатация.

В последние годы в Киеве интенсифицировались суффозионные процессы, подобно карсту вызывающие образование на земной поверхности провалов и повреждения зданий. Такие провалы глубиной до 3–5 м и диаметром до 5–8 м имели место в Киево-Печерском заповеднике, на Владимирской горке, на территории торгового центра по ул. Артема и в других местах. Вынос грунта происходил через крутые грунтовые откосы, подземные хода, штольневые колодцы, а причиной чаще всего были утечки из неисправных труб. Ранее, в начале и середине XX века произошло повреждение цокольной части Андреевской церкви вследствие проходки под его западным углом дренажной штольни и последующего суффозионного выноса через нее грунта. В результате угловая часть стилобата откололась, ее отделила протяженная трещина с большим раскрытием. В середине XX века в связи с выносом грунта в подземный ход имели место аварийные деформации восточной и северной стен Кирилловской церкви. В 2002 г. интенсивная

суффозия грунта в котлован, вырытый при строительстве фитнес-центра, привела к оседанию северо-восточного участка заповедника “София Киевская” площадью до 40 м² и глубиной до 1,0–1,5 м, частичному разрушению ограды, трещинам в здании Бурсы, причем процесс оседания продолжается до настоящего времени. Осенью 2002 г. в результате геофизических исследований на территории заповедника выявлен ряд аномалий, интерпретируемых как подземные ходы. Один из них может проходить на глубине 7–9 м под северным фасадом Софийского собора и зданием Бурсы, что необходимо проверить ручным бурением. Главная защитная мера от опасных суффозионных процессов — недопущение крупных длительных утечек из коммуникаций, а также забутовка или укрепление выявленных подземных ходов.

Оползневые процессы известны в Киеве с доисторических времен, несмотря на значительные средства, затрачиваемые на локализацию оползней, площадь оползневых участков растет год от года. Среди памятников заповедника оползневые процессы наиболее угрожают холмам Андреевской и Кирилловской церквей, что связано, прежде всего, с постоянными утечками из водонесущих коммуникаций. Согласно расчетам ИГН НАНУ на холме Андреевской церкви выделяются две оползнеопасные зоны к северу и востоку от церкви. Основная защитная мера — строительство вдоль аллеи ниже холма подпорной стенки на буронабивных сваях.

Прогноз и своевременное предупреждение различных неблагоприятных явлений возможны на базе комплексного мониторинга памятников и территорий заповедника “София Киевская”. В настоящее время здесь в основном созданы сети гидрогеологических и геодезических наблюдений. Некоторое увеличение пунктов гидрогеологических, прежде всего гидрофизических наблюдений, потребуются в будущем для детального изучения гидрогеологического режима возле отдельных памятников, состояние которых будет внушать опасения.

Как известно, на урбанизированных территориях природные процессы находятся под существенным влиянием техногенных факторов. В Киеве, как и других крупных городах, более резко ощущается глобальное потепление климата, фиксируются тепловые аномалии, перемещения химических аэрозолей, перераспределение и закономерное увеличение атмосферных осадков, повышение влажности грунтов зоны аэрации, подъем уровня грунтовых вод, увеличение агрессивности подземных вод и грунтов. Для постоянного слежения за этими процессами предлагается сооружение на территории заповедника опорной для Древнего Киева метеорологической и гидрофизической станции с целью натурного определения основных факторов и параметров среды и их изменения в многолетнем плане.

В геоморфологическом отношении заповедник “София Киевская” расположен в самой высокой части старокиевского останца лессового плато (а.о. 186,4–191,6 м) с незначительным развитием эрозионных процессов. Пробуренные скважины глубиной 18–20 м, а также преды-

дущие исследования доказывают, что геологический разрез территории является типичным для лессового плато (рис. 1).

К геологическим факторам, которые наиболее влияют на состояние памятников, следует отнести наличие в основании их фундаментов просадочных и склонных к суффозии лессовидных супесей, близкое расположение оползнеопасных склонов, а к техногенным факторам — наличие многочисленных, недостаточно укрепленных подземных ходов, подвалов, дренажных штолен, вытоков из водонесущих коммуникаций, вибрации от прохождения тяжелого транспорта, физическое влияние сооружений, построенных рядом с памятниками и т.п.

Гидрогеологические условия. Как показывают исследования, режим грунтовых вод в городах находится под влиянием ряда факторов. Среди них глобальное потепление климата, обусловленное им увеличение количества атмосферных осадков и уменьшение глубины промерзания почвы, колебания солнечной активности, подпор из водохранилищ, аккумуляция на отдельных участках поверхностного стока и утечки из водонесущих коммуникаций.

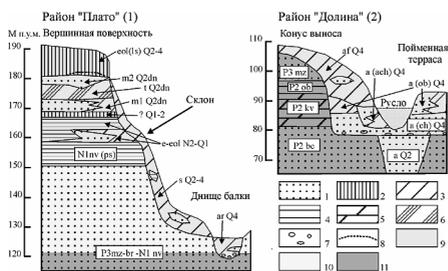

Рис. 1. Геологический разрез старокиевского останца.

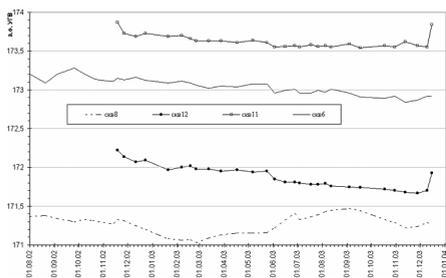

Рис. 2.

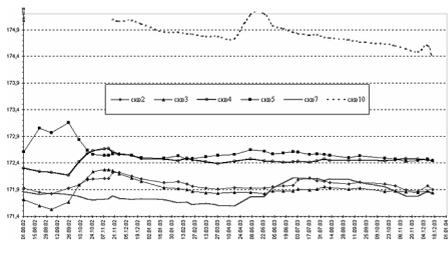

Рис. 3.

На центральном участке заповедника “София Киевская” создана гидрогеологическая сеть наблюдений из 16 режимных скважин и 7 гидрофизических кустов. Все скважины можно условно подразделить на две группы: “фоновые” и “подверженные техногенному влиянию”. На рис. 2 отражен уровненный режим по “фоновым” скважинам 6, 8, 11, 12. В скважине 8 южнее колокольни прослеживаются циклические колебания небольшой амплитуды (0,3–0,4 м), обусловленные сезонным проявлением метеофакторов. В скважинах 6, 11, 12 в период с августа 2002 г. по ноябрь 2003 г. отмечены незначительные колебания с тенденцией к постепенному спаду, что, вероятно, объясняется циклическими колебаниями солнечной активности. В скважинах 2, 3, 4, 5, 7, 10 зафиксированы колебания, обусловленные не только естественными, но и техногенными факторами (рис. 3).

Прослеживается общее направление движения грунтовых вод — с запада и с севера на восток и юго-восток, от сада митрополита и фитнес-центра к колокольне и Софийской площади (рис. 4).

Температура грунтовых вод изучалась осенью 2002 и 2003 гг.

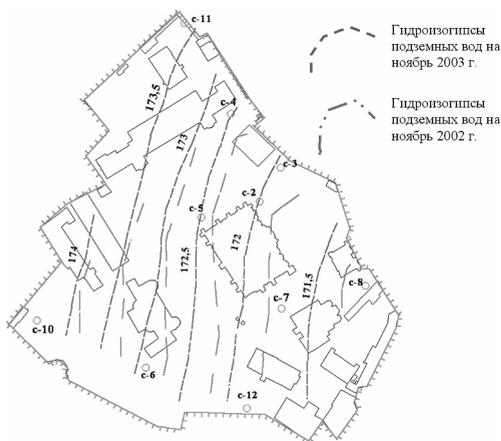

Рис. 4. План общего направления движения грунтовых вод на территории заповедника.

№ сква- жины	Глубина УГВ, м	Температура, °С	
		Ноябрь 2002 г.	Ноябрь 2003 г.
2	15,8	12,1	10,7
3	15,1	12,6	11,1
4	14,4	12,7	12,3
5	16,1	12,8	12,5
6	17,3	11,9	11,7
7	16,6	13,2	12,2
8	16,5	12,2	11,6
10	16,1	15,7	14,6
11	13,1	12,4	11,3
12	17,8	12,7	10,5

Таблица 1. Температура грунтовых вод на центральном участке заповедника.

Как видно из таблицы, температура грунтовых вод практически не связана с глубиной их залегания. По-видимому, большее значение имеют утечки из тепловых сетей. Так, относительно высокая температура грунтовых вод в скважине 10, вероятно, связана с утечками из проходящей в 5–6 м от нее теплосети.

Грунтовые воды характеризуются довольно значительными колебаниями общей минерализации, жесткости и химического состава.

Обследование дренажных штольневых систем на участке Андреевской церкви

Сотрудниками ИГН НАН Украины 09.09.03 г. была обследована часть дренажных штольневых систем №№ 3, 4, 40 (ДШС-3, ДШС-4, ДШС-40), пройденных на участке Андреевской церкви (рис. 5).

ДШС-3 с 13 дренажными колодцами, пройденная в 1907–10 гг. на плато от Владимирской горки до Андреевской церкви возле бровки склона. Штольневые отводы заканчиваются гончарными трубами, по которым дренажные воды сбрасываются непосредственно в ливнестоки, в ДШС-7 или ДШС-4.

ДШС-3 проложена, в основном, во втором слое водоносного пресноводного суглинка. Дно находится на толще бурых глин, местами врезаюсь в них. Около Андреевской церкви штольня пройдена в бу-

Рис. 5. План обследования дренажных штольневых систем у Андреевской церкви.

рых глинах и только местами прорезает пресноводный суглинок и моренные отложения.

На время нашего обследования ДШС-3 представляет собой подземную выработку преимущественно трапециевидной в разрезе формы, укрепленную железобетонным каркасом.

Несмотря на то, что последняя чистка штольни происходила в декабре 2002 г, почти на всем ее протяжении наблюдается глинистый и соляной вынос из грунтового массива. При этом в местах повышенной фильтрации образуется глинистые наносы на дне и нижней части стен штольни. При более низких скоростях фильтрации образуются соляные натеки на балках стен, образования в виде сталактитов на потолке, соляные натеки на дне штольни. Образования внутри часто состоят из пластичного материала, покрытого сверху твердой соляной коркой, которая позволяет им сохранять форму. В лужах со стоячей водой наблюдаются минеральные образования круглой формы, диаметром 0,5–3 см (“пещерный жемчуг”). Цвет соляных образований изменяется от белого и светло-коричневого до темно-коричневого, красно-коричневого и черного.

Мощность глинистых наносов на дне выработки составляет от 5 до 20 см. В некоторых местах наблюдаются вывалы грунта в щели между креплением выработки объемом около 2 м³, что способствует образованию подземных полостей и ослаблению грунтового массива в целом.

Кирилловская церковь

Техническое состояние Кирилловской церкви за последний год резко ухудшилось. Наблюдается активизация старых и появление новых трещин на всех фасадах и в интерьере церкви.

При тщательном осмотре выявлены многочисленные деформации здания Кирилловской церкви, как старые, так и впервые появившиеся летом 2003 г., которые стали следствием негативного влияния природных и техногенных факторов. Всего на наружных и внутренних поверхностях стен было зафиксировано более 20 преимущественно вертикальных (чаще на всю высоту здания), реже кососекущих и еще реже горизонтальных трещин с раскрытием от волосяных до 1,5 см. Растрескивание двух маяков на южном фасаде здания в первую очередь свидетельствует об активизации процессов деформирования стен в 2003 году. Большинство существующих трещин на всех стенах здания церкви являются старыми и имеют тенденцию увеличения раскрытия кверху. Количество новых трещин увеличивается в направлении от середины северного фасада к юго-западному углу церкви. Отмечается приуроченность всех трещин к дверным и оконным проемам.

Наиболее деформирован северный фасад церкви. Тут зафиксированы 4 главные вертикальные и одна кососекущая трещины. В 7–8 м от западного торца стены проходит сквозная вертикальная трещина с раскрытием кверху до 5 мм. Максимальное раскрытие остальных трещин по штукатурке 2–3 мм, а в “окнах” древней кладки 3–4 мм. Новая косая трещина с раскрытием 5–10 мм появилась летом 2003 г. над правым окном центральной части фасада.

Наибольшее количество новых трещин появились на западном фасаде здания. Это чаще всего горизонтальные и косые непротяженные трещины, еще чаще — целые системы таких трещин, в основном, на пилястрах фасадов с обеих сторон от входной двери. Большинство этих трещин приурочено к нижним частям здания церкви.

На южном фасаде находится наиболее раскрытая (6–7 мм) вертикальная трещина, в районе которой треснул гипсовый маяк, установленный еще в 1974 году. Новая вертикальная волосяная трещина появилась летом 2003 г. В последние десятилетия наблюдается явное усиление деформаций многих историко-архитектурных памятников, вплоть до их разрушения, вызванное техногенной деятельностью человека.

Деятельность человека проявляется, прежде всего, в разнообразных нарушениях естественного режима подземных и поверхностных вод, ведущих, в свою очередь, к подтоплению городских территорий, просадке лесовых грунтов, активизации оползней, набуханию глинистых отложений.

В сложной геологической и техногенной обстановке выявление причин и предупреждение процесса подтопления, как и последующих за ним деформаций грунтов, зданий и инженерных сооружений возможно на основе постоянного мониторинга охраняемых объектов, в частности историко-архитектурных памятников и зон их охраны.

В основу мониторинга памятников нами положены определенные принципы. Исследования и изыскания на памятниках должны проводиться в щадящем режиме. Применительно к геологическим изысканиям это обозначает стремление к минимальным объемам буровых и шурфовочных работ, максимальному использованию накопленной, в т.ч. на аналогичных участках, геологической информации. Необходима также разработка неразрушающих приборов и датчиков, в частности для оценки влажности строительных материалов; в случае выявления на памятниках нарушенного режима подземных и поверхностных вод в первую очередь должны проводиться водозащитные мероприятия, а затем, при необходимости, меры по укреплению строительных конструкций и грунтов. Вначале при обследовании здания обращают внимание на неравномерные оседания, отклонение стен зданий от вертикали, наличие осадочных трещин. Деформация несущих стен позволяет рассчитать количественные критерии неравномерного оседания грунтового основания, такие как его кривизну и обратную ей величину — радиус кривизны. Прежде всего, нужно установить геологическое строение площадки памятника, на глубину до 20 м (т.е. зоны гравитационного влияния здания на грунт) с определением литологии и возраста отдельных слоев грунта. Для получения полной характеристики грунтов основания нужно иметь следующие данные:

- основные физические характеристики (механический состав, влажность, степень водонасыщения, пластичность);
- просадочные свойства лессовидных супесей, которые залегают в основании большинства памятников в Киеве (относительную просадочность, начальное просадочное давление, категорию условий просадочности);

- механические свойства грунтов, от которых зависит их прочность и устойчивость (плотность, модуль деформации, угол внутреннего трения, удельное сцепление);
- влажностный режим грунтов основания (источники увлажнения, наличие водоносных горизонтов, уровень грунтовых вод).

Среди деформаций грунтового основания различают:

- осадки, которые имеют место вследствие уплотнения грунта под влиянием внешних нагрузок и не сопровождаются коренными изменениями его структуры;
- просадки, которые происходят в процессе уплотнения увлажненного просадочного грунта при изменении его структуры;
- набухания и усадки, обусловленные осушением и увлажнением при изменении объема некоторых видов глин;
- оседание поверхности земли, которое обычно связано с подработкой прилегающей территории (например, при подземном городском строительстве).

Обоснование защитных мероприятий при охране и реставрации историко-архитектурных памятников требует количественной оценки оседаний, обрушений и деформаций грунтовых оснований. При этом наиболее часто применяются расчёты оседаний и деформаций оснований при подземном городском строительстве и просадок при замачивании просадочных лёссовых грунтов.

Среди деформаций грунтового основания различают:

- осадки, которые имеют место вследствие уплотнения грунта под влиянием внешних нагрузок и не сопровождаются коренными изменениями его структуры;
- просадки, которые происходят в процессе уплотнения увлажненного просадочного грунта при изменении его структуры;
- набухания и усадки, обусловленные осушением и увлажнением при изменении объема некоторых видов глин;
- оседание поверхности земли, которое обычно связано с подработкой прилегающей территории (например, при подземном городском строительстве).
- оседания и обрушения при суффозионном выносе грунта в дренажные и другие подземные сооружения;
- осадок при дренировании грунтовой толщи;
- устойчивости склонов.

При развитии суффозионных процессов, которые могут произойти при дренаже грунтов или подземном строительстве, возникает оседание и деформация земной поверхности с образованием мульды или обрушение с образованием воронки обрушения. Сам процесс носит стохастический характер, поэтому расчет границ и параметров мульды сдвижения или положения и размеров воронки должен произво-

дится как вероятностный. При аварийном прорыве пльвуна в тоннель, из конкретной инженерно-геологической обстановки и объема выноса грунта определяется местоположение и объем первичной суффозионной полости, образующейся в непосредственной близости от тоннеля. После этого производится расчет высоты зоны обрушения.

Если первичная суффозионная полость имеет значительные размеры в плане и высоту, соизмеримые с глубиной её расположения от земной поверхности, определяется местоположение воронки на земной поверхности и ее объём, составляющий, в зависимости от глубины, состава и обводнённости вовлекаемых в процесс обрушения грунтов от 0,3 до 0,9 объёма первичной суффозионной полости. Наиболее вероятно образование суффозионной воронки непосредственно над полостью. Однако при неоднородном геологическом строении или неоднородном поле напряжений, обусловленном пересечённым рельефом или застройкой высокими зданиями, происходит отклонение воронки в сторону от её проекции на земную поверхность.

Под оценкой устойчивости склонов понимается определение возможности появления и степени распространения активных оползней при конкретных инженерно-геологических условиях. Для оценки и прогноза устойчивости на конкретных участках изучаемых склонов используются локальные методы расчётов по конкретным створам. Эти методы являются основными при составлении инженерно-геологического обоснования разных видов хозяйственного освоения склоновых территорий. Количественные методы оценки и прогноза устойчивости склонов требуют следующих исходных данных:

- профилей рельефа и характерных геологических разрезов;
- положения поверхностей ослабления в массиве склона;
- расчётных показателей ряда физико-механических свойств пород, затрагиваемых оползневыми подвижками;
- границ распространения водоносных горизонтов и обводнённых зон в массиве пород;
- определения мест приложения и величины нагрузок от имеющих в присклоновой зоне зданий и сооружений.

При прогнозе устойчивости склонов также важно выявить места появления эрозии, выветривания и других неблагоприятных явлений. Описанные выше методики были использованы при расчётах деформаций Андреевской и Кирилловской церквей, Софийской колокольни.

Матвеев И.В., Кравченко В.И., Молочкова Н.Н., Анкянец Н.Ю. Червинский А.Я.

МОНИТОРИНГ НАПРЯЖЕННО-ДЕФОРМИРОВАННОГО СОСТОЯНИЯ СОБОРА “СОФИИ КИЕВСКОЙ”

“София Киевская” — уникальный памятник архитектуры и живописи середины XI века. История донесла до нас около 800 м² фресок и мозаик, запечатленных на стенах Софийского собора, стоящего уже почти 1000 лет. Вопрос сбережения этого уникального сооружения от влияния внешних воздействий является серьезной научно-технической задачей. Несмотря на то, что изучение собора осуществляется на протяжении 150 лет, систематизированных данных о конструктивной системе собора практически не существует.

В 2002 году перед НИИСКом была поставлена задача по созданию системы технического мониторинга, как инструмента, предназначенного для обеспечения безопасной эксплуатации зданий Софийского собора и колокольни. Работа выполнялась под эгидой Софийского заповедника.

Технический мониторинг можно рассматривать, как систему взаимосвязанных наблюдений за развитием различных процессов в основании, фундаментах и наземных конструкциях при воздействии с окружающей средой. Его основной целью является своевременное предупреждение негативных последствий внешних воздействий на сооружение и разработку упреждающих методов защиты конструкций.

Собор относится к пятинефным крестово-купольным храмам, которые встречаются в Византийской архитектуре столичной Константинопольской школы. Современное здание Софийского Собора представляет собой инженерное сооружение с размерами в плане 43×56 м. Высота от пола до зенита центрального купола составляет 29 м. После реконструкции XVII — XVIII вв. собор венчают 19 глав.

Для собора характерна центрическая композиция основного ядра: длина его почти равна ширине, с трех сторон его окружают два пояса галерей. Ядро расчленено 12-ю мощными, крестообразными в сечении столбами с сильно выраженными (до 75 см) лопатками, на пять продольных нефов, заканчивающихся с восточной стороны полукружиями алтарных апсид. Современное здание несимметрично, главный купол с пятью апсидными полукружиями сдвинут к восточному фасаду и визуально уравнивается на западе двумя мощными объемами башен. Конструктивно кладка стен башен не перевязана с основным объемом здания, т.к. башни построены в стык в более поздний период.

Разработка мониторинговой системы Софийского заповедника включала следующее:

- создание пространственной расчетной модели “сооружение — основание”;
- сбор информации о возможных воздействиях на сооружение собора различных факторов (подъем уровня грунтовых вод, сейсмическое воздействие, температурное воздействие);

- визуально-инструментальные наблюдения;
- выполнение расчетов на возможные воздействия, анализ результатов и разработка конструктивных методов защиты (при необходимости).

Основным элементом мониторинга является комплексная расчетная модель несущих конструкций верхнего строения, фундаментов и основания, работающих совместно. Такая модель аккумулирует данные о конструктивной схеме собора, физико-механических характеристиках материала и размерах несущих конструкций, о нагрузках и воздействиях на несущие конструкции, литологическом строении грунтовой толщи основания и физико-механических и прочностных характеристиках составляющих его грунтов.

Для создания комплексной расчетной схемы Софийского собора были использованы материалы публикаций предыдущих исследователей, архивные данные, а так же исследования, выполненные НИИСКом в процессе работы над ее созданием. На основании накопленных данных [Асеев 1982; Каргер 1949; Каргер 1961; Кресальный 1960] была построена концептуальная модель фундаментной системы (рис. 1) и расчетная модель непосредственно самого Софийского собора (рис. 2).

Модель грунтового основания разрабатывалась согласно инженерно-геологических условий площадки. Основание на площадке Софийского собора согласно техническому заключению об инженерных изысканиях на территории заповедника [1983] является неоднородным, в пределах разведанной глубины до 33 м выделено 11 ИГЭ.

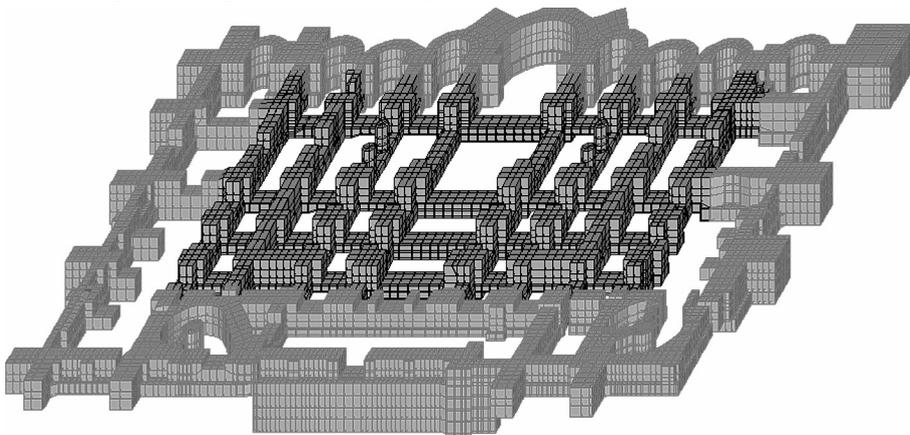

Рис. 1. Фундаментная система Софийского собора.

Под насыпными грунтами на отметке от 2 м до 12–13 м от поверхности залегают лессовые просадочные супеси и лессовые просадочные суглинки. Просадка от собственного веса грунта составляет 2,6 см. Грунтовые воды на площадке встречены на глубине 15,1–15,8 м от поверхности.

При построении модели сооружения Софии учитывались данные по геометрии стен, фундаментов, колонн, сводов и лестниц, выпол-

ненных из бута и плинфы. Поскольку здание собора за свою многовековую историю несколько раз подвергалось разрушению, перестройке и усилению основных конструкций, то современное здание представляет собой единую систему, объединяющую древнее ядро Софии и более поздние постройки, усиленные системой конструктивной защиты, такой как контрфорсы и тяжи, которые тоже были отражены при построении пространственной модели.

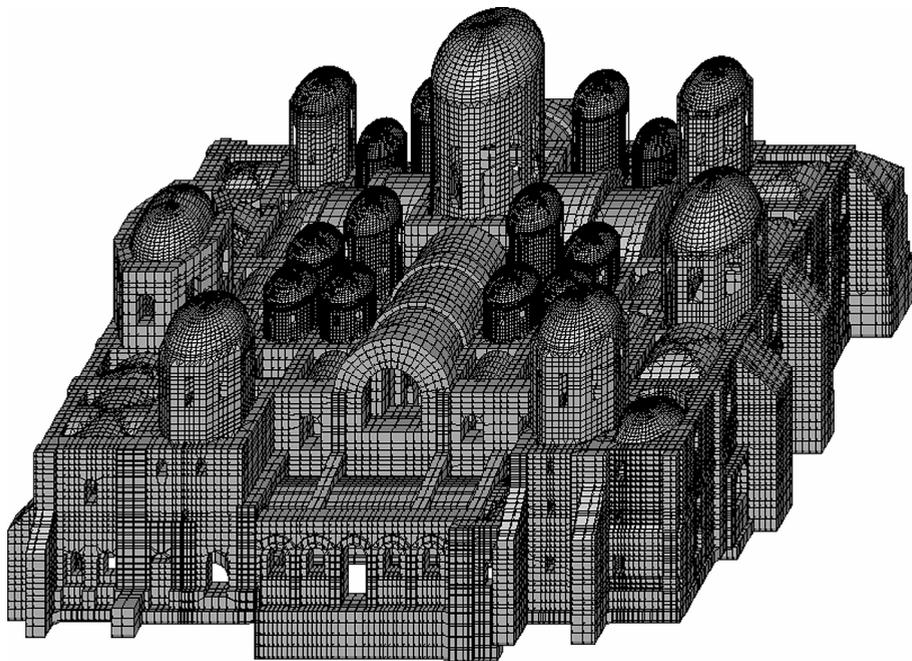

Рис. 2. Расчетная модель собора (вид с западной стороны).

Были проведены исследования с помощью механических и неразрушающих методов по определению прочности материала несущих конструкций Софийского собора и определены модули упругости для расчетной модели. Для фундаментной системы под наружные стены, состоящей из бутовой кладки на растворе принят модуль упругости $E=1 \times 10^6 \text{ т/м}^2$, для внутренних фундаментов галерейного типа — модуль упругости составляет $E=6.5 \times 10^5 \text{ т/м}^2$. По данным испытаний начальный модуль упругости кладки стен колеблется в пределах $E=1.87 \times 10^5 \dots 2.24 \times 10^5 \text{ т/м}^2$, с учетом времени работы плинфы и кирпича в сжатом состоянии — для стен собора принят модуль упругости $E=1 \times 10^5 \text{ т/м}^2$.

В нагрузках на конструкции сооружения учтен собственный вес кладки, вес штукатурки, толщина которой составляет 4 ...15 см, вес полов второго этажа, а так же полезная нагрузка на перекрытия второго этажа. Вес от деревянного покрытия собора приложен на несущие конструкции стен. Снеговая нагрузка учтена согласно СНиП 2.01.07–85 [1986].

С использованием пространственной модели были выполнены расчеты на ПК “LIRA-WINDOWS” (расчет конструктивной системы здания) и “Пролог” (расчет грунтового основания) конструкций исторического сооружения на основное и особые сочетания нагрузок, в том числе и на сейсмические воздействия по акселерограмме, синтезированной для г. Вышгорода (окраина г. Киева). В связи со значительным объемом рассматриваемой задачи (140459 узлов и 128365 конечных элементов), остановимся на анализе результатов действия статических нагрузок и динамических воздействий, приложенных вдоль оси ОХ, ОZ.

При учете статических воздействий — максимальные усилия в фундаментной системе составляют: $\sigma_x = 402 \text{ т/м}^2$, $\sigma_y = 213 \text{ т/м}^2$, $\sigma_z = 530 \text{ т/м}^2$, в конструкциях стен $\sigma_x = 145 \text{ т/м}^2$, $\sigma_y = 153 \text{ т/м}^2$, $\sigma_z = 163 \text{ т/м}^2$.

Наиболее значительное влияние на конструкции собора оказывает сейсмическое воздействие, направленное против оси ОХ.

Рассмотрим дополнительные усилия в конструкциях, возникшие только от этих воздействий (без учета статических). Для фундаментной системы нормальные напряжения составляют: $\sigma_x = 94 \text{ т/м}^2$, $\sigma_y = 280 \text{ т/м}^2$, $\sigma_z = 45 \text{ т/м}^2$, для стен: $\sigma_x = 3.2 \text{ т/м}^2$, $\sigma_y = 3.2 \text{ т/м}^2$, $\sigma_z = 4.7 \text{ т/м}^2$.

Наиболее уязвимыми для сейсмических воздействий в такой системе могут быть бани, поэтому рассмотрим усилия и деформации бань собора.

Центральная баня имеет максимальные перемещения от сейсмических воздействиях вдоль оси ОХ -31 мм, вдоль оси ОУ -27 мм. Нормальные напряжения незначительны.

Баня, расположенная над северной башней. Перемещения ОХ составляют -8,7 мм, вдоль оси ОУ -13 мм. Усилия составляют: $\sigma_x = -3,7 \text{ т/м}^2$, $\sigma_y = -1,6 \text{ т/м}^2$, максимальное $Q_y = 8.2 \text{ т/м}$.

Баня, расположенная над южной башней. Перемещения вдоль ОХ составляют -8,8 мм, вдоль оси ОУ -42 мм. Усилия незначительны.

Баня в центральной части южной галереи. Перемещения вдоль ОХ составляют -22 мм, вдоль оси ОУ -48 мм. Максимальная поперечная сила $Q_x = 1.6 \text{ т/м}$.

Блок бань, расположенный слева от центральной апсиды. Перемещения вдоль ОХ составляют -22 мм, вдоль оси ОУ -19 мм. Максимальная поперечная сила $Q_y = 107 \text{ т/м}$ (наиболее высокая баня из данной группы).

Блок бань, расположенный справа от центральной апсиды. Перемещения вдоль ОХ составляют -23 мм, вдоль оси ОУ -36 мм. Максимальная поперечная сила $Q_y = 103 \text{ т/м}$ (также наиболее высокая баня из данной группы).

Бани, расположенные у восточной стены слева от центральной апсиды. Максимальные перемещения вдоль ОХ составляют -35 мм, вдоль оси ОУ -19 мм. Максимальная поперечная сила $Q_y = 8.7 \text{ т/м}$.

Бани, расположенные у восточной стены справа от центральной апсиды. Максимальные перемещения вдоль ОХ составляют -35 мм, вдоль оси ОУ -41 мм. Максимальная поперечная сила $Q_x = 38 \text{ т/м}$.

На рисунках 3 и 4 представлены деформации собора вдоль оси ОХ при статических воздействиях и значения перемещений элементов конструкций при статических и динамических воздействиях, направленных против оси ОХ, соответственно.

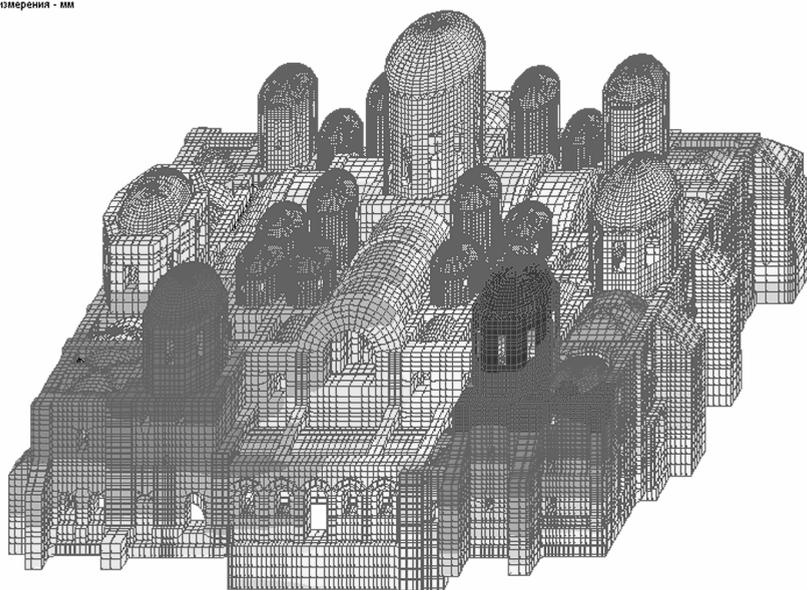
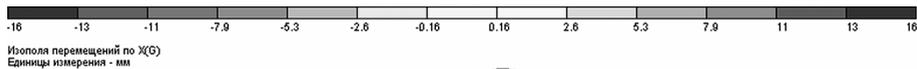

Рис. 3. Деформации Собора вдоль оси OX при статических воздействиях.

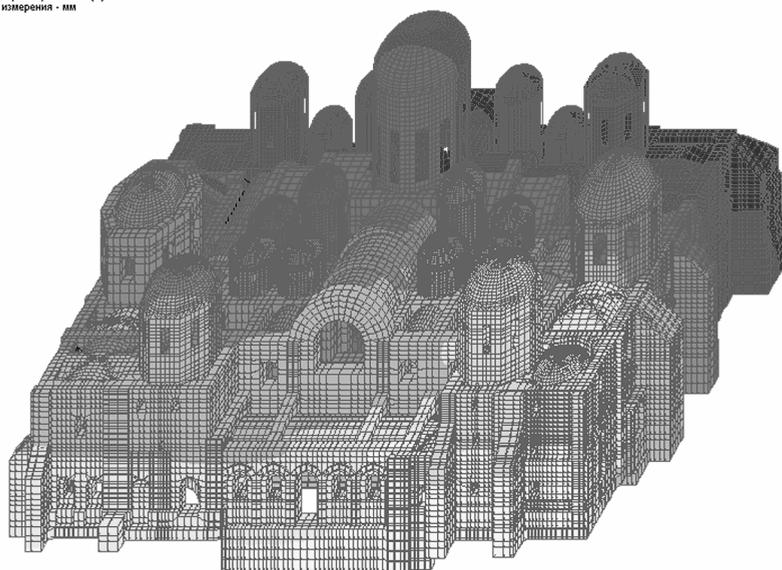
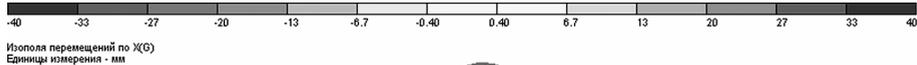

Рис. 4. Перемещения элементов конструкций при статических и динамических воздействиях, направленных против оси OX.

Выводы. Софийский собор — сложное инженерное сооружение, состоящее из конструкций, построенных в основном в XI веке, а также из конструктивных элементов, достроенных в XVI...XVIII веках во время реконструкции. Современное здание собора объединено тяжами, металлическими связями, поддерживающими контрфорсами в единую систему, работающую совместно. В здании собора имеется ряд трещин и разломов, образовавшихся вследствие неравномерных деформаций просадочных грунтов, а также, как показали расчеты, в результате распорных усилий, возникающих в арочной системе.

Разработка системы мониторинга связана с необходимостью сохранения сооружения и своевременной защиты от возможных вредных воздействий окружающей среды, в том числе просадки грунтового основания и сейсмические воздействия.

Расчеты на сейсмические воздействия выполнялись с использованием имеющихся в наличии акселерограмм, синтезированных для г. Вышгорода — окрестности г. Киева. Расчеты показали, что при длительности сейсмического воздействия, описанного акселерограммой длительностью в 41 секунду, увеличиваются напряжения в фундаментной системе собора, возникают значительные перемещения (амплитуды колебаний) в конструкциях бань, и некоторые из них могут достигнуть 40 см в горизонтальном направлении. Анализ возникающих при этом напряжений показывает, что они могут привести к появлению дополнительных деформаций и разрушений в конструкциях бань.

Литература

Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. К., 1982. 160 с.

Каргер М.К. Отчет об археологических исследованиях в Софийском заповеднике в 1949 г. Рукопись / Архив Софийского архитектурно-исторического заповедника.

Каргер М.К. Каргер Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.-Лг., 1958; Т. 2. М.-Л., 1961.

Кресальний М.Й. Софійський заповідник в Києві. Архітектурно-історичний нарис. Київ, 1960.

Техническое заключение об инженерных изысканиях на территории Государственного архитектурно-исторического заповедника "Софийский музей" в г. Киеве. Книга II. Инженерно-геологические условия участка заповедника (рабочий проект) / УкрГІИНТИЗ. Киев, 1983.

СНиП 2.01.07–85. Нагрузки и воздействия. М., 1986.

НАУКОВИЙ МОНІТОРИНГ ТЕХНІЧНОГО СТАНУ ПАМ'ЯТОК АРХІТЕКТУРИ — ОСНОВА ЇХ ЗБЕРЕЖЕННЯ

Метою наукового моніторингу є збереження пам'яток архітектури. Для досягнення цієї мети необхідно розробити методику моніторингу, для чого потрібно:

- провести збір і аналіз сучасної й архівної документації по конструкціях пам'ятки;
- вивчити і проаналізувати існуючі матеріали з інженерно-геологічних умов майданчика забудови та оточення. Побудувати криві підземного стоку води та визначити кордони захисної території впливу техногенних аварій на їх підйом;
- здійснити підготовку і встановити станції спостереження по вивченню ширини розкриття тріщин;
- встановити спостереження за кренами та осадками споруди;
- проводити систематичні спостереження за тріщинами з фіксацією даних вимірів;
- розробити методику і програму проведення випробувань зразків матеріалів стін методами неруйнівного контролю;
- відібрати зразки для проведення випробувань міцності матеріалів конструкцій руйнівними традиційними методами та по результатах цих досліджень відградувати прилади неруйнівного контролю;
- вивчити склад і стан конструкцій пам'ятки архітектури;
- на підставі вивчення матеріалів побудувати концептуальний варіант моніторингу конструкцій;
- визначити деформований стан конструкцій, зафіксувати тріщини з максимальним розкриттям. Дослідити ширину розкриття тріщин;
- в разі відсутності архівних матеріалів пам'ятки (плани, фасади, розрізи) або недостатності їх для побудови близької до реальної споруди геометричної моделі, провести додаткові обміри конструкцій і виконати креслення стін (по подовжніх і поперечних осях);
- розробити комплексну геометричну комп'ютерну модель пам'ятки архітектури як системи “будівля — основа” та після цього електронної розрахункової моделі напруженого стану будівлі;
- провести варіантні розрахунки за допомогою розрахункових моделей по визначенню зусиль і деформацій систем з урахуванням нерівномірних осадок від локального замочування, сейсмічних навантажень, температурних сезонних змін;
- провести аналіз отриманих розрахункових даних і розробити рекомендації з забезпечення несучої здатності конструктивних елементів споруди за умови їх збереження і можливого підсилення.

Таким чином, наукова методика моніторингу визначається як система взаємопов'язаних спостережень за розвитком деструктивних процесів у основах, фундаментах і наземних конструкціях при впливі навколишнього техногенного середовища. Для такої системи важливим фактором є можливість накопичувати інформацію, розширяти і поглиблювати її протягом часу.

Але самим головним аспектом є, звичайно, можливість передбачити негативні наслідки зовнішніх впливів і розробку попереджувальних методів захисту історичних пам'яток.

Основним елементом такої системи моніторингу є **комплексна електронна модель** несучих конструкцій верхньої будівлі, фундаментів і основи досліджуваної споруди, що працюють разом.

Така модель являє собою копію досліджуваної споруди в цифровому видгляді та є концентрованим носієм інформації про споруду в плані і просторі, а також про фізико-механічні характеристики матеріалів всіх несучих конструкцій, з яких складається досліджувана споруда та про навантаження на несучі конструкції.

Інформація про основу являє собою опис літології будівлі ґрунтової товщі під подошвою будівлі з внесенням у розрахункову геомодель фізико-механічних характеристик ґрунтів.

Розглянемо більш детально визначаючі елементи наукового моніторингу окремих досліджень стану пам'яток.

Головним загальним фактором передчасного руйнування всіх пам'яток архітектури та швидкоплинних їх деформацій є техногенез — сукупність процесів та явищ, викликаних діяльністю людини. Перш за все, найдієвішим каталізатором деформацій пам'яток та історичного ландшафту виступають різкі порушення природного режиму підземних і поверхневих вод. Вони ж приводять до підтоплення підвалів, перезволоження фундаментів і матеріалів стін, появи висолів та грибків, корозії металевих конструкцій, пошкодження творів монументального мистецтва.

Для виявлення причин деформацій необхідно виконати комплекс постійних спеціальних досліджень і вишукувань. Ці різнопланові дослідження пропонується виконувати у певній послідовності (рис. 1).

Спочатку проводиться ретельне інженерне обстеження пам'яток, водогінних комунікацій та прилеглої території. На основі обстеження дається оцінка стану пам'ятки архітектури і робляться висновки про

Рис. 1.

доцільність проведення більш глибоких детальних досліджень: гідрологічних і геодезичних вишукувань, польових і лабораторних досліджень якостей ґрунтів і будівельних матеріалів, створення гідрологічних моделей, виявлення в результаті польових вишукувань кордонів навколишньої території, впливаючої на стан пам'ятки в разі виникнення на ній техногенних аварій з витоків води.

Після виконання такого комплексу робіт повинні бути виявлені закономірності гідрогеологічних та інших процесів, обумовлюючих стан пам'ятки, причини її деформацій та підтоплення, розроблені рекомендації і проекти захисних або ж реставраційно-реанімаційних заходів. Після їх здійснення знову повинні проводитись періодичні обстеження стану пам'ятки.

Потрібно наголосити, що всі дослідження і вишукування необхідно проводити у щадящому режимі, в основному неруйнівними методами, з використанням раніше накопиченої інформації.

Необхідно відзначити, що крім викладеного переліку досліджень необхідно в залежності від конструктивної системи пам'ятки, її стану, збереженості історичного ландшафту та іншого потрібно розробити ряд методик:

- інженерне обстеження і оцінка технічного стану пам'ятки;
- гідрологічного і геодезичного нагляду;
- інженерно-геологічних досліджень;
- територіальних геофізичних вишукувань;
- створення комплексних електронних моделей напруженого стану конструкцій архітектурної пам'ятки та інших.

РОЛЬ И СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАПОВЕДНИКОВ КАК ОСОБОГО ТИПА УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ УКРАИНЫ

Национальный заповедник “София Киевская”, как и другие заповедники Украины, координирует и регулирует деятельность хозяйствующих субъектов в границах своих заповедных территорий и зон охраны музеев, входящих в его состав. Коллектив Заповедника постоянно проводит комплекс мероприятий по выявлению, изучению, хранению, популяризации и музеефикации памятников истории и культуры, расположенных на его территориях. Любая деятельность на заповедных территориях требует особого правового режима использования таких земель.

Национальный заповедник “София Киевская” — крупная государственная организация. Заповедник имеет общую площадь заповедных территорий 35 га и объединяет более 80 памятников архитектуры разных исторических периодов, в Киеве и в г. Судак в АР Крым.

Недостаточное понимание специфики работы музеев-заповедников, как особого типа учреждения культуры, привело к тому, что проблемы заповедников выпали из правового поля. Специфика этих учреждений почти не отражена в законодательстве о музеях, об охране памятников истории и культуры и практически не затронута в природном и земельном законодательствах. В следствии этого, музеи-заповедники оказались самыми незащищенными в правовом отношении учреждениями.

Основные проблемы, для решения которых необходимо более совершенное нормативно-правовое обеспечение, это:

- недостаточность правовой базы развития творческо-производственной и предпринимательской деятельности как основы самофинансирования деятельности музеев-заповедников;
- отсутствие льгот при налогообложении;
- отсутствие в правовом поле в должном объеме самого понятия “музей-заповедник”;
- неотрегулированность отношений между органами исполнительной власти в управлении имуществом и деятельностью заповедников;
- отсутствие у дирекции заповедников реальных прав контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов, юридических и физических лиц на заповедных территориях музеев-заповедников и их зон охраны.

Таким образом, в настоящее время назрела необходимость формирования нормативно-правовой базы деятельности музеев-заповедников, соответствующей современным требованиям. Неразрешенность

этой проблемы в ближайшее время может повлечь за собой потерю для последующих поколений уникальных исторических территорий с ценнейшими памятниками архитектуры, истории и культуры и связанных с ними природных ландшафтов.

Сегодня в Украине 13 национальных заповедников, они являются главными хранителями историко-культурного наследия страны. Деятельность музеев-заповедников достаточно специфична и отличается от работы в просто музеях.

Наряду с музейной деятельностью в музеях-заповедниках приходится решать широкий спектр задач, связанных с сохранением и рациональным использованием земель историко-культурного назначения.

Так, например, музеи, входящие в состав НЗ “София Киевская”, как-то Золотые ворота, Кирилловская и Андреевская церкви, архитектурно-ландшафтный комплекс Судакской крепости имеют свою, и не малую, территорию, требующую внимания не только архитекторов, археологов и историков, но и специалистов в области изучения грунтов, от состояния которых зависит сохранность памятников архитектуры. На территориях заповедника необходима также работа специалистов – дендрологов, которые изучают еще сохранившиеся на этих территориях редкие реликтовые растения, бывшие свидетелями минувших исторических событий.

Все музеи, входящие в состав НЗ “София Киевская”, находятся в зонах с интенсивными градостроительными преобразованиями окружающей среды, поэтому для Заповедника актуальной является проблема разработки и утверждения зон охраны памятников национального значения. Зоны охраны памятников вместе с территориями Заповедника должны составлять целостную, взаимосвязанную систему территорий, на которых регламентируется землепользование, строительство и другие виды хозяйственной деятельности с целью сохранения не только недвижимого культурного наследия, но и комплекса связанных с ним природных ландшафтов. Это особенно актуально для комплекса фортификационных сооружений Судакской крепости, вопрос о включении которого в Список всемирного наследия ЮНЕСКО является делом ближайшего будущего.

Сегодня государственным научно-исследовательским институтом теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТАГ) в сотрудничестве с Заповедником разработана и приведена в соответствие с международными нормами и правилами только лишь охранная зона архитектурного ансамбля Софийского собора. Работа по разработке зон охраны требует продолжения, как в Киеве, так и в Судаке.

Заповедник проводит комплекс мероприятий по выявлению, изучению, хранению, популяризации и музеефикации памятников археологии, истории, архитектуры, культуры и природы.

Основные виды деятельности, которые присущи любому из музеев, а это: научно-фондовая, научно-исследовательская, экспозиционно-выставочная, реставрационно-консервационная, просветительская

и экскурсионно-художественная, а, также редакционно-издательская, в обязательном порядке должны быть дополнены такими видами деятельности, как природоохранная, охранная, оперативно-хозяйственная, международная.

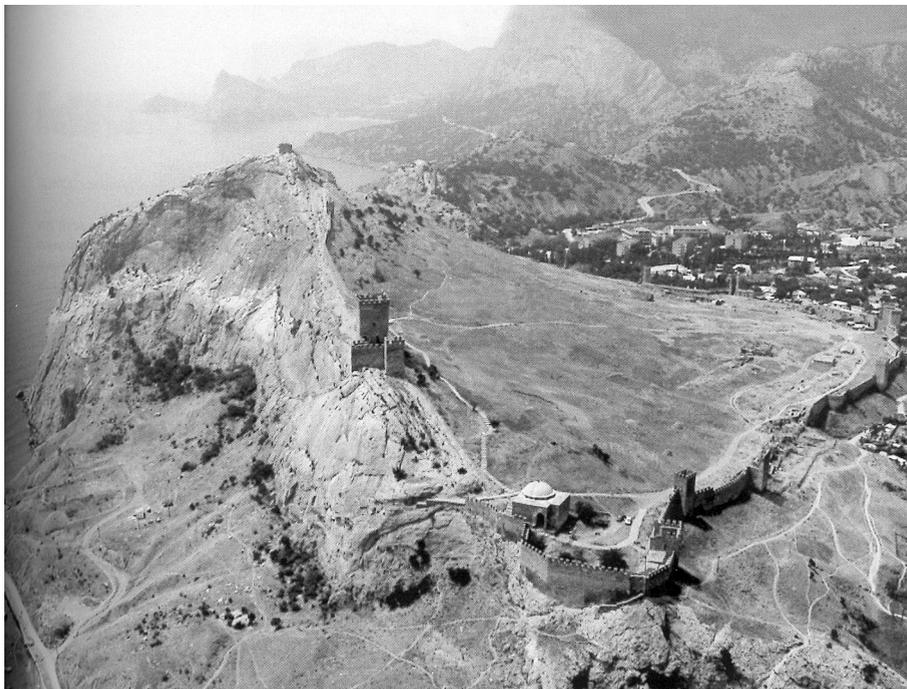

Рис. 1.

Необходимо учитывать, что виды деятельности, характерные для просто музеев, в музеях-заповедниках приобретают иное звучание. Так, например: научно-фондовая работа по научному комплектованию музейных, архивных и библиотечных фондов, организации хранения и государственному учету всех коллекций, научной инвентаризации коллекций, изучению и систематизации музейных собраний в Заповеднике «София Киевская» дополняется работой по хранению и изучению монументальной живописи, архитектурных деталей, архитектурной графики, проектов реставрации памятников архитектуры; проектов благоустройства и инженерных коммуникаций, а также обработке отчетов об археологических исследованиях на территориях Заповедника.

Научно-исследовательская работа по изучению и систематизации музейных коллекций, памятников археологии, истории, архитектуры и природы, разработке тематико-экспозиционных планов экспозиций и выставок, проведению семинаров, совещаний, конференций дополняется комплексными инженерными исследованиями исторических территорий, а это геологические, геофизические, гидрологические, сейсмические, градостроительные исследования.

При активном участии ведущих научно-исследовательских институтов страны в Национальном заповеднике “София Киевская” проводится мониторинг технического состояния памятников архитектуры национального значения и связанных с ними территорий.

- реставрационно-консервационная работа по обеспечению реставрации и консервации коллекций и памятников культуры дополнена очень большой и серьезной работой по реставрации, консервации, реабилитации и приспособлению памятников архитектуры;
- просветительская и экскурсионно-художественная работа по популяризации памятников истории, культуры и природы путем проведения экскурсий, экскурсионно-туристических программ, организации массовых мероприятий дополнена работой со студентами-архитекторами, которые изучают памятники архитектуры во время прохождения ознакомительной, пленэрной и обмерной практик на объектах Заповедника;
- экспозиционно-выставочная работа по проектированию экспозиций выставок, их монтажу и демонтажу, обеспечению сохранности экспонатов дополняется необходимостью приведения в экспозиционный вид зондажей на памятниках архитектуры и археологии;
- охранная деятельность дополняется созданием единой системы безопасности территорий Заповедника, его фондов, археологических, исторических, архитектурных и природных памятников.

Рис. 2.

Ансамбль сооружений Софийского собора в Киеве — памятник национального значения, будучи памятником № 1 в Государственном реестре памятников архитектуры Украины, в 1990 году был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, как шедевр творческого

гения человека, оказавший значительное влияние на дальнейшее развитие архитектуры, монументального искусства, архитектурно-пространственную композицию города, формирование ландшафта. Софийский собор стал выдающимся примером типа сооружения, архитектурного ансамбля, иллюстрацией значительного периода в истории человечества. Этот неполный перечень критериев, по которым ансамбль Софийского собора был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, дает понять всю меру ответственности и разнообразия задач, поставленных перед сотрудниками Заповедника, которые ведут работу по охране памятника с международными организациями. Только в текущем году были подготовлены: ежегодный и периодический отчеты для Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО МИД Украины. Сотрудниками Заповедника подготовлены доклады для участия в международных конференциях в Бельгии, Германии, Англии, России, Украине.

Международная деятельность в таких заповедниках как НЗ “София Киевская” и национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник, как обязательный вид деятельности, сегодня приобретает важное значение и требует участия специалистов соответствующей квалификации.

Национальное культурное наследие Украины, созданное разумом и трудом многих поколений — неотъемлемая часть культурного наследия человечества, поэтому сохранение этого наследия есть важная государственная задача.

В настоящее время назрела необходимость в формировании адекватной современным международным требованиям нормативно-правовой базы деятельности музеев-заповедников. Целесообразно организовать парламентские слушания по теме: “О нормативно-правовом регулировании деятельности музеев-заповедников Украины” с последующей разработкой Закона о “Государственных музеях-заповедниках Украины”, который заполнит существующие пробелы в законодательной сфере и даст возможность сформировать правовое поле для историко-культурных и архитектурных музеев-заповедников с учетом уже существующей в Европе системы охраняемых природных территорий.

**ХРАМ С АРКАДОЙ В СУДАКЕ
(современное состояние дискуссии о памятнике)**

В этом издании редакционная коллегия продолжает рубрику “Научное наследие”, открытую в первом выпуске Сугдейского сборника. Большинство статей данного раздела во втором выпуске посвящена наиболее известному сооружению средневековой Сугдеи — т.н. Храму с аркадой или Судакской мечети, где ныне расположен музей.

Среди всех сохранившихся и исследованных городских средневековых построек это сооружение не имеет себе равных по количеству выдвинутых и выдвигаемых гипотез и концепций. Практически все путешественники и исследователи Крымского полуострова XVII — XIX вв. так или иначе упоминали это уникальное здание. Его описание и анализ архитектурных особенностей содержится во всех путеводителях, посвященных Судакской крепости. Можно даже выделить несколько этапов истории изучения этого памятника, что само по себе является вполне самостоятельной работой. Вместе с тем, материалы археологических исследований т.н. храма с аркадой введены в научный оборот далеко не достаточно, что, собственно, и породило большое количество различных точек зрения. Для аргументированного характера дискуссии мы приводим неопубликованные работы корифеев судакской проблематики — О.И. Домбровского, М.А. Фронджуло, И.А. Баранова и современный взгляд на состояние проблемы, выдвинутый А.В. Джановым.

Необходимо отметить, что идея обобщения материалов археологических и архитектурно-искусствоведческих исследований храма с аркадой уже давно стояла на повестке дня. Еще в 1998 г. И.А. Баранов в предполагаемом издании Третьего выпуска журнала “Археология Крыма” — издании, которое должно было стать периодическим, намеревался осуществить эту идею. Им готовилась обширная статья, подготавливалась к печати и неопубликованная работа О.И. Домбровского. Однако, в силу целого ряда субъективных причин, из печати не вышел не только третий, но и второй выпуск журнала. В дальнейшем эта идея так и не получила развития.

В данном случае мы не только реализуем прекрасное начинание, но и существенно дополняем его статьей М.А. Фронджуло, которая не предполагалась к печати И.А. Барановым. Однако, только она способна пролить свет на археологическую периодизацию этого памятника и снять некоторые острые дискуссионные моменты.

Первый вариант статьи О.И. Домбровского был написан 10 февраля 1960 г., второй — 16 марта 1966 г., окончательный — 30 марта 1979 г. Об этой работе автор упоминает в своей книге “Фрески средневекового Крыма”, опубликованной в 1966 г., в которой он жалеет, что не имеет возможности изложить анализ технических особенностей постройки и

предложить ее строительную периодизацию. Редакция сборника внесла в текст необходимые правки, не меняющие сути изложенного и добавила несколько иллюстраций, непосредственно связанных с основным объектом исследования.

В отличие от О.И. Домбровского, статья М.А. Фронджуло подготовлена на основании Отчета исследователя о проводимых им раскопках 1969, 1971 и 1974–1975 гг. Это, безусловно, налагает отпечаток и на характер изложения. Текст отчета сохранился только в рукописном варианте. Он предельно краток, конкретен и лишен ссылок на литературу. Редакцией были внесены лишь необходимые правки, не меняющие сути изложенного. Справочно-библиографический аппарат, в силу его повторяемости в статьях О.И. Домбровского и И.А. Баранова, и исходя из публикационного характера работы М.А. Фронджуло, мы не добавляли. В отличие от текста, иллюстративный материал, как графический, так и фотографический, прилагаемый к отчету, очень обширен и разнообразен. В силу ограниченности объема издания, редакция дала наиболее яркие и информативные чертежи и фотографии, практически полностью раскрывающие характер и масштаб проведенных М.А. Фронджуло раскопок.

Как уже указывалось, статья И.А. Баранова готовилась автором к изданию в 1997–1998 гг. Им и В.В. Майко были проведены дополнительные обмеры михраба здания и находящейся там закладной плиты, прорисованы некоторые граффити на стенах галереи сооружения. Автор еще раньше коротко обращался к данной теме. В 1982 г. были опубликованы краткие тезисы его работы. В 1986 г. он провел археологические исследования сооружения. Однако, поскольку издание статьи не было осуществлено, И.А. Баранов к ней более не возвращался. Редакторская правка и подготовка к печати текста статьи были произведены А.В. Джановым. Исходя из объема издания, текст был сокращен, что не повлияло на суть изложенного. Иллюстративный материал к статье подготовлен А.В. Джановым и В.В. Майко.

Закрывает и подытоживает рубрику статья А.В. Джанова, подготовленная на основе анализа архитектурно-искусствоведческих наблюдений всех предшествующих исследователей, архивного материала, полевой документации М.А. Фронджуло, И.А. Баранова, собственных натурных наблюдений и обмеров. Краткое сообщение об этих исследованиях уже было опубликовано автором в 2002 г. Развернутый же результат проведенной работы, уже сейчас используемой при проведении экскурсий по Судакской крепости, и предоставляется на суд специалистов.

Надеемся, что и в данном случае рубрика “Научное наследие” не разочарует читателей и всех интересующихся историей и археологией Сутдеи-Солдаи.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ КУПОЛЬНОЕ ЗДАНИЕ СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ

В 1958 году после таяния снега и во время весенних дождей, в так называемой мечети Судакской крепости (рис. 1) из-за аварийного состояния купола намокла и начала отпадать от сводов стен, столбов и пилястр оказавшаяся трехслойная штукатурка. Ее верхний слой, принадлежащий позднему времени, местами отвалился, обнажив два ранних, менее легко отходивших один от другого. Они близки между собой по составу, различаясь лишь добавкой в первом случае измельченного растительного волокна, и во втором мелко рубленой шерсти, введенных в состав песочно-известкового раствора для армирования штукатурки. Оба, надо думать, и по времени отстоят друг от друга относительно недалеко.

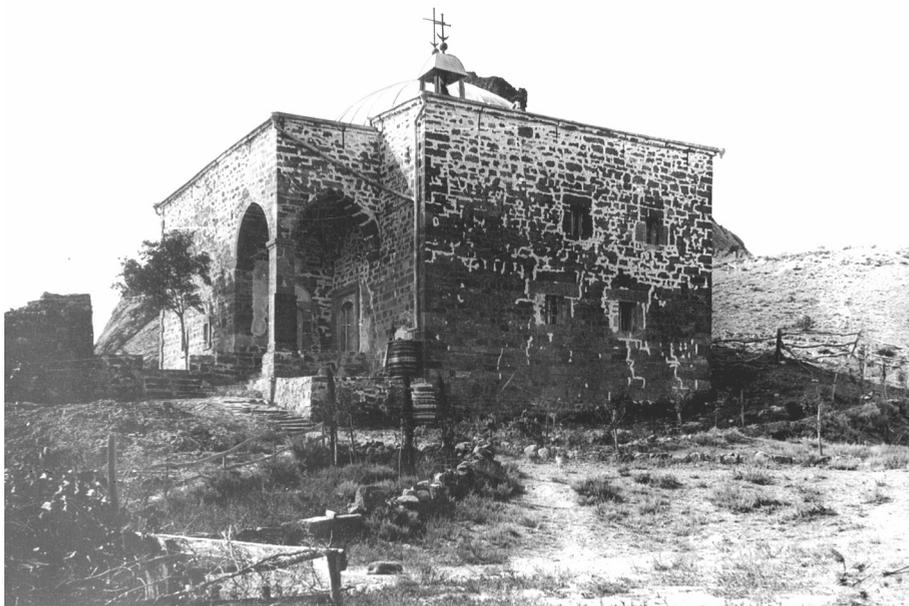

Рис. 1. Храм с аркадой в Судакской крепости. Фото первого десятилетия XX в.

В результате реставрационного вмешательства, т.е. отслаивания вторичного штукатурного покрытия от первоначального, на западном пилястре внутренней аркады здания открылся фрагмент фрески; сохранившаяся по пояс фигура бородатого святого с нимбом (рис. 2; 3). В связи с этим возникла необходимость заново разобраться в исторической периодизации и первоначальном назначении самой постройки. Доподлинно известно только то, что она служила мечетью в период турецко-татарского владычества в Крыму, с чем и могло быть связано покрытие фресковой росписи штукатуркой. Некоторые факты, выявленные недавно, а потому ранее не учтенные, теперь проливают достаточно света на происхождение и дату этого здания.

Ранее из различных косвенных данных, в свое время подобранных и сопоставленных А.Л. Бертъе-Делагардом [1918, с. 20–23, прим. 3] вытекало, что здание мечети могло быть возведено принявшими мусульманство татарами под сильным влиянием архитектуры сельджуков (если только не самими сельджуками) в начале второй половины XIV ст. Заметим, кстати, что вопрос о прямых сельджукских влияниях в архитектуре средневекового Крыма является далеко не выясненным. Имеются свидетельства источников, заставляющие отвергнуть их возможность, существует целый ряд построек, а также надгробий, архитектурные формы и резные детали которых или старше самих сельджуков или, по условиям своего местоположения, исключают воздействие последних, если даже признать за истину сомнительные высказывания относительно их владычества в восточном Крыму.

Рис. 2. Фреска на западной пилястре храма с аркадой Судакской крепости.

Насколько можно судить по ряду широко известных построек Малой Азии, Балкан, Закавказья и многих других мест, истоки так называемого сельджукского или постсельджукского стиля таятся, главным образом, в иранских и восточновизантийских, армянских памятниках. В Крыму эпохи развитого средневековья перекрытая куполом постройка могла возникнуть не только в Солдайской крепости. В эту пору вне Крыма во многих местах возникали сооружения, стилистически родственные, кое в чем совпадающие, но при этом функционально различные. Именно это мы встретим в резной орнаментике и архитектуре обильно представленных в Крыму средневековых церквей, христианских и мусульманских надгробий, мавзолеев, но и в ряде сугубо гражданских построек (например, бань, дворцовых зал и т.п.).

Генуэзская строительная надпись на латинском языке внутри мечети — на портале михраба (ныне неясно читаемая) указывает дату не то 1423, не то 1473 г. [Юргевич 1863, с. 174]. По А.Л. Бертье-Делагарду, мечеть из политических соображений могла быть обращена генуэзцами в христианскую церковь не сразу, а довольно много времени спустя после их овладения Судаком (1365 г.) и превращения города Сугдеи в приморский форт — резиденцию солдайского консула [Бертье-Делагард 1918, с. 20–23, прим. 3]. Если это справедливо, то можно ли предположить, чтобы мечеть до 1365 г. (или еще дольше) могла функционировать без внутренней отделки? И как согласовать это с изображением христианского святого на ее первоначальной штукатурке? Верна ли тогда мысль А.Л. Бертье-Делагарда, будто бы отделка мечети была прервана захватом крепости генуэзцами, позднее завершившими ее на свой лад и одновременно превратившими мечеть в церковь. Об этом, по мнению А.Л. Бертье-Делагарда, свидетельствует явная незаконченность резного орнаментального обрамления портала михраба, а также несколько неуклюжая компоновка консульской надписи и трех гербов под ней. Это обстоятельство, по его мнению, свидетельствует о ее более позднем, чем орнамент, выполнении [Бертье-Делагард 1918, с. 20–23, прим. 3].

Против такого заключения можно возразить, что как раз в резьбе одного из гербов и содержится доказательство одновременности всей

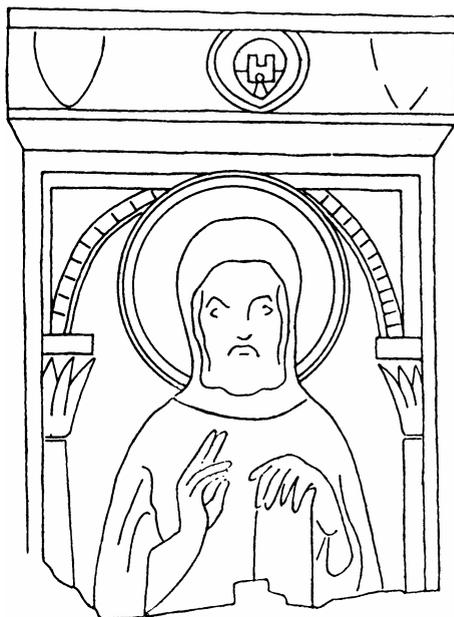

Рис. 3. Фреска на западной пилястре храма с аркадой (прорисовка).

порезки портала — и орнамента, и надписи. Один из ее гербов чуть-чуть выпуклее орнаментального обрамления и, в силу этого обстоятельства не мог быть выполнен позднее орнамента; в последнем случае на гладко стесанном поле нельзя было бы высечь герб в столь же высоком рельефе. Возможно, что решение вырезать надпись и гербы возникло в тот момент, когда резчик наметил основные контуры окаймляющего портал узора и уже не мог ничего в нем изменить. Этим можно объяснить известную неловкость, какую-то тесноту в размещении надписи с гербами по отношению к орнаменту. Вместе с тем надо заметить, что бесцеремонное втискивание надписей в те или иные детали архитектуры или росписи для средневековья (да и для более раннего времени) не редкость и не обязательно служит свидетельством их более позднего происхождения.

Псевдосельджукский характер орнамента в данном случае может являться доводом в пользу более ранней, чем надпись, постройки самого здания: известно, что подобные орнаменты были распространены в Крыму и на Кавказе не только в XIV в., но и в течение всего XV в. Вместе с тем незавершенность резных украшений портала действительно говорит, как считал А.Л. Бертье-Делагард, о внезапном прекращении отделочных работ. Однако это могло произойти по множеству самых различных причин, из которых ни одна до сих пор не была установлена.

Строительная периодизация “мечети”, рассмотренная Е.Ф. Карповичем [Карпович 1951, с. 119–123], говорит о неоднократных переделках и приспособлениях постройки то под мечеть, то под церковь. Некоторое же архитектурное сходство ее с одной или двумя малоазиатскими мечетями, несколько преувеличенное А.Л. Бертье-Делагардом, вовсе не доказывает ее первоначально мусульманского (как и вообще культового) назначения. Сходство, о котором он говорит, в сущности, не имеет того значения, какое ему придает ученый. Характерная резная отделка капителей внутренней аркады, узорная резьба оконных наличников и мраморного портала михраба, наряду с тем купола и тромпы, многие другие конструктивные детали все это применялось не только в конце XIII, но и в XIV в., и на протяжении всего XV в. в архитектуре Малой Азии, Балкан, Закавказья, Крыма, чему имеется, как уже сказано, много примеров.

План судакской постройки одинаково не подходит ни для мечети, ни для церкви. В период развитого средневековья архитектурные типы мечетей и церквей (достаточно отличающихся друг от друга) давно получили свое и функциональное, и вероисповедно-символическое завершение, сложились в канонические формы, соответствующие религиозным обрядам, для совершения которых и возводились эти общественные здания. В культовых постройках, не переделанных из каких-либо других (что изредка имело место во все времена) никогда не встречается столь необоснованных отступлений от традиционного плана. Известно, что для мечети в Крыму обязательным являлся главный вход с севера, напротив михраба в южной стене; в церквях

же алтарь должен быть обращен на восток (практически в средневековых храмах — на северо-восток), с главным входом в западной стене. Все это имело свой обрядовый смысл и не могло быть изменено без непреодолимо важной причины. В данном же случае никакого повода для отступления от канона мусульманского или христианского, по-видимому, не было. А.Л. Бертье-Делагард вряд ли прав, объясняя характером строительной площадки некоторые особенности плана рассматриваемой постройки [Бертье-Делагард 1918, с. 20–23, прим. 3], в частности главную дверь с восточной стороны. Рельеф того места, на котором стоит здание, позволил бы расположить его как угодно. Если бы оно возводилось в качестве мечети, ничто не помешало бы строителям сделать как положено: поместить крыльцо и главный вход не сбоку по отношению к михрабу, а прямо перед ним на северной стороне.

Всматриваясь в детали постройки, можно прийти к заключению, что две самые важные из них — ныне существующая ниша михраба и снесенный до основания минарет, от которого остался лишь цоколь, являются позднее привнесенными. Снаружи, где нет штукатурки, кладка при всех переделках была достаточно тщательной, чтобы сделать их на беглый взгляд незаметными; внутри же, где все скрывалось под расписной штукатуркой, естественно, допускалась известная небрежность, выдающая эти переделки. Некогда была скрыта деревянная перемычка входа в лестничную клетку, встроенную в северо-восточный угол помещения. Она могла вести на деревянный балкон-хоры для музыкантов, а позднее служить и для попадания на минарет, пристроенный к тому же углу снаружи. Разные приемы кладок сохранившегося основания минарета и стены, отсутствие конструктивной связи их между собой позволяют, в свою очередь, предположить, что минарет был сооружен гораздо позднее, при переделке здания, сначала не служившего мечетью.

Вторая несообразность, говорящая в пользу такого предположения, видна в михрабе. Удивляет контраст между относительной роскошью резного мраморного портала и примитивностью отделки встроенной в него известняковой сталактитовой ниши в конхе, на коих нет и следов раскраски. Весь михраб облицован простым камнем, а резьба так называемых сталактитов выполнена значительно хуже, чем сделанные из такого же камня капители столбов внутренней и внешней аркад, парадные наличники окна и входа на восточном фасаде, скрытые служебной пристройкой, появившейся здесь позднее.

Подробности, выяснившиеся при ремонтных работах, проведенных в 1959 году¹, в свою очередь, заставляют рассматривать михраб как внутри, так и снаружи в качестве более позднего добавления. Полукруглая ниша михраба, как уже сказано, снаружи выступает в

¹ По сообщению И.О. Фомина, который в это время исполнял обязанности директора Судакского историко-архитектурного заповедника и ведал ремонтными работами.

виде небольшой апсиды. Эта деталь, очевидно, и вызвала представление о том, что здание вначале являлось христианским храмом. Раствор ее кладки несколько иной, чем тот, на котором сложена вся стена: он отличается менее желтоватым оттенком, видимо, зависящим от более значительной примеси песка и более крупной его фракции. Кроме того, как показала зачистка основания постройки при устройстве современных отмосток вдоль стен, нижние камни этой апсиды лежат на большой плите, по-видимому, служившей дверным порогом, так как с внешней стороны она сильно стерта, “схожена”, как можно сказать пользуясь археологическим жаргоном.

Складывается впечатление, что портал первоначально являлся обрамлением не михраба, лишь со временем встроенного в ранее имевшийся проем второго входа в помещение, перекрытого куполом на тропях. Главный же вход в восточной стене был импозантно оформлен снаружи: его осеяла крытая галерея с маленьким куполом, арками, лестницей в два марша; изнутри же он был весьма скромен. Справа от входа помещение заканчивалось второй арочной галереей с массивными столбами и пилястрами, покрытыми расписной штукатуркой. Высказывалось и другое, на наш взгляд, менее вероятное предположение, что проем в южной стене принадлежал не двери, а большому окну, на фоне которого на существующем и ныне возвышении восседал консул, входивший через второй вход в восточной стене.

Фреска, наполовину сохранившаяся на западной пилястре внутренней аркады, написана по тонкому слою сырой штукатурки, нанесенному непосредственно на камень кладки. Эта особенность отличает ее с (технической стороны), от других фресок, известных как в Крыму, так и вне его; они того же времени, но написаны, как правило, на двухслойной штукатурке. Высота пилястры, как и столбов аркады, от пола до капители равна 190 см при ширине 68 см. Изображение бородатого святого в рост сохранилось во всю ширину пилястры и на 71 см книзу от капители; нижняя часть фигуры утрачена. Слабые следы росписи, вероятно, аналогичных изображений, имеются на всех сторонах каждого из столбов аркады.

Поле, на котором написана фигура, окаймлено коричнево-красной полосой. Внутри той же краской нарисована полуциркулярная арка, поддерживаемая двумя колоннами (или пилястрами) с растительными капителями византийско-романского типа, по-своему и неоднократно видоизменившего и окрашивавшего капители — коринфскую и ионийскую. Они в Крыму не единичны; такие же сохранились в аркаде главного пещерного храма Каламиты, подобные можно встретить и во многих других местах. Очень близкие изображения главок колонн или столбов часто встречаются в миниатюрах и иконах XIV — XV вв.

В судакской фреске архивольт арки, осеяющей фигуру святого, опирающегося на капители, условно разделан под клинчатый руст, а треугольники между ним и прямоугольным обрамлением всей верхней части фрески заполнены орнаментом, уже почти неразборчивым

из-за осыпи, но, видимо, растительным, нанесенным по бледно-желтому полю красной и серой красками.

Внутри арки на светлом голубовато-сером фоне силуэтно вырисовывается мужская фигура в красном облачении с темно-серым капюшоном, плотно облегающим всю голову, кроме лица, закрывающим шею, плечи и часть груди. Верхний край светло-желтого нимба несколько выступает за архивольт арки.

Отличительной чертой фрески является графичность и почти монохромность исполнения. Отсутствие синих и зеленых тонов придает ей колористическое однообразие: вся она выдержана в красновато-охристом тоне с добавкой (местами) нейтральных — серого и желтого. Эта ее черта в особенности отдает духом североитальянской монументальной живописи позднего XIV и XV вв. с ее сдержанным, даже суровым колоритом. Нет повода сомневаться в возможности проникновения в Крым с генуэзцами если не самих исполнителей, то живописных образцов через книжные миниатюры, иконы.

Одна деталь может послужить доводом в пользу связи фрески с пресловутой надписью: в ней, над нарисованной аркой с фигурой святого помещено изображение консульского герба, сходное с одним из резных гербов при надписи на портале.

Западно-романские черты судакской фрески, равно, как и псевдоили постсельджукский стиль, проявившийся в архитектуре и декоративной пластике так называемой мечети при всей, казалось бы, разнородности того и другого, одинаково побуждают отнести и фреску, и надпись, и самую постройку к XV в., что согласуется и с обоими вариантами чтения даты в данной надписи [Домбровский 1966, с. 70–74].

Мнение, что генуэзцы якобы использовали культовое мусульманское здание в качестве церкви, представляется нам исторически необоснованным. Во-первых, вряд ли бы это допустили татарские власти, от благоволения которых достаточно зависело положение генуэзцев в Крыму. Во-вторых, — у консула была при замке своя молельня, а для гарнизона и прочих обитателей крепости имелись другие храмы, два из которых уже известны; жители, обитавшие вне крепости, тоже имели свои церкви. Была ли при этом необходимость переделки мечети в христианский храм? Кроме того, если католическое богослужение и могло бы примириться с использованием михраба в качестве алтаря и обращением молящихся в сторону юга², то уже консульская надпись с гербами не могла находиться над алтарем какого бы то ни было христианского храма. Надпись на портале служит, на наш взгляд, достаточно убедительным свидетельством использования этой залы не в религиозных, а в мирских целях. Более того, все сказанное позволяет считать, что само здание построено исключительно для таких целей и именно в то время, о котором гласила бы надпись, если бы дата в ней не была повреждена.

² Примером того в Крыму является позднейшее приспособление под католический храм одной из феодосийских мечетей (Муфтий-джами).

Противоречие между этим утверждением и якобы постсельджукским стилем постройки (в росписи которой столь заметны западные влияния) является лишь кажущимся. Контаминирование элементов разных архитектур в одном здании — явление, обычное во все времена; в данном случае оно может найти ряд объяснений, частично аргументированных, но ничего не меняющих в главном: купольное здание Судакской крепости — произведение местных строителей и резчиков, созданное в смешанных архитектурных традициях крымской византийско-армянской архитектуры, ведущей свое происхождение, в основном, от восточновизантийского зодчества. Трудно сказать, почему консул не призвал мастеровых-итальянцев, если только они тут имелись: судя по орфографии надписей на резных плитах с гербами, полихромному рельефу с полурезным-полуживописным изображением Богоматери, их выполняли не итальянцы. Однако ясно, что над этой плитой из местного песчаника работал итальянский живописец: о том говорят следы мастерской кисти, обработавшей в поздне-ренессанской манере плоский и примитивный рельеф. Этот второстепенный вопрос, будет он решен или нет, не может отклонить само собой напрашивающееся предположение об истинном назначении этого, несомненно, общественного, но, очевидно, не культового здания.

Средневековая постройка, в росписи которой и при “светском” ее назначении вполне могли и даже должны были фигурировать религиозные сюжеты, как и многие аналогичные в других местах (например, Грановитая палата в Московском Кремле), вероятнее всего служило для официальных приемов и совещаний, для встреч каких-либо именитых гостей, судебных разбирательств и т.п. целей. Замок же консула замкнутое, укрепленное и довольно тесное жилище совершенно не был приспособлен для подобного использования.

Предполагаемый дверной проем (где потом был устроен михраб) мог быть служебным входом, через который перед собравшимися в зале появлялся консул. Изнутри это вход был с подобающей пышностью оформлен мраморным резным порталом, а снаружи был скромной и незаметной дверью (что тоже вполне объяснимо). К нему-то и ведет узкая, местами оборудованная ступеньками тропа, пробитая в скале вдоль оборонительной стены между замком и купольной постройкой.

Местоположение купольного здания по отношению к консульскому жилью и главным воротам крепости подкрепляет высказанные здесь предположения: широкая дорога от крепостных ворот всегда вела, как и теперь ведет, не к замку, а именно к лестнице предназначенного для посторонних лиц основного входа в эту постройку.

Итак, пресловутое купольное здание — так называемая мечеть Судакской крепости — было построено не ранее XV в. местными мастерами в свойственных им строительных традициях, но для генуэзцев, по-видимому, оказалось ничем иным как своего рода присутственной залой, тем “домом консульства”, что упомянуто в переписке последнего консула Солдайи. Уточнение даты его возведения кажется невозможным, и все же, если учесть незавершенность орнамента

резного обрамления парадного консульского входа, нельзя не подумать о том, какое событие могло внезапно прервать работу над ним. Не турецкое ли нападение и захват крепости турками в 1475 г.? Если так, то надо предпочесть второй вариант чтения даты, указанный в консульской надписи, т.е. 1473 г.

Литература

Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. Т. 55. Симферополь, 1918.

Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. К., 1966.

Карпович Е.Ф. Судакская капелла (история одного архитектурного памятника) // Известия Крымского отдела географического общества СССР. Вып. 1. Симферополь, 1951.

Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // ЗООИД. Т. V. Одесса, 1863.

Юргевич В. Донесение о поездке в Крым // ЗООИД. Т. IX. Одесса, 1875.

РАСКОПКИ "ХРАМА С АРКАДОЙ" СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ (1969 — 1975 гг.)

В 1969 г. Судакский отряд Крымской экспедиции Института археологии АН УССР¹, в связи с планами реставрации мечети, провел раскопки внутри здания (рис. 1). После снятия реставраторами деревянного пола были заложены четыре шурфа на основной площади мечети, а в восточной галерее — пять небольших шурфов (рис. 2).

Шурф 1 — размер 8,75×2 м был заложен на площади основного помещения между михрабом и восточным столбом. На южном участке шурфа материк (скала) был обнаружен под тонким слоем засыпи (5–8 см) на протяжении 4,25 м. Далее, на север, материк понижался и у восточного столба обнаружен под культурным слоем (грунт снимался по штыкам — толщина 20 см) на глубине 0,85 м.

Рис. 1. Общий вид раскопок в северной части "храма с аркадой".

¹ В состав отряда входили Фронджуро М.А. (начальник), лаборанты Кутелева Л.А. и Фильзингер Ф.Ф.

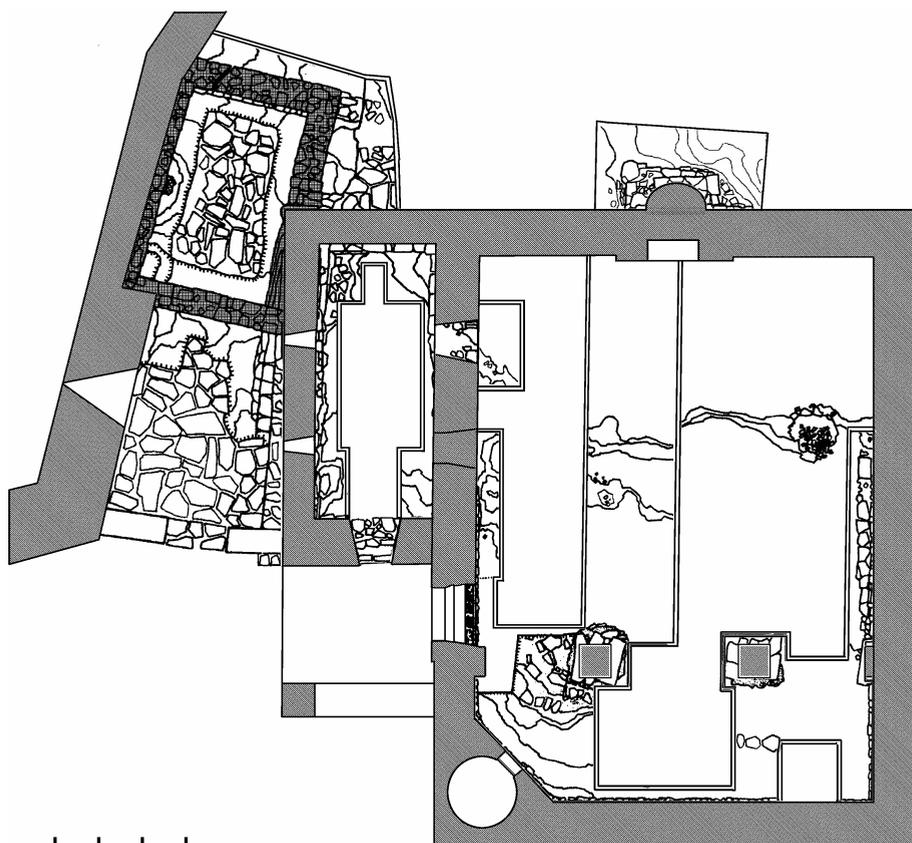

Рис. 2. Общий план раскопок 1969–1975 гг. на территории “храма с аркадой”.

На площади шурфа 1 следов каких-либо строительных остатков не обнаружено. В обресе северного борта шурфа расчищен каменный фундамент восточного столба храма, выполненный способом заливки на известковом растворе (шурф под столбом был забит камнем и залит известковым раствором). Находки представлены мелкими фрагментами керамики XIII—XIV в., керамид с красным черепком, овальных ручек оранжевоглиняных амфор, стенок аналогичных красноглиняных рифленых амфор.

Шурф 2 — размером 3×3,25 м был заложен в северо-западном углу храма. Под слоем мелкого камня и извести, а затем глины, на глубине 0,50–1,00 м был обнаружен материк-скала. По верхнему обрезу фундаментов выявлены деревянные связи (антисейсмический пояс) из дубовых брусьев (диаметр — 15 см) плохой сохранности. Плахи лежали по внутреннему и внешнему панцирю стен храма, толщиной 1 м. По южному обрезу шурфа расчищен каменный фундамент западного столба, выполненный способом заливки на известковом растворе. На площади шурфа 2 найдены фрагменты керамики XIII—XIV вв.: красноглиняных керамид, рифленых стенок красно- и оранжевоглиняных амфор, стенки красноглиняных сосудов, покрытых поливой зеленого цвета.

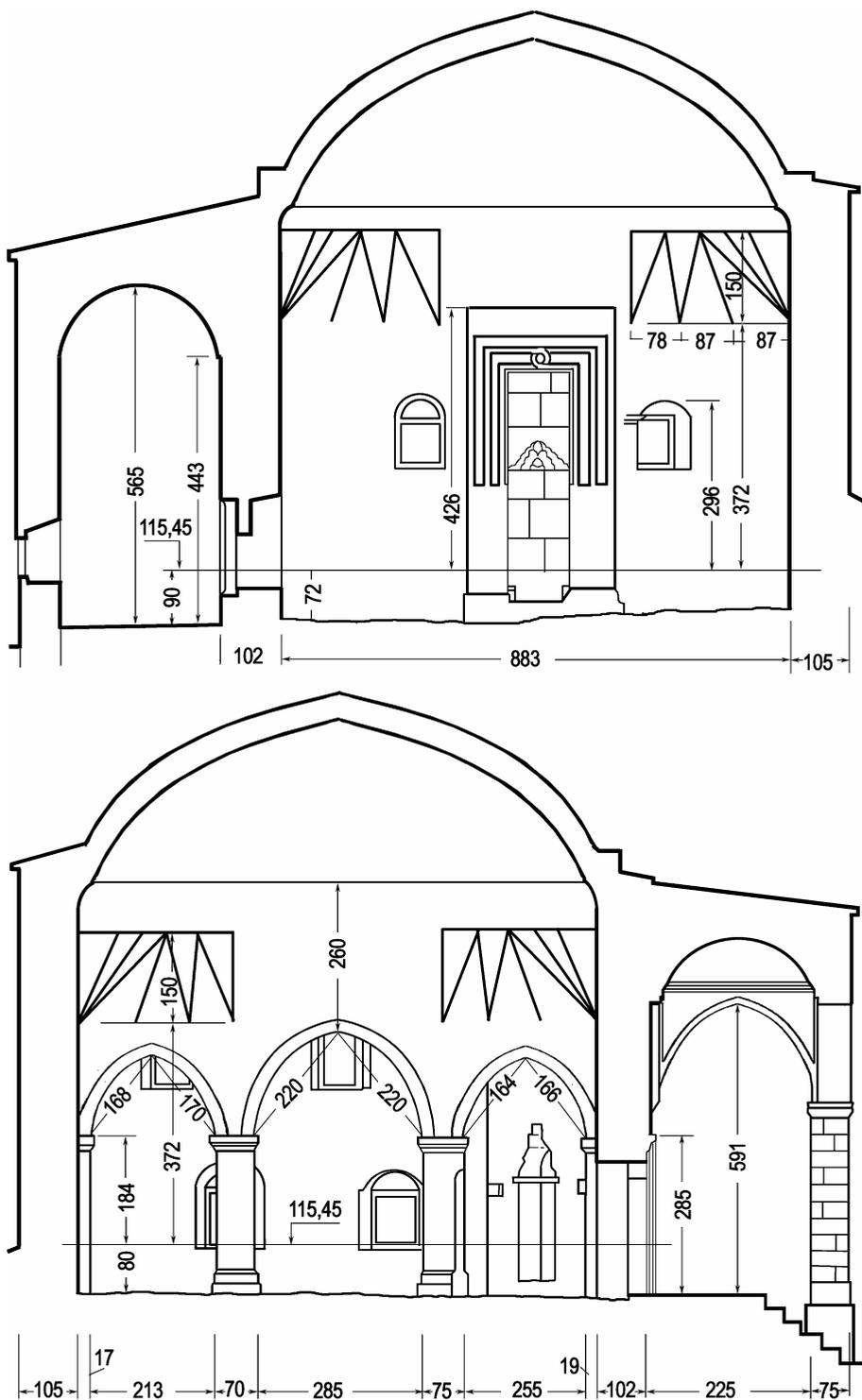

Рис. 3. "Храм с аркадой" с видом на юг (вверху) и на север (внизу).

Шурф 3 — размером 4,0×2,5 м был заложен в северо-восточном углу храма. Материк-скала с наскальной коркой выявлен на глубине 1 м в южном и 2 м в северном борту шурфа под фундаментом северной стены храма. Выяснилось, что после сооружения фундаментов мечети на исследованном участке была произведена единовременная засыпка грунта до уровня пола храма. По западному борту шурфа 3 расчищен фундамент восточного столба храма, выполненный способом заливки. В результате тщательной расчистки выяснилось, что фундамент минарета сложен в перевязь с фундаментами стен мечети. Перевязь выявлена на всю высоту открытой части фундамента (2,75 м) до материка. На площади шурфа 3 не прослежено следов траншей для фундаментов храма.

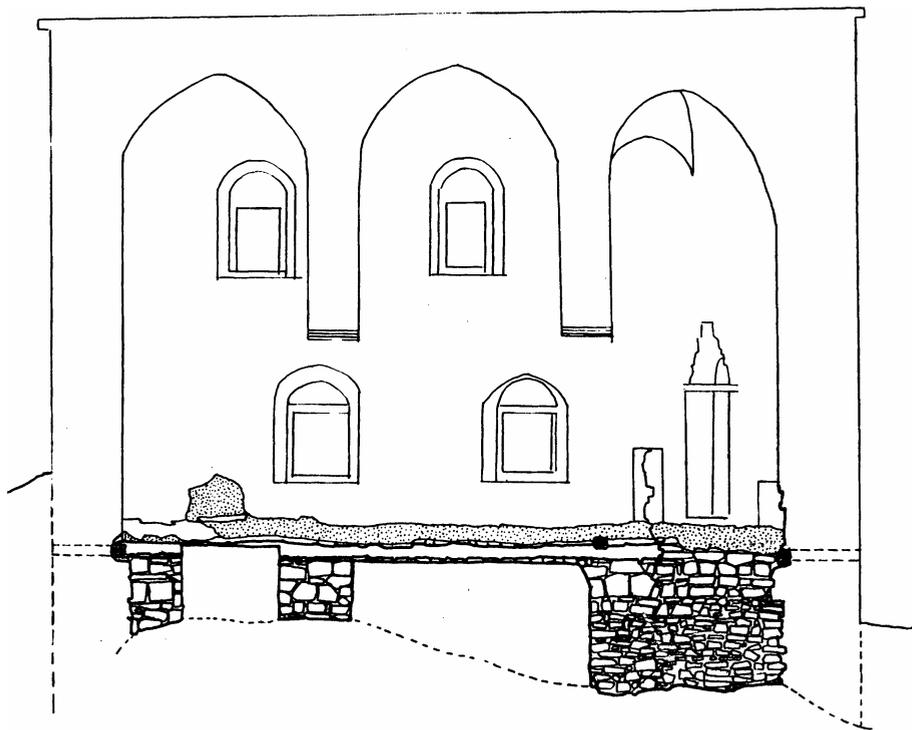

Рис. 4. Разрез "храма с аркадой" через внутреннюю галерею. Вид на север.

На площади шурфа 3 на всем протяжении северной стены храма проложены деревянные плахи толщиной 15 см (антисейсмический пояс). В северо-восточном углу храма деревянные плахи лежат на фундаментах стен под прямым углом. В результате раскопок обнаружено значительное количество фрагментов керамики XIII — XIV вв.: красноглиняных керамид, рифленых стенок красно- и оранжевоглиняных амфор, стенок красноглиняных поливных сосудов. Встречены отдельные фрагменты причерноморских амфор с зональным рифлением VIII — IX вв. Судя по находкам, грунт для засыпки брался из культурного слоя на территории городища.

В результате раскопок на площади шурфов 1–3 выяснилось, что сначала были сооружены фундаменты храма, затем произведена засыпка грунтом до уровня пола. В местах, где нужно было заложить фундаменты столбов, были сделаны шурфы, в которые и уложены фундаменты в "заливку". Затем был вымощен пол из плит песчаника и уже на плитах пола поставлены столбы. Поэтому, после снятия плит пола (к середине XIX в.) они сохранились лишь под столбами², т.к. убрать эти плиты без снятия столбов невозможно. Под пилястрами восточной и западной стены храма фундаментов не обнаружено. По видимому, они были уложены на плиты пола (рис. 4). На площади шурфов не обнаружено фундаментов и захоронений христианского храма.

Шурф 4 — размер 2,0×1,0 м был заложен у проема двери, ведущей в галерею-аркаду. Материк-скала и наскальная корка выявлены на глубине 515 см. Следов предшествующих построек на площади шурфа не обнаружено. Находки: несколько фрагментов красноглиняных сосудов под зеленой поливой.

На площади галереи заложено пять небольших шурфов.

Шурф 5 — размером 1,5×1,0 м был заложен в юго-западном углу галереи. Материк-скала был обнаружен под слоем засыпи на глубине 0,20 м в западной и 0,50 м в восточной части шурфа. Фундамент южной стены галереи сложен в перевязь с фундаментом основного здания храма и имеет аналогичную толщину — 1 м. Находки: фрагменты красноглиняной черепицы-керамиды, красноглиняных рифленых амфор, красноглиняной керамики под поливной зеленой цвета. Вся керамика датируется в рамках XIII — XIV вв.

Шурф 6 — размером 1,5×1,0 м был заложен в юго-восточном углу галереи. Материк-скала обнаружен на шестом штыке. Глубина его залегания 1,10 м от уровня современной дневной поверхности внутри галереи. Фундаменты южной и восточной стен галереи сложены в перевязь. По южному обрезу фундамента южной стены галереи расчищена небольшая ниша (длина 0,30 м, ширина 0,20 м), заполненная культурным слоем. Назначение ниши не установлено. Фундамент восточной стены галереи уложен на плоские плиты песчаника. Юго-восточный угол храма ближе всего стоит к обрыву, этим и вызвано укрепление его фундамента. Выяснилось, что фундамент восточной стены сложен косо — он выступает к западу от линии стены на 0,45–0,50 м. Связано это с тем, что материк-скала к востоку резко понижается и переходит в обрыв, что и потребовало специальных мер — укрепления фундамента и его смещения на запад. Стены же галереи имеют прямые углы, ширина стен 0,50 м, т.е. в два раза уже ширины фундамента. Установлено, что грунт

² По первоначальному проекту реставрации пол мечети должны были выложить плитами пиленого акмонайского известняка. После открытия плит песчаника под столбами проект был изменен. Пол выложен плитами песчаника, аналогичными плитам, обнаруженным под столбами храма.

внутри галереи — единовременная засыпь. Как и на основной площади храма, после возведения фундаментов галереи (аркады), была проведена подсыпка. Находки: фрагменты красноглиняных рифленых амфор, стенки красноглиняных сосудов, покрытых поливой зеленого и желтого цветов.

Шурф 7 — размером 1,5×1 м был заложен в северо-западном углу галереи. Материк-скала обнаружен на глубине 0,40 м. Фундамент северной стены галереи сложен в перевязь с основным фундаментом храма. Культурный слой на площади шурфа представлял собой единовременную засыпь до уровня пола галереи. Находки: фрагменты бордово и красноглиняных рифленых амфор, стенок красноглиняных сосудов, покрытых поливой зеленого цвета.

Шурф 8 — размером 1,5×0,75 м был заложен в северо-восточном углу галереи. Материк-скала выявлен на глубине 0,35–0,40 м. Фундаменты северной и восточной стен галереи сложены в перевязь. В северо-восточном углу смещения фундаментов к западу от линии стены не обнаружено. В этом месте фундамент смещен к востоку (снаружи) от линии стены на 0,50 м. В этом месте обрыв отмечен на значительном удалении от фундамента восточной стены галереи. Культурный слой на площади шурфа 8, как и на площади других шурфов в галерее — единовременная засыпь до уровня пола. Находки: стенки красноглиняных сосудов покрытых поливой желтого и зеленого цвета.

Шурф 9 — размером 3,0×0,50 м был заложен вдоль восточной стены галереи между шурфами 6 и 8. Материк-скала встречен на глубине 0,80 м в южной и 0,40 м в северной части шурфа. Выступающая часть фундамента стены постепенно, по направлению к северу, сужается (0,25–0,10 м). Культурный слой, как и на остальных шурфах галереи — единовременная засыпь.

В результате раскопок на площади галереи можно считать установленным, что ее фундаменты возведены единовременно с фундаментами основного здания храма и не подвергались перестройке. На площади галереи не обнаружено никаких следов предшествующих общественных построек, в частности, христианского храма.

В декабре 1969 г. все раскопанные шурфы были засыпаны. В результате юго-западная часть площади храма была очищена от выбро-са грунта из раскопов, что дало возможность провести исследование этого участка. Проведена расчистка фундамента западной стены храма от южного обреза шурфа 2 до южной стены.

Выяснилось, что южная часть западной стены храма на протяжении 4,75 м стоит на материке-скале. Далее скала резко понижается. На этом месте на глубине 0,30–0,35 м от верхнего обреза основного фундамента открыт мощный фундамент, выступающий от линии стены внутрь храма на 0,35–0,40 м. По направлению к северу, этот фундамент постепенно сужается и выступ его к востоку заканчивается у пилястры — около границы шурфа 2 — на расстоянии 3,5 м от северной стены храма. Широкий фундамент западной стены храма прослежен на протяжении 4 м. На этом участке запол-

нение представлено мощным слоем рыхлого сланца. Контрфорс, примыкающий снаружи к западной стене храма, поставлен на скалу, как раз у южной границы этого рыхлого грунта.

Установлено, что деревянные связи, обнаруженные в северной части западной стены заканчиваются в 2,60 м к югу от пилястры, частично они доходят даже до середины западной стены храма. Расчищен фундамент центральной части восточной стены храма на протяжении 4 м. В южной части стена стоит на материке-скале. Далее к северу уровень скалы понижается. На расстоянии 1 м от дверного проема фундамент стены имеет высоту 0,35 м. При расчистке установлено, что деревянные связи заканчиваются на расстоянии 2,35 м к югу от пилястры. Таким образом, антисейсмический пояс в восточной стене, как и в западной стене, доходит почти до середины храма.

При расчистке обожженного грунта на расстоянии 0,80 м от западной и 3,50 м от южной стен храма, на материке-скале был открыт округлый под очага (диаметр 0,80–1,0 м). Под был выложен фрагментами стенок средневековой красноглиняной керамики. С южной стороны на протяжении 0,80–0,90 м сохранилась низкая стенка очага, выложенная в один камень плоским песчаником на известковом растворе. По-видимому, очаг относится ко времени сооружения храма. Он был возведен для строителями для своих хозяйственных надобностей.

В исторической справке, сопровождающей проект консервации мечети, утверждается, что анализ всего сооружения в целом говорит о том, что это был христианский храм (фресковая живопись, христианский орнамент), позже храм был приспособлен под мечеть, пристроен михраб, минарет и т.д.³

Раскопками в мечети установлено, что первоначально соорудили мечеть (никаких остатков предшествующего христианского храма и захоронений не обнаружено). Основание минарета и галереи (с восточной стороны) сложены в перевязь с фундаментами здания.

С южной стороны храма материк-скала выше уровня пола мечети на 1,20–1,40 м. В результате осмотра и зондажа бортов дренажной канавы, проложенной вдоль южной и западной стен здания, входа с южной стороны не обнаружено. Таким образом, раскопки храма подтвердили предположение А.Л. Бертье-Делагарда о том, что первоначально здание строилось в качестве мечети.

В дальнейшем, в связи с благоустройством восточной и южной стороны мечети, проводились исследования на отдельных участках.

Шурф 10 — размером 3,75×2,0×1,70 м, был заложен в 1971 г. для дальнейших исследований фундаментов михраба. В результате раскопок

³ Научно-исследовательский и проектный сектор Республиканских специальных научно-реставрационных производственных мастерских "Проект консервации памятника архитектуры XIII – XIV вв. мечети на территории Генуэзской крепости". К., 1959.

установлено, что округлый в плане, выступающий из стены на юг михраб шириной 0,75 и длиной 1,35 м стоит на каменном фундаменте, сложенном на известковом растворе. Его ширина 1, длина 2,25 и высота в восточной части 1,15, а в западной 0,70 м. Фундамент уложен на круто падающую к востоку скалу. Следов выравнивания материка-скалы не обнаружено. Выяснилось, что фундамент выступающей части михраба сложен в перевязь с фундаментом южной стены мечети. Следов перестройки на исследованном участке не обнаружено. Таким образом, исследование фундамента михраба показало, что предполагаемого первоначального входа в главное помещение храма не было⁴. Михраб был сооружен одновременно с основным зданием мечетью. Находки представлены несколькими маловыразительными фрагментами керамики XIII — XIV вв.

В 1974–1975 гг. у юго-восточного угла мечети бригада реставраторов проводила земляные работы, связанные с благоустройством территории и реставрацией восточной оборонительной стены. В связи с этим велось наблюдение за земляными работами и в необходимых случаях исследование обнаруженных объектов.

Основная площадь, на которой производились работы по благоустройству и реставрации, размерами 3,5×7 м, расположена между юго-восточным углом мечети и стеной галереи с одной стороны и восточной оборонительной стеной с другой. На этом участке открыты фрагменты каменных стен различных построек. Выяснилось, что материк-скала около восточной оборонительной стены находился на глубине 3,80–4,0 м от современной дневной поверхности, а у фундамента мечети на глубине 3,0 м. С южной стороны мечети фундамент сложен уступами. На материке фундамент выступает к югу от самой стены на 1 м, на высоте 1,5 м от материка — на 0,60 м. По направлению с востока на запад выступ фундамента постепенно сужается. К востоку от фундамента михраба его уже не обнаружено.

Вдоль восточной стены галереи мечети фундамент так же сложен уступами. У юго-восточного угла он имеет аналогичную ширину с самой стеной. Затем по направлению с востока на запад он выступает от 0,25 до 0,65 м. Фундамент у северо-восточного угла галереи не расчищался, но можно предположить, учитывая повышение уровня материка, что здесь выступа фундамента не было.

Судя по фундаментам и стенам, обнаруженным на этом участке, к первому строительному периоду относится с восточной стороны подпорная стена с парапетом над обрывом. С южной стороны, на расстоя-

⁴ Подоконник восточного окна в южной стене мечети находится на высоте 2,4 м от уровня пола. Снаружи этого же окна находится на высоте от материка-скалы на высоте 1,0–1,15 м. Таким образом, материк-скала снаружи южной стены у восточного окна не менее чем на 1,25–1,40 м выше уровня пола внутри храма. Если бы здесь находился вход, то необходимо было бы провести работы по благоустройству этой части скалы. Тем не менее, при раскопках они не зафиксированы.

нии 2,25 м от юго-восточного угла в это время также сооружается стена длиной 3,0 м. Эти стены ограждали площадку у юго-восточного угла мечети (рис. 5). Мечеть и указанные стены сооружались одновременно. После возведения фундаментов мечети, площадка была засыпана грунтом с городища до уровня, необходимого для возведения стен храма. Можно предполагать, что только после указанных работ были возведены строительные леса. После сооружения мечети была проведена планировка на участке галереи.

При доследовании, по центру расчищенного участка между открытыми стенами был оставлен "поп" (не снятый грунт) на уровне предполагаемого пола первого строительного периода. Последний фиксировался на основании известкового строительного слоя. Вокруг площадки засыпь была снята до материка. Выяснилось, что этот пол находился на 2,5 м выше уровня материка. Удалось зафиксировать все фундаменты и стены, расположенные вокруг "попа" (рис. 6).

Рис. 5. Раскопки 1974-1975 гг. комплекса построек у юго-восточного угла "храма с аркадой". Общий вид северной части.

Рис. 6. Раскопки 1974-1975 гг. комплекса построек у юго-восточного угла "храма с аркадой". Общий вид центральной части.

При расчистке подпорной стены шириной 0,75 м первого строительного периода выяснилось, что по центру площадки, на наибольшей глубине залегания материка (около 4,0 м) обнаружено отверстие, забитое илом, песком и мелким камнем, расположенное между кладкой и скалой. По-видимому, через него вода уходила в обрыв⁵.

⁵ В декабре 1975 г. с помощью членов Симферопольской секции спелеологов (руководитель группы Козлов Александр Фотиевич) автор выполнил спуск дюльфером к подножию восточной оборонительной стены и на стыке скалы и фундамента стены, напротив отверстия для стока воды нашел наружную часть этого же отверстия. Отверстие размерами 0,14 в верхней и 0,06 м в нижней части, высотой 0,10 с северной и 0,05 м с южной стороны, со всех сторон обложено вертикально поставленными камнями.

При расчистке восточной подпорной стены первого строительного периода, в северной части стены было обнаружено четыре камня с фреской⁶. Можно предположить, что при строительстве мечети и стен вокруг площадки у юго-восточного угла храма, использовался камень из разрушенных христианских храмов (как известно Сугдея подверглась нескольким погромам, сопровождавшимся разрушением церквей в 20-е гг. XIV вв.).

Судя по остаткам водомета, обнаруженного над скалой, около юго-восточного угла стен, ограждавших площадку у юго-восточного угла мечети, вода, стекавшая с крутого склона, благодаря южной стене площадки отклонялась к востоку и уходила в обрыв через обнаруженный водомет.

При расчистке южной стены площадки выяснилось, что южный фас этой стены, судя по известковому раствору и камням, длительное время находился на поверхности. Это прослежено по хорошо заметным следам разрушения камней.

Рис. 6. Раскопки 1974–1975 гг. комплекса построек у юго-восточного угла “храма с аркадой”. Общий вид южной части.

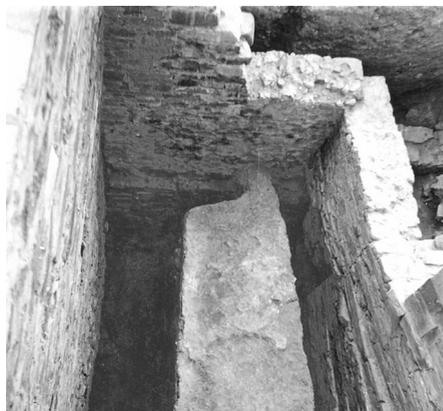

Рис. 7. Раскопки 1974–1975 гг. комплекса построек у юго-восточного угла “храма с аркадой”. Общий вид с севера.

Площадка у юго-западного угла мечети выявлена на протяжении 4,25 м. Далее к северу работы по благоустройству не проводились. Можно предположить, что площадка с подпорной стеной и парапеты первого строительного периода доходили до северо-восточного угла галереи храма, где оборонительная стена поворачивает на восток вдоль обрыва. В первой половине XV в. на этом участке возводят оборонительную стену второго строительного периода. При этом южная стена площадки была засыпана, а подпорная стенка, расположенная напротив мечети, используется как фундамент оборонительной стены. Последняя на 0,25–0,30 м шире подпорной стены, т.е. генуэзская куртина в западной части уложена прямо на землю.

⁶ По распоряжению Инспекции охраны памятников Госстроя УССР, камни с фреской были изъяты из кладки и отправлены на исследование. Результаты исследований неизвестны.

Таким образом, мечеть была построена до прихода генуэзцев в Судак, за пределами города. Оборонительные стены на этом участке, начиная от башни Конрадо Чигало, включая Безымянную башню 2 и стены к востоку и юго-востоку от мечети, возведены только при генуэзцах. После сооружения оборонительной стены генуэзцы возвели у юго-восточного угла постройку, стены которой сложены на известковом растворе (третий строительный период). Ее южная стена длиной 2,75, высотой 1,75 и шириной 0,60 м возведена на южной стене первого строительного периода, ограждавшей площадку с подпорной стеной с юга. Западная стена длиной 2,25 м, доходит до выступающего фундамента храма (на расстоянии 0,65 м от стены храма). Можно предполагать, что западная стена постройки доходила до стены храма, т. е. фактически ее длина составляет 2,90 м при сохранившейся высоте и ширине 1,50 и 0,60 м. Длина северной стены 2,75 м при высоте и ширине 2,0 м и 0,60 м. Северная и южная стены пристроены под прямым углом к оборонительной стене, являющейся, фактически, четвертой стеной постройки третьего строительного периода. Южным концом северная стена пристроена к фундаменту и стене галереи. Расстояние между северной и южной стенами составляет 4,40 м, а между западной стеной и галереей храма с одной стороны и оборонительной стеной — в северной части 3,25 и в южной 2,50 м. Таким образом, общая площадь постройки — 12,54 м кв.

По-видимому, постройка использовалась генуэзцами для хозяйственных целей. В это время мечеть могла стать временным католическим храмом (до сооружения городского католического собора), а, затем, в ней могло расположиться одно из учреждений генуэзской Солдайи. После захвата Солдайи турками-османами мечеть снова стала храмом для мусульман.

ЗАЛЬНОЕ КУПОЛЬНОЕ ЗДАНИЕ СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ

В восточной части Судакской крепости расположено одно из немногих сохранившихся в Крыму средневековых общественных зданий [Баранов 1982, с. 275–279]. Застраиваться данный участок начал во второй половине XIV в. До 1409 г. он находился за пределами основного кольца каменных оборонительных сооружений генуэзской Солдайи. У северной стены купольного здания в скале была вырублена круглая в плане цистерна, диаметром 4,75 м, с каменным купольным сводом и каменной лестницей. Питьевая вода из источников на горе Перчем поступала по керамическому водопроводу со стороны города. Между цистерной и безымянной башней № 2 М.А. Фронджуло в 1971–1972 гг. раскопаны остатки другого здания, функционально, вероятно, связанного с общественным купольным зданием. Археологических материалов, датируемых ранее XIV в., при археологических исследованиях здесь найдено не было.

Время строительства крепостной стены, ограждавшей участок с купольным зданием с востока, устанавливается на основании даты закладной плиты в стене, рядом с современной калиткой, ведущей к морю. В 20–30 гг. плита была утрачена и сохранилась лишь ее прорисовка Н.Ф. Лапиным [1928, с. 58]. В верхней части плиты находилась трехстрочная надпись, под которой вырезаны три герба. В начале надписи сохранились несколько начальных цифр даты: + М СССС..., т.е. новый участок оборонительной стены, оградивший предполье, датируется не ранее XV в.

Купольное здание (рис. 1) рассматривалось всеми исследователями в отрыве от историко-топографической ситуации, что приводило к различным, нередко диаметрально противоположным точкам зрения в его датировке, периодизации строительных периодов и интерпретации. Подавляющее большинство исследователей атрибутировали его как мечеть XIII – XIV вв., возведенную сельджуками мастерами, возможно, на руинах более раннего христианского храма и лишь использованную генуэзцами в XV в. В противоположность господствующей точке зрения, Н. Мурзакевич считал купольное здание древней генуэзской католической церковью, перестроенной турками-османами в мечеть [1872, с. 318]. Взглядам последнего близка гипотеза О.И. Домбровского, который считал купольное здание генуэзской приемной залой XV в., использовавшейся в дальнейшем турками [1966, с. 70–74]. В свою очередь, исходя исключительно из архитектурных особенностей и местоположения, нами была предложена атрибуция купольного здания как ратуши общины (*logia communis*), в которой консул собирал горожан и городскую элиту Солдайи, а также Попечительный комитет [Баранов 1982, с. 275–279]. После 1475 г. здание ратуши перестраивалось и было приспособлено турками-османами под мечеть. В конце XVIII в. турецкая мечеть переосвящается в гарнизонную часов-

ню св. Матфея, упраздненную в 1817 г., после вывода российского военного гарнизона из Судака, а с 1883 по 1926 г. реставрированное и частично перестроенное здание используется в качестве армяно-григорианского храма [Карпович 1951, с. 123]. Каждый из этих этапов оставил следы в его архитектурной истории.

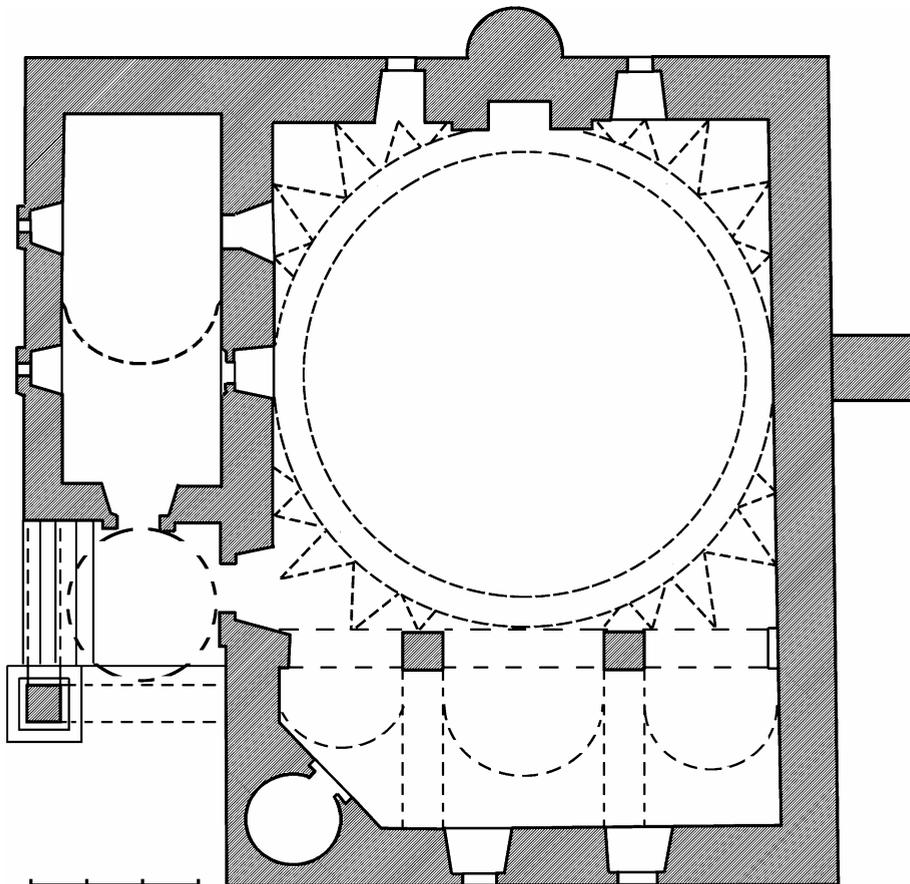

Рис. 1. План “храма с аркадой”.

Первое упоминание здания относится к XVII в., когда эту постройку описал в “Книге путешествий” турецкий сановник Эвлия Челеби. Вот фрагмент его путевых заметок: “На восточной стороне крепости у берега моря — древняя соборная мечеть султана Баязида Вели, с каменным сводом и каменным минаретом... Эта старая мечеть и минарет построены из какого-то мягкого камня. В мечети этой есть михраб, из такого же камня вырезанный... Человек останавливается перед ним, удивлением охваченный. Он так же прекрасен, как михраб джамии преподобного шейха Шами в Кескине в эйалете Сивас. Однако известняк на высоких куполах этой мечети старостью поврежден, и эта старая мечеть султанская требует ремонта и обновления, согласно повелению святому: “Мечети Аллаховы подновляемы

быть должны” [Эвлия Челеби 1996, с. 137–138]. Таким образом, в XVII в. здание мечети связывали с именем Баязида Вели. Это, некоторым образом, перекликается с названием Падиша-мечеть на русской карте города Судак подполковника Фишера 1771 г. Эвлия Челеби приводит также фантастическую легенду о постройке здания во времена “короля франков”.

Зальное купольное здание, вошедшее в историю средневековой архитектуры как Судакская мечеть или “Храм с аркадой”, ориентировано основной осью с севера на юг и имеет размеры 10,9×14,5 м при высоте от вымостки пола до уровня основания свода 4,5 м. К восточному фасаду в древности примыкала открытая галерея. Центральный зал постройки представляет собой квадрат со стороной 8,8 м, с лишенным промежуточных опор внутренним пространством и перекрытый уплощенным куполом. Основание купола опирается на гофрированные тромпы. Своеобразно построение тромпов, переводящих четверик к восьмиграннику, на который непосредственно опирается купол. Стены зала толщиной 1 м сложены на известковом растворе с наполнителем из крупного песка и оштукатурены. Как показали раскопки М.А. Фронджуло в 1969 г., внутри зала была сделана нивелировочная подсыпка из мелкого бута и глины, перекрытая сланцевыми плитами вымостки пола.

Купол с опорой на тромпы использовался итальянскими и византийскими зодчими только в культовой архитектуре, при перекрытии храмов и баптистериев. В общественных и жилых зданиях применялись только крестовые и коробовые своды, а также плоские деревянные перекрытия. Купола, аналогичные судакскому, в общественных и жилых зданиях впервые в европейской архитектуре были применены итальянским архитектором Палладио (1550–1580) [Ackerman 1972, p. 31]. Исследователи его наследия отмечают этот прием как нововведение, семантика которого была понятна его просвещенным заказчикам.

Возвращаясь к купольному зданию в Судакской крепости, отметим, что ближайшими аналогами конструктивного решения перекрытия могут служить соборная ханская мечеть Гиреев Джума-Джами (Хан-Джами) в Евпатории [Чепурина 1927, с. 3–8] и соборная османская мечеть в Каффе [Тизенгаузен 1872, с. 374], предположительно построенные турецким зодчим Хаджи Синаном (родился в 1489 или 1490 г.). Подобный турецким мечетям конструктивный прием перекрытия помещения свода на тромпах имеется в турецких банях Каффы. Таким образом, на наш взгляд, есть все основания предполагать, что ныне существующее перекрытие здания в Судаке было сооружено турками-османами при реконструкции постройки после 1475 г.

К залу примыкают хоры, расположенные между тремя стрельчатыми арками, опирающимися на капители квадратных столбов, установленных на простых уступчатых базах размером 0,82×0,75 м. В западной и восточной стенах концы арок опираются на пилястры. Ширина хор 2,81 м. Арки разного размера: западная 2,1 м, восточная 2,3 м и центральная 2,9 м. На столбах сохранились следы полихромной фресковой

росписи. Капители прямоугольные со скосом к столбу. Они украшены сложным резным орнаментом. Нижний орнаментальный пояс представлен рельефно выполненными стилизованными листьями лотоса, переходящими в двучастные сталактиты. Верхний орнамент заполняет поле ее вертикальной части. В отличие от нижнего орнаментального пояса орнамент верхней части выполнен тонкой врезной линией. Его верхняя часть представлена небольшими стилизованными листьями лотоса, а нижняя — стилизованным растительным орнаментом, расположенным между верхней частью сталактитов и цветками лотоса, создавая органически единую композицию (рис. 2). Наиболее близкой аналогией может служить известняковый карниз, обнаруженный нами при раскопках католического кафедрала св. Девы Марии, датируемого надписью на генуэзском надгробии Ангелины де Трави не позднее 1384 г. [Баранов, Данилова 1991, с. 145–148].

На хоры вела витая лестница, сооруженная в круглой шахте в северо-восточном углу постройки. Диаметр шахты 1,5 м. Можно согласиться с мнением А.Л. Якобсона, что прогоны, несущие пол хор, опирались на столбы [Якобсон 1964, с. 120]. В XIX в. при переосвящении мечети в католический храм и восстановлении хор, прогоны, несущие пол, опирались уже на стойки, поставленные позади столбов. В нижней части шахты лестницы сохранились остатки первоначальной штукатурки с остатками полихромных фресок, в которых прослеживаются нижние части человеческих фигур и одежды. Все это вместе взятое позволяет отказаться от предположения Б.Н. Засыпкина о назначении винтовой лестницы в шахте как вход в минарет [Засыпкин 1927, с. 132]. Эта гипотеза тем более несостоятельна, что минарет, поставленный на несущей стене без разгрузочного шва, неизбежно привел бы к просадке стены и разрушению здания. Не известно ни одного случая возведения надстроек разной массы на несущих стенах без учета разницы в нагрузке. Что же касается места минарета в нашей мечети Баязида, то с его внешней стороны у главного входа под основание минарета была сложена прямоугольная каменная платформа, примыкавшая к восточной стене и поставленная основанием непосредственно на скалу, что исключало просадку конструкции. В. Юргевич в начале 80-х гг. XIX в. видел в натуре значительные остатки пристроенного к мечети минарета, поставленного на каменную платформу [Юргевич 1863, с. 1–75; Юргевич 1875, с. 398]. Эту же конструктив-

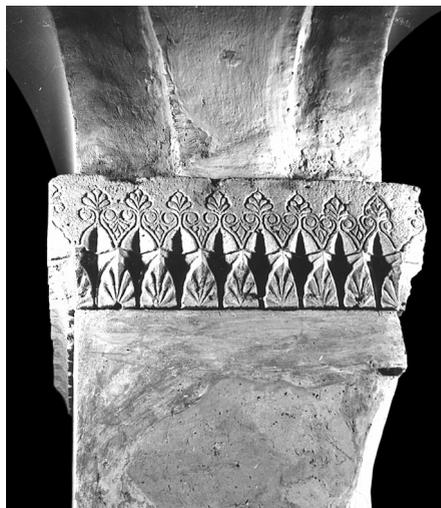

Рис. 2. Капитель восточной колонны.

ную особенность устройства минарета, не замеченную при подготовке проекта реставрации Е.И. Лопушинской, отмечал в 1885 г. и священник местной церкви Кушнерев [1885, с. 7].

Главный вход в зальную часть купольного здания находится в восточной стене постройки в створе со столбами хор. Портал упрощенной формы без каких-либо излишеств, имеет уступчатый профиль. С внутренней стороны портала имеются четверти для крепления дверного полотна. Дверь открывалась в зал, для чего в проеме портала были сделаны откосы. Северный откос составляет единое целое с пилоном, поддерживающим пяту арки хор. Ширина портала с внешней стороны 0,98 м, с внутренней — 1,5 м при высоте — 1,87 м. В углу возле входа Кушнерев видел остатки геральдической плиты с поврежденной латинской надписью и специально сбитыми геральдическими щитами и именем консула. Мы считаем, что она имеет отношение к постройке или перестройке здания: *“...В 1450 году, в первый день июня во время правления выдающегося мужа господина, Бенедетто де ... консула и кастеляна Сол(дайи)”*.

Текст предельно лаконичен (дата, имя консула и кастеляна) и идентичен тексту целого ряда надписей Солдайи. Тем не менее, имеется реальная возможность восстановления имени консула исходя из текста геральдической плиты 1451 г., обнаруженной в имении Мордвиновых в Ай-Савской долине на окраине Судака и опубликованной Е.Ч. Скржинской [1958, с. 168–172]. На ней изображены три геральдических щита: центральный — с гербом Генуи, справа герб дожа Пьетро Кампофрегозе и слева — герб рода Джудиче. По обе стороны герба Джудиче вырезаны буквы: В и У, которые Е.Ч. Скржинская расшифровывает как начальные буквы имени консула Солдайи Бартоломео Джудиче [1958, с. 171]. Мы считаем, что имя на надписи 1450 и плите 1451 г. могли принадлежать одному и тому же лицу — Бенедетто Джудиче, который либо управлял Солдайей в течение одного срока 1450–1451 г., или исполнял обязанности консула и кастеляна Солдайи два срока подряд в 1450 и 1451 гг. Не исключено, что содержание надписи 1450 г. имеет отношение ко всему зданию и свидетельствует о строительстве, предпринятом генуэзским консулом и кастеляном Солдайи в июне 1450 г.

К главному входу с восточной стороны вела каменная лестница из шести ступеней, а площадка перед входом была перекрыта небольшим купольным сводом, поддерживаемым циркульными арками, опиравшимися на квадратный столб с простой неорнаментированной капителью с северной стороны, на пилон галереи — с южной и на капитель в восточной стене здания. Галерея, в отличие входа и центрального зала постройки, была перекрыта коробовым (цилиндрическим) сводом, однотипным своду хор. Ее длина 6,5 м при ширине 3,0 м и высоте 5,3 м.

Первоначально она была открыта с трех сторон: две циркульные арки ее восточной части опирались пятами на профилированные известняковые капители прямоугольных столбов, а две другие на такие же арки в торцах галереи — на крайние столбы и подпятники в восточной стене центрального зала. Столбы и арки сложены из местного

копсельского песчаника, в то время как капители — из белого нуммулитового известняка. Из того же материала сложены и обрамление окна и портал в галерее. Дверной проем с резным наличником вел из галереи, открытой с востока, в центральный зал ратуши. Через галерею и этот портал консул Солдайи и должностные лица входили в присутственное место. Ширина первоначального парадного входа внешней стороны 0,97 м, а с внутренней — 1,2 м.

С внешней стороны проем имел четверти для крепления дверного полотна. Дверь открывалась в сторону зала, где в проеме были сделаны откосы. На верхнем карнизе портала В. Юргевич отмечает остатки латинской надписи, начинающейся с букв *BE* и заканчивающейся буквами *...E DEO*. Он восстанавливает ее следующим образом: *BE[ATVS EST SERVIT DIGN]E DEO*. Там же нами обнаружены остатки другой латинской надписи, чтение которой невозможно из-за ее сильной фрагментарности и плохой сохранности букв.

Несмотря на небольшие размеры, проем был богато украшен художественно совершенной и технически безупречно выполненной резьбой в виде сложной “плетенки” (рис. 3), а в основании его северного откоса сохранился рельеф святого воина на коне в длинном кафтане с восемью горизонтальными застежками и нимбом вокруг головы (рис. 4). Рельеф помещен в прямоугольную процарапанную рамку. Лицо всадника, морда коня, дракон и копьё намеренно сбиты, но их следы отчетливо прослеживаются. Размер рельефа — 0,16×0,14 м. Св. Георгий одет в типичный для элитарной моды XV в. короткий воинский кафтан с горизонтальными застежками. Вполне вероятно, рельеф является работой мастера, вернее ремесленника не очень высокой квалификации.

Рис. 3. Восточная стена галереи.

Рис. 4. Изображение св. Георгия в нижней части обрамления южного окна галереи.

Возвращаясь к portalу, отметим, что помимо резьбы его откосы имеют многочисленные граффити (рис. 5). Четко выделяются геральдический щит с тремя лентами по диагонали (рис. 6: 7), геральдический щит с гербом Генуи, монограммы (рис. 6: 1–3,8), тамга Гиреев (рис. 6: 5) и разнообразные кресты (рис. 6: 4, 6, 9).

Рис. 5. Граффити на обрамлении восточного окна галереи.

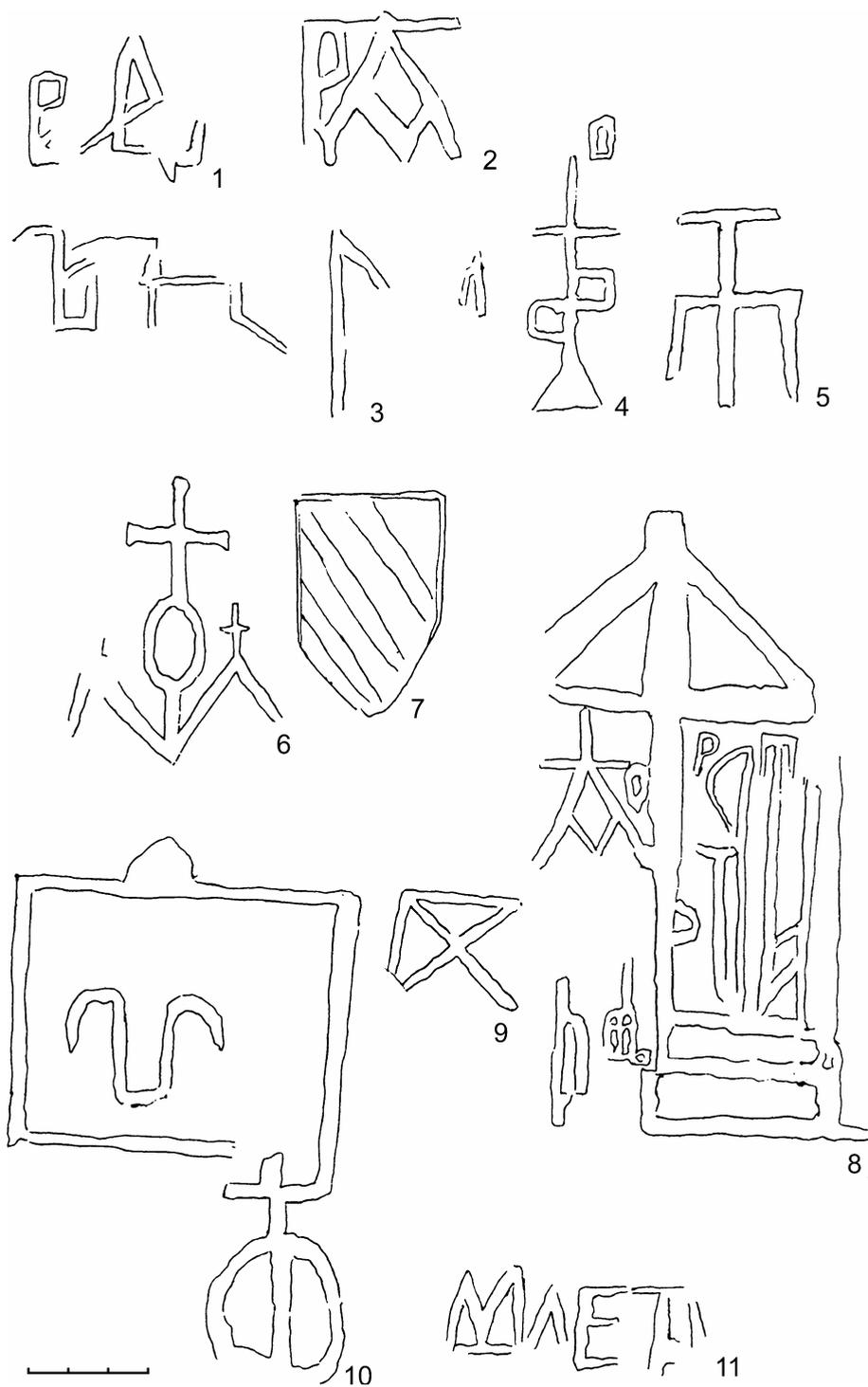

Рис. 6. Граффити на стенах "храма с аркададой".

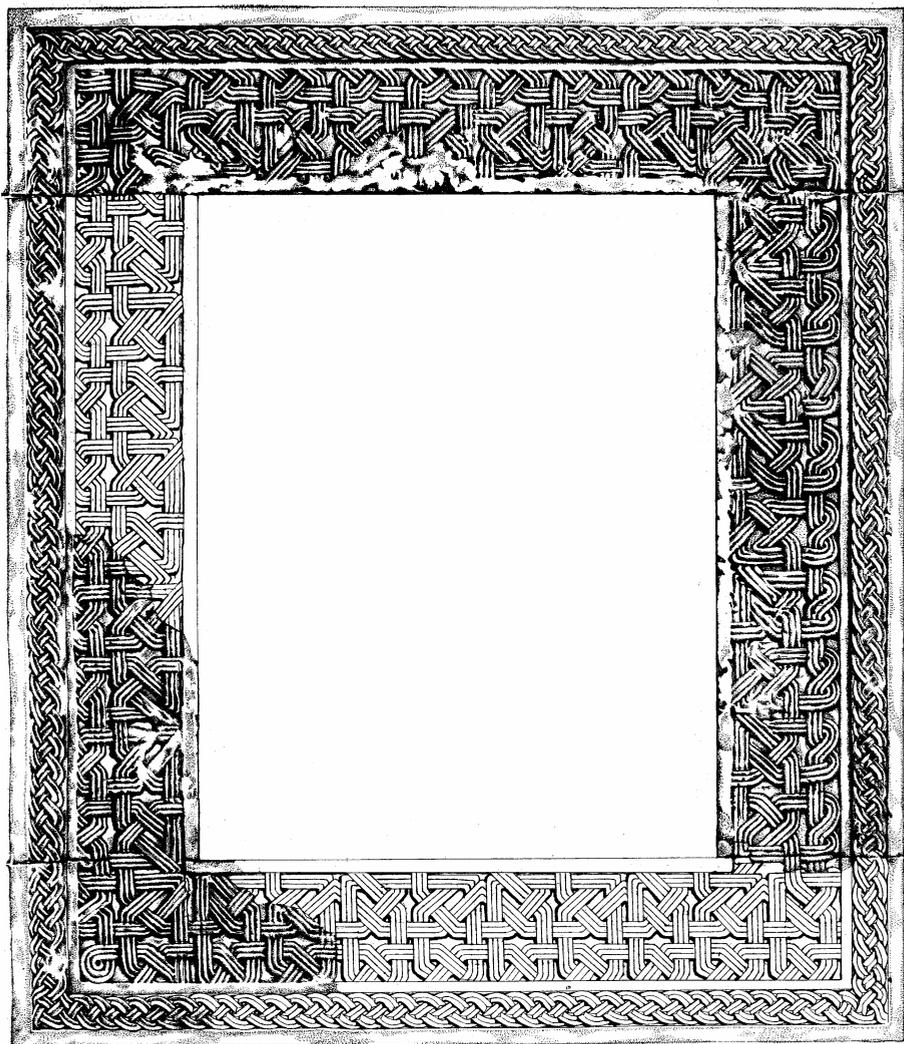

Рис. 7. Прорисовка северного окна галереи.

В 1,48 м от северного откоса портала в той же стене имеется окно со сложно профилированным резным наличником и пазом для деревянной рамы. Его ширина 1,05 м при высоте 1,0 м. Резной наличник и откосы окна изготовлены из белого нуммулитового известняка. Несмотря на кажущуюся простоту, декор наличника несет в себе высокий уровень мастерства резчика по камню. Здесь четко выделены два орнаментальных пояса: рельефная “плетенка” в виде косички на узкой внешней рамке и основное скошенное в сторону зала поле, украшенное геометрическим орнаментом сложного плетения в виде широкой тройной ленты (рис. 7).

На блоках перекрытия окна и его обрамления вырезаны, как и на портале, многочисленные граффити: монограммы, буквы греческого, латинского и армянского алфавитов, тюркские тамги, кресты

на Голгофе и другие символы и знаки (рис. 8). Особый интерес представляет латинская надпись на верхней части откоса наличника окна, впервые обнаруженная художником Н. Струковым [Архив ИИМК, № 619]. Она состоит из семи четко вырезанных латинских букв, высотой 2 см при длине надписи 10,5 см и содержит итальянское имя GERARDI. На том же наличнике Н. Струков прорисовал и остатки плохо сохранившейся греческой надписи, обнаружить которую нам не удалось.

Общественные и жилые здания с внешней открытой галереей-лоджией были характерны для итальянской архитектуры не только Аппенинского полуострова, но и колоний. Согласно генуэзским письменным источникам, подобные постройки имелись в Каффе и других городах Генуэзской Романии. Такая же открытая галерея изучена в районе главных ворот Солдайи [Баранов 1988, с. 82, рис. 2, 8]. Судакские лоджии построены по единому принципу и датируются концом XIV – XV вв. Характерно, что все

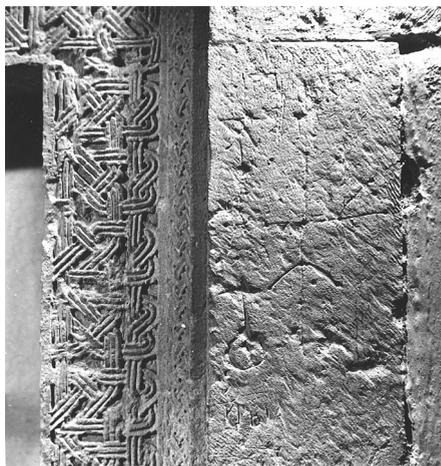

Рис. 8. Граффити на обрамлении северного окна.

они впоследствии были превращены в закрытые галереи. Скорее всего это было связано с глобальным многолетним похолоданием середины XV в., которое повсеместно отмечалось на всех материках северного полушария и было связано с цикличностью изменения климата земли. В географической литературе этот климатический оптимум получил название “малого ледникового периода” [Раунер 1981, с. 6, табл.1, 1–3]. Именно в этот период “зимы становятся продолжительными и холодными, что диктовало изменения в строительной практике: повсеместно прекращается сооружение башен открытого типа, характерных для причерноморской фортификации XIV в., а жилые и общественные здания утепляются. Открытые арки лоджий наглухо закладываются для сохранения тепла в функциональных помещениях и в них сохраняется лишь одна входная дверь. Та же картина наблюдается и в Константинополе, где были заложены арки лоджий Палаццо Коммуны и других зданий в генуэзском квартале Галаты” [Stringa 1982, p. 365].

Внутри галереи на северной торцевой стене рядом с новым дверным проемом на штукатурке был процарапан геральдический щит с изображением львиной морды с развевающей гривой и открытой зубастой пастью и проработанным глазом. С внешней стороны той же стены на первоначальной штукатурке заклада процарапан десятисантиметровый геральдический щит с внутренней рамкой, в которую вписаны два круга, обрамляющие неатрибутированное изображение (рис. 9). Помимо гербов на первоначальной штукатурке заклада гале-

реи процарапаны многочисленные граффити разнообразных крестов, монограмм, букв латинского, греческого и армянского алфавитов. Аналогичные граффити имеются и на штукатурке зала купольного здания. Среди них особый интерес представляют изображения разнотипных морских судов. Эти многочисленные граффити требуют более полного анализа и специальной публикации.

Доминантой художественного оформления интерьера центрального зала является михраб (рис. 10). Как и резные детали окна и портала, в галерее, наличник михраба в центральном зале купольного здания изготовлен из мелкозернистого белого нуммулитового известняка и, видимо, был установлен уже в готовом виде. Высота михраба от вымостки современного пола до верхней отметки наличника составляет 4,7 м при ширине 1,6 м. По нашему мнению, михраб был установлен на месте существовавшего оконного проема. При сооружении михраба в наличнике окна был снят нижний блок с растительным орнаментом, в результате чего была нарушена композиционное построение резьбы и создано ощущение незавершенности. Окно заложено без перевязи известняковыми блоками на высоте 2,0 м от пола. Для михраба сооружается треугольная ниша, выполненная в виде сталактитового каскада. В связи с тем, что при ее сооружении была ослаблена кладка, с внешней стороны южной стены здания сооружается поставленный на каменную платформу полукруглый михрабный выступ (рис. 11).

Резьба наличника михраба сохранилась в верхней части на высоту 2,8 м. Основной орнаментальный пояс, разделенный в верхней части “яблоком” с геометрической “плетенкой”, представляет собой вариант стилизованного растительного орнамента, характерного для т.н. сельджукского стиля. Он представляет собой пальметту, как бы составленную из двух “арабских” полупальметт и вплетенный в узор стебель — жгут с листьями лилии. Пальметта на портале почти точно повторяет пальметту, появляющуюся в XIII — XIV вв. в постсельджукской арабеске и в армянском искусстве. Эта пальметта встречается в Крыму как основной элемент декора наряду со стилизованным листом лотоса и лилии, близким по форме арабеске. В Судацкой крепости, помимо упомянутой выше капители в купольном здании, такой резьбой украшен фрагмент обрамления портала, вмонтированный в 1900 г. в кладку фонтана за пределами крепости. Подобные приемы орнаментации присутствуют на

Рис. 9. Граффити на штукатурке южного пилона входной стены.

закладных плитах Якобо Торселло 1385 г. и Паскуале Джудиче 1392 г. Такая же каменная резьба, выполненная по общим образцами, украшает портал армянской церкви Иоанна Предтечи в Каффе, капитель портала армянского монастыря Сурб-Хач близ Старого Крыма, а также ряд мусульманских памятников — портал и капитель мечети Узбека и капитель в медресе в Старом Крыму. Все эти резные камни датируются временем не ранее конца XIV в.

Рис. 10. Михраб "храма с аркадой". Современное состояние.

Возвращаясь к наличнику михраба, отметим, что по обе стороны обрамления его рамы на специально оставленных полях были вырезаны два герба: справа трехбашенный замок в геральдическом щите, являющийся гербом Каффы, слева — львиная морда с развевающейся гривой. Последний, скорее всего, являлся гербом правящего консула Солдайи. Особый интерес и многочисленные споры вызывает двухстрочная надпись на фронтоне наличника. Она вписана в рамку ниже сталактитового пояса и в центре нижней строки разделена крестом в круге.

С правой стороны надпись не вместились в рамку и крайние буквы обеих строк вышли за ее пределы. Это может свидетельствовать о том, что наличник был изготовлен по заказу и вмонтирован в раму большого окна в северной стене, являвшегося основным источником освещения зала. Строительная надпись, судя по небрежности ее выполнения и явной ошибке при разметке букв, появилась позднее и была связана с очередной перестройкой. Буквы высотой 10 см, вырезаны глубоким лапидарным шрифтом. С правой стороны обе строки имеют незначительные утраты, позволяющие восстановить слова. В связи с тем, что при многочисленных ремонтах надпись неоднократно забеливалась и штукатурилась, ее чтение затруднено. Первая попытка ее чтения была предпринята в 1792 г. путешествовавшим по Причерноморью аббатом Г.Л. Одерико, который датировал ее 1382 г. [Oderico 1792, lett. XVIII]. Архимандрит Минай Медицы в 1828 г. вновь упоминает эту надпись, считая ее основным аргументом в пользу строительства постройки в качестве католического храма [Минай Медицы 1830]. В 1843 г. путешествовавший в Крыму Дюбуа де Монпере вновь публикует надпись, считая фразу HOC OPUS FECIT FIERI, как свидетельство строительства не всего здания, а лишь его части: “эту переделку велел сделать...” [Dubois de Montpereux 1843, с. 359]. Полностью текст надписи профессионально впервые введен в научный оборот В. Юргевичем [Юргевич 1863, с. 1–75; Юргевич 1875, с. 398] и переиздан с комментариями и критикой Е.Ч. Скржинской в 1928 г. [Skrzinska 1928, p. 122–123]. Почти одновременно с Е.Ч. Скржинской надпись была прорисована Н.Ф. Лапиным, но к сожалению, не вошла в его популярное издание лапидарных памятников Судака и сохранилась только в архиве в черновых набросках. В данной работе имеет смысл привести все имеющиеся оригинальные тексты¹.

В. Юргевич:

1. + IN CHRISTI NOMINE AMEN MCCCCXIII DIE IV IANUARII HOC COPUS FECI
T FIERI DOMINE R CATALANUS CHRISTUS CUSTODIAT
+ Во имя Христа Аминь. 1423 день 4 января эту постройку соорудил,
Господи, Каталано. Да хранит Христос.

Е.Ч. Скржинская:

1. + IN XIPI NOMINE AMEN MCCCCXXIII DIE III IANUA(RII HOC) OPUS FECI
T FIERI DOMINE G CAT+ALAN(US) XI...US TODI AT

Н.Ф. Лапин:

1. + IN XIPI NOMINE AMEN MCCCCIXX III DIE IANUA(RII HOC) OPUS FECI
T FIERI DOMINE G CAT+ALANU..XI...TODI AT

И.А. Баранов:

1. + IN XIPI NOMINE AMEN MCCCCLXXIII DIE III IANUA(RII HOC) OPUS FECI
T FIERI DOMININE G CAT+ALANU(S) XI.. CUSTODIAT
+ Во имя Христа Аминь. 1473, четвертый день января эту пере-
стройку велел сделать господин Каталано. Да хранит Христос.

¹ В настоящее время нет достаточных оснований для отдания предпочтения какой-либо из версий прочтения надписи (*прим. редколлегий*).

Публикация надписи В. Юргевича, прочитанной в 1861 г., принципиально отличается от чтения 1872 г. не только расхождением в дате, но и местоположением слов в строке и произвольным введением в текст новых слов, меняющих смысл надписи. Так, в первом чтении у него имеются отсутствующие в подлиннике надписи титул CONSUL и имя MONDIANA, а дата расходится на год [Юргевич 1863, с. 122–123]. В публикации Е.Ч.

Рис. 11. Основание михрабного выступа.

Скржинской подтверждается вторая дата В. Юргевича и имя Каталано, однако она отличается в деталях от прорисовки надписи ее предшественником [Skrzinska 1928, p. 122–123]. Расхождения можно объяснить тем, что оба исследователя работали не с подлинником, а с эстампажем и обрабатывая материал в кабинете. В результате в буквенной латинской дате В. Юргевич перед цифрой X поставил цифру I, даже не пытаясь объяснить ее появление (MCCCCIXXIII), а Е.Ч. Скржинская вообще опускает ее (MCCCCXX III). Работавший с натурой Н. Лапин при перетирке надписи заметил внутри даты перед цифрой X еще один сдвоенный знак, который принял за латинскую П, (MCCCCIXXIII), что совершенно противоречит требованиям написания латинских цифр и никогда в такой комбинации не употребляется. Наша прорисовка показала, что дополнительный знак имеется в дате, но он обозначает цифру L очень похожую на небрежно нанесенную П к тому же поврежденную и сильно забеленную в нижней части. Такая комбинация знаков при написании даты вполне допустима и дает основание говорить о дате 1473 г. Здесь нельзя не отметить, что к тому же выводу пришел и К. Десимони, работавший с публикацией Г. Одерико [Юргевич 1875, с. 298]. Таким образом, дата на наличнике окна в центральном зале купольного здания более поздняя, чем строительная надпись между пилоном портика и главным входом. Это подтверждает предположение Дюбуа де Монпере, что она имеет отношение лишь к реконструкции постройки, а не строительству всего купольного здания. О том же, как нами сказано выше, может свидетельствовать небрежность прорисовки надписи. Исходя из предлагаемой даты вполне объяснимо и отсутствие в геральдической триаде герба Генуи и ее правящего дожа, В это время черноморские колонии находились под управлением банка св. Георгия, а Солдайя напрямую подчинялась Каффе, чей герб и выбит на резном наличнике. В надписи нет прямых указаний на официальную должность господина Каталано, имя которого дается в сокращении, а герб не имеет геральдического щита, обязательного для нобилей. Последнее указывает на неаристократическое происхождение Каталано. Между тем, как показывают регистры массарии Каффы, за всю историю

причерноморских колоний Коммуны на высшую административную и военную должность в городах Генуэзской Газарии патенты выдавались исключительно представителям генуэзского нобилитета. В связи с этим нам представляются сомнительными попытки видеть в Каталано консула и кастеляна Солдаи. Он мог занимать менее важную должность, не требовавшую аристократического происхождения. Из сохранившихся генуэзских документов видно, что в начале 70-х гг. XV в. в Каффе, Чембало и Солдае были активизированы работы по ремонту общественных и фортификационных сооружений, в том числе и городских цистерн [Юргевич 1875, с. 398–399]. Очевидно, эти мероприятия были связаны с прямой угрозой турецкого вторжения в Крым. Как правило, такие работы проводились за счет общин либо на средства состоятельных горожан. Можно предположить, что ремонт и украшение ратуши, а также строительство возле нее круглой цистерны и водопровода были произведены состоятельным горожанином. Возможно, он принадлежал к купеческому сословию. Его имя, как это и полагалось, было увековечено надписью. В Солдае известен факт подобной донаторской надписи, которая связана с каким-то дарением состоятельного генуэзца прихожанина католическому кафедралу девы Марии [Skrzinska 1928, р. 124–125; Баранов 1982, с. 48–49]. К тому же кругу памятников относится обрамление колодца в Каффе с именем Михаила из Падуи и четырьмя геральдическими щитами: гербом Генуи и трех должностных лиц консулата [Крамаровский 1992, с. 214–213]. Другим примером может являться венец колодца XV в., сооруженного, судя по надписи, жителями армянской общины Каффы и украшенного четырьмя изображениями герба католического епископа Каффы Гриффудо Чигала [Крамаровский 1992, с. 219]. К числу донаторских можно отнести и две геральдические плиты с армянскими надписями, одна из которых (с гербом Генуи) найдена при раскопках башни Константина [Айбабина 1988, с. 76–77, рис.12].

Время строительства купольного здания и его функциональное назначение находит подтверждение и в иконографии фрески на первоначальной штукатурке, обнаруженной на правом пилястре аркады в 1958 г. и опубликованной О.И. Домбровским [Домбровский 1966, с. 72, рис. 41]. Мы лишь отметим, что фреска представляет собой погрудное (возможно первоначально в полный рост) изображение святого в клобуке. Изображение сохранилось на высоту 0,71 м. Поле, на котором написана фигура святого, имеет рамку в виде коричнево-красной полосы и такой же краской нарисована полуциркулярная арка, поддерживаемая двумя колоннами или пилястрами с растительными капителями романского типа. Архивольт полукруглой арки украшен примитивной разделкой под клинчатый руст. Лицо святого с окладистой седой бородой написано в желтых и коричневых тонах. Правая рука поднята в благословении, а левая держит евангелие. О.И. Домбровский связал ее происхождение не с греко-византийской иконописью, а с итальянской живописью XIV – XV вв., проникшей в Крым вместе с генуэзцами и католическим монашеством [Домбров-

ский 1966, с. 73]. Нельзя не согласиться с мнением О.И. Домбровского, что фреска купольного здания принадлежит изображению Николая Мирликийского, в христианских преданиях святого из разряда т.н. святителей (церковных иерархов). Покрой омофора и форма клобука святого определенно указывают на памятники итальянского типа. О том же говорят и геральдические щиты над изображением святого и остатки средневековой латинской надписи между щитами и нимбом. Относительно хорошо сохранился лишь центральный щит с трехбашенным замком, ошибочно принятый О.И. Домбровским за герб правящего консула Солдаи. В действительности же по геральдическим канонам герб консула должен находиться слева, справа — герб правящего дожа Генуи и в центре — щит с крестом — герб Коммуны. Отсутствие в центре герба Генуи и замена его щитом с трехбашенным замком, являются гербом Каффы, может свидетельствовать об утрате Генуей самостоятельности и косвенно указывать на датировку фрески. В 1996 г. при очистке росписей, как сказано выше, была обнаружена сильно поврежденная однострочная латинская надпись, нанесенная краской по первоначальной штукатурке одновременно с ликом святого и гербами. Надпись выполнена кистью красной краской рукописным шрифтом. Ее наличие на фреске подтверждает принадлежность последней западноевропейской, а в данном конкретном случае, итальянской школе живописи с одной стороны и светское общественное назначение постройки — с другой.

Одновременно можно говорить о том, что росписи были заказаны и оплачены не консулом, возводившим здание ратуши, а его преемником, т.е. налицо еще один строительный период. Иконографических и историко-архитектурных данных, которые могли бы иметь отношение к догенуэзской, а тем более к сельджукской эпохе, при самом тщательном искусствоведческом анализе купольного здания обнаружить не удалось. Тем не менее, проблема времени сооружения этого здания, его строительных периодов и атрибуции еще долго бы оставалась открытой без подтверждения надежно стратифицированными археологическими материалами. Последние удалось получить лишь в 1986 г. при археологических исследованиях, связанных с реставрационными работами с южной стороны здания.

Раскоп у юго-восточного угла постройки неправильной формы, так как его конфигурация диктовалась условиями рельефа (рис. 12). Его размер 5,5×6,5 м при глубине слоя до 2,5 м. С севера он ограничен стеной купольного здания (1) и кладками 2–4 предшествующего периода, а с востока — кладками 8–9 прямоугольного здания, раскопанного в 1975–1976 гг. М.А. Фронджуло и ошибочно принятого Е.И. Лопушинской за башню. За исключением стен 1–4, сложенных на белом известковом растворе с примесью крупного песка, остальные стены построены на глинисто-грязевом растворе и по нашему мнению не были связаны с сооружениями общественного характера. Здесь четко выделяются четыре строительных периода, три из которых предшествуют строительству лоджии.

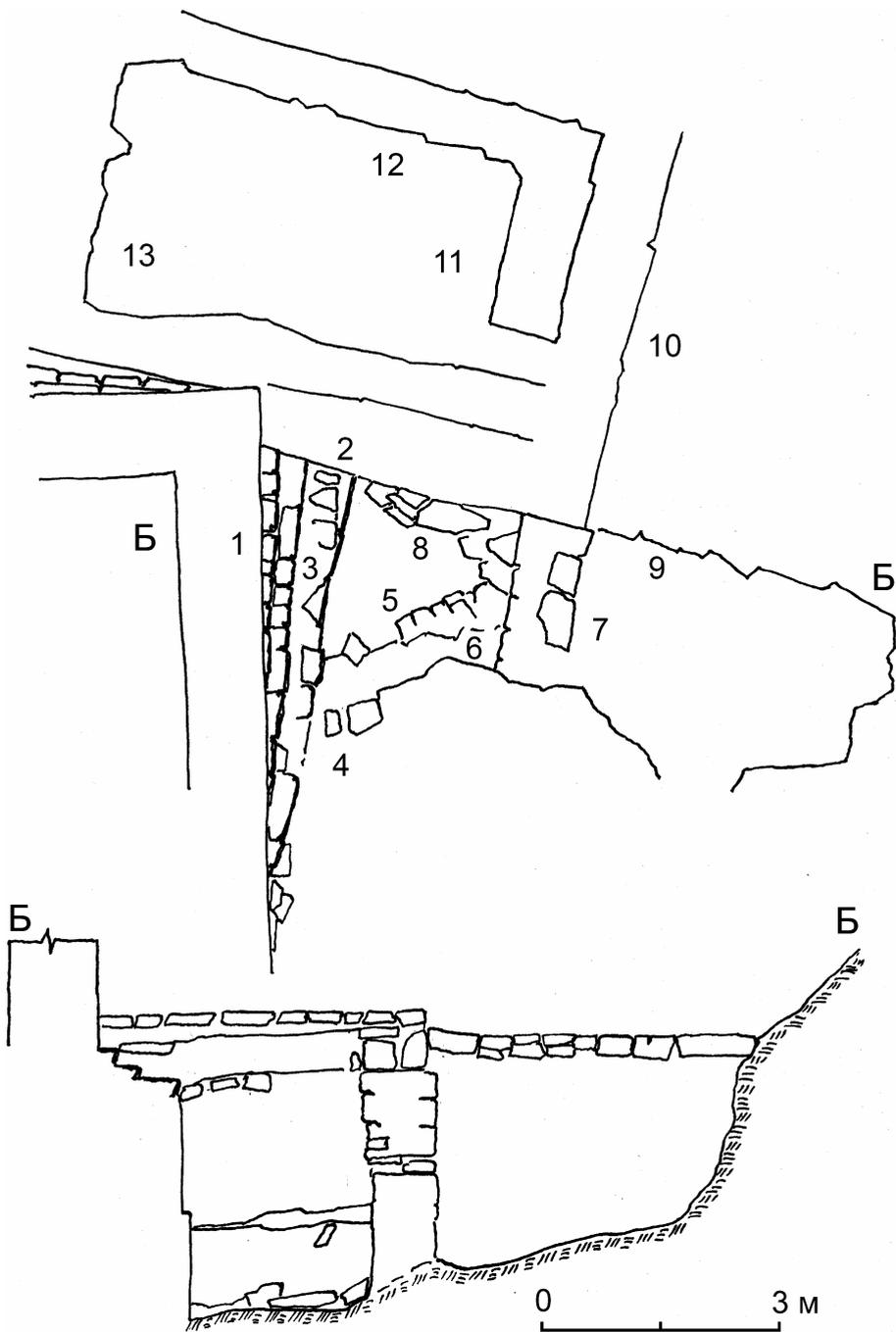

Рис. 12. Участок раскопок с внешней стороны южной стены.

К первому строительному периоду относится кладка, перекрытая стенами 9–10 какого-то здания. Обнаружен лишь лицевой панцирь нижней кладки, сложенный из хорошо подобранного бута на глине и выступающий из под кладки 2 (второй строительный период) в наиболее широкой восточной части на 0,4 м и уходящий под углом под стену купольного здания на расстоянии 5,0 м от стены галереи. Верхняя часть кладки 3 сложена “под мастерок”. Ниже она впущена в плотный коричневатый суглинок и опирается основанием на скалу. Высота фундамента — 0,8 м. В слое суглинка обнаружены фрагменты, черепицы-керамиды красной глины с невысокими бортиками, обломок черепицы с рельефным клеймом в виде лошади, фрагмент стенок оранжевоглиняных грушевидных амфор и фрагмент стенки веретенообразной красноглиняной амфоры с частым глубоким рифлением. Кроме того, в этом же слое найден фрагмент плоской ручки и часть тулова красноглиняного кувшина, покрытого с внешней стороны зеленой прозрачной поливой, а с внутренней — грязно-зеленой поливой болотистого оттенка, характерной для глазурей второй половины XIV – XVII вв. Таким образом, нижний горизонт, в который впущена кладка 4 третьего строительного периода, является наиболее древним на этом участке города и датируется временем не ранее второй половины XIV в. и не позднее XV в. Это полностью согласуется с датой на геральдической плите куртины, сооруженной при ликвидации предполья Судакской крепости и опубликованной Н. Лапиным [Лапин 1927, с. 58].

Этот слой перекрывает десятисантиметровая прослойка светлой глины, насыщенная мелким щебнем и являющаяся мусором, оставленным при возведении стены 4 первого строительного периода. Археологического материала в этой прослойке не обнаружено.

Ко второму строительному периоду относятся стены постройки, раскопанной М.А. Фронджуло в 1975 г.

К третьему строительному периоду относятся кладки 3, 6, 7. Кладка 3 сложена из сланца в той же технике, что и кладка 4. Она сохранилась на высоту лишь одного рядка лицевого панциря и прослежена в длину до 3,0 м при ширине 0,25 м. В восточной части кладка 3 примыкает к кладке 9 второго строительного периода, а в западной — уходит под углом в южную стену купольного здания (кладка 1). К тому же периоду можно отнести и параллельную ей кладку 6–7, находящуюся в 1,5 м к югу от кладки 3. Эта стена сохранилась в длину на 1 м и с востока примыкает к кладке 9. Кладки составляли единое целое с постройкой, раскопанной в 1975 г. Однако фрагментарность стен не позволяет реконструировать ее общую планировку и назначение комплекса остается в целом неясным.

Стена 9 второго строительного периода оказалась на пути сточных дождевых потоков и в течение длительного времени задерживала отмученный лессовый грунт темно-коричневого цвета. В этом слое обнаружены фрагменты разнообразной керамики, позволяющие датировать кладки стен третьего периода. Единичные находки представлены обломками черепицы-керамиды темно-красной глины с бело-

зеленым ангобом и невысокими бортиками, а также обломками стенок тонкостенных красноглиняных сосудов. Особый интерес для хронологии представляет находка венчика красноглиняного широкогорлого сосуда типа “караса” XIV в. К тому же времени относятся и фрагменты красноглиняных поливных тарелок, украшенных комбинированным врезным орнаментом (сочетание тонкой и широкой линий) с пятнами подглазурной росписи.

К четвертому строительному периоду относятся лицевой панцирь кладки 2, перекрывший кладку 3 на расстоянии 0,15 м от ее края. Она сложена в той же технике, что и предшествующие и прослежена в длину на 2,0 м. Как уже сказано выше, кладки стен первых четырех периодов перекрыты южной стеной 1 купольного здания и использовались при строительстве последнего в качестве фундаментов. Археологические материалы из связанных с ними культурных отложений, не датируя собственно ратушу, позволяют говорить, что она возведена на руинах построек, появившихся на этом участке крепости не ранее XIV в. Никаких более древних материалов при раскопках не обнаружено, что полностью исключает возможность связи купольного здания, сельджукской эпохой. Помимо раскопок у юго-восточного угла ратуши, в 1986 г. была вновь раскрыта траншея вдоль южной стены здания, заложенная М.А. Фронджуло в 1969 г. Новые раскопки были предприняты с целью обнажения фундаментов для их экстренной просушки. Археологические материалы из траншеи полностью выбраны нашим предшественником. Удалось перепроверить лишь некоторые конструктивные детали устройства михрабного выступа и подстилающих его более ранних кладок.

Михрабный выступ шириной 2,0 м имеет полуциркульную форму и выступает с внешней стороны южной стены купольного здания на 1,0 м. Он сложен из мелкого плитняка на белом известковом растворе с наполнителем из крупного песка. Оси выступа и михраба сдвинуты; с восточной стороны выступ встроен в проем обрамления резного окна с надписью 1473 г., где отчетливо видна стыковка кладок. С западной стороны михрабный выступ оказался на 0,5 м дальше наличника окна и перекрыл его, будучи пристроенным к стене ратуши без перевязи, т.е. налицо его более позднее происхождение. Основание михрабного выступа стоит на каменной прямоугольной платформе, сложенной из крупного бута на глине, т.е. в совершенно иной технике. Уровень верхнего обреза платформы соответствует уровню нижнего блока резного окна, что позволяет предполагать их конструктивную связь. С южного торца кладки, предшествующей сооружению михрабного выступа на уровне скалы были зачищены плиты отмостки. Перепад между отмосткой и выступом торца составляет 0,3 м и является, собственно, внешней частью подоконника.

Историко-архитектурный анализ конструктивных особенностей купольного здания и построек предшествующего периода, а также связанные с ними культурные отложения и археологические матери-

алы, подкрепленные латинскими лапидарными надписями, позволяют сделать некоторые выводы о хронологии комплекса и произвести реконструкцию комплекса в разные строительные периоды.

Застройка предполья генуэзской Солдаи на участке купольного здания была начата не ранее 30-х гг. XV в., что соответствует плохо сохранившейся дате на геральдической плите близ угловой башни. В 1450 г. консулом Бенедетто де Джудиче предпринимается строительство городской лоджии – “храма с аркадой”, для чего разбираются постройки над обрывом. Первоначально здание ратуши имело открытую галерею с аркадой вдоль восточной стены, из которой в присутственный зал вела парадная дверь с резным порталом и окно с резным наличником, выполненным в т.н. “сельджукском” стиле, характерным для Таврики XIV — XV вв. Появление этого стиля в Генуэзской Газарии можно связать с армянской колонизацией края и появлением здесь мастеров-резчиков, принесших с собой ранее неизвестные здесь элементы архитектурного убранства. Одновременно с порталом и окном в галерее в южной стене главного зала ратуши сооружается большое парадное окно, украшенное высокохудожественной резьбой в том же “сельджукском” стиле. Галерея и центральный зал ратуши были первоначально перекрыты коробовым сводом. Такое же перекрытие сохранилось и на хорах.

Органическое сочетание в декоре одной постройки итальянских и армяно-малоазийских элементов, прослеживаемое помимо Солдаи и на других памятниках Крыма этого времени, позволяет говорить о формировании в городах Генуэзской Газарии новой живописной и архитектурной школы, которую можно назвать крымской готикой. Новая перестройка здания ратуши датируется 1473 г. и была предпринята господином Каталано, являвшимся вероятно донатором. Он увековечил свое имя и герб без геральдического щита на карнизе резного наличника окна, установленного в 1450 г. При Каталано закладывается аркада галереи и пробиваются две новые двери, северная из которых становится парадной. На этом генуэзский этап строительства и перестройки здания ратуши был завершен.

Три других строительных периода связаны уже с турецким владычеством, когда после 1475 г. здание ратуши переосвящается в крепостную мечеть Баязида Святого. Парадное окно закладывается и в его проеме сооружается михраб. Перед главным порталом на прямоугольной каменной платформе возводится минарет, совершенно преобразивший внешний облик генуэзской постройки. Коробовое перекрытие центрального зала, характерное для понтийской и средиземноморской архитектуры XIV – XV вв., в связи с обветшалостью конструкций, было заменено уплощенным куполом, опиравшимся с внешней стороны на невысокий граненый барабан, а внутри на тромпы. В таком состоянии мечеть простояла до занятия Судакской крепости российскими войсками в 1771 г.

Литература

- Айбабина Е.А.* Оборонительные сооружения Каффы // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988.
- Баранов И.А.* Судакская “капелла”. Датировка и атрибуция // V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Ереван, 1982. с. 275–279.
- Баранов И.А.* Главные ворота средневековой Солдайи. // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988.
- Баранов И.А., Данилова С.В.* Генуезский надгробок 1384 р. з Судака // Археология. № 2. 1991. С. 145–148.
- Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК. Т. 55 - Симферополь, 1918.
- Домбровский О.И.* Фрески средневекового Крыма. К., 1966.
- Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры крымских татар // Крым. Вып. 2. М.-Л., 1927.
- Карпович Е.Ф.* Судакская капелла (история одного архитектурного памятника) // Известия Крымского отдела географического общества СССР. Вып. 1. Симферополь, 1951.
- Крамаровский М.Г.* Обрамление каффинского колодца 1331 года мастера Михаила из Падуи // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Вып. 26. Барнаул, 1992, с. 214–213.
- Кушнерев* (священник). Судакская долина и генуезская древняя капелла. Одесса, 1885 .
- Лапин Н.Ф. Судак. М., 1928.
- Лопушинская Е.И.* Крепость в Судаке. Киев, 1991.
- Мурзакевич Н.* Поездки в Феодосию, Судак и Керчь // ЗООИД. Т. VIII. Одесса, 1972.
- Опочинская А.И.* Судакская крепость // Архитектурное наследство. № 34. М., 1986. С. 261–265.
- Полканов А.* Судак (Сугдея — Сурож — Срлдайя). Симферополь, 1928.
- Путешествие по Польше и Крыму архимандрита Миная Медицы. Венеция, 1830 (на армянском яз.).
- Раунер Ю.Л.* Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Известия АН СССР. Сер. геогр. М., 1981 — № 6.
- Скржинская Е.Ч.* Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // Археология и история средневекового Крыма. М., 1958. С. 168–172.
- Тизенгаузен В.Г.* О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об одном издании описании и рисунков оных // ЗООИД. Том VIII.
- Чепурина П.* Евпаторийская ханская мечеть Джума-Джами (Хан-Джами). Евпатория, 1927.

Эвлия Челеби. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). Симферополь, 1996.

Юргевич В. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // ЗООИД. Т. V. Одесса, 1863.

Юргевич В. Донесение о поездке в Крым // ЗООИД. Т. IX. Одесса, 1875.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л., 1964.

Ackerman J.S. Palladio. Torino, 1972.

Dubois de Montperreaux. Voyage au Caucase, chez Tcherkesses et les Abkazes, en Colchide, en Armenie et Crimeé. Vol. V. Paris, 1843.

Oderico G.L. Lettere Ligustiche ossia osservazioni critiche. Bassano, 1792.

Skrzinska E.C. Inscriptioni Genovesi in Crimea // Atti della societa Liguria storia Patria. Vol. LVI. Genova, 1928.

Stringa P. Genova e la Liguria del Mediterraneo Insediamenti e cultura urbana. Genova, 1982.

“ХРАМ С АРКАДОЙ” В СУДАКЕ

Памятники мусульманской культовой архитектуры Крыма, относящиеся к золотоордынскому периоду, крайне немногочисленны. Еще более редки здания, дошедшие до наших дней в первоначальном виде. По этой причине каждый из них вызывает и будет вызывать у исследователей крымского средневековья пристальное внимание. К числу памятников, датированных временем ранее XV в. относятся: мечеть в Судаке, а также здание так называемой “мечети Узбека” в Старом Крыму.

Судакская мечеть или “храм с аркадой” является единственным средневековым зданием нефортификационного назначения, уцелевшим на территории Судакской крепости. Несмотря на редкую для памятников этого круга сохранность, до настоящего времени не сложилось единого мнения о времени его постройки и его атрибуции.

Рис. 1. “Храм с аркадой” в Судаке. Гравюра 40-х гг. XIX в. из альбома Дюбуа де Монпере.

Первым дал достаточно подробное описание памятника французский путешественник Дюбуа де Монпере (рис. 1). Ему хватило беглого осмотра памятника, чтобы прийти, исходя из общих представлений об истории полуострова, к заключению: здание построено не позднее первой половины XIV в., после утверждения на территории Золотой Орды мусульманской религии. В верности своих выводов его убеждало сходство конструкции с другими ранними мечетями Крыма. В том, что здание использовалось генуэзцами в качестве церкви, его убеждало наличие латинских надписей. Разобрать сильно забеле-

ную надпись и дату над михрабом ему не удалось, однако на блоках обрамления южного окна восточного портика он различил окончания двух строк латинского текста: "...E DEO" и "...[SOLDA]YA". Рядом с входом он видел закладную плиту, размещенную здесь позднее, происхождение которой ему осталось не известно, со сбитым родовым именем и гербом: MCCCCL DIE PRIMA JUNII TPRE REGIMINIS EGREGII VIRI DNI BENEDICTI DE...CONSULIS ET CASTELANI SOLD [Montpéreus 1846, s. 112–114].

В 1863 г. В.Н. Юргевичем был прочитан текст уже расчищенной к тому времени, надписи после чего не осталось сомнений, что генуэзцы использовали здание в своих целях. Тем не менее, это обстоятельство долгое время не давало повода пересматривать выводы Дюбуа де Монпере относительно происхождения сооружения.

Н.Н. Мурзакевич, изучавший здание и надпись над михрабом в 60-е гг. XIX в., считал купольное здание генуэзской католической церковью, перестроенной турками-османами в мечеть [Мурзакевич 1872].

Рис. 2. "Храм с аркадой" в Судак. Вид с северо-востока. Акварель 1881 г.

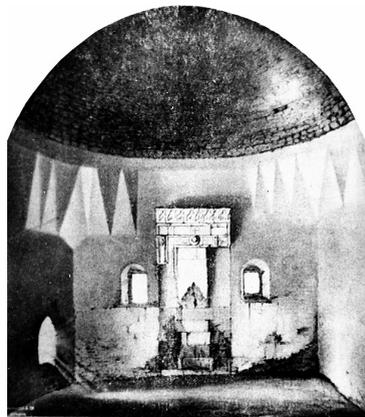

Рис. 3. "Храм с аркадой" в Судак. Интерьер. Акварель 1881 г.

В 1882–1883 гг. здание "храма с аркадой", долгое время использовавшееся как загон для скота, было реставрировано и освящено. До 1926 г. в его помещении располагался армяно-католический собор. Во время реконструкции некоторые детали интерьера были восстановлены произвольно или же сильно искажены (рис. 2). Нижняя часть сильно поврежденного михраба была дополнена блоками копсельского песчаника (рис. 3). Орнамент до половины высоты был восстановлен гипсовыми слепками по сохранившимся фрагментам. По причине сильных утрат даже михрабная ниша, после произвольной реставрации, стала на несколько десятков сантиметров шире. Трещины и утраченные фрагменты блоков, на которых была вырезана латинская строительная надпись, были тщательно заштукатурены, а сама надпись была прорисована позолотой. Купольный портик у восточной стены здания был превращен в замкнутое помещение с коробовым

сводом. Для доступа в него северное окно в восточной стене основного помещения было перерублено в дверь. При этом был почти полностью уничтожен орнамент наружного обрамления окна, от которого сохранился только северный вертикальный блок с орнаментом в виде косички (рис. 3 к статье И.А. Баранова в наст. сб.). Минарет, разрушенный еще в конце XVIII в., был заменен металлической колокольной (рис. 1 к статье О.И. Домбровского в наст. сб.). Между столбами внутренней аркады и северной стеной — там где позволяла высота — были сооружены деревянные хоры (рис. 4) [Кушнерев 1885].

Рис. 4. "Храм с аркадой" в Судаке. Интерьер. Фото 20-х гг. XX в.

Точку зрения Дюбуа де Монпере поддержал в 1918 г. А.Л. Бертье-Делагард [1918, с. 20–23, примеч.], в отличие от большинства других исследователей, хорошо знавший предмет дискуссии. В отличии от предшественника, татар или точнее сказать золотоордынскую администрацию Судака он считал только заказчиками мечети. План судакской мечети был им сопоставлен с планом Ешиль-Джами в Изнике (1373–78 гг.). Аналогии растительным мотивам были найдены им в постройках того же времени в Бруссе. А.Л. Бертье-Делагард обратил внимание на незаконченный характер каменной резьбы на капителях столбов, михрабе, обрамлении дверного проема и оконных наличников судакской мечети. На основании этих фактов он предположил, что здание мечети по каким-то причинам не было достроено. Исходя из предположительной датировки здания третьей четвертью XIV в., сам собой напрашивался вывод, что этим событием был захват Судака генуэзцами в 1365 г.

Вызывала естественное недоумение датировка генуэзской строительной надписи над михрабом мечети, в которой разным исследователям виделся 1422 г. [Skrzinska E. 1928, p. 122–123, № 51], 1423 г.

[Юргевич 1863, с. 174], 1424 г. Слишком невероятным казался тот факт, что почти полностью законченное здание простояло неиспользованным более пятидесяти лет. Это недоразумение, как оказалось, было основано исключительно на неправильном прочтении даты, после 1475 г. густо замазанной известью и штукатуркой. Ошибочная датировка попала и в свод латинских надписей Крыма Е.Ч. Скржинской, опубликованный в 1928 г.

Уже в 1935 г. Н.Ф. Лапин — автор одного из первых путеводителей по Судакской крепости [Лапин 1927], после тщательного исследования надписи пришел к иному выводу. По его мнению, видимые над михрабом цифры — МСССЦХХІІІ могли соответствовать только двум вариантам даты, исполненной лапидарным готическим шрифтом: МСССCLXXIII (1473 г.) или МСССCLXXIII (1373 г.). К сожалению, эти наблюдения не нашли отражения в литературе и сохранились только в рукописных записях и черновых набросках в архиве Судакского музея. Последняя датировка была отмечена в небольшой послевоенной заметке Е.Ф. Карповича [1951, с. 121].

Во второй половине 20-х гг. XX в. в Крыму активно развернулись исследования памятников золотоордынского периода (в Бахчисарае, Старом Крыму, Чуфут-Кале). Ряд исследователей на страницах печати выступил с аналитическими статьями по раннему периоду мусульманской архитектуры Крыма. Не выпала из поля зрения и судакская мечеть. Б.Н. Засыпкин, сопоставив планы старокрымской Куршум-Джами и мечети в Судак, высказался в пользу их конструктивного и хронологического соответствия. Определяя точную датировку памятников, он основывался исключительно на крымском материале и отнес постройку к концу XIII — началу XIV вв., исходя скорее из общей теории проникновения сельджукских элементов в крымскую архитектуру, нежели из подробного анализа конкретных памятников [Засыпкин 1927, с. 133–139].

Наиболее популярную сейчас, но слабо аргументированную гипотезу об обстоятельствах постройки судакской мечети предложил в 1928 г. А.Ю. Якубовский [1928, с. 75]. Принимая во внимание то, что здание судакской мечети носит явные черты сельджукской архитектуры, он счел возможным, связать данные рассказа сельджукского историка ибн-ал-Биби о постройке мечети в Судак во время похода сельджуков на город в первой четверти XIII в., с "храмом с аркадой". А.Ю. Якубовский высказал это предположение чрезвычайно осторожно, подчеркнув, что окончательное решение этого вопроса возможно только после тщательного исследования памятника. Однако это допущение в краеведческой литературе быстро приобрело вид непререкаемой аксиомы, без какой бы то ни было дополнительной аргументации.

Достаточно редко, опять же в краеведческой литературе, встречается мнение о том, что здание было якобы перестроено из православного греческого храма.¹ Оно основано на замечании того же А.Ю. Яку-

¹ Впервые была озвучена А. Полкановым [1926, с. 36].

бовского, считавшего, что сельджуки за две недели не могли возвести здания мечети, и вероятнее всего, перестроили его из какого то христианского храма [Якубовский 1926 с. 75, примеч.]. Архитектурно-археологические исследования “храма с аркадой” 50–70-х гг. XX в. не подтвердили этого явно ошибочного положения.

Еще более оригинальную гипотезу о первоначальной принадлежности постройки предложил в 1966 г. О.И. Домбровский (1966, с. 70–74). Им были исследованы остатки живописи генуэзского периода, открытые при случайных обстоятельствах на стенах мечети в 1958 г. Роспись покрывала наиболее ранний слой штукатурки, и это стало главным аргументом в пользу того, что строительство здания относится к генуэзскому периоду. Первоначально здание судакской мечети, по мнению О.И. Домбровского, выполняло функции административного центра генуэзской коммуны Солдаи. Кроме того, он считал, что “гордая консульская надпись с гербами не могла быть допустима над алтарем какого бы то ни было храма”.

Мнение О.И. Домбровского, на наш взгляд, ошибочно. Надпись судакской мечети нельзя назвать ни “гордой”, ни “консульской”, поскольку в ней отсутствует имя заказчика и должность. В данном случае мы имеем дело с донаторской надписью, хотя и не лишенной официальной символики. В храмах Западной Европы донаторские надписи с геральдическими символами можно встретить в самых неожиданных местах: над отдельными сюжетами стеной росписи, на оборотных сторонах икон.

В дальнейшем гипотезу О.И. Домбровского развил И.А. Баранов, исследовавший судакское городище в 1977–2000 гг. [Баранов 1982, с. 275–276]. Он, справедливо отвергая предположение А.Ю. Якубовского, считал, что здание изначально являлось лоджией коммуны генуэзской Солдаи.² При этом им предлагалась своеобразная реконструкция первоначального интерьера и экстерьера постройки. Следуя мнению О.И. Домбровского, он считал, что первоначально внутреннее обрамление михраба судакской мечети являлось обрамлением консульского парадного входа или окна, а михрабный выступ у южной стены мечети был пристроен позднее, уже в турецкий период, и в первоначальной конструкции отсутствовал.

Остается непонятным, почему резьбой было покрыто именно внутреннее обрамление входа, а не наружное, как и во всех других культовых сооружениях той эпохи? Как показали исследования 1969–76 гг., перепад высоты между уровнем пола у михраба и уровнем фундамента михрабного выступа, установленного непосредственно на

² Некоторые данные о лоджии Солдаи содержатся в Уставе генуэзских колоний 1449 г. В частности, в нем предполагается ежегодное выделение средств на дрова, предназначенные для отопления здания лоджии [Юргевич 1863, с.782]. Археологические исследования не выявили даже намека на какое-либо отопительное сооружение в судакской мечети. Вероятно, подлинное здание лоджии Солдаи находилось в другом месте. Логичнее было бы его разместить на главной городской площади, в центре города.

скалу, составляет не менее 1,25 м, а это значит, что никакого входа (тем более парадного) здесь не могло существовать.

Шахта минарета, по мнению И.А. Баранова, являлась выходом на хоры, размещавшиеся над капителями внутреннего притвора (рис. 4). На самом деле, свободно перемещаться по таким хорам можно было только на пространстве между столбами. Именно здесь после реставрации 1882–83 гг. был расположен балкон, подняться на который можно было по деревянной лестнице. Верхний обрез входного проема шахты минарета лишь на несколько десятков сантиметров выше уровня пола предполагаемых хор, что полностью исключает возможность их существования в первоначальной постройке.

В целом, он заключал, что судакская "мечеть" была типичным произведением итальянского Возрождения в "местном" крымском исполнении.

И.А. Баранов утверждал, что минарет "храма с аркадой" был установлен на особую платформу. Данное замечание справедливо только лишь в отношении крымско-татарских мечетей XVI—XVIII вв. Для крымских памятников XIV в. отдельно стоящие минареты не зафиксированы. За фундамент минарета он принимал каменную платформу у северо-восточного угла мечети, возведенную практически от основания во время реставрации 1881 г. На наш взгляд, эта платформа в действительности могла служить только основанием лестницы к входной двери здания.

Заканчивая этот краткий историографический обзор, нельзя не упомянуть статьи В.А. Сидоренко, увидевшей свет в 1988 г. [1988, с. 119-120]. В ней автор в целом, не отрицая принадлежности судакской мечети общему стилю мусульманской архитектуры XIV в., подвергает сомнению автохтонность некоторых декоративных элементов. В частности, следуя версии О.И. Домбровского и И.А. Баранова, он считает обрамление михраба входным порталом генуэзского времени, с тем лишь отличием, что, по его мнению, он был перенесен в судакскую мечеть во время реконструкции здания после 1475 г. Входной портал здания он считал поздним примитивным дополнением. В дальнейшем будет показано, что большинство подобных недоразумений и необоснованных догадок имеют основание исключительно в недостаточном знакомстве авторов с конкретной архитектурно-археологической ситуацией, наблюдаемой на памятнике.

Описание памятника. Судакская мечеть расположена в крайней восточной части городища средневекового Судака. Материковая скала, на которую установлены все фундаменты, круто понижается к северу и к востоку (перепад высот в пределах периметра здания составляет более 2 м). Основная часть здания имеет прямоугольный план (14,65×10,91 м, при ширине стен 1,14 м). Помещение разделено трехпролетной аркадой на две части. Основная часть — квадратное в плане помещение (8,87×8,87 м). Оно перекрыто сферическим куполом, установленным на т.н. гофрированных тропях, переводящих четверик к восьмерику, который, в свою очередь, плавно переходит в купол. Северная часть (2,84×8,87 м), в литературе обычно называемая "внутренним притвором", перекрыта трехчастным коробовым сводом раз-

ной высоты. Минарет находился в северо-восточном углу здания, и кладка его основания непосредственно связана с кладкой стен. Вход в минарет сверху имеет профилированное перекрытие (рис. 5).

Кладка наружных панцирей стен неоднородна. Южная и западная стены сложены из разномерного бутового песчаника. Наибольший интерес представляет собой кладка северной стены, очевидно, изначально предназначенная для всеобщего обзора, поскольку перед ней находится большая выровненная площадка. Углы сложены рустованными блоками копсельского песчаника. Фундаменты стены — плоскими камнями меганомского песчаника. Выше кладка выполнена из прямоугольных обработанных блоков копсельского песчаника, среди которых встречаются христианские надгробия со сбитыми рельефными изображениями крестов в круге, выполненные в циркульной технике. Этот материал, по всей видимости, происходит из какой-то разобранной перед строительством постройки, возможно — христианского храма. В этом нас убеждают находки блоков с фресковой росписью в кладке подпорных стен у восточной стены “храма с аркадой”, обнаруженные М.А. Фронджуло в 1975 г. На уровне верхнего яруса окон кладка постепенно вновь становится бутовой. Это создает впечатление, что эта стена постройки подвергалась ремонту. Кладка восточной стены, видимая снаружи (от северного угла до пилона портика) сложена в подобной же манере. Внутренняя поверхность стен повсеместно, насколько позволяют судить открытые участки и архитектурные зондажи, сложена бутовой кладкой и изначально не предназначалась для обзора.

Вход в здание находится в восточной стене постройки — к югу от пилястры внутренней аркады. Пространство перед входом в здание перекрыто купольной сенью. Купол опирается помимо стен основного помещения на квадратный столб и пилон портика, перевязанный кладкой с основной конструкцией. К моменту посещения Судака Дюбуа де Монпере и до 1883 г. данная конструкция находилась в полуразрушенном состоянии, но при реставрации была восстановлена вполне достоверно.

К юго-восточной стене в настоящее время примыкает прямоугольное помещение, соединенное дверным проемом с основным зданием. На основании изобразительных материалов середины XIX в. и результатов архитектурно-археологических исследований, можно заключить, что нынешний вид помещения приобрело со времени реставрации 1881–83 гг.

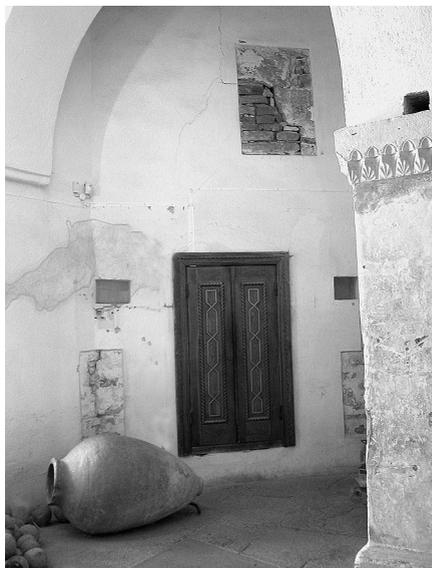

Рис. 5. "Храм с аркадой" в Судакe. Вход в минарет (современное состояние).

Рис. 6. "Храм с аркадой" в Судак. Вид с севера.

Рис. 7. "Храм с аркадой" в Судак. Вид с северо-востока.

Рис. 8. "Храм с аркадой" в Судак. Вид с юга.

Рис. 9. "Храм с аркадой" в Судак. Вид с запада.

Рис. 10. "Храм с аркадой" в Судак. Входной портал.

Стены основного помещения прорезаны восемью оконными проемами. Четыре из них находятся в северной стене и расположены в два ряда, один над другим, но не симметрично. Облицовка оконных проемов выполнена из обработанных блоков нуммулитового известняка, без элементов каменной резьбы. Два окна находятся на равном расстоянии, по сторонам михраба в южной стене. Еще два окна расположены в восточной стене и открываются в юго-восточный "притвор" мечети. Нуммулитовые блоки облицовки снаружи украшены двухполосным резным орнаментом в виде переплетающихся многожильных полос. Южное окно во время рестав-

рации 1881–83 гг. было перерублено до размеров дверного проема, причем была повреждена резьба обрамления.³

Декоративные элементы. Кроме оконных проемов в восточной стене резным орнаментом были украшены капители столбов в северной части основного помещения и обрамление михрабной ниши. Нижние ребра капителей, выступающие за периметр столбов, украшены наклонными стилизованными лепестками лотоса. Орнамент на боковых гранях оказался закончен только на одной из восьми капителей, на что указывал еще А.Л. Бертье-Делагард.

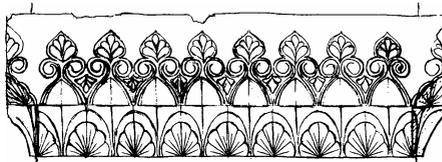

Рис. 11. Орнамент капители.

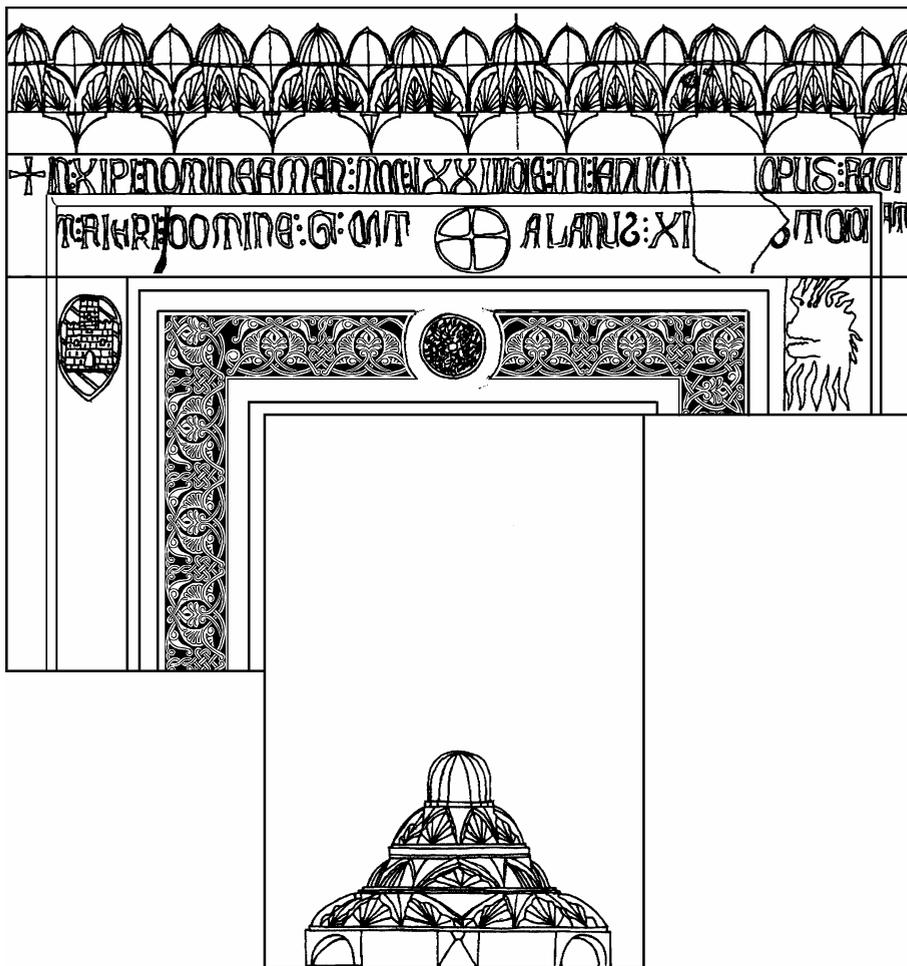

Рис. 12. Прорисовка резьбы михраба.

³ См. репродукции акварелей 1882 г. [I monumenti genovesi 1913, p. 220, 222].

Резной орнамент на михрабе сохранился только в его верхней части. На гравюрах и акварельных зарисовках XIX в. ясно видно, что к тому моменту сохранилась только верхняя часть михраба, а нижняя была разрушена. Очевидно, это произошло в период, когда здание мечети использовалось в качестве загона для скота (с первой четверти XIX в. до 1881 г.).⁴ Во время реставрации 1882–83 гг. отсутствовавшие блоки нижней части обрамления михраба (примерно 1/3 высоты от пола) были заменены обычной кладкой и закрыты алтарем, что зафиксировано на фотографиях интерьера армяно-католического собора конца XIX — 20 гг. XX вв. К сохранившимся резным блокам обрамления снизу были прибавлены несколько новых. На этих блоках орнамент был продолжен, по аналогии с сохранившимися фрагментами.

К концу 50-х гг. XX в. практически со всего михраба отстала побелка, которой он был покрыт во время реставрации 1882–83 гг. Благодаря этому стала очевидной разница в характере материала, использованного в средневековье и в XIX в. Верхняя часть обрамления, центральное поле и сталактитовый свод ниши михраба были выполнены из нуммулитового известняка, а позднейшие добавления были изготовлены из местного, копсельского песчаника.⁵

Михрабная ниша оформлена в виде сталактитового полу свода. Верхняя часть внешнего прямоугольного обрамления украшена нависающим сталактитовым карнизом. Само обрамление разделено на три ступенчатых полосы, из которых внутренняя обрамлена с обеих сторон полукруглыми валиками. Именно в этой зоне сохранилась прекрасная резная полоса, состоящая из стилизованных переплетающихся стеблей и листьев лотоса. В середине верхней части этой полосы имеется полусферический выступ, также оформленный резными переплетающимися линиями.

Рис. 13. Отслаивание гипсовой отливки 1882 г. в нижней части обрамления михраба.

⁴ См. репродукцию акварели 1881 г. с видом полуразрушенного михраба [monumenti genovesi 1913, p. 222].

⁵ К сожалению, это обстоятельство ускользнуло от внимания исследователей, предполагавших наличие входного портала вместо михраба в генуэзский период и что само собой породило массу недоразумений, бытовавших несколько десятилетий в научной литературе.

Под сталактитовым карнизом на известняковых блоках обрамления вырезана латинская строительная надпись:

**+ IN XIPI NOMINE AMEN MCCC LXXIII DIE III IANUAR[II НОС] OPUS FECI
T FIERI DOMINE G C + ATALANUS XI[PI CU]STODIAT**

Во имя Христа. Аминь. 1373, дня 4 января. Это сооружение повелел возвести, Господи, Г. Каталани. Христос, сохрани.

Буквы надписи вырезаны обычным лапидарным латинским шрифтом XIII — XIV вв. Пропуски между словами отмечены тремя точками, расположенными в ряд, вертикально. Первая строка размещена во всю высоту полосы обрамления, под блоками карниза. Столь узкое пространство, ограниченное сверху швом между блоками, а снизу — ступенькой, несколько исказило написание отдельных знаков. В частности, во второй части даты нижняя гаста в букве **L** совпала с ребром ступени, а четыре дуговидные черты в первой части, по той же причине, не соединялись друг с другом и поэтому воспринимались предыдущими исследователями как цифра, обозначающая четыре сотни: **CCCC**. Однако при написании отдельной **C** оба конца буквы, в лапидарном шрифте и других фрагментах надписи, справа соединяются дугой. В данном случае именно такая дуга в комбинированном знаке трех сотен и воспринималась как знак четвертой. Подобное искажение в условиях дефицита пространства для резьбы вполне объяснимо. Более же всего затрудняла прочтение надписи прорисовка золотой краской, сделанная во время реставрации 1882–83 гг.

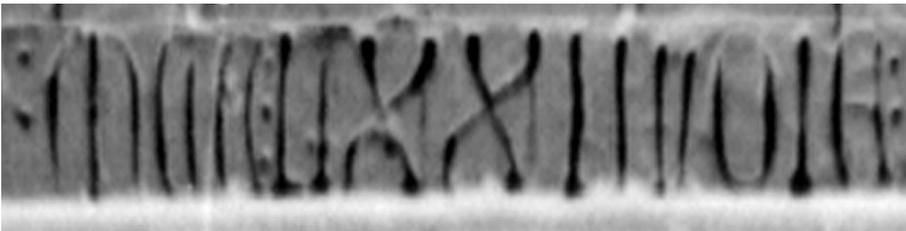

Рис. 14. Дата строительной надписи в верхней части михраба.

Вторая строка посередине разорвана рельефным изображением креста в круге, который чаще всего интерпретируется как герб Генуи. Под надписью расположены еще два герба. Слева на щите с косой штриховкой — изображение трехбашенного замка с воротами, который, вероятно не без основания, по аналогии с подобным изображением на каффинских аспрах и фоллери первой половины XV в., считают гербом Каффы. Справа — герб в виде стилизованной львиной морды.

Большинство предыдущих исследователей считало, что наружный дверной наличник Судакской мечети, сохранившийся до наших дней, заменил более ранний резной портал, как минимум, в период господства в Судаке турок-османов. Высказывалось предположение, что деталью первоначального дверного обрамления является блок с резным орнаментом, вмонтированный в настоящее время в кладку фонтана в 100 м к северу от ворот Судакской крепости. Однако подоб-

ные предположения, по меньшей мере, слишком смелы. В немалом по меркам Причерноморья средневековом городе было наверняка достаточно зданий, украшенных каменной резьбой, к тому же, следов перестроек в кладке привходной части не наблюдается. На блоках же входного наличника, в нижней части все же сохранились подготовительные орнаментальные штрихи в виде сталактитовых лепестков, вероятно сделанных еще перед установкой блоков на место. Причина того, что не была закончена орнаментация дверного обрамления, капителей, оконных наличников и михраба, очевидно — одна и та же.

Роспись. Как уже упоминалось, в 1958 г. при случайных обстоятельствах на стенах мечети были открыты фрагменты росписи. Все они зафиксированы на столбах и пилястрах внутренней аркады здания. На западной пилястре находится верхняя часть человеческой фигуры, с головой, покрытой мафорием. О.И. Домбровский видел в этой фигуре св. Николая епископа Мирликийского. Однако, в западноевропейской монументальной живописи XIV — XV вв. было принято изображать св. Николая в епископском облачении и уж во всяком случае, не в монашеском мафории. На наш взгляд, в настоящий момент нет никаких оснований каким-либо образом интерпретировать данное изображение. На капители пилястры сохранились слабые следы латинской надписи красной краской, при обычном свете нечитаемой. Выше надписи в трех круглых медальонах находятся три герба. Из них удовлетворительно сохранился только левый, выполненный в виде щита с несколькими горизонтальными полосами. На среднем гербе с трудом просматриваются силуэты двух башен.

Незначительные остатки росписи прослеживаются на столбах. По этим фрагментам можно заключить, что на гранях столбов и пилястрах в древности были изображены фигуры святых с нимбами в полный рост. Остатки живописи зафиксированы на тонком слое штукатурки, уложенной на хорошо обработанные блоки копсельского песчаника. Из этого материала изготовлены только столбы, пилястры и арки. В кладке стен здания использован необработанный меганомский песчаник. Живопись была перекрыта двумя слоями известковой штукатурки. Очевидно, живопись покрывала все стены здания. В период восстановления мечети после 1475 г. штукатурку с росписями сняли. Первоначальную штукатурку не смогли снять только с блоков капсельского песчаника, из-за фактуры которого она была практически неотделима от него.

Археологические исследования. Исследования мечети было впервые произведены в 1927 г. А.А. Фоминым. Изучалась территория к югу от здания. Во время работ были обнаружены фрагменты изразцов, которые, по мнению У. Боданинского, могли предназначаться для облицовки интерьера мечети [Фомин 1927, с. 17].

В 1969 г., в связи с предполагавшимися реставрационными работами, было решено исследовать фундаменты мечети внутри здания. Работами Судакского отряда Крымской археологической экспедиции (под руководством М.А. Фронджуло) был раскрыт практически полностью периметр фундаментов внутри основного помещения и в "при-

творе”. Исследования сразу дали однозначные результаты. Фундаменты основного помещения оказались возведены единовременно и следы каких-либо перестроек в них не были зафиксированы.

В процессе раскопок в северной части здания стало очевидным, что после сооружения фундамента постройки строителями была произведена единовременная засыпка грунта внутри периметра стен до уровня предполагавшегося пола. После того как грунт осел, его уровень опять был поднят до необходимой отметки. Очевидно, только после этого началось возведение стен и столбов. Вдоль северной части периметра фундамента был уложен противосейсмический пояс, состоявший из дубовых брусьев сечением 0,15×0,15 м. На месте предполагавшихся столбов до поверхности материка были вырыты две фундаментные ямы. Фундаменты были сложены из необработанного камня, тщательно залитого известковым раствором. Под кладку столбов были уложены плоские необработанные плитки песчаника, которые фиксируют уровень первоначального каменного пола мечети.

В результате тщательной расчистки выяснилось, что фундамент минарета в северо-восточном углу здания сложен в перевязь с фундаментом стен мечети. Перевязь выявлена на всю высоту открытой части кладки стены минарета (2,75 м от материковой скалы).

Исследование фундаментов мечети в “притворе” показало, что помещение во время реставрации 1882–83 гг. было восстановлено совершенно произвольно. Стало ясно, что фундаменты северной (сохранившейся в первоначальном виде) и южной стены по своим размерам совпадают, а фундамент под восточной стеной уже.

Судя по наличию во внешнем и внутреннем фасаде восточной стены “притвора” следов арки, опирающейся на северную стену, можно обоснованно предполагать, что на месте восточной стены “притвора” первоначального здания находилась двухпролетная аркада. Перекрытие этой галереи, вероятно, состояло из двух куполов, на что, по нашему мнению, указывают изображения мечети, сделанные до реставрации 1882–83 гг.⁶

В 1975–76 гг. были произведены исследования внешних фундаментов мечети у юго-восточного угла здания. Раскопками были открыты фундаменты помещения, перевязанные с фундаментами самой мечети и, без сомнения, одновременные им. Пространство между фундаментами постройки было тщательно вымощено плитками песчаника на гидроизолирующем растворе. С восточной стороны фундаментов был расчищен водоотвод, а при раскопках были обнаружены многочисленные фрагменты водопроводных труб. Эти факты дают основание предполагать, что в пределах открытых фундаментов находилась площадка с фонтаном. Соседство ее с галереей, отделенной от входа в здание сплошной стеной, на наш взгляд свидетельствует в пользу того, что данный элемент архитектурного комплекса мечети предназначался для ритуального омовения ног перед входом в мечеть.

⁶ См. репродукцию акварели А. Романовского 1881 г. с видом разрушенной галереи [I monumenti genovesi 1913, p. 220].

Столь характерные черты мусульманской культовой архитектуры и аналогии второй четверти XIV в. не оставляют сомнения, что постройку начинали возводить как мечеть. Однако, как справедливо заметил А.Л. Бертье-Делагард, на последнем этапе строительство мечети было по каким-то причинам прекращено. Причиной остановки строительства мечети стал захват Судака генуэзцами. Через 7 лет после захвата города, в 1373 г. новые хозяева города обратили недостроенное здание мечети в католическую церковь, оштукатурив стены внутри и покрыв их росписями с изображениями христианских святых. Над михрабом появилась латинская строительная надпись, в которой говорилось об окончании каких-то работ в здании (вероятно, эти работы ограничились штукатуркой, росписью интерьера).⁷ В качестве заказчика этих работ в надписи значится некто Г. Каталани. Очевидно, это лицо не было представителем генуэзской администрации города, иначе в надписи была бы обязательно упомянута его должность. Даже вместо его полного имени в надписи оставлена только заглавная буква. Подчеркнуто уничижительное отношение к себе в подписях характерно было для представителей не светской, а церковной администрации.

Род Каталани, из которого происходил заказчик, северо-испанского происхождения. В период позднего средневековья в южной Франции проживало немало выходцев из Каталонии. Особенно часто фамилия Каталани встречалась в районе города Кагор, из которого происходил римский понтифик Иоанн XXII (1316–1334 гг.). Как известно, этот местоблюститель престола св. Петра никогда не забывал о своих земляках. В 1328 г. один из представителей рода Каталани, родившийся в городке Северак недалеко от Кагора, — доминиканский монах Журден ди Северак ди Каталани был назначен Иоанном XXII епископом индийского города Куилона. За свою жизнь Журден ди Каталани побывал в странах Востока трижды, в третий раз уже в сане епископа. По поручению Иоанна XXII, им было написано географическое описание своих путешествий в Иран и Индию — "Описание чудес" [После Марко Поло 1968, с. 97-109].

Сохранилось также письмо, направленное Иоанном XXII золотоордынскому хану Узбеку. В нем римский папа сожалеет о притеснениях татарской администрацией христиан в Солдае и просит вернуть им отобранные у них храмы.⁸

На заре истории ордена активную миссионерскую работу в странах Востока вели и представители францисканцев. После длительного кризиса в ордене второй половины XIII — начала XIV вв., им пришлось сдать некоторые свои позиции на Востоке. В 1318 г. Иоанн XXII разделил сферы миссионерских приоритетов между францисканским и доминиканским орденами. Францисканцы потеряли основанный ими диоцез

⁷ Фраза донаторской надписи — *hoc opus fecit fieri* совершенно не обязательно должна означать, что идет речь о постройке всего здания.

⁸ Νυσταζοροῦλου Μ. Ν. ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ Πόλις Σουδαία... р. 45.

“Восточной Татарии”, но их приоритет признавался в пределах Аквилонского викариата, куда входили кустодии Газарии, Сарая и “Катай” [После Марко Поло 1968, с. 98–99]. Известно, что францисканский монастырь в Судаке был основан задолго до того, как городом овладели генуэзцы — около середины XIII в. [Книга путешествий 1940, с. 5]. Нет ничего удивительного, что после вхождения Солдаи в состав генуэзской “Imperii Gazarii” деятельность францисканцев в городе активизировалась, тем более, что ключевые должности в ордене занимали именно генуэзцы.

Миссионерская деятельность в странах Востока была тесно связана с торговлей, осуществляемой итальянскими купцами, преимущественно генуэзцами, имевшими тесные деловые отношения с папской курией. В путешествиях Журдена ди Каталани сопровождали, чаще всего, именно генуэзские купцы. Католические миссионеры конца XIII — нач. XIV вв. были своего рода первопроходцами, составлявшими подробные географические описания восточных стран, предназначенные для коммерсантов.

Рис. 15. “Храм с аркадой” в Судаке. Фото конца XIX в.

Представитель рода Каталани, упомянутый в надписи на михрабе судакской мечети, был, вероятно, также монахом. А здание, в котором теперь находится музей, являлось храмом основанного им монастыря. На то, что в районе судакской мечети существовал монастырь, кроме косвенных данных, представленных выше, свидетельствует тот факт, что территория, где расположен памятник, находилась до 1409 г. за пределами основной части города. Территория монастыря была обнесена отдельной каменной крепостной стеной, которую фланкировали с севера две башни, одна из которых была возведена в 1404 г. консулом Солдаи Коррадо Чигала. Из других сооружений монастыря следует упомянуть большое квадратное здание к северу от храма, раскопанное в 1970 г., а также большую цистерну между ними.

В данном случае мы имеем единственное материальное свидетельство деятельности католических миссионерских орденов в бассейне Черного моря. Вообще архитектурных объектов, которые можно было бы связать с католической иерархией, насчитывается, включая "судакскую мечеть", три. Это храм в центральной части Судакского городища и Гостевая церковь в Азаке. Вероятно, "меньшие братья" заняли в католической общине города главенствующее положение. Во всяком случае, в 1429 г. епископ Солдаи Лудовико жаловался римскому папе и властям Генуи на то, что братья францисканцы незаконно захватили кафедральный собор Солдаи [Карпов 1998, с. 17–18].

Литература

- Баранов И.А.* Судакская "капелла". Датировка и атрибуция // V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении. Ереван, 1982.
- Бертъе-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК. Вып. 55. 1918.
- Засыпкин Б.Н.* Памятники архитектуры крымских татар // Крым. № 2 (4). 1927.
- Карпов С.П.* Регесты документов фонда *Diversorum Filze* секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. 1998. С. 17-18.
- Карпович Е.Ф.* Судакская капелла // Известия Крымского отдела географического общества Союза ССР. Вып. 1. 1951
- Книга путешествий Марко Поло (перевод Минаева). Л., 1940, с. 5.
- Кушнерев* свящ. Судакская долина и вновь освященная генуэзская древняя капелла. Феодосия, 1885.
- Мурзакевич Н.* Поездки в Феодосию, Судак и Керчь // ЗООИД. Т. VIII. Одесса, 1872.
- После Марко Поло.* Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий (перевод, предисловие и примечания Я.М. Света). М., 1968.
- Сидоренко В.А.* Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988. С. 119-120.
- Фомин А.А.* Обзор предварительных разведочных работ в Судакѣ // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927. С. 17.
- Юргевич В.Н.* Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. Т. V. 1863.
- Юргевич В.Н.* Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // ЗООИД. Т. V. 1863.
- I monumenti genovesi in Crimea. Soldaia // La Liguria Illustrata. № IV. 1913. P. 220, 222.
- Νυσταζορουλου Μ.Η.* ἐν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ Πόλις Σουδαία... p. 45.

ИСТОРИЯ И МЕТОДИКА РАСКОПОК АНТИЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Некрополь Херсонеса, как, впрочем, и других центров Северного Причерноморья и Средиземноморья, является важным источником для изучения всех без исключения сторон жизни его населения и основных тенденций культурного развития. Но анализ и публикация материала, полученного в ходе раскопок это только первый этап работы, который позволяет перейти к интерпретации материала и использованию его для изучения различных аспектов, связанных с материальной культурой, основными направлениями экономических и этнокультурных связей, духовной жизнью, верованиями, этническим и социальным составом населения. Именно это является конечной целью всякого историко-археологического исследования. Но такая работа невозможна без четкого представления о том, что уже сделано, и на какие проблемы следует обратить первостепенное внимание в будущем.

Автор более четверти века тому назад уже касался истории раскопок античного некрополя Херсонеса [Зубарь 1978, с. 50–59]. Однако за прошедшее время был накоплен новый фактический материал и опубликован целый ряд работ, которые во многом по-новому позволяют рассматривать не только историю раскопок, но и значительно дополняют имеющиеся данные о некрополе Херсонеса. Поэтому необходимо попытаться оценить, что сделано в этом направлении к началу XXI в., а что еще предстоит сделать, так как от этого в конечном счете зависит решения целого комплекса проблем, связанных с историей и культурой этого центра.

Рис. 1. Академик Петр-Симон Паллас (1741–1811 гг.).

Рис. 2. Натуралист и археолог Франсуа Дюбуа де Монпере (1798–1850 гг.) (по И.В. Тункиной).

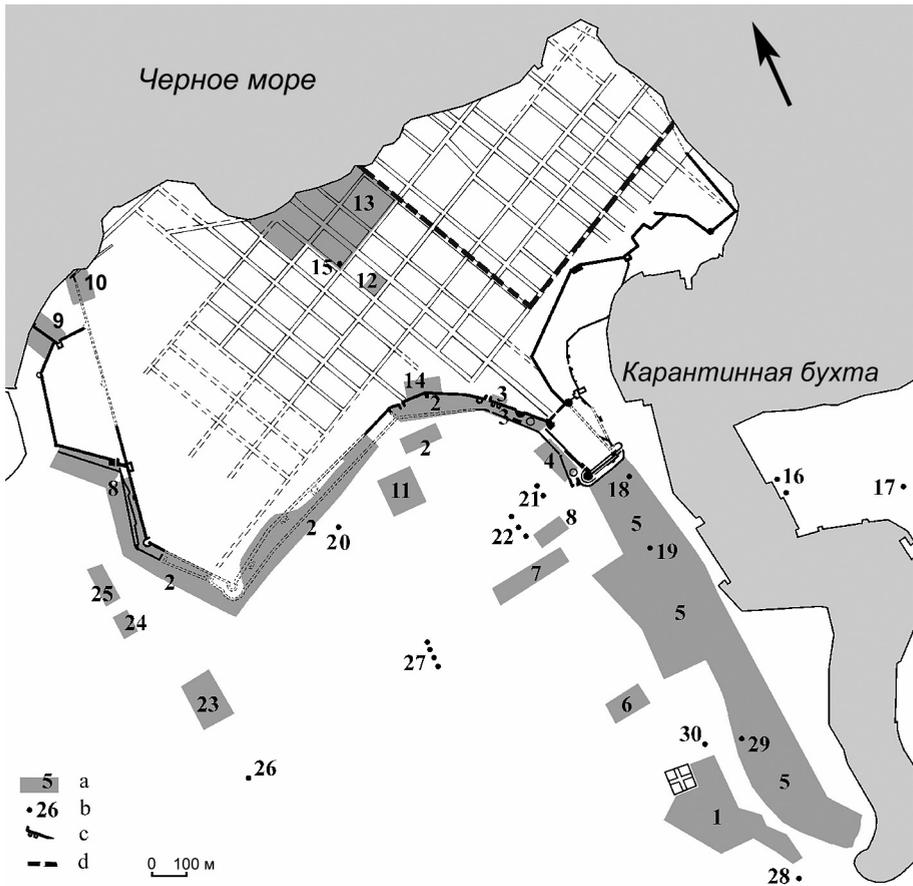

Рис. 3. Схематический план некрополя Херсонеса с указанием годов раскопок:

a — раскопанные участки некрополя; b — отдельные погребальные сооружения; c — оборонительные стены; d — предполагаемая граница раннего греческого поселения. 1 — участок некрополя у Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской (раскопки 1846, 1847, 1853, 1902–1907, 1953 гг.); 2 — участок некрополя у южных оборонительных стен (раскопки 1891–1896, 1898, 1903, 1904 гг.); 3 — участок некрополя у городских ворот в юго-восточной части города (раскопки 1899 гг.); 4 — участок некрополя в периболе у 19 куртины. Раскопки 1900, 1955, 1958 гг.; 5 — участок некрополя на западном берегу Карантинной бухты (раскопки 1896, 1897, 1901, 1902, 1905, 1907–1911, 1913, 1914, 1993 гг.); 6 — участок некрополя на восточном склоне Девичьей горы (раскопки 1890, 1891, 1905 гг.); 7 — участок некрополя на месте офицерских флигелей (раскопки 1908–1912 гг.); 8 — участок некрополя за западными оборонительными стенами (раскопки 1907, 1910, 1913, 1914 гг.); 8 — участок некрополя на месте жилого дома (раскопки 1937 г.); 9 — участок некрополя у 1 куртины оборонительных стен (раскопки 1891, 1901, 1948, 1959, 1968 гг.); 10 — участок некрополя в северо-западной части Херсонесского городища (раскопки 1959–1961, 1963 гг.); 11 — участок некрополя на склоне Карантинной балки (раскопки 1907, 1908, 1914 гг.); 12 — участок некрополя на месте монастырской оранжереи (раскопки 1913 гг.); 13 — участок на северном берегу Херсонеса (раскопки 1911, 1912, 1935–1937, 1940, 1941, 1945, 1948, 1949, 1963, 1965 гг.); 14 — участок некрополя у античного театра (раскопки 1964, 1970 гг.); 15 — остатки надгробной конструкции и трупосожжения на XII поперечной улице (раскопки 2003 г.); 16 — склепы, вырубленные в скале (раскопки 1930 г.); 17 — склеп с раннехристианской росписью (раскопки 1907 г.); 18 — подбойные могилы, раскопанные в 1958 г.; 19 — склеп 1981 г.; 20 — склеп 1962 г.); 21 — склепы 1972 и 1973 гг.; 22 — склепы и могилы 1942,

1960 и 1961 гг.; 23 — участок некрополя 1963 г.); 24 — участок некрополя за западными оборонительными стенами (раскопки 1975, 1981–1983 гг.; 25 — участок некрополя за западными оборонительными стенами (раскопки 1983–1988, 1995–1998 и 2001 гг.; 26 — склеп, открытый в 1968 г. на улице Н. Островской; 27 отдельные склепы позднеантичного периода (раскопки 1912, 1966–1967 гг.; 28 — могила 1972 г. на Рудольфовой горе, на месте строительного техникума; 29 — два склепа с раннехристианской росписью (раскопки 1998–1999 гг.; 30 — склеп с раннехристианской росписью (раскопки 2002 г.).

Некрополь Херсонеса, как и территория его городища, попал в поле зрения отечественной науки сразу же после присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. В трудах и дневниковых записях путешественников, ученых, общественных деятелей и должностных лиц инженерной службы Севастопольского гарнизона конца XVIII — первой половины XIX вв., таких как К.И. Габлиц, П.С. Паллас (рис. 1), П.И. Сумароков, И.М. Муравьев-Апостол, Ф. Дюбуа де Монпере (рис. 2), З.А. Аркас, Э.Д. Кларк, М. Бжешкьян, Е.Е. Келлер, П.П. Свиньин и др., которые посещали Херсонесское городище и его окрестности, упоминаются могилы и склепы, вырубленные в скале, в частности, располагавшиеся у Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской, которые уже в то время были ограблены и стояли открытыми [Тункина 2002, с. 485–486, прим. 34; с. 502–503, 504, 509, 510, 516] (рис. 3: 1).

Среди этих кратких замечаний следует отметить информацию, которая имеется в записях Е.Е. Келлера, П.П. Свиньина — издателя “Отечественных записок”, и швейцарского ученого Ф. Дюбуа де Монпере. П.П. Свиньин, посетивший Севастополь в 1825 г., писал, что ему рассказывали, что задолго до его визита из одного склепа, очевидно, вырубленного в скале, и располагавшегося на территории некрополя Херсонеса, выгнали мраморный саркофаг [Тункина 2002, с. 508]. Ф. Дюбуа де Монпере наиболее подробно, в отличие от своих современников, описал конструкцию стоявших уже в то время открытыми склепов на западном берегу Карантинной бухты (рис. 3: 1).

Впервые специальные раскопки “нескольких гробниц” на территории некрополя Херсонеса планировались М.И. Бларамбергом летом 1845 г., но так как он был переведен на Кавказ для дальнейшего прохождения государственной службы, это намерение не было осуществлено [Тункина 2002, с. 521]. В том же 1845 г. Министерство императорского двора и Морское министерство разрешило проведение археологических изысканий в Херсонесе Д.В. Карейше, который в 1846 г. на участке некрополя, располагавшегося на западном берегу Карантинной бухты, раскопал первые склепы и могилы, вырубленные в скале [Гриневиц 1927, с. 13; Зубар 1978, с. 56; Тункина 2002, с. 522; ср.: Стоянов 2000, с. 132] (рис. 3: 1). В следующем году он продолжил работы. Но каких-либо высокохудожественных предметов из золота или эффектных вещей, которые могли бы пополнить императорскую коллекцию, эти раскопки не принесли, и Д.В. Карейша их прекратил, сетуя на крайнюю бедность раскопанных погребений [Карейша 1846, с. 309; 1848, с. 443–444; Косцюшко-Валюжинич 1904, с. 17; Тункина 2002, с. 522].

Через несколько лет, в 1853 г., раскопки некрополя у Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской были продолжены лейтенантом Черноморского флота Шемякиным под наблюдением графа А.С. Уварова (рис. 3: 1), который ожидал разрешения на проведение раскопок на территории городища, входившего тогда в состав земельных владений церкви [Тункина 2002, с. 527] (рис. 4). В общей сложности было открыто около 40 различных типов погребальных сооружений, среди которых были и склепы, вырубленные в скале [Уваров 1854, с. 525–532; 1855, с. 134 и сл.; Гриневич 1927, с. 16; Тункина 2002, с. 527–528]. В одном из них была зафиксирована раннехристианская роспись, а на потолке монограмма Христа [подр. см.: Ростовцев 1914, с. 452–458, рис. 86, табл. CIV, 2; CV, 3; CVI] (рис. 5). А.С. Уваров первым опубликовал рисунок раскопанного им склепа, а также находки из погребений (рис. 6; 7). Причем описи вещей, обнаруженных в ходе этих раскопок, были составлены не по материалу, из которого они были сделаны, как это практиковалось в полевой практике того времени, а по погребальным комплексам [Тункина 2002, с. 519, прим. 270]. В 1872 г. А.С. Уваров снова вел работы на том же участке некрополя, но не оставил о них какой-либо информации [Косцюшко-Валюжинич 1904, с. 17].

Рис. 4. Алексей Сергеевич Уваров (1824–1884 г.).

После перехода в 1888 г. раскопок Херсонеса под контроль Императорской археологической комиссии, представителем которой на месте стал К.К. Косцюшко-Валюжинич, положение существенно изменилось (рис. 8). С 1889 г. им были начаты систематические работы на территории некрополя, которые велись по определенному плану и в ходе которых был получен огромный фактический материал. На протяжении 1889–1907 гг. под руководством К.К. Косцюшко-Валюжинича были исследованы участки некрополя, располагавшиеся по периметру южных оборонительных стен, на западном и восточном берегах Карантинной бухты, на склонах Девичьей горы и у Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской (рис. 3: 1–6, 9). Всего К.К. Косцюшко-Валюжиничем было раскопано около 2,5 тыс. погребальных сооружений античной и раннесредневековой эпох [подр. см.: Зубар 1978, с. 50–52, рис. 1; Стоянов 2000, с. 132–135].

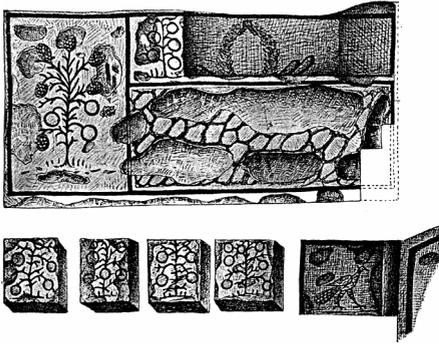

Рис. 5. Фрагменты росписи склепа, открытого А.С. Уваровым (по М.И. Ростовцеву).

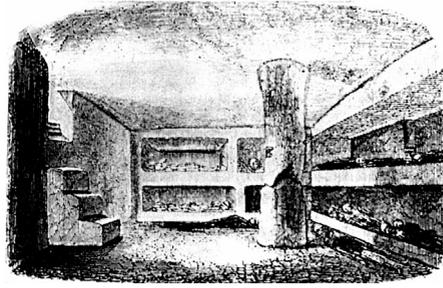

Рис. 6. Склеп, вырубленный в скале (по А.С. Уварову).

На протяжении всей своей археологической деятельности К.К. Косцюшко-Валюжинич публиковал краткие и полные отчеты о раскопках некрополя в "Отчетах" и "Известиях" Императорской археологической комиссии за 1890–1907 гг. и тем самым на доступном ему уровне вводил этот материал в научный оборот [Косцюшко-Валюжинич 1893, с. 129–130; 1893 а, с. 137–150, рис. 139–190; 1894, с. 101–119, рис. 58–74; 1895, с. 59–73, рис. 38–43; 1896, с. 60–75, рис. 79–108; 1897, с. 255–289; 1898, с. 544–576; 1900, с. 225–253; 1901, с. 119–122, рис. 20; 1901 а, с. 3–24, рис. 2–19; 1902, с. 10–18, рис. 10–17; 1902 а, с. 53–56, рис. 1–4; с. 96–114, рис. 46–62; 1904, с. 1–31, рис. 1–11, табл. I, II; 1905, с. 87–107, рис. 44–48; 1906, с. 59–93, рис. 32–41, табл. IV; 1906 а, с. 96–100; 1907, с. 67–128, рис. 1–21, табл. I, II; 1909, с. 50–65, рис. 1–6; Косцюшко-Валюжинич, Скубетов 1911, с. 1–89, рис. 1–29, табл. I, II; см. также: Латышев 1909, с. 265–267; 1909 а, с. 278; Косцюшко-Валюжинич 1912, с. 124–134; 1912 а, с. 231–233; Скубетов 1911, с. 38–49; 1918, с. 287–298]. Хотя в связи с его болезнью и смертью часть материалов из раскопок некрополя так и осталась необработанной.

Археологические раскопки, проведенные на территории некрополя К.К. Косцюшко-Валюжиничем, были наиболее масштабными в истории исследования Херсонеса. Их результатом стал поистине огромный археологический материал, без которого сейчас невозможно изучение всех без исключения сторон жизни населения античного Херсонеса и средневекового Херсона. Высоко оценивая самоотверженный, подвижнический труд и огромный вклад К.К. Косцюшко-Валюжинича в исследование некрополя Херсонеса, следует несколько слов сказать о методике его раскопок, фиксации и обработке полученного материала, так как от этого во многом зависит состояние нынешней источниковой базы изучения истории и культуры Херсонеса.

Рис. 7. Светильник из раскопок А.С. Уварова (по И.И. Толстому и Н.П. Кондакову).

К.К. Косцюшко-Валюжинич не был профессиональным ученым того времени, а являлся археологом-самоучкой. Этим во многом объясняется как несовершенная методика его полевых работ, так, что особенно важно, принципы обработки, фиксации и сохранения материала, полученного в ходе раскопок. Естественно, что “трудно нам судить людей того века, так как наука живет, развивается, а с нею вместе совершенствуется и точка зрения на предметы и метод разыскания предметов древности” [Гриневич 1927, с. 11]. Но, тем не менее, все же следует дать объективную оценку этой стороне деятельности К.К. Косцюшко-Валюжинича. Это позволит лучше представить не только сделанное им в сравнении с предшественниками, но и степень информативности полученных материалов с точки зрения сегодняшнего дня. Ведь критический анализ работы предшественников ни в коей мере не умаляет их заслуг, а, наоборот, позволяет сегодня избежать ошибок, которые имели место в прошлом.

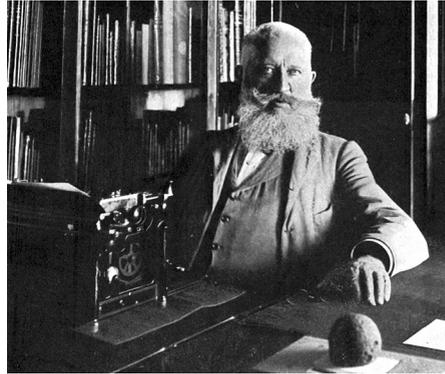

Рис. 8. Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич (1847–1907 гг.).

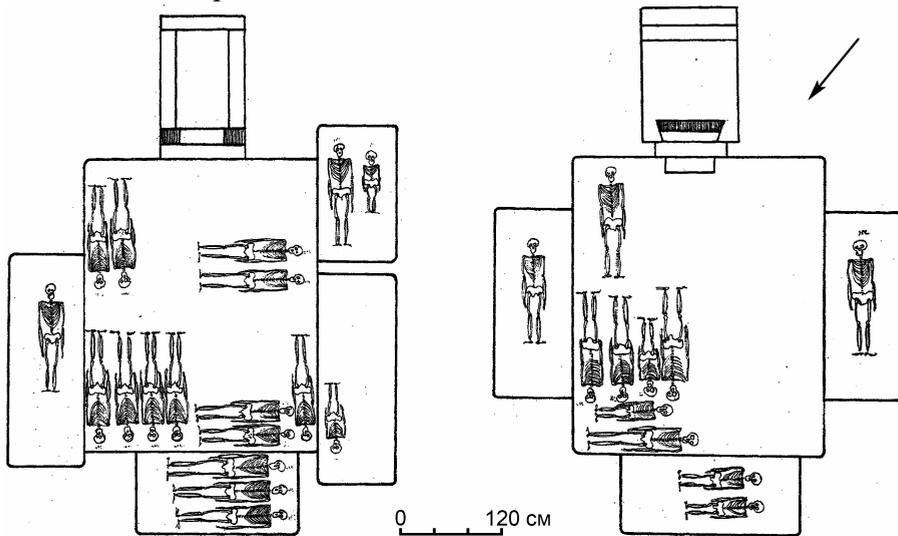

Рис. 9. Планы склепов и размещения в них костяков из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича. План из архива НЗХТ. 1 — склеп № 903; 2 — склеп № 888.

Работая на территории некрополя Херсонеса, К.К. Косцюшко-Валюжинич регулярно вел записи, на основании которых впоследствии составлял тексты отчетов, отправлявшихся в Императорскую археологическую комиссию.

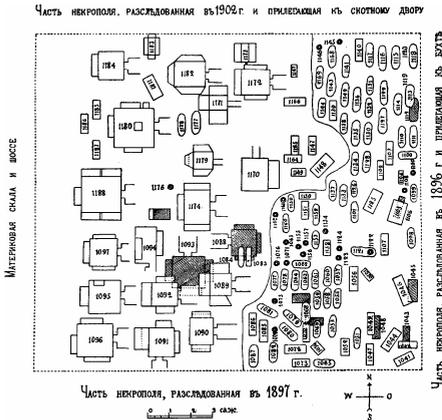
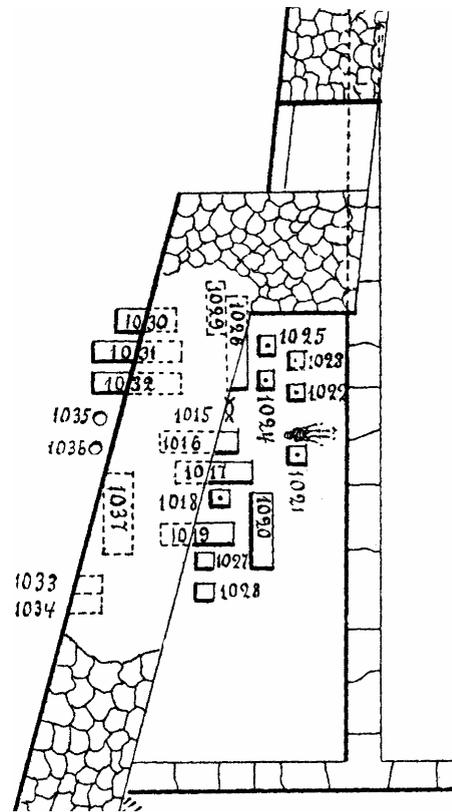

Рис. 10. План участка некрополя на берегу Карантинной бухты, исследованный в 1897 г. по К.К. Косцюшко-Валюжиничу.

Однако, несмотря на то, что со временем К.К. Косцюшко-Валюжинич делал их более подробными и обстоятельными, отсутствие в них многих деталей, в частности фиксации особенностей обряда захоронения, снижает информативность его записей в дневниках и отчетах. В них, как правило, отсутствуют надлежащие планы и чертежи погребальных сооружений (рис. 9), а те, которые были опубликованы, “весьма далеки от реальности” [ср.: Домбровский 1993, с. 307]. При описании погребальных комплексов не отмечено расположение костяков и не приведено детального описания погребального инвентаря [Белов 1948 а, с. 156; см.: Зубарь 1982, с. 38, рис. 22].

Общие планы раскопанных участков даны весьма схематично, только по годам раскопок (рис. 10–11), что не позволило составить общий план херсонесского некрополя. Хотя такая попытка и была предпринята Н.М. Янышевым в 30-ые годы XX в. [Янышев 1933; ср.: 1932; 1932 а], она не принесла желаемого результата, так как оказалось, что очень трудно свести воедино разномасштабные планы различных участков [ср.: План, папка, 26 а, л. 1]. Поэтому до настоящего времени исследователи пользуются лишь весьма схематическими планами некрополя [Якобсон 1959, с. 249, рис. 131; Зубарь 1978, с. 55, рис. 2; 1982, с. 9, рис. 1; Стоянов 2003, с. 174, рис. 1].

Одним из справедливых замечаний, которые высказывались в адрес К.К. Косцюшко-Валюжинича уже его современниками, было то, что вещи из погребений он хранил не по комплексам, а по видам (рис. 12 и 13).

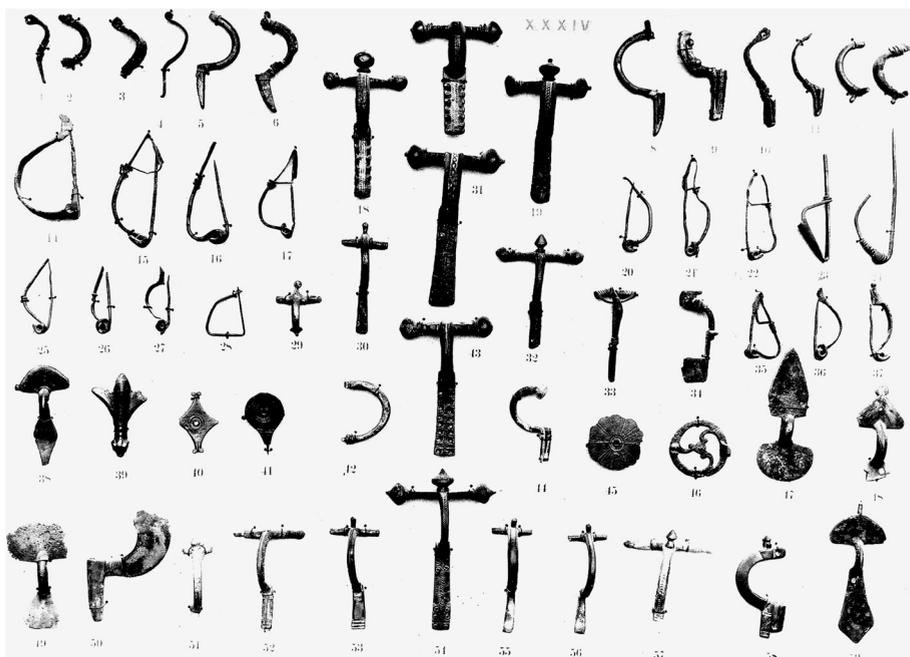

Рис. 12. Планшет с фибулами из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича. Фото из архива НЗХТ.

Это привело к депаспортизации находок и, за редким исключением, когда в его опубликованных отчетах и архивных материалах имеются рисунки и фотографии, теперь невозможно определить, ни в каких именно погребальных комплексах они были найдены, ни какому типу принадлежали предметы из состава погребального инвентаря [Якобсон 1959, с. 249–250; Романчук 1991, с. 119; Стоянов 2000, с. 131; 2003, с. 165–167]. Уже Р.Х. Лепер, сменивший К.К. Косцюшко-Валюжинича на посту заведующего раскопками в Херсонесе, не мог определить, откуда происходит та или иная вещь, а ставил на них лишь букву “К” (раскопки Косцюшко). Поэтому нельзя признать оправданной попытку И.А. Антоновой реабилитировать в

Рис. 13. Шкаф с вещами из раскопок некрополя К.К. Косцюшко-Валюжинича. Фото из архива НЗХТ.

этом отношении К.К. Косцюшко-Валюжинича, так как сегодня непонятны основы использованного им метода паспортизации [Романчук 1991, с. 119] и на основании имеющихся архивных данных, за редкими исключениями, невозможно распределить материал по погребальным комплексам (рис. 14–15). Видимо, это желание объясняется определенной идеализацией личности К.К. Косцюшко-Валюжинича, которое было присуще поэтической натуре И.А. Антоновой [подр. см.: Антонова 1999/2000, с. 29–40].

Но К.К. Косцюшко-Валюжинич не нуждается в реабилитации. Он был человеком своего времени и в его практической деятельности, так или иначе, нашел отражение уровень развития археологической науки конца XIX — начала XX вв., хотя уже тогда ведущие ученые, такие как А.А. Спицин и Н.И. Веселовский [см.: Гриневич 1927, с. 31–32, прим.

1], критиковали методику его работы. А.Л. Бертье-Делагард совершенно справедливо отмечал неправомочность использования им термина “катакомба” применительно к склепам, вырубленным в скале [Бертье-Делагард 1907, с. 31-33; ср. Косцюшко-Валюжинич 1905 а, с. 113].

Рис. 14. Керамика из погребального комплекса № 2158. Фото из архива НЗХТ.

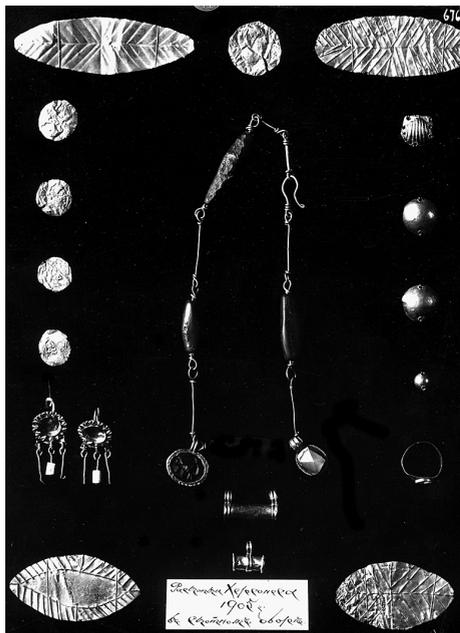

Рис. 15. Украшения из драгоценных металлов из раскопок некрополя К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1905 г. Фото из архива НЗХТ.

Но он был одним из первых, а первым всегда труднее всего. Поэтому можно согласиться с А.И. Романчук, что без самоотверженного и многолетнего труда К.К. Косцюшко-Валюжинича мы сегодня не знали бы так много об истории и культуре Херсонеса и о его некрополе в частности [Романчук 1991, с. 120–121]. Исследованию этого памятника он посвятил большую часть жизни и навечно вошел в летопись изучения древней истории юга нашей страны со всеми присущими ему недостатками археолога-самоучки и беззаветно преданного делу исследования Херсонеса человека, который являлся одним из ярких и лучших представителей отечественной науки конца XIX — начала XX в. [Гриневич, 1927, с. 23–29; Белов 1948, с. 14].

После смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича раскопки некрополя были продолжены М.И. Скубетовым (рис. 16). В Императорскую археологическую комиссию он должен был представить отчет о раскопках конца 1907 и 1908 гг. (№№ 2428–2500), но не сделал этого, хотя опубликовал краткое описание нескольких десятков могил (№№ 2445–2465) без иллюстраций и чертежей [Скубетов 1918, с. 289–296]. Судя по отрывочным и беглым дневниковым записям, без планов и описания вещей, в конце 1907 — начале 1908 г. М.И. Скубетов вел небольшие работы на восточном берегу Карантинной бухты, на склоне Карантинной балки, где был открыт склеп с раннехристианской росписью [Ростовцев 1914, с. 465–466; ср.: 1918, с. 289–291], к юго-востоку от башни XVII (Зинона) [Скубетов 1918, с. 295–296], а также у западных оборонительных стен Херсонеса, где во рву были открыты склепы, вырубленные в скале, и небольшая группа грунтовых захоронений (рис. 3: 5, 7, 8, 17).

Рис. 16. Мартин Иванович Скубетов (слева).
Фото из архива НЗХТ.

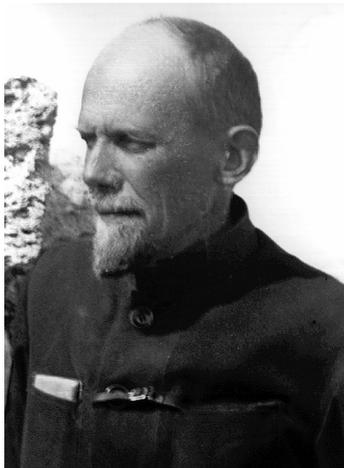

Рис. 17. Николай Иванович Репников
(1882–1940 г.). Фото из архива НЗХТ.

В марте 1908 г. М.И. Скубетова на посту руководителя раскопок некрополя сменил Н.И. Репников (1882–1940 г.) (рис. 17). Он продолжил раскопки участка некрополя к юго-востоку от башни XVII (Зинона), на территории бывшего “верхнего скотного двора”, которая впоследствии должна была быть застроена военным ведомством, а также у 20 куртины оборонительных стен [Скубетов, Репников 1912, с. 93–108; Репников 1927, с. 149] (рис. 3: 5). Под руководством Н.И. Репникова было раскопано более тысячи погребальных сооружений разного времени [Леппер 1912 а, с. 93–108; Репников 1927, с. 149–182]. Причем, как свидетельствует изданный дневник, методика раскопок и описание погребальных комплексов Н.И. Репникова выгодно отличали его от работ предшественников. Но следует отметить, что Н.И. Репников не

дал в дневнике чертежей всех погребений, а ограничился лишь отдельными, наиболее интересными, с его точки зрения, погребальными сооружениями, и общим планом раскопанного участка [Репников 1927, табл. IV]. В ряде случаев описания погребального инвентаря очень кратки, что не позволяет получить представление о типологии материала, обнаруженного в могилах, а это затрудняет их датировку.

Рис. 18. Роман (Роберт) Христианович Лепер (1864–1918 гг.). Фото из архива НЗХТ.

работ в Херсонесе был назначен Р.Х. Лепер (1864–1918 гг.) (рис. 18), который до этого занимал пост ученого секретаря Русского археологического института в Константинополе (г. Стамбул) [подр. см.: Сорочан, Зубарь, Марченко 2001, с. 38–39]. Под его руководством раскопки некрополя на разных участках велись вплоть до начала мировой войны 1914 г. [Зубар 1978, с. 53].

Рис. 19. Западный берег Карантинной бухты, где Р.Х. Лепер вел раскопки в 1913–1914 гг. Фото из архива НЗХТ.

Р.Х. Лепер продолжил раскопки на участке, который исследовал Н.И. Репников, а также вел работы к востоку от города, на западном берегу Карантинной бухты (рис. 19), по обеим сторонам шоссе, которое шло вдоль Карантинной бухты в Херсонес, на склонах Девичьей горы, между передовой и основной оборонительными стенами западной линии обороны (рис. 20–21), у 4–6 куртин, на северном берегу, в районе монастырской купальни и на территории оранжереи монастыря св. Владимира [Моисеев 1919, с. 63–68; Гриневиц 1927, с. 38–39; Зубар 1978, с. 53–54, рис. 1] (рис. 3: 7, 8, 11, 12, 13).

Рис. 20. Раскопки Р.Х. Лепера в периболе у западной оборонительной стены в 1911 г. Фото из архива НЗХТ.

Рис. 21. Урна с трупосожжением и черепичная могила в периболе западной оборонительной стены. Раскопки Р.Х. Лепера в 1911 г. Фото из архива НЗХТ.

Р.Х. Лепер, для которого назначение в Херсонес было явным понижением в служебном продвижении, не всегда присутствовал на раскопках [ср.: Косцюшко-Валюжинич 1912 а, с. 231], а наблюдение за ними поручал своим помощникам и квалифицированным рабочим,

которые в ряде случаев вели вместо него дневники и записи. Ими были в частности В. Логачев и Н.З. Федоров. Авторские дневники последнего о раскопках некрополя за 1913–1914 гг. хранятся в архиве Национального заповедника “Херсонес Таврический” [Федоров 1913; 1914] (рис. 22).

Р.Х. Лепер, имевший многочисленную семью, параллельно преподавал греческий и латинский язык в сева­стопольской гимназии, где имел весьма солидную еженедельную нагрузку, и, естественно, это не могло не сказаться на его отчетной документации о раскопках.

Только в отдельных случаях в дневниках шифры вещей представлены его рукой. Планы раскопанных в этот период участков некрополя, чертежи погребальных сооружений с фиксацией костяков и погребального инвентаря, как правило, не делались [Белов 1948 а, с. 156–157]. А те чертежи, которые есть, не связаны с дневниками, что исключает возможность их использования (Херсонес. Некрополь. Черновые). Однако в архиве Национального заповедника “Херсонес Таврический” хранятся ежегодные описи погребального инвентаря, которые все же позволяют использовать комплексы вещей из раскопок Р.Х. Лепера и на их основе делать интересные наблюдения [см.: Зубар, Костромичова 1978, с. 58–61; Стоянов 2003, с. 170–172].

Дневники раскопок некрополя под руководством Р.Х. Лепера за 1908–1910 гг. в свое время были опубликованы благодаря активной деятельности на посту директора Херсонесского музея К.Э. Гриневича (1891–1970 гг.) [Лепер 1927, с. 189–256]. Но материалы раскопок за 1911–1914 гг., которые хранятся в архиве Национального заповедника “Херсонес Таврический”, еще ждут обработки и публикации [Лепер 1911, л. 41–74; 1911 а, л. 1–13; 1911 б, л. 12–14; 1911 в, л. 80–106; 1911 г, 119, л. 1–6; 1911 д.; 1912, л. 35, 40, 47; 1913, л. 1–2; 1913 а, л. 63–71; 1913 б, л. 3–9; 1914, л. 2, № 1; Федоров 1913, л. 2–5, 8–10; 1914, л. 3–12 и др.]. Это тяжелая и кропотливая работа, которая под силу лишь целой группе ученых, которые постоянно работают в заповеднике и у которых под рукой находятся не только архивные материалы,¹ но и коллекции вещей из раскопок Р.Х. Лепера. Несмотря на всю сложность подготовки этих материалов к изданию, эта работа, несомненно, должна быть продолжена и доведена до логического конца сотрудниками Национального запо-

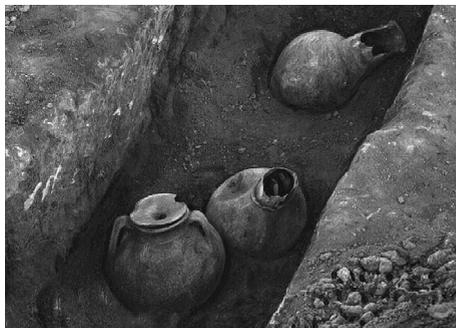

Рис. 22. Урны с трупосожжением в могиле. Раскопки Р.Х. Лепера. Фото из архива НЗХТ.

¹ Дневники и другие материалы о раскопках Херсонесского некрополя за 1911 – 1914 гг. хранятся в архиве Национального заповедника “Херсонес Таврический” в делах под номерами: 76; 78; 79; 80; 84; 85; 86; 87; 88; 89; 89а; 94; 97; 98; 119; 120; 194.

ведника “Херсонес Таврический”, которые сегодня имеют для этого соответствующую подготовку и компьютерную технику.

Говоря об истории археологического исследования некрополя Херсонеса, нельзя пройти мимо единственного зафиксированного в его окрестностях большого кургана, насыпанного из мелкого камня, который располагался в трех верстах от этого центра, на земельном участке 81, и содержал трупосожжения [Николаенко 1999, с. 49–50] (рис. 23).

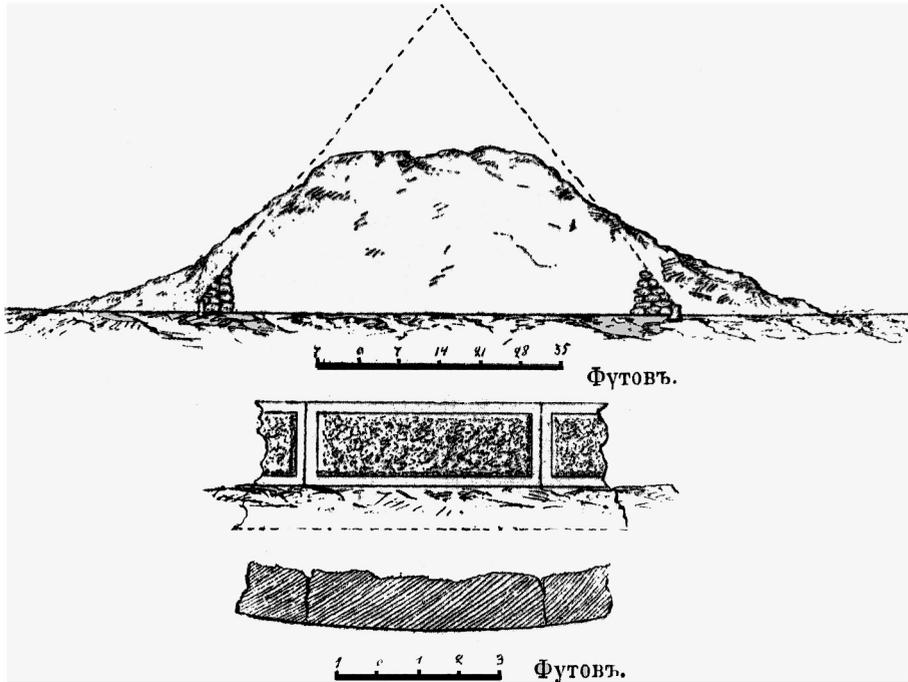

Рис. 23. Шверинский курган по А.Л. Бертье-Делагарду.

Его раскопки были начаты владельцем этих земель — полковником К.И. Швериным в 1872 г. В 1890 г. работы здесь вел К.К. Косцюшко-

Рис. 24. Николай Михайлович Печенкин. Фото из архива НЗХТ.

Валюжинич [Косцюшко-Валюжинич 1893 а, с. 35; Бертье-Делагард 1893, с. 55, табл. II, рис. 12], а в 1908 г., перед строительством батареи береговой обороны Севастополя, его доследовал Н.И. Печенкин [Печенкин 1914, с. 187–193] (рис. 24). На основании результатов раскопок это уникальное для округа Херсонеса погребальное сооружение может быть датировано IV — III вв. до н.э. [Пятышева 1957, с. 252; Рогов 1999, с. 128–129; 2002, с. 150].

В начале 1914 г. Р.Х. Лепер был отстранен от руководства раскопками и уехал в Петроград. Поводом к этому стало то, что городское жандармское управление считало, что Р.Х. Лепер имеет немецкое происхождение, а, следовательно, является потенциальным шпионом, которому было не место в Севастополе — главной военно-морской базе Российской империи на Черном море [Сорочан, Зубарь, Марченко 2001, с. 40]. А начавшаяся в августе 1914 г. мировая война надолго прервала исследования некрополя, как, впрочем, и явилась началом кардинальных изменений в жизни народов, населявших территорию Российской империи.

Рис. 25. Строительство экспозиции античного зала Херсонесского музея в 1925 г. Фото из архива НЗХТ.

Суммируя результаты археологических исследований некрополя Херсонеса, проводившихся с середины XIX в. и вплоть до 1914 г., следует отметить, что за этот период были проведены не только систематические раскопки, но и получен поистине огромный фактический материал. Но, признавая значительный вклад в археологическое изучение некрополя Херсонеса К.К. Косцюшко-Валюжинича, Н.И. Репникова и Р.Х. Лепера, необходимо подчеркнуть, что, к сожалению, погоня в первую очередь за эффектными находками, от чего в первую очередь зависело финансирование раскопок [см.: Гриневич 1927, с. 27], несовершенная методика работ и фиксации материала того времени привели к тому, что, за редким исключением, сейчас очень трудно судить о погребальных комплексах. Это, безусловно, снижает информативность данных некрополя, что в той или иной мере затрудняет плодотворное исследование более общих вопросов и особенностей исторического развития Херсонеса. Поэтому, вероятно, назрела настоятельная необходимость вернуться к анализу архивных материалов и коллекций из доре-

волюционных раскопок и провести их ревизию на основе долгосрочной научной программы, что позволит не только ввести эти материалы в широкий научный оборот, но и шире, чем это делалось ранее, использовать для изучения истории и культуры Херсонеса.

После окончания гражданской войны, которая последовала за Первой мировой войной и революцией 1917 г., периода запустения и разрухи, на территории бывшего монастыря св. Владимира, упраздненного решением Крымского ЦИК от 31 января 1924 г., на базе "Склада местных древностей", основанного К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1892 г., в августе 1925 г. был открыт Херсонесский музей (рис. 25). Первым его директором стал К.Э. Гриневич, который на этом посту сменил Л.А. Моисеева. Именно К.Э. Гриневичем впервые было сформировано научно-исследовательское и культурно-просветительское учреждение, на базе которого велась дальнейшая работа по изучению истории и культуры античного Херсонеса и средневекового Херсона (рис. 26). Силами тогда еще небольшого научного коллектива под его руководством были не только возобновлены раскопки городища и его сельской округи, но и проделана большая работа по публикации материалов дореволюционных археологических исследований [Сорочан, Зубарь, Марченко 2001, с. 42–45].

Рис. 26. Директор Херсонесского музея (1925–1930 гг.) Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970 гг.). Фото из архива НЗХТ.

Рис. 27. Григорий Дмитриевич Белов (1898–1979 гг.). Фото из архива НЗХТ.

Однако в прежних масштабах раскопки некрополя не были возобновлены. Только в 1930 г. на восточном берегу Карантинной бухты было зачищено и обмерено два ограбленных склепа первых веков н.э., вырубленных в скале, где захоронения совершались и в средневековый период [Зубарь 1978, с. 54] (рис. 3: 16).

В 1931 г., в связи с активным разрушением морем береговой полосы в северной части Херсонесского городища, по инициативе тогдашнего директора музея В.Ф. Смолина и под непосредственным руководством Г.Д. Белова было начато систематическое планомерное исследование приморских кварталов в этом районе (рис. 27). Еще К.К. Косцюшко-Валюжинич по-

лагал, что под более поздними постройками здесь должен был находиться некрополь [Косцюшко-Валюжинич 1895 а, л. 23; Латышев 1909, с. 264], а единичные погребения, открытые Р.Х. Лепером в 1911–1913 гг. у монастырской купальни и на территории монастырской оранжереи, подтвердили это предположение [Лепер 1912, л. 23, 35, 46–47; Моисеев 1919, с. 63–68]. Но на северном берегу это были отдельные погребения, а участки древнейшего некрополя Херсонеса были открыты Г.Д. Беловым только во второй половине тридцатых годов XX в. под остатками жилых кварталов античной и средневековой эпох (рис. 28).

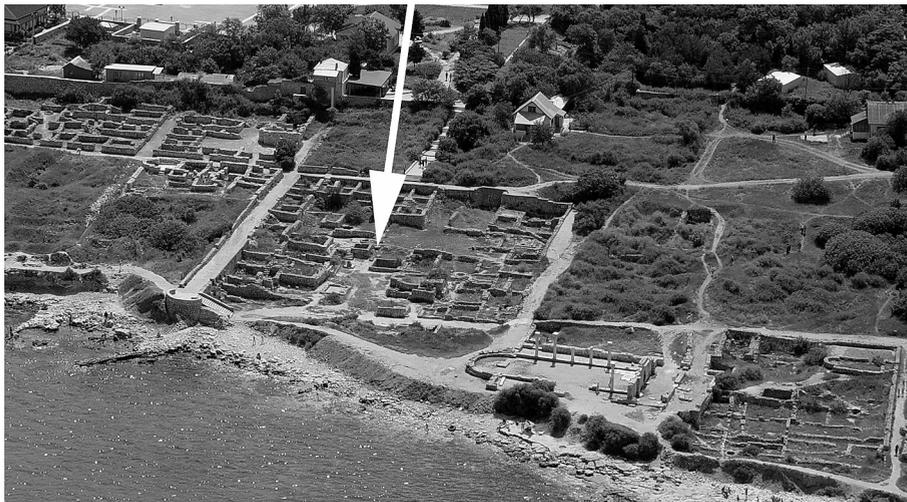

Рис. 28. Северный берег Херсонесского городища. Фото с воздуха К. Вильямса. Стрелкой показано место раскопок участка древнейшего некрополя в середине 30-х гг. XX в.

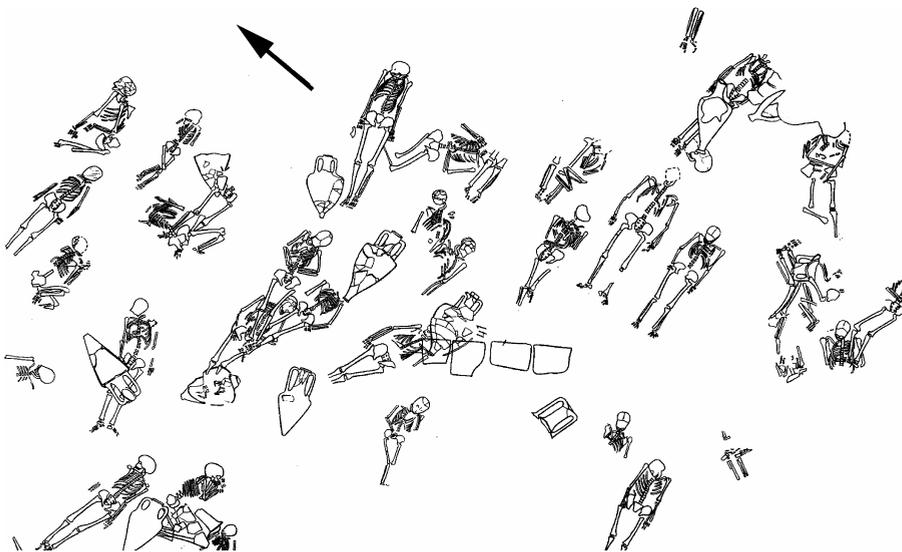

Рис. 29. Фрагмент плана участка древнейшего некрополя на северном берегу по Г.Д. Белову.

В 1935 г. было обнаружено два, а в 1936 г. — 91 захоронение, среди которых значительный процент составляли костяки, погребенные в скорченном положении [Белов 1938, с. 23–24; 163–195]. В 1937 и в 1940 гг. погребения были зафиксированы под XV и XVI кварталами, а также поблизости X поперечной улицы [Лисин 1939, с. 135–136; Белов, Стржелецкий, Якобсон 1953, с. 33; Белов, Якобсон 1953, с. 109] (рис. 29). Позднее, при раскопках кварталов в северной части Херсонеса, также встречались захоронения, но это, как правило, были отдельные погребения или небольшие участки некрополя.

В 1941, 1945, 1947 и 1948 гг. было установлено, что первоначально некрополь занимал территорию XVIII квартала и тянулся в западном направлении, по крайней мере, до XI поперечной улицы, где в 1949 г. в ходе раскопок выявлены могильные вырубывы в скале [Белов, Стржелецкий, Якобсон 1953 а, с. 161–162; Стржелецкий 1948, с. 68–95; Белов 1949, л. 1]. А в 1963 и 1965 гг. захоронения были открыты под строительными остатками XXV квартала [Белов 1965, л. 1–3; Кадеев 1963, л. 9–10] (рис. 30).

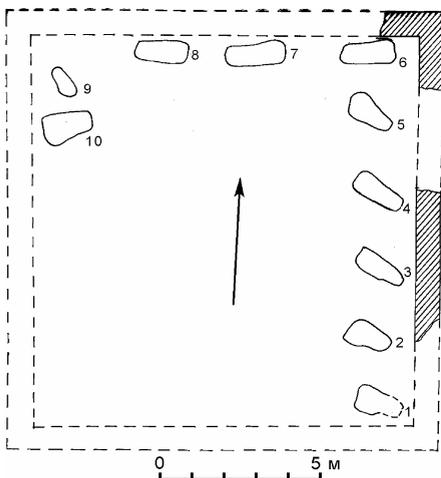

Рис. 30. План погребального сооружения с вырубками в скале для захоронений на северном берегу. Раскопки 1965 г. По В.И. Кадееву.

Рис. 31. Фрагмент сооружения над захоронением, совершенном по обряду кремации, на XII поперечной улице. Раскопки С.Г. Рыжова.

И, наконец, остатки трупосожжения и часть надгробной конструкции зафиксированы в ходе раскопок 2003 г. на месте XII поперечной улицы [Ryzhow 2003, p. 45–46, fig. 6] (рис. 31). Таким образом, в результате раскопок был зафиксирован участок некрополя, который занимал территорию XV и XVI кварталов и, видимо, тянувшийся далее в западном направлении (рис. 3: 13).

К сожалению, только спустя много лет Г.Д. Беловым был опубликован общий план участка некрополя, раскопанного в 1936 г. [Белов, 1981, вклейка] (рис. 29), а план участка, который исследовался в 1937 г., хранится в архиве Национального заповедника “Херсонес Таврический” [Стржелецкий 1937, л. 1] и до сих пор не опубликован. До настоящего

времени нет и сводного плана всего древнейшего участка некрополя Херсонеса на северном берегу, который активно раскапывался на протяжении второй половины XX в. Поэтому, вероятно, назрела необходимость вернуться к этой работе, так как такой общий план позволит прояснить целый ряд сложных вопросов, связанных с локализацией каменных конструкций, которые являлись достаточно сложными погребальными сооружениями и назначение которых, по мнению А.В. Буйских, не было правильно понято Г.Д. Беловым в процессе раскопок.

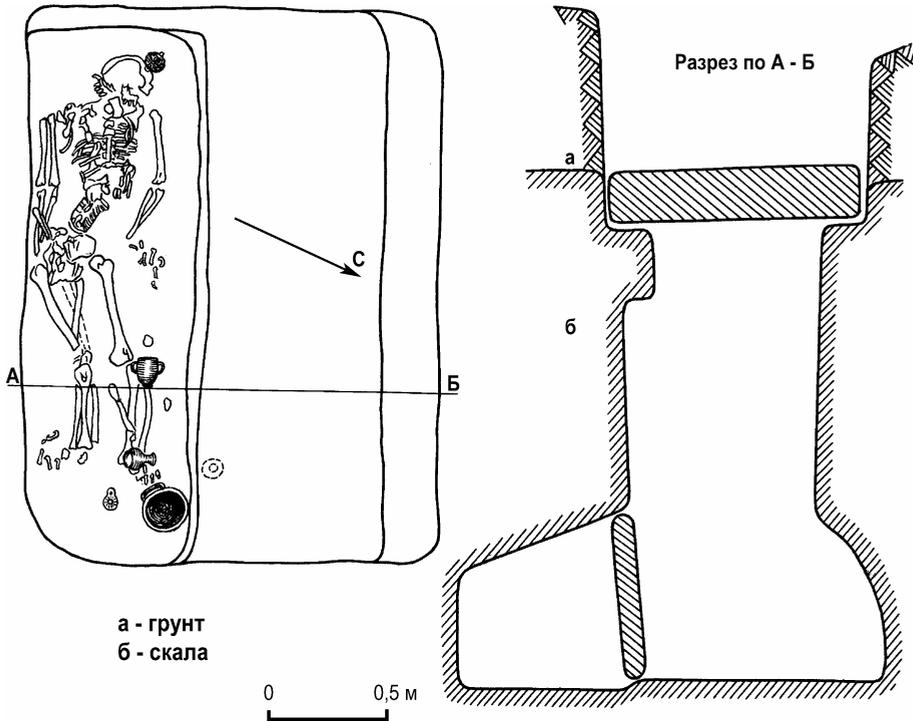

Рис. 32. План и разрез подбойной могилы. Раскопки В.Н. Даниленко в 1959 г.

Помимо древнейшего могильника на северном берегу, в 1937 г. А.К. Тахтай исследовал небольшой участок некрополя к северо-востоку от башни XVII (Зинона), на территории, которая должна была быть застроена [Лисин 1939, с. 135; Тахтай 1948, с. 19–43] (рис. 3: 8), а в 1942 г., во время обороны г. Севастополя, к западу от участка раскопок 1937 г., у подошвы южного склона Херсонесской балки, обследовал случайно обнаруженный склеп, вырубленный в скале [Тахтай 1947, с. 123–125] (рис. 3, 22).² После окончания Второй мировой войны исследование некрополя Херсонеса продолжалось. Однако, в отличие от работ на северном берегу, которые носили планомерный характер, целый ряд погребальных сооружений античной эпохи был открыт при

² О деятельности А.К. Тахтая по сохранению древностей Херсонеса в годы Отечественной войны подр. См.: Граб, Супруненко, 1991, с. 29 – 53.

доследовании оборонительных сооружений и храмов более позднего времени, а также во время реставрационных работ и строительства в ближайших окрестностях Херсонеса.

В 1948 г. у западных оборонительных стен, в северо-восточной стене рва, Г.Д. Белов открыл два склепа, вырубленные в скале, погребения в которых, судя по обнаруженному материалу, совершались на протяжении IV — IX — X вв. [Белов 1953, с. 245–254, рис. 11]. В 1968–1969 гг. работы в этом районе были продолжены И.А. Антоновой и С.Г. Рыжовым, которыми в ходе исследования рва перед 1 куртиной, вырубленного в скале, были расчищено два склепа, которые были сооружены в первые века н.э. и использовались для повторных захоронений в более позднее время [Антонова, Рижов 1972, с. 262–264] (рис. 3: 9).

В 1953 г. О.И. Домбровский при доследовании Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской раскопал две могилы, которые в свое время, к сожалению, не попали в поле зрения К.К. Косцюшко-Валюжинича [Домбровский 1993, с. 313–316] (рис. 3: 1). А в 1955 г. в юго-восточной части некрополя, недалеко от гончарных печей и в 60 м от башни XVII (Зинона), был открыт склеп I–III в. н.э. [Борисова 1985, с. 186–201] (рис. 3: 4).

В конце 50-ых гг. XX в. в ходе реставрационных работ, развернувшихся в юго-восточной части Херсонеса, под протейхизмой 19 куртины, был открыт небольшой участок погребений эллинистического периода [Борисова 1956, л. 1–25; Стоянов 2003 в., с. 240–246] (рис. 3: 4), а к юго-востоку от башни XVII (Зинона) было исследовано две подбойные могилы первых веков н.э. [Гилевич 1961, с. 51–56; Даниленко 1961, с. 57–62] (рис. 3: 22; 32). В 1960 г. в южной части некрополя открыты склепы IV — VI вв., а в 1961–1962 гг. подбойная могила на склоне Девичьей горы и склеп, обнаруженный во время строительства стадиона в Карантинной балке на территории воинской части [Колесникова 1960–1962, л. 1–25] (рис. 3: 22).

В 1959–1961 и 1963 гг. Е.Г. Суоровым во время исследования в северо-западной части Херсонесского городища было раскопано два склепа, в дромосе одного из которых зафиксированы детские погребения в амфорах V — VI вв., а также участок грунтовых погребений, включавший 23 детских амфорных захоронения, который был перекрытый оборонительной стеной, возведенной не позднее третьей четверти IV в. до н.э. [Суоров 1960, л. 1–51; 1961, с. 74–83, рис. 13; с. 90–94, рис. 17–18, с. 96, 102; 1961 а, л. 1–27; 1963, л. 152–182; 1965, с. 126–127, 131–132] (рис. 33). Р.В. Стоянов полагает, что этот участок некро-

Рис. 33. Е.Г. Суоров (1912–1975 гг.).

поля города стал использоваться не позднее конца IV в. до н.э., когда северный берег, где до этого хоронили умерших, начал застраиваться и была возведена новая западная оборонительная линия Херсонеса [Стоянов 2003, с. 174; ср.: Гриневич 1959 а, с. 88] (рис. 3: 10).

В 1963 г. за юго-западной оборонительной линией Херсонеса, на восточном склоне Песочной балки, где планировалось строительство пограничной заставы, Л.Г. Колесниковой и А.Н. Щегловым был открыт участок захоронений конца IV — первой III вв. до н.э. [Щеглов 1975, с. 109–116] (рис. 3: 23), а в 1966–1967 гг. Ю.А. Бабиновым и Л.Г. Колесниковой были исследованы склепы позднеантичного времени, обнаруженные во время строительства в южной части некрополя, на ул. Древней [Колесникова 1967, л. 1–3; Зубар 1978, с. 55] (рис. 3: 27). В 1972–1973 гг. были раскопаны склепы IV — V вв. к юго-западу от башни XVII (Зинона) (рис. 3: 21) и могила на участке некрополя у Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской [Зубар 1978, с. 55] (рис. 3: 1). Вполне возможно, что на периферии некрополя Херсонеса располагался склеп первых веков н.э., открытый С.Г. Рыжовым в 1968 г. при прокладке траншеи по ул. Н. Островской, на значительном удалении от города [Зубарь, Рыжов 1982, с. 113–125] (рис. 3: 26).

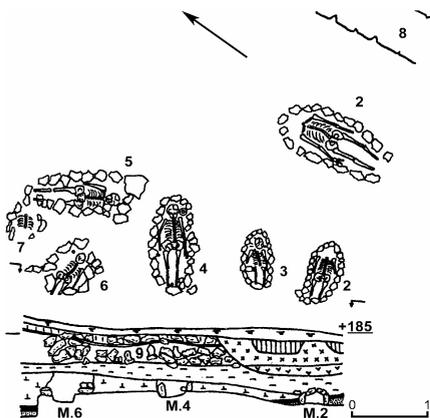

Рис. 34. Участок некрополя к юго-западу от его анфилеммы античного театра по О.А. Махневой, А.Е. Пуздровскому.

Рис. 35. Серебряные фибулы второй половины V — первой половины VI в. н.э. Раскопки В.М. Зубаря в 1975 г.

Наряду с погребениями, зафиксированными за пределами оборонительных стен, в 1964 и 1970 гг. в ходе исследования остатков античного театра было раскопано семь погребений к юго-западу от его анфилеммы [Зедгенидзе, Махнева 1971, с. 248; Зедгенидзе 1976, с. 28–29, рис. 1; 1983, с. 16; Зедгенидзе, Савеля 1981, с. 6–7; Махнева, Пуздровский 1998, с. 74–79; Рогов 1999, с. 127] (рис. 3: 14; 34). Захоронения, открытые в этом районе, наряду с участками некрополя на территории монастырской оранжереи и северного берега, позволили достаточно точно определить первоначальные границы Херсонеса до его роста в западном направлении, который относят ко времени не ранее третьей четверти IV в. до н.э. [Антонова 1990, с. 17–18; Золотарев, Буйских 1994, с. 78–101] (рис. 3: 12, 13, 14).

В 1975 г. за западными оборонительными стенами Херсонеса, на восточном склоне Песочной балки, под руководством автора начал работу Античный отряд Института археологии НАН Украины, задачей которого совместно с Херсонесским заповедником являлось исследование некрополя (рис. 3: 24). В этом году были раскопаны четыре склепа, вырубленные в скале, погребения в которых совершались в позднеантичный и раннесредневековый периоды, а также проведены обмеры склепов и могил на участке некрополя у Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской [Зубарь, Рыжов 1976, с. 327–328; Зубар, Магомедов 1981, с. 71–77; Зубар, Рыжов 1982а, с. 77–87] (рис. 35).

Рис. 36. Мраморная колонна в склепе, вырубленном в скале. Западный некрополь. Раскопки В.М. Зубаря в 1975 г.

Рис. 37. Входное отверстие склепа, закрытое известняковой плитой. Западный некрополь. Раскопки В.М. Зубаря.

В 1981 г. в ходе строительных работ на участке некрополя у Карантинной бухты был обнаружен ограбленный, видимо, еще в древности склеп, в котором захоронения совершались на протяжении II — IV вв. н.э. [Рыжов, Бородинська, Новокрещенова 1987, с. 92–96] (рис. 3: 19). В том же году, после перерыва, Античный отряд Института археологии НАН Украины возобновил работы на Западном некрополе, которые уже без перерывов продолжались до 1988 г. и при-

Рис. 38. Погребальная камера склепа, вырубленного в скале, с нишами-лежанками для захоронений. Раскопки В.М. Зубаря в 1982 г.

обрели систематический, планомерный характер. В 1981–1983 гг. на склоне Песочной балки продолжалось исследование склепов, вырубленных в скале, и велась проверка данных геофизической разведки, зафиксировавшей пустоты в скале (условно — склепы), которая осуществлялась в 1979 г. группой геофизиков под руководством И.А. Антоновой и В.В. Глазунова [Антонова, Глазунов 1979, с. 10–19; Глазунов, Гоц и др. 1981, с. 93–99] (рис. 3: 24; 36).

В результате этой проверки были открыты склепы, захоронения в которых совершались в первые века н.э. и в период раннего средневековья (рис. 37), а также получен значительный материал, характеризующих жизнь и быт населения города в указанные периоды [Зубарь 1983, с. 261–262; 1984, с. 262–263; 1985, с. 278–279; Зубарь, Сорочан 1986, с. 101–129; Зубар, Рижов, Шевченко 1986, с. 58–70; 1987, с. 100–102; Зубарь, Робустова 1988, с. 135–141; Зубарь, Ръжов, Шевченко 1988, с. 148–165; Зубарь, Ивлев, Чепак 1990] (рис. 38). Параллельно с обработкой погребального инвентаря велось изучение и антропологического материала из склепов [Назарова 1986, с. 70–75; 1988, с. 141–143] (рис. 39).

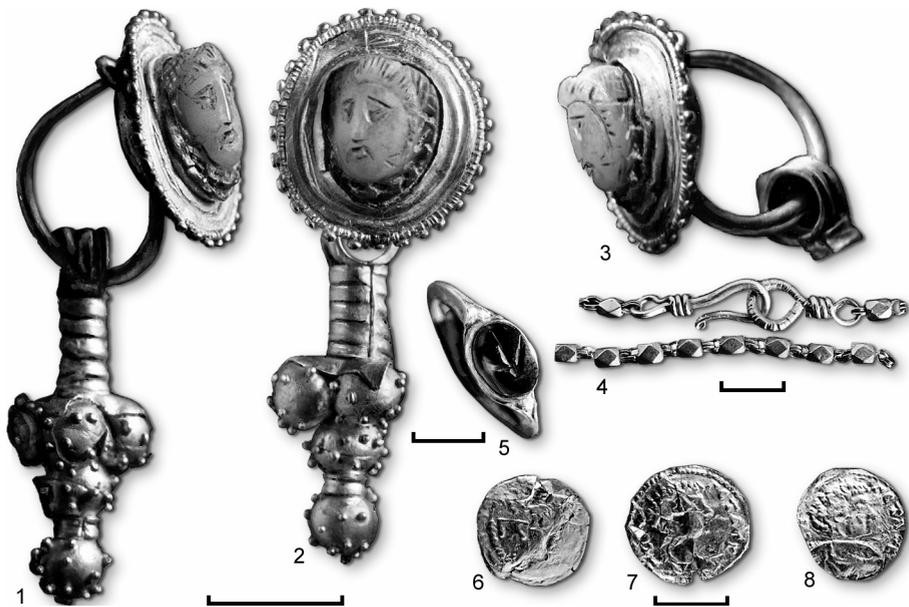

Рис. 39. Украшения из золота из склепа Западного некрополя Херсонеса. Раскопки В.М. Зубаря в 1981 г. 1-3 — золотая серьга с вставкой в виде головы Медузы-Горгоны; 4 — фрагмент ожерелья; 5 — перстень с гагатовой вставкой с изображением колоса; 6-8 — индикации из золотой фольги с монет.

Помимо раскопок склепов, в 1983 г. за западными оборонительными стенами были начаты раскопки участка грунтового некрополя (рис. 40), где были открыты не только склепы, но и могилы, вырубленные в скале, а также захоронения, совершенные по обряду кремации и ингумации в наскальном грунте [Зубарь 1986, с. 236–237; 1987, с. 332–333; 1988, с. 279; Зубарь, Ланцов 1989, с. 34–38; Зубарь,

Липавский, Шевченко 1989; Фарбей 1998, с. 122–129] (рис. 41). Здесь же зафиксирован участок детских захоронений IV — VI вв., которые совершались в амфорах и могилах, сложенных из черепицы и плинфы [Бунятян, Зубарь 1991, с. 228–239] (рис. 42).

Результаты раскопок в 1975, 1981–1988 гг. участка некрополя, расположенного за западными оборонительными стенами, которые проводились с соблюдением современной методики и фиксации, позволили не только получить новые данные об устройстве могил и погребальном инвентаре, но значительно дополнили информацию, имеющуюся в дореволюционных дневниках и отчетах. Материалы этих работ полностью опубликованы, что открывает новые перспективы в использовании данных некрополя для реконструкции жизни и идеологии населения Херсонеса в античную эпоху [Стоянов 2000, с. 127] (рис. 43).

Рис. 40. Участок грунтового некрополя за западными оборонительными стенами. Раскопки В.М. Зубаря в 1983–1988 гг.

Рис. 41. Урны с кремацией в могиле, вырубленной в скале. Западный некрополь. Раскопки В.М. Зубаря.

В 1993 г., в связи с расформированием воинской части, дислоцировавшейся на западном берегу Карантинной бухты, и началом хищнических раскопок на участке некрополя, который исследовался К.К. Косцюшко-Валюжиничем в конце XIX — начале XX вв., Херсонесским заповедником к северо-востоку от Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской и окружавшего его могильника были проведены охранные исследования (рис. 3: 5). В ходе этих работ была осуществлена расчистка и фиксация ранее раскопанных погребальных сооружений, преимущественно могил и склепов, вырубленных в скале, а также получен немногочисленный материал из заполнения могил [Ушаков 1994, с. 247–249].

Рис. 42. Детская могила, сложенная из плинфы. Западный некрополь. Раскопки В.М. Зубаря.

В 1995–1998 и 2001 гг. раскопки к югу от участка грунтового некрополя 1983–1988 гг. за западными оборонительными стенами были продолжены экспедицией Харьковского национального университета, Харьковской государственной академии культуры и Херсонесского заповедника под руководством А.В. Магды и В.А. Дмитриева. Здесь в общей сложности было исследовано 28 грунтовых могил позднеэллинистического времени и первых веков н.э., содержащих труположения и трупосожжения, а также один ограбленный склеп, вырубленный в скале. Помимо этого, было раскопано сооружение, получившее условное название “основание стены”, длиной 34 м, состоявшее из двухлицевой трехслойной кладки с забутовкой [Магда 1995; 1996, 1997; 1998; 2000; 2001; Магда, Дмитриев 1997, с. 159–161] (рис. 3: 25).

В 1998 г. совместной украинско-австрийской экспедицией под руководством В.М. Зубаря и Р. Пиллингер были начаты раскопки двух склепов с раннехристианской росписью, открытые грабителями у бывшего караульного помещения на западном берегу Карантинной бухты, в непосредственной близости от участка некрополя у Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской (рис. 3: 29). В 1999 г. работы по расчистке погребальных камер склепов и фиксации живописи в этих склепах были закончены, а в следующем году опубликован отчет [Зубарь, Пиллингер, Туровский Сон, Русяева, Фарбей 2000, с. 144–154; ср.: Zubar, Pillinger, 2000–2001, р. 123–130] (рис. 44–45).

И, наконец, в 2002 г. грабителями был вскрыт квадратный в плане склеп с двумя нишами-лежанками, вырубленный в скале, который располагался приблизительно в 20 м к северо-востоку от Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской (рис. 3: 30) Сотрудники Национального заповедника “Херсонес Таврический” под руководством Е.Я. Туровского провели предварительный осмотр памятника, его фотофиксацию и осуществили консервацию погребального сооружения.

Стены и свод тщательно оштукатурены. По сырой штукатурке была нанесена полихромная роспись. Свод над первой лежанкой напоминает арку, его граница очерчена толстой красной линией, над которой по всей длине орнамент в виде гирлянды из плюща. Внутри лежанки поверхность стены оштукатурена и имеет роспись: две отдельно расположенные ветки с красными цветками (по три цветка

Рис. 43. Золотая подвеска с изображением Тихе-Фортуны. Западный некрополь. Раскопки В.М. Зубаря.

на каждой) и надписи на греческом языке, заключенную в круг (буквы и круг выполнены краской красного цвета). Перевод надписи, выполненный А.Ю. Виноградовым, звучит так: “Аристон, Господи. Душа твоя с праведными”. Над стеной первой лежанки был вбит железный крюк, скорее всего, для подвешивания светильника.

Свод второй лежанки имеет подпрямоугольную форму со скругленными верхними углами. Стены ее также тщательно оштукатурены и имеют роспись в виде сложной растительной гирлянды и несколько одиночных цветков. Последние особенно примечательны, поскольку имеют по четыре лепестка, передающих, по сути, форму креста. С правой оконечности второй лежанки изображение птицы, скорее всего, голубя с цветком в клюве.

Рис. 44. Стена склепа 1998–1999 гг. с входным отверстием, справа от которого фрагмент раннехристианской росписи. Раскопки В.М. Зубаря, А.М. Фарбея и Р. Пиллингер.

Свод склепа также тщательно оштукатурен и имеет роспись в виде концентрически расположенных кругов и венков. Сначала толстый красный круг, затем толстый венок сине-красного цвета, по-видимому, отражающий сочетание листьев лавра и цветов. Затем тонкое кольцо красного цвета, в которое вписан второй венок. Этот венок как бы поделен на четыре сектора, два из которых состоят, вероятно, из листьев лавра; два — из цветов красного цвета. Завершает композицию, заключенная в венок монограмма Христа [Marchenko, Turovskij 2003, p. 19–20].³

³ Пользуясь случаем, выражаю благодарность Е.Я. Туровскому за любезно предоставленные материалы по этому склепу, которые сейчас готовятся к печати.

На основании результатов многолетних раскопок античного некрополя Херсонеса установлено, что первоначальные границы города достаточно четко фиксируются несколькими участками наиболее ранних погребений, которые были открыты в районе античного театра, на территории бывшей монастырской оранжереи и на северном берегу, за пределами оборонительных сооружений и жилой застройки того времени. Границей между городом и некрополем до второй половины — последней четверти IV в. до н.э. на севера был район у IX поперечной улицы [ср.: Зедгенидзе 1978, с. 75–77; 1979, с. 30–31] (рис. 3: 13).

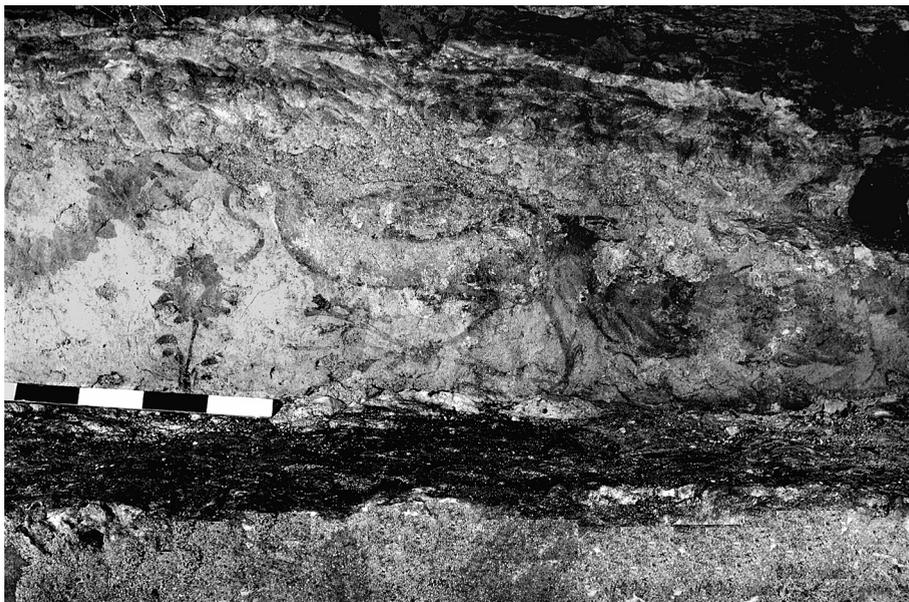

Рис. 45. Задняя стена лежанки склепа 1998–1999 гг. с изображением павлина. Раскопки В.М. Зубаря, А.М. Фарбея и Р. Пиллингер.

Есть основания полагать, что юго-восточная часть Херсонесского городища, где впоследствии располагался Портовый район, первоначально находилась за пределами древнейшего греческого поселения и была занята некрополем [ср.: Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 3]. Об этом в частности свидетельствует наличие могилы под ступенчатым основанием для установки стелы с внутренней стороны городских ворот, которая была исследована К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1899 г. [Косцюшко-Валюжинич 1902, с. 1–3] (рис. 46). Правда, отсутствие под ступенчатым основанием останков умершего позволило рассматривать эту могилу в качестве кенотафа [Стоянов 2002 в, с. 158] (рис. 3: 3). Но вряд ли на этом можно настаивать безоговорочно, так как нельзя исключить, что, в связи с возведением не ранее середины IV в. до н.э. городской оборонительной стены, останки погребенного в этой могиле могли быть перезахоронены в другом месте. В справедливости такого заключения убеждает наличие еще одного погребального сооружения, сложенного из каменных плит, с внутренней стороны 16 куртины неда-

леко от городских ворот, которое также не содержало следов захоронения [Косцюшко-Валюжинич 1901 а, с. 47–52; 1902, с. 1–3; Гриневич 1927 а, с. 23, рис. 9; Жеребцов 1979, с. 34–36; Зедгенидзе, Савеля 1981, с. 5] (рис. 47). Следовательно, ранняя территория Херсонеса с юго-востока, по крайней мере до середины IV в. до н.э., была ограничена краем возвышенности, спускавшимся к Карантинной бухте, которая уже в то время служила гаванью [см.: Золотарев 2004, с. 55–67] (рис. 3).

Рис. 46. Ступенчатое основание для установки стелы с внутренней стороны городских ворот.

После расширения городской территории в западном направлении не позднее в последней четверти — конца IV в. до н.э. [Антонова 1990, с. 13–14; Марченко 1997, с. 64], ранний некрополь был застроен, и хоронить умерших стали за оборонительными стенами города на склонах Песочной и Карантинной балок, у южных оборонительных стен, на западном берегу Карантинной бухты и склонах Девичьей горы [Белов 1948 а, с. 155–156; 1978, с. 45–46; 1981, с. 164–165, 177; рис. 1; Зедгенидзе, Савеля 1981, с. 3–7; Рогов 1999, с. 127; 2000, с. 93; 2002, с. 148–149; Стоянов 2000, с. 129–139; 2003, с. 172–174, рис. 1]. Не позднее второй четверти — середины III в. до н.э., после возведения так называемой цитадели в юго-восточной части Херсонеса [см.: Антонова 1996, с. 120; Зубарь, Антонова 2001, с. 46–50; Антонова, Зубарь 2003, с. 31–39; Зубарь 2004 в, с. 73–79], прекратил функционировать участок могильника, располагавшийся до этого времени на ее месте [Зубарь 2001–2002, с. 30], который, вероятно, территориально являлся продолжением некрополя, зафиксированного у городских ворот (рис. 3: 3).

Некрополь первых веков н.э. начинался за оборонительными стенами и не только совпадал с более ранними участками, но и значительно превосходил по площади могильник предшествующего периода. Достаточно компактный участок некрополя первых веков и раннесредневекового периода располагался там, где в VI в. был построен Загородный храм монастыря Богородицы Влахернской (рис. 3: 1). Вероятно, некрополь занимал и восточный берег Карантинной бухты, но раскопки здесь проводились эпизодически и данные об их результатах очень фрагментарны (рис. 3: 16, 17). Ряд погребений зафиксирован на значительном удалении от Херсонеса, на месте современной улицы Н. Островской и на так называемой Рудольфовой горе, где теперь построен строительный техникум [Зубар 1978, с. 55–56, рис. 2] (рис. 3: 28).

Естественно, что античный некрополь в археологическом отношении исследован еще далеко не полностью, а часть его погребений погибла в результате активного военного и гражданского строительства в окрестностях Херсонеса в XX в. Но все же в ходе его раскопок в целом определены его границы и в общих чертах выяснена историческая топография. Хотя не исключено, что новые раскопки могут внести определенные коррективы или дополнить то, что известно сегодня. Причем наиболее перспективными для дальнейших раскопок, видимо, являются восточный склон Песочной балки и район на западном берегу Карантинной бухты, с востока от Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской. Не исключено, что погребения IV в. до н.э. могут быть открыты при раскопках западного района городища, под остатками жилых кварталов.

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в настоящее время для изучения материалов античного некрополя Херсонеса на качественно новом уровне назрела настоятельная необходимость вернуться к анализу архивных материалов и коллекций из дореволюционных раскопок и провести их ревизию на основе долгосрочной научной программы. Это позволит шире, чем делалось ранее, наряду с новыми материалами, использовать их для изучения истории и культуры Херсонеса. Ведь, если после 1917 г. исследовано несколько сот погребений, то до этого было раскопано более 4,5 тысяч погребальных сооружений, содержавших десятки тысяч захоронений, а это огромная источниковая база, которая пока еще не в полной мере введена в научный оборот и еще ждет своих исследователей. Если это будет сделано в недалеком будущем, то возможности изучения истории и культуры античного Херсонеса значительно расширятся.

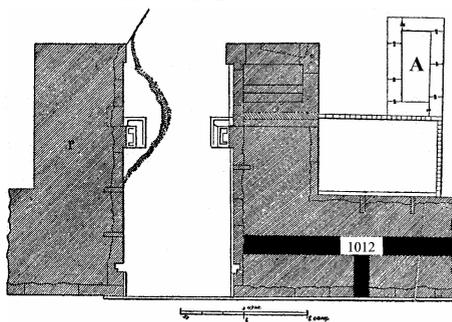

Рис. 47. Схематический план ворот Херсонеса в юго-восточной части городища по К.К. Косцюшко-Валюжиничу. А — погребальная конструкция, сложенная из каменных плит.

Литература

- Антонова И.А.* Рост территории Херсонеса (по данным оборонительных стен) // Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990. С. 8–25.
- Антонова И.А.* Юго-восточный участок обороны Херсонеса. Проблемы датировки // Хсб. 1996. 7. С. 101–137.
- Антонова И.А., К.К. Косцюшко-Валюжинич* — основатель Херсонесского музея // Nomos. 1999/2000. 28/29. С. 29–40.
- Антонова И.А. Рижов С.Г.* Оборонный рів та могильник поблизу першої куртини стін Херсонеса // АДУ в 1969 р. К., 1972. С. 261–264.
- Антонова И.А., Глазунов В.В.* Геолого-геофизическое исследование на некрополе Херсонеса // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М., 1979. С. 10–19.
- Антонова И.А., Зубарь В.М.* Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса // Хсб. 2003. Вып. 12. С. 31–68.
- Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь. 1938. 351 с.
- Белов Г.Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948. 147 с.
- Белов Г.Д.* Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи // ВДИ. 1948 а. № 1. С. 155–163.
- Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1949 г. // Архив НЗХТ. 1949. Д. 622. 68 л.
- Белов Г.Д.* Западная оборонительная стена и некрополь возле нее // МИА. 1953. 34. С. 237–254.
- Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1965 г. // Архив НЗХТ. 1965. Д. 858. 29 л.
- Белов Г.Д.* Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // Археологический сборник. 1978. Вып. 19. С. 45–66.
- Белов Г.Д.* Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. 1981. № 3. С. 163–180.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л.* Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. 1953. Т. 34. С. 32–105.
- Белов Г.Д., Якобсон А.Л.* Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // МИА. 1953. Т. 34. С. 109–159.
- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л.* Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947–1948 гг.) // МИА. 1953 а. Т. 34. С. 160–236.
- Бертъе-Делагард А.Л.* Раскопки в Херсонесе // МАР. 1893. № 12. 64 с.
- Бертъе-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 1–207.
- Борисова В.В.* Отчет о раскопках гончарных мастерских III — II вв. до н.э. и некрополя в 1956 г. Архив НЗХТ. 1956. Д. 730. 25 л.
- Борисова В.В.* Склеп I — III в. н.э. Херсонесского некрополя // СА. 1985. № 1. С. 186–201.

- Бунятян Е.П., Зубарь В.М.* Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса // СА. 1991. № 4. С. 228–239.
- Гилевич А.М.* Могила с двумя подбоями // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 51–56.
- Глазунов В.В., Гоц И.А. и др.* Методика поиска склепов Херсонесского некрополя с помощью сейсморазведки // Региональная геология некоторых районов СССР. М., 1981. Вып. 5. С. 93–99.
- Граб В.И., Супруненко О.Б.* Археолог Александр Тахтай. Полтава, 1991. 86 с.
- Гриневич К.Э.* Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927 гг.). Севастополь, 1927. 55 с.
- Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического. Часть 3 // Хсб. 1959 а. 5. С. 75–114.
- Даниленко В.Н.* Позднеантичное погребение // СХМ. 1961. Вып. 2. С. 57–62.
- Домбровский О.И.* Архитектурно-археологическое исследование Загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. 3. С. 289–320.
- Жеребцов Е.Н.* Новое о херсонесском склепе 1012 // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 34–37.
- Зедгенидзе А.А.* Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 28–34.
- Зедгенидзе А.А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 69–78.
- Зедгенидзе А.А.* О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 26–34.
- Зедгенидзе А.А.* Херсонес в классический период. Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1983. 26 с.
- Зедгенидзе А.А., Махнева О.А.* Раскопки у античного театра в Херсонесе // АО за 1970 г. М., 1971. С. 247–249.
- Зедгенидзе А.А., Савеля О.Я.* Некрополь Херсонеса V — IV вв. до н.э. // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 3–9.
- Золотарев М.И.* Портовые сооружения Херсонеса Таврического в Карантинной бухте // Хсб. 2004. Т. 13. С. 55–67.
- Золотарев М.И., Буйских С.Б.* Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. № 3. С. 78–101.
- Зубар В.М.* Історія розкопок і топографія античного некрополя Херсонеса // Археологія. 1978. Вип. 25. С. 50–59.
- Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. К., 1982. 144 с.
- Зубарь В.М.* Раскопки западного некрополя Херсонеса // АО за 1981 г. М., 1983. С. 261–262.
- Зубарь В.М.* Раскопки Западного некрополя Херсонеса // АО за 1982 г. М., 1984. С. 262–263.

- Зубарь В.М.* Исследование Западного некрополя Херсонеса // АО за 1983 г. М., 1985. С. 278–279.
- Зубарь В.М.* Раскопки Западного некрополя Херсонеса // АО за 1984 г. М., 1986. С. 236–237.
- Зубарь В.М.* Раскопки Западного некрополя Херсонеса // АО за 1985 г. М., 1987. С. 332–333.
- Зубарь В.М.* Исследования Западного некрополя Херсонеса // АО за 1986 г. М., 1988. С. 279.
- Зубарь В.М.* Римское военное присутствие в Таврике // *Stratum plus*. 2001–2002. № 4. С. 8–179.
- Зубарь В.М.* Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. К., 2004 а. 312 с.
- Зубарь В.М., Рыжов С.Г.* Раскопки некрополя Херсонеса // АО за 1975 г. М., 1976. С. 327–328.
- Зубарь В.М., Костромічова Т.І.* Склеп № 20 з некрополя Херсонеса *Археологія*. 1978. Вип. 27. С. 58–61.
- Зубарь В.М., Магомедов Б.В.* Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // *Археологія*. 1981. Вип. 36. С. 71–77.
- Зубарь В.М., Рыжов С.Г.* О датировке нового погребального комплекса из некрополя Херсонеса // *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев, 1982. С. 113–125.
- Зубарь В.М., Рыжов С.Г.* Розкопки Західного некрополя Херсонеса // *Археологія*. 1982 а. Вип. 39. С. 77–87.
- Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В.* Дослідження склепів пізньоантичного часу із Херсонеса в 1981 р. // *Археологія*. 1986. Вип. 54. С. 58–70.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б.* Новый погребальный комплекс II — IV вв. и экономическое развитие Херсонеса // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э.* К., 1986. С. 101–129.
- Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В.* Охоронні розкопки Західного некрополя Херсонеса // *Археологія*. 1987. Вип. 58. С. 100–102.
- Зубарь В.М., Робустова А.В.* Два новых раннесредневековых склепа Западного некрополя Херсонеса // *Вопросы социального и политического развития*. АДСВ. Свердловск, 1988. С. 135–141.
- Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В.* Новый погребальный комплекс Западного некрополя Херсонеса // *Античные древности Северного Причерноморья*. Киев, 1988. С. 148–165.
- Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А.* Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983–1985 гг.). Погребальные сооружения и обряд. Препринт. К., 1989. Часть 1. 48 с.; Часть 2. 48 с.; Часть 3. 44 с.
- Зубарь В.М., Ланцов С.Б.* Новый участок эллинистического некрополя Херсонеса // *КСИА*. 1989. Вып. 191. С. 34–38.

- Зубарь В.М., Ивлев С.М., Чепак В.Н.* Западный некрополь Херсонеса Таврического (раскопки 1982 г.). Препринт. Киев, 1990. 44 с.
- Зубарь В.М., Пиллингер Р., Туровский Е.Я., Сон Н.А., Русяева М.В., Фарбей А.М.* Отчет о раскопках склепов с полихромной росписью на территории некрополя Херсонеса в 1998–1999 гг.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III — первая половина VI вв.). Киев, 2000. С. 144–154.
- Зубарь В.М., Антонова И.А.* О времени и обстоятельствах возникновения так называемой цитадели Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 45–53.
- Кадеев В.И.* Отчет об археологических исследованиях отряда ХГУ Херсонесской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1963 г. // Архив НЗХТ. 1963. Д. 836 (1). 20 л.
- Карейша Д.В.* Об археологических раскопках близ древних Пантикапеи, Фанагории и Херсонеса (1845–1846 гг.) // ЖМВД. 1846. Ч. 16. № 11. С. 248–310.
- Карейша Д.В.* Археологические исследования вокруг Керчи, Севастополя и на Таманском полуострове // ЖМВД. 1848. Ч. 21. № 3. С. 425–450.
- Колесникова Л.Г.* Отчет о раскопках участков Херсонесского некрополя в 1960–1962 гг. // Архив НЗХТ. 1960–1962. Д. 816. 25 л.
- Колесникова Л.Г.* Отчет о раскопках склепа № 2 на Северном склоне Девичьей горы (ул. Древняя) в 1967 г. // Архив НЗХТ. 1967. Д. 1297. 3 л.
- Косцюшко-Валюжинич Д.Н.* Некрополь у крестовидного храма в Херсонесе // ИТУАК. 1912. № 47. С. 124–134.
- Косцюшко-Валюжинич Д.Н.* Склеп в Херсонесе // ИТУАК. 1912 а. № 48. С. 231–233.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Перечень древностей, найденных в 19-ти гробницах, открытых в 1890 г. В Херсонесе на косогоре, вдоль дороги из Севастополя в монастырь // ОАК за 1890 г. СПб., 1893. С. 129–130.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1890 г. СПб., 1893 а. С. 30–40.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Гробницы, урны и катакомбы, открытые в 1891 г. В Херсонесе, на косогоре у южной городской стены // ОАК за 1891 г. СПб., 1893 а. С. 137–150, рис. 139–190.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Перечень древностей, найденных в 1892 г. в могильнике у южной оборонительной стены Херсонеса // ОАК за 1892 г. СПб., 1894. С. 101–119, рис. 58–74.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 г. // ОАК за 1893 г. СПб., 1895. С. 59–73.

- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1895 г. // Архив НЭХТ. 1895 а. Д. 4. 17 л.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1894 г. // ОАК за 1894 г. СПб., 1896. С. 60–75.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1895 г. // ОАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 255–289.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1896 г. // ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 544–576.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1897 г. // ОАК за 1897 г. СПб., 1900. С. 225–253.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1898 г. // ОАК за 1898 г. СПб., 1901. С. 119–122.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1899 г. // ИАК. 1901 а. Вып. 1. С. 3–24.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1900 г. // ИАК. 1902. Вып. 2. С. 1–3, 10–18.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. 1902 а. Вып. 4. С. 53–56. С. 96–114.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. 1904. Вып. 9. С. 1–31.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г. // ИАК. 1905. Вып. 16. С. 87–107, рис. 44–48.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. 1905 а. Вып. 16. С. 111–113.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г. // ИАК. 1906. Вып. 20. С. 59–93.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Второе дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. 1906 а. Вып. 20. С. 96–100.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 67–128.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 г. СПб., 1908. С. 38–57.
- Косцюшко-Валюжинич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 г. // ИАК. 1909. Вып. 33. С. 50–65.
- Косцюшко-Валюжинич К.К., Скубетов М.И.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 г. // ИАК. 1911. Вып. 42. С. 1–89.
- Латышев В.В.* Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1895 г. // ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 259–267.
- Латышев В.В.* Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1897 г. // ПОНТИКА. СПб., 1909 а. С. 268–278.
- Лепер Р.Х.* Карточный каталог некрополя 1911 г. // Архив НЭХТ. 1911. Д. 78. 102 л.

- Лепер Р.Х.* Раскопки некрополя у Карантинной бухты в 1911 г. // Архив НЗХТ. 1911 а. Д. № 79. 14 л.
- Лепер Р.Х.* Сводный дневник 1911 г. // Архив НЗХТ. 1911 б. Д, № 85. 43 л.
- Лепер Р.Х.* Карточный каталог некрополя 1911 г. // Архив НЗХТ. 1911 в. Д. № 111. 6 л.
- Лепер Р.Х.* Материалы к изучению некрополя в 1911 г. // Архив НЗХТ. 1911 г. Д. № 119. 6 л.
- Лепер Р.Х.* Дневник раскопок Херсонеса в 1912 г. // Архив НЗХЗ. 1912. Д. № 87. 50 л.
- Лепер Р.Х.* Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1908 г. СПб., 1912 а. С. 93–108.
- Лепер Р.Х.* Раскопки некрополя между шоссе и Карантинной бухтой, выше караульного помещения // Архив НЗХТ. 1913. Д. № 89. 10 л.
- Лепер Р.Х.* Раскопки 1913–1914 гг. Обследование склепов на скале между дорогой и Карантинной бухтой // Архив НЗХТ. 1913 а. Д. № 89 а. 82 л.
- Лепер Р.Х.* Дневник раскопок некрополя в 1913 г. Обследование склепов на скале между дорогой и Карантинной бухтой // Архив НЗХТ. 1913 б. Д. № 194. 14 л.
- Лепер Р.Х.* Раскопки некрополя за западной оборонительной стеной // Архив НЗХТ. 1914. Д. № 94. 14 л.
- Лепер Р.Х.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908–1910 гг. // Хсб. 1927. Вып. 2. С. 189–256.
- Лисин В.* Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. // ВДИ. 1939. № 2. С. 135–140.
- Магда А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1995 г. // Архив НЗХТ. 1995. Д. № 3267/І-ІІ. 67 л.
- Магда А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1996 г. // Архив НЗХТ. 1996. Д. № 3310, 3311. 67 л.
- Магда А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1997 г. // Архив НЗХТ. 1997. Д. № 3343. 46 л.
- Магда А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1998 г. // Архив НЗХТ. 1998. Д. № 3408. 23 л.
- Магда А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 2000 г. // Архив НЗХТ. Д. № 3495. 33 л.
- Магда А.В.* Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса Таврического в 2001 г. // Архив НЗХТ. 2001. Д. № 3543. 42 л.
- Магда А.В., Дмитриев В.А.* Итоги охранных раскопок Западного некрополя Херсонеса Таврического в 1995 г. // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 159–161.
- Марченко Л.В.* Топография и планировка Херсонесского городища // Хсб. 1997. Вып. 8. С. 62–67.

- Махнева О.А., Пуздровский А.Е.* Погребения IV в. до н.э. на участке раскопок античного театра в Херсонесе // *Хсб.* 1998. Вып. 9. С. 74–79.
- Моисеев Л.А.* Раскопки в Херсонесе // *ОАК* за 1913–1915 г. Пгр., 1919. С. 51–72.
- Назарова Т.О.* Краниологічні матеріали із склепів некрополя Херсонеса // *Археологія.* 1986. Вип. 54. С. 70–75.
- Назарова Т.А.* Антропологические материалы из раскопок Херсонесского некрополя // *Вопросы социального и политического развития.* АДСВ. Свердловск, 1988. С. 141–143.
- Николаенко Г.М.* Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV — III вв. до н.э. Севастополь, 1999. Часть 1. 83 с.
- Печенкин Н.М.* “Шверинский” курган // *ИТУАК.* 1914. Вып. 51. Симферополь, 1914. С. 187–193.
- План некрополя у Карантинной бухты // *Архив НЗХТ.* Д. № 552. Папка 26 а. 1 л.
- Пятьшева Н.В.* Скифы и Херсонес // *ИАДК.* Киев, 1957. С. 249–263.
- Репников Н.И.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. // *Хсб.* 1927. Т. 2. С. 149–182.
- Рогов Е.Я.* Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // *Stratum plus.* 1999. № 3. С. 116–144.
- Рогов Е.Я.* Столетие открытия подстенного склепа № 1012 в Херсонесе // *Stratum plus.* 2000. № 3. С. 88–97.
- Рогов Е.Я.* Херсонес и варвары Юго-Западного Крыма в IV в. до н.э. // *Античный мир и археология.* 2002. Вып. 11. С. 140–153.
- Романчук А.И.* К.К. Косцюко-Валюжиніч (1847–1907 р.) // *Археологія.* 1991. № 2. С. 111–121.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. 537 с. 112 табл.
- Рижов С.Г., Бородинська Т.Г., Новокрещенова О.А.* Охоронні розкопки Херсонесского некрополя в 1981 р. // *Археологія.* 1987. Вип. 59. С. 92–96.
- Скубетов М.И.* Римские фамильный склеп II — IV Р. Хр., открытый в Херсонесе в 1907 г. // *ИТУАК.* 1911. 45. С. 38–49.
- Скубетов М.И.* Раскопки Херсонесского некрополя в 1907 г. // *ИТУАК.* 1918. № 54. С. 289–298.
- Скубетов М.И., Репников Н.И.* Раскопки в Херсонесе (в 1908 г.) // *ОАК* за 1908 г. СПб., 1912. С. 93–108.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2001. 828 с.
- Стоянов Р.В.* Некрополь Херсонеса классического и эллинистического периодов: история изучения, проблематика // *Stratum plus.* 2000. № 3. С. 129–139.

- Стоянов Р.В.* Две плитовые погребальные конструкции в Херсонесе Таврическом // Северное Причерноморье в античное время. К., 2002 в. С. 156–161.
- Стоянов Р.В.* Некоторые аспекты хронологии и районирования херсонесского некрополя классического и эллинистического периодов // Хсб. 2003. 12. С. 165–186.
- Стоянов Р.В.* Новые материалы участка некрополя II в. до н.э. в юго-восточной части Херсонеса Таврического // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 240–246.
- Стржелецкий С.Ф.* Херсонес. Северный берег. Некрополь. Чистовой план раскопок некрополя в 1937 г. // Архив НЗХТ. 1937. № 564. Папка 27, л. 1.
- Стржелецкий С.Ф.* Раскопки таврского некрополя Херсонеса // Хсб. 1948. 4. С. 68–95.
- Суров Е.Г.* Отчет о раскопках в 1960 г. // Архив НЗХТ. 1960. Д. № 2046. 51 л.
- Суров Е.Г.* Херсонес Таврический. Свердловск, 1961. 156 с.
- Суров Е.Г.* Отчёт, полевая опись и полевые дневники раскопок Херсонесской экспедиции Уральского государственного университета в 1961 г. в северо-западной части Херсонеса // Архив НЗХТ. 1961 а. Д. №№ 790–792. 27 л.
- Суров Е.Г.* Отчёт о раскопках в северо-западном районе Херсонесского городища // Архив НЗХТ. 1963. Д № 1138. С. 152–182.
- Суров Е.Г.* К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. 1965. Вып.3. С. 117–145.
- Тахтай А.К.* Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 г. // Хсб. 1948. 4. С. 19–43.
- Тахтай А.К.* Археологические открытия в Херсонесе в 1942–1944 гг. // КСИИМК. 1947. Вып. 14. С. 123–125.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX вв.). СПб., 2002. 676 с.
- Уваров А.С.* Несколько слов об археологических разысканиях в окрестностях Симферополя и Севастополя // Пропилеи. 1854. Вып. 4. С. 525-562.
- Уваров А.С.* Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855. 191 с. , 3 табл.
- Ушаков С.В.* Исследование некрополя Херсонеса у Карантинной бухты // АИК 1993 г. Симферополь, 1994. С. 247–249.
- Фарбей О.М.* Поховальний комплекс ранньосередньовічного часу і деякі питання з історії Херсонеса Таврійського в IV — VI ст. // Археологія. 1998. № 3. С. 122–129.

- Федоров Н.З.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1913 г. // Архив НЗХТ. 1913. д. № 88. 12 л.
- Федоров Н.З.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1914 г. // Архив НЗХТ, 1914. д. № 97. 41 л.
- Херсонес. Некрополь. Черновые планы погребений // Архив НЗХТ. № 525. Папка 26 и 26 а.
- Щеглов А.Н.* Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 109–116.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. Т. 63.
- Янышев Н.М.* План Херсонеса с показанием участков, раскопанных в 1827–1915 г.г. // Архив НЗХТ. 1932. Д. № 173. 2 папки.
- Янышев Н.М.* План Херсонеса с показанием участков, раскопанных в 1925–1937 гг. // Архив НЗХТ. 1932 а. Д. № 172. 2 папки.
- Янышев Н.М.* План некрополя Херсонеса Таврического // Архив НЗХТ. 1933. Д. № 520. 12 л.
- Marchenko L.V., Turovskij E.J.* A New Early Christian Crypt in the Outskirts of Chersonesse Tauric // International Conference: The Cult of Martyrs and Relics and its Architecture in East and West (3d — 7th c. AD). Varna, 2003. P. 19–20.
- Ryzhow S.* Excavation on Insula XXXVI at Chersonesos // The Study of ancient Territories. Chersonesos and Metaponto. 2003. Field Report. Austin, 2003. P. 43–49.
- Zubar V.M., Pillinger R.* New Tombs with Early Christian Murals from the Necropolis of Tauric Chersonesus (Preliminary Note) // TALANTA. 2000–2001. 32–33. P. 123–130.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВУ	Археологічні відкриття в Україні
АДСВ	Античная древность и средние века
АДУ	Археологічні дослідження на Україні
АЗР	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АИК	Археологические исследования в Крыму
АЛЛУ	Археологічний літопис Лівобережної України
АО	Археологические открытия
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЮЗР	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
БИАС	Бахчисарайский историко-археологический сборник
ВВ	Византийский временник
ВДИ	Вестник древней истории
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
ВЛУ	Вестник Ленинградского Университета
ВНК	Всероссийская нумизматическая конференция
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ДБ	Древности Боспора.
ДРВ	Древняя Российская вивлиофика
ДТС	Древнетюркский словарь
ЖМВД	Журнал Министерства внутренних дел
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАН	Записки Российской АН
ИА НАНУ	Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАДК	История и археология древнего Крыма
ИАИ	Известия на Археологически Институт, София
ИАК	Известия Императорской археологической комиссии
ИВАМ	Известия на Ваненски археологически музей
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИГМР НАНУ	Институт геологии, минералогии и рудообразования Национальной академии наук Украины
ИРАИК	Известия Русского Археологического Института в Константинополе
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
ИТОИАЭ	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	Известия таврической ученой археологической комиссии
КБН	Корпус боспорских надписей.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КФ ИА НАНУ	Крымский Филиал Института археологии НАН Украины
МАИЭТ	Материалы по истории, этнографии и археологии Таврии
МАР	Материалы по археологии России
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ	Научный архив Института археологии НАН Украины
НА НЗХТ	Научный архив Национального заповедника “Херсонес Таврический”.
НАРБ	Национальный архив республики Беларусь
НЗХТ	Национальный заповедник “Херсонес Таврический”
НИИПОИ	Научно-исследовательский институт памятников-охранных исследований Министерства культуры и искусств Украины
МКИ	
НіФ	Нумізматика і фалеристика
НС	Нумизматика и сфрагистика
НС МНО	Нумизматический сборник московского нумизматического общества.
НЭ	Нумизматика и эпиграфика.
ОАК	Отчеты Императорской археологической комиссии
РА	Российская археология
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ ОР	Российская Государственная Библиотека. Отдел рукописей
РИБ	Российская историческая библиотека
РКА	Российская Католическая Энциклопедия
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
Сб. РИО	Сборник Императорского Русского Исторического Общества
СВ	Средние века
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа
СИГТЯЛ	Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика
СПб.ИИР	Санкт-Петербургский Иститут истории России
ССПК	Старожитності Степового Причорномор'я і Криму
СХМ	Сообщения Херсонесского музея
ТА	Татарская археология
ТМАО	Труды Московского Археологического общества
ТОДРЛ	Труды отдела древнерусской литературы
Труды ГИМ	Труды Государственного исторического музея
УІЖ	Український історичний журнал
ХГИАЗ	Херсонесский государственный историко-археологический заповедник
Хсб	Херсонесский сборник
ХЧ	Христианское чтение
AntTard	Antiquit Tardive
ASG AS DCJ	Archivio Segreto, Diversorum Communis Janue, reg. 508, anno
ASG MB	Archivio di Stato di Genova, Manoscritti della biblioteca

ASLSP	Atti della Società Ligure di storia patria
AAH	Acta Archaeologica Hungaricae
BAH	Bibliothèque Archéologique et Historique
BCH	Bulletin de Correspondance Hellénique
Byz	Byzantion
BZ	Byzantinische Zeitschrift
CIAC	Congrès international d'Archéologie Chrétienne/Congresso Internazionale di Archeologia Criatiana/Congressus internationalis archaeologiae christianae.
Corsi	Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina
DBI	Dizionario biografico degli italiani
DOP	Dumbarton Oaks Papers
EphS	Ελληνικός Φιλολογικός Σύλλογος Κωνσταντινπόλεως
IOSPE, I	Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
JbAC	Jahrbuch für Antike und Christentum
JHS	Journal of Hellenic Studies
LA	Liber Annuus
LThK	Lexikon für Theologie und Kirche
MiChA	Mitteilungen zur Christlichen Archäologie
ÖAW PHK	Österreichische Akademie der Wissenschaft. Philosophische-Historische Klasse
OCP	Orientalia Christiana Periodica
ODB	The Oxford Dictionary of Byzantium
PG	Patrologiae cursus completus. Series graeca, accurente J.P. Migne. Patrologiae graeca
QM	Quaderni medievali
RAC	Reallexikon für Antike und Christentum
RBK	Reallexikon zur Byzantinische Kunst
REB	Revue des Études Byzantines
RN	Revue Numismatique
SBS	Studies in Byzantine Sigillography
SV	Studi veneziani
TM	Travaux et Mémoires
AB	Analecta Bollandiana

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Куковальская Н.М.</i> Страницы истории. Вступительное слово.....	3

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Алексеевко Н.А.</i> Должность ЕК PROSOPOU Херсона в структуре византийской администрации Таврики	7
<i>Бобровский Т.А., Чуева Е.Е.</i> К вопросу о характере пещерных комплексов Инкерманской долины в юго-западном Крыму	12
<i>Булгаков В.В.</i> Византийские желобчатогорлые амфоры X–XI вв.	25
<i>Виноградов А.Ю., Комар А.В.</i> Институт тудуна и хазары в юго-западном Крыму VIII — начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики	38
<i>Ельников М.В.</i> Экономические и культурные связи населения Нижнего Поднепровья и Крыма в золотоордынский период	57
<i>Жарких Н.И., Панченко М.В., Фарбей А.М.</i> Иерархические базы данных для комплексных памятников истории и культуры (на примере музея “Судакская крепость”)	66
<i>Зубарь В.М.</i> О культе Геракла в системе религиозного мировоззрения населения Херсонесского государства	70
<i>Ивакин Г.Ю., Балакин С.А.</i> Погребения в шиферных саркофагах Успенского собора Киево-Печерской лавры	88
<i>Кабанец Е.П.</i> К вопросу о роли Тмутараканской епархии в церковной истории Древней Руси конца XI вв.....	105
<i>Климанов Л.Г.</i> От Венеции до Ханбалыка: следы Марко Поло на шелковом пути	131
<i>Климовский С.И.</i> Вещевые клады XII — XIII веков как индикатор денежного обращения южной Руси	145
<i>Козубовский Г.А.</i> О времени появления кафинских надчеканок на джучидских монетах.....	155
<i>Комар А.В.</i> Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII в.	160
<i>Майко В.В.</i> Плитовые некрополи средневековой Сугдеи VIII–XV вв.	189
<i>Марголіна І.Є.</i> Печать Феофано Музалон у контексті ктиторської композиції Києво-Кирилівської церкви	217
<i>Мельников О.Н.</i> Эволюция монетной системы Боспора греко-римской стадии (16 г. до н.э. — 14 г. н.э.).....	222
<i>Могаричев Ю.М.</i> О некоторых вопросах истории восточного Крыма VIII – IX вв.....	237
<i>Моця О.П., Готун І.А., Петраускас А.В.</i> Південний вектор зв’язків — один із показників неординарності селища Автуничі.....	248
<i>Нефедов К.Ю.</i> Боспор и Антигониды в эпоху раннего эллинизма	256
<i>Никитенко М.М.</i> Символично-функциональная роль надвратных храмов древнего Киева	265

<i>Никитенко Н.Н.</i> Образ св. анахорета Онуфрия Великого в иконографической программе Софии Киевской.....	276
<i>Осауленко Є.М.</i> Фрески церкви “Успіння” на Ескі-Кермені — пам’ятка монументального живопису Кримської Готії першої половини XIV ст.	285
<i>Робов М.</i> Килифаревский монастырь Феодосия Тырновского — исихастский и книжный центр середины XIV века (проблема его локализации и устройства).....	315
<i>Сорочан С.Б.</i> О храме св. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу Византийского Херсона	328
<i>Ульяновський В.І.</i> Київський воевода в Криму: “змова князів” і трагедія Києва 1482 р.	357
<i>Фарбей О.М.</i> Іудаїзм на тлі релігійної ситуації у південно-східній Тавриці VIII — X ст.	374
<i>Хрушкова Л.Г.</i> О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище.....	393
<i>Шабашов А.В., Шабашова М.Н.</i> Этимология ойконима “Судак” (к постановке проблемы).....	421

ИСТОЧНИКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ (публикации)

<i>Виноградов А.Ю.</i> “Разряд” И “Часть”. как нам обустроить Феодоро?.....	431
<i>Демьянчук С.Г., Николаенко Г.М., Олтаржевский Г.А., Петроковский А.И.</i> Монетные находки из античного поселения на западном берегу Казачьей бухты	438
<i>Дорошко В.В.</i> Новые находки римского военного снаряжения с территории южного Крыма	447
<i>Климанов Л.Г.</i> Крымские памятники средневековой гетуэзской лапидарной эпиграфики: возможности источника.....	454
<i>Кравченко Э.А.</i> Материалы эпохи раннего железа из поселения Уч-Баш в юго-западном Крыму	485
<i>Майко В.В.</i> Монета Рязанского княжества в Крыму.....	496
<i>Нессель В.А.</i> Светильники из раскопок храма Юпитера Долихена и военного поста на высоте Казацкой	506
<i>Николаенко М.Ю.</i> Дипольное электрическое зондирование древнего строительного сооружения на хоре Херсонеса.....	517
<i>Опимах О.Г.</i> Коллекция гетуэзско-татарских аспров в собрании национального заповедника “София Киевская”	524
<i>Саенко В.М.</i> Скіфська вуздечна бляха з Лелихової Балки на нижньому Дніпрі	529
<i>Степанова Е.В.</i> Печати из Судака (к вопросу об интерпретации)	537
<i>Тур В.Г.</i> Археологические исследования Судакской крепости.....	546
<i>Ушаков С.В., Филиппенко А.А.</i> Могильник Карши-Баир в юго-западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла)	555
<i>Четвериков И.А., Кишлярук В.М.</i> Результаты изучения органического материала из заполнения курильниц курганного могильника у с. Глиное на нижнем Днестре.....	565

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

<i>Андрес А.А.</i> Международное законодательство и нормативные документы в охране культурного наследия.....	579
<i>Кожан Е.А., Рыбин В.Ф., Назарчук А.А., Галисеева М.П.</i> Основные причины негативного влияния деятельности человека на сохранность памятников архитектуры	587
<i>Матвеев И.В., Кравченко В.И., Молочкова Н.Н., Анкянец Н.Ю. Червинский А.Я.</i> Мониторинг напряженно-деформированного состояния собора “Софии Киевской”	596
<i>Рибін В.Ф., Кожан Є.А., Назарчук О.А., Джепо С.П.</i> Научный мониторинг технического stanu пам’яток архітектури — основа їх збереження	602
<i>Самойленко О.Г., Галисеева М.П.</i> Роль и специфика деятельности национальных заповедников как особого типа учреждений культуры в сохранении культурного и природного наследия Украины	605

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Кужовальская Н.М.</i> Храм с аркадой в Судакe (современное состояние дискуссии о памятнике)	610
<i>Домбровский О.И.</i> Средневековое купольное здание Судакской крепости	612
<i>Фронджуло М.А.</i> Раскопки “Храма с аркадой” Судакской крепости (1969 — 1975 гг.)	621
<i>Баранов И.А.</i> Зальное купольное здание Судакской крепости.....	632
<i>Джанов А.В.</i> “Храм с аркадой” в Судакe.....	654
<i>Зубарь В.М.</i> История и методика раскопок античного некрополя Херсонеса Таврического	670
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	708

Наукове видання

СУГДЕЙСЬКИЙ ЗБІРНИК

Вип. II

російською мовою

Верстка, художнє оформлення, макет – *М.В. Панченко*
Літературне редагування, коректура – *М.І. Жарких, В.В. Майко*
Художник – *О.Ю. Корніч*

Видавничий дім "Академперіодика" НАН України
01004, Київ-4, вул. Терещенківська, 4
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта видавничої
справи серії ДК № 544 від 27.07.2001 р.

Друкарня видавничого дому "Академперіодика" НАН України
01004, Київ-4, вул. Терещенківська, 4